МАО ЦЗЭДУН

Александр Панцов

ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Впервые на книжном рынке России появилось самое полное и объективное издание, написанное о Мао Цзэдуне. Взяв за основу архивы китайской компартии, КПСС и международного коммунистического движения, известный китаевед, доктор исторических наук, профессор Александр Панцов так живо выстраивает картину повествования, что создается иллюзия полного присутствия на месте описываемых событий. Среди огромного количества материалов, использованных в книге, — многотомное личное дело Мао и его досье, несколько тысяч томов личных дел других революционеров Китая, а также записи бесед автора с людьми, знавшими Мао. Большая часть этих материалов публикуется впервые.

Со страниц книги Мао предстает не только политиком, но и живым человеком, со всеми его достоинствами и недостатками. Это уникальное по своей масштабности и информативности издание будет лучшим в ряду книг о «великом кормчем» Поднебесной.

- Александр Панцов
  - ПРОЛОГ
  - Часть I
    - ПРИЕМНЫЙ СЫН БОДХИСАТТВЫ
    - НА ПОРОГЕ НОВОГО МИРА
    - «Я МЫСЛЮ, СТАЛО БЫТЬ, СУЩЕСТВУЮ»
    - ЗВУК ШАГОВ В ПУСТЫНЕ
  - Часть II
    - СНЫ В КРАСНОМ ТЕРЕМЕ
    - «ВЕЛИКИЙ СОЮЗ НАРОДНЫХ МАСС»
    - ДЫХАНИЕ МИРОВОЙ РЕВОЛЮЦИИ, ИЛИ МАГИЯ ДИКТАТУРЫ
    - «ИДТИ ПО ПУТИ РУССКИХ»
  - Часть III
    - УРОКИ БОЛЬШЕВИСТСКОЙ ТАКТИКИ
    - ВСТУПЛЕНИЕ В ГОМИНЬДАН
    - НАДЕЖДЫ И РАЗОЧАРОВАНИЯ
    - ИГРЫ С ЧАН КАЙШИ
  - Часть IV
    - КРУШЕНИЕ ЕДИНОГО ФРОНТА
    - НА ПУТИ К СОВЕТАМ
    - КРАСНЫЙ СТЯГ НАД ГОРАМИ ЦЗИНГАН
    - «ИЗ ИСКРЫ МОЖЕТ РАЗГОРЕТЬСЯ ПОЖАР»

- Часть V
  - ПОД КРЫЛОМ КОМИНТЕРНА
  - КОММУНИСТ КОММУНИСТУ — ВОЛК
  - ВЕЛИКИЙ ПОХОД
  - «СИАНЬСКИЙ ИНЦИДЕНТ»
- Часть VI
  - ЕДИНСТВО И БОРЬБА ПРОТИВОПОЛОЖНОСТЕЙ
  - «КИТАИЗАЦИЯ» МАРКСИЗМА И СТАЛИНИЗАЦИЯ КПК
  - СТАЛИН, МАО И «НОВОДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ» РЕВОЛЮЦИЯ В КИТАЕ
  - ПРОТИВОРЕЧИЯ «НОВОЙ ДЕМОКРАТИИ»
- Часть VII
  - СОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ ИНДУСТРИАЛИЗАЦИЯ
  - «ВЕЛИКИЙ ПЕРЕЛОМ»
  - РАСКРЕПОЩЕНИЕ СОЗНАНИЯ
  - «БОЛЬШОЙ СКАЧОК»
- Часть VIII
  - ГОЛОД И СТРАХ
  - «БУНТ — ДЕЛО ПРАВОЕ»
  - «ПРОЕКТ 571»
  - ОДИНОЧЕСТВО
- ЭПИЛОГ
- ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ МАО ЦЗЭДУНА
- ПРИМЕЧАНИЯ
  - ПРОЛОГ
  - Часть I
  - Часть II
  - Часть III
  - Часть IV
  - Часть V
  - Часть VI
  - Часть VII
  - Часть VIII
  - ЭПИЛОГ
- БИБЛИОГРАФИЯ
  - ИСТОЧНИКИ
- ЛИТЕРАТУРА
- ИЛЛЮСТРАЦИИ

- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4

- ○ 5
- ○ 6
- ○ 7
- ○ 8
- ○ 9
- ○ 10
- ○ 11
- ○ 12
- ○ 13
- ○ 14
- ○ 15
- ○ 16
- ○ 17
- ○ 18
- ○ 19
- ○ 20
- ○ 21
- ○ 22
- ○ 23
- ○ 24
- ○ 25
- ○ 26
- ○ 27
- ○ 28
- ○ 29
- ○ 30
- ○ 31
- ○ 32
- ○ 33
- ○ 34
- ○ 35
- ○ 36
- ○ 37
- ○ 38
- ○ 39
- ○ 40
- ○ 41
- ○ 42
- ○ 43
- ○ 44
- ○ 45
- ○ 46
- ○ 47
- ○ 48

- ○ 49
- ○ 50
- ○ 51
- ○ 52
- ○ 53
- ○ 54
- ○ 55
- ○ 56
- ○ 57
- ○ 58
- ○ 59
- ○ 60
- ○ 61
- ○ 62
- ○ 63
- ○ 64
- ○ 65
- ○ 66
- ○ 67
- ○ 68
- ○ 69
- ○ 70
- ○ 71
- ○ 72
- ○ 73
- ○ 74
- ○ 75
- ○ 76
- ○ 77
- ○ 78
- ○ 79
- ○ 80
- ○ 81
- ○ 82
- ○ 83
- ○ 84
- ○ 85
- ○ 86
- ○ 87
- ○ 88
- ○ 89
- ○ 90
- ○ 91
- ○ 92

- ○ 93
- ○ 94
- ○ 95
- ○ 96
- ○ 97
- ○ 98
- ○ 99
- ○ 100
- ○ 101
- ○ 102
- ○ 103
- ○ 104
- ○ 105
- ○ 106
- ○ 107
- ○ 108
- ○ 109
- ○ 110
- ○ 111
- ○ 112
- ○ 113
- ○ 114
- ○ 115
- ○ 116
- ○ 117
- ○ 118
- ○ 119
- ○ 120
- ○ 121
- ○ 122
- ○ 123
- ○ 124
- ○ 125
- ○ 126
- ○ 127
- ○ 128
- ○ 129
- ○ 130
- ○ 131
- ○ 132
- ○ 133
- ○ 134
- ○ 135
- ○ 136

- ○ 137
- ○ 138
- ○ 139
- ○ 140
- ○ 141
- ○ 142
- ○ 143
- ○ 144
- ○ 145
- ○ 146
- ○ 147
- ○ 148
- ○ 149
- ○ 150
- ○ 151
- ○ 152
- ○ 153
- ○ 154
- ○ 155
- ○ 156

Александр Панцов
МАО ЦЗЭДУН

Издано при финансовой поддержке Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям в рамках Федеральной целевой программы «КУЛЬТУРА РОССИИ».

Памяти моего деда Георгия Борисовича Эренбурга (1902–1967), историка-китаиста, одного из первых биографов Мао Цзэдуна.

ПРОЛОГ

Осенью 1934 года в большой коммунальной квартире дома № 14 на Чистых прудах раздался телефонный звонок. Властный мужской голос попросил к телефону «товарища Эренбург». Таковых граждан в квартире проживало трое: молодой преподаватель Института востоковедения Георгий Борисович, его жена Ева и сын Вадим. Но сосед, взявший трубку, понял: если «товарища», значит, Жоржа (так в квартире звали Георгия Борисовича).

Звонили из редакции журнала «За рубежом». Просили заехать. Был срочный заказ. Тридцатидвухлетний ученый-китаевед Георгий Борисович Эренбург был хорошо известен в журналистских и научных кругах. Пользовался доверием и партийных начальников, хотя никогда ни в какой партии, кроме левоэсеровской (да и то кратковременно), не состоял. Его называли «попутчиком», но относились вполне хорошо. И даже (в начале 20-х) посылали на работу в Монголию и Китай, где он (беспартийный!) организовывал комдвижение. Часто печатали в партийной прессе, приглашали на острые диспуты. Яркие и страстные статьи Эренбурга о советском движении в Китае, китайской компартии и ее борьбе за свободу появлялись и на страницах журнала «За рубежом». Так что звонку он не удивился. Некоторое недоумение вызвал заказ: подготовить в кратчайший срок относительно большой (на всю полосу) биографический очерк о Мао Цзэдуне.

Слов нет, интерес советской общественности к этому человеку, уже много лет вместе с легендарным командармом Чжу Дэ возглавлявшему красных китайских партизан, был действительно огромен в то время. Имена Чжу и Мао, озаренные светом гражданской войны, привлекали внимание. Однако об этих героях до сих пор писали как о двух близнецах, имена которых сливались в единый звук: Чжу-Мао. Очерк же об одном из них, да еще в рубрике «Портреты современников» (в ней, как правило, печатали рассказы о наиболее выдающихся людях), должен был появиться впервые. Георгий Борисович понял: установку такого рода мог дать только один человек — Сталин.

Значит, вождю понадобилось возвеличить именно Мао Цзэдуна. Несмотря на то что за полгода до этого, в феврале 1934-го, тот потерпел у себя на родине фиаско. На II Всекитайском съезде советов, проходившем в одном из партизанских районов, его «товарищи» по компартии сняли Мао с поста председателя Совнаркома Китайской Советской Республики. (Эту должность он

занимал с ноября 1931 года.) Но, может быть, именно по этой причине Сталин и захотел его поддержать? В противовес новым вождям.

Как бы то ни было, но с заданием Георгий Борисович справился блестяще. Мао у него получился очень живой. Романтически-героический и правильный (без всяких «уклонов»), но вместе с тем простой и безыскусный. Такой, каким и должен был быть вождь угнетенного китайского народа, выходец из «крестьянских низов»: «Революционер, пришедший в крестьянской одежде, с большим бумажным зонтиком в руках»[1].

Очерк, опубликованный в ноябре, имел успех. Он стал создавать атмосферу. За ним последовали статьи, брошюры, книги других писателей, не менее, а может и более яркие. О Мао — вожде и друге, верном соратнике и преданнейшем ученике товарища Сталина. В итоге в СССР к концу 30-х годов к Мао Цзэдуну начали относиться как к главному вождю угнетенного китайского народа.

Волна восторгов в его адрес стремительно возрастала вплоть до начала 60-х. До того момента, как сталинский преемник Никита Хрущев, смертельно обидевшись на китайского лидера, порвал с ним дружеские отношения. После этого Мао превратился в «диктатора», «антисоветчика», «беззастенчивого предателя дела мира и социализма».

Но кто же он был на самом деле? Враг или друг? Сталинский выдвиженец или ярый китайский националист? А может быть, и то и другое? Притворялся другом, когда было выгодно, а чуть что — предал и не оглянулся? А вдруг мы сами во всем виноваты? «Русский с китайцем — братья навек», — пели советские люди в 50-е. «Теперь вам шиш, но пасаран, товарищ Мао», — распевали они вслед за Высоцким в 70-е.

О Мао написаны сотни книг и статей, романов и повестей, сняты фильмы, созданы интернет-сайты. Казалось, изучено все, до мельчайших подробностей. А вот исчерпывающих ответов на эти вопросы до сих пор нет. Для большинства ученых на Западе и в Китае, а после раскола между КПСС и КПК и в России китайская компартия под руководством Мао уже во второй половине 1930-х годов стала автономной и самодостаточной, а Мао Цзэдун в отличие от правоверных китайских сталинистов, по существу, дистанцировался от Москвы. Многие авторы писали о том, что, по их данным, Сталин не доверял Мао, являвшемуся в его глазах более «крестьянским националистом», нежели коммунистом. Западные историки Джон Кинг Фэрбэнк, Бэнджамин Шварц, Конрад Брандт и Роберт Норс первыми, еще в конце 1940-х — начале 1950-х годов, обосновали ставший затем классическим

постулат о «самостоятельности Мао Цзэдуна» как в его отношениях со Сталиным, так и в его воззрениях на Китай[2].

Китайская революция в деревне под руководством Мао и в самом деле, казалось, опровергала выводы Маркса, Ленина и самого Сталина об «исторической роли» рабочего класса. В 1920—1930-е годы Мао ни разу не был в Москве, и Сталин не знал его лично. В то же время в Кремль регулярно поступали негативные сообщения о нем как об «антиленинце» и «троцкисте», направлявшиеся различными информаторами внутри и вне китайской коммунистической партии. В этой связи логичным кажется утверждение Хрущева о том, что Сталин считал Мао «пещерным марксистом»[3]. Да и сам Мао Цзэдун в 1950-е годы, уже после XX съезда КПСС, осудившего сталинизм, много раз вспоминал, что чувствовал сталинское недоверие[4].

Но, увы! Далеко не все в этой схеме соответствует истине. Новый свет на феномен Мао проливают тайные архивы китайской компартии, Всесоюзной коммунистической партии (большевиков) и международного комдвижения, ставшие доступными в последнее время. Среди них особый интерес представляют неопубликованные еще документы Мао, его врагов и друзей, хранящиеся в бывшем Центральном партийном архиве ЦК КПСС (ныне — Российский государственный архив социально-политической истории) в Москве. Не меньшее значение имеют и документальные материалы из хранилищ ЦК КПК в Пекине, ставшие известными в последнее время благодаря усилиям историков КНР. Именно на этих уникальных материалах и основана эта книга.

***

Мне доставляет огромное удовольствие выразить глубокую признательность людям, без внимания и дружеского участия которых эта работа никогда бы не увидела свет. Особые слова благодарности я адресую Кириллу Михайловичу Андерсону, Екатерине Борисовне Богословской, Ван Фаньси, Ван Фуцзэну, Александру Владимировичу Гордону, Олегу Александровичу Гриневскому, Людмиле Константиновне Карловой, Тамаре Михайловне Колесовой, Людмиле Михайловне Кошелевой, Кун Цзинину — внуку Мао Цзэдуна, Стивену И. Левину, Ли Юйчжэнь, Линь Лихэн (Доу-доу) — дочери Линь Бяо, Ларисе Николаевне Малашенко, Алексею Александровичу Маслову, Арлену Ваговичу Меликсетову, Нине Николаевне Мельниковой, Нине Степановне Панцовой, Ларисе Александровне Роговой, Светлане Марковне

Розенталь, Стивену Смиту, Ирине Николаевне Сотниковой, Дарье Александровне Спичак, Елене Константиновне Староверовой, Ивану Александровичу Тихонюку, Юрию Михайловичу Туточкину, Цао Юньшаню — внучатому племяннику Мао Цзэдуна, Цзы Чжунъюнь — переводчице Мао Цзэдуна, Георгию Иосифовичу Чернявскому, Чэнь Юнфа, Валерию Николаевичу Шепелеву, Шэнь Чжихуа и Юй Минлин.

Часть I
«ОБЛАГОДЕТЕЛЬСТВУЮЩИЙ ВОСТОК»

ПРИЕМНЫЙ СЫН БОДХИСАТТВЫ

Деревня Шаошаньчун уезда Сянтань провинции Хунань на юге Китая расположена в живописном месте. Узкая долина, зажатая меж холмов, покрытых вечнозелеными лесами, рисовые чеки, высокое голубое небо. Чуть поодаль высится давшая название местности знаменитая, особо почитаемая буддистами гора Шаошань, одна из семидесяти двух вершин величественного хребта Хэншань. От столицы провинции, города Чанши, до ближайшего городка, носящего то же название Шаошань, проложена железнодорожная ветка. 130 километров пути поезд не спеша преодолевает за более чем три с половиной часа. На широкой привокзальной площади вас ждут автобусы. Кондукторы надрывно кричат: «Мао чжуси гуцзюй! Мао чжуси гуцзюй!» («Место рождения Председателя Мао!»). Еще с полчаса тряской езды — и вы на деревенской улочке, ведущей через залитые водой рисовые поля и заросшие лотосами пруды к большому кирпичному дому-музею из тринадцати комнат. Справа и слева — такие же или немного меньше размером обычные крестьянские *фанцзы* (хижины), окруженные традиционными каменными заборами, с внутренними двориками и рядами комнат. Типичная сельская атмосфера. Небольшая деревня, каких много в Хунани. И все же сердце сжимается от волнения. Именно здесь, в этом доме, много лет назад родился один из тех людей, которым суждено было изменить историю XX века. Человек, чье имя миллионы людей до сих пор произносят с дрожью в голосе. Одни — обожая, другие — ненавидя. Революционер, перевернувший уклад жизни 600 миллионов! Патриот, заставивший мировых политиков признать Китай великой державой! Тиран, обрекший миллионы людей на голод и смерть! Мао Цзэдун.

Когда-то, четыре с половиной тысячи лет назад, великий правитель Китая, мудрый Шунь, посетил, согласно легенде, эти места. Остановившись отдохнуть на вершине горы, он повелел музыкантам, сопровождавшим его, играть популярную в то время мелодию *шао,* которую очень любил. Эту мелодию исполняли в сопровождении флейты и губного органчика. На звуки чудесной музыки слетелись фениксы и, к удовольствию правителя, закружились в грациозном танце. В память об этом событии люди назвали место отдыха Шуня горой мелодии Шао — Шаошань. Долина же, раскинувшаяся у ее подножия, получила название Шаошаньчун — место у подножия Горы мелодии Шао.

В расположенной в долине деревне большая часть жителей носит фамилию Мао. Это их клановое поселение. Все Мао,

живущие здесь, отсчитывают свою родословную от легендарного предка Мао Тайхуа, уроженца соседней провинции Цзянси, отважного воина. Мао Тайхуа покинул родные края в середине XIV века для того, чтобы участвовать в походе императорских «красных войск» (красный цвет считался символом Будды Милофо, покровителя династии) в провинцию Юньнань против правивших Китаем с семидесятых годов тринадцатого века монголов. Основные войска кочевников были к тому времени разбиты повстанческой армией буддийского монаха Чжу Юаньчжана, в 1368 году провозгласившего себя императором новой, китайской, династии Мин. Однако в провинции Юньнань еще оставались их отдельные гарнизоны. Там, в далекой Юньнани, Мао Тайхуа женился на местной девушке и в 1380 году привез жену и народившихся к тому времени детей в Хунань (она тогда называлась провинцией Хугуан), где и обосновался в уезде Сянсян, к югу от Шаошани. И только десять лет спустя двое его сыновей перебрались, наконец, в Шаошаньчун. От них-то и пошли шаошаньские Мао[1].

Будущий вождь родился в семье одного из них, Мао Ичана, в девятнадцатый день одиннадцатого месяца года Змеи по лунному календарю. По официальному династийному летосчислению того времени, это был девятнадцатый год эры Гуансюй маньчжурской династии Цин, правившей в Китае с 1644 года. Со времени Ханьской династии (202 год до н. э. — 220 год н. э.) китайские императоры, вступая на престол, провозглашали определенные эры правления *(няньхао),* которые наступали с началом будущего нового года. Названия эр правления выбирались так, чтобы продемонстрировать подданным величие императора. Они часто менялись даже в период правления одного и того же владыки, в зависимости от его настроения. Именно в соответствии с эрой правления в Китае велись официальные династийные летосчисления: первый, второй и т. д. год такой-то эры. С 1875 года в Китае шла эра правления Гуансюй (светлое начало), провозглашенная от имени малолетнего тогда императора Цзайтяня (в 1875 году ему было всего четыре года) его теткой по матери, вдовствующей императрицей Цыси.

В нашем летосчислении радостное событие, каким для каждой китайской семьи является рождение мальчика, в семье Мао Ичана произошло 26 декабря 1893 года. Отец не мог не испытывать удовольствия, однако мать взволновалась: мальчик родился очень большим, и она испугалась, что не сможет его выкормить. До этого ребенка у нее уже было двое сыновей, и оба умерли в младенчестве. Запеленав новорожденного, мать отправилась к жившей в горах буддийской монахине. Со слезами

просила она ее взять малыша на воспитание. Но та отказалась: мальчик выглядел абсолютно здоровым, и нужды не было о нем волноваться. Отшельница посоветовала обеспокоенной матери оставить сына себе, рекомендовав молиться о его благополучии. Подхватив ребенка, мать поспешила к отчему дому, в расположенную за 12 *ли*[1] от Шаошани, в соседнем уезде Сянсян, деревеньку Танцзято. Там, неподалеку от родной *фанцзы,* она остановилась перед небольшой кумирней, возведенной на вершине огромного, в четыре метра высотой, камня. Кумирня была воздвигнута в честь Богини Милосердия, Бодхисаттвы Гуаньинь. Пав ниц, изможденная физически и морально женщина начала умолять Бодхисаттву стать ее сыну приемной матерью[2].

Согласно традиции о рождении мальчика немедленно известили родителей роженицы, послав им петуха. Если бы родилась девочка — послали бы курицу.

Девять месяцев, проведенные ребенком в утробе, засчитывались в Китае как первый год жизни. Так что при рождении уже подразумевалось, что ребенку исполнился год. Древний ритуал требовал, чтобы новорожденного заворачивали в пеленки, сшитые из старых отцовских штанов. Другие штаны отца вешали у колыбели. Считалось, что они вбирают в себя всякую заразу. Купали ребенка только на третий день и обязательно в присутствии гостей, которым теперь разрешали на него смотреть. До этого видеть младенца постороннему было нельзя: родители боялись сглаза. В день первого купания отец с утра приносил жертвы духам предков, а в кипяченую воду, предназначенную для малыша, клали лук и имбирь, которые символизировали ум и здоровье. Искупав ребенка, мать отдавала его повитухе, принимавшей роды, которая прикладывала к его голове луковицу, пришептывая: «Первый раз — будь сметлив, второй раз — будь мудр, третий раз — будь хитер». После этого касалась рта, рук и ног младенца замком или засовом, уговаривая: «Будь тих». На грудь ребенку ставили весы, чтобы он «много весил», а к щекам прикладывали вареные яйца — на счастье, запястье ребенка обвязывали красным шнуром, на котором висели серебряные монеты. Через месяц ребенку нужно было обрить голову, оставив пряди волос на висках и затылке: ими младенец удерживался в жизни. Это было важное событие. Вновь собирались гости, приносили подарки, дарили деньги, свинину, рыбу, фрукты и крашеные яйца. Тогда же малышу давали имя.

С испокон веков в Китае родители с помощью даосов-гадателей сами составляли имена новорожденным. Святок никогда не было. В соответствии с традицией Мао Ичан пригласил местного геоманта, который посоветовал ему

обязательно использовать в имени сына знак «вода», ибо, по его словам, именно этого элемента недоставало младенцу в гороскопе[3]. Мао Ичан выбрал иероглиф «цзэ», имеющий двойное значение. Первое — «влага и увлажнять», второе — «милость, добро, благодеяние». Второй иероглиф — «дун» — «восток». Имя получилось на редкость красивое: Цзэдун — «Облагодетельствующий восток»! Одновременно ребенку по традиции дали и неофициальное имя. Оно должно было использоваться в особых случаях как величальное, уважительное. Мао Ичан решил, что таким именем будет Юнчжи. «Юн» означает «воспевать», а «чжи» — или, точнее, «чжилань» — «орхидея». Таким образом, второе имя получилось не менее звучным, чем Цзэдун — «Воспетая орхидея»! Вскоре, правда, второе имя пришлось заменить: в нем ведь отсутствовал так необходимый ребенку с точки зрения геомантии знак «вода». В итоге второе имя получилось по смыслу похожим на первое и даже более красивым: Жуньчжи — «Орошенная водой орхидея» (иероглиф «жунь» — синоним иероглифа «цзэ» — «влага», «благо»). При несколько ином написании иероглифа «чжи» имя «Жуньчжи» приобретало и еще один символический смысл: «Облагодетельствующий всех живущих». Мать Мао на всякий случай дала ему еще одно имя, которое должно было оградить его от всех напастей и напоминать о родстве с Бодхисаттвой: Ши («Камень»). Дело в том, что огромный валун, на котором и по сей день высится кумирня в честь Богини Милосердия, называется в народе Камнем Гуаньинь. А так как Мао Цзэдун был третьим ребенком в семье, мать стала называть его Шисаньяцзы (буквально — «Третий ребенок по имени Камень»). На этом родители успокоились.

Через сто дней после рождения мальчика, в соответствии с древним обычаем, в доме его родителей вновь собрались друзья и родные. На этот раз гадали о том, кем станет новорожденный. Ритуал требовал посадить ребенка в большую бамбуковую корзину перед алтарем предков. Алтарь находился в семейной спальне, непосредственно рядом с ложем родителей. Перед младенцем раскладывали разные предметы и по тому, что он брал, судили о его будущем.

Что взял маленький Мао, неизвестно. Но, должно быть, что-то весьма ценное. Иначе как объяснить его последующую головокружительную карьеру?

Семья Мао Цзэдуна была немногочисленной. Помимо отца и матери в доме жил еще дед, отец отца.

Семья занимала лишь половину дома, его восточное левое крыло. В другой половине жили соседи. Почти все в деревне, а в

ней в ту пору насчитывалось немногим более 600 дворов, были людьми небогатыми. Тяжелый, изнуряющий труд на крохотных полосках земли приносил мало дохода.

Бедняком был и дед Мао Цзэдуна, Мао Эньпу («Распространяющий добро»). Своему сыну он оставил только долги. Однако отец Мао смог вырваться из нищеты. Мао Ичан («Дарящий процветание» или «Оставляющий после себя процветание»), известный также под именами Шуньшэн (возможные переводы — «Благополучно рожденный» или «Благополучно живущий») и Лянби («Прекрасный помощник»[2]), был единственным ребенком в семье. Он родился в октябре 1870 года, в один год с Ульяновым-Лениным, о чем, разумеется, ни тот ни другой не подозревали. В десять лет его помолвили с девушкой по имени Вэнь Цимэй («Седьмая сестра»[3]) из соседнего уезда Сянсян, которая была на три с половиной года старше его (она родилась в феврале 1867 года). Через пять лет Ичан и Цимэй поженились. Но вскоре за долги отца Ичана забрали в солдаты, в местную Сянскую армию (Сян — традиционное название Хунани, по реке Сянцзян, протекающей через провинцию), созданную в начале 1860-х годов могущественным генералом Цзэн Гофанем. Домой он вернулся нескоро и на скопленные за время службы средства смог выкупить потерянную отцом землю, обзаведясь в итоге самостоятельным хозяйством. Был он грубым и вспыльчивым, но очень трудолюбивым и бережливым. По словам дочери Мао Цзэдуна, Ли Минь (а ей, по-видимому, об этом рассказывал сам Мао), Мао Ичан часто говорил: «Бедность не оттого, что проедаешь, и не оттого, что тратишь. Бедность оттого, что считать не умеешь. Кто умеет считать, тот будет жить в достатке; а кто не умеет — дай ему хоть золотые горы, все попусту!»[4] Выбиться в люди ему помогала жена, которую за трудолюбие и доброту все в деревне называли Суцинь («Простая труженица»)[5]. Ценой неимоверных усилий Ичану удалось скопить денег и приобрести еще немного земли. Мао Цзэдуну тогда уже исполнилось десять лет. Именно в тот год умер дед[6]. Число ртов, однако, не уменьшилось: за семь лет до кончины деда у Мао Цзэдуна родился брат, Цзэминь («Облагодетельствующий народ»). Через два года появился еще один мальчик, Цзэтань (возможные переводы — «Облагодетельствующий глубоко», то есть «Облагодетельствующий в полной мере» или «Облагодетельствующий уезд Сянтань»). В соответствии с традицией братья Мао получили и по вторым, величальным, именам. Цзэминя назвали Юнлянь («Воспетый лотос», позже имя было изменено на «Жуньлянь», «Орошенный водой лотос»), а

Цзэтаня — Юнцзю («Воспетая хризантема», звали его и «Жуньцзю», «Орошенная водой хризантема»). Кроме этих детей и двух других сыновей, умерших до рождения Мао Цзэдуна, у отца и матери Мао было еще две дочери, однако обе они скончались в младенчестве.

Мать пыталась привить сыновьям религиозное чувство. В детстве и отрочестве Мао часто посещал с нею буддийский храм, и мать мечтала, что ее старший сын станет монахом: как хотелось ей, чтобы он посвятил себя служению своей приемной матери! Отец, не разделявший ее желаний, все же не слишком противился: к Будде он относился с тайным уважением, хотя внешне это и не показывал. Дело в том, что однажды в его жизни произошел случай, который он относил к божественному знамению. Как-то недалеко от деревни ему на дороге встретился тигр. Отец Мао страшно перепугался, но и тигр не выказал смелости. Они разбежались в разные стороны. И все же отец Мао решил, что это предупреждение свыше: всегда скептически относившийся к религии, он с тех пор стал опасаться излишнего атеизма[7].

Уважая и побаиваясь Будду, Мао Ичан тем не менее считал, что гораздо полезнее для его старшего сына было бы постичь премудрости конфуцианства, традиционной китайской философии. Как это ни покажется удивительным, но без знания изречений Конфуция, древнего философа, жившего в Китае в VI–V веках до н. э., и его последователей, в Китае конца XIX — начала XX века невозможно было и шагу ступить. Вся политическая система страны была основана на принципах конфуцианской идеологии, требовавшей от человека нравственного совершенствования. Согласно Конфуцию, люди должны были выполнять данные им Небом священные заветы *(ли),* среди которых важнейшими были «человеколюбие» *(жэнь),* «сыновняя почтительность» *(сяо)* и «добродетель» *(дэ)*. Только соблюдая небесные законы, человек мог превратиться в «совершенномудрого» *(цзюньцзы)*. Иными словами — мог достичь высшего этического идеала, на утверждение которого и была направлена программа конфуцианства.

Конечно, в реальной жизни не все в Китае следовали заветам старца, учившего: «Молодые люди, находясь дома, должны проявлять почтительность к родителям, выйдя за ворота — быть уважительными к старшим, в делах — осторожными, в словах — правдивыми, безгранично любить людей и особенно сближаться с теми, кто обладает человеколюбием. Если у них после осуществления всего этого еще останутся силы, то потратить их надо на изучение… культуры»[8].

Следовать или нет учению Конфуция — являлось, разумеется, делом совести каждого, но без знания изречений философа нельзя было сделать карьеру. Умение жонглировать конфуцианскими цитатами являлось обязательным при получении должности. Человек, не знакомый с книгой изречений Конфуция «Лунь юй» («Суждения и беседы»), а также с другими классическими канонами — «Мэнцзы» (книгой одноименного автора, крупнейшего после Конфуция древнекитайского философа), «Да сюэ» («Великое учение») и «Чжун юн» («Учение о срединном и неизменном пути»), считался необразованным.

Отец Мао очень хотел, чтобы старший сын овладел конфуцианским учением. У него самого-то было всего два класса образования, а мать Мао и вовсе не знала грамоты. Из-за недостатка образования Мао Ичан как-то проиграл в суде тяжбу о горном земельном участке. Он не мог подкрепить свои доводы ссылками на Конфуция, и, хотя правда была на его стороне, судья поддержал ответчика, продемонстрировавшего глубокое знание классики. Как пишет дочь Мао, ее дед тогда решил: «Пусть и мой сын станет таким ученым человеком и постоит за меня»[9]. В восемь лет Мао Цзэдун был отдан в частную начальную школу в его родной Шаошани, где от него требовалось заучивать наизусть конфуцианские каноны.

Но морально-этические заповеди Конфуция не оставляли в его душе следа. Подобно многим практическим людям, Мао Цзэдун заучивал изречения почтенного философа лишь в утилитарных целях: с тем чтобы победить кого-нибудь в споре, вовремя ввернув беспроигрышную цитату. Дочь Мао рассказывает, как однажды ее отец победил в споре самого учителя. «В жаркий полдень, — пишет она, — когда учитель отлучился из школы, отец предложил одноклассникам искупаться в пруду. Когда учитель увидел своих учеников купающимися в чем мать родила, он нашел это крайне неприличным и решил наказать их. Но отец отпарировал цитатой из „Лунь юй“, в которой Конфуций одобряет купание в холодной воде. При этом отец открыл книгу, нашел нужный отрывок и прочитал слова Конфуция по тексту. Учитель вспомнил, что у Конфуция действительно есть такое выражение, но он же не мог потерять лицо и, разгневанный, отправился к дедушке жаловаться:

— Ваш Жуньчжи совершенно несносен! Раз он знает больше меня, то я больше не буду его учить!»

Не менее ловко Мао использовал классические цитаты Конфуция и в частых спорах с отцом, который беспрерывно ругал сына за непочтительное поведение и лень. Иногда ему удавалось выиграть диспут, но в большинстве случаев дебаты заканчивались

для него весьма болезненно: отец Мао, из всех принципов конфуцианства больше всего ценивший учение о «сыновней почтительности», избивал сына, осмеливавшегося перечить ему. «Я убью тебя, эдакого ублюдка, который никаких законов не признает!» — кричал он ему[10]. Бил он и двух других сыновей. Мать, добрая и мягкая женщина, дрожавшая над своими чадами, пыталась их защитить, но, как правило, безуспешно.

Конфликты в семье, жестокость отца и беззащитность матери, к которой Мао Цзэдун испытывал глубокие чувства любви и жалости, не могли не сказаться на характере будущего революционера. Мао рос вспыльчивым и гордым «мятежником». По словам его дочери, он был не менее «норовистым», чем его отец. Они очень походили друг на друга[11]. И хотя Мао Цзэдуна и возмущал крутой нрав отца, он сам становился все более крут, резок и упрям. Отец унижал его, и это вызывало в маленьком Мао желание бороться за свои права. Жители Хунани вообще славятся в Китае своей вспыльчивостью и неуравновешенностью. «Остры, как их еда», — говорят о хунаньцах, сдабривающих пищу большим количеством красного перца. Так что «норовистый» характер Мао Цзэдуна имел не только семейные, но и этнопсихологические корни.

Много лет спустя, в июле 1936 года, Мао Цзэдун, тогда уже широко известный вождь китайских партизан и один из лидеров китайской коммунистической партии, принимал на своей базе в местечке Баоань в северной части провинции Шэньси, за много десятков километров от Шаошани, прокоммунистически настроенного американского журналиста Эдгара Сноу. По просьбе последнего Мао дал интервью, в котором впервые рассказал о детстве и юности. «Мы фактически напоминали заговорщиков, засевших в пещере у покрытого красной скатертью стола с потрескивающими свечами между нами. Я писал до тех пор, пока не был готов свалиться и уснуть, — вспоминал Эдгар Сноу. — У Ляпин [заведующий отделом пропаганды ЦК КПК, знавший английский язык] сидел рядом со мной и переводил мягкий южный диалект Мао, на котором курица, вместо того чтобы быть хорошей упитанной „цзи“, превращалась в романтическое „гхии“, Хунань становилась Фунань, а кружка чая („ча“) звучала как „ца“… Мао все говорил по памяти, и я записывал вслед за ним»[12]. Автобиографический рассказ Мао вошел затем в книгу Сноу «Красная звезда над Китаем», где был помещен в главе с характерным названием — «Генезис коммуниста». Книга Сноу была впервые опубликована в Лондоне в 1937 году[13].

Вот что Мао Цзэдун рассказал о своем детстве и об отце:

«Как крестьяне-середняки… моя семья владела пятнадцатью

му [1 му равняется шести с половиной соткам] земли. С этого они могли собрать шестьдесят *даней* [1 дань — 50 кг] зерна в год. Пять членов семьи в целом потребляли тридцать пять *даней,* т. е. примерно по семь каждый, что оставляло сверх того ежегодно двадцать пять *даней.* За счет этого излишка мой отец скопил небольшой капитал и как-то купил семь *му* земли, что дало семье статус „богатых“ крестьян. Мы могли теперь собирать в год восемьдесят четыре *даня* риса… У нас… был излишек в сорок девять даней риса каждый год, и на этом мой отец быстро разбогател.

В то время, когда мой отец был крестьянином-середняком, он начал заниматься транспортировкой и продажей зерна, на чем немного подзаработал. Став „богатым“ крестьянином, он большую часть времени отдавал этому бизнесу. Он нанял постоянного батрака, а также заставлял работать в поле своих детей и жену. Я начал работать в поле, когда мне было шесть лет. У моего отца не было деловой конторы. Он просто скупал рис у бедных крестьян, а затем доставлял его в город купцам, от которых получал более высокую плату. Зимой, во время посадки риса, он нанимал еще одного батрака для работы в поле, так что в то время у нас было семь ртов… Он никогда не давал нам денег и кормил весьма скудно… Мне он не давал ни яиц, ни мяса».

Чуть позже Мао, смеясь, добавил: «В семье было две „партии“. Одну представлял отец, „Правящая сила“. Оппозиция состояла из меня, моей матери, брата [имеется в виду Цзэминь; в то время, о котором вспоминал Мао Цзэдун, Цзэтань еще не родился] и иногда даже наемного работника. В „объединенной оппозиции“, однако, существовали разногласия. Моя мать рекомендовала политику непрямой атаки. Она была против любого неприкрытого выражения чувств и попыток открытого восстания против „Правящей силы“. Она говорила, что это не китайский путь… Мое недовольство возрастало. Диалектическая борьба в нашей семье развивалась непрерывно».

Ссоры между отцом и старшим сыном были нередким явлением. Мао мог вступить в яростный спор с отцом даже в присутствии посторонних, что было уже совсем немыслимой дерзостью! В интервью Эдгару Сноу он так сказал об отце: «Я научился ненавидеть его»[14].

Экономный отец Мао постепенно выбился в люди. Он уже не покупал больше земли для себя, а скупал закладные на землю других крестьян. Так он смог сколотить довольно солидное состояние — 2–3 тысячи китайских серебряных долларов, что по тем временам было немало для простого деревенского жителя. Большинство китайских крестьян жили в беспросветнейшей

нищете. Цинский Китай конца XIX — начала XX века был вообще страной крайне отсталой, дикой, средневековой. Капитализм по существу только зарождался и не определял еще характер общественной жизни. Современные капиталистические предприятия строились где-то далеко от тихой, забытой Богом Шаошани — в Шанхае, Тяньцзине, Ухани, Кантоне. Только в этих нескольких городах жизнь и била ключом. В деревнях же все шло по старинке. Здесь лишь менее десяти процентов населения, к которым как раз и относился отец Мао Цзэдуна, видели в товарном производстве, если использовать выражение Карла Маркса, «*nec plus ultra* (вершину) человеческой свободы и личной независимости»[15]. Остальные же ничего хорошего от связей с рынком не ждали, ибо каждый раз, когда дело касалось их отношений с купцами, проигрывали. Осенью для уплаты повинностей простой китаец вынужден был продавать такому же, как отец Мао, скупщику часть своего необходимого продукта по бросовым ценам, а затем весной, когда цены возрастали, выкупать эту же часть у него же с большими потерями, чтобы избежать голода[16]. Понятно, что купцы, ростовщики и зажиточные крестьяне особой любовью беднейших крестьян не пользовались. Особенно сильную неприязнь к «мироедам», а по существу, к просто деловым и торговым людям, своим хребтом сколачивавшим небольшие состояния, испытывали пауперы и люмпены, то есть бродяги, бездомные попрошайки и прочий сброд[4], составлявшие чудовищную массу населения — приблизительно 40–45 миллионов человек при общей численности Китая в 400 миллионов[17]. Каждый десятый в цинском Китае был нищим и безработным! Именно они презрительно называли таких крестьян, как отец Мао Цзэдуна, *тухао* («мироеды»). А поскольку экономическая и социальная жизнь значительной массы населения замыкалась в стабильных местных границах вследствие того, что современные предприятия в городах были малочисленны и не могли предоставить работу всем желающим, пауперы и люмпены наводняли деревни. Здесь некоторые из них могли еще иногда перебиться случайным заработком, особенно в сезон посадки и сбора риса. Но большинству, как всегда, не везло. Толпы оборванных грязных людей бродили по сельским дорогам, прося милостыню. Часто на рыночных площадях можно было видеть крестьян, с тоской смотревших на проходящих. Они предлагали на продажу своих малолетних дочерей, а иногда и сыновей, которых приносили на базар в плетеных ивовых корзинках.

Многие разорившиеся крестьяне становились членами бандитских мафиозных групп, таких как «Триада», и занимались

грабежом. А грабили, разумеется, «мироедов», *тухао*. Бунты, «бессмысленные и беспощадные», были частым явлением не только в Хунани, но и в других провинциях.

Как-то, в холодные зимние дни 1906 года, соседний с Хунанью уезд Пинсян провинции Цзянси, отстоящий от Шаошани всего на каких-то 440 *ли,* охватило восстание, поднятое тайным обществом «Хунцзян» («Общество благоденствия»). Это общество, являвшееся отделением мощного союза «Хунмэн» («Красное братство»), имело отделения во многих провинциях Южного и Юго-Восточного Китая. Особенно активно оно действовало как раз на границе провинций Хунань и Цзянси, между Шаошанью и Пинсяном. Целями его являлись свержение чужеземной маньчжурской династии Цин, завоевавшей Китай во второй половине XVII века, и восстановление поверженной китайской династии Мин (не случайно оно входило в «Красное братство», ведь красный цвет, как мы уже знаем, — цвет Будды Милофо, покровителя Минской династии). Общество имело тесные связи с другими тайными организациями, такими как «Гэлаохуэй» («Общество старших братьев»), «Тяньдихуэй» («Общество неба и земли»), «Саньдяньхуэй» («Общество трех точек») и, конечно, со знаменитой «Саньхэхуэй» («Триадой»). Члены общества, или иначе «Братства меча», были объединены особым, религиозным, ритуалом, скрытым от непосвященных. Они обязаны были помогать друг другу в любых ситуациях, верили в магические даоские и буддистские заклинания, а также в шаманство и колдовство и практиковали боевые искусства, считая, что серия физических и дыхательных упражнений *ушу* и *цигун* делает их неуязвимыми.

Именно это общество и восстало в Пинсяне, открыто провозгласив свои цели в двух лозунгах: «Свергнем династию Цин, восстановим династию Мин» и «Уничтожим богатых, поможем бедным». Слух о восстании быстро распространился по соседним уездам Цзянси и Хунани. Вооруженные саблями, копьями и мечами восставшие в течение десяти дней терроризировали округу, нападая на дома *«тухао»* и грабя *«лешэнь»* (зажиточных сельских грамотеев-чиновников и учителей, дословно — «злые грамотеи», в отличие от «хороших», незажиточных, сельских интеллектуалов — *«шэньши»).* Они отбирали у более или менее имущих крестьян деньги и продовольствие и устраивали в их домах дикие оргии. Правда, часть награбленного все же раздавалась беднякам. Через десять дней бунт подавили правительственные войска, но местные жители долго еще не могли опомниться. Спустя много лет об этом восстании вспомнил уроженец уезда Пинсян, один из

основателей КПК и главный соперник Мао Цзэдуна в борьбе за власть Чжан Готао, девятилетним мальчиком (почти ровесником Мао) оказавшийся в эпицентре событий. Хотя в глубине души Чжан и сочувствовал бунтовщикам, но пережитый им в детстве страх заставил его нарисовать ужасающую картину:

«По дороге в обоих направлениях куда-то торопились люди с вещами и без вещей. Но мы, трое ребят, не замечали ничего особенного. Пройдя пять ли, мы дошли до небольшого магазина… Управляющий магазином считал, что в такое неспокойное время нам нельзя ходить одним. А так как ему не на кого было оставить магазин, чтобы проводить нас [домой], он предложил нам остаться поесть и переночевать. Мы этому были только рады.

Примерно в середине ночи несколько пьяных верзил с саблями стащили нас с кровати и поставили на прилавок. Мы мгновенно очнулись от сна, как только увидели, что они угрожают нам саблями. „Принесем в жертву этих трех мальцов и выкрасим наши боевые стяги их кровью!“ — говорили одни. „Неплохо бы на них и сабли испытать!“ — говорили другие. „Не надо их убивать. Свяжем их и увезем, и пусть семьи выкупят их за солидную сумму“, — предлагали третьи. Управляющий пытался спасти нас. Он умолял их позволить отослать нас спать и обещал им дать вина, еды — всего, что есть в магазине. Как мы узнали позже, он принадлежал к той же шайке и потому его слова возымели действие. Пошумев еще немного, они ушли, и мы вернулись в спальню. Испуг постепенно прошел, и мы вновь погрузились в сон»[18].

Аналогичные мятежи случались и в других местах, даже в столице провинции Хунань, городе Чанше. Мао Цзэдун рассказывал Сноу, как поразила его однажды группа беженцев, торговцев из Чанши, оказавшихся в Шаошани. «Мы спросили их, почему они бегут. Они рассказали нам о большом восстании в городе. В тот год был жестокий голод, и тысячи людей в Чанше не имели еды. Голодающие послали делегацию к городскому губернатору, умоляя его о помощи, но он высокомерно ответил: „Почему у вас нет еды? В городе сколько угодно еды. У меня ее всегда достаточно“. Услышав его ответ, народ страшно возмутился. Были проведены митинги и организована демонстрация. Люди атаковали маньчжурский *ямэнь* [присутственное место], сломали флагшток, символ власти, и изгнали губернатора»[19]. А вскоре и в самой Шаошани подняли мятеж члены «Общества старших братьев». Через некоторое время взбунтовались и остальные шаошаньские бедняки. Они потребовали помощи от богатых крестьян и начали движение под

лозунгом «ешьте рис бесплатно». «Мой отец, — вспоминал Мао Цзэдун, — был торговцем рисом и, несмотря на его недостаток в нашем районе, вывозил в город много зерна. Однажды отправленный им рис был захвачен бедными крестьянами, и гнев его не имел границ. Я не сочувствовал ему. В то же время я считал, что действия крестьян тоже были неправильными»[20].

Бунты жесточайшим образом подавлялись. В Чаншу прибыл новый губернатор, который немедленно издал приказ об аресте главарей восстания. Многие из них были обезглавлены, и их головы выставлены на шестах в назидание будущим «бунтарям». Были брошены войска и против «старших братьев», действовавших в Шаошани. Их вождь по имени Пан-каменщик был пойман, и ему тоже отрубили голову.

Казни в Китае были публичными. На преступников надевали белые безрукавки с черными иероглифами, означавшими «бандит» или «убийца», скручивали руки за спину и затем в открытых повозках возили по городу или деревне. Впереди шли солдаты с ружьями или саблями. По обеим сторонам процессии толпился народ. Многие сопровождали повозку во все время пути. Повозив таким образом приговоренного, солдаты в конце концов сбрасывали его с повозки на площадь, запруженную толпой. Один из солдат, отдавая свою саблю товарищу, подходил к преступнику и становился перед ним на колени. Он кланялся обреченному на смерть человеку, прося простить его за то, что должен был с ним сделать. Тем самым ограждал себя от потенциального возмездия со стороны души будущей жертвы. Ритуал давал возможность и смертнику «сохранить лицо»: ведь напоследок ему оказывали дань уважения. Наконец осужденного ставили на колени, и солдат, взяв назад свою саблю, быстрым ударом отсекал ему голову. После этого публика расходилась. Деревенская жизнь была небогата событиями, и такое зрелище, как публичная казнь, вызывало неподдельный интерес. Особенно ценилось, если осужденный во время шествия проявлял храбрость: пел песни или выкрикивал лозунги. Тогда кто-нибудь в толпе обязательно с одобрением говорил: «Хао! Хао!» («Хорошо! Хорошо!»)[5]. Иногда головы казненных не выставлялись на шестах, а вывешивались на столбах в наскоро сбитых небольших четырехугольных ящиках без боковых стенок — на всеобщее обозрение.

Насилие порождало насилие. Вот в такой атмосфере, в обществе, где жизнь человеческая не стоила ничего, где люди трудились не покладая рук изо дня в день, лишь бы свести концы с концами и вырваться из нищеты, происходило становление личностей как Мао Цзэдуна и Чжан Готао, так и многих других будущих китайских революционеров-коммунистов. Именно

крестьянский бунт, по признанию самого Мао, произвел на него в детстве неизгладимое впечатление, оказав влияние на всю жизнь[21]. «Жестокий век, жестокие сердца!»

Огромное воздействие на мировоззрение и мироощущение Мао, по его собственным словам, оказала и китайская художественная литература, прежде всего исторические романы, повествующие о восстаниях, бунтах и мятежах. Он по многу раз перечитывал эпические «Цзинчжун Юэ чжуань» («Биография исключительно преданного Юэ Фэя»), «Шуйхучжуань» («Речные заводи»), «Суй Тан яньи» («Романтическая история династий Суй и Тан»), «Саньгочжи» («Троецарствие») и «Сиючжи» («Путешествие на Запад»). В этих книгах описывались подвиги легендарных рыцарей, военачальников и авантюристов, а также вождей народных восстаний. В них воспевались идеалы боевого братства и утверждался культ физической силы. Их герои звали на бунт против традиционных устоев. Школьный учитель, преклонявшийся перед Конфуцием и проповедовавший ученикам азы конфуцианской этики и морали, ненавидел эти «разбойничьи» книги, называя их «безнравственными», однако Мао и многие из его одноклассников были от них без ума и даже заучивали наизусть страницы «вольнодумных» романов[22].

Напрасно мать Мао Цзэдуна молила Бодхисаттву. Не Святым Благородным Путем Всемилостивейшего Будды последует ее обожаемый сын, а дорогой крови, насилия и революции. Холодным останется его сердце и к этической философии великого гуманиста Конфуция. «Я знал классику, но не любил ее», — признавался Мао Цзэдун Эдгару Сноу[23]. Уже в раннем детстве, под влиянием деспотичного отца, бунтарской литературы и окружавшей действительности, он сделал вывод: свои права можно защитить только открытым восстанием, если же оставаться смиренным и покорным, тебя будут бить все сильнее и сильнее[24].

НА ПОРОГЕ НОВОГО МИРА

В тринадцать лет Мао ушел из школы. Строгий учитель применял суровые методы воспитания и часто бил учеников. Терпеть это непокорный подросток больше не мог. Отец не возражал против того, чтобы сын бросил школу. «Я и не хотел, чтобы ты стал ученым сюцаем, — сказал он, имея в виду получение сыном ученой степени, которую в императорском Китае можно было приобрести, сдав экзамены на уровне уезда. — К тому же императорские экзамены уже отменили, и дальше учиться уже нет смысла. В поле работы много, вот и возвращайся домой»[25]. Мао Ичан рассчитывал, что сын будет заниматься хозяйством, в частности, ведением бухгалтерских книг, но оказалось, что тот решил заняться самообразованием. Страсть к чтению захватывала Мао Цзэдуна все больше. Он жадно проглатывал все, что попадалось под руку, за исключением классических философских трактатов. Обычно он читал по ночам, занавешивая окно своей комнаты синей домотканой простыней так, чтобы отец не мог видеть света горящего у него светильника. Делал он так потому, что отец страшно злился, заставая упрямого отпрыска за книгой, даже если тот читал в свободное время. Как пишет дочь Мао, «дедушку нелегко было провести». Он вставал среди ночи и проверял, читает ли его непослушный сын. И если обнаруживал свет в его комнате, сразу поднимал крик: «Сколько же можно говорить! За ночь столько масла переводишь… Если так будет продолжаться, ты пустишь нас по миру!»[26]

Именно в это время Мао Цзэдуну попалась книга, пробудившая его интерес к политике. Она направила мятежный дух молодого человека в патриотическое русло. Это была работа крупного реформатора и компрадора Чжэн Гуаньина (он же Чжэн Чжэнсян) «Предупреждение об опасностях, угрожающих в цветущее время», изданная в 1893 году. В ней содержался призыв к изучению «науки о богатстве и могуществе», то есть заимствованию европейского индустриального опыта в целях модернизации Китая, и говорилось о необходимости введения в Срединной империи конституционной монархии по британскому образцу. Автор выступал против традиционных конфуцианских устоев, за ограниченные буржуазные реформы, направленные на укрепление государства[27].

Чтобы понять ту роль, которую эта книга сыграла в жизни подростка Мао Цзэдуна, надо, хотя бы кратко, представить себе положение, в котором тогда находилась Китайская империя. Дело заключалось в том, что к началу XX века в результате агрессии

развитых капиталистических держав Китай оказался в состоянии полуколониальной экономической зависимости. Две так называемые «опиумные войны» (1839–1842 и 1856–1860), первую из которых вела против Китая жаждавшая легализации торговли опиумом Англия, а вторую — она же в союзе с Францией, привели к заключению Срединной империей неравноправных договоров с «заморскими волосатыми дьяволами» — так китайцы за глаза именовали белых колонизаторов. Китай потерял экономическую независимость: контроль над его таможнями перешел в руки завоевателей. Иностранные торговцы получили также право не платить внутренние торговые пошлины *(лицзинь),* которые китайские купцы, напротив, были обязаны выплачивать при пересечении границ провинций. Китайские торговцы, таким образом, оказались в неравном положении с чужеземцами. Иностранцы, и не только французы и англичане, но и многие другие, получили, кроме того, право создавать свои поселения (сеттльменты) в открытых для них портах. В 1860 году таких портов было пятнадцать. На территории Китая иностранцы пользовались правом экстерриториальности, или иначе — консульской юрисдикции, то есть были неподсудны китайским судам.

Дешевые западные товары начали наводнять китайский рынок, в результате чего миллионы ремесленников обанкротились. Резко возросло налоговое бремя: Китай, как страна, потерпевшая военные поражения, должен был выплачивать многомиллионные контрибуции.

Вовлечение Китая в мировую хозяйственную систему привело к глубочайшему экономическому и социальному кризису. В результате страну потрясло грандиознейшее антиманьчжурское выступление разорившихся крестьян и ремесленников, вошедшее в историю под названием тайпинского восстания. Слово *тайпин* означает «великий мир». Именно к созданию «Небесного государства великого мира», основанного на идеалах равенства, и призывал вождь восставших Хун Сюцюань, сельский учитель из южной провинции Гуанси. Вдохновение он черпал из христианского учения в его баптистском и пуританском истолкованиях. При этом он, правда, многое добавлял от себя. Например, считал, что является младшим братом Иисуса Христа. По его собственным словам, он узнал о своем происхождении от самого Бога-отца, явившегося к нему во сне вместе с Иисусом. «Небесное государство великого мира» должно было восторжествовать на обломках коррумпированной Цинской династии. Путь к идеалам «мира» и «справедливости» восставшие прокладывали огнем и мечом, грабя и убивая не только

маньчжуров, но и китайских *тухао* и *лешэнь*.

В ходе гражданской войны было уничтожено более 20 миллионов человек. Страна оказалась на грани развала. В 1861–1894 годах Маньчжурский двор, главой которого была вдовствующая императрица Цыси, попытался осуществить ряд реформ, направленных на «самоусиление» государства. Цыси и ее любовник принц Гун, младший брат умершего императора, а также влиятельные китайские сановники — покорители тайпинов Цзэн Гофань, Ли Хунчжан, Цзо Цзунтан и другие стремились индустриализировать и модернизировать Китай, с тем чтобы превратить его в мощную военную державу. Они начали строить промышленные предприятия, арсеналы и судоверфи, прокладывать железные дороги, открывать современные университеты, издавать газеты и журналы. При этом государство формально перестало вмешиваться в дела частного бизнеса, что дало импульс предпринимательской активности населения. И все же капитализм в Китае развивался крайне медленно и противоречиво: используя власть, коррумпированные государственные чиновники и крупные местные воротилы ограничивали инициативу отдельных предпринимателей-частников, стремясь пресечь конкуренцию. Индустриальные предприятия принадлежали в основном бюрократическому капиталу, а также региональным олигархам, наиболее крупные из которых располагали собственными вооруженными силами. (У Цзэн Гофаня, как уже говорилось, была личная Сянская армия, выросшая в годы борьбы с тайпинами. Ли Хунчжан владел Аньхойской армией, а Цзо Цзунтан — так называемой «Армией вечного спокойствия».) С самого начала капитализм в Китае приобретал монополистический характер. К началу XX века в стране насчитывалось чуть более 12 миллионов рабочих, из которых три четверти, то есть порядка девяти миллионов, были заняты на крупнейших (свыше 500 занятых) предприятиях. Именно потому, что государство стало исповедовать идеологию свободного рынка, благоприятных условий для отечественного среднего и мелкого предпринимательства создано не было.

Прогрессивно мыслящие патриоты, одним из которых как раз и был Чжэн Гуаньин, поддерживая начинания правительства, направленные на самоусиление, в то же время критиковали монополистическую экономическую политику крупнейших сановников. Они советовали не тормозить развитие мелкого и среднего бизнеса, углублять и в какой-то мере радикализировать реформы. Многие их предложения касались необходимости осуществления не только экономических, но и политических реформ, либерализации государственной системы и органов

правосудия. Их, однако, не слушали. В результате программа реформ провалилась: в 1885 году Китай постигла неудача в новой войне против Франции, а в 1895 году он потерпел унизительное поражение от Японии, которую китайцы привыкли считать слаборазвитым государством. И хотя разгром китайских войск армией микадо вызвал новый и еще более сильный всплеск патриотических настроений, реформаторским планам не суждено было реализоваться. Лидеры нового движения за реформы, такие как Кан Ювэй и Лян Цичао, выдающиеся философы и литераторы, призывали молодого и прогрессивно мыслящего императора Гуансюя стать китайским Петром I, настаивая на скорейшем введении конституционно-монархического строя, вестернизации армии и образования, дальнейшем развитии предпринимательства. В 1898 году в течение ста дней император, сочувствовавший реформаторам, предпринимал усилия по организации новых реформ. Он даже вынашивал планы военного переворота, стремясь отстранить от участия в управлении государством вдовствующую императрицу. За помощью он обратился к крупному генералу Юань Шикаю. Однако все было тщетно: генерал предал его, рассказав Цыси о заговоре. Напуганная политической активностью племянника реакционная императрица объявила его сумасшедшим. Гуансюя отстранили от власти и посадили под домашний арест. Ряд реформаторов был казнен, Кан Ювэю и Лян Цичао пришлось бежать за границу.

В Китае не существовало гражданского общества. И так как любые оппозиционные выступления подавлялись, многие трезвомыслящие интеллигенты вынуждены были заниматься политической деятельностью вне страны. Наряду с Кан Ювэем и Лян Цичао одним из таких людей был Сунь Ятсен (настоящее имя — Сунь Вэнь), выходец из южной провинции Гуандун, ученик Чжэн Гуаньина.

> Сунь родился в 1866 году, учился на Гавайях, в Кантоне и Гонконге. В 1892 году окончил медицинский колледж. Разочаровавшись в реформаторском движении, Сунь в 1894 году покинул Китай. Он перебрался на Гавайские острова, где жил его старший брат. Здесь, в Гонолулу, в ноябре 1894 года он создал первое китайское революционное общество — «Синьчжунхуэй» («Союз возрождения Китая»). В отличие от реформаторов доктор Сунь Ятсен требовал не конституционно-монархического переустройства общественно-политической системы Китая, а его революционного преобразования на республиканских началах. В январе

1895 года отделение союза было создано на юге Китая, в английской колонии Гонконг, а вскоре — и в расположенном поблизости крупном китайском городе Кантоне, в который затем переехал и сам Сунь Ятсен. Осенью того же года члены союза организовали первое антиманьчжурское восстание в Кантоне, которое (увы!) закончилось поражением. Сунь Ятсен был вынужден бежать за границу, а за его голову назначили большую награду. В эмиграции доктор Сунь проведет шестнадцать лет, даже больше, чем Ленин. И так же, как вождь революционного движения в России, вернется на родину спустя два месяца после антимонархической революции.

Несмотря на серьезное поражение, «Союз возрождения Китая» выжил и вскоре продолжил активную революционную деятельность. В 1901–1904 годах в Китае появились и новые революционные организации. В 1905 году многие из них слились в так называемый «Чжунго гэмин тунмэнхуэй» («Китайский революционный объединенный союз»), или сокращенно — «Тунмэнхуэй» («Объединенный союз»). Президентом «Объединенного союза» был избран Сунь Ятсен, выдвинувший радикальную политическую программу — так называемые три народных принципа — национализм, народовластие и народное благосостояние.

Под национализмом Сунь Ятсен подразумевал свержение маньчжурской монархии. Под народовластием — образование республики, а народное благосостояние означало национализацию земли, основного средства производства в Китае, в целях усиления регулирующей роли государства в китайской экономике. Суньятсеновский этатизм (от фр. *état* — государство), то есть политический курс, обеспечивающий государственный приоритет в экономике, был направлен против олигархического капитализма, создававшего условия для исключительного обогащения власть предержащих. Целью китайского революционера было использовать государственные рычаги для того, чтобы способствовать развитию в Китае среднего класса. Государство у Сунь Ятсена выступало как контролирующая и направляющая сила. Важную роль в государственной экономической политике должен был играть прогрессивный налог с цены на землю. Введение такого налога с точки зрения Сунь Ятсена могло положить конец монополистической политике олигархических бюрократических структур, способствуя построению справедливого общества равных возможностей. «Поднебесная для всех!» — провозглашал

Сунь Ятсен.

Примерно в то время, когда Кан Ювэй и Сунь Ятсен, каждый по-своему, искали пути возрождения и обновления Китая, на севере Срединной империи произошло еще одно мощное крестьянское восстание. На этот раз оно было направлено против «заморских волосатых дьяволов». Восстанием руководило тайное религиозное общество «Ихэтуань» («Отряды справедливости и мира»), состоявшее в основном Из мастеров боевых искусств — ушуистов. Как и члены «Братства меча», воины «Ихэтуань» считали, что физические и дыхательные упражнения, а также магия и колдовство делают их неуязвимыми для вражеских пуль, снарядов и сабель. Их приемы борьбы напоминали кулачный бой. Поэтому иностранцы, впервые столкнувшись с ними, прозвали их боксерами. Восстание началось в 1898 году в провинциях Шаньдун и Чжили. 13 июня 1900 года повстанцы взяли столицу Китая, город Пекин, разграбили богатый купеческий квартал, сожгли тысячи домов и осадили здание иностранной дипломатической миссии. Против Цинов они ничего не имели: их ненависть главным образом была направлена на миссионеров, а также китайцев-христиан. Ну заодно, конечно, грабили и убивали просто богатых людей.

Это звучит невероятно, но Цыси поддержала восстание «ихэтуаней». Известно, что она устроила им испытание, пригласив группу «неуязвимых» к себе в Запретный город. По приказу императрицы солдаты ее личной гвардии выстроили приглашенных «боксеров» в ряд вдоль стены и дали по ним ружейный залп. Никто из «ихэтуаней» даже не был ранен! Потрясенная чудом, Цыси 21 июня 1900 года объявила войну всему миру!

Чудо, однако, было недолговечным. Объединенная армия восьми держав — Австро-Венгрии, Великобритании, Германии, Италии, России, Соединенных Штатов, Франции и Японии разбила и войска ушуистов, и армию Цинов. Интервенты вошли в Пекин, где 7 сентября 1901 года крупный сановник Ли Хунчжан и великий князь Цин от имени китайского правительства подписали новый неравноправный договор (так называемый «Заключительный протокол»), согласно которому Китай в течение 39 лет должен был выплачивать новую контрибуцию — огромную сумму в 450 миллионов лянов серебра (1 лян равнялся 31,25 грамма). Иными словами, Китай должен был передать державам более 140 тысяч тонн серебра. По ценам того времени это составляло 301 миллион 500 тысяч золотых американских долларов. С учетом процентов (4 % годовых) общая сумма контрибуции достигала 320 тысяч тонн серебра, то есть 670

миллионов золотых долларов США! Китайские войска выводились из Пекина, а иностранные, наоборот, расквартировывались в столице.

Таким образом, в начале XX века Китай оказался в полной экономической, а частично и политической зависимости от иностранных держав. Зарубежные бизнесмены господствовали на рынке страны. В мировом разделении труда Срединная империя занимала третьеразрядное место.

Потерпев новое сокрушительное поражение, Цины в 1901 году вновь приступили к реформам, объявив о переходе к «новой политике». Двор начал обсуждать возможность введения конституции, стал принимать ряд мер, направленных на стимулирование частного предпринимательства. Началось строительство «новой армии». Было организовано 36 современных и боеспособных дивизий взамен архаичных средневековых войск. В самый разгар реформаторского движения, 14 ноября 1908 года, скончался император Гуансюй, так и не дождавшийся освобождения из-под ареста. Его властолюбивая тетка, императрица Цыси, ненамного пережила его. Назначив новым императором своего трехлетнего внучатого племянника Пу И, она скончалась ровно через сутки, 15 ноября 1908 года. Ей было 73 года. Незадолго до кончины Цыси якобы со слезами на глазах сказала отцу Пу И, великому князю Чуню: «Вот я и состарилась. Правила несколько десятков лет, а никакой пользы стране не принесла!» Затем, помолчав и устремив на замершего от страха князя полный тоски взгляд, добавила: «Никогда не позволяйте женщине править страной!» Это были ее последние слова.

В воздухе повеяло большими переменами. Новые правители страны — великий князь Чунь, назначенный регентом, и его дядя, великий князь Цин — активизировали мероприятия по введению конституции. В 1909 году прошли выборы в провинциальные совещательные комитеты по подготовке конституции. Эти комитеты стали центрами либеральной оппозиции. Было объявлено, что в 1913 году пройдут выборы в парламент.

Вместе с тем зависимость Китая от империалистических держав усиливалась. К 1912 году государственный долг Китая составлял 835 миллионов лянов. Для иностранцев было уже открыто 107 портов. Общественно-политический кризис углублялся.

Почти ничего этого подросток Мао не знал. Возможно, он и слышал о чем-то, но не заострял внимания. Главные события той эпохи проходили мимо него. Интересно, что в беседах с Эдгаром Сноу Мао Цзэдун ни словом не обмолвился даже о тайпинском и

боксерском восстаниях. Предположим, об «ихэтуанях» маленькому Мао мог никто и не рассказать — Шаошань действительно была медвежьим углом, и никто в округе газет не читал. Интересно, что даже о смерти императора и императрицы Мао узнал лишь спустя два года после восшествия на престол Пу И[28]. Но уж о тайпинах-то ему наверняка говорили! Многие очевидцы тех ужасных событий еще были живы. Да и отец Мао в 1880-е годы служил в «Сянской армии», именно той, которая в 1860-е годы подавляла тайпинский бунт.

Как бы то ни было, но интерес Мао Цзэдуна к общественной деятельности пробудила книга патриотически настроенного реформатора, а не писания революционеров и меморандумы крестьянских вождей. Именно трактат Чжэн Гуаньина заставил его всерьез задуматься над продолжением школьного образования. Чувства социального протеста, разжигавшиеся в душе молодого Мао «разбойничьими» книгами и личными впечатлениями от восстаний, на какое-то время оказались подавлены новыми для него националистическими настроениями.

Произошел новый конфликт с отцом, усугубившийся решением родителей женить Мао Цзэдуна. Как раз в то время (в конце 1907-го или в 1908 году) ему подобрали девушку, которая, казалось, была из достойной семьи. Приходилась она Мао Цзэдуну дальней родственницей: его дед, Мао Энигу, и ее бабушка были братом и сестрой. Звали девушку Ло Игу («Первая дочка»), и была она на четыре года старше Мао (Игу родилась 20 октября 1889 года). Ее отец, Ло Хэлоу, был деревенским интеллигентом, *шэньши,* но занимался в основном крестьянским трудом. Семья была очень бедной и несчастливой. Из пяти сыновей и пяти дочерей у Ло Хэлоу и его жены выжили только три дочери. Все остальные дети умерли в малолетстве. Смерть сыновей была тяжелым ударом: только мальчики считались в Китае подарком судьбы. От девочек было мало проку в хозяйстве. Ло Хэлоу трудно было прокормить четверых женщин, и он рад был отдать старшую из них в семью Мао Ичана. А тому как раз нужна была помощница для жены. Несмотря на еще молодые годы, здоровье Вэнь Цимэй, подорванное тяжелым трудом, ухудшалось. Убирать дом и готовить пищу ей становилось все труднее.

В соответствии с традицией в дом невесты послали свах. Хотя Ло Хэлоу и был несказанно рад, сватовство заняло какое-то время: принимать предложение сразу считалось неприличным. Наконец стороны обменялись подарками и заключили брачный контракт, нарушать который было уже нельзя ни под каким

видом. Даже если невеста умирала до свадьбы, табличку с ее именем переносили в дом жениха и ставили на семейный алтарь. Если же умирал жених, невеста должна была переехать в дом «мужа» вдовой.

Только в день заключения брачного контракта Мао Цзэдун и его невеста в первый раз встретились. Мы не знаем, понравилась ли Ло Игу нашему герою, но в любом случае, в отличие от Митрофанушки, он хотел не жениться, а учиться. К сожалению, он должен был подчиниться воле родителей: к тому моменту, когда он узнал о их намерении женить его, дело зашло уже слишком далеко. Брачный договор был подписан. День свадьбы определили, и вместе с запиской о дате бракосочетания Мао Ичан вручил Ло Хэлоу выкуп и прочие ритуальные подарки. Все должно было быть обставлено торжественно: Мао Ичан был не последним человеком в деревне, да и образованный Ло Хэлоу пользовался уважением.

Согласно обычаю пир, на который приглашались многочисленные родственники и знакомые, начинался в доме жениха за день до свадьбы. В день бракосочетания невеста, одетая во все красное, в красном паланкине переезжала в дом суженого. Лицо ее закрывала вуаль из красного шелка, а губы были накрашены ярко-красной помадой. Девушка обязана была выражать недовольство, плакать и причитать, называя будущего мужа «волосатым насекомым», «алчным, ленивым и курящим табак псом», «пьяницей» и т. п. У дома жениха устраивался фейерверк. Затем жених и невеста отвешивали земные поклоны перед алтарем предков жениха духам Неба и Земли, Солнцу и Луне, «государю и стихиям воды и земли» и в завершение всего — душам умерших предков. После этого кланялись друг другу. На этом обряд бракосочетания заканчивался. Молодые считались мужем и женой. Гости продолжали пировать еще два дня, дарили подарки, как правило, деньги. После же обильного пиршества устраивали смотрины молодых. Это в шутку называлось «создавать переполох в брачных покоях». Специальный распорядитель, «домашний чиновник», в одежде, увешанной листьями, с лицом, размалеванным черной тушью, вводил в брачные покои гостей, которые начинали отпускать непристойности или петь куплеты скабрезного содержания. Чтобы прекратить безобразия, молодой муж должен был платить выкуп. Как и в России, новобрачная обязана была предъявлять свекрови запачканные кровью простыни в доказательство своей невинности.

Все эти церемонии Мао Цзэдун перенес с трудом. По его словам, жену он не принял и жить с ней отказался. «Я никогда не

жил с ней — ни тогда, ни после. Я не считал ее своей женой», — заявлял он Эдгару Сноу[29]. Интересно, что Мао настолько не придавал значения этой своей первой женитьбе, что даже не запомнил, сколько лет было его жене, когда их сосватали. Упомянув о свадьбе мимоходом, он сказал: «Мои родители женили меня, когда мне было четырнадцать, на девушке двадцати лет». На самом деле Ло Игу было восемнадцать[30]. Трудно, конечно, поверить, что подросток четырнадцати лет отказался разделить постель с восемнадцатилетней девушкой, но никаких доказательств того, что Мао говорил Эдгару Сноу неправду, у нас нет.

Известно только, что вскоре после свадьбы Мао сбежал из дома и полгода прожил у одного знакомого безработного студента, там же в Шаошани. Он продолжал запоем читать, с огромным интересом прочел «Исторические записки» древнекитайского летописца Сыма Цяня, а также служащую их продолжением «Историю династии Хань» другого известного историка древности Бань Гу. В этих книгах описывались деяния великих правителей Древнего Китая, героев и антигероев, полководцев, политиков и философов. Наряду с этим его внимание стали привлекать и современные статьи и книги. Он внимательно ознакомился с работой еще одного известного реформатора Фэн Гуйфэня «Протест Цзяо Биньлу», изданной в 1883 году. В ней говорилось об иностранной агрессии против Китая и предлагалось «опираться на собственные силы», то есть заимствовать западную технику и технологию, но не менять основы китайской идейно-политической системы[31]. Тогда же он прочитал одну из брошюр молодого китайского революционера Чэнь Тяньхуа, которая, по его признанию, произвела на него особенно сильное впечатление. В брошюре рассказывалось о расчленении Китая. «Я помню даже сейчас, — рассказывал Мао, — что эта брошюра начиналась словами: „Увы! Китай будет покорен!“ Речь в ней шла о японской оккупации Кореи и Формозы [Тайваня], потери контроля над Индокитаем, Бирмой и другими странами. После того как я прочитал это, я почувствовал волнение за будущее моей страны и начал осознавать, что долг всего народа помочь спасти страну»[32].

Бедная Ло Игу! «Ни баба, ни девка», — говорили о таких в деревнях. Молча сносила она унижение. Как пишет один из биографов Мао, английский журналист Филип Шорт, кое-кто из жителей Шаошани считал, что она осталась в новой семье в качестве наложницы отца Мао[33]. Возможно, так оно и было, а может и нет. Кто знает? Жить ей все равно оставалось недолго. 11 февраля 1910 года, на второй день Нового года по лунному

календарю, она умерла от дизентерии[34]. Было ей тогда немногим более 20 лет.

Кстати, о семействе бывшего тестя, несмотря ни на что, Мао Цзэдун сохранил добрые воспоминания. После революции, став руководителем коммунистического Китая, он даже послал Ло Хэлоу письмо, прося его переехать в Пекин. К сожалению, тот выполнить просьбу зятя уже не мог: за несколько лет до того, в декабре 1943 года, он скончался.

Удивительно, но отец Мао, похоже, простил «неблагодарного» сына, опозорившего его перед всей деревней. Не таким уж он, видно, был плохим человеком, каким остался в памяти Мао Цзэдуна! И когда строптивый сын через несколько месяцев после смерти жены, осенью 1910 года, имел наглость потребовать от него денег на продолжение образования, он под натиском родственников и соседей скрепя сердце согласился. А платить-то надо было немало: 1400 медных монет, то есть около одного китайского серебряного доллара, за пять месяцев обучения, общежитие и пользование библиотекой. Школа, которую выбрал Мао Цзэдун, была непростая. В ней преподавали современные, в том числе естественные, науки и использовали европейские методы обучения. Находилась она в местечке Дуншань, в соседнем уезде Сянсян, за пятьдесят *ли* к югу от Шаошани, и называлась Дуншаньской начальной школой высшей ступени.

Мао шел тогда семнадцатый год. В сопровождении двоюродного брата по материнской линии, Вэнь Юньчана, который, будучи старше Мао на девять лет, уже учился в названной школе, он впервые в жизни покинул родные места. Собственно говоря, двоюродный брат и уговорил Мао поступить в это учебное заведение.

Кстати, ненавидимый им отец вместе со всеми родственниками провожал его до самого края деревни[35], а когда вернулся домой, нашел на столе стихи, которые будущий студент Дуншаньской школы написал ему перед тем, как пуститься в путь[6]:

Сын полон решимости бросить
Дом деревенский свой.
В ученье добьюсь я славы,
А нет — не вернусь домой.

И кости мои зароют
Не все ли равно мне где?
Для человека горы
Всегда хороши везде[36].

Уже тогда он горел желанием оставить след в истории человечества! Книги о великих китайских императорах, двое из которых — ханьский Лю Бан (247–195 до н. э.) и минский Чжу Юаньчжан (1328–1398) — были выходцами из беднейших низов, кружили голову молодого Мао Цзэдуна. Именно эта страсть — добиться славы — и делает детей обыкновенных людей выдающимися учеными, писателями и политиками. Человек без амбиций обречен на прозябание. Чувство патриотизма звало Мао на подвиг. Гордый дух провинциала толкал вперед.

Но оказалось, что путь к славе тернист. В новой школе бедно одетого крестьянского сына, худого и долговязого (рост Мао был 177 сантиметров, что нетипично для низкорослых жителей из южных провинций Китая), одноклассники встретили враждебно. Большинство из них являлись сынками богатых помещиков, да к тому же все они, в отличие от Мао, были выходцами из уезда Сянсян. Их распирала спесь, и чужак Мао вызывал у них презрение. Все в нем их раздражало, включая его речь.

Дело в том, что диалекты китайского языка удивительно разнообразны. В стране существует одиннадцать основных диалектов. Житель Пекина, например, никогда не поймет речь кантонца, а тот и другой с трудом разберутся в том, что хочет сказать шанхаец. Официальный китайский язык *путунхуа* (общераспространенная речь) является языком жителей северной части страны, но для большей части населения он неродной. Во многих местах Китая на разных диалектах говорят даже жители соседних уездов. Именно так обстояло дело с выходцами из двух уездов Хунани, отделенных друг от друга только горой Шаошань, — Сянтаня, где родился Мао Цзэдун, и Сянсяна, откуда родом была его мать и где ему пришлось посещать Дуншаньскую школу[37]. Понимать-то друг друга жители этих мест, конечно, могли, но давалось им это не очень легко. Испокон веку преодоление диалектической разобщенности населения было насущной проблемой китайского правительства.

Лишь несколько человек в школе симпатизировали Мао. Наиболее же близкие отношения у него сложились (помимо отношений с двоюродным братом) со студентом по имени Сяо Цзычжан (он же Сяо Сань). Позже, в 1920 году, Сяо уедет на работу и учебу во Францию и в 1923 году вступит в Европейское отделение китайской компартии. В 1927 году он надолго отправится в Советский Союз, где под псевдонимом Эми Сяо станет известным писателем и поэтом и одним из первых биографов Мао Цзэдуна. В 1934 году он примет участие в Первом

съезде советских писателей.

Одного друга и двоюродного брата было, однако, недостаточно. Мао с его тяжелым властным характером страдал от враждебного отношения большинства одноклассников. «Морально я чувствовал себя очень подавленным», — будет он вспоминать позднее[38].

Тем острее хотелось ему достичь успеха! Обиды лишь раздражали его непокорный и своенравный дух, закаляли волю и усиливали враждебность к тем, кто хоть в чем-то превосходил его. В конце концов ему удалось добиться того, что педагоги полюбили его за усердие. Уроки сурового учителя шаошаньской школы не пропали даром. Мао мог писать хорошие сочинения в классической манере, был прилежен и трудолюбив. Как обычно, он много читал. Любовь к книгам будет сопровождать его всегда, хотя и не все из прочитанного окажет на него влияние. В период пребывания в Дуншаньской школе он по-прежнему интересовался сочинениями по истории, особенно теми, где рассказывалось о правителях Древнего Китая: легендарных мудрецах Яо и Шуне, кровавом императоре Цинь Шихуанди, а также знаменитом ханьском правителе Уди, первым из властителей Китая покорившим северных кочевников сюнну (гуннов) и подчинившим Китаю Восточный Туркестан, Вьетнам и Корею. Впервые он познакомился с географией и стал читать работы по зарубежной истории. Внимание его привлекла книга под названием «Великие герои мира», из которой он узнал о Наполеоне, Екатерине II, Петре I, Веллингтоне, Гладстоне, Руссо, Монтескье и Линкольне[39]. Таким личностям хотелось подражать!

Главными же для него в то время стали издания, рассказывавшие о Кан Ювэе и реформаторском движении 1898 года, в том числе номер журнала «Синьминь цунбао» («Обновление народа»), издававшийся Лян Цичао в Йокогаме. Он был буквально потрясен этими изданиями, с которыми его познакомил двоюродный брат. «Я читал и перечитывал их до тех пор, пока не выучил наизусть», — говорил он впоследствии. Настоящим кладезем знаний стала для него книга Лян Цичао «Изъяснение обновления народа», опубликованная на страницах «Синьминь цунбао» в 1906 году. В этой философской работе известный реформатор, по его собственным словам, «хотел отыскать первопричину гниения и отставания народа нашего государства и сравнить с развитием прогресса в других странах, чтобы народ, зная, в чем заключаются наши пороки, сам остерегался зла, сам себя подгонял в движении вперед»[40]. Наибольшее впечатление на Мао произвели рассуждения Лян Цичао о прогрессивной роли либеральной конституционной

монархии и регрессивном воздействии на общественную жизнь монархии деспотичной. Прочитав одну из глав — «О государственной идеологии», Мао сделал следующую запись: «В конституционном государстве конституция устанавливается народом; монарх пользуется любовью народа. В деспотическом государстве закон устанавливается монархом; перед монархом, а не перед народом преклоняются». И далее: «В первом случае речь идет об Англии и Японии, во втором — о ряде династий, которые на протяжении нескольких тысяч лет грабили Китай»[41].

Мао буквально молился на Кан Ювэя и Лян Цичао, считая, что «честному, доброму и умному» императору следовало призвать себе на помощь Кана и Ляна и даровать стране конституцию. Им по-прежнему двигали националистические чувства, которые от чтения книг реформаторов только укреплялись. Ведь Лян Цичао и Кан Ювэй были настроены крайне шовинистически. Обновление Китая по англо-японскому образцу должно было с их точки зрения привести к победе Срединной империи во всемирной конкурентной борьбе наций, к установлению китайского гегемонизма. В противном случае, утверждали идеологи реформаторства, Китай должен будет погибнуть.

В школе он узнал о победе Японии над Россией в 1905 году. Об этом ему и другим студентам с восторгом рассказывал молодой преподаватель музыки и английского языка, учившийся в Японии. Мао был горд победой японцев и, спустя много лет, смог даже напеть Эдгару Сноу японскую песенку «Бой в Желтом море», которую любил исполнять его учитель. В песенке прославлялись японские войска, разгромившие русских. «В то время я осознавал и ощущал красоту Японии и в какой-то мере ее гордость и могущество, воспеваемые в этой песне, посвященной ее победе над Россией», — говорил Мао[42]. Скорее всего, он симпатизировал японцам не потому, что радовался победе «желтой расы над белой», как утверждают некоторые из его биографов[43]. Обвинять его в расизме вряд ли правильно. Мао был в то время патриотом-националистом, а не расистом. Да и с какой стати было ему мечтать о союзе с Японией против белой расы, если японцы не менее хищнически, чем европейцы и американцы, грабили его страну? Победа Страны восходящего солнца в войне с царской Россией могла вызывать у него восторг только потому, что доказывала преимущества конституционной монархии над деспотизмом. Тем самым подтверждались концепции обожаемых им реформаторов: даже азиатская страна, вставшая на путь политической модернизации, может повергнуть в прах мощную европейскую державу, скованную цепями абсолютизма!

В Дуншаньской начальной школе он оставался всего шесть-семь месяцев. В начале 1911 года Мао принял решение уехать в столицу провинции Хунань, город Чаншу, с тем чтобы поступить в среднее учебное заведение, открытое для выходцев из уезда Сянсян. От одного из своих учителей он получил рекомендательное письмо, собрал небольшие пожитки и ранней весной пешком за 120 *ли* отправился в большой и совершенно незнакомый город. Позади оставались детство и отрочество, Дуншаньская школа, окруженная высокой крепостной стеной, заносчивые одноклассники и любящие учителя. Впереди его ждал новый мир, манящий и пугающий одновременно.

«Я МЫСЛЮ, СТАЛО БЫТЬ, СУЩЕСТВУЮ»

В Чанше он прожил более семи лет. Его буквально ошеломил этот город, первый в его жизни. Огромные, двух- и трехэтажные дома, бесконечное количество джонок, покачивавшихся на волнах у каменной пристани. По отзывам современников, в начале XX века Чанша являлась одним из лучших городов Китая[44]. Расположенная на правом берегу полноводной и широкой (до 200 метров) реки Сянцзян, она была окружена мощной каменной стеной с высоченными башнями, возвышавшимися над семью ведущими в город проходами-туннелями, которые наглухо закрывались на ночь крепостными воротами. В южной части стены, построенной во времена Минской династии (1368–1644), высилась еще одна, семиэтажная, башня, само название которой говорило о ее колоссальных размерах: «Терем, достигающий сердца неба» (Тяньсиньгэ). В городе поражало все. Широкие улицы, вымощенные камнем, длинная, единственная в Китае каменная набережная, электрический свет во дворце губернатора и нескольких других роскошных особняках, два конфуцианских храма под желтыми черепичными крышами, но больше всего — железная дорога, проходившая по восточной окраине города, вдоль крепостной стены. Построили ее всего за три года до приезда Мао Цзэдуна. И вот впервые в жизни Мао мог увидеть чудо западной техники — паровоз! Впечатляли и торговые ряды с огромными семи- и восьмиметровыми вывесками, висевшими, как знамена, на длинных шестах вдоль стен, одна за другой. В торговых лавках было полным-полно любого товара, хоть иностранного, хоть китайского. Не случайно Чанша считалась одним из самых оживленных торговых центров Китая. Проживало в ней более 200 тысяч человек. Улицы были заполнены народом. Шум и грохот стояли невыносимые. Один из путешественников, впервые посетивший тогдашнюю Чаншу, писал: «Мы сразу почувствовали неотразимое очарование этих улиц. Жизнь города, казалось, неистово пульсировала в каждой из этих артерий». Такое же впечатление произвела Чанша и на Мао Цзэдуна. «Это был очень большой город с множеством людей, бесчисленными школами и дворцом губернатора. Это было невероятно величественное место!» — с восторгом рассказывал он Эдгару Сноу[45].

Чанша (в древности она называлась Циньян, а затем — Чу) была основана три тысячи лет назад и к началу V века до н. э. превратилась в относительно крупный город. В V веке до н. э. она стала столицей мощного южнокитайского государства Чу, однако

спустя два столетия была захвачена правителем западного царства Цинь, будущим объединителем страны и первым императором Китая Цинь Шихуанди. По повелению императора город был переименован в Чаншу («Длинные пески»). Прямо напротив городских стен на реке Сянцзян находится длинный и узкий, как коса, песчаный остров, утопающий в мандариновых садах (не случайно остров называется Цзюйцзычжоу — Мандариновый). Он поразил воображение Цинь Шихуанди своими пляжами, тишиной и покоем. Песчаный остров и дал название городу. В 1664 году, при маньчжурском императоре Канси, Чанша стала столицей вновь образованной провинции Хунань.

За островом Цзюйцзычжоу, на левом берегу реки, высится гора Юэлу («Подножие вершины»). Она небольшая — всего 256 метров, но так же, как Шаошань, священная. В начале прошлого века на ее склонах, густо поросших вечнозелеными лесами, было расположено несколько буддистских и даосских храмов и монастырей, в которых проживало несколько тысяч монахов и монахинь. У восточного склона горы находилась знаменитая Академия Юэлу, основанная еще в 976 году, во время Сунской династии. В стенах академии преподавал крупнейший философ сунского Китая Чжу Си (1130–1200), выдающийся конфуцианец. В 1903 году, незадолго до приезда в Чаншу Мао Цзэдуна, академия была реорганизована в Хунаньский институт высшего образования — современное по тем временам учебное заведение.

В городе имелось небольшое количество иностранцев, обосновавшихся на острове Цзюйцзычжоу. Наибольший контингент составляли американцы, в 1906 году основавшие в Чанше отделение Йельского университета и госпиталь Яли. Проявляли активность и миссионеры: как католики, так и протестанты. Чанша была открыта для международной торговли сравнительно поздно, в июле 1904 года, и местные жители к чужестранцам еще не привыкли. Антииностранные настроения были очень сильны. Поэтому, несмотря на подписанный центральными властями в 1903 году так называемый шанхайский договор о создании в Чанше международного сеттльмента, губернатор провинции под давлением общественности не разрешал местным жителям продавать иностранцам дома, находившиеся внутри городских стен. Вот как описывал реакцию местных жителей на появление на улицах иностранцев Эдвард Хьюм, американский врач госпиталя Яли: «Матери оттаскивали детей, пряча их от „дурного глаза“. Некоторые зажимали носы, когда мы проходили мимо. Горничная сказала нам, что запах, издаваемый иностранцами, настолько характерный, что китайцы

знают о нашем присутствии, даже если не видят нас. Какие-то подростки… бежали за паланкином, крича: „Заморский дьявол!“»[46]

В общем, впечатлений от города у Мао Цзэдуна была масса. Сердце тревожно билось. Юноша был потрясен и взволнован. Он боялся, что ему откажут в приеме в «великую» городскую школу. К его удивлению, он был зачислен. Но и на этот раз проучился он лишь несколько месяцев. В октябре 1911 года в стране началась антимонархическая революция. Она разразилась внезапно, была относительно бескровной и почти не затронула широкие массы крестьянства[47]. Поводом к ней послужило восстание 8-го саперного батальона «новой армии», расквартированного в городе Учане (провинция Хубэй, Центральный Китай) вечером 10 октября. Большинство солдат этого батальона были членами революционной организации «Союз всеобщего прогресса» («Гунцзиньхуэй»), имевшего тесные связи с «Объединенным союзом». Поднял солдат на восстание двадцатишестилетний сержант Сюн Бинкунь, возмутившийся произведенной утром того же дня казнью без суда и следствия нескольких арестованных накануне революционеров. Саперов поддержали 29-й и 30-й пехотные полки, а также курсанты топографического военного училища. К утру 11 октября весь город оказался в руках повстанцев. На следующий день власть маньчжуров была свергнута в соседних с Учаном городах Ханькоу и Ханьяне. Таким образом, трехградье Ханькоу, Ханьян, Учан, известное под общим названием Ухань, оказалось в эпицентре революционных событий. Стихийное по своему характеру выступление вызвало взрыв антиманьчжурских настроений во многих городах страны. Однако руководителей «Объединенного союза» оно застало врасплох. Сунь Ятсен, находившийся в то время в Североамериканских Соединенных Штатах, узнал о нем из газет в вагоне поезда по дороге из Денвера (штат Колорадо) в Канзас-Сити. Вместо того чтобы устремиться на родину, он поспешил в Вашингтон и Лондон, рассчитывая с помощью друзей собрать необходимые «Объединенному союзу» финансовые средства. Зато местные учанские реформаторы-конституционалисты во главе с председателем хубэйского совещательного комитета по подготовке конституции тридцатисемилетним политиком Тан Хуалуном быстро сориентировались. Они не только перешли на сторону революции, но и возглавили ее. 11 октября в Учане было сформировано военное правительство провинции Хубэй, главой которого *(дуду)* стал командир 21-й бригады «новой армии» сорокасемилетний генерал-консерватор Ли Юаньхун. Гражданским же губернатором был избран Тан Хуалун.

В течение октября — ноября власть Цинов оказалась свергнута в пятнадцати из восемнадцати провинций империи. В большинстве из них гражданская власть перешла к бывшим реформаторам-конституционалистам, сделавшим все возможное, чтобы оттеснить подлинных революционеров от руководства. Военная же администрация оказалась в руках командиров местных подразделений «новой армии». Вновь сформированные провинциальные правительства одно за другим объявили о независимости их провинций от центральных властей.

В Чанше о событиях в Ухани, расположенной за более чем 700 *ли* к северу, узнали 13 октября, когда в город приехали представители Ли Юаньхуна. Один из них с разрешения директора школы, где учился Мао, выступил перед учащимися с зажигательной речью. На многих, в том числе и на Мао Цзэдуна, речь эта произвела ошеломляющее впечатление. К тому времени Мао под влиянием городской жизни уже эволюционировал из патриота-монархиста в убежденного республиканца. На мировоззрение юноши повлияло чтение первой в его жизни газеты «Миньли бао» («Народная сила»), являвшейся одним из печатных органов суньятсеновского «Объединенного союза». Именно из этой газеты, издававшейся с октября 1910 года на территории международного сеттльмента в Шанхае такими крупными соратниками Сунь Ятсена, как Юй Южэнь и Сун Цзяожэнь, молодой Мао узнал о вожде китайского демократического движения и его «трех народных принципах». Он стал горячо сочувствовать Сунь Ятсену. Из той же газеты он узнал о подавлении маньчжурскими властями очередного вооруженного восстания, организованного революционерами в Кантоне в апреле 1911 года. Восстанием руководил его земляк, хунанец Хуан Син, заместитель Сунь Ятсена по «Объединенному союзу». В кровавом бою с правительственными войсками погибли семьдесят два человека. Под впечатлением от прочитанного Мао решил написать статью. Эту первую свою работу он вывесил на одной из стен в школе на всеобщее обозрение. «Впервые я выразил политическое мнение, и оно было довольно путаным, — признавался он позже. — Я еще не преодолел восхищения Кан Ювэем и Лян Цичао. Неясно представлял я и различия между ними. Поэтому в своей статье настаивал на необходимости вызвать Сунь Ятсена из Японии для того, чтобы он стал президентом нового правительства, в котором бы Кан Ювэй получил пост премьера, а Лян Цичао — министра иностранных дел!»[48] Да уж, действительно в голове юноши, если говорить словами поэта, «крутилось и вертелось» от множества прочитанных книг! Ничего-то он по-настоящему пока не понимал

ни в реформизме Кан Ювэя и Лян Цичао, ни в революционизме Сунь Ятсена. Влекло его к этим людям только одно: жажда подвига. Неплохое чувство, если оно тем более подогревается страстным желанием борьбы за справедливость!

Встав на революционный путь, Мао еще до известия об уханском восстании отрезал свою косу. Это был бунт, так как длинные косы в знак покорности маньчжурам должны были носить все китайские подданные Цинской империи. Его примеру последовал тогда еще один ученик, но большинство испугались. Страстная речь посланца Ли Юаньхуна изменила атмосферу в школе. Через пять дней Мао и несколько его одноклассников решили бежать к восставшим, за более чем семьсот *ли* на север. Романтическое было время!

Но выйти из города храбрецам не удалось. В воскресенье, 22 октября, восстали солдаты 49-го полка, расквартированного неподалеку от Чанши. Не встретив сопротивления, они вошли в город через восточные ворота. Их поддержали солдаты 50-го полка, вошедшие в город с севера. Мятежники захватили все городские стратегические пункты. В тот же день было организовано военное правительство Хунани, во главе которого встали два молодых экстремиста, Цзяо Дафэн и Чэнь Цзосинь, тесным образом связанные с мафиозным «Обществом старших братьев» («Гэлаохуэй»). Порядки, установившиеся в администрации, красочно описывает американский профессор Джозеф У. Эшерик в одной из своих книг, посвященной революции 1911 года: «Новый режим Цзяо Дафэна не мог пользоваться поддержкой реформаторской элиты… Цзяо Дафэн носился по городу на коне в униформе военного губернатора, которую сам же для себя и придумал. Он явно производил впечатление на население, Поскольку слышны были „громкие приветственные крики каждый раз, когда губернатор появлялся“. Места в военном правительстве заполнили [его] друзья и соратники. Многие из них являлись членами тайных обществ. Из здания администрации „тянуло запахом бандитского логова“. Цзяо называл себя „Старший брат Цзяо“, а свой дворец — Ляншаньбо [так называлась база восставших крестьян в романе «Речные заводи»]… Офицеры и члены тайных обществ все время требовали наград, почестей, повышения по службе, денег за то, что принимали участие в революции. Молодые же революционные вожди легко шли у них на поводу»[49].

Администрация Цзяо Дафэна и Чэнь Цзосиня долго не продержалась. Уже через девять дней, 31 октября, в Чанше произошел военный переворот, вновь организованный солдатами 50-го полка. Цзяо и Чэнь были убиты. Власть, как и в других

местах, перешла к умеренным либералам. Во главе них встал бывший председатель хунаньского совещательного комитета по подготовке конституции, молодой миллионер Тань Янькай (ему тогда шел всего тридцать второй год). Спустя много лет, в 1936 году, Мао Цзэдун вспоминал об участии членов «Общества старших братьев» в антимонархической революции. В отличие от американского профессора Мао восхвалял их «славные дела»[50], а о Цзяо Дафэне и Чэнь Цзосине отзывался следующим образом: «Они не были плохими людьми и преследовали определенные революционные цели, но являлись бедняками и представляли интересы угнетенных. Землевладельцы и купцы не любили их. Через пару дней, когда я пошел навестить друга, я увидел их тела на улице. Восстание против них организовал Тань Янькай, представитель хунаньских землевладельцев и милитаристов»[51].

Занятия в школе были прерваны, и Мао решил записаться в революционную армию, чтобы внести свой вклад в революцию. Победа еще не была завоевана. Император Пу И не отрекался от престола, а Цинский двор вел переговоры с командующим крупнейшей в Китае Бэйянской армией, генералом Юань Шикаем (тем самым, кто когда-то предал императора Гуансюя), уговаривая его усмирить мятежников. Но Юань Шикаю нужна была вся полнота власти. Поэтому он медлил, дипломатично ссылаясь на мифическую «болезнь ног». Между тем тысячи маньчжурских семей, опасаясь расправы, срочно покидали Пекин. Они бежали на историческую родину, в Северо-Восточный Китай. 2 ноября Юань Шикай добился от Цинов своего назначения на пост премьер-министра. Интересно, что портфель министра юстиции в его правительстве получил кумир Мао Цзэдуна конституционный монархист Лян Цичао. Новый премьер связался с главами мятежных провинций и с некоторыми руководителями «Объединенного союза» (в частности, с Хуан Сином). Однако его переговоры с ними оказались безрезультатными: военные губернаторы и революционеры требовали свержения Цинской монархии, Юань Шикай же стремился к компромиссу с двором. В разгар событий, 25 декабря, в Китай наконец вернулся Сунь Ятсен. Ситуация обострилась. Вождь «Объединенного союза» ни в какие переговоры с Юань Шикаем вступать не хотел, он ратовал за военный конфликт. 29 декабря в городе Нанкине, бывшей столице минского Китая, делегаты от восставших провинций, объявив себя по примеру французских революционеров Национальным собранием, абсолютным большинством голосов избрали Сунь Ятсена временным президентом. 1 января 1912 года он вступил в должность и провозгласил образование Китайской Республики. Вице-президентом стал Ли Юаньхун.

Страна оказалась расколотой. В Пекине власть по-прежнему находилась в руках императора и Юань Шикая. В Нанкине заправлял Сунь Ятсен. Гражданская война казалась неизбежной. Восемнадцатилетний Мао, как и все вокруг, ясно ощущал это. Поэтому и вступил в армию. Поступок был отважным! Хунаньская армия готовилась к выступлению на север.

Участвовать в боевых действиях, правда, молодому рекруту не пришлось. Сунь Ятсен довольно скоро потерял реальную власть. В связи с распадом страны в Китае стремительно возрастала роль армии, которой у самого Сунь Ятсена не было. Хуан Син, занявший в его правительстве пост военного министра, никаким авторитетом у провинциальных военных губернаторов не пользовался. Проголосовавшие за доктора Суня делегаты Национального собрания, большая часть которых стремилась к компромиссу с Юань Шикаем, просто использовали его как козырную карту в игре с командующим Бэйянской армией. Будучи весьма умеренными, они и на посту президента хотели видеть осторожного политика, который не стал бы, как Сунь Ятсен, ломать устоявшиеся традиции. Многие из них сами были олигархами, сконцентрировавшими в своих руках не только богатства, но и политическую и военную власть. Понятно поэтому, что они опасались реализации «третьего народного принципа» Сунь Ятсена, направленного на установление государственного контроля над экономикой. Идеальной фигурой для них являлся именно Юань Шикай; Сунь Ятсен же на посту временного президента им нужен был только для оказания давления на нерешительного генерала.

Их политика увенчалась успехом. Поняв наконец, что большинство членов Национального собрания в Нанкине рассматривали Сунь Ятсена лишь как переходную фигуру, Юань Шикай вручил условия отречения вдове императора Гуансюя, вдовствующей императрице Лун Юй. Последняя с декабря 1911 года, после отставки великого князя Чуня, выполняла роль регента при малолетнем Пу И. Она пришла в ужас, но сделать ничего не могла. Придворные перешептывались, вспоминая дурное предзнаменование, которым сопровождалось восшествие Пу И на престол. Трехлетний император испортил тогда все своим ревом. Он сопротивлялся и кричал: «Не хочу здесь! Хочу домой!» У отца Пу И от волнения даже пот выступил на лице. Чиновники продолжали отбивать земные поклоны, но плач императора все усиливался. И вот, не выдержав, отец Пу И произнес: «Не плачь, не плачь. Скоро все кончится!» Вспоминая об этом спустя много лет, отставной император писал: «После церемонии присутствовавшие на торжестве вели в кулуарах такие

разговоры: „Как же можно было говорить 'Скоро все кончится'? А что означало 'хочу домой'?“»[52]

12 февраля 1912 года император формально отрекся от престола. Ему, правда, было всего шесть лет, и он не понимал, что происходит, но придворные не сомневались: дурное предзнаменование оказалось пророческим.

Революция победила! Все ее события, начиная с восстания 10 октября и заканчивая отречением императора, по китайскому лунному календарю происходили в год Синьхай, именно поэтому она стала называться в Китае Синьхайской. 14 февраля Сунь Ятсен подал прошение об отставке, которое Национальное собрание приняло единогласно. На следующий день временным президентом страны делегаты собрания также единогласно избрали Юань Шикая.

Прослужив в хунаньских войсках полгода, Мао теперь решил вернуться к занятиям. Ему надо было завершить формальное образование. Он подал прошение об отставке и был демобилизован. Впечатления от армии остались у него самые хорошие: впервые он жил в достатке. По его собственным словам, он получал очень солидное жалованье: семь серебряных долларов в месяц! Как мы помним, в Дуншаньской начальной школе высшей ступени за пять месяцев обучения, общежитие и пользование библиотекой он заплатил менее одного доллара. У него было много свободного времени, и он вел прямо-таки не пролетарский образ жизни. Он выделялся из общей массы солдат, большинство которых были безграмотными бедняками, пошедшими в армию не из-за революционных принципов, а потому, что им нечего было есть. Гордый и знающий себе цену студент не мог не смотреть на них сверху вниз. «Я тратил два доллара на еду. Кроме того, мне надо было покупать воду, — вспоминал он в беседе с Эдгаром Сноу. — Солдаты должны были носить воду из-за города, но я, будучи [по социальному статусу] студентом, не мог снисходить до этого и покупал ее у разносчиков воды». Интересное откровение вождя трудового народа!

Оставив службу, Мао Цзэдун оказался на перепутье. Он по-прежнему горел желанием учиться, но совершенно не знал, кем хочет стать. Он начал читать печатавшиеся в газетах рекламные объявления о наборе студентов в новые школы. Сначала его внимание привлекла полицейская школа, и он зарегистрировался для поступления в нее. Но вскоре передумал, заинтересовавшись рекламой школы мыловаров. Он зарегистрировался в это учебное заведение. Затем под влиянием приятеля решил стать юристом и зарегистрировался в юридическое училище, потом — в

экономическое, а после этого — в коммерческое. Ничего особенного в этом метании не было: Мао был молод и, как многие восемнадцати-девятнадцатилетние юноши, хотел всего достичь сразу. В коммерческом училище, однако, требовалось хорошее знание английского, а у Мао никакой способности к языкам не было. Он и на китайском-то языке, как мы знаем, говорил с сильным хунаньским, даже шаошаньским, акцентом. От этого мягкого цыкающего говора он не сможет избавиться всю жизнь. В итоге, проучившись в коммерческом училище месяц, Мао ушел из него и весной 1912 года поступил в Хунаньскую провинциальную среднюю школу высшей ступени, вскоре переименованную в Первую провинциальную среднюю школу.

Но и здесь долго не задержался. «Я не любил Первую среднюю школу, — вспоминал он. — Ее программа была ограниченной, а порядки ужасные»[53]. Разочаровавшись в педагогах и школах, Мао решил заняться самообразованием и в течение полугода ежедневно занимался в Хунаньской провинциальной библиотеке. Основное внимание он на этот раз уделял изучению географии, истории и философии Запада. Ведь идеи либерализма, которыми он теперь увлекался под влиянием революционных перемен в стране, пришли в Китай из Европы и Америки вместе с капитализмом. В школах же, которые он посещал, его учили писать сочинения в классической конфуцианской манере, но никаких знаний о зарубежных странах не давали. Впервые в жизни в девятнадцатилетнем возрасте он с удивлением увидел карту мира! С интересом начал он изучать работы, заложившие основы современной западной демократии. Он прочитал знаменитые «Исследование о природе и причинах богатства народов» Адама Смита, «Происхождение видов» Чарлза Дарвина, «О духе законов» Монтескье, а также книги Джона Стюарта Милля и Герберта Спенсера. В библиотеке он нашел и сборники иностранной поэзии, мифы Древней Греции, сочинения по истории и географии России, Америки, Англии, Франции и других стран.

Денег у него уже совсем не было, — отец перестал высылать их. Мао Ичан, понятно, не был доволен тем, что его взрослый сын болтается без дела в городе, меняет школы чуть ли не каждый месяц и при этом требует содержать его. А какому бы отцу это понравилось? Ведь каждый раз, когда Мао регистрировался в новое учебное заведение, он писал отцу, умоляя ненавидимого им «предка» прислать денег, из которых один серебряный доллар шел на уплату регистрационной суммы. Жизнь в Чанше была недешева, особенно для студента, который нигде не работал. Почему же Мао предпочитал сидеть на шее отца вместо того,

чтобы где-нибудь подрабатывать? Ведь возможностей заработка, пусть мизерного, в большом городе было много. Жизнь в провинциальной столице кипела. Строились новые дома, прокладывались улицы, развивалась коммерческая деятельность. Ну, предположим, в кули (носильщиком или грузчиком) его бы не взяли. Там всю работу контролировали мафиозные структуры. Но мало ли чем можно было заняться? Наняться домашним учителем в какую-нибудь семью, писать объявления. Мао, однако, ни о чем таком даже не помышлял. Работать ему, как мы уже знаем, не позволяло чувство собственного достоинства. Ведь он был студентом, то есть потенциальным *шэньши,* интеллигентом, а следовательно, принадлежал к более высокому классу, чем все эти солдаты, крестьяне, кули! Вот уж действительно: из грязи — в князи! Конечно, одного Мао винить в этом отношении к труду нельзя. Его гордыня была, если можно так выразиться, корпоративной: не только Мао, но и другие молодые китайские интеллигенты-разночинцы, получившие пусть даже начальное образование, ощущали свою исключительность в почти поголовно безграмотном обществе. Спустя тридцать лет, вспоминая о своей жизни в Чанше в одном из публичных выступлений перед собратьями по компартии, Мао сам признавал: «В свое время я учился в школе. Там у меня выработалась интеллигентская привычка: мне казалось унизительным выполнять даже самую незначительную физическую работу на глазах у других учащихся-белоручек, хотя бы, например, нести свои собственные вещи. В то время я считал, что чистоплотнее всех на свете интеллигенты, а рабочие и крестьяне — люди погрязнее. Я мог надеть чужое платье, если оно принадлежало интеллигенту: с моей точки зрения, оно было чистым; но я не согласился бы надеть платье рабочего или крестьянина, считая его грязным»[54].

Бродя по городским улицам, Мао часто видел кули, строительных рабочих, портовых докеров, мелких бродячих торговцев и прочий несчастный люд. Многочисленные нищие вымаливали гроши у прохожих. Революция никаких перемен этим людям не принесла. Как и прежде, рабочие трудились от зари до зари, на износ, а нищие собирали милостыню. С утра до вечера по улицам сновали носильщики, одетые в жалкие лохмотья, в коротких, чуть ниже колен, штанах и широких рубахах. Очевидец так описывал впечатления от чаншаских носильщиков:

«Мы миновали небольшие открытые магазины… Мимо нас нетвердой походкой шли кули, тащившие на себе тюки с рисом, овощами или даже с огромными брусками или камнями, используемыми для строительства.

Иногда груз, который они несли, был более ценен, чем дерево

или камень. Из-за края плетеной бамбуковой корзины, висевшей на конце коромысла, на нас с интересом таращился ребенок, одетый в яркий халатик. Мерно вышагивая, носильщик кричал в толпу, требуя расступиться: „Подвинься немного! Дай пройти!“ Мы долго наблюдали за тем, как какой-то кули, остановившись у крохотной чайной, потягивал горячий чай в то время, как другие глотали дешевый табачный дым из общих трубок. Эти трубки везде таскали торговцы, протягивавшие длинные сочлененные бамбуковые стволы потенциальным курильщикам.

На одной из улиц нам встретилась старая бабушка в подбитом войлоком халате и штанах, взгромоздившаяся на одноколесную повозку. Она, похоже, наслаждалась видами и шумом деловой городской улицы… Сидя довольно непрочно на одной стороне повозки, она сохраняла равновесие благодаря тому, что с другой стороны были приторочены ее дневные покупки, завернутые в яркий кусок материи. Видны были ярко размалеванные коробки с засахаренными фруктами и пара кусков юньнаньской ветчины. Не забыла она купить и маленький белый чайник и длинную трубку»[55].

Сострадания к рабочему классу Мао Цзэдун пока не чувствовал. Его более заботили глобальные проблемы национального возрождения Китая. Жизнь без денег, однако, не способствовала философским размышлениям. Отец был неумолим: он обещал финансовую поддержку только в случае, если сын займется каким-то делом. В конце концов Мао решил стать учителем. Он написал отцу и получил и деньги, и благословение. Весной 1913 года он стал студентом только что открытого Четвертого провинциального педагогического училища города Чанши.

В этом колледже учился его дуншаньский друг Сяо Сань, который и уговорил его поступить туда[56]. Это было небольшое учебное заведение, насчитывавшее всего около 200 студентов, в котором платить за обучение не требовалось. Через год, в марте 1914 года, по решению провинциальных властей это училище было объединено с другим, более крупным и солидным Первым провинциальным педагогическим училищем, в котором к тому времени студенческий контингент составлял более тысячи человек. Вместе со всеми Мао был автоматически переведен в новый колледж, располагавшийся в большом двухэтажном каменном особняке на южной окраине города, сразу за городской стеной. Первое училище было известным в Чанше заведением, основанным еще при Цинской династии, в 1903 году. Находилось оно в самом современном здании города, которое жители за его европейский стиль прозвали «западным дворцом».

В этом училище Мао вскоре познакомился и подружился с Сяо Цзышэном (он же Сяо Юй), старшим братом Сяо Саня. Тот был уже на третьем курсе и считался лучшим учеником училища, но, несмотря на это, с первой же встречи испытал уважение к новичку. Долгое время Мао будет особенно близок с ним. Их пути разойдутся только в 1921 году, когда Сяо Юй решительно воспротивится созданию в Китае коммунистической партии. Позже, уже после того, как Мао станет руководителем КНР, в 1959 году, Сяо Юй, находясь в эмиграции в Уругвае, напишет книгу воспоминаний о детстве и юности Мао под названием «Мао Цзэдун и я были попрошайками»[57].

Вот как он описывает в этой книге свое впечатление от первой встречи с новым студентом — «долговязым, нескладным, неряшливо одетым» шаошаньцем, «сандалии которого давно нуждались в починке»: «Внешне Мао не производил впечатление необычного человека. Волосы у него росли низко надо лбом, делая его похожим на дьяволов, которых в старые времена изображали художники. Никаких особых примет он не имел. Я действительно никогда ничего необычного в его внешности не замечал. Мне он всегда казался довольно обыкновенным, заурядно выглядевшим человеком. Лицо его было немного крупнее обычного, но глаза — совсем не большие и не пронзительные. Не таились в его взгляде ни хитрость, ни коварство, как иногда пишут. Его нос был плоским, совершенно таким же, как у всех китайцев. Уши имели правильную форму, рот был небольшой, зубы — белые и ровные. Хорошие белые зубы придавали его улыбке очарование, так что никто не мог и вообразить, что на самом деле он не был искренен. Ходил он довольно медленно, как-то широко расставляя ноги, вразвалочку, утиной походкой. Сидел ли он или стоял, движения его тоже были очень замедленными. Он и говорил не торопясь, но, вне всякого сомнения, был одаренным оратором»[58].

Хотя, как мы видим, Мао лучше одеваться не стал, но, в отличие от учеников Дуншаньской школы, большинство студентов училища сразу стали относиться к нему хорошо. Это были взрослые люди, которые ценили не форму, а содержание. Правда, учился Мао теперь не очень прилежно. Детство кончилось, и он считал себя вправе выбирать те предметы, которые были ему интересны и легче давались. Английский язык, арифметика, естественные науки и рисование вызывали у него оскомину. Он отдавал предпочтение только социальным наукам и литературе. За сочинения всегда получал высшие баллы, а умение писать как раз и считалось в училище самым важным. Поэтому, несмотря ни на что, Мао был на хорошем счету. Страсть

к чтению не покидала его. «Мао Цзэдун запоем читал китайских и европейских философов и писателей, конспектируя и развивая их мысли в своих дневниках, — вспоминает Сяо Сань. — Писал он быстро, словно огонь вырывались строчки из-под его кисточки[7]. Его классные сочинения как образцовые вывешивались на стенах училища. Он мог читать вдвое и втрое быстрее любого человека. В библиотеке он всегда окружал себя стеной книг»[59].

В том же училище Мао Цзэдун стал тесно общаться еще с одним студентом. Он называл себя Цайлинь Бинь и был, как и братья Сяо, выходцем из уезда Сянсян, откуда, как мы помним, была и мать Мао Цзэдуна. Настоящее его имя было Цайлинь Хэсянь, но в Китае обычным делом было менять имена. Псевдоним «Бинь» («Изысканно вежливый»), выбранный этим юношей при поступлении в училище, как нельзя точно соответствовал его характеру. Цайлинь Бинь поражал врожденной интеллигентностью. Высокий, с густой шевелюрой, внимательными и печальными глазами, он выделялся из общей толпы студентов. Его страстью были книги. Читая, он забывал обо всем. Мог по нескольку дней не ополаскивать лицо, месяцами не стричься и не менять одежду. Никто не мог и подумать, что всего через несколько лет этот молодой «книжный червь» под новым именем Цай Хэсэнь станет одним из крупнейших организаторов коммунистического движения в Китае. Важную роль в создании КПК сыграют и двое других одноклассников Мао — Ло Сюэцзань и Чжан Куньди. Но особую роль в его жизни сыграет Цай Хэсэнь. Именно он убедит своего друга в важности «рабочего вопроса» и объяснит ему необходимость организации коммунистической партии.

Разумеется, наибольшее воздействие на Мао в годы учебы в Первом провинциальном педагогическом училище оказали профессора. Первое училище вообще славилось своими преподавательскими кадрами, многие учителя получили образование за рубежом, прекрасно владели английским, французским и японским языками. Не случайно некоторые из них впоследствии будут приглашены на работу в лучшие по тем временам вузы страны — Пекинский университет и Пекинский педагогический университет. Один из этих преподавателей, Юань Цзилю (он же Юань Чжунцянь), которого все в училище звали «Юань, Большая Борода», научил Мао писать блестящие эссе. Другие, Сюй Тэли и Фан Вэйся, члены «Объединенного союза» и участники Синьхайской революции, внушили ему веру в республиканские принципы, укрепили его патриотическое сознание. Восторженный Мао буквально преклонялся перед Сюй Тэли: ведь это Сюй лаоши (учитель Сюй) во время борьбы за

введение конституции в знак искренности и решимости отрубил себе палец, чтобы сочившейся из раны кровью написать прошение делегатам Национального совещательного комитета по подготовке конституции. Он умолял их сделать все, что в их силах, чтобы убедить Цинский двор провести выборы в парламент. И Сюй, и Фан позже станут крупными деятелями КПК[60].

Но главным событием в студенческой жизни Мао была встреча с профессором Ян Чанцзи. Этот изысканно одетый джентльмен, которому было лишь немного за сорок, поражал учащихся своими обширными знаниями в области китайской и западной философии и этики. В 1898 году он принимал участие в реформаторском движении, лично знал многих известных китайских просветителей, соратников Кан Ювэя и Лян Цичао. В 1903 году он уехал из Китая и провел много лет за границей, учился в Японии, Шотландии и Германии. В Чаншу приехал в 1913 году и сразу получил приглашение от губернатора Тань Янькая работать в его администрации начальником департамента образования[61]. Он вежливо отказался, предпочтя высокой бюрократической должности скромное место преподавателя Первого провинциального педагогического училища. Преподавал он и в Четвертом училище, до тех пор пока оно не слилось с Первым. Именно в Четвертом училище осенью 1913 года с ним впервые и встретился Мао Цзэдун. Знакомство учителя и ученика положило начало почти семилетней дружбе, которая продолжалась вплоть до смерти Ян Чанцзи в середине января 1920 года.

Их симпатии были взаимными. Вот что Мао Цзэдун рассказал о профессоре Ян Чанцзи Эдгару Сноу: «Учителем, оказавшим на меня самое сильное влияние, был Ян Чанцзи, обучавшийся прежде в Англии… Он преподавал этику, был идеалистом и человеком высоких моральных качеств. Он очень верил в этику и старался воспитать в своих учениках стремление стать справедливыми, добродетельными, высоконравственными и полезными обществу»[62]. А вот отзыв Ян Чанцзи о любимом ученике: «Студент Мао Цзэдун рассказал, что он родом из местности на границе [уездов] Сянтань и Сянсян… Его деревня находится в горах, где люди живут кланами. Большинство из них крестьяне… И отец его был раньше крестьянином, но сейчас он стал торговцем. Его младший брат тоже крестьянин. Родные его матери живут в Сянсяне, они также крестьяне. И все же вряд ли можно найти кого-либо более интеллигентного и обходительного, [чем Мао]… Много необычных талантов вышло из крестьянских семей»[63].

Профессор Ян Чанцзи был известен в училище под именем «Конфуций». Так прозвали его за образованность и начитанность. Помимо этики он читал логику, философию и педагогику[64]. Был он приверженцем западных либеральных идей, которые в его сознании переплетались с учением знаменитого конфуцианского философа минского времени Ван Янмина (1472–1529), одного из немногих в Китае мыслителей, который во главу угла своих философских представлений ставил личность отдельного человека. Профессор Ян пропагандировал и этическое учение другого великого конфуцианца Ван Чуаньшаня (1619–1692), также подчеркивавшего независимость человеческой личности[65].

Ян Чанцзи настолько овладевал умами студентов, что многие из них готовы были слушать его и беседовать с ним целыми днями. Даже по воскресеньям в его доме собирались ученики. Среди них были и Мао Цзэдун, и братья Сяо, и Цай Хэсэнь, и Чжан Куньди. «Вокруг… профессора Ян Чанцзи… образовалась группа серьезно мыслящих учеников, — вспоминает Сяо Сань. — Этот человек оказывал на нас большое влияние. Он привлекал горячее внимание и вызывал уважение слушателей»[66]. «Господин Ян был высоконравственной личностью… Его чувство собственного достоинства и усердие в преподавании из года в год вызывали восхищение его учеников», — написали в некрологе на смерть дорогого учителя его воспитанники[67]. В числе авторов некролога был и Мао Цзэдун.

Идеи либерализма и индивидуализма должны были бы открывать перед студентами профессора Ян Чанцзи пути либерально-демократического переустройства китайского общества. Нации нужны сильные личности, твердил он, призывая своих студентов к каждодневному упорному самосовершенствованию. «Вы слишком много времени уделяете самоотрицанию и слишком мало — пониманию и совершенствованию, — говорил он им. — Вы должны больше времени уделять пониманию и совершенствованию, тогда вы избежите страдания в своем самоотрицании»[68]. Сильная личность с точки зрения Ян Чанцзи имела право возвыситься над моралью толпы. Именно в этом духе он трактовал постулат Ван Чуаньшаня о том, что древние моральные принципы не могут быть использованы в современном мире. И вслед за Ван Чуаньшанем осуждал стремление традиционных конфуцианцев вернуться к идеалам прошлого. Этика вообще с точки зрения учителя Мао Цзэдуна должна была способствовать одному — самореализации индивидуума.

Под влиянием своего наставника Мао Цзэдун прочитал китайский перевод книги немецкого философа XIX века

Фридриха Паульсена «Основы этики». Выводы Паульсена, считавшего наиболее ценной и совершенной деятельность человека, одержимого реализацией строго выверенной цели, убедили Мао в приоритете несгибаемой воли великой личности над всеми возможными этическими принципами. Эта идеология, выражаемая в ярком лозунге — «цель оправдывает средства», как нельзя лучше отражала настроения самого Мао, гордого и упрямого провинциала, мечтавшего о славе. На полях «Основы этики» он сделал огромное количество пометок общим объемом более 12 тысяч слов: так потрясла его эта книга! Вот некоторые наиболее характерные из этих пометок:

«Цель не имеет отношения к знанию, а только к чувству и воле… Нравственность не вечное, а изменчивое понятие… В широком смысле не существует универсальной человеческой морали… Она меняется в зависимости от того, как ее используют… Мораль изменяется с течением времени, тем не менее она остается моралью… Мораль различна в разных обществах и у разных людей… Поскольку человеческие существа обладают собственным „я“, для которого это „я“ — центр всех вещей и всех мыслей, постольку собственный интерес — самое главное для всех людей… Источник альтруизма— собственное „я“, и альтруизм связан с собственным „я“. Невозможно сказать, что чей-то разум альтруистичен в чистом виде и в нем нет никакой эгоистической идеи. Никто в мире не исходит из [интересов] других, отдельная личность не стремится принести пользу никому, кроме себя самой… Паульсен тоже берет за основу индивидуализм. Это индивидуализм духа, он может быть назван духовным индивидуализмом… Слепая мораль совершенно бесполезна… В области этики я защищаю два принципа. Первый — индивидуализм. Любой шаг в жизни подчинен цели реализации индивидуума, и любая нравственность служит реализации индивидуума. Мы выражаем сочувствие другим и стремимся осчастливить других не для других, а для самих себя… Я считаю, что естественные инстинкты не всегда ошибочны, и чувство долга не всегда верно… У нас есть долг только перед самими собой, а не по отношению к другим»[69].

Из всего этого мог следовать единственный вывод, и Мао сделал его: «Некоторые говорят, что мы должны верить в то, что нравственный закон дан нам по воле Бога, и что только в этом случае ему можно будет следовать, а относиться с презрением к нему будет нельзя. Это рабская психология. Почему тебе следует подчиняться Богу, а не самому себе? Ты есть Бог. Есть ли какой-нибудь другой Бог, кроме тебя самого?»[70]

Сильная личность, не скованная моральными принципами и

устремленная к достижению великой цели. Диктатура воли и безграничная власть. Вот какие идеалы воспринял наш китайский Раскольников, самого себя возомнивший Богом. Ему хотелось быть уже не Наполеоном, Тамерланом и Чингисханом, а новым Мессией! Поразительная интерпретация либерализма! Не свобода для всех, а право для себя!

Как видно, в формуле Декарта «я мыслю, стало быть, существую» Мао делал ударение на слове «я». До признания «классовой морали» и «классовой борьбы» ему оставался шаг. Великой личностью он себя уже ощущал. Такой, о которой сам и писал: «По-настоящему великий человек развивает свое „я“, которым одарила его Природа, совершенствуя его до предела своих возможностей. Это и делает его великим. Все посторонние факторы, оказывающие давление на его имманентное „я“ и ограничивающие его, отбрасываются мощной побудительной силой, которая заключена в его изначальном „я“… Он… решает, правильно или нет использовать эту побудительную силу. Если правильно и должно, то применяет ее; если нет, реформирует или изменяет ее с тем, чтобы ее применение стало правильным и должным. Это [решение] зависит исключительно от его собственного суждения и не подчиняется внешнему нравственному закону или тому, что называется чувством долга. Великие деяния героя суть его собственные [подвиги], выражения его побудительной силы, величественной и очищающей, опирающейся только на прецедент. Его сила подобна мощному ветру, вырывающемуся из глубокого ущелья, непреодолимому половому влечению к любовнице, силе, которая не знает преград, которую остановить невозможно. Все преграды разлетаются перед ним»[71].

Толпа же, масса должна слепо следовать указаниям великого человека. В этом Мао тоже не сомневался. Ведь люди вообще, а китайцы в частности, полагал он, глупы и темны. Еще в Первой средней школе в июне 1912 года Мао Цзэдун написал небольшое эссе, где с презрением говорил о «невежестве» китайского народа, который не мог по достоинству оценить прогрессивные с точки зрения Мао деяния министра древнекитайского царства Цинь, основателя философской школы законников (легистов) Шан Яна, жившего в IV веке до н. э. «Законы Шан Яна были хорошими законами. Если мы взглянем сегодня на четыре с лишним тысячи лет, о которых существуют сведения по истории нашей страны, и на великих политических лидеров, преследовавших цель обеспечить благосостояние страны и счастье народа, разве не Шан Ян стоит одним из самых первых в этом списке? — писал Мао Цзэдун. — Как могли люди бояться его и не доверять ему…

Это свидетельствует о скудоумии народа нашей страны»[72]. Мао ничуть не смущало, что Шан Ян был одним из самых кровавых министров древнекитайского царства, ратовавшим за установление жесточайшей диктатуры правителя и «унификацию сознания». Главным для Мао было то, что Шан Ян возвысился над толпой, сумел достичь власти, а его крутые реформы в итоге привели к усилению царства Цинь. Это сочинение настолько понравилось преподавателю, что он ознакомил с ним всех учеников.

Идея самосовершенствования, физического и духовного тренинга занимала Мао в те годы ничуть не меньше, чем героев Чернышевского. Мао Цзэдун и его одноклассники отличались от российских народовольцев-разночинцев только тем, что были ярко выраженными националистами, которые стремились спасти страну, а не простой народ. Но все же воспламеняла их та же жажда борьбы и героического самопожертвования, мучило то же болезненное самомнение. С не меньшим фанатизмом верили они в безусловный приоритет воли и разума, отрицали Бога и были убеждены, что имеют право на все. Не известно, спал ли Мао, подобно Рахметову, на гвоздях, закаляя волю, но не секрет, что он со своими друзьями на самом деле тренировал себя для будущих битв. «Мы… стали страстными физкультурниками, — говорил он Эдгару Сноу. — Во время зимних каникул мы отправлялись в пешие походы по полям, взбирались на горы, шли вдоль городских стен и пересекали водные потоки и реки. Если шел дождь, мы стаскивали рубахи и называли это дождевым душем. Если палило солнце, мы тоже раздевались и называли это солнечной ванной. Когда же дули весенние ветры, мы кричали, что это новый вид спорта — „ветряной душ“. В заморозки мы спали на голой земле и даже в ноябре купались в холодных реках. Все это называлось „закаливанием тела“»[73]. Во многом он и его друзья подражали профессору Ян Чанцзи, который тоже закалял себя, круглый год купаясь в ледяной воде[74].

Не случайно первая опубликованная Мао статья называлась «Исследование физической культуры». Она была помещена в передовом по тем временам шанхайском журнале «Синь циннянь» («Новая молодежь») в апреле 1917 года и подписана псевдонимом: «Студент из двадцати восьми черт» (именно из стольких черт состояли три иероглифа имени автора — Мао Цзэдун). Передал ее в журнал Ян Чанцзи[75]. «Наша нация нуждается в силе, — писал Мао Цзэдун, — военный дух у нас не поощряется. Физическое состояние нашего народа с каждым днем ухудшается. Это крайне печальные явления… Если тела наши не будут сильны, мы задрожим при виде [вражеских] солдат. Как же

мы тогда сможем достичь наших целей или оказать влияние на окружающий мир?»[76] Мао предлагал читателям разработанную им самим систему физических упражнений, советуя брать пример с одного из великих хунаньцев, покорителя крестьян-тайпинов, генерала Цзэн Гофаня, который, даже будучи восьмидесятилетним стариком, закалял себя физически и духовно. Так же как и в случае с Шан Яном, Мао не заботило то, что Цзэн Гофань был жестоким тираном. Генерал Цзэн интересовал его только как выдающийся человек, достигший всего, о чем Мао мог только мечтать. Занятия спортом с точки зрения Мао должны были не только физически оздоровить нацию, но прежде всего — закалить волю людей. А «воля, — подчеркивал он в статье, — залог продвижения человека вперед»[77]. После чтения книги Паульсена в начале 1918 года Мао написал еще одно эссе. Называлось оно «Энергия разума». К сожалению, эта работа не сохранилась. Известно только, что профессор Ян Чанцзи был от нее в восторге, поставив Мао высшую оценку — 100 баллов[78].

Желание студента Мао Цзэдуна стать сильным, волевым и целеустремленным героем, не скованным никакими моральными путами, понятно. Молодая кровь бурлила, темперамент лидера не давал спокойно сидеть на месте. Великие примеры будоражили мозг. Однако не все объяснялось только этим. Интеллектуальные люди его поколения трагически переживали униженное состояние отечества. Не только Мао Цзэдун, но и очень многие его ровесники в своих мечтах представляли себя гигантами, сокрушавшими хищные иностранные державы и местных тиранов, эксплуатировавших Китай. Как хотелось им победить горделивых англичан и американцев, пресечь произвол продажных чиновников и олигархов-милитаристов, обеспечить народу достойную жизнь! «Часто мы с преподавателями и друзьями говорили о том, как спасти родину, — вспоминает Чжан Готао, в 1914–1916 годах учившийся в средней школе города Наньчана, столицы соседней с Хунанью провинции Цзянси. — То мне казалось, что спасение — в христианстве, то — в физическом воспитании (идея, в то время новая для Китая). Все мои мысли были направлены на поиски пути спасения родины»[79].

Одолеваемый патриотическим рвением и желанием лучше узнать жизнь народа, Мао летом 1917 года вместе с другом Сяо Юем отправился в путешествие по провинции Хунань. По пыльным сельским дорогам они прошли пешком более 900 *ли.* Общались с крестьянами, местными чиновниками, *шэньши,* торговцами. Это путешествие отчасти напоминало российское интеллигентское «хождение в народ». Мао шел в старом светлом

халате, с зонтом и узелком, в котором находились смена белья, полотенце, записная книжка, а также кисточка и тушница. Последние вещи были особенно необходимы: студенты по пути подрабатывали, писали вывески, объявления, стихотворные надписи по желанию местных жителей. Отношение к труду у Мао, как видно, теперь изменилось. Крестьяне их кормили и давали кров. Всматриваясь в безрадостную жизнь сельских жителей, Мао, должно быть, вспоминал и свое тяжелое детство. И из всех великих героев прошлого теперь ему больше всего хотелось стать новым Лю Баном, который так же, как Мао Цзэдун, был сыном крестьянина, но, благодаря своей несгибаемой воле, смог организовать бедный люд на восстание, победить врагов и основать величайшую империю Хань. Настроение Мао Цзэдуна чувствовал и его спутник, Сяо Юй. Много лет спустя он вспоминал, как, бродя по дорогам Хунани, они спорили о роли императора, чья жизнь так интересовала Мао.

— Лю Бан был первым простолюдином в истории, который стал императором, — с жаром доказывал Мао Цзэдун. — Я думаю, его следует считать великим героем.

Сяо Юй возражал:

— О, нет!.. Он был плохим человеком. Слишком эгоистичным, слишком эгоцентричным для императора… Он был просто человеком с политическими амбициями, который добился успеха… Он избавился от одного деспота лишь для того, чтобы самому стать другим. Исчезла династия Цинь, и ее место заняла династия Хань. Какая разница? Обе династии были плохи… [Лю Бан] был вероломен и абсолютно лишен человеческих чувств. Помнишь его друзей и генералов, которые рисковали жизнями, сражаясь за него? Когда его армии одерживали победы, эти люди становились известными вождями, и он начинал бояться, что тот или другой из них, возможно, попытается захватить его трон. Поэтому он их всех убил. Некоторых из них, как ты помнишь, буквально изрубили в куски, у других уничтожили целые семьи и всех близких родственников!.. Он был очень жестоким и плохим человеком.

На это Мао ответил:

— Но если бы он не убил их, его трон находился бы в опасности, и он, вероятно, не оставался бы так долго императором.

— Так что же, для того, чтобы достичь успеха в политике, надо убивать друзей? — воскликнул Сяо Юй, пораженный.

Но Мао уже не хотел продолжать дискуссию. «Мы оба, — заключает Сяо Юй, — знали, что он в своих страстных мечтах отождествлял себя с Лю Баном»[80].

Вернувшись в школу, Мао вновь стал углубленно заниматься социальными науками. Он по-прежнему внимательно изучал прессу. Среди газет и журналов он выделял теперь два издания: «Синь циннянь», опубликовавший его статью, и журнал Сунь Ятсена «Миньбао». Обстановка в стране накалялась, и он все острее ощущал необходимость действовать. 6 июня 1916 года умер Юань Шикай. Этот генерал и политик оставил по себе недобрую память. Страной он пытался управлять по-старому, опираясь на верные ему войска Бэйянской армии. Человек старой формации, он никаких новых, демократических веяний на дух не переносил. Вскоре после того, как 15 февраля 1912 года делегаты Национального собрания единогласно избрали его временным президентом Китайской Республики, он начал насаждать в стране откровенно диктаторские порядки. Несмотря на то что в марте 1912 года в Китае была принята конституция, предоставившая народу политические права и свободы, генерал Юань, стремясь положить конец «анархии», вынашивал планы контрреволюционного переворота. Ему противостояли, с разных политических позиций, не только революционеры-суньятсенисты, но и не желавшие распускать войска и подчиняться закону местные олигархи-милитаристы. Ситуация усугубилась зимой 1912/13 года, когда на парламентских выборах полную победу одержала партия Сунь Ятсена «Объединенный союз», накануне переименованная в Гоминьдан (ГМД, Националистическую партию). В Палате представителей (нижней палате парламента) Гоминьдан получил 269 мест из 596 (то есть 45 %), в сенате же (высшей палате) — 123 из 274 (44,8 %)[81]. Заручившись поддержкой западных держав, предоставивших ему огромный заем более чем в 25 миллионов фунтов стерлингов (около 100 миллионов американских долларов), Юань Шикай начал готовиться к гражданской войне. В марте он нанес первый удар: по его приказу в Шанхае был убит руководитель гоминьдановской фракции в парламенте Сун Цзяожэнь. Началась переброска бэйянских войск в стратегически важные центры страны. В ответ в июле 1913 года в провинции Цзянси, на востоке Китая, вспыхнуло антиюаньшикаевское восстание (так называемая «вторая революция»). Активное участие в нем приняли гоминьдановцы. Отдельные провинции поддержали мятеж, но верные президенту войска подавили его. В ноябре 1913 года Юань Шикай поставил Гоминьдан вне закона. Сунь Ятсен вновь вынужден был бежать в Японию. Парламент был разогнан, а конституция — изменена. По новой конституции вся полнота власти оказалась, по существу, в руках президента. Вновь собранный, теперь уже послушный Юань Шикаю парламент в декабре 1914 года провозгласил его

пожизненным президентом.

Однако в 1915 году авторитет Юань Шикая оказался существенно подорван. Он потерял поддержку даже наиболее близких соратников. Связано это было прежде всего с усилением агрессивной антикитайской политики Японии. Вскоре после начала Первой мировой войны, 7 ноября 1914 года, Япония как член Антанты оккупировала германскую колонию в Китае — порт Циндао и окрестный район бухты Цзяочжоу, расположенные на южном побережье Шаньдунского полуострова (Восточный Китай). Эта колония находилась под управлением Германии с 1898 года. Одновременно японцы захватили построенную немцами железную дорогу, связывавшую Циндао со столицей провинции Шаньдун городом Цзинанью, а также принадлежавшие Германии рудники. Пользуясь тем, что другие державы были заняты войной в Европе, Япония 28 января 1915 года предъявила Юань Шикаю ультиматум, так называемые «21 требование», принятие которых привело бы к превращению Китая в японскую колонию. Весть о наглых домогательствах японцев взбудоражила китайскую интеллигенцию. Однако Юань Шикай, опасаясь вторжения войск микадо, 7 мая принял большую часть этих требований. На этот раз даже парламент не согласился с ним, отказавшись ратифицировать соглашение. Тогда Юань Шикай 25 мая 1915 года утвердил японские требования своей печатью. В стране началось антияпонское движение. Особенно возмущалась молодежь. В эти дни Мао Цзэдун выразил свои чувства в таких стихах:

> Седьмое мая —
> Ужасный позор Отчизны!
> Чем отомстим мы, студенты?
> Своими жизнями![82]

В конце декабря 1915 года Юань Шикай, следуя предложениям своего американского советника Фрэнка Гудноу, объявил о восстановлении монархии. Новым императором он провозгласил себя, заявив о наступлении эры правления Хунсянь (Безграничная законность). Это также возмутило общественность. Юньнань, Гуанси и Гуйчжоу, то есть три юго-западные провинции, объявили об отделении. В стране вновь вспыхнула гражданская война, в разгар которой Юань Шикай совершенно неожиданно скончался от уремии в возрасте пятидесяти шести лет. Новым президентом страны был избран участник Учанского восстания 1911 года генерал Ли Юаньхун.

Все эти события, разумеется, отражались на общественно-

политической обстановке в Хунани. Губернатор провинции Тань Янькай в 1912 году вступил в Гоминьдан, рассчитывая укрепить свои позиции членством в наиболее популярной в стране политической партии. В 1913 году он поддержал «вторую революцию», провозгласив независимость Хунани от узурпатора Юань Шикая. Однако он просчитался. Президент Юань послал против него войска, которые оккупировали Чаншу. Тань был лишен всех постов и еле унес ноги. В Чанше воцарился ставленник президента, консервативный генерал Тан Сянмин. Хотя он и был европейски образованным человеком с изысканными манерами, в провинции установил жесточайший террор, стремясь искоренить слабые ростки демократии. Любая общественная деятельность, в том числе проведение студенческих собраний в школах и колледжах, была запрещена[83]. За три года диктатуры «Мясника Тана», как его прозвали в Хунани, по политическим обвинениям было казнено от пяти до десяти тысяч человек. В Чанше ходили слухи о том, как одного учителя арестовали и уморили голодом в тюрьме только за то, что в своих замечаниях на полях студенческих сочинений он нелестным образом отозвался о Юань Шикае[84]. Террор временно прекратился только после того, как к власти в Пекине пришел Ли Юаньхун. В июне 1916 года хунаньский ставленник Юань Шикая бежал в Шанхай, переодевшись крестьянином и изменив внешность. Его политическая карьера закончилась[85]. Вновь к власти вернулся Тань Янькай, но ненадолго. Через год его сменил генерал Фу Лянцзо, а затем новый режим террора в Чанше установил генерал Чжан Цзинъяо, которого хунаньцы назвали «Ядовитый Чжан»[86]. После смерти Юань Шикая, последнего китайского лидера, сдерживавшего центробежные тенденции, Хунань да и весь Китай погрузились в пучину хаоса. Страна оказалась раздробленной. Армии многочисленных милитаристов, в которые охотно шли служить разорившиеся крестьяне и прочий безработный люд, с каким-то тупым упорством разжигали братоубийственные гражданские войны. А западные державы, заинтересованные в сбыте в Китай оружия и в получении от местных милитаристов дополнительных экономических льгот, поощряли это.

Так что причин для волнения за судьбы страны у Мао Цзэдуна было более чем достаточно. Вот почему на ум ему все настойчивее приходили мысли о великих и непобедимых правителях древности, благодаря энергии и воле которых его родина когда-то внушала страх и трепет соседям, оправдывая свое гордое имя «Чжунго», что означает «Срединное государство». Только сила, приходил к убеждению Мао, достойна уважения.

Только деспот способен объединить и возродить Китай и только перед громовержцем-диктатором склонятся народы мира. Поразительно, но не только императора Лю Бана, но даже хунаньского тирана Тан Сянмина, которого все ненавидели, Мао Цзэдун уважал. После бегства кровавого губернатора он с горечью писал другу Сяо Юю: «Я по-прежнему считаю, что военного губернатора Тана не следовало прогонять… Тан был здесь три года, управляя [провинцией] путем неукоснительного проведения в жизнь строгих законов… Порядок был восстановлен, и, по существу, вернулись старые мирные времена… То, что он убил более десяти тысяч человек, — неизбежная цена политики. Он что, убил больше, чем [генерал] Фэн [Гочжан] в Цзяннине [Нанкине]?.. Кто-то может сказать, что он манипулировал общественным мнением, заискивал перед Юань [Шикаем] и клеветал на хороших людей. Но не такая ли точно манера поведения принята в Юньнани, Гуйчжоу и Гуанси? У тех, кто смотрит далеко в будущее, всегда будут какие-то вещи, с осуществлением которых можно и обождать; у тех, чьи достижения величественны, всегда будут какие-то мелочи, которые придется терпеть. Без этого цель защиты нации была бы недостижима. Те, кто считает подобные вещи преступлением, не понимают общего плана. (Исходя из прямого понимания этики, следует придерживаться нетрадиционных взглядов на убийство и клевету.)»[87]. Несколько позже Мао заметит: «Не всегда убийство плохое дело… То, что мы называем злом, всего лишь образ, а не сущность»[88].

От этих рассуждений бросает в дрожь. Лучше бы он читал Достоевского, а не Паульсена! Но Достоевский в Китае в то время не был популярен. Да если бы и был, Мао бы он не понравился. Слишком иной была психика молодого хунаньца, у которого от предвкушения славы, должно быть, сладко екало сердце. Хотелось побыстрее достичь вершины!

Но за окном его комнаты в общежитии стояла осень 1917 года. Мао Цзэдуну шел уже двадцать четвертый год, а он ничего еще великого не совершил. Жадно вчитывался он в книги, стараясь в них найти истину. Но пора было действовать. И он понял наконец, что нужно делать. Его душа жаждала битвы, войны, революции! «Продолжительный мир, мир в чистом виде без всяких беспорядков, был бы невыносим, — писал он. — …И в мирные времена зарождаются войны, это неизбежно… Человек всегда ненавидел хаос, стремясь к порядку, не отдавая себе отчета в том, что хаос — тоже часть исторического процесса, он тоже имеет ценность в реальной жизни… Когда они [люди] читают о мире, они испытывают скуку и отбрасывают книгу

прочь. Это не потому, что мы любим хаос, а просто потому, что период мира не может продолжаться долго, он противен человеческой природе, которая приходит в восторг от внезапного изменения. Разрушение мироздания не есть окончательное разрушение. Не подлежит сомнению, что гибель вселенной будет неизбежным началом нового мира. Я с нетерпением жду этого разрушения, потому что с гибелью старого мироздания начнется новое мироздание, и разве не будет оно лучше, чем старое?»[89] Именно в это время он признался Цай Хэсэню и Чжан Куньди, что хотел бы сжечь все творения китайской художественной прозы и поэзии, написанные после эпохи Сун, то есть после XIII века. Очевидно, они с его точки зрения не были достаточно прогрессивны. С жаром доказывал он своим друзьям необходимость сломать традиционные семейные связи и осуществить революцию в отношениях между преподавателями и студентами[90].

Спустя много лет он сформулирует эти свои юношеские ощущения в формуле, которая станет восприниматься всем мировым сообществом как его политическое кредо: «Бунт — дело правое!» А пока вместе с друзьями он продолжал мечтать. Но мечты его обретали все более четкие формы. И когда теплым сентябрьским днем 1917 года, устроив пикник на холмах за училищем, его приятели стали спорить о том, что надо делать для спасения родины, Мао Цзэдун внятно сказал: «Надо подражать героям Ляншаньбо!»[91] Как мы уже знаем, так называлась база восставших крестьян в его любимом романе «Речные заводи».

ЗВУК ШАГОВ В ПУСТЫНЕ

В мае 1918 года профессор Ян Чанцзи получил приглашение на работу от ректора Пекинского университета, известного просветителя, философа и переводчика западной литературы Цай Юаньпэя, члена партии Сунь Ятсена. От этого приглашения нельзя было отказаться: Пекинский университет считался лучшим и наиболее либеральным в стране. В начале июня Мао Цзэдун и Ян Чанцзи расстались, но не надолго. Уже в конце июня профессор Ян написал любимому ученику письмо, в котором настойчиво звал приехать к нему. Он сообщил Мао, что в Пекине готовят группу юношей и девушек для поездки во Францию, с тем чтобы там работать и учиться. Ян Чанцзи посоветовал Мао Цзэдуну и его друзьям воспользоваться этой возможностью узнать мир[92].

К тому времени Мао Цзэдун вовсю занимался политической и организационной деятельностью. Свои организаторские способности он проявил уже осенью 1915 года, когда, вернувшись в училище после каникул, отправил в несколько школ Чанши объявление, приглашая молодых людей, интересующихся патриотической работой, связаться с ним. По его словам, он «страстно желал найти друзей». Нескольких приятелей-одноклассников ему было недостаточно. Мао хотел расширить круг знакомств за счет тех, кто «был закален страданиями и полон решимости пожертвовать всем ради своей страны». Объявление он подписал уже известным нам псевдонимом — «Студент из двадцати восьми черт»[93].

Ответы пришли от пяти или шести человек[94]. Но только трое изъявили желание вступить в патриотический кружок. Одним из тех, кто откликнулся, был Ло Чжанлун, девятнадцатилетний юноша, представившийся японским именем Тате Уйчиро («Странствующий рыцарь»). Он узнал об объявлении от своего приятеля, учащегося Первой средней школы города Чанши, и сразу же послал записку Мао Цзэдуну. Через несколько лет Ло станет одним из наиболее крупных деятелей коммунистического движения Китая, но в 1931 году его исключат из КПК за оппозицию сталинскому руководству. Двое других молодых людей, вступившие в кружок Мао, позже окажутся ультрареакционерами.

Еще один ответ или, точнее, «половину ответа» Мао получил от шестнадцатилетнего ученика одной из средних школ города Чанши Ли Лунчжи, которому порекомендовал встретиться с Мао Цзэдуном Ло Чжанлун. По воспоминаниям Мао, это была

странная встреча. «Ли выслушал все, что я хотел сказать, а затем ушел, не произнеся ничего определенного, так что наша дружба так никогда не получила развития», — рассказывал Мао[95]. По словам самого Ли Лунчжи, только что приехавшего в Чаншу из деревни, Мао просто смутил его: широко эрудированный двадцатидвухлетний студент Первого провинциального педагогического училища показался ему настолько образованным, что он почувствовал свою неполноценность[96]. Это чувство у него пройдет через пять-шесть лет, когда Ли Лунчжи под новым именем Ли Лисань станет выдающимся организатором рабочего движения в Китае. В 1928 году он, по существу, возглавит компартию и вплоть до конца 1930 года будет доминировать в руководстве КПК. В то время самому Мао Цзэдуну придется следовать его указаниям.

Но это будет впоследствии, а пока Мао Цзэдун с помощью Ло Чжанлуна и нескольких старых друзей-одноклассников делал все возможное, чтобы сколотить кружок патриотически настроенной молодежи. Не обошлось и без курьезов. Дирекция женского провинциального колледжа, получив объявление Мао, восприняла его как попытку распутного юноши найти сожительницу. Скандал, правда, затух, не успев разгореться: руководство Первого педагогического училища взяло Мао Цзэдуна под защиту[97]. Через некоторое время вокруг Мао собралось уже несколько человек[98]. Один из них заявил Мао Цзэдуну: «[Твое письмо прозвучало], как звук шагов в пустыне… Я испытал огромную радость»[99].

Вот что вспоминал Мао Цзэдун об этом кружке: «Это была небольшая группа серьезно мыслящих людей, у которых не было времени на пустую болтовню. Все, что они делали или говорили, должно было быть подчинено определенной цели. Им было не до любви или „романтики“. Они считали, что времена настали критические и им нужно как можно быстрее вооружить себя знаниями, а не тратить время на разговоры о женщинах или личных проблемах. Меня женщины не интересовали… Вместо того чтобы разговаривать о женских прелестях, что обыкновенно принято среди молодых людей этого возраста, мои товарищи отвергали беседы даже на повседневные темы. Я помню, как однажды был возмущен молодым человеком, который, принимая меня в своем доме, завел разговор о покупке мяса и, подозвав слугу, стал обсуждать с ним этот вопрос в моем присутствии, после чего приказал слуге купить кусок. Больше я этого парня не видел. Мои друзья и я предпочитали говорить только о высоком — человеческой природе, обществе, Китае, мире и всей Вселенной!»[100]

В июне 1917 года Мао Цзэдун был назван лучшим студентом училища, что, несомненно, свидетельствовало о его авторитете. Получить признание было непросто: лучших студентов выбирали ежегодно в конце весеннего семестра, и счастливец получал специальный титул — «Студент года». На этот раз большинство — 49 человек — проголосовало за Мао[101]. Вскоре после этого он вновь проявил свои организаторские способности: в конце сентября 1917 года выступил с инициативой создания в колледже объединения уроженцев уезда Сянтань. Тогда же он стал демонстрировать и повышенную активность в студенческом союзе училища, отдавая все больше времени общественной работе. В итоге 8 октября его избрали председателем этой организации[102].

Важнейшим мероприятием студенческого союза было возобновление занятий в вечерней рабочей школе, открытой при Первом педагогическом училище за полгода до этого. Школа «задышала на ладан» уже летом 1917-го, а к осени и вовсе закрылась. Возобновить занятия удалось только благодаря энергии Мао Цзэдуна. 9 ноября учащиеся школы снова сели за парты[103]. Насчитывалось их 102 человека. Большинство были безработными, прибывшими в город в поисках какого-либо места. К тому времени Мао Цзэдун, как видно, уже изменил отношение к простым людям. Он повзрослел и, хотя по-прежнему считал себя выше них по социальному статусу, перестал ими гнушаться. «Деревья и цветы, птицы и животные — все заботятся о себе подобных, — рассуждал он. — Неужели же человеческие существа не должны делать то же самое? Маленькие люди не порочны изначально, не злы по своей природе. Некоторые из них не учатся просто потому, что у них не хватает дарования или из-за того, что им не повезло. Именно таким людям гуманный человек должен выказывать симпатию. Нельзя сваливать на них ответственность»[104]. В этой школе «человеколюбивый» Мао Цзэдун приобрел первый опыт преподавания, читая лекции по истории Китая[105].

В ноябре 1917 года Мао принял активное участие в организации добровольческого студенческого отряда по охране порядка. Времена были смутные. В Хунани, как и везде в Китае, шла гражданская война. Здание колледжа часто оккупировали солдаты: ведь Первое провинциальное училище располагалось вблизи железнодорожной ветки, имевшей, разумеется, стратегическое значение. Конечно же солдаты вели себя со студентами, а особенно со студентками, не должным образом. Это вызывало возмущения и протесты. При губернаторе Фу Лянцзо, управлявшем провинцией с сентября по ноябрь 1917 года, Первое провинциальное училище сумело противостоять

домогательствам солдатни, стремившейся превратить учебное заведение в казарму. Кстати, именно Мао организовал тогда оборону, взяв на себя, по словам Сяо Саня, «ответственность, как будто он получил разрешение военного министра»[106]. Все-таки какой-никакой, но военный опыт у него имелся, в отличие от преподавателей и других студентов. Но в ноябре ситуация усугубилась. После разгрома войск Фу Лянцзо армией милитариста Тань Хаомина, выходца из провинции Гуйчжоу, солдаты отступавшей армии начали буквально терроризировать местное население. Одна из вооруженных групп появилась неподалеку от училища, угрожая атаковать его. В этот момент Мао вновь проявил инициативу. Он связался с местным отделением полиции, и несколько полицейских тут же откликнулись на призыв о помощи. Был организован студенческий отряд самообороны, в распоряжении которого, правда, ничего кроме деревянных ружей и заостренных бамбуковых палок не было. Командование отрядом Мао взял на себя. Он ведь был не только бывшим военным, но и председателем студенческого союза. Студенты и полицейские дождались, когда солдаты подошли совсем близко к воротам училища, и Мао приказал полицейским открыть огонь: только у них и были настоящие винтовки. После этого студенты стали поджигать в пустых канистрах хлопушки и громко кричать: «Фу Лянцзо бежал, и Гуйчжоуская армия уже вошла в город. Бросайте оружие и вам ничего не будет!» На самом деле армия Тань Хаомина в город еще не вошла, но солдаты об этом не знали. Они страшно перепугались и сдались, не оказав сопротивления[107]. В журнале училища за ноябрь 1917 года появилась такая запись: «Столкновения в южной Хунани принимают критический характер, имеют место большие беспорядки. Студенты организовали отряд самообороны, который несет дежурство день и ночь. Отряд проявляет себя с самой лучшей стороны»[108].

Сяо Сань вспоминает: «Я был твердо убежден, что он [Мао Цзэдун] станет хорошим генералом»[109]. В то время военные вопросы интересовали Мао особенно: не только Китай, но и весь мир был в состоянии войны. Мао Цзэдун внимательно следил за событиями на Европейском театре военных действий, ежедневно читая пекинские, шанхайские и хунаньские газеты. Их он не только брал в библиотеке, но и выписывал. По его собственным подсчетам, на литературу он тратил треть денег, которые присылал отец[110]. У него была странная привычка: прочитав газету от корки до корки, срезать белые поля страниц и сшивать их ниткой. «На этих белых полосках он выписывал из газеты географические названия местностей всех стран мира», —

сообщает Сяо Сань. Особый интерес у него вызывали Мазурские озера в Польше, где в сентябре 1914 года были наголову разбиты русские войска, а также французская река Марн, на берегах которой, в непосредственной близости от Парижа, была остановлена германская армия[111].

Зимой 1917 года у Мао Цзэдуна и его приятелей родилась мысль о создании строго централизованной группы единомышленников. «Я вступил в обширную переписку со многими студентами и друзьями из других городов и поселков, — говорил Мао Эдгару Сноу. — И постепенно начал ощущать необходимость в более тесно сплоченной организации»[112]. В середине апреля 1918 года такая организация была, наконец, создана. Она получила название общество «Обновление народа». Нетрудно заметить, что Мао Цзэдун и его единомышленники не долго думали над названием: они заимствовали его у Лян Цичао. Ведь именно так — «Обновление народа» — назывался журнал этого китайского реформатора, издававшийся в Йокогаме. Название предложил Сяо Юй[113], и с ним все радостно согласились.

Учредительное собрание общества состоялось ранним утром в воскресенье, 14 апреля, в доме Цай Хэсэня в местечке Инвань, у подножия горы Юэлу, на левом берегу реки Сянцзян. В небольшой бедно обставленной хижине, спрятавшейся в тени густых деревьев, собрались тринадцать человек. «Утро было погожее и безоблачное, — вспоминал Мао Цзэдун. — Мягкий бриз ласкал лазурную гладь реки и изумрудную траву на ее берегах. Это произвело на всех присутствующих незабываемое впечатление»[114]. Помимо хозяина и Мао Цзэдуна присутствовали их старые друзья: братья Сяо, Чжан Куньди, Ло Чжанлун и другие. Были и новые лица. Среди них — сорокадвухлетний Хэ Шухэн, с которым Мао вместе поступал еще в Четвертое провинциальное педагогическое училище в 1913 году. В марте 1914-го в результате упоминавшегося объединения Четвертого и Первого училищ оба — и Мао, и Хэ — оказались студентами одного колледжа, но Хэ Шухэн закончил его досрочно, уже через несколько месяцев. С июля 1914 года он преподавал китайский язык в одной из начальных школ Чанши. Был он человеком невысокого роста, но широкоплечим, очень серьезным и скромным, носил большие круглые очки и пользовался безграничным уважением младших товарищей. Те в шутку прозвали его «Усатый Хэ» — за длинные черные усы, придававшие Хэ Шухэну сходство с классическим *шэньши.* Он, впрочем, и являлся сельским интеллигентом: еще в восемнадцатилетнем возрасте Хэ сдал экзамен на получение

первой ученой степени *сюцая.* Мао и Сяо Юй особенно подружились с ним во время летних каникул 1917 года, навестив «Усатого Хэ» в его родной деревне в уезде Нинсян во время своего путешествия по провинции[115]. Этот самоотверженный, необычайно энергичный человек с острым взглядом сыграет в жизни Мао большую роль: он станет его ближайшим помощником в деле организации коммунистического кружка в Хунани в 1920 году, а в 1921-м примет участие в I съезде китайской компартии[116]. К Мао, которого Хэ Шухэн считал «необыкновенным человеком»[117], он будет всегда испытывать огромное уважение и, несмотря на солидную разницу в возрасте, никогда не станет оспаривать его превосходство.

Собравшиеся обсудили устав организации, проект которого был составлен Мао Цзэдуном и еще одним членом общества, Цзоу Динчэном, в марте. В нем, в частности, говорилось: «Основными целями общества являются: перестройка академической учебы, воспитание нравственности, Улучшение сознания и нравов народа… Все члены должны выполнять следующие правила: не быть лицемерными и ленивыми, не тратить попусту деньги, не играть в азартные игры и не посещать проституток». Было решено, что в общество сможет вступить всякий по представлении пяти или более рекомендаций от старых членов, уплате одного серебряного доллара в виде вступительного взноса и после одобрения его кандидатуры более чем половиной голосов всех участников организации. Была признана необходимость всем платить ежегодные членские взносы: также по одному серебряному доллару. «В случае же, если член общества окажется вовлечен в недостойное поведение, — говорилось в уставе (что именно имелось в виду, не разъяснялось), — или сознательно нарушит эти правила, он может быть исключен из общества большинством голосов»[118].

После принятия устава выбрали руководство. Генеральным секретарем (да, да, именно Генеральным секретарем!) был назван Сяо Юй. По сообщению его младшего брата, Сяо Саня, первоначально пост Генерального секретаря был предложен Мао Цзэдуну, но тот отказался, согласившись стать лишь одним из двух заместителей Сяо Юя[119]. В общество постепенно вошли от 70 до 80 человек, в том числе несколько девушек: Ли Сыань, студентка Хунаньского училища Цанье, Тао И, студентка Первого педагогического училища и одна из любимых учениц Ян Чанцзи, Цай Чан, младшая сестра Цай Хэсэня, и Сян Цзиньюй, подруга Цая. Многие члены организации позже станут известными деятелями китайского коммунистического движения, и большинство сложит головы в боях за новый Китай[120].

Все участники общества стремились к воплощению в жизнь идеальной мечты: «Улучшить жизнь человека и всего человечества». Именно поэтому и назвали свою группу «Обновление народа». Хотя они и отвергали «романтику», но сами-то романтиками и были. «В то время в стране уже распространялись новые идеи и новая литература, — писал Мао Цзэдун, — и все мы чувствовали себя абсолютно свободными от старых идей, старой этики и старой литературы. Мы вдруг пришли к убеждению, что никоим образом нельзя вести тихую уединенную жизнь, а надо, напротив, стремиться к активной жизни в коллективе… Большинство из нас были студентами господина Ян Хуайчжуна [патриотический псевдоним Ян Чанцзи, означающий «Тоскующий о Китае»]. Слушая лекции господина Ян Хуайчжуна, мы выработали свое представление о жизни, в основе которого лежало постоянное стремление к цели и самосовершенствованию»[121].

Участники общества вскоре внесли изменение в определение целей организации. Перестройка академической учебы и воспитание нравственности не могли их уже больше удовлетворить. Отныне они хотели ни много ни мало, как «преобразования Китая и всего мира»[122], и начинать реформирование искренне желали с себя. Но, кроме благородных намерений стать лучше, чище, умнее да желания осчастливить все человечество, никаких конкретных идей у них пока не было. «Мы начинали как члены мелкобуржуазной интеллигентской организации, которые стремились к „самосовершенствованию“ и „взаимопомощи“, — вспоминает участник группы Ли Вэйхань. — Большинство членов общества были молодыми людьми, которые верили в реформы, горячо желая прогресса. Но как осуществить эти реформы? Как достичь прогресса? Двигаясь ощупью, мы еще совершенно не представляли этого»[123].

Ну и что же? Вряд ли их можно в этом винить. Ведь то, к чему они наивно тянулись, уже было прекрасно! Если бы только могли они на этом остановиться!

В целом программа общества, по словам Сяо Саня, «была смесью конфуцианства с кантианством»[124]. По сути, такую же оценку ей давал и Мао Цзэдун. «В то время, — говорил он, — в моей голове забавно переплетались идеи либерализма, демократического реформизма и утопического социализма. У меня были какие-то расплывчатые увлечения „демократией девятнадцатого века“, утопизмом и старомодным либерализмом, но я был совершенно точно антимилитаристом и антиимпериалистом»[125].

В июне 1918 года Мао окончил педагогическое училище. По

словам его дочери, он оказался на распутье[126]. Работы то ли не было, то ли он сам не хотел искать место. Вместе с несколькими друзьями, в том числе Цай Хэсэнем и Чжан Куньди, он поселился на левом берегу реки Сянцзян, недалеко от горы Юэлу. Он мечтал создать здесь коммуну, некое «товарищеское общество работы и учебы», чтобы совместно обрабатывать землю и постигать науки[127]. Денег почти не было, но это почему-то его не беспокоило. Приятели подтрунивали над ним, говоря: «Ни цента в кармане, а обеспокоен судьбами мира!»[128] Целыми днями он философствовал, бродил по окрестностям и любовался природой. С горы Юэлу открывался потрясающий вид на город Чаншу. Под жарким солнцем блестели золотые изогнутые крыши конфуцианских храмов, величественно возвышались восемь крепостных башен. Внизу, под горою, неспешно текла река Сянцзян. Молодость брала свое. Мао чувствовал себя счастливым: у него было много друзей, и все они относились к нему как к лидеру. Спустя несколько лет, осенью 1925 года, он вновь посетит эти места и, вспоминая о прошлом, напишет следующие стихотворные строки:

Холодной осенью
Стою я один,
А река Сянцзян несет свои воды на север,
Огибая Мандариновый остров.

Я пристально вглядываюсь
В силуэты гор,
Окрашенных в красный цвет
Бесчисленными рядами деревьев.

Широкая, мощная река цвета яшмы
Лежит предо мною,
И сотни джонок
Борются с ее течением.

Орлы устремляются ввысь, в голубое небо,
Рыба играет на мелководье.
В этот морозный день
Все живое борется за свободу.

Озадаченный беспредельностью мира,
Обращаю вопрос свой к природе:
«Кто решает, кому повезет, а кого неудача постигнет
На этой огромной земле?»

Сотни товарищей
Привел я с собою сюда когда-то.
Я помню прошедшие дни
И минувшие долгие годы.

Мы все тогда были молоды,
Как свежие бутоны цветов.
С упорством ученых
Отстаивали мы нравственный путь.

Обозревая реки и горы,
Гневом клеймили мы
Десять тысяч маркизов[8] —
Для нас они были навозом.

Помнишь ли, как плескались мы посредине реки,
Тревожа водную гладь?
Помнишь ли,
Как лодки качались на волнах?[129]

Мао любил сочинять стихи. А кто в молодости этим не увлекался? Сталин тоже одно время слагал вирши. «Грешили» этим и многие другие революционеры. У Мао, правда, страсть к стихосложению являлась чем-то вроде наваждения. Писать стихи он будет до старости. Как ко всему в жизни, он и к поэтическому творчеству будет относиться серьезно.

Именно в период относительного безделья Мао Цзэдун и получил письмо от своего учителя по поводу набора группы юношей и девушек для поездки во Францию. Он поделился новостью с Цай Хэсэнем, братьями Сяо и другими приятелями. Цай Хэсэнь и старший из Сяо, Юй, особенно загорелись этой возможностью. Они давно думали о поездке на учебу за границу, и Франция представлялась им хорошим местом: демократическая страна с прочными революционными традициями, о чем же еще мечтать? Сразу же созвали собрание общества, на котором постановили: «Признать движение учебы во Франции важным мероприятием и сделать все возможное для его развития»[130]. Ответственными за организацию поездки выбрали Цай Хэсэня и старшего Сяо. Желание ехать именно во Францию выразили подавляющее большинство присутствовавших, человек 25–30. Только один сказал, что хотел бы учиться в Японии, да кто-то еще отказался покинуть Чаншу по семейным обстоятельствам[131]. Сяо

Юй тут же написал Ян Чанцзи, чтобы разузнать о пекинской группе подробнее.

Ответ от «Конфуция» пришел через неделю. Профессор Ян сообщил, что встретился с ректором Пекинского университета Цай Юаньпэем, и тот дал «добро» на участие хунаньской молодежи в программе обучения и работы во Франции[132].

Эта программа была разработана еще в 1912 году. Инициировали ее два анархиста, Ли Шицзэн и У Чжихуэй, которые сами одними из первых получили образование во Франции. Они были поклонниками французского теоретика анархизма Элизе Реклю, друга и соратника Петра Кропоткина. Реклю, а за ним и китайские анархисты верили в диалектическую связь между образованием и революцией. Они полагали, и тут с ними трудно не согласиться, что общественный революционный прогресс был возможен лишь при широком развитии науки и просвещения. В 1905 году Ли Шицзэн и У Чжихуэй создали в Париже первую «Группу китайских анархистов», а в 1912 году организовали так называемое «Общество экономной учебы китайцев во Франции». Имелся в виду экономный способ получения образования: предполагалось, что вновь прибывшие будут сами себя обеспечивать, работая на французских предприятиях и оплачивая обучение по принципу: «Год работы — два года учебы». Задачами общества было привлечь молодых китайцев на учебу во Францию и помочь им в поисках работы. Вся идея заключалось в том, чтобы воспользоваться преимуществами западной системы образования, с тем чтобы воспитать «нового» человека — и рабочего, и интеллигента. Только такой человек, по мысли китайских анархистов, мог возродить Китай. За два года, с 1912-го по 1913-й, им удалось отправить во Францию (в основном в Париж, Монтаржи и Фонтенбло) 100 китайских студентов. В конце 1913 года, однако, «Общество экономной учебы китайцев во Франции» вынуждено было прекратить деятельность: Юань Шикай объявил нерациональными поездки китайцев на учебу в Европу[133]. Новый импульс движение получило в августе 1917 года в связи с вступлением Китая в мировую войну на стороне Антанты. В боевых действиях китайцы участия не принимали, но по соглашению с французской стороной китайское правительство послало во Францию 140 тысяч рабочих — в основном для рытья траншей[134]. Вот тут-то китайские анархисты и оживились. Окрыленный новыми перспективами, Ли Шицзэн стал прилагать все усилия для организации массового движения китайской молодежи на учебу и работу во Франции. Он связался с ректором Пекинского университета Цай Юаньпэем, с французской общественностью и вскоре образовал смешанное «Китайско-

французское общество учебы». Оно должно было способствовать развитию системы образования китайцев во Франции, а также укреплению китайско-французских культурных связей. Анархисты хотели привлечь китайских студентов в Европу, чтобы осуществить, если так можно выразиться, соединение «интеллекта» с рабочим движением. Филиалы организации были созданы в Пекине, Кантоне, Шанхае. В Пекине, а также в таких городах, как Чэнду и Чунцин (провинция Сычуань), и городе Баодин (провинция Хэбэй) в конце 1918 года, то есть уже после окончания мировой войны, были открыты подготовительные школы для тех, кто собирался поехать на учебу и работу во Францию. В них принимали с 14 лет[135].

Идея получить европейское образование вызвала интерес у китайской молодежи. По словам Цай Юаньпэя, это объяснялось следующими причинами. Во-первых, в Китае было мало высших учебных заведений, а уровень действующих вузов оставлял желать лучшего; во-вторых, не хватало высококвалифицированных профессорских кадров; в-третьих, китайское министерство образования и соответствующие институты были не в силах организовать эффективные практические занятия для студентов в связи с отсутствием в Китае необходимого числа библиотек, музеев, ботанических садов и зоопарков[136].

После получения писем «Конфуция» Цай Хэсэнь немедленно отправился в Пекин, где встретился с Ян Чанцзи, Ли Шицзэном и Цай Юаньпэем. 30 июня он прислал Мао Цзэдуну и другим членам общества письмо, подтверждая, что возможность поездки во Францию весьма реальна. Он звал друзей поторопиться с отъездом в Пекин[137].

Однако Мао нужно было прежде уладить некоторые семейные дела. Дело в том, что еще в 1916 году серьезно заболела его мать, Вэнь Цимэй. Она уже давно страдала от язвы желудка, а тут у нее начался лимфаденит, то есть воспаление лимфатических узлов. Мао, как мы знаем, очень любил и жалел мать, а потому, учась в Чанше, время от времени навещал ее. В последние годы семейная жизнь родителей разладилась. Что между ними произошло, мы не знаем. Ходили слухи, что Лао Вэнь (почтенная Вэнь) не могла простить мужу сожительство с женой сына. Но, возможно, дело было в ином: характер отца Мао с годами все ухудшался, и жить с таким человеком стало просто невыносимо. В конце концов мать Мао не выдержала. Собрав вещи, она перебралась к старшим братьям, в родную деревню Танцзято. Надо полагать, что Мао Ичан, ревниво относившийся к соблюдению традиций, с трудом пережил бунт супруги, который ни в какие рамки конфуцианской

морали вместить было невозможно. Но Мао Цзэдун, как всегда, был целиком на стороне матери. В начале августа 1918 года он вновь навестил ее, на этот раз в доме дядьев. Он уговаривал мать съездить с ним в провинциальный центр, пройти медицинское обследование. Однако, как это часто бывает с сердобольными матерями, Лао Вэнь отказалась, скорее всего, потому, что не хотела обременять любимого сына. Вернувшись в Чаншу, Мао написал своим дядьям записку, в которой по-прежнему выражал надежду, что мать все-таки приедет в город. Он рассчитывал на ее приезд в конце осени в сопровождении брата Цзэминя. В той же записке он сообщал своим родственникам, что сам собирается съездить в Пекин. Ни о каком путешествии за тридевять земель во Францию он не говорил, уверяя их в том, что единственной целью поездки в столицу являлся «осмотр достопримечательностей и ничего более»[138].

На самом же деле он просто не хотел никого волновать. Решение поехать во Францию с группой единомышленников он принял безоговорочно и очень радовался предстоявшему приключению[139].

15 августа вместе с 25 товарищами Мао Цзэдун отправился из Чанши в Пекин. По реке Сянцзян на небольшом суденышке они добрались до трехградья Ухань. Дальше их путь лежал по железной дороге. Впервые Мао поехал на поезде, да еще так далеко: ему предстояло проехать более двух тысяч *ли* (около 1300 км).

В пути им пришлось задержаться на пару дней в небольшом городе Сюйчане в провинции Хэнань. Поезд не мог дальше двигаться из-за разлива реки Хуанхэ. Этому обстоятельству Мао был даже рад. Ведь на месте Сюйчана в древности находилась столица китайского царства Вэй, основанного императором Цао Пи, одним из персонажей его любимого романа «Троецарствие»[140]. По предложению Мао Цзэдуна друзья решили отыскать старый город. Поговорив с местными крестьянами, они выяснили, что руины древнего поселения находились за крепостной стеной. Нетрудно представить, насколько взволнован был Мао. Он ехал покорять мир, и случайная остановка в историческом месте, овеянном славой прошлых веков, не могла не быть символичной. Знаменитые герои древности как бы напутствовали его на великие свершения во славу величия и могущества родины!

Часть II
ЧТО ДЕЛАТЬ?

СНЫ В КРАСНОМ ТЕРЕМЕ

В Пекин Мао и его друзья добрались только 19 августа, проведя в дороге четверо суток. Сойдя с поезда, они сразу отправились к Ян Чанцзи, который жил в северной части города, недалеко от крепостных ворот. Тот был несказанно рад, сразу же предложив четверым из них, в том числе, разумеется, Мао Цзэдуну, остановиться у него[1]. Больше гостей он принять не мог. В небольшом доме, располагавшемся в узком и грязном переулке *(хутуне),* помимо хозяина, жили еще трое: его жена Сян Чжэньси, двадцатилетний сын Ян Кайчжи и семнадцатилетняя дочь Ян Кайхуэй (дословно: «Открытая мудрость»)[2]. Мао был уже знаком с семьей учителя. Летом 1916 года по приглашению профессора он даже в течение нескольких дней гостил у него в деревне. Мао Цзэдун помнил, как обрадовался он тогда приглашению «Конфуция» и как протопал в соломенных сандалиях более шестидесяти *ли* до невзрачного на вид кирпичного дома под черепичной крышей[3]. Ян Кайхуэй (в семье ее ласково звали Ся — «Заря», «Зорюшка»[4]) в ту пору было всего пятнадцать (она родилась 6 ноября 1901 года), и застенчивый Мао не обмолвился с ней ни словом. Не вступал он в разговор и с хозяйкой дома. Болтать с малознакомыми женщинами было не принято, а потому каждый раз при встрече с женой и дочерью учителя Мао в знак почтения просто наклонял голову. Зато уж с «Конфуцием» он насладился беседой. А еще ему очень понравилась огромная библиотека профессора[5]. С Ян Кайхуэй он виделся и впоследствии, но, как мы помним, женщины его не интересовали, так что превращения девочки в девушку он не заметил.

Но тут, встретившись с Ян Кайхуэй вновь, Мао не мог сдержать волнения. Перед ним стояла красивая молодая девушка с чуть припухлыми губами и внимательными черными глазами. Равным образом были удивлены и его приятели. «Небольшого роста и круглолицая, она чем-то напоминала своего отца, — вспоминает Сяо Юй. — У нее были такие же, как у него, глубоко посаженные глаза и маленький нос, но кожа была гораздо белее»[6]. «Очень тихая, серьезная девушка» понравилась и Сяо Саню[7].

Сердце «Зорюшки», однако, покорил «интеллигентный и обходительный» шаошанец, о котором она столько хорошего слышала от отца. «Я горячо полюбила его уже тогда, когда слушала о его многочисленных свершениях, — вспоминала она спустя несколько лет… — Однако совсем не надеялась выйти за него замуж, так как не собиралась завлекать его. Хотя я и любила

его, но отнюдь не демонстрировала своих чувств. Я была твердо убеждена, что человек сам должен прийти к любви. И все же я не уставала надеяться и мечтать. Я знала, что так бывает. Но разве могла я запрятать свои чувства и совсем не выдать себя? И все же я решила, что если ничего не получится, то замуж я уже ни за кого никогда не выйду. Такой уж у меня характер!»[8]

К огорчению Ян Кайхуэй, их отношения развивались не просто. Пройдет два с половиной года, прежде чем их судьбы переплетутся. Мао был слишком застенчив, да к тому же у него совсем не было денег, чтобы достойно ухаживать за девушкой. Пекин «для меня был слишком дорогим городом, — говорил Мао. — Я добрался до столицы, заняв деньги у друзей»[9]. Гордость не позволяла ему жить и за счет Ян Чанцзи. Проведя несколько дней в гостеприимном доме, Мао и его друзья, поблагодарив хозяев за радушный прием, перебрались в небольшую квартирку, состоявшую из трех малюсеньких комнат[9]. Снять более просторное жилье они в силу крайней бедности не могли[10]. Одноэтажный деревянный домишко с большими, оклеенными бумагой окнами вместил не только постояльцев «Конфуция», но и еще четверых приятелей. Но в тесноте, как говорится, да не в обиде! Каждую ночь восемь человек умудрялись размещаться на одном *кане* — плоском и невысоком помосте, занимавшем почти половину комнаты — от одной стены до другой. Используемый как лежанка в любом традиционном китайском доме *кан* в холодную погоду обычно отапливается горячим дымом от очага, проделанного в одной из его стенок. Дым проходит внутри *кана,* заполняя все полости, и выходит на улицу через специальное отверстие во внешней стене. Денег отапливать *кан,* однако, у наших приятелей не было, а потому спали они, тесно прижавшись друг к другу, чтобы согреться. На восьмерых человек было только одно ватное пальто, и в холодные зимние дни они выходили из дома по очереди. Только через четыре месяца смогли купить еще два пальто, и это уже было вершиной блаженства. Пищу готовили на небольшой печке, которая находилась тут же в комнате[11]. «В Пекине я пребывал в довольно бедственном положении, — вспоминал Мао… — Когда мы все быстро забирались на *кан,* вздохнуть было невозможно. Я должен был предупреждать товарищей, когда хотел повернуться»[12].

Крохотный домик за номером 7 с небольшим внутренним двориком находился в узком переулке в районе, именуемом «Трехглазый колодец», довольно близко от Пекинского университета. Недалеко было оттуда и до знаменитого рукотворного озера Бэйхай (Северное море), расположенного в центре одноименного парка, и до Запретного города — места

пребывания бывшего императора Пу И. По соглашению с республиканскими властями Пу И по-прежнему носил свой титул, только империя сократилась до размеров его резиденции. Из Запретного города Пу И заставят выехать лишь в 1924 году.

Мао часто бродил по пыльным пекинским улицам и немощеным переулкам — *хутунам.* Последние придавали особый, неповторимый колорит старому городу. Еще в XIII веке завоеватели-монголы, сделавшие Пекин своей столицей (они именовали его Даду, Великая столица, или Ханбалык, город Великого хана), распорядились застраивать городские кварталы так, чтобы по невероятно узким переулкам и улочкам мог проехать лишь один конник. Они опасались восстаний китайского населения.

В отличие от Чанши Пекин не был крупным коммерческим центром, и его торговые улицы не поражали разнообразием вывесок и реклам. Но, как заметил один из современников, «на них было что посмотреть». Многие из улиц, и прежде всего наиболее деловая из них — Ванфуцзин, были забиты народом. В Пекине проживало в пять раз больше людей, чем в Чанше, — примерно один миллион человек[13]. По словам уже известного нам Чжан Готао, прибывшего в этот город из провинции Цзянси за два года до Мао Цзэдуна, «Пекин был поистине многоликим и многокрасочным городом. В нем перемешались древность с современностью, китайское с иностранным; он носил черты культуры и ханьцев, и маньчжур, и монголов, и мусульман, и тибетцев». В общем, делает вывод Чжан Готао, «Пекин… был подлинной столицей государства… величественной и многоликой»[14].

По улицам и переулкам сновали рикши. Иностранцев они поражали быстрым темпом. В отличие от японских рикш, никогда не переходивших с шага на бег, китайские демонстрировали завидную скорость[15]. Было их видимо-невидимо. Примерно каждый шестой пекинец в возрасте от шестнадцати до пятидесяти лет занимался этим доходным промыслом. За вычетом платы за коляску, которую большинство рикш арендовали у владельцев специальных гаражей, расторопный возница мог заработать в месяц больше пятнадцати серебряных долларов, в то время как помощник библиотекаря Пекинского университета, например, — только восемь[16]. Вместе со своими семьями рикши составляли 20 процентов пекинского населения[17].

По широким проспектам, гудя клаксонами, катили редкие еще автомобили. Кучера экипажей, запряженных косматыми монгольскими пони, разгоняли прохожих громкими криками. Стоявшие без дела свободные рикши, заманивая пассажиров,

перекрывали шум беспокойными возгласами: «Господин! Госпожа!» Грохот стоял невыносимый, оглушавший любого оказавшегося в Пекине путешественника. Никаких дорожных знаков, разумеется, не было, и время от времени на перекрестках возникали многолюдные пробки. Часто на улицах можно было видеть верблюдов: груженные товаром караваны приходили в Пекин из монгольских степей, и их появление на городских магистралях только усиливало столпотворение[18].

При всем этом город производил удивительно приятное впечатление. Нельзя было не восторгаться его величественными архитектурными сооружениями, неповторимыми дворцовыми комплексами и храмами, гармонично вписанными в парковые ансамбли. Глубокое поэтическое очарование столицы чувствовал и Мао. «В парках и садах вокруг древних дворцов я замечал первые признаки ранней северной весны, — говорил он, — я видел, как распускались сливы своими белыми цветами в то время, как Бэйхай все еще оставалось сковано льдом. Я любовался ивами на берегах Бэйхая, с ветвей которых свисали сосульки, и вспоминал строки танского поэта Чжэнь Чжана, который сравнил блестящие зимним инеем ивы Бэйхая с „десятью тысячами цветущих персиковых деревьев“. Бесчисленные сады Пекина вызывали мое изумление и восхищение»[19].

Восторги Мао по поводу красоты Пекина разделяли многие его современники. Один из них, например, писал: «Летним утром, когда легкий туман низко ложится на Пекин, а ранние лучи солнца вспыхивают на желтых черепицах Императорского дворца, стоит полюбоваться этим наиболее поразительным из всех китайских городов с [расположенных недалеко от него] Западных холмов… В естественной атмосфере холмов, на высоте тысячи двухсот футов над уровнем Желтого моря, укрылся храм Богини Милосердия. Разросшиеся вокруг за двести лет деревья и виноградники скрывают его от постороннего глаза. Далеко-далеко за городом, если приглядеться, можно увидеть полоску морского прибоя, и там же вдали, на севере, плодородная долина упирается в Великую стену, которая соединяет землю и тучи… Из легкого тумана проступают очертания затупленных башен этого величественного города, окруженного резко очерченными стенами. Вот он, мост, возведенный в память того самого Марко Поло, чья легкомысленная книга представляет древний [восточный] мир сквозь западные очки. Вот оно, озеро Летнего дворца, в котором отражаются лучи восходящего шара… Здесь правили сорок императоров, монголы, Мины и маньчжуры. Только одни маньчжуры сидели на Троне Дракона почти столько же времени, сколько англичане живут в Америке… Двадцать

поколений минуло с тех пор, как этот город стал столицей, и ни одна другая столица на земле не властвует над судьбами такого числа людей»[20].

Пекин — один из древнейших городов Китая. Он был основан четыре или пять тысяч лет назад, еще во времена легендарного императора Хуанди, который, по преданию, научил китайцев грамоте. Первоначально город назывался Юду (Столица покоя), но впоследствии много раз переименовывался. Его современное название Пекин, или точнее Бэйцзин (дословно: Северная столица), появилось в 1421 году. Так назвал этот город минский император Юнлэ, перенесший сюда столицу империи из Нанкина (точнее Наньцзина, Южной столицы). Минские правители существенно реконструировали город, проложив несколько широких проспектов и возведя большое количество монументальных зданий. Сотни тысяч крестьян были мобилизованы на строительство. Именно по приказу Юнлэ в центре Пекина был сооружен грандиозный дворцовый комплекс площадью в 720 гектаров, получивший официальное название «Пурпурный запретный город». Пурпурный цвет в Китае издавна считался символом радости и счастья, а в китайской космологии — еще и цветом Полярной звезды, центра Вселенной. В южной части Пекина Юнлэ возвел поразительный по своей красоте Храм неба (Тяньтань), предназначенный для императорских жертвоприношений духам предков.

Захватившие Пекин в 1644 году маньчжуры разбили в городе роскошные парки, а также построили удивительный по своему изяществу Летний императорский дворец на северозападной его окраине. Этот дворец, расположенный в центре огромного паркового комплекса Юаньминъюань (Парк совершенства и великолепия) в 350 гектаров, простоял до 1860 года, когда в ходе второй «опиумной войны» «цивилизованные» англо-французские дикари, вторгшиеся в Пекин, варварски разграбили и сожгли его. Отказавшись от восстановления дворца, вдовствующая императрица Цыси вместо этого осуществила грандиозную реконструкцию расположенной по соседству другой летней императорской резиденции, парка Ихэюань (Парк доброго здоровья и гармонии).

К сожалению, в этот свой приезд Мао Цзэдун не смог насладиться красотами Ихэюаня, несмотря на то, что парк был открыт для посещения еще в 1914 году: плата за вход была так высока, что не каждый богатый пекинец мог позволить себе лицезреть императорские палаты. И все же Мао не унывал. Уже того, что он посмотрел, было достаточно для первого раза.

«Великая, прекрасная столица Азии, — назвал Пекин еще

один современник, голос которого прямо дрожал от пафоса. — Пекин… — столица всего восточного мира, центр бурной политической жизни Дальнего Востока… Уже подъезжая в Пекину, замираешь от изумления. Город лежит посреди безводной равнины, окруженный величественными серыми стенами с великолепными башнями. Грандиозными могучими исполинами возвышаются эти стены над окружающим пространством. Все, что находится за ними, скрыто от глаз постороннего. В городе нет небоскребов. Все дома ниже окружающего столицу крепостного оборонительного вала. Пекин разделен на несколько кварталов — так называемых городов, каждый из которых окружен своей стеной. Есть огромный, густо населенный Китайский город, где селятся одни китайцы. В Татарском же, или Маньчжурском, городе имеется ряд подрайонов. Там находится дипломатический [Посольский] квартал, и все зарубежные представительства тесно жмутся друг к другу в этом небольшом, компактном месте, окруженном в целях самозащиты невысокой стеной. Со всех сторон дипломатического квартала лежит собственно Татарский город. В этой части Пекина тоже живут иностранцы, которые… находятся в постоянной готовности в любой момент скрыться за воротами своих миссий в случае каких-либо осложнений. Они говорят, что все довольно спокойно и ничего плохого не может произойти; боксерские бесчинства не повторятся. Но все же у каждого из них всегда под рукой полный вещей чемодан, а к стене дипломатического квартала приставлена лестница на случай чрезвычайных обстоятельств»[21].

Представительства иностранных держав располагались прямо в центре Пекина, в квартале Дунцзяоминсян, в десяти минутах ходьбы от Запретного города. Они охранялись своими войсками, которые были расквартированы в китайской столице по условиям «боксерского» договора. На одной из улиц этого района до ноября 1918 года возвышался монумент барону фон Кеттелеру, германскому посланнику, убитому именно на этом месте в июне 1900 года захватившими город «боксерами». Был он возведен Цинским правительством по условиям «Заключительного протокола» 1901 года. У патриотически настроенных китайцев, в первую очередь молодежи, этот памятник вызывал особую ненависть. Все помнили, как этот барон в мае 1900-го, на одном из совещаний иностранных посланников, заявил: «Настало время поставить вопрос ребром о разделе Китая»[22]. Людей возмущал и сам памятник, и надпись на нем, сделанная на трех языках — латинском, немецком и китайском, содержавшая извинения императора Гуансюя за убийство посланника. Интересно, первое,

что сделали пекинцы, узнав в середине ноября 1918 года об окончании Первой мировой войны и капитуляции Германии, так это разрушили ненавистный памятник!

В начале XX века Пекин был также крупнейшим культурным, интеллектуальным и общественно-политическим центром страны. Именно здесь в 1898 году был основан современный по тому времени Педагогический институт, вскоре после начала Синьхайской революции 1911 года переименованный в Пекинский университет (Бэйда — так обычно называют его китайцы). После назначения осенью 1916 года ректором университета либерала Цай Юаньпэя в университете развернулось «движение за новую культуру», охватившее вскоре многие учебные и научные учреждения страны. Его идеологи — ректор Цай Юаньпэй, проводивший политику академических свобод, а также профессора Пекинского университета Ли Дачжао, Ху Ши и другие, подобно французским философам XVIII века, утверждали в китайском обществе культ разума взамен традиционного культа веры. В Китай, хотя и с запозданием, пришло Просвещение, и бастионом его стал именно Пекинский университет. «Движение за новую культуру» стимулировало вновь зародившуюся китайскую интеллигенцию к поиску оригинальных теоретических концепций, которые могли бы способствовать разрешению экономического, политического и социального кризисов в Китае. «Штурмуя крепости классической литературы, — пишет Чжан Готао, — оно в простой и доходчивой форме вводило понятия демократии и науки, знакомило с различными школами современной западной мысли… И отсталые люди, пробуждаясь, тянулись к радикализму, который был основным течением в движении за новую культуру»[23]. Рупором движения являлся журнал «Синь циннянь» — тот самый, который в апреле 1917 года опубликовал статью Мао Цзэдуна о значении физической культуры. Редакция журнала располагалась здесь же, в Пекине, а его главным редактором был декан колледжа гуманитарных наук Бэйда профессор Чэнь Дусю. Именно этот журнал и положил начало движению за новую культуру, направленному против традиционных конфуцианских устоев, став одним из наиболее влиятельных изданий, распространявших западные идеи демократии, гуманизма, а также передовую науку. Со страниц «Синь циннянь» пропагандировались антиконфуцианская мораль, западный индивидуализм и либерализм, звучал призыв к духовному обновлению общества. Журнал сыграл также значительную роль в распространении нового литературного языка байхуа, заменившего в конце концов с трудом воспринимавшийся широким населением классический

древнекитайский язык вэньянь.

Идеалы, за которые ратовали «Синь циннянь» и администрация Цай Юаньпэя, были, разумеется, близки сердцу молодого Мао Цзэдуна. Он восхищался ректором Цаем, Ли Дачжао, Ху Ши, другими лидерами популярного движения, а Чэнь Дусю просто боготворил. Пекинский университет, стало быть, не мог его не интересовать. До Бэйда же, точнее до его нового, только что выстроенного главного здания, от «Трехглазого колодца» было рукой подать: находилось оно в районе «Шатань» («Песчаная отмель»), всего в пятнадцати минутах ходьбы. Высокий, в четыре с половиной этажа дом притягивал Мао как магнит. Он уже знал, что этот корпус назывался студентами и преподавателями «Красным теремом» («Хунлоу»). Так прозвали его за то, что три верхних этажа здания были сложены из кирпичей ярко-красного цвета. Название ассоциировалось с заголовком наиболее известного романа цинского времени — «Сон в красном тереме» («Хунлоу мэн»), написанного гениальным писателем Цао Сюэцинем (1715–1763), кстати, именно в Пекине. На этом, правда, ассоциации и заканчивались: «Хунлоу» Пекинского университета был, конечно, не похож на красный терем Цао Сюэциня. Но книгой о радостях и невзгодах, драмах и страстях одного из китайских кланов, описанных блестящим романистом, Мао Цзэдун увлекался в молодости не меньше, чем другими классическими произведениями китайской литературы, а потому не мог не обратить внимания на интересное совпадение.

Как же он должен был обрадоваться, когда в октябре 1918 года профессор Ян Чанцзи, видя его бедственное финансовое положение, нашел ему работу не где-нибудь, а именно в «святая святых», Пекинском университете! Учитель дал рекомендательное письмо к самому Ли Дачжао, профессору экономики и директору библиотеки Бэйда. Кабинет директора располагался в правом, юго-восточном, крыле «Красного терема», на первом этаже, рядом с самой библиотекой. Именно здесь Ли Дачжао и принял Мао Цзэдуна. Ли, как и Мао, был выходцем из зажиточной крестьянской семьи, и разница в возрасте у них составляла всего немногим более четырех лет, но как же много он достиг!

> Ли Дачжао родился 29 октября 1889 года недалеко от Пекина, в небольшой деревеньке Дахэйто уезда Лэтин (по-местному — Лаотин). Учился в сельской частной школе, где, как и Мао, штудировал конфуцианскую классику, а в 1907 году поступил в Бэйянское политико-юридическое училище, находившееся в соседнем с Пекином крупном торговом городе Тяньцзине. В 1913

году двадцатипятилетним юношей выступил в печати с патриотическими стихами и статьями, которые сразу же привлекли внимание мыслящей интеллигенции. В 1913 году, закончив училище, продолжил образование в токийском университете Васэда. В Китай вернулся в мае 1916 года и сразу же активно включился в развернутое Чэнь Дусю и Цай Юаньпэем «движение за новую культуру». В Пекинский университет его пригласили в ноябре 1917 года по рекомендации знакомого ему по Японии профессора Чжан Шичжао. Последний хоть и был консерватором, однако либеральных идей не чурался и к Ли Дачжао относился в высшей степени уважительно. К исполнению обязанностей директора библиотеки и профессора экономики Ли приступил в январе 1918 года. А вскоре по предложению Чэнь Дусю вошел в редколлегию журнала «Синь циннянь»[24]. В конце же декабря 1918 года вместе с Чэнем основал еще один журнал — «Мэйчжоу пинлунь» («Еженедельное обозрение»), который стал поднимать даже более острые, чем «Синь циннянь», политические темы.

Это был высокий, улыбчивый и очень мягкий по характеру человек[25], носивший круглые очки в тонкой металлической оправе и длинные усы. Он всегда был подтянут, собран и элегантно одет, причем в отличие от многих профессоров Бэйда любил иногда надевать западные костюмы, галстуки и белые с накрахмаленными стоячими воротниками рубашки. В общем, мог произвести впечатление.

Ли предложил Мао должность помощника библиотекаря с окладом в восемь долларов в месяц[26]. Деньги были, понятно, небольшие, но Мао Цзэдуна, как мы знаем, материальные проблемы еще не волновали. Он принял это предложение с радостью и впервые в жизни получил собственный офис. И пусть комнатка была совсем крохотной, с низким потолком и плохо оштукатуренными стенами, но ведь Мао был зачислен в штат самого Пекинского университета! Позже он с гордостью будет говорить родственникам, что работал в штате Бэйда[27].

Директор Ли был даже более начитан, чем Чэнь Дусю и Цай Юаньпэй, особенно в области современной западной философии, политологии и экономики. Первым в Китае он всерьез заинтересовался и таким новым для этой страны учением, как марксизм. До него тогда почти никто ничего толком не знал о Марксе, хотя первые сведения о марксистском социализме

проникли в Срединную империю в самом конце XIX века. Имя Маркса впервые появилось в китайской прессе в феврале 1899 года, в журнале «Ваньго гунбао» («Международное обозрение»), в переводе первой главы из книги английского социолога Бенджамина Кидда «Социальная эволюция». Через три месяца, в мае, в той же работе Кидда, изданной отдельной брошюрой Шанхайским издательством «Общество славы», было впервые упомянуто и имя Энгельса. Информации об основателях «научного социализма» у Кидда, правда, явно недоставало: в его книге говорилось только о том, что Энгельс вместе с Марксом являлись одними из тех, кто в Германии «проповедовал теорию, как накормить народ»[28]. В начале 1903 года на китайском языке был впервые опубликован небольшой отрывок из «Манифеста Коммунистической партии». Он появился в виде цитаты, приведенной в изданной в Китае работе японского автора Фукуды Шиндзо «Современный социализм». В конце июня 1905 года китайский автор Чжу Чжисинь, один из ближайших соратников Сунь Ятсена, в сжатой форме изложил вторую главу «Манифеста» в статье, озаглавленной «Краткие биографии германских социал-революционеров». В январе 1908 года китайские анархисты опубликовали в своем журнале «Тяньи бао» («Небесная справедливость») перевод предисловия Энгельса к английскому (1888 г.) изданию «Манифеста Коммунистической партии». Это была первая работа основоположников марксизма, изданная в Китае в полном виде. Вскоре после этого в нескольких номерах «Тяньи бао» была опубликована целиком первая глава «Манифеста», а затем в шанхайском журнале «Синь шицзе» («Новый мир») была напечатана одна из важнейших работ Энгельса «Развитие социализма от утопии к науке» (в китайском переводе — «Утопический социализм и научный социализм»). Автором этого перевода был Ши Цуньтун, ставший позднее одним из первых китайских коммунистов[29].

Впечатления о марксизме, однако, оставались у подавляющего большинства китайских интеллигентов противоречивы. Марксов социализм в то время еще ничем не выделялся в их глазах из многих других социалистических учений[30]. Вот что говорил об этом сам Мао Цзэдун в апреле 1945 года: «У нас в Китае, помимо небольшого числа студентов, обучавшихся за границей, никто [в те годы] не знал [что такое марксизм]. Я тоже не знал, что в мире был такой человек, как Маркс… Мы… ничего не знали о том, что в мире есть какой-то империализм, какой-то марксизм… Раньше были люди, как Лян Цичао, Чжу Чжисинь, которые упоминали о марксизме. Был, говорят, и еще кто-то, кто в одном журнале перевел „Развитие

социализма от утопии к науке“ Энгельса. В общем, в то время я не видел [этих изданий], а если и видел, то всего лишь скользнул глазом, не придав им значения»[31]. О том же он вспоминал и позднее, в сентябре 1964 года, в беседе с камбоджийским принцем Сианук[32].

Помимо марксизма Ли Дачжао первым в Китае обратил внимание и на всемирное значение большевистского опыта. Полностью приняв позиции большевиков, он как раз в 1918 году начал интенсивно пропагандировать российский коммунизм. Так что именно профессор Ли стал прокладывать в Китае тот путь, по которому всего через тридцать лет к власти в этой стране придет его «интеллигентный и обходительный» помощник. Уже в июле 1918 года в статье «Сравнение французской революции с русской» Ли Дачжао писал: «Русская революция знаменует изменения в сознании не только русских, но и всего человечества XX века… Мы должны с гордостью приветствовать русскую революцию как свет новой цивилизации. Нам надо внимательно прислушаться к вестям из новой России, которая строится на принципах свободы и гуманизма. Только тогда мы будем идти в ногу с мировым прогрессом. И не следует впадать в уныние от временных неурядиц в сегодняшней России!»[33] Вот такие «сны» рождались в тиши «Красного терема».

Вскоре после того, как Мао Цзэдун был зачислен в штат библиотеки, именно директор Ли познакомил его с азами большевистской идеологии. «Капиталисты, — внушал он, — составляют ничтожное меньшинство человечества, а трудящиеся — подавляющее большинство. Буржуазия или унаследовала свое имущество от патриархально-родового строя, или приобрела его, опираясь на всевластие экономической организации капитализма… Всякий, кто не работает, а ест произведенное другим, — грабитель». С «несправедливостью», доказывал Ли, надо покончить: «Мы должны… предоставить возможность всем людям стать трудящимися, а не грабителями». Как это сделать? Путем мировой социалистической революции, начало которой и положили российские коммунисты. «Большевизм, — разъяснял он, — это принципы, которых придерживаются русские большевики. Что же они собой представляют?.. Большевики основывают свою деятельность на учении немецкого экономиста, социалиста Маркса; их цель — ликвидировать государственные границы, препятствующие в настоящее время социализму, уничтожить капиталистический режим, при котором буржуазия присваивает прибыль… Большевики признают войну классовую, войну мирового пролетариата против мировой буржуазии… Как основу мировой федерации предполагается создать сначала

федеративную демократическую республику Европы. В этом и заключаются принципы большевизма. Это и есть новое кредо мировой революции XX века». Ли Дачжао восторгался вождями большевиков. С их программой он был горячо солидарен. «Можно понять, — рассуждал он, — что Троцкий рассматривал русскую революцию как бикфордов шнур мировой революции. Русская революция всего лишь одна из революций в мире, неисчислимые народные революции еще поднимутся друг за другом… Повсюду реют красные знамена, повсюду возникают профсоюзы. С полным основанием можно сказать, что это революции русского образца, революции XX века… Прозвучал набат гуманизма. Взошла заря свободы. Будущий мир будет миром красного знамени… Русская революция… предвещает перемены на земле. Хотя большевизм создан русскими, однако он отражает пробуждение всего человечества XX века. Поэтому победа большевизма есть победа нового духа на основе общего пробуждения человечества XX века»[34].

Не довольствуясь пропагандой, Ли старался вовлечь своего помощника в активную общественную деятельность. Через несколько дней после знакомства он пригласил его на заседание инициативного комитета по организации патриотического общества «Молодой Китай», цели которого совпадали с программными установками «Обновления народа». В конце ноября 1918 года Мао Цзэдун присутствовал и на созванном Ли Дачжао собрании в Бэйда, принявшем решение об организации «Общества по изучению Маркса»[35]. Не исключено, что он посетил и состоявшийся тогда же митинг группы «Молодой Китай», на котором профессор Ли выступил с лекцией об октябрьском перевороте[36].

Конечно, Мао и до Ли Дачжао слышал о том, что произошло в России: об этом писала не только центральная, но и местная китайская пресса. 17 ноября 1917 года о русских событиях сообщила даже чаншанская «Дагунбао» (газета «Справедливость»)[37]. Наверняка Мао знал и имя вождя большевистской партии. Ведь еще 19 мая 1917 года, то есть за несколько месяцев до взятия власти большевиками, шанхайская «Миньго жибао» (газета «Республика») впервые упомянула о «группировке Николаса Ленина», которая «бескомпромиссно выступает против войны и призывает к „сверхреволюционаризму“»[38]. В ноябре 1917 года на страницах «Миньго шибао» («Газета фактов „Республика“») и «Шиши синьбао» (новая газета «Факты») Мао мог прочитать и изложение выступлений Троцкого и Ленина на II Всероссийском съезде Советов. В кратких сообщениях говорилось, что Ленин внес три

предложения: немедленно прекратить мировую войну, передать землю крестьянам и преодолеть экономический кризис. 28 декабря 1917 года в «Чжунхуа синьбао» («Новая газета „Китай“») была опубликована первая статья, знакомившая общественность с ленинскими теоретическими взглядами. Ее автором был Ян Паоань — один из будущих первых сторонников коммунизма в Китае. Информация о Ленине, Троцком, большевизме и Октябрьской революции часто появлялась в китайской прессе и в 1918 году.

Эти вести конечно же не могли не вызывать интереса. Но Мао и представить себе не мог, что они «свет новой эры»[39]. Все, что говорил Ли Дачжао, было для него внове. Он понял, что образования ему не хватает, а потому решил прослушать ряд лекций в Пекинском университете.

Чтобы иметь возможность посещать классы в Бэйда в течение полугода, Мао в начале 1919 года вступил в члены трех университетских научных обществ: философии, новой литературы и журналистики[40]. В последнем из них он познакомился с возглавлявшим это общество крупным издателем и публицистом Шао Пяопином, основателем китайского информационного агентства и популярной пекинской газеты «Цзинбао» («Столица»). Встреча с ним была очень полезна: Шао ввел Мао в мир подлинной журналистики. «Он был… либералом, пылким идеалистом и человеком с прекрасным характером», — отзывался о нем Мао Цзэдун[41]. Немаловажны были и походы с Ли Дачжао на заседания общества «Молодой Китай». На одном из них внимание Мао привлек студент литературного факультета Пекинского университета Дэн Кан. Высокой и худощавый юноша, очень радушный, с доброй улыбкой и озорными глазами, он был одет в традиционный китайский халат, из которого довольно смешно торчала длинная шея. Возможно, правда, Мао обратил внимание на этого юношу из-за его хунаньского акцента: Дэн Кан (другое имя его было Дэн Лунбо) был родом из уезда Ичжан, что на крайнем юге Хунани. Как бы то ни было, вскоре между молодыми людьми, почти ровесниками (Дэн родился 5 октября 1894 года), разделявшими, по существу, одни и те же идеалы, установились дружеские отношения. Дэн, как и старый приятель Мао Цзэдуна Цай Хэсэнь, сыграет в жизни Мао большую роль: под новым именем Дэн Чжунся он станет одним из первых организаторов рабочего и коммунистического движения в Китае, видным руководителем КПК.

Но все же человеком, оказавшим на Мао Цзэдуна, по его собственным словам, «влияние, вероятно, больше, чем кто бы то ни было», являлся не Ли Дачжао, не Шао Пяопин и уж конечно не

молодой Дэн Чжунся. Его «гуру» был Чэнь Дусю[42]. Сомневаться в этом не приходится уже потому, что Мао Цзэдун не постеснялся признаться в этом даже незнакомому американскому журналисту Эдгару Сноу в 1936 году, несмотря на то, что к тому времени Чэнь, пройдя довольно извилистый жизненный путь, стал уже главным китайским троцкистом. Надо было действительно уважать Чэнь Дусю, чтобы, будучи вождем КПК, делать такое признание в разгар параноидальной антитроцкистской кампании, проводившейся тогда в международном коммунистическом движении Сталиным.

Да, Чэнь Дусю был по-настоящему гипнотической личностью, которой хотелось подражать. Еще в 1917 году Мао говорил своим друзьям по педагогическому училищу, что Чэнь для Китая значит не меньше, чем Лев Толстой для России, ибо он так же, как русский писатель, «стремится к правде и отстаивает правду вне зависимости от того, что по этому поводу думают другие»[43]. Чэнь Дусю пользовался огромным уважением патриотически настроенной интеллигенции, хотя был еще относительно молод: в 1918 году ему исполнилось всего тридцать семь лет.

> Он родился 8 октября 1879 года в городе Хуайнин (ныне Аньцин) восточной провинции Аньхой, получил классическое конфуцианское образование. Уже в молодости он продемонстрировал уникальные способности, успешно сдав экзамены на первую ученую степень *сюцая* в семнадцатилетнем возрасте в 1896 году. В 1900–1902 годах он получил и определенные познания в западных науках, посещая современные учебные заведения в Китае и Японии. В 1902 году в Токио вместе с другими китайскими студентами Чжан Цзи и Фэн Цзыю, ставшими впоследствии крупными деятелями суньятсеновской Националистической партии (Гоминьдана), Чэнь организовал Общество китайской молодежи, которое занялось пропагандой идей национальной революции. Вернувшись в Китай весной 1903 года, он оказался втянут в интенсивную революционную работу, участвуя в организации прогрессивных газет и журналов в Шанхае и провинции Аньхой. После антимонархической революции 1911 года некоторое время служил главой секретариата нового, революционного, провинциального правительства Аньхоя. Именно Чэнь Дусю в середине сентября 1915 года на территории иностранного сеттльмента в Шанхае основал журнал «Циннянь» («Молодежь»), который в

самом начале осени 1916 года переименовал в «Синь циннянь» («Новая молодежь»). В Пекинский университет Чэнь Дусю был приглашен в конце ноября 1916 года, где вскоре и занял должность декана колледжа гуманитарных наук[44].

Как и Ли Дачжао, он любил в то время иногда одеваться по-западному. Серая тройка, идеально накрахмаленная рубашка и галстук придавали ему вид американского профессора бизнес скул (школы бизнеса). Однако внешность была обманчива. Он отнюдь не являлся педантом, был очень общителен, любил шутку и умел увлекать собеседника. Да, он мог иногда проявлять излишнюю резкость в суждениях и безапелляционность в споре, но никогда не демонстрировал пренебрежения к собеседнику, даже если тот являлся намного младше его. Несмотря на десятилетнюю разницу в возрасте, Чэнь Дусю и Ли Дачжао дружили, и к своему младшему другу Чэнь испытывал глубочайшее уважение. Переговорить его было трудно, но можно. И если он сталкивался с вопросом, который сам не продумал всесторонне, и на это ему указывали, он тут же признавался в неправоте. При этом был очень остёр на язык, принципиален и вспыльчив — прямая противоположность Ли Дачжао с его мягким характером[45]. Он рано начал лысеть, однако залысины лишь оттеняли его высокий красивый лоб.

Чэнь и к Мао Цзэдуну, который даже не был официальным студентом, относился так же демократично, как к Ли Дачжао. И Мао не мог не попасть под его влияние. «Мы считаем господина Чэня яркой звездой в мире идей, — напишет он через несколько месяцев. — Когда господин Чэнь говорит, каждый, кто обладает достаточно ясным рассудком, соглашается с его точкой зрения»[46]. В отличие от Ли Дачжао, однако, Чэнь Дусю не был в то время сторонником ни большевизма, ни марксизма. Отвечая как-то одному из читателей «Новой молодежи», он заметил, что в Китае вообще бессмысленно рассуждать о социализме, так как эта страна слаборазвита в промышленном отношении[47]. По-прежнему отстаивал он свободу личности, демократию и гуманизм.

Идейная позиция Чэнь Дусю значила много для Мао Цзэдуна. Помощник библиотекаря уважал директора Ли, но верил-то он профессору Чэню. А потому к большевизму относился пока

весьма скептически. Из коммунистических течений тогда Мао больше интересовала программа анархизма с его резким акцентом на индивидуализм. Тем более что и Чэнь Дусю, и Ли Дачжао симпатизировали анархистским идеям[48]. Анархизм вообще в 1916–1920 годах пользовался в Китае громадной популярностью. Повышенный интерес к нему проявляли и в Пекинском университете, ректор которого сам разделял анархистские взгляды. Анархизм ведь являлся первым западным общественным учением, которое нашло себе последователей в этой стране. Именно анархисты стали уделять внимание рабочему вопросу, они же начали организовывать первые профсоюзы. Солидной была их издательская база. Помимо многочисленных анархистских журналов широкое хождение в Китае имели китайские переводы работ Петра Кропоткина «Взаимопомощь», «Моя автобиография», «Обращение к молодежи», «Хлеб и свобода», Михаила Бакунина — «Бог и государство», а также отдельных трудов Элизе Реклю, Макса Штирнера и Пьера Жозефа Прудона. Среди китайских анархистов имелись сторонники различных учений: «взаимопомощи» Кропоткина, «стихийной революции» Бакунина, «анархо-синдикализма» Прудона, теории японского анархиста Мисякодзи Санэацу о «преобразовании общества посредством создания новых поселений» — изолированных, самообеспечивающихся организаций в горных или лесных районах. Немало было и доморощенных анархистов, развивавших некоторые концепции даосизма — великого учения древнекитайского философа Лаоцзы, утверждавшего необходимость слияния собственного «я» с глобальной космической субстанцией *дао,* управляющей миром. Существовали даже отдельные группы псевдоанархистов (они называли себя нигилистами), которые придерживались идеи об «искоренении всего рода человеческого» посредством массовых самоубийств. Наибольшим влиянием пользовался Кропоткин, который пропагандировал преобразование государства и общества путем их децентрализации на основах свободной самоорганизации людей в федеративном союзе коммунистических общин. Однако в целом для китайских сторонников анархизма было характерно смешение различных анархистских учений. Главное, к чему стремились все анархисты Китая, — это достижение абсолютной личной свободы, которую они понимали как полный разрыв с современным им обществом.

В библиотеке Бэйда Мао мог найти немало анархистских работ. Он познакомился с некоторыми из них, и они увлекли его[49]. В конце концов он и приехал-то в Пекин для того, чтобы подготовиться к участию в движении «учебы и работы во

Франции», возглавляемом анархистами. «Мой интерес к политике продолжал возрастать и мое сознание становилось все более и более радикальным, — говорил Мао Цзэдун, вспоминая о своей жизни в Пекине. — …Но я все еще не мог определиться, какому пути следовать… Я прочел несколько брошюр об анархизме, и они произвели на меня огромное впечатление. Со студентом по имени Чжу Цяньчжи, который посещал меня, я часто разговаривал об анархизме и его возможностях в Китае. В то время я разделял многие его [анархизма] положения»[50]. Особенно Мао впечатлили идеи Кропоткина. «Есть… партия, — писал он, — которая более сдержанна, чем организация Маркса. Она не гонится за быстрыми результатами, а начинает с того, что входит в положение трудящихся масс. Все люди должны сознательно помогать друг другу и добровольно трудиться… Идеи этой партии более объемны и всесторонни. Эта партия хочет объединить весь мир в единую страну, а человечество — в единую семью, где все будут пребывать в мире, счастье и дружбе… Вождем этой партии является человек по имени Кропоткин, который родился в России»[51]. Как видно, сны Мао были не менее фантастичны, чем мечты Ли Дачжао.

Из всех членов общества «Обновление народа» Мао единственный получил работу в Пекинском университете. Остальные перебивались случайными заработками. Все прибывшие зарегистрировались в подготовительные классы различных учебных заведений, готовивших кандидатов на поездку во Францию. Некоторые оказались зачислены в школу при Пекинском университете, другие — в ту, что находилась в городе Баодин, в 300 *ли* к юго-западу от столицы, а один, Цай Хэсэнь, стал посещать занятия в школе, расположенной к югу от Баодина, в уезде Лисянь. Интересно, что наряду с юношами и девушками к поездке всерьез готовились и два пожилых человека — небезызвестный нам профессор Чаншаского педагогического училища Сюй Тэли, а также мать Цай Хэсэня, Гэ Цзяньхао (она же — Гэ Ланьин). Учащиеся в основном штудировали французский язык, после чего их отбирали для поездки по результатам экзаменов. Кандидаты должны были, помимо прочего, пройти устное собеседование во французском консульстве и тест на состояние здоровья[52].

Осмотревшись в Пекине, Мао передумал ехать в Париж. Что же им двигало? В беседе с Эдгаром Сноу он сказал: «Хотя я [еще в Хунани] и помогал организовать движение… я не хотел ехать в Европу. Я чувствовал, что недостаточно знаю собственную страну, что с большей пользой проведу время в Китае»[53]. Вот тебе на! Зачем же тогда надо было ехать в Пекин? Поступать на работу в

библиотеку? Сомнительно. Ведь мы же помним, как счастлив был Мао, получив известия от Ян Чанцзи о наборе студентов во Францию. Скорее всего тут были какие-то иные причины. Да, у него не было денег. Но добыть-то их в принципе было можно: тот же профессор Ян наверняка одолжил бы нужную сумму любимому ученику. Нет, не деньги играли здесь роль. Их вообще ни у кого из друзей Мао не было, и в итоге расходы на поездку были покрыты только за счет пожертвований[54]. Дело заключалось в другом. Мао просто не мог сдать экзамен по французскому языку. Как мы помним, он полностью был лишен способности к языкам. Интересно, что в период учебы в педагогическом училище он каждое утро долбил английский[55], а результат все равно оставался нулевым. О каком же французском здесь могла идти речь? Да если бы его и приняли на учебу во Францию, он не смог бы чувствовать себя полноценным в чужой стране. Быть же человеком второго сорта он просто не мог.

Так что главной причиной его отказа от поездки во Францию была гордыня: самолюбивый Мао не желал себя чувствовать хуже других. Он и в Пекине-то, в этом столичном элитном городе, не всегда ощущал себя «в своей тарелке».

Конечно, Ли Дачжао, Чэнь Дусю и Шао Пяопин относились к нему хорошо. И он платил им взаимностью. Но при этом не мог не чувствовать себя малообразованным провинциалом. Все-таки он был почти ровесником Ли Дачжао, а какая дистанция была между ними! Все пять месяцев, что он работал в Бэйда, он чувствовал унижение. И это он-то, который в Чанше являлся лучшим студентом и признанным лидером молодежи! «Одной из моих обязанностей была регистрация посетителей, приходивших читать газеты, — вспоминал Мао Цзэдун, — но для большинства из них я не существовал… Я пытался заговаривать с ними на темы политики или культуры, но они были очень занятыми людьми. У них не было времени на то, чтобы слушать помощника библиотекаря, говорившего на южном диалекте»[56]. Как это часто бывает, заносчивость демонстрировала прежде всего молодежь, добившаяся хотя бы минимального успеха на общественно-политическом поприще. Для лидеров студенческого союза Бэйда Фу Сыняня и Ло Цзялуня, только недавно заявивших о себе как о пропагандистах «движения за новую культуру», помощник библиотекаря из Хунани был пустым местом[57], несмотря на то, что первый из них был младше Мао на три года, а второй — на четыре. Равным образом игнорировал его и молодой, но уже известный профессор философии Ху Ши, бывший лишь на два года старше Мао[58]. На заседаниях журналистского общества Мао Цзэдун познакомился со студентами Чэнь Гунбо и Тань

Пиншанем, которые вскоре сыграют важную роль в создании КПК, но и те почти не уделили ему внимания. Безразличен остался к нему и Чжан Готао, к началу 1919 года завоевавший авторитет среди студентов Бэйда своей активной патриотической деятельностью. Интересно, что в мемуарах, написанных в 1950—1960-е годы, Чжан даже не вспомнил о первой встрече с Мао Цзэдуном, состоявшейся в библиотеке Пекинского университета в конце 1918-го или начале 1919 года. Мао же, наоборот, хорошо запомнил знакомство[59]: невнимания к себе он не забывал.

В январе 1919 года Сяо Юй первым уехал во Францию, а уже в марте к поездке были готовы и остальные хунаньцы. Как раз в это время Мао Цзэдун получил известия от семьи о том, что его матери стало хуже. По его словам, он «поспешил домой, чтобы позаботиться о ней»[60]. Странная это была, однако, спешка. Он покинул Пекин 12 марта, но в Чаншу приехал только 6 апреля. И лишь 28-го написал письмо своим дядьям, извещая их о приезде. Все это время он думал о чем угодно, только не о больной и вообще-то любимой матери. Вместе с группой готовых к поездке во Францию студентов Мао Цзэдун вначале приехал в Шанхай. В Пекине остались Ло Чжанлун, еще в сентябре 1918 года поступивший на учебу в Бэйда, а также, временно, Цай Хэсэнь с семьей (Цай, его мать, младшая сестра Цай Чан и подруга Сян Цзинъюй покинут Пекин только в июне[61]). По пути Мао нашел время остановиться на родине Конфуция, в живописном местечке Цюйфу, а затем взобраться на расположенную по соседству священную гору Тайшань, с которой было так приятно любоваться удивительными по своей красоте восходами солнца. В Шанхае он пробыл ни много ни мало двадцать дней. «Меня задержали дела», — объяснил он дядьям[62]. Какие такие дела? Все, что он делал там, так это ждал парохода, чтобы сказать «прощай» своим верным друзьям. А матери становилось все хуже. Странное поведение для преданного сына.

Почему же он вдруг проявил бессердечие? Понять это можно, только если опять-таки вспомнить об унижениях, которые Мао терпел в столице. Поездка с друзьями в Шанхай была ему просто необходима психологически: ведь в отсутствие Генерального секретаря Сяо Юя он вновь стал играть роль лидера, на этот раз провожающего членов руководимого им кружка на важное политическое мероприятие. Как же хотелось ему еще раз почувствовать себя важной личностью, вождем, общественным деятелем! Как страстно желал он славы и власти!

Вероятно, он ощущал свою вину, а потому в интервью Эдгару Сноу, кривя душой, заявил, что его мать умерла в 1918 году, еще до его поездки в Пекин[63]. Совесть все-таки мучила Мао, но ничего

поделать с собой он не мог. Тщеславие и властолюбие были сильнее его.

Бедная мать Мао Цзэдуна скончалась 5 октября 1919 года в возрасте пятидесяти трех лет. Убитый горем и, возможно, стыдом Мао прибыл в родные места, чтобы проводить ее в последний путь. Стоя перед могилой, он декламировал сочиненные им стихи:

> С больничной койки мама звала сыновей.
> Ее любовь не имела границ!
> Я бесконечно терзаюсь муками совести:
> Ведь я так и не высказал ей слова благодарности.
> Прожив долгую жизнь, она заново постигает Будду.
> Она не могла оставаться в этом мире.
> Я плачу, но как же мне увидеть ее лицо?
> Весенний ветер далеко-далеко, на южный берег, унес солнечный свет.
> Осенний дождь без конца поливает слезами Шаошань[64].

Менее через четыре месяца от тифа умер и его отец, которому было всего сорок девять лет. Похоронили его вместе с женой, в той же могиле[65]. Мао тогда опять находился в Пекине: вопросы большой политики отнимали все его время. На похороны он не приехал.

«ВЕЛИКИЙ СОЮЗ НАРОДНЫХ МАСС»

В Чанше Мао вновь почувствовал себя в родной стихии. Все вокруг было знакомо. И что самое важное — здесь, в отличие от Пекина, ему не надо было никому ничего доказывать. Он уже и так пользовался уважением многих интеллигентных людей, а в обществе «Обновление народа» на него в отсутствие Сяо Юя вообще смотрели как на вождя.

Ему без труда удалось устроиться на полставки в одну из городских начальных школ (школу Сюе) — преподавать историю. Как всегда в Китае, решающую роль сыграли связи. Рекомендацию ему дал его старый приятель по Первому провинциальному педагогическому училищу и член общества «Обновление народа» Чжоу Шичжао, учительствовавший в том же учебном заведении. Нагрузка у Мао была небольшая: всего шесть часов в неделю, так что свободного времени оставалось много. Зарплата была, разумеется, мизерной — около четырех юаней в месяц, но на еду хватало, а жил он тут же, при школе[66]. Тогда было принято, чтобы учителя жили рядом с учащимися: этого требовали правила педагогики. Преподаватели должны были не только читать лекции, но и показывать ученикам пример поведения в быту.

Весна 1919 года выдалась беспокойной. В конце апреля, вскоре после возвращения Мао Цзэдуна в Чаншу, политическая обстановка в Хунани, да и во всем Китае резко обострилась. Связано это было с проходившей во Франции, в Париже, конференцией держав-победительниц, вырабатывавшей положения мирного договора с Германией, потерпевшей сокрушительное поражение в Первой мировой войне. Точнее — с обсуждением на этой конференции вопроса о германских владениях в Китае. Дело заключалось в том, что собравшиеся в январе 1919 года в Париже представители держав Антанты оказались в глазах китайской общественности «предателями» в связи с тем, что не желали удовлетворить требования присутствовавшей на переговорах китайской делегации. Эти требования заключались в передаче Китаю его исконной территории — порта Циндао и всего остального района бухты Цзяочжоу на востоке страны, которые, как мы знаем, в 1898 году были оккупированы немцами, а затем, в ноябре 1914-го — разгромившими их японцами. Китайцы резонно настаивали на возвращении порта и бухты им: как-никак, но они ведь участвовали в войне с Германией с августа 1917 года. Однако японцы хотели оставить эту бывшую германскую колонию за

собой: не китайцы же в самом деле сражались с немцами за Циндао! Японцы имели в кармане и другой аргумент: принятые покойным Юань Шикаем «21 требования» гласили, что после окончания войны в Европе вопрос о Цзяочжоу будет целиком решаться японцами[67]. К глубочайшему разочарованию китайской стороны, присутствовавшие на мирной конференции делегации ведущих западных стран выступили в поддержку Японии. Англия, Франция и Италия не желали конфликтовать с Японией, поскольку были связаны с ней тайными соглашениями, подписанными еще в феврале-марте 1917 года в Лондоне. По этим соглашениям Япония в обмен на помощь Антанте получала признание своих прав на германские владения в Китае. У западных лидеров имелись и другие резоны: в 1919 году разворачивалась новая война — против Советской России, и в ней Япония как союзник западных демократий должна была сыграть не последнюю роль. Американская делегация старалась найти компромисс, но ее предложения не могли удовлетворить ни одну из сторон.

Мирная конференция, от которой китайцы ждали восстановления попранных прав родины и признания за ней равного места в системе новых, послевоенных, международных отношений, приняла решение вернуть Китаю лишь захваченные Германией во время подавления боксерского восстания древние астрономические инструменты. Слов нет, предметы ценные! Но в создавшихся условиях их возвращение было воспринято в Китае как издевательство. Возмущению китайской общественности не было предела. Особенно негодовала студенческая молодежь: «Япония будет владеть Циндао и Цзяочжоу, а мы, китайцы, — смотреть на звезды?» Масла в огонь подлила телеграмма китайского делегата на конференции Ван Чжэнтина, направленная из Парижа в адрес шанхайских газет в конце марта 1919 года. В ней говорилось: «Мы настаивали на аннулировании „21 требования“ и других тайных соглашений и отдали этому много сил, предугадывая, что японцы, вопреки истине и справедливости, прибегнут к помощи подкупа и угроз. Но страшнее всего, что среди китайцев нашлись такие, которые уступили ради своих корыстных целей. Эти люди ничем не отличаются от торговцев, обманывающих покупателей. Это — подручные предателей нации. Мы выражаем надежду, что общественность всей страны поднимется на борьбу с предателями, откроет для нас возможность ставить вопрос об аннулировании навязанных нам соглашений»[68].

Призыв Ван Чжэнтина пал на благодатную почву. В стране стало разворачиваться антияпонское патриотическое движение.

Парижская конференция в глазах китайских патриотов превратилась в «сборище империалистических хищников», которые лишний раз показали, что по-прежнему относятся к Китайской Республике как к полуколонии. Начались поиски предателей нации, о которых Ван Чжэнтин писал в телеграмме. Подозрение пало на крупнейших японофилов: министра путей сообщения Цао Жулиня, китайского посланника в Токио Чжан Цзунсяна и управляющего монетным двором Лу Цзунъюя.

Напряжение усиливалось с каждым днем. И наконец прорвалось. В субботу вечером 3 мая в актовом зале юридического факультета Пекинского университета собрались активисты студенческого движения. Было принято решение организовать на следующий день, в воскресенье, большую манифестацию на центральной площади Тяньаньмэнь (Врата небесного спокойствия), прямо перед входом в Запретный город. Один из студентов-юристов, выступая на собрании с яркой речью, в состоянии крайней экзальтации разорвал рубаху, полоснул ножом по пальцу и сочившейся из раны кровью написал на полотне «Верните нам Циндао!». Он высоко поднял свой лозунг над головой, и зал взорвался аплодисментами[69].

4 мая около 10 часов утра более трех тысяч студентов различных учебных заведений Пекина собрались на площади. Повсюду виднелись белые флажки (белый в Китае — цвет траура) с изображением карты Циндао и надписями: «Аннулировать „21 требование“!», «Вернуть наш Циндао!», «Лучше быть яшмовой пылью, чем разбитым кирпичом!», «Цао Жулинь, Чжан Цзунсян и Лу Цзунъюй — изменники родины!» и т. п. Несмотря на увещевания представителя министерства образования, командующего пекинским военным гарнизоном и начальника городской полиции, участники демонстрации двинулись к расположенному неподалеку Посольскому кварталу. Они хотели передать прошение послу США от имени одиннадцати с половиной тысяч учащихся Пекина. В «Великую Америку» они еще верили: 8 января 1919 года президент Вудро Вильсон в послании американскому конгрессу выдвинул 14 пунктов «всеобщего мира», осуждавших тайные договоры и призывавших к «свободному, чистосердечному и абсолютно беспристрастному разрешению всех колониальных споров».

На территорию квартала, однако, студентов не пустила охрана. Лишь четверым представителям позволили встретиться с сотрудником американского посольства. Самого же посла на месте не оказалось.

То, что их не пустили внутрь Посольского квартала, возбудило толпу до предела. И кто-то тогда предложил пойти и

расправиться с предателями родины. Все устремились к расположенному неподалеку особняку Цао Жулиня. Ворвавшись в дом, молодежь устроила сущий погром. Все было исковеркано, а что не удалось сломать, утопили в пруду во дворе. К счастью для Цао Жулиня, ему удалось бежать. А вот Чжан Цзунсяну не повезло. Он случайно оказался как раз в доме Цао и, попав в руки студентов, был жестоко избит. Студенты стали расходиться только около пяти часов вечера, после того как подожгли особняк Цао[70].

Вот так благородно начавшееся патриотическое выступление завершилось в тот день чистой воды хулиганством. Полиция произвела аресты. Было схвачено 32 человека, которых, впрочем, под давлением либеральной общественности через три дня отпустили.

На этом, правда, дело не кончилось. Весь май и большую часть июня пекинское студенчество волновалось: устраивало забастовки, демонстрации и митинги. Справедливости ради следует сказать, что больше никаких безобразий молодые люди не допускали. «Суть студенческого движения, — писал два года спустя один из его участников, студент Пекинского института русского языка Цюй Цюбо, — заключалась в том, что духовное беспокойство невозможно было больше сдерживать, требование „перемен“ вырвалось наружу и послужило импульсом общественного движения»[71].

Весть о событиях 4 мая разнеслась по всей стране. В Шанхае и во многих других городах солидарность с пекинскими студентами выразили не только учащиеся, но и многие торговцы, *шэньши* и даже рабочие. Рикши и те не остались в стороне: проникнувшись патриотическим чувством, они единодушно отказались возить японцев. В ряде мест антияпонски настроенные граждане организовали демонстрации и забастовки. На реке Янцзы остановилось судоходство: забастовали докеры. Особое впечатление на провинциальную молодежь произвели сообщения о том, что пекинских студентов горячо поддержали Цай Юаньпэй, Чэнь Дусю, Ли Дачжао, Ху Ши и другие популярные идеологи патриотического движения. Повсеместно на стенах домов, буддийских и фамильных храмов стали появляться плакаты «Верните нам Циндао!», «Смыть национальный позор!», «Долой трех министров — национальных предателей!». По призыву Главного торгового союза Пекина в стране стала разворачиваться кампания бойкота японских товаров. Толпы народа разбивали витрины магазинов, торговавших японской мануфактурой, хватали японские товары и сжигали на улицах. Редакторы газет отказывались принимать и печатать японские рекламы,

расписания движения японских пароходов и даже помещать сведения о курсе японской валюты[72]. Сводный брат Юань Шикая, президент страны Сюй Шичан, правивший страной с октября 1918 года, вынужден был отправить Цао Жулиня, Чжан Цзунсяна и Лу Цзунъюя в отставку, но волнения не утихали вплоть до 28 июня 1919 года, когда наконец в Китае было получено сообщение о том, что члены китайской делегации отказались поставить свои подписи под несправедливым Версальским договором держав Антанты с Германией.

В знак солидарности с учащимися Пекина антияпонскую демонстрацию попытались организовать и студенты Чанши. 7 мая, в День национального позора, то есть в годовщину принятия Юань Шикаем «21 требования», на улицы вышло несколько тысяч человек. Их поддержали торговцы[73]. Манифестацию, однако, быстро рассеяли солдаты генерала Чжан Цзинъяо, того самого «Ядовитого Чжана», который за год до этого установил в Хунани режим террора. Участвовал ли в этой демонстрации Мао Цзэдун, неизвестно. Скорее всего нет, иначе бы маоистские летописцы не преминули раздуть из этого историю.

Конечно, Мао не мог не проявлять интереса к борьбе студентов. Но стихийные акты протеста были, как мы знаем, не в его духе. Стихией, считал он, следует управлять. А для этого нужна была прежде всего организация, авангард движения, крепко спаянная волей великого лидера. Не зря же Мао в самом деле читал Паульсена! «Моральный поступок зависит от чувства и воли, которые должны предшествовать моральному поступку» — этому кредо Мао Цзэдун никогда не изменял[74]. В начале мая 1919 года он стал всерьез задумываться над созданием эффективной организации, которая возглавила бы патриотическое студенческое движение в Хунани. Малочисленное общество «Обновление народа» (в мае 1919 года в нем насчитывалось всего около 70 человек, многие из которых находились во Франции) не могло его полностью удовлетворить. Оно оказалось неэффективным[75]. В середине мая он обсудил ситуацию с прибывшим в Чаншу Дэн Чжунся. Дэн, непосредственный участник событий 4 мая, рассказал Мао Цзэдуну о выступлениях студентов Пекина во всех подробностях. Вместе с «Усатым Хэ» (Хэ Шухэном) Мао и Дэн приняли решение заняться организацией объединенного союза учащихся высших и средних учебных заведений провинции Хунань[76]. Ничего принципиально нового в этой идее не было. В то время на волне студенческого движения в некоторых городах и провинциях происходило организационное оформление именно таких союзов. Первый из них возник в Пекине 6 мая. Именно он-то и направил Дэн Чжунся с

пропагандистскими целями в Чаншу. 11 мая были созданы объединенные союзы учащихся в Тяньцзине и Шанхае[77]. Члены союзов ставили перед собой ярко выраженную политическую цель: «Использовать… все силы учащихся» для того, чтобы «добиться восстановления национального суверенитета и наказания предателей родины»[78].

25 мая на квартире Хэ Шухэна в начальной школе Чуй, расположенной в северной части города, состоялось совещание представителей различных учебных заведений Чанши. Всего собралось более двадцати человек, многие из которых были членами общества «Обновление народа». Мао Цзэдун представил им Дэн Чжунся, который, рассказав о движении 4 мая, выразил надежду на то, что студенты Хунани в знак солидарности с учащимися Пекина объявят всеобщую забастовку. Речь Дэна да и сам оратор, интеллигентного вида молодой человек, судя по всему, произвели на собравшихся впечатление. То, о чем Дэн говорил, кружило головы. Жизнь наполнялась реальным смыслом. Хотелось борьбы, самопожертвования и славы.

По решению собрания 28 мая произошло официальное оформление Хунаньского объединенного союза учащихся. Его председателем стал близкий друг Мао, член общества «Обновление народа» Пэн Хуан, студент Хунаньского коммерческого профессионального училища. В том же училище, находившемся неподалеку от школы, где преподавал Мао Цзэдун, расположилась и штаб-квартира союза.

Первой акцией объединенного союза стало объявление 3 июня днем общегородской забастовки. В ней приняли участие студенты двадцати учебных заведений Чанши. Такого еще на берегах Сянцзяна не видели. Забастовка настолько поразила обывателей, что местная газета «Дагунбао» 4 июня опубликовала обращение бастовавших студентов. В нем говорилось: «Дипломатия потерпела поражение, страна расколота, и если срочно не принять мер к спасению государства, оно погибнет». В обращении содержался также призыв к правительству не подписывать Версальский договор и аннулировать «21 требование»[79]. Ситуация была достаточно острой, и конфликта с властями удалось избежать только благодаря тому, что вскоре начались летние каникулы, в силу чего забастовка сама по себе утратила смысл.

Многие студенты стали разъезжаться по домам, но организация продолжала работать. Из отъезжающих формировались агитационные бригады, которые должны были пропагандировать в деревнях идеи бойкота японских товаров. В то время в Китае стали весьма популярны так называемые

«Вэньминьсы» («Цивилизованные пьесы»), одноактные представления патриотического содержания, довольно, впрочем, примитивного, которые повсеместно сочиняли сами студенты. Производили они на безграмотных крестьян, да и на горожан колоссальное впечатление. Вот как вспоминал об одном из таких спектаклей его участник: «Помню жаркий июньский вечер 1919 г. На постоянной театральной сцене буддийского храма „Гуанди“ развевались лозунги, флажки. На занавесе, закрывавшем сцену, были изображены огромные красные иероглифы „Не забывать национального позора!“. Играл школьный европейский оркестр. Потоком текли люди, площадь была битком забита. Один студент… произнес речь, по окончании которой демонстративно разбил две красивые фарфоровые вазы японского производства в знак призыва к бойкоту японских товаров. Публика отозвалась на это бурными аплодисментами. Началось представление, в котором участвовал и я. Эта была пьеса о корейской трагедии. Японские империалисты обращали страну в колонию, жестоко угнетали народ, превратив его в бездомных рабов. Эта пьеса предостерегала китайский народ от повторения судьбы корейцев и призывала к сплочению и борьбе. Помню эпизод из этой пьесы: японский надсмотрщик плетьми бил корейского мальчика-кули, роль которого исполнял я. На сцену хлынула толпа революционеров с пиками, мечами и другим оружием, скандируя лозунги. Японский надсмотрщик в страхе обратился в бегство. Публика ликовала»[80].

Некоторые студенты записывались в инспекционные отряды, наряду с представителями торговых гильдий следившие за соблюдением условий бойкота. 7 июля союз совместно с торговыми корпорациями провел в Чанше новую, на этот раз тщательно спланированную массовую демонстрацию с призывами к уничтожению японских товаров. Участвовавший в ней Чжоу Шичжао вспоминает: «Впереди колонны развевалось большое знамя с надписями „Митинг сожжения японских товаров“ и „Соотечественники, будьте бдительны! Ни в коем случае не покупайте японских товаров“. Все студенты несли на плечах по штуке материи японского производства, а за ними следовали служащие из магазинов шелковых тканей. Замыкали шествие члены союза по защите отечественных товаров и союза учащихся, несшие знамена союзов. Пройдя по шумным улицам, колонна остановилась у дверей Комитета образования. Студенты сложили японскую материю, облили ее керосином и подожгли. Только после того, как материя превратилась в золу, демонстранты разошлись по домам»[81].

Через два дня по инициативе руководителей студенческого

союза состоялось общее собрание представителей различных общественных организаций, на которой было принято решение об образовании Хунаньского объединенного союза всех слоев населения[82].

Всего этого, однако, Мао Цзэдуну было мало. Опыт общения с Ли Дачжао и Чэнь Дусю, а также занятия в научном обществе журналистики Пекинского университета и Долгие беседы с Шао Пяопином убедили его в том, что наиболее действенной формой влияния на массы является пропаганда. Вслед за Лениным, о котором он, правда, мало что в то время знал, Мао мог бы сказать: «По нашему мнению, исходным пунктом деятельности, первым практическим шагом к созданию желаемой организации, наконец, основной нитью, держась которой, мы могли бы неуклонно развивать, углублять и расширять эту организацию, — должна быть постановка… политической газеты»[83]. На газету, правда, ни у Мао, ни у его товарищей денег не было, а потому решено было выпускать общехунаньский студенческий информационный журнал по типу «Еженедельного обозрения» Чэнь Дусю и Ли Дачжао. Цель его Мао Цзэдун определил по-юношески красочно и восторженно: «Изучение, пропаганда и внедрение в жизнь мощной и яростной волны новых идей, которая уже несется навстречу нам, вздымаясь по обоим берегам Сянцзяна»[84].

Первый номер этого журнала, названного «Сянцзян пинлунь» («Сянцзянское обозрение»), был подготовлен примерно за десять дней и вышел в свет 14 июля 1919 года. В «Заявлении по поводу выхода первого номера» Мао Цзэдун, выполнявший обязанности главного редактора, писал: «Отбросив старые идеи и предрассудки, мы должны искать истину… Мы выступаем за объединение народных масс, против угнетателей». К категории «угнетателей» он помимо бюрократов и милитаристов впервые отнес и капиталистов: месяцы, проведенные в Пекине, явно не пропали даром. Увлечение анархизмом все еще было сильно, да и лекции Ли Дачжао о социализме не прошли бесследно, но пока он был осторожен. К насилию не призывал, а агитировал лишь за демократию и либерализм. «Мы откликаемся на „зов революции“ — требования хлеба, свободы и равенства, требования „бескровной революции“, — заявлял он. — Иными словами, мы не провоцируем всеобщий хаос, не стремимся к некоей бесполезной „революции бомб“ или „революции крови“». Даже по отношению к японцам Мао считал пока наиболее эффективным применение таких мер, как «пропуск занятий, забастовки торговцев и рабочих и бойкот японских товаров»[85].

В первом номере была опубликована резкая статья Мао по

поводу ареста пекинскими милитаристами его кумира Чэнь Дусю. Последний был взят под стражу в ходе студенческого движения, 11 июня 1919 года, за распространение написанной им листовки «Заявление граждан Пекина», где Чэнь подверг резкой критике внутреннюю и внешнюю политику президента и премьер-министра Китая в связи с «шаньдунским вопросом». Он провел в тюрьме восемьдесят три дня, после чего покинул Пекин и поселился в Шанхае. Потрясенный арестом Чэня, Мао обвинил все общество: «Опасность заключается не в нашей военной слабости или в недостаточности финансов и не в раздробленности страны на мелкие части вследствие внутреннего хаоса. Подлинная опасность состоит в том, что духовный мир китайского народа абсолютно ничтожен. Из четырехсот миллионов населения Китая около 390 миллионов суеверны. Они верят в духов и демонов, в предсказание судьбы, в деспотизм. Индивидуум, личность, истина совершенно не признаются. А происходит это потому, что научная мысль у нас неразвита. Формально Китай — республика, а на деле — автократия, которая становится все хуже и хуже по мере того, как один режим сменяет другой. Ведь массы людей… не имеют ни малейшего представления о демократии. Господин же Чэнь всегда выступал за эти две вещи [за науку и демократию]… Выступлениями в защиту этих двух вещей господин Чэнь обидел общество, и общество отплатило ему арестом и заключением»[86]. В знак солидарности с учителем Мао воспроизвел в своей статье антиправительственную листовку Чэня!

В этом же номере Мао впервые опубликовал небольшую заметку, посвященную партии большевиков. Никаких оценок он пока не давал; лишь призывал общественность к изучению российского опыта: «Каждый из нас должен очень внимательно проанализировать, что из себя представляет эта экстремистская партия [так он тогда именовал большевиков]… В мгновение ока экстремистская партия ко всеобщему изумлению заполонила всю страну [Россию], и от нее уже никуда не деться»[87].

Две тысячи экземпляров первого номера разошлись моментально, и вскоре, в конце июля, был выпущен повторный тираж (еще две тысячи копий). Но и этого оказалось мало: новый тираж расхватали с прилавков в три дня. 21 июля вышли одновременно специальное дополнение к первому номеру и номер второй, тиражом уже в пять тысяч экземпляров, а еще через неделю таким же тиражом — номер третий. Для Хунани эти цифры были огромны. Из девяти выходивших в Чанше ежедневных газет только у «Дагунбао» тираж был от двух тысяч трехсот до двух тысяч четырехсот экземпляров. У других же

изданий колебался от ста до пятисот копий[88].

Всего Мао удалось подготовить пять номеров, однако свет увидели только четыре (четвертый номер поступил в продажу 4 августа, и его тираж тоже составлял пять тысяч). Последний, пятый номер, находился уже в наборе, когда был конфискован солдатами Чжан Цзинъяо, опечатавшими типографию[89].

Журнал был подлинным детищем Мао Цзэдуна. По словам Чжоу Шичжао, жившего по соседству с Мао, тот буквально все свое свободное время отдавал работе над ним. «Просыпаясь глубокой ночью, я видел сквозь щели в стене свет в его комнате, — вспоминал Чжоу. — …Написав статью, он сам занимался редактированием, сам составлял макет, сам осуществлял корректуру, а иногда и сам продавал журнал на улице»[90]. Помимо передовых статей в журнале печатались краткие информационные сообщения под постоянными рубриками: «Обзор событий на Западе», «Обзор событий на Востоке», «Международные заметки», «Сянцзянские заметки» и «Новая литература и искусство». Именно Мао был автором подавляющего большинства из них. Ему же принадлежала и большая часть статей, в том числе работа «Великий союз народных масс». Эта программная для него в то время статья, объемная по размеру, заняла почти целиком три номера еженедельника — со второго по четвертый. В ней он попытался найти ответы на основные вопросы, мучившие поколения революционеров: что делать, когда «деградация государства, страдания народа и темнота общества достигли крайней точки? Каким образом изменить ситуацию к лучшему, как осуществить реформы?».

Выход, предложенный Мао, не оставлял сомнений в том, что его революционизм был еще довольно умеренным. Исходя из того, что причина всех бед, обрушившихся на Китай, как, впрочем, и на все остальные страны, заключается в том, что «угнетатели», аристократы и капиталисты разных стран, объединены против народных масс, Мао предлагал «выбивать клин клином». Только «великий союз народных масс», великое единение против засилия «угнетателей», писал он, может спасти страну. По сути дела, речь шла о создании профессиональных союзов всех угнетенных с точки зрения Мао Цзэдуна слоев общества, к которым он относил крестьян, рабочих, студентов, женщин, учителей начальных школ, полицейских и рикш. Всех этих людей Мао объединял в класс «бедных и слабых», которому противостоит класс «богатых и сильных». Мелкие профессиональные организации угнетенных, считал он, дадут начало «великому объединению» всего обездоленного народа. А

объединившись, народные массы Китая легко сокрушат аристократов и капиталистов. Ведь по численности они превосходят их во много раз. Народным массам надо лишь объединиться, восстать и закричать во весь голос, и тогда «предатели задрожат и дадут деру, чтобы спасти свои шкуры»[91].

Статья, как видно, была пропитана кропоткинскими идеями «взаимопомощи», хотя Мао отдавал в ней должное и героической борьбе «ста тысяч бравых русских бойцов, которые неожиданно поменяли императорский штандарт на красное знамя». Их примеру он призывал следовать и китайских солдат, находившихся на службе у милитаристов. Настанет время, писал он, когда китайские солдаты осознают, что они «дети, братья и мужья» простых людей; «они возьмутся за руки и повернут оружие против аристократов и капиталистов». И так же как в России и ряде других европейских стран (Мао указывал на примеры Венгрии, Австрии, Чехословакии и Германии), в Китае произойдет социальная революция. Причем революция эта — под влиянием Ли Дачжао он уже был в этом твердо убежден — будет частью всемирной борьбы угнетенных. «В результате Первой мировой войны и тяжелого материального положения народные массы разных стран неожиданно стали действовать, — писал Мао. — В России они свергли аристократов и прогнали богатых. Трудящиеся и крестьяне совместно создали Советское правительство. Армия красного знамени устремляется на Восток и Запад, опрокидывая многочисленных врагов… Мы знаем это! Мы пробудились! Мир — наш, государство — наше, общество — наше! Мы должны действовать энергично, чтобы организовать великий союз народных масс. Нельзя более ждать ни минуты!»[92]

Разумеется, кому-то слова молодого Мао могут показаться наивными. Но если учесть, что «великий союз» пекинских студентов, сформированный 4 мая 1919 года, без всяких бомб привел-таки к отставке «национальных предателей» Цао Жулиня, Чжан Цзунсяна и Лу Цзунъюя, станет понятно, что двигало нашим героем. Да, социальную революцию он еще понимал не как кровопролитие, а как совместное мирное выступление «великого союза народных масс», которое «оглушит» угнетателей «великим и мощным криком». Но, может быть, именно здесь он и был как никогда близок к истине? «Мы признаем, — писал он, — что угнетатели — люди, такие же человеческие существа, как и мы сами… Если мы используем насилие для искоренения насилия, то в результате получим только насилие»[93].

Как точно сказано! Но, увы! Не пройдет и девяти месяцев, как Мао коренным образом изменит своим юношеским идеалам, безоговорочно приняв радикальные концепции Маркса и Ленина.

Пока же все выглядело довольно мирно. «Великий союз народных масс» казался вполне реальным, и первым шагом к нему должно было стать объединение на принципах взаимопомощи пусть небольшой, но тесно сплоченной группы единомышленников. В конце 1919 года Мао был особенно увлечен своей старой идеей — организацией сельскохозяйственной коммуны на левом берегу реки Сянцзян, прямо напротив Чанши. Одержимость идеями о взаимопомощи в период работы в библиотеке Пекинского университета лишь укрепила его в стремлении «построить новую деревню у горы Юэлу». Он рассчитывал на помощь друзей. В деревне планировалось прежде всего открыть школу, чтобы пропагандировать общественные науки и воспитывать «нового человека». Ведь главное, к чему стремился Мао, заключалось в том, чтобы воплотить в жизнь «великий идеал новой жизни». В полном соответствии с Кропоткиным он утверждал: «Несколько новых семей, объединенных вместе, смогут сформировать новое общество… Комбинация таких новых школ и новых обществ даст жизнь „новой деревне“»[94]. В коммуне, рассуждал он, будет, «во-первых, необходима хозяйственная работа, увязанная с производством для того, чтобы мобилизованная энергия, большая или маленькая, могучая или мизерная, приносила ощутимые плоды. Во-вторых, результат работы должен удовлетворять общим потребностям современного общества. В-третьих, работа должна осуществляться в деревнях; такая работа должна быть сельскохозяйственной по характеру… Основание новых школ и продвижение вперед дела нового образования должны быть тесным образом связаны с созданием новых семей и нового общества»[95]. Из этой мечты, конечно, ничего не вышло, хотя Мао еще несколько месяцев лелеял ее.

«Сянцзян пинлунь» был с восторгом встречен не только чаншаской либеральной общественностью, но и демократически настроенными жителями других городов Китая. Особенно благожелательные отзывы вызвала статья «Великий союз народных масс». Ее в высшей степени положительно оценили даже такие рафинированные интеллигенты, как Ху Ши и Ло Цзялунь, те самые знаменитости, которые девятью месяцами ранее и знать-то не хотели библиотекаря Мао[96]. В конце августа 1919 года Ху Ши, например, написал в «Мэйчжоу пинлунь»: «Вот уж действительно удовольствие! Кто бы мог подумать, что даже при милитаристском правлении может появиться такой очаровательный братец!»[97]

Можно себе представить ликование Мао Цзэдуна. Молодой провинциал вышел на общенациональную политическую арену.

Его читали, о нем говорили. Конфискация пятого номера только прибавила ему популярности: он превратился в жертву грубых властей.

В тюрьму его, правда, не посадили, так что он мог продолжать общественную деятельность. В середине августа 1919 года, собравшись на тайную сходку на квартире «Усатого Хэ», Мао и другие руководители союза учащихся приняли решение сделать все возможное, чтобы объединить усилия различных общественных групп под античжановскими знаменами. Губернатор провинции Чжан Цзинъяо вел себя в Хунани как настоящий бандит. Он и три его брата, Цзиншунь, Цзинъюй и Цзинтан, занимавшие в его военной администрации высшие командные посты, их солдаты и офицеры грабили крестьян, разворовывали казну, обкладывали данью торговцев, похищали и убивали людей, насиловали женщин, торговали опиумом, а также по пять-шесть месяцев не выплачивали зарплату учителям. В общем, вели себя в Хунани, как в покоренной провинции. Население пребывало в страхе, торговля свертывалась, катастрофически росли цены. «Если „Ядовитого Чжана“ не вырвать с корнем, Хунань погибнет», — говорили в народе[98].

В начале сентября Мао Цзэдун получил приглашение от американо-китайского госпиталя Сянъя (бывшего Яли) возглавить редакцию их журнала «Синь Хунань» («Новая Хунань»). К тому времени уже вышли шесть номеров этого еженедельника, но он все еще не мог найти свой стиль. Мао принял их предложение, поставив, однако, условие: он сам будет определять направление журнала. Молодой талантливый журналист, ратовавший за либеральные ценности, импонировал американцам, и те согласились дать ему это право. В первом же номере, вышедшем под его редакцией, Мао определил свои цели: «Критиковать общество, реформировать идеи, пропагандировать [новые] методы образования, обсуждать проблемы». И далее: «Само собой разумеется, мы не будем беспокоиться по поводу „успеха или провала [нашего журнала] или по поводу того, пойдут ли дела лучше или хуже“. Еще меньше волнует нас отношение [к нам] каких бы то ни было властей, ибо наше кредо таково: „Можно пожертвовать всем, кроме принципов“»[99]. Вот что он сам вспоминал об этом периоде своей жизни в беседах с Эдгаром Сноу: «Наша группа [Мао привлек к сотрудничеству в журнале некоторых старых товарищей] требовала равных прав для мужчин и женщин, представительного правительства и в целом выступала за буржуазную демократию. Мы открыто пропагандировали эти реформы в нашем журнале „Новая Хунань“. Мы нападали на провинциальный парламент, большинство членов которого

являлись землевладельцами и *шэньши,* назначенными милитаристами»[100]. Стоит ли удивляться, что через четыре недели и этот журнал был закрыт?[101]

Романтический ореол борца с тиранией, очевидный журналистский талант и все возраставшая общенациональная популярность делали двадцатипятилетнего красавца Мао Цзэдуна особенно привлекательным в глазах женщин. Да и у него самого горячая хунаньская кровь стучала в висках. Ян Куйхуэй была далеко, а плоть требовала свое. И осенью 1919 года Мао завел роман с Тао И, той самой любимой ученицей Ян Чанцзи — «Конфуция», которая еще в апреле 1918 года вступила в общество «Обновление народа». Тао была на три года моложе Мао и выделялась из многих девушек, которых он знал, целеустремленностью и умом. Страсть захлестнула нашего героя, и он уже не мог ее сдерживать. «Любовь священна! — восклицал он в порыве откровенности. — …Человеческая потребность в любви сильнее любой другой потребности. Ничто, кроме какой-то особой силы, не может остановить ее… По-моему, только „предрассудки“ и более ничего… сдерживают эту вздымающуюся волну потребности в любви»[102]. Роман был бурным, но непродолжительным. Он оборвался в конце лета 1920 года так же внезапно, как и вспыхнул. Двое любовников разошлись по идеологическим соображениям: Тао И не смогла принять в полной мере большевистскую доктрину, в то время как Мао уже не мыслил себя вне борьбы за коммунизм. Вскоре после разрыва Тао И уехала из Чанши в Шанхай, где основала женскую школу. Умерла она в 1930 году, когда ей еще не исполнилось и тридцати пяти лет[103].

Осенью же 1919 года ничто не предвещало сердечной драмы: и Тао, и Мао верили в либерализм, демократию и свободную любовь. Именно в это время Мао выступил с целой серией статей по проблемам любви и брака, опубликованных на страницах крупнейшей газеты Чанши «Дагунбао». Поводом к этому послужил инцидент, потрясший весь город. 14 ноября некая девушка по имени Чжао Учжэнь, отданная родителями в качестве второй жены пожилому, но очень богатому торговцу антиквариатом У Фэнлиню, покончила с собой. Она перерезала себе горло бритвой в то время, когда ее несли в красном свадебном паланкине в дом суженого. Ужас родителей, мужа и всех собравшихся невозможно было передать. В течение многих дней в городе только и разговоров было, что о несчастном семействе Чжао. Многие осуждали девушку, нарушившую каноны конфуцианства, но было и немало людей, сочувствовавших несчастной. Понятно, что и Мао, и Тао И, и все их товарищи были

на стороне девицы Чжао. Особенно негодовал Мао Цзэдун. «Причина этого инцидента, — писал он, — лежит в гнилости системы брачных отношений, а также в дикости общественной системы, при которой нельзя иметь независимые суждения и взгляды и невозможно любить того, кого хочешь»[104].

Разумеется, проблемы любви и брака, как бы серьезны они ни были, не могли отодвинуть на задний план главную на тот момент для Мао Цзэдуна и его друзей задачу: устранение губернатора и его мафиозной клики. Всю осень Мао работал над тем, чтобы настроить против Чжана как можно больше людей. В духе идеи «великого союза народных масс» Мао считал тогда возможным добиться от пекинского правительства его отзыва в случае, если хунаньцы проявят единодушие в неприятии кровавого олигарха. Одновременно он продолжал через действующий в подполье Объединенный союз учащихся (тиран Чжан распустил его вслед за конфискацией «Сянцзянского обозрения») вести активную пропагандистскую кампанию за бойкот японских товаров, не давая ослабнуть начатому в начале мая патриотическому движению.

В середине ноября он принял также попытку реанимировать общество «Обновление народа», созвав бывших в Чанше членов группы на заседание. На встрече, проходившей в женском училище Чжоунань, в северной части города, была реорганизована внутренняя структура общества путем создания двух отделов: консультативного (то есть, по существу, законодательного) и исполнительного. В составе последнего были сформированы подотделы: школьный, редакционный, женский и обучения за границей. Во главе организации был поставлен исполнительный комитет. Аморфное общество стало, таким образом, приобретать характер централизованной политической партии. Председателем исполкома избрали «Усатого Хэ», а его заместителем — Ли Сыань, хрупкую, но чрезвычайно активную девушку, вступившую в общество совсем недавно. Мао Цзэдун, Тао И, Чжоу Шичжао и некоторые другие вошли в состав консультативного отдела[105].

Однако превращения общества «Обновление народа» в политическую партию не получилось. Вскоре после ноябрьского собрания многие члены группы оказались вовлечены в бурные общественные события. Часть из них бьиа вынуждена покинуть Чаншу, в результате чего деятельность организации вновь оказалась парализована, на этот раз почти на год. В конце ноября общественность взволновали известия, пришедшие из приморской провинции Фуцзянь. Там произошли столкновения японских солдат с патриотически настроенными китайскими

студентами. Учащиеся Чанши решили провести демонстрацию в знак солидарности со своими фуцзяньскими собратьями. Как раз в это время члены местного комитета по защите отечественных товаров при проверке складов на одном из городских железнодорожных вокзалов обнаружили большое количество контрабандных японских тканей. Их решено было конфисковать, чтобы затем устроить публичное сожжение. 2 декабря утром большая толпа студентов, учителей, рабочих и торговых служащих, всего около пяти тысяч человек, двинулась по улицам города к зданию Комитета образования. Чжоу Шичжао вспоминает: «В этот день была ясная погода… Зимнее солнце играло на лицах молодых людей, но их сердца переполнялись гневом и возмущением. Студенты несли японские ткани, растянув их вдоль обеих сторон колонны широкими полотнищами. Это очень напоминало похороны. Когда толпа проходила мимо магазинов иностранных товаров, гремели мощные крики „уничтожим контрабандный товар“, „долой торговцев-предателей“. В час дня колонна демонстрантов подошла к дверям Комитета образования. Японские ткани сложили кучей, и толпа уже тысяч в десять обступила эту груду, ожидая сожжения.

В тот момент, когда ответственный распорядитель от Объединенного союза учащихся и представители различных учебных заведений стали рассказывать о значении акта сожжения японских товаров, начальник штаба войск Чжан Цзинъяо, [его младший брат] Чжан Цзинтан, гарцуя на лошади и размахивая саблей, вывел на площадь роту солдат и взвод кавалеристов. Он приказал своим солдатам окружить студентов плотным кольцом. Сам же взобрался на трибуну и закричал: „Поджог, уничтожение вещей — это бандитизм. Так что студенты — бандиты, а студентки — бандитки. А как надо разговаривать с бандитами? Только одним языком: их надо бить и крушить!“ Сказав это, он приказал своим кавалеристам стащить пытавшихся выступать студентов с трибуны и избить их. Несколько сотен солдат направили на студентов штыки, вынудив нас покинуть площадь. Мы вернулись в свои учебные заведения, переполненные возмущением. Все чувствовали, что сегодня произошло что-то чрезвычайно ужасное, наш гнев достиг высшей точки. Но мы не знали, что делать»[106].

Реакция Мао Цзэдуна и других руководителей патриотического движения была моментальной. На следующий день было созвано экстренное совещание членов общества «Обновление народа» и активистов Объединенного союза учащихся. Было решено объявить всеобщую забастовку и потребовать немедленного отзыва Чжан Цзинъяо. 4 декабря на

общем собрании представителей различных учебных заведений постановили направить специальные делегации в города Пекин, Тяньцзинь, Шанхай, Ханькоу, Чандэ, Хэнъян и Кантон с тем, чтобы развернуть общенациональную кампанию за отставку Чжана[107].

Забастовка началась 6 декабря. Занятия прекратились в семидесяти трех городских учебных заведениях из семидесяти пяти. Забастовали 1200 преподавателей и более 13 тысяч учащихся. «Мы не вернемся в классы до тех пор, пока „Ядовитый Чжан“ не будет удален из Хунани», — объявили они[108]. В тот же день Мао Цзэдун вместе с другими местными активистами выехал в Пекин. С собой он взял только бумажный промасленный зонтик для защиты от солнца и дождя, сверток белья и несколько книг[109]. В заснеженном морозном Пекине зонтик ему был конечно же ни к чему, но ведь путь предстоял неблизкий: почти через всю страну!

На этот раз он поехал на поезде в Ухань, где пересел на пароход, шедший в Шанхай. И только оттуда вновь по железной дороге добрался до Пекина. Поездка заняла почти две недели. 18 декабря Мао опять оказался в столице.

За то время, пока он отсутствовал, в городе внешне мало что изменилось. О том, что здесь только недавно бушевали студенческие страсти, уже ничто не напоминало. Жизнь вошла в свою колею. Учащиеся посещали классы, профессора ходили на занятия. Правда, в Пекинском университете уже не преподавал Чэнь Дусю, вынужденный уехать в Шанхай, но Ли Дачжао по-прежнему работал в библиотеке Бэйда. А вот в семье Ян Чанцзи случилось несчастье. За несколько месяцев до приезда Мао почтенный Ян заболел. У него был обнаружен рак желудка, и ни китайские, ни западные врачи помочь ему не могли. Его поместили в очень хороший немецкий госпиталь, но ему становилось все хуже и хуже[110]. Он умирал.

У постели больного Мао вновь встретился с Ян Кайхуэй, но оба были настолько убиты горем, что ни о каком развитии отношений говорить просто не приходилось. Да между ними, собственно говоря, ничего и не было. Кайхуэй, правда, впоследствии будет утверждать, что за то время, пока они с Мао не виделись, тот все время писал ей «любовные письма»[111], но кто знает, так ли это было на самом деле? Писем этих, по крайней мере, не сохранилось. К тому же в этот свой приезд в Пекин Мао все еще находился под очарованием Тао И, которой восторгался не только как женщиной, но и как «в высшей степени просвещенной и целеустремленной натурой»[112]. Ей-то он точно писал и даже строил планы на будущее[113].

17 января 1920 года на рассвете Ян Чанцзи умер. Его семья осталась в плачевном материальном положении: талантливый педагог богатства не нажил. У него было несколько *му* земли в местечке Баньцан в провинции Хунань, которые он сдавал в аренду, но они приносили мало дохода. Старший сын, Ян Кайчжи, еще учился и не мог обеспечивать мать и сестру. Заботу о них взяли на себя друзья и ученики покойного. Они учредили фонд его имени, обратившись ко всем, кто знал Ян Чанцзи, внести кто сколько может для поддержания семьи почившего профессора. Одним из наиболее деятельных учредителей фонда был, разумеется, Мао Цзэдун[114], проявивший особенно трогательную заботу о беспомощных наследниках своего учителя.

За заботами о семействе почтенного Яна он, конечно, не забывал и о том, ради чего, собственно, и приехал в столицу. Хунаньская делегация, в составе которой Мао играл не последнюю роль, буквально бомбардировала администрацию президента, кабинет министров, министерства иностранных дел, финансов, сельского хозяйства и торговли. Они умоляли правительство немедленно сместить и наказать Чжан Цзинъяо, «чтобы поддержать законность и спасти людей от беды»[115]. В своих петициях члены делегации перечисляли основные преступления, совершенные хунаньским губернатором и его братьями. «С тех пор как он в прошлом году пришел в Хунань, Чжан Цзинъяо спустил с привязи своих солдат, этих голодных волков, — писал от имени делегации Мао Цзэдун. — Насилия, поджоги, грабежи и убийства стали обычным делом при его правлении. Он жестокий тигр, который мародерствует, грабит, обманывает и вымогает налоги»[116].

Но все было тщетно. Коррумпированное мафиозное правительство всерьез заниматься вопросом о Чжан Цзинъяо было не намерено. Единственное, чего достигли Мао Цзэдун и его сотоварищи, это обещание правительственных чиновников послать «кого-нибудь» провести «тайное расследование»[117]. Мао был глубоко разочарован: «великий союз народных масс» оказался бессильным перед провинциальным олигархом, вхожим в правительственные кабинеты. Чжан Цзинъяо покинет Хунань лишь осенью 1920 года, но не под напором общественности, а из-за обычных бандитских разборок: северокитайская милитаристская клика Аньфу, к которой он принадлежал, в июне 1920 года потерпит поражение от крупного хубэйского милитариста У Пэйфу, члена другой клики, Чжили, при поддержке которой к власти в Чанше вновь придет Тань Янькай.

Только военная сила имела значение в Китае, только винтовка рождала власть! Но Мао пока этого до конца не

понимал. Не то чтобы он не видел, что творится вокруг. При всей своей увлеченности юношеской романтикой он все-таки был, как мы знаем, в целом достаточно трезвым человеком. Да, он был горяч по характеру и в письмах к друзьям иногда сокрушался, что «слишком эмоционален и страстен»[118], но истеричная экзальтация претила ему. Он не резал себе пальцы и не писал кровью патриотических лозунгов. Не вопил на площадях и не бил себя по виску до крови тяжелой пепельницей, как это сделал однажды во время своего страстного выступления в период движения 4 мая обезумевший от нахлынувших на него чувств тяньцзиньский студент Ма Цзюнь, будущий активист Коммунистической партии Китая. Он пока искренне верил в приоритеты науки, образования и культуры, в возможности бескорыстной журналистики и общественной деятельности. Через несколько лет это пройдет. Интересно, что, узнав в июне 1920 года из газет о бегстве Чжан Цзинъяо и занятии Чанши войсками У Пэйфу, Мао Цзэдун продемонстрировал верх наивности: «Народу Хунани следует теперь сделать еще один шаг вперед и развернуть „движение за отмену военного губернаторства“… Изгнание Чжана произошло по решению народа Хунани, оно не связано ни с какими темными силами. Если люди действительно пробудились и готовы уничтожить военное губернаторство, они могут сами взять да и сбросить его»[119]. Какие люди? Какой народ? Горожане сидели дома, не смея высунуться на улицу, когда армия Чжан Цзинъяо покидала Чаншу. Разве могли они восстать против военного губернаторства?

В эту зиму он много и плодотворно общался с Ли Дачжао и Дэн Чжунся. От них узнал много нового о большевистской России, где так же, как и в Китае, вовсю полыхала гражданская война. Но русское братоубийство было иного характера. В России загадочная экстремистская партия, объединившая под своими красными знаменами рабочих и крестьян, вела борьбу против ненавистных Мао Цзэдуну аристократов и богатеев. По рекомендации профессора Ли он вновь стал читать коммунистическую литературу. Он уже знал, что его «гуру» Чэнь Дусю под влиянием Ли Дачжао тоже встал к тому времени на большевистские позиции. Еще 20 апреля 1919 года в журнале «Мэйчжоу пинлунь» Чэнь опубликовал заметку, посвященную большевистской революции, в которой назвал эту революцию «началом новой эры в истории человечества». Это не могло не подтолкнуть Мао к более внимательному отношению к новому учению.

Поскольку в иностранных языках он был на «детском уровне»[120], читать марксистские работы он мог лишь в переводах,

но их было еще мало в Китае — из Маркса только сокращенный текст «Манифеста Коммунистической партии», опубликованный в «Мэйчжоу пинлунь», да «Критика Готской программы» — откровенно полемические левацкие брошюры, звавшие к насильственному свержению господства буржуазии и установлению диктатуры рабочего класса. Из Ленина доступна была лишь статья «Политические партии в России и задачи пролетариата», написанная в апреле 1917 года. Она была опубликована 1 сентября 1919 года в пекинском журнале «Цзефан юй гайцзао» («Освобождение и реконструкция»). Имелся также перевод «Манифеста Коммунистического Интернационала к пролетариям всего мира», написанного Троцким для I конгресса Коминтерна — всемирной коммунистической организации, созданной большевиками в марте 1919 года. Манифест, призывавший к мировой социалистической революции, был помещен в номерах пекинской газеты «Чэнь бао» («Утро») за 7—11 ноября 1919 года в рубрике «Возрождение мира». Автором перевода был небезызвестный нам Ло Цзялунь, лидер пекинских студентов. С большим вниманием Мао прочитал и некоторые другие работы, излагавшие коммунистические идеи, в том числе «Классовую борьбу» немецкого марксиста Карла Каутского и «Историю социализма» английского философа-фабианца Томаса Киркаппа. «Во время моей второй поездки в Пекин, — говорил он позже Эдгару Сноу, — я много читал о событиях в России и жадно выискивал все то немногое из коммунистической литературы, что было доступно тогда в Китае. Три книги особенно глубоко врезались в мою память, утвердив меня в вере в марксизм. Это „Коммунистический Манифест“ в переводе Чэнь Вандао (первая марксистская книга, опубликованная на китайском языке), „Классовая борьба“ Каутского и „История социализма“ Киркаппа. К лету 1920 года я стал в теории и в какой-то мере на практике марксистом, и с того времени я и считаю себя марксистом»[121].

Рассказывая американскому корреспонденту о своем идеологическом становлении, Мао, конечно, приукрасил действительность. Все было гораздо сложнее, и три упомянутые им работы, разумеется, не перевернули его сознание в одночасье. Тем более что перевод коммунистического Манифеста, выполненный Чэнь Вандао, появился лишь в августе 1920 года, так что к лету того же года Мао его вообще прочитать не мог[10]. В определенной степени картину, складывавшуюся в голове нашего героя, дополняли работы самих Ли Дачжао и Чэнь Дусю, популяризировавшие октябрьский опыт[122]. Много, конечно, давали и беседы с профессором Ли, общение с уже принявшим взгляды большевиков Дэн Чжунся, с другими молодыми

столичными интеллектуалами.

После событий 4 мая настроения пекинского студенчества изменились. Иллюзии периода войны относительно англо-американского «либерализма», разделявшиеся тысячами китайских патриотов, развеялись. Это привело к кризису буржуазно-либеральной мысли в Китае в целом, а в столице в особенности, усилило идейное и политическое размежевание в интеллигентской среде[123]. Как раз в то время на сцену китайской истории впервые выступили промышленные рабочие. Их пробуждение явилось для тех китайских революционеров, кто уже начал знакомство с марксизмом, наглядным подтверждением правильности марксистской теории о «всемирно-исторической миссии рабочего класса»[124]. Но наиболее существенными факторами, определившими интерес китайской общественности к марксизму, были победоносный характер Октябрьской революции в России, резко антиимпериалистическая и антикапиталистическая направленность политики Советского государства, успехи Красной армии в борьбе с империалистической интервенцией и внутренней контрреволюцией. «С русской революции марксизм проявил себя как сила, способная всколыхнуть мир», — подчеркивал в 1919 году Ли Дачжао. И, собственно говоря, был прав[125].

Достижения российских коммунистов, прежде всего на полях сражений с империализмом и аристократией, вызывали желание разобраться в той идеологии, которой они руководствовались. И именно в опыте большевиков патриотически настроенная китайская интеллигенция стала искать теорию, которая могла бы перевернуть Китай. Таким образом, марксизм начал, по сути дела, распространяться и восприниматься в Китае сквозь призму большевистского опыта. Через много лет, оглядываясь назад, Мао Цзэдун заметит: «Китайцы обрели марксизм в результате применения его русскими… Идти по пути русских — таков был вывод»[126]. Из всего богатого спектра марксистских течений передовая китайская интеллигенция заимствовала лишь большевизм. Для приверженцев этого направления были характерны волюнтаристское отношение к законам общественного развития, недооценка принципов естественно-исторической эволюции человеческого общества, абсолютизация роли масс и классовой борьбы в истории, тотальное отрицание прав собственности и личности, апология насилия, а также игнорирование общечеловеческих ценностей, в том числе общепринятых понятий морали и нравственности, религии и гражданского общества. Характерно для них было и упрощенное, поверхностное представление о социально-экономической,

политической и идеологической структурах капиталистического и докапиталистического обществ, не учитывавшее всего разнообразия общественных систем. В своих взглядах на мировое развитие они были глобалистами, стремившимися обосновать тезис о неизбежности мировой социалистической революции.

Особое восхищение у определенных групп китайской молодежи, остро переживавшей слабость и униженность своей страны, вызывала железная воля большевиков. Ленинскую политику тотального пролетарского террора эти китайцы воспринимали как проявление непоколебимой силы. А именно силы как раз и не хватало Срединному государству!

Не случайно «влюбленность в террор», характерная для многих молодых людей в тогдашнем Китае, глубоко поразила знаменитого английского философа-либерала Бертрана Рассела, находившегося в этой стране в начале 1920 года по приглашению Пекинского университета. Рассел приехал в Китай, предварительно посетив объятую пламенем Гражданской войны Советскую Россию, и его заметки о ней были опубликованы Чэнь Дусю в журнале «Синь циннянь»[127]. Деятельность российских коммунистов он характеризовал объективно и всесторонне[128], но поскольку сам был достаточно левым, то в лекциях и статьях подчеркивал все же «огромное значение большевистского опыта для развития мира», обращая внимание на необходимость поддержки Советской России социалистами всех стран. В то же время как либерал он приходил в ужас от несовместимости действий большевиков с принципами демократии, от развязанного ими террора, наводившего «страх на людей»[129]. Выступая в различных аудиториях, Рассел осуждал диктатуру, хотя и довольно благожелательно отзывался о самой коммунистической идее. Он ратовал за то, чтобы воспитывать богачей, убеждая их в необходимости исправлять свои «недостатки». В этом случае, считал Рассел, не надо будет «ограничивать свободу, воевать и совершать кровавую революцию»[130]. Однако его студенты с жадностью впитывали именно то, за что Рассел подвергал большевиков осуждению. «Все они [его студенты в Китае] были большевиками, — вспоминал Рассел впоследствии, — за исключением одного, являвшегося племянником императора. Это были очаровательные молодые люди, бесхитростные и смышленые в одно и то же время, жаждавшие постичь мир и вырваться из плена китайских традиций… Не было предела тем жертвам, которые они были готовы принести ради своей страны. Атмосфера была наэлектризована надеждой на великое пробуждение. После многовекового сна Китай начинал осознавать современный

мир»[131].

Пребывание в Пекине зимой — весной 1920 года не привело, однако, к коренному перевороту в сознании Мао. Да, марксизм и особенно большевизм впечатлили его своей апологией железной воли, заставили больше размышлять о русском коммунизме. Но никаким марксистом к лету 1920 года Мао не стал. Вот что он сам писал в середине марта 1920 года своему другу Чжоу Шичжао: «Если говорить честно, у меня до сих пор нет относительно ясной картины различных идеологий и доктрин»[132]. А вот что он отмечал в начале июня в письме своему старому учителю Ли Цзиньси: «Я чувствую, что у меня нет достаточно общих знаний, а потому мне трудно сконцентрироваться на изучении одного предмета»[133]. Он хотел «составить ясное представление» обо всех концепциях «по переводам, газетным и журнальным статьям современных проницательных людей, выделяя суть теорий, китайских и зарубежных, древних и новых»[134].

Да, пока в его голове была каша. Он уже считал Советскую Россию «цивилизованной страной № 1 в мире», но все еще в духе то ли Кропоткина, то ли Чернышевского мечтал о том, чтобы вместе с товарищами снять дом и основать там «Университет самообразования». Он расписывал занятия каждого члена этой утопической коммуны по часам, ратуя за то, чтобы «все делалось непременно сообща. Те, кто заработает больше, будут помогать тем, кто заработает меньше. Наша цель — выживание»[135]. Под влиянием всего прочитанного и услышанного о Стране Советов он хотел ехать туда и в феврале 1920 года даже осторожно намекал Тао И на возможность вместе отправиться в Россию через год или два, и вдруг, в конце июля 1920 года, заявлял, что «в России, на берегах Арктического океана, появился [лишь] малюсенький цветок Новой Культуры. В течение нескольких лет жестокие ветра и проливные дожди испытывали его, и мы до сих пор не знаем, будет ли он успешно развиваться»[136].

В начале июня в письме Ли Цзиньси он подчеркивал, что «в последнее время стал концентрироваться на изучении трех предметов: английского языка, философии и газет. Что касается философии, то я начал с „трех великих современных философов“ и постепенно узнаю о других философских школах». Под «тремя великими современными философами» он отнюдь не имел в виду Ленина и иже с ним. Речь шла о Бертране Расселе, Анри Бергсоне и Джоне Дьюи[137]. Он признавался, что «испытывает голод и жажду знаний», но его занятия были беспорядочными, а чтение — нецеленаправленным. «Я не могу охладить свой пыл, — жаловался он, — мне не хватает упорства. А исправить характер

очень трудно. Это достойно самого большого сожаления!»[138] Он хватался за все: его влекли филология, лингвистика, даже буддизм! И, несмотря на уроки профессора Ли, он не воспринимал еще большевизм как единственно верное мировоззрение.

Из Пекина Мао уехал 11 апреля. Как и год назад, он отправился в путешествие. На этот раз поехал в город Тяньцзинь, расположенный в трех часах езды к востоку от Пекина, а затем в столицу провинции Шаньдун — город Цзинань, знаменитый своими источниками. После этого он вновь взобрался на священную гору Тайшань, чтобы полюбоваться рассветом, опять завернул к Конфуцию в городишко Цюйфу, посетил родину еще одного великого древнекитайского философа, Мэнцзы, и только после этого через Нанкин добрался до Шанхая, где его ждали дела. Поездка заняла двадцать пять дней. Достаточный срок, чтобы отдохнуть и набраться сил для грядущих политических битв.

ДЫХАНИЕ МИРОВОЙ РЕВОЛЮЦИИ, ИЛИ МАГИЯ ДИКТАТУРЫ

Мао приехал в Шанхай 5 мая. Он остановился у друзей-хунаньцев, которые снимали жилье в маленьком двухэтажном доме на грязной улице, в западной части города, недалеко от проспекта Хэтун. Трое мужчин и одна девушка, с которыми ему предстояло на ближайшие два с половиной месяца разделить кров, тоже были вовлечены в агитационную борьбу за изгнание Чжан Цзинъяо[139]. Как всегда, Мао был стеснен в средствах. Не было денег и у его друзей. Чтобы как-то свести концы с концами, Мао должен был отбросить свою, как он сам говорил, «интеллигентскую привычку» и заняться физическим трудом. Один из его знакомых, бывший соученик по Первому провинциальному педагогическому училищу, некто Ли Шэньсе, работавший на судостроительном заводе, советовал Мао устроиться на судоверфь[140], но по каким-то причинам из этого ничего не вышло. В итоге дело кончилось тем, что Мао стал стирать чужое белье[141]. Работа «прачкой» не отнимала все время: он был занят всего по полдня[142], а на досуге занимался политикой и бродил по городу.

В этот раз он успел осмотреться в Шанхае. Великий город, расположенный на берегах Хуанпу (на местном диалекте — Ванпу), одного из притоков могучей реки Янцзы, мог поразить воображение. Уже тогда он являлся крупнейшим индустриальным и коммерческим центром Китая, да и Восточной Азии в целом. С 1842 года, со времени прибытия сюда англичан, Шанхай, идеальный порт, прилегающий к устью Янцзы («Шанхай» означает «На море»[11]), превратился из города с населением в 230 тысяч жителей в мегаполис. В 1920 году в нем насчитывалось не менее полутора миллионов человек, в полтора раза больше, чем в Пекине. Небольшой по площади город, чуть более 90 квадратных километров, был уже тогда перенаселен. Это был главный открытый порт страны: каждый день здесь разгружались и загружались сотни судов. Вдоль левого берега Хуанпу тянулись бесчисленные пристани и пакгаузы.

Шанхай был поделен на шесть основных районов. Четыре из них (Наньдао, Чжабэй, Усун, международный сеттльмент и французская концессия) находились на левом, западном, берегу Хуанпу, а один (Пудун) — на правом, восточном. («Пудун» означает «К востоку от реки Хуанпу».) «Наньдао» («Южный остров»), известный также как Наньши («Южный рынок»),

включал в себя наиболее старые кварталы китайского города, возникшего еще в период Танской династии (618–906). Исторически он состоял из двух территорий: собственно города (Чэнсяна, буквально: «Город»), до начала XX века окруженного высокой стеной, и самого Наньши, представлявшего собой нечто вроде пригородной слободы. В 1920-е годы этот район располагался между южным железнодорожным вокзалом и Хуанпу. Вблизи же северного железнодорожного вокзала, на левом берегу небольшой реки Усун (или по-другому Сучжоу), притока Хуанпу, находился индустриальный, рабочий Чжабэй («Территория к северу от шлюза»). Это был молодой район, возникший в середине XIX века. К югу от Чжабэя и к северу и западу от Хуанпу тянулся международный сеттльмент, управлявшийся англичанами. Образован он был в 1863 году путем слияния двух концессий: английской, существовавшей с 1845 года, и американской, созданной в 1848 году. С юга к международному сеттльменту примыкала французская концессия, основанная в 1849 году. Таким образом, владения иностранцев перерезали левобережную часть Шанхая посередине, втискиваясь двумя широкими полосами между китайскими районами Чэнсяна — Наньши и Чжабэя. К западу от международного сеттльмента и французской концессии, в верховьях реки Сучжоу располагался еще один китайский район — Усун.

Большую часть города контролировали иностранцы. Ни в одном другом населенном пункте Китая они не владели такой обширной земельной собственностью: из 90 квадратных километров городской территории им принадлежало более 32. На территориях сеттльментов (концессий) действовали, разумеется, законы соответствующих иностранных держав, имелись свои войска и полиция. Впрочем, селиться китайцам здесь не возбранялось, и этим спешили воспользоваться как зажиточные китайские буржуа, так и оппозиционно настроенные к китайским властям интеллигенты-разночинцы. Между прочим, число китайцев в международном сеттльменте и во французской концессии в десятки раз превышало численность иностранцев[12]. Политическая атмосфера здесь была куда либеральней, чем в целом в Китае, да и уровень жизни значительно выше. Таких магазинов, как на Нанкин-роуд, тянущейся от реки Хуанпу в глубь международного сеттльмента, не было нигде в Китае. В международном сеттльменте и во французской концессии располагались филиалы крупнейших банков Европы и США, дорогие отели и утопавшие в зелени виллы. Архитектурный ансамбль города резко контрастировал с тем, что можно было увидеть в других местах. Человек из провинции, попавший сюда,

должен был испытывать сильные чувства. Особенно впечатляла набережная, вдоль которой, тесно прижавшись друг к другу, высились громады каменных небоскребов, острыми шпилями устремленные в небо. Жизнь бурлила, горела реклама, по улицам катили авто и сновали рикши, в гавани разгружались и загружалась пароходы из всех стран мира, по центральной набережной Банд (по-английски значит просто «набережная») в тени деревьев прогуливались нарядно одетые дамы в сопровождении изысканных джентльменов. На Нанкин-роуд, окрестных улицах и в переулках толпился народ. Бесчисленные магазины и рестораны, кинотеатры и казино привлекали богатую публику. Вот как вспоминает этот город Сергей Алексеевич Далин, один из секретных агентов Советской России, впервые оказавшийся в нем весной 1922 года: «Передо мной открылась панорама залитого электричеством города с многоэтажными домами и мелькающими электрическими рекламами на крышах… Асфальтовая мостовая, множество автомобилей, трамваи, сотни предлагающих свои услуги рикш, китайская музыка, звон литавр, перспектива залитой электричеством улицы, огромные электросветовые иероглифы торговых реклам — все это сразу поразило меня»[143]. А вот что пишет о нем американская писательница Гарриет Сержант: «В двадцатые и тридцатые годы Шанхай стал легендой… Его имя было окутано тайной, вызывая в памяти истории о приключениях и безудержной вольнице. На кораблях… его жители интриговали пассажиров рассказами о „Публичной девке Востока“. Они пугали слушателей китайскими гангстерами, описывая никогда не закрывающиеся ночные клубы и отели, в которых героин приносили по первому требованию клиента… Однако Шанхай превосходил все ожидания… Как только вы сходили на берег, неповторимый шанхайский аромат — смесь дорогих духов и чеснока — обволакивал вас… Беспризорные дети висли на вашей одежде. Американские машины гудели на вашего рикшу. Мимо, громыхая, проносились трамваи. На Банде высоко над вашей головой в небо уходили здания, принадлежавшие иностранцам. У ваших ног китайские попрошайки выставляли напоказ свои раны. Чуть дальше по улице русская женщина средних лет и несовершеннолетняя китаянка дрались из-за моряка. Китаец, толкающий тачку, полную серебряных украшений, обливал на тротуаре проклятиями изысканно одетых англичан, выходящих из клуба… Полицейский-сикх свистел на быстро пробегавших сквозь поток машин двух китайских девушек в развевавшихся на ветру халатах с разрезами до бедра. Даже ослепнув, вы узнали бы Шанхай по невероятной, почти истерической энергии этого места»[144].

В Шанхае повсеместно слышна была английская, французская и даже русская речь. «Международный квартал Шанхая изобиловал белоэмигрантами, — вспоминает еще один эмиссар Кремля, Вера Владимировна Вишнякова-Акимова, побывавшая в этом городе в феврале 1926 года. — …Белогвардейцы щеголяли в царской форме. Многие лавки имели вывески на русском языке… с ятем и твердым знаком». В городе издавались русский журнал «Современные записки» и три русские газеты: «Шанхайская заря», «Слово» и «Шанхайская жизнь». Последняя субсидировалась большевиками и была откровенно левой, в то время как остальные издания придерживались резко антикоммунистической ориентации. Некоторые молодые русские служили в английской полиции международного сеттльмента, и приезжавшие в Шанхай советские граждане с удивлением глазели на рослых, стройных ребят с типично славянскими лицами, которые, маршируя в чужой форме по Нанкин-роуд, дружно горланили: «Взвейтесь, соколы, орлами, полно горе горевать!»[145]

В 1925 году русских в Шанхае насчитывалось 2 тысячи 766 человек, англичан — не менее 6 тысяч, американцев — около полутора тысяч, французов — более тысячи. Всего же в городе проживало 37 тысяч 758 иностранцев различных национальностей (из них 29 тысяч 947 человек — в международном сеттльменте и 7 тысяч 811 — на территории французской концессии). Большинство составляли японцы (в 1925 году — 13 тысяч 804 человека)[146], однако именно благодаря присутствию русских, англичан и французов, накладывавших печать на быт города, Шанхай производил впечатление европейской столицы. По архитектуре же международных кварталов он мало чем отличался от Нью-Йорка или Чикаго.

Каждый, кто приезжал в Шанхай, неизменно отмечал некитайскую особенность города. Не мог не обратить на это внимание и Мао Цзэдун, остановившийся на территории международного сеттльмента. От его жилища, правда, было далековато до Нанкин-роуд и набережной, но он всегда мог воспользоваться чудом техники, трамваем, который ходил по международному и французскому сеттльментам. На трамвае он ездил и по своим клиентам, собирая грязное белье и раздавая выстиранное. Эти поездки, по его собственным словам, отнимали большую часть его мизерного дохода[147].

В то время в Шанхае собралось немало активистов античжановской кампании. Здесь с декабря 1918 года действовала Ассоциация возрождения Хунани, общественная организация, созданная богатыми выходцами из этой провинции. Существовали тут и другие хунаньские земляческие организации,

которые также выступали за отзыв Чжана. Наиболее влиятельным из них был Союз всех граждан Хунани, проживающих в Шанхае. Здесь же весной 1920 года находился знаменитый уроженец Чанши, президент парламента Китайской Республики Сюй Фосу, который тоже был противником Чжан Цзинъяо[148].

Но, как мы уже знаем, и в Шанхае все усилия Мао и других патриотов Хунани окажутся тщетными. Не догадываясь об этом, Мао Цзэдун продолжал бороться с ветряными мельницами. Правда, к борьбе с Чжан Цзинъяо он подходил теперь комплексно, ратуя не только за изгнание мафиози, но и за отмену самой порочной системы, при которой возникают подобные деспоты. В прокламациях, написанных весной — осенью 1920 года, он с наивной горячностью выступал за введение народного самоуправления в Хунани. Мысль была интересная, но утопичная. Имелось в виду отделение провинции от погрязшего в скверне Китая, провозглашение ее полной независимости с введением местной конституции и выборного, подлинно демократического, правления. «Возмущаясь Северным правительством и веря в то, что Хунань может модернизироваться быстрее, если освободится от связей с Пекином, — вспоминал Мао, — наша группа агитировала за отделение. Я был тогда страстным сторонником американской доктрины Монро и открытых дверей»[149]. Странное признание для человека, который, как мы помним, говорил Эдгару Сноу, что к лету 1920 года он стал марксистом.

Идея «независимой Хунани» была не нова. Еще накануне Синьхайской революции 1911 года ее высказывал хунаньский революционер-демократ Ян Шоужэнь в брошюре «Новая Хунань». Этот общественный деятель настаивал на том, что свободная Хунань может стать образцом для всех других провинций Китая, которые, следуя по ее пути, в итоге объединятся на новых, федералистских, началах, приведя, таким образом, к возрождению китайской нации[150]. Программа независимости или, точнее, автономизации привлекала прежде всего националистически настроенных хунаньских интеллигентов и бизнесменов. К марксизму и большевизму она, разумеется, не имела ни малейшего отношения, зато хорошо вписывалась в традиции некоторых западноевропейских стран и Североамериканских Соединенных Штатов.

Воспринял ее Мао не сразу. В марте 1920 года он еще высказывал сомнения в возможности отделения Хунани. «Я просто не понимаю, — писал он своему учителю Ли Цзиньси, — что нам следует сделать, чтобы реформировать нашу провинцию Хунань в будущем. Ведь поскольку она находится внутри Китая, добиться независимости Хунани будет совсем не легко. Если,

конечно, в будущем не изменится общая ситуация и мы не превратимся в нечто подобное Америке или Германии»[151].

Вскоре, однако, он стал страстным приверженцем этой идеи. Он исходил из того, что «Китай — слишком огромен. Провинции сильно отличаются друг от друга психологически, по интересам, по уровню народной культуры… [В то же время] география Хунани и характер ее народа имеют свои великие ресурсы. Если они будут объединены в общенациональную организацию, их специфические сильные стороны будут не выявлены, и на пути их прогрессивного развития окажутся препятствия»[152].

По словам одного из его биографов, Се Линсяо, Мао тогда часто говорил, что «если сравнить Китай с Германией, то Хунань — это Пруссия»[153]. При этом он, правда, забывал, что Германию объединил не прусский народ, а железная армия Бисмарка, и в своих расчетах апеллировал прежде всего к творческой энергии граждан родной провинции. «Если хунаньский народ, — указывал он, — сможет взять на себя инициативу сейчас, то за ним последуют провинции Шэньси, Фуцзянь, Сычуань и Аньхой, в которых существуют аналогичные условия. После чего, через десять или двадцать лет, они все смогут объединиться для того, чтобы решить ситуацию в целом во всей стране»[154].

Он так верил тогда в креативные силы народа, что, как и в отрочестве, готов был признаться в любви ко всем знаменитым хунаньцам, вне зависимости от того, были ли они героями или тиранами. Ему очень хотелось создать в рамках провинции некую особую «хунаньскую цивилизацию» — общество свободных людей, которые сами управляли бы своей страной, без военного губернаторства и армии, развивая образование, промышленность и торговлю[155]. Сравнивал он Хунань и со Швейцарией, и с Японией[156]: «Я выступаю против „Великой Китайской Республики“ за „Республику Хунань“ …Для народа Хунани нет другого пути. Единственный выход для нас — это вести дело к самоопределению и самоуправлению, к созданию „Республики Хунань“ на территории Хунани. Я думал об этом вновь и вновь и пришел к выводу, что только таким путем мы сможем спасти Хунань, спасти Китай и встать плечом к плечу со всеми свободными нациями земли. Если же у народа Хунани не хватит решимости и смелости построить государство Хунань, то тогда у Хунани не будет уже никакой надежды»[157]. В качестве авангарда движения за независимость и демократизацию провинции он особенно рассчитывал на граждан провинциальной столицы. «Ответственность неизбежно ложится на плечи трехсоттысячного населения Чанши», — писал он[158].

В июне 1920 года Мао изложил планы возрождения и

реконструкции Хунани самому авторитетному для него человеку, Чэнь Дусю[159]. Тот жил тогда на территории французской концессии в небольшом, традиционно китайском кирпичном доме, в тихом переулке. Здесь же находилась и редакция его журнала «Синь циннянь». Что ответил ему Чэнь, неизвестно, но, скорее всего, он отнесся к наивным прожектам безо всякого интереса, иначе Мао Цзэдун не преминул бы упомянуть об этом в каком-нибудь из своих выступлений. Со своей стороны, Чэнь Дусю постарался наставить бывшего библиотекаря на «путь истинный». В этот раз он много беседовал с ним о марксизме. «Во время моей второй поездки в Шанхай, — вспоминал позже Мао, — я обсуждал с Чэнем марксистские книги, которые читал, и убеждения Чэня оказали на меня глубокое впечатление в этот, вероятно, критический период моей жизни»[160].

Как раз тогда Чэнь Дусю занимался строительством первой в Китае большевистской ячейки. Непосредственную финансовую и идеологическую помощь ему оказывали советские коммунисты, члены Коммунистического Интернационала (Коминтерна). Эта организация, созданная по инициативе Ленина в марте 1919 года, для объединения и координации усилий всех радикальных революционных партий, стоявших на большевистских позициях, сочетала в себе многообразные функции. С одной стороны, это был штаб мировой революции, главный идейный и организационный центр мирового коммунистического движения, с другой — мощный разведывательный орган. Во главе Коминтерна стоял выборный Исполнительный комитет (ИККИ) со своим разветвленным бюрократическим аппаратом, в работе которого принимали участие не только советские, но и иностранные коммунисты. ИККИ размещался прямо напротив Кремля, по соседству с Манежем, на Сапожниковской площади (угол Воздвиженки и Моховой улицы). Отсюда в разные концы земного шара разъезжались представители Коминтерна, увозившие с собой инструкции, директивы, деньги и драгоценности, экспроприированные у российской аристократии и буржуазии. На эти деньги создавались коммунистические организации в Европе и Азии, в Африке и Америке, открывались подпольные типографии и партийные школы, их выплачивали бастующим рабочим и профессиональным революционерам. Лидеры большевиков — Ленин и Троцкий, Зиновьев и Сталин — не скупились на поддержку коммунистического движения за рубежами РСФСР. В первые годы Советской власти они связывали все надежды на построение социализма в отсталой России с победой пролетарской революции во всемирном масштабе. «Если смотреть во всемирно-историческом масштабе, — отмечал Ленин

в марте 1918 года на VII экстренном съезде РКП(б), — то не подлежит никакому сомнению, что конечная победа нашей революции, если бы она осталась одинокой, если бы не было революционного движения в других странах, была бы безнадежной»[161].

Неудивительно, что их внимание привлек и Китай. Из Москвы до него, правда, в годы Гражданской войны, полыхавшей повсеместно в России, было не добраться, а потому весной 1920 года в Китай направили группу дальневосточных большевиков.

> Возглавлял ее Григорий Наумович Войтинский, высокий, подтянутый, энергичный мужчина двадцати семи лет, крепко сложенный, с темными курчавыми волосами и очень внимательными печальными глазами. Он приятно удивлял врожденной интеллигентностью, тактом, мягкими благородными манерами. Свободно говорил по-английски. При общении с ним нельзя было и представить, что этот обаятельный молодой человек являлся одним из крупнейших организаторов коммунистического движения в Сибири и на Дальнем Востоке, твердокаменным большевиком, беспощадным к врагам революции. Уроженец Витебской губернии, он оказался в Сибири в 1918 году. До этого в течение пяти лет жил в эмиграции, в Соединенных Штатах, где, собственно, и увлекся социалистическими идеями. Вернувшись в Россию с началом Гражданской войны, сразу же вступил в большевистскую партию, после чего повел подпольную работу в Омске, Красноярске и Владивостоке. Был арестован и выслан в бессрочную каторгу на Сахалин, где поднял восстание каторжан. Вслед за тем вошел в руководство вновь образованного революционного комитета города Александровска, там же, на Сахалине. В начале 1920 года стал сотрудником аппарата ИККИ[162].
>
> Настоящая фамилия этого человека была Зархин, а Войтинский — один из партийных псевдонимов, наряду с другими: Сергеев, Сергей, Григорий, Григорьев, Стивен, Стивенсон, Тарасов.

Китайские знакомые звали его У Тинкан. В поездке его сопровождала жена, большевичка Мария Федоровна Кузнецова (партийная кличка — Нора). В группу Войтинского входил также переводчик-китаец, бывший рабочий, а позже бухгалтер Ян Минчжай (он же Иван Васильевич Шмидт), уроженец уезда Пинду провинции Шаньдун, с 1901 года проживавший во Владивостоке.

Одновременно с ними в Китай приехали еще двое: некто Титов, выпускник Владивостокского восточного института, и один из деятелей корейской эмиграции в России, Валентин Иванович Ким (псевдоним — Серебряков). Коминтерновские агенты прибыли в Пекин в апреле 1920 года. Перед ними стояла сугубо конспиративная задача: установить регулярные связи с радикальными деятелями китайской общественности, с тем чтобы помочь им организовать коммунистические кружки. Денег у них для подрывной работы было достаточно.

Им повезло сразу. Через преподавателя русской литературы Пекинского университета русского эмигранта С. А. Полевого, настроенного сочувственно к Советской России, Войтинский смог установить контакт с Ли Дачжао. Советский большевик развернул перед профессором Ли головокружительный план создания в Китае коммунистической партии, но тот, хотя и всем сердцем воспринял идею, посоветовал ему вначале обсудить этот проект с Чэнь Дусю. То же самое предлагал Войтинскому Ян Минчжай, услышавший о Чэнь Дусю от русских эмигрантов. С рекомендательным письмом Ли Дачжао Войтинский, Кузнецова и Ян Минчжай прибыли в конце апреля 1920 года в Шанхай. Туда же независимо от них приехал и Серебряков, который, похоже, стал действовать по собственному сценарию. Что же касается Титова, то он, по всей видимости, остался в Пекине.

Ни Серебряков, ни Титов, однако, ничего не добились. В Китае не только деньги, но и связи играли роль. И в этом смысле линия поведения Войтинского, искусно использовавшего Полевого и Ли Дачжао, была единственно правильной. В Шанхае с группой Войтинского установили контакт находившиеся в городе советские коммунисты Иван Кириллович Мамаев и его жена Мария Михайловна Сахьянова, а также Константин Алексеевич Стоянович (клички — Минер, Минор, Яковлев) и Леонид Перлин (псевдоним — Ян Юйшу). Все вместе они стали активно «обрабатывать» Чэнь Дусю, который собственно и без того уже был готов к союзу с Советской Россией. Было решено использовать «Синь циннянь» как трибуну для распространения коммунистических идей с тем, чтобы объединить вокруг этого ежемесячника все радикальные революционные силы[163].

Именно в это-то время Мао Цзэдун и навестил Чэнь Дусю. Их беседа смутила Мао. Чэню он верил, но и отказываться от своего плана объединения народных масс Хунани в целях провозглашения ее независимости на основах самоуправления и прогресса ему не хотелось. В начале июля он вернулся в Хунань в смятении.

Он начал с того, что вместе с приятелями (всего их было

двадцать семь человек) учредил на паях первый в Китае кооперативный книжный магазин для распространения общественно-политической литературы. Магазин, получивший название «Общество культурной книги», был основан в июле 1920 года, а открылся для покупателей в сентябре. Он должен был продавать любые заслуживавшие с точки зрения его хозяев внимания книги, газеты и журналы по самым доступным ценам (не выше издательских)[164], внося тем самым посильный вклад в просвещение хунаньского населения. «Общество культурной книги, — объяснял Мао в местной газете «Дагунбао», — стремится к тому, чтобы наиболее быстрыми и доступными способами знакомить [общественность] с китайскими и иностранными книгами, газетами и журналами всех направлений, которые будут служить источником новых знаний для молодежи и народа Хунани в целом. Кто знает, может быть, это в итоге способствует зарождению новой мысли и новой культуры. Мы искренне молимся о том, чтобы так и произошло. Мы преисполнены надежды»[165].

Инициатива привлекла внимание многих общественных деятелей. Интересно, что иероглифы для вывески этого магазина были написаны самим Тань Янькаем, правда, уже после того, как он в конце ноября 1920 года вынужден был уйти в отставку с поста губернатора провинции Хунань под нажимом своего подчиненного, командующего Сянской армией Чжао Хэнти[166]. Магазин помещался в небольшом двухэтажном доме из трех комнат, который Мао и его товарищи арендовали у американо-китайского госпиталя Сянъя. Его первоначальный капитал был небольшим — всего 519 юаней[167], однако довольно быстро, уже к концу октября 1920 года, Мао с приятелями удалось приобрести для продажи книги 164 названий. Это были работы Рассела, Кропоткина, Дарвина, Платона, Ху Ши, книга Киркаппа «История социализма», столь полюбившаяся Мао Цзэдуну, и многие другие. Наряду с прочим в магазине имелись и изданное отдельной брошюрой предисловие Маркса к первому изданию «Капитала» в переводе члена шанхайского коммунистического кружка Ли Ханьцзюня, а также книга журналиста Шао Пяопина «Изучение новой России», представлявшая собой, по сути, первый довольно подробный очерк истории российского коммунистического движения за последние 17 лет, принадлежавший перу китайского автора. Интересно, что в этой книге, насчитывавшей 140 страниц, в качестве двух заключительных глав были напечатаны биографии Ленина и Троцкого[168]. Магазин получал также 45 журналов и 3 газеты, среди которых были и коммунистические, издававшиеся Чэнь Дусю, Ли Дачжао и некоторыми другими

социалистами, — «Синь циннянь», «Лаодун цзе» («Мир труда»), «Лаодунчжэ» («Трудящийся»), «Лаодун чао» («Прибой труда») и «Шаонянь Чжунго» («Молодой Китай»). К апрелю 1921 года отделения «Общества культурной книги» были открыты в семи уездах провинции, торговые точки существовали также в четырех учебных заведениях Чанши[169].

Примерно тогда же, в конце августа 1920 года, под влиянием разговоров с Ли Дачжао и Чэнь Дусю, Мао основал в Чанше «Общество по изучению России»[170]. В середине сентября его генеральным секретарем в тактических целях был избран министр финансов правительства Тань Янькая, известный общественный деятель-либерал Цзян Цзихуань, однако фактическим руководителем оставался именно Мао. «Общество» преследовало большие цели: заниматься (индивидуально и сообща) изучением всего, что происходит в Советской России, собирать доступную литературу, публиковать исследования и обзоры, посвященные Стране Советов, а также открыть специальный русский класс для подготовки желающих поехать на учебу в Москву. «Общество» располагалось там же, где и книжный магазин, в арендованном у американо-китайского госпиталя Сянъя здании[171].

Мао и сам мечтал поехать в Россию. В Пекине он консультировался по этому вопросу с Ли Дачжао и некоторыми другими товарищами. В Шанхае же даже хотел найти какого-нибудь выходца из России, согласившегося бы обучать его русскому языку. Он задумал план целой кампании — за работу и учебу в Советской России — по типу инициированного анархистами движения «экономной учебы и прилежной работы» во Франции[172]. До него, вне сомнения, доходили известия о той активной деятельности, которую развернули в этом направлении в Шанхае Чэнь Дусю и Войтинский. В сентябре 1920 года для социалистически настроенной молодежи, желавшей поехать учиться в Москву, Чэнь и «У Тинкан» организовали так называемую Школу иностранных языков[173], где в основном изучали русский язык, который преподавал Ян Минчжай. Раз в неделю переводчик «Манифеста Коммунистической партии» Чэнь Вандао читал им лекции по марксизму[174]. Войтинский предоставлял окончившим школу деньги для поездки в Россию.

Все это импонировало Мао Цзэдуну. И все же он не был еще готов всем сердцем принять большевизм. Он глубоко уважал Ли Дачжао и Чэнь Дусю, прислушивался к их точке зрения, но ему было мучительно трудно избавиться от своих либеральных и анархистских представлений. «Существует теория, — размышлял он вслух, — согласно которой политические организации могут

реформировать социальные организации, государство может способствовать развитию отдельных районов, а некая группа своими силами может трансформировать личность. Но все это возможно лишь в определенной обстановке при определенных условиях. Например, Ленин опирался на миллионы членов партии, когда начал невиданное дело народной революции, которая начисто смела реакционные партии и верхние и средние классы. У него была идеология (большевизм). Ему помогли обстоятельства (поражение России). Он был подготовлен, и в его распоряжении имелась действительно надежная партия, которая поднялась по первому сигналу и выполняла его приказы с такой же неотвратимостью, с какой несет свои воды речной поток. Класс трудящихся крестьян, составляющих от 80 до 90 процентов населения, также незамедлительно реагировал. В этом-то и состоят причины успеха русской революции. Я бы поддержал [большевизм], если бы в Китае имела место настоящая и всеобщая революция, но таковая невозможна (я не буду сейчас объяснять почему). Следовательно, в случае с Китаем мы не можем начать с целого, а должны начинать с частного»[175].

Изо всех сил стремясь продвинуть вперед дело народного просвещения, с тем чтобы пробудить творческие силы граждан Хунани, Мао летом — осенью 1920 года принял участие и в организации несколько других обществ как в провинции в целом, так и в родном уезде Сянтань[176]. Он по-прежнему агитировал за самоопределение Хунани. В начале октября он председательствовал на общей ассамблее общественности Чанши в Комитете образования, где организовал сбор подписей под резолюцией за созыв Народного конституционного собрания Хунани. Резолюцию подписали 430 человек — журналисты, деятели науки и образования, бизнесмены и даже рабочие[177]. 10 октября, в День Республики, известный в Китае под именем «Двойной десятки» (десятый день десятого месяца), эта резолюция была вручена губернатору Тань Янькаю во время грандиозной десятитысячной манифестации[178]. 7 ноября, во время другой массовой демонстрации в Чанше, Мао нес большое красное знамя с надписью «Да здравствует Великая Хунань!»[179].

Но из затеи с независимостью ничего не вышло. Вспоминая об этом спустя много лет, Мао с горькой самоиронией замечал: «Тань Янькай был изгнан из Хунани милитаристом, которого звали Чжао Хэнти, использовавшим движение за независимость [имеется в виду за народное самоуправление] Хунани в своих интересах. Он притворялся, что поддерживает его, выступая с идеей создания Соединенных Автономных Штатов Китая, но как только захватил власть, начал подавлять демократическое

движение с величайшей энергией»[180]. Правда, 1 января 1922 года Чжао Хэнти, единственный из всех милитаристов Китая, даровал своей провинции конституцию, однако сделал это только потому, что ему не хватало военной силы, чтобы играть роль общенационального лидера. Чжао казалось, что закрепление его власти на уровне провинциальной конституции прибавит ему веса, по крайней мере, в хунаньском обществе, а это в свою очередь усилит его позиции. К народовластию, за которое ратовал Мао, эта конституция, маскировавшая обычную военную диктатуру, никакого отношения не имела. «Провинциальная конституция, — пророчествовал Мао Цзэдун, — определенно долго не проживет. А организация федерации самоуправляемых провинций еще менее вероятна при нынешних обстоятельствах»[181].

Столкнувшись с первыми трудностями, многие из бывших активных сторонников Мао сразу же начали отходить от движения за народное самоуправление. Все, за что так долго ратовал Мао Цзэдун, пошло прахом. Он испытал глубокое разочарование. Народ, на который он так рассчитывал, оказался настолько пассивен, что у Мао просто опустились руки. Свои гневные чувства он излил в письме другу юности Сян Цзинъюй, гражданской жене Цай Хэсэня: «За последние несколько месяцев я достаточно узнал хунаньцев: тупоголовые дураки, у которых нет ни идей, ни долговременных планов. В политических кругах все погружены в летаргический сон. Процветает ужасающая коррупция. Можно сказать, что нет абсолютно никакой надежды на политическую реформу»[182].

Вот тогда-то он и стал всерьез задумываться над тем, что говорили ему Ли Дачжао и Чэнь Дусю. Да, решил он, «мы должны все отбросить и проложить новый путь, создать новую обстановку»[183]. К этому призывал его и Цай Хэсэнь, изучавший французский язык в мужском коллеже города Монтаржи во Франции. Под воздействием всего увиденного в Европе Цай уже твердо встал на большевистские позиции. «Я считаю, что нынешняя мировая революция является единственным способом одержать победу, — писал он Мао Цзэдуну. — Я сейчас ясно вижу, что социализм есть реакция на капитализм. Его основной миссией является уничтожение экономической системы капитала, а методом — диктатура пролетариата. Он использует политическую власть для перестройки социально-экономической системы. Поэтому классовая война, по сути, является политической войной, в ходе которой уничтожается механизм [господства] среднего класса (парламентское правительство) и создается механизм [господства] пролетариата — Советы…

Поэтому я думаю, что анархизм не сможет работать в современном мире. Ведь очевидно, что сейчас в современном мире имеются два антагонистических класса. Нельзя свергнуть диктатуру имущих классов без подавления реакции с помощью диктатуры пролетариата. Ярким свидетельством этому является Россия. Вот почему я считаю, что для будущей реконструкции Китая полностью применимы принципы и методы социализма… Я думаю, первым делом мы должны организовать партию — коммунистическую партию, поскольку она является инициатором, пропагандистом, авангардом и штабом революционного движения»[184].

Как раз в это время над созданием такой партии и работали Чэнь Дусю, Войтинский и Ли Дачжао. В мае 1920 года Чэнь и Войтинский создали так называемое Революционное бюро, в которое помимо них самих вошли еще три близких к Чэнь Дусю человека[185]. Бюро развернуло работу по формированию партийных кружков. 19 июля 1920 года в Шанхае состоялось собрание наиболее активных товарищей, на котором было принято решение об образовании коммунистической ячейки. Ее секретарем стал Чэнь Дусю[186]. 22 августа по инициативе профессора Чэня был образован Шанхайский социалистический союз молодежи, а затем аналогичные организации возникли в Пекине, Тяньцзине, Учане и некоторых других городах. В октябре произошло оформление пекинской коммунистической группы во главе с профессором Ли, а в ноябре был официально провозглашен Социалистический союз молодежи Китая.

Первых китайских коммунистов было не более двадцати человек. Студенты, молодые преподаватели и журналисты. Ни рабочих, ни крестьян не было. Самому старшему — Чэнь Дусю — шел сорок второй год, но его за «почтенный возраст» называли «Старик». Среди молодежи особенно выделялись склонные к философствованию шанхайские студенты Ши Цуньтун и Юй Сюсун, а также проживавшие в Пекине импульсивный и деловой Чжан Готао, волевой и целеустремленный Дэн Чжунся, дерзкий и решительный Чжан Тайлэй и поэтически вдохновенный Хэ Мэнсюн. Самым молодым был восемнадцатилетний студент Бэйда Лю Жэньцзин, немного владевший русским. Всех их объединяло страстное желание любыми путями и побыстрее осуществить у себя на родине то, что произошло в России. В ноябре 1920 года Чэнь стал полулегально издавать в Шанхае новый журнал «Гунчаньдан» («Коммунист»), в котором с особым упорством начал пропагандировать идею образования компартии. В журнале для рабочих, «Лаодун цзе», просто и доходчиво разъяснялись не слишком образованным людям марксистские

теории капитала и прибавочной стоимости.

Необходимость в создании «группы людей, связанных воедино измом»[187], понимал и Мао Цзэдун. Сомнений в важности крепко спаянной политической организации у него, как мы знаем, никогда не возникало. Но общество «Обновление народа» оставалось довольно аморфным, а Объединенный союз учащихся давно прекратил существование. Приходилось начинать заново, и Мао решил реорганизовать на большевистских принципах общество «Обновление народа». Своими мыслями он поделился с уже вступившим в большевистский кружок в Пекине Ло Чжанлуном: «Мы действительно должны создать абсолютно новую атмосферу… [А это] требует организации группы упорно работающих и решительных „людей“. И даже больше — это требует „изма“, который все разделяют. Без „изма“ нельзя создать атмосферу. Я думаю, что наше общество не должно быть просто собранием народа, связанного чувством… „Изм“ подобен знамени; только когда оно поднято, у людей появляется надежда, только тогда они знают, куда идти»[188].

Мао пытался преодолеть аморфность своего общества, еще находясь в Шанхае, в мае 1920 года. Тогда в парке Баньсун, недалеко от реки Сунцзян, он созвал собрание двенадцати членов группы, находившихся в то время в городе. На встрече были выработаны новые принципы, осуществление которых должно было укрепить организацию. Но никакого «общего изма» даже не обсуждалось. Приняв решение о необходимости заниматься кропотливой работой и быть реалистами, члены общества разошлись, не забыв полюбоваться «уходящими за горизонт зеленой травой и изумрудными водами реки Сунцзян»[189].

Теперь же ситуация круто менялась. «Прежде чем объединяться и для того чтобы объединиться, мы должны сначала решительно и определенно размежеваться» — эти знаменитые слова Ленина, сказанные им накануне раскола РСДРП[190], как нельзя лучше отражали то, что приходило на ум Мао Цзэдуну. С аморфностью и всеядностью пора было кончать. Следовало вооружаться единственно правильным «измом». А в ноябре 1920 года таковым для Мао уже начинал становиться большевизм («интернациональный коммунизм», «социалистический космополитизм») с его программой мировой социалистической революции. Ведь «космополитизм, — полагал теперь Мао Цзэдун, — есть доктрина всеобщего братства, это „изм“, который нацелен на то, чтобы приносить пользу не только одному человеку, но и всем другим людям. Это как раз то, что и называется социализмом»[191]. В конце ноября 1920 года он в одном из писем даже восхвалял анархиста Ли Шицзэна за то, что

тот организовал обучение китайских студентов во Франции: ведь именно благодаря этому китайцы (то есть Цай Хэсэнь и некоторые другие) стали изучать «космополитизм»[192]. Теперь он стыдился своего чересчур горячего участия в либеральных движениях за изгнание Чжан Цзинъяо и провозглашение самоуправления Хунани. «С моей точки зрения, — пытался он оправдаться, — прошлогоднее движение за изгнание Чжана и нынешнее автономистское движение не были для наших членов политическими движениями, которые мы специально инициировали… В случае с автономистским движением мы просто надеялись выработать метод (хунаньская конституция) для создания лучшей обстановки в Хунани, при которой мы могли бы осуществлять некоторую конкретную подготовительную работу. Когда вы всерьез взглянете на все это [станет ясно], что оба движения являются лишь оппортунистическими мероприятиями в ответ на создавшуюся ситуацию и никоим образом не отражают наши основные взгляды»[193]. Вот так вот! Кто бы мог подумать?

Не все из старых друзей согласились с Мао. Сяо Юй, вернувшийся из Франции в октябре 1920 года, не принял большевистские планы. В письме Мао Цзэдуну он с горечью заметил: «Мы считаем невозможным жертвовать частью народа в обмен на благосостояние большинства. Я выступаю за умеренную революцию, революцию, чьим оружием является образование, революцию, которая преследует цель всеобщего благосостояния народа и осуществляет реформы при посредничестве профсоюзов и кооперативов. Я не думаю, что марксистская революция русского типа справедлива. Я склоняюсь к поддержке новой революции — анархизма или антиавторитаризма в духе Прудона. Она милосерднее и постепеннее; пусть она постепенна, но зато милосердна»[194].

Однако Мао Цзэдуна уже нельзя было переубедить. Он сам прошел через увлечения анархизмом и либерализмом, и ничего, кроме разочарований, это ему не принесло. Да, в принципе он еще мог согласиться с Сяо Юем в том, что «стремиться к благосостоянию всех мирными средствами» — дело хорошее, но по большому счету уже считал все эти фантазии чистой утопией. Пройдет немного времени, и он даже в принципе не сможет рассматривать эти «иллюзии»; пока же он выражал свою позицию следующим образом: «Все эти вещи — абсолютный либерализм, анархизм и даже демократия — хороши в теории, но не осуществимы на практике». Как можно надеяться на перевоспитание эксплуататоров, недоумевал он, если дело образования в современном мире находится в руках самих же

капиталистов? Буржуазия владеет фабриками и банками, контролирует парламенты, армию и полицию. Где же место для коммунистов? Нет, возражал он, только «революция русского типа… является последним прибежищем, когда все остальные средства исчерпаны. Это не означает, что мы отбрасываем другие, более хорошие, методы и хотим только использовать эту террористическую тактику»[195]. Иными словами, пусть большевизм и не лучший выход из положения, но «милосердие» ни к чему не приведет! «С моей точки зрения, — подытоживал Мао, — русская революция и тот факт, что число радикальных коммунистов в разных странах все возрастает и становится все более крепко сплоченным, отражают лишь естественный ход событий»[196].

Как видно, его приход к большевизму не был простым. Он выбрал «террористическую тактику» под давлением обстоятельств, разочаровавшись в творческих силах народа, в его способности к демократическому самоуправлению.

Не романтика всеобщего равенства соблазнила его в коммунизме. Такого добра было предостаточно и в анархизме Кропоткина. Его привлекли именно апология насилия, триумф воли, торжество силы. В конце концов он сделал выбор! Да, безнравственный, но по-своему объяснимый. О каком либерализме, какой демократии можно было говорить в государстве, где не существовало гражданского общества? Где из 400 миллионов населения 390 были безграмотными. Где, несмотря на то, что власть императора была упразднена еще в 1912 году, «лишь несколько граждан действительно понимали, что такое республика»[197]. Где капитализм еще не стал определять все стороны общественной жизни, а в экономике были представлены все известные истории хозяйственные уклады. Дикая, патриархальная страна. Какая же сила нужна была, чтобы сдвинуть ее с мертвой точки?

То, что импонировало в большевизме Мао Цзэдуну, влекло к нему и других китайских революционеров-радикалов. Восхищаясь Октябрьской революцией, они воспринимали большевистский эксперимент практически без всякого критического осмысления. Даже те из них, кто более или менее серьезно читали основателей классического марксизма и в силу этого не могли не ощущать определенного расхождения между теорией и практикой большевиков, с одной стороны, и материалистической концепцией Маркса — с другой, действительный «марксизм» все же склонны были видеть в деятельности российских коммунистов, приходя к выводу о «недостатках» в Марксовом историческом материализме. «Я полагаю, — писал, например, Ши

Цуньтун, член шанхайского коммунистического кружка, — что в целом марксистская теория основана на материале промышленно развитых стран, поэтому кое-что из его [Маркса] слов не может найти применения в странах, где промышленность находится в младенческом состоянии… Если в Китае осуществлять марксизм, то, может быть, внешне надо будет прийти в конфликт со словами Маркса, но это совершенно неважно, так как сущность марксизма — отнюдь не мертвый шаблон… Коммунизм Маркса, несомненно, может быть осуществлен в Китае»[198].

Соответственно из самого учения Маркса и Энгельса китайская радикальная молодежь легче всего уясняла резко революционные идеи классовой борьбы рабочих против капиталистов, антикапиталистической социальной революции и диктатуры пролетариата[199]. Среди же известных им работ классиков марксизма молодые китайские интеллигенты особенно выделяли откровенно публицистическую и политизированную, но зато исключительно страстную, зовущую к непосредственным революционным действиям брошюру молодых Маркса и Энгельса «Манифест Коммунистической партии».

Именно в «Манифесте» в первую очередь черпали китайские сторонники коммунизма подтверждение подлинно марксистского характера большевистской теории. В этом плане показательны, например, лекции Чэнь Дусю «Критика социализма», прочитанные в Юридическом институте в Кантоне и опубликованные 1 июля 1921 года в «Синь циннянь». Обильно цитируя «Манифест», а также «Критику Готской программы» и сравнивая содержащиеся в них идеи с теоретическими и политическими позициями российских коммунистов и германских социал-демократов, Чэнь Дусю приходил к заключению: «Только в России возродили истинную суть учения Маркса, назвав ее коммунизмом… Лишь русская компартия и по словам, и по делам своим является подлинно марксистской, а германская социал-демократическая партия не только забыла учение Маркса, но и совершенно ясно выступает против Маркса, хотя и рядится в тогу марксистов»[200]. О том же писал в конце декабря 1920 года член шанхайского коммунистического кружка Ли Да в статье «Возрождение Маркса»: «Марксов социализм уже полностью осуществлен в России… Ленин отнюдь не творец, его можно назвать практиком, однако он сумел и блестяще раскрыть истинную суть марксизма, и умело применить его. В этом величие Ленина, и современники должны преклоняться перед ним.

Извращенный Вильгельмом Либкнехтом, Бебелем, Бернштейном и Каутским марксизм к настоящему времени,

озаренный ленинским светом, смог возродить свой истинный облик»[201].

Все китайские последователи большевиков в начале 20-х годов сходились на том, что непосредственной целью их движения являлась подготовка собственного Октября. Китайская пролетарская революция, по их мысли, должна была уничтожить не только господство милитаристских сил, но и положить конец развитию капиталистических отношений в их стране: она должна была быть направлена как против старых эксплуататорских классов, так и новых, в том числе против национальной буржуазии. В то же время она рассматривалась и как антиимпериалистическая, целью которой считалось свержение засилья в Китае иностранного капитала. В результате такой революции в Китае, естественно, должна была быть установлена диктатура пролетариата[202].

К аналогичным мыслям в конечном счете пришел и Мао Цзэдун. Приняв большевизм, он больше не сомневался. В середине ноября 1920 года Мао приступил к строительству подпольных ячеек в Чанше. Еще в октябре он получил из Шанхая и Пекина уставы местных Социалистических союзов молодежи[203], поэтому неудивительно, что начал он с организации именно такого союза. С начала учебного года он работал директором начальной школы при Первом провинциальном педагогическом училище, то есть как раз имел дело с молодежью[13]. Пригласил его на этот пост ректор его альма-матер (то есть Первого провинциального педучилища) профессор И Пэйцзи, исполнявший к тому же обязанности министра просвещения в правительстве Тань Янькая[204].

Первым, к кому Мао обратился с предложением «поискать товарищей» для соответствующей работы, был его бывший ученик из начальной школы Сюе по имени Чжан Вэньлян[205]. В то время Чжан являлся уже студентом Первого провинциального педагогического училища, то есть шел по стопам своего преподавателя. Подходящих ребят Мао Цзэдун стал искать и среди студентов Хунаньского коммерческого профессионального училища и в Первой средней школе Чанши[206]. Действовал он осторожно и ту же линию поведения внушал Чжан Вэньляну. «Он… говорил [со мной] о Союзе молодежи, — записал в своем дневнике Чжан Вэньлян, — предлагая сейчас делать акцент на поиске настоящих товарищей. Лучше идти медленно, чем слишком торопиться»[207]. К началу декабря удалось подобрать более двадцати молодых человек, и вскоре, 13 января 1921 года, произошло официальное оформление хунаньского отделения Социалистического союза молодежи[208].

В ноябре 1920 года Мао получил письмо от Чэнь Дусю, который посоветовал ему организовать в Чанше и коммунистический кружок по типу шанхайского[209]. Предложение Чэня вызвало интерес не только у Мао Цзэдуна, но и у «Усатого Хэ», Пэн Хуана и еще одного приятеля Мао, Хэ Миньфаня, директора городской средней школы имени философа Чуаньшаня. В целях конспирации друзья провели собрание на кладбище!

Начало было положено. Теперь предстояло сделать все, чтобы убедить других членов общества «Обновление народа» принять большевистский «изм», превратив таким образом уже существовавшую, но до сих пор не определившую свое политическое лицо организацию в коммунистическую.

Пока все складывалось удачно, и Мао надеялся, что ему удастся завоевать на свою сторону других членов «Общества», по крайней мере тех из них, которые находились в Чанше. На личном фронте ему тоже везло. В конце сентября он начал встречаться с Кайхуэй, дочерью покойного Ян Чанцзи. Вместе с матерью и братом после смерти отца в январе 1920 года она вернулась в Хунань. Согласно обычаю семья привезла гроб умершего на родину, и там, в местечке Баньцан в шестидесяти *ли* к северу от Чанши, прах почтенного Яна был захоронен. После соблюдения положенного по закону траура Кайхуэй переехала на учебу в Чаншу, где поступила в женскую гимназию Сянфу[210]. Первое время молодые люди стеснялись друг друга и ездили на прогулки за реку в сопровождении Чжан Вэньляна и Тао И, которая, похоже, совсем охладела к Мао. Наш герой уже имел опыт общения с девушками, но с Кайхуэй долго не мог преодолеть застенчивость. Вместо любви они много говорили о политике. Мао рассказывал ей о Советской России, большевистской революции, знакомил с азами коммунизма. Под его влиянием Кайхуэй вступила в Социалистический союз молодежи. Но в конце концов нараставшее в обоих чувство вырвалось наружу. «Я увидела его сердце, — вспоминала позже Кайхуэй, — а он совершенно отчетливо увидел мое»[211].

Да, видно, они были созданы друг для друга. Куда только подевалась наивная вера Мао в свободную любовь? Зимой 1920 года они с Кайхуэй поженились[212]. От традиционной свадебной церемонии, правда, молодые единодушно отказались. Обошлись и без приданого, и без красного паланкина. Все это они отвергли как «мещанство»[213].

И до, и после свадьбы Кайхуэй страшно ревновала мужа к Тао И. Ей почему-то казалось, что тот старый роман продолжался[214]. Страхи усиливались, когда она подолгу не видела своего

возлюбленного. Денег, чтобы снять отдельную комнату, у них не было, а потому жили они по-прежнему порознь, встречаясь лишь по воскресным дням. Только «медовый месяц», длившийся всего несколько дней, провели вместе в Шаошаньчуне. Они приехали туда в начале февраля 1921 года, чтобы вместе с братьями Мао, их двоюродной сестрой Цзэцзянь, которую отец и мать Мао удочерили в 1912 году[215], и снохой Ван Шулань (женой брата Цзэминя) отпраздновать Чуньцзе, Новый год по лунному календарю[216]. Лишь в октябре 1921 года смогли они наконец снять небольшой деревянный домик из трех комнат на берегу пруда в городском предместье Циншуйтан, за малыми восточными воротами. Сюда Кайхуэй перевезла из деревни и свою маму, Сян Чжэньси. В Китае было принято делить кров с родителями: считалось, что несколько поколений должны жить под одной крышей[217]. Деньги на оплату жилья Мао получил из партийной кассы: к тому времени ему уже удалось не только коммунизировать общество «Обновление народа», но и вовсю развернуть подпольную большевистскую деятельность.

«ИДТИ ПО ПУТИ РУССКИХ»

Ранним утром 1 января 1921 года в верхнем этаже небольшого особняка за номером 56 по улице Чаоцзун, что в самом центре Чанши, в помещении магазина «Общества культурной книги», собралось более десяти человек. Вина и закусок не было, несмотря на первый день Нового года по григорианскому календарю. Молодые люди и девушки меньше всего думали о пирушке. Все они принадлежали к полулегальному обществу «Обновление народа» и собрались по призыву своих руководителей, Хэ Шухэна и Мао Цзэдуна, на особо важное заседание. В течение трех дней им предстояло обсудить много вопросов, главными из которых являлись следующие: какова должна быть общая цель организации, какие методы надо использовать для достижения этой цели и что следует сделать, чтобы начать внедрять эти методы немедленно? Заседание началось ровно в 9 часов 30 минут. Председательствовал «Усатый Хэ».

Первым выступил Мао Цзэдун: «Некоторые из нас предлагают организовать коммунистическую партию, в то время как другие хотят заниматься работой и учебой и перестраивать [систему] образования… Сегодня в Китае существуют две философские школы. Одна выступает за трансформацию, другая — за реформу. К первой принадлежат Чэнь Дусю и другие; ко второй — Лян Цичао, Чжан Дунсунь [видный последователь Лян Цичао] и другие»[218]. После этого начались дебаты.

Дискуссия проходила бурно, вопросы вызывали горячие споры. Все понимали, что от того, как большинство участников проголосуют, зависит будущая политическая программа организации. Речь-то ведь шла о том, принимать или нет большевизм. Все утро первого дня, однако, ушло на обсуждение общих проблем; к главной теме собрания приступить так и не удалось. В половине двенадцатого заседание было прервано, собравшиеся пообедали и разошлись. Решающие споры были перенесены на следующий день, который должен был стать решающим.

2 января в 9 часов утра все уже были на месте. Прослышав об интересной дискуссии, явились и новые люди. В комнату в целом набилось восемнадцать человек. «Усатый Хэ» вновь занял председательское место.

Прежде всего большинством голосов участники собрания постановили сохранить, по существу, прежнюю формулировку общей цели: «Преобразование Китая и всего мира». Затем

перешли ко второму вопросу. Вновь первым взял слово Мао. Он сообщил о полученных им недавно письмах Цай Хэсэня, в которых тот, как мы знаем, предлагал членам общества принять «радикальный тип коммунизма (доктрину Ленина)». Мао при этом напомнил, что помимо ленинского в мире есть, вообще-то говоря, и другие методы решения общественных проблем: «социальная политика», «социал-демократия», «умеренный тип коммунизма (доктрина Рассела)» и «анархизм». После этого он предложил товарищам высказываться по кругу. «Я выступаю за радикализм, — начал „Усатый Хэ“. — Одно мгновение переворота стоит двадцати лет просвещения. Я твердо верю в это». Старшего товарища тут же поддержал Мао Цзэдун: «Социальная политика — это совсем не метод, потому что все, на что она годится, это латать дыры. Социальная демократия апеллирует к парламенту как средству преобразования вещей, но в действительности законы, принимаемые парламентом, всегда стоят на страже имущих классов. Анархизм отрицает власть, и я боюсь, что такую доктрину нельзя будет осуществить. Умеренный тип коммунизма, так же как и абсолютная свобода, за которую ратует Рассел, дает возможность хозяйничать капиталистам, а потому он тоже никогда не будет работать. Радикальный же тип коммунизма или, иначе, идеология рабочих и крестьян, под которой подразумевается метод кларсовой диктатуры, может принести результаты. Поэтому он и является наилучшим методом для нас».

Солидарность с Мао и Хэ выразил и Пэн Хуан, заявивший: «В Китае вплоть до настоящего времени никогда не было „изма“ демократии… Естественные условия в Китае, такие, как социальная организация, индустриальное положение, сознание народа, очень близки к тому, что имеется в России. Поэтому русский радикализм может быть осуществлен в Китае. В то же время нам не надо огульно копировать [этот] радикализм. Что нам нужно, это просто заимствовать его дух или, другими словами, применять революционный социализм».

С тем, что российский вариант социализма надо принять именно потому, что «в Китае общество апатично, а человек по своей природе деградировал… нет ни организации, ни воспитания», были согласны большинство присутствовавших. «Раз люди сами не могут себя осчастливить, загоним их в счастье железной рукой» — эта экстремистская формула особенно импонировала молодым хунаньским «якобинцам». В итоге из восемнадцати собравшихся двенадцать проголосовали за большевизм[219].

Мао мог торжествовать. Коммунистическая организация в Чанше была создана, и он сыграл в этом событии ключевую роль.

Но сразу после успеха на него вдруг напала депрессия. Он и раньше, как мы знаем, был склонен к самоанализу, а теперь просто занялся самокопанием. «Тварь я дрожащая или право имею?» — вот суть его интроспекции. Знакомый вопрос, не правда ли? В письме Пэн Хуану, написанном им тогда под влиянием минуты, наш «Раскольников» нашел у себя восемь «недостатков», которые не давали ему, с его точки зрения, превратиться в *цзюньцзы* (то есть в «совершенномудрого»). Иными словами, мешали стать действительно исключительным человеком — вождем, сделаться которым ему всегда так страстно хотелось. Вот эти «недостатки»: 1) слишком эмоционален, весь во власти чувств; 2) субъективен в оценках; 3) немного тщеславен; 4) довольно высокомерен; 5) редко занимаюсь самоанализом, спешу винить других и не очень-то желаю признавать свои промахи; 6) люблю поговорить, но слаб, когда дело доходит до систематического анализа; 7) слишком высоко себя ставлю и чересчур поверхностен в самооценках; и наконец, 8) слабоволен[220]. В этом последнем «очень большом грехе» ему особенно стыдно было признаться: ведь он так настойчиво культивировал в себе железную силу духа.

Мао закончил письмо старому другу откровенным признанием в том, что им движет «стремление доминировать и нежелание подчиняться чьей-либо воле»: «Я не хочу жертвовать собственным я. Я [подчеркнуто] не хочу превращаться в марионетку!»[221]

«Достоевщина» у Мао, правда, прошла так же быстро, как началась. И в своем праве на власть он уже никогда не сомневался. Остается только удивляться, что такое письмо сохранилось.

Между тем события развивались. К лету 1921 года в Китае существовало уже шесть коммунистических ячеек. Помимо Шанхая, Пекина и Чанши, партийные группы имелись в Кантоне, Ухани и Цзинани. Крошечная группка была организована в Японии прибывшими туда на учебу членами шанхайского кружка Ши Цуньтуном и Чжоу Фохаем. Чэнь Дусю рассылал по всем этим организациям письма для установления «предмета обсуждения на [объединительной] конференции, а также места и времени»[222]. В конце концов все было готово для проведения Учредительного съезда Компартии Китая. Местом его проведения был выбран Шанхай.

3 июня 1921 года в Китай прибыл новый представитель Коминтерна, в задачу которого входило содействие китайским большевикам в проведении форума. Это был Маринг (именно под этим псевдонимом он фигурировал в анкетах ИККИ),

голландский еврей, уроженец города Роттердама, один из старейших деятелей голландского социал-демократического и коммунистического движения.

В своей жизни Маринг (Ма Линь — так именовали его китайцы) часто менял имена. Был он известен и как Мартин Иванович Бергман, и как Браун, и как Баанбреккер. Кому-то представлялся как Мандер, а кому-то как товарищ Филипп. Кто-то знал его как мистера Сентота или Симонса, а кто-то — как Джо ван Сона или Джека Хорнера. В Шанхай он приехал под именем господина Андерсона. Однако настоящая его фамилия была Снефлит. Гендрикус Джозефус Франсискус Мари Снефлит.

В отличие от Войтинского, который, кстати говоря, ко времени прибытия Маринга уже покинул Китай, новый эмиссар ИККИ особой деликатностью не отличался. Он знал себе цену. Ведь его направил в Китай не Владивосток; он был спецагентом Москвы и в кулуарах Кремля запросто общался с Лениным и Троцким, Зиновьевым и другими вождями. К тому времени, как он приехал, ему исполнилось уже тридцать восемь лет. За эти годы он успел зарекомендовать себя как крупный организатор рабочего движения не только у себя в Нидерландах, но и на острове Ява, входившем в состав колониальной Голландской Индии (нынешней Индонезии). На Яве он находился с 1913 по 1918 год, активно участвуя в национально-освободительной борьбе туземного населения. В мае 1914-го способствовал образованию Социал-демократической ассоциации Голландской Индии, которая уже после его отъезда, весной 1920-го, была реорганизована в коммунистическую. Именно своей «азиатской биографией» он и привлек внимание коминтерновских руководителей, а потому, приехав в июне 1920 года в Москву, стал вхож в кремлевские кабинеты. В июле — августе 1920 года на проходившем в Москве II конгрессе Коммунистического Интернационала Маринг исполнял обязанности секретаря комиссии по национальному и колониальному вопросам, председателем которой был Ленин. На том же конгрессе его избрали членом руководящего органа Коминтерна — ИККИ. Так что по всем официальным параметрам Войтинского он превосходил. Но именно поэтому-то многим китайским

коммунистам и не понравился. Особенно раздражала его «бесцеремонность». Элегантный, напыщенный джентльмен, одетый в серую тройку, с галстуком-бабочкой, Маринг чем-то напоминал тех самых надменных колонизаторов, против которых сам же боролся. По крайней мере, именно такое впечатление он произвел на Чжан Готао при первой же встрече. «С этим агрессивным заморским дьяволом было трудно найти общий язык, — вспоминает Чжан. — …Этот физически здоровый голландец был несколько похож на прусского офицера. Но его речь свидетельствовала о его таланте полемиста парламентского типа. Иногда его голос звучал сурово, и он подавлял людей своими идеями… Он считал себя в Коминтерне высшим авторитетом по Востоку, а потому очень гордился… Он думал, что прибыл сюда как ангел, чтобы освободить народ Азии. Но с нашей точки зрения, с точки зрения людей, полных самоуважения и стремившихся к освобождению, ему было присуще чувство социального превосходства белого человека»[223].

Одновременно с Марингом и с той же целью в Китай под псевдонимом Никольский прибыл еще один посланец Советской России, Василий Берг (партийные клички — Василий, Васильев). Он был направлен в Шанхай из Иркутска Дальневосточным секретариатом ИККИ, специальным региональным органом Коммунистического Интернационала, созданным в январе 1921 года[224]. Был он, по воспоминаниям того же Чжан Готао, «молчалив и производил впечатление прямого человека»[225]. В поездке его сопровождала жена. Чэнь Дусю, однако, в то время в Шанхае не было. В декабре 1920 года по приглашению южнокитайского милитариста Чэнь Цзюнмина, за два месяца до того захватившего власть в столице провинции Гуандун, он выехал в Кантон, где занял пост председателя Гуандунской провинциальной комиссии народного просвещения. Генерал Чэнь Цзюнмин, ничем, по сути, не отличавшийся от других олигархов, старался в то время в тактических целях привлечь на свою сторону известных общественных деятелей. Он рядился в тогу либерала и на всех углах клялся в верности демократии. Ему удалось пустить пыль в глаза не только профессору Чэню, но и самому Сунь Ятсену. Бывший временный президент Китайской Республики испытал уже немало падений и взлетов. Проведя более двух с половиной лет в эмиграции (он, как мы помним, выехал в Японию в ноябре 1913 года после того, как Юань Шикай

поставил его партию Гоминьдан вне закона), Сунь смог вернуться на родину только после смерти Юаня, в конце июня 1916 года. Он поселился в Кантоне. Между тем новый президент Китая, генерал Ли Юаньхун, попытавшийся на первых порах восстановить попранную своим предшественником конституцию, под давлением северокитайской военщины был вынужден распустить парламент. В июне 1917 года возмущенные поведением президента депутаты стали съезжаться в Кантон, где начали группироваться вокруг Сунь Ятсена. 18 сентября парламент возобновил работу в этом южнокитайском городе. В стране формально возникло двоевластие (на самом деле властей, как мы знаем, было гораздо больше: каждый местный милитарист считал себя фактически независимым). 3 октября 1917 года Сунь Ятсен был избран генералиссимусом Южного Китая. Но удержаться у власти ему и на этот раз не удалось: своей армии у него по-прежнему не было, а его авторитета на всех олигархов не хватало. В начале мая 1918 года главарь военной клики из соседней с Гуандуном провинции Гуанси генерал Лу Жунтин потребовал его смещения, и доктору Суню ничего не оставалось, как ретироваться в Шанхай. Там он обосновался вместе с красавицей женой, Сун Цинлин, на территории французской концессии, в дорогом, утопавшем в зелени двухэтажном особняке под номером 29 по улице Мольера, подаренном ему патриотически настроенными канадскими китайцами. В этом доме он оставался вплоть до того момента, пока новый милитарист, Чэнь Цзюнмин, не разбил Лу Жунтина и не пригласил незадачливого генералиссимуса вернуться. Между прочим, Чэнь был членом партии Сунь Ятсена, так что причины доверять ему у шанхайского изгнанника имелись. В конце ноября 1920 года доктор Сунь вновь прибыл в Кантон, где 7 апреля 1921 года был уже провозглашен чрезвычайным президентом Китайской Республики. Хитрый Чэнь Цзюнмин до того старался быть «своим», что смутил даже видавших виды агентов Коммунистического Интернационала. Войтинский, посетивший Кантон в январе 1921 года и побеседовавший с «народным» генералом, отнесся к нему с большой симпатией[226], а советник советской дипломатической миссии в Китае, старый большевик Владимир Дмитриевич Виленский-Сибиряков в письме к Ленину вообще характеризовал его как одного из «наиболее крупных деятелей молодого, раскрепощающегося Китая», которого «можно ставить [в ряд] с доктором Сунь Ятсеном» — «по политическому стажу, преданности революционной идее и организаторскому дарованию»[227]. Забегая вперед, скажем, что не пройдет и полутора лет, как в июне 1922 года Чэнь Цзюнмин поднимет

мятеж против несчастного Сунь Ятсена, и тот через два месяца вынужден будет опять бежать в тот же Шанхай.

Пока же в Гуандуне, казалось, наступали новые времена, а потому Чэнь Дусю с одобрения членов коммунистических кружков принял предложение Чэнь Цзинмина стать «китайским Луначарским»[228]. В связи с этим по предложению представителей ИККИ решено было проводить Учредительный съезд КПК (Коммунистической партии Китая) без него. Не мог приехать в Шанхай для участия в форуме и Ли Дачжао, загруженный работой в Бэйда, но и это не смутило Маринга и Никольского. В июне 1921 года Ли Да, замещавший Чэнь Дусю, разослал от имени шанхайской группы во все коммунистические организации страны соответствующее уведомление с предложением прислать на съезд в Шанхай по два представителя[229]. 9 июля Маринг отправил секретное донесение в Москву: «Надеюсь, что конференция, которую мы собираем в конце июля, принесет большую пользу нашей работе. Небольшие группы товарищей будут сплочены. После этого можно будет начать централизованную работу»[230].

Наконец к 23 июля все было готово. Делегаты (двенадцать человек — по два от Шанхая, Пекина, Ухани, Чанши и Цзинани и по одному от Кантона и Токио) собрались. Среди них были и Мао Цзэдун, и «Усатый Хэ»: их как своих лидеров направили в Шанхай члены хунаньского кружка.

Мао и Хэ выехали из Чанши на пароходе вечером 29 июня и добрались до Шанхая (через Ухань и Нанкин) только через неделю. На пристани их встречала связная, жена Ли Да, Ван Хуэйу, член Социалистического союза молодежи, отвечавшая за размещение делегатов. Как и остальных гостей, она устроила их в общежитии женской гимназии Бовэнь на территории французской концессии. Директором этого учебного заведения была ее знакомая, некая госпожа Хуан Шаолань, которая, разумеется, ничего не подозревала. Она была даже рада подзаработать, так как общежитие летом пустовало, а Ван Хуэйу сказала ей, что временное жилье нужно было группе профессоров и студентов, прибывавших в город на научный симпозиум. За все про все госпоже Хуан заплатили немного: двадцать юаней, но, впрочем, этого было достаточно: в комнатах общежития не было кроватей, и спать заезжим «профессорам и студентам» пришлось на полу[231].

В работе съезда, открывшегося 23 июля в одной из комнат того же общежития[232], участвовали пятнадцать человек. Помимо двенадцати делегатов, Маринга и Никольского присутствовал еще и спецпредставитель от Чэнь Дусю, один из организаторов уханьской партийной группы, Бао Хуэйсэн. Самым молодым был

Лю Жэньцзин: в марте 1921 года ему исполнилось только девятнадцать лет. Самым пожилым — сорокапятилетний «Усатый Хэ». Возраст, правда, не имел для собравшихся никакого значения: конфуцианские обычаи уважения старших, как и вся традиционная культура Китая, отвергались ими с порога.

Через два дня после открытия съезда заседания были перенесены в расположенный неподалеку дом одного из участников, Ли Ханьцзюня. Место было выбрано Марингом по конспиративным соображениям. Ли Ханьцзюнь приходился младшим братом известному в Китае военному и политическому деятелю Лю Шучэну, одному из богатейших людей в Шанхае. Семействам Лю и Ли принадлежали два соседних особняка на территории французской концессии. В одном из них, угловом здании под номером 106 по улице Ванчжилу (оно же числилось и под номером 3, но по переулку Шудэли), и были продолжены заседания Учредительного съезда КПК. Маринг надеялся, что шпики сюда не сунутся.

Дом Ли Ханьцзюня до сих пор стоит на своем месте. С 1952 года в нем находится музей I съезда китайской компартии. Красивое кирпичное здание в два этажа, холодное и безжизненное, как все исторические музеи. Болтливый экскурсовод ведет вас через внутренний дворик в ничем не примечательную восемнадцатиметровую комнату на первом этаже, посередине которой стоит большой четырехугольный обеденный стол, а вокруг него — стулья и табуретки. На столе — изящный чайный сервиз, стеклянная цветочная ваза и медная пепельница. У одной из стен — еще один, маленький, столик. Все восстановлено так, как было тогда, в 1921 году. Смотришь и не веришь глазам. Вот оно, это место: именно здесь много лет назад несколько человек вырабатывали программные установки партии, которая спустя всего двадцать восемь лет подчинила своему диктату полмиллиарда людей!

В конце июля 1921 года в перспективу столь быстрого захвата власти во всем Китае всерьез не верили даже сами участники съезда. Ведь в рядах КПК насчитывалось тогда всего 53 человека[233]. Собравшись у Ли Ханьцзюня в его новом доме (особняк был построен всего за год до этого), они лишь намечали контуры будущей кровавой борьбы за социалистическую революцию. Председателем съезда был избран делегат от Пекина, знакомый нам Чжан Готао. Мао Цзэдуна же и приехавшего из Японии Чжоу Фохая попросили стать секретарями. Занятый ведением протокола, Мао особой активности не проявлял. Он выступил всего один раз: с кратким докладом о большевистской группе в Чанше. Позже, правда, в период становления культа

личности Мао Цзэдуна, один из его старых друзей и первых биографов, Сяо Сань, напишет, что Мао «резко выделялся из делегатов своей яркой конкретной речью и реальными результатами своей работы»[234]. Но так ли это было на самом деле, судить трудно. Сяо Саня на съезде не было, и на чем основывался его рассказ, неизвестно: текст речи Мао не сохранился. Судя по воспоминаниям Чжан Готао, Мао был «бледен лицом», но «проявлял довольно живой темперамент. В длинном традиционном халате он походил на даоского монаха из какой-то деревни… Он обладал большим объемом элементарных знаний… И как хороший полемист… любил поспорить, расставляя собеседнику ловушки. Если же тот попадал в них и начинал противоречить сам себе, удовлетворенно смеялся»[235].

Сам Чжан, наряду с Ли Ханьцзюнем, Бао Хуэйсэном и Лю Жэньцзином, выказывал наибольший энтузиазм. Особенно неистовал «книжный червь»[236] Лю Жэньцзин. Он, в частности, выступил с предложением четко определить в партийной программе, что только диктатура пролетариата может спасти Китай. Спустя много лет Лю вспоминал: «Я заявил так потому, что к тому времени в Пекинском университете уже прочитал „Критику Готской программы“ Маркса, в которой, в частности, говорилось, что в переходный период от капитализма к коммунизму может осуществляться только диктатура пролетариата… Так проявлялось влияние на меня идей Маркса»[237]. О том же говорит Чжан Готао, замечая, что Лю Жэньцзин в период съезда со всеми, кого встречал, сразу заговаривал о диктатуре пролетариата и «бушевал без конца»[238].

Но волноваться-то было незачем. Большинство съезда за исключением хозяина дома твердо стояли за то же самое. Осторожного Ли Ханьцзюня, хорошо разбиравшегося в экономическом учении Маркса, а потому советовавшего не спешить с социалистической революцией в отсталой стране, быстро забили. В подготовленных редакционной комиссией съезда документах ясно ощущалось «чистое дыхание» большевизма. Вот как были определены программные принципы КПК: «а) вместе с революционной армией пролетариата свергнуть капиталистические классы, возродить нацию на базе рабочего класса и ликвидировать классовые различия; б) установить диктатуру пролетариата, чтобы довести до конца классовую борьбу вплоть до уничтожения классов; в) ликвидировать капиталистическую частную собственность, конфисковать все средства производства, как то: машины, землю, постройки, сырье и т. д., и передать их в общественную собственность; г) объединиться с III [то есть Коммунистическим]

Интернационалом»[239]. Этот курс определил и избранную на съезде тактическую линию: «Наша партия одобряет форму советов, организует промышленных и сельскохозяйственных рабочих, солдат, пропагандирует коммунизм и признает социальную революцию в качестве нашей главной политической установки. Она полностью порывает все связи с желтой интеллигенцией и с другими подобными группами»[240].

Последний тезис, прозвучавший в «Программе Коммунистической партии Китая», получил дальнейшее обоснование и развитие в «Решении о целях КПК». «В отношении существующих политических партий, — записано в документе, — должна быть принята позиция независимости, наступательности и недопущения их в свои ряды. В политической борьбе, в выступлениях против милитаризма и бюрократии, в требованиях свободы слова, печати и собраний мы обязаны открыто заявлять о своей классовой позиции; наша партия должна защищать интересы пролетариата и не вступать ни в какие отношения с другими партиями или группами»[241].

Изоляционистской позиции придерживались члены компартии и по отношению к такой национально-революционной организации Китая, как Гоминьдан, возглавлявшейся Сунь Ятсеном. В «Манифесте» съезда подчеркивалось, что кантонское правительство Сунь Ятсена ничуть не лучше правительства северных милитаристов[242] (и это несмотря на то, что одним из министров его был Чэнь Дусю!). Как видно, юные сторонники коммунизма в Китае кое в каких вопросах были даже радикальнее Ленина и Троцкого: последние, например, никогда не зарекались от какого бы то ни было сотрудничества с другими политическими силами. Но уж слишком велико, похоже, было желание китайских левых радикалов, только что официально порвавших с либерализмом, заявить о своей действительной идейной и организационной конституционализации!

От такого революционизма головы пошли кругом даже у Маринга и Никольского. Первый попытался вмешаться. Он рассказал собравшимся о своей деятельности на острове Ява, которая была связана с налаживанием сотрудничества между Социал-демократической ассоциацией Голландской Индии и туземными националистами[243]. Он объяснил, что демократы бывают разные, и в подтверждение своей точки зрения сослался на кардинальные решения по национальному и колониальному вопросам II конгресса Коминтерна, состоявшегося за год до того[244].

Дело заключалось в том, что уже с конца ноября 1919 года Ленин, а затем и другие московские руководители начали

осознавать тот факт, что распространение большевистской теории за восточными пределами Советской России наталкивалось на серьезные препятствия. Помимо узких групп левых радикалов никто на Востоке, казалось, не стремился встать под большевистские знамена. Большинство интеллигенции придерживалось националистических взглядов. Идеи национализма в отличие от абстрактного интернационализма, за которые ратовал Коминтерн, легче воспринимались массами. К лету 1920 года Ленин окончательно понял, что тактика «чистого» большевизма, нацеленного на подготовку социалистической революции, вряд ли в таких условиях могла быть на Востоке успешной. Данное обстоятельство заставило его внести определенные коррективы и в свое понимание мировой социалистической революции. Он начал воспринимать ее не только и не столько как борьбу «революционных пролетариев в каждой стране против своей буржуазии», но и как борьбу «всех угнетенных империалистами колоний и стран, всех зависимых стран против международного империализма»[245]. Сказанное имеет прямое отношение к тем принципам, которые определили новую коминтерновскую политику в Китае. В ее основу была положена особая теория антиколониальных революций, к формированию которой Ленин вплотную приступил летом 1920 года, накануне II конгресса Коминтерна.

Существо этой концепции сводилось к следующему: социальное освобождение трудящихся масс отсталых в промышленном отношении колониальных и полуколониальных стран Востока, основную часть населения которых составляет полупатриархальное и патриархальное крестьянство, немыслимо без предварительного свержения господства в этих странах иностранного империализма. Вследствие этого революции на Востоке, в том числе в Китае, являются не социалистическими, а национальными. В ходе этих революций местные коммунисты, вдумчиво относясь к национальным устремлениям широких масс (без чего вообще невозможно превращение коммунистических организаций восточных стран в настоящие партии), обязаны поддерживать буржуазные освободительные движения колониальных и зависимых наций. Именно в этих движениях, а не изолируя себя от них, коммунисты должны были взять на себя роль руководителей масс. Тем самым они обязаны были превратить национальные выступления в буржуазные революции нового типа, стараясь посредством пропаганды идеи советов эксплуатируемых придавать им как можно более демократический характер; там же, где только позволяли условия, они должны были немедленно делать попытки к

созданию советов трудящегося народа, переводя свои страны на путь некоего «некапиталистического развития»[246].

Разъясняя эту концепцию с трибуны II Всемирного конгресса Коминтерна, Ленин особое внимание обращал на временность нового курса, подчеркивая, что он носит чисто тактический характер. По его словам, выходило, что большевики, признавая национальный характер революционного движения на Востоке и поддерживая восточных национал-революционеров в их борьбе против империализма и феодальной реакции, вместе с тем будут делать все от них зависящее, чтобы при случае помочь своим коммунистическим организациям в этих странах свернуть головы этим националистам. Он утверждал, что коммунисты должны оказывать поддержку буржуазной демократии стран Востока лишь в том случае, если ее представители являются действительно национальными революционерами, не препятствующими коммунистам в воспитании и организации в наиболее революционном (фактически коммунистическом) духе крестьянства и широких масс эксплуатируемых, в поддержке их борьбы против помещиков и всяких проявлений феодализма, а также в безусловном сохранении самостоятельности пролетарского движения даже в зачаточной его форме. Ленин даже говорил о том, что, если буржуазные демократы будут чинить коммунистам препятствия в укреплении их организаций и в осознании их особых задач, задач борьбы с буржуазно-демократическими движениями внутри их наций, то в этом случае коммунисты обязаны будут бороться против реформистской буржуазии[247]. Иными словами, поддерживать-то мы национал-революционеров будем, но только в том случае, если они не будут мешать нам организовывать массы на борьбу против этих же самых национал-революционеров![248]

Все это Маринг попытался донести до собравшихся, сделав упор на том, что политика большевиков в Китае должна быть гибкой. Однако речь Маринга не произвела никакого впечатления на делегатов. Первым сторонникам коммунизма в Китае было чрезвычайно трудно осознать необходимость одновременного постижения как теории классовой борьбы пролетариата против буржуазии, так и концепции антиимпериалистического сотрудничества. Коммунизм манил их главным образом своей революционностью, романтикой классовых битв, эгалитарными идеалами.

Не смог тогда принять концепцию Ленина и Мао Цзэдун, несмотря на то, что, по его же словам, «давно уже понял, что в этом мире самыми твердыми оказываются только те, кто проявляют исключительную мягкость». Но таково уж было

свойство его натуры. Горячий шаошанец, по его же словам, был в молодые годы часто «не в состоянии следовать этой истине», которую в Китае изрек еще Лаоцзы. Я «сознательно отвергал ее, — признавался он в минуту откровения, — и поступал прямо противоположно без всякого сожаления»[249].

Участники съезда были уже готовы подвести итоги, как вдруг вечером 30 июля какой-то мужчина средних лет в черном халате заглянул к ним в комнату. На вопрос, кто он такой, незнакомец пробурчал, что он ищет директора издательства господина Вана (самая распространенная в Китае фамилия, все равно что у нас Иванов). Он тут же исчез, но Маринг очень взволновался и велел всем разойтись. Остались только хозяин и его приятель, делегат от Кантона Чэнь Гунбо. Не прошло и четверти часа, как в особняк нагрянула французская полиция.

— Кто хозяин дома? — спросил инспектор по-французски.

— Я, — ответил Ли Ханьцзюнь, неплохо знавший этот язык.

— Что у вас было за собрание?

— Никакого собрания не было, — возразил Ли. — Просто несколько профессоров из Пекинского университета обсуждали планы издательства «Новая эпоха» [такое издательство действительно существовало с июня 1921 года; было оно легальным и официально к коммунистам отношения не имело, хотя тайно и финансировалось Коминтерном].

— А почему в доме так много книг?

— Я учитель. Эти книги нужны мне для работы.

— А зачем вам столько книг о социализме?

— Я по совместительству работаю редактором; что мне дают, то я и просматриваю.

— У вас тут были двое иностранцев. Кто они?

— Это два англичанина, профессора из Бэйда. Приехали в Шанхай на летние каникулы да и зашли поболтать.

Затем инспектор стал допрашивать Чэнь Гунбо по-английски. Французского Чэнь не знал.

— Вы японец? — почему-то спросил он.

— Нет, — ответил Чэнь. — Я приехал из Гуандуна.

— Зачем вы приехали в Шанхай?

— Я профессор Гуандунского юридического института. Сейчас у меня летние каникулы, вот и приехал в Шанхай поразвлечься.

— Где вы остановились?

— Здесь.

Потоптавшись еще немного, полицейские осмотрели дом. Но, по-видимому, не очень старались, так как ничего не нашли. Это и спасло Ли Ханьцзюня и Чэнь Гунбо. Ведь в одном из ящиков стола

в спальне Ли лежал проект «Программы Коммунистической партии Китая»!

Глубокой ночью заговорщики собрались в доме у Чэнь Дусю, где жили Ли Да и Ван Хуэйу. Было понятно, что продолжать заседания в Шанхае уже нельзя. Мао Цзэдун считал, что надо уехать куда-нибудь подальше, но Ван Хуэйу предложила перебраться в ее родной городишко Цзясин, расположенный на берегу озера Наньху, примерно в 120 *ли* к югу, в провинции Чжэцзян. Там можно было нанять лодку и провести заключительное собрание на озере. Почти все согласились, только несколько человек по разным причинам решили не ехать. Чэнь Гунбо, например, был страшно напуган. Ведь в Шанхай он приехал с молодой женой, а теперь их медовый месяц грозил обернуться трагедией! Договорившись с Ли Да, он вместе с супругой срочно выехал на несколько дней в город Ханчжоу (провинция Чжэцзян), более чем за двести *ли* к югу от Шанхая. Не дожидаясь окончания съезда, вернулся в Хунань Хэ Шэхэн: большинство делегатов считали, что он ничего не понимает в марксизме, а потому попросили Мао отправить его домой под каким-нибудь благовидным предлогом. В связи с тем, что за его домом была установлена слежка, не смог покинуть город Ли Ханьцзюнь. Да и Маринг с Никольским тоже решили не выезжать из Шанхая, чтобы не привлекать к себе внимания.

31 июля рано утром оставшиеся десять участников форума, в том числе и Мао, в сопровождении Ван Хуэйу отправились на поезде в Цзясин. Вместе с ними поехал и Сяо Юй, старый друг Мао Цзэдуна, который, оказавшись в Шанхае и узнав о съезде от Мао, решил посмотреть, чем дело кончится. Ван разместила всех в местной дорогой гостинице с совсем не подходившим к данному случаю названием — «Счастливые супруги». В этом отеле они и наняли лодку. Умывшись и позавтракав, около десяти утра Мао и все остальные, за исключением Сяо Юя, отправились на озеро. Лодка оказалась достаточно просторной, с большой каютой. В ней все разместились и поплыли на середину озера. Им повезло. Погода была неважная, моросил мелкий дождь, поэтому отдыхающих было совсем немного. После обеда их вообще почти не осталось.

В отсутствие представителей Коминтерна делегаты приняли «Программу», «Решение о целях КПК» и «Манифест» в крайне левых, ультрареволюционных редакциях. Они, похоже, чувствовали себя героями и никого не боялись. После этого единогласно избрали Чэнь Дусю секретарем Центрального бюро партии. (В 1922 году пост секретаря будет переименован в пост председателя Центрального исполнительного комитета, а в 1925

году — Генерального секретаря ЦИК; Чэнь Дусю будет занимать его вплоть до июля 1927 года.) В Центральное бюро вошли еще два человека: Чжан Готао (ответственный за оргработу) и Ли Да (ответственный за пропаганду). В отсутствие Чэнь Дусю обязанности секретаря были возложены на Чжоу Фохая.

Было уже шесть часов вечера, но возвращаться на берег никто не хотел. Сидя в лодке, молодые люди дружно кричали: «Да здравствует Коммунистическая партия Китая!», «Да здравствует Третий Интернационал!», «Да здравствует коммунизм — освободитель человечества!»[250] Отвечало ли им эхо или нет, неизвестно.

Часть III
НАЦИОНАЛИЗМ ИЛИ СОЦИАЛИЗМ?

УРОКИ БОЛЬШЕВИСТСКОЙ ТАКТИКИ

То, что делегаты съезда проявили излишний норов, пойдя наперекор директивам представителей Коминтерна, сразу же дошло до Маринга. А он терпеть непослушания со стороны политических малолеток не собирался. После форума он потребовал от Чэнь Дусю (через его представителя Бао Хуэйсэна) немедленно вернуться в Шанхай и взять на себя непосредственное руководство партией[1]. И, несмотря на то, что у Чэня имелись свои планы (он, например, полагал целесообразным перевести штаб-квартиру КПК в Кантон[2]), «китайский Луначарский» вынужден был подчиниться. Портить только что установившиеся отношения с Москвой ему не хотелось. В сентябре 1921 года он ушел в отставку с поста председателя Гуандунской провинциальной комиссии народного просвещения и прибыл в Шанхай.

Между тем сам Маринг, игнорируя решения съезда КПК, отправился на юг Китая для того, чтобы обсудить возможность организации единого антиимпериалистического фронта компартии с Сунь Ятсеном. В конце декабря 1921 года в городе Гуйлине (провинция Гуанси) он встретился с доктором Сунем[3]. В ходе бесед, которые переводил сопровождавший Маринга член пекинской организации КПК Чжан Тайлэй, речь шла и о возможности установления секретного союза Гоминьдана с Советской Россией. Маринг, кроме того, выдвинул предложения об ориентации Гоминьдана на поддержку народных масс, о создании школы по подготовке военных кадров китайской революции, а также об организации из Гоминьдана сильной политической партии, которая бы объединила представителей различных слоев общества. Он выступил перед офицерами войск, лояльных Сунь Ятсену, с докладом о Советской России.

Поездка на юг и беседы с Сунь Ятсеном и другими гоминьдановскими руководителями, а также с Чэнь Цзюнмином, знакомство с достижениями гоминьдановцев в организации рабочего движения укрепили решимость Маринга максимально способствовать тому, чтобы лидеры КПК отказались «от своего одностороннего положения по отношению к Гоминьдану». Более того, Маринг пришел к мысли о том, что китайским коммунистам следует войти в суньятсеновскую партию для того, чтобы «развить политическую деятельность *внутри* Гоминьдана». Таким путем, считал он, КПК будет легче связаться с рабочими и солдатами Южного Китая, где власть находилась в руках сторонников Сунь Ятсена. Разумеется, подчеркивал Маринг, КПК не должна была

«отказаться от своей самостоятельности. Наоборот, товарищи должны [были] вместе обсудить, какой тактики держаться внутри Гоминьдана… Виды на пропаганду этих маленьких групп [коммунистов], пока они организационно не соединятся с Гоминьданом, — заключал он, — очень печальны»[4].

Инициатива Маринга о вступлении коммунистов в Гоминьдан получила одобрение Сунь Ятсена, а также ряда других руководящих деятелей Гоминьдана, которые заверили представителя Коминтерна, что не будут препятствовать коммунистической пропаганде внутри своей партии. К межпартийному же сотрудничеству Гоминьдана и КПК Сунь Ятсен отнесся пессимистически[5].

Вернувшись в Шанхай, Маринг рассказал о беседах с доктором Сунем лидерам китайской компартии, посоветовав им обдумать свое новое предложение о развитии КПК внутри Гоминьдана. Вряд ли следует говорить, что оферта Маринга вызвала у Чэнь Дусю и других вождей партии священный ужас. Она была с порога отвергнута, о чем Чэнь Дусю тут же сообщил находившемуся в Москве Войтинскому[6]. Разозлившись, эмиссар Коминтерна в конце апреля 1922 года выехал жаловаться в Москву. Ни с кем из своих китайских знакомых он даже не попрощался. Исключение составила лишь его кратковременная шанхайская подружка, которая, разумеется, ни к какому коммунистическому движению отношения не имела[7].

В спорах о едином фронте Мао Цзэдун встал, разумеется, целиком на сторону своего учителя, профессора Чэня, которого поддержали и все остальные коммунисты Чанши. Любые формы взаимодействия с Гоминьданом отвергли и члены партячеек Гуандуна, Шанхая, Пекина и Хубэя, то есть подавляющее большинство китайских коммунистов[8]. Главным своим делом они все считали тогда строительство собственных партийных организаций и развитие под эгидой компартии рабочего движения.

К активизации партийной работы и созданию профсоюзов сразу же после приезда в Чаншу из Шанхая приступил и Мао. Вернулся он домой, правда, только в середине августа, поскольку по дороге остановился на несколько дней в Нанкине, где на летних подготовительных курсах Юго-Восточного университета обучалась Тао И[9]. (Бог их знает, может, подозрения Кайхуэй имели под собой основания?) В Чанше он немедленно основал Хунаньское отделение Всекитайского рабочего секретариата (штаб-квартира последнего была создана как раз в то время в Шанхае по решению Учредительного съезда КПК)[10]. И сразу же должен был вступить в контакт с местными анархистами, которые

являлись подлинными пионерами рабочего движения в Хунани. Их главарей звали Хуан Ай и Пан Жэньцюань, а рабочий профсоюз, ими организованный еще в ноябре 1920 года, назывался Ассоциация труда. Анархисты издавали журнал, пользовавшийся популярностью среди рабочих, — «Лаогун чжоукань» («Еженедельник „Труд“»). В их активе числилась также грандиозная двухтысячная стачка рабочих на хлопчатобумажной фабрике № 1 в Чанше в апреле 1921 года».

Понимая, что конкурировать со столь влиятельным профсоюзом он не сможет, Мао пошел на разумный в данных условиях шаг: постарался привлечь Хуана и Пана на свою сторону. Вот это уже был ход, достойный большевиков! В конце ноября 1921 года Мао написал статью для анархистского журнала под характерным названием — «Мои надежды на Ассоциацию труда». В ней он без всякого смущения заявил, что уже в течение года симпатизировал этой организации. И тут же попытался протолкнуть большевистские идеи. «Целью рабочей организации, — написал он, — является не только сплочение трудящихся под лозунгами увеличения заработной платы и сокращения рабочего дня путем забастовок. Необходимо также воспитывать классовое сознание с тем, чтобы объединить весь класс ради осуществления интересов всего класса. Я надеюсь, что все члены Ассоциации труда будут уделять особое внимание этой основной цели»[12].

Используя лесть и уговоры, Мао удалось добиться того, что Хуан Ай и Пан Жэньцюань в декабре 1921 года вступили в Социалистический союз молодежи, однако в январе 1922 года оба руководителя рабочей ассоциации были схвачены головорезами Чжао Хэнти и казнены по обвинению в «скупке оружия, тайном сговоре с бандитами и агитации за забастовку рабочих монетного двора в то время, когда в казне не было денег, чтобы выплатить причитавшееся солдатам жалованье»[13]. Справедливы ли были эти обвинения, неизвестно, но казнь Хуана и Пана оказалась на руку Мао. Только теперь возглавлявшееся им Хунаньское отделение Всекитайского секретариата профсоюзов могло встать во главе рабочего движения в провинции. Интересно, что спустя много лет в беседе с Эдгаром Сноу Мао довольно негативно отозвался о Хуане, заявив, что тот «был вождем правого крыла рабочего движения, которое опиралось на студентов промышленных вузов и выступало против нас»[14]. Зачем Мао Цзэдуну понадобилось клеветать на этого человека, остается только догадываться.

Огромную помощь Мао Цзэдуну в организации коммунистических профсоюзов оказал в то время его старый знакомый Ли Лисань, тот самый застенчивый юноша, который

осенью 1915 года не смог преодолеть своего смущения перед «всезнающим» студентом Первого провинциального педагогического училища и не вступил в кружок Мао. С тех пор Ли многое испытал, повидал мир (он участвовал в движении «экономной учебы и прилежной работы» во Франции), вкусил социалистических идей и, вернувшись в ноябре 1921 года в Чаншу, объявился в доме у Мао. Несмотря на неприятный осадок, оставшийся у Мао Цзэдуна от первой встречи со странным молодым человеком, он радушно принял его: во Франции Ли подружился с Цай Хэсэнем, и этого для Мао было достаточно, чтобы изменить к нему отношение. «Гость вернулся на озеро Дунтинху», — приветствовал он Ли Лисаня, приглашая продолжить начатую им поэтическую строфу: таков был обычай, существовавший среди образованных людей начала века. «На берегах Сяо и Сян[14] обрел я старого друга», — элегантно ответил Ли[15].

Дружбы тем не менее не сложилось, но товарищеские отношения между ними какое-то время развивались. Вступив вскоре в коммунистическую партию, Ли оказался полезен: страстный оратор, мужественный и решительный человек, он стал весьма популярен в рабочей среде. В конце декабря 1921 года они вместе съездили на расположенные близ границ Хунани, на западе провинции Цзянси, угольные шахты Аньюань для налаживания там рабочего движения. Убедившись, что возможности в этом районе большие, Мао попросил Ли остаться в Аньюани для того, чтобы попытаться там сорганизовать рабочих[16].

Сам же он сконцентрировался на организации профсоюзов на предприятиях Чанши и других городов собственно провинции Хунань. Под влиянием Маркса Мао считал в то время рабочих основной силой будущей революции, и его ничуть не смущало, что в его родной провинции собственно промышленного рабочего класса не было. Во всей провинции Хунань в то время имелось не более трех действительно крупных промышленных предприятий, причем на одном из них, Первой шелковой фабрике, значительный процент занятых составляли дети от 9 до 15 лет. Да, существовали еще мелкие предприятия по обработке цветных металлов, но на них было совсем мало рабочих. Основное же число тех, кого первые китайские коммунисты относили к рабочему классу, составляли временные, сезонные, только что прибывшие из деревни работники кустарной промышленности, а также кули и рикши. Мао все это, однако, ничуть не смущало. С его точки зрения, вообще «большинство [даже «подавляющее большинство»] людей являлись рабочими — либо физического,

либо умственного труда»[17]. Разумеется, в строгом социологическом смысле это было не так.

К середине 1923 года Мао Цзэдуну и его товарищам удалось создать двадцать два профессиональных союза (многие из них назывались рабочими клубами): шахтеров, железнодорожников, типографщиков, работников городского хозяйства и монетного двора, рикш, парикмахеров и других[18]. В восьми из них Мао был избран секретарем[19]. В целом в этих организациях насчитывалось около 30 тысяч человек, однако большинство профсоюзов являлись мелкими и не шли ни в какое сравнение с Аньюаньским рабочим клубом, основанным Ли Лисанем. В то время как в этом последнем, созданном 1 мая 1922 года, насчитывалось одиннадцать тысяч членов, в наиболее сильном профессиональном объединении Чанши, Союзе рикш, имелось всего около двух тысяч[20]. Тем не менее под воздействием коммунистической пропаганды все эти профсоюзы активно включились в классовую борьбу. Уже в начале 1922 года в Чанше и других местах «развернулось мощное рабочее движение», — вспоминал Мао Цзэдун[21]. Оно достигло своего апогея осенью 1922 года, когда в стачках, по данным самого Мао, приняло участие более 22 тысяч рабочих[22].

К подавляющему большинству забастовок Мао имел непосредственное отношение. Он ездил по северо-восточной Хунани и западной Цзянси, часто в сопровождении беременной Кайхуэй, которая вступила в КПК в 1921 году, выступал в рабочих аудиториях на свинцово-цинковом руднике Шуйкоушань и угольных шахтах Аньюань, железнодорожных станциях Синьхэ и Юэчжоу, на предприятиях Чанши и Хэнъяна[23]. В рабочее движение он вовлек и своих родных. Помимо Кайхуэй ему помогали младший брат Цзэтань, живший с ним в Чанше с 1918 года, двоюродная сестра Цзэцзянь, которую он в 1920 году забрал из семьи нелюбимого мужа, убедив ее расторгнуть «феодальный брак» (Цзэцзянь в то время было пятнадцать лет), а также приятельница Цзэтаня — Чжао Сяньгуй. Цзэтаня, учившегося в начальной школе при Первом педучилище, и двоюродную сестру Цзэцзянь, посещавшую занятия в городской женской школе Чанши, Мао убедил вступить в соцсомол еще в конце 1921 года. В марте же 1923-го он послал Цзэтаня в рабочий клуб на Шуйкоушаньском свинцово-цинковом руднике, где тот через несколько месяцев, в октябре, вступил в КПК. Вернувшись затем, в конце года, в Чаншу, Цзэтань занял пост секретаря городского комитета ССМК. Тогда же, в 1923-м, членом партии стали и Мао Цзэцзянь, и Чжао Сяньгуй (последняя через год вышла замуж за младшего брата Мао)[24].

Даже всегда отличавшийся трезвостью и рассудительностью средний из братьев — Цзэминь, на котором после смерти отца лежала вся забота о хозяйстве в Шаошаньчуне, поддавшись на уговоры старшего брата, бросил дом, сдал всю землю в аренду и, в феврале 1921 года приехав в Чаншу, с головой ушел в политику. Мао устроил его завхозом в начальную школу при Первом педучилище, в которой директорствовал, дал комнату в общежитии. Долгими вечерами разъяснял он Цзэминю и его молодой жене Ван Шулань азы политграмоты. И осенью 1922 года Цзэминь вступил в КПК, а вскоре Мао отправил его к Ли Лисаню, на Аньюаньские копи. Там хозяйственный Цзэминь стал заведовать потребительской кооперацией шахтеров. К сожалению для Шулань, она за мужем последовать не смогла: она ждала ребенка. 5 мая 1923 года у Мао появилась племянница, Мао Юаньчжи, с которой Шулань вскоре вернулась в Шаошаньчун[25].

Под руководством Мао агитацией среди рабочего люда и строительством профсоюзов занимались многие хунаньские коммунисты. Часть из них (И Лижун, Чэнь Цзыбо, Ся Си) были старыми членами общества «Обновление народа», другие (Го Лян, Чжу Шаолянь, Жэнь Шудэ) примкнули к движению позже. Их усилия приносили плоды. Из десяти крупных стачек, имевших место в 1922-м — первой половине 1923 года, девять окончились полной или частичной победой рабочих. Особенно мощными были забастовки на Учан-Чаншанской и Чжучжоу-Пинсянской железных дорогах, а также на Аньюаньских шахтах, происшедшие в сентябре.

Подавляющее большинство забастовок носило экономический характер: их участники требовали восьмичасового рабочего дня, повышения зарплаты и улучшения условий труда. Ничего чрезмерного они не хотели. Жизнь их действительно была невыносимой. Рабочие трудились по двенадцать-тринадцать часов, жили в грязных бараках и получали гроши. Политика их не интересовала, никого свергать они не собирались. Как раз напротив: очень популярными у них были требования формирования так называемых арбитражных комиссий для разрешения споров с предпринимателями именно под эгидой властей[26]. Забастовки обычно были довольно мирными, кровавые счеты с хозяевами сводились редко. Это было характерно не только для провинциальной Хунани, но и для наиболее развитого Шанхая.

Успехи укрепляли влияние Мао среди рабочих. Соответственно рос и авторитет возглавлявшегося им Хунаньского отделения Всекитайского секретариата профсоюзов. 5 ноября 1922 года на основе последнего было организовано

более широкое объединение — Федерация профсоюзов Хунани, и Мао стал ее генеральным секретарем[27]. Считаться с ним теперь должен был сам губернатор Чжао Хэнти. В середине декабря Мао встретился с ним, чтобы от имени Федерации профсоюзов обсудить ряд насущных проблем жизни рабочих, главным образом экономических. Их встреча шла полтора часа, и в результате Чжао вынужден был признать конституционное право рабочих на организацию и забастовки. Отчет об этой встрече Мао сразу же опубликовал в чаншаской газете «Дагунбао»[28].

Единственное, что не удавалось Мао и его товарищам, так это «вложить» в рабочие головы коммунистическое сознание. Почти все их попытки оканчивались ничем. И хотя Мао даже на встрече с губернатором заявлял: «То, за что ратуют рабочие, — это социализм, так как только социализм обеспечивает их права»[29] — на самом деле было не так. Аналогичная ситуация имела место везде в Китае, даже в Шанхае. «Большая часть рабочих, — докладывал Чэнь Дусю в Москву, — это ремесленники, еще состоящие в старых ремесленных цехах. Их мышление еще вполне патриархальное, к политике они относятся отрицательно. Они аполитичны… Лишь очень немногие вступают в нашу партию и то лишь через дружеские связи. Еще меньше число тех, кто понимает, что такое коммунизм, коммунистическая партия»[30]. О том же сам Мао и некоторые другие коммунисты, связанные с рабочим движением, доносили Марингу[31].

Да, Мао очень хотелось радикализации рабочего движения, но из этого ничего не выходило. Несмотря на это, он настойчиво внушал общественности: «„Сигнальные огни Инь недалеко“[15], и [судьба] капиталистического класса и дворянства России — тому подтверждение. Им уже слишком поздно сожалеть [об утраченном]»[32].

Упорно продолжая стремиться к тому, чтобы соединить борьбу рабочих за насущные повседневные нужды с противодействием милитаристскому режиму, Мао считал, что губернатор Хунани «предал все идеи, за которые ратовал прежде, особенно жестоко подавляя все требования демократии»[33]. И это невзирая на то, что Чжао Хэнти терпел его у себя под боком, не мешал публиковать статьи, принимал у себя в резиденции и даже признавал, что «социализм может быть реализован в будущем» (это он заявил на встрече с Мао)[34]. Странная логика была у нашего героя! Хотя почему? Для коммуниста — вполне типичная.

Не будучи в силах опираться в своей оппозиции губернатору на профсоюзы и рабочие клубы, Мао, разумеется, вовсю использовал в этом направлении партийную и соцсомольскую провинциальные организации, к созданию и развитию которых

приложил много усилий.

Официально Хунаньский комитет КПК был учрежден 10 октября 1921 года, что по принятому после Синьхайской революции календарю означало десятый день десятого месяца десятого года республики. Мао, «Усатый Хэ» и другие его организаторы шутили по этому поводу: «Теперь будем отмечать праздник „Тройной десятки“!»[35] Секретарем комитета был избран, естественно, Мао, и сам партком разместился в его доме, в городском предместье Циншуйтан, недалеко от восточного железнодорожного вокзала. В конце мая 1922 года по решению Центрального бюро КПК был образован особый Сянский райком, объединивший коммунистов Хунани и западной Цзянси (всего их в то время насчитывалось уже более 30 человек). Секретарем его также стал Мао[36]. Возглавил он и созданный в середине июня 1922 года исполнительный комитет Социалистического союза молодежи Чанши[37]. Тем самым в его руках сосредоточилось все руководство подпольным большевистским движением в регионе. Через некоторое время ячейки КПК и ССМК существовали уже в ряде учебных заведений Чанши, на Первой шелковой фабрике и некоторых других предприятиях, а также в городах Хэнъян, Пинцзян, Чандэ и на угольных копях Аньюань[38]. Во всем этом явно чувствовалась «железная воля» восходящего коммунистического лидера. В ноябре 1922 года в Хунани насчитывалось уже 230 коммунистов и соцсомольцев, тогда как даже в Шанхае — всего 110. (В Кантоне было и того меньше — 40, в Цзинани — 20, а в восточной провинции Аньхой — 15.)[39]

Дел, как видно, у Мао было невпроворот. Он, правда, в глубине души еще надеялся, что через три-четыре года сможет поехать на учебу в Россию[40], но события захлестывали его. Вместо того чтобы самому учиться марксизму, ему приходилось учить других. В августе 1921 года вместе с «Усатым Хэ» он, помимо прочего, основал в Чанше школу для подготовки кадров компартии. Интересно, что действовала она вполне легально — под вывеской так называемого Университета самообразования, на функционирование которого Мао Цзэдуну с помощью местной интеллигенции удалось получить субсидию даже у правительства ненавидимого им Чжао Хэнти[41]. Она стала выплачиваться ему ежемесячно в размере четырехсот китайских долларов. Конечно, ничего общего это учебное заведение не имело с тем анархистским проектом, который Мао лелеял за полтора года до того. Генеральным управляющим университета стал сам Мао Цзэдун, завхозом — его брат Цзэминь. Обоим пришлось оставить работу в начальной школе при Первом педагогическом училище[42].

Между тем в китайской компартии происходили серьезные политические перемены. В самом начале 1922 года группа общественных деятелей Китая, приняв приглашение большевистского руководства, посетила Москву и Петроград. Они приняли участие в работе съезда народов Дальнего Востока, проходившего под эгидой Коминтерна.

Все, что там происходило, произвело на китайских коммунистов огромное впечатление. Ведь форум этот был специально посвящен проблемам единого национального фронта в колониях и полуколониях, и руководители Коминтерна изо всех сил старались внедрить в сознание делегатов идею сотрудничества коммунистов с национал-революционерами. Особенно горячился председатель Исполкома Коминтерна Григорий Евсеевич Зиновьев, прямо заявлявший о том, что китайские, корейские и японские коммунисты «являются пока еще маленькой группой», а потому должны «не стоять в стороне, не смотреть свысока на тех грешников и мытарей, которые еще не стали коммунистами, но вмешаться в самую гущу, в те десятки миллионов людей, которые борются в Китае, людей, которые борются пока за национальную независимость и раскрепощение»[43]. О том же, по существу, говорил и Ленин, встретившийся в перерыве с группой участников съезда, среди которых находились Чжан Готао, еще один коммунист Дэн Пэй и представитель Гоминьдана Чжан Цюбо. Ленин особо поднял вопрос о возможности сотрудничества Гоминьдана и компартии, поинтересовавшись мнениями на этот счет Чжан Цюбо и Чжан Готао[44].

Тут уж, конечно, лидерам КПК пришлось призадуматься. Зиновьев и Ленин были не то что Маринг. Они являлись вождями, учителями, наставниками. В результате и Чжан Готао, и Хэ Шухэн, да и другие присутствовавшие на форуме коммунисты должны были проголосовать за «Манифест съезда к народам Дальнего Востока», содержавший призыв к объединению всех антиимпериалистических революционных сил[45].

Возвратившись в Китай в марте 1922 года, Чжан Готао доложил в Центральное бюро КПК о результатах поездки, заявив, что «большинство руководителей в Москве считают, что китайская революция должна быть направлена против империализма и внутренних милитаристов и реакционеров, которые находятся в сговоре с ним… Китайская революция должна объединить усилия различных групп революционных сил всего Китая. И в результате должно быть установлено сотрудничество между КМТ [Гоминьданом] и КПК. Ленин сам подчеркнул этот момент»[46]. Чэнь Дусю был явно смущен, но надо

было искать выход из положения.

И вот в начале мая 1922 года I съезд Социалистического союза молодежи Китая, проходивший легально в Кантоне, осторожно высказался о необходимости поддержать революционную борьбу против империализма и милитаризма, за завоевание национальной независимости и гражданских свобод[47]. Без одобрения Чэнь Дусю такое произойти не могло. Через месяц, 15 июня, сам Чэнь опубликовал «Первое заявление Компартии Китая о текущем моменте», в котором уже признал, что кантонское правительство доктора Суня пользуется популярностью среди рабочих Южного Китая, а «из различных политических партий, существующих в настоящее время в Китае, относительно революционной и более или менее демократической группировкой является только Гоминьдан». И далее: «Метод действия, который предлагает Коммунистическая партия Китая, состоит в том, чтобы призвать Гоминьдан и другие революционно-демократические группировки, а также все организации революционных социалистов к созыву совместной конференции для создания объединенного демократического фронта»[48].

Конечно, это было написано с тяжелым сердцем. Не случайно ведь Чэнь вместо определения «национальный» (фронт), принятого в Коминтерне, употребил звучащее более радикально выражение «демократический». 30 июня он написал новое письмо Войтинскому, где заявил, что КПК «очень надеется», что гоминьдановцы смогут «осознать [необходимость] реорганизации [то есть объединения с коммунистами и политической радикализации] и пойдут рука об руку с нами. Однако надежд очень мало»[49]. Такая интерпретация политики Коминтерна являлась, безусловно, оригинальной. Ведь Москва-то считала, что внутриполитическая обстановка в Китае требовала не того, чтобы гоминьдановцы шли вместе с коммунистами, а того, чтобы коммунисты, которых, кстати, в то время насчитывалось всего 195 человек, установили антиимпериалистический союз с более мощной, десятитысячной, партией Сунь Ятсена.

И все же кое-какие сдвиги наметились, и новый курс КПК получил закрепление в документах ее II съезда, проходившего в Шанхае с 16 по 23 июля 1922 года. Форум состоялся в отсутствие Мао, который хотя и прибыл в Шанхай для участия в нем, но на него не попал. По словам самого Мао Цзэдуна, он «забыл название места, где он [съезд] должен был проходить, не смог найти никого из товарищей, а [потому] пропустил его»[50]. Звучит это заявление странно, так как адрес Чэнь Дусю-то, по крайней мере, Мао должен был помнить: бывал он в этом доме

неоднократно. Но никаких более вразумительных объяснений его отсутствию нет.

Так ни с чем он и вернулся в Чаншу, о чем мог лишь пожалеть, поскольку съезд был очень важным. Делегаты реорганизовали руководящие органы партии, избрали вместо Бюро Центральный исполнительный комитет во главе с Чэнь Дусю и основали новый партийный орган — журнал «Сяндао чжоукань» («Еженедельник „Проводник“»). Обсудили они и ставший на тот момент главным для них вопрос о едином «демократическом» фронте. Из двенадцати человек, присутствовавших на форуме, пятеро принимали участие в подготовке или работе съезда народов Дальнего Востока. С докладом об этом коминтерновском саммите на съезде выступил Чжан Готао[51]. Выслушав его, съезд выразил согласие с принятыми в Москве и Петрограде решениями, утвердив закрытую резолюцию об «объединенном демократическом фронте» и манифест. В обоих документах довольно подробно обосновывалась необходимость создания межпартийного блока компартии и Гоминьдана[52]. В социальном плане объединенный фронт мыслился как «временный союз» пролетариата и крестьян-бедняков с национальной буржуазией, которая, как признавалось в декларации съезда, была «в состоянии объединить свои силы и выступить против иностранного капитализма и продажного правительства Пекина»[53]. Что же касается выдвинутого ранее предложения Маринга о вступлении коммунистов в Гоминьдан, то съезд обошел его молчанием.

Интересно, что идея объединенного фронта, предложенная съездом, дополнялась в его документах предложением о создании так называемого параллельного «Демократического союза», иначе — «Союза движений за народовластие»[54], в который предполагалось вовлечь членов профсоюзов, крестьянских союзов, союзов торговцев, учителей, студентов, политических женских союзов, клубов юристов и издателей в различных городах страны, а также членов парламента, «сочувствующих коммунизму». Последние должны были, по мысли китайских коммунистов, образовать левое руководящее крыло в «Демократическом союзе»[55]. Этот радикальный «союз» был не более чем уловкой: имелось в виду на практике облечь в его форму само сотрудничество КПК и Гоминьдана при непременной гегемонии компартии.

Решения съезда были направлены в каждую партийную организацию. Получил их и Мао Цзэдун. И в середине августа в Чанше под эгидой компартии прошел учредительный съезд «Демократического союза» различных общественных

организаций. Одним из руководителей его стал Ли Лисань. Аналогичные объединения были созданы также в Пекине, Хубэе, Шанхае и Гуандуне[56]. Гоминьдановцы, однако, не поддержали эту инициативу.

12 августа 1922 года в Китай вернулся Маринг. Он не мог не чувствовать себя победителем. Ведь с собой он привез две бумаги, которые должны были заткнуть рты всем его недоброжелателям в КПК. Первая из них представляла собой написанную секретарем Исполкома Коминтерна Карлом Радеком инструкцию, в которой полностью поддерживалась инициатива Маринга о вступлении коммунистов в Гоминьдан. В ней подчеркивалось, что Коммунистическая партия Китая должна сохранять внутри Гоминьдана полную независимость и находиться в нем только до тех пор, пока не превратится в массовую политическую организацию. Вторая бумага была директивой Войтинского, являвшегося в то время уже главой Дальневосточного отдела ИККИ. В ней прямо подчеркивалось: «Центральный комитет Коммунистической партии Китая согласно решению Президиума Коминтерна от 18 июля должен… проводить всю свою работу в тесном контакте с тов. Филиппом»[57]. (Это, как мы знаем, был один из псевдонимов Маринга.)

Сразу же по прибытии в Шанхай Маринг, по воспоминаниям Чжан Готао, сообщил руководству компартии: «Коминтерн одобряет идею вступления членов КПК в КМТ [Гоминьдан] и считает, что это новый путь создания объединенного фронта»[58]. 25 августа он посетил Сунь Ятсена, который опять находился в Шанхае, изгнанный из Кантона неожиданно предавшим его Чэнь Цзюнмином. Сидя в уютном кабинете доктора Суня, эмиссар ИККИ информировал лидера Гоминьдана о том, что Москва советует коммунистам Китая объединиться с его партией. При этом он рекомендовал Суню уделять больше внимания рабочему и крестьянскому массовому антиимпериалистическому движению[59]. Дезориентированный изменой милитариста Чэня, Сунь готов был принять его предложения, соглашаясь на реорганизацию Гоминьдана. Он долго думал в те дни о судьбе китайской революции и, по его собственным словам, «разочаровался во всем, во что раньше верил». Еще в Кантоне, сразу же вслед за переворотом бывшего соратника Чэнь Цзюнмина, он «убедился, что единственным действительным и искренним другом китайской революции является Советская Россия»[60].

Да, Маринг имел все основания торжествовать. Но Чэнь Дусю так просто капитулировать не хотел. Не желали сдаваться и поддерживавшие своего председателя члены избранного на II

съезде Центрального исполнительного комитета партии — Чжан Готао, Цай Хэсэнь (он вернулся из Франции в начале 1922 года) и Гао Цзюнъюй, главный редактор только что созданного органа КПК «Сяндао чжоукань», а также кандидат в члены ЦИК Ли Дачжао. 29 августа по требованию Маринга все они собрались на совещание в городе Ханчжоу. Так же как и заключительное заседание Учредительного съезда в Цзясине, проходило оно на воде. Его участники арендовали лодку и в течение двух дней (разумеется, с перерывами на еду и сон) катались по расположенному на краю города живописному озеру Сиху, окруженному причудливыми холмами с высящимися на них изящными средневековыми пагодами. «Наверху — небо, а внизу— Су[чжоу] и Хан[чжоу]», — говорят в Китае, имея в виду красоту здешних мест. Тихие заводи, сплошь покрытые ярко-красными лилиями, на этот раз, однако, к покою не располагали. Лодка тихо скользила меж небольших островков, утопающих в бамбуковых зарослях, но совещание, в котором помимо членов ЦИК и Маринга участвовал еще и переводчик последнего Чжан Тайлэй, развивалось бурно и драматично. Судя по воспоминаниям Чэнь Дусю, все члены Центрального исполкома, присутствовавшие на этой встрече, выступили против предложения коминтерновского агента, резко потребовавшего от них выполнения решений ИККИ. Представитель Кремля на первых порах был поддержан одним Чжан Тайлэем, однако тот не входил в состав ЦИК. Все доводы Маринга встречались в штыки. Наконец он не выдержал и, стремясь добиться перелома в дискуссии, пригрозил отлучением диссидентов от Коммунистического Интернационала. Его речь прозвучала как ультиматум: он в категорической форме потребовал от присутствовавших подчинения коминтерновской дисциплине[61].

И тут Чэнь Дусю все стало ясно. О равноправии с московскими большевиками нельзя было даже мечтать. Его партия, находившаяся в младенческом состоянии, целиком зависела от Москвы, а та требовала одного — беспрекословного послушания. До образования КПК большую часть средств, необходимых для функционирования большевистских кружков, Чэнь Дусю изыскивал сам, в основном за счет издательской деятельности, но с образованием компартии денег стало катастрофически не хватать. Ведь расходы коммунистов все время увеличивались, и если в начале 1921 года они составляли всего 200 долларов, то уже к концу года достигли почти 18 тысяч![62] Какое-то время лидеры КПК еще наивно считали, что не должны зависеть от субсидий Коминтерна[63]. Однако жизнь диктовала свои законы. В 1921 году Коминтерн предоставил молодой

партии 16 тысяч 650 китайских долларов, в то время как сумма, которую партия смогла собрать самостоятельно, равнялась одной тысяче. В 1922 году самим китайским коммунистам уже ничего не удалось наскрести, тогда как из Москвы они до конца года должны были получить 15 тысяч[64]. Тут уж кривляться не приходилось. Кремль давал деньги, снабжая не только самого Чэнь Дусю, но и региональные партийные организации, а потому вопрос вставал ребром: либо капитулировать перед авторитетом Москвы и по-прежнему получать от нее финансовую подпитку, либо пойти наперекор Кремлю и лишиться всего. Поразмыслив, участники совещания приняли единственно благоразумное решение: они единогласно проголосовали за вступление в Гоминьдан. «Кто платит, тот и заказывает музыку!»

Должно быть, на душе у них было тошно. И красота чудесного озера вряд ли могла развеять их мрачное настроение. Молчаливо смотрел на них высившийся на северо-западном берегу Сиху каменный Юэ Фэй — памятник великому полководцу южносунской династии, обретшему здесь последний покой. Не ирония ли судьбы была в том, что фатальное совещание, превратившее КПК в послушный инструмент зарубежных политиков, состоялось близ могилы бесстрашного воина, прославившегося своим патриотизмом?

ВСТУПЛЕНИЕ В ГОМИНЬДАН

Узнав о решении ЦИК КПК вступить в Гоминьдан, Сунь Ятсен одобрил его[65]. По указанию Чэнь Дусю переговоры с доктором Сунем начали Ли Дачжао и еще один активист компартии, Линь Боцюй. Последний имел широкие связи в гоминьдановском руководстве, поскольку на заре своей юности (в 1922 году ему было уже тридцать семь лет) вступил в члены суньятсеновского «Объединенного союза», а затем участвовал в антимонархической революции. Вспоминая впоследствии о переговорах, Ли Дачжао писал, что обсуждал с Сунь Ятсеном «вопрос о возрождении Гоминьдана в целях возрождения Китая». Иными словами, говорил с лидером Гоминьдана о реорганизации его партии и в политическом, и в организационном отношениях, в частности — о допущении в нее коммунистов. «Помню, как-то раз мы с господином Сунем оживленно обсуждали его план реконструкции государства, — вспоминал Ли. — Прошло несколько часов, а мы с господином все без устали… разговаривали, едва не забыв о еде. Вскоре сам господин [Сунь] высказался за союз. Он рекомендовал мне вступить в Гоминьдан»[66]. После этого, в начале сентября 1922 года, Сунь Ятсен принял в ряды своей партии Чэнь Дусю, Ли Дачжао, Цай Хэсэня и Чжан Тайлэя[67].

4 сентября в Шанхае состоялось совещание членов центрального аппарата и руководителей провинциальных органов Гоминьдана по вопросу о плане реорганизации партии. В совещании участвовали и коммунисты. Через два дня Сунь Ятсен назначил специальную комиссию из девяти человек для выработки проекта программы и устава Гоминьдана. В нее вошел Чэнь Дусю. Одновременно Сунь вступил в интенсивную переписку с личным другом Троцкого Адольфом Абрамовичем Иоффе, видным российским большевиком, прибывшим в августе 1922 года в Пекин в качестве руководителя советской дипломатической миссии.

Со своей стороны Коминтерн также делал шаги для смягчения негативного отношения коммунистов к Гоминьдану. Осенью 1922 года в Москву был вызван сам Чэнь Дусю. Он отправился туда в сопровождении экспансивного левака Лю Жэньцзина. Вдвоем они приняли участие в IV Всемирном конгрессе Коммунистического Интернационала, состоявшемся в ноябре — декабре 1922 года. Чэнь и Лю имели возможность пообщаться с руководителями ИККИ, обсудить с ними тактику единого антиимпериалистического фронта. Стремясь переубедить вождя КПК, коминтерновские работники даже включили его в

состав комиссии конгресса по восточному вопросу[68]. В результате вскоре после возвращения Чэнь Дусю и Лю Жэньцзина в Китай китайские коммунисты сняли лозунг «демократического фронта», заменив его на призыв к образованию «антиимпериалистического, национально-революционного фронта».

1 января 1923 года Сунь Ятсен опубликовал заявление о реорганизации Гоминьдана. На следующий день в Шанхае было созвано совещание по делам партии и опубликованы партийные программа и устав. В этих документах знаменитые «три народных принципа» Сунь Ятсена получили новую, более радикальную трактовку. Сунь сделал особый упор на антиимпериализм, защиту прав рабочих и демократическое преобразование Китая[69]. В то же время он пригласил Чэнь Дусю, Чжан Тайлэя, Линь Боцюя и гуандунского коммуниста Тань Пиншаня, тоже раньше являвшегося членом «Объединенного союза», поработать в центральном и местных аппаратах Гоминьдана.

В январе 1923 года в Шанхае состоялись переговоры Сунь Ятсена с Иоффе, в результате которых 26 января была опубликована ставшая впоследствии широко известной «Декларация Сунь Ятсена — Иоффе». В этом документе представитель советского правительства заверил Суня в том, что в борьбе за национальное обновление и полную независимость «Китай пользуется самой широкой симпатией русского народа и может рассчитывать на поддержку России». Обе стороны обнаружили «полное совпадение их взглядов на китайско-русские отношения», подчеркнув, что «в настоящее время коммунистический строй или даже советская система не могут быть введены в Китае» из-за отсутствия необходимых условий[70].

Сближение Сунь Ятсена с КПК и Советской Россией продолжалось с нараставшей силой после того, как верные ему отряды местных милитаристов выбили из Кантона в восточную часть провинции Гуандун войска предавшего его Чэнь Цзюнмина, и в феврале 1923 года Сунь, вернувшись в этот город, вновь возглавил южнокитайское правительство.

Во всех этих бурных событиях Мао участия не принимал. Вплоть до апреля 1923 года он продолжал работу в Хунани, организовывая стачки и рабочие демонстрации в Чанше и окрестных районах. 24 октября 1922 года в его семье произошло радостное событие: Кайхуэй родила первенца, которого назвали Аньин. Имя подобрал сам Мао, когда Кайхуэй с младенцем вернулись домой. Весело глядя на жену, он спросил: «Ну, как назовем ребенка?» И тут же, не дожидаясь ответа, сказал: «Пусть он будет Аньин [ань — берег, ин — герой]. Герой, достигший берега социализма. Ну, как тебе?»[71] Кайхуэй согласилась. Она

чувствовала себя счастливой.

Заниматься сыном, однако, Мао было некогда: партийная работа отнимала все время. К тому же в конце зимы 1923 года обстановка в Китае резко изменилась. 7 февраля в местечке Цзянъянь, северном пригороде Ханькоу, милитарист У Пэйфу, до того искусно разыгрывавший из себя «друга рабочих», устроил кровавую расправу над бастовавшими под руководством коммунистов железнодорожниками. Тридцать два человека были убиты, более двухсот — ранены. Волна «белого» террора прокатилась по другим городам Китая, достигнув провинций Хэнань и Хэбэй. Многие профсоюзы и рабочие клубы оказались разгромлены. Конечно же Мао не мог не отреагировать. Требуя наказать виновных, 8 февраля он организовал всеобщую забастовку на Чанша-Учанской железной дороге; в тот же день в столице провинции состоялся траурный митинг, собравший более 20 тысяч рабочих и студентов. В городских профсоюзных организациях прошли собрания, а на Аньюаньских шахтах — многочисленная демонстрация.

Несколько позже, 29 марта, руководимый Мао Сянский райком совместно с общественными организациями Чанши провел грандиозную антияпонскую демонстрацию. В тот день по улицам города прошли не менее 60 тысяч человек. Эта акция явилась частью общекитайской кампании, приуроченной ко времени истечения срока японской аренды китайских портов Люйшуня (Порт-Артура) и Даляня (Дальнего). Вновь, как и несколько лет назад, китайская общественность потребовала аннулировать грабительские «21 требование»[72].

И тут уж действия Мао переполнили чашу терпения хунаньского губернатора. Следуя примеру У Пэйфу, Чжао Хэнти в апреле 1923 года обрушился на профсоюзных лидеров. Отдельно был издан приказ об аресте Мао Цзэдуна[73]. Надо было бежать.

Собственно говоря, вопрос об отзыве Мао из Чанши был в ЦИК КПК решен еще в январе 1923 года. Чэнь Дусю приглашал его в Шанхай для работы в центральном аппарате партии. И Маринг, и Чэнь были крайне удовлетворены его деятельностью в Хунани, так что отзыв означал повышение, а отнюдь не снятие с должности. В ноябре 1922 года Маринг в письме Зиновьеву, Иоффе и Войтинскому даже называл партийную организацию Хунани лучшей в Китае[74]. Организаторские способности Мао по достоинству оценивал и Чэнь Дусю, о чем, в частности, вспоминал Чжан Готао[75]. Теперь Мао предстояло распространить хунаньский опыт на всю страну.

На его место направили только что вернувшегося из Франции Ли Вэйханя, старого приятеля Мао по обществу «Обновление

народа». Увязав небольшие пожитки, Мао сел на пароход и отбыл в Шанхай. Расставаться с женой и сыном совсем не хотелось: Кайхуэй опять была беременна — на третьем месяце, и никто не знал, надолго ли они прощаются. Впереди Мао ждала новая большая работа.

Он прибыл в Шанхай через неделю, но Чэнь Дусю там не оказалось. Еще в марте 1923 года Чэнь выехал в Кантон для установления непосредственной связи с Сунь Ятсеном. Мао направился в ЦИК КПК, который тогда находился в рабочем районе города Чжабэе — грязном, дымном и шумном. ЦИК в то время тоже готовился к переезду: по решению Коминтерна центральный аппарат партии перебазировался в Кантон вслед за своим председателем. В начале июня в сопровождении Маринга туда же, на юг, уехал и Мао[76].

Здесь, под крылом Сунь Ятсена, китайские коммунисты впервые могли действовать открыто. Подполье, явки, пароли, казалось, ушли для Мао в прошлое. Интенсивная легальная работа по формированию единого фронта захватила его. Еще в Чанше под воздействием телеграмм и писем из Центрального исполкома КПК Мао начал менять свое негативное отношение к Гоминьдану.

Впервые Мао публично высказался в защиту антиимпериалистического союза 10 апреля 1923 года, за несколько дней до отъезда из Чанши. Он заявил тогда на страницах издававшегося Университетом самообразования журнала «Синь шидай» («Новая эпоха») следующее: «Если мы посмотрим на влиятельные группировки внутри страны, то увидим, что их три: революционно-демократическая, нереволюционно-демократическая и реакционная. Главной силой революционно-демократической группировки, конечно, является Гоминьдан; набирающая силы коммунистическая группировка сотрудничает с ним… Коммунистическая партия на какое-то время отказалась от своих наиболее радикальных взглядов для того, чтобы установить союз с относительно радикальным Гоминьданом… Это [положение дел] — источник мира и объединения, мать революции, магический эликсир демократии и независимости. Об этом должны знать все»[77]. Нельзя, правда, сказать, чтобы он стал горячим сторонником единого фронта в том понимании, которое вкладывали в него Маринг и ИККИ: о вступлении коммунистов в Гоминьдан он пока ничего не говорил. Но изоляция компартии и рабочих, глубокий кризис профсоюзного движения повергали его в уныние, а потому союз с Гоминьданом виделся ему хоть каким-то, пусть не блестящим, выходом из положения. Встретившись в Шанхае с Марингом, он

не мог обуздать мрачных мыслей. По словам представителя ИККИ, Мао удручало то, что во всей Хунани с населением в тридцать миллионов человек организованных рабочих насчитывалось не более 30 тысяч. Он, писал Маринг, «махнул рукой на организацию рабочих и был настроен настолько пессимистически, что видел единственное спасение для Китая в российской интервенции», полагая, что на северо-западе Китая Советская Россия должна была создать «военную базу». Более того, он полагал, что в условиях Китая, где «старые традиции патриархального общества по-прежнему еще очень сильны… мы не можем развивать ни массовую комм[унистическую], ни националистическую партию»[78].

Приехав в Кантон, Мао, однако, через какое-то время вновь воспрянул духом. Переломным для него стало участие в III съезде компартии, который проходил легально с 12 по 20 июня 1923 года на восточной окраине этого южного города, в районе Дуншань (Восточные горы) — престижном квартале, застроенном в основном двухэтажными виллами европейского типа. Председательствовал на форуме Чэнь Дусю, активную роль играл Маринг. Сорок делегатов, собравшихся в этом тихом элитном месте, в доме, показавшемся им нежилым[79], представляли 420 членов КПК, из которых четвертая часть (110 человек) находилась в тюрьмах. Со времени II съезда партия выросла более чем в два раза — на 225 человек. В основном КПК была мужской (женщин насчитывалось всего 19 человек) и интеллигентской по составу (в ней было только 164 рабочих). Партячейки действовали в провинции Гуандун, городах Шанхае, Пекине, Чанше, Аньюани, Таншани, Цзинани, Ханчжоу, Ханькоу, на железнодорожных станциях Чансиндянь близ Пекина и Пукоу (около Нанкина), а также за рубежом, в Москве[80]. (В Московскую ячейку входили китайские студенты КУТВ — Коммунистического университета трудящихся Востока — специального коминтерновского учебного заведения, созданного в 1921 году.) Из всех ячеек, впрочем, организация Мао была наиболее дееспособная и, как мы знаем, самая многочисленная: в ней одной состояло более половины членов партии. Неудивительно поэтому, что только она одна удостоилась похвалы Чэнь Дусю, который в своем отчетном докладе специально отметил: «Мы можем сказать, что только хунаньские товарищи провели хорошую работу»[81].

Особенно жаркие споры шли о тактике и формах единого фронта, и Мао пришлось вникать в детали проблемы. Сориентироваться на первых порах ему было трудно: ведь в Хунани членов Гоминьдана было намного меньше, чем коммунистов, и работы по единому фронту никто не вел. В Китае

вообще в большинстве мест, где действовала КПК, влияние Гоминьдана не чувствовалось. Партия Сунь Ятсена в основном базировалась в кантонском районе; сравнительно большая ее организация имелась и в Шанхае. В других же регионах гоминьдановцев можно было по пальцам пересчитать. Сунь Ятсен — это «большая пушка», говорили представители с периферии, от него много шума, а толку мало[82]. Почему же тогда, недоумевали они, надо всем вступать в Гоминьдан? Да и куда вступать, если организаций-то Гоминьдана раз два и обчелся? Глупо ведь самим коммунистам создавать сначала гоминьдановские организации, а потом в них входить!

Эти разговоры поддерживали и такие крупные функционеры партии, как Чжан Готао и Цай Хэсэнь, которые уже не возражали против тактики вступления в Гоминьдан вообще, но, как позже вспоминал Цай Хэсэнь, не хотели допускать «перебарщивания в этом направлении». Решительно не согласен с ними был Маринг, за которым следовали Чэнь Дусю, Ли Дачжао, Чжан Тайлэй и некоторые другие послушные Москве делегаты. Да, считали они, надо «критиковать Гоминьдан за его феодальную тактику», но при этом следует «толкнуть и направить эту партию на путь революционной пропаганды, образовать в ней левое крыло из рабочих и крестьян». А для этого необходимо «развивать Гоминьдан по всей стране»[83]. Маринг и Чэнь Дусю выдвинули лозунг «Все на работу в Гоминьдан»[84].

Мао в этом вопросе поддерживал Чжан Готао и Цай Хэсэня[85]: все-таки с Цаем их связывала многолетняя дружба, и в какой-то мере, как мы знаем, Цай оказывал на него влияние. Кроме того, в начале съезда он не мог еще избавиться от пессимизма в отношении перспектив развития в Китае массовых партий и рабочего движения. Вместе с тем его позиция не была настолько же бескомпромиссной, как воззрения Чжана и Цая. Он пока явно сомневался. В глубине души он считал, что «китайская коммунистическая партия не должна только видеть Гоминьдан в небольшом районе вокруг Кантона»[86], но во время обсуждения «Резолюции по вопросу о национальном движении и Гоминьдане» ничего такого говорить не стал. Более того, даже заявил, что «в Гоминьдане доминирует мелкая буржуазия… Мелкая буржуазия может временно возглавлять [революцию]. Вот почему нам следует вступить в Гоминьдан… Нам не надо бояться вступления… Крестьяне и мелкие торговцы — хороший материал для Гоминьдана»[87]. С другой стороны, в самый ответственный момент, во время поименного голосования, выступил против резолюции Чэнь Дусю. Когда же двадцатью одним голосом против шестнадцати резолюция, обязывавшая коммунистов

способствовать распространению организаций Гоминьдана по всему Китаю, была принята, «небрежным тоном заявил, что принимает решение большинства»[88]. И это несмотря на то, что в резолюции подчеркивалась необходимость «образовать сильную централизованную партию — штаб национально-революционного движения» и признавалось, что такой партией может стать лишь Гоминьдан. Компартия, говорилось в резолюции, не может превратиться в массовую организацию в ближайшем будущем, «ввиду того, что рабочий класс не является еще мощной силой»[89].

То, что Мао в конце концов снял свои возражения, не было забыто. Явно по инициативе Маринга и Чэнь Дусю его на этом съезде впервые ввели в состав Центрального исполнительного комитета партии из девяти членов и пяти кандидатов. При выборах членов ЦИК за него было подано 34 голоса. Больше получили только Чэнь Дусю (его избрали единогласно — 40 голосов из 40), Цай Хэсэнь и Ли Дачжао (по 37)[90]. Более того, Мао вошел и в узкое Центральное бюро из пяти человек (своего рода Политбюро), которое возглавил Чэнь (помимо них в ЦБ вошли еще старые приятели нашего героя Ло Чжанлун и Цай Хэсэнь, а также глава гуандунской организации КПК Тань Пиншань)[91]. И самое важное — Мао был избран секретарем и заведующим организационным отделом ЦИК (на посту заворготделом он сменил Чжан Готао, которого за резкую оппозицию линии ИККИ не переизбрали в исполком). Иначе говоря, Мао оказался вторым лицом в партии.

Первый раз в жизни он встал рядом со своим учителем. Теперь он являлся не только журналистом, но и коммунистическим функционером общенационального масштаба. Его имя стало известно в Москве: как о «бессомненно, хорошем работнике» отозвался о нем в письме Войтинскому советский агент в Шанхае Соломон Лазаревич Вильде (Владимир)[92].

Также впервые на этом съезде Мао вплотную занялся и совершенно новым для себя, крестьянским, вопросом. Конечно, он знал нищую жизнь китайской деревни не понаслышке. Но никогда до того всерьез организацией крестьянства не занимался. В Хунани под его руководством лишь дважды — в уездах Чанша и Хэнша — делались попытки сорганизовать безземельных крестьян против крупных землевладельцев, но все — безрезультатно. Вспоминая об этом в январе 1924 года, Мао объяснял: «В этих местах мы сначала организовали безграмотных крестьян, а потом руководили ими в борьбе против более зажиточных, более крупных землевладельцев. А что получилось? Наша организация сразу нарушается, закрывается, и все эти крестьяне не только не сознают, что мы боремся за их интересы, а даже ненавидят нас,

говоря: если бы мы не организовывались, никакого бедствия, никакого несчастья не было бы»[93].

Тем не менее его вместе с Тань Пиншанем включили в комиссию, разрабатывавшую резолюцию по крестьянскому вопросу. Принял он участие и в дискуссии относительно политики партии в отношении крестьянства. И тут, в отличие от многих участников съезда, Мао неожиданно проявил ясное понимание проблемы. «В любой революции, — заявил он на съезде, — крестьянский вопрос являлся самым важным… Во все века китайской истории все восстания и революции опирались на крестьянские мятежи. Причина того, что Гоминьдан имеет базу в Гуандуне, заключается просто в том, что в его распоряжении находятся армии, состоящие из крестьян. Если китайская компартия тоже сделает упор на крестьянское движение и мобилизует крестьян, ей не составит труда достичь того, чего достиг Гоминьдан»[94].

На эти пророческие слова тогда, правда, мало кто обратил внимание. Резолюция, принятая делегатами, оказалась аморфной и декларативной. «III съезд нашей партии, — говорилось в ней, — постановляет необходимым объединить мелких крестьян, арендаторов и батраков на борьбу с империалистами, которые контролируют Китай, свергнуть милитаристов и продажных чиновников, сокрушить местных бандитов и *лешэнь* для того, чтобы защитить интересы крестьян и продвинуть вперед дело национального революционного движения»[95].

То, что крестьянским движением надо было всерьез заниматься, подтвердила вскоре и полученная с опозданием, 18 июля, «Директива ИККИ III съезду КПК», отправленная из Москвы 24 мая. В ней черным по белому утверждалось: «Национальная революция в Китае и создание антиимпериалистического фронта необходимо будет сопровождаться аграрной революцией крестьянства против остатков феодализма. Только в том случае эта революция сможет быть победоносной, если в движение удастся вовлечь основную массу китайского населения — парцеллярное крестьянство… Таким образом, центральным вопросом всей политики является именно *крестьянский вопрос*»[95а]. Формулировка эта принадлежала Николаю Ивановичу Бухарину, кандидату в члены Политбюро ЦК РКП(б), одному из авторитетнейших большевиков, принимавших активное участие в работе Коминтерна. До поры до времени, однако, она оставалась лишь на бумаге: в сферу реальной политики китайские коммунисты ее не переводили. Даже для Мао выступление по крестьянскому вопросу на III съезде на какое-то время осталось всего лишь незначительным эпизодом.

По существу, единственным коммунистом, который на свой страх и риск еще в мае 1921 года начал организовывать крестьянство, был гуандунец Пэн Бай. «Напрасная трата сил, — отговаривали его друзья, — крестьянство чрезвычайно распылено и неспособно к организации, вследствие невежества невосприимчиво и к пропаганде»[96]. Несмотря ни на что Пэн Баю удалось создать несколько крестьянских союзов в уездах Хайфэн и Луфэн, на востоке Гуандуна, но когда в 1923 году они развернули борьбу за снижение арендной платы, Чэнь Цзюнмин их разгромил[97].

После III съезда и в связи с поражениями рабочего и крестьянского движений многие коммунисты, хотя, правда, далеко не все, увлеклись идеей работы именно в Гоминьдане. ЦИК КПК даже составил план распространения гоминьдановских партийных организаций во все важные пункты Северного и Центрального Китая[98]. По словам корреспондента Российского телеграфного агентства (РОСТА), бывшего коллеги Войтинского по ИККИ Соломона Израилевича Слепака, «всех пристегнули к колеснице Сунь Ятсена, а на все остальное плюнули». В результате, негодовал Слепак, «благодаря этой несчастной гоминьдановской камарилье, [собственно коммунистическая] работа почти совсем прекратилась»[99].

Эйфория от организационной работы по формированию единого фронта охватила, казалось, и Мао Цзэдуна. Еще в период работы III съезда он вместе с Ли Дачжао и Чжан Тайлэем в свободное от заседаний время начал вести переговоры о возможном союзе с бывшим губернатором Хунани Тань Янькаем, заклятым врагом Чжао Хэнти[100]. Тот жил буквально в двух минутах ходьбы от места проведения съезда, в роскошном трехэтажном особняке. Был он членом Гоминьдана и пользовался расположением Сунь Ятсена, поэтому союз с ним для китайских коммунистов был очень выгоден. Вскоре после съезда Мао сам вступил в Гоминьдан[101]. Энергично поддержал он и направление в Хунань одного из соратников Сунь Ятсена, Тань Чжэня, для организации там гоминьдановской ячейки. С Тань Чжэнем он передал директивное письмо Ли Вэйханю, настоятельно требуя от Сянского комитета партии оказания всяческой помощи эмиссару доктора Суня[102].

Активно способствовали установлению единого антиимпериалистического фронта в Китае и советские большевики. В марте 1923 года Москва приняла решение оказать Сунь Ятсену по его просьбе финансовую поддержку в размере двух миллионов золотых рублей «на работу по подготовке объединения Китая и его национальной независимости». 1 мая

1923 года Иоффе известил Сунь Ятсена об этом, подчеркнув, что советская сторона просит главу южнокитайского правительства, чтобы «вся наша помощь оставалась строжайше конспиративной»[103]. В июне 1923 года в Кантон из СССР выехала первая группа военных советников из пяти человек, главной задачей которых было содействие Сунь Ятсену в формировании его собственной, гоминьдановской, армии. С точки зрения вождей КПК, в том числе Мао Цзэдуна, эта армия должна была быть «новой», подлинно «народной», использующей «новые методы и новый дух дружбы для защиты республики». К этому они призывали Сунь Ятсена[104].

31 июля Политбюро ЦК РКП (б) по предложению Сталина приняло решение направить в Китай политическим советником при Сунь Ятсене старого члена партии Михаила Марковича Бородина, видного работника ИККИ[105]. Пост «высокого советника Гоминьдана» он должен был совместить с функциями нового представителя Коминтерна при ЦИК КПК, сменив Маринга.

> Михаил Маркович Бородин родился в 1884 году, вступил в большевистскую партию в 1903 году, был хорошо знаком с Лениным, в первую русскую революцию сражался на баррикадах в Риге, участвовал в IV съезде РСДРП в Стокгольме (1906 г.). Затем, вплоть до 1918 года, находился вместе с семьей в эмиграции, сначала в Англии, потом — в США. Жизнь за границей наложила на него отпечаток: Бородин производил впечатление очень западного человека. Оба сына Бородина родились в Америке и русского языка не знали. «Высокий человек с львиной головой», — отзывается о нем Сун Мэйлин, свояченица Сунь Ятсена, обратившая внимание на то, с какой подчеркнутой светскостью относился Бородин к своей внешности. «Его длинная темно-коричневая грива волос, слегка волнистая, была идеально уложена, — вспоминает она, — …а пышные, хотя и не чересчур, усы придавали ему облик французского генерала… Его голос был довольно низким, баритональным; в нем чувствовались интонации американского Среднего Запада. Ни малейшего русского акцента не было. Говорил он медленно и четко и, если хотел оттенить какой-либо момент, еще более понижал голос — до густого баса. Это был человек, умевший себя контролировать; он обладал магнетизмом огромной силы»[106]. О «магнетизме» Бородина писал и хорошо знавший его американский коммунист Чарлз Шипман,

подчеркивавший присущие этому «большому человеку» «чувство собственного достоинства, властность, ум и образованность»[107]. Весьма «импозантным» запомнился Бородин и Далину, агенту Коминтерна: «Высокого роста, с крупными чертами лица, сдержанный и вместе с тем общительный, простой, с живыми глазами, любивший шутку… В его обществе приятно было находиться. Немногословный, предпочитавший больше слушать, чем говорить, он вместе с тем в коротких фразах и репликах „выдавал“ свою точку зрения, свое отношение к событиям, к тем или иным людям»[108].

В отличие от «товарища Филиппа» Бородин был более терпимым к китайским коммунистам. И в этом смысле, по словам Чжан Готао, «его нельзя было ставить на один уровень с Марингом»[109].

Настоящая фамилия Бородина была Грузенберг, но так его уже давно никто не называл. Как и все в Коминтерне, за годы партийной работы он сменил много псевдонимов и кличек: Ванюшин, Кирилл, Александр Гринберг, Александр Гумберг, Майкл Берг, Георг Браун, Петр Александреску, Никифоров, Яков, Англичанин, Банкир. Китайцы будут звать его Бао Лотин. Или Бао гувэнь (советник Бао).

16 августа Сунь Ятсен направил в СССР специальную миссию. Во главе ее он поставил своего доверенного человека, боевого генерала и члена республиканского движения еще со времен «Объединенного союза» Чан Кайши (Маринг, готовивший визит делегации Гоминьдана в Россию, даже считал Чан Кайши «наиболее доверенным помощником Суня»)[110]. Помимо Чана в составе миссии находились еще один гоминьдановец и два коммуниста, в том числе Чжан Тайлэй. Эта делегация прибыла в Москву 2 сентября и в течение трех месяцев (по 29 ноября) знакомилась со структурой партийных органов, включая ЦК РКП(б), изучала работу советов, посещала воинские части, встречалась с руководящими деятелями Советского Союза, в том числе с Троцким, Зиновьевым, Калининым и Чичериным[111]. Тридцатишестилетний генерал Чан, моложавый, подтянутый, хорошо образованный, произвел на московских руководителей в высшей степени благоприятное впечатление. Он придерживался тогда левых взглядов, всячески демонстрируя свою «близость» к большевикам[112]. Понимая, очевидно, что вся его почта перлюстрируется российскими властями, он в одном из писем жене даже специально упомянул о том, что на досуге якобы

читает «Капитал» Маркса. «Первая часть этой работы показалась мне очень трудной, — отметил он, — но зато вторая — и глубокой, и вдохновенной». В другом письме он с восторгом рассказывал: «Я очарован господином Троцким. Это энергичный революционер, которому в то же время присуща выдержанность». После этого работники Коминтерна недвусмысленно намекнули генералу на то, что желали бы видеть его членом коммунистической партии. Чан в принципе не возражал, объяснив, однако, что для вступления в КПК ему нужно сначала испросить разрешение у Сунь Ятсена. (Разумеется, ни в какую компартию он вступать не собирался, хотя и действительно был в то время левым.)[113]

По его просьбе Президиум ИККИ выработал в ноябре 1923 года резолюцию по вопросу о национальном движении в Китае и о Гоминьдане, в которой была дана новая трактовка «трех народных принципов» Сунь Ятсена. Коминтерн предложил Гоминьдану последовательную программу антиимпериалистической, национально-демократической революции, ключевым моментом которой являлся призыв к радикальной аграрной революции и национализации промышленности[114]. После принятия этого документа 28 ноября Президиумом ИККИ он был передан Чан Кайши. Чан доставил его Сунь Ятсену, который, по крайней мере формально, принял почти все рекомендации Коминтерна за исключением предложений по аграрному вопросу. Резолюция Президиума ИККИ будет им положена в основу второго раздела манифеста, который получит одобрение I съезда Гоминьдана в январе 1924 года.

В конце августа 1923 года в Китай прибыли Бородин и полпред СССР при пекинском правительстве Лев Михайлович Карахан. Последний остался в Пекине, а первый отправился в Кантон. Добраться туда он смог в начале октября. Вслед за Бородиным прибыли другие советские политические и военные советники[115]. В беседах с ними Сунь Ятсен живо интересовался опытом партийного, государственного и военного строительства в Советской России, ее позицией в международных вопросах. Особенно благоприятное впечатление на него произвел Бородин. В итоге в ноябре 1923 года Сунь Ятсен опубликовал «Манифест о реорганизации Гоминьдана» и проект новой программы партии. 1 декабря он выступил с речью о реорганизации на конференции Гоминьдана в Кантоне. В ней он в качестве цели определил создание мощной массовой партии, опирающейся не только на армию, но и на гражданское население. Он, в частности, заявил: «Сейчас к нам из России прибыл наш хороший друг Бородин. Русская революция началась на шесть лет позднее нашей. Однако

русские сумели в ходе одной революции полностью осуществить свои идеи, положение революционного правительства там с каждым днем становится все более прочным. Почему же русские смогли, а мы не можем одержать победу? Они победили потому, что в борьбе принимала участие вся партия, которой помогали войска. Мы должны учиться у России ее методам, ее организации, ее подготовке членов партии, только тогда мы можем надеяться на победу»[116].

К тому времени Мао Цзэдуна уже в Кантоне не было. В конце июля по решению Чэнь Дусю он вернулся в Шанхай. Вместе с Цай Хэсэнем, Ло Чжанлуном и Сян Цзинъюй он поселился в Чжабэе, на севере города, в небольшом переулке рядом с улицей Сяншаньлу (улица Ароматных гор). Для этого грязного рабочего района название улицы было явно неподходящим: запаха благовония там не чувствовалось. В начале сентября в Шанхай из Кантона вновь перебазировался ЦИК партии: несмотря на налаживавшееся сотрудничество с Гоминьданом, Чэнь Дусю предпочитал держаться подальше от Сунь Ятсена[117], явно не желая, чтобы ЦИК КПК превращался в «придаток Гоминьдана»[118]. Центральный исполком разместился там же, где жили Мао, Цай, Ло и Сян.

По-прежнему работа по единому фронту отнимала все силы Мао. «Сегодня в Китае нет другого политического вопроса, кроме вопроса национальной революции, — писал он. — Использовать силу народа для того, чтобы свергнуть милитаризм и находящийся с ним в сговоре иностранный империализм, — вот историческая миссия китайского народа. Мы должны теперь объединить народ всей страны в революционном движении… Крайне важно, чтобы мы объединились и вместе боролись против общего врага за общие интересы… Мы все должны верить в то, что единственный путь спасения самих себя и всей нации — в национальной революции»[119].

В середине сентября Мао выехал в Чаншу, чтобы помочь в налаживании там работы по формированию гоминьдановской ячейки[120]. За два с половиной месяца, прошедшие со времени прибытия в Хунань суньятсеновского эмиссара Тань Чжэня, ситуация в городе не сдвинулась с мертвой точки: хунаньские коммунисты саботировали искусственное насаждение организации Гоминьдана. Преодолеть сопротивление старых товарищей оказалось не просто даже Мао. Помимо прочего, у него совсем не было необходимых для организационной работы средств, а ему требовалось «по крайней мере, около 100 юаней в месяц»[121]. Не облегчала развитие национально-демократического движения в провинции и общеполитическая обстановка,

обострившаяся еще летом в связи с новой войной между Чжао Хэнти и Тань Янькаем. В сентябре ситуация даже ухудшилась, так как в конфликт на стороне Чжао вмешался генерал У Пэйфу. Мао, конечно, сочувствовал Таню, но тот потерпел поражение. Провинция вновь погрузилась в пучину террора. Чжао Хэнти ввел военное положение, закрыл Университет самообразования, распустил Федерацию профсоюзов. Им лично был отдан приказ об аресте Мао Цзэдуна, Го Ляна, Ся Си, других лидеров рабочего движения[122]. Работая в глубоком подполье, Мао вынужден был пользоваться псевдонимом — Мао Шишань («Каменная гора»)[123]. Собственно это и не псевдоним был, а вариант одного из его детских имен: Шисаньяцзы («Третий ребенок по имени Камень»). Единственное, что доставляло радость, это семья. Аньин рос здоровым мальчиком, а 13 ноября Кайхуэй родила еще одного сына. Его назвали Аньцин («Молодец, достигший берега социализма»).

В то время как Мао находился в Чанше, в Шанхае состоялся ноябрьский (1923 г.) пленум ЦИК КПК. Ситуация в партии тогда обострилась. План распространения гоминьдановских партийных организаций во все важные пункты Северного и Центрального Китая провалился. Была создана только одна из них — в Пекине. Численность самой КПК сократилась вчетверо: в ней осталось всего около ста человек. То, что партия переживала кризис, признавал сам Чэнь Дусю. В докладе пленуму от имени Центрального бюро он указал следующие причины этого: «1) среди [наших] товарищей получили распространение некоторые сомнения [относительно резолюции III съезда по вопросу о национальном Движении и Гоминьдане]; 2) руководители местных отделов Гоминьдана не проявили понимания; 3) между [нашими] товарищами и членами Гоминьдана сохранялись подозрительность и несовпадение политических взглядов; 4) наша партия испытывала экономические трудности». Пленум осудил «левацкие извращения» политики единого фронта, приняв решение о конкретном участии коммунистов в реорганизации Гоминьдана. В одобренной пленумом резолюции «О плане развития национального движения» подчеркивалось: «Там, где существуют организации Гоминьдана, например, в Гуандуне, Шанхае, Сычуани, Шаньдуне, наши товарищи обязаны в них вступить, оставаясь одновременно в рядах КПК. Где их нет, в особенности в Харбине, Фэнтяне [Шэньяне], Пекине, Тяньцзине, Нанкине, Аньхое, Хубэе, Хунани, Чжэцзяне, Фуцзяни, наши товарищи должны их создать»[124]. В резолюции указывалось также на необходимость «выправления политической позиции» Гоминьдана. Под этим подразумевалось следующее: добиваться

того, чтобы Гоминьдан вел антиимпериалистическую пропаганду и предпринимал соответствующие практические шаги, ни в коем случае не блокировался с милитаристами, а укреплял свои силы путем опоры на различные народные организации. Пленум вменил в обязанность коммунистам и соцсомольцам создание внутри объединенной партии собственных конспиративных организаций, члены которых были обязаны во всех своих заявлениях и практических действиях, носящих политический характер, следовать руководству КПК. Перед коммунистами ставилась задача бороться за то, чтобы «занять центральное положение в Гоминьдане». Но при этом подчеркивалось: «Если для реализации данного курса отсутствуют реальные возможности, то ни в коем случае не следует применять силу»[125].

После этого работа по реорганизации Гоминьдана, пусть и со скрипом, продвигалась вперед. На конец января 1924 года Сунь запланировал проведение Объединительного съезда ГМД. 25 декабря Центральный исполнительный комитет КПК издал за подписью председателя Чэнь Дусю и секретаря Ло Чжанлуна, заменившего Мао на этом посту в связи с его отъездом в Хунань, «Извещение № 13», в котором вновь обязал всех коммунистов на местах вступать в Гоминьдан и прилагать максимум усилий для активизации работы по его реорганизации.

Усилиями Мао к тому времени хунаньская организация Гоминьдана была уже создана. В ней имелись три местные ячейки. Первая, в Чанше, была основана в начале октября 1923 года, две другие — в городах Нинсяне и Аньюани — образовались в конце осени[126]. К концу декабря в Хунани в целом насчитывалось уже пятьсот гоминьдановцев, но наибольшую активность среди них проявляли члены компартии. Они же составляли и подавляющее большинство членов исполнительного комитета провинциальной организации: семь из девяти[127]. Не случайно поэтому в конце года одним из делегатов на съезд от хунаньской организации Гоминьдана избрали Мао.

Опять ему надо было прощаться с семьей. Как и прежде, при расставании с женой он испытывал боль. Но тоска в этот раз была сильнее. Накануне отъезда у него с Кайхуэй произошло неприятное объяснение: что-то случилось, но что, нам знать не дано.

Он поднялся на пароход, отплывавший в Шанхай, и смотрел на остававшуюся позади Чаншу, а губы сами шептали:

Взмах руки, и я снова в пути.
Как нам трудно глядеть друг на друга,
Вновь нас мучают горькие чувства.

В уголках твоих губ и в изгибе бровей
Мне все видятся отблески гнева,
А в глазах твоих — капельки слез.

Знаю: нашей размолвки причина — то письмо, что недавно пришло.
Но, поверь, облака и туманы все развеются.
В мире есть двое — я и ты, больше нет никого.

Люди часто страдают.
И что же?
Знает Небо об этом? Кто скажет?

На дорогу к Восточным воротам иней лег толстым слоем сегодня.
И осколок луны освещает пруд и неба одну половину.
Как печально мне, как одиноко!

Жмет мне сердце гудок парохода —
Начинаю я путь на край света.
Так давай же порвем эти нити, нити гнева и горькой печали!

Пусть, как горный обвал на Куньлуне[16], как тайфун, что пронесся над миром,
Нас покинет печаль. И, как прежде, мы, крылами касаясь, продолжим
Свой полет в облаках над землею[128].

НАДЕЖДЫ И РАЗОЧАРОВАНИЯ

Кантон в начале и середине 20-х годов, при либеральном правлении Гоминьдана, мог ошеломить не в меньшей степени, чем Шанхай, однако совсем по-другому. «На юге… иначе дышалось, — пишет Далин. — Рабочие союзы, коммунистическая партия, Социалистический союз молодежи работали совершенно легально»[129]. В воздухе чувствовалось дыхание революции. Беспрерывно проводились митинги, собрания, демонстрации. «Политическая жизнь била ключом, — вспоминает Вишнякова-Акимова. — Все свободные места на стенах и столбах были заклеены плакатами и листовками, с шестов, укрепленных над головами прохожих, свешивались флаги, через улицы были протянуты неширокие полосы материи с лозунгами»[130]. Революционный подъем особенно чувствовался в период организации I съезда Гоминьдана. «Подготовка к конгрессу, предварительные меры по реорганизации — все это всколыхнуло и разбудило дремавшие силы партии Сунь Ятсена», — замечает военный советник кантонского правительства Александр Иванович Черепанов[131]. «Все были заняты подготовкой к конгрессу, — вторит ему Чжан Готао, — банкеты следовали за банкетами, и обстановка напоминала подготовку к какому-то большому семейному торжеству»[132]. Старый город с более чем двухтысячелетней историей, казалось, обрел новую жизнь.

Кантон по праву считался столицей юга Китая. Расположенный на левом берегу замутненной красным илом полноводной реки Чжуцзян (Жемчужная), в ста пятидесяти километрах от английской колонии Гонконг, он был большим, многолюдным и деловым. Жизнь бурлила на его извилистых торговых улицах, шумных рынках и в дымном порту. В отличие от Шанхая, однако, современной промышленности почти не существовало. Имелись лишь несколько десятков мелких шелкоткацких мануфактур да множество кустарных ремесленных лавок, в которых производилась всякая всячина: от перламутровых украшений до лаковых статуэток.

Основанный еще в 214 году до н. э. этот город (в ту пору его чисто географическое, не поддающееся переводу название было Паньюй) рос быстро и уже через сто лет получил статус провинциального, став центром обширной области Цзяо. В 226 году Цзяо переименовали в Гуанчжоу (дословно: «Широкий район»; на

южнокитайском, кантонском, диалекте — «Квонжау»), а с VII века стали называть Гуаннань дунлу («Восточная дорога широкого юга»). Однако название «Гуанчжоу» не пропало: местные жители стали так неформально называть город Паньюй. В XIV веке название провинции сократили — просто на Гуандун («Широкий восток» — в отличие от соседней провинции Гуанси — «Широкий запад»), а в 1918 году состоялось официальное переименование Паньюя в Гуанчжоу. Кантоном же этот город окрестили прибывшие сюда в XVIII веке французы, по-своему транслитерировавшие услышанное ими в южнокитайском произношении название провинции Гуандун («Квонтун»). С их легкой руки именно так стали именовать Гуанчжоу все иностранцы, которых, правда, в Кантоне было гораздо меньше, чем в Шанхае. С 1842 года здесь находилась только одна иностранная концессия: совместное владение Англии и Франции, крошечный остров Шамянь, расположенный в юго-западной части города, в бухте Байэвань (бухта Белых гусей), как раз в том месте, где река Чжуцзян разделяется на два рукава. Этот район, отделенный от основного города тонким, в три-четыре метра, проливом, до сих пор поражает своей изысканной западной архитектурой, аккуратно спланированными улицами и площадями, утопающими в тени садов и парков. В то время это был поистине райский уголок. Резко контрастировал с ним остальной, китайский, Кантон, залитый солнцем, пестрый и многолюдный. Современник рассказывает: «Кантон напоминал огромный рынок, живой, подвижный, который не закрывался даже ночью. Как и во всех искони китайских городах, улицы были очень узкими, шириною в два-три метра. Обращало на себя внимание почти полное отсутствие вывесок на английском языке… На улицах всегда было шумно, отовсюду слышалась китайская музыка, на набережной, этой главной улице Кантона, было много накрашенных женщин»[133]. В начале 20-х годов в Кантоне проживало более полутора миллионов человек, из которых не менее двухсот тысяч проводили жизнь в лодках на воде (так называемых «сампанах» — буквальный перевод: «три доски»). Вдоль берега стояли сотни джонок в четыре-пять рядов. «Маленькие горбатые крыши тесно жались друг к другу, — вспоминает очевидец. — Все они выглядели нищенски, были какого-то грязного, гнилого цвета.

> Целые семьи ютились на них, и ребятишки с интересом тянули головенки в нашу сторону. Малыши были привязаны за ногу веревкой или носили за спиной своеобразный спасательный пояс — сухое полено. Куры ходили по корме с петлей на лапе. Громкие, на высокой ноте, голоса сампанщиков, старавшихся перекричать друг друга, звучали резко, пронзительно, с характерной южнокитайской тональностью»[154].

В середине января 1924 года Мао приехал сюда второй раз, но теперь уже как делегат гоминьдановского съезда — открытие было назначено на 20 января, так что у Мао оставалось еще несколько дней, чтобы осмотреться. Уютный Дуншань, где он жил прошлым летом, ничуть не походил на тот город, который открылся перед его глазами. В Дуншане, как и в Шамяне, в основном жили богатые иностранцы, а также китайцы, женатые на европейках и американках. Тут же находились дома гоминьдановской знати, в том числе Чан Кайши, а также Бородина и других советников. Хотя район этот и не являлся иностранной концессией, но был дорогой и благоустроенный. Совсем иное зрелище являл собой центр Кантона. На узеньких, утопающих в грязи улицах, совсем рядом с широкой и залитой электричеством Вэньминлу (улица Цивилизации), было полно нищих, кули и мелких торговцев. Большинство из них не имели пристанища. Поздно ночью, когда городской шум затихал, они стелили на тротуарах циновки, располагаясь ко сну. Кто-то приспосабливал для ночлега тесовые ящики, кто-то спал на ступенях домов. Таких нищих было немало и в других городах на юге Китая, в том числе и в Чанше. Вряд ли кто-нибудь из них, даже если и знал о гоминьдановском съезде, всерьез ожидал от него каких-то перемен в своей жизни. Революционная атмосфера, которой дышала общественность, в городских трущобах не чувствовалась.

Гуляя по улочкам, Мао не мог, разумеется, не обращать на это внимания. И, должно быть, все более проникался убеждением в том, что «никакая буржуазная революция невозможна в Китае. Все антииностранные движения и прежде (и теперь) осуществлялись не буржуазией, а теми, у кого были пустые желудки»[135]. Эту точку зрения он, как бы мимоходом, высказал на III съезде партии, но с тех пор она не давала ему покоя. Да, он поддерживал союз с Гоминьданом, но при этом понимал его ограниченность и тактическую гибкость. Правда, иногда, как мы знаем, от прогрессировавшего сотрудничества с националистами у него случались «головокружения», но такие периоды сменялись

сомнениями и разочарованиями. Твердое же убеждение в том, что только диктатура пролетариата может спасти Китай, уже никогда не оставляло его.

К тому времени, когда он приехал, в Кантоне, а также в провинциях Цзянси, Хунань и Хубэй насчитывалось более 11 тысяч членов Гоминьдана (данные по остальным районам страны не были известны). Кантонская организация являлась наиболее многочисленной — 8218 членов. Свыше 2 тысяч человек насчитывала цзянсийская (то есть в основном шанхайская) организация. Пятьсот гоминьдановцев, помимо Хунани, имелось еще в Хубэе, более трехсот — в Ханькоу[136]. В КПК же в то время состояло всего немногим более ста человек. Иными словами, даже если представить, что к Объединительному съезду Гоминьдана большинство коммунистов уже вступили в ГМД, что на самом деле не соответствует действительности, компартия в сравнении с Гоминьданом по-прежнему выглядела как небольшая местная ячейка последнего — менее 1 процента от партии Сунь Ятсена.

Коммунисты вместе с тем оказались чрезвычайно активны внутри и вне зала заседаний съезда, который проходил с 20 по 30 января. Среди 198 делегатов только 165 фактически присутствовали на сессиях. Из них 23 человека были членами КПК (почти 14 процентов). Среди них выделялся не только Чэнь Дусю. Бурную активность проявляли такие известные нам коммунисты, как Ли Лисань и Линь Боцюй, Ли Вэйхань и Ся Си, и даже левак Чжан Готао, который под влиянием Коминтерна пусть формально, но все же пересмотрел свои сектантские взгляды. Наиболее же деятельными являлись Ли Дачжао, Тань Пиншань и Мао Цзэдун. Коммунисты были представлены во всех органах съезда, о которых имеются сведения[137].

В целом, если судить по составу президиума и комиссий, соотношение сил между правыми и левыми (включая коммунистов) было примерно равным. Вопрос о членстве коммунистов в Гоминьдане решался в острой борьбе. На банкете в честь делегатов, устроенном в день открытия съезда, правый гоминьдановец Мао Цзуцюань заявил: «Если коммунисты принимают нашу программу, то они должны покинуть свою партию». В комиссии по уставу представитель правого крыла Хэ Шичжэнь предложил запретить членам Гоминьдана состоять в других партиях, но вынужден был снять это предложение под давлением большинства. Наконец, на заседании 28 января в прениях по докладу об уставе выступили активнейшие участники антикоммунистической группировки Фан Жуйлинь и Фэн Цзыю, потребовавшие внести в устав пункт, запрещавший членам других

партий пребывание в Гоминьдане. В ответ слово взял Ли Дачжао, который, явно лицемеря, заявил следующее: «Стремясь осуществить дело… национальной революции, нельзя обойтись без национальной революционной партии, которая объединила бы всех и была повсеместно распространена… Мы пришли к выводу, что в нашей стране… только Гоминьдан может стать великой и массовой национальной революционной партией и выполнить задачи освобождения нации, восстановления народовластия, утверждения народного благосостояния. Поэтому несомненно [надо] вступить в эту партию… Мы вступаем в эту партию для того, чтобы внести свой вклад в ее дело и тем самым в дело национальной революции… Мы не только сами стремимся вступить в эту партию, но и желаем, чтобы вся нация в едином порыве присоединилась к ней… То, что мы вступаем в эту партию, свидетельствует о нашем принятии ее программы, а не о том, что мы навязываем ей программу коммунистической партии. Посмотрите на вновь выработанную программу этой партии — в ней нет ни грамма коммунизма»[138]. В то же время Ли Дачжао не скрывал, что в объединенном фронте компартия, будучи секцией Коминтерна, выступает в качестве самостоятельной силы. Но это, по словам оратора, создает даже определенные «преимущества» для ГМД, так как КПК может служить связующим звеном между партией Сунь Ятсена и мировым революционным движением. С Ли Дачжао полемизировал делегат из Тяньцзиня[139], однако в целом правые оказались в меньшинстве. Против их установок выступили многие делегаты, в том числе лидеры левого крыла Гоминьдана, старые соратники Сунь Ятсена — Ляо Чжункай, Ван Цзинвэй и Ху Ханьминь[140]. Ляо Чжункай, в частности, заявил: «Пришло время понять, что только в сотрудничестве с другими революционными партиями мы сможем победоносно свершить революцию»[141].

Особое значение имела позиция Сунь Ятсена. В ходе работы съезда Сунь вел линию на действительную перестройку Гоминьдана, стремился использовать опыт Советской России и РКП(б), выступал за принятие коммунистов в Гоминьдан[142]. В результате подавляющее большинство участников съезда проголосовали за вступление коммунистов в Гоминьдан, подчеркнув лишь важность соблюдения ими внутрипартийной дисциплины. Десять коммунистов были избраны в ЦИК ГМД, который состоял из 41 человека (24 членов и 17 кандидатов).

Ли Дачжао, Тань Пиншань и еще один коммунист, Юй Шудэ, представлявший пекинскую организацию, вошли в состав ЦИК его полноправными членами. Тань стал даже членом высшего органа партии — Постоянного комитета (Политбюро). Возглавил он и

один из ключевых отделов ЦИК — организационный. Мао же избрали кандидатом в члены Центрального исполкома наряду с шестью другими коммунистами. На тех же, что и Мао, условиях, то есть членами ЦИК, не обладавшими правом решающего голоса, стали, в частности, знакомые нам Линь Боцюй и Чжан Готао, а также молодой, но чрезвычайно активный журналист Цюй Цюбо.

> Этому хрупкому на вид юноше в больших круглых очках, типичному рафинированному интеллигенту, суждено будет в конце 20-х годов сыграть выдающуюся роль в КПК: именно на его плечи ляжет тяжелая задача выведения партии из глубочайшего кризиса, спровоцированного будущей ошибочной политикой Москвы в едином фронте. Тогда же, на гоминьдановском съезде, в свои двадцать четыре года, он только начинал завоевывать уважение китайской общественности. Его успеху во многом способствовало то обстоятельство, что к нему с особым доверием относились в аппарате ИККИ. Более двух лет (с января 1921-го по весну 1922-го) Цюй работал в Москве корреспондентом популярной пекинской газеты «Чэньбао» («Утро»). Как репортер он присутствовал даже на III Всемирном конгрессе Коминтерна в июне — июле 1921 года. На юркого молодого китайца, хорошо знавшего русский и обожавшего Горького и Толстого, обратили внимание коминтерновские работники, прозвавшие его Страхов («Цюй» в переводе означает «страх»). Весной 1922 года в Москве он вступил в КПК, а осенью получил партийное задание помочь Чэнь Дусю и Лю Жэньцзину в их работе в качестве делегатов IV коминтерновского конгресса. Вождю китайской компартии он понравился, а потому вскоре после его возвращения в Китай весной 1923 года Цюй был избран делегатом на III съезд партии. Затем получил должность главного редактора «Синь циннянь» и вновь образованного партийного органа, журнала «Цяньфэн» («Авангард»). Летом 1923 года он, кроме того, наряду с Чжан Тайлэем выполнял обязанности секретаря Маринга[143]. Когда же в конце августа 1923 года в Китай приехал Михаил Бородин, Цюй стал одним из его переводчиков и помощников[17].

Образование единого фронта на основе вступления коммунистов в Гоминьдан стало важнейшим итогом работы I общекитайского съезда Гоминьдана, принявшего по этому поводу манифест. Многие коммунисты, в том числе Мао, были крайне

удовлетворены его итогами: ими по-прежнему двигал мощный заряд энергии, получаемой в результате успешного развития единого фронта. Сомнения же, то и дело возникавшие, снимал Бородин, который с не меньшей настойчивостью, чем Маринг, «разъяснял» китайским товарищам, что «создание гоминьдановских организаций, притом массовых и во что бы то ни стало, — есть главная задача коммунистов»[144].

Воспринимать его указания помогали советские деньги, которые текли в КПК все более широким потоком. Уступив нажиму Кремля еще во время совещания на озере Сиху, китайские коммунисты быстро освоились. Неравноправные взаимоотношения с Москвой они приняли как реальность и теперь во всем, что касалось финансовой стороны их связи со штаб-квартирой мирового коммунистического движения, проявляли большую активность. Урок цинизма, преподанный им Марингом, не пропал даром. Если в конце июня 1922 года Чэнь Дусю в письме Войтинскому деликатно извинялся за то, что КПК приходилось висеть на шее Коминтерна, выражая надежду, что «в следующем году (1923-м) КПК сможет сама себя обеспечить»[145], то после Сиху от китайских коммунистов, требующих все больше денег, советским и коминтерновским работникам отбоя не было. И это немудрено. Ведь, по данным Маринга, членские взносы платила в лучшем случае одна десятая членов партии, в то время как большинство коммунистов нигде, кроме КПК, не работали[146].

«Мы уже начали антиимпериалистическую работу в соответствии с вашей инструкцией, — писал в начале ноября 1924 года в Пекин полномочному представителю СССР в Китае Льву Михайловичу Карахану Чэнь Дусю, — но мы не получили необходимые денежные средства, которые вы обещали выплатить. Наш бюджет для Шанхая — 600 долларов. Пожалуйста, дайте нам знать как можно скорее. С коммунистическим приветом, Т. С. Чэнь[18]. Секретарь Исп[олнительного] К[омитета] КПК».

«Дорогой товарищ, — вторил ему Ли Дачжао в своем письме тому же Карахану. — Местный комитет [КПК] Калгана [Чжанцзякоу] просит Северный комитет предоставить месячное содержание товарищам Тянь-Тен-Соу, Ма-Же-Лян и Фу-Ень-Цзы, которые работают в Пато [Баотоу] для газеты „Сы-пе-минь-бао“. Северный комитет принимает во внимание, что денежные средства для этих товарищей, посланных [вести] военную работу, предоставлялись с вашей стороны в течение долгого времени. Исходя из этого, пожалуйста, урегулируйте [это дело] и дайте ответ на их запрос. С товарищеским приветом. Секретарь Северного комитета КПК: Т. С. Ли».

И вновь о том же: «Когда товарищ Радин [коммунист Чжао

Шиянь, секретарь Пекинской организации КПК] уезжал в Тяньцзинь, он просил меня [Ли Дачжао] получить у вас ответ на вопрос о финансовой поддержке работы в Тяньцзине. ([Речь идет о] месячной сумме в 1500 долларов.) Позавчера я услышал от товарищей, что вы действительно посылали мне письмо, которое я не получил, потому что меня здесь не было в то время. Может быть, вы уже дали ответ в том письме. Пожалуйста, дорогой товарищ, сообщите мне по телефону или письмом или через товарища Россена [болгарский коммунист Георгий Ламбрев, сотрудничавший в ИККИ]. Потому что Радин надеется получить ваш ответ в самое короткое время. С тов. приветом. Т. С. Ли».

И опять: «Дорогой тов. Карахан. До отъезда господина Малона я договорился с тов. Россеном, что госпожа Пром, заменив его, будет отправлять телеграммы и что ей должны будут платить. Именно она отправляет телеграммы в настоящий момент вместо Малона. И она хочет знать, сколько ей будут платить за отправку телеграмм в качестве заработной платы в месяц. Пожалуйста, сразу же сообщите мне (через тов. Россена) все об этом, так как она хочет получить ответ немедленно. С товарищеским приветом. Ваш Т. С. Ли»[147].

Такой паразитизм в итоге привел к тому, что вплоть до середины 30-х годов КПК могла функционировать, только опираясь на помощь Кремля в размере не менее 30 тысяч американских долларов в месяц[148]. Советская финансовая поддержка была поистине всеохватывающей и детализированной до мелочей. Как видно, коминтерновские агенты и посольство СССР оплачивали даже труд технических секретарей партийных организаций, работавших по найму!

От партии не отставали и комсомольцы (в начале 1925 года ССМК был переименован в Коммунистический союз молодежи Китая). «Для усиления нашей работы [союз] нуждается в соответствующей финансовой поддержке, — писал, например, 2 февраля 1926 года по-русски секретарь КСМК Жэнь Биши, обучавшийся в начале 1920-х годов в Советской России, все тому же полпреду СССР Карахану. — В настоящее время мы еще не получили средство от КИМ [Коммунистический интернационал молодежи, молодежная коминтерновская организация] с ноября месяца 1925 года до сего времени. Причем по старому бюджету насчитывается только 825 кит[айских] долларов в месяц для всего союза. Мы уже занимали долги около 5000 кит[айских] долларов, которые уже нужно возвратить в ближайшее время. И поэтому [обращаемся] с просьбой к Вам. Желательно, чтобы Вы нам оказывали материальную помощь ежемесячно, также и единовременно»[149].

Целиком завися от советской финансовой помощи, лидеры КПК ничего не могли противопоставить Бородину. И под его влиянием зашли слишком далеко в своих отношениях с ГМД. В беседе с Бородиным в январе 1924 года, во время гоминьдановского съезда, все присутствовавшие коммунисты, например, выразили «полное единодушие» в том, что для радикальной аграрной революции время еще не настало[150].

Этот «правый» курс полностью разделял и Мао, в середине февраля возвратившийся в Шанхай из Кантона. 25 февраля 1924 года в обстановке всеобщего «головокружения от успехов» на территории французской концессии, недалеко от особняка Сунь Ятсена, в доме № 44 по улице Хуаньлунлу он и несколько других активистов Националистической партии учредили Шанхайское бюро ГМД. С французской полицией удалось договориться легко: местный полицейский инспектор, получив солидную взятку, даже обещал предуведомлять гоминьдановцев обо всех возможных акциях французских властей против них[151]. Помимо выполнения секретарских функций в аппарате компартии, Мао начал работать и в Шанхайском бюро ГМД. На первом же заседании его избрали секретарем оргсекции этого нового учреждения, а вскоре он стал исполнять обязанности и завсекцией делопроизводства. Несколько позже вошел он и в состав постоянного комитета бюро на правах кандидата[152]. Работы было хоть отбавляй, и Мао проявлял большую активность. В марте в качестве представителя ЦИК КПК он присутствовал на пленуме Центрального исполнительного комитета Социалистического союза молодежи, проходившем на территории международного сеттльмента. Здесь он познакомился с представителем Исполкома Коммунистического интернационала молодежи Далиным, который, вспоминая об этом впоследствии, писал, что Мао поразил его своим необузданным оптимизмом в отношении Гоминьдана. Не разделяя восторгов Мао Цзэдуна, представитель ИККИМ сразу же после пленума донес Войтинскому: «Ты услышишь здесь от секретаря ЦК Мао (не иначе как ставленник Маринга) такие вещи, что у тебя волосы дыбом встанут. Как, например, Гоминьдан есть и была пролетарской партией и должна быть признана Коминтерном как его секция. По крестьянскому вопросу — классовую линию нужно бросить, среди бедного крестьянства нечего делать, нужно связаться с помещиками и чиновниками (шэньши) и т. д. Этот тип был представителем партии в Союзе молодежи, и эту точку зрения он настойчиво, но, к счастью, безуспешно пытался проводить на пленуме Союза. Я послал письмо в ЦК партии с просьбой назначить нового представителя»[153].

Как мы понимаем, Далин зря возмущался: в то время почти все в руководстве КПК под влиянием Бородина придерживались примерно таких же представлений. Неизвестно, правда, считали ли другие вожди партии возможным принятие Гоминьдана в Коминтерн, но во всем остальном Мао не был оригинален. В феврале 1924 года ЦИК КПК даже одобрил специальную «Резолюцию по национальному движению», признавшую главной задачей членов компартии расширение организации и исправление «политических заблуждений» Гоминьдана, а также укрепление его массовой базы путем вовлечения в него рабочих, крестьян и представителей городских средних слоев. Сама же КПК должна была перейти на нелегальное положение в Гоминьдане с тем, чтобы тайно подготовить захват руководства в нем.

Тут уж сам Исполком Коминтерна должен был отреагировать на этот «уклон» резко отрицательно, приложив усилия к его выправлению. По заданию Коминтерна в апреле 1924 года в Китай выехал Войтинский, который разъяснил руководителям КПК, что работа внутри Гоминьдана «не есть цель, а средство» укрепления компартии и подготовки ее к дальнейшей борьбе за власть в стране вне Гоминьдана и против него[154]. Майский (1924 г.) расширенный пленум ЦИК КПК, подготовленный Войтинским и проходивший при его непосредственном участии, дезавуировал февральскую резолюцию ЦИК[155].

После этого руководителей партии понесло совершенно в иную сторону. 13 июля 1924 года Чэнь Дусю написал Войтинскому, к тому времени уже вернувшемуся в Москву: «Что касается нынешнего положения в Гоминьдане, то мы находим там только правых — антикоммунистов; если там есть некоторое число левых, то это — наши собственные товарищи. Сунь Ятсен и несколько других руководителей — центристы, а не левые… Так что в настоящее время поддержка Гоминьдана — это лишь поддержка правых гоминьдановцев, ибо они держат в своих руках все органы партии… Вам нужно срочно направить тов. Бородину телеграмму с просьбой предоставить доклад о реальном положении, и мы ожидаем, что на его основе будет разработана новая политика Коминтерна. По нашему мнению, поддержка [Гоминьдана] не должна оказываться в прежней форме, а мы должны действовать избирательно. Это означает, что мы не должны поддерживать Гоминьдан безо всяких условий и ограничений, а поддерживать только те определенные виды деятельности, которые находятся в руках левых, иначе мы помогаем нашим врагам и покупаем себе оппозицию»[156]. Вслед за этим 21 июля Чэнь Дусю и Мао Цзэдун на свой страх и риск

разослали в низовые партийные организации секретный циркуляр, в котором заявили буквально следующее: «В настоящее время лишь немногие гоминьдановские вожди, такие как Сунь Ятсен и Ляо Чжункай, не решились еще порвать с нами, но и они явно не хотят обижать правых… Ради единства революционных сил мы никоим образом не должны допускать с нашей стороны какие бы то ни было сепаратистские высказывания или действия, обязаны изо всех сил проявлять выдержку и продолжать сотрудничать с ними. Но, принимая во внимание революционную миссию Гоминьдана, мы не можем терпеть нереволюционную политику правых без того, чтобы не исправлять ее… Мы должны стремиться к тому, чтобы завоевать или сохранить в наших руках „подлинное руководство над всеми организациями рабочих, крестьян, студентов и граждан“»[157].

Энтузиазм лидеров КПК в отношении организаторской работы в Гоминьдане, таким образом, оказался кратковременным. Увлечение продолжалось всего несколько месяцев и не оказало серьезного влияния на партию в целом. Считая, что Коминтерн (в лице Войтинского) их поддерживает, они начали торпедировать указания Бородина, настаивая на необходимости «бросить Кантон, и сейчас же», с тем чтобы развернуть постепенную подготовку «всеобщего восстания рабочих, крестьян и солдат». Наиболее резко эти настроения выражал друг Мао Цзэдуна — Цай Хэсэнь[158].

И вновь ИККИ поспешил вмешаться. Москва была крайне заинтересована в сохранении единого антиимпериалистического фронта, особенно после того, как вложила в его формирование много сил и средств. С 1923 года СССР поставлял Сунь Ятсену оружие, боеприпасы, снабжал деньгами. В 1924 году в Кантоне работали не менее двадцати советских военных специалистов, многие из которых помогли Гоминьдану в организации военной школы по подготовке офицерского состава для новой, «партийной армии» (на ее создание советское правительство перечислило Сунь Ятсену 900 тысяч рублей)[159]. Эта школа находилась на небольшом острове Чанчжоу (район Хуанпу или на местном диалекте — Вампу) в дельте реки Чжуцзян недалеко от Кантона. Неофициально занятия в ней начались 1 мая 1924 года, а торжественное открытие состоялось 16 июня. Школа Вампу (под таким названием она стала известна в китайской истории) стала важнейшим источником кадров для гоминьдановской Национально-революционной армии. Во главе ее Сунь Ятсен поставил Чан Кайши — того самого генерала, который осенью 1923 года ездил в Москву на переговоры с большевиками. Комиссаром же школы назначил Ляо Чжункая, а начальником

политотдела (в августе 1924 года) — молодого коммуниста Чжоу Эньлая, только что вернувшегося из Франции после более чем четырехлетнего отсутствия. Несмотря на свои двадцать шесть лет, Чжоу был известен как активный участник движения 4 мая, один из вождей студентов города Тяньцзиня, создатель в 1919 году патриотического общества «Цзюэ шэ» («Пробуждение») и как один из организаторов Европейского отделения КПК в 1922–1923 годах. Высокий и стройный молодой человек с европейской наружностью производил впечатление уравновешенного и делового работника. Был он исключительно хорошо образован, знал японский и три европейских языка (французский, немецкий, английский), вел себя скромно, но с огромным достоинством. В общем, в нем сразу угадывались черты незаурядного человека.

С мая по июль 1924 года группу советских советников возглавлял Павел Андреевич Павлов, в годы Гражданской войны в России командовавший корпусом. Но по трагической случайности он погиб: при переходе с лодки на корабль на реке Дунцзян (Восточная) возле города Шилун недалеко от Кантона он оступился, сорвался в воду и утонул. В октябре на его место прибыл новый главный военный советник — Василий Константинович Блюхер, крупный военачальник, будущий Маршал Советского Союза. С ним Сунь Ятсен начал обдумывать планы военных кампаний, которые должны были объединить под правлением Гоминьдана весь Китай. Он оставался в Кантоне до июля 1925 года, после чего вернулся в Советский Союз на лечение[160].

Разумеется, в данных условиях поощрять излишнее «левачество» КПК Москва не хотела. В ноябре 1924 года вновь в Китай был направлен Войтинский. Теперь ему надо было «охладить» пыл Чэнь Дусю и его товарищей. С этой целью в Шанхае собрался очередной, IV съезд КПК.

Но к тому времени в Китае действительно стали наблюдаться серьезные противоречия в отношениях между членами компартии и суньятсенистами. Особенно глубоки они были в Шанхае, и ЦИК компартии, по-прежнему находившийся в этом городе, не мог, разумеется, этого не чувствовать. Крайне остро реагировал на изменение обстановки и Мао. Тяжелая работа внутри Гоминьдана довольно быстро измотала его: уже в мае он почувствовал себя нехорошо и физически, и морально. К июлю же «трения» с гоминьдановцами обострились настолько, что нервы у него просто не выдержали: он подал в отставку с поста секретаря оргсекции[161]. В то время, по воспоминаниям коммуниста Пэн Шучжи, выглядел он «просто плохо. Из-за своей худобы он казался даже длиннее, чем на самом деле. Лицо было бледное, с

нездоровым зеленоватым оттенком. Я испугался, не подхватил ли он туберкулез, как многие из наших товарищей»[162].

Всю весну и начало лета он прожил в грязном и дымном Чжабэе, в резиденции ЦИК КПК. В начале июня к нему приехала из Чанши Кайхуэй вместе с матерью и двумя детьми. Сян Цзинъюй выделила Мао и его семье отдельный флигель, но все равно было тесно. В конце концов пришлось переехать и, к счастью, в гораздо лучшее место: в тихий переулок на территории международного сеттльмента. О размолвке давно уже было забыто, и «Зорюшка»-Кайхуэй изо всех сил старалась помочь любимому мужу в его работе. А вечерами успевала еще вести занятия в вечерней рабочей школе[163]. Впервые попав в Шанхай, она не могла удержаться и от невинных соблазнов. Все-таки она была женщиной, а роскошный город предлагал бесчисленное количество приятных услуг. Впрочем, много ей и не надо было. Не отказала она себе лишь в удовольствии сфотографироваться с детьми. Это черно-белое фото не пропало. Кайхуэй выглядит на нем умиротворенной, хотя и немного печальной. На коленях у нее — Аньцин, совсем маленький, со смешным хохолком на голове, а рядом стоит Аньин — крепенький мужичок с толстыми щечками и решительным взглядом. Как похож он здесь на своего отца!

Между тем к середине осени Мао сделалось совсем невыносимо, он стал страдать от приступов неврастении. А тут 10 октября, в День Республики, на митинге, организованном Шанхайским бюро, двое правых гоминьдановцев устроили потасовку: они спровоцировали избиение левых, набросившись на них с кулаками. Инцидент углубил раскол между коммунистами и суньятсенистами[164]. К тому же из Кантона перестали поступать финансовые средства. В результате работа бюро оказалась парализованной. В конце декабря Мао подал прошение в ЦИК КПК о предоставлении ему отпуска на лечение. Чэнь Дусю согласился, и Мао с семьей выехал, наконец, из нелюбимого Шанхая в Чаншу. Оттуда он прямиком проследовал в дом тещи, в Баньцан, а в начале февраля отправился в Шаошань. В поездке в Шаошань его и Кайхуэй с детьми сопровождал Цзэминь, который за два месяца до того уехал из Аньюани в Чаншу в связи с приступом аппендицита. После операции он жил в городе и, когда Мао с женой навестили его, выразил желание поехать с ними в родные края хотя бы на короткое время[165]. Через некоторое время к ним в Шаошань приехал и младший брат, Цзэтань, с молодой женой Чжао Сяньгуй.

Здесь, дома, Мао провел ни много ни мало семь месяцев. Как же он устал от ежедневной раздражающей болтовни о едином

фронте, дипломатических переговоров с «буржуазными националистами», политических игр и склок! Эйфория прошла, началась депрессия. Не случайно же он не остался в Шанхае даже на IV съезд КПК, состоявшийся всего две недели спустя после его отъезда, 11–22 января 1925 года! Ведь как секретарь ЦИК он являлся вторым человеком в партии. И вдруг бросил все и удрал!

Видно, он просто не в силах был больше нести ответственность за «пагубную» политику. Да и беспрерывное вмешательство Москвы могло раздражать. Все-таки он, как мы знаем, отличался излишней горячностью. Мало ему было, конечно, радости сидеть на съезде и слушать, как «мудрый» Войтинский в очередной раз «промывает мозги» Чэнь Дусю. Вот и попросился в «отпуск». Поступок, никак не похожий на карьеристский!

А IV съезд действительно прошел под руководством Войтинского. Гибкий Чэнь вновь вынужден был подчиниться и исправить «ошибки». Позиция «левых» была подвергнута резкой критике. Мало кто из двадцати делегатов, представлявших 994 члена партии, осмелился подать голос протеста. Тех же, кто выразил несогласие, сразу заклеймили как агентов «троцкизма»[166], благо к тому времени борьба с Троцким стала входить в Коминтерне в моду. Отсутствовавший на съезде Мао в новый состав ЦИК не вошел. Зато туда избрали Цюй Цюбо, считавшегося «правой рукой» Бородина. Был Цюй включен и в узкое Центральное бюро ЦИК, куда кроме него вошли Чэнь Дусю, Чжан Готао, Цай Хэсэнь и Пэн Шучжи, бывший секретарь Московского отделения КПК, летом 1924 года вернувшийся из Москвы[167]. После съезда Пэн, пользовавшийся доверием Коминтерна (в Москве он был известен под псевдонимом Иван Петров), возглавил отдел пропаганды ЦИК. Цюй Цюбо же основал новый партийный орган — ежедневную газету «Жэсюэ жибао» («Горячая кровь»). Оба они изо всех сил старались пропагандировать курс Москвы.

Но Мао эти перемены уже мало касались: он наслаждался тишиной и покоем в кругу семьи. Конечно, его деятельная натура не позволяла ему расслабиться. Сидеть сложа руки он просто не мог. Ведь за много лет так привык быть организатором! Вначале, конечно, было нелегко преодолеть интеллигентское презрение к вечно копошащимся в земле соседям. Ведь много лет назад он порвал с деревней и долгие годы вспоминал о своих земляках как о «глупых и отвратительных мужиках»[168]. Марксизм учил его уважать городских рабочих — «освободителей человечества», а не нищих крестьян. Да и вообще, как мы знаем, работа среди земледельцев Мао не увлекала. «Пока мы не уверены, что имеем

сильную ячейку в деревне, пока в течение длительного периода не проведем агитации, — говорил Мао во время I съезда Гоминьдана, — мы не можем решаться на радикальный шаг против более богатых землевладельцев. Вообще в Китае еще дифференциация не дошла до такого состояния, чтобы можно было бы начать такую борьбу». И еще: «Можем ли мы быть уверены, что сейчас можем выступать против землевладельцев и вообще тех элементов, которые имеют землю, но сами не обрабатывают ее. А наши тезисы [о наделении безземельных крестьян и арендаторов землей] пока еще не могут читаться в деревне теми, кто действительно работает, значит, если выступить с этим лозунгом, мы сразу получим оппозицию со стороны служилых элементов или торговцев, в то время как этот лозунг фактически не привлечет крестьянские массы»[169].

Нельзя забывать к тому же, что Мао сам был землевладельцем (правда, отнюдь не большим[19]) и всю жизнь, с тех пор как ушел из дома, жил во многом за счет труда батраков и арендаторов. Имела кусок земли и его теща — в местечке Баньцан Чаншаского уезда. Конечно, как коммунист он должен был сочувствовать бедным людям деревни, а как выходец из практически их же среды не мог не понимать крестьянских проблем. И все же общаться с забитыми и темными крестьянами ему было труднее, чем с вкусившими городской жизни рабочими. Пришлось пройти через все испытания, как и первому крестьянскому агитатору Пэн Баю, которого поначалу сами крестьяне принимали за умалишенного[170]. Лишь через какое-то время дело сдвинулось с мертвой точки. С помощью дальнего родственника Мао Фусюаня, сумевшего, похоже, убедить земляков в том, что с головой у старшего сына покойного Ичана все в порядке, нашему герою удалось наладить контакт с соседями. Простым и доходчивым языком начал он объяснять им основы марксистской политической экономии и большевистской стратегии. Он встречался с ними у себя дома либо в уединенных местах, таких, например, как фамильные храмы предков, разбросанные по окрестным холмам. В огромной степени ему помогало то, что большинство крестьян в округе принадлежали к его клану (даже в наши дни более шестидесяти процентов жителей Шаошани носит фамилию Мао)[171]. Как могли, содействовали его работе жена Кайхуэй, младший брат Цзэтань, обе снохи — Шулань и Сяньгуй, а также средний брат Цзэминь, который, правда, долго в деревне не задержался. В мае 1925 года он получил распоряжение Сянского комитета вернуться в Чаншу, а в июле был направлен в Кантон на краткосрочные курсы крестьянского движения, учрежденные в самом конце июня 1924

года ЦИК Гоминьдана по предложению КПК. Эти курсы готовили агитаторов и организаторов крестьянских союзов. Цзэминь стал слушателем их пятого набора, руководителем которого являлся сам Пэн Бай. Перед отъездом у них с Шулань произошло объяснение. Та не хотела, чтобы Цзэминь покидал семью: слишком долго они жили в разлуке. Но Цзэминь ей сказал: «Я человек партии, у меня опасная работа. Кто знает, как долго и как далеко меня еще будет бросать судьба. Давай лучше расстанемся». После этого он уехал, и они больше не виделись. Позже Шулань и сама вступила в компартию, а в 1926–1929 годах даже руководила женским и крестьянским движениями в уезде Сянтань. Но к тому времени в жизни Цзэминя появилась уже другая женщина: Цянь Сицзюнь, имевшая перед Шулань, по крайней мере, одно преимущество — была она на девять лет моложе ее[172].

По словам Мао Цзэдуна, весной 1925 года ему с товарищами удалось создать в округе более двадцати крестьянских союзов[173]. Такой результат не может не впечатлять. Ведь до того в районе Сянтаня имелся всего один крестьянский союз, организованный в феврале 1925 года. Тогда же, в июле, в Шаошаньчуне была основана и вечерняя крестьянская школа, в которой китайский язык и арифметику начала преподавать Кайхуэй. Первой в нее записалась Шулань, после чего обеим невесткам удалось сагитировать еще нескольких человек. Они ходили от дома к дому и декламировали:

> Жизнь крестьянина трудна,
> Не дадим *дичжу*[20] зерна!
> Целый год прошел в трудах,
> Ничего нет в закромах![174]

Такие незамысловатые формы агитации действовали лучше любых партийных резолюций. Примерно в то же время Цзэтань организовал еще одну вечернюю школу для крестьян в небольшой деревне по соседству. В середине июня в Шаошаньчуне Мао учредил ячейку КПК, во главе которой поставил Мао Фусюаня. Образовал он и небольшую комсомольскую группу[175].

Работа среди крестьян неожиданно увлекла его. Он приобрел новый опыт, который окажется для него бесценным в ближайшем будущем. Нет, он не стал относиться к темным, безграмотным труженикам деревни с большим уважением, но окончательно убедился в том, что только при опоре на многочисленное обездоленное крестьянство можно будет совершить революцию.

ИГРЫ С ЧАН КАЙШИ

Пока Мао, Кайхуэй и Шулань вели пропаганду среди шаошаньских крестьян, в «большом мире» происходили крупные перемены. 12 марта 1925 года скончался Сунь Ятсен. Он умер от рака печени. Болезнь резко обострилась в декабре, и в течение двух с половиной месяцев он мог жить только за счет периодического впрыскивания морфия[176]. Умер он не в Кантоне, а в Пекине, куда приехал через Шанхай, Нагасаки и Тяньцзинь для участия в мирной конференции по объединению страны. Пригласил его в Северную столицу Фэн Юйсян, бывший подручный У Пэйфу, в октябре 1924 года выступивший против своего патрона. Фэн объявил себя сторонником Сунь Ятсена, переименовал свою армию по типу суневской партии Гоминьдан в Гоминьцзинь (Националистическая армия), занял Пекин и призвал к прекращению гражданской войны. Тогда же он обратился за помощью к СССР, и вскоре к нему прибыли советские военные советники, которых возглавляли известные командиры Витовт Казимирович Путна (в Китае работал под псевдонимом Цзо Жэньцзян), Виталий Маркович Примаков (Лин) и Георгий Борисович Скалов (Синани).

Смерть Сунь Ятсена явилась, конечно, тяжелой утратой, но не осложнила общую обстановку в Китае. Нельзя сказать, чтобы внутри Гоминьдана не возникла борьба за власть между сторонниками различных фракций, но очень скоро «левые» победили. Во главе Гоминьдана встал один из ближайших соратников доктора Суня, лидер гоминьдановских «левых» и заведующий отделом пропаганды ЦИК Ван Цзинвэй, возглавивший и кантонское правительство. Союзнические отношения между генералом Фэном, Гоминьданом и СССР продолжали укрепляться. В конце марта «партийная армия» «левого» Чан Кайши разгромила войска Чэнь Цзюнмина, установив контроль кантонского правительства над восточной частью провинции Гуандун, а в июне подавила мятеж в юньнаньских и гуансийских войсках, на которые ранее опирался Сунь Ятсен. Звезда начальника школы Вампу, которого с тех пор начали называть в Гоминьдане «Непобедимым», стала стремительно восходить.

А вскоре, 30 мая 1925 года, в Шанхае произошел инцидент, вызвавший небывалый со времени движения 4 мая 1919 года взлет националистических чувств в стране. В тот день английские полицейские на Нанкин-роуд расстреляли толпу китайцев, протестовавших в связи с убийством за пять дней до того одним

японцем рабочего-коммуниста Гу Чжэнхуна. Последний работал на японской текстильной фабрике, но 15 мая в связи с ее необоснованным закрытием сорганизовал группу рабочих на самовольный захват предприятия. Японец, сын управляющего, пытаясь остановить «произвол», несколько раз выстрелил в Гу Чжэнхуна да вдобавок ударил его ножом, в результате чего тот скончался. Убийство несчастного Гу всколыхнуло весь город. Забастовали рабочие нескольких фабрик, студенты прекратили занятия. 24 мая, в день похорон Гу Чжэнхуна, десятки тысяч человек провели антияпонскую демонстрацию. Все, может быть, и улеглось бы, но 28 мая в Циндао китайские милитаристы по требованию японских предпринимателей открыли огонь по рабочим, в знак солидарности с текстильщиками Шанхая, вышедшими на улицы. Двое демонстрантов были убиты, шестнадцать — ранены. Расправа в Циндао подлила масла в огонь. 30 мая на Нанкин-роуд, в центре международного сеттльмента, собралось около двух тысяч студентов. Они кричали: «Долой империалистов!», «Шанхай — китайцам!», «Возвратить сеттльмент!», «Народ всего Китая, объединяйся!» Их попытались рассеять. Были произведены аресты. Но к трем часам дня перед полицейским участком Лаочжи собралось около 10 тысяч человек. Все они требовали освобождения арестованных. И тогда полицейский офицер не выдержал. Он отдал приказ стрелять по толпе. В итоге 10 человек погибли, несколько десятков получили ранения[177]. Это вызвало бурю возмущения. 31 мая на конференции профсоюзных активистов Шанхая был образован городской Генеральный совет профсоюзов, во главе которого встал Ли Лисань. По его призыву одновременно бросили работу около 200 тысяч шанхайских рабочих. В ответ в Хуанпу вошли 26 иностранных кораблей, на берег высадилась американская, английская и итальянская морская пехота. Произошли новые кровавые столкновения, в которых погиб сорок один китаец, а ранены были сто двадцать[178].

Шанхайская бойня положила начало новому антиимпериалистическому подъему — так называемому «движению 30 мая» 1925 года. В стране фактически началась национальная революция. Повсеместно стали проходить демонстрации, митинги протеста, забастовки на иностранных предприятиях. Общественность вновь прибегла к бойкоту товаров — на этот раз не только японских, но и вообще иностранных. 19 июня в поддержку рабочих Шанхая выступили трудящиеся Гонконга, а через два дня — Шамяня. Забастовали более 250 тысяч человек, после чего начался массовый исход рабочего люда из этих колониальных центров в Кантон и окрестные города и

деревни. Гоминьдановское правительство стало оказывать стачечникам посильную помощь. Была объявлена блокада Гонконга и Шамяня, под руководством Рабочего отдела ЦИК Гоминьдана сформирован Гонконг-Шамяньский стачечный комитет. Председателем его был назначен уроженец Гуандуна, моряк торгового флота и бывший член «Объединенного союза» Су Чжаочжэн, накануне, весной 1925 года, вступивший в КПК. Су имел большой опыт стачечной борьбы: в январе 1922 года он уже возглавлял гонконгскую забастовку рабочих и моряков. Заместителем Су стал Дэн Чжунся.

Антиимпериалистическая борьба усиливалась с каждым днем. И центром ее все отчетливее становился Кантон, где 1 июля было официально объявлено об образовании под председательством Ван Цзинвэя Национального правительства Китайской Республики (сформировано оно, разумеется, было на базе кантонского). Ван Цзинвэй стал и главой военного совета правительства. Одновременно находившиеся в распоряжении Гоминьдана войска были сведены в единую Национально-революционную армию (НРА) Китая в составе шести корпусов (позже, в марте 1926 года, был сформирован еще один, 7-й корпус, а в июне того же года — 8-й). Командиром первого корпуса, сформированного из курсантов Вампу, стал Чан Кайши, а второго — бывший губернатор Хунани Тань Янькай. Начальником политотдела первого корпуса был назначен Чжоу Эньлай. В других корпусах также действовало немало коммунистов[179]. В обстановке всевозраставшего общекитайского революционного подъема союз КПК с Гоминьданом, казалось, стал вновь укрепляться с неудержимой силой.

В начале июля Мао Цзэдун основал или, точнее говоря, возродил существовавшую за год до того в Шаошани районную ячейку Гоминьдана[180]. Тогда же на тайном собрании в одном из фамильных храмов была образована и районная ассоциация «Отомстим за позор!», объединившая более двадцати соответствующих мелких союзов. Опираясь на них, Мао развернул интенсивную антиимпериалистическую пропаганду. Используя опыт движения 4 мая, он вместе с товарищами формировал молодежные агитационные бригады, которые затем в деревнях, выступая перед крестьянами, пропагандировали идеи бойкота иностранных товаров[181].

В августе, однако, эта работа внезапно оборвалась. 28 августа Чжао Хэнти издал новый приказ об аресте Мао Цзэдуна. Губернатора вывела из себя не столько революционная антиимпериалистическая агитация Мао, сколько организованная им в самом начале августа борьба против местного воротилы по

имени Чэн. Дело в том, что в то время в Шаошани случилась засуха, и крестьяне, напуганные возможным неурожаем, обратились к богачу Чэну с просьбой продать им зерно из его запасов. Чэн, понятно, этого делать отнюдь не хотел, так как рассчитывал сбыть зерно по высоким ценам на рынке в городе. Узнав об этом, Мао сразу же созвал совместное заседание комячейки и крестьянского союза. Двое активистов отправились к Чэну на переговоры. Но тому и дела было мало: он уже готовился погрузить зерно на баржу и отплыть с ним в Сянтань. Тогда под предводительством Мао Цзэдуна более ста крестьян, вооруженных мотыгами, коромыслами и бамбуковыми палками, двинулись под покровом ночи к складам «мироеда» Чэна. Они потребовали открыть амбары и продать зерно по доступным ценам. Испугавшись побоев, Чэн уступил. Но обиду на Мао, разумеется, затаил, не поленившись донести об инциденте самому губернатору. Пришлось Мао опять пускаться в бега. О готовившемся аресте его предупредили друзья. Один из служащих уездной администрации, знавший Мао, по счастливой случайности, прочитал лежавший на столе у своего начальника полученный по телеграфу приказ Чжао Хэнти: «Немедленно арестовать Мао Цзэдуна. Казнить его на месте». Он-то и сообщил об этом Мао. По совету Шулань наш герой в закрытом паланкине под видом врача немедленно покинул Шаошаньчун. Перед отъездом он строго-настрого наказал младшему брату Цзэтаню не ждать, пока Чжао Хэнти издаст приказ и о его аресте, а срочно бежать вслед за ним в Кантон.

Через день Мао уже был в Чанше, а в начале сентября выехал на юг. Вновь его стали мучить приступы неврастении, чувствовал он себя отвратительно. Поддавшись страху, во время одного из ночлегов он сжег все свои записи, которые делал в дороге. Наконец в середине сентября он добрался в Кантон, где сразу же должен был лечь на две недели в дуншаньский госпиталь: нервы совсем расшатались[182]. Вскоре в южную столицу приехал и Мао Цзэтань, который стал работать в военной академии Вампу и Гуандунском комитете КПК[183].

В дополнение ко всем перипетиям в октябре Мао Цзэдун испытал новый удар. Друзья его юности, Цай Хэсэнь и Сян Цзинъюй, разошлись, причем с таким грандиозным скандалом, который самым негативным образом сказался на моральном климате во всей партии. Дело заключалось в том, что союз Цая и Сян всегда считался в КПК «образцовым»: друзья Мао одними из первых презрели мещанскую мораль и без всяких брачных церемоний стали жить вместе задолго до того, как свободная любовь вошла в моду среди либеральной китайской молодежи.

Были они очень похожи: сдержанные и деловые, серьезные и очень нравственные — до занудства. Многие женщины-коммунистки, живые и влюбчивые, побаивались Сян Цзинъюй, не упускавшей случая читать им лекции о морали. Нередко во время партийных митингов Сян делала публичные выговоры даже самому Чэнь Дусю, любившему сальные шуточки. Вот почему женщины дали ей прозвище «бабушка революции». Особенно боялась ее жена Цюй Цюбо, очаровательная Чжихуа, бросившая ради Цюя нелюбимого первого мужа. Гром, таким образом, грянул среди ясного неба. Как-то в середине сентября, когда Цай был в Пекине, Сян Цзинъюй неожиданно для самой себя изменила ему с красавцем Пэн Шучжи, тем самым молодым человеком, который за год до того вернулся из Москвы и на IV съезде КПК был избран в члены Центрального исполкома КПК. Вот как вспоминает об этом секретарь Пэн Шучжи, коммунист Чжэн Чаолинь, ставший невольным свидетелем их романа: «Как-то вечером во время праздника середины осени [15 числа восьмого месяца по лунному календарю, то есть где-то в конце сентября 1925 года] мы организовали роскошный ужин… После того как гости разошлись, я вернулся к себе на террасу, намереваясь заснуть. Сян Цзинъюй же осталась в комнате Пэн Шучжи. Ночь была жаркой, и двери моей террасы и комнаты напротив… были приоткрыты. Я не спал и слышал, как Сян Цзинъюй что-то говорила. Я не мог поверить своим ушам: она объяснялась Пэн Шучжи в любви. Некоторое время спустя она поднялась к себе на второй этаж. [Цай, Сян, Пэн и Чжэн жили в одном доме.] Пэн же пришел ко мне в комнату и сказал: „Только что произошло что-то из ряда вон выходящее!“ Он повторил мне все, что я уже слышал.

— Я никогда не мог и мечтать об этом, — заявил он.

— Не зайди слишком далеко, — предупредил я. — Это может принести вред организации…

С тех пор Сян Цзинъюй часто спускалась со второго этажа, чтобы поговорить с Пэн Шучжи. Нередко их разговоры длились часами… Он больше не обсуждал со мной ситуацию. Он принял любовь Сян Цзинъюй».

Когда же Чжэн Чаолинь спросил Пэн Шучжи, собирается ли тот рассказать обо всем Цай Хэсэню, незадачливый любовник ответил: «Товарищ Цзинъюй считает, что это необязательно»[184].

Дело тем не менее открылось. Сян сама призналась Цаю в измене. Тот же не нашел ничего лучше, как поставить вопрос о ее аморальном поведении на расширенном заседании Центрального исполкома: все трое — обманутый муж, неверная жена и любовник — являлись членами руководящего органа партии, а

Цай Хэсэнь и Сян Цзинъюй даже входили в состав его Центрального бюро. Сенсационная новость поразила членов руководства китайской компартии настолько, что, по воспоминаниям Чжэн Чаолиня, в первый момент Чэнь Дусю, Цюй Цюбо, Чжан Готао и другие лидеры КПК «очень напоминали персонажей из финальной сцены гоголевского „Ревизора“. В течение долгого времени никто из них не мог проронить ни слова». В конце концов Чэнь Дусю решил спустить все на тормозах. По его инициативе ЦИК принял решение отправить Цая и Сян в Москву, подальше от Пэн Шучжи. Цай получил задание представлять КПК в Исполкоме Коминтерна, а Сян Цзинъюй — пройти обучение в КУТВ — Коммунистическом университете трудящихся Востока. В конце заседания Чэнь Дусю обязал всех собравшихся молчать о том, что случилось. В особенности же предупредил Цюй Цюбо: ни в коем случае ничего не говорить Чжихуа. Но тот, конечно, удержаться не смог. И вскоре об инциденте узнала вся партия. Большинство женщин, коллег Сян Цзинъюй, злорадствовали: по словам Чжан Готао, они «осуждали ее за то, что она не смогла сдержать своих чувств, а также за то, что притворялась, разыгрывая из себя „бабушку“»[185]. Мнения же мужчин разделились: Цюй Цюбо и Чжан Готао просто возненавидели Пэн Шучжи, потребовав вывести его из состава Центрального исполкома, в то время как склонный к адюльтеру Чэнь Дусю взял его под свою защиту.

Склеить разбитую чашку не удалось. Сразу же по приезде в Россию, в декабре 1925 года, обиженный Цай бросил Сян Цзинъюй и закрутил любовь с женой известного нам Ли Лисаня. Вот уж действительно неисповедимы пути Господни! Супруги Ли сопровождали «образцовую пару» во все время пути из Шанхая в Москву, где Ли Лисань наряду с Цай Хэсэнем должен был участвовать в 6-м расширенном пленуме ИККИ. В дороге наивный Ли сам попросил жену вести себя с обманутым Цаем поласковей. Вот и допросился! Цай и супруга Ли стали в итоге жить открыто, Ли Лисань один вернулся на родину, а Сян Цзинъюй в конце концов завела новый роман — с каким-то монголом из КУТВ.

Все бы ничего, но только эта история привела к дестабилизации обстановки в верхнем эшелоне партии, до предела обострив личные отношения между Цай Хэсэнем, с одной стороны, Пэн Шучжи и Ли Лисанем — с другой[21]. Имела она и продолжение. Вскоре после отъезда любовницы убитый горем Пэн начал пить. Может быть, он и спился бы, но неожиданно в его жизнь вошла новая пассия, обворожительная Чэнь Билань, которая, кстати, была на семь лет моложе Сян Цзинъюй. К сожалению, до встречи с Пэном она имела кое-какие отношения с

другим крупным руководителем партии, Ло Инуном, исполнявшим обязанности секретаря Цзянсу-Чжэцзянского регионального комитета КПК. Вряд ли надо говорить, что отвергнутый Ло стал с тех пор относиться к Пэн Шучжи как к врагу![186]

Личные склоки, разумеется, отвлекали руководителей КПК от насущных дел. Но ведь и «твердокаменные» коммунисты, пропагандировавшие «свободную любовь», были людьми, и человеческий фактор играл в политике не последнюю роль!

Не мог не отреагировать на создавшуюся ситуацию и Мао Цзэдун. Осуждал ли он Сян Цзинъюй или нет, неизвестно. Но то, что он сопереживал близкому другу Цаю и осуждал Пэн Шучжи, не вызывает сомнений. На сторону Цая он должен был встать и в столкновении последнего с Ли Лисанем. Конечно, он понимал, что Цай Хэсэнь был не самым идеальным супругом. Нет, не в том смысле, что изменял жене (как раз наоборот: женщинами он не интересовался). Но просто жить с ним под одной крышей было совсем нелегко. «Цая вряд ли можно было причислить к мужьям, способным сделать жену счастливой, — вспоминает один из его знакомых. — …Цай мог целыми днями молчать, погрузившись в чтение или писание, а наткнувшись на интересную фразу — резко смеяться. У него была астма, и во время приступов его тяжелое, шумное дыхание напоминало звук раздуваемых кузнечных мехов… Его грязная комната была завалена книгами и журналами. Устав, он обычно, не раздеваясь и не разуваясь, заваливался на кровать и засыпал, а через некоторое время вскакивал и продолжал работать»[187]. В общем, он был тяжелым в быту человеком. Не очень аккуратной хозяйкой была, правда, и Сян Цзинъюй, но все-таки она долгое время, как могла, заботилась о Цай Хэсэне[188]. Будет ли новая пассия Цая так же внимательна к нему или нет, Мао, конечно, не знал. Но в любом случае любовный скандал не способствовал его быстрому выздоровлению. Приступы неврастении продолжали терзать Мао. К счастью, в самом конце декабря к нему в Кантон приехала Кайхуэй с матерью и детьми, и они все вместе поселились в тихом Дуншане[189]. Мао стал приходить в себя.

Долго болеть было нельзя, и еще до приезда Кайхуэй, выйдя в начале октября из госпиталя, так и недолечившийся Мао вновь оказался в центре общественно-политической деятельности. Опять, как и в начале 1924 года, им овладел неудержимый патриотический подъем. На какое-то время цели национальной революции вновь представились ему первостепенными, оттеснив задачи социального переворота на второй план. «Я приехал туда [в Кантон] вскоре после того, как курсанты Вампу разгромили Ян

Симиня, юньнаньского милитариста, и Лу Цзунвая [Лю Чжэньхуаня], гуансийского милитариста, — говорил он Эдгару Сноу. — И в городе, и в Гоминьдане атмосфера была пропитана оптимизмом»[190]. Осенью 1925 года Мао сформулировал свое тогдашнее политическое кредо следующим образом: «Я верю в коммунизм и выступаю за социальную революцию пролетариата. Но гнет, как внутренний, так и внешний, который мы испытываем сейчас, не может быть уничтожен силами одного класса. Я выступаю за то, чтобы осуществить национальную революцию, в которой пролетариат, мелкая буржуазия и левое крыло средней буржуазии будут сотрудничать в целях реализации трех народных принципов Китайского Гоминьдана для того, чтобы свергнуть империализм, милитаристов, классы компрадоров и *дичжу* (то есть китайской крупной буржуазии и правого крыла средней буржуазии, которые тесно связаны с империализмом и милитаристами), и для того, чтобы установить совместное правление пролетариата, мелкой буржуазии и левого крыла средней буржуазии, то есть правление революционных народных масс»[191].

В начале октября Ван Цзинвэй пригласил его работать в ЦИК Гоминьдана — исполнять вместо него обязанности заведующего отделом пропаганды. Ван был перегружен работой в правительстве, времени на заведование отделом у него не хватало, а Мао он знал как талантливого журналиста и агитатора. 7 октября Мао Цзэдун приступил к исполнению новых обязанностей. Вскоре он стал редактировать журнал отдела пропаганды ЦИК ГМД «Чжэнчжи чжоубао» («Еженедельник „Политика“»), который использовал для пропаганды вышеизложенных взглядов на проблемы единого фронта и национальной революции и для нападок на «правых» деятелей Гоминьдана[192].

Позиция, которую он отстаивал, целиком совпадала с той, которую выражало руководство компартии. Никаких разногласий ни с Чэнь Дусю, ни с другими членами ЦИК КПК у него в то время не было. Как и руководителей компартии, его по-прежнему время от времени бросало из стороны в сторону: оптимальное сочетание национального и социального в политике выдержать было трудно. В 1925 году тактические зигзаги лидеров КПК стали вообще приобретать характер некой политической линии, концептуально обоснованный, разумеется, в Москве.

Суть ее заключалась в следующем: китайская компартия должна была отныне использовать пребывание в Гоминьдане не только для того, чтобы самой превратиться в массовую политическую организацию (таков, как мы помним, был прежний

курс), а для того, чтобы радикально изменить его классовый и политический характер путем захвата власти внутри этой партии «левыми» гоминьдановцами и коммунистами. В рамках новой политики члены КПК были обязаны воспользоваться своим пребыванием в ГМД, чтобы превратить эту организацию в как можно более «левую», а именно — в «народную (рабоче-крестьянскую) партию». Сделать это они должны были путем вытеснения с руководящих постов, а затем и исключения из Гоминьдана «представителей буржуазии»; после этого им надо было подчинить своему влиянию «мелкобуржуазных» союзников, с тем чтобы в конце концов установить «гегемонию пролетариата» в Китае не напрямую через компартию, а через Гоминьдан.

Контуры новой тактической линии были намечены весной 1925 года хорошо нам знакомым Войтинским. В отличие от Бородина, по-прежнему ориентировавшего компартию на теснейший союз с Гоминьданом, этот деятель Коминтерна в связи со смертью Сунь Ятсена счел возможным поставить перед руководством ИККИ, ВКП(б) и китайской компартии вопрос об активизации усилий КПК по укреплению ее связей с «левыми» гоминьдановцами с целью изгнания из партии «правых»[193]. Предложение Войтинского само по себе было не ново. Первыми, как мы помним, по этому вопросу еще в феврале 1924 года выступили сами лидеры китайских коммунистов. Однако тогда они были поставлены на место, причем самим же Войтинским, который не был в то время готов одобрить такую политику. Теперь же он вернулся к этой идее, считая, что внутри Гоминьдана создалась благоприятная для КПК ситуация, вызванная борьбой различных внутрипартийных фракций за наследство доктора Суня. В апреле 1925 года Войтинскому удалось развить свои взгляды перед Сталиным. Вот что он писал по этому поводу 22 апреля 1925 года полпреду СССР в Китае Карахану: «На днях во время продолжительного разговора со Сталиным выяснилось, что в его представлении коммунисты растворились в Гоминьдане, не имеют самостоятельной организации и держатся Гоминьданом „в черном теле“. Тов. Сталин, выражая свое сожаление по поводу такого зависимого положения коммунистов, считал, по-видимому, что в Китае такое положение пока исторически неизбежно. Он очень удивился, когда мы ему объяснили, что компартия имеет свою организацию, более сплоченную, чем Гоминьдан, что коммунисты пользуются правом критики внутри Гоминьдана и что работу самого Гоминьдана в большой степени проделывают наши товарищи. В защиту своего представления о положении коммунистов в Гоминьдане Сталин ссылался как на газетную, так и вообще на

нашу информацию из Китая. Действительно можно полагать, что для тех, кто не бывал в Китае и не знаком с положением вещей там, сводки Бородина создали бы именно такое представление»[194].

Удивившись тому, что сказал Войтинский, Сталин стал размышлять над услышанным. И вскоре выступил с собственными оценками перспектив национально-революционного движения в Китае. Разумеется, ни на какого Войтинского Сталин в своих «откровениях» не ссылался. Авторство новой концепции должно было принадлежать вождю, а не какому-то клерку. Вождь же придал теории и универсальный характер, выдвинув ее как панацею для решения не только проблем Китая, но и Востока вообще. И именно как маневр, облегчавший установление гегемонии коммунистической партии в национальном движении, начал продумывать концепцию превращения Гоминьдана да и некоторых других национально-революционных партий Востока в «рабоче-крестьянские» или «народные». Под этим углом зрения им был проанализирован уже проект резолюции 5-го расширенного пленума Исполкома Коминтерна (март — апрель 1925 г.) по работе в Индии (специальная китайская резолюция на пленуме не принималась). В своих замечаниях к данному документу он особенно выделил вопрос об установлении в будущей индийской «народной партии» гегемонии коммунистов[195].

Указания Сталина были сразу же приняты к действию ИККИ, который незамедлительно распространил их и на Китай.

В мае 1925 года Сталин уже открыто выступил по этой проблеме — в речи на юбилее Коммунистического университета трудящихся Востока. Вот что он тогда сказал: «В странах, вроде Египта или Китая, где национальная буржуазия уже раскололась на революционную и соглашательскую партии, но где соглашательская часть буржуазии не может еще спаяться с империализмом, коммунисты уже не могут ставить себе целью образование единого национального фронта против империализма. От политики единого национального фронта коммунисты должны перейти в таких странах к политике революционного блока рабочих и мелкой буржуазии. Блок этот может принять в таких странах форму единой партии, партии рабоче-крестьянской, **вроде „Гоминьдан“**[22] (выделено мной. — *А. П.),* с тем, однако, чтобы эта своеобразная партия представляла *на деле* блок двух сил — коммунистической партии и партии революционной мелкой буржуазии. Такая двухсоставная партия нужна и целесообразна, — подчеркнул он, — если она не связывает компартию по рукам и ногам… если она облегчает

дело фактического руководства революционным движением со стороны компартии. Такая двухсоставная партия не нужна и нецелесообразна, если она не отвечает всем этим условиям, ибо она может повести лишь к растворению коммунистических элементов в рядах буржуазии, к потере компартией пролетарской армии»[196].

И вновь Исполком Коминтерна незамедлительно отреагировал, восприняв идеи Сталина как руководящие. Влияние соответствующих сталинских установок сказалось на работе 6-го пленума ИККИ (февраль — март 1926 г.), в отличие от 5-го пленума, принявшего специальную «Резолюцию по китайскому вопросу». В ней декларировалось: «Политическое *выступление* пролетариата дало мощный толчок дальнейшему развитию и укреплению всех революционно-демократических организаций страны, и в первую очередь **народно-революционной партии Гоминьдан** (выделено мной. — *А. П.*) и революционного правительства в Кантоне. Партия Гоминьдан, выступавшая в основном своем ядре в союзе с китайскими коммунистами, представляет собой революционный блок рабочих, крестьян, интеллигенции и городской демократии на почве общности классовых интересов этих слоев в борьбе против иностранных империалистов и всего военно-феодального уклада жизни за независимость страны и единую революционно-демократическую власть… Тактические проблемы китайского национально-революционного движения… очень близко подходят к проблемам, стоящим перед русским пролетариатом в период первой русской революции 1905 г.»[197].

Сталин, возможно, думал, что всего лишь развивает прежнюю линию. На самом деле он ревизовал ее, доведя до абсурда. Его теория на практике приводила к тому, что внутрипартийное сотрудничество с Гоминьданом приобретало для КПК и самого Сталина самодовлеющий характер. По логике, в соответствии с этой концепцией коммунисты должны были внутри Гоминьдана следовать одной из двух тактических линий: либо наступательной (с различной силой), либо оборонительной — в зависимости от обстоятельств. Конечно, Сталин рассчитывал, что коммунистам в конце концов удастся вытеснить с руководящих постов, а затем и из Гоминьдана «представителей буржуазии». Но ведь для этого нужны были благоприятные стечения обстоятельств. А если таковые отсутствовали, то есть если гоминьдановцы оказывались сильнее коммунистов, то тогда КПК должна была идти на уступки лидерам ГМД, ограничивая свою самостоятельность и политическую независимость. И все это ради сохранения своего присутствия в Гоминьдане — «народной»

партии, ибо выйти из Гоминьдана означало похоронить надежды на превращение этой партии в «рабоче-крестьянскую».

Такая концепция единого фронта по самой сути своей была чисто бюрократической, основанной почти полностью на кабинетных расчетах в отношении баланса сил в Гоминьдане. Будучи чрезвычайно искусен во всем, что касалось аппаратных интриг, Сталин должен был быть абсолютно уверен в неизбежном успехе такой политики: как раз в то время он сам занимался тем, что вытеснял своих главных антагонистов (Троцкого, Зиновьева, Каменева) из руководства большевистской партии. Между тем эта политика не могла быть эффективной в Китае, объятом пламенем национальной революции. В отличие от деградировавшей ВКП(б) Гоминьдан был революционной партией, антикоммунистическая военная фракция которого пользовалась популярностью не только в офицерском корпусе, но и среди значительных слоев китайского общества. Просто так вытеснить членов этой группы из их собственной политической организации было невозможно.

Китайские коммунисты объективно оказывались заложниками сталинской линии. Не принять они ее не могли: ведь КПК, как мы знаем, полностью зависела от советской финансовой помощи. Однако и выполнить указания о коммунизации Гоминьдана, не рискуя разорвать единый фронт, было нельзя[198]. Судя по воспоминаниям Чжан Готао, большинство руководителей КПК в конце концов стали понимать все это, а потому оказались вынуждены маневрировать, блефовать, выкручиваться[199]. Но это не всегда помогало, и в итоге КПК не могла не прийти ни к чему иному, как к поражению.

На первых порах, правда, ничто не предвещало столь драматичного развития событий. Казалось, коммунисты и «левые» в Гоминьдане имеют реальные шансы на превращение этой партии в «рабоче-крестьянскую». В стране развивалось антиимпериалистическое движение, усиливалась борьба рабочих, а «левые» или казавшиеся «левыми» лидеры ГМД подчеркнуто демонстрировали заинтересованность в развитии отношений с КПК, СССР и Коммунистическим Интернационалом. Никто даже не мешал Мао пропагандировать в гоминьдановской печати радикальные идеи уничтожения класса *дичжу*[200], несмотря на то, что практически весь офицерский корпус НРА и большинство членов руководящего состава самого Гоминьдана принадлежали к нему. Правда, 20 августа, еще до приезда Мао в Кантон, один из лидеров «левых» Ляо Чжункай был убит террористом, но это только ослабило позиции «правых», поставив их в изоляцию. В ответ на убийство Ван Цзинвэй выдвинул лозунг «Те, кто хочет делать революцию, — двигайтесь влево!»[201]. Обескураженные

«правые» попытались было расколоть Гоминьдан, созвав 23 ноября 1925 года в окрестностях Пекина, в Сишани (Западные холмы), сепаратное совещание, названное ими 4-м пленумом ЦИК Гоминьдана, но у них ничего не вышло. Ван Цзинвэй, Чан Кайши, Тань Янькай и многие другие руководители партии, поддержанные коммунистами, выступили против них. 27 ноября от имени ЦИК Гоминьдана Мао набросал проект обращения ко всем товарищам по Националистической партии, в котором действия «сишаньцев» были подвергнуты резкой критике. 5 декабря это обращение было опубликовано в первом номере «Чжэнчжи чжоубао»: «Сегодняшняя революция — лишь эпизод в последней и решающей битве между двумя великими мировыми силами революции и контрреволюции… Мы должны признать, что в нынешней ситуации тот, кто не за революцию, тот за контрреволюцию. Середины здесь быть не может ни в коем случае»[202].

В наиболее систематическом виде Мао изложил свои тогдашние взгляды в крупной работе «Анализ классов китайского общества», опубликованной 1 декабря 1925 года в печатном органе 2-го корпуса НРА журнале «Гэмин» («Революция»). Несмотря на название, статья эта не представляла собой, конечно, никакого строго научного социологического исследования. В то время вообще никто в КПК не мог бы всерьез анализировать классовую структуру Китая: ни выдающихся социологов, ни крупных экономистов в ее рядах просто не было[203]. Но Мао ни на что такое и не претендовал. Его статья носила резко пропагандистский характер, преследуя конкретную политическую цель: доказать, что число врагов революции по самой природе китайского общества малочисленно и что вследствие этого победа неизбежно будет за «левым» блоком. Для простоты анализа он делил все общество на пять категорий: крупная, средняя и мелкая буржуазия, полупролетариат и пролетариат, даже не задумываясь, что калькирует на Китай не соответствующую ему схему классовых отношений развитого капиталистического строя. «Кто наши враги? Кто наши друзья?» — ставил он чисто политические вопросы и в конце статьи отвечал: «Все, кто находится в союзе с империализмом, — милитаристы, бюрократы, класс компрадоров, крупные *дичжу,* класс реакционной интеллигенции, то есть так называемая крупная буржуазия в Китае — наши враги, наши истинные враги. Вся мелкая буржуазия, полупролетариат и пролетариат — наши друзья, наши истинные друзья. Что же касается колеблющейся средней буржуазии [к ней он, в частности, относил мелких *дичжу*], то ее правое крыло надо рассматривать как нашего врага;

и даже если оно еще не наш враг, оно скоро им станет. Ее же левое крыло можно рассматривать как нашего друга — но не как истинного друга [«левое крыло, — написал он в другом месте статьи, — …в целом полуконтрреволюционно»]». К «истинным друзьям» Мао относил и люмпен-пролетариат, о котором, как бы между прочим, замечал: «Эта группа людей способна на самую мужественную борьбу; если мы сможем правильно руководить ими, они смогут стать революционной силой». В результате у него получалась впечатляющая картина: 395 миллионов друзей против 1 миллиона врагов и 4 миллионов колеблющихся![204] Никаким скрупулезным анализом статистических данных относительно численного состава тех или иных социальных групп Мао себя не утруждал. Все цифры брал «на глазок», даже общую численность населения Китая определяя весьма произвольно — в 400 миллионов, тогда как на самом деле по данным почтовой переписи 1922 года она уже равнялась 463 миллионам. Не обременял он себя и выяснением подлинной экономической роли общественных классов в системе производственных отношений[205]. И тем не менее статья имела успех — именно из-за своей политизированности. В феврале 1926 года ее перепечатал крестьянский отдел ЦИК Гоминьдана в своем журнале «Чжунго нунминь» («Китайский крестьянин»).

Мао активно участвовал в подготовке и проведении II гоминьдановского съезда, который состоялся в январе 1926 года, вскоре после того, как войска Чан Кайши, разгромив остатки местных милитаристов, объединили под властью Национального правительства всю провинцию Гуандун. Он вошел в комиссию по проверке полномочий делегатов съезда, а также в комиссии, готовившие проекты резолюций о пропаганде и о крестьянском движении. На восьмой день работы форума он сделал пространный доклад о результатах работы партии в области пропаганды за двухгодичный период[206]. Таким образом, в определенной мере есть и его заслуга в том, что II съезд прошел под знаком крепнувшего «единства» компартии и «левой» фракции Гоминьдана. При выборах нового состава Центрального исполкома Мао вновь вошел в его состав на правах кандидата. Вообще же число коммунистов в высшем органе Гоминьдана увеличилось с десяти до тринадцати, причем право решающего голоса получили семь членов КПК (в отличие от ЦИК первого созыва, где, как мы знаем, полноправными членами были лишь три коммуниста). Это было сделано по личному распоряжению Ван Цзинвэя; руководители КПК предлагали избрать в ЦИК только двух коммунистов. Двое членов компартии — Тань Пиншань и Линь Боцюй — стали членами Постоянного комитета

ЦИК. Еще один коммунист оказался включен в Центральную контрольную комиссию ГМД.

Казалось, ничто не предвещало никаких осложнений. В течение всего съезда Ван Цзинвэй «держался „левее“, чем коммунисты», — вспоминает находившаяся тогда в Кантоне Вишнякова-Акимова. В своем докладе он заявил, что коммунисты и некоммунисты, вместе проливая кровь на поле брани, сплотились в одно целое, так что их нельзя разделить[207]. Советского агента порадовало, что «перед закрытием [съезда] один из членов президиума развернул красное знамя с золотой надписью „Угнетенные народы всего мира, соединяйтесь и сбрасывайте иго империализма!“». Это был подарок Коммунистического Интернационала. «Овации продолжались несколько минут, — свидетельствует очевидец. — … Разгромленные правые молчали». Съезд, таким образом, «стал триумфом революционной части гоминьдана»[208]. Вскоре после съезда Мао опять был утвержден исполняющим обязанности заведующего отделом пропаганды ЦИК, Тань Пиншань — переизбран заведующим орготделом, а Линь Боцюй — крестьянским отделом. Линь возглавил и вновь созданный в начале февраля комитет ЦИК по крестьянскому движению, в который также вошел Мао Цзэдун[209].

«Левый праздник» не затихал вплоть до конца марта 1926 года. Его кульминацией стало выступление одного из руководителей ГМД Ху Ханьминя на 6-м пленуме ИККИ в Москве 17 февраля. Старый соратник доктора Суня заявил тогда: «Есть лишь одна мировая революция, и китайская революция является ее частью. Учение нашего великого вождя Сунь Ятсена совпадает в основных вопросах с марксизмом и ленинизмом… Лозунг Гоминьдана: за народные массы! Это значит: политическую власть должны взять в свои руки рабочие и крестьяне»[210]. Тогда же, в феврале 1926 года, Центральный исполнительный комитет Гоминьдана даже обратился в Президиум ИККИ с официальной просьбой о принятии ГМД в Коминтерн. В письме, переданном коминтерновским руководителям Ху Ханьминем, ЦИК Гоминьдана, в частности, подчеркнул: «Гоминьдан стремится выполнить уже 30 лет стоящую перед революционным движением Китая задачу — переход от национальной революции к социалистической»[211].

Было отчего закружиться голове! В феврале 1926 года руководители ЦК ВКП(б) и Исполкома Коммунистического Интернационала всерьез рассматривали вышеизложенную просьбу ЦИК Гоминьдана, а Политбюро ЦК, например, большинством голосов даже высказалось за прием, на правах

сочувствующей партии[212]. Правда, затем осторожность все же взяла верх, и по предложению Президиума ИККИ и после консультаций Войтинского со Сталиным и Зиновьевым был выработан проект уклончивого письма в ЦИК ГМД. После утверждения Президиумом ИККИ 25 февраля 1926 года оно было передано Ху Ханьминю[213]. В нем отмечалось, что, хотя формальное присоединение Гоминьдана к Коминтерну в качестве «симпатизирующей партии, разумеется, не встречает никаких возражений», тем не менее Коминтерн считает момент для такого присоединения неподходящим: обращалось внимание на то, что вступление Гоминьдана в Коминтерн «облегчит образование единого империалистического фронта против Китая», а также даст повод внутренней китайской контрреволюции изобразить Гоминьдан «партией, потерявшей национальный характер». Вместе с тем Президиум ИККИ, подчеркивая, что «видит в партии Гоминьдан своего прямого союзника в борьбе против мирового империализма», выражал обещание в случае, если ЦИК ГМД будет настаивать на своей просьбе, включить вопрос о вхождении Гоминьдана в Коминтерн в порядок дня будущего VI конгресса Коммунистического Интернационала[214].

Развитие событий, однако, не пошло в том направлении, в каком его усиленно подталкивали деятели Коминтерна и КПК. Реализация коминтерновских установок, направленных на коммунизацию Гоминьдана, закономерно привела к военному антилевому перевороту в Кантоне. Возглавил его Чан Кайши, который в начале 1926 года стал стремительно эволюционировать вправо.

Взрыв антикоммунистических эмоций у командира 1-го корпуса НРА произошел 20 марта 1926 года, через пять дней после закрытия 6-го пленума ИККИ. Чан Кайши, которого еще за три года до того коминтерновские чиновники звали в компартию, давно уже с подозрением относился к деятельности советских и китайских коммунистов в Китае. Еще поездка в Россию осенью 1923 года привела его к мысли о том, что «так называемый интернационализм» большевиков «есть не что иное, как цезаризм под другим названием. Он используется лишь для того, чтобы легче ввести в заблуждение внешний мир»[215]. В самом конце декабря 1923 года, вернувшись на родину, Чан написал об этом доктору Суню, заявив в объемном, сорокастраничном, докладе, что «единственной целью Русской партии является советизация» Китая. В то же время, будучи человеком умным и хитрым, он до поры до времени скрывал свои чувства от широкой общественности, тем более что никакой реакции от Сунь Ятсена на его доклад не последовало. Действовал он умело, так что даже

умудренный опытом Бородин с первых дней своего пребывания в Кантоне числил его среди своих друзей[216]. К весне 1926 года, однако, чаша его терпения переполнилась. Дело в том, что Чан уже долгое время проявлял недовольство деятельностью ряда советских специалистов, многие из которых держались высокомерно. Особенно его раздражал комкор Николай Владимирович Куйбышев, начальник южнокитайской группы советников, работавший в Китае под псевдонимом Кисанька. Похоже, это действительно был надменный и недалекий служака, который в отсутствие Блюхера упивался своей огромной властью. Кисанька явно ощущал себя выдающейся личностью: ведь он приходился младшим братом самому Валерьяну Владимировичу Куйбышеву, одному из наиболее доверенных людей Сталина, председателю Центральной контрольной комиссии ВКП(б) и заместителю председателя Совнаркома. Китайских военных, большинство которых являлись бывшими милитаристами, этот, по описанию Вишняковой-Акимовой, «крутолобый» человек с «большими голубыми глазами»[217] откровенно презирал, дипломатический этикет не соблюдал и, настаивая на централизованном управлении армией, беззастенчиво старался поставить НРА под свой жесткий контроль. Недооценивая Чан Кайши, он его просто игнорировал, предпочитая по всем военным вопросам иметь дело с Ван Цзинвэем. Председатель же Национального правительства в свою очередь использовал Кисаньку для дискредитации генерала Чана: за внешним единодушием двух лидеров Гоминьдана скрывалась глубокая взаимная антипатия. Подтянутый и хладнокровный, чуждый резонерства и болтовни, Чан Кайши резко контрастировал с вальяжным «покорителем дамских сердец», «лучшим оратором партии» Ван Цзинвэем. Председатель Ван просто не выносил «солдафона» Чана. А того буквально тошнило от «трепача» с пухлыми щечками и блестящими от бриолина волосами. Только Бородину удавалось кое-как поддерживать хрупкое равновесие сил в руководстве ЦИК Гоминьдана. Беда же китайских коммунистов заключалась в том, что они недвусмысленно выступали на стороне Ван Цзинвэя и Кисаньки.

С конца февраля вокруг Чан Кайши стали группироваться все недовольные «левым» курсом правительства. В результате личный конфликт генерала Чана, с одной стороны, и Ван Цзинвэя и Куйбышева — с другой начал приобретать политический оттенок. И вот 20 марта генерал Чан не выдержал. Он ввел в Кантоне военное положение, арестовал ряд коммунистов и послал войска окружить резиденцию советских военных советников. По сути дела, он сам спровоцировал инцидент: за два дня до событий Чан

приказал комиссару военного корабля «Чжуншань» («Ятсен») коммунисту Ли Чжилуну подвести судно к школе Вампу якобы для ее охраны, а когда тот, выполняя приказ, встал на рейд вблизи школы, неожиданно объявил его «мятежником», раздув историю о «коммунистическом заговоре»[218]. По Кантону были расклеены его прокламации, в которых говорилось: «Я верю в коммунизм и сам почти коммунист, но китайские коммунисты продались русским и „стали их собаками“, поэтому я против них»[219]. Главное, чего он добивался в то время, было немедленное удаление Куйбышева, его заместителей Рогачева и Разгона и возвращение Блюхера. По сообщению Черепанова, Кисанька, совершенно ошеломленный, послал Чан Кайши письмо, но его возвратили с указанием, что Чана нет дома[220]. Делать было нечего, и через четыре дня Куйбышев, Рогачев и Разгон покинули Кантон. Инцидент закончился мирно: добившись своего, Чан освободил арестованных и даже принес извинения оставшимся в Кантоне советским специалистам. В конце мая в южную столицу Китая вновь прибыл Блюхер.

И все же переворот Чан Кайши, недвусмысленно направленный как против китайских, так и советских коммунистов (то есть советских военных и политических советников) и их попыток укрепить свое влияние в Гоминьдане, ознаменовал установление почти не замаскированной военной диктатуры «правых» гоминьдановцев и центристов на территории, подконтрольной Национальному правительству. Его следствием было значительное ослабление позиций в Гоминьдане не только коммунистов, но и «левых» гоминьдановцев, группировавшихся вокруг Ван Цзинвэя. Сказавшись больным, последний был вынужден выехать за границу. В деревнях Гуандуна началось разоружение крестьянских союзов. Наиболее же серьезное значение для китайской компартии имело то, что вскоре после «переворота», в мае 1926 года, чанкайшистская группировка предъявила ей ряд требований, направленных на значительное ограничение ее политической и организационной самостоятельности в Гоминьдане. Эти требования были внесены на пленум ЦИК Гоминьдана самим Чан Кайши. В их поддержку выступили Тань Янькай и сын Сунь Ятсена от первого брака Сунь Кэ, после чего они были приняты. Эти требования включали: запрещение критики Сунь Ятсена и его учения; передачу председателю ЦИК Гоминьдана списка коммунистов, желавших вступить в ГМД; ограничение числа коммунистов в ЦИК, провинциальных и городских комитетах Гоминьдана одной третью общего количества членов этих комитетов; запрещение коммунистам заведовать отделами ЦИК ГМД; запрещение членам

Гоминьдана созывать совещания от имени Гоминьдана без разрешения партийного руководства; запрещение членам Гоминьдана без разрешения участвовать в деятельности компартии; предварительное утверждение объединенным совещанием[23] всех инструкций КПК, передаваемых ее членам; запрещение членам Гоминьдана вступать в КПК[221]. Вскоре после пленума Чан Кайши сосредоточил в своих руках все нити власти: он занял пост председателя Постоянного комитета ЦИК Гоминьдана, возглавил Военный совет Национального правительства и отдел военных кадров ЦИК ГМД. А что самое важное — был провозглашен главнокомандующим Национально-революционной армией. Во главе Национального правительства встал Тань Янькай[222].

Еще накануне майского пленума, понимая, что Чан Кайши поставит вопрос о будущем статусе КПК в Гоминьдане, китайские коммунисты запросили Москву: «Что делать?» Сам Чэнь Дусю в создавшейся ситуации склонялся к выходу из Гоминьдана; жертвовать независимостью компартии он не хотел. С ним был согласен Войтинский, по собственной инициативе написавший ему 24 апреля о необходимости «прекратить составлять вместе с Гоминьданом смешанный союз»[223]. С предложением об организации выхода КПК из Гоминьдана в Политбюро ЦК ВКП(б) тогда же обратился Троцкий, а 29 апреля в поддержку идеи Войтинского выступил и Зиновьев. Все эти предложения, однако, не мог принять Сталин: они разрушали его тактическую схему. Ведь с точки зрения кремлевского лидера коммунисты в «рабоче-крестьянском Гоминьдане» всего пару недель назад были накануне захвата власти; как же можно было так просто сдавать «завоеванные» позиции? По логике Сталина, это было равносильно неоправданной капитуляции перед «правыми» гоминьдановцами[224]. Из Москвы в ЦИК КПК пошло указание: замедлить темп наступления внутри Гоминьдана, чтобы перегруппировать силы. Сталин признал необходимым пойти «на внутренние организационные уступки *левым гоминьдановцам* в смысле перестановки лиц»[225]. Речь шла только о «левых». Выступление Чан Кайши (в то время никто в советском руководстве не относил Чан Кайши к «правым») Политбюро расценило как конфликт между коммунистами и их объективными союзниками. Да и сам Бородин, осознавший, что в политике наступления советские и китайские коммунисты зашли слишком далеко, понял, что демонстрация Чан Кайши была закономерна. «Будь Сунь жив, — делился он своими соображениями в частной беседе с Чжан Готао, — он бы тоже принял определенные меры для ограничения деятельности

КПК»[226].

И вновь китайские коммунисты должны были подчиниться, тем более что в мае 1926 года Политбюро ЦК ВКП(б) обязало ИККИ и советское правительство «всемерно усилить помощь Компартии Китая как людьми, так и деньгами»[227].

Пришлось Мао, как и другим коммунистам-заведующим отделами ЦИК Гоминьдана (Тань Пиншаню и Линь Боцюю), уйти в отставку. По воспоминаниям Чжан Готао, Мао был особенно недоволен этим. В политике отступления он винил Бородина, называя его в частных беседах с Чжан Готао «заморским чертом»[228]. Отдел пропаганды и крестьянский отдел возглавили считавшиеся «левыми» гоминьдановцы Гу Мэнъюй и Гань Найгуан, а организационный — сам Чан Кайши[229].

Без работы, правда, Мао не остался. Еще в середине марта, за четыре дня до переворота, он был назначен директором 6-го набора курсов крестьянского движения, которые в результате реорганизации приобрели характер общекитайских. 3 мая состоялась торжественная церемония зачисления новых слушателей (их было 327 человек), а 15 мая начались занятия. С начала апреля 1926 года он также преподавал крестьянский вопрос на курсах партийных и молодежных агитаторов провинции Гуандун[230]. Так что, уйдя в отставку с поста исполняющего обязанности заведующего отделом пропаганды ЦИК Гоминьдана, Мао смог полностью отдать себя делу, которое с лета 1925 года стало для него едва ли не самым важным — организации китайского крестьянства.

Назначение это было неслучайным. Со времени возвращения из Шаошани Мао неустанно обращался к проблемам крестьянского движения, писал о них в гоминьдановских изданиях, поднимал в устных выступлениях. «Мы уделяли слишком много внимания городскому населению и игнорировали крестьянство, — твердил он. — …Чем быстрее мы уничтожим гнет крестьянства, тем скорее осуществим национальную революцию… Если мы хотим, чтобы национальная революция достигла успеха, мы должны защищать интересы крестьян… Только тот, кто поддерживает движение за освобождение китайских крестьян, — преданный революции член партии; все остальные — контрреволюционеры»[231]. В компартии;, где, как мы знаем, крестьянскими проблемами мало кто занимался, Мао в то время стал рассматриваться как настоящий эксперт по крестьянскому движению. Даже руководители Гоминьдана, в том числе «правой» политической ориентации, считали «короля Хунани» (так Мао в шутку звали в кругах КПК) «знатоком китайского вопроса». По словам Бородина, они «сами выдвигали

его в состав комиссий по крестьянским вопросам»[232]. В начале января 1926 года в журнале «Чжунго нунминь» Мао опубликовал небольшую статью, непосредственно посвященную положению китайского крестьянства, — «Анализ различных классов китайского крестьянства и их отношения к революции». Хотя эта работа во многом повторяла, иногда даже текстуально, основные положения его предыдущей статьи о классах китайского общества, левое крыло Гоминьдана встретило ее с интересом. И то, что она также не блистала научным анализом, мало кого смущало. Революционерам нужен был не научный трактат, а политически заостренная, боевая и четкая прокламация. А таковой эта работа как раз и являлась. Тем более что, в отличие от декабрьской публикации, в ней гораздо более четко описывалась социальная структура китайской деревни: вместо пяти категорий (крупная, средняя и мелкая буржуазия, полупролетариат и пролетариат) Мао на этот раз делил сельское общество на восемь частей: крупные и мелкие *дичжу* (их он, как и раньше, относил соответственно к крупной и средней буржуазии), крестьяне-собственники (мелкая буржуазия), крестьяне-полусобственники (те, кто арендовал землю частично), издольщики (арендаторы со своим инвентарем), бедные крестьяне (арендаторы, не имеющие своего инвентаря), батраки-пролетарии (к ним Мао почему-то относил и ремесленников) и бродяги. Такая картина больше соответствовала реальности, хотя все еще была далека от совершенства: Мао по-прежнему не замечал, что завышает степень капиталистического развития китайской деревни.

Имелся в статье и еще один новый момент. О миллионах люмпенов, вынужденных заниматься бандитизмом, просить милостыню или служить в армиях милитаристов, Мао на этот раз говорил с особым сочувствием. Он по-прежнему считал их союзниками, способными на «самую мужественную борьбу», но при этом уже не ограничивался общими фразами. «Мы должны завоевывать их на сторону крестьянских союзов, привлекать к участию в великом революционном движении с тем, чтобы решить проблему безработицы, — утверждал он. — Мы ни в коем случае не должны толкать их в объятия врага, превращая в силу на службе у контрреволюции».

Правда, главную надежду он все же возлагал на «единый союз» пяти категорий крестьян (собственников, полусобственников, издольщиков, бедняков и батраков с ремесленниками). От них он требовал бороться против всего класса *дичжу,* а не только против крупных землевладельцев. (К последним он, кстати, относил владельцев более 500 *му,* то есть

33 га, земли.) «По отношению к классу *дичжу,* — заключал Мао, — мы, по существу, приняли метод борьбы, требуя от них экономических и политических уступок. В особых же случаях, когда мы сталкиваемся с наиболее реакционными и злыми *тухао* и *лешень,* жестоко эксплуатирующими народ… мы требуем их полного искоренения»[233].

Примерно в то же время в другой статье, опубликованной в редактировавшемся им журнале «Чжэнчжи чжоубао», Мао вновь подчеркнул, что весь класс *дичжу* фактически находится в стане врага — вместе с империалистами, бюрократами, милитаристами и компрадорами. Вся статья была заострена именно против *дичжу,* причем наиболее сильный удар Мао обрушил на мелких «помещиков», о которых с презрением написал, что те «хотят революции для того, чтобы стать богатыми, тогда как другие классы хотят революции для того, чтобы облегчить страдание; они хотят революции для того, чтобы превратиться в новый класс угнетателей, в то время как другие классы хотят революции для того, чтобы достичь освобождения и устранить угнетение на веки вечные»[234].

Такая левизна, как мы помним, была характерным знаком эпохи: до переворота Чан Кайши оставалось еще более двух месяцев. Так же, как Мао, рассуждали тогда многие лидеры КПК. В октябре 1925 года расширенный пленум ЦИК китайской компартии, собравшийся нелегально в Пекине (Мао, кстати, на нем не присутствовал, впрочем, как и Чэнь Дусю), определил курс партии именно на обострение «классовой борьбы» в деревне. Этот пленум, первый в истории партии уделивший пристальное внимание аграрным проблемам, в своих секретных тезисах «О текущем моменте и задачах КПК» подчеркнул: «Китайская компартия должна уже сейчас подготовить рабочие и крестьянские массы к мысли о том, что вопрос об отдаче земли крестьянам неминуемо [в]станет на очередь дня к моменту создания народно-революционного правительства, которое не сможет ни удержать власть, ни противостоять военной контрреволюции, если не будет конфискована земля в пользу крестьян… Наша партия должна знать, что те переходные требования для крестьян, которые выставлялись и выставляются нами, как снижение арендной платы, содействие правительства крестьянам в деле орошения, снижение налогов и отмена вненалоговых обложений, взимаемых местными властями, изъятие соляной монополии из рук империалистов и снижение налогов на соль, право на организацию самоуправления крестьян в деревнях и право на вооружение крестьян для борьбы с бандитизмом[24], все эти требования, революционизируя и

организовывая крестьянские массы, не могут, однако, сделать крестьянство опорой и защитником революции, если оно не получило основного своего требования — земли, на которой оно работает»[235]. Данное положение, как видно, развивало рекомендации Бухарина относительно необходимости осуществления в Китае аграрной революции, высказанные им еще накануне III съезда КПК. За тем, чтобы члены ЦИК КПК включили его в свои тезисы, проследил Войтинский, принявший участие в пленуме как представитель ИККИ. Пленум также постановил организовать в составе Центрального исполкома специальный отдел по крестьянскому движению (таковой, правда, в то время создать не удалось; сформирован он будет только в ноябре 1926 года)[236].

В середине февраля 1926 года, сказавшись больным, Мао бросил отдел пропаганды на своего заместителя Шэнь Яньбина (будущего знаменитого писателя Мао Дуня) и в течение двух недель проводил обследование крестьянского движения на севере провинции Гуандун и юге Хунани. После этого выступил по проблемам крестьянства перед курсантами офицерской школы 2-го корпуса гоминьдановской армии[237].

Между тем, окоротив коммунистов и «левых», Чан Кайши вплотную приступил к подготовке и осуществлению Северного похода — военной экспедиции, задуманной еще Сунь Ятсеном, для покорения милитаристов и объединения Китая. Крупнейшую помощь ему в этом деле оказал Блюхер, с которым Чан да и другие китайские генералы как нельзя лучше ладили. Звали они главного военного советника «Цзялунь цзянцзюнь» («Генерал Галин»), вряд ли догадываясь, откуда произошел этот псевдоним.

А выбрал его себе, между прочим, сам Блюхер в 1924 году во Владивостоке, непосредственно перед тем, как получать заграничный паспорт. Как и все советские работники в Китае, он должен был работать под псевдонимом, и вот, по воспоминаниям члена его штаба Марка Казанина, Блюхер тогда сказал:

«— Пишите „Галин“ — жена-то ведь Галина[25].

— А имя и отчество? — спросили его.

— Гм… дети: Зоя и Всеволод, давайте „Зой Всеволодович“. Раздался общий хохот, — пишет Казанин.

— И имени-то такого нет — Зой, — заметил кто-то.

— А что, имена это только те, что в святцах? — парировал Блюхер»[238]. Так он и стал Зоем Всеволодовичем Галиным. Другим его псевдонимом, который он использовал в секретной переписке с Москвой, был Уральский.

В конце марта, в обстановке непосредственной подготовки к Северному походу, Мао принял участие в заседании

крестьянского отдела ЦИК Гоминьдана, которым на тот момент пока еще руководил коммунист Линь Боцюй. Понимая, что выступление НРА приведет к неизбежному вовлечению в национальную революцию миллионов крестьян, Мао тогда предложил резолюцию, обязывавшую активистов крестьянского движения уделять повышенное внимание тем районам, по которым должна будет проходить армия Гоминьдана. Он назвал провинции Цзянси, Хубэй, Чжили, Шаньдун и Хэнань[239]. По каким-то причинам свою родную Хунань он не упомянул: очевидно, потому, что необходимость в организации крестьянского движения в непосредственно граничащей с Гуандуном провинции и так ни у кого не вызывала сомнений.

В начале июля войска Национально-революционной армии двинулись на север. Общая их численность составляла на тот момент около 100 тысяч солдат и офицеров. Объективным союзником НРА была Националистическая армия (150 тысяч штыков), командующий которой Фэн Юйсян заявил о поддержке доктора Суня еще в октябре 1924 года. В мае 1926 года маршал Фэн даже вступил в ГМД, однако помочь своим товарищам по партии он не мог, так как за три с половиной месяца до Северного похода потерпел крупнейшее поражение от северокитайских милитаристов. Противостояли армии Чан Кайши три милитаристские группировки. Во главе них стояли: в Центральном Китае — знакомый нам У Пэйфу, расстрелявший забастовку ханькоуских рабочих 7 февраля 1923 года; в Восточном Китае — отколовшийся от У Пэйфу маршал Сунь Чуаньфан и в Северном и Северо-Восточном Китае — маршал Чжан Цзолинь. Армии У и Суня насчитывали по 200 тысяч бойцов каждая. Маршал Чжан мог выставить 350 тысяч человек. Силы, как видно, были неравными, но Чан Кайши повезло. Еще в феврале 1926 года в армии Чжао Хэнти, хунаньского губернатора, входившего в группировку генерала У, произошел раскол. Командир 4-й дивизии его войск генерал Тан Шэнчжи поднял восстание, предварительно связавшись с кантонским правительством. (Одним из тех, кто способствовал установлению такой связи, был, кстати говоря, Мао Цзэдун, наряду с другими лидерами хунаньских коммунистов.) Заручившись поддержкой Кантона, Тан атаковал генерала Чжао, вынудив его бежать из Чанши.

8 конце марта 1926 года он провозгласил себя губернатором Хунани. Но укрепиться ему в столице провинции сразу не удалось. Генерал У двинул против него войска, и тот вынужден был оставить город. В этих условиях Чан Кайши сделал единственно верный ход: 19 мая он направил в Хунань один из

полков НРА численностью в две тысячи человек.

Этот полк был единственным в армии Гоминьдана, во главе которого стоял коммунист (принадлежность этого человека к компартии, правда, хранилась в секрете). Звали комполка Е Тин. Младшие и средние командиры в полку тоже являлись членами КПК, равно как и несколько сот солдат. Именно этот полк, входивший в состав 4-го корпуса НРА на правах отдельного, помог Тан Шэнчжи переломить обстановку. Вслед за ним в Хунань была дислоцирована бригада 7-го корпуса, а в начале июня дивизия Тана был реорганизована в 8-й корпус НРА. Именно это и предопределило первоначальный успех Северного похода. Уже через два дня после его начала, 11 июля, совместные силы 4, 7 и 8-го корпусов вновь взяли Чаншу. После этого, в середине августа, на встрече Тан Шэнчжи с Чан Кайши было решено продолжить Северный поход двумя колоннами: западной, целью которой было взятие трехградья Ухани, и восточной, нацеленной на столицу провинции Цзянси, город Наньчан. Во главе восточной колонны встал сам Чан Кайши, во главе западной — Тан Шэнчжи. 17 августа Северный поход был продолжен[240].

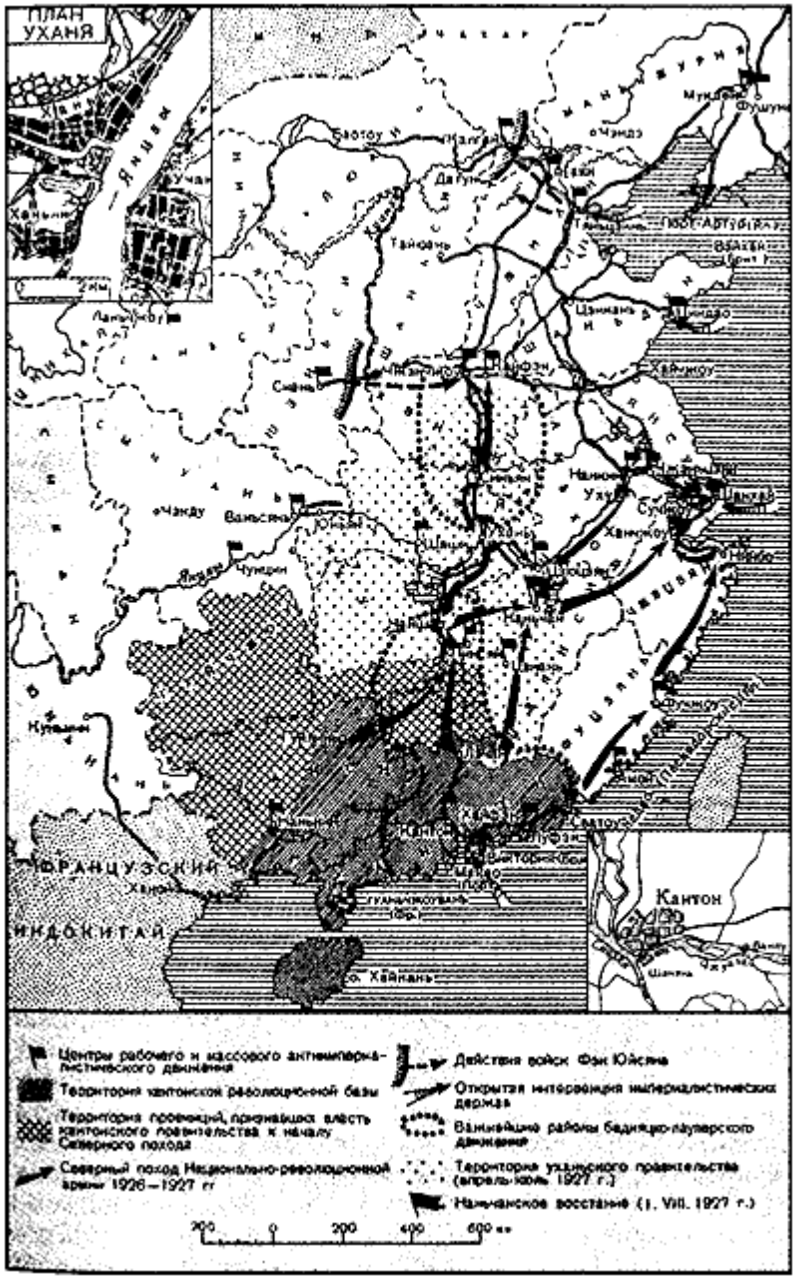
Началось объединение страны, но Мао по-прежнему находился в Кантоне. В родную, уже освобожденную армией НРА Хунань он приехать не смог, так как был просто завален делами. Его теперь все время приглашали в разные аудитории выступать о крестьянском движении: все ожидали массового революционного подъема в деревне. На своих курсах, где он директорствовал, Мао в течение четырех месяцев вел занятия по трем предметам: крестьянский вопрос (23 часа в неделю), просветительская работа в деревнях (9 часов) и география (4 часа). По приглашению крестьянского комитета гуандунского провинциального парткома Гоминьдана читал лекции по аграрному вопросу, истории Коминтерна и СССР на вновь открытых при этом комитете курсах инспекторов. В июле вместе со слушателями крестьянских курсов в течение недели занимался агитационно-пропагандистской работой среди крестьян на севере Гуандуна, на границе с Хунанью, а в середине августа в уезде Хайфэн, на востоке провинции, в течение четырнадцати дней вел практические занятия. В начале же сентября выступал перед курсантами школы Вампу. Одновременно ему пришлось редактировать и готовить к изданию серию брошюр «Крестьянский вопрос» (всего планировалось издать 52 книги, однако вышли в свет 26)[241].

Радикальные взгляды его не изменились. Он по-прежнему призывал к свержению всего класса *дичжу,* невзирая на то, что «помещичьи» сынки возглавляли армии Северного похода.

«Крестьянская проблема есть центральная проблема национальной революции, — твердил он. — Если крестьяне не восстанут, не присоединятся к национальной революции и не поддержат ее, то национальная революция не добьется успеха… Если крестьяне не восстанут и не будут бороться в деревнях против привилегий феодально-патриархальных *дичжу,* покончить с властью милитаристов и империалистов будет невозможно». Отсюда следовал вывод: главной задачей момента должно стать «быстрое формирование крестьянского движения»[242]. Этому он учил своих слушателей, к этому прилагал все усилия. Омрачить раскрывавшиеся перед революцией перспективы, похоже, ничто не могло: миллионы угнетенных крестьян, казалось, были готовы к тому, чтобы сокрушить Поднебесную.

Часть IV
ВИНТОВКА И ВЛАСТЬ

КРУШЕНИЕ ЕДИНОГО ФРОНТА



НАЦИОНАЛЬНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ В КИТАЕ *(1925–1927 гг.)*

К осени 1926 года западная колонна войск НРА вышла в долину реки Янцзы, предварительно разгромив основные силы

милитариста У Пэйфу в провинциях Хунань и Хубэй. 6 сентября был взят Ханьян, 7-го — Ханькоу, а 10 октября, в День Республики, — Учан. Таким образом, все трехградье Ухань оказалось в руках Национально-революционной армии. Это был один из наиболее крупных центров Китая: в нем насчитывалось около полутора миллионов жителей. Стратегическое значение имело его расположение: посреди Великой Китайской равнины, на пересечении двух наиболее важных транспортных артерией страны — текущей с запада на восток реки Янцзы и железной дороги Пекин — Чанша. Старинный город, основанный еще в конце Ханьской династии, в III веке н. э., Ухань развивался быстро. В конце XIX века он был открыт для иностранцев, основавших в Ханькоу свою концессию. Это несомненно сказалось на экономическом процветании этой части Ухани: расположенный на левом, северном, берегу Янцзы, Ханькоу превратился в важнейший коммерческий порт Центрального Китая. В нем, а также в расположенном по соседству Ханьяне выросли промышленные предприятия. Экономический подъем, однако, не сказался на политическом статусе левобережья. Центром общественной и культурной жизни трехградья всегда был и оставался Учан.

Разумеется, взятие столь важного населенного пункта можно было считать большой удачей гоминьдановской армии. В начале ноября Политический совет ЦИК ГМД принял решение перенести в Ухань из Кантона резиденцию Национального правительства, и через месяц часть министров (в основном левой ориентации) вместе с Бородиным перебрались на новое место. 1 января Ухань был официально провозглашен столицей гоминьдановского Китая[1]. Ближайшая победа Гоминьдана над милитаристской реакцией во всей стране становилась очевидной.

В самом начале ноября Мао Цзэдун выехал из Кантона. Однако путь его лежал не в Ухань, а в Шанхай. По решению ЦИК КПК он вновь переходил на работу в центральный аппарат партии. На этот раз ему предстояло возглавить только что созданный комитет крестьянского движения, в котором надо было бок о бок работать с самим Пэн Баем, наиболее известным организатором крестьян Гуандуна. Всего под началом Мао должно было быть шесть человек. И каждый из них успел зарекомендовать себя на партийной работе в деревне[2]. Но все же Мао выделялся даже на их фоне, несмотря на то, что реального опыта работы среди крестьян у него было значительно меньше, чем, например, у того же Пэн Бая. Его взгляды по крестьянским проблемам вызывали симпатию многих лидеров КПК, которые, как мы помним, сами были достаточно левацки настроены. В

сентябре 1926 года, например, член Центрального бюро КПК Цюй Цюбо рекомендовал отделу пропаганды ЦИК положить в основу его работы идеи Мао, высказанные им в одной из статей по крестьянскому движению. Имелись в виду известные нам идеи борьбы крестьянства против «величайшего врага революции» «феодально-патриархального» класса *дичжу*. Возможно, именно Цюй Цюбо и настоял на назначении Мао секретарем комитета крестьянского движения[3].

Не исключено, что кандидатуру Мао поддержал и Войтинский, который с июня 1926 года находился в Шанхае в качестве председателя вновь организованного Дальневосточного бюро ИККИ (помимо четырех сотрудников Коминтерна в бюро входили Чэнь Дусю и Цюй). С самого начала Северного похода Войтинский на свой страх и риск добивался от ЦИК КПК проведения решительной и радикальной политики в крестьянском вопросе, настаивая на форсировании аграрной революции[4].

Противился ли назначению Мао генсек Чэнь Дусю, неизвестно. Скорее всего, нет: «Старик» ведь по-прежнему пользовался огромным уважением в руководстве партии, и без его согласия Мао вряд ли мог получить этот пост. Разумеется, Чэнь, сам придерживавшийся левых взглядов, как всегда, маневрировал. С одной стороны, прислушивался к левому Войтинскому, с другой — стремился заверить Сталина, что экстремизма, грозящего единому фронту, более не допустит. Вскоре после начала Северного похода, 12 июля 1926 года, Чэнь даже созвал в Шанхае еще один пленум Центрального исполкома, на котором была принята «вялая», по выражению Чжан Готао, резолюция о крестьянском движении[5]. Она, как и открытое обращение КПК к крестьянам, изданное в октябре 1925 года, призывала земледельцев лишь к борьбе за снижение арендной платы и ссудного процента, облегчение их налоговой эксплуатации и запрещение спекуляции. «Крестьяне! Все как один поднимайтесь на борьбу против продажных чиновников, *тухао* и *лешэнь,* против непосильных налогов и бесчисленных поборов, взимаемых милитаристскими правительствами!» — говорилось в резолюции[6]. И только! Ни Цюй Цюбо, ни Чжан Готао, ни Тань Пиншаню, ни многим другим коммунистам это не нравилось. В оппозицию генсеку в то время встал даже его собственный сын, Чэнь Яньнянь («Сяо Чэнь» — «Маленький Чэнь», как его называли в партии), возглавлявший крупнейшую на тот момент провинциальную организацию КПК — гуандунскую. Он и его товарищи подчеркивали, что «резолюция Ц[И]К о крестьянах не была основательной». Они требовали, чтобы «по мере успешного

развития Северного похода» был выдвинут «лозунг аграрной революции: „распределение земли между крестьянами“, для мобилизации крестьян на проведение похода». Но Генеральный секретарь был бессилен что-либо сделать: ведь именно он отвечал за безукоризненное проведение в жизнь сталинского курса в Китае, а потому должен был «наступать на горло собственной песни».

Может быть, именно для того, чтобы как-то выйти из столь противоречивого положения, он и согласился на назначение Мао, втайне надеясь с помощью этого «знатока» крестьянства «протолкнуть» в деревне «левый» курс в обход Коминтерна (в случае провала всю вину можно было свалить на «заблуждавшегося» секретаря комитета).

Вряд ли Мао догадывался об этой игре. 6-й набор курсов крестьянского движения, во главе которого он стоял, к тому времени, когда его пригласили в Шанхай, уже два месяца как закончил занятия, и он мог с легкой душой принять новое назначение. Одновременно с ним из Кантона выехала вся его семья. Его дорогая «Зорюшка» вновь ждала ребенка (она находилась на пятом месяце), так что по обоюдному согласию было решено, что она вместе с детьми и матерью вернется в Чаншу[7]. Что за судьба! Они опять расставались, но Кайхуэй больше не сетовала. Она понимала: Мао нужен был революции, которая, как огненный смерч, стремительно неслась по стране.

В Шанхае он, однако, долго не задержался, быстро разобравшись в хитросплетениях внутрипартийной политики. Обстановка в аппарате ЦИК была крайне нервная, партийное руководство раздирали склоки и дрязги. Большую власть приобрел Пэн Шучжи, к которому Мао после истории с Сян Цзинъюй и Цай Хэсэнем мог испытывать только презрение. К тому же за несколько дней до того, как Мао Цзэдун сошел на берег реки Хуанпу, баланс сил между радикалами и умеренными в руководстве КПК изменился. В то время как Мао плыл из Кантона в Шанхай, Войтинский получил директиву из Москвы, прозвучавшую как гром среди ясного неба. Опасаясь за исход Северного похода, Сталин дал указание китайской компартии перейти к тактике дальнейшего отступления, сделав на этот раз уступки даже гоминьдановским «правым»! «Отступить, чтобы потом лучше прыгнуть» — так позже характеризовал эту тактику один из сталинских публицистов, редактор журнала «Коммунистический Интернационал» Александр Самойлович Мартынов[8].

Сталин исходил из того, что с развитием военной обстановки в Китае баланс сил в ГМД становился все очевиднее не в пользу

китайской компартии, а потому КПК демонстрировала полное бессилие в вопросе об очищении Гоминьдана от «антикоммунистов». 26 октября по предложению сталинского единомышленника, наркома по военным и морским делам СССР Климента Ефремовича Ворошилова Политбюро ЦК ВКП(б) приняло директиву, запрещавшую развертывание в Китае борьбы против буржуазии и феодальной интеллигенции, то есть тех, кого Коминтерн традиционно относил к «правым». Разумеется, надежды на будущую коммунизацию чанкайшистской партии ни у Сталина, ни у его сторонников не исчезли. Речь шла только о смене тактической линии. (Интересно, что, комментируя октябрьскую директиву уже после поражения коммунистического движения в Китае, на июльско-августовском пленуме ЦК и ЦКК ВКП(б) 1927 года, Сталин охарактеризовал ее как досадное недоразумение. «Это была отдельная эпизодическая телеграмма, абсолютно не характерная для линии Коминтерна, для линии нашего руководства», — объяснил он, назвав указанную директиву «бесспорно ошибочной»[9]. Как отдельное, сиюминутное событие оценил ее и Ворошилов, который, правда, считал ее безукоризненно правильной[10]. Не странно ли?)

На самом деле в директиве Москвы от 26 октября проявился новый политический курс Сталина и Политбюро в Китае. Именно так данную телеграмму расценило Дальневосточное бюро, тем более что это послание было единственной общеполитической директивой, полученной этим органом за пять месяцев его работы в Китае — с июня по октябрь 1926 года[11].

Немедленно после получения директивы, 5–6 ноября — прямо накануне приезда Мао, Дальбюро и ЦИК КПК рассмотрели создавшуюся ситуацию. И Чэнь Дусю мог с горечью констатировать: в своей игре с Коминтерном он оказался прав. Следуй он советам Войтинского и Цюй Цюбо, его бы сейчас сделали «козлом отпущения»! Теперь же по инициативе поостывшего Войтинского было решено «толкать левый Гоминьдан по пути революции… так, чтобы он преждевременно не перепугался и не шарахнулся в сторону». Иными словами, нельзя было ни в коем случае радикализировать крестьянское движение! В Москву срочно была направлена резолюция, в которой ЦИК КПК и Дальбюро заверяли «инстанцию», что от Гоминьдана они ничего такого не будут требовать, разве что согласия на конфискацию земель крупных *дичжу,* милитаристов и *лешэнь,* а также общественных земель с последующей передачей их в руки крестьян. Но даже такое умеренное решение Сталин посчитал экстремистским, настояв в итоге на замене лозунга конфискации земель крупных *дичжу* ничего не значащим

пожеланием политической конфискации земель контрреволюционеров[12].

Вот с такой ситуацией и столкнулся Мао, когда прибыл в Шанхай. От своих взглядов он отказываться не собирался, но и лезть на рожон ему было совсем ни к чему. Вскоре после приезда он созвал срочное заседание своего комитета, на котором выступил с предложением разработать конкретный «План развития крестьянского движения на современном этапе». В основу его он положил идеи, высказанные им на заседании крестьянского отдела ЦИК Гоминьдана в конце марта 1926 года. План обязывал КПК, «исходя из нынешней ситуации, применять принцип концентрации усилий в развитии крестьянского движения». Иными словами, требовал уделять первостепенное внимание организации крестьянства не только в Гуандуне, но и в районах, где в то время действовала армия ГМД, а именно: в провинциях Хунань, Хубэй, Цзянси и Хэнань. «Существенные усилия», кроме того, должны были прилагаться и к организации крестьянства в некоторых других местах, в том числе в только что добровольно признавшей власть гоминьдановского правительства Сычуани, а также в провинциях, которые НРА должна была завоевать в ближайшее время (Цзянсу и Чжэцзян). В Ханькоу, где находились основные правительственные учреждения Гоминьдана, надо было срочно создать представительство крестьянского комитета ЦИК КПК, а в Учане — курсы крестьянского движения[13]. И все для того, чтобы не упустить момент и вовремя возглавить революционные массы.

15 ноября 1926 года Центральное бюро КПК приняло этот план, а уже в конце ноября Мао Цзэдун был на борту парохода, шедшего из Шанхая в Ухань. Именно ему было поручено представлять комитет крестьянского движения ЦИК КПК в Ханькоу. Перед отъездом он направил в центральный орган партии, журнал «Сяндао чжоукань», статью о крестьянском движении в провинциях Цзянсу и Чжэцзян, в которой уже говорил лишь о борьбе против *тухао* и *лешэнь,* а не против всего класса *дичжу*[14]. Как страстно ему хотелось действовать и как сдерживали его инструкции Коминтерна! Кругом полыхала революция, гоминьдановская армия брала город за городом, победа казалась близкой, и его богатое воображение, должно быть, рисовало толпы восставших крестьян, революционные суды над «кровопийцами» *дичжу,* крушение власти милитаристов, ростовщиков и землевладельцев. Как жаль, что себя надо было сдерживать!

В Ханькоу, однако, настроение у него улучшилось. Атмосфера здесь была более левая, чем в Кантоне. «За исключением тихих

районов иностранных концессий, старый город Ханькоу надел новые одежды революции, — вспоминает очевидец. — *Ямэнь* [офис] У Пэйфу сменил хозяина. Всюду развевались [гоминьдановские] флаги с изображением голубого неба и белого солнца. Воинские части и политотделы разных уровней повсюду развесили свои вывески всевозможных размеров и цветов. Среди них виднелись официальные прокламации вышестоящих организаций. Тут и там слышались волнующие призывы и заявления. Казалось, чеки революции были выписаны наобум, и никто не думал о том, могут ли они быть оплачены. Революционные организации всех видов вырастали как грибы, выходя из подполья одна за другой. Их вывески встречались и на широких улицах, и в маленьких переулках… Хотя КПК могла контролировать небольшие военные силы, она располагала огромным потенциалом в политической работе в различных армейских корпусах и бюро Гоминьдана в провинциях Хунань и Хубэй… В моде было не только произнесение речей, считалось еще, что чем левее содержание речи, тем лучше. Даже крупные боссы промышленности и торговли кричали: „Да здравствует мировая революция!“»[15].

Вскоре в Ухань приехал и Бородин. Он выглядел раздраженным. Октябрьская директива Сталина смешивала все его карты. Дело в том, что с начала октября 1926 года он вынашивал план ограничения всевластия Чан Кайши, ставшего к тому времени знаменем «правого» Гоминьдана. К генералу Чану Бородин давно испытывал неприязнь: события 20 марта забыть было невозможно. Во второй половине октября в Кантоне «высокий советник» организовал проведение объединенного заседания ЦИК ГМД с представителями провинциальных и особых городских комитетов партии, на которое в основном собрались только «левые». Мао хорошо помнил это событие: он был одним из его участников. Совещание приняло новую программу Гоминьдана, в которую, в частности, вошло большинство умеренных требований КПК по крестьянскому вопросу, выдвинутых июльским пленумом ЦИК в его открытом «Обращении к крестьянам» (снижение арендной платы, ростовщического процента и т. п.). Помимо этого под давлением «левых» было решено просить Ван Цзинвэя, который жил в то время во Франции, вернуться из «отпуска». Удар по Чан Кайши был точно выверенным, и Бородин теперь хотел развить свой успех. Сразу же по приезде в Ухань он, невзирая на директиву Москвы, встретился с командиром западной колонны Тан Шэнчжи, которому дал понять, что больше не доверяет Чан Кайши и полагается лишь на Тана. «Тот, кто сможет честно

осуществить идеи доктора Сунь Ятсена, станет величайшей фигурой в Китае», — заявил он польщенному генералу. Обрадовавшись, тот ответил: «Я готов следовать всем вашим указаниям»[16]. После этого борьба с Чаном стала для Бородина настоящей идеей фикс, и октябрьская директива Сталина была ему совсем не нужна.

Вместе с тем с приездом в Ухань «высокому советнику» пришлось столкнуться с большими проблемами. Главной из них было то, что за счет перехода на сторону гоминьдановской армии части милитаристов (Тан Шэнчжи был одним из первых, но далеко не последним) офицерский корпус НРА, и без того не блиставший либерализмом, начал приобретать все более консервативный характер. Генерал Тан, на которого Бородин так необдуманно возложил надежды, тоже никаким «левым» не был; он лишь играл в революционность, надеясь при помощи СССР и «левого» Гоминьдана оттеснить Чан Кайши и стать главнокомандующим. По словам хорошо знавшего его советского военного специалиста Владимира Христофоровича Таирова (Тер-Григоряна), работавшего в Китае под псевдонимами Теруни и Тер, «Тан напоминал красивую женщину, которая выставляет напоказ свою красоту… и предлагает себя любому, кто больше даст». Таирову Тан беспрерывно твердил: «Чан Кайши устал. Ему лучше бы отдохнуть», — однако никакого доверия у собеседника не вызывал. «Он показал себя генералом, который не вполне соответствует революции», — делал вывод Таиров, донося Бородину о том, что Тан за его спиной ведет переговоры с японцами и даже с реакционным шанхайским милитаристом Сунь Чуаньфаном[17]. Изменение состава НРА, таким образом, на самом деле способствовало стремительному усилению влияния «правых» в Гоминьдане. И против них Бородин был бессилен. По блестящему выражению Чжан Готао, наблюдавшего за тем, что происходило тогда в Ухани, положение в городе лучше всего можно было охарактеризовать китайской пословицей: «Солнце прекрасно на закате»[18]. Разгул «левой» фразы не отражал реального соотношения сил.

В ноябре 1926 года Чан Кайши взял Наньчан и, окрыленный успехом, сам вступил в открытое противоборство с Бородиным. В ответ на это по инициативе «высокого советника» в Ухани 13 декабря было организовано так называемое Временное объединенное совещание партийно-правительственных органов, взявшее на себя всю полноту власти в гоминьдановских районах. Председателем его был избран «левый» министр юстиции Сюй Цянь, один из наиболее непримиримых врагов Чан Кайши[19]; в состав же помимо «левых» гоминьдановцев вошли три

коммуниста. Повсюду развесили плакаты «Приветствуем возвращение в Китай Ван Цзинвэя!» (никого не смущало, что Ван еще в Китай не приехал), «Требуем сотрудничества между Ваном и Чаном!», «Усилить власть партии!». Лозунги же типа «Поддержим главнокомандующего Чана!», до того украшавшие город, были заменены призывом «Поддержим руководство центрального правительства!»[20]. Разрыв между «левой» Уханью и «правым» Наньчаном стал неизбежным.

Создавшееся положение было обсуждено на встрече членов Центрального бюро КПК с Войтинским и Бородиным сразу же по завершении заседания Временного объединенного совещания, вечером 13 декабря. Чэнь Дусю, Пэн Шучжи, Цюй Цюбо и Войтинский специально для этого приехали на несколько дней в Ханькоу. Еще один член ЦБ, Чжан Готао, с осени 1926 года уже находился в Ухани, так что он, естественно, тоже присутствовал. Пригласили на встречу и Мао Цзэдуна, а также представителей гуандунского и хунаньского провинциальных парткомов.

Совещание было бурным. Вначале с политическим докладом выступил Чэнь Дусю, который в духе октябрьской директивы указал на «чрезвычайно серьезную» опасность раскола единого фронта. Он подчеркнул, что «сейчас основная политическая и военная сила ГМД находится в руках правых», которые хотя и «яростно» выступают за «усмирение рабоче-крестьянского движения», однако «открыто не подрывают антиимпериалистический фронт». Чэнь предложил сделать все, чтобы «спасти правых сейчас», убедив их «объединить вооруженные силы с народом». При этом он резко раскритиковал «гуандунских товарищей» (то есть своего собственного сына) за допущенные «левацкие ошибки», обратив также внимание на аналогичные «заблуждения» «пекинских и хубэйских партийных кадров». В конце доклада он наметил пути для преодоления «детской болезни левизны» и «спасения ситуации». В частности, призвал ослабить классовую борьбу в городе и деревне, сняв наиболее радикальные лозунги, могущие вызвать раздражение гоминьдановцев. «Мы должны постараться объяснить служащим и рабочим, что им не следует выставлять чересчур высокие требования», — заявил генсек КПК. «Нынешняя борьба за снижение арендной платы, процентных ставок и т. д. является для крестьянства гораздо более неотложной, более необходимой, чем разрешение аграрного вопроса», — добавил он[21].

Мао был глубоко подавлен выступлением своего учителя. Если бы кто-то сказал ему пять лет назад, что профессор Чэнь, эта «яркая звезда в мире идей», будет говорить такие немыслимые с точки зрения коммуниста вещи, он, наверное, с презрением

отвернулся бы от «клеветника». Знал ли он, что у самого Чэня на душе было гадко? Ведь ему приходилось убеждать товарищей в том, во что он сам абсолютно не верил! Впрочем, рано или поздно всем коммунистам, и не только в Китае, приходилось учиться незамысловатому искусству лицемерия! Но пока наш горячий хунанец не готов был сдаться без боя. И хоть Чэнь его лично не критиковал, Мао вскипел. Предложения Чэнь Дусю вызвали возражения и представителей с мест. «Товарищ» из Гуандуна, например, заявил о необходимости мобилизации масс на отпор Чан Кайши, а посланец Хунани призвал к разрешению аграрного вопроса на базе развития крестьянского движения. Именно на их защиту и встал Мао Цзэдун[22], но их взгляды были отвергнуты большинством собравшихся. Резолюция, принятая в конце заседания, гласила: «Различные опасные уклоны в рядах единого боевого фронта национальной революции… действительно существуют на деле… Главнейшим и опаснейшим из них является, с одной стороны, неудержимое полевение развертывающегося массового движения, а с другой — безудержное поправение военной власти и ее страх перед массовым движением». КПК, таким образом, должна была оказывать давление на гоминьдановское правительство, «заставляя его несколько склониться влево», и, в то же время, привлекать к себе массы, заставляя «их несколько склониться вправо». На заседании было также высказано предложение отозвать коммунистов с постов заведующих крестьянскими комитетами Гоминьдана в Хунани и Хубэе, выдвинув на их место «левых» гоминьдановцев[23].

Все это, однако, уже не могло изменить обстановку. После заседания Войтинский отправился в Наньчан на переговоры с Чан Кайши, но ничего не достиг. Вернувшись в Ханькоу, он сказал Чжан Готао (Чэнь и остальные члены Центрального бюро уже уехали обратно в Шанхай): «Положение безнадежное»[24]. 31 декабря 1926 года к Чан Кайши из Кантона прибыл глава Национального правительства Тань Янькай в сопровождении консервативных министров, не желавших переезжать в «левый» Ухань. И хотя на следующий день «левые» все же провозгласили Ухань новой столицей гоминьдановского Китая, «правое» крыло Гоминьдана продолжало усиливаться с каждым днем. 3 января 1927 года Чан срочно созвал в Наньчане совещание Политсовета ЦИК Гоминьдана, на котором было решено учредить контруханьский центр власти — Временный центральный политический совет. В начале февраля он потребовал немедленной отставки Бородина с заменой его на кого угодно (Чан предлагал, в частности, кандидатуры Радека или

Карахана)[25].

Что же касается Мао, то он уже в это время покинул Ухань, воспользовавшись приглашением делегатов первого крестьянского съезда Хунани выступить на их форуме. Обстановка в высшем эшелоне партии угнетала его, общение с Бородиным вызывало раздражение. Так что поездка была как нельзя кстати. 17 декабря он уже был в Чанше, где только и мог вздохнуть полной грудью.

Прием ему был устроен поистине грандиозный. Здесь, на родине, его помнили, уважали, ценили. Тем более что в местных организациях Гоминьдана коммунисты по-прежнему доминировали, и большинство из них относились к Мао с особым почтением — как к земляку, сделавшему головокружительную карьеру. Ведь Мао до сих пор был кандидатом в члены Центрального исполкома ГМД, то есть входил в когорту вождей. «Вы обладаете богатым опытом в крестьянском движении, — писали ему в пригласительной телеграмме организаторы съезда, большинство из которых являлись членами КПК. — С нетерпением ждем Вашего возвращения в Хунань, питаем большие надежды на то, что Вы все здесь возглавите»[26]. В приветственном послании съезда по случаю его приезда говорилось следующее: «Господин Мао Цзэдун имеет выдающиеся заслуги, благодаря своей работе на благо революции. Он [всегда] уделял особое внимание крестьянскому движению. В прошлом году он возвращался в Хунань и работал в крестьянском движении в районе Шаошани в уезде Сянтань… Но затем Чжао Хэнти узнал об этом и замыслил покушение на жизнь господина Мао. Господин Мао узнал об этих планах и уехал в Кантон… В прошлом месяце господин Мао прибыл в район реки Янцзы для обследования крестьянского движения с тем, чтобы развить общенациональное движение крестьян и создать революционную базу. Когда собрался наш съезд, мы направили телеграмму господину Мао, прося его вернуться в Хунань»[27].

Через три дня Мао Цзэдун уже выступал с программной речью на совместном заседании делегатов крестьянского и рабочего съездов Хунани (последний проходил в Чанше одновременно с форумом хунаньских крестьян). На встречу с ним пришли более 300 человек: небольшой зал местного театра «Волшебной лампы» был переполнен. Мао представили как «вождя китайской революции». Однако речь «вождя» была не так революционна, как того хотелось бы подавляющему числу делегатов, настроенных крайне левацки. Но что мог Мао сказать на публике после октябрьской директивы Сталина и декабрьского решения ЦИК КПК? Тем более когда в президиуме заседания

сидел представитель Дальбюро ИККИ Борис Семенович Фрейер (партийная кличка — Индус, настоящая фамилия — Сейгель, китайцы называли его Булицы — Борис), тоже приехавший в Чаншу поприветствовать представителей хунаньских рабочих и крестьян.

Вот главное, что он озвучил: «Пока еще не пришло время свергать *дичжу* [так прямо он и сказал!]. Мы должны им сделать некоторые уступки. В национальной революции пора свергать империализм, милитаристов, *тухао* и *лешэнь,* сокращать арендную плату и ростовщический процент, повышать оплату труда батраков. Все это — составляющие крестьянского вопроса… Крестьянский вопрос имеет экономический характер. Теперь мы хотим уменьшения арендной платы, но в период национальной революции мы не собираемся забирать землю для себя». Конечно, он по-прежнему подчеркивал значение борьбы крестьянства: «Национальная революция — это совместная революция всех классов, но центральным вопросом национальной революции является крестьянский вопрос… все зависит от решения этого вопроса… Если будет решен крестьянский вопрос, вопросы с рабочими, торговцами, студентами и учителями тоже будут решены»[28].

Речь Мао понравилась советскому представителю, который через месяц доложил Дальбюро и ЦИК КПК, что Мао Цзэдун сделал «прекрасный доклад»[29]. Вместе с тем все, что сказал Мао, повисало в воздухе. Коммунисты Хунани были явно разочарованы: им, радикалам, хотелось услышать от него призывы к «черному переделу земли».

И это было поразительно! Ведь на самом-то деле ни в Хунани, ни в Хубэе и ни в Цзянси крестьянство по собственной воле против *дичжу* не восставало! Вслед за продвижением колонн Национально-революционной армии в деревнях усиливалось не спонтанное движение земледельцев-тружеников, а волнение люмпенов, то есть той части сельского населения, которая испокон веку рассматривалась самими крестьянами как наиболее деструктивный фактор их общественной жизни! Дело в том, что одной из характерных черт деревенской жизни в Китае был раскол общества не на дворян и крестьян, как в России, а на две другие, глубоко антагонистические части: имущую, включавшую в себя не только богатых, но и вообще всех, кто мог прокормиться, и неимущую, люмпенскую. Обрабатываемой земли в Китае из-за колоссального аграрного перенаселения на всех не хватало, так что даже арендатор, как бы беден он ни был, чувствовал себя счастливцем в сравнении с оборванцами, наводнявшими сельские дороги. Иными словами, пропасть между

трудящимся земледельцем и люмпеном была колоссальной, во сто раз больше, чем между богатым и бедным крестьянином. Важную роль играло и то, что в Китае, как мы помним, никогда не существовало сословных разграничений (на «крестьян» и «помещиков»); все землевладельцы различались только по уровню имущественного достатка: на *дичжу* (крупных и мелких) и крестьян *(нунминь)*. Это, конечно, не значит, что внутри самого класса земледельцев противоречий не было, но все они обычно отступали на второй план перед люмпенской опасностью. Последняя грозила всем крестьянам грабежом и насилием, а потому перед ее лицом даже безземельные арендаторы, как правило, предпочитали вставать на сторону хозяев земли.

Ситуация усугублялась тем, что в деревнях были очень сильны клановые отношения. Крестьяне жили общинами, внутри которых придерживались прочных традиционных связей. Внутри общины все были родственниками, дальними или близкими, носившими одинаковую фамилию. Часто все, кроме того, входили в одно тайное общество. Разумеется, состояние и доходы тех или иных членов клана были различными, и в общине имелись как крупные собственники, так и бедные арендаторы. Однако подобное обстоятельство обычно не вносило больших раздоров в повседневную жизнь.

Кровнородственные связи крестьян были сильнее их классового сознания. Тем более что своих арендаторов — членов клана богатые общинники не сильно эксплуатировали, сдавая им землю, как правило, на льготных условиях. Нередко бедные родственники имели право даже на выгодную аренду земель, находившихся в коллективной клановой собственности. Пользовались они и протекцией со стороны боевых дружин (так называемых *миньтуаней* — «народных отрядов»), находившихся на содержании деревенских верхов. А это было особенно важно. И не только при столкновении крестьян с бандитами-люмпенами, но и при острых межклановых конфликтах, случавшихся довольно часто, особенно в тех волостях на юге Китая, где существовало традиционное разделение общества на богатые и бедные кланы. К бедным кланам, как правило, относились патронимии, переселившиеся в южные провинции с севера много веков назад, но так и не ассимилировавшиеся (ни в культурном, ни в бытовом отношениях) с местными жителями. Южане и в XX веке презрительно именовали их *хакка* (так на диалекте самих пришельцев звучит слово *кэцзя* — гости). Тем же словом, *хакка,* называли и всяких других переселенцев. В целом в Китае тех, кто относился к *хакка,* насчитывалось свыше 30 миллионов человек, но их кланы были разбросаны по большой территории Южного

Китая — от Сычуани на западе до Фуцзяни на востоке. Хозяйские кланы (*бэньди* — коренные жители) не пускали пришлых на плодородные земли, и те вынуждены были жить в горных, мало пригодных для сельского хозяйства местах. Вследствие этого им из века в век приходилось арендовать землю у старожилов, которые, разумеется, не упускали возможности нажиться за счет мигрантов. Четверть же пришлого населения вообще не имела работы. Эти люди либо занимались бандитизмом, либо нищенствовали. Бедность среди *хакка* была такая, что в большинстве семей даже рис считался деликатесом. Ели его не более трех месяцев в году. Но страшнее нужды было каждодневное унижение. Коренные жители презирали их за многое: за то, что разговаривали на своем диалекте, что женщины их никогда не бинтовали ног[26], а главное — за то, что когда-то, пусть и давным-давно, *хакка* «предали» свою малую родину. «Уйдя с насиженных земель, они проявили неуважение к памяти своих предков, — рассуждали *бэньди.* — Как же можно уважать таких людей!» Понятно поэтому, что угнетенные кланы время от времени восставали, и тогда война шла не на жизнь, а на смерть, часто до полного истребления той патронимии, которая оказывалась слабее[27].

Интересно, что при всем этом ни люмпены, ни члены зависимых кланов, как правило, никакого передела земли не требовали. То, к чему они стремились, выражалось в одном слове: власть. Они хотели доминировать, унижать и втаптывать в грязь всех, кто жил хоть немного лучше них. Люмпенов просто не интересовали средства производства, а члены бедных общин были убеждены, что их проблемы можно решить, только поголовно вырезав богатые кланы. В стране не существовало барской запашки; вся земля обрабатывалась самими крестьянами-собственниками либо сдавалась в аренду. В этой ситуации «черный передел» равным образом грозил и издольщикам, и беднякам неизбежным уменьшением того участка земли, с которого они кормились, а то и вовсе его потерей. К тотальному переделу склонялись только нищие пауперы, которые в отличие от бандитов-люмпенов не утратили еще привычку и вкуса к производительному труду. Да и то многие из них, скованные патриархально-клановыми представлениями о жизни, редко поднимали руку на землю *дичжу.* В лучшем (или, точнее, худшем) случае они присоединялись к люмпенам, нападая на богачей, чтобы разжиться деньгами и пищей.

Люмпен-пауперская опасность, конечно, сглаживала межклановые противоречия, но совсем их не устраняла, и то, что жизнь в Китае не превращалась в беспрерывную войну кланов,

объяснялось во многом тем, что у всех крестьян был помимо люмпенов и еще один общий враг — государство. От него, вернее от его налогов, алчных чиновников и милитаристов-олигархов, страдали все: и те, кто владел землей, и те, кто ее арендовал: ведь при повышении уровня налогового обложения собственники земли — налогоплательщики вынуждены были взвинчивать ренту. Ситуация была вопиюща: опираясь на военную силу, милитаристы буквально грабили сельское население. Налоги, в том числе не только земельный, но и десятки дополнительных (на ирригацию, борьбу со стихийными бедствиями и т. д.)[28], росли не по дням, а по часам. А брали их обычно за несколько лет вперед (в конце 1925 года, например, в некоторых уездах Хунани земельный налог был собран уже за 1931 год!). То и дело производились поборы, крестьян заставляли преподносить подарки чиновникам, устраивать для них дорогие застолья, выполнять другие повинности. Беспредел был на руку только той части деревенских верхов, которая в силу родственных или иных каких-либо связей пользовалась покровительством бюрократии и армейских чинов[30].

Как видно, проблемы были немалыми, и найти адекватное их решение мог не каждый. Ведь в условиях Китая объективными союзниками коммунистов в деревне (при условии, конечно, если КПК действительно хотела захватить власть в Гоминьдане и стране в целом) были именно люмпены. И Мао, как мы видели, уже давно это понял: не случайно в январе 1926 года он призывал принимать в крестьянские союзы этих «мужественных» людей. Кто-кто, а он-то должен был знать, что в союзы, согласно их уставам, запрещалось принимать бродяг и лиц без определенных занятий. Крестьяне совсем не хотели наплыва люмпенов в их организации, и, идя им навстречу, Гоминьдан даже принял специальные постановления, закрывавшие двери союзов перед «бандитскими элементами». Кстати, люмпены и сами не больно-то стремились в союзы крестьян, поскольку члены последних брали на себя обязательство не играть в азартные игры[31]. Помимо изгоев общества КПК (если она хотела возглавить массовое движение), безусловно, могла рассчитывать и на поддержку со стороны зависимых кланов *хакка.* Можно было надеяться и на сочувствие части беднейшего крестьянства, входящего в богатые патронимии, однако здесь требовалась особенно искусная пропаганда. Вопрос, таким образом, для КПК стоял так: либо мы боремся за гегемонию в революции и тогда нам надо натравливать пауперов, люмпенов и бедные патронимии на остальное крестьянство, либо отказываемся от борьбы и подчиняемся Гоминьдану, ведущему войну против милитаристов,

но защищающему как права крестьян-тружеников, так и привилегии *дичжу*.

Понятно поэтому, что до октябрьской директивы Сталина коммунисты на местах, в том числе и в Хунани, исходя из общего стратегического курса ИККИ на установление в будущем коммунистической диктатуры, сознательно разжигали пламя братоубийственной войны в деревне. Немалый вклад в провоцирование массовой резни внес своими статьями и Мао Цзэдун, не желавший принимать во внимание, что пауперы и люмпены создавали не менее серьезную, чем «правые» офицеры НРА, проблему для единого фронта.

В итоге в Хунани, где в начальный период Северного похода крестьяне были пассивны и никакой реальной поддержки войскам НРА не оказывали, после установления новой власти начался колоссальный подъем массового движения. Происходил он как раз во многом благодаря подстрекательству коммунистов, пошедших «в народ» делать революцию. (К концу 1926 года в деревнях Хунани вели работу сто десять организаторов-коммунистов и только двадцать гоминьдановцев. Помимо них было и много членов Коммунистического союза молодежи[32].) Конечно же коммунистов и комсомольцев на всех крестьян не хватало, но их призывы и лозунги будоражили атмосферу, способствуя подъему стихийного движения даже там, куда коммунисты физически не могли добраться. Все постановления Гоминьдана и уставы самих крестьян о недопущении люмпенов в крестьянские союзы были отброшены. В результате в последние оказались преобразованы многие тайные бандитские общества, такие, например, как «Красные пики» или «Общество старших братьев», всегда наводившие ужас на добропорядочных сельских жителей[33]. В массовом порядке, целыми деревнями, в союзы записывались и члены бедняцких кланов.

Неудивительно, что «классовые организации крестьян» росли как грибы. Если к июлю 1926 года в Хунани насчитывалось 400 тысяч членов различных крестьянских объединений, то к декабрю — уже более 1 миллиона 300 тысяч[34]. Воспользовавшись обстановкой, босяки бросились громить дома богатеев, а коммунисты с удовлетворением потирали руки: вот она, классовая борьба в деревне! «В крестьянском движении в Хунани безработные крестьяне представляют собой наиболее бесстрашный и героический авангард, — с восторгом заявляли члены одной из уездных крестьянских ассоциаций, находившейся в руках членов компартии. — Они яростно атакуют эксплуататорские классы, надевают [на богачей] дурацкие колпаки[29], выставляют их на посмешище, заставляют платить

штрафы деньгами, едой и выпивкой, избивают [их] и сводят с ними счеты… Теперь феодальный класс объят грандиозной паникой и на весь свет трубит о том, что хуаньское крестьянское движение есть „движение ленивых крестьян“, в котором принимают участие одни негодяи; настоящее же крестьянское движение еще не возникло»[35].

Такой же «революционный» подъем наблюдался и в других занятых НРА провинциях. Разгул бандитизма превосходил все масштабы. Особенно ужасными были стычки между бедными и богатыми кланами, когда вырезались целые села!

Теперь же, в декабре 1926 года, надо было все это прекратить. И только из-за того, что политика ИККИ изменилась. Но можно ли было объяснить опьяненным кровью «бойцам революции», что те, кого они считали врагами, — их товарищи и друзья? Да и кто должен был объяснять им новый партийный курс? Те, кто сам не верил во всю эту «либеральную чушь»?

В первую очередь не хотел этим заниматься Мао Цзэдун. Но ему нужны были аргументы для того, чтобы убедить руководство партии, а возможно, и Сталина в том, что курс на отступление перед «правыми» никуда не годился. И он решил обследовать несколько уездов Хунани, чтобы собрать необходимые факты в подтверждение своих радикальных взглядов. «Не провел обследования, не имеешь права голоса», — скажет он через несколько лет по аналогичному поводу, недвусмысленно намекая на то, что иным «теоретикам» не мешало бы поменьше сидеть в кабинетах[36].

Занимался он обследованием в течение месяца — с 4 января по 5 февраля 1927 года и в результате собрал огромное количество материала о развитии массового движения в пяти уездах Хунани. Среди тех, с кем он беседовал, были, по его словам, «опытные крестьяне и товарищи, работающие в крестьянском движении». Итогом его работы стал объемный «Доклад об обследовании крестьянского движения в провинции Хунань», который он начал писать в Чанше. Большую помощь ему в обработке материала оказала Кайхуэй, чей вклад в подготовку доклада трудно переоценить. За детьми в это время присматривала няня, которую Мао с женой наняли еще в декабре в связи с отъездом к себе в деревню бабушки Сян Чжэньси.

Мао жил тогда недалеко от центра Чанши, в старом квартале Ванлуюань. Место это было примечательное. Небольшой деревянный домик, который сняла Кайхуэй, стоял на холме, откуда хорошо была видна величественная гора Юэлу, возвышающаяся на другом берегу плавно текущей реки Сянцзян. За такое месторасположение этот квартал, кстати, и получил свое

название, означающее: «Парк с видом на гору Юэлу»[37]. Пейзаж, открывавшийся Мао, мог вдохновить любого поэта на благородные строки о любви и блаженстве. Однако нашему герою было не до поэзии. Его кистью двигали гнев и ярость: иероглиф за иероглифом он писал манифест в защиту аграрной революции обездоленных масс.

«Я увидел и услышал много удивительных вещей, о которых раньше не имел ни малейшего представления», — сообщал он в начале доклада. И тут же формулировал главный тезис: «Думаю, что аналогичные явления имеются во всех провинциях Китая; поэтому нужно *как можно скорее дать отпор всяким враждебным выпадам против крестьянского движения и выправить ошибочные мероприятия революционных властей по отношению к этому движению*… Скоро во всех провинциях центрального, северного и южного Китая поднимутся сотни миллионов крестьян. *Их натиск будет стремителен и грозен, как буря, и никаким силам подавить его не удастся. Они разорвут все связывающие их путы и быстро двинутся по пути к освобождению*… Все революционные партии и революционные товарищи предстанут перед их судом, будут испытаны ими и приняты или отвергнуты. *Возглавить ли их и руководить ими, стоять ли позади и, размахивая руками, критиковать их или же выступить против них и бороться с ними?* Каждый китаец волен выбирать свой путь, но ход событий заставит каждого сделать свой выбор как можно скорее».

Каких же «крестьян» брал под свою защиту Мао? Кого призывал возглавить? «Все это люди, — писал он, — о которых в деревне раньше говорили, что они протоптали до дыр свои туфли, истрепали свои зонты, проносили до зелени свои халаты; их назвали картежниками, азартными игроками; словом, все те, кого *шэньши* прежде презирали, втаптывали в грязь, для кого не было места в обществе, кто был лишен права сказать свое слово. Ныне эти люди подняли голову, и не только подняли голову, но и взяли власть в свои руки. В сельских крестьянских союзах (самых низовых) — они господа положения и превратили эти союзы в грозную силу. Они занесли свои загрубелые руки над головами *шэньши.* Они связывают *лешэнь* веревками, надевают на них высокие колпаки и водят по деревням… Их резкие, беспощадные обвинения каждый день терзают уши *шэньши.* Они издают приказы и командуют всем. Раньше они были ниже всех, а теперь стоят выше всех; отсюда и разговоры о том, что все перевернулось вверх дном». Естественно более-менее зажиточные крестьяне называли объединения таких «крестьян» союзами «головорезов». Ведь босяки, наводнившие их, всячески издевались даже над небогатыми крестьянами, отказывая им под разными предлогами

в приеме в союзы! Вот что сообщал сам Мао: «В обиход вошла поговорка: „всякий, владеющий землей, — непременно *тухао;* незлых *шэньши* не бывает“; в некоторых местах ярлык *„тухао“* приклеивают даже тем, кто владеет 50 *му* земли [чуть больше трех га], а всех, кто носит длинную одежду, называют *лешэнь».* Упоенная беззаконием голытьба не только штрафовала и обкладывала данью всех, кого произвольно зачисляла в «мироеды» и «злые шэньши», но даже избивала тех, кто пользовался паланкинами, а стало быть, по мысли босяков, эксплуатировал труд носильщиков. (Между прочим, паланкины использовали все зажиточные крестьяне и *дичжу,* когда возникала необходимость в длительном переезде.) Вершили босяки и другие беззакония: вламывались толпами в дома тех, кто побогаче, резали свиней, отбирали продукты, устраивали в домах пьяные оргии и даже, по словам Мао, «подчас врывались на женскую половину и разваливались там прямо в обуви на инкрустированных слоновьей костью кроватях молодых девушек». Разумеется, они не останавливались и перед расстрелами богачей. Дикие размеры приобрело и глумление над святыми местами и объектами религиозного поклонения крестьян. «В местности Байго уезда Хэншань женщины ввалились в храм, — писал Мао, — и уселись там пить вино, и почтенные старейшины рода ничего не могли с ними поделать… В другом месте… бедняки группой ворвались в храм и устроили там такую пирушку, что долгополые господа *тухао* и *лешэнь* от страха сбежали».

И на все это Мао накладывал резолюцию: «Тысячелетние привилегии феодальных *дичжу* [опять всего класса!] разбиты вдребезги; их былой престиж и могущество повергнуты в прах. Со свержением власти *дичжу* крестьянские союзы стали единственными органами власти; лозунг „Вся власть крестьянским союзам!“ осуществлен на деле… То, что делают крестьяне, — это беспримерный подвиг… Это — очень хорошо!.. Если принять общие заслуги в деле проведения демократической революции за 100 % и воздать каждому по его заслугам, то на долю городского населения и армии придется только 30 %, между тем как революционные заслуги крестьян в деревне составят 70 %».

Читая доклад, поражаешься: как же все-таки быстро меняется человек! Восторженный юноша, поклонник либеральных идей, считавший «революции крови и бомб» бесполезными, на весь мир утверждавший, что угнетатели — тоже люди, вдруг, спустя каких-то семь лет, выплескивает на страницы бумаги ненависть, от которой мурашки бегут по телу: «Революция не званый обед, не

литературное творчество, не рисование и не художественная вышивка… Революция — это бунт *(баодун),* это беспощадное действие одного класса, свергающего власть другого класса… Нужно… полностью свергнуть власть *шэньши,* а самих *шэньши* повалить на землю и еще придавить ногой… Попросту говоря, в каждой деревне необходим кратковременный период террора… Когда выправляешь искривленную вещь, непременно нужно перегнуть ее в другую сторону; если не перегнешь, то и не выправишь!»[38] Как тут не вспомнить: «Забирайте же с собою в путь, выходя из мягких юношеских лет в суровое ожесточающее мужество, забирайте с собою все человеческие движения, не оставляйте их на дороге, не подымете потом!»[39] По другому случаю, конечно, сказано, но все же!

Доклад был почти готов. Оставалось только закончить его, но Мао пора уже было возвращаться в Ухань. Покинув Чаншу, он устремился навстречу неизвестности. Вновь ему предстояло «идти против течения», но отступать не хотелось. Горделивый хунаньский нрав заставлял бунтовать.

Вернулся он в Ухань 12 февраля и уже через четыре дня представил в ЦИК КПК пока еще предварительное сообщение о поездке в Хунань. Вот что он вкратце сказал: «Все действия крестьян против феодального класса *дичжу* правильны. И если и были какие-то эксцессы, они тоже правильны»[40]. Отчитавшись, он вновь вернулся к докладу, который обещал представить в ЦИК через несколько дней. Вскоре к нему приехала Кайхуэй вместе с детьми и няней. Все вместе они поселились в Учане, недалеко от центра города, в довольно просторном доме из десяти комнат. Кроме них здесь какое-то время жили и его друзья по партии — Цай Хэсэнь, вернувшийся в марте 1927 года из Москвы, Пэн Бай, Го Лян и некоторые другие[41].

Именно здесь во второй половине февраля Мао наконец закончил свой доклад, после чего представил его руководству партии. И тут произошло неожиданное! Радикальный документ был не только принят, но и получил высочайшую оценку большинства членов Центрального бюро КПК. Горячо приветствовали его и в самой Москве! В марте 1927 года первые две главы из него (доклад состоял из трех глав) были помещены в главном партийном журнале «Сяндао»; полный же текст начал публиковаться в хунаньском коммунистическом еженедельнике «Чжаньши» («Боец»). Отрывки из доклада появились и в левогоминьдановской прессе, после чего в апреле ханькоуское издательство «Чанцзян» («Янцзы») выпустило его отдельной брошюрой. Предисловие к ней написал Цюй Цюбо. Более того, в мае и июне 1927 года первые две главы доклада, опубликованные

в «Сяндао», перепечатал (на двух языках — русском и английском) политический орган ИККИ журнал «Коммунистический Интернационал». Вслед за ним эти же главы были изданы в органе Всесоюзной научной ассоциации востоковедения «Революционный Восток». Наконец, в мае 1927 года на 8-м пленуме ИККИ положительную оценку докладу Мао дал ближайший сталинский соратник Бухарин, в то время являвшийся, по существу, вторым человеком в Кремле!

Объяснялась такая реакция просто. Пока Мао путешествовал по Хунани, в Москве было принято решение приостановить отступление в связи с усилением в конце 1926 года борьбы за власть между Тан Шэнчжи и Чан Кайши. В Китай полетели депеши, обязывавшие КПК не опасаться возможного обострения классовой борьбы в деревне. Под давлением Сталина наступательная резолюция о положении в Китае была одобрена 7-м расширенным пленумом ИККИ, проходившим в Москве 22 ноября — 16 декабря 1926 года. Хотя в этом документе и не говорилось пока о немедленной аграрной революции, в нем содержалось указание на необходимость поставить вопрос о ней «на видное место в программе национально-освободительного движения». При этом даже подчеркивалось, что не надо бояться того, что это ослабит единый антиимпериалистический фронт[42]. Новая тактика отразилась и в конкретной сталинской директиве, посланной Бородину 17 декабря 1926 года[43]. Более того, буквально через два месяца Сталин предпринял попытку резко активизировать наступательную политику внутри Гоминьдана. Заставила его это сделать всеобщая забастовка шанхайских рабочих 19 февраля 1927 года, проходившая под руководством КПК. Через три дня забастовка переросла в вооруженное восстание против милитариста Сунь Чуаньфана[30], и, несмотря на то, что через два дня оно было приостановлено, общая ситуация в стране, казалось, резко радикализировалась. В феврале Политбюро ЦК ВКП(б) стало настойчиво принимать меры к тому, чтобы способствовать незамедлительному возвращению вождя «левых» гоминьдановцев Ван Цзинвэя в Китай. С его возвращением (причем непременно через Москву[44], где соответствующие коминтерновские работники готовы были обсудить с ним китайские дела) советское руководство связывало надежды на усиление «левой» группировки в Гоминьдане. Новая тактика, таким образом, сводилась к следующему: «Со всей энергией подводить под левый Гоминьдан крестьянскую, мелкобуржуазную и рабочую базу… вести курс на вытеснение правых гоминьдановцев, дискредитировать их политически и систематически снимать снизу с руководящих постов… вести

политику на овладение важнейшими постами в армии… усилить в армии работу гоминьдановских и коммунистических ячеек… держать курс на вооружение рабочих и крестьян, *превращение крестьянских комитетов на местах в фактические органы власти с вооруженной самообороной».* И далее: «Недопустима политика добровольной полулегальности, *компартия не может выступать как тормоз массового движения*… В противном случае революции грозит огромная опасность»[45]. Так что Мао просто повезло. Его доклад совпал с новыми установками Москвы. Но радоваться было рано. Политическая ситуация в Ухани оставалась нестабильной, и радикальное крестьянское движение конечно же не способствовало ее нормализации. Весной 1927 года оно перешло все границы, достигнув, по словам Чжан Готао, одного из немногих в ЦИК КПК, кто скептически отнесся к докладу Мао, «стадии сумасшествия». Не менее экстремистски вели себя и члены так называемых рабочих пикетов, действовавших в ряде городов. Заправлявшие в этих организациях босяки нападали даже на родственников влиятельных гоминьдановцев и коммунистов! В Хунани они арестовали, например, отцов двух видных начальников: гоминьдановского уполномоченного по строительству Дэн Шоуцюаня и одного из местных лидеров КПК, старого приятеля Мао Цзэдуна — Ся Си. В результате ареста престарелые люди лишились средств к существованию: их собственность была конфискована[46]. В Чанше был арестован и оштрафован зять Тань Янькая, главы Национального правительства, несмотря на то, что Тань в феврале 1927 года отошел от Чан Кайши и переехал в «левый» Ухань. В уезде Лилин провинции Хунань крестьянский союз арестовал отца генерала Хэ Цзяня, командира вновь созданного 35-го корпуса НРА. Преследованиям подвергся даже отец генерала Тан Шэнчжи, являвшегося, как мы знаем, опорой «левого» Гоминьдана![31] Стоит ли удивляться, что генерал Тан, посетивший в феврале 1927 года Чаншу, в неформальной беседе с японским консулом с раздражением обронил: «Хотя провинциальное правительство временно находится в руках коммунистов, с ними и с тем, что они здесь натворили, в конце концов разберутся, а их эксцессы будут преодолены. С их правлением будет покончено, и придет новая власть»[47].

Масла в огонь подлил состоявшийся в Ухани 10–17 марта 3-й пленум ЦИК Гоминьдана. Под давлением «левых» и коммунистов он принял ряд резолюций, направленных на ограничение власти Чан Кайши. Пленум лишил генерала Чана всех высших постов в партии, в том числе поста председателя Постоянного комитета ЦИК. Он также решил сформировать новый состав Национального

правительства, в котором два поста (министра труда и министра сельского хозяйства) были предложены коммунистам — соответственно Су Чжаочжэню и Тань Пиншаню. Мао Цзэдун, получивший по решению пленума наряду с другими пятью кандидатами в члены ЦИК решающий голос, активно участвовал в его заседаниях, несколько раз выступая в прениях. Вместе с двумя «левыми» гоминьдановцами он принял участие и в подготовке проектов резолюции по крестьянскому вопросу и обращения пленума к крестьянам. Именно под его влиянием эти документы получились весьма радикальными. Особенно второй из них, непосредственно призывавший крестьян к аграрной революции, то есть к дальнейшему развитию крестьянского движения не только против «милитаристов, империалистов, *тухао* и *лешэнь*», но и против привилегий всего «феодального класса *дичжу*»[48].

Чан Кайши, отсутствовавший на пленуме, был вынужден объявить о поддержке его решений. Но, как показало ближайшее будущее, он просто пытался выиграть время для нанесения по всей этой «уханьской своре» решительного удара. Выжидали удобного случая, чтобы расправиться с Чан Кайши, и уханьцы. Сразу после пленума они отдали секретный приказ генералу Чэн Цяню, командовавшему войсками НРА на правом берегу Янцзы, арестовать Чан Кайши при первой возможности[49]. Таким образом, после пленума поляризация Гоминьдана только усилилась.

И тут вдруг 21 марта в Шанхае вспыхнуло новое народное восстание, на этот раз закончившееся успехом. Местный милитарист Сунь Чуаньфан был свергнут. Вечером 22 марта в уже освобожденный рабочими дружинами Шанхай вошли части НРА. На следующий день был взят Нанкин. Все это было настолько неожиданно, что на мгновение всем в Ухане показалось, что победа Гоминьдана близка. В Москве тоже торжествовали, шли митинги и демонстрации, гениальный Маяковский читал повсюду свой «Лучший стих», посвященный «незнаемым и родным китайским кули»[50]. 1 апреля в освобожденный Шанхай из Европы вернулся Ван Цзинвэй, горячо приветствуемый революционной общественностью. 10 апреля он приехал в Ухань.

Как и все остальные, Мао, разумеется, не мог не радоваться успехам революционной армии. Но его основное внимание было по-прежнему приковано к деревне. В начале марта в Учане, недалеко от его дома, были основаны Центральные курсы крестьянского движения, и по решению ЦИК ГМД его назначили одним из руководителей этого учебного заведения. По-прежнему он был занят круглые сутки: разрабатывал учебные планы и набирал преподавателей, занимался финансовыми вопросами и

читал свои излюбленные курсы: крестьянский вопрос и просветительская работа в деревнях. Организовывал он и быт слушателей, которых у него теперь было почти в три раза больше, чем в Кантоне, — более 800 человек[51]. Помимо этого он продолжал работать в комитете крестьянского движения ЦИК компартии, читал лекции в различных аудиториях, выступал с докладами в Главном политуправлении НРА и других организациях. В самом конце марта на проходившей в Ханькоу подготовительной конференции по созыву Общенационального съезда крестьянских союзов Мао был избран одним из руководителей только что созданной Всекитайской крестьянской ассоциации. Он вошел в состав Постоянного комитета ее Временного исполкома, состоявшего из пяти человек, а также возглавил ее организационный отдел. Всекитайская ассоциация объединила союзы крестьян, действовавшие в семнадцати провинциях страны[52].

На этой конференции он выступил с предложением «осуществить широкое перераспределение земли», иными словами, «черный передел». Сделал он это тогда, когда в зале помимо прочих находились Пэн Бай, Фан Чжиминь (один из организаторов крестьянского движения в провинции Цзянси) и «два русских коммуниста, Йорк и Волен»[32]. Никто, судя по всему, не возразил против такого экстремистского проекта. Собравшиеся приняли резолюцию, одобрявшую предложение Мао, после чего известили об этом ЦИК КПК. Конференция попросила китайских коммунистов рассмотреть этот вопрос на приближавшемся V съезде компартии[53]. 2 апреля на заседании Постоянного комитета ЦИК Гоминьдана Мао Цзэдун был включен в состав Земельного комитета ЦИК с тем, чтобы способствовать выработке мер по «передаче земли крестьянам»[54]. Все вроде бы складывалось для него как нельзя лучше.

Как раз в это время в семье у Мао случилось пополнение. 4 апреля Кайхуэй родила третьего сына. Отец вначале назвал его Аньминь («Народ, достигший берега социализма»), но затем изменил имя на Аньлун («Дракон, достигший берега социализма»). Под «драконом» имелось в виду крестьянское движение, которое, подобно могущественному герою китайских народных сказок, «сотрясало небо и землю».

Но вскоре до Ухани начали доходить тревожные вести. 24 марта в войну в Китае открыто вмешались империалисты. Занятый войсками НРА Нанкин был подвергнут обстрелу с английских и американских кораблей в связи с тем, что в городе произошли нападения на резиденции иностранцев, в результате которых несколько человек, в том числе английский консул, были

ранены. Главнокомандующий Национально-революционной армией Чан Кайши, прибывший вскоре после этого в Шанхай, явно стремился к повторению событий 20 марта 1926 года, но на этот раз с гораздо более жестким финалом. О его путчистских намерениях Войтинский проинформировал Москву еще в конце февраля 1927 года[55]. Участились случаи столкновений отрядов армии Чан Кайши с рабочими и крестьянскими вооруженными формированиями. В ряде мест чанкайшисты разгромили профсоюзные организации. В этих условиях, очевидно, опасаясь спровоцировать Чан Кайши, Сталин опять отступил. В конце марта 1927 года Политбюро приняло решение пойти на новые уступки Чан Кайши. В Китай были направлены директивы, обязывавшие Центральный исполнительный комитет КПК «всячески избегать столкновений с Национальной армией в Шанхае и ее начальниками»[56]. Но было уже поздно. Сталинская политика полностью обанкротилась. 12 апреля, заручившись поддержкой империалистов, крупных шанхайских бизнесменов и главарей городской мафиозной группировки «Цинбан» («Зеленый клан»), Чан Кайши развязал «белый» кровавый террор в Шанхае и других районах Восточного Китая.

Чан начал вести переговоры с банкирами и мафиози Шанхая сразу же после взятия города. 7 апреля он получил крупный заем на три миллиона китайских долларов от Шанхайской банковской корпорации, которая обещала ему еще семь миллионов в случае подавления рабочего движения. Тогда же он заключил соглашение о совместных действиях с «Зеленым кланом», в который входило до ста тысяч вооруженных гангстеров. В результате совместных действий солдат Чан Кайши и гангстеров только за первые два дня переворота в Шанхае, 12 и 13 апреля, было казнено более пяти тысяч человек и примерно столько же арестовано.

По иронии судьбы, Мао как раз 12 апреля выступал на заседании Земельного комитета ЦИК Гоминьдана с призывом к немедленному осуществлению аграрной революции. Возмущенные разгулом босяцкого бандитизма офицеры Чан Кайши громили коммунистов, а Мао по-прежнему настаивал на радикализации движения: он как чувствовал, что новая сталинская директива ни к чему не приведет. «Так называемая конфискация земли, — заявлял он, — означает невыплату ренты и ничего больше. Сейчас крестьянское движение в Хунани и Хубэе дошло уже до такого уровня, что крестьяне сами прекращают платить арендную плату, сами захватывают власть. Надо сначала разрешить аграрный вопрос в Китае на деле, а затем уже оформить это в законном порядке»[57].

Сообщение о событиях в Шанхае только обострило обстановку. А тут еще 15 апреля пришло известие об антикоммунистическом перевороте в Кантоне: местные генералы пошли по пути Чан Кайши! И тут же, через три дня, Чан Кайши объявил об образовании в Нанкине нового Национального правительства. Горячая хунаньская кровь Мао взыграла, как никогда. На заседаниях Земельного комитета при поддержке нескольких крайне «левых» гоминьдановцев он стал лихорадочно разрабатывать проект резолюции о разрешении аграрного вопроса. Его проект, однако, был раскритикован Ван Цзинвэем, Тань Янькаем и Хэ Цзянем, считавшими необходимым избегать «перегибов» в крестьянском движении, и огромная работа, проделанная комитетом, обернулась ничем[58]. Земельный комитет был вынужден констатировать: «Проблемы настолько велики и запутаны, что без [анализа] материалов о положении в различных провинциях и без учета разнообразных точек зрения решить их не представляется возможным… Фундаментальное решение аграрного вопроса — вне компетенции нашего собрания»[59]. Стоит ли говорить, что Мао был крайне недоволен таким заключением? «Лидеры Гоминьдана прикрывают пустыми надутыми фразами свое полное нежелание и неспособность удовлетворить требования крестьян», — резюмировал он[60].

В какой-то мере тогдашние настроения Мао прозвучали в унисон с новыми установками Сталина, направленными Коминтерном в Китай через некоторое время после переворота Чан Кайши. Сталин потребовал тогда от КПК немедленной радикализации самого «левого» Гоминьдана, и китайские коммунисты должны были делать все возможное, чтобы настойчиво «толкать» ванцзинвэевцев к организации настоящего социального переворота! Особые надежды в реализации этого курса Сталин возлагал на нового представителя Коминтерна в Китае, члена ИККИ индийского коммуниста Манабендра Нат Роя (настоящее имя — Баттачария Нарендра Нат, в Китае стал известен как Ло И), которого он отправил в Китай еще в марте 1927 года. И действительно, энергичный Рой, добравшийся до Ханькоу в начале апреля[61], немедленно стал предлагать радикальные идеи Бородину и лидерам КПК (ЦИК компартии переехал в Ханькоу после переворота Чан Кайши). Да, он «мог говорить, — иронически отзывался о Рое спустя много лет Мао, — …и говорил слишком много, но не предлагал никаких способов осуществления [сказанного]»[62].

Понятно, что Рой тут же столкнулся с Бородиным, интуитивно понимавшим, что любая экстремистская выходка со стороны коммунистов могла отбросить и «левых»

гоминьдановских генералов в антикоммунистический лагерь. Бородина поддерживал Чэнь Дусю, тоже понимавший, что попытка реализации нового курса Сталина могла в создавшейся ситуации только приблизить кровавую развязку. После 12 апреля Чэнь «никак не мог вырваться из тисков меланхолии»[63]. Ведь за все, что должно было неминуемо случиться с компартией, расплачиваться перед Сталиным предстояло ему. А он, может быть, лучше всех в КПК понимал, что сталинская политика в Китае, которой он должен был следовать все эти годы, была обречена на провал с самого начала. «Он всеми силами старался найти способ исправить положение, но силы его были недостаточны, а чудес не происходило», — вспоминал Чжан Готао.

В этой обстановке, через две недели после шанхайского переворота, состоялся V съезд компартии. Он открылся 27 апреля в Учане, в актовом зале 1-й начальной школы при Учанском высшем педагогическом училище, совсем недалеко от дома Мао и проходил, как большое шоу. Приветствовать коммунистов приехали лидеры «левого» Гоминьдана и Национального правительства, в том числе сам Ван Цзинвэй, а также Тань Янькай, Сюй Цянь и Сунь Кэ. Было много речей, охов и ахов. Это был на тот момент самый многочисленный съезд в истории КПК. В убранном знаменами и транспарантами зале присутствовали восемьдесят два делегата и более двадцати гостей. Собравшиеся представляли 57 тысяч 967 членов партии (во время IV съезда, в январе 1925 года, в КПК насчитывалось всего 994 человека). Рост рядов был, конечно, впечатляющим, но оглашенные на съезде данные не учитывали того, что в двух крупнейших городах — Шанхае и Кантоне — накануне съезда партийные организации КПК были почти полностью уничтожены. Так что радоваться особенно было нечему. Положение на самом-то деле было катастрофическое, и съезд ничего уже не мог с этим поделать.

После перерыва, связанного с празднованием 1 Мая, заседания были перенесены в рабочий район на окраине Ханькоу, в здание, принадлежавшее одному из местных землячеств[64]. Вот что вспоминал об этих заседаниях сам Мао: «Когда в Ухани… собрался V съезд, партия все еще находилась под господством Чэнь Дусю. Хотя Чан Кайши уже возглавил контрреволюцию и начал атаковать коммунистическую партию в Шанхае и Нанкине, Чэнь по-прежнему выступал за умеренность и уступки по отношению к уханьскому Гоминьдану… В то время я был очень не удовлетворен политикой партии, особенно по отношению к крестьянскому движению… Но Чэнь Дусю решительно не соглашался… В результате V съезд накануне кризиса Великой

революции не смог выработать правильную аграрную программу. Я потребовал скорейшего усиления борьбы за землю, но мое выступление даже не дискутировалось, так как Центральный комитет, в котором также господствовал Чэнь Дусю, отказался поставить его на обсуждение. Съезд дезавуировал земельную проблему, определив землевладельца *[дичжу]* как „крестьянина, который владеет более 500 *му* земли“, — абсолютно неверная и не соответствующая действительности формулировка, на основе которой нельзя было развивать классовую борьбу»[65].

Не все, конечно, в узком руководстве партии поддерживали впавшего в меланхолию Чэнь Дусю. Как всегда, на стороне Мао был Цюй Цюбо, распространивший во время съезда направленную против «правого оппортунизма» брошюру «Спорные вопросы китайской революции». В ней он, правда, Чэня по имени не называл, но вся работа была заострена против близкого Чэню человека, Пэн Шучжи, который как заведующий отделом пропаганды яростно отстаивал политику уступок. Горячо защищал Мао Цзэдуна и его ближайший друг Цай Хэсэнь[66].

Именно при поддержке этих влиятельных членов Центрального бюро компартии Мао 7 мая, за два дня до закрытия съезда, был избран кандидатом в члены ЦК КПК (съезд тогда же принял решение изменить название высшего органа партии — с Центрального исполкома на Центральный комитет). Мао Цзэдун занял в партийной иерархии 32-е место и после съезда уже не возглавлял комитет крестьянского движения. (Последний был реорганизован в крестьянский отдел, заведующим которым назначили Тань Пиншаня.)

«Измена» Чан Кайши и кантонских генералов имела для Мао не только общественно-политическое, но и глубоко личное значение. Дело в том, что один из его братьев, Цзэминь, во время переворота 12 апреля находился как раз в Шанхае, а второй, Цзэтань, — в Кантоне. Конечно же Мао не мог о них не беспокоиться. Цзэминь работал в рабочем районе Чжабэй с ноября 1925 года, сразу после окончания кантонских курсов крестьянского движения. Он являлся заведующим отделом по изданию и распространению литературы при ЦК КПК, директором партийной типографии и книжного магазина. Жил он в Шанхае под псевдонимом Ян Цзе со второй женой, молоденькой сотрудницей своего отдела Цянь Сицзюнь. Что же касается Цзэтаня, то он в апреле 1927 года работал в крестьянском союзе Гуандуна. Был он также женат второй раз. Его первая супруга, Чжао Сяньгуй, по партийной разнарядке в октябре 1925 года уехала из Чанши на учебу в Москву, во вновь созданное Коминтерном учебное заведение для китайских революционеров,

Университет трудящихся Китая имени Сунь Ятсена[67]. Вместе с ней тогда в «Красную Мекку» отправились еще 118 молодых китайских коммунистов и гоминьдановцев, в том числе сын Чан Кайши от первого брака шестнадцатилетний Цзян Цзинго. Цзэтань же в те дни находился уже в Кантоне, и не в его характере было терпеть одиночество. Летом 1926 года по его вызову из Чанши к нему в Кантон вместе с матерью приехала его близкая знакомая по Социалистическому союзу молодежи, круглолицая шестнадцатилетняя Чжоу Вэньнань, которую младший брат Мао заприметил еще за год до отъезда жены в Москву. Через несколько месяцев они поженились. (В то время революционная молодежь не придавала значения таким архаичным понятиям, как официальный развод, так что с отъездом супруги Цзэтань чувствовал себя совершенно свободным.) Через полгода после свадьбы его новая пассия вступила в комсомол, а вскоре и в КПК. В апреле 1927 года она была на пятом месяце беременности.

К счастью, с братьями Мао и их женами все обошлось благополучно. Они смогли выехать из находившихся во власти «белых» генералов Шанхая и Кантона и в конце концов добраться до Учана, где их с радостью встретили Мао Цзэдун и Кайхуэй. Интересно, что приплыли они на одном пароходе (Цзэтань с женой добирались в Учан через Шанхай), на котором встретились совсем неожиданно друг для друга. Вскоре Цзэминь стал работать главным управляющим лево-гоминьдановской газеты «Ханькоу миньго жибао» («Ханькоуская ежедневная газета „Республика“»), а Цзэтань, получив чин капитана, был послан в Политотдел 4-го корпуса НРА, где было больше всего коммунистов[68].

Между тем ситуация для КПК продолжала стремительно ухудшаться. 28 апреля пришли печальные известия из Пекина: там по приговору военного суда был казнен Ли Дачжао. Он был арестован китайской полицией еще 6 апреля недалеко от Советского представительства, на территории Посольского квартала. Наряд полиции, устроивший обыск в этом районе, действовал, разумеется, по распоряжению пекинских властей. Вместе с Ли Дачжао мучительной казни были преданы 19 руководителей Северного бюро КПК и Гоминьдана (среди них одна женщина)[69]. Трудно передать горе, охватившее Мао. Ведь он всегда относился к профессору Ли как к своему учителю. 13 мая против уханьского правительства восстали 14-я отдельная дивизия генерала Ся Доуиня, считавшаяся до того весьма надежной. Генерал Ся двинул свои войска на Ухань, и только ценой неимоверных усилий его наступление удалось отбить. (В обороне Ухани, кстати, принимал участие и Мао Цзэдун,

организовавший из слушателей курсов крестьянского движения отряды самообороны[70].) Но 21 мая произошло новое восстание. Поднял его командир одного из полков НРА, расквартированных в Чанше, Сюй Кэсян, устроивший в столице Хунани кровавую вакханалию.

Не в силах сдержать раздражение, Сталин начал требовать от ЦК КПК невозможного: направить «левый» Гоминьдан на развертывание аграрной революции во всех провинциях, принять меры к организации «восьми или десяти дивизий» революционных крестьян и рабочих в качестве «гвардии Уханя», настойчиво доводить до ванцзинвэевцев мысль о том, что если они «не научатся быть революционными якобинцами, они погибнут и для народа, и для революции»[71]. Сталин просто не понимал, каково было в действительности соотношение сил в Китае, а потому настойчиво диктовал: «Без аграрной революции победа невозможна… Мы решительно стоим за фактическое взятие земли снизу… Надо вовлечь в ЦКГ[оминьдана] побольше новых крестьянских и рабочих лидеров снизу… Нынешнее строение Гоминьдана надо изменить. Верхушку Гоминьдана надо обязательно освежить и пополнить новыми лидерами, выдвинувшимися в аграрреволюции, а периферию надо расширить за счет миллионов из рабкрестсоюзов… Надо ликвидировать зависимость от ненадежных генералов… Пора начать действовать. Надо карать мерзавцев»[72]. По воспоминаниям Чжан Готао, когда одну из таких телеграмм Сталина прочли на Политбюро ЦК, «присутствующие не знали, плакать им или смеяться… Как могли мы в тот момент говорить об устранении ненадежных генералов?»[73] Чэнь Дусю только и мог, что развести руками: «Раньше Зиновьев указывал нам помогать буржуазии, а теперь Сталин предлагает нам в 24 часа провести аграрную революцию»[74].

В это тревожное время Мао Цзэдун собрал у себя братьев. Он хотел обсудить ситуацию. Чтобы не волновать Кайхуэй, они делали вид, будто играют в *мацзян*[33]; на самом же деле решали, что делать дальше. Понимая, что Ван Цзинвэй очень скоро пойдет по стопам Чан Кайши, Мао сказал:

«Нельзя ждать, когда нас убьют, нужно или уходить вместе с армией [как раз тогда части 4-го корпуса выступали в поход на город Цзюцзян, расположенный к юго-востоку от Учана, на границе провинций Цзянси и Хубэй], или возвращаться в Хунань». Было решено, что старшие братья будут добиваться командировки в Хунань, тогда как Цзэтань отправится вместе с 4-м корпусом. Тогда же постановили, что беременная жена Цзэтаня вместе с Кайхуэй и сыновьями Мао как можно скорее покинут

Учан и вернутся в Чаншу[75].

Вскоре после этого Мао Цзэдун обратился к Чэнь Дусю с просьбой послать его в Хунань для того, чтобы принять меры по спасению хотя бы того, что можно было еще спасти. Просьбу Мао поддержал Цай Хэсэнь, предложивший реорганизовать хунаньский партком, а Мао поставить там секретарем. Чэнь, однако, хотел направить Мао Цзэдуна на партийную работу в Сычуань, но тот не согласился. 24 июня Постоянный комитет Политбюро ЦК КПК принял предложение Цая, и Мао немедленно выехал в Чаншу. Туда же вскоре отправился и его брат Цзэминь[76].

А события по-прежнему разворачивались с лихорадочной быстротой. Единый фронт разваливался буквально на глазах. В середине июня стало известно, что по пути Чан Кайши активно готовится пойти Фэн Юйсян, считавшийся в «левом» Гоминьдане и Коминтерне одним из наиболее надежных военачальников. И через несколько дней Фэн действительно совершил переворот, учинив жесточайшую резню в Чжэнчжоу, столице провинции Хэнань. Резко осложнилась обстановка и в самой Ухани. Бизнес оказался парализован, магазины закрылись, предприятия перестали работать. Все деловые люди старались по возможности бежать из города: ведь ему угрожали буквально со всех сторон. Недовольство населения неуклонно росло, цены взвинчивались катастрофически, росла инфляция, в политике царил хаос. У большинства членов ЦК было ощущение, что они «сидят ночью в доме с дырявой крышей, когда на дворе бушует непогода»[77].

В этих условиях Чэнь буквально через десять дней после принятия решения о реорганизации в Хунани, в самом начале июля, отозвал Мао назад в Ухань. По словам Мао, он боялся, что его радикальные действия вызовут восстание Тан Шэнчжи[78]. Что-то Чэнь еще надеялся склеить, созывал в доме Бородина в Ханькоу расширенные заседания ЦК и Политбюро, дискутировал с Роем и Бородиным. Но все было тщетно. 12 июля под давлением Москвы он вынужден был уйти в отставку, а всего через три дня после этого с коммунистами порвал Ван Цзинвэй. Поражение китайской компартии, а с ней и сталинской линии в Китае стало фактом.

Мао был потрясен. О чем он думал тогда? О том, что все можно было спасти, решись руководство партии передать землю крестьянам? Вооружи крестьян и рабочих? Выведи партию из Гоминьдана? Наверное, и о том, и о другом, и о третьем. А может быть, вспоминал о том, как счастлив он был, когда войска НРА взяли Шанхай и Нанкин? Или о том, как радовался, когда его любимая «Зорюшка» родила ему третьего сына? Ведь все тогда, в марте — апреле, казалось возможным, все символизировало

победу! Именно тогда, цветущей весной, полный радостных надежд на будущее взобрался он как-то на Пагоду желтого аиста, возвышавшуюся недалеко от его дома. Долго смотрел вдаль, на разлив бескрайней Янцзы. И, как сотни поэтов до него, не смог сдержать чувств. Рвавшиеся из сердца строки сами собой слагались в стихи:

Девять мощных широких потоков струятся в Китае[34],
И одна колея разрезает страну пополам[35].
Мелкий дождь, словно дым, одевает округу туманом,
Черепаха и Змей[36] запирают Янцзы на замок.

Ты куда улетел, желтый аист?[37] Кто знает?
Только место осталось, где путник преклонит главу.
Выливаю вино я потоком в бурлящую реку,
Рвется сердце мое из груди за высокой волной[75].

Жизнь продолжалась несмотря ни на что. А из поражения надо было извлекать уроки.

НА ПУТИ К СОВЕТАМ

Как мы видели, КПК, оставаясь тесно связанной с ВКП(б), находилась под ее мощнейшим контролем и идеологическим давлением на протяжении всех семи лет своего существования. Именно это и явилось главной причиной поражения китайских коммунистов. Чэнь Дусю и другие члены ЦК не имели свободы маневра. По всем вопросам они должны были запрашивать инструкции из Москвы либо, если ситуация требовала немедленного их разрешения, — у ее представителей (Войтинского, Маринга, Бородина или Роя). Сами же русские хозяева принимали директивы по коренным вопросам китайской революции, почти полностью игнорируя мнения китайских коллег. А то, что в Кремле и на Сапожниковской площади (в ИККИ), по существу, слабо разбирались в китайских проблемах, смущало только китайцев. В Коминтерне же все считали себя крупными специалистами в революционном движении любой страны. «Нас обижала подобная процедура, — писал Чжан Готао, — мы понимали ее неразумность, но молча смирялись с ней, привыкнув со времени образования КПК почитать Москву». В итоге «ЦК КПК не мог, исходя из своего понимания обстановки, самостоятельно и быстро принимать решения и немедленно проводить их в жизнь — он должен был подчиняться приказам Коминтерна… при решении любых вопросов, больших или малых»[80]. Но зачастую, как мы видели, эти приказы были просто невыполнимы. Особенно критическая ситуация сложилась на завершающем этапе революции, когда Сталин вновь, как в 1924-м — начале 1926 года, стал бездумно требовать от КПК перехода к решающему наступлению на «левый» Гоминьдан, абсолютно не соизмеряясь с реальной обстановкой.

Другим фактором, ускорившим поражение КПК (Чжан Готао даже считал его «наиболее существенным»)[81], был разгул экстремистского паупер-люмпенского террора в деревнях, во многом инспирированного коммунистами. Варварские действия обезумевшей толпы, грабившей и убивавшей и правого, и виноватого, несомненно подрывали единый фронт. Ведь направлены они были главным образом против мелких и средних *дичжу,* которые как раз и составляли основу Гоминьдана, в том числе «левого». В этой ситуации восстание гоминьдановских офицеров, семьи которых страдали от «красного» террора, было закономерным.

«Белый» террор, ничуть не уступавший «красному», потряс китайское общество. Офицерство НРА, поддержанное

крестьянскими отрядами самообороны *(миньтуанями)* и переметнувшимися на их сторону членами тайных обществ, не останавливалось перед применением самых жестоких мер. Оно мечтало только об одном: мстить. В Хунани, Хубэе, Цзянси, Гуандуне, других провинциях, находившихся под контролем армии ГМД, кровь полилась рекой. Только за двадцать дней после переворота Сюй Кэсяна в Чанше и его окрестностях было убито более десяти тысяч человек[82]. (Иными словами, в среднем казнили по пятьсот человек ежедневно!) Среди жертв террора оказались многие лидеры местной организации КПК и провинциальной крестьянской ассоциации. Еще десять тысяч были казнены в уездах Сянтань (на родине Мао) и Чандэ. В Сянтане каратели, «отрубив голову руководителю… профсоюза, пинали ее ногами по улице, затем налили ему керосина во [вспоротый] живот и сожгли его тело». В то же время в Хубэе крестьяне, принадлежавшие к богатым кланам, при поддержке гоминьдановских войск вырезали целые деревни.

Месть зачастую принимала самые невероятные с точки зрения европейца формы. Так, генерал Хэ Цзянь, тот самый, чей отец был за несколько месяцев до того арестован крестьянским союзом, в конце 1927 года послал солдат в Шаошань для того, чтобы выкопать из могилы кости родителей Мао и разбросать их по склонам гор. По старинному поверью это должно было оказать разрушающее влияние на геомантику самого Мао. Солдатам Хэ Цзяня, однако, не повезло. Они не знали место захоронения родителей Мао, и им пришлось обратиться за помощью к крестьянам, которые, конечно, наотрез отказались с ними сотрудничать. Когда же солдаты стали им угрожать, один житель просто обманул их. Он отвел карателей к могиле предков одного *тухао,* которую те и раскопали[83].

Слабо организованные и плохо вооруженные крестьянские союзы при первом же натиске гоминьдановских войск развалились. Крестьяне, вступавшие в них из страха перед заправлявшими в них люмпенами, не имели желания сражаться с армией ГМД за чуждые им интересы. При первом удобном случае они бросали пики и улепетывали. Именно поэтому Сюй Кэсян, например, смог установить контроль над всем Чаншаским уездом, имея в своем распоряжении всего тысячу штыков[84]: многомиллионные союзы крестьян на деле оказались просто «бумажными тиграми».

В это смутное время Мао оказался едва ли не единственным крупным деятелем КПК, который достаточно трезво оценил ситуацию. Кратковременная поездка в Хунань в конце июня — начале июля 1927 года привела его к мысли о том, что борьба

коммунистов за власть в Китае может увенчаться успехом только при одном условии: если компартия создаст собственные вооруженные силы. Все игры в большую политику, единый фронт и массовое движение были не более чем балаганом, если за всем этим забывалось о главном: в милитаризированном Китае только «винтовка рождала власть»![85] Иными словами, надо было не играть в восстания, а отступать, с тем чтобы кропотливо работать над организацией Красной армии. Из кого же следовало создавать коммунистические войска? Для Мао и этот вопрос был ясен; на него он ответил уже давно: разумеется, из тех, кто способен «на самую мужественную борьбу», — из пауперов и люмпенов!

Еще 4 июля на заседании Постоянного комитета Политбюро в Ханькоу Мао, только что вернувшийся из Хунани, предложил в качестве одного из возможных путей спасения партии дать распоряжение хунаньскому крестьянскому союзу «уйти в горы» для того, чтобы там, в горах, «можно было создать военную базу». «Как только изменится обстановка [Мао намекал на неизбежный переворот Ван Цзинвэя], мы будем бессильны, если не будем иметь вооруженные силы». Сразу после заседания он обсудил этот вопрос с ближайшим другом — Цай Хэсэнем, который опять жил у него. «Нельзя сидеть и ждать, когда кто-то все уладит!» — кипятился он. Цай плохо чувствовал себя, его душила астма, но негодование Мао Цзэдуна он разделял. По инициативе Мао он немедленно написал резкое письмо в Постоянный комитет Политбюро, потребовав от него «выработать военный план»[86].

В то время, однако, эта инициатива обернулась ничем. Как мы помним, тогда у власти находился еще Чэнь Дусю, и его депрессия достигла апогея как раз в начале июля. Ко всем переживаниям «Старика» в те дни добавилось еще одно: 4 июля в Шанхае был казнен гоминьдановцами его старший сын, Чэнь Яньнянь, возглавлявший в то время по его поручению цзянсускую провинциальную партийную организацию. После этого Чэнь уже «не видел перед собой ничего, кроме тьмы, а потому ему оставалось только передать свои обязанности в руки более способных лиц», — пишет Чжан Готао, который как раз и оказался одним из таким «способных»[87].

Новое руководство партии (Временное бюро ЦК), которое вскоре после отставки Чэня возглавил знакомый нам покровитель Мао — Цюй Цюбо[38], к счастью для Мао, вернулось к его проекту («уйти в горы»), однако одобрило его только как запасной вариант. Да, в критической ситуации лета 1927 года коммунистам надо было бы отступить: любые их попытки организовать немедленное контрнаступление могли обернуться только новыми жертвами. Но большинству лидеров КПК, в том

числе Цюй Цюбо, такая простая мысль в голову не приходила. Они все кипели гневом, и остановить их от принятия безрассудных путчистских мер было довольно трудно. В середине июля они решили в ближайшее время осуществить серию вооруженных выступлений в деревнях четырех провинций (Хунани, Хубэя, Гуандуна и Цзянси), а также в гоминьдановской армии (в знаменитом 4-м корпусе). Слишком уж им хотелось «пустить кровь» Гоминьдану! План же Мао был принят только на случай, если курс на восстания не сработает[88].

На немедленной организации вооруженных восстаний настаивал и сам Коминтерн. Правда, речь в его директивах шла пока не о чисто коммунистических выступлениях, а о необходимости «поднять массы левого Гоминьдана против верхов». «Только в том случае, если революционизирование Гоминьдана окажется на практике безнадежным делом, — подчеркивала Москва, — и если эта неудача совпадет с новым серьезным подъемом революции», только тогда надо «строить советы»[89]. Иными словами, требовалось восставать против «предателя» Ван Цзинвэя под лозунгами «левого» Гоминьдана!

Любому здравомыслящему человеку подобные установки должны были бы показаться абсурдными, но руководство ЦК КПК вынуждено было принять и их. Ведь катастрофическое поражение, понесенное партией, не привело к ее высвобождению из-под влияния Сталина. Напротив, ослабевшая КПК не только не приобрела самостоятельность, но и оказалась еще более привязанной к Москве. Ситуация усугублялась тем, что Сталин возложил основную ответственность за поражение на руководство Компартии Китая. «В ЦК [КПК] нет ни одной марксистской головы, способной понять подоплеку (социальную подоплеку) происходящих событий», — заявил он в письме своим сотоварищам Молотову и Бухарину в начале июля 1927 года, добавив, что раз уж сложился такой ЦК, то от него требовалось только одно — выполнять директивы ИККИ. Он даже размышлял одно время о том, чтобы дополнить КПК специальной системой «**партсоветников** при ЦК ККП [КПК], при отделах ЦК, при областных организациях в **каждой провинции**, при отделах этих облорганизаций, при комсомоле, при крестотделе ЦК, при военотделе ЦК, при ЦО, при федерации профсоюзов Китая». С точки зрения Сталина, на том этапе эти «няньки» были необходимы «ввиду слабости, бесформенности, политической аморфности и неквалифицированности нынешнего ЦК [Компартии Китая]»[90].

Еще в конце июня на смену Рою Сталин направил в Китай своего вернейшего человека — грузина по фамилии Ломинадзе[91].

А затем потребовал «вычистить из Китая» не только Роя, но и потерявшего его доверие Бородина (тот покинул Ухань вместе с группой советских советников в самом конце июля). Какое-то время из старых кадров в Ухани оставался только Блюхер (Зой Всеволодович Галин), вплоть до второй половины августа выполнявший наряду с Ломинадзе функции представителя Коминтерна при ЦК китайской компартии. Именно через Блюхера в этот критический момент Москва снабжала своих китайских подопечных деньгами; обязанности «финансиста» перешли к Ломинадзе только в конце августа, после отъезда Блюхера[92].

В Ханькоу новый эмиссар Сталина прибыл 23 июля и уже вечером того же дня провел беседу с Цюй Цюбо и Чжан Готао — «самую неприятную из всех, какие я помню», — утверждал много лет спустя Чжан.

> Виссарион Виссарионович Ломинадзе (Бесо или Ломи, как называли его друзья) был человеком жестким. Он участвовал в революционном движении с пятнадцати лет. Профессиональный революционер, организатор большевистского подполья в Кутаиси (его родном городе), Тифлисе и Баку, он поражал всех, кто его знал, презрением к смерти — своей или чужой, все равно. В марте 1921 года вместе с другими делегатами X съезда РКП(б) он жесточайшим образом расправился с моряками, принимавшими участие в печально знаменитом Кронштадтском мятеже. Очень рано вошел в круг людей, близких к Сталину, и при его поддержке уже в 1921 году (в возрасте двадцати четырех лет!) стал секретарем ЦК КП(б) Грузии. С 1925 года являлся членом ЦК большевистской партии и одним из руководителей Исполкома Коммунистического интернационала молодежи (ИККИМ) — молодежной коминтерновской организации, а в 1926 году входил в состав Президиума ИККИ. Иными словами, это был человек, уже вкусивший в свои неполные тридцать лет бюрократической власти, развращающая сила которой не могла не оказать на него глубокого влияния. «Он походил на пижона послеоктябрьского периода, а вел себя, как царский ревизор», — вспоминал Чжан Готао. Высокий, под два метра ростом, очень массивный, с густыми черными волосами, Ломинадзе производил впечатление сильного человека, несмотря на то, что часто моргал — то ли от близорукости, то ли по какой-то другой причине. Кому-то из добрых московских

знакомых он напоминал Пьера Безухова[93], но лидерам КПК это сравнение вряд ли бы показалось уместным: чиновничьи замашки Ломинадзе и его привычка повелевать сразу же настроили их против него. Никаких восточных политесов Николай (он же Вернер — под такими именами он работал в Китае) не признавал, а потому сразу же обрушил на Цюя и Чжана поток беспочвенных обвинений. «Прежде всего Ломинадзе заявил, что он полномочный представитель Коминтерна, посланный сюда для исправления многочисленных ошибок, допущенных в прошлом работниками Коминтерна и ЦК КПК в ходе китайской революции, — пишет Чжан Готао. — После этого, не спрашивая нас о положении дел, сразу же заявил, что ЦК КПК совершил серьезную ошибку правооппортунистического толка и нарушил директивы Коминтерна… На мой вопрос, какие именно ошибки совершил ЦК КПК, он ответил следующим образом: „Самое существенное то, что ЦК КПК отказался от попыток добиться руководства китайской революцией со стороны пролетариата… ЦК КПК находился под контролем… мелкобуржуазных интеллигентов, у которых не хватало классовой сознательности и революционной твердости… Длительное время правильные директивы Коминтерна извращались в оппортунистическом духе. Коминтерн не может далее полагаться на этих колеблющихся интеллигентов и должен смело выдвинуть нескольких стойких товарищей из рабочих для руководства КПК, образовав из них большинство ЦК КПК“»[94]. Ломинадзе потребовал созвать в ближайшее время чрезвычайную партийную конференцию для реорганизации руководства партии.

Стоит ли говорить, что речь посланца Москвы привела Цюй Цюбо и Чжан Готао в негодование? Но что они могли сделать? Коминтерновская дисциплина связывала их по рукам и ногам, да и деньги Москвы, как мы знаем, были им в тот момент крайне необходимы. Более того, для восстаний, которые они задумали, требовалось и советское вооружение, а как раз в то время Политбюро ЦК ВКП(б) действительно приняло решение оказать КПК помощь «из расчета снабжения примерно одного корпуса». Для этой цели оно выделяло 15 тысяч винтовок, 10 миллионов патронов, 30 пулеметов и четыре горных орудия при двух тысячах снарядов, всего на сумму один миллион сто тысяч рублей.

Оружие планировалось перебросить через Владивосток в один из портов Китая, который коммунисты должны были захватить в результате вооруженных восстаний[95]. В итоге Цюй и Чжан вынуждены были проглотить обиду.

В тот же вечер в ЦК было получено письмо из Хунани, от местного провинциального комитета. Обстановка в провинции продолжала ухудшаться, несмотря на попытки секретаря парткома, старого приятеля Мао по обществу «Обновление народа» И Лижуна, как-то ее стабилизировать. «После отъезда секретаря Мао Цзэдуна… ситуация во всех отделах провинциального комитета создалась критическая, — писали члены парткома, — надеемся [только] на возвращение Мао Цзэдуна»[96]. Но Цюй Цюбо не хотел отъезда Мао именно в это, критическое для себя, время. На предстоявшей партийной конференции поддержка со стороны «горячего хунаньца» была ему крайне необходима. Мао был нужен ему и как авторитет в крестьянском вопросе. В конце июля — начале августа в ЦК лихорадочно разрабатывали планы вооруженных крестьянских выступлений, и Мао конечно же принимал в этом участие. Речь шла о том, чтобы поднять бедных крестьян на аграрную революцию против *дичжу* непосредственно в период сбора осеннего урожая, когда арендаторы теоретически были обязаны рассчитываться с землевладельцами. Коммунисты хотели соблазнить бедняков простой воровской идеей: не платить по долгам!

Между тем в ночь с 31 июля на 1 августа произошло тщательно подготовленное КПК восстание в войсках НРА, расквартированных в городе Наньчане (провинция Цзянси). Это были отдельные части 2-го фронта армии ГМД, находившиеся под общим командованием левогоминьдановского генерала Чжан Факуя. Сам Чжан, конечно, участия в выступлении не принимал: как раз за двое суток до того он присутствовал на совещании с Ван Цзинвэем, Тан Шэнчжи и другими деятелями «левого» Гоминьдана в курортном местечке Лушань, где было решено провести чистку частей 2-го фронта от самих коммунистов. (Войска Чжан Факуя располагались в Цзянси по линии Цзюцзян — Наньчан.) Партийное руководство восстанием осуществлял хорошо знакомый нам еще по школе Вампу Чжоу Эньлай, как всегда собранный, энергичный и деловой. Чжоу тогда возглавлял военный комитет ЦК КПК, а потому и занимался подготовкой мятежа. Активную помощь ему оказывали прибывший в Наньчан накануне восстания по распоряжению Ломинадзе Чжан Готао и другие коммунисты, в том числе Ли Лисань и Пэн Бай. Непосредственное же командование мятежниками взяли на себя

три человека: командир 20-го корпуса Хэ Лун (экс-бандит из западной Хунани, ныне горячо сочувствовавший коммунистам), член КПК Е Тин, бывший командир знаменитого Отдельного полка 4-го корпуса, возглавлявший теперь одну из дивизий 11-го корпуса, и начальник Бюро политической безопасности города, командир инструкторского полка 9-го корпуса коммунист Чжу Дэ. Повстанцам (общей численностью в двадцать с лишним тысяч солдат и офицеров) удалось захватить город, но оставаться в нем они не собирались. Согласно плану, разработанному Временным бюро ЦК КПК еще 24–26 июля, они должны были сразу же начать наступление на Гуандун для того, чтобы там провозгласить новое революционное правительство. 3 августа повстанческие войска, реорганизованные в так называемую 2-ю Национально-революционную армию под общим командованием Хэ Луна, оставили город. Но их продвижение на юг оказалось отнюдь не из легких. «Противник оказался сильнее и умнее, чем ожидали; армия была уставшая и голодная; руководство ее в военном отношении было достаточно бесталанным; и, наконец, мы не сумели, не успели поднять крестьянство в достаточной степени, чтобы оно могло встать защитной стеной вокруг армии», — доносил в Москву из Шанхая представитель Исполкома Коминтерна молодежи Рафаэль Мовсесович Хитаров (кличка — Берг)[97]. В конце сентября — начале октября 1927 года повстанцы потерпели сокрушительное поражение в районе порта Сватоу (восточный Гуандун), куда специально прибыли для того, чтобы получить оружие из СССР. После этого их войска развалились. Хэ Лун бежал в Гонконг, Е Тин и Пэн Бай пробились в гуандунский уезд Луфэн, чтобы создать там военную базу, а Чжу Дэ во главе отряда в тысячу человек начал тяжелый переход на границу провинций Гуандун и Цзянси.

В подготовке восстания в Наньчане Мао Цзэдун не участвовал, но, узнав о нем, сразу загорелся желанием присоединиться к восставшим. В самом начале августа он даже обратился в ЦК с предложением организовать под его командованием «крестьянскую армию» в помощь Хэ Луну. И 3 августа вдохновленный его идеей Цюй срочно назначил его секретарем особого комитета южной Хунани. В тот же день, правда, Цюй отменил это свое решение: план Мао при ближайшем рассмотрении оказался совсем нереальным. В первую очередь потому, что времени на создание такой армии у Мао не было, а войска Хэ Луна, как мы знаем, именно 3 августа ушли из Наньчана[98].

Пришлось «королю Хунани» оставаться в Учане. 7 августа он принял участие в чрезвычайном совещании ЦК КПК. Проходило

оно при соблюдении строжайших мер конспирации на квартире одного из советских советников уханьского правительства, знакомого Мао Цзэдуну по совместной работе в Земельном комитете. Китайцы звали этого человека Ло Думо, но его настоящее имя было Михаил Осипович Разумов. После разрыва единого фронта ГМД с КПК СССР какое-то время сохранял отношения с Гоминьданом, а потому в ряде городов (Ханькоу, Чанше, Кантоне) еще находились советские представители и даже работали консульства. Оставались пока в Ханькоу и супруги Разумовы, жившие на территории бывшей русской концессии, в довольно тихом районе, заселенном в основном иностранцами. Их квартира находилась на втором этаже большого трехэтажного дома европейской постройки. Вот туда-то, в эту квартиру, и пришел рано утром 7 августа Мао Цзэдун. Появившийся почти в одно время с ним Чжэн Чаолинь[39] сообщает: «В первой комнате сидел и что-то читал иностранец, который не обращал на нас никакого внимания. Это был хозяин квартиры… Мы прошли мимо него в заднюю комнату, где уже было полно китайцев. Еще больше людей пришли после нас. Когда все собрались, вошел огромного роста русский мужчина с необычайно бледным и чисто выбритым лицом. Цюбо был уже готов представить вошедшего, как незнакомец опередил его. „Меня зовут Николай“, — сказал он. [«Никула», — перевел Цюй.] Позже его имя в некоторых документах было сокращено до буквы N. Это был Ломинадзе… Заседание оказалось очень коротким… Цюбо переводил»[99].

Выглядел Цюй неважно. Он уже давно страдал от туберкулеза, и болезнь, а также переживания последнего времени вконец измотали его. Говоря, он брызгал слюной. Он всегда так делал, когда волновался, и от этого казалось, что по комнате «летают мириады туберкулезных палочек»[100]. Вместе с Мао, Ломинадзе и Чжэн Чаолинем в совещании приняли участие двадцать пять человек, в том числе, помимо «Николая», еще два советских товарища. Это были хозяйка квартиры Анна Лазаревна Разумова (урожденная Хигерович), а также какой-то мужчина, которого почти никто не запомнил[40]. Было тесно, душно и жарко.

Среди присутствовавших находились десять членов и три кандидата в члены ЦК, а также два члена Контрольной комиссии, избранные на V съезде. (То есть менее 30 % руководящих работников партии: всего на V съезде в ЦК были избраны тридцать один член и четырнадцать кандидатов, а в Контрольную комиссию — семь членов и три кандидата.) Чэнь Дусю на совещание не пригласили, хотя он был еще в городе. (Чэнь уедет в Шанхай только 10 сентября 1927 года.)[101] Зато позвали трех

представителей китайского комсомола, одного работника военного комитета ЦК и одного сотрудника Секретариата, а также двух «представителей с мест» (из Хунани и из Хубэя)[102].

Большинство участников были давними знакомыми Мао. Лишь несколько лиц показались ему неизвестными. Среди незнакомцев был новый сотрудник Секретариата ЦК, скромный, но очень деловой молодой человек лет двадцати двух, такой маленький, что едва доходил Мао до плеч (его рост был всего около полутора метров). О нем говорили, что он только что приехал в Ухань из Советского Союза, где несколько месяцев проходил обучение сначала в Коммунистическом университете трудящихся Востока, а затем в Университете трудящихся Китая имени Сунь Ятсена. До того работал и учился во Франции, куда попал еще юношей. Настоящее его имя было Дэн Сисянь, но, перейдя в Ухани на конспиративную работу, он сменил его на Дэн Сяопин (Дэн «Маленький мир»). Обратил ли Мао тогда внимание на этого «коротышку»? Скорее всего, нет. Но даже если и задержал на нем взгляд, не мог, конечно, и представить себе, что именно этому, невзрачному на вид человеку, выходцу из семьи сычуаньских *хакка,* предстоит уже после его, Мао, смерти сыграть роковую роль в судьбе его главного детища — социалистического Китая.

Председательствовал на совещании член Временного бюро и бывший секретарь хунаньского парткома Ли Вэйхань, которого Мао знал еще по обществу «Обновление народа». Первым с докладом выступил Ломинадзе, который подверг китайских коммунистов резкой критике, подчеркнув, что КПК совершила «большие ошибки», причины которых лежат «очень глубоко». После этого Ли Вэйхань попросил присутствующих высказываться.

Мао выступил первым и тут же поддержал представителя Коминтерна. Сделать ему это было нетрудно, так как он давно уже, как мы знаем, требовал радикализации политики партии и часто оказывался в оппозиции Чэнь Дусю. Все знали, как горячо он агитировал за глубокую аграрную революцию. И вот его час, казалось, пробил. Конечно, он начал с «ошибок» прежнего руководства в вопросе о крестьянском движении. «Широкие массы внутри и вне партии хотели революции, — сказал он, — и тем не менее партийное руководство не было революционным; скорее оно занимало контрреволюционные позиции». При этом он, правда, к чести своей, ни разу не назвал Чэнь Дусю по имени. (Это, кстати, была общая позиция деятелей партии: никто из китайцев, присутствовавших на совещании, Чэня персонально не критиковал. Несмотря на негативное отношение к нему со

стороны Сталина, Чэнь оставался для всех них «главой семьи». Лично Чэня атаковал только Ломинадзе.)

Покончив с критикой, Мао перешел затем к основным задачам партии. И здесь впервые на таком высоком официальном уровне высказал то сокровенное, что волновало его в последнее время больше всего. А именно: заявил о необходимости уделять исключительное внимание военному фактору: «Мы упрекали [Сунь] Ятсена за то, что он занимался только военными делами, — и делали все наоборот: занимались не военным движением, а одним лишь массовым движением. И сейчас, хотя мы и [стали] уделять [военному фактору] внимание, у нас по-прежнему нет ясно выверенной концепции. [Но] восстания осеннего урожая, например, невозможны без вооруженной силы. Наше совещание должно уделить этому серьезное внимание… С этого момента нам следует уделять величайшее внимание военным делам. Мы должны знать, что политическая власть рождается из дула винтовки»[103]. Для того времени это звучало нетривиально и даже в какой-то мере небольшевистски. Ведь Коминтерн всегда учил коммунистов всех стран тому, что в революционном движении надо главным образом опираться на народные массы — в первую очередь на индустриальных рабочих, а затем — на беднейших крестьян. Это звучало красиво и соответствовало канонам марксизма. А то, что реальный большевистский опыт (Октябрьское восстание и Гражданская война) говорил об обратном — о решающем значении именно военного фактора, игнорировалось: нельзя же было в самом деле представлять «Великую социалистическую революцию многомиллионных масс российского пролетариата» как некий военный переворот!

После того как выступили все желающие (их было немного: вместе с Мао — пять человек), был заслушан самокритичный доклад Цюй Цюбо. После этого приступили к обсуждению трех резолюций: о борьбе крестьянства, рабочем движении и по организационным вопросам, а также длиннющего «Обращения ко всем членам партии», которое подготовил Ломинадзе и которое Цюй Цюбо заранее перевел. И вновь Мао взял слово.

Говорил он немного: минут пять, но и это его выступление имело большое значение — по крайней мере для него самого. Сохраняет оно особую важность и для нас с вами, ибо в нем Мао смог как нельзя более цельно выразить свои основные взгляды в крестьянском вопросе, как бы суммировав весь свой опыт работы в деревне. Вот что он сказал: «1. Надо несомненно установить критерий для определения крупных и средних *дичжу*. В противном случае мы не будем знать, кто крупный, а кто мелкий

дичжу. С моей точки зрения, мы могли бы взять как предел 50 *му* [то есть 3,3 га]; участки свыше 50 *му* должны быть все конфискованы, вне зависимости от того, плодородна земля или нет. 2. Вопрос с мелкими *дичжу* — центральный вопрос аграрного вопроса [вот так коряво он и сказал]. Трудность состоит в том, что, если мы не конфискуем землю мелких *дичжу,* крестьянские союзы должны будут прекратить свое существование. Ведь есть много мест, где нет крупных *дичжу.* Поэтому, если мы хотим полностью уничтожить систему *дичжу,* нам надо применить определенный метод к мелким *дичжу.* Мы должны сейчас же разрешить вопрос с мелкими *дичжу,* поскольку только так мы можем успокоить народ. 3. Вопрос с крестьянами-собственниками. Права на землю, которыми обладают богатые крестьяне и середняки, — различны. Крестьяне хотят атаковать богатых крестьян, поэтому надо ясно определить [наш] курс. 4. Вопрос с бандитами — очень большой вопрос. Так как тайных обществ и бандитов очень много, нам надо иметь в отношении них [определенную тактическую линию]. Некоторые товарищи полагают, что мы просто можем использовать их. Это метод [Сунь] Ятсена, которому мы не должны следовать. Если мы осуществим аграрную революцию, тогда, несомненно, мы сможем руководить ими. Мы, несомненно, должны относиться к ним как к нашим братьям, а не как к гостям [хакка]»[104].

Вот так, выступая в прениях, Мао вроде бы мимоходом представил, по существу, всю основную программу своей дальнейшей революционной борьбы. Ведь все, что он сказал в этих двух небольших выступлениях, сводилось к следующему: нам надо создавать армию из бандитских, бедняцко-пауперских и люмпенских элементов, которые можно привлечь на нашу сторону только путем конфискации земли как *дичжу,* так и крестьянства. (Ведь под категорию «зажиточного крестьянина» мог попасть в глазах люмпена любой трудящийся земледелец.) Всего лишь через три года он выразит эти мысли в весьма лаконичной формуле: «Взять у тех, у кого много, и дать тем, у кого мало; взять у тех, у кого земля жирная, и дать тем, у кого земля скудная!» Следовать этому принципу он будет всю свою жизнь (с определенными вариациями, конечно).

Экстремизм Мао был настолько циничен, что вызвал возражения даже со стороны не отличавшегося мягкосердечием Ломинадзе. «Нам надо нейтрализовать городскую мелкую буржуазию, — заявил он, — если же мы начнем конфисковывать всю землю, то городская мелкая буржуазия будет колебаться и выступит против нас… Что же касается вопроса о тайных обществах, поднятого Дуном [Мао Цзэдуном], то мы… не будем

использовать [такие общества]»[105].

Критика Ломинадзе, правда, носила дружеский характер: ну, перегнул «товарищ Дун» палку немного, но ведь он же свой, проверенный, левый! Не то что «оппортунист» Чэнь Дусю! Так же к выступлениям Мао отнеслись и другие. А Цай Хэсэнь, задыхаясь от приступа астмы, даже бросился защищать друга детства. Он предложил ввести его в состав Политбюро как человека, который «не был согласен с политикой ЦК в крестьянском вопросе» и являлся «представителем течения, требовавшего немедленного осуществления аграрной революции». В результате имя Мао было добавлено в список членов и кандидатов в члены Временного политбюро, предварительно составленный Ломинадзе. По итогам голосования Мао был избран кандидатом в члены этого органа, который должен был возглавлять партию вплоть до созыва очередного VI съезда. Последний планировалось провести через полгода. Кроме Мао во Временное политбюро вошли еще пятнадцать человек: девять членов и шесть кандидатов, в том числе хорошо знакомые нам Цюй Цюбо, Ли Вэйхань, Пэн Бай, Дэн Чжунся, Чжоу Эньлай, Чжан Тайлэй, Чжан Готао и Ли Лисань. Интересно, что Цай Хэсэнь избран не был[106].

Цюй Цюбо мог быть доволен. Руководство удалось реорганизовать легко: Чэня окончательно устранили и никакой открытой оппозиции представителю ИККИ не проявилось. Большинство коммунистов привыкли подчиняться Москве. Правда, многие все же не могли преодолеть, казалось бы, врожденного пиетета перед Чэнь Дусю, так что критику основателя партии со стороны Ломинадзе принимали чисто формально. Но по большому счету — какая разница? Сам Цюй поздними вечерами втайне от Ломинадзе посещал «Старика», советуясь с ним, как лучше сделать то или другое[107].

Вскоре после совещания Цюй встретился с Мао для того, чтобы обсудить дальнейшие планы. Он хотел, чтобы тот вместе с ним переехал в Шанхай и работал в ЦК. Дело в том, что по решению ИККИ именно рабочий Шанхай вновь должен был стать штаб-квартирой партии: в Москве по-прежнему исходили из классической марксистской концепции о «всемирно-исторической роли» рабочего класса. Мао, однако, вновь попросил отправить его в Хунань. «Не хочу я уезжать в большой город и жить там в высоком отеле, — сказал он с улыбкой, — лучше уж поеду в деревню, залезу на гору и подружусь с лесными братьями»[108]. По словам Чжан Готао, Мао тем самым «продемонстрировал свой боевой дух». Ведь работа в Хунани была сопряжена с «громадным риском», и большинство руководящих деятелей ЦК не горели желанием ехать в эту провинцию[109]. 9 августа, на первом

заседании Временного политбюро, вопрос о назначении Мао был, наконец, решен. Цюй посылал его в Хунань специальным представителем ЦК для организации «восстания осеннего урожая». Основное выступление планировалось на юге Хунани, в связи с чем вновь был организован особый комитет южной Хунани, и Мао опять возглавил его. Наряду с ним в Чаншу выезжал вновь назначенный Цюем секретарь хуаньской партийной организации, кандидат в члены Временного политбюро Пэн Гунда, энергичный и решительный молодой человек. Он снискал известность тем, что сразу же после кровавого переворота Сюй Кэсяна 21 мая предлагал Чэнь Дусю план наступления на столицу Хунани силами 300 тысяч вооруженных крестьян.

Прибыв в Чаншу 12 августа, Мао нашел положение ужасающим. Искоренением коммунизма Сюй Кэсян занимался всерьез. Местная парторганизация была почти полностью уничтожена. Из трех тысяч членов партии в живых осталось не более ста[110]. «Есть только один способ общения с коммунистами, — скажет Сюй спустя много лет, вспоминая о прошлом, — действовать надо жестко. Сила — единственное, что они понимают и чего действительно боятся»[111]. Времени на переживания, однако, у Мао Цзэдуна не было. Требовалось выполнять решения партийного руководства, которые были конкретны: «Начать восстания с целью осуществления аграрной революции и свержения реакционного режима»[112]. Действовать он должен был в тесном контакте с новым советским консулом в Чанше и местным представителем Коминтерна Владимиром Николаевичем Кучумовым (псевдоним — Майер, китайцы называли его Ма Кэфу), прибывшим в Китай из Москвы вместе с Ломинадзе[113].

Сразу же по приезде, вечером 12-го числа, Мао втайне от всех встретился с бывшим секретарем парткома И Лижуном. Того тогда били все, кому не лень, поскольку он одним из немногих в партии осмеливался открыто обвинять Коминтерн в том, что у того не хватило смелости признать свои «оппортунистические» ошибки в Китае[114]. Особенно зол на него был, естественно, Ломинадзе. Но для Мао это не было поводом, чтобы рвать отношения со старым приятелем. Они договорились в ближайшее время собрать заседание провинциального комитета (еще перед отъездом из Учана Мао и Пэн Гунда запланировали это заседание на 15-е). После этого Мао выехал в Баньцан, где после возвращения из Учана жили его жена и дети. По каким-то причинам он задержался там дольше, чем мог позволить себе. И только 16-го или 17-го засобирался обратно в Чаншу. Члены

парткома, тщетно ждавшие его в городе, вынуждены были в конце концов провести заседание без него — 16 августа.

В Чаншу Мао вернулся с женой, сыновьями и старой няней своих детей, которая повсеместно следовала за Кайхуэй. Отпускать его одного на этот раз «Зорюшка» не хотела. Как чувствовала, что им недолго уж оставалось быть вместе! Так и приехали в город все впятером. Остановились в старом доме отца Кайхуэй, который все в округе уважительно называли «домом Яна из Баньцана»[115].

Сразу же после приезда, 18 августа, Мао созвал новое заседание провинциального партийного комитета. На нем он выступил с программной речью, определив основные направления работы по организации восстания. Вновь, как и на совещании 7 августа, он заявил, что главным лозунгом КПК должна стать полная конфискация земли. «В вопросе о конфискации мы должны определить цели, — заявил он. — В Китае крупных *дичжу* немного, но есть много мелких *дичжу.* Если мы конфискуем землю только крупных *дичжу,* то мы затронем лишь малое количество *дичжу,* и размер конфискованной земли будет небольшой. Тяга бедных крестьян к земле очень велика. Но если мы конфискуем землю только крупных *дичжу,* мы не сможем удовлетворить требования крестьян. Если мы хотим завоевать на нашу сторону все крестьянство, мы должны конфисковать землю всех *дичжу* и распределить ее среди крестьян»[116]. На этом заседании он, правда, в отличие от того, что говорил ранее, ничего не сказал о необходимости конфискации и земель крестьян-собственников. Но это отнюдь не свидетельствовало о пересмотре им своей позиции. Уже на следующий день в письме в ЦК КПК он настаивал: «Хунаньские крестьяне определенно хотят полного решения земельного вопроса… Я предлагаю… конфисковать всю землю, включая землю мелких *дичжу* и крестьян-собственников, с передачей всей земли в общее владение. Пусть крестьянские союзы честно распределят ее среди всех тех в деревне, кто хочет земли в соответствии с двумя критериями: „рабочей силы“ и „потребления“ (иными словами, исходя из фактического количества потребляемой каждым двором еды с учетом числа взрослых членов и детей в каждой семье)»[117].

Разве не поразительно, что он с такой настойчивостью гнул свою линию? Казалось, его ничто не смущало. Ведь он прекрасно знал, что большинство крестьян и так любимых им люмпенов никакой земли не требовали (первые, как мы знаем, мечтали лишь о снижении налогов и арендной платы, вторые стремились к дележу чужого имущества). Весь материал «Доклада об

обследовании крестьянского движения в провинции Хунань», написанный им самим же, говорил об этом! Неужели он ставил вопрос о «черном переделе земли» только для того, чтобы удовлетворить часть особенно нуждавшихся пауперов, беднейших арендаторов и членов неимущих кланов *хакка*? Возможно и так: этих людей в китайской деревне тоже хватало: ведь, как мы помним, одних *хакка* насчитывалось более 30 миллионов! Но главное все же заключалось в другом. К 1927 году Мао окончательно сформировался как личность. За годы, проведенные в партии, он приобрел привычки руководящего работника. И, как многие «вожди», привыкшие повелевать, уже абсолютно не сомневался в том, что имел право решать судьбы всех, над кем стоял. Мао был совершенно убежден, что знает лучше любого крестьянина, что тому надо. Вот почему спустя всего несколько дней после того, как идея тотальной конфискации земли была раскритикована Ломинадзе, он вернулся к ней, на этот раз в присутствии хунаньского представителя Коминтерна Кучумова-Майера. Уже тогда он был уверен, что в Китае давно наступил свой октябрь 1917 года[118]. А потому, считал он, ни о каких «поблажках» «помещикам» и «буржуям» и говорить не приходилось.

Свои леворадикальные взгляды «упрямый хунанец» будет проталкивать и в будущем. Да, ему придется маневрировать, приспосабливаться и идти обходными путями, но своим утопическим идеалам всеобщего равенства он уже никогда не изменит!

Как бы страхуясь на тот случай, если «тупое» крестьянство действительно не откликнется на его призывы, Мао и на этом заседании поднял вопрос об особом значении военного фактора. «Если мы хотим развернуть восстание, оно не должно опираться только на силу крестьян. Нужна поддержка со стороны армии. Восстание может состояться только при участии в нем одного или двух полков, в противном случае оно потерпит поражение… Если вы хотите захватить политическую власть, будет полным самообманом пытаться сделать это без поддержки со стороны вооруженных сил. Прошлая ошибка нашей партии заключалась в том, что мы игнорировали военный фактор. Теперь же мы должны отдавать 60 % наших усилий развитию военного движения». В заключение Мао вновь выдвинул формулу, которая, похоже, самому ему нравилась своей образностью: «Мы должны исходить из принципа, что политическая власть рождается из дула винтовки»[119].

Большинство членов хунаньского парткома поддержали своего авторитетного земляка. Только И Лижун проявил

осторожность. «Если мы конфискуем их [мелких *дичжу*] землю, — объяснил он, — они, безусловно, присоединятся к крупным *дичжу* в их контрреволюционном лагере. Значит, сейчас не время конфисковывать землю мелких *дичжу*… Что же касается крестьян, то, получив землю, они могут обленииться. А это приведет к сокращению производства зерна. Боюсь, это станет проблемой»[120]. Но его никто слушать не захотел. Все были убеждены, что пора было бросать политиканствовать и играть в демократию. «Призывы к созданию демократического революционного правительства изжили себя», — утверждали они. Коммунисты хотели восстать под своими собственными, а не левогоминьдановскими знаменами, провозгласить советы и оторвать головы всем, кого можно было отнести к собственникам. И их действительно совершенно не интересовало, нужно это было крестьянам или нет! «Наш метод заключался в том, чтобы осуществить революцию сверху и распространить ее через армию к крестьянам, а не наоборот», — признавал Пэн Гунда[121].

Однако Временное политбюро, в котором заправлял Ломинадзе, выступило против этого. В специальном письме хунаньским товарищам оно охарактеризовало точку зрения Мао о соотношении военного фактора и массового движения как «военный авантюризм», добавив: «ЦК считает, что надо опираться на массы. Вооруженные силы должны носить вспомогательный характер». Была вновь отвергнута и идея Мао о немедленном и полном перераспределении земли. «Главным лозунгом сегодня является конфискация земель крупных *дичжу*», — говорилось в письме. При этом, правда, подчеркивалось, что земли мелких *дичжу* и крестьян-собственников не надо было трогать лишь по «тактическим соображениям» — до тех пор, пока революция не «разовьется»[41]. Самым решительным образом Политбюро также потребовало продолжать вести всю работу под знаменем «левого» Гоминьдана: инструкций о смене лозунгов из Москвы пока не поступало.

Ни один человек в хунаньском парткоме с этим не согласился. И только тогда, когда Политбюро потребовало выполнения своих директив в самой категорической форме, Мао и его «коллеги» пошли на уступки[122]. Но, как показали дальнейшие события, сделали они это, конечно, формально[42].

Вместе с тем подготовка к «восстанию осеннего урожая» шла полным ходом. В самом конце августа хунаньский партком постановил нанести основной удар в центральной части провинции — объединенными силами «крестьянской армии», остатки которой сохранились в уездах к востоку от Чанши, одного полка гоминьдановских войск, командиром которого был

член компартии, а также безработных шахтеров Аньюаньских копей. Лозунги восстания были весьма просты: «казнить местных реакционеров, конфисковать их собственность, сжечь их дома, разрушить дороги и коммуникации». Главной целью был определен захват Чанши: большинство воспитанных на российском опыте коммунистов все еще не представляли себе революции без опоры на города. Хотел ли сам Мао атаковать столицу провинции? Скорее всего, нет. По воспоминаниям Пэн Гунда, он настаивал на ограничении масштабов восстания[123]. Не мятеж сам по себе интересовал его, он давно уже понял: революция потерпела поражение, надо собирать силы и уходить в горы. Но он должен был подчиняться решениям Политбюро.

Для непосредственного руководства восстанием были сформированы два комитета: фронтовой, занявшийся чисто военными делами, и комитет действия, объединивший парткомы восставших районов. Во главе первого встал Мао, во главе второго — И Лижун. После того как все это было решено, на рассвете 31 августа Мао выехал из Чанши на границу провинций Хунань и Цзянси, туда, где планировалось начать восстание.

В последний раз он обнял Кайхуэй. Надо было спешить. Договорились, что после его отъезда она с детьми и няней переедет к матери, в Баньцан. Перед расставанием она дала ему в дорогу пару новых соломенных сандалий и попросила заботиться о своем здоровье. Ее беспокоило, что несколько дней назад, когда они все вместе ехали из Баньцана в Чаншу, Мао подвернул ногу и до сих пор хромал. На вокзал она уже не пошла. Мао Цзэдуна вызвался проводить ее младший двоюродный брат Каймин. Знали ли они, что больше им никогда не встретиться? Понимали ли, что в то раннее утро расходились они навсегда? Мао уходил на чаншаский вокзал, чтобы сесть в скорый поезд, который умчит его в новую жизнь — в ту, где он станет «великим спасителем нации», «учителем» и «вождем». А она оставалась в прошлом.

Какое-то время ей с детьми удавалось жить в старом баньцанском доме в относительной безопасности. Спасала ее принадлежность к уважаемому в округе роду. Дочь безвременно почившего Ян Чанцзи, заслуженного педагога и просветителя, никто из местных чиновников и военных не осмеливался тронуть. Денег было мало: лишь время от времени она получала переводы из Шанхая, от брата Мао — Цзэминя, который с конца 1927 года возглавлял там работу подпольной типографии КПК.

Вдали от мужа она тосковала. И свои чувства изливала в стихах:

Серое небо, ветер холодный, ломит мне кости мороз.

Ты далеко, мой любимый, мне тяжко, думаю я о тебе.
Как же нога твоя? Есть ли одежда? Скоро наступит зима.
Кто охраняет твой сон одинокий? Кто разделяет печаль?

Нет от тебя ни письма, ни записки, некого мне расспросить.
Крылья бы мне — полетела бы птицей, только б увидеть тебя.
Вечно грустить без любимого — мука. Вдруг не увижу тебя?[124]

Ее арестовали только тогда, когда Красная армия во главе с Мао стала особенно досаждать хунаньским правителям. В августе 1930 года, вскоре после того, как войска коммунистов разграбили Чаншу, командующий гоминьдановской армией в Хунани генерал Хэ Цзянь издал приказ об аресте Кайхуэй. За ее голову была назначена награда в 1000 юаней, и 24 октября 1930 года она оказалась за решеткой. Вместе с ней арестовали ее старшего сына, Аньина, которому, кстати, в тот день исполнилось восемь лет, и преданную семье Мао няню. Во время ареста средний сын, Аньцин, горько плакал, цепляясь ручонками за мундиры военных. И тогда один из солдат ударил его чем-то тяжелым по голове. Бедный Аньцин упал, получив серьезное сотрясение головного мозга. От этой встречи с военными он не оправится всю свою жизнь.

Хэ Цзянь требовал от Кайхуэй только одного: отречься от мужа. Если бы жена Мао сделала это публично, считал он, многие коммунисты явились бы в полицию с повинной. Но она отказалась предать любимого. И тогда ее отдали под суд военного трибунала, несмотря на то, что по просьбе матери Кайхуэй прошение о ее помиловании подписал сам Цай Юаньпэй, бывший знаменитый ректор Пекинского университета. Суд занял не более десяти минут. Задав несколько формальных вопросов, судья обмакнул кисточку для письма в красную тушь, сделал пометку на протоколе допроса и швырнул его на пол: так в китайских судах объявляли о вынесении смертного приговора. Утром 14 ноября 1930 года за ней пришли в ее камеру, чтобы вести на казнь. Аньин, находившийся с ней, расплакался. Но она сказала ему: «Ну что ты? Ты ведь Герой! Дорогой мой, передай папе, чтобы не сожалел о моей смерти. Пусть делает все, чтобы революция победила как можно раньше!» И еще добавила: «Надеюсь, после моей смерти родные не станут хоронить меня по-мещански».

Ее расстреляли на кладбище за северными воротами города Чанши, в предместье Шицзылин. Там же, где за девять месяцев до того казнили ее младшего двоюродного брата Каймина, того самого, что 31 августа 1927 года провожал Мао Цзэдуна на чаншаский вокзал. Очевидцы рассказывают, что везли ее к месту казни на рикше, и солдаты с ружьями бежали по обе стороны от повозки. Когда она упала, сраженная пулями, кто-то из карателей быстро снял ее туфли и отбросил как можно дальше: так в Китае делали всегда для того, чтобы покойник, не дай бог, не стал ходить тенью за своими убийцами. После этого солдаты вернулись в казарму и сели обедать. Но вдруг кто-то из горожан, наблюдавших за казнью, прибежал сказать, что «покойница» начала подавать признаки жизни. Прервав обед, семеро палачей вернулись на место казни и добили несчастную. Молча смотрели они, как, умирая, она импульсивно хваталась дрожащими пальцами за черную землю.

Вечером ее тело было передано родственникам, которые отвезли его в Баньцан, где и похоронили. Недалеко от родительского дома, на склоне холма, засаженного хлопком, в тени молодых сосен. Вскоре, дав взятку тюремщикам, местные коммунисты-подпольщики освободили Аньина и его няню. А через месяц, узнав из газет о кончине жены, Мао прислал своей теще 30 серебряных юаней на надгробную плиту. «Смерть Кайхуэй, — написал он, — не может быть оплачена и сотней моих смертей!»[125]

В то время, однако, он уже жил с другой женщиной, с которой познакомился всего два месяца спустя после своего отъезда из Чанши. Ведь, как мы помним, «человеческая потребность в любви» была для него «сильнее любой другой потребности». И ничто, «кроме какой-то особой силы», не могло в нем остановить эту «вздымающуюся волну потребности в любви». Весной 1929 года эта новая женщина родила ему дочь. Так что 30 сребреников, посланные на надгробие, были весьма символичны.

КРАСНЫЙ СТЯГ НАД ГОРАМИ ЦЗИНГАН

СОВЕТСКОЕ ДВИЖЕНИЕ В КИТАЕ *(1927–1931 гг.)*

Сев тогда, 31 августа 1927 года, на поезд, Мао прежде всего отправился в небольшой городок Чжучжоу, к югу от Чанши. Здесь

он обсудил план восстания с членами местного парткома, в том числе со старым другом Чжу Шаолянем. Было решено, что коммунисты Чжучжоу начнут выступление первыми: им надо было взорвать железнодорожный мост через реку Сянцзян и совершить ряд диверсий на железной дороге. Затем Мао прибыл в Аньюань, в окрестностях которого должно было состояться важное военное совещание. На этой встрече, в местечке Чжанцзявань, партийные активисты приняли решение сформировать так называемую 1-ю дивизию 1-го корпуса Рабоче-крестьянской революционной армии. Ее численность составляла тогда более пяти тысяч человек.

После этого в сопровождении секретаря одного из уездных парткомов Мао направился в местечко Тунгу, к северу от Аньюани, для того, чтобы передать находившимся там прокоммунистически настроенным солдатам и беднейшим крестьянам решение о преобразовании их отрядов в 3-й полк 1-й дивизии. Его переполняли героические чувства: он уже представлял себя вождем повстанцев, и губы шептали строфы новых стихов:

> *Дичжу* давят людей что есть силы,
> И крестьяне их всех ненавидят.
> Но когда урожай мы сбираем, то сгущаются осенью тучи.
> Грома звук возвещает восстание![126]

Все вроде складывалось хорошо, но неожиданно на дороге, неподалеку от поселка Чжанцзяфан, километрах в пятидесяти от Тунгу, он и секретарь укома (звали его Пань Синьюань) были остановлены отрядом местной крестьянской милиции *(миньтуанями)*. Те, конечно, не знали, кто оказался у них в руках, но на всякий случай решили отвести их к начальству. Ситуация создалась угрожающая: «белый» террор еще свирепствовал, и арестованных могли запросто расстрелять. Вот как сам Мао рассказывал об этом Эдгару Сноу: «Мне приказали следовать в штаб *миньтуаней,* где собирались меня убить. Но я, заняв несколько десятков юаней у товарища [Пань Синьюаня], попытался подкупить стражников. Те были простыми наемниками и особенно моей смерти не хотели, а потому согласились меня отпустить. Однако их командир воспротивился. Тогда я решил бежать, но никак не мог это сделать. Только тогда, когда до штаба *миньтуаней* оставалось метров двести, я вырвался и скрылся в полях. Я добежал до холма, который возвышался над прудом, и затаился там, в высокой траве, до захода солнца. Солдаты преследовали меня и даже заставили нескольких

крестьян помогать им в поисках. Много раз они подходили совсем близко, один или два раза я даже мог до них дотронуться. Но каким-то образом мне удалось остаться незамеченным, несмотря на то, что несколько раз я терял надежду, будучи абсолютно уверенным, что меня опять схватят. Наконец на рассвете они прекратили поиски. Я сразу же направился в горы и шел всю ночь. На мне не было сандалий, а потому ноги мои оказались в жутких ранах. По дороге я встретил крестьянина, который пожалел меня и приютил, а затем вывел в соседний район. У меня было семь юаней, на них я купил сандалии, зонтик и еду. Когда же в конце концов я благополучно добрался до [своего] крестьянского патруля, у меня в кармане оставалось всего две медные монеты»[127].

Тщательно подготовленное восстание, начавшееся 9 сентября, завершилось, однако, сокрушительным поражением. Правда, ничего другого и ожидать было нельзя. Никакой практической помощи восставшим солдатам и офицерам не оказали не только пассивные крестьяне, но и деморализованные железнодорожные рабочие и шахтеры. «Крестьяне не поднялись потому, что у их вождей не хватило решимости, — сообщал Пэн Гунда. — Как только военные операции завершились, мы потеряли политическое влияние на крестьянство, а [наши] партийные организации прекратили существование… После нескольких неудач рабочие утратили доблесть. То, что не удалось организовать саботажа на железной дороге, нанесло тяжелый удар по планам восстания в Чанше»[128].

В этих условиях 15 сентября члены хунаньского парткома (и Мао в том числе) на свой страх и риск решили отказаться от штурма провинциальной столицы и от самого восстания в ней. Ничего, кроме многочисленных жертв, эти новые бессмысленные акции не сулили. Надо было отступать, а не изображать из себя героев.

Собрав 19 сентября остатки войск в небольшом поселке Вэньцзяши, в ста километрах к востоку от Чанши, Мао объявил им о намерении пробиваться на юг, вдоль границы провинций Хунань и Цзянси, в направлении высокогорного района Цзинган (дословный перевод: «Колодцы и хребты»)[129]. Этот труднодоступный массив, являющийся средней частью пограничного хребта Лосяо, издавна служил убежищем мятежникам и бандитам. Мао считал его «отличной базой для мобильной армии». По его словам, «он был удачно защищен естественными преградами, и в нем выращивалось достаточно урожая для снабжения небольшой армии. Он представлял собой круг с восьмью *ли* в диаметре, площадь которого составляла 500

квадратных *ли.* Местные жители называли его Дасяоуцзин [«Пять больших и малых колодцев»]… поскольку в разных концах его действительно находились пять больших колодцев — *да, сяо, шан, ся* и *чжун,* то есть большой, маленький, верхний, нижний и центральный колодцы. Пять деревень, разбросанных по горам, носили те же названия»[130].

Характерной особенностью этих мест было причудливое сочетание уходящих в небо горных вершин и резко обрывающихся вниз глубоких обрывов. В общем, это было идеальное пристанище, лучше которого и не выдумать.

21 сентября полторы тысячи измотанных в боях бойцов (все, что осталось от 1-й дивизии), повязав на шеи красные ленты — повстанческий знак, начали трудный поход. «Дисциплина оставляла желать лучшего, — вспоминал Мао, — политическое воспитание находилось на низком уровне. Среди солдат и офицеров было немало колеблющихся элементов. Многие дезертировали». Не менее мрачную картину рисует и один из рядовых участников марша: «Наши части не были знакомы с обстановкой, не имели достаточной подготовки. Эпидемии лихорадки, переходы в жаркое время года, отсутствие баз — все это приводило к большим потерям»[131]. Только 27 октября отряд Мао, потерявший за время похода треть своего состава, достиг, наконец, поселка Цыпин, главного населенного пункта цзинганского района. Здесь, у подножия самой высокой в этой местности горы Учжишань («Гора пяти вершин», 1841 м над уровнем моря), в широкой долине, изрезанной рисовыми чеками, они и остановились. Кругом, куда только хватало глаз, высились отвесные горы, покрытые вечнозеленой хвоей[132].

Через месяц в соседнем с Цыпином уездном городишке по инициативе Мао было провозглашено образование двух органов политической власти — законодательного (в лице Собрания рабочих, крестьянских и солдатских депутатов) и исполнительного (Народного собрания). Слово «совет» (на китайском языке «сувэйай») Мао пока не использовал, но по характеру эти учреждения были именно советскими. Естественно, сразу же ему пришлось столкнуться с рядом проблем. Действовать надо было в новой, незнакомой среде, среди чужого, зачастую агрессивно настроенного к незваным гостям населения, говорившего к тому же на особом, непонятном многим бойцам, в том числе самому Мао, диалекте.

В этих бедных местах, вдали от провинциальных администраций Хунани и Цзянси, люди жили по своим, традиционным, законам. Экономика этого района, по словам самого Мао, находилась «еще в патриархальной стадии ступы и

песта»[133]. Имелось в виду, что в горах для обрушивания риса применяли ступу и пест. Только в долинах имелись ручные мельницы. Власть здесь принадлежала шайкам бандитов во главе с некими Юань Вэньцаем и Ван Цзо. Шестьсот головорезов, вооруженных старыми пистолетами, ружьями и мечами, держали в страхе почти весь окрестный Нинганский уезд, население которого составляло 150 тысяч человек[134]. Понятно поэтому, что прежде, чем получить «права гражданства» в Цзингане, Мао должен был установить дружеские отношения с грабившими эту округу «мужественными» людьми. И ему это удалось: не зря ведь он готовил себя к подобной встрече. В результате, по его собственным словам, он «захватил гору и стал королем»[135].

История взаимоотношений Мао с «лесными братьями» стоит того, чтобы ее рассказать. Юань Вэньцай и Ван Цзо принадлежали к зависимым, неимущим кланам *хакка,* чьи предки переселились в этот район из Гуандуна или Фуцзяни тогда, когда все плодородные долины уже были освоены. Иными словами, они не считались коренными жителями этих мест, несмотря на то, что и тот и другой родились в Цзингане. Понятно поэтому, что никаких теплых чувств Юань и Ван питать к обитателям долин не могли. Ведь местные старожилы, как и везде, относились к пришлому населению презрительно и, пользуясь своим экономическим преимуществом, нещадно эксплуатировали. Вот почему еще в ранней молодости Юань и Ван вступили в одно из разбойничьих обществ — «мадаодуй» («общество сабель»), состоявшее из таких же, как они, «чужаков». Спустя какое-то время они захватили в этой организации лидирующие позиции, после чего обложили местное коренное население данью, а тех, кто сопротивлялся, стали жестоко наказывать по обычаям Средневековья. Непокорным рубили головы, после чего их оскаленные черепа выставляли на шестах на всеобщее обозрение. В этом союзе Юань играл главную роль, и Ван уважал его как «старшего брата». Дружба бандитов была скреплена кровью.

Едва вступив в Цзинган, в начале октября 1927 года, Мао послал почтительное письмо Юань Вэньцаю, предложив встретиться и обсудить ситуацию. Он выразил готовность преподнести Юаню в знак уважения сто винтовок, если тот позволит ему обосноваться в этих местах. От этого подарка бандит, у которого было всего шестьдесят плохих ружей, конечно, не мог отказаться, но гордость не позволяла ему взять оружие даром. Встретившись, Юань заплатил Мао тысячу серебряных юаней: это был щедрый жест, типичный для китайца. Традиция требовала от хозяина, приняв подношение, вознаградить дающего сторицей. В противном случае можно было «потерять лицо»: ведь

гость и вправду мог подумать, что у хозяина есть проблемы. Мао оценил это и своей простотой и обходительностью понравился Юаню. Тому очень польстило, что такой большой человек (а он слышал о Мао как об одном из руководителей коммунистической партии) оказал ему знаки внимания. Расчувствовавшись, он даже сообщил Мао Цзэдуну, что и сам с прошлого года является членом компартии. Так ли это было на самом деле, кто его знает, но Мао сделал вид, что поверил. Через Юаня он установил связь с Ван Цзо, которому тоже подарил оружие (семьдесят винтовок с полным комплектом боеприпасов). На не шибко образованного Ван Цзо особое впечатление произвела эрудиция коммунистического вождя. «Ну и человек! — говорил он. — Один раз с ним поговоришь, а такое чувство, что будто бы лет десять только и делал, что читал книги!»[136] Именно Ван посоветовал Мао обосноваться в Цыпине, находившемся под его контролем. На родине же Юань Вэньцая, в соседнем поселке Маопин, был развернут дивизионный госпиталь. Так как Мао был на пять лет старше Юаня и Вана, те стали назвать его «Мао дагэ» («большой брат Мао»). Оформление бандитского братства, по обычаю, было отпраздновано вином и жареной свининой.

Конечно, не все развивалось гладко. То и дело между бойцами Мао и разбойниками Юаня и Вана возникали стычки. Особенно по этому поводу возмущался Ван Цзо, который по натуре своей был человеком весьма недоверчивым. Основания для беспокойства у него, конечно, были. Ведь войска Мао превосходили «общество сабель» в три раза. «А что, если Мао отнимет у нас власть, — поделился он как-то сомнениями с Юанем. — Проглотит и не заметит». И тогда хитрый Юань придумал, как привязать Мао к себе. Он познакомил его с симпатичной сестрой своего старого друга и одноклассника из соседнего уезда Юнсинь, порекомендовав ее как хорошего переводчика местного диалекта. Звали эту девушку Хэ Цзычжэнь и было ей всего восемнадцать лет (она родилась в сентябре 1909 года). В отряде Юаня она находилась недавно, с июля 1927 года. Судя по всему, Юань, ценивший старые связи, относился к ней хорошо, а с его женой Се Мэйсян девица Хэ вообще была близко дружна. Благоволил к ней и Ван Цзо, подаривший ей маузер. Цзычжэнь (дословный перевод: «Дорожить собой») с шестнадцати лет была членом компартии, и в горы Цзинган ее направила местная юнсиньская парторганизация вскоре после того, как в поселке установилась власть «белых». Она была начитанной и политически грамотной, а главное — привлекательной, энергичной, живой и веселой по характеру. Она имела нежное овальное лицо, большие блестящие глаза и тонкую кожу. Не

случайно ее детское имя было Гуйюань («Круглая луна в саду коричных деревьев»)[43]. В общем, на Мао она произвела впечатление.

Да и он ей тоже понравился, несмотря на то, что был старше на шестнадцать лет! Она знала, что он женат и имеет троих сыновей: он сам ей об этом сказал. Но ее ничто не могло остановить. Мао умел нравиться женщинам. А в то время, когда они познакомились, он был особенно неотразим. Очень худой, длинноволосый, с высоким лбом и томными печальными глазами, он поразил воображение Хэ Цзычжэнь. В нем чувствовалась не только физическая сила, но и необычайная интеллектуальная мощь. К тому же он был очень чувствителен, писал стихи, хорошо знал художественную литературу и народный фольклор. Таких людей молоденькая Хэ Цзычжэнь еще не встречала. Была ли это взаимная любовь? Или просто сексуальное влечение? Люди, знавшие их, рассказывают разное. Но кто может знать наверное? Чужая душа — потемки.

Ранней весной 1928 года Мао попросил Цзычжэнь выбрать время и помочь ему с работой над кое-какими рукописями. «Могу помочь, если только ты не посчитаешь, что у меня плохой почерк», — согласилась она. И на следующий день пришла к нему (Мао работал тогда в одном монастыре в горах). С тех пор они и стали жить вместе. А в конце мая (то ли 25-го, то ли 26-го) в присутствии свата Юань Вэньцая с товарищами была сыграна «свадьба». Ели конфеты и орешки. Пили чай. Смеялись, шутили, шумели. И никто, конечно, не вспоминал о Кайхуэй.

А та (бывает же так!) случайно узнала об измене мужа. Долгие месяцы не имела о нем вестей, а тут на тебе! Удар был настолько силен, что Кайхуэй решила покончить с собой. И наверное, сделала бы это, если бы не мысль о детях[137]. Два года, вплоть до кончины, носила она в себе обиду.

Между тем, пока Мао устраивал свою личную жизнь и создавал советы на границе Хунани и Цзянси, события в КПК развивались бурно. Как раз в тот день, когда он собирал войска в Вэньцзяши, 19 сентября, Сталин сам, наконец, принял решение об официальном выходе КПК из Гоминьдана и о начале борьбы коммунистов за создание советов в Китае. Указания об этом Цюй Цюбо получил через советского консула в Ханькоу на следующий день. Чжэн Чаолинь сообщает: «Я до сих пор помню, как… Цюбо и я пришли в русское консульство в Ханькоу. Пока я сидел в приемной, он вошел в кабинет. Выйдя из него, он сказал мне: „Интернационал прислал телеграмму о том, чтобы мы вышли из Гоминьдана“. К тому времени оба, и правый и левый Гоминьданы уже исключили нас»[138]. В конце сентября руководители

китайской компартии отплыли на пароходе из Ханькоу в Шанхай[139]. Здесь, в глубоком подполье, они продолжили свою деятельность. Туда же вскоре отправился и Ломинадзе. А в октябре в Шанхай прибыл еще один представитель ИККИ, немецкий коммунист Гейнц Нейман (Мориц), выдававший себя за австралийского коммерсанта Грубера. Он, правда, в ноябре выехал через Гонконг в Кантон для подготовки там нового восстания. Это выступление, известное в истории как Кантонская коммуна, также, естественно, закончилось поражением. Одной из многочисленных жертв его стал известный нам Чжан Тайлэй, бывший переводчик Маринга и Бородина. Только по счастливой случайности военному руководителю восстания, Е Тину, удалось бежать.

«Белый» террор и авантюристическая политика восстаний вообще дорого обошлись компартии. К концу 1927 года она потеряла около четырех пятых своего состава: общая численность КПК сократилась с почти 58 тысяч до 10 тысяч человек.

Вот почему многие коммунисты, и не только Мао, зимой 1927/28 года вынуждены были отступить в деревню. Здесь, в отдаленных и труднодоступных районах, они развернули новую борьбу под продиктованными им из Москвы лозунгами советов. Но Мао все же был первым в этом деле. И как первому ему пришлось столкнуться со многим: и с непониманием товарищей, и с ненавистью завистников, и с упреками в «левом уклоне», и с обвинениями в «правом». Уже в сентябре его подверг уничтожающей критике советский консул и коминтерновский представитель в Чанше Кучумов — за отказ штурмовать Чаншу. В своем докладе и письмах в Политбюро ЦК КПК от 16 и 17 сентября Кучумов назвал «бездействие» хунаньского парткома «исключительно постыдным предательством и трусостью», потребовав от Политбюро немедленной реорганизации провинциального партийного руководства. Советский консул был убежден, что восстание в Чанше могло быть успешным, если бы Пэн Гунда и Мао Цзэдун не продемонстрировали «чудовищный пример филистерства китайского типа». В ответ на это Цюй Цюбо издал приказ о немедленном выступлении в Чанше. Одновременно он направил в этот город своего полномочного представителя Жэнь Биши, который действительно провел новую перестановку в руководстве парткома (при этом, правда, Пэн Гунда остался секретарем). Усилия Жэня, однако, никакого влияния на ситуацию не оказали, да он и сам быстро понял, что «момент восстания» в Чанше «был упущен»[139a].

Следующий удар Мао получил на расширенном совещании Временного политбюро, проходившем в Шанхае с 7 по 14 ноября

1927 года. Руководили этим совещанием два эмиссара Москвы — знакомый нам Ломинадзе (он, правда, уехал в Россию 10 ноября, не дождавшись его конца) и представитель Красного интернационала профсоюзов Ольга Александровна Миткевич (партийные клички — Александрович и Ольга). Их вмешательство в работу Политбюро предопределило тяжесть тех наказаний, которые понесли организаторы бесславных восстаний. Сталину вновь потребовались козлы отпущения: как всегда, Москва отказывалась признать хотя бы долю своей вины за ошибочный политический курс. В отношении Мао Цзэдуна и его товарищей в решении совещания «О политической дисциплине» говорилось следующее: «Хунаньский провинциальный комитет в руководстве крестьянским восстанием полностью нарушил тактику ЦК, который неоднократно указывал, что в качестве главной силы восстания в провинции Хунань должны выступить крестьянские массы. ЦК также прямо предостерегал секретаря провинциального комитета товарища Пэн Гунда относительно такой ошибки, как военный оппортунизм, и требовал от провинциального комитета исправления этой ошибки… Расширенное совещание Временного политбюро ЦК постановляет наложить следующие взыскания на исполнительные органы партийных организаций и на ответственных товарищей, проводивших вышеуказанную ошибочную политику… Члены хунаньского провинциального комитета Пэн Гунда, Мао Цзэдун, И Лижун, Ся Минхань освобождаются от обязанностей членов провинциального комитета партии. Товарищ Пэн Гунда освобождается от обязанностей кандидата в члены Политбюро ЦК и оставляется в партии с шестимесячным испытательным сроком… Товарищ Мао Цзэдун выводится из кандидатов в члены Временного политбюро ЦК»[1396]. Именно в то время в Центральном комитете был даже пущен в оборот термин «маоцзэдунизм» как синоним «военного оппортунизма».

О выводе его из состава Политбюро Мао узнал только четыре месяца спустя, в начале марта 1928 года, когда к нему прибыл особоуполномоченный вновь созданного партийного комитета южной Хунани, некий Чжоу Лу. Это был самоуверенный молодой человек, считавший себя большим начальником потому, что заведовал южнохунаньским военным отделом. Партком, который он представлял, был создан за три месяца до того, в декабре 1927 года, и именно на этот партийный комитет ЦК возложил задачу реорганизации коммунистического руководства в горах Цзинган. (Общехунаньский партийный комитет в Чанше оказался к тому времени почти полностью разгромленным гоминьдановцами.)

Вожди в Шанхае не могли простить Мао самостоятельности, а

потому 31 декабря 1927 года в развитие решений ноябрьского расширенного совещания Политбюро потребовали еще и отстранения его от руководства фронтовым комитетом. Особенно резкое недовольство Мао Цзэдуном выражал секретарь военного комитета ЦК Чжоу Эньлай, обычно сдержанный и хладнокровный. Возможно, он делал это потому, что сам не был кристально чист: ведь именно он отвечал за проведение Наньчанского восстания, а это последнее тоже назвать успешным было нельзя. «Войска Мао — это те же бандиты, вечно шатающиеся то туда, то сюда, — твердил Чжоу, добавляя: — Такие лидеры [как Мао] не верят в силу народных масс и впадают в настоящий военный оппортунизм». С ним соглашался и хунаньский комитет партии, утверждавший, что армия Мао «состоит целиком из бездомных пролетариев [то есть пауперов и люмпенов]»[140].

Не менее жесткими (и справедливыми) были в то время отзывы об армии Мао и членов Дальневосточного бюро Коминтерна в Шанхае. «Весьма важен вопрос о создании Красной армии, — докладывал, например, в Москву в конце февраля 1928 года представитель секретного Отдела международной связи (ОМС) ИККИ Александр Емельянович Альбрехт (подпольные клички — Арно, Вудро, Макс Хабер, настоящая фамилия — Абрамович). — …Так как у этих армий нет базы и снабжения, то она ложится большим бременем на крестьянство. Тем более что часть этой армии полубандитского происхождения, как напр[имер] отряды Мао Цзэдуна, то они с течением времени разлагаются и восстанавливают крестьян против себя. Особенно скверно в этом отношении, что эти армии зачастую уходят, оставляя крестьян расплачиваться за свои набеги с войсками милитаристов»[141].

Известие о партийных санкциях потрясло Мао до глубины души. Тем более что прыткий Чжоу Лу, стремясь, очевидно, полностью дезавуировать Мао как лидера, объявил о том, что ЦК якобы исключил его из партии. Это была откровенная ложь, но проверить слова посланца южнохунаньского комитета Мао не мог. В итоге Чжоу Лу полностью отстранил его от партийной работы, а затем передвинул на должность командира 1-й дивизии, что по коммунистической логике было конечно же понижением[44]. «Беспартийный» командир Мао не мог теперь решать не только политические, но и военные вопросы: ведь только партия могла руководить всем. Чжоу Лу ликвидировал и фронтовой комитет, передав партийную власть в 1-й дивизии чем-то понравившемуся ему комиссару одного из полков, двадцатидвухлетнему Хэ Тинъину. По-видимому, особоуполномоченный считал, что молодой и неопытный

секретарь дивизионной партийной организации будет игрушкой в его руках. Но он просчитался. Хэ Тинъин относился к Мао как к заслуженному авторитетному руководителю, с которым его связывало совместное участие в «восстании осеннего урожая» и трудном походе из Вэньцзяши в Цзинган[142]. Не учел Чжоу Лу и того, что у Мао и помимо юного Хэ были люди в 1-й дивизии, на которых он мог опереться. Мао, конечно, было обидно, что его «исключили из партии», но сдаваться он не собирался.

Одним из наиболее доверенных его людей в горах Цзинган был младший брат Цзэтань. Накануне переворота Ван Цзинвэя он, по совету Мао, покинул Ухань, отправившись вместе с войсками 4-го корпуса в Цзюцзян, на границу провинций Цзянси и Хубэй. Здесь его и застало известие о начале чистки «левого» Гоминьдана и НРА от коммунистов. Над ним нависла опасность, и по совету начальника штаба 4-го корпуса, члена КПК Е Цзяньина он бежал в Наньчан, надеясь присоединиться к восставшим отрядам Хэ Луна. Но к тому моменту, как он достиг города, там уже не было коммунистов. Зато хватало гоминьдановцев. У ворот Наньчана Цзэтань был остановлен патрулем. К счастью, после короткого допроса его отпустили. Цзэтаню удалось убедить начальника охраны, что он офицер армии маньчжурского маршала Чжан Цзолиня по имени Таньцзэ, прибывший сюда на переговоры. Уйдя из Наньчана, он двинулся на юг, и вскоре километрах в двухстах от города настиг наконец постовых повстанческой армии. Они отвели его к Чжоу Эньлаю, который тут же узнал брата Мао. Цзэтаня направили на работу к Е Тину, в политотдел. Вместе с другими он участвовал в штурме Сватоу, а потом, присоединившись к войскам Чжу Дэ, совершил тяжелый переход с боями на границу провинций Гуандун и Цзянси. Здесь в середине ноября 1927 года солдаты Чжу Дэ впервые встретились с бойцами одного из батальонов дивизии Мао, которые с конца октября блуждали в этих горных местах, будучи отрезанными от своих основных сил гоминьдановскими войсками. От них Чжу и Цзэтань узнали о восстании «осеннего урожая» в Хунани и о создании Мао Цзэдуном опорной базы в горах Цзинган. Чжу Дэ решил установить с Мао связь и с этой целью отправил к нему его брата Цзэтаня. В письме, которое он с ним передал, говорилось: «Необходимо объединить силы и проводить четкую военную и аграрную политику»[143].

В конце ноября Цзэтань благополучно достиг Цыпина. Он остался у Мао Цзэдуна и, разумеется, во всем ему помогал. Какое-то время, правда, он пытался отбить у него Хэ Цзычжэнь, убеждая молодую красавицу бросить «старого» Мао и перейти к нему. «У моего брата есть жена»[144], — нашептывал он ей, начисто

«забывая» о том, что и у него самого имелась супруга. А зря! В то время его Чжоу Вэньнань сидела в чаншаской тюрьме, куда ее посадили по доносу предателя в марте 1928 года вместе с крошечным сыном, которого она родила за шесть месяцев до того и назвала Чусюн («Яркий герой»). Знал ли об этом Цзэтань? Возможно и нет. Но то, что она была беременна, когда он видел ее в последний раз в Учане, он должен был помнить. В тюрьме мальчик серьезно заболел, и его отобрали у матери, поместив умирать в тюремную клинику. Но он, к счастью, выжил, и через несколько месяцев его передали на попечение бабушке. Та, в целях безопасности, изменила ему фамилию с Мао на Чжоу. (Только когда ему исполнится десять лет, она откроет ему, кто его отец.) Сама же супруга младшего брата Мао обретет свободу только в июле 1930 года, когда войска Красной армии на короткое время захватят Чаншу. Правда, к тому времени нетерпеливый Цзэтань уже найдет себе новую пассию. Отвергнутый любовницей Мао, он успокоится, найдя расположение у ее младшей сестры, миловидной Хэ И. В начале 1931 года они поженятся[45].

Что-то у братьев Мао не все ладилось в семейной жизни. Ведь и средний из них, Цзэминь, не являлся образцовым мужем и отцом. Свою первую жену, Ван Шулань, он бросил с двухгодовалым ребенком и с тех пор ни разу не видел. А она тоже много страдала. Ее арестовывали дважды. Первый раз — сразу после мятежа Сюй Кэсяна в конце мая 1927 года. К счастью, ее тогда сразу и отпустили: местные жители (она жила в Шаошани) поручились за нее, сказав, что она уже давно развелась с Мао Цзэминем. Но в мае 1929 года ее вновь схватили и на этот раз бросили в городскую тюрьму в Чанше. Освободила ее, как и бывшую жену Мао Цзэтаня, Красная армия в июле 1930 года. Из тюрьмы она вышла не одна, а с восьмилетним сыном соседки по камере. Та умолила ее взять мальчика на воспитание. Звали этого ребенка Хуачу. С тех пор они стали жить втроем — Шулань, ее дочь от Мао Цзэминя по имени Юаньчжи и Хуачу. Денег всегда не хватало, Шулань перебивалась случайными заработками — то в Чанше, то в Сянтани, то в других местах. В конце лета 1931 года она не выдержала. Забрала детей и отправились в Шанхай, где, по слухам, жил ее бывший муж с новой женой. Но поиски Цзэминя результатов не дали. В городе его не было. Знакомые коммунисты сказали ей, что он и его жена Цянь Сицзюнь еще в июле 1931 года по решению ЦК КПК выехали из Шанхая в Гонконг. И это было сущей правдой. Так ни с чем Шулань и возвратилась домой. Бедная, полуголодная и никому не нужная[46].

Вряд ли за всем этим стояло лишь бессердечие братьев Мао.

Не одни они вели себя подобным образом. Многоженство вообще в Китае было обычным делом, и даже самые ярые сторонники женской эмансипации среди членов китайской компартии сохраняли к слабому полу довольно презрительное отношение (хотя бы на подсознательном уровне). Женщина и в КПК оставалась для многих не столько товарищем, сколько источником удовольствий. А дети? Да кто о них много думал? В среде бедняков и пауперов, чьи интересы компартия представляла, на детей (особенно девочек) часто смотрели как на обузу. Конечно, в отличие от бедных крестьян, излишняя черствость деятелей КПК по отношению к их потомкам не носила исключительно экономического характера. На детей просто не оставалось времени: надо было заниматься главным — революцией, гражданской войной, освобождением угнетенных масс. Так что в громадном потоке дел «слезинка ребенка», пусть даже и своего, растворялась незаметно.

Много сил отнимала и внутрипартийная борьба. В случае с Мао — вероятно, не меньше, чем сама революция. Его новый враг, Чжоу Лу, появившийся в Цзингане в марте 1928 года, упивался властью. Едва завершив реорганизацию, он приказал Мао Цзэдуну вывести войска из Цыпина в южную Хунань на поддержку тамошнего крестьянского движения. Не подчиниться было нельзя: Мао не чувствовал себя еще в силе открыто сопротивляться представителю партии. Лишь через месяц, уже в восточной Хунани, ему удалось уговорить Чжоу Лу повернуть обратно. Никакого крестьянского движения в Хунани не было, а до Мао дошли слухи о том, что в предгорья Цзингана вышли войска Чжу Дэ. Они еще в конце ноября перебазировались из Цзянси в южную Хунань и вот теперь вплотную приблизились к отрогам Цзинганских гор. Надо было как можно скорее отправляться навстречу к ним.

Идея объединения с Чжу давно уже занимала Мао: с тех самых пор, как его брат Цзэтань принес ему весть о выходе войск этого командира в южную часть Цзянси. Чжу Дэ был профессиональным военным, да к тому же старым членом партии. Соединиться с ним значило существенно укрепить цзинганскую базу: Чжу командовал крупным воинским формированием, насчитывавшим более двух тысяч человек. Уже в середине декабря 1927 года Мао предложил свой план объединения партийному комитету Хунани, и тот одобрил его. Положительно отнесся к идее и ЦК КПК, со своей стороны пославший соответствующие указания Чжу Дэ. Но только теперь, в апреле 1928 года, перспектива объединения стала реальной.

Историческая встреча двух будущих знаменитых вождей

революции произошла 20 или 21 апреля 1928 года в местечке Линсянь к западу от Цзингана. А через три-четыре дня окончательно соединились и их войска, получившие вскоре по решению особого комитета провинции Хунань наименование 4-го корпуса Рабоче-крестьянской революционной армии Китая, — в честь прославленного 4-го корпуса НРА, где, как мы помним, во время Северного похода было больше всего коммунистов[145]. (В июне 1928 года по решению ЦК КПК Революционная армия была переименована в Красную.)

В лице Чжу, который был всего на семь лет старше Мао, наш герой приобрел боевого товарища, о котором можно было только мечтать. Как и Мао, тот был выходцем из крестьян, только не Хунани, а Сычуани — наиболее населенной провинции Китая, расположенной к северо-западу от родины Мао Цзэдуна. Правда, его отец, принадлежавший к одному из родов *хакка* (пришлых «гостей»), был намного беднее отца Мао — настолько, что, не будучи в силах прокормить себя и семью, должен был собственноручно утопить пятерых из своих детей в пруду[146]. «Я любил свою мать, но боялся и ненавидел отца, — признавался Чжу Дэ американской журналистке Агнес Смедли в 1937 году. — Я никогда не мог понять, почему мой отец был таким жестоким»[147]. Будущему полководцу повезло: один сердобольный и зажиточный родственник душегуба-отца взял его к себе на воспитание, когда мальчику исполнилось шесть лет. И не только вырастил, но и дал превосходное образование. В 1909 году, в возрасте двадцати трех лет, Чжу Дэ поступил в Юньнаньскую военную академию, находившуюся в столице этой юго-западной провинции, городе Юньнаньфу (ныне Куньмин). «Я всегда хотел стать военным, — рассказывал он спустя много лет интервьюировавшей его жене Эдгара Сноу, — а Юньнаньская военная академия являлась, пожалуй, наиболее прогрессивной и современной в Китае в то время. В ней были жесткие требования, и я не мог скрыть счастья оттого, что меня туда приняли». В том же году, будучи романтически настроенным молодым человеком, Чжу Дэ вступил в «Объединенный союз» Сунь Ятсена, направив всю свою энергию «на борьбу за республику»[148]. Одновременно он, правда, стал и членом тайного мафиозного общества «Гэлаохуэй» («Общество старших братьев»), разветвленная сеть которого пронизывала все слои китайского общества. В 1911 году Чжу Дэ принял активное участие в Синьхайской революции против Цинской монархии и к 1921 году сделал головокружительную карьеру. В войсках одного из юньнаньских милитаристов он дослужился до командира бригады. В сентябре 1921 года его назначили комиссаром полиции провинции

Юньнань. «Он заимел нескольких жен и наложниц и выстроил дворец в столице Юньнани, — писал Эдгар Сноу. — У него было все, к чему он стремился: богатство, власть, любовь, наследники, сны, навеваемые курением опиума [в то время он был страстным курильщиком], положение в обществе и обеспеченное будущее. У него на самом деле была только одна по-настоящему плохая привычка, но именно она-то и предопределила его падение. Он любил читать книги»[149]. Чтение увело его далеко. Он стал интересоваться большевизмом. «Мой интерес к коммунизму и большевизму развился из моего чтения всего, что было связано с русской революцией», — говорил Чжу Дэ. Он бросил все и уехал в Европу — сначала во Францию, а затем в Германию, где продолжил изучение военных наук. Там же, в Германии, он встретил Чжоу Эньлая, который оказал на него большое влияние. Именно Чжоу в октябре 1922 года убедил его вступить в КПК. В июле 1925-го Чжу Дэ из Германии приехал в Советский Союз. Он стал студентом Коммунистического университета трудящихся Востока, где под псевдонимом Данилов начал изучать большевистскую социологию и экономику. Вскоре, однако, он был переведен в одну из секретных советских военных школ, после окончания которой, летом 1926 года, вернулся в Китай. Он принял участие в Северном походе, после чего, как мы знаем, под руководством старого друга Чжоу Эньлая, внес значительный вклад в организацию Наньчанского восстания.

Был он силен физически и очень вынослив. Любил играть в баскетбол, спал вместе с солдатами на сырой земле, был неприхотлив в быту и одежде. Всех, кто знал этого человека, поражали его скромность и простота, а также незлобивый нрав и обходительные манеры. Но главным его достоинством было то, что он был напрочь лишен политических амбиций. С самого начала Чжу Дэ признал приоритет Мао во всем, что касалось политики. У Мао же на первых порах хватало ума не оспаривать мнение Чжу в военных вопросах. Таким образом, со всех сторон этот тандем был идеален[150].

После объединения Чжу и Мао в полном единодушии решили вернуться на старую цзинганскую базу, в среднюю часть хребта Лосяо. Там в относительно крупном населенном пункте Лунши, к северу от Цыпина, они и основали свою штаб-квартиру. Чжоу Лу теперь не мог помешать Мао Цзэдуну: при возвращении в Цзинган в одном из боев он попал в плен к гоминьдановцам и вскоре после этого был казнен.

Цель, которую Мао и Чжу Дэ поставили перед собой в горах Цзинган, заключалась в том, чтобы, укрепив эту советскую базу, постараться расширить свое влияние на шесть уездов

пограничного района Хунань — Цзянси — Гуандун. Никаких более обширных планов они не ставили. По словам Мао, «эта стратегия противоречила рекомендациям [ЦК] партии, который вынашивал грандиозные идеи быстрой экспансии. В самой армии Чжу Дэ и я должны были бороться против двух тенденций: во-первых, страстного желания немедленно атаковать Чаншу, которое мы считали авантюризмом, а во-вторых, стремления отвести войска на юг, к гуандунской границе, рассматриваемого нами как „отступление“. С нашей точки зрения нашими главными задачами являлись две: передел земли и установление советской власти. Мы хотели вооружить массы для того, чтобы ускорить эти процессы»[151].

Встреча с Чжу Дэ была для Мао знаменательна еще и тем, что именно от товарища Чжу он узнал, что никто не исключал его из партии. Более того, вскоре после объединения, в самом конце апреля, Мао получил известие из провинциального комитета Цзянси о его назначении секретарем вновь образованного особого комитета пограничного района Хунань — Цзянси. Это была уже большая победа: вопрос о создании такого комитета Мао ставил еще в декабре 1927 года, но никакого ответа тогда не получил[152]. Теперь же, с образованием этого комитета, он вновь концентрировал в своих руках всю полноту партийно-политической власти в цзинганском районе. Конечно же он был очень доволен. (В ноябре 1928 года Мао еще сильнее упрочит свою власть: по решению ЦК он станет секретарем заново созданного фронтового комитета — особой структуры, непосредственно подчинявшейся Цзянсийскому комитету партии и стоявшей над особым комитетом пограничного района Хунань — Цзянси.)

Вместе с войсками Чжу Дэ в Цзинган пришли и многочисленные отряды хунаньских пауперов и люмпенов. Они были союзниками коммунистов и вместе с ними в течение нескольких месяцев занимались грабежами и убийствами в южной Хунани. В результате их революционной деятельности экономика этого района была полностью разорена — настолько, что прибывшие в южную Хунань войска Чжу Дэ могли прокормиться, только выращивая и продавая опиум![153] Конечно, коммунисты понимали, что торговать наркотиками нехорошо, но другого выхода у них просто не было. А потому, продолжая бороться за права трудового народа, они сами же нещадно травили этот народ! Кстати, именно из-за экономических трудностей Чжу Дэ вынужден был в конце концов увести свои войска из южной Хунани в Цзинган.

В целом, таким образом, в цзинганском районе к маю 1928

года набралось около восемнадцати тысяч бойцов, однако, по оценке самого Мао, большая их часть представляла собой «неорганизованные массы, имевшие слабое представление о дисциплине»[134]. Надо было, следовательно, прежде всего установить над всей этой вооруженной толпой жесткий контроль. А сделать это без организации регулярного снабжения людей продовольствием и одеждой было, разумеется, невозможно. Срочно требовались и медикаменты: в пришедших в Цзинган войсках было не менее трети больных и раненых. Надо было организовать и производство вооружения и боеприпасов: на восемнадцать тысяч бойцов имелись всего две тысячи винтовок и несколько пулеметов. В общем, нужно было что-то делать, и Мао решил приступить к широкомасштабным социально-экономическим реформам, точнее, к аграрной революции. До тех пор с октября 1927 года солдаты Мао вместе с бандитами Юань Вэньцая и Ван Цзо изыскивали средства старым «дедовским» способом: облагали жителей долин налогом и тащили из домов *тухао* и *лешэнь* все, что было только можно. Но, даже ограбив всю округу, Мао не мог платить своим солдатам больше чем по три медных монеты в день. Конечно же этого было мало, а потому старые методы надо было срочно менять.

Наконец-то он мог впервые реализовать на практике свои представления относительно справедливого устройства китайского общества, выкристаллизовывавшиеся у него на протяжении последних лет. Были эти взгляды, как мы знаем, резко эгалитарными и в основе своей антикрестьянскими. В Цзингане конфисковывалась и передавалась в собственность «советского правительства рабочих, крестьян и солдат пограничного района» (во главе его, кстати, стоял бандит Юань Вэньцай) вся земля, как «помещичья», так и крестьянская. Земельный фонд распределялся между сельскими жителями — сторонниками режима в жестко уравнительном порядке: по числу едоков. Купля-продажа земли, естественно, запрещалась, а получившие землю «насильственно принуждались к труду».

Делалось это все исключительно по личным директивным указаниям Мао. Хоть какую-то законодательную основу названные мероприятия получили лишь за месяц до ухода 4-го корпуса из Цзингана — в декабре 1928 года, когда районное советское правительство задним числом приняло написанный Мао Цзэдуном «Цзинганшаньский[47] закон о земле». Как видно, Мао и здесь остался верен себе. Ведь мы помним, что он еще 12 апреля 1927 года откровенно заявлял на заседании гоминьдановского Земельного комитета: «Надо сначала разрешить аграрный вопрос в Китае на деле, а затем уже

оформить это в законном порядке». Так он в итоге и сделал[155].

О том, как проходила аграрная революция, говорит доклад самого Мао в ЦК КПК, составленный 25 ноября 1928 года. Из него следует, что к июню 1928 года большая часть земли в районе была уже конфискована и распределена; остальную землю продолжали делить вплоть до конца осени. Черный передел, разумеется, вызывал противодействие со стороны многих жителей. Эгалитаризм был не по вкусу не только *дичжу,* но и основной массе крестьянства, прежде всего земледельцам, принадлежавшим к зажиточным кланам коренных жителей *(бэньди)*. «Самым беспокойным элементом являются не крупные *тухао* и *лешэнь,* — признавал Мао, — а мелкие помещики и крестьяне-собственники». Именно последние наиболее активно препятствовали переделу, который фактически начался только тогда, когда красноармейцы расстреляли несколько человек из коренного населения. После этого крестьянам — жителям долин оставались только два пути: либо бежать из Цзингана, либо саботировать проведение аграрной революции. И большая часть из них пустилась в бега, испугавшись того, что пришлые с помощью Красной армии перебьют все коренное население. «Крестьяне из коренного населения в большинстве своем перешли к белым, — мрачно замечал по этому поводу Мао в своем докладе в ЦК, — надели белые повязки и вместе с войсками рыскали в горах и жгли дома». В ответ «пришлые крестьяне поселились в их домах, конфисковали их скот, одежду и другое имущество»[156]. В этих условиях оставшиеся жители долин свернули торговлю и прекратили ремесленное производство. В результате закрылись практически все рынки, почти полностью исчезли товары первой необходимости — соль, ткани, лекарства и многое другое. Пришлось вводить продразверстку. Больше ничего не оставалось: порочная теория, признававшая единственным методом хозяйственной политики грабежи и убийства, не оставляла шансов на нормальную жизнь. Ведь для выдачи трех-пяти монет в день солдатам на пропитание требовалось более 10 тысяч юаней в месяц. И «если бы *тухао* и джентри [*шэньши*] под угрозой ареста не давали нам денег, — докладывал Мао в ЦК, — у нас бы их вовсе не было». Даже сама «возможность выступить в поход» целиком зависела от того, «удастся ли выколотить деньги из местных богачей и *тухао*». Однако, подытоживал Мао, «там, где мы уже проходили, больше не выколотишь»[157].

В итоге борьба пограничного района, по словам Мао Цзэдуна, «приняла почти полностью военный характер, поэтому и партия и массы должны [были] во что бы то ни стало военизироваться… Война прочно вошла в быт района». Единственным источником

выживания, таким образом, стал террор. «С нынешнего момента нашей основной стратегией борьбы в деревне является:… истребление *дичжу* и *лешэнь,* а также их приспешников без малейшего снисхождения, устрашение богатых крестьян методами красного террора для того, чтобы они не поддерживали класс *дичжу*», — писал Мао. Для осуществления террора в срочном порядке создавались специальные «красные истребительные отряды» из «самых смелых» бойцов, которые совершали ночные партизанские рейды по деревням[158]. Все это, конечно, с энтузиазмом приветствовалось красноармейцами, большая часть которых состояла из агрессивных люмпенов, пауперов и *хакка.* «Эти пролетарии проявляют на фронте особенно высокий боевой дух, — расхваливал их Мао в своем докладе. — …Избавиться от имеющихся сейчас в армии бездомных пролетариев никак нельзя»[159]. Особенно отважно сражались *хакка,* которые вообще были воинственными людьми.

В результате военизации жизни района Красная армия к концу лета начала даже одерживать небольшие победы над отдельными гоминьдановскими войсками. Особенно впечатляющей была битва к северо-западу от Цыпина, на перевале Хуанъян, в которой красноармейцы разгромили один из полков 8-го корпуса НРА. Мао был восхищен. Глядя на вечнозеленые горы, он с восторгом слагал новые вирши:

> У подножья горы каждый видит знамена и флаги,
> Барабаны и трубы на горных вершинах слышны.
> Окружили враги нас и давят несметною силой,
> Но мы встанем стеной и не дрогнем, не сдвинемся мы.
>
> Мы уже, словно крепость, врагу перекрыли дорогу,
> Но теперь, как стена, путь ему преградит воля масс.
> С рубежа Хуанъян нам орудий доносятся звуки:
> Извещают они, что враги отступили в ночи[160].

Но радовался он слишком рано. Несмотря на террор, вопрос с продовольствием все еще стоял остро. Красноармейцы питались в основном тыквой, рис считался деликатесом, а больше вообще ничего нельзя было достать. Привыкшие к острым блюдам, южане очень страдали. «Капиталистов власть свергаем, брюхо тыквой набиваем!» — недовольно ворчали бойцы. От такой еды у многих возникали проблемы с желудком. Сам Мао, по словам его дочери, мучился запорами. Он совершенно не терпел пресной пищи, а обожаемого им красного перца не было. Спасали его только теплые мыльные клизмы, которые ставила ему Хэ Цзычжэнь[161].

Тотальная антикрестьянская политика в конце концов привела к глубокому кризису. Попытка внедрить в китайское общество «военный коммунизм» изолировала к концу осени корпус Мао, поставив его в оппозицию большинству населения. Понял ли сам Мао Цзэдун, что случилось? Да, конечно. Но пересматривать свои экстремистские воззрения не захотел. Им по-прежнему двигал огромный заряд энергии. Цель и романтика борьбы ослепляли, огромная воля заставляла идти напролом, а вера в могущество диктатуры не давала свернуть с пути. Трудности, с которыми приходилось сталкиваться, лишь укрепляли его в решимости довести все задуманное им до конца. Любой ценой.

Давно он уже чувствовал свою исключительность и непогрешимость. Но разве не имел он на то оснований — крестьянский сын из хунаньского захолустья, так много сумевший добиться в жизни? Ведь он смог не только выбиться в люди, но и заставить себя уважать и бояться многих из тех, кого сам считал выдающимися сынами нации! Как же было ему не верить себе?

Уходить из Цзингана он не хотел. Этот район действительно являлся самым удобным в стратегическом плане, ибо со всех сторон его окружали большие крутые горы, а своими дорогами он был связан с двумя провинциями — Хунанью и Цзянси. Здесь на самом деле можно было успешно и долго обороняться, совершенно не опасаясь вражеского окружения. В любом другом месте, думал Мао, «на тигра [то есть 4-й корпус] сможет напасть даже собака»[162].

И все же в конце концов ему пришлось покинуть этот район. В начале декабря 1928 года экономические ресурсы Цзингана оказались на грани полного истощения. Прибывшие туда в начале декабря солдаты 5-го корпуса Красной армии, сформированного за несколько месяцев до того из восставших бойцов 1-го полка 5-й отдельной дивизии войск ГМД, были поражены тем, что увидели. Командир 5-го корпуса Пэн Дэхуай вспоминал: «В то время бойцы 4-го корпуса Красной армии были одеты по-летнему и носили соломенные сандалии. У них не было зимнего обмундирования, не было соли. Не был решен и вопрос о выдаче каждому бойцу суточных по три фэня [медная монета] на пропитание»[163]. Из 18 тысяч солдат, бывших у Мао в подчинении в мае 1928 года, к началу 1929 года осталось не более 6 тысяч. Таков был итог его пребывания в горах Цзинган. И ему, и Чжу Дэ, и Пэн Дэхуаю стало ясно, что, только покинув эту разоренную местность и начав грабежи в новых районах, «можно было выйти из затруднительного положения»[164].

В начале января 1929 года Мао и Чжу Дэ приняли, наконец,

решение перебазироваться в южную часть провинции Цзянси, на границу с Фуцзянью. И хотя Мао считал новый район «захолустьем», он не мог, конечно, не учитывать тот факт, что пограничная область Цзянси — Фуцзянь сулила коммунистам большие преимущества: это была территория, наиболее густо населенная пришлыми людьми. В Китае ее даже именовали «страна *хакка*». Там, в лесных горных районах с благоприятным мягким климатом, вдали от находившихся под контролем Гоминьдана промышленных центров, корпус Мао имел все шансы на создание прочной опорной базы. Большинство местных неимущих *хакка* с симпатией относились к коммунистической революции. А многие из них даже рассматривали Красную армию как некий родственный клан.

14 января войска Чжу Дэ и Мао численностью чуть более трех тысяч шестисот человек двинулись из Цзингана на юг[165]. Настроение было подавленное, солдаты измучены. Ни для кого не являлось секретом, что цзинганский эксперимент привел к поражению. Сам Мао в письме в ЦК признал это[166]. На старой базе остались только пять рот 5-го корпуса Пэн Дэхуая, переформированные в 30-й полк 4-го корпуса, раненые и больные солдаты 4-го корпуса, а также войска Юань Вэньцая и Ван Цзо. Общее командование оставшимися войсками было возложено на Пэн Дэхуая, назначенного заместителем командира 4-го корпуса. Интересно, что за несколько дней до выхода войск Мао и Чжу из района Цзинган, во время торжественного митинга, посвященного соединению 4-го и 5-го корпусов, произошло одно неприятное событие, которое многим тогда показалось дурным предзнаменованием. Наспех сколоченная для собрания трибуна оказалась непрочной и рухнула, когда на нее взобрались Мао, Чжу Дэ и другие вожди. Люди ахнули, но Чжу Дэ постарался, как мог, успокоить собравшихся:

— Не волнуйтесь! Если упадем, то встанем! Давайте починим трибуну[167].

Собрание было продолжено, но неприятное чувство долго еще не покидало солдат. Впереди их ждали новые испытания, а тут как назло такое невезение!

Вместе с Мао ушла в поход и Хэ Цзычжэнь. Расставаться было опасно: печальный опыт Кайхуэй говорил за себя. Позже, правда, Цзычжэнь в частных беседах с подругой будет утверждать, что якобы безуспешно пыталась остаться в Цзингане, так как давно уже чувствовала, что Мао «ее не стоил». По ее словам, Мао просто приказал своим охранникам взять ее с собой «любой ценой»; она же всю дорогу безутешно рыдала[168]. Вряд ли все это соответствовало действительности. Ведь рассказывала она об

этом подруге уже после того, как они с Мао расстались (их разрыв произойдет в 1937 году). В январе же 1929-го она была на пятом месяце беременности. И в таком положении ей, конечно, не было резона бросать мужа.

«ИЗ ИСКРЫ МОЖЕТ РАЗГОРЕТЬСЯ ПОЖАР»

Пока Мао и Чжу Дэ проводили аграрную революцию в горах Цзинган, в Китае власть Чан Кайши постепенно стабилизировалась. В середине 1928 года завершился Северный поход, в результате чего страна наконец объединилась под властью Гоминьдана. Пекин, занятый войсками Янь Сишаня, союзника Чан Кайши, 20 июня переименовали в Бэйпин («Северное спокойствие»). За несколько дней до того глава пекинского правительства и хозяин Маньчжурии маршал Чжан Цзолинь был убит японцами, недовольными его пассивностью в войне с Гоминьданом. Новым губернатором Маньчжурии стал его наследник, двадцатисемилетний Чжан Сюэлян, формально признавший верховную власть Чан Кайши. Столицей Китайской Республики был провозглашен Нанкин. Китай был поделен на 28 провинций и две территории (Внутреннюю Монголию и Тибет). Одновременно было объявлено об окончании с 1 января 1929 года периода военного правления, и на шесть лет провозглашался новый этап — так называемой политической опеки. Иными словами, устанавливалась открытая диктатура Гоминьдана над государством и обществом — по типу существовавшей в СССР диктатуры ВКП(б). Все это делалось в соответствии с программой постепенного, трехступенчатого, перехода к подлинной демократии (военное правление, политическая опека, демократия), идея которой принадлежала покойному Сунь Ятсену.

Основные цели революции 1925–1927 годов были, таким образом, достигнуты, по крайней мере формально. Милитаристская раздробленность ликвидирована, в стране образовалось общекитайское правительство. Правда, время от времени милитаристские войны между кланами олигархов продолжались. Так, в феврале — апреле 1929 года весь Южный Китай оказался втянут в войну между Чан Кайши и группировкой гуансийских милитаристов. После этого началась война между Чан Кайши и знакомым нам Фэн Юйсяном, командующим Националистической армией. И только ценой колоссального напряжения сил генералу Чану удалось одержать победу во всех этих вооруженных конфликтах.

Вместе с тем Китай по-прежнему оставался зависимым от иностранных держав как в политическом, так и в экономическом отношениях. Неравные договоры, в том числе права экстерриториальности, не были ликвидированы, хотя в 1928–1930 годах большинство ведущих стран мира и подписали с Нанкином

соглашения о предоставлении Китаю таможенной независимости.

Серьезные изменения происходили в международном коммунистическом движении да и в самой КПК. В феврале 1928 года в Москве состоялся очередной, 9-й расширенный пленум ИККИ, который признал спад революционной волны в Китае и высказался против авантюристической политики восстаний, за переход к «кропотливой работе по завоеванию масс» на сторону китайской компартии. Через несколько месяцев после этого, в июне — июле 1928 года, был созван VI съезд КПК. В связи с «белым» террором в Китае заседания его также проходили в СССР — в селе Первомайское Нарофоминского района Московской области. На съезд с соблюдением всех правил конспирации прибыли 118 делегатов (84 — с решающим голосом и 34 — с совещательным). Их выезд из Китая обеспечивала Анна Лазаревна Разумова, та самая, на квартире которой в Ханькоу 7 августа 1927 года состоялось эпохальное чрезвычайное совещание ЦК КПК. Среди них были знакомые нам лица: Цюй Цюбо, Чжоу Эньлай, Ли Лисань, Чжан Готао и Цай Хэсэнь.

Общую численность партии на тот момент никто достоверно не знал: по решению ноябрьского (1927 г.) расширенного совещания Временного политбюро на местах была отменена система партбилетов и списков партийного состава. Примерную численность КПК оценивали в 40–50 тысяч человек, что, конечно, не соответствовало действительности[169]. В обслуживании съезда участвовали китайские студенты советских учебных заведений. От ИККИ форум курировал второй человек в ВКП(б) и Советском государстве Николай Иванович Бухарин, являвшийся в то время по совместительству одним из руководителей Коминтерна. Что же касается Мао, то он, разумеется, не присутствовал, так как вел в то время войну с «контрреволюционным» крестьянством в горах Цзинган.

Съезд выказал солидарность с 9-м пленумом ИККИ, осудившим «путчизм» (а что еще он мог сделать?). Вся политика восстаний, проводившаяся КПК с конца 1927 года, была оценена как «ошибочная». При этом, естественно, вина за порочный курс была возложена на лидера партии Цюй Цюбо. Сталин и Коминтерн вновь оказались ни при чем! Делегаты съезда под диктовку Бухарина приняли решение, что текущий этап китайской революции по-прежнему является «буржуазно-демократическим», несмотря на «измену» национальной буржуазии революционному движению. Имелось в виду, что в отсталом, «полуфеодальном» Китае нельзя осуществлять чисто коммунистическую политику (национализировать заводы и фабрики, ликвидировать мелкую буржуазию и зажиточное

крестьянство, «заострять борьбу» против «кулака» и т. п.).

Как видно, Бухарин, а вслед за ним и лидеры КПК стремились продемонстрировать преданность историческому материализму, действительно утверждавшему, что степень готовности той или иной страны к коммунистическим реформам определяется уровнем ее социально-экономического развития. Удивительно только, что они напрочь забывали при этом, как незадолго до смерти Ленин сам полностью опроверг такое (вообще-то правильное) истолкование марксизма. Вот что писал вождь Октябрьской революции в конце 1922 года: «Если для создания социализма требуется определенный уровень культуры (хотя никто не может сказать, каков именно этот определенный „уровень культуры“, ибо он различен в каждом из западноевропейских [добавим, что и в восточноазиатских тоже] государств), то почему нам нельзя начать сначала с завоевания революционным путем предпосылок для этого определенного уровня, а потом уже, на основе рабоче-крестьянской власти и советского строя, двинуться догонять другие народы… Для создания социализма, говорите вы, требуется цивилизованность. Очень хорошо. Ну, а почему мы не могли сначала создать такие предпосылки цивилизованности у себя, как изгнание помещиков и изгнание российских капиталистов, а потом уже начать движение к социализму? В каких книжках прочитали вы, что подобные видоизменения обычного исторического порядка недопустимы или невозможны?»[170] Интересная мысль, не правда ли?

Еще более удивительно, что таких же, как Бухарин, воззрений придерживались тогда все руководители большевистской партии и Коминтерна, в том числе Сталин. Казалось, что, проповедуя классический марксизм, они фанатично следовали своего рода сакраментальному религиозному ритуалу, который не имел ничего общего с их собственной практической деятельностью. Ведь сами они вслед за Лениным были в высшей степени радикальными во всем, что касалось осуществления революции и социалистического строительства в СССР. Россия-то тоже ни по каким стандартам ни к какой социалистической революции не подходила! Похоже, они просто считали: «То, что можно нам, большевикам, не положено китайским коммунистам».

Вследствие этого в атмосфере, царившей на съезде, радикальные взгляды Мао были, понятно, поставлены под огонь критики. Так, один из делегатов от хунаньской партийной организации говорил: «В провинции Хунань, должен сказать… существует уклон, особая теория тов. Мао. У него была целая система идей. Что он говорил нам? Он говорил, что мы теперь

вступили в непосредственную рабоче-крестьянскую революцию, то есть в социалистическую, что знамя Гоминьдана стало черным знаменем, что мы должны теперь выпрягать [так в тексте] свое красное знамя… Я должен также сказать, что мнение тов. Мао о том, что революция уже стала социалистической, получило широкое распространение среди широких масс»[171]. А вот что сказал сам Цюй Цюбо по поводу позиции некоторых «товарищей» (имелся в виду Мао Цзэдун) в аграрном вопросе: «Нашим лозунгом в борьбе не должна быть конфискация земли у крестьянства. Правда, среди наших товарищей были такие ошибки еще осенью прошлого года, но ЦК был против и по этому вопросу дал свои директивы, указав на неправильность такого взгляда»[172]. (Позже ЦК КПК в специальном письме в директивном порядке потребует от Мао «объединиться с богатыми крестьянами», которые наряду со всеми другими земледельцами якобы «выступают в оппозиции *дичжу*»[173].)

Критика Мао, правда, не носила уничтожающе-политического характера. Руководство партии в то время не было осведомлено о том, какого курса придерживался Мао Цзэдун в Цзингане. Ругали его в основном за прошлые, как бы уже изжитые ошибки. «Мы до сих пор не знаем, — говорил Чжоу Эньлай, — как они [Мао и Чжу Дэ] относятся к аграрной революции и к организации Советов… Какие формы борьбы принял[и] теперь Мао Цзэдун и Чжу Дэ — мы не знаем». А еще один делегат просто брал Мао под защиту: «Сейчас положение у Мао Цзэдуна улучшилось. Раньше ему не была известна линия ЦК, а сейчас губкому удалось связаться с Мао Цзэдуном и дать ему директиву, так что теперь уже приступлено к этой работе. Насчет армии они тоже переменили ее форму и переходят теперь к мобилизации масс»[174].

Именно поэтому Мао на VI съезде был не только не исключен из партии, но и заочно избран полноправным членом Центрального комитета: все-таки он был организатором первой опорной базы китайской компартии, а Коминтерн в то время признавал важность развития Красной армии в Китае. Помимо Мао в ЦК вошли еще 23 человека с решающим голосом и 13 с совещательным. Генеральным секретарем ЦК по рекомендации ИККИ стал один из руководителей рабочего движения сорокавосьмилетний Сян Чжунфа. Он никогда не считался выдающимся политическим деятелем, но Коминтерн выдвинул его на том основании, что по происхождению Сян Чжунфа сам был рабочим: в то время в Москве считали, что все беды китайской компартии оттого, что в ее руководящем составе чересчур много интеллигентов. В помощь Сяну в высшее руководство партии ИККИ включил таких крупных

интеллектуалов, как Чжоу Эньлай и Ли Лисань. Первый вошел в состав Постоянного комитета Политбюро сразу же после съезда, а второго туда кооптировали в ноябре 1928 года. В составе высших органов партии остались и Цюй Цюбо, и Чжан Готао, но их в наказание за «путчизм» задержали в СССР. Цюй возглавил вновь образованную после съезда делегацию китайских коммунистов, представлявшую КПК, КСМК и Всекитайскую федерацию профсоюзов в высших органах международного коммунистического движения. Чжан стал его заместителем[48].

О резолюциях 9-го пленума и VI съезда КПК Мао узнал с большим опозданием: связь с Шанхаем была у него, как мы знаем, налажена плохо. Только 2 ноября 1928 года он получил письмо из ЦК «О февральских решениях Коминтерна», которое было послано ему еще 4 июня. И лишь в начале января, незадолго до ухода из района Цзинган, до него дошли основные резолюции VI съезда (по каким-то причинам из одиннадцати принятых съездом документов он не получил три — по организационному вопросу, об агитационно-пропагандистской работе и о профсоюзном движении). Чисто внешне реакция Мао была подчеркнуто позитивная, несмотря на то, что решения вышестоящих органов, по существу, дезавуировали его политику. Но он уже приобрел политический опыт и вместо того, чтобы выражать открытое несогласие с Москвой, просто сделал вид, что горячо одобряет все, что ему предписывалось. На деле же менять ничего не собирался. Так он будет в отношениях с Коминтерном поступать и в дальнейшем — до тех пор, пока не почувствует себя в силе напрямую противостоять Кремлю.

Пока же он незамедлительно ответил ЦК: «Мы полностью согласны с решениями Коммунистического Интернационала по китайскому вопросу. Действительно, этап, который переживает сейчас Китай, — это этап буржуазно-демократической революции… В стране нет никакого революционного подъема». И далее: «Резолюции VI съезда совершенно правильны, и мы принимаем их с огромной радостью»[175]. Всю вину за перегибы он, разумеется, возложил на других — главным образом на уже покойного особоуполномоченного партийного комитета южной Хунани Чжоу Лу. По словам Мао, именно он, прибыв в марте в пограничный район, вынудил его проводить «левый» курс. Он «заявил нам, — писал Мао в ЦК, — что мы слишком мало жжем и убиваем, что мы не осуществляем политики „превратить каждого мелкого буржуа в пролетария, а потом заставить его примкнуть к революции“». При этом, однако, Мао как бы вскользь замечал: «Что же касается вопроса об отмене конфискации земли у крестьян-собственников, то в пограничных районах народной

власти земля уже полностью конфискована, и, само собой разумеется, поднимать этот вопрос вновь нельзя»[176]. Иными словами, я, конечно, с вами согласен, но менять что-либо уже поздно!

Конечно, принимая в апреле 1929 года в южной Цзянси новый закон о земле, Мао не мог не внести в него по сравнению с «Цзинганшаньским законом» по крайней мере одно принципиальное изменение: положение о полной конфискации земельных наделов было заменено тезисом об экспроприации только «общественной земли и земли, принадлежащей классу *дичжу*». При этом, правда, были сохранены пункты о запрещении купли-продажи земли и о ее уравнительном распределении, главным образом в соответствии с числом едоков[177], несмотря на то, что они, разумеется, не соответствовали принципам буржуазно-демократической революции.

Как решения 9-го пленума, так и резолюции VI съезда были, понятно, обсуждены на соответствующих собраниях партийного актива. Единственное, что Мао не стал обсуждать открыто, так это содержавшиеся в двух съездовских резолюциях («По крестьянскому вопросу» и «Об организации советской власти») пункты о тактике КПК в отношении отрядов лесных разбойников. Речь в них шла о завоевании на сторону партии только рядовых участников бандформирований. Всех же вожаков, даже если они в ходе восстания помогали коммунистам, предписывалось ликвидировать[178]. Мог ли Мао огласить эти пункты в присутствии Юань Вэньцая и Ван Цзо?

Забегая вперед можно сказать, что, к сожалению, через несколько месяцев после ухода Мао из района Цзинган Юань Вэньцай все-таки каким-то образом разыскал оригиналы этих двух резолюций. Он зачитал самые важные пункты неграмотному Ван Цзо и сказал: «Как бы мы ни были верны им, они нам не поверят». Ван Цзо просто вскипел: сбылись его худшие опасения! В феврале 1930 года оба бандита, закрепившиеся в городке Юнсинь, к северу от Цыпина, выступили против находившихся в Цзингане отрядов Пэн Дэхуая. В ответ Пэн послал против них часть своих войск. Юань и Ван встретили их на понтонном мосту недалеко от города. Бой был коротким. Бандиты оказались разбиты. Юань и Ван попытались уйти в горы. Но им не повезло. Один из них был убит на мосту, а другой прыгнул с него в воду и утонул. Спастись удалось лишь немногим более 20 человек[179]. Несколько сот было взято в плен. Таков был печальный итог взаимоотношений цзинганских лесных разбойников с предавшими их коммунистами. По поверьям *хакка,* их души и духи (а в каждом человеке — три души и семь духов) не должны

были найти успокоение. Ведь оба, Юань и Ван, умерли неестественной смертью. А небо таких не принимает![180]

В 1936 году в беседе с Эдгаром Сноу Мао вспомнит о них с презрением: «Когда их оставили одних в Цзинганшане, они вернулись к своим бандитским привычкам. После этого их убили крестьяне [!], к тому времени организовавшиеся и советизировавшиеся, которые могли уже постоять за себя»[181]. Видно, внутри у Мао все-таки скребли кошки. Иначе зачем надо было сваливать вину за убийство бывших друзей на других?

Кстати, спустя много лет, в начале 1950-х, уже в КНР Юань Вэньцай и Ван Цзо чудесным образом оказались реабилитированы и причислены к лику революционных героев. Разумеется, без Мао здесь не обошлось. По-видимому, он все же не мог забыть, что был обязан им многим. 29 мая 1965 года, вновь посетив горы Цзинган, Мао встретился с вдовой Юань Вэньцая, Се Мэйсян, и одной из вдов Ван Цзо (у того одновременно было три жены) — Ло Сяоин. Во время встречи он заявил: «Юань Вэньцай и Ван Цзо внесли вклад в победу китайской революции». После этого китайские историки стали писать, что Юань и Ван погибли в результате «предательского заговора»[182]. Пишут они в том же духе до сих пор.

Покидая Цзинган, Мао, однако, не мог себе и представить, что всего через год Юаня и Вана постигнет такая участь. Расстались они тепло, по-хорошему.

Войска Мао и Чжу продвигались на юг довольно быстро. Уже через две недели, 1 февраля, они вышли в горный район Лофучжан, расположенный в самом сердце «страны *хакка*», на пересечении границ трех провинций — Фуцзянь, Гуандун и Цзянси. Места здесь были бедные. Жившие впроголодь арендаторы составляли свыше 70 процентов населения[183]. Оставаться в этих краях значило обрекать себя на невыносимое существование. Тем более по пятам бойцов Красной армии шли солдаты противника. Пытаясь оторваться от них, войска Мао и Чжу повернули резко на север, потом — на восток, затем — снова на юг. Короче говоря, стали блуждать по уездам южной Цзянси и западной Фуцзяни, нападать на мелкие города и поселки, грабить коренных жителей и жечь их дома. Новой долговременной опорной базы создавать они не стали, как бы оправдывая название, данное им на VI съезде Чжоу Эньлаем, — «летучие армии»[184]. Везде, куда они приходили, красноармейцы (а среди них почти половина являлась членами партии) призывали бродячий люд и бедных арендаторов захватывать и делить чужую землю, не платить долги и арендную плату, организовывать партизанские отряды. Они хватали всех, кого считали

«реакционерами», издевались над ними, водили по деревням в дурацких колпаках, а то и просто безжалостно убивали. Тела же убитых врагов — в целях устрашения и воспитания населения — выставляли на всеобщее обозрение, следуя бандитским обычаям.

Точно так же действовали и другие коммунисты — в провинциях Аньхой, Хубэй, Гуанси и Гуандун. В партии отчетливо наблюдалась «тенденция», выражавшаяся в лозунге: «Чтобы перетянуть крестьян [то есть беднейшую часть деревни] на нашу сторону, нам надо побольше убивать джентри *[шэньши]*». Многие в своей деятельности исходили из принципа: «только убийства и только поджоги», так что уничтожение «эксплуататорских элементов» и «поджоги городов» превратились в своего рода «мобилизационный призыв»[185]. Современник писал: «Начиная от „Красных бровей“ и „Желтых тюрбанов“ (великие крестьянские восстания в начале нашей эры), на протяжении столетий Китай не раз горел пожаром грозных крестьянских восстаний. И то восстание, что, как огонь в степи, разгорается сейчас по китайским провинциям-странам, все еще несет с собою много от традиционных китайских жакерий»[186].

Не обращая внимания на резолюции VI съезда, Мао и Чжу под предлогом искоренения «реакционеров» заостряли борьбу против мелкой буржуазии, кулачества и купцов. При этом действовали они в какой-то странной изуверской манере, прикрывая свой бандитизм красивыми фразами. «Красная армия — это армия, которая стремится к благополучию рабочих и крестьян, — писали Чжу Дэ и Мао в одном из воззваний к населению захваченного ими торгового города. — Изо всех сил она защищает и купечество. Она следует строжайшей дисциплине и ни на кого не покушается. В связи с теперешней нехваткой продовольствия мы письменно обращаемся к вам с просьбой: будьте так добры, соберите для нас пять тысяч больших иностранных долларов для выплаты жалованья солдатам, семь тысяч пар соломенных сандалий, семь тысяч пар носков и триста штук белого холста. [Нам нужно еще] 200 носильщиков. Это дело срочное, и все должно быть доставлено к нам, в штаб-квартиру, к восьми часам вечера. Мы надеемся, что вы сделаете то, что мы просим, без всяких задержек. Если же вы не ответите на наши просьбы, это будет доказательством того, что купцы города Нинду сотрудничают с реакционерами, стараясь навредить Красной армии. В этом случае мы будем вынуждены сжечь все реакционные торговые лавки Нинду с тем, чтобы пресечь ваше предательство. Не говорите, что мы вас не предупредили заранее»[187]. Как и прежде, для пополнения казны коммунисты широко торговали опиумом[188].

Во время одного из походов, в западной Фуцзяни, в конце мая 1929 года Хэ Цзычжэнь родила девочку. В то время Красная армия временно находилась в городке Лунъянь, задерживаться в котором не было никакой возможности. Противник стремительно приближался, и надо было срочно покидать это место. Времени у Мао хватило только на то, чтобы дать имя новорожденной — Цзиньхуа («Золотой цветок»). А через полчаса после родов по требованию мужа Хэ Цзычжэнь передала ребенка в крестьянскую семью, оставив хозяевам пятнадцать юаней. По ее собственным словам, она при этом даже не заплакала[189]. Переживала ли она? Скорее всего, да, но, будучи человеком жестким, умела скрывать свои чувства. Только вскоре поменяла в своем имени «Цзычжэнь» («Дорожить собой») иероглиф «цзы» («собой») на другой, хотя и произносящийся почти одинаково (менялся только тон), но означающий слово «ребенок». С тех пор ее имя стало звучать по-новому: «Дорожить ребенком».

«Мы заберем ее к себе после победы революции», — сказал Мао жене, понимая, наверное, что девятнадцатилетней женщине, только что ставшей матерью, совсем нелегко было бросить дитя. Однако выполнить обещание он не сможет. Их дочь так и останется без родительского тепла: ни Мао, ни Хэ Цзычжэнь никогда ее не найдут.

Да, Мао было не до младенцев. Тем более когда на долю Красной армии выпали такие тяжелые испытания, с какими она еще не сталкивалась[190]. В беспрерывных боях с правительственными войсками и отрядами крестьянской самообороны *(миньтуанями)* силы красноармейцев стремительно таяли. За два месяца 4-й корпус потерял свыше шестисот человек. Досаждали и внутрипартийные интриги. Как раз в апреле неожиданно пришло письмо из Шанхая (его составил Чжоу Эньлай), срочно отзывавшее Мао и Чжу из армии — без всяких на то причин. В дополнение ЦК потребовал децентрализовать войска 4-го корпуса, разбив их на мелкие группы, якобы для того, чтобы, направив небольшие отряды в как можно большее число населенных пунктов, удобней было разжечь повсеместную аграрную революцию[191]. Естественно, Мао не мог не затаить обиду. Налицо были явные аппаратные игры: новые вожди просто опасались самостоятельности Мао и Чжу и их вооруженных сил. «Кто знает, чем они там занимаются? — как бы сквозило в письме. — А вдруг возьмут, да и выйдут из-под контроля? Все-таки в их руках военная сила. Лучше уж подрезать им корни, а то, не ровён час, превратятся в новых милитаристов».

Всю эту нехитрую логику Мао, конечно, понял в один момент, а потому ни он, ни Чжу Дэ выполнять приказ просто не стали.

«Центральный комитет требует от нас разделить наши войска на очень маленькие подразделения и рассредоточить их по деревням, а Чжу и Мао — отозвать из армии, — как бы между прочим заметил Мао в ответе ЦК от имени фронтового комитета, — …и все это — в целях сохранения Красной армии и мобилизации масс. Такая идеалистическая постановка вопроса совершенно оторвана от действительности». Ведь «разделение на маленькие отряды, — продолжил он с плохо скрываемым раздражением, — приводит к ослаблению руководства и организации и неспособности справиться с неблагоприятными обстоятельствами, что неизбежно оборачивается поражением… [А] если Центральному комитету нужны Чжу и Мао для других дел, пожалуйста, пришлите достойную им замену… Ныне очень удобно посылать людей через Фуцзянь. Мы надеемся, что вы пришлете людей проинспектировать нашу работу в любое время»[192]. В том же письме Мао ознакомил ЦК с партизанской тактикой, которую он и Чжу выработали за время боевых действий в Цзингане и Цзянси-Фуцзяньском районе. Вот ее принципы: «Рассредоточивать войска, чтобы поднимать массы, и сосредоточивать войска, чтобы расправляться с противником»; следовать правилу: «враг наступает — мы отступаем; враг остановился — мы тревожим; враг утомился — мы бьем; враг отступает — мы преследуем»; «при создании стабильных отторгнутых районов применять тактику волнообразного продвижения; в случае преследования сильным противником кружить, не уходя далеко от базы»; «при наименьшей затрате времени, применяя наилучшие методы, поднять наиболее широкие массы»[193]. «Эта тактика, — писал Мао, — подобна неводу, который можно в нужный момент раскинуть и в нужный момент собрать: раскинуть — для завоевания масс, собрать — для борьбы с противником»[194].

Этим принципам он будет следовать долгие годы, после чего их возьмут на вооружение коммунисты Индокитая и других колониальных и зависимых стран Азии, Африки и Латинской Америки. Такая тактика впоследствии получит название народной войны.

Как это ни покажется удивительным, но ответ Мао Цзэдуна не привел к обострению конфликта между ним и ЦК. Мао вновь неожиданно повезло. Дело в том, что в конце весны в Китай пришли сногсшибательные известия, на какое-то время смягчившие отношение цековских вождей к нему. В апреле 1929 года сначала на объединенном пленуме ЦК и ЦКК ВКП(б), а затем и на XVI партконференции жесточайшей критике был подвергнут Бухарин — за свои «правые прокулацкие» взгляды. После этого в

СССР началось стремительное строительство социализма, в том числе развернута массовая коллективизация, главной мишенью которой стал крестьянин-собственник. За всеми этими переменами стоял Сталин, который во всем, что касалось учения Маркса, был очень утилитарен. Эта его практичность, кстати, и спровоцировала «дело» Бухарина: бывший «любимец всей партии» (так называл Бухарина Ленин) стал раздражать его тем, что начал не только в теории, но и на практике всерьез относиться к историческому материализму. Материалистические же законы марксизма не являлись для Сталина, как и для Ленина, чем-то непреодолимым. Большевистский вождь использовал марксизм только как способ выражения своих мыслей, не более. А мысли его могли быть разными, в том числе и антимарксистскими. И там, где Маркс утверждал: «Право никогда не может быть выше, чем экономический строй и обусловленное им культурное развитие общества»[195], — Сталин вслед за Лениным доказывал прямо противоположное, хотя на Маркса, конечно, не нападал. Просто, присягая на верность марксистской формуле «бытие определяет сознание», тут же волей и разумом перекраивал «отсталое» бытие.

И в этом Мао Цзэдун очень походил на кремлевского лидера. Оба они были людьми целеустремленными и энергичными, для которых волевое решение было залогом успеха. Оба к тому же являлись ультралевыми радикалами, стремившимися любыми путями реализовать свои утопические эгалитарные замыслы.

Новый курс ВКП(б) не мог не оказать влияния и на крестьянскую политику Коминтерна. «Слишком образованный в марксизме» Бухарин стал Сталину в 1929 году не нужен ни в руководстве ВКП(б), ни в ИККИ. 3 июля он был отстранен от работы в Коминтерне, а уже за месяц до этого Сталин начал менять «прокулацкую» тактику КПК. 7 июня в ЦК китайской компартии было направлено письмо Политсекретариата ИККИ по крестьянскому вопросу, в котором, в частности, говорилось: «Успешная борьба партии за завоевание крестьянских масс невозможна без установления правильного отношения к различным слоям деревни. И здесь нам в первую очередь приходится поставить вопрос о тактике по отношению к кулаку, поскольку именно в этом вопросе китайские товарищи допускают наиболее существенные ошибки». Далее говорилось, что «кулак» зачастую играет «открыто или скрыто контрреволюционную роль в движении», а посему с ним надо решительно бороться. Кстати, в том же письме напрямую выражалось одобрение деятельности Мао Цзэдуна и Чжу Дэ, чьи «партизанские отряды… несмотря на неоднократные попытки их подавления со стороны реакции, не

только сумели сохранить свои кадры, но за последнее время достигли известных успехов в провинции Фуцзянь»[196].

Заострение Москвой борьбы против китайского «кулака» имело далеко идущие последствия. Ведь русский термин «кулак», обозначающий определенный социальный слой (сельскую буржуазию), не имел аналогов в китайском языке. В документах КПК он переводился словосочетанием *фунун,* имеющим чисто имущественное значение — «богатый крестьянин». Так что его выделение в отдельную категорию крестьянства на практике могло привести только к активизации антикрестьянской политики коммунистов. Получалось ведь, что сама Москва требовала бороться не только против *дичжу* (помещиков), но и против *нун* (крестьян). Богатых или небогатых — это уже другой вопрос: уровень зажиточности определяли сами китайские коммунисты. А как они это делали, мы уже видели.

В Китае перевод этого письма был опубликован в ноябре 1929 года, в журнале КПК «Гунчань» («Общее имущество», то есть «Коммунизм»). Стоит ли говорить, что Мао пришел от него в восторг? 7 февраля 1930 года, воодушевленный поддержкой со стороны Москвы, он обнародовал новый, третий уже, закон о земле. Принят он был на объединенной партийной конференции фронтового комитета 4-го корпуса, особого комитета западной Цзянси и армейских комитетов 5-го и 6-го корпусов Красной армии в деревне Питоу в центральной Цзянси. В него помимо пункта об изъятии всей недвижимой собственности *дичжу* Мао вписал следующую статью: «Что касается земель, холмов, лесов, прудов и домов, принадлежащих крестьянам-собственникам, в случае, если доход последних превышает уровень, необходимый для пропитания, и после того, как большинство местных крестьян потребует конфискации, совет должен принять требование крестьян, экспроприировав излишний прибавочный продукт и распределив его». Как и прежде, в законе устанавливался принцип уравнительного передела земли, который Мао теперь открыто выражал в яркой формуле: «Взять у тех, у кого много, и дать тем, у кого мало» (через полгода он добавит к этой фразе следующее: «взять у тех, у кого земля жирная, и дать тем, у кого земля скудная»)[197].

Понятно, что бедные *хакка* приветствовали такой закон. Под влиянием коммунистов многие из них приняли участие в аграрной революции. В уезде Сюньу, на юге Цзянси, где к маю 1930 года 80 процентов земли было уже перераспределено, местные активисты даже сложили песню, которая пользовалась популярностью среди *хакка* и других мест:

Нас унижали. Так встанем же, братцы,
Все, как один, в едином порыве.
В Красную армию вступим сейчас же.
Кто помешает этакой силе?[198]

Поддержка Москвы действительно была как нельзя вовремя. С июня по ноябрь 1929 года, вплоть до тех пор, пока Мао не узнал, что его позиция одобрена Кремлем, он находился в глубочайшей депрессии. Регулярной связи с ЦК по-прежнему не было, и он долго оставался в неведении о том, что уже 12 июня шанхайское Политбюро дезавуировало свою критику в его адрес, содержавшуюся в февральском письме. Вся вина за «ошибку» была возложена на Бухарина, давшего, как теперь полагал ЦК, неправильные установки китайской компартии на ее VI съезде[199].

В июне же в дополнение ко всем переживаниям у Мао вдруг резко осложнились отношения с прежде всегда послушным Чжу Дэ. Тот неожиданно проявил недовольство чересчур назойливым каждодневным контролем Мао за действиями вверенных его командованию вооруженных сил. Начал его раздражать и «патриархальный стиль» секретаря фронтового комитета. Чжу Дэ поддержали некоторые командиры подразделений. «Мы что, должны испрашивать „добро“ партии на использование каждой винтовки? — возмущались они. — Не взять ли тогда партии на себя и заботу о конюхе, когда у того кончится сено?»

Особое недовольство у них вызывало стремление Мао использовать солдат и командиров в агитационно-пропагандистской работе среди населения. Для Мао же эта сфера становилась все более важной. Не желая отказываться от своих эгалитарных взглядов и признавать ошибки в проведении аграрной революции в горах Цзинган, он стремился переложить ответственность за провал своей радикальной политики на плечи крестьян, этих «тупоголовых» мужиков, которые не могли дорасти до понимания его идей. Именно поэтому Мао теперь энергично вел революционную пропаганду на юге Цзянси и западе Фуцзяни. В его войсках было несколько сот пропагандистов, а он еще обязывал и солдат участвовать в этой работе. Вдалбливая с помощью красноармейцев в головы сельских жителей идеи коммунистической революции, Мао надеялся, что цзянси-фуцзяньский эксперимент закончится успешно. И его совершенно не волновало, что такая пропагандистская деятельность отвлекала солдат от исполнения чисто военных обязанностей.

Возможно, Мао и Чжу каким-то образом и удалось бы уладить свои разногласия, но в начале мая 1929 года в медленно

разгоравшийся конфликт грубо вмешался прибывший к ним из Шанхая специальный представитель военного отдела ЦК КПК Лю Аньгун. Этот молодой человек тридцати лет, только что вернувшийся в Китай из СССР и получивший пост начальника политотдела корпуса, в течение года учился в Высшей пехотной школе в Москве, а потому считал себя великим знатоком военного дела да вдобавок еще и крупным теоретиком-марксистом. Его «русское имя» было Евгений Николаевич Майский, а прозвище — «Добрый». Был ли он на самом деле мягким по характеру человеком, неизвестно, но роль, которую он сыграл в судьбе Мао, была достаточно злой. Не разобравшись в ситуации и безоговорочно поддержав Чжу Дэ, он тут же повесил на Мао убийственный политический ярлык «фракционера», да к тому же вслед за некоторыми другими командирами обвинил его в насаждении «патриархальной системы» в партийной организации 4-го корпуса. Мао, разумеется, почувствовал себя уязвленным. Особенно раздражило его то, что Лю все время кичился своим «московским» образованием, а конкретной обстановки в Цзянси не понимал. Но жизнь Мао он портил недолго: в октябре 1929 года в одном из боев Лю был смертельно ранен и умер[200]. Однако неприязненное чувство к таким людям, как Лю Аньгун, у Мао осталось. Вскоре он напишет небольшую работу «Против книгопоклонства». Брошюра выйдет в августе 1930 года под другим названием — «Работа по обследованию».

В середине июня конфликт достиг такой степени, что Мао решил объявить о выходе из фронтового комитета. 14 июня в письме своему стороннику, талантливому молодому командиру Линь Бяо, когда-то пришедшему в горы Цзинган вместе с Чжу Дэ, он раздраженно заметил: «У меня мало физических сил и не хватает разума и знаний, поэтому я надеюсь, что Центральный комитет сможет послать меня в Москву поучиться и немного отдохнуть»[201].

Похоже, от всех этих переживаний он действительно подорвал силы и подхватил малярию. Оставив дела, он вместе с Цзычжэнь в самом конце июня затворился в небольшом двухэтажном доме неподалеку от местечка Гутянь в западной Фуцзяни, где и провел весь остаток лета. Здесь он лечился, читал и писал стихи. Лишь время от время принимал участие в партийных дискуссиях. Во фронтовом комитете его оставили, но на посту секретаря заменили двадцативосьмилетним Чэнь И, старым другом Чжоу Эньлая по совместной работе во Франции, членом партии с 1923 года. В конце июля секретарь Чэнь отправился в Шанхай доложить о сложившейся ситуации и испросить инструкции. В конце августа он представил ЦК доклад

о положении дел в корпусе Чжу — Мао[202]. Но к тому времени, как мы знаем, и Чжоу Эньлай, и Ли Лисань, и другие вожди были уже на стороне Мао. Тот же об этом еще не знал, а потому ему ничего не оставалось, как только ждать и болеть.

А в это время его войска продолжали хозяйничать в «стране *хакка*». Везде, куда они приходили, оставались огонь и пепел. «Купчие крепости на землю, долговые расписки, налоговые реестры (списки, книги), — все сожжено дотла, — писал современник. — Осуществлен лозунг: „Ни аренды (помещикам), ни налогов (гоминьдановским властям), ни долгов (ростовщикам)!“ Все старые налоговые учреждения уничтожены, сборщики налогов убиты. Во время восстания рабочие, крестьяне и солдаты острым ножом начисто выпололи [так в тексте] тухао, джентри *[шэньши],* милитаристов, чиновников, гоминьдановских комитетчиков и агентов империализма — попов и миссионеров»[203].

А Мао продолжал хандрить. В самом конце августа вместе с Цзычжэнь он переехал в бамбуковую хижину высоко в горах, где продолжал лечиться и предаваться думам. Над дверью своего уединенного жилища он повесил табличку «Приют книжника»[204]. Депрессия нагнетала тоску и грусть, и вместе с ними приходили мысли о потерянной большой любви к верной Кайхуэй. Цзычжэнь была, конечно, молода и красива, но очень строптива. Женщины-*хакка* вообще отличались независимым и гордым нравом, а она особенно. «Ты — железо, я — сталь, — говорил ей Мао, — стоит нам столкнуться — звон звенит!» Позже он расскажет их общей дочери Ли Минь, родившейся в 1937 году, что их «пререкания нередко перерастали в стычки». В них Мао Цзэдун «нередко становился на „силовые позиции“», стараясь подавить Цзычжэнь «политическим авторитетом». Кричал и ругался, угрожая исключить непокорную жену из партии, выносил ей «устный выговор», но, как правило, первым вынужден был идти на примирение. Сломить Цзычжэнь ему не удавалось[205].

Вот, наверное, почему в одночасье мысли о покорной «Зорюшке» и сыновьях не стали давать ему покоя. «Я потерял свой гордый тополь», — напишет он через много лет в одном из своих стихотворений[206]. (Фамильный иероглиф Кайхуэй — «Ян» на китайском языке означает «тополь».) В конце ноября, выйдя из своего убежища, он послал письмо в Шанхай Ли Лисаню, сосредоточившему в то время в своих руках при слабом и не слишком грамотном Генеральном секретаре Сян Чжунфа все нити партийной власти. Он просил Ли передать брату Цзэминю, находившемся еще в Шанхае, что хотел бы иметь почтовый адрес Кайхуэй. «Я сейчас уже лучше, — сообщил он, — но душевные

силы пока ко мне не вернулись полностью. Я часто думаю о Кайхуэй, Аньине и других, и хотел бы переписываться с ними»[207]. Видно, несмотря на ожесточение гражданской войны, Мао не успел еще растерять все человеческие чувства. А может быть, что-то вдруг заставило его взволноваться? Какое-то дурное предчувствие? Ведь он же вспомнил о бывшей жене за год до ее трагической гибели!

В том же письме Ли Лисаню Мао впервые за последние месяцы заговорил и о своем бывшем учителе и вожде Чэнь Дусю. Но отозвался о нем на этот раз резко отрицательно: «Действия Дусю поистине возмутительны. К нам прибыли документы Центрального комитета, разоблачающие его, и мы сделаем их доступными всем»[208]. Чем же разжалованный «Старик» мог опять провиниться? С сентября 1927 года он жил в Шанхае, на территории международного сеттльмента, и лидеры партии по-прежнему тайно навещали его, консультируясь по тем или иным вопросам. Правда, под давлением Москвы они вынуждены были продолжать против него ожесточенную кампанию в коммунистической прессе, но таковы были правила игры. Много раз Сталин звал Чэня в Москву, но тот ехать отказывался: быть козлом отпущения для Кремля не желал. Кроме того, его многое не устраивало в новой политике ИККИ. Он не одобрял восстаний и считал, что буржуазный режим в Китае стабилизировался. Своим бывшим ученикам, возглавлявшим компартию, Чэнь твердил, что Гоминьдан завоевал поддержку большинства населения, а потому не следует биться головой об стену, надо признать временное поражение. Резко негативно относился он и к развитию партизанской борьбы в деревне силами Красной армии, прямо называя войска Чжу — Мао «люмпен-пролетарскими». «Что говорит по этому вопросу марксизм? — спрашивал он навещавших его Сян Чжунфа и Чжоу Эньлая. — Город должен управлять деревней или деревня — городом?» «Согласно теории, — вздыхал Чжоу, — конечно, город»[209]. А что еще мог он ответить? Реальность, однако, опровергала все догмы.

Раздражала Чэня и несправедливая критика в его адрес в партийной печати. Китайцы, как мы знаем, вообще особо чувствительны к унижению, а тут приходилось терпеть поношение чуть ли не каждый день. В конце концов нервы у Чэня не выдержали и он пошел на конфликт. Поводом к обострению отношений послужили события в Маньчжурии в мае 1929 года, когда китайские власти захватили находившуюся под советским управлением Китайско-Восточную железную дорогу. Под нажимом Сталина новые руководители КПК целиком поддержали СССР, выступив даже за его вооруженную защиту, после чего в

июле — августе Чэнь подверг их слепую просоветскую ориентацию решительной критике. Вот этого-то Сталин не мог ему простить ни за что.

Дело в том, что после революции 1925–1927 годов, разочаровавшись в способности КПК коммунизировать Китай, Кремль начал целенаправленно превращать ее в обыкновенного исполнителя своей гегемонистской политики, ориентированной на Россию. Именно тогда его национал-коммунистические идеи стали обретать законченные формы. В отличие от тех большевиков, которые еще стояли на интернационалистских позициях, Сталин и его единомышленники рассматривали коммунистическое движение в Китае только как средство усиления роли СССР в мире. Правда, Сталин так и не осуществил в полной мере свой план организации системы «нянек» для КПК, однако контроль за тем, что происходило в партии, не только не пожелал ослабить, но и усиливал его изо дня в день. И в этой связи неожиданные события на КВЖД явились для коммунистов Китая как бы тестом на благонадежность. Ведь Сталин не мог не понимать, что безоговорочная защита СССР может окончательно подорвать влияние КПК в массах, в целом настроенных националистически. Но судьба собственно китайской компартии его уже не сильно заботила: партия отныне нужна была ему главным образом как инструмент в его глобальной политике.

И в этой связи выступление Чэнь Дусю было для него особенно опасно: ведь все еще пользовавшийся авторитетом «Старик» открыто осуждал подчинение политики своей партии государственным интересам СССР! Сталин потребовал его наказать, и ЦК КПК усилил атаку на бывшего лидера.

С тем чтобы противодействовать натиску новых партийных вождей, осенью 1929 года Чэнь и часть старых кадров, остававшихся ему верными, образовали особую фракцию. Однако добились они только того, что 15 ноября 1929 года после нескольких предупреждений о необходимости соблюдать дисциплину Чэня и четверых его ближайших соратников (в том числе знакомого нам Пэн Шучжи) исключили из партии. (Резолюция о их исключении была утверждена Президиумом ИККИ 30 декабря 1929 года и формально вступила в силу через полгода.) Ряд же других фракционеров был лишен членства в партии месяц спустя[210].

Между тем Чэнь Дусю через некоторых своих соратников, поддерживавших связи с китайскими троцкистами, познакомился с отдельными антисталинскими работами Троцкого. Он был приятно удивлен, узнав, что Троцкий, в отличие от других лидеров ИККИ, в ходе революции 1925–1927 годов неизменно

выступал за действительно подлинную политическую и организационную независимость КПК. 10 декабря 1929 года Чэнь опубликовал открытое письмо ко всем членам китайской компартии, в котором обвинил Коминтерн в роковых ошибках в Китае. В конце концов в начале 1930 года он организовал собственную группу вне КПК — так называемую Коммунистическую левую оппозицию, а в марте стал издавать протроцкистский журнал «Учаньчжэ» («Пролетарий»). Вместе с единомышленниками он продолжал критиковать руководство Коминтерна и КПК.

Так пути основателя партии и его учеников, в том числе когда-то влюбленного в него Мао Цзэдуна, разошлись навсегда. Троцкизм в глазах Сталина был худшей разновидностью антисоветизма.

Мао осудил Чэнь Дусю легко. Уже давно они ничем не были связаны, да и их борьба по крестьянскому вопросу в последние месяцы революции 1925–1927 годов не забывалась. К тому же ему на этот раз очень хотелось поддержать позицию ЦК. Ведь наряду с документами о разоблачении Чэнь Дусю он получил и долгожданное решение Центрального комитета, в котором именно его позиция, а отнюдь не точка зрения Чжу Дэ, была признана правильной. Все эти бумаги привез с собой вернувшийся из Шанхая Чэнь И. Он и Чжу стали просить Мао вернуться, но гордость и обида не позволяли тому принять приглашение сразу. Только спустя месяц переговоров он наконец покинул свою горную хижину. И вновь возглавил фронтовой комитет, теперь уже сконцентрировав в своих руках почти безграничную власть. Его противники были повержены, и он мог либо сурово наказать их, либо проявить милосердие. И в том и в другом случае он действовал бы как мудрый правитель.

На этот раз он решил не углублять разногласий: Чжу Дэ опять стал послушным, весь корпус подчинялся Мао, а впереди их всех ждали немалые испытания. С местью можно было и обождать. 28 ноября 1929 года он доложил в Шанхай: «Объединить партийную организацию 4-го корпуса под руководством Центрального комитета не составляет никакой проблемы… Единственная проблема заключается в слишком низком теоретическом уровне членов партии, [а потому] нам надо срочно заняться воспитательной работой»[211]. В декабре 1929 года в Гутяне, на западе Фуцзяни, он собрал корпусную партийную конференцию, на которой, хотя и подверг критике «узко военные взгляды» своих оппонентов, в то же время наметил пути выхода из кризиса[212]. «Лечить болезнь, чтобы спасти больного» — так он позже назовет апробированный в западной Фуцзяни метод.

Было все это в чисто китайском духе. «Уничтожить оппонента — не значит доказать его вину, — гласит китайская мудрость. — Надо заставить его „потерять лицо“. И если враг переживет позор, с ним тогда можно делать все, что угодно. Ведь только ты будешь решать, вернуть ему „лицо“ или нет. Это и называется дать человеку исправиться». Вряд ли Ленин и Сталин сочли бы такую философию приемлемой для коммуниста, но для китайца это был наиболее искусный способ борьбы с противниками. Конечно, Мао не всегда так действовал. Ведь он был не только китаец, но и член коммунистической партии. И как таковой не мог, разумеется, не признавать «справедливости» большевистских методов кровавой расправы. Но применял эти методы в основном (и это мы видели) только к тем, кого действительно считал «классовыми врагами», не подлежащими исправлению. Или к тем, кого, с его точки зрения, нельзя было использовать даже и «без лица».

Также, кстати, действовал и Гоминьдан. Мы же помним, что хунаньский генерал Хэ Цзянь совсем не хотел убивать Кайхуэй. Все, что нужно было ему от нее, так это публичное покаяние. Гоминьдановский режим на самом деле (по советским меркам) не являлся таким уж кровавым. Полицейские, арестовывавшие коммунистов, всегда, как правило, предлагали им выбор: или смерть, или публичное отречение. И обычно отпускали пленника, если тот выбирал позор. При этом от сломленного человека могли даже не требовать «сдать» бывших товарищей[213]. Не предательство нужно было китайской полиции, а «потеря лица» коммуниста. Многих раскаявшихся даже брали затем на работу, более того — поручали им исключительно ответственные участки. Все знали: опозоривший себя человек будет особенно рьяно выслуживаться.

Урегулировав внутриармейские отношения, Мао мог теперь вновь сконцентрировать внимание на политических вопросах. Стремительно развивавшаяся ситуация в стране и мире требовала пристального внимания. Обострение борьбы с «правыми» в ВКП(б), связанное с началом сплошной коллективизации в СССР, привело, естественно, к радикализации не только политики Коминтерна в крестьянском вопросе в Китае, но и всей тактической линии ИККИ в национально-освободительном движении. Проявилось это уже в решениях 10-го пленума Исполкома Коминтерна, состоявшегося в Москве в июле 1929 года. Резолюции этого форума были буквально заострены против «правой опасности», якобы грозившей всем коммунистическим партиям. С точки зрения участников пленума, главной ошибкой «правых» было то, что они отказывались видеть «симптомы нового революционного подъема» в мире. Иными словами, «плелись в

хвосте» революционных масс.

Решения пленума, полученные в Шанхае в конце сентября, вызвали замешательство в ЦК КПК. Очевидец рассказывает: «В памяти были еще свежи [воспоминания о] путчизме… возмущенные критики по поводу этой линии по-прежнему звучали в ушах… На первых порах большинство Центрального комитета склонялось к осторожной интерпретации этой директивы Интернационала. Они боялись, что если истолкуют ее в чуть более левом духе, все кончится тем, что их головы опять разобьют о стену. Обсуждая текст резолюции с нами, Чжоу [Эньлай] никак не мог решить, как его понимать. Мы вновь и вновь возвращались к слову „подъем“ и даже изучали русский текст». Китайцев смущало это русское слово, имеющее двойное значение — «находиться наверху» и «подниматься»[214]. Они хотели быть абсолютно уверены, что на этот раз русские хозяева не придерутся к ним. А вдруг Исполком Коминтерна осудит их теперь не за «путчизм», а за пассивность? Ведь 10-й пленум ясно назвал «правую опасность» главной в международном коммунистическом движении.

Вот какая обстановка сложилась в руководстве китайской компартии к началу 1930-х годов. Ни о какой самостоятельности КПК говорить тут просто не приходилось! Полная финансовая зависимость от Москвы парализовала вождей коммунистического движения. В лучшем случае они могли себе позволить выступать против представителей Коминтерна в Китае, но никогда против Кремля. Ведь суммы, перечислявшиеся в Шанхай по каналам ИККИ (в основном через его специальный Отдел международной связи), неуклонно росли. В конце 1920-х — начале 1930-х годов речь шла уже о сотнях тысяч и миллионах рублей и долларов. Так, к 1930 году на подготовку китайских революционеров в специально созданном в 1925 году в Москве Университете трудящихся Китая им. Сунь Ятсена (УТК, в 1928 году переименован в Коммунистический университет трудящихся Китая — КУТК) советская сторона потратила пять миллионов рублей[215]. Только за семь месяцев, с февраля по сентябрь 1930 года, ЦК компартии получил из Москвы более 223 тысяч мексиканских долларов (ходили в Китае наравне с юанями, обменивались один к одному), а в октябре — еще 10 тысяч американских долларов[216] (американский доллар в то время равнялся уже 3,6 юаня). В то же время, в 1930 году, ЦК КСМК получил из тех же источников 70 тысяч юаней, а китайское отделение МОПР (Международная помощь борцам революции), специальной коминтерновской организации, оказывавшей поддержку семьям коммунистов-подпольщиков и арестованным

революционерам, — 11 тысяч 400 юаней[217]. Как же тут можно было ослушаться Москву!

После тщательного обсуждения материалов пленума Центральный комитет КПК 8 декабря 1929 года издал циркуляр за № 60 «О практическом осуществлении тактики вооруженной защиты СССР», в котором определил контуры новой, агрессивно наступательной, революционной политики. Вожди КПК явно стремились быть «святее папы римского» (в нашем случае — Сталина), а потому потребовали от всех членов партии «способствовать подъему революционной волны» путем сочетания вооруженной борьбы в сельских районах с новыми восстаниями в городах. Целью этих координированных акций должен был стать «захват крупнейших центров страны». Главный вклад в разработку этого циркуляра внесли Ли Лисань и Чжоу Эньлай — наиболее авторитетные на тот момент вожди. Генеральный секретарь Сян Чжунфа, как всегда, вялый и безынициативный, послушно шел у них на поводу.

А тем временем «правильность» установок 10-го пленума, похоже, подтверждалась всем ходом мирового развития. К тому моменту, когда ЦК принял свой циркуляр, и в Китае, и в мире в целом произошли события поистине грандиозные. В конце октября 1929 года рухнула Нью-Йоркская биржа. Великая депрессия, поразившая вскоре капиталистический мир, вселила во всех коммунистов новые надежды. Казалось, предрекавшийся Марксом и Лениным неизбежный крах мирового капитализма начал стремительно приближаться. Самым непосредственным образом экономический кризис сказался и на китайской экономике. Стали закрываться промышленные предприятия, резко возросла безработица. Катастрофически взвинтились цены, увеличилась нищета, возросло имущественное неравенство. В дополнение ко всему обострилась борьба различных олигархических группировок. В сентябре 1929 года против Чан Кайши выступил знакомый нам генерал Чжан Факуй, а через месяц — маршал Фэн Юйсян. Гоминьдан раскололся: помимо прочих фракций в нем образовалась относительно крепкая группировка «реорганизационистов», потребовавшая немедленного реформирования партии. Лидером ее стал Ван Цзинвэй. В этой ситуации Коминтерн сделал вывод о том, что в Китае наблюдается «начальный момент революционного подъема».

В середине декабря в Шанхае получили новую директиву Москвы — письмо Политсекретариата ИККИ, которое было составлено еще 26 октября, как раз тогда, когда мировой финансовый рынок начало лихорадить. Новая директива подлила

масла в огонь, призвав лидеров партии срочно обратить внимание на «обострение всех противоречий» в Китае. В письме подчеркивалось, что страна вступила «в полосу глубочайшего общенационального кризиса», характерной особенностью которого является «оживление рабочего движения, вышедшего из состояния депрессии после тяжелых поражений 1927 г.». В этом авторы документа видели «верный и существенный признак растущего подъема» революционного движения, а потому требовали от КПК «начать готовить массы к революционному свержению власти буржуазно-помещичьего блока, к установлению диктатуры рабочего класса и крестьянства в форме советов, активно развертывая и все более расширяя революционные формы классовой борьбы (массовые политические стачки, революционные демонстрации, партизанские выступления и т. д. и т. п.)». Заканчивалось письмо угрожающе. «Главной опасностью внутри партии в настоящее время, — говорилось в нем, — являются правые оппортунистические настроения, ведущие… к недооценке значения крестьянской войны, недооценке и торможению революционной энергии и инициативы, умалению самостоятельной и руководящей роли пролетариата и коммунистической партии»[218].

Рьяно взявшись за выполнение этих указаний, Центральный комитет КПК, однако, перестарался. В конце февраля он выступил с новым циркуляром — за № 70, в котором объявил, что «весь Китай от Гуандуна до Чжили, от Сычуани до Цзянсу охвачен кризисом и революционным движением… Борьба масс развивается равномерно в масштабе всей страны… При нынешней ситуации ясно, что победа возможна вначале в одной или нескольких провинциях, в частности в Учане и в прилегающих в нему областях». В этой связи ЦК считал необходимым перебросить Красную армию к крупным городам для их захвата[219].

Применительно к войскам Чжу Дэ и Мао эти установки были конкретизированы в письме ЦК фронтовому комитету 4-го корпуса от 3 апреля 1930 года. В письме развивалась мысль о возможности завоевания провинций Цзянси, Хубэй и Хунань и их центра — Ухани в самой ближайшей перспективе[220]. Как же им всем хотелось выглядеть ультралевыми!

Эта задача перекликалась с предложением о захвате провинции Цзянси и граничащих с ней западных частей Фуцзяни и Чжэцзяна в течение одного года, высказанным ранее, за год до того, самим Мао Цзэдуном в письме ЦК[221]. В то время Центральный комитет, критически относившийся к Мао, не отреагировал на эту идею. А вот теперь вернулся к ней, да еще и

развил. Правда, опять не смог удержаться, чтобы не осудить Мао и Чжу Дэ за «крестьянское сознание и бандитизм». Но разве сами вожди ЦК, вынашивавшие планы общекитайской кровавой бойни, не вели себя как бандиты?

В общем, новый поворот событий не мог Мао не понравиться. От своих прошлогодних намерений завоевать Цзянси он не отказывался. Правда, вносил в них определенные коррективы. «Неправильным является установление годичного срока для выполнения этого плана, — замечал он в начале января 1930 года в новом письме Линь Бяо. — Что [же] касается субъективных и объективных условий, существующих в Цзянси, то они заслуживают серьезного внимания». В начале февраля, почти за три недели до выхода циркуляра ЦК № 70, Мао по собственной инициативе провел через партийную конференцию 4-го корпуса решение о наступлении на Цзиань, крупнейший город западной Цзянси[222]. Как и Ли Лисань, и Чжоу Эньлай, и многие другие, он испытывал огромное возбуждение, предвкушая революционный взрыв. «Весь Китай полон горючего материала, — писал он Линь Бяо, — который должен очень скоро воспламениться. „Из искры может разгореться пожар“ — вот пословица, точно характеризующая современную обстановку»[223].

А тем временем, воодушевленные декабрьским письмом Коминтерна, лидеры КПК продолжали лихорадочную подготовку к революции. В самом начале марта 1930 года в СССР с докладом выехал Чжоу Эньлай (в Москву он прибыл в апреле окружным путем, через Европу). Целью его поездки было нейтрализовать Дальневосточное бюро ИККИ в Шанхае, члены которого (польский коммунист Игнатий Рыльский и др.) неожиданно выступили против авантюризма ЦК. В Китае же фактическим руководителем КПК остался Ли Лисань, очень живой, темпераментный и инициативный, возглавлявший помимо прочего отдел агитации и пропаганды ЦК. Именно по его инициативе в конце мая 1930 года в Шанхае была проведена общекитайская конференция советов, на которой присутствовало 40 делегатов. К тому времени, кроме Цзянси и Фуцзяни, советские районы существовали в Хубэе, Хунани, Гуандуне и Гуанси. Под влиянием Ли Лисаня конференция призвала советских работников «начать борьбу за социализм», против «контрреволюционного кулака»[224] (иными словами, трудового крестьянина). Мао Цзэдун на конференции не присутствовал[49], несмотря на настойчивые требования Ли Лисаня бросить все и приехать в Шанхай: поездка на форум была рискована во всех отношениях. Разве мог он быть уверен в том, что Ли Лисань не оставит его при себе? Мао помнил, как настойчиво вожди ЦК пытались отозвать его и Чжу Дэ из армии.

Тем не менее резолюции конференции, разумеется, не вызвали его возражений.

Особое значение имело решение конференции укрупнить отдельные части Красной армии путем сведения нескольких корпусов в четыре армейские группы. 1-ю АГ решено было поручить возглавить Чжу Дэ и Мао Цзэдуну. Едва получив об этом известие, 13 июня Чжу и Мао объединили все вооруженные силы, действовавшие в юго-западной Цзянси и западной Фуцзяни. Под их командованием оказалось около 20 тысяч солдат и командиров. Видимо, понимая, что этого недостаточно для армейской группы, Чжу и Мао вначале назвали свои войска 1-й полевой армией и только через шесть дней, не желая вступать в новый конфликт с Шанхаем, приняли наименование, предложенное ЦК, — 1-я АГ. Помимо 4-го корпуса, командиром которого стал Линь Бяо, в новую воинскую часть вошли 6-й и 12-й корпуса Красной армии, ведшие боевые действия неподалеку от места расположения войск Чжу и Мао.

А 21 июня в район расположения войск Чжу Дэ и Мао Цзэдуна прибыл специальный эмиссар Ли Лисаня, сообщивший командованию 4-го корпуса о новом сенсационном решении Политбюро. Речь шла о постановлении от 11 июня, носившем характерное название — «О новом революционном подъеме и победе первоначально в одной или нескольких провинциях». Написано оно было Ли Лисанем и, по существу, ориентировало коммунистов на развертывание немедленной революционной борьбы за власть. «Революция, сначала вспыхнув в Китае, вызовет великую мировую революцию», — говорилось в постановлении[225].

Медлить было нельзя. И на следующий день Чжу и Мао издали приказ о походе на крупнейшие города Цзянси — Цзюцзян и Наньчан. «Великая революция» началась.

Стоит ли говорить, что она провалилась? Ни Цзюцзяна, ни тем более Наньчана взять конечно же не удалось.

Определенного успеха достигла только небольшая по численности 3-я армейская группа под командованием Пэн Дэхуая (в ней насчитывалось всего 7–8 тысяч бойцов и командиров). Она смогла захватить Чаншу. Однако не надолго: пробыв в этом городе всего десять дней и полностью разграбив его, коммунисты отступили под натиском гоминьдановцев. Кстати, именно в эти дни, как мы помним, из чаншаской тюрьмы на свободу вышли бывшие снохи Мао Цзэдуна, брошенные своими мужьями, Ван Шулань и Чжоу Вэньнань. Именно за разграбление Чанши Красной армией будет вскоре арестована Кайхуэй.

В конце августа — начале сентября 1930 года, объединив

свою армейскую группу с войсками Пэн Дэхуая в армию 1-го фронта численностью в 30 тысяч человек[50], Мао дважды пытался повторить успех 3-й АГ на чаншаском направлении. Но покорить столицу Хунани еще раз ни он, ни Пэн не смогли. Абсолютную пассивность проявили рабочие города, отказавшие коммунистам в поддержке. В итоге части 1-го фронта понесли огромные потери[226].

Лидеры КПК, в том числе Мао Цзэдун, полностью ошиблись в своих политических и военных расчетах. Да, кризис в Китае действительно был, только сил-то взять власть у КПК пока не хватало. Партия, конечно, выросла за три года, составив более 60 тысяч человек, но этого явно недоставало. Во всей Красной армии насчитывалось не более 54 тысяч человек, и только каждый второй из них имел винтовку[227]. Так что рано было Мао вслед за Ли Лисанем кричать на весь мир, что «порох революции уже взрывается, а революционная заря стремительно разгорается»[228]. До мировой революции было еще далеко. Вновь требовалось отступать, переформировывать войска, а главное — переходить к тактике затяжной войны. Опять нужна была опорная база — такая же неприступная, как цзинганская, только гораздо больше. На маленькой территории не было никакой возможности прокормиться.

Необходимость создания такой базы Мао понял давно. Но многие полевые командиры его не поддерживали — они придерживались тактики летучих партизанских действий. Напасть, ограбить, сжечь все дотла и уйти в новый район — вот такой была их нехитрая военная наука. Одним из таких командиров был Линь Бяо, которого Мао ценил как блестящего военачальника, но все время критиковал за нежелание тратить время на строительство опорной советской базы[229]. «Ты, по-видимому, считаешь, что… было бы напрасно вести трудную работу по созданию политической власти, — писал ему Мао. — Ты рассчитываешь расширить наше политическое влияние, пользуясь для этого более легким средством — летучими партизанскими действиями; когда же, мол, работа по завоеванию масс в масштабе всей страны будет завершена полностью или до известной степени — устроить во всем Китае вооруженное восстание и тогда бросить на чашу весов силы Красной армии, в результате чего и получится великая революция, которая охватит всю страну. Эта твоя теория о необходимости предварительно завоевать массы во всей стране и лишь после этого устанавливать политическую власть не отвечает действительным условиям, в которых развертывается китайская революция».

Нет, утверждал Мао, только политика, предусматривающая

планомерное создание органов советской власти в разных частях страны, являлась правильной в полуколониальном Китае, за который вел «между собой борьбу ряд империалистических государств»[230]. И только так из искры мог разгореться пожар.

Часть V
РОЖДЕНИЕ ВОЖДЯ

ПОД КРЫЛОМ КОМИНТЕРНА

Новую прочную базу Мао на этот раз решил создать в юго-западной части Цзянси. Этот богатый район, расположенный в среднем течении главной судоходной реки провинции Ганьцзян, занимал стратегически выгодное положение. Оттуда недалеко было как до Наньчана (а от штурма провинциальной столицы Мао в сентябре — октябре 1930 года не отказывался), так и до гор Цзинган, где еще действовали отряды, подчинявшиеся армии 1-го фронта. Холмистая, а местами и довольно высокогорная область была крайне удобна для ведения партизанских действий. Можно было укрыться в густо поросших лесом горах, а в нужный момент нанести удар по противнику, державшему в своих руках богатые купеческие городки и поселки. Центром района был крупный (третий по величине в Цзянси) торговый город Цзиань, насчитывавший в конце 1920-х годов около 50 тысяч человек. Там жило много богатого люда, который хотелось ограбить. Имелись мелкие мастерские — на них нетрудно было наладить производство оружия. Закрепившись здесь, можно было рассчитывать на образование мощного советского района.

Он взял этот город 4 октября 1930 года. А через три дня объявил об образовании советского правительства провинции Цзянси, во главе которого поставил одного из своих людей. Захватив Цзиань, Красная армия изъяла у горожан восемь миллионов мексиканских долларов и много золота[1]. Казалось, перед армией 1-го фронта открывались прекрасные перспективы. Но жизнь оказалась сложнее. И не только для Мао, но и для его начальников из ЦК.

Осенью 1930 года Ли Лисаню и его единомышленникам пришлось столкнуться с большими проблемами. Резкое недовольство их авантюристической политикой высказал Коминтерн. То, что китайский ЦК «перегибает палку», интерпретируя указания Москвы гораздо левее, чем требовалось, работники ИККИ начали подозревать уже в мае 1930 года, вскоре после бесед с прибывшим в Москву Чжоу Эньлаем. Однако сомнения оставались сомнениями: сотрудники коминтерновского аппарата сами были достаточно левацки настроенными и разобраться в нюансах левизны смогли не сразу. Конечно, в Москву поступали донесения шанхайского Дальбюро с критикой Ли Лисаня и других китайских руководителей, но четкой картины в ИККИ все же не складывалось. Правда, 23 июля Москва направила в ЦК КПК телеграмму, «категорически» возражая против организации «в настоящих условиях» восстаний в крупных

городах[2]. Но на ультралевацкое постановление китайского Политбюро «О новом революционном подъеме и победе первоначально в одной или нескольких провинциях», полученное на следующий день, никак не отреагировало. 29 июля с подачи Политсекретариата ИККИ Политбюро ЦК ВКП(б) утвердило резолюцию, в которой не содержалось прямой критики лилисаневского руководства. Просто отмечалось, что «при анализе данной стадии борьбы нужно исходить из того, что пока мы не имеем общекитайской обьективно-революционной ситуации». При этом саму идею «овладения одним или несколькими промышленными и административными центрами» Москва в принципе не отвергала. Она лишь ставила ее в зависимость от укрепления Красной армии[3].

Поражения китайских коммунистов в конце июля — начале сентября, разумеется, резко изменили обстановку. Неудачников Сталин не любил и не прощал. К тому же как раз в то время ему стали известны некоторые заявления Ли Лисаня по поводу мировой революции, которые шли вразрез с его собственной концепцией построения социализма в одной стране. Дело в том, что в начале августа опьяненный известием о взятии Чанши Ли Лисань выступил с призывами напрямую вовлечь СССР в революционные события в Китае. Его расчет был прост: спровоцировать мировую войну, в которой, по его убеждению, Советский Союз неминуемо должен был одержать победу. В результате, полагал он, именно китайская революция явилась бы бикфордовым шнуром «великой мировой революции». Сталин узнал и о том, что Ли позволял себе в узких партийных кругах ругать Коминтерн, противопоставляя верность Москве верности китайской революции, а также заявлять, что «после взятия Ханькоу можно будет иначе говорить с Коминтерном».

Для Сталина все это звучало как троцкизм, и он отдал грозное приказание Ли Лисаню «незамедля [так в тексте] отправиться сюда [то есть в Москву]»[4]. В конце сентября 1930 года по требованию ИККИ в Шанхае в глубоком подполье состоялся расширенный пленум ЦК КПК для того, чтобы «открытой коллективной самокритикой исправить свои ошибки». Руководили пленумом прибывшие в Китай из Москвы Цюй Цюбо и Чжоу Эньлай, а также представитель шанхайского Дальбюро немецкий коммунист Герхард Эйслер (клички — Робертс и Роберт). С заданием разоблачить лилисаневскую платформу, однако, пленум не справился: авторитет Ли Лисаня в партии был настолько силен, что ни Цюй, ни Чжоу, ни даже Эйслер, который буквально ненавидел «товарища Ли», ничего не могли поделать. Пленум заслушал «беспощадную» самокритику Ли Лисаня, но

оставил его членом Политбюро. Ли вывели только из состава Постоянного комитета Политбюро, который вообще был реорганизован: в него вошли всего три человека — Сян Чжунфа, Цюй Цюбо и Чжоу Эньлай. В заключение пленум признал лишь «частичные тактические и организационные ошибки» Политбюро в проведении линии Коминтерна[5].

Тут уж Сталин потерял всякое терпение. В Китай был срочно направлен заведующий Дальневосточной секцией Восточного лендерсекретариата[51] ИККИ Павел Миф, считавшийся в то время в Политбюро ЦК ВКП(б) крупнейшим знатоком Китая.

> Это был человек волевой и жестокий, прошедший суровую школу Гражданской войны на Украине и ставший китаеведом по разнарядке партии. Звали его на самом деле Михаил Александрович Фортус. Псевдоним Миф, под которым он был известен в партийных кругах, был составлен из аббревиатуры имени и фамилии. В 1930 году ему было всего двадцать девять лет, но он уже снискал себе известность как в Коминтерне, так и в рядах КПК. С ноября 1925 года Миф работал в Университете трудящихся Китая им. Сунь Ятсена в Москве проректором по хозяйственной части и в 1926–1927 годах, в период острейшей борьбы с троцкизмом, возглавлял университетскую фракцию сталинистов. Яростно атаковал он тогдашнего ректора УТК Карла Радека и его сторонников, за что в апреле 1927 года снискал благосклонность Сталина: сняв Радека, вождь сделал его новым ректором УТК, в сентябре 1928 года переименованного в Коммунистический университет трудящихся Китая (КУТК). А менее через год назначил заведующим Дальневосточной секцией Восточного лендерсекретариата ИККИ. Бурный карьерный рост вскружил голову Мифу: по отзывам современников, «главный коминтерновский китаевед» вел себя как высокомерный, властный и самоуверенный чиновник. «Это был очень властолюбивый человек… в полной мере овладевший сталинским искусством стратегии, — вспоминает Чжан Готао. — Его не интересовали средства достижения цели, он умел приспосабливаться к действительности»[6].

Прибыв в октябре 1930 года в Шанхай под видом немецкого коммерсанта по имени Петершевский (через Германию, где ему в целях конспирации сделали пластическую операцию), Миф сразу же взял на себя руководство Дальневосточным бюро (Сталин

назначил его на пост секретаря Дальбюро еще в конце июля). Грубо вмешавшись во внутренние дела КПК, он, по существу, дезавуировал решения сентябрьского пленума и в отсутствие Ли Лисаня, выехавшего в то время на «проработку» в Москву, развернул активную подготовку к новому партийному форуму. Его деятельность облегчалась тем, что 16 ноября в Китае был получен новый антилилисаневский документ — «Письмо ИККИ о лилисаневщине», в котором политическая линия Ли объявлялась «антимарксистской», «антиленинской», «оппортунистической» и «по существу» троцкистской. На коммунистическом языке того времени все это звучало как приговор. ЦК КПК был подавлен. Миф мог делать с ним все, что хотел.

И он своего не упустил. Будучи убежден в том, что «спасением» партии может стать только обновление ее руководящего состава, Миф, или, как его звали в КПК, товарищ Джозеф (он же Жозеф, Вильгельм, Купер и Копер), в самом начале января 1931 года созвал в Шанхае новый расширенный пленум. На нем волевым решением он ввел в состав Политбюро своего бывшего студента Чэнь Шаоюя (русский псевдоним — Иван Андреевич Голубев), до того не входившего даже в Центральный комитет. В обновленный ЦК был кооптирован (с правом совещательного голоса) и еще один выпускник КУТК — Шэнь Цзэминь (псевдоним — Гудков, кличка — Гудок). Для поддержки таких решений Миф пригласил на пленум целую группу своих московских учеников. Молодые люди, никакими членами ЦК не являвшиеся, составили треть участников форума! Помимо Чэнь Шаоюя и Шэнь Цзэминя среди них были: Бо Гу (настоящее имя — Цинь Бансянь, русский псевдоним — Погорелов, клички — Погги и Погнер), Ван Цзясян (клички — Коммунар и Коммусон) и Чэнь Юаньдао (Невский)[7]. Все они вскоре сыграют важную роль как в КПК, так и в жизни Мао Цзэдуна.

В Постоянный комитет Миф заочно включил хорошо знакомого нам Чжан Готао, проработавшего с ним в Москве к тому времени более двух с половиной лет и давно уже выступавшего против лилисаневского курса. (Он вернется в Китай только в 20-х числах января.) Запятнавшего же себя на сентябрьском пленуме «соглашательством» с Ли Лисанем Цюй Цюбо вывел из этого высшего органа. Удалил он Цюя и из Политбюро — наряду с самим Ли Лисанем. (Их обоих он, правда, оставил членами Центрального комитета.)

Через несколько дней после пленума Миф сделал еще один шаг: наперекор всем мыслимым нормам ввел Чэнь Шаоюя в состав Постоянного комитета, поставив его, таким образом, в один ряд с Сян Чжунфа, Чжоу Эньлаем и Чжан Готао. А в марте

1931 года по его требованию была проведена перестройка и руководящих органов китайского комсомола. Секретарем ЦК КСМК стал Бо Гу.

Мифовская «революция» имела далеко не благоприятные последствия для КПК. Его наиболее доверенные лица, Чэнь Шаоюй и Бо Гу, привели с собой в руководящие органы партии и комсомола большое число бывших студентов советских интернациональных вузов. Связывало этих людей московское прошлое. Прежде всего — совместный опыт, полученный в СССР в ходе борьбы с троцкизмом, в которой все они принимали активное участие. Костяк группы составляли «28 большевиков» (так гордо сами себя называли 28 выпускников КУТК, объединившихся в особую фракцию). Среди них особенно выделялся широколобый и коренастый Чэнь Шаоюй, бывший по характеру удивительно под стать Мифу: такой же напористый, волевой и бескомпромиссный. Поразительно способный к иностранным языкам, Чэнь вскоре после зачисления в УТК в конце ноября 1925 года сносно и быстро — всего за несколько месяцев — овладел русским. Именно это стало его козырной картой. В то время как остальные студенты с трудом складывали буквы кириллицы в странно звучавшие слова, Чэнь стал своим в среде преподавателей университета, не владевших китайским языком. Несмотря на свою молодость (он родился в 1906 году), а также на небольшой партийный стаж (вступил в комсомол в сентябре 1925 года, а членом партии стал в 1926-м), Чэнь сделался ассистентом и переводчиком Мифа, читавшего в университете курс ленинизма. И тот в сентябре 1926 года продвинул его на должность председателя студенческой коммуны, а затем в конце того же года вместе с секретарем парторганизации УТК Григорием Ивановичем Игнатовым привлек к активной борьбе с троцкизмом[8]. В конце концов с помощью Мифа Чэнь и его единомышленники смогли подчинить своей власти студенческую массу КУТК, запугав или вытеснив из университета наиболее опасных оппонентов.

В 1929 году Чэнь уехал в Китай. Вместе со своей женой Мэн Циншу (училась в КУТК под псевдонимом Роза Владимировна Осетрова) он обосновался в Шанхае, где получил назначение на низовую работу. Долго он оставался в тени, и тут ему так повезло! Прибывший в Китай Миф решил опираться именно на него и других выпускников КУТК. Разумеется, старые кадры были этим весьма недовольны, но большинство предпочло промолчать. Правда, нашлись и такие, кто выразил недовольство. Двадцатичетырехлетний секретарь партячейки Всекитайской федерации профсоюзов Ван Кэцюань стал даже говорить об

образовании в КПК некоей фракции «CSS» — «China Stalin's Section» (то есть группы «Сталина в Китае», или иначе «китайских сталинистов»)[9]. И это несмотря на то, что его самого на январском пленуме кооптировали кандидатом в члены Политбюро. Резко непримиримую позицию занял Ло Чжанлун, старый приятель Мао, выступивший против «CSS»[10]. К «раскольникам» тут же применили организационные меры. «Старину Ло» — одного из первых китайских коммунистов — даже исключили из партии.

В результате в 1931 году власть Коминтерна над КПК достигла своего абсолюта. «После борьбы Ли Лисаня против Коминтерна и осуждения антикоминтерновской линии Ли Лисаня, — вспоминал Чжоу Эньлай, — каждое слово работников, посланных ИККИ, для китайских коммунистов представляло большой авторитет»[11].

О переменах в руководящих органах партии Мао узнал не сразу. Весть о сентябрьском пленуме дошла до него только в начале декабря 1930 года. О том же, что произошло на новом, январском, форуме, ему стало известно через две недели после его окончания. И только в марте 1931 года он получил сведения о том, что «товарища Ли» подвергли в Москве унизительным «проработкам».

Во всех этих событиях для Мао имелись свои «за» и «против». С одной стороны, Ли Лисаня он никогда не любил, так что сожалеть о его участи ему вроде бы было ни к чему[52]. Он помнил все обвинения, которые этот «халиф на час» бросал ему в течение последних месяцев. Не выходило из памяти требование оставить армию и приехать в Шанхай. Особенно свежо было воспоминание о последнем к нему послании Ли, написанном 15 июня 1930 года. По иронии судьбы пришло оно в советский район лишь в октябре, то есть тогда, когда Сталин отдавал своим подчиненным приказ отправить в Китай «Письмо о лилисаневщине». В этом своем послании Ли Лисань, упивавшийся тогда безграничной властью, позволял себе грубые выражения в отношении Мао. Ему, одному из старейших членов компартии, Ли бросал обвинения в «крестьянском менталитете», непонимании меняющейся политической ситуации, неспособности следовать указаниям ЦК.

Порадовали Мао известия о том, что на сентябрьском пленуме его самого ввели кандидатом в члены Политбюро, а на новом, январском, — переизбрали. Приятно было также узнать, что на том же сентябрьском пленуме в члены ЦК (правда, с совещательным голосом, но все-таки!) кооптировали преданного ему теперь Чжу Дэ.

Но знал ли Мао, что решения пленумов в отношении него были приняты под нажимом Москвы? Понимал ли, что именно в это время Сталин начал всерьез присматриваться к нему как к возможному в будущем вождю партии? Кто знает? Мог и догадываться. В политике он был не новичок.

А Москва в то время действительно начала активно способствовать его выдвижению. Уже с конца 1920-х годов сталинский Коминтерн стал поддерживать Мао Цзэдуна и даже периодически вставать на его защиту, когда кто-либо из руководящих деятелей КПК выступал против строптивого хуньаньца. В своих донесениях в Центр Дальбюро вовсю расхваливало армию Чжу — Мао как «лучшую» во всех отношениях[12]. Читая эту информацию и наблюдая за ростом советских районов, Сталин в июле 1930 года сделал вывод: в условиях Китая «создание боеспособной и политически выдержанной Красной армии… является первостепенной задачей, разрешение которой наверняка обеспечит мощное развитие революции»[13]. Именно поэтому к Мао все более приковывалось внимание. В СССР даже началась кампания по его прославлению (пока еще наравне с Чжу Дэ). Вот что об «этих героях» писала в те дни советская печать: это «два коммуниста, два партизанских вождя, одно имя которых заставляет бледнеть от злобы, негодования, а еще чаще панического страха тысячи китайских именитых людей. Они известны и за пределами Китая»[14].

Летом 1930 года именно Москва в лице своего Дальневосточного бюро Исполкома Коминтерна, находившегося в Шанхае, поддержала решение Политбюро ЦК КПК назначить Мао политкомиссаром 1-й (наиболее мощной) армейской группы, а потом и генеральным политкомиссаром армии 1-го фронта. В середине октября она же активно выступила за то, чтобы ввести его в Бюро ЦК советских районов — новую партийную структуру, которая должна была централизовать всю партийную работу в находившихся под контролем КПК сельских районах[15]. Затем предложила назначить Мао либо председателем, либо членом Центрального Реввоенсовета, своего рода временного правительства всех советских районов.

Вот что Дальбюро ИККИ писало по этому поводу в Политбюро ЦК КПК 10 ноября 1930 года: «Командование нашей Красной армии (Мао Цзэдун, Пэн Дэхуай) не имело никакой связи с правительством. Правительство — это одно, армия — другое… Такое положение, разумеется, никуда не годится. Надо сделать так, чтобы Мао Цзэдун имел ответственность не только за состояние и действия армии, но и участвовал в правительстве и имел часть ответственности за работу последнего. Надо его

назначить членом правительства (председателем РВС). О практической выгоде такого положения говорить не приходится — она очевидна»[16]. На первое время, до приезда в Цзянси Чжоу Эньлая, назначенного секретарем Бюро ЦК советских районов, и другого крупного руководителя партии Сян Ина, Мао Цзэдуну по инициативе Москвы даже поручалось руководство этим органом. Конечно, такая поддержка не могла не льстить его самолюбию, а потому не одобрить решения пленумов он не мог. Но Мао как один из основателей партии должен был испытывать неприязнь к юрким «птенцам Мифа», в обход всех правил пробившихся в руководство. Достаточно с него было карьериста Доброго (Лю Аньгуна), изрядно попортившего ему кровь своим книгопоклонством. Начетнический стиль наглых московских студентов резко контрастировал с его собственным методом, основанным прежде всего на кропотливом изучении обстановки в той местности, где он вел работу. «Практика — критерий истины», — напишет он позже, в конце 1943 года, как бы суммируя всю свою деятельность по обследованию деревни, которой он занимался как в 1920-е, так и в 1930-е годы. Правда, выводы из этих обследований Мао всегда подгонял под свои радикальные взгляды. Так что в результате оказывалось, что не практика служила критерием истины, а левацкая идея — мерилом действительности. Но это, как говорится, были издержки производства.

В 1930 году он провел семь обследований в деревнях южной и западной Цзянси. Итог их был, естественно, однозначен: врагами революции и здесь являлись не только *дичжу,* но и зажиточные крестьяне, к категории которых он относил всех, кто «имел излишки денег и земли». Да, он признавал, что в отличие от *дичжу* эти крестьяне сами всего добивались в жизни. Но в этом-то и заключалась их вина: по мысли Мао, трудовая деятельность «зажиточных крестьян» приводила к тому, что, производя больше того, что им требовалось для пропитания, они продавали часть своего зерна на рынке или ссужали его бедным соседям. Иными словами, выделялись из массы полуголодных нищих односельчан, многие из которых их за это и ненавидели. «Большинство бедных крестьян кричат о необходимости „уравнительного передела земли“ и „уничтожения долговых расписок“, выражая тем самым свою оппозицию этим богатым крестьянам, — писал Мао. — Если коммунистическая партия будет их останавливать, то эти бедные крестьяне возненавидят коммунистическую партию. Вот почему… нам не только надо сокрушить этих богатых *крестьян-полудичжу,* но и поровну разделить их землю, аннулировать займы, данные ими

[беднякам], и перераспределить принадлежащее им зерно. Нет никакого сомнения, что мы должны сделать это… Только тогда сможем мы завоевать бедные крестьянские массы»[17].

Новые обследования также «подтвердили» неоднократно высказывавшийся им ранее тезис об огромном революционном потенциале люмпенов, этих «отверженных», у которых «в холод, кроме лохмотьев, нечем бывает прикрыть тело»[53]. В районах, захваченных Красной армией, писал Мао, все эти люди, включая преступников и попрошаек, «приветствовали революцию»; они «были ужасно счастливы, узнав, что местных *тухао* свергли, а землю их поделили… среди них не было ни одного, который бы оказался контрреволюционером». «Над этим стоит призадуматься», — многозначительно замечал Мао[18].

Но не все коммунисты разделяли его заключения. В 1930–1931 годах Мао пришлось столкнуться с реальной оппозицией в партии — наиболее мощной за все время его занятий аграрным вопросом. Резкое несогласие с ним, точнее с его пролюмпенскими идеями, направленными против трудового крестьянства, высказали члены местной цзянсийской организации КПК. Конфликт оказался настолько острым, что в начале декабря 1930 года перерос в открытое вооруженное столкновение — первое в истории КПК кровавое противоборство враждующих фракций. Эти разборки получили название «Футяньский инцидент» — по названию городка в центральной Цзянси, где в самом начале декабря 1930 года войска цзянсийцев атаковали представителей Мао Цзэдуна, занимавшихся выявлением «контрреволюционных элементов».

Корни конфликта обнажились еще в феврале 1930 года, во время объединенной партийной конференции фронтового комитета 4-го корпуса, особого комитета западной Цзянси и армейских комитетов 5-го и 6-го корпусов Красной армии, состоявшейся в деревне Питоу, недалеко от крупного населенного пункта Дунгу в центральной Цзянси. Именно эта конференция, как мы помним, 7 февраля приняла Закон о земле, в котором вновь, как и в горах Цзинган, устанавливался уравнительный принцип передела земли: «Взять у тех, у кого много, и дать тем, у кого мало». Данная формула и вызвала разногласия: группа местных, цзянсийских, коммунистов резко осудила эгалитаризм, призвав к дележу только земель *дичжу,* а не крестьян, да и то не по «едоцкому разделу», а по количеству имевшейся в крестьянских хозяйствах рабочей силы[19]. Понятно, что в глазах Мао такая позиция выглядела как явный «правый уклон», с которым следовало беспощадно бороться. «Местные руководящие органы партии всех уровней переполнены *дичжу* и богатыми

крестьянами, — сделал он вывод. — Они проводят совершенно оппортунистическую политику»[20].

В своей правоте он был убежден. Тем более что за несколько недель до конференции прочитал антикулацкое письмо Политсекретариата ИККИ по крестьянскому вопросу, посланное в ЦК КПК в июне 1929 года.

Цзянсийские коммунисты на конференции были представлены не только особым комитетом западной Цзянси. Немало их было и среди членов армейского комитета 6-го корпуса. Сама эта воинская часть включала в себя отряды местных партизан, действовавших в провинции до прихода туда войск Мао (так называемые 2, 3, 4 и 5-й отдельные полки Цзянсийской Красной армии). Переформировывая по приказу ЦК эти подразделения в 6-й корпус, Мао в январе 1930 года назначил главой его армейского комитета сорокалетнего хунаньца Лю Шици. Начальником же корпусного политотдела сделал своего младшего брата, Мао Цзэтаня. Понятно, что он хотел поставить цзянсийцев под надежный контроль. Год блуждания по провинции убедил его: местным партийным и военным кадрам нельзя доверять. Если в «стране *хакка*», расположенной на стыке южной Цзянси, западной Фуцзяни и северо-восточного Гуандуна, большинство крестьян и партийцев приветствовали войска 4-го корпуса, то в центральных районах Цзянси и прилегающих к ним западных и юго-западных областях ситуация была иной. Здесь жили люди, считавшие себя коренными цзянсийцами *(бэньди),* из поколения в поколение враждовавшие с южными *хакка.* Выходцы из этой среды доминировали и в местных организациях КПК, и в их партизанских формированиях, и в поддерживавших коммунистов цзянсийских отделениях тайного мафиозного общества «Саньдяньхуэй» («Общество трех точек»). Войска 4-го корпуса, в которых 50 процентов составляли хунаньцы, а еще 20 — жители южной Цзянси и западной Фуцзяни, рассматривались ими как «пришлые», *хаккские,* а потому не вызывали доверия. Именно поэтому цзянсийская парторганизация и встретила в штыки радикальный закон о земле, предложенный Мао[21].

На конференции в Питоу цзянсийцы остались в меньшинстве. Закон, как мы знаем, прошел, и Мао «огнем и мечом» начал проводить аграрную революцию в центральных и западных районах провинции. Вместе с Чжу Дэ, который, как мы помним, сам был *хакка,* он выдвинул лозунг «всеобщего физического уничтожения кулаков»[22]. Вот это-то и обострило конфликт.

Ситуация усугубилась тем, что как раз в то время в провинции развернул активную деятельность тайный антикоммунистический «союз АБ» («АБ *туань*»), созданный

местными правыми гоминьдановцами еще в 1925–1926 годах. (Буквы «А» и «Б» означали разные уровни посвящения его членов — провинциальный и уездный.) Как и католический орден иезуитов времен Реформации в Европе, союз главную цель видел в разоблачении «ереси». Только не протестантской, а коммунистической. И, так же как последователи монаха Лойолы, члены союза не гнушались грязными методами. Особенно широко использовали они внедрение в организации КПК своих людей — провокаторов и шпионов, делавших все возможное для дезорганизации коммунистического движения[23]. В октябре — декабре 1930 года их активность достигла апогея. Как раз в то время Чан Кайши, одержавший победу в длительной войне против маршала Фэн Юйсяна и хозяина провинции Шаньси Янь Сишаня, развернул мощное наступление на советские районы в Цзянси. Военная операция, осуществляемая силами 9-го корпуса НРА и приданных ему дополнительных формирований общей численностью в 100 тысяч штыков, получила название «первого антикоммунистического похода». Агенты союза играли в ней не последнюю роль.

Слов нет, провокаторов надо было разоблачать. Но как? Свои и враги перемешались. Кто есть кто, разобрать было почти невозможно. Выявление шпионов требовало времени, но смертельная опасность, нависшая над Красной армией, заставляла идти напролом. Атмосфера страха, вызванная наступлением Чан Кайши, сгущалась. А тут еще обострение отношений между «пришлыми» и местными коммунистами! Обе фракции под предлогом борьбы с «союзом АБ» яростно атаковали друг друга. В войсках и парторганизациях развернулась крупномасштабная чистка, в ходе которой, разумеется, хватали и правого, и виноватого. Главную роль в ней, понятно, играл Мао: никаких шансов против него и его *хаккской* армии коммунисты Цзянси не имели. В общем, все это напоминало наш «37-й год», с той лишь разницей, что происходило за семь лет до настоящего «большого террора» в СССР. К октябрю 1930 года более тысячи членов цзянсийской партийной организации пали жертвами террора. Уничтоженным оказался каждый тридцатый цзянсийский коммунист[24]. А чистка продолжала набирать обороты. Мао не мог успокоиться. Ведь в данном случае, как он считал, ему приходилось иметь дело не с «заболевшими» товарищами по партии (их-то «болезни» он по-прежнему готов был «лечить»), а с глубоко законспирированными шпионами Гоминьдана. Они ему стали мерещиться буквально везде. «В последнее время вся [организация] партии в юго-западной Цзянси оказалась охвачена очень серьезным кризисом, — докладывал он

в ЦК в середине октября. — Партийное руководство полностью оказалось в руках богатых крестьян, проводящих свою линию… Большинство руководящих [партийных, комсомольских и советских] органов заполнено членами союза АБ и богатыми крестьянами[54]… Без коренной перестройки партии в юго-западной Цзянси совершенно невозможно преодолеть нынешний кризис»[25]. Руководители цзянсийской парторганизации сопротивлялись, как могли. «Мао хочет сосредоточить власть в своих руках», — жаловались они в тот же ЦК[26].

В этих условиях и вспыхнул «Футяньский инцидент». Произошло следующее. Рано утром в воскресенье 7 декабря 1930 года, когда 1-я АГ вела бои с превосходящими по численности гоминьдановскими войсками, в тыловой город Футянь, расположенный в нескольких *ли* от восточного берега реки Ганьцзян, вошла рота красноармейцев под командованием некоего Ли Шаоцзю, одного из доверенных лиц Мао Цзэдуна. Перед бойцами стояла задача: арестовать нескольких местных коммунистов, заподозренных в связях с «союзом АБ», в том числе начальника политотдела расквартированного в Футяне 20-го корпуса Красной армии. Приказ Мао был лаконичен: «Не слишком спешить с убийством ответственных работников, выжимать из них [максимум] информации… Используя ее, можно заставить признаться других руководителей»[27].

Вначале все развивалось гладко. Штаб 20-го корпуса был окружен, подозреваемых взяли под стражу и стали допрашивать. Конечно же все они отрицали вину. Тогда Ли Шаоцзю приказал пытать их.

Показания, полученные от арестованных, превзошли все ожидания. Выяснилось, что «членами „союза АБ“» являлись многие командиры 20-го корпуса, а также весь (!) партком провинции Цзянси, весь (!) провинциальный комитет комсомола и все (!) руководители органов советской власти провинции. Ли был поражен. Казалось, раскрыт грандиозный заговор. Он немедленно отдал приказ арестовать всех делегатов назначенной на 8 декабря экстренной партийной конференции Цзянси, которая должна была проходить как раз в Футяне. Всего в бамбуковых клетках оказалось 120 человек. Вакханалия вступила в свою финальную стадию. Очевидец рассказывает: «Ли Шаоцзю громко кричал: „Вы должны знать, что середняк всегда может восстать. Вам остается только признаться… Партия несомненно даст вам возможность исправиться“… Последовали пытки с помощью керосина, тлеющих фитилей и т. п. С одной стороны, производились пытки, с другой — допрос. Собственно говоря, допроса, как такового, не велось. Просто производились пытки.

Кроме того, спрашивали: „Признаете ли вы, что вы вступили в 'АБ-союз', когда вы вступили, какова организация, какова ее тактика, кто ее ответственные работники? Говорите всю правду“. Если же во время допроса и пыток не добивались признания, то пытки усиливались… Ногти у товарищей оказались сломанными, все тело обожжено… Только и слышались непрерывные вопли истязаемых… Все арестованные, как допрошенные, так и недопрошенные, содержались порознь, связанные по рукам и ногам. Стража окружала их, примкнув к заряженным винтовкам штыки. Едва раздавался голос, солдаты пускали в дело штыки. Арестованных кормили объедками… Увели на казнь 50 человек»[28].

После этого Ли Шаоцзю отправился в соседний Дунгу, где продолжил чистку. Но тут ему не повезло. Среди арестованных в этом городе оказался один из политработников 20-го корпуса по имени Лю Ди. Каким-то образом ему удалось убедить садиста Ли Шаоцзю в том, что он невиновен, и тот, проявив гуманность, его отпустил. Вот уж действительно не делай того, что тебе несвойственно. Получив свободу, Лю Ди немедленно поднял восстание, арестовал Ли Шаоцзю и его людей, а 12 декабря во главе отряда из 400 человек атаковал Футянь. После боя, длившегося всю ночь и все утро, Лю Ди удалось захватить здание городской школы, где содержались арестованные, и освободить оставшихся в живых заключенных. На месте сражения остались тела более ста охранников.

Действия Лю Ди поддержали почти все солдаты и командиры 20-го корпуса — более трех тысяч человек. На экстренной конференции было принято решение уйти из Футяня в безопасный район — к западу от реки Ганьцзян. Тогда же были выдвинуты лозунги «Долой Мао Цзэдуна, убивающего, обманывающего и угнетающего рабочих и крестьян!», «Да здравствуют Чжу Дэ, Пэн Дэхуай и Хуан Гунлюэ!». (Последний был командиром 3-го корпуса Красной армии.) Поразительно, но кровопийцу Ли Шаоцзю и его подельников они отпустили — по-видимому, рассчитывая, что командование армии 1-го фронта расценит это как знак доброй воли.

А через несколько дней цзянсийские коммунисты проинформировали товарищей по партии о том, что случилось. Всю вину они, разумеется, возложили на Мао Цзэдуна, обвинив его в том, что он «разработал коварный план с тем, чтобы погубить товарищей по партии». Мао «становится стопроцентным правым[55] оппортунистом и преступником в развернувшейся классовой борьбе, — уверяли они. — Мао Цзэдун стремится осуществить свои правооппортунистические цели, свои

дезертирские идеи и другие грязные и бесстыдные цели… Мао Цзэдун издавна был против ЦК… Желая сохранить свое положение, [он] замышлял физически уничтожить руководящие кадры партии и союза молодежи провинции Цзянси и создать партию, носящую исключительно окраску маоцзэдуновской группировки с тем, чтобы использовать ее в качестве орудия для борьбы против ЦК»[29]. О том же, по существу, написал в ЦК и Лю Ди: «Мао Цзэдун никогда для меня не был большим авторитетом… Я всегда считал, что он не может до конца руководить нами, а Ли [Шаоцзю] всегда являлся грязным и подлым человеком»[30].

Для Мао же все случившееся в Дунгу и Футяне означало одно: контрреволюционный мятеж. Точно так же расценили события и полностью поддержавшие своего партийного лидера Чжу Дэ, Пэн Дэхуай и Хуан Гунлюэ. Но последнее слово должны были сказать вожди ЦК и представители Коминтерна. И Мао конечно же не замедлил их проинформировать. В январе 1931 года он послал руководителям партии свое письмо-воззвание: «Их [мятежников] заговор имел своей целью прежде всего вовлечь Чжу [Дэ], Пэн [Дэхуая] и Хуан [Гунлюэ] в борьбу за свержение Мао Цзэдуна. Иными словами, они [повстанцы] хотели вначале свергнуть одного человека, а потом скинуть и остальных, одного за другим. Товарищи! В этот критический момент классовой борьбы Чан Кайши громко кричит: „Долой Мао Цзэдуна!“ Этот лозунг доносится до нас извне. Но тот же клич — „Долой Мао Цзэдуна!“ — слышим мы и от членов союза АБ и ликвидаторов, находящихся внутри революционных рядов. Как же искусно перекликаются их голоса!»[31]

Это послание привезла в Шанхай специальная делегация коммунистов юго-восточной Хунани, вставших в этом конфликте на сторону Мао. Возглавлял ее известный нам Лю Шици, глава армейского комитета 6-го корпуса. К письму была приложена копия некоей «записки Мао Цзэдуна от 10 декабря 1930 года к заведующему секретариатом фронтового комитета 4-го корпуса Гу Бо», очень близкому к Мао человеку. Эту записку передал делегации сам Мао в знак доказательства провокационной деятельности антикоммунистов. По его словам, она была сфабрикована «союзом АБ». В ней, в частности, говорилось: «Тов. Гу Бо!.. Ты в течение трех дней кончай свои дела на юго-западе Цзянси… При допросе Дуаня, Ли и Вана [арестованные цзянсийские коммунисты] и других работников среднего звена необходимо обратить особое внимание на то, чтобы заставить их заявить, что Чжу [Дэ], Пэн [Дэхуай], Хуан [Гунлюэ] и Тэн [Дайюань][56] есть важнейшие преступники из [союза] АБ в

Красной армии и что они уже вели переговоры с некими белыми армиями. Все показания о их преступлениях немедленно отправить мне для того, чтобы своевременно их арестовать и уничтожить и побыстрее выполнить наш план. Настоящее письмо надо сохранить в строгом секрете»[32].

Действительно ли члены «союза АБ» состряпали эту записку или же сам Мао выдумал такой трюк для того, чтобы показать, в каких тяжелых условиях приходится ему работать, неизвестно. Но записка и прочие документы, привезенные в Шанхай хунаньскими коммунистами (письмо-воззвание Мао, манифест Чжу Дэ, Пэн Дэхуая и Хуан Гунлюэ в его поддержку и их же обращение к красноармейцам 20-го корпуса), а также — в немалой степени — ценности на 50–60 (а по другим данным, даже на 100) тысяч мексиканских долларов, посланные с делегацией в ЦК Мао Цзэдуном, сделали свое дело. Рассматривая «футяньский вопрос» в середине февраля 1931 года, Политбюро ЦК и Павел Миф однозначно встали на сторону Мао Цзэдуна[33]. Через месяц по этому поводу были приняты постановления Дальбюро ИККИ и Политбюро ЦК КПК[34]. «В Цзянси была АБ *туань,* она состряпала много фальшивок с целью обострить еще больше отношения между т. Мао Цзэдуном и Чжу Дэ, — вспоминал десять лет спустя Чжоу Эньлай, комментируя, в частности, „записку Мао“. — Этот документ прислал в ЦК в Шанхай сам т. Мао Цзэдун и сообщил, что АБ *туань* провоцирует. ЦК КПК передал представителю ИККИ целую пачку такого рода документов, и этот документ один из них. Миф был в курсе футяньских событий»[35].

Непосредственно расхлебывать «Футяньский инцидент» пришлось вначале Сян Ину, члену Политбюро ЦК, выехавшему в советский район еще до этих событий, в октябре 1930 года. Он был послан сменить Мао на посту исполняющего обязанности секретаря Бюро ЦК советских районов. (Глава Бюро Чжоу Эньлай по-прежнему оставался в Шанхае, так как Миф и другие работники Дальбюро считали, что он «просто незаменим для преобразования работы и партии»[36].) Сян Ин прибыл к Мао только 10 января 1931 года и наряду с постом и. о. секретаря занял и другую ключевую позицию: 15 января он вступил в должность председателя Центрального Реввоенсовета (Чжу и Мао стали его заместителями, а Мао вскоре получил и еще одну, очень важную, должность — возглавил вновь образованное Главное политическое управление ЦРВС).

Едва ознакомившись с делом, новый начальник объявил всем заинтересованным лицам, что имела место беспринципная склока, а потому наказание должны понести обе стороны. «Инцидент надо решить мирным путем»[37], — настаивал он.

Вывод Сян Ина, естественно, не мог удовлетворить Мао. Остались им недовольны и командиры армии 1-го фронта. Тридцатидвухлетнему рабочему-текстильщику Сян Ину (другое имя — Сян Дэлун) вообще было крайне трудно завоевать авторитет в войсках 1-го фронта. Всю жизнь, с 1920 года, этот уроженец Учана занимался профсоюзным и городским молодежным движением, связи с деревней и армией не имел, а потому в военном и крестьянском вопросах разбирался плохо. К счастью для Мао, в начале апреля 1931 года в Центральный советский район прибыли новые представители ЦК — член Политбюро Жэнь Биши и ученик Мифа Ван Цзясян (Коммунар), которых Чжоу Эньлай послал к Мао «для исправления положения»[38]. Оба этих деятеля, являвшиеся наряду с Чжоу Эньлаем, Чжан Готао и Шэнь Цзэминем (Гудковым) членами специальной комиссии по «Футяньскому инциденту», вошли наряду с Сян Ином и Мао Цзэдуном во вновь образованный Постоянный комитет Бюро ЦК советских районов. Они решительно осудили «мятежников». А вскоре в советский район пришло решение Политбюро о футяньских событиях.

Мао вновь оказался победителем: 16 апреля расширенное совещание Бюро приняло полностью удовлетворявшее его решение[39]. Спорам вокруг «Футяньского инцидента» был положен конец. После этого, в мае 1931 года, Сян Ин уступил Мао место исполняющего обязанности секретаря Бюро, а в конце июня передал ему и пост председателя ЦРВС[40].

Чистки были продолжены, но теперь уже целенаправленно выявляли и ликвидировали организаторов и участников «антисоветского мятежа». В результате к весне 1932 года «более 90 процентов партийных кадров юго-западной Цзянси были убиты, брошены в тюрьмы или сняты с работы»[41]. Не избежал страшной участи и Лю Ди. В апреле 1931 года суд военного трибунала под председательством Чжу Дэ приговорил его к смертной казни, после чего его обезглавили.

Что же касается Ли Шаоцзю, то он конечно же вышел сухим из воды. В январе 1932 года Бюро ЦК советских районов под руководством уже Чжоу Эньлая, обвинив его в «перегибах», сочло возможным ограничиться лишь партийным взысканием. Ли перевели на низовую работу, поставив его под контроль партии на шесть месяцев. В июне того же года он уже вновь был на командной должности в войсках 1-го фронта, а в октябре — переброшен на работу в один из советских районов западной Фуцзяни. Там, в стране *хакка,* он и погиб, «героически сложив голову» в борьбе против гоминьдановской армии[42].

Вышестоящие инстанции не могли простить Лю Ди и другим

мятежникам главного — того, что они раскололи силы Красной армии в момент смертельной опасности, нависшей над советским районом в Цзянси. Именно поэтому их и осудили. Между тем борьба армии 1-го фронта против карательного похода Чан Кайши увенчалась успехом. Тактика Мао и Чжу Дэ, апробированная еще в Цзингане и Цзянси-Фуцзяньском районе («враг наступает — мы отступаем; враг остановился — мы тревожим; враг утомился — мы бьем; враг отступает — мы преследуем»), доказала свою эффективность и в новых условиях. Победа была впечатляющей: армия 1-го фронта уничтожила более 15 тысяч солдат и офицеров противника, захватила большое количество пленных, свыше десятка тысяч винтовок и даже один радиопередатчик, с которым, правда, никто не умел обращаться. В плен попал даже один командир дивизии по имени Чжан Хуэйцзань. Ему отрубили голову, которую затем прикрепили к доске и пустили вниз по реке Хэнцзян, притоку Ганьцзяна. Расчет был на то, что голова в конце концов приплывет в Наньчан — прямо в руки находившемуся там Чан Кайши[43].

Празднуя победу, Мао не мог удержаться, чтобы не излить свою радость в новых стихах:

> Деревья заиндевели, а небо горит пожаром,
> Небесные воины гневом взрывают небесный свод.
> Темнеют Лунганские горы[57], окутанные туманом,
> И все мы кричим что есть мочи:
> «В плен взят впереди Чжан Хуэйцзань!»[44]

Вслед за первым карательным походом войскам армии 1-го фронта удалось также успешно отразить и два последующих, организованных Чан Кайши соответственно в апреле — мае и июле — сентябре 1931 года. Известия о победах «коммунистических бандитов» вселяли ужас в добропорядочных граждан, но нанкинское правительство ничего не могло поделать. Чан Кайши бросал против «террористов» лучшие силы. Второй поход возглавлял лично министр обороны, генерал Хэ Инцинь. А третий — сам Чан. И все безрезультатно. Жестокая затяжная война, за которую ратовал Мао, становилась реальностью.

В то же время среди враждебного населения юго-западной Цзянси социально-экономическая политика Мао Цзэдуна терпела поражение. Вслед за цзинганским его новый опыт общения с трудовым крестьянством в равной мере оборачивался катастрофой. Может быть, сбывалось дурное предзнаменование, на которое обратили внимание солдаты 1-го корпуса перед тем, как уйти из Цзингана? Не зря же, в самом деле, под Мао и Чжу Дэ

за несколько дней до выхода из этого района проломилась трибуна?

Как бы то ни было, но еще в ходе борьбы против карательного похода, до событий в Футяни, Мао высказал предложение бросить цзянсийскую базу и уйти на юго-восток, в направлении Фуцзяни (то есть в «страну *хакка*»). Но в то время этот план не прошел: против него выступил ряд командиров 3-й армейской группы Пэн Дэхуая. Ситуация начала меняться в конце января. На этот раз сам ЦК порекомендовал Мао спуститься «несколько на юг»[45]. Однако теперь уже Мао не мог принять этот план. До разрешения «Футяньского инцидента» его отступление означало бы капитуляцию перед «зарвавшимися» цзянсийцами. И только когда Мао узнал о том, что Политбюро ЦК решает конфликт в его пользу, он вздохнул с облегчением. Можно было перебазировать свою штаб-квартиру к границам Фуцзяни. Не тогда ли красноармейцы сложили про него веселую песню:

> Комиссар нас ведет за зерном —
> Будь уверен, все будет как надо.
> Все равно мы врага разобьем
> И прорвемся сквозь все преграды![46]

Инцидент с цзянсийскими *бэньди* и их коммунистами показал: Мао может рассчитывать на победу только в классово близкой среде, более того — в благожелательном этнонациональном окружении. «Страна *хакка*» в обоих отношениях была идеальным местом. В конце марта, как раз перед вторым карательным походом Чан Кайши, Мао, Чжу Дэ и Сян Ин переехали, наконец, на юго-восток Цзянси. Здесь они вначале обосновались в деревне с поэтическим названием Цинтан (Лазурный пруд). Расположенная в глубокой долине, деревня занимала выгодное стратегическое положение. Врагу подобраться к ней было трудно: со всех сторон ее окружали крутые горы, поросшие густым субтропическим лесом. Во время отражения второго похода Мао Цзэдуну и Чжу Дэ, правда, пришлось покинуть ее. Несколько раз они меняли места штаб-квартиры, руководя войсками, а после разгрома третьего похода, в самом конце сентября, остановились, наконец, в деревне Епин, в десяти *ли* к северу от города Жуйцзинь, одного из узловых торговых центров «страны *хакка*».

А в это время в Шанхае обстановка становилась все хуже. С такими испытаниями, как в 1931 году, центральный аппарат партии еще не сталкивался. После отъезда Мифа в Москву (он уехал в апреле) на Политбюро ЦК и Дальбюро Коминтерна

обрушилась серия тяжелых ударов. Провокация следовала за провокацией, провал — за провалом. Особенно критическое положение сложилось в конце апреля в связи с арестом кандидата в члены Политбюро Гу Шуньчжана, заведовавшего секретным (он же специальный) сектором ЦК. В функции его департамента, созданного по решению VI съезда, входила организация красного террора в контролировавшихся гоминьдановским правительством городах. Гу Шуньчжан, воспитанник советских органов ОГПУ, непосредственно отвечал за ликвидацию провокаторов, предателей и прочих врагов КПК, приговариваемых ЦК к смерти. Занимался его сектор и шпионажем, а также охраной высшего партийного руководства. Арестовали Гу 24 апреля в Ханькоу, куда он приехал, чтобы подготовить покушение на находившегося там Чан Кайши. В одном из городских парков его опознал провокатор: Гу давал там представления под видом бродячего фокусника по имени Ли Мин (до вступления в КПК он занимался в Шанхае этим искусством). Испугавшись расстрела, этот профессиональный убийца с манерами шанхайского плейбоя[47] предпочел «потерять лицо». Более того, выдал полиции все адреса и явки Политбюро ЦК, цзянсуского и хубэйского комитетов партии. В результате в мае — июле были арестовано более трех тысяч китайских коммунистов, многие из которых — расстреляны. Жертвой его предательства стал даже Генеральный секретарь ЦК Сян Чжунфа, который, в свою очередь, не выдержав пыток, дал показания. Это, правда, не спасло ему жизнь: человека такой величины, даже сломленного, гоминьдановцы предпочли казнить.

Месть коммунистов Гу Шуньчжану была страшной. Не будучи в силах покарать самого предателя (после ареста его перевезли в Нанкин, где он находился под усиленной охраной), они вырезали почти всю его многочисленную семью, включая жену, тестя и тещу. По одним данным — семнадцать, по другим — более тридцати человек. Не пожалели даже жившую в семье Гу престарелую няню. Чудовищный по своей жестокости приказ отдал Чжоу Эньлай, который еще недавно обвинял Мао и его «бандитов» в «бесцельных и беспорядочных погромах и убийствах»[48]. После ареста Гу Шуньчжана Чжоу на какое-то время встал во главе вновь образованного Комитета по спецработе при ЦК КПК, объединившего спецсектор и все прочие секретные службы. Посланная им на «дело» пятерка карателей пощадила только двенадцатилетнего сына изменника: убить ребенка у них не хватило духа[58]. Что же касается самого Гу Шуньчжана, то он нашел свой конец в декабре 1934 года. Заподозрив этого разложившегося человека в двойной игре, гоминьдановцы сами казнили его.

В связи с его предательством за решеткой в начале июня оказались и двое работников ИККИ — курьер Коминтерна Жозеф Дюкруа (он же Серж Лефранк и Дюпон) и вьетнамский коммунист Нгуен Ай Куок (Нгуен Патриот, он же Нгуен Тат Тхань, настоящее имя — Нгуен Шинь Сунг, позже станет известен под псевдонимом Хо Ши Мин). Первый из них был задержан в Сингапуре, второй — в Гонконге. Наконец, в середине июня шанхайская муниципальная полиция арестовала двоих ключевых работников Дальбюро — сотрудников Отдела международной связи (ОМС) ИККИ супругов Якова Матвеевича Рудника и Татьяну Николаевну Моисеенко-Великую. Вместе с трехгодовалым сыном Дмитрием (Джимми) они жили в Шанхае под видом супружеской четы Нуленсов. Именно через них Коминтерн снабжал ЦК КПК и Дальбюро деньгами, поступавшими на счета подставной компании «Метрополитэн трэйдинг Ко», зарегистрированной в Шанхае в апреле 1928 года агентом ОМС Александром Альбрехтом. Их арест, таким образом, подорвал финансовое обеспечение партии и комсомола, городские организации которых в основном по-прежнему опирались на коминтерновские дотации: с августа 1930-го по май 1931 года ИККИ ежемесячно выплачивал ЦК КПК более 25 тысяч золотых долларов США[49]. (По сравнению с 1929 годом сумма ежемесячных выплат возросла на пять тысяч.)

Через какое-то время Коминтерн нашел, конечно, возможность возобновить поставки валюты: с сентября по декабрь 1931 года, то есть за четыре месяца, одна партийная организация Шанхая получила из Москвы 10 тысяч 300 американских долларов[50]. В целом же до конца года только прямые выплаты ИККИ китайской компартии составили более миллиона юаней[51]. Но «белый» террор почти полностью парализовал работу Дальбюро, которое в середине лета 1931 года ограничило свою деятельность. После этого, где-то в середине сентября, ввиду опасности новых провалов главный представитель Москвы Игнатий Рыльский (Остин, Аустен, Аустин, Бигман, Пауль, Пол, Шоу, настоящая фамилия — Любенецкий) принял решение вновь реорганизовать руководство китайской компартии. К тому времени большинство членов Политбюро находились уже вне Шанхая: кто-то томился в тюрьме, кто-то вел подпольную работу на севере. Чжан Готао с начала апреля находился в советском районе, расположенном на стыке провинций Хубэй — Хэнань — Аньхой, к северу от Ухани. Он возглавлял в тех местах местное бюро ЦК, то есть фактически являлся там полновластным хозяином. Еще один член Политбюро, бывший моряк Чэнь Юй, с июня 1931 года под псевдонимом Полевой представлял КПК в

ИККИ. Опасаясь ареста, всеми правдами и неправдами из Китая в Москву стремился уехать Чэнь Шаоюй. Чжоу Эньлай вспоминает: «Представитель ИККИ категорически предложил членам ЦК не показываться на улицу, не встречаться ни с кем, что означало прекратить работу. Для руководства работой по указанию представителя ИККИ было решено сформировать временный ЦК в Шанхае, в состав которого вошли: Лу Футань (член Политбюро), Чэнь Юнь (член ЦК) и Кон Син [он же Кан Шэн, настоящее имя — Чжан Цзункэ] (член Ревизионной комиссии), Бо Гу, Ло Фу [ученик Мифа, русский псевдоним — Иван Николаевич Измайлов, настоящее имя — Чжан Вэньтянь] и Ли Чжушэн [тоже студент Мифа, русский псевдоним — Славин], последние трое не были членами ЦК. Распределение работы среди них было следующее: Бо Гу— политическое руководство, Ли Чжушэн — оргбюро… Ло Фу — зав. Агитпропом, Лу Футань — руководство Всекитайской конфедерацией труда, Кон Син и Чэнь Юнь руководили работой Особого отдела ЦК [то есть Комитета по спецработе при ЦК КПК] и Кон Син по совместительству был председателем комиссии по работе среди рабочих»[52].

После создания Временного ЦК (точнее Временного политбюро ЦК или Политбюро Временного ЦК[59]) в конце сентября 1931 года Чэнь Шаоюй с женой быстро выехал в Москву, где этот «птенец Мифа» возглавил новую делегацию КПК. На этот раз для работы в ИККИ он взял себе новый псевдоним, под которым останется известен в истории китайской компартии и Коминтерна, — Ван Мин. Через некоторое время, в начале декабря, Шанхай под видом священника покинул и Чжоу Эньлай, направившийся к Мао, на юг Цзянси, где, наконец, возглавил Бюро ЦК[53].

За исключением Лу Футаня и Ли Чжушэна, переметнувшихся на сторону Гоминьдана, все эти люди будут в дальнейшем тесно работать с Мао Цзэдуном. Непросто сложатся их отношения с Мао, многие будут бороться с ним, изо всех сил разжигая внутрипартийные склоки, но Мао в конце концов подчинит почти всех их своей воле. Непокоренными останутся только двое — Чжан Готао и Ван Мин.

Все это будет впереди, а пока, в 1931 году, Мао продолжал набирать силу. По-сталински разобравшись с «кулацкими недобитками» из особого комитета КПК юго-западной Цзянси и отразив три карательных похода Гоминьдана, он стремительно укреплял свои позиции в партии. Единственное, что нужно было ему теперь, так это благословение Сталина. Но тот пока не делал окончательный выбор в его пользу, хотя и продолжал поддерживать. С макиавеллиевской прозорливостью хозяин

Кремля комбинировал руководство КПК на основе трех групп: доморощенных партизанских кадров (Мао Цзэдун и его сторонники), московских выпускников (Ван Мин, Бо Гу, Ло Фу) и старых коминтерновских кадров (Чжоу Эньлай, Чжан Готао, Сян Ин). При этом ни одной из группировок не давал расправиться с конкурентами.

Так что Мао оставалось только ждать. И он это делал терпеливо, как настоящий игрок. У него тоже был свой расчет, но в отличие от сталинского — более тонкий. Ему надо было не только сделаться «самым преданным учеником товарища Сталина», но и оттеснить с дороги всех конкурентов, только и ждавших удобного случая, чтобы свалить его. Но не зря он так долго занимался политикой. Искусством интриг он овладел досконально.

Стремление к неограниченному господству все более поглощало его. И в этой каждодневной кровавой борьбе за власть он все более превращался в жертву собственной страсти. Борьба с Чан Кайши и внутренней оппозицией, классовыми врагами и «заблуждавшимися» товарищами убивала в нем последние человеческие чувства. Любовь, доброта, преданность, вера исчезали куда-то, растворяясь в душивших его сильнейших эмоциях. А в результате душа Мао черствела, а его жизнь превращалась в погоню за призраком.

Его дети находились на попечении других людей. Как они жили? Что чувствовали? Ничего этого он не знал. А между тем на долю его сыновей выпали немалые испытания. Как мы помним, вскоре после гибели Кайхуэй местные коммунисты-подпольщики за взятку добились освобождения из-под стражи его старшего сына, восьмилетнего Аньина. Вместе с братьями, семилетним Аньцином и трехлетним Аньлуном, он стал жить у бабушки в деревне Баньцан. За домом, разумеется, была установлена слежка: полицейские надеялись, что через детей они каким-то образом выйдут на самого Мао. Ведь отец должен был, по их понятиям, позаботиться о своем потомстве.

Но дни проходили за днями, а ни Мао, ни его связные не объявлялись. Вместо них накануне Лунного нового года (16 февраля 1931 года), когда все, в том числе и жандармы, готовились к празднику, в дом бабушки Сян Чжэньси постучал неизвестный. Он принес письмо от Цзэминя жене старшего брата Кайхуэй, Ли Чундэ, жившей в том же доме. Брат Мао просил переправить своих племянников к нему в Шанхай — в целях безопасности. Его жена, бездетная Цянь Сицзюнь, очень беспокоилась о судьбе детей. Именно она и уговорила Цзэминя написать письмо. Ли Чундэ вспоминает: «Я раскрыла конверт с

быстро бьющимся сердцем и при свете масляной лампы с удивлением узнала почерк Мао Цзэминя. Он… сообщал мне день и место [нашей будущей встречи] и объяснял, как установить контакт с [нужными] людьми». Посоветовавшись с родными, Ли решила принять предложение Цзэминя. По конспиративным соображениям старшим детям дали новые имена, которые те обязаны были запомнить. Аньина назвали Юнфу («Всегда счастливый»), а Аньцина — Юншоу («Всегда здоровый»). Изменили им и фамилию — с отцовской на материнскую — Ян. После этого через Чаншу и Ухань Ли Чундэ вместе с детьми отправилась в Шанхай. Она играла роль их мамы. В поездке их сопровождала бабушка Сян Чжэньси.

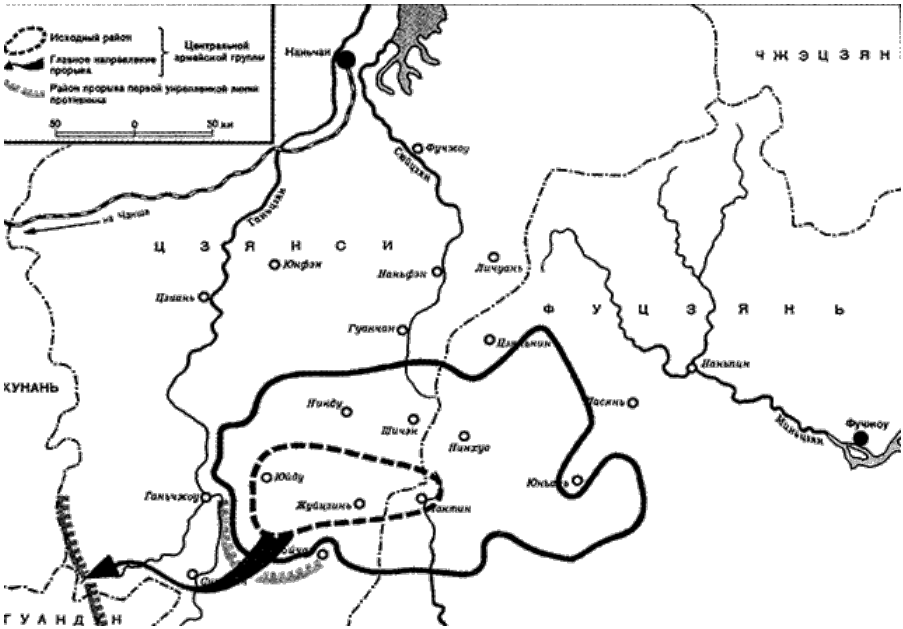
Тяжелое путешествие заняло несколько дней, и когда, наконец, измученные детишки добрались до дяди Цзэминя, они стали плакать. По какой-то причине дети считали, что везут их к отцу, а оказалось, что жить им придется в конспиративном детском саду «Датун», на территории международного сеттльмента. Так решил Чжоу Эньлай. Этот шанхайский приют, созданный для детей работников КПК на деньги коминтерновской организации МОПР, был, конечно, не лучшим на свете домом младенца, но другого все равно не было. Там в то время жили около 30 детей, в том числе дочери хорошо знакомых нам Ли Лисаня и Цай Хэсэня, а также сын Пэн Бая. Одной из воспитательниц была жена Ли Лисаня. Но сыновья Мао переезжать туда не хотели. «Я хочу к папе, — рыдал Аньин. — Я должен отомстить за маму!» Дети цеплялись за платье Ли Чундэ, умоляя забрать их домой. «Их крики, словно ножом, резали мое сердце», — вспоминает Ли. Жена Цзэминя пыталась их успокоить, но у нее самой текли слезы. Как будто знала, что самое страшное ждет ее племянников впереди.

Вскоре после переезда в приют маленький Аньлун заболел. В ближайшем госпитале поставили диагноз: дизентерия. Шансов не было никаких. Он скончался[60]. А вскоре в связи с предательством Гу Шуньчжана детский сад был закрыт. Дядя Цзэминь и тетя Сицзюнь покинули город, направившись сначала в Гонконг, а затем в один из советских районов. А никому не нужных сыновей Мао Цзэдуна взял к себе в дом на время директор сада «Датун» Дун Цзяньу, являвшийся по совместительству сотрудником спецсектора ЦК (конспиративное имя — пастор Ван). Но вскоре и он должен был уехать — в Ухань. Дети остались на попечении его бывшей жены Хуан Хуэйгуан, которая ничего не знала о их происхождении и особого внимания им не уделяла. У нее у самой было четверо детей.

Аньин и Аньцин все время ждали вестей от папы. Через дядю

Цзэминя еще тогда, когда тот собирался покинуть Шанхай, они передали ему письмо. Но отец так ничего и не сделал, чтобы спасти их, несмотря на то, что письмо действительно получил. И тогда, в конце лета 1932 года, они сбежали от тетушки Хуан. Четыре года бродяжничали по грязным улицам, рылись в мусорных ямах, собирали объедки и окурки, подрабатывали у торговца лепешками, торговали газетами. Терпели побои и издевательства. Члены шанхайской парторганизации нашли их только весной 1936 года. И тут интерес к их судьбе проявил всемогущий Сталин. С его согласия ЦК КПК организовал их выезд (через Гонконг, Марсель и Париж) в Советский Союз. По иронии судьбы занимался их отправкой все тот же знакомый им пастор Ван[54].

А Мао по-прежнему целиком отдавал себя партийной и военной работе. Осенью 1931 года, получив письмо от детей, он просто отложил его в сторону. Дел было невпроворот. Надо было обустраиваться в Епине, укреплять Центральный советский район, а также вести работу по подготовке I Всекитайского съезда советов. Этот форум был очень важен: на нем должна была быть провозглашена Китайская Советская Республика, призванная объединить все «красные» районы страны. За его созыв Мао как председатель ЦРВС нес прямую ответственность, тем более что местом проведения съезда было избрано селение Епин. Именно сюда, в новый Центральный район, съезжались более 600 делегатов, и всех надо было разместить, обеспечить едой и охраной. Эту деревню, как и сам близлежащий город Жуйцзинь, затерявшиеся в горах юго-восточной Цзянси, в непосредственной близости от границы с Фуцзянью, войска Мао взяли еще весной 1929 года. Теперь же Мао, похоже, прочно обосновался в этих местах. Именно его по соглашению с Москвой съезд должен избрать председателем ЦИК и главой Совнаркома (по терминологии того времени — Народного комитета ЦИК Китайской Советской Республики)[55].



Центральный советский район
(1931–1934 гг.)

7 ноября в 7 часов утра под оружейные залпы и треск фейерверков делегаты I съезда стали заполнять зал. Наряженные в специально сшитые для них костюмы (красноармейские куртки с высокими стоячими воротниками и брюки из синей бумажной материи), делегаты выглядели очень празднично. На левых рукавах их курток виднелись красные звезды, а на груди — треугольники алого шелка с номерами делегатских мандатов. На околышах фуражек были накручены ленты с надписью: «Первый съезд советов Китая».

За четырнадцать дней работы делегаты приняли Основную конституционную программу Китайской Советской Республики, закон о земле, закреплявший уравнительный передел как движимого, так и недвижимого имущества *дичжу* и трудового крестьянства[61], закон о труде и некоторые другие документы, избрали временный Всекитайский центральный исполнительный комитет. А через неделю, на первом заседании ЦИК Мао, как и было запланировано, стал председателем этого высшего административного органа. Его заместителями назначили Чжан Готао и Сян Ина. Тогда же Мао возглавил и Совнарком, в котором пост народного комиссара иностранных дел (довольно смешная должность для непризнанной страны) занял мифовский ученик Ван Цзясян, пост наркома военных дел, естественно, получил Чжу Дэ, а должность наркома просвещения — Цюй Цюбо. (Тот, правда, еще находился в Шанхае — туберкулез сжигал его на глазах, так

что в отсутствие Цюя народным образованием в КСР стал заведовать старый учитель Мао Цзэдуна еще по Чанше Сюй Тэли.) Столицей Китайской Советской Республики был провозглашен Жуйцзинь.

После прихода войск КПК в этом старинном городе, основанном в V веке н. э., насчитывалось не менее 60 тысяч человек. Растянувшийся с запада на восток на 2–3 *ли,* он был со всех сторон окружен горами. Здесь имелось несколько ткацких и механических мастерских, большая рыночная площадь, где крестьяне со всей округи продавали товары, а также много родовых храмов, тут же переоборудованных коммунистами под свои офисы. В общем, это был хоть и не Шанхай, но вполне удобный для размещения правительства город.

Казалось, Мао взошел, наконец, на вершину власти. Но это было не так. Жестокая борьба только разворачивалась. Железные мальчики из команды Ван Мина, и прежде всего Бо Гу (Погорелов), ставший после разъездов других лидеров КПК фактическим главой Политбюро, не желали уступать ему пальму первенства. Двадцатичетырехлетний юнец Бо Гу, всего за шесть лет до того вступивший в компартию, был не менее амбициозен, чем его друг Ван Мин. Очень худой и длинный, с лицом бездушного иезуита, он воплощал в себе все, что Мао так ненавидел в московских выскочках. Поверхностно разбираясь в китайской действительности, Бо Гу, как и другие вернувшиеся из Москвы «большевики», твердо верил во всесилие советского опыта. Глядя на его торчащие вверх жесткие волосы и огромные, как колеса, очки, скрывавшие выпученные от базедовой болезни глаза, слушая нервный смех и дрожащий голос, можно было принять его за дисциплинированного студента-отличника, переутомившегося от ежедневных занятий, если бы не властный характер и грубые диктаторские замашки. Он обожал Сталина и, подражая ему, курил трубку. И так же, как его кремлевский кумир, ни в грош не ставил человеческую жизнь. Ни «классовых врагов», ни товарищей по компартии.

Не будучи в силах открыто оспаривать курс Москвы на поддержку Мао, Бо Гу через своих людей стал делать все, чтобы ослабить влияние конкурента, дезавуируя его в глазах Сталина. Слава главного партизанского лидера, овевавшая Мао, покоя ему не давала. Так что сразу же после съезда советов для Мао Цзэдуна наступили «черные дни».

КОММУНИСТ КОММУНИСТУ — ВОЛК

Первые неприятности возникли, правда, еще до съезда. Знаком новой опалы явилось письмо из Шанхая от 30 августа 1931 года. В нем Мао Цзэдун неожиданно был подвергнут не менее резкой критике, чем во времена Ли Лисаня. Возглавлявшемуся им Бюро ЦК вменялось в вину совершение серьезнейших как право- *(sic!),* так и левооппортунистических ошибок, свидетельствовавших об «отсутствии» у его руководителей «четкой классовой линии». Трудно сказать, кто из высших руководителей готовил проект письма. Это мог быть или Чжоу Эньлай, или Чэнь Шаоюй, или кто-то еще, но не вызывает сомнений, что документ отражал взгляды прежде всего нового поколения вождей — так называемых «28 большевиков», начавших доминировать в партии. Даже если Чжоу и составлял письмо, он наверняка делал это по поручению более энергичных членов высшего руководства. А самыми активными в августе 1931 года были Чэнь Шаоюй и остальные «птенцы Мифа». По словам Чжан Готао, «золотое правило Чжоу Эньлая» гласило: «Не ссориться». Это было «в его натуре», он следовал «тенденции», и когда было нужно «пересмотреть ее», всегда делал это[56]. Такой стиль жизни позволял ему быть на плаву при любых режимах — будь то режим Чэнь Дусю, Цюй Цюбо или Ли Лисаня. Точно так же повел он себя и при Чэнь Шаоюе, а затем при Бо Гу.

Главные обвинения заключались в проведении Мао якобы «кулацкой линии» (sic!) в аграрной реформе. Имелось в виду, что он осуществлял уравнительный передел по принципу «Взять у тех, у кого много, и дать тем, у кого мало; взять у тех, у кого земля жирная, и дать тем, у кого земля скудная». У новых вождей такая практика вызывала неудовольствие: с их точки зрения, кулакам надо было выделять только худшую землю, а всю лучшую — отдавать бедным. Кстати, примерно в то же время под огонь критики новых вождей попал и старый приятель Мао по Пекину Дэн Чжунся. В 1930–1931 годах он возглавлял политическую работу в войсках Хэ Луна, действовавших в советском районе на стыке провинций Хунань и Хубэй, и, по словам Чжоу Эньлая, выражал несогласие с «линией партии в аграрном вопросе». Дэн, правда, стоял правее Мао. Он вообще осуждал коммунистов, которые в ходе борьбы с «кулаком» не давали землю «средним крестьянам», обходясь с последними как с «кулаками»[57].

Большие нарекания у Временного политбюро вызывала и «партизанская» тактика Мао, несмотря на то, что именно благодаря ей Красной армии удалось отразить три карательных

похода Гоминьдана. Казалось, новоявленным лидерам именно это-то и не нравилось: успех Мао подрывал их авторитет. Со своей стороны, они настаивали на «расширении» советских районов при непременном захвате и, что самое главное, удержании «сравнительно крупных городов»[58]. К тому времени, еще в середине октября 1930 года, Мао действительно по собственной инициативе, не дожидаясь решений сверху, принял решение отказаться от дальнейших планов захвата слишком крупных центров[59], но ведь планы-то эти ассоциировались с именем Ли Лисаня, которого в партии и Коминтерне в 1931 году поносили последними словами.

Как видно, вернувшиеся из Москвы студенты были еще большими леваками, чем Мао и Ли Лисань. И то, что они изо всех сил клеймили «лилисаневщину», еще ничего не значило. Просто Чэнь Шаоюй, Ван Цзясян и другие «большевики» воспользовались моментом, чтобы закрепиться у власти. Подковерную борьбу с Ли Лисанем и другими «стариками» они начали вскоре после возвращения на родину (особенно активно — с лета 1930 года). Своего бывшего ректора, по заранее достигнутой с ним договоренности, они стали засыпать письмами, написанными по-русски или по-английски особым условным языком. Не авантюризм Политбюро претил им, поносить Ли Лисаня за «левизну» было тогда не в моде. Зная, чего больше всего не любят в Москве, они настойчиво обвиняли Ли в «правом» уклоне. И делали это даже тогда, когда тот выдвигал сумасшедшие проекты мировой революции! «Правое легкое все еще болит из-за отсутствия смелости и умения докторов и отсутствия хорошего лекарства в Китае, — доносил Ван Цзясян (Коммунар) Павлу Мифу за три дня до принятия Политбюро ЦК КПК ультралевацкого постановления от 11 июня «О новом революционном подъеме». — Можете ли Вы прислать какое-нибудь лекарство?» «Часть хозяев действительно заболела в правом плече», — добавлял от себя Чэнь Шаоюй. А вот их совместное письмо: «Безобразия хозяина вытекают из того, что у него больна правая часть мозга. Эта болезнь нуждается в хорошем лечении, которое очень трудно осуществить в бедном Китае. Мы надеемся, что *очень скоро* найдутся хороший врач и хорошее лекарство для того, чтобы оздоровить хозяина и улучшить положение ко[мпании]»[60]. Забавный язык, не правда ли? И все понятно без перевода.

Ту же провокационную политику Чэнь Шаоюй и другие продолжали вести и после того, как «хороший врач» (Павел Миф) провел нужную им «операцию». Очевидно, они считали, что на январском пленуме не удалось удалить всю «больную часть

мозга». Именно этим и было вызвано августовское письмо.

После его получения в Центральном советском районе в середине октября Сян Ина, Жэнь Биши и Ван Цзясяна как подменили. В самом начале ноября, буквально накануне съезда советов, эти представители Временного политбюро созвали в Жуйцзине партийную конференцию. И тут началась самая настоящая вакханалия. На Мао обрушились обвинения в «узком эмпиризме», «крайне правом оппортунизме», «кулацком уклоне» и «партизанщине». По сути дела, вся работа возглавлявшегося им Бюро ЦК была перечеркнута. Мао пытался оправдываться, ссылаясь на местные условия, но все было тщетно. Большая часть участников конференции, за исключением нескольких уездных секретарей, поддержала письмо ЦК. В результате Мао был снят с поста исполняющего обязанности секретаря Бюро ЦК в советских районах, а на его место вновь назначили Сян Ина[61].

Характерно, что все это было сделано за несколько дней до I съезда советов, на котором Мао должны были «избрать» председателем ЦИК КСР и Совнаркома. Телеграмму о необходимости его «избрания», согласованном, как мы знаем, с Москвой, в Епине получили в самом конце октября[62], то есть за два-три дня до партийной конференции. Зачем же тогда понадобилось бить человека, которого все равно готовили в главы Китайской Советской Республики?

Объяснение может быть только одно. Шанхайским лидерам и их порученцам в южной Цзянси очень хотелось показать коммунистам: не вновь избранный председатель Мао, а секретари ЦК и Бюро ЦК будут по-прежнему руководить всем! Председатель — не более чем солдат партии, причем далеко не лучший. И партийные органы имеют право каждодневно его контролировать. Посты председателя ЦИК и Совнаркома превращались, таким образом, в номинальные. Как и в СССР, в Китайской Советской Республике партия руководила правительством.

Сразу же после съезда, 25 ноября, Мао был снят также с поста председателя ЦРВС, оставшись, правда, начальником его Главного политуправления и одним из пятнадцати членов. Главой Центрального Реввоенсовета стал Чжу Дэ. Заместителями Чжу стали Ван Цзясян и Пэн Дэхуай. Тогда же переформировали войска армии 1-го фронта — в две армейские группы (3-ю и 5-ю) и пять корпусов, которые непосредственно подчинили Центральному Реввоенсовету. Соответственно упразднили всю штаб-квартиру армии 1-го фронта, а с ней и посты генерального политкомиссара и секретаря Генерального фронтового комитета, которые до того занимал Мао[63]. Это был, конечно, тяжелый удар, резко ослабивший влияние Мао Цзэдуна как на партию, так и на

армию.

Мао начал ощущать вокруг себя тяжелую атмосферу. Близких друзей почти не осталось, за исключением младших братьев, которые, к счастью, вместе с женами находились в Центральном советском районе. Но ни Цзэминь, ни Цзэтань не являлись членами ЦК. В самом начале мая 1928 года в Ханькоу была расстреляна Сян Цзинъюй, гордая, страстная и непокорная. А через три года, в начале августа, в Кантоне погиб ее бывший муж Цай Хэсэнь, ближайший друг Мао. Смерть его была ужасной. Палачи вначале подвергли Цая бесчеловечным пыткам, а затем распяли на стене камеры. А напоследок острым штыком несколько раз ударили в грудь. Успокоились они только тогда, когда бездыханное тело обвисло на железных гвоздях. Ровно за год до этого, в августе 29-го, в Шанхае погиб Пэн Бай.

После приезда в Жуйцзинь Чжоу Эньлая (в самом конце декабря 1931 года) ситуация только ухудшилась. Сменив Сян Ина на посту секретаря Бюро ЦК, Чжоу продолжил антимаоистскую линию. На первом же заседании Бюро ЦК 7 января он заявил, что Бюро допустило ошибки в борьбе против контрреволюционных элементов, а потому «в духе самокритики» должно признать ответственность[64]. Мао, присутствовавший на заседании (членом Бюро он еще оставался), ничего не возразил, хотя критика Чжоу обидела его до глубины души.

А через два дня Бо Гу и его друг Ло Фу, отвечавший во Временном политбюро за пропаганду, выпустили директиву «О завоевании победы революции первоначально в одной или нескольких провинциях». Почти полное совпадение ее названия с заглавием печально знаменитого постановления Ли Лисаня, похоже, их не смущало: развивая установки предыдущего руководства, они потребовали от Красной армии вновь атаковать Наньчан, Цзиань и другие крупные города Цзянси. Всем же сомневавшимся напомнили: «Правый оппортунизм по-прежнему является главной опасностью… Надо направить огонь против правых»[65].

Это дало Чжоу повод нанести Мао новый удар. Прекрасно понимая, что горячий хунанец может не выдержать и влезть в бесперспективную для него дискуссию, новый секретарь Бюро в развитие директивы Бо Гу и Ло Фу предложил членами Бюро ЦК план штурма второго по величине города Цзянси, Ганьчжоу, расположенного между Центральным советским районом и горами Цзинган, где все еще действовали отдельные войска КПК. Взятие этой хорошо укрепленной твердыни дало бы возможность значительно расширить «красную зону», а то, что этот «крепкий орешек» был не по зубам Красной армии, ни Чжоу, ни

большинство других членов Бюро, казалось, не замечали. Мао, естественно, не согласился и вновь был подвергнут критике[66]. Его враги могли быть довольны: «вечно неправый» оппонент «терял лицо».

Тогда Мао решил «дать бой» по вопросам международной политики. В то время внешнеполитическое положение Китая катастрофически ухудшалось. Связано это было с усилением экспансии Японии. За четыре месяца до описываемых событий, 18 сентября 1931 года, японская Квантунская армия[62], расквартированная в Маньчжурии, на северо-востоке Китая, спровоцировала так называемый «Мукденский инцидент». Воспользовавшись взрывом на Южно-Маньчжурской железной дороге, самими же японцами и организованным, она молниеносно оккупировала крупнейший маньчжурский город Мукден (Шэньян), а также столицу провинции Цзилинь город Чанчунь. К концу осени под властью Японии оказалась вся Маньчжурия — территория с населением 30 миллионов человек. Чан Кайши, втянутый в военные действия против советов, никакого сопротивления вторжению оказать не смог, но в стране в целом развернулось широкое антияпонское движение. Стали создаваться общественные ассоциации по отпору Японии, и вновь, как и во время движения 4 мая 1919 года, начался бойкот японских товаров. Подъем патриотизма был так велик, что Мао, внимательно следивший за развитием событий, пришел в январе 1932 года к мысли о том, что для КПК было бы неплохо «сыграть» на всех этих событиях. При известных усилиях, считал он, волну народных антияпонских настроений можно было направить в античанкайшистское русло. (Чан ведь не защитил Маньчжурию, а «под этим соусом» его легко было превратить в «национального предателя».) К этой мысли его подтолкнуло неожиданно вспыхнувшее в середине декабря в цзянсийском городе Ниццу восстание 26-й гоминьдановской армии, брошенной Чан Кайши на борьбу с коммунистами. Солдаты этой армии (общим числом в 17 тысяч человек) подняли мятеж именно потому, что были крайне недовольны «соглашательской» политикой Чана в отношении Японии. Город Ниццу, расположенный всего в нескольких десятках *ли* к северу от Жуйцзиня, в одночасье стал «красным»[67].

В середине января 1932 года, на очередном заседании Бюро ЦК, Мао поделился своими соображениями с «товарищами». Вот что он сказал: «Широкомасштабное вторжение японского империализма в Китай вызвало антияпонский подъем. Это неизбежно приведет к изменению межклассовых отношений внутри страны». Понятно, что создавшуюся ситуацию надо было

использовать. Но как? Это-то он как раз и хотел обсудить.

Но тут началось такое! Представители Временного политбюро буквально вспыхнули от негодования. Использовать японское вторжение в интересах компартии они считали чуть ли не преступлением. Тем более что с точки зрения Коминтерна целью маньчжурских событий была подготовка японской военщиной плацдарма для нападения на СССР. Один из присутствовавших так распалился, что потерял над собой контроль. «Япония захватила северо-восток в первую очередь для того, чтобы напасть на Советский Союз, — бросил он в лицо Мао. — Не понимать этого — значит, быть правым оппортунистом!» И еще: «Мы должны выдвинуть лозунг вооруженной защиты СССР, тот же, кто не согласен с этим, — классический правый оппортунист!» Наступила мертвая тишина. Гнев Мао был так велик, что слова застряли у него в горле.

Больше он с этим составом Бюро не хотел работать и сразу же после заседания подал заявление о предоставлении ему отпуска по «болезни». Прием был старый. Его он использовал еще во время конфликта с Чжу Дэ и фронтовым комитетом 4-го корпуса в июне — ноябре 1929 года. Вместе с женой и охраной он выехал в горы, бросив дела в правительстве на Сян Ина. Вдогонку ему был нанесен еще один удар. Ван Цзясян сместил его с последнего остававшегося у него военного поста — начальника Главного политуправления ЦРВС (тогда же переименованного в Главпур Рабоче-крестьянской Красной армии Китая). Сам Коммунар и занял эту должность.

А Мао, казалось, погрузился в меланхолию. Высоко на вершине горы Дунхуа в двадцати пяти *ли* от Жуйцзиня он облюбовал себе старый заброшенный храм, в котором, сидя целыми днями в кромешной темноте, играл на короткой флейте. Этот старинный простонародный инструмент, сделанный из ствола бамбука с восемью отверстиями, он полюбил еще в цзинганский период. В храме было сыро и холодно, и по настоянию Хэ Цзычжэнь он перебрался в находившуюся по соседству пещеру. Здесь занятия музыкой были продолжены. Музицирование и первобытная жизнь, однако, нервы не успокаивали. Не помогала и поэзия[68]. Размышляя о том, что произошло, Мао все больше осознавал, что новая борьба за власть будет самой жестокой.

Очередной «левацкий загиб» руководства КПК был вновь напрямую связан с Москвой. Как и прежде, все установки (стратегические и тактические) коммунисты Китая получали оттуда. А там в то время все просто бредили «правой опасностью». Разгромив Бухарина и его сторонников, Сталин

вычистил из партийного руководства кандидата в члены Политбюро Сергея Сырцова и знакомого нам Виссариона Ломинадзе, возглавлявшего после поездки в Китай Закавказский крайком ВКП(б) — за «„лево-правый“ блок, платформа которого совпадает с взглядами „правого уклона“»[69]. Произошло это в самом начале декабря 1930 года. Сразу после этого в Москве состоялся судебный процесс над Промпартией — некоей «правой» организацией инженеров, техников и экономистов, обвиненной в антисоветчине и вредительстве. По этому «делу» репрессировали более двух тысяч человек. Неудивительно, что рост «правой опасности» многим тогда в Коминтерне стал казаться реальным. Тем более что, по мнению Сталина, в связи с развертывавшимся строительством социализма в СССР и углублявшимся мировым кризисом классовая борьба должна была обостряться, а агрессивность капиталистов — усиливаться. Исходя из этого, проходивший в Москве в марте — апреле 1931 года 11-й пленум ИККИ подчеркнул: «Идет дальнейший рост революционного подъема», выражающийся, помимо прочего, «в развитии и укреплении Советов и Красной армии на значительной части территории Китая… в усилении революционного движения в колониях»[70].

31 июля в развитие решений пленума Президиум Исполкома Коминтерна направил ЦК китайской компартии специальную резолюцию. В ней указывалось: «На настоящем этапе движения, когда в стране налицо революционный кризис, а в ряде районов победила власть советов, исход борьбы зависит прежде всего и непосредственно от самой компартии… китайской компартии необходимо широко развернуть разоблачение всей суммы взглядов правого оппортунизма, ведя с ним непримиримую борьбу как в теории, так и на практике»[71].

Кстати, именно в этом документе содержались требования не уравнивать кулаков и бедняков в правах на землю. Но говорилось об этом в целом; никакой критики в адрес Мао Цзэдуна не высказывалось. Заострение борьбы против Мао было делом рук исключительно новых вождей КПК. Ничего в резолюции не говорилось и о новом штурме городов. План захвата «одного или двух городских центров», приведший в начале 1932 года на юге Цзянси к кровопролитной битве за город Ганьчжоу, также являлся творчеством шанхайских лидеров. Хотя не таким уж крамольным, с точки зрения Коминтерна. Через два с половиной месяца после издания августовской директивы Временного политбюро Миф сам выдвинул идею завоевания крупных городов в Китае в письме Сталину[72]. И получил поддержку.

В этой обстановке, по мнению руководства Бюро ЦК, ни о

какой «партизанской тактике» говорить было нельзя. Вместе с большинством других членов Бюро Чжоу Эньлай начал добросовестно выполнять директиву ЦК, по существу, одобренную Коминтерном. А Мао встал в оппозицию. Нет, он не был против взятия городов вообще. Богатые торговые центры всегда привлекали его внимание. Просто ему хотелось действовать так, как его любимым героям из романа «Речные заводи»: налетать на небольшой слабо укрепленный город, грабить его и тут же уходить в безопасное место. Закрепляться же в крупных стратегических пунктах он более не считал разумным. Этим-то и вызывал раздражение руководства, по-прежнему верившего в то, что китайскую революцию можно было осуществить только при опоре на городские центры. Бесстрашный он все-таки был человек! Ведь не в первый раз лез на рожон! А может быть, ощущал за собой какую-то силу?

Как бы то ни было, но и в этот раз ему повезло. Ганьчжоу взять не удалось. Войска 3-й армейской группы и 4-го корпуса под общим командованием Пэн Дэхуая потерпели тяжелое поражение. То, что Мао был прав, возражая против этого наступления, стало теперь понятно многим армейским командирам. «Конечно, нам было не под силу взять хорошо укрепленный город, — вспоминал позже сам Пэн Дэхуай. — …Безрассудный штурм города… был нашей серьезной ошибкой». Самое неприятное состояло в том, что осада Ганьчжоу, длившаяся два месяца (с января по март 1932 года), совпала с японской атакой на Шанхай. (Японцы напали на этот город 28 января, стремясь положить конец бойкоту японских товаров, который, с их точки зрения, угрожал не только их экономическим интересам, но и безопасности подданных микадо, проживавших в Шанхае. В течение месяца город обороняла 19-я гоминьдановская армия[73].) Получалось, что коммунисты и японцы действовали заодно. «Наступая на Ганьчжоу, — пишет Пэн Дэхуай, — мы не только не использовали события в Шанхае 28 января 1932 года для того, чтобы усилить борьбу против Японии и нанести политический удар по Чан Кайши и Гоминьдану, а, напротив, дали противнику предлог для проведения реакционной политики: „Прежде чем дать отпор иностранной агрессии, следует сначала добиться умиротворения внутри страны“»[74].

Пришлось руководителям Бюро смирить гордыню. В начале марта к Мао в пещеру, невзирая на проливной дождь, неожиданно явился Сян Ин, попросивший его от имени Реввоенсовета и лично Чжоу Эньлая срочно «вернуться в строй». Мао еле сдержал радость. Мокрый от дождя и униженный своим незавидным положением, Сян Ин выглядел жалко. Собрав вещи, Мао и Хэ

Цзычжэнь той же ночью спустились с горы в Жуйцзинь. В кармане полувоенного френча Мао лежала старая бамбуковая флейта. Кто знал, как часто суждено ему будет играть на ней? Возвращение из опалы ничего еще не означало. Борьба за власть продолжалась.

Но пока ему срочно надо было выезжать на фронт, в уезд Ганьсянь, более чем за 200 *ли* к западу от Жуйцзиня, и единственное, что он успел сделать, так это передать членам Бюро и правительства текст декларации по поводу японского вторжения в Китай. Он набросал его еще в конце января, сразу после японской бомбардировки Шанхая. Документ был резким: советское правительство Китая официально объявляло войну Японии. Конечно, этот акт носил формальный характер: армии коммунистов действовали вдали от Маньчжурии и Шанхая. Однако его политическое значение было огромным. С помощью пропаганды и демагогии, за счет умелой эксплуатации антияпонских настроений народа КПК могла превратиться в глазах многих китайских патриотов в действительно национальную силу. А это помогло бы ей в борьбе с Гоминьданом. 15 апреля декларация была наконец принята «коллегами» Мао. А через шесть дней появилась в еженедельнике «Хунсэ Чжунхуа» («Красный Китай»), печатном органе ЦИК и Совнаркома КСР[75].

Но Мао в то время находился уже вдали от Жуйцзиня. Весь остаток марта он провел в южной Цзянси, пытаясь исправить критическое положение. После чего был переброшен в Фуцзянь, в войска Линь Бяо. Вплоть до конца июня он участвовал в боевых операциях на юго-западе и юге этой провинции. Вместе с войсками совершил трудный рейд по горным дорогам на юг, за более чем 500 *ли* от Жуйцзиня, к богатому, но слабо защищенному торговому городу Чжанчжоу. И тут уж смог насладиться романтикой бандитизма!

Разграбив Чжанчжоу и ряд окрестных городов и поселков, Мао повернул обратно, на юг Цзянси. По дороге его солдаты, как обычно, убивали *дичжу*-«помещиков», *фунун*-«кулаков» и просто крестьян-*бэньди* (исконных врагов *хакка*), жгли их дома и захватывали имущество. За собой они оставляли пустыню. Один из современников, побывавший в этих краях через год с небольшим, вспоминал: «Повсюду тянулись заброшенные рисовые чеки, заросшие сорняками поля батата, засохшие плантации сахарного тростника, сожженные дома. И почти ни одной живой души вокруг»[76].

Успех операции был налицо. И это, разумеется, укрепило авторитет Мао в армии: ведь «героический» поход в Фуцзянь, доставивший солдатам и командирам массу приятных минут,

прошел вслед за безуспешной осадой Ганьчжоу, ответственность за которую несли новые вожди[77].

И тем не менее ему вновь пришлось вести ожесточенные дискуссии с членами Бюро по поводу тактики. Нет, его оппоненты не были против грабежей и убийств, просто считали, что надо ставить глобальные цели и, не тревожа врага в мелких боях, вести крупные операции по захвату провинции в целом. Дискуссии превращались в острые политические столкновения. О том, как развивались события, дает представление телеграмма Чжоу Эньлая, Ван Цзясяна, Жэнь Биши и Чжу Дэ в ЦК КПК от 3 мая 1932 года[63]. Вот что в ней, в частности, говорится: «У нас имеются разногласия по поводу направлений расширения [Центрального] советского района и действий Красной армии. В конце прошлого года на заседании Бюро ЦК [КПК советских районов] Мао Цзэдун предложил план создания советского района вдоль трех гор на границах Фуцзяни, Гуандуна, Цзянси и Хунани. Коммунар [Ван Цзясян] выступил против этого плана и заявил, что при нынешнем политическом положении — это уклонение от захвата крупных городов… Когда приехал Москвин [Чжоу Эньлай], Мао Цзэдун… выступил против наступления на городские центры… Эта политическая линия представляет собой стопроцентный оппортунизм, она недооценивает современную обстановку и полностью противоречит директивам КИ [Коминтерна] и ЦК [КПК]. Все остальные члены Бюро ЦК [КПК советских районов] против нее… Мы приняли решение вести борьбу с ошибками Мао Цзэдуна и подвергнуть их критике в партийном органе»[78].

Через девять дней в отсутствие Мао в Жуйцзине было проведено заседание Бюро, на котором вновь огонь критики был направлен против его «порочной линии». В принятой резолюции говорилось: «Необходимо полностью искоренить имевшие место в прошлом в работе Бюро [то есть во время руководства Мао Цзэдуна] правооппортунистические ошибки». Текст резолюции был немедленно отправлен в Шанхай, и члены Временного политбюро тут же известили Исполком Коминтерна о новых разногласиях с Мао. При этом они, очевидно, были настолько уверены, что их покровитель Миф поставит наконец долгожданную точку в их конфликте со строптивым главой КСР, что, не дожидаясь ответа, немедленно направили телеграмму Чжоу Эньлаю, заявив о необходимости еще решительнее бороться с «правым оппортунизмом»[79].

Но ответ из центра был обескураживающим. В вопрос о Мао вмешались люди гораздо сильнее Мифа. По каким причинам они сделали это, остается только догадываться. 15 мая 1932 года

конфликт в Жуйцзине рассмотрели ближайшие к Сталину вожди Коминтерна — Куусинен, Мануильский, Пятницкий и Пик. Все они входили в состав высшего органа ИККИ — Политкомиссии Политсекретариата. И Мао был взят Москвой под защиту[80].

Признавать поражение не хотелось, но Временному политбюро, а с ним и Бюро ЦК пришлось отступить. «Все вопросы разрешены правильно, — написал Чжоу Эньлай в ЦК КПК после получения телеграммы Политкомиссии, 9 июня 1932 года. — … Наша дискуссия проходила в товарищеской обстановке и ограничивалась составом Бюро. Это не мешало руководящей работе Мао Цзэдуна»[81]. (Вот тебе на! А как же желание раскритиковать оппонента в партийном органе?)

Единственное, что могло как-то обрадовать Бо Гу и его единомышленников в Цзянси, было то, что Москва защитила Мао лишь от публичной критики. С его же партизанской тактикой она тоже по-прежнему была не согласна. Именно поэтому Чжоу вслед за телеграммой по поводу «товарищеской обстановки» направил в ЦК еще одну, стремясь добиться согласия начальства на фактическое устранение председателя ЦИК и Совнаркома из Жуйцзиня. Вот что он написал 10 июня: «Мао Цзэдун очень слаб физически, он остается на работе в высокогорье, у него бессонница и плохой аппетит. Однако, действуя с армией, он полон энергии и талантлив в ведении боевых действий. Бюро [ЦК КПК советских районов] решило направить его на фронт для планирования военных операций. Он также хочет отправиться на фронт»[82].

Странная телеграмма: Мао еще не успел доехать до «высокогорья» Жуйцзиня из южной Фуцзяни, а, по словам Чжоу, уже почувствовал недомогание и перестал есть и спать. Похоже, возвращению председателя ЦИК и Совнаркома члены Бюро не очень-то были рады. Да Мао и сам не хотел возвращаться в Жуйцзинь. В середине июня вместе с войсками он был уже в южной Цзянси. Там он встретил известие о воссоздании по приказу Временного политбюро армии 1-го фронта — на этот раз в составе трех армейских групп (1, 3 и 5-й) и нескольких отдельных воинских частей. Командующим армией был вновь утвержден Чжу Дэ, начальником Главного политуправления — Ван Цзясян. Вместе с ними Мао возглавил борьбу армии 1-го фронта против гуандунских милитаристов, напавших тогда на советский район[83].

И здесь ему пришлось проявить не только военный талант, но и незаурядные дипломатические способности. Оказавшись в одной «команде» с Ван Цзясяном, одним из своих главных противников, Мао искусно прибег к излюбленной тактике всех

политиканов: «разделяй и властвуй». На Вана, этого сутулого молодого человека в круглых очках, на тринадцать лет младше его, Мао обратил пристальное внимание еще тогда, когда вместе с Жэнь Биши тот появился в его доме в деревне Цинтан в начале апреля 1931 года. Как и все ребята из команды Чэнь Шаоюя, Ван хорошо говорил по-русски, но, в отличие от Чэня, Бо Гу или Ло Фу, был лишен излишней амбициозности. Конечно, он был догматиком, свято веривший в русский опыт, но где-то в глубине души оставался обычным китайским крестьянином. (Ван родился в деревне на юге провинции Аньхой.) С ним можно было найти общий язык. Хотя порой он и бывал груб и несносен.

Мао начал «обхаживать» его еще в конце апреля, но каких-либо существенных результатов не достиг[84]. Теперь же возобновил свои пассы. Помощь ему здесь оказал и Чжу Дэ. Вдвоем им в конце концов удалось «завоевать» «упрямого юношу». Но тут, во второй половине июля, к ним в штаб-квартиру приехал Чжоу Эньлай. Обострение военной обстановки потребовало и его присутствия на фронте. И тогда Мао пошел ва-банк: он использовал все возможности для того, чтобы вдали от Жуйцзиня «обработать» самого Чжоу. На этот раз он мог опираться и на Чжу Дэ, и на Ван Цзясяна. И результат не замедлил сказаться. Привыкший ко вторым ролям Чжоу Эньлай, оказавшись под ежечасным давлением со стороны маоцзэдуновского триумвирата, не выдержал. Мао, как более сильная личность, на какое-то время буквально подавил его. Через четыре дня Чжоу уже подписал (вместе с ним, Чжу и Ваном) телеграмму в Бюро ЦК, требуя отменить разработанный этим органом план нового штурма Ганьчжоу. В тот же день все четверо обратились в Бюро, исполняющим обязанности секретаря которого в Жуйцзине оставался тогда Жэнь Биши[85], с предложением восстановить в войсках 1-го фронта пост генерального политкомиссара — специально для Мао Цзэдуна. При этом они даже сочли возможным потребовать ликвидацию поста председателя правительства (совмещать обе должности Мао не мог)[86].

Казалось, Мао забыл все обиды. Но «обработка» Вана и Чжоу была лишь шагом на пути к завоеванию власти. Цель оправдывала средства, и, пока эти два бывших врага были ему нужны, Мао старался вовсю. С их помощью он надеялся прорвать кольцо отчуждения, замкнутое вокруг него новыми вождями партии.

Но остававшиеся в Жуйцзине члены Бюро, и прежде всего Жэнь Биши, под давлением со стороны Бо Гу и Ло Фу, не желали смягчать отношения. Приняв де-факто назначение Мао политкомиссаром, они в то же время продолжали осуждать его

партизанскую тактику, настаивая на захвате крупных городских центров.

Конфликт все более разгорался: слишком разными были военные взгляды Жэня, слепо выполнявшего указания Временного политбюро, и Мао. И тогда Бюро ЦК вновь подняло вопрос об «оппортунизме» председателя ЦИК и Совнаркома. Критика в его адрес достигла апогея. Против Мао Цзэдуна выступили тогда все остававшиеся в Жуйцзине члены Бюро (их, кроме Жэнь Биши, было еще трое — Сян Ин, Дэн Фа, возглавлявший секретные службы Центрального советского района, и секретарь комсомольского Бюро Гу Цзолинь), резко осудившие его за то, что он по-прежнему предлагал избегать больших сражений, уходить в горы и децентрализовать армию. Иными словами, настойчиво высказывался «за оборонительную тактику, против любого наступления в настоящий момент»[87]. Возмущенные его поведением, Жэнь Биши и другие в сентябре 1932 года пришли к выводу, что «Мао Цзэдун не понимает марксизма»[88]. Они приняли решение о его смещении и публичной критике. И незамедлительно сообщили об этом в ЦК[89]. Вот так! Нигде, похоже, Мао их не устраивал: ни в тылу, ни на фронте.

Не дожидаясь санкции ЦК и представителя ИККИ, в самом конце сентября Жэнь, Сян, Дэн и Гу выехали на фронт (в уезд Нинду) «для созыва пленума Бюро». Добравшись туда, они в начале октября провели в небольшой деревеньке Сяоюань свое выездное заседание, на котором подвергли Мао уничтожающей критике — за «партизанщину» и «правый оппортунизм». Заодно досталось и «соглашателям» — Чжоу Эньлаю, Чжу Дэ и Ван Цзясяну: за то, что «недостаточно глубоко верили в победу революции и недооценивали мощь Красной армии». В результате Мао пришлось покинуть линию фронта — как всегда, «по болезни». Жэнь Биши и его сторонники с радостью отпустили его «полечиться». На этот раз — в госпиталь, расположенный высоко в горах, за более чем триста *ли* к югу от Нинду.

А в это время в Шанхае вожди Временного политбюро тоже собрались на заседание. Получив телеграмму из Жуйцзиня, они «потирали руки». Им очень хотелось «свалить» Мао. И ниндуское совещание, казалось, давало им эти шансы. «Надо повести активную борьбу в партии с его [Мао Цзэдуна] взглядами», — кипятился Бо Гу. «Цзэдуна хорошо было бы отправить в тыл, чтобы он занимался там советской работой», — вторил ему Ло Фу[90]. С этим были согласны и остальные вожди, но всех тревожило, что скажут на это Сталин и ИККИ. Уж очень им не хотелось вновь «нарваться» на грозный окрик Москвы. Выход был найден простой. Обсудив ситуацию, вожди подготовили два

варианта ответа. Один, на китайском языке, был послан в Бюро ЦК. (Он был получен в Нинду уже после того, как Мао оттуда уехал.) Другой, на английском, — отправлен в ИККИ вместе с переводом соответствующей телеграммы Бюро ЦК. (Оба последних документа пришли в Москву 16 октября.) И если в коминтерновском варианте подчеркивалось: нельзя допускать «открытой дискуссии» против Мао, то в тексте, направленном в Цзянси, указывалось прямо обратное: «Откройте дискуссию о взглядах Цзэдуна»[91].

Ознакомившись с ответом Политбюро, Жэнь Биши и его сторонники, остававшиеся пока в Нинду, в отсутствие Мао тут же сняли его с поста генерального политкомиссара, лишив, таким образом, какого бы то ни было влияния в армии. Его обязанности возложили на Чжоу Эньлая, и через две недели это решение было утверждено в Шанхае[92].

Узнав о нем, Мао потерял над собой контроль. Ведь совещание в Нинду фактически оставило его без работы: свою почетную службу в правительстве Мао настоящим делом не считал[93]. Хэ Цзычжэнь вспоминает, как он кричал: «Догматизм губит и убивает людей! Они не знают практической работы, никогда не общались ни с одним рабочим или крестьянином, а отдают распоряжения направо и налево, все время занимаясь голым администрированием! Как же можно таким образом одержать победу в борьбе с Гоминьданом? Понимают ли они, почему крестьяне поднялись на революцию?»[94] Единственное, что доставило ему радость в то время, так это рождение сына. В начале ноября 1932 года Цзычжэнь родила мальчика, которого Мао назвал Аньхун («Красноармеец, достигший берега социализма»). Покачивая его на руках, счастливая мать не могла нарадоваться. Огорчало ее только, что врачи не разрешили ей самой выкармливать малыша, поскольку в то время она была больна малярией. Работники госпиталя боялись, что ее молоко небезопасно. Но Мао не унывал. По его поручению охранники отыскали для малыша кормилицу, которая и взяла ребенка. Эта простая крестьянка всех грудных детей называла одинаково: «Сяо маомао» («маленький волосатик»). Когда Мао Цзэдун впервые услышал это, он пришел в восторг. «Посмотри-ка, — сказал он Цзычжэнь. — Люди называют меня Лао Мао [старый или почтенный Мао], а моего сына зовут Сяо Маомао [„маленький, но двойной Мао“]. Выходит, он гораздо больше Мао, чем я[64]. А в будущем станет еще и сильнее!»[95]

Только юмор и спасал его в тяжелой ситуации. Да еще — старая бамбуковая флейта. Она опять пригодилась. Грустные мелодии, наигрываемые Мао, наводили, правда, тоску на его

жену.

И опять помощь Мао пришла из Москвы. Вернее, от ее новых представителей в Китае, то есть людей, перед которыми и Бо Гу, и Ло Фу только и могли, что стоять навытяжку. Осенью 1932 года в Шанхай вместе с женой (ее звали Августа Элиза, подпольная кличка Сабо — по девичьей фамилии Саборовски) прибыл новый представитель ИККИ — Артур Эрнст Эверт. Разумеется, как Эверта его никто в Китае не знал. Он въехал в страну по американскому паспорту на имя некоего Гарри Бергера, а в кругах КПК стал использовать подпольные клички Джим и Артур. (Уже после Китая он сменит много других имен. Будет известен и как Артур Браун, и как Грей, и как Альберто. А также как Кастро и Негро.) Этот сорокадвухлетний ветеран германской компартии, на протяжении четырех лет (с 1925-го по 1929-й) являвшийся членом ее Политбюро, был в Коминтерне на очень хорошем счету. В 1927 году он входил в состав двух лендер-секретариатов ИККИ: среднеевропейского и британско-американского, а в 1928 году на VI Всемирном конгрессе Коминтерна был даже избран кандидатом в члены его исполкома. С 1929 года он, как и Миф, работал заместителем заведующего Восточным лендерсекретариатом. Как все немцы, был аккуратным и педантичным. Но любил сильно выпить (может быть, потому, что очень долго находился в России?). Как бы то ни было, именно Эверт сыграл важную роль в жизни Мао в тот критический для него период. Именно он оказал строптивому хунаньцу поддержку в его борьбе против внутрипартийных врагов. И это несмотря на то, что сам считал военную тактику Мао «опасной», «пассивной» и «уклончивой». «Генеральная установка Мао Цзэдуна ошибочна (слишком большой упор на эффективность обороны, укрытие в горах и т. д.)», — доносил он в Коминтерн.

Но, узнав о телеграмме Бюро ЦК, Эверт не преминул вмешаться: по его мнению, решение о смещении Мао и его публичной критике «руководство партии в Цзянси» вынесло без предварительной подготовки. Об этом он сообщил секретарю ИККИ Иосифу Ароновичу Пятницкому 8 октября 1932 года. «Мао Цзэдун все еще является популярным вождем и поэтому необходима осторожность в борьбе с ним за проведение правильной линии. Таким образом, мы выступили против этой части решений, потребовали устранить разногласия в руководящих органах и выступили против смещения Мао Цзэдуна в настоящий момент. Пытаемся его переубедить»[96]. Свою позицию Эверт, разумеется, донес и до руководства ЦК КПК.

В результате Бо Гу и Ло Фу должны были несколько смягчить тон. Но к военным делам все равно допускать Мао не стали.

Казалось, лидеры партии просто на дух его не переносили, хотя не общаться с ним конечно же не могли. А в начале 1933 года им даже пришлось встретиться с Мао лично, и с тех пор пути их переплелись настолько, что избегать личных контактов стало просто немыслимо. В конце января 1933 года Бо Гу, Ло Фу и еще один член Временного политбюро, двадцативосьмилетний шанхайский печатник Чэнь Юнь (настоящее имя — Ляо Чэньюнь), одно время отвечавший вместе с Чжоу Эньлаем за работу партийных спецслужб, вынуждены были переехать в Центральный советский район[97]. Их переезд, по словам Ван Мина, сидевшего, как мы знаем, в Москве, был вызван чудовищным «белым» террором, сведшим «почти на нет возможность существования в Шанхае руководящих центров партии»[98]. А привел в результате к ликвидации Бюро ЦК советских районов и возложению всего партийного руководства в КСР на Бо Гу. Формально Бюро ЦК и Временное политбюро объединились в новый партийный орган, получивший название Центральное бюро КПК[99], однако власть все равно осталась в руках Бо Гу. Ведь именно он в соответствии с указаниями ИККИ определял основную политическую линию партии.

Очевидно, опасаясь, что переезд приведет к новому обострению внутрипартийного конфликта, Политсекретариат ИККИ в марте 1933 года в телеграмме ЦК, посланной через Эверта, специально обратил внимание на «вопрос о Мао Цзэдуне»: «В отношении Мао Цзэдуна необходимо применять максимальную терпимость и товарищеское воздействие, предоставляя ему полную возможность вести ответственную работу под руководством ЦК или Бюро ЦК партии»[100]. Пересылая эту директиву в Жуйцзинь, Эверт сопроводил ее собственным комментарием: «Мы просим вас тесно сотрудничать с Мао Цзэдуном, но следить за тем, чтобы наша военная работа выполнялась и не нарушалась крупными дискуссиями и колебаниями»[101].

С января 1933 года, однако, Исполком Коминтерна и его Дальбюро стали постепенно утрачивать возможности влиять на внутрипартийную жизнь КПК. После отъезда Временного политбюро связь с ним свелась до минимума. Радиограммы, посылавшиеся в Жуйцзинь Эвертом, не могли заменить личного общения коминтерновских эмиссаров с Бо Гу и другими вождями партии. Из партийного руководства в Шанхае на какое-то время оставались только Ли Чжушэн (Славин), возглавивший вновь созданное Шанхайского бюро ЦК, и Кан Шэн. Но последний в июне 1933 года выехал в Москву, где с конца июля под псевдонимами Пятницкий, Кон Син и Босс начал работать

заместителем Ван Мина, а Ли Чжушэн через год попал в гоминьдановскую засаду, предал и стал сотрудничать с тайной полицией. В начале октября 1934 года после нового и на этот раз окончательного провала шанхайской организации коммунистическая работа в этом городе практически сошла на нет. Вскоре после этого ИККИ ликвидировал свое Дальбюро[102].

Весьма драматично развивались события и в Жуйцзине, где все более разгорался внутрипартийный конфликт. Бо Гу был настолько негативно настроен к Мао, что на первых порах даже старался избегать с ним общения. Характерно, что, проезжая как-то в январе 1933 года через городишко, в госпитале которого все еще находился Мао, он наотрез отказался навестить «больного». «Надо бы заехать, взглянуть на него», — убеждали надменного лидера товарищи. «А что такого есть у Мао Цзэдуна, на что можно было бы взглянуть?» — злобно отрезал Бо Гу[103].

Конечно, он зря так открыто демонстрировал свою недоброжелательность. Хитрый Мао никогда себе такого не позволял. И не потому, что не умел ненавидеть. Просто был осторожнее. А «взглянуть» у Мао Цзэдуна было на что. Он ведь не первый год вел войну с Гоминьданом. Опыт его был богатым, и кое-кто из партийных работников это прекрасно понимал. Не случайно к нему за советом время от время заезжали некоторые партийные чиновники. Среди них — и. о. секретаря парткома Фуцзяни Ло Мин. Этот горячий сторонник партизанской войны после одного из таких посещений добился от членов своего партийного комитета публичного одобрения тактики Мао, чем, конечно, вызвал большой скандал. Пришедший в ярость Бо Гу в феврале 1933 года развернул в партии широчайшую кампанию борьбы с так называемой «линией Ло Мина». Под горячую руку попал и младший брат Мао, Цзэтань, с июня 1931 года исполнявший обязанности секретаря одного из уездных комитетов партии в ЦСР и политкомиссара 5-й отдельной дивизии Красной армии. Его, наряду с некоторыми другими активными сторонниками Мао Цзэдуна, раскритиковали не меньше, чем Ло Мина, а в мае 1933 года даже отстранили от военной работы. Досталось и большинству других родственников Мао, находившихся в Центральном районе. Весной 1933 года потеряла работу Цзычжэнь, до того выполнявшая обязанности секретаря председателя Совнаркома. Ее направили на «перевоспитание» в партийную школу при ЦК КПК. Туда же откомандировали и ее сестру Хэ И, жену Цзэтаня. Партийных начальников не смутило, что Хэ И была на шестом или седьмом месяце беременности. (Кстати, вновь беременной была и Цзычжэнь; нового ребенка, мальчика, она родит поздней осенью

1933 года, но он проживет недолго.) От Хэ И стали требовать «разоблачать» мужа-«оппортуниста» и довели до того, что после родов она тяжело заболела. Ее болезнь сочли притворством, и сам Бо Гу поставил вопрос о ее исключении из партии. Лишь благодаря заступничеству секретаря Контрольной комиссии КПК, исполнявшего также обязанности проректора партшколы, старого члена партии Дун Биу, дело удалось замять. Хэ И отделалась выговором. Но вскоре с должности и. о. командира дивизии сняли старшего брата Цзычжэнь, Мэйсюэ, и тоже направили на учебу — в Академию Красной армии. Репрессии коснулись даже тестя и тещи Мао, престарелых родителей Цзычжэнь, живших на севере Центрального района, в местечке Дунгу. Их обоих лишили работы в местном партийном комитете[104].

Одновременно за «оппортунизм того же происхождения, что и линия Ло Мина» суровые взыскания наложили на Дэн Сяопина, работавшего в Центральном советском районе на различных должностях с июля 1931 года. Именно тогда Мао Цзэдун обратил внимание на этого человека, показавшего свой характер и не склонившего головы перед его (Мао) врагами[105]. Ведь ни для кого не являлось секретом, что, нападая на неосторожного секретаря Фуцзяни и его мнимых «сторонников», лидеры партии по-прежнему направляли острие критики на председателя ЦИК и Совнаркома Китайской Советской Республики (правда, не называя его по имени).

Жизнь Мао превратилась в настоящий ад. Вернувшись в Епин в середине февраля, в самый разгар кампании против Ло Мина, он ясно ощутил, что попал в настоящую изоляцию. «Отец исхудал, — пишет его дочь Ли Минь… — Любивший пошутить и посмеяться, теперь он часто молча сидел один и о чем-то сосредоточенно думал. Иногда смотрел вдаль и вздыхал, иногда брал флейту и играл, чтобы развеять свою тоску и тревогу»[106].

К нему в дом тогда часто наведывалась Хэ И. Плакала, жаловалась на жизнь. Мао сочувствовал, но ничего не мог сделать. «Они чистят вас из-за меня. Вас всех впутали в мое дело!»[107] — с горечью говорил он. От работы его практически отстранили, на большинство заседаний Политбюро не приглашали. Многие боялись общаться с ним. Да и он сам целыми днями не выходил из дома, предпочитая проводить время с родными. Спустя много лет он вспоминал: «Меня, этакого деревянного Бодхисаттву, мокнули в выгребную яму, а потом вытащили, превратив в вонючую куклу. В то время не только ни один человек, но даже ни один дьявол не осмеливался переступить порог моего дома. Мне оставалось только есть, спать и испражняться. Хорошо хоть, что голову не срубили»[108].

По счастливой случайности не тронули лишь молчуна Мао Цзэминя и его жену Цянь Сицзюнь. Неразговорчивый от природы, но деловой и хозяйственный Цзэминь работал в правительстве (с марта 1932 года являлся директором Государственного народного банка) и ни в какие внутрипартийные дрязги не вмешивался. Цянь Сицзюнь же трудилась на посту заместителя секретаря парткома правительственного аппарата. Конечно, в душе он горячо сочувствовал своим братьям, но был не в силах помочь им. Что же касается Чжу Дэ, Чжоу Эньлая и Ван Цзясяна, то они находились далеко от Епина, на фронте. Там с конца февраля шли ожесточенные бои против войск Чан Кайши. В течение месяца Красная армия отражала новый, четвертый, карательный поход Гоминьдана, возглавлявшийся военным министром Хэ Инцинем. На этот раз нанкинское правительство бросило против коммунистов полмиллиона солдат, и ситуация сложилась критическая. У Чжу, Чжоу и Вана был только один шанс разгромить врага — применить старую маоцзэдуновскую тактику «заманивания противника вглубь района». «Враг наступает — мы отступаем; враг остановился — мы тревожим; враг утомился — мы бьем; враг отступает — мы преследуем» — именно эта «магическая» формула принесла спасение. В конце марта четвертый поход был отбит. Но Чжоу и Чжу по-прежнему оставались в войсках. Лишь Ван Цзясян в начале мая перебрался в Жуйцзинь, но поговорить с ним по душам Мао не мог. Тот находился в довольно плачевном состоянии: в конце апреля его серьезно ранило осколком авиационной бомбы в живот, рана никак не затягивалась, и он должен был все время проводить в госпитале. Страдал он ужасно: в теле блуждали осколки, доставлявшие ему жуткую боль. Немного спасал только опиум, который Ван вынужден был принимать.

Осенью 1933 года в Центральный советский район из Шанхая прибыл член Дальбюро, немецкий коммунист Отто Браун (в Шанхае жил по подложному паспорту на имя австрийца Курта Вагнера, в советских районах использовал псевдонимы Ли Дэ и Хуа Фу). По характеру он мало чем отличался от Эверта. Даже выпить любил не меньше, а может быть, больше, чем представитель ИККИ. А вот внешним видном напоминал Бо Гу: такой же худой и длинный, как жердь, в больших круглых очках, только волосы у него были светлые, а глаза голубые, как у настоящего арийца. Что-то в нем было от фельдфебеля старой германской армии: Браун не терпел возражений, держался самоуверенно и грубо. Он явно переоценивал свое значение, считая себя главным авторитетом в вопросах военной стратегии и тактики Красной армии, несмотря на то, что в Жуйцзинь приехал

лишь как военный советник ЦК КПК.

Приезд этого человека, являвшегося, помимо прочего, еще и секретным агентом IV (разведывательного) управления советского Генштаба (ГРУ), не сулил Мао ничего хорошего. Ведь именно в области военной тактики лежали основные противоречия между партизанским вожаком, с одной стороны, и ЦК и Коминтерном — с другой. Об «оппортунистических» взглядах Мао военный советник ЦК имел представление еще в Шанхае, куда приехал осенью 1932 года. Неприязненное чувство к «гордому хунаньцу» поддерживал в нем Бо Гу, с которым у Брауна сложились весьма дружеские отношения. Так что Браун, естественно, встал в оппозицию председателю ЦИК и Совнаркома, а заодно и всем «мягкотелым соглашателям», типа Чжу Дэ и Чжоу, едва появившись в Жуйцзине[109]. И хотя официальным представителем Коминтерна он не являлся (таковым, по-прежнему, до середины лета 1934 года был Эверт), но при поддержке Бо Гу «узурпировал командование Красной армией»[110]. Так он сам спустя несколько лет, каясь в «грехах» руководителям Коминтерна, характеризовал свою деятельность. Не зная китайского языка и «условий, характеризующих борьбу Красной армии в Китае», он поддерживал связь исключительно с Бо Гу и другими выпускниками советских учебных заведений. С ними, по крайней мере, он мог говорить по-русски, которым неплохо владел. До поездки в Китай Браун четыре года учился в Москве, в Военной академии имени М. В. Фрунзе, так что мог и себя причислить к «China Stalin's Section». Властный и жесткий, он стал давать предложения по каждому вопросу, причем не только военному, но и политическому. «Все важнейшие дела партии и Красной армии могли быть проведены в жизнь лишь при его согласии», — доносил позже в Коминтерн брат Мао, Цзэминь[111]. «Другие мнения были подавлены и инициатива фронтовых командиров часто оставалась неучтенной, — признавал и сам Браун, добавлявший: — Я развил чрезмерное упорство и твердость… совершенно без самокритики отстаивал свое мнение»[112].

В итоге тучи над Мао продолжали сгущаться. И только благодаря молчаливой, но ощутимой поддержке авторитетного вождя со стороны части командного состава армии и местных секретарей парткомов группе Бо Гу и Брауну не удавалось окончательно задавить председателя ЦИК и Совнаркома. Важнейшее значение, конечно, имела, как всегда, позиция Москвы, несмотря на ослабление ее связей с ЦК КПК. А там, как мы помним, имелись влиятельные силы, не заинтересованные в свержении Мао. Ситуация с Исполкомом Коминтерна, правда, осложнялась тем, что не все его руководители рассматривали

Мао как крупнейшего лидера китайской компартии. Дальневосточная секция Восточного лендерсекретариата и ее заведующий Павел Миф по-прежнему целенаправленно продвигали на ключевые посты в КПК китайских выпускников московских интернациональных вузов. Именно с помощью Мифа Ван Мин в 1931 году занял пост руководителя делегации КПК в Коминтерне, а Бо Гу стал вождем партии. В то же время другие работники Коминтерна, ЦК ВКП(б) и Дальбюро ИККИ отдавали себе отчет в ограниченности практического опыта у «птенцов Мифа». Часть из них делала ставку на выдвижение таких старых коминтерновских кадров, как Чжоу Эньлай, Сян Ин и Чжан Готао. В аппарате ИККИ имелось несколько фракций. Наиболее известные возглавлялись Иосифом Ароновичем Пятницким и Дмитрием Захаровичем Мануильским. Эти группы ожесточенно, хотя и закулисно, боролись друг с другом. Не было единства и среди тех, кто курировал Коммунистическую партию Китая. Нередки, например, были конфликты Мифа с заместителем заведующего Восточным лендерсекретариатом Людвигом Игнатьевичем Мадьяром[113]. Понятно поэтому, что отдельные фракции в ИККИ, во многом в силу чисто личных амбиций входивших в них аппаратчиков, поддерживали «своих людей» в КПК. Что же касается Сталина, то он, как мы помним, не делал вначале ставку ни на одну из группировок ни в ИККИ, ни в руководстве китайской компартии. А Мао возвышал лишь в качестве противовеса Чжоу Эньлаю, Сян Ину, Ван Мину, Бо Гу и Ло Фу, существенно укрепившим свое положение в начале 1930-х годов.

И только в середине 1930-х он сделал окончательный выбор в пользу Мао Цзэдуна. В январе 1934 года по настоянию Москвы Мао был переведен из кандидатов в члены Политбюро на очередном пленуме ЦК КПК[114]. Этот пленум проходил в Жуйцзине, но Мао в нем участвовать отказался, сославшись, как всегда, на «болезнь». По этому поводу Бо Гу «саркастически» заметил Отто Брауну, что у Мао Цзэдуна очередной приступ «дипломатической болезни». Дело в том, что по решению Центрального бюро КПК, стремившегося, как всегда, подорвать авторитет Мао, доклад «О советском движении и его задачах» на пленуме должен был делать не Мао Цзэдун как председатель ЦИК и Совнаркома, что было бы естественно, а второй человек в партии, Ло Фу[115]. Именно этого человека группа Бо Гу выдвигала на смену Мао в качестве нового председателя Совнаркома. Естественно, Мао не мог быть доволен этим, а потому и сослался на «болезнь».

Пленум сформировал новый состав Постоянного комитета

Политбюро, в который вошли семь человек: Бо Гу, избранный Генеральным секретарем, Ло Фу, Чжоу Эньлай, Чэнь Юнь, Чжан Готао, Ван Мин и Сян Ин.

В конце января прошел формальный II съезд советов. 693 делегата с решающим голосом и 83 с совещательным одобрили все решения партии и переизбрали Мао на ставшую уже абсолютно «липовой» должность председателя ЦИК — «всекитайского союзного старосты», а-ля «дедушка» Калинин[116]. А сразу же после съезда на первом заседании ЦИК Ло Фу заменил Мао на посту главы Совнаркома Китайской Советской Республики (Народного комитета Центрального правительства — так он тогда стал называться)[117]. Удивительно, но замена Мао произошла (уникальный случай!) без ведома Москвы[118].

По окончании заседания ЦИК он опять «заболел» и бросил работать. Но Бо Гу, Отто Браун и их сторонники, казалось, только обрадовались такому обороту дела. Ранней весной 1934 года они уведомили о «болезни» Мао Цзэдуна Артура Эверта. А тот через секретаря Шанхайского бюро ЦК Ли Чжушэна сообщил об этом секретарю ИККИ Пятницкому и Ван Мину: «Мао Цзэдун болен уже в течение длительного времени и просит, чтобы его отправили в Москву. Он перестал работать. Считаете ли Вы возможным отправить его как делегата на [VII] конгресс [Коминтерна, планировавшийся на июль — август 1935 года в Москве]? По мнению Вашего представителя [Эверта] и Шанхайского бюро [ЦК КПК], безопасность его поездки будет трудно обеспечить. Кроме того, следует считаться с политическими последствиями»[119].

Но в ИККИ, как и следовало ожидать, прекрасно поняли, что идея участия в конгрессе Мао Цзэдуна принадлежала Бо Гу, для которого это был лишь предлог удалить строптивого и авторитетного руководителя из советского района. В начале апреля Политкомиссия Политсекретариата Исполкома Коминтерна приняла следующее решение: «Его [Мао] поездку в СССР считать нецелесообразной. Необходимо сделать все, чтобы вылечить его в Советском Китае. Только в случае абсолютной невозможности излечения в Советском Китае он может приехать в Советский Союз». И далее: «[Мы] против поездки Мао Цзэдуна, ибо не считаем возможным подвергать его риску во время переезда. Абсолютно необходимо, даже если потребуются крупные расходы, организовать его лечение в советском районе. Только в случае полной невозможности его излечения на месте и опасности смертельного исхода болезни можем согласиться на его приезд в Москву»[120].

Бо Гу пытался сопротивляться. По его приказу вопрос о Мао вновь поднял прибывший в Москву в июне 1934 года министр

земледелия Китайской Советской Республики Гао Цзыли. Он передал Ван Мину слова Бо Гу: «Мао делает ошибки в больших делах, только малые дела ему удаются»[121].

Но именно в это время Москва начала насаждать героический облик Мао Цзэдуна. В 1934 году журнал «Коммунистический Интернационал» на русском языке и журнал «За рубежом» опубликовали отчетный доклад Мао Цзэдуна о работе ЦИК и Совнаркома II Всекитайскому съезду советов. Одновременно доклад Мао был издан отдельной брошюрой на русском и китайском языках (тиражом в пять тысяч экземпляров). А вскоре таким же тиражом и тоже на двух языках в СССР вышел первый сборник избранных речей и статей Мао Цзэдуна. (Состоял он, правда, всего из трех выступлений Мао, но других его работ в ИККИ не было[122].) Наконец, как мы знаем, в ноябре 1934 года в журнале «За рубежом», в рубрике «Портреты современников», появился первый очерк о Мао (Георгия Борисовича Эренбурга). (До того в Советском Союзе, в феврале 1930 года, была опубликована лишь одна статья, знакомившая читателей с личностью Мао, — корреспондента «Правды» в Китае Алексея Алексеевича Иванова, писавшего под псевдонимом Ивин. Но в ней Мао Цзэдун был представлен исключительно в тандеме с Чжу Дэ[123].)

Поняв, куда «ветер дует», руководители делегации КПК в ИККИ Ван Мин и Кан Шэн в сентябре 1934 года посоветовали ЦК КПК «брать пример с Чжу Дэ и Мао Цзэдуна и вести работу непосредственно в партизанских отрядах».

Но Бо Гу и Отто Браун продолжали проявлять своеволие. Мао по-прежнему не имел права голоса ни в военных, ни в партийных делах. Конфликт разрастался. И тут ко всему прочему катастрофически ухудшилось военно-стратегическое положение Центрального советского района. В октябре 1934 года армия 1-го фронта, переименованная за несколько месяцев до того в Центральную Красную армию, потерпела тяжелейшее поражение от войск Чан Кайши.

К тому времени коммунисты Центрального района уже в течение года пытались сдержать натиск карательных войск. Новый, пятый поход Гоминьдана начался в конце сентября 1933 года, за две-три недели до приезда Отто Брауна. В этот раз Чан Кайши бросил против «красных бандитов» миллионную армию, самолично возглавив ее. Его германские советники, члены нацистской партии, разработали план всей кампании, заключавшийся в удушении Китайской Советской Республики путем возведения вдоль ее границ нескольких тысяч блокгаузов — мощных каменных фортов, на расстоянии двух-трех

километров друг от друга. Решив раз и навсегда покончить с КПК, Чан был теперь осторожен. Более всего он не хотел спешить. Солдаты продвигались вглубь «красной зоны» медленно, по 2–3 *ли* в день, закрепляясь на каждом пройденном рубеже. Время шло, и кольцо сжималось. Один из его генералов так охарактеризовал эту тактику: «Осушить пруд, чтобы выловить рыбу». Наряду с военными мерами Чан использовал и политические. Причем именно на последние делал особый упор — из расчета «30 процентов усилий — на войну, 70 — на политику». Повсеместно на отвоеванных территориях возрождалась традиционная деревенская система круговой поруки *(баоцзя),* воссоздавались отряды местной крестьянской самообороны *(миньтуани).* За поимку главарей коммунистической партии объявлялись большие награды. За голову Мао, например, — четверть миллиона юаней. Кроме того, в феврале 1934 года по личной инициативе Чана была разработана целая программа культурного возрождения нации, целью которой являлось восстановление утраченных конфуцианских норм морали и нравственности[124].

Все эти меры приносили свои результаты. Красная армия истекала кровью, проигрывая одно сражение за другим. Ситуация усугублялась тем, что Браун при поддержке Бо Гу навязал войскам Красной армии бессмысленную тактику позиционной войны под лозунгом «Не отдадим ни пяди земли!». Понять, что китайские условия существенно отличались от российских, он не мог: ведь в Академии имени Фрунзе его учили планировать прежде всего наступательные операции, воспитав в нем веру в магическую силу молниеносной атаки. Вновь и вновь бросал он красноармейцев на хорошо укрепленные форты противника, под сплошной огонь пулеметов, и, естественно, ничего не добивался. Лишенный же права голоса Мао был бессилен что-либо сделать. Не кончавший никаких академий, но прошедший суровую школу партизанской борьбы, он понимал: «В условиях, когда мы не обладаем большими силами и источниками снабжения боеприпасами, когда на каждую базу имеется лишь одна группа войск Красной армии, перебрасываемая каждый раз туда, где нужно драться, позиционная война для нас в основном непригодна. Методы позиционной войны, как правило, неприменимы для нас не только в обороне, но и в наступлении… Положение армии СССР отличалось в этом смысле от положения нашей армии»[125]. Но Бо Гу и Браун его не слушали.

В конце концов к началу лета 1934 года положение сложилось безвыходное. Вот как характеризовал его Артур Эверт: «Вследствие непрерывных боев и недостаточных трофеев наши

запасы боеприпасов значительно сократились. Наши потери огромны. Дезертирство растет». В мае секретариат ЦК принял решение начать подготовку к эвакуации основных сил Красной армии из Центрального советского района. В Москву полетела срочная телеграмма: «Нам остается: защищать ЦСР до последней возможности, но одновременно готовиться к тому, чтобы вывести наши основные силы в другом направлении»[126]. Вслед за ней была направлена и еще одна — с просьбой о материальной помощи в размере миллиона мексиканских долларов (для закупки медикаментов и обмундирования[127]). Для оперативного руководства была создана «тройка» в составе Бо Гу, Ло Фу и Чжоу Эньлая[128], но фактически, по воспоминаниям Отто Брауна, все основные вопросы решались «в личных беседах» между Бо Гу, Чжоу Эньлаем и самим Брауном[129].

8 июня Политкомиссия Политсекретариата ИККИ одобрила план Бо Гу и других вождей КПК. А вскоре Иосиф Пятницкий известил об этом Эверта, подчеркнув, что отход главных сил из Центрального района должен считаться «временным» и осуществляться «в интересах вывода живой силы из-под удара». Вместо миллиона «мексов», правда, «китайским товарищам» было направлено только 200 тысяч рублей[130] (по курсу того времени — около 150 тысяч мексиканских долларов).

Обо всем этом Мао ничего не знал. План эвакуации «тройка» держала от него втайне: даже Чжоу Эньлай ни словом не обмолвился, несмотря на, казалось бы, наладившиеся у них отношения. Впрочем, Чжоу, как мы помним, всегда «держал нос по ветру», а ветер в те дни дул не в сторону Мао.

Только в начале октября, незадолго до выхода из Жуйцзиня, «тройка» сочла нужным известить Мао об отступлении. Он тогда находился в 200 *ли* к западу от столицы, в местечке Юйду, в войсках 1-го корпуса. С конца сентября у него была малярия, и он все еще был не в лучшей форме. Болезнь на этот раз по-настоящему истрепала его; Мао выглядел худым и изможденным.

Тогда же ему сообщили и о принятом (опять-таки без его участия) решении разрешить тридцати женщинам, женам крупных партийных работников, следовать за армией. (Кроме них к участию в походе были допущены еще только двадцать других женщин, в основном медсестры и прочий обслуживающий персонал[131].) Среди этих тридцати, к счастью, была и Цзычжэнь. Ее зачислили в санитарную роту при Главном медицинском управлении. А вот с двухлетним сыном, Аньхуном, «маленьким волосатиком», Мао и Цзычжэнь предстояло расстаться. Постановление «тройки» было категорично: детей в поход не брать.

Обо всем этом Мао немедленно нарочным известил жену, которая вместе с сыном жила в то время в 38 *ли* к юго-западу от Жуйцзиня, в старом горном монастыре Юньшань. В июле 1934 года она переехала туда вместе с сотрудниками ЦИК и Совнаркома, спасаясь от налетов вражеской авиации. Мао посоветовал Цзычжэнь отдать ребенка на попечение кормилицы, которая, как они знали, относилась к нему, как к родному. Но та жила в деревне, за сто *ли* к югу от Жуйцзиня, и времени отвезти ребенка к ней уже не было. Цзычжэнь бросилась за советом к сестре Хэ И. Та вместе с мужем, младшим братом Мао, Цзэтанем, и жившими с ней родителями в поход не собиралась. Ее и Цзэтаня, как и ряд других партийных и военных работников, оставляли на старой базе под командованием Сян Ина и Чэнь И. Цзэтаню предстояло возглавить отдельную дивизию, действовавшую в горах на юго-западе Фуцзяни.

Замирая от волнения, Цзычжэнь попросила сестру взять на себя хлопоты по устройству Аньхуна. Хэ И конечно же согласилась. «Ни о чем не волнуйся и уходи, — успокаивала она Цзычжэнь. — Я позабочусь и о родителях, и о племяннике». Было решено, что в ближайшее время Хэ И переправит малыша к кормилице.

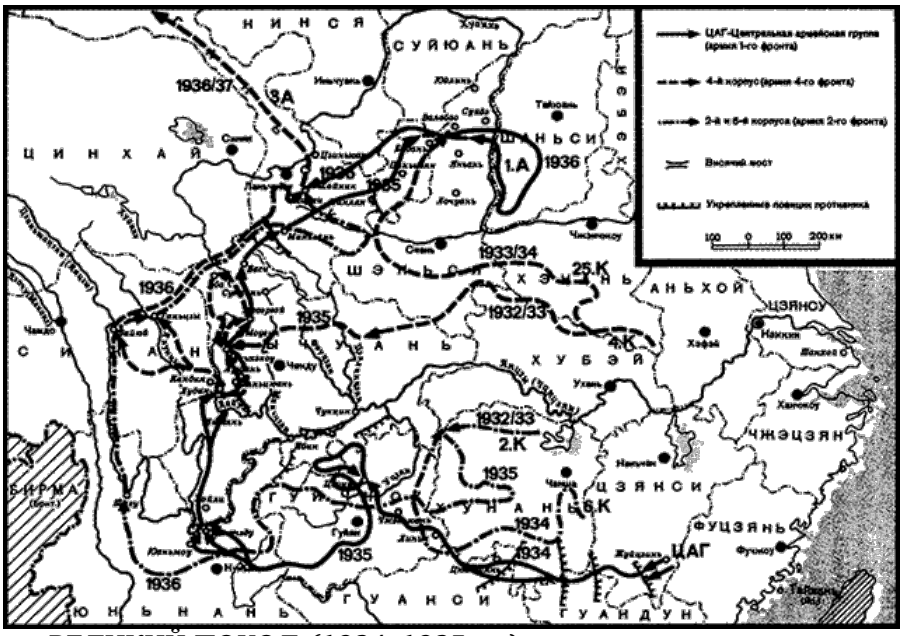
Наступило время расставания. Цзычжэнь крепко обняла сына и не смогла сдержать слез. И он тоже заплакал и стал хватать ее за одежду: «Мама, папа, я не хочу!» Но надо было идти. «Маленький мой волосатик, — проговорила Цзычжэнь, — ты не должен плакать, папа и мама разобьют всех врагов и вернутся за тобой». Она отдала ребенка Хэ И, повернулась и ушла прочь.

Больше ни она, ни Мао сына не видели. Через несколько дней основные силы Красной армии начали свой знаменитый Великий поход из Центрального советского района на запад. 25 октября они прорвали первое кольцо окружения и двинулись в южную Хунань. К тому времени Хэ И уже перевезла Аньхуна в деревню к кормилице. А сама вместе с родителями устроилась на время в семье одного знакомого красноармейца. Она была вновь беременна, а потому решила пока не рисковать и не уходить вместе с мужем в горы. Вскоре после этого Цзэтань, опасаясь за судьбу племянника, решил устроить его понадежней. По его секретному приказу мальчик был отдан на воспитание в семью одного из его охранников, проживавшую в Жуйцзине. А через несколько месяцев, в апреле 1935 года, сам Мао Цзэтань с группой бойцов попал в засаду и был убит. С ним ушла в могилу и тайна местопребывания маленького Аньхуна.

После победы революции, осенью 1949 года Цзычжэнь вместе с Хэ И и их старшим братом Мэйсюэ пытались разыскать

мальчика, но безуспешно. Особенно старалась Хэ И, которая чувствовала вину перед сестрой. И по какой-то мистической случайности, во время поисков, как раз в тех местах, где погиб Цзэтань, ее джип перевернулся на горной дороге. Хэ И скончалась, не приходя в сознание[132].

ВЕЛИКИЙ ПОХОД



ВЕЛИКИЙ ПОХОД *(1934–1935 гг.)*

В самом начале ноября отряды Красной армии, прорвав вторую линию блокгаузов, вышли в южную Хунань. Общая их численность на тот момент составляла более 86 тысяч человек. Войска делились на пять армейских групп (1, 3, 5, 8 и 9-ю) и две так называемые «полевые колонны» — штабную (кодовое секретное обозначение — «Красная звезда») и обозную («Красный орден»). В первой колонне находились члены Центрального Реввоенсовета, в том числе Мао Цзэдун. Во второй — сотрудники аппарата ЦК, ЦИК и Совнаркома и различные тыловые службы, включая санитарную роту, одной из медсестер которой, как мы знаем, была Хэ Цзычжэнь. Со второй колонной шла и «резервная дивизия», целиком состоявшая из безработных крестьян, завербованных в носильщики за пол-юаня в сутки. Эти люди, по словам Брауна, «несли сотни тюков с листовками, ящики с серебряными монетами, со станками из арсенала, с другим оборудованием мастерских и т. п. Носильщики фактически были безоружны, так как нельзя считать настоящим оружием копья, мечи и ножи, которые они имели при себе». Соотношение численности личного состава боевых частей и «нестроевиков» составляло примерно три к одному. На шестьдесят тысяч бойцов имелось сорок тысяч винтовок и свыше тысячи легких и тяжелых

пулеметов. Да несколько тяжелых артиллерийских орудий, которые, правда, вскоре бросили: они тормозили движение, да к тому же к ним не было ни одного снаряда. Все солдаты несли на себе тюки с рисом и солью — запас продовольствия, рассчитанный на две недели[133].

Цель похода не была продумана до конца. Хотелось только одного: вырваться из кольца блокады. Казалось, там, за линиями блокгаузов, все прояснится. Радиосвязь с ИККИ отсутствовала. Она оборвалась в начале октября 1934 года в связи с последним провалом Шанхайского бюро. Захватив конспиративную квартиру секретаря бюро Шэн Чжунляна (русский псевдоним — Мицкевич), гоминьдановская полиция конфисковала находившуюся там радиостанцию — единственный аппарат связи, с помощью которой осуществлялся обмен информацией между ЦК КПК, Дальбюро и ИККИ[134]. Не было сообщения и с другими советскими районами, и о том, что там происходило, никто не знал. До ЦК доходили известия о том, что где-то на стыке провинций Хунань, Хубэй и Сычуань действовали войска 2-й и 6-й групп Красной армии под общим командованием Хэ Луна, героя наньчанского восстания. Секретарем комитета КПК в этих войсках в то время являлся бывший член Центрального бюро ЦК Жэнь Биши, направленный к Хэ Луну еще в мае 1933 года. Вместе с ним партийную работу вел старый знакомый Мао еще по обществу «Обновление народа» Ся Си. Имелись отрывочные сведения и о партизанских частях Чжан Готао — так называемой армии 4-го фронта, которая, по слухам, потерпев поражение от Чан Кайши еще в октябре 1932 года, отступила из хубэй-хэнань-аньхойского района то ли на север, то ли на северо-запад провинции Сычуань. Но так ли это было на самом деле, ни Мао, ни кто-либо другой в ЦК не знал. Более или менее ясным являлось только одно: надо было двигаться в западном направлении, в пограничную область на стыке провинций Гуанси — Хунань — Гуйчжоу, где, по сведениям коммунистов, как пишет Браун, «не было вражеских укреплений»[135]. Маршрут был продуман довольно точно: он пролегал по районам компактного проживания *хакка*[136], которые, естественно, приветствовали красноармейцев как своих освободителей. Именно благодаря их поддержке Красная армия и смогла в конце концов преодолеть все преграды и в декабре вступить в Гуйчжоу. Гоминьдановские войска, ведшие параллельное преследование, не рискнули атаковать главные силы красных. Они опасались восстания *хаккского* населения, которое жило по собственным, клановым, законам и власть «гоминьдановских *бэньди*» не признавало.

Несмотря на успешное преодоление нескольких линий

вражеских укреплений и относительно благополучное завершение первого этапа Великого похода, настроение в войсках было подавленное. Многие командиры и солдаты, глубоко переживавшие отступление, роптали. Трудности марша только усиливали их недовольство. Люди не знали, сколько им осталось идти, как долго еще терпеть тяготы и смогут ли они когда-нибудь вернуться назад. Каждый день росло число дезертиров и отставших. А те, кто продолжал путь, были на пределе сил. Для Мао создалась уникальная возможность вернуть себе власть. Стоило ему использовать эти настроения, направив их в нужное русло, и он мог бы взять реванш у Бо Гу. Нужно было только умело вести игру, стравливая членов руководящей «тройки» друг с другом и противопоставляя главных виновников происшедшего — Бо Гу и Отто Брауна остальным членам Политбюро, в том числе тем, от кого ему тоже приходилось терпеть обиды в прошлом. Действовать следовало решительно, но без излишней суеты.

И Мао блестяще справился с этой задачей. Ко времени прихода в Гуйчжоу ему удалось переманить большинство членов партийного руководства. На его стороне были и почти все армейские командиры. А главное — он смог заключить тайный союз с Ло Фу, бывшим ближайшим соратником и преданнейшим другом Бо Гу. С этим интеллигентом-философом Мао как-то давно встречался в Шанхае в начале 20-х. Тогда Ло Фу еще не носил этого странного псевдонима, составленного из двух последних слогов его русской фамилии Измайлов (на китайском языке — Исымайлофу)[65]. Все знали его как Чжан Вэньтяня, молодого талантливого журналиста и новеллиста, одного из активных участников полумарксистского общества «Молодой Китай». Был он очень разносторонним. Учился в Китае, Японии и Америке, изучал западную литературу, а также физику и математику, хорошо разбирался в общественных науках. Водил дружбу с известными писателями и поэтами. Будучи на семь лет моложе Мао и на столько же старше Бо Гу (он родился 30 августа 1900 года), Ло Фу олицетворял как бы две эпохи в развитии коммунистического движения: наряду с будущими создателями КПК он участвовал в движении 4 мая, а вместе с молодыми «птенцами Мифа» с 1925 по 1930 год учился в Москве. Туда, в Университет трудящихся Китая им. Сунь Ятсена, его направил Шанхайский горком КПК. Высокий и худой, как Бо Гу и Браун, он все же отличался от них большим тактом. За толстыми стеклами его очков видны были умные глаза интеллектуала[137].

Игру с Ло Фу Мао начал еще в Центральном советском районе, за несколько месяцев до похода. Он заметил, что по мере

ухудшения военной обстановки тот начинал все более нервничать и даже время от времени выражать недовольство авторитарными методами Отто Брауна. Мао решил это использовать. А тут неожиданно Ло Фу сам как-то зашел к Мао «посоветоваться». Не очень разбираясь в военных вопросах, склонный, как все интеллигенты, к сомнениям, он честно захотел разобраться. Беседа проходила с глазу на глаз. Однако после встречи Мао на тех редких заседаниях Политбюро, на которых присутствовал, стал целенаправленно выдвигать Ло Фу. А тот, в свою очередь, все активнее спорить с Бо Гу. В конце апреля, после очередного крупного поражения Красной армии, Ло Фу устроил своему старому другу настоящий скандал. Присутствовавший при этом Браун много лет спустя вспоминал: «Ло Фу заявил, что при неблагоприятных условиях местности и невыгодном соотношении сил вообще не следовало вступать в бой. В ответ Бо Гу обвинил Ло Фу в том, что его позиция ничем не отличается от антиленинской линии Плеханова после вооруженного восстания в Москве в 1905 году, когда тот в типично меньшевистском духе заявил: „Не надо было браться за оружие“». Позицию Бо Гу поддержал Отто Браун, считавший, что «не следует делать из местности фетиш и что ни в каком сражении нельзя заранее предсказать победу»[138]. С Ло Фу полностью солидаризовался Ван Цзясян, который, хотя и находился по-прежнему в госпитале, напряженно следил за ходом военных действий в Центральном районе.

К началу отступления отношения между Мао, Ло Фу и Ваном укрепились настолько, что, когда Мао высказал мысль о желательности всем троим быть в одной походной колонне, его новые приятели с радостью согласились[139]. Вот тут-то Мао и развернулся вовсю. По словам Брауна, к концу первого этапа похода под его влиянием «заговорщики» составили «политический мозг фракции… которая развернула борьбу за захват власти в партии и армии»[140]. Каждый из троих усиленно «обрабатывал» армейских командиров и членов партийного руководства. Особенно старался Ван Цзясян, пребывавший все время в крайне раздраженном состоянии — то ли от болей в животе, то ли по какой-то другой причине[141].

На стороне Бо Гу оставался пока Чжоу Эньлай, но он был ненадежен. Мао помнил, как сравнительно легко ему и Чжу Дэ удалось обработать Чжоу в августе 1932 года, когда они втроем находились на фронте. Да, после этого Чжоу вновь склонился к Бо Гу, но, зная его, Мао не сомневался: этот гибкий и осторожный человек пойдет за тем, у кого будет сила.

И он не ошибся. В первом же гуйчжоуском городе,

захваченном Красной армией, в Липине, во время заседания Политбюро Чжоу поддержал Ло Фу, Мао и Ван Цзясяна, когда те потребовали от Бо Гу созыва в ближайшее время расширенного совещания руководства для обсуждения итогов борьбы против пятого карательного похода Гоминьдана. Бо Гу ничего не оставалось, как согласиться, несмотря на то, что он хорошо понимал: грядущее совещание будет направлено против него и Отто Брауна.

8 течение последующих трех недель, пока Красная армия продвигалась на север Гуйчжоу, ко второму по величине торговому центру провинции, Цзуньи, обе враждующие фракции напряженно готовились к решающей политической битве. Совещание решено было созвать именно в этом городе: по данным разведки, взять его не представляло труда, крупных воинских частей там не было. Так что можно было дать солдатам отдых, а самим заняться разрешением внутрипартийных споров.

Ранним дождливым утром 7 января 1935 года Цзуньи был взят. Уставшие, промокшие и изголодавшиеся за время пути солдаты рады были получить кров и еду. После тяжелого перехода в пять тысяч *ли* бойцам хотелось одного: провести несколько дней в тепле и покое. Богатый город манил воображение. Один из участников похода вспоминает: «Вступив в северную часть Гуйчжоу, Красная армия получила двенадцать дней отдыха, позволивших личному составу после всех трудностей хунаньского марша воспрянуть физически и морально… Цзуньи — важнейший пункт на севере провинции Гуйчжоу… Расположенный недалеко от Сычуани, он тесно связан с этой провинцией нравами, обычаями и торговыми отношениями. Цзуньи разделяется, собственно, на два города — старый и новый. Новый город представляет собой торговый центр, старый — это административные и жилые кварталы. Новый город отделен от старого речушкой, через которую переброшен каменный мост. Административные здания и буддийские монастыри были заняты тогда под учреждения Красной армии… В Цзуньи было пять-шесть мужских и женских средних школ… Здесь имелись три вида магазинов: лавки, где торговали иностранными товарами — калошами, полотенцами, — причем все здесь было распродано; книжные магазины (в Цзуньи их было три), в которых продавались шанхайские и пекинские журналы и где также было распродано все — новые и старые книги, письменные принадлежности, копировальная бумага; наконец, кабачки… закусочные, винные погребки… В кабачках Цзуньи всегда можно [было] найти аппетитную сычуаньскую капусту»[142].

9 января в город въехали Мао Цзэдун, Бо Гу и другие члены партийного и армейского руководства. Вместе с Ло Фу и Ван Цзясяном Мао остановился в просторном особняке, принадлежавшем командиру одной из бригад гуйчжоуской армии. И пока бойцы Красной армии наслаждались в кабачках острой сычуаньской капустой, отварным мясом, курицей с красным перцем и всякого рода соленьями и маринадами, трое «заговорщиков» разработали весь сценарий предстоявшего совещания. Бо Гу тоже не сидел сложа руки. По его просьбе секретарь ЦК китайского комсомола Кай Фэн (настоящее имя Хэ Кэцюань), один из немногих оставшихся преданных ему людей, провел несколько «душеспасительных» бесед с Не Жунчжэнем, крупным политработником Красной армии. Но тот категорически отказался поддержать Бо Гу[143].

В общем, уже перед началом совещания все было решено. Почва из-под ног Бо Гу и Отто Брауна стремительно ускользала. Тем не менее накануне заседания Мао провел тайную встречу со своими сторонниками. На ней разгорячившийся Ван Цзясян поставил все точки над «i». «На [этом] совещании мы должны их свергнуть»[144], — заявил он.

И вот наконец день решающей схватки настал. 15 января в небольшой комнате на втором этаже в только недавно выстроенной резиденции командира дивизии гуйчжоуской армии Бо Хуэйчжана собрались девятнадцать человек (чуть позже к ним присоединится еще один). Это были члены и кандидаты в члены Политбюро, шедшие с войсками Центральной Красной армии, а также некоторые командиры и политкомиссары армейских групп. Кроме них присутствовали Дэн Сяопин, занимавший накануне совещания пост технического секретаря ЦК, и, разумеется, Отто Браун со своим переводчиком. Было тесновато: часть комнаты занимал массивный шкаф, в зеркальной двери которого отражались возбужденные лица участников совещания. Все, за исключением Брауна и его переводчика, расселись за большим прямоугольным столом, на котором ничего, кроме старой керосиновой лампы, не было. Совещание должно было быть долгим, так что лампа наверняка могла понадобиться. А пока сквозь окно из цветного стекла в комнату проникал тусклый свет: на дворе, как всегда в этих краях, моросило.

Председательское место занял Бо Гу. Он же открыл заседание, зачитав доклад о причинах поражения в борьбе против пятого карательного похода. После него с содокладом выступил Чжоу Эньлай. И тот и другой пытались оправдываться. Первый сваливал все на объективные причины, второй — на субъективные. Затем слово взял Ло Фу, огласивший от имени

Мао, Ван Цзясяна и самого себя заявление, в котором военная и политическая линия генсека была подвергнута уничтожающей критике. Его сменил Мао, говоривший более часа. По словам Брауна, «вопреки обыкновению, он пользовался, по-видимому, тщательно подготовленным конспектом». И немудрено — совещание имело для него жизненно важное значение. Полностью разбив аргументы Бо Гу и Чжоу, он обвинил обоих, а также Брауна в том, что отступление из Центрального района произошло главным образом по их вине. Мао заявил, что все трое придерживались вначале «чисто пассивной оборонной тактики», а затем «повели позиционную войну», после чего в решающий момент «ударились в бегство». Такую линию поведения Мао заклеймил как «детскую игру в войну». «С самой резкой критикой» он «обрушился на методы руководства» Бо Гу и Отто Брауна[145].

Не успел он закончить, как тут же выскочил Ван Цзянсян, полностью поддержавший Мао и Ло Фу. Желающих выступить оказалось немало. Так что совещание в общем итоге продлилось три дня. Военные методы Отто Брауна и политическое руководство Бо Гу были подвергнуты особенно острой критике в речах Чжу Дэ, Пэн Дэхуая, Не Жунчжэня и особенно Линь Бяо, считавшего тактику Брауна просто «неуклюжей и глупой»[146]. В защиту Генерального секретаря выступил только комсомолец Кай Фэн, один из «28 большевиков», выдвинувший против Мао стандартное обвинение в том, что тот якобы не понимает марксизма-ленинизма. Мао Цзэдун вспоминал: «Во время совещания в Цзуньи Кай Фэн сказал мне: „Твои методы ведения боевых действия не ахти какие мудреные. Они основаны всего на двух книгах — 'Троецарствие' и 'Сюньцзы'[66]. Но как же можно вести войну, опираясь на эти книги?“ В то время из этих двух книг я читал только „Троецарствие“. „Сюньцзы“ же не читал. Но этот товарищ так уверенно говорил, что я ее читал! Я спросил его, сколько глав в „Сюньцзы“ и о чем говорится в первой главе. Но он ничего не мог ответить. Было ясно, что он сам не читал эту книгу. После этого, отложив в сторону другие дела, я специально прочитал „Сюньцзы“»[147].

Во все время этих выступлений Отто Браун, сидевший около входной двери, молчал и беспрерывно курил. Чувствовал он себя ужасно. Не только потому, что считал все это совещание «подлой инсинуацией», но и потому, что страдал от приступов малярии. Не лучше было и Бо Гу, хотя он и ничем таким не болел. И без того очень неуравновешенный, он беспрерывно нервически улыбался, обнажая крупные зубы, и затравленно обводил взглядом присутствовавших. Что же касается Чжоу Эньлая, то он

мгновенно сориентировался и, вторично взяв слово, полностью признал правоту Мао и его единомышленников[148]. А Отто Браун, воздержавшись от выступления, «попросил разрешения провести некоторое время в 1-м корпусе, чтобы непосредственно на фронте познакомиться с особенностями китайской гражданской войны, на которые делал особый упор Мао»[149].

Все это означало, что победа маоцзэдуновской фракции была достигнута полностью. Ло Фу набросал проект резолюции, которая и была принята. В ней отчетный доклад Бо Гу был признан «в основе своей неверным», а главной причиной сдачи Центрального советского района названы ошибки в военном руководстве и тактической линии[150].

Сразу же после совещания, когда приглашенные на него командиры и комиссары разошлись, члены Политбюро провели отдельное организационное заседание, на котором Мао был кооптирован в состав Постоянного комитета. Тогда же его назначили помощником Генерального политкомиссара Чжоу, который уже для него опасности не представлял. И хотя Бо Гу остался на прежней должности, влияние новой «тройки» (Мао, Ло Фу и Ван Цзясян) стало доминирующим[151].

Мао был «на седьмом небе». С сильно бьющимся сердцем он сразу же после организационного заседания прибежал к Цзычжэнь.

— Совещание кончилось? Ты, ты-то как? — в волнении спросила она.

На это он усмехнулся:

— Все идет неплохо. Теперь у меня будет право голоса. Спустя много лет он так рассказал их дочери Ли Минь о том, как они с ее матерью праздновали победу:

«В тот день твоя мама ждала меня очень долго. Я вернулся домой и еще не успел присесть, как она накинулась с расспросами. Я хотел было разыграть ее, но меня самого распирала радость. А когда человек радуется, он становится болтливым. Я заложил руки за спину, стал ходить по комнате и неторопливо рассказывать: „На совещании посчитали-таки, что такой Будда, как я, еще может быть полезен, поэтому вытащили на свет, оказали честь и избрали в Постоянный комитет Политбюро ЦК. Значит, старину Мао еще уважают, полагают, что он еще способен на что-то. Недостоин, недостоин! Понимаю, что меня выбрали в руководство ЦК, чтобы заполнить пустое место. Правда, я, со своей стороны, не стал скромничать — ведь, когда речь идет о судьбе страны, каждый простой мужик в ответе!“

Твоя мама смотрела на меня во все глаза, была вся внимание. В тот вечер мы оба испытывали огромную радость»[152].

Мао не сказал дочери только одного: ее мать в то время в очередной раз ждала ребенка, и переживания, связанные с его борьбой за власть, не говоря уже о тяготах перехода, сильно сказывались на ее здоровье. Цзычжэнь была страшно измучена. Через месяц ей вновь предстояло рожать, и она понимала, что этого маленького ей опять сохранить не удастся. Великий поход продолжался, и дети никому не были нужны. Мао же, казалось, об этом не думал. Праздник победы пьянил его.

Цзычжэнь родила через месяц, в феврале 1935-го, в небольшой деревушке на севере Гуйчжоу, в соломенной хижине, принадлежавшей бедной крестьянской семье из народности «и» (они же — «лоло»). В этих местах так же, как и в пограничных Сычуани и Юньнани, жило много некитайских племен. Среди них «и» были самыми многочисленными. Делились они на «черных» и «белых». «Черные» представляли собой родовую аристократию, «белые» — угнетенный слой неимущих. И те и другие, правда, равным образом ненавидели китайцев и, не делая особой разницы между гоминьдановцами и коммунистами, часто нападали на небольшие группы красноармейцев. При подходе же крупных частей Красной армии все «и», захватив скот и скарб, уходили в леса и горы. Красноармейцам они оставляли лишь пустые дома. Вот в одном из таких домов Цзычжэнь и разрешилась от бремени. Появившаяся на свет девочка долго и громко кричала, но обессиленная Цзычжэнь старалась на нее не смотреть. Командир санитарной роты вспоминает: «После того как ребенка ополоснули, мы завернули его в белую тряпицу. [О том, что делать дальше], я посоветовался с почтенным Дуном[67]. Тот написал записку и приложил к ней тридцать юаней. Общий смысл того, о чем говорилось в записке, сводился к следующему: „Находящаяся в походе армия не может взять с собой этого только что родившегося ребенка. Мы оставляем его вам на воспитание. Пусть будет вам внучкой. Когда вырастет, станет о вас заботиться“». Положив девочку на покрытую пестрым грязным тряпьем лежанку, на которой она только что родилась, и, оставив рядом записку и деньги, все, в том числе и Цзычжэнь, вышли из дома. «Железный поток» продолжал течь на запад. Времени на эмоции не было.

Что стало с маленькой девочкой, которой мать не успела дать даже имени, в точности неизвестно. По слухам, вернувшиеся после ухода «красных» хозяева дома приняли ее в семью и нарекли Ван Сючжэнь (что значит Ван «Красивая драгоценность»). Но через три месяца из-за развившейся у нее раковой опухоли она умерла[153]. Правда это или нет, кто знает?

Свою новую дочь Мао так никогда и не увидел. Да ему до нее

и не было особого дела. Борьба за власть продолжалась. Ни Бо Гу, ни Браун не признали ошибок. Резко агрессивные настроения выражал Кай Фэн. Часть членов Политбюро, хотя и приняла новый «триумвират» (Мао, Ло Фу и Ван Цзясян), тем не менее активно на их стороне не выступала. Надо было действовать напористо и бескомпромиссно. И Мао с Ло Фу пошли ва-банк.

В самом начале февраля на заседании Постоянного комитета Ло Фу неожиданно потребовал от Бо Гу уступить ему пост генсека. Его тут же поддержал Мао. Двое других присутствовавших, Чэнь Юнь и Чжоу, не возражали. Растерявшийся Бо Гу капитулировал. А через месяц, 4 марта, новый вождь партии провел через Реввоенсовет знаменательное решение: «Образовать специальное фронтовое командование, назначив товарища Чжу Дэ командующим фронтом, а товарища Мао Цзэдуна — фронтовым политкомиссаром»[154]. Чжу Дэ при этом остался главнокомандующим всей Центральной Красной армией, а Чжоу Эньлай — формально ее генеральным политкомиссаром. На следующий день Чжу Дэ, Чжоу Эньлай и Ван Цзясян от имени Реввоенсовета внесли ясность: в непосредственное подчинение фронтовому командованию переходили только боеспособные части, тогда как нестроевики передавались под оперативное руководство вновь созданного «походного командования»[155].

Наконец-то «упрямый хунанец» вернул себе утраченные в Нинду в октябре 1932 года позиции. Большая часть властных полномочий в армии вновь переходила в его руки. Но, взойдя на вершину, он должен был быть осмотрительным. Оставшиеся у подножия могли преисполниться ревности. Поняв это, Мао сделал удачный ход: через неделю после своего назначения посоветовал Ло Фу для руководства всеми армейскими делами образовать еще одну, военную, «тройку», в состав которой предложил включить наряду с собой Чжоу Эньлая (в качестве председателя) и Ван Цзясяна[156]. Конечно, несмотря на формальное лидерство Чжоу, Мао в этой группе получил решающий голос: именно он теперь, по существу, стал командовать войсками. Однако тщеславие Чжоу и Вана оказалось тоже удовлетворено. А ведь и тот и другой могли ему еще пригодиться.

Между тем поход продолжался. Постепенно вырисовывалась и его цель: соединение с войсками Чжан Готао. Все это время Мао был крайне возбужден и в начале марта 1935 года он излил свои чувства в новых стихах:

Западный ветер пронзительно резок.
Дикие гуси кричат в пустоте,

Голос к морозной луне обращая,
Голос к морозной луне обращая.
Цокот копыт раздается тревожный,
Звуки трубы затихают вдали.

Пусть перевал этот труден и сложен,
Мы все равно одолеем его.
Да, одолеем его.
Синие горы похожи на море,
А заходящее солнце — на кровь[157].

Его армия шла вперед ускоренным маршем, по 80—100 *ли* в день, но до конца пути было все еще далеко. Давно позади остался Цзуньи, полностью разоренный и обезлюдевший. Перед уходом Красной армии он, по словам очевидца, «производил тягостное впечатление». Некогда цветущий торговый центр лежал в руинах, «магазины и склады были пусты, виллы крупных помещиков и торговцев, в том числе летняя резиденция губернатора, заколочены досками, разрушены и разграблены. Со стен домов кое-где свисали обрывки… плакатов и лозунгов — последние следы советизации»[158]. Но Мао не думал о жителях бедного города. Главное заключалось в том, что его армия получила там отдых и запаслась провиантом.

Конечно, и солдаты, и командиры по-прежнему испытывали колоссальные трудности. Не хватало одежды и боеприпасов. Отто Браун вспоминает: «Шли чаще всего по ночам, так как днем при хорошей погоде гоминьдановские самолеты все время висели над нами, сбрасывали бомбы и обстреливали из пулеметов». При одном таком авиационном налете была тяжело ранена Цзычжэнь. Осколки из ее тела так и не удалось извлечь, и они сильно мучили ее. (Позже рентгеновское обследование покажет, что в теле Цзычжэнь застряло семнадцать осколков[159].) Остаток пути она вынуждена была совершать на носилках.

«Авангардам, боковым охранениям и арьергардам приходилось отражать десятки нападений — то спереди, то сзади, то слева, то справа, то сразу со всех сторон, — пишет Браун. — Но тяжелее всего положение стало тогда, когда мы перебирались через скалистые горы на границе провинций Гуйчжоу и Юньнань. Мы пробирались по узким крутым тропинкам, через глубокие ущелья. Лошади падали и ломали ноги, выдерживали только мулы. По мере того как мы продвигались вглубь провинции Юньнань, становилось все хуже с продовольствием. Население здесь само жило впроголодь. Красноармейцы с жадностью

набрасывались на мясо павших лошадей. Но и в долинах было мало риса и овощей… Можно было представить себе, как выглядели тогда наши части. Изо дня в день росли потери не столько за счет убитых и раненых, сколько за счет больных и истощенных. Полки и дивизии таяли на глазах»[160]. Из 86 тысяч человек, начавших поход в Центральном районе, до Сычуани добрались чуть более 20 тысяч.

Но оставшиеся все шли и шли. В начале мая они пересекли бурную и широкую (в 200 метров) реку Цзиньшацзян (так в этих местах называют Янцзы). А через месяц, пройдя вдоль границы с Сиканом (Тибетом), переправились через еще один мощный горный поток — реку Дадухэ. Эта переправа была особенно трудной. Южный и северный берега зажатой средь гор бурлящей реки соединял узкий висящий на железных цепях мост, построенный еще в начале XVIII века. К моменту подхода войск КПК оборонявшие его солдаты противника наполовину разобрали его дощатый настил, а когда началась переправа, гоминьдановская авиация стала его нещадно бомбить. И все же бойцам Красной армии удалось перебраться на другой берег.

После этого их путь пролегал по безлюдному высокогорью в полном бездорожье. Красноармейцы были обуты в легкие тапочки или соломенные сандалии, а с каждым днем становилось холоднее и холоднее. Армия все дальше забиралась в горы, только перевалив через которые можно было выйти на плоскогорье северо-западной Сычуани. «Пришлось преодолеть ревущие потоки, дремучие леса, предательские болота, горные перевалы на высоте 4–5 тысяч метров, — вспоминает Браун. — И хотя уже начиналось лето, ртутный столбик термометра показывал всего лишь плюс 10 градусов по Цельсию, а ночью опускался до нуля… Росло число убитых, замерзших, умерших от истощения. Все мы невероятно обовшивели. Но хуже всего было то, что началась дизентерия и обнаружились первые случаи тифа»[161].

Наконец в середине июня части Центральной Красной армии подошли к еще одному узкому цепному мосту с деревянным настилом, перекинутому через небольшую горную речушку Фожихэ в уезде Маогун в западной Сычуани. Здесь состоялась их долгожданная встреча с вышедшими навстречу авангардными войсками Чжан Готао. Сам Чжан со всем своим штабом находился в соседнем уезде Маосянь, в двух днях пути. Получив известие, он поспешил навстречу. 25 июня два старых знакомых, Мао и Чжан, смогли заключить наконец друг друга в объятия. Это произошло в 140 *ли* к северу от Маогуна, в старинном ламаистском храме Лянхэкоу. Вот как описывает эту встречу Чжан Готао: «Как только

я увидел их [Мао и других членов Политбюро], я спрыгнул с коня и бросился к ним, чтобы обнять их и пожать им руки. Нельзя описать словами нашу радость по поводу соединения после стольких лет несчастий. Мао Цзэдун взошел на трибуну, сооруженную заранее, и произнес приветственную речь, обращаясь ко мне. Я выступил в ответ, отдав должное ЦК КПК и выразив солидарность с армией 1-го фронта, которая прошла через многочисленные испытания». В тот же день вечером состоялся обед. Никто не говорил ни о Великом походе, ни о совещании в Цзуньи, ни о приключениях армии 4-го фронта. «Мао Цзэдун, хунанец, обожавший острый красный перец, завел веселый разговор о том, что только тот, кто ест красный перец, является настоящим революционером. С ним спорил Цинь Бансянь [Бо Гу], уроженец провинции Цзянсу, который не ел перца. Этот шутливый разговор способствовал созданию непринужденной атмосферы»[162]. Казалось, Великий поход завершился. Но главные испытания ждали участников застолья впереди.

Тридцативосьмилетний ветеран китайского коммунистического движения Чжан Готао был человеком в высшей степени властолюбивым, гордым и не терпящим компромиссов. Высокого роста, с острыми скулами и тяжелой челюстью, выпяченной несколько вперед, он и внешне-то производил впечатление трудного в общении человека. А по характеру был просто взрывным. За свою долгую жизнь в КПК и Коминтерне он не раз, как мы помним, оказывался в оппозиции — то Маринgу, то Ломинадзе, то Цюй Цюбо. Весной 1930 года, работая в ИККИ, ему долго пришлось оправдываться перед комиссией по чистке китайских студентов Москвы за свои прошлые «грехи». Тогда, на волне борьбы с троцкизмом, кое-кто в ИККИ старался даже «пришить» ему связи с троцкистским подпольем, но из этого, правда, ничего не вышло. ЦК ВКП(б) и ЦК КПК сочли информацию о его «троцкистских связях» «провокацией»[163]. В целом в Коминтерне к нему относились хорошо, и, хотя иногда «прорабатывали», делали это скорее по большевистской обязанности везде и в каждом подозревать врага. А вообще, по большому счету, считали своим и в ноябре 1927-го, за три года до «чистки», даже наградили орденом Боевого Красного Знамени как «мужественного борца китайской революции».

Тем не менее бывшие студенты КУТК, Ло Фу, Бо Гу, Ван Цзясян и Кай Фэн, полагая, что «дыма без огня не бывает», относились к Чжан Готао с подозрительностью, считая его «старым оппортунистом» и «скрытым троцкистом». А тот, в свою

очередь, будучи одним из основателей партии, смотрел на «мифовских выскочек» с плохо скрываемым презрением.

Так что излияния «радости» при встрече никого не могли обмануть. Новый конфликт в руководстве был неизбежен. И Мао от него мог только выиграть: ведь он, по существу, оказывался над схваткой: «московские студенты», желая оттеснить Чжан Готао, должны были неизбежно группироваться вокруг него. Только Мао, с его умением плести интриги и маневрировать в, казалось бы, безвыходной ситуации, мог обеспечить благоприятное для них соотношение сил.

Да Мао и сам весьма недоверчиво относился к Чжану. Он понимал, что Чжан чувствовал себя «хозяином положения». У него под ружьем находилось в семь-восемь раз больше бойцов, чем в войсках Центральной Красной армии. Его солдаты были неплохо вооружены, сыты, одеты и обуты. Свой боевой дух они еще не растеряли, и Чжан Готао пользовался у них, их командиров и комиссаров непререкаемым авторитетом. Измученные, оборванные и почти полностью потерявшие боеспособность части Центральной армии не шли с ними ни в какое сравнение. Тем более что из 10 тысяч добравшихся до Маогуна 2 тысячи относились к нестроевым[164].

Понятно поэтому, что в таких условиях дух «дружеской непринужденности» быстро испарился. Чжан стал требовать власти. В июле его войска подкрепили претензии своего вождя, спровоцировав ряд вооруженных столкновений с отрядами Мао Цзэдуна[165]. Мао и другим лидерам КПК ничего не оставалось, как отступить. В середине июля Ло Фу выразил готовность передать Чжану должность генсека. Но тот предпочел более важный по тем временам пост генерального политкомиссара объединенной Красной армии, которая вскоре была реорганизована в девять корпусов. (Четыре из них были сведены в армию 1-го фронта, а пять — в армию 4-го фронта.) Чжоу ушел в отставку, а заодно и Мао снял с себя обязанности фронтового политкомиссара. Контроль над армией перешел к Чжан Готао. Его командиры потребовали отдать ему и пост председателя Центрального Реввоенсовета, но Чжан милостиво оставил его Чжу Дэ. Все равно эта формальная должность не имела большого значения: власть в ЦРВС сосредоточилась в руках Чжана[166].

А тем временем Великий поход продолжался. Объединенная армия шла на север, к границе провинций Сычуань, Ганьсу и Шэньси, где по решению Политбюро должна была образовать новый советский район. Оставаться в западной Сычуани было нельзя прежде всего потому, что местные горские племена проявляли к коммунистам, грабившим их беспощадным образом,

особую ненависть. Места здесь были дикие и опасные, а нищета — самая ужасающая. Мао Цзэдун рассказывал Сноу: «В Сычуани восемнадцатилетние девушки ходят совсем без штанов. Они настолько бедны, что не могут их купить. Если бы Гитлер хотел запретить нудизм, в Китае бы ему пришлось дать всем им штаны»[167]. Но Красной армии требовалось продовольствие, а потому, как пишет один из участников марша, «волей-неволей мы были вынуждены забирать до последней крошки все, что могли отыскать, и постоянно посылали в горы продотряды для охоты на бродячий [домашний] скот»[168]. Долго так, конечно, не могло продолжаться. Агрессивные горцы все чаще нападали на красноармейцев, принесших в их край только горе.

Впереди на пути коммунистов лежало огромное заболоченное плато, и миновать его они никак не могли. Надо было идти. Но как раз в это время Мао и Ло Фу решили нанести Чжан Готао ответный удар, а потому через несколько дней после того, как Чжоу уступил Чжану место генерального политкомиссара, в двадцатых числах июля, движение было приостановлено. Политбюро собралось на очень важное заседание. Спокойным голосом Ло Фу попросил Чжан Готао отчитаться о проделанной им работе со времени его отъезда из Шанхая в советский район на границах провинций Хубэй — Хэнань — Аньхой в апреле 1931 года. (Как мы помним, Чжан вынужден был эвакуировать этот район под ударами Чан Кайши уже в октябре 1932 года.) После доклада Чжана выступил Мао, обрушившийся на Чжан Готао с едкой критикой. Он обвинил старого знакомого в «серьезных ошибках», допущенных им при сдаче старой опорной базы. Чжан, конечно, отверг все обвинения, и заседание закончилось безрезультатно. Но новый внутрипартийный конфликт приобрел отчетливые формы. Через две недели, на новом заседании Политбюро, Ло Фу обвинил Чжан Готао уже в сдаче его новой базы в северной Сычуани. На это Чжан, наконец, вспылил: «А вы сами-то можете считать свою линию правильной, если потеряли весь Центральный советский район?»[169] Ему стало понятно, что Мао и Ло Фу сознательно обостряют обстановку. И он решил отложить выяснение отношений до лучших времен.

А пока предложил разделиться и двигаться в южную Ганьсу двумя колоннами. Одна должна была идти по левому краю болот, а вторая — по правому. Там, в Ганьсу, километрах в ста сорока от границы, им предстояло встретиться. В десятых числах августа левая колонна во главе с Чжан Готао и Чжу Дэ продолжила марш-бросок. Правая же, в составе которой находились Мао и большинство других членов Политбюро, задержалась. Разболелся Чжоу Эньлай: уже с июля он страдал малярией, а тут она приняла

тяжелую форму. Врачи делали все возможное, но все же кризис миновал лишь через несколько дней.

Наконец в конце августа правая колонна тоже двинулась в путь. Перед ней раскинулась бескрайняя, удивительно красивая зеленая степь. Но эта красота таила в себе смертельную опасность. Отто Браун вспоминает: «Под обманчивым травянистым покровом скрывалось топкое черное болото. Оно сразу засасывало всякого, кто ступал на тонкую верхнюю корочку или сходил с узкой тропинки. Я своими глазами видел, как в трясине погиб мул. Мы гнали перед собой местный скот или лошадей, которым инстинкт подсказывал безопасную дорогу. Почти над самой землей висели тучи. В течение дня по нескольку раз шел холодный дождь, а по ночам — мокрый снег или град. Вокруг, на сколько хватает глаз, простиралась безжизненная равнина, без единого деревца или кустика. Мы спали, скорчившись на болотных кочках, прикрывшись тонкими одеялами и нахлобучив широкополые соломенные шляпы, входившие в армейское снаряжение. В ход шли бумажные пергаментные зонтики, а иногда и трофейные накидки. Часто по утрам кто-то не вставал. Это была очередная жертва голода и истощения… Единственную пищу составляли зерна злаков, и в редких случаях доставался кусочек сушеного, твердого как камень мяса. Пили сырую болотную воду, дров для ее кипячения не было. Снова появились исчезнувшие было в Сикане кровавый понос и тиф… Счастье еще, что противник не мог нас атаковать ни на земле, ни с воздуха»[170].

Тяжелейший переход занял несколько дней. И когда вконец обессилевшие бойцы вступили на твердую почву, вдруг пришел приказ от Чжан Готао, Чжу Дэ и их начальника штаба Лю Бочэна повернуть назад! Их колонна завязла в болоте, не смогла переправиться через один из горных потоков, широко разлившихся поперек пути, а потому Чжан, Чжу и Лю решили вновь отойти на юг, к чему призывали и войска Мао. Но не тут-то было! 8 сентября они получил ответ от Чжоу Эньлая, Ло Фу, Мао Цзэдуна и других командиров и комиссаров правой колонны: «Мы искренне надеемся, что вы, наши старшие братья, все тщательно обдумаете и примете твердое решение… и двинетесь [дальше] на север»[171]. Иными словами, Чжану дали понять, что его приказам Политбюро не намерено подчиняться.

И тогда Чжан Готао сделал роковой шаг. Он послал секретную телеграмму своим бывшим сослуживцам по армии 4-го фронта, находившимся в правой колонне на командных должностях, потребовав «развернуть борьбу» против Политбюро[172]. Об этой телеграмме, однако, тут же стало известно

Мао, который незамедлительно созвал экстренное заседание Постоянного комитета. Было принято решение как можно быстрее продолжить движение на север, в Ганьсу, после чего было выпущено «Обращение ко всем товарищам», в котором от имени Центрального комитета партии Мао, Ло Фу, Чжоу Эньлай, Бо Гу и Ван Цзясян призывали бойцов и командиров как правой, так и левой колонн не подчиняться ничьим приказам об отходе на юг, а двигаться только на север с тем, чтобы «создать новый советский район Шэньси — Ганьсу — Сычуань». Это был бунт! Коса нашла на камень, и никто не хотел уступать.

Чжан Готао, пришедший в ярость, все равно повернул на юг. Колонна же Мао Цзэдуна вступила в южную часть Ганьсу. Раскол Красной армии, а с ней и руководящего состава КПК стал фактом.

В середине сентября почти на самой границе Ганьсу войска правой колонны были переформированы в так называемую Шэньси-Ганьсускую бригаду общей численностью в шесть тысяч человек. Ее командиром стал Пэн Дэхуай, его заместителем — Линь Бяо. Мао занял пост политкомиссара. Тогда же была определена новая цель похода: идти на северо-восток Ганьсу и далее к границам СССР — для получения необходимой помощи. «Причины этого, — заявил Мао, — заключаются прежде всего в том, что 4-я армия [то есть армия 4-го фронта] разделилась. Чжан Готао ушел на юг, и это нанесло тяжелый удар китайской революции. Тем не менее мы не будем унывать, а двинемся вперед еще быстрее… Северная Шэньси и северо-восточная Ганьсу являются теми районами, куда нам надо идти»[173].

Связи с Москвой, однако, до сих пор не было, и поэтому 20 сентября было принято решение отправить в Синьцзян, далеко на запад Китая, двух представителей партии для того, чтобы постараться оттуда установить связь с ИККИ и проинформировать Коминтерн обо всех перипетиях Великого похода. Одним из этих эмиссаров был брат Мао, Цзэминь, шедший в обозной колонне[174].

Но вскоре планы руководства вновь резко изменились и поездка Цзэминя и других представителей КПК в Синьцзян была отложена. В одном из почтовых отделений южной Ганьсу в руки Мао и его сотоварищей попали свежие гоминьдановские газеты, из которых они с удивлением узнали, что на севере провинции Шэньси, вблизи границ северо-восточной Ганьсу, находился относительно большой советский район, где активно действовали отряды Красной армии под командованием некоего коммуниста Лю Чжиданя. До их баз было не более 700–800 *ли* пути.

Весть эта стала подарком судьбы. Мао потирал руки. Ведь марш-бросок в северную Шэньси можно было искусно обыграть в пропаганде, представив весь Великий поход как заранее

спланированную акцию, направленную на то, чтобы приблизить базы коммунистов к районам, потенциально находившимся под угрозой японского вторжения. К осени 1935 года японцы значительно усилили свое давление именно на Северный Китай. Вслед за оккупацией Маньчжурии японская армия в январе — марте 1933 года захватила граничащую с ней с юга северокитайскую провинцию Жэхэ, а через два года — восточный Хэбэй. Императорские войска вплотную подошли к Бэйпину (Пекину) и другому крупному городу — Тяньцзиню. Планы японцев были совершенно ясны: аннексировать весь Северный Китай, превратив его в «независимое» государство. Комедию с «независимостью» Маньчжурии они уже к тому времени разыграли. 18 февраля 1932 года в бывшей столице провинции Цзилинь городе Чанчуне, переименованном в Синьцзин («Новая столица»), было провозглашено так называемое Маньчжоу-Го (Государство Маньчжурия), 1 марта 1934 года переименованное в Маньчжоу да диго («Великая империя маньчжуров»). Императором «великой империи» с девизом правления Кандэ («Спокойствие и добродетель») был провозглашен последний отпрыск цинской династии Пу И, свергнутый, как мы помним, со своего пекинского престола Синьхайской революцией 1911 года. Подъем антияпонских настроений в то время в Китае был велик, как никогда. Искусно играя на них, Мао мог «убить двух зайцев». «Антияпонский поход» в Северный Китай давал ему возможность не только укрепить позиции коммунистов в борьбе за власть с «продажным» нанкинским правительством, но и окончательно сокрушить Чжан Готао. Раскольник ведь не захотел идти на север!

22 сентября на собрании командиров и комиссаров Шэньси-Ганьсуской бригады Мао заявил: «Мы хотим идти на север, а Чжан Готао — на юг. Чжан Готао говорит, что мы оппортунисты, а кто же на самом деле оппортунист? В настоящее время, когда японский империализм осуществляет агрессию в Китае, мы несомненно должны идти на север, чтобы сражаться с японцами. Но вначале надо прийти в северную Шэньси. Там действует Красная армия Лю Чжиданя»[175].

Эта последняя цель была достигнута через месяц. В середине октября войска Мао пересекли границу северошэньсийского советского района и 19-го числа вступили в расположенную в узкой горной долине деревушку Уичжэнь. От вышедших к ним навстречу местных жителей они узнали, что штаб-квартира «красных» находится в уездном городе Баоань, в ста шестидесяти *ли* к востоку. На поиски Лю Чжиданя был послан отряд[176]. А пока, 22 октября, в Уичжэни состоялось заседание Политбюро, на котором Мао объявил Великий поход оконченным.

Ровно год прошел с тех пор, как 86 тысяч бойцов и командиров Красной армии покинули Центральный советский район. Они пересекли одиннадцать провинций, прошли более 20 тысяч *ли,* перевалили через пять горных хребтов, форсировали 24 крупные реки, миновали опасные болота. И в конце концов завершили поход! Однако цена, заплаченная за этот успех, была колоссальной! В северную Шэньси смогли добраться не более пяти тысяч человек.

И все же это был действительно героический «железный поток». Гордый от сознания совершенного, Мао выразил свой триумф в ярких строфах:

Армии красной не страшен поход,
Реки и горы она перейдет!
Пять горных хребтов — лишь рябь на воде,
А горы Умэн[68] — горшки на столе!

Круты, горячи берега у Цзинына,
И холодны цепи моста чрез Даду,
Играют на солнце Миньшаня[69] снега,
Три армии, горы пройдя, отдохнут![177]

«СИАНЬСКИЙ ИНЦИДЕНТ»

А Чжан Готао тем временем кружил по северо-западной Сычуани. В течение сорока дней он пытался выбраться из топких болот. Спустя четыре года, уже в Москве, Отто Браун докладывал своему руководству: «Главные силы Чжан[а]… находились 40 дней без крова и продовольствия, так как не нашли строительный материал для моста, необходимого для переправы реки [так в тексте]. Говорят, что положение дошло до людоедства»[178]. 5 октября, совершенно обезумевший, он образовал новый «Центральный комитет КПК», новое «Центральное правительство» и новый «Центральный Реввоенсовет», объявив об «исключении из партии» Мао Цзэдуна, Чжоу Эньлая, Бо Гу и Ло Фу[179]. Глупее этого трудно было себе что-либо представить. Одновременно он применил самые жесткие меры к тем командирам и комиссарам его колонны, которые выступили против таких действий. Кое-кто из них был даже расстрелян[180].

Между тем Политбюро ЦК обосновалось в северной Шэньси. В середине декабря 1935 года Мао переехал в город Ваяобао — единственный, по словам Брауна, уездный центр этого района, «который прочно удерживался Красной армией». Там же расположились и другие члены руководства. «Вокруг простиралась бедная, лишь кое-где обработанная мотыгами земля», — вспоминал очевидец[181]. Десятки поселков и деревень лежали в руинах, плодородные земли были заброшены. Немногочисленное сельское население влачило жалкое существование. Многолетние милитаристские войны, чудовищный бандитизм и страшные неурожаи и эпидемии катастрофическим образом подорвали экономику края. В 1928–1933 годах, за несколько лет до прихода войск Мао, от голодной смерти в этих местах скончалось более половины жителей. Во многих деревнях умерли все дети младше десяти лет. Северная Шэньси почти обезлюдела[182]. Как и вообще на севере Китая, здесь не существовало деления на *хакка* и *бэньди,* но ужасающая нищета людей, балансировавших на грани голодной смерти, создавала для КПК так же, как и в «стране *хакка*», исключительно благоприятные условия для развития.

Повсюду, куда хватает глаз, тянулись бесконечные узкие овраги, глубокими шрамами прорезавшие желтые равнины, уныло громоздились безжизненные лёссовые холмы. В них, в этих холмах, жили спасавшиеся от голода и войн люди. Тут и там видны были десятки, сотни пещер.

Мягкий лёссовый грунт позволял заниматься

«пещеростроительством» практически каждому. В этих пещерах и стали жить лидеры КПК, в том числе Мао Цзэдун с Хэ Цзычжэнь. После буйной субтропической природы южной Цзянси и Фуцзяни непритязательный северный ландшафт мог навевать только тоску. Но Мао было не до эмоций. Цзуньи и особенно разрыв с Чжан Готао привели к тому, что именно на него теперь все стали смотреть как на лидера. И ждали его решений.

Весь остаток осени и всю зиму он занимался строительством органов власти в новом районе, уделяя главное внимание, разумеется, укреплению вооруженных сил. После объединения с местными партизанскими отрядами численность его Красной армии возросла до 10 тысяч 410 бойцов[183]. В начале ноября Мао провел реорганизацию войск, вернувшись к их старому названию — «армия 1-го фронта». В отсутствие Чжу Дэ (тот по-прежнему находился с Чжан Готао) пост командующего армией получил Пэн Дэхуай. Себя же Мао, естественно, назначил политкомиссаром. Тогда же был учрежден Северо-Западный реввоенсовет — высший военно-политической орган, призванный осуществлять верховный контроль над советским районом. Мао стал его председателем, а двумя своими заместителями сделал Чжоу Эньлая, оправившегося от болезни, и (формально) Чжу Дэ. (К «старине Чжу» у Мао претензий не было. Он понимал, что профессиональный вояка привык подчиняться непосредственному партийному руководству, а потому не мог ничего противопоставить Чжан Готао.) Было сформировано и правительство района (официально оно называлось «Северо-Западная канцелярия Центрального правительства Китайской Советской Республики»), которое занялось прежде всего хозяйственными вопросами. Пост министра экономики и внешней торговли в нем получил брат Мао, Цзэминь, а вот высокая должность председателя правительства отошла к Бо Гу. Мао умел налаживать контакт с нужными ему людьми, в том числе с бывшими врагами: проверенный принцип «лечить болезнь, чтобы спасти больного» продолжал приносить плоды. Благодарный Бо Гу рад был услужить Мао Цзэдуну.

Только с непокорным Чжан Готао долго не удавалось наладить отношения. Целый год длился конфликт. И лишь в самом конце ноября 1936 года несчастный Чжан в сопровождении Чжу Дэ объявился наконец в северной Шэньси — искать «мировую»[184]. К тому времени он уже почти полностью потерял свою армию — в болотах и горах Сычуани, Сикана и южной Ганьсу, где ему пришлось вести беспрерывные бои с превосходящим по силе противником. Мао встретил его великодушно. Чжан «потерял лицо», а потому был неопасен. За

ним, неудачником, уже никто не пошел бы, даже если бы он и продолжил свою «антипартийную» деятельность. «Все мы поздравили друг друга, — пишет Чжан Готао. — …Мы говорили о нашем будущем, а не о нашем прошлом»[185]. Мао даже предоставил Чжану ряд ответственных должностей. Он сделал его вместо Чжу Дэ одним из своих заместителей по Реввоенсовету, вновь назначил генеральным политкомиссаром Красной армии (командующим ее опять стал Чжу Дэ) и утвердил заместителем председателя правительства. Раскол был преодолен[70]. И Мао с оптимизмом смотрел в будущее.

А оно тогда для коммунистов начинало вырисовываться благоприятно. Действия японцев становились все более агрессивными, и патриотический подъем китайского населения нарастал. За год до того, в декабре 1935-го, по стране прокатилась волна мощных антияпонских выступлений студенчества (так называемое движение 9 декабря), глубоко потрясшее китайское общество. Недовольство примиренческой политикой правительства по отношению к наглым захватчикам проявлялось и в гоминьдановской армии. В этой обстановке «антияпонизм» КПК начинал завоевывать симпатии китайской общественности.

Понимая это, Мао не прекращал антияпонской риторики. После многих лет кровавой гражданской войны он начал осознавать, что только ярко выраженный патриотизм коммунистов мог обеспечить им широкую поддержку народа. Конечно, ни он, ни кто-либо другой из его окружения не собирались отказываться от классовой борьбы, однако в тактических целях им стало выгодно «несколько сбавить радикальные обороты». Бандитский передел собственности до сих пор приводил лишь к поражениям. И хотя дикая гражданская бойня по-прежнему продолжалась и Чан Кайши оставался главным врагом, отныне в войне с ним обращение к национальным чувствам китайского населения начинало приобретать для КПК все более важное значение.

И тут ему опять повезло: его новый курс самым поразительным образом совпал с коминтерновским! Летом 1935 года сам Сталин совершил аналогичный же поворот в международной политике. Опасаясь германского и японского вторжения в СССР, он круто изменил политику Коминтерна и его партий. Отныне коммунисты должны были стремиться не к свержению своих правящих классов, а к организации с ними нового единого фронта: на Западе — антифашистского, а на Востоке — антияпонского. Понятно, конечно, что в своих кабинетных расчетах Сталин никоим образом не пересматривал

стратегические цели коммунистического движения, направленные на установление мирового господства[186]. Он всего лишь маневрировал, стараясь попросту привлечь на свою сторону (а соответственно, и на сторону различных компартий) как можно большее число союзников. Решения по этому поводу были приняты в Москве в июле — августе на VII Всемирном конгрессе Коминтерна, во время которого 1 августа Ван Мин от имени Китайского Советского правительства и ЦК КПК опубликовал декларацию с призывом к соотечественникам прекратить гражданскую войну, объединиться и выступить на борьбу с Японией. Из числа «соотечественников», правда, исключались Чан Кайши и члены его кабинета — эти «бесчестные подонки» с «человеческими лицами, но звериными сердцами»[187].

Не имея связи с Москвой, Мао и другие лидеры Политбюро, находившиеся в Китае, долгое время не знали обо всем этом. А потому им приходилось действовать на свой страх и риск. После принятия решения идти в северную Шэньси Политбюро, как мы знаем, отменило постановление о посылке Мао Цзэминя и других эмиссаров в Синьцзян, и налаживание переписки с ИККИ отложили до лучших времен. Никто и не предполагал, что как раз в то время в Москве делалось все возможное, чтобы восстановить прерванные с ними контакты. Там уже знали о совещании в Цзуньи и его решениях и полностью их поддерживали. Общий их смысл донес до работников Коминтерна Чэнь Юнь, один из участников совещания. Он прибыл в столицу Советской России вскоре после окончания VII конгресса, в конце сентября 1935 года, вместе с группой из семи-восьми коммунистов, в составе которой находилась и вдова Цюй Цюбо. (Цюй, находившийся в Центральном районе с января 1934 года, после начала Великого похода был оставлен на старой базе по причине его плохого здоровья и в феврале 1935-го в Фуцзяньских горах попал в плен. Через три месяца он был казнен гоминьдановцами.)

Поездка Чэнь Юня осуществлялась без ведома Мао и большинства других членов руководства КПК. По решению Постоянного комитета Политбюро Чэнь Юнь действительно покинул войска Центральной армейской группы в июне 1935 года, но не для поездки в СССР, а для «восстановления партийной организации» в Шанхае. В Москву же отправился по директивному распоряжению делегации КПК в ИККИ (то есть Ван Мина и Кан Шэна) в самом начале сентября в связи с тем, что справиться со своей задачей в Шанхае не смог. Под псевдонимом Ши Пин он стал работать в Интернациональной контрольной комиссии Коминтерна[188]. И именно тогда, между прочим, передал сообщение о Цзуньи секретарю ИККИ Дмитрию

Захаровичу Мануильскому[189]. Копией принятой в Цзуньи резолюции он, правда, не располагал (он ведь приехал в Москву не для информации о совещании), так что свое сообщение не мог подтвердить документами. Текст резолюции Москва получила позднее — в 1936 году. Его привез кандидат в члены Политбюро ЦК КПК и участник совещания Дэн Фа[190]. Позже, уже в самом конце 1939 года, еще один экземпляр резолюции передал в Отдел кадров ИККИ Лю Ялоу (псевдоним — Ван Сун), бывший командир 2-й дивизии 1-й армейской группы Красной армии Китая и будущий командующий ВВС КНР, прибывший в Москву на учебу в Военной академии имени М. В. Фрунзе[191].

Да текст резолюции собственно был и не важен. Москва и без него положительно отнеслась к решениям совещания Политбюро ЦК КПК[192]. И это неудивительно. К сентябрю 1935-го Коминтерн уже положил начало настоящему культу личности Мао, объявив его летом того же года на VII Всемирном конгрессе Коминтерна одним из «знаменосцев» мирового коммунистического движения — наряду с Генеральным секретарем ИККИ болгарским коммунистом Георгием Димитровым[193]. Сделано это было устами представителя КПК Тэн Дайюаня, но совершенно ясно, что без санкции московского руководства Тэн не мог сказать то, что сказал: тексты речей и докладов всех участников конгресса подлежали предварительному изучению, редактированию и утверждению в соответствующих инстанциях ИККИ. VII конгресс, вообще, уделил особое внимание вопросу о повышении авторитета вождей коммунистических партий. В этой связи глава делегации КПК в Коминтерне Ван Мин в конце августа 1935 года на специально созванном совещании делегации, рассматривавшем вопросы реализации решений конгресса, заявил следующее: «Авторитет кого мы должны поднять? Конечно, членов Политбюро… Кого в первую очередь? Это авторитет товарищей Мао Цзэдуна и Чжу Дэ»[194].

Между прочим, сам Ван Мин, как мы знаем, к Мао Цзэдуну с пиететом не относился: на посту вождя партии он видел себя. Чуть позже сотрудник его аппарата Го Чжаотан (Афанасий Гаврилович Крымов) составит при его непосредственном участии специальную записку о Мао Цзэдуне руководящим деятелям Коминтерна, в которой попытается ослабить складывавшееся у Сталина позитивное впечатление о партизанском вожде. Вот что в ней говорилось:

«Социальное происхождение — мелкий помещик [кто-то из читавших записку красным карандашом сверху поставил знак вопроса]. Не было систематических ошибок. Очень сильный работник, больший агитатор и массовик, умеет внедряться в гущу

массы, хороший руководитель массовой работы. Имеет богатейший опыт крестьянского движения и партизанской войны. Умеет работать в тяжелых, труднейших условиях. Очень активно и хорошо выполняет работу. Личные свойства — любит сближаться с массами, пропагандистская работа, самоотверженность. Наряду с вышеуказанными положительными сторонами есть недостатки, именно *недостаточная теоретическая подготовка*, поэтому *легко может совершить отдельные политические ошибки, однако при правильном твердом партийном руководстве легко и быстро исправляет свои ошибки*. [Большая часть последней фразы была кем-то подчеркнута красным карандашом, отчеркнута сбоку, и рядом на полях поставлен знак вопроса]»[195].

О том, что Ван Мин «подрывал авторитет Мао Цзэдуна среди китайских товарищей в СССР», вышестоящим инстанциям доносили и референты отдела кадров ИККИ Георгий Иванович Мордвинов (псевдоним — Крылов) и Чжан Суйшань (псевдоним — Борис Калашников), а также бывшие члены делегации КПК в Коминтерне Ли Лисань и Чжао Иминь. Вот что, например, заявил по этому поводу 17 февраля 1940 года в беседе с работниками ИККИ Ли Лисань: «Мне казалось, что главным источником распространения сведений о том, что Мао Цзэдун не является политическим руководителем, был Ван Мин. Он говорил мне, Сяо Ай [Чжао Иминю] и др., что Мао Цзэдун практически очень хороший человек, но теоретически очень слабый. Ван Мин в разговоре со мной и Сяо Ай, которому он доверял больше, чем мне, говоря о докладе Мао Цзэдуна на II съезде Советов, сказал, что в докладе есть много слабых мест и что он их исправил и теперь доклад стал лучше. Другие документы, полученные из Китая, также исправлялись и таким образом многие исправленные документы в Москве выглядели иначе, чем в Китае»[196].

Стало быть, поднимать авторитет конкурента Ван Мин был вынужден — понятно, под давлением руководителей Коминтерна. Оспаривать их решения никто из китайских коммунистов по-прежнему не мог, так как финансовая зависимость КПК от СССР не ослабевала. В ЦК китайской компартии продолжали поступать огромные суммы советских денег. 8 июня 1934 года Политкомиссия Политсекретариата ИККИ приняла решение направить 100 тысяч рублей из невыплаченных сумм Компартии Китая и 100 тысяч рублей из резервного фонда[197]. 1 июля 1934 года в Москве было решено, что Компартия Китая в 1934 году будет получать ежемесячно 7418 золотых долларов[198].

Сразу же вслед за VII конгрессом в Советском Союзе началась

безудержная кампания восхваления Мао. В начале декабря 1935 года с обширным панегирическим очерком «Мао Цзэдун — вождь китайского трудового народа» выступил журнал «Коммунистический Интернационал» — теоретический и политический орган Коминтерна[199]. Статья была не подписана, но ее автора установить несложно. Это был заместитель заведующего иностранным отделом «Правды» Александр Моисеевич Хамадан, до своего назначения в эту газету (1932 г.) являвшийся заведующим Информбюро Генерального консульства СССР в Харбине[71]. Он выполнил задание высоких партийных инстанций в меру своих ограниченных возможностей: никаких особых документальных материалов в его распоряжении не было, если не считать рассказов о Мао китайских сотрудников ИККИ. Вскоре после этого, 13 декабря 1935 года, статью того же автора о вожде китайского народа опубликовала «Правда»[200], после чего его биографический очерк наряду с написанными им биографиями Чжу Дэ и Фан Чжиминя, командира войск КПК в провинции Фуцзянь, погибшего в 1935 году, вошел в изданную Государственным социально-экономическим издательством брошюру «Вожди и герои китайского народа»[201].

О решениях VII конгресса, в том числе, по-видимому, и о славословиях в свой адрес, Мао узнал только в середине ноября 1935 года, когда в северную Шэньси прибыл посланец делегации КПК в Коминтерне, старый китайский коммунист Линь Юйин (псевдоним — Чжан Хао). Он приходился двоюродным братом Линь Бяо, командиру 1-й армейской группы и одному из вернейших людей Мао Цзэдуна. Линь Юйин и Мао были знакомы с весны 1927 года и, хотя давно не встречались, относились друг к другу с большим уважением[202].

На протяжении нескольких дней после его приезда лидеры КПК обсуждали материалы VII конгресса. Было ясно, что в соответствии с новым сталинским курсом следовало менять основные политические установки. Ло Фу высказал мысль о необходимости пересмотра и социальной политики партии, прежде всего в отношении *фунун* (кулачества). «К *дичжу* и *фунун* надо относиться по-разному», — подчеркнул он. Его решительно поддержал Линь Юйин, заявивший, что такой поход будет соответствовать линии ИККИ. Однако у Мао на этот счет имелись свои соображения. Полностью менять отношение к крестьянству он не хотел, хотя и признавал, что с коренным разрешением классового вопроса в деревне следовало обождать. 1 декабря он отправил Ло Фу, занимавшемуся подготовкой партийной резолюции об изменении тактики в отношении кулачества, письмо, в котором изложил свое видение проблемы. «Я в

основном согласен с изменением нашей тактики по отношению к зажиточным крестьянам, — написал он, — но в резолюции следует указать следующее: если в ходе борьбы бедные и средние крестьяне станут требовать уравнительного передела земли зажиточных крестьян, то партия должна поддержать их требования. Зажиточным крестьянам следует выделять такие же участки земли, что и бедным и средним крестьянам; прежний принцип предоставления им худшей земли неверен. Но неправильно и совсем не трогать землю зажиточных крестьян в советских районах, особенно на юге. В аграрном вопросе наша политика в отношении зажиточного крестьянства должна несколько отличаться от нашей политики в отношении среднего крестьянства. Партия в деревне должна руководить зажиточным крестьянством, должна его контролировать. Ни в коем случае нельзя позволить зажиточному крестьянству руководить нами. Необходимо также отметить, что с углублением борьбы зажиточные крестьяне неминуемо перейдут в лагерь *дичжу*. В этом заключается особенность полуфеодального класса зажиточных крестьян в Китае. Что же касается разорившихся мелких *дичжу,* которые могут сами работать, то к ним надо относиться, как к зажиточным крестьянам, если против этого не возражают массы»[203].

Предложения Мао были приняты лишь «в основном». Ло Фу не согласился с главным тезисом — поддержать бедных и средних крестьян, если те «в ходе борьбы» выдвинут радикальные лозунги уравнительного передела земли зажиточных крестьян. Уж очень он контрастировал с коминтерновской политикой единого фронта. 6 декабря в отсутствие Мао (он в то время находился в войсках) Политбюро ЦК в своем расширенном составе утвердило написанную Ло Фу резолюцию «Об изменении тактики в отношении кулака»[204]. Через девять дней, не желая конфликтовать, Мао на ее основе издал соответствующий указ от имени ЦИК Китайской Советской Республики[205]. Однако при своем особом мнении на проблему «кулачества» остался.

А через два дня Ло Фу собрал в Ваяобао новое расширенное совещание Политбюро, рассмотревшее уже общеполитические и военные вопросы, связанные с переменой курса Коммунистического Интернационала. Продолжалось оно несколько дней, и именно оно-то и заложило основы новой политической линии КПК. На совещании с главными докладами выступили Ло Фу и Мао, которые на этот раз были едины. Было принято решение «соединить гражданскую войну с национальной», направив ее как против японцев, так и против Чан Кайши. Имелось в виду образование «единого

революционного национального фронта» всех патриотических сил, в том числе и гоминьдановских, из которых в полном соответствии с духом декларации 1 августа исключались только Чан Кайши и его ближайшее окружение[206]. Мао подчеркнул: «В острые моменты национального кризиса в гоминьдановском лагере должны происходить расколы… [Они] идут на пользу революционному народу… Ни одного такого противоречия во вражеском лагере мы не должны упускать — мы их должны использовать для борьбы против врага, который является в настоящее время главным [то есть против японцев]»[207].

Соответствующую работу в этом направлении лидеры КПК начали еще до совещания. В самом конце ноября 1935 года Мао впервые обратился с предложением о перемирии и совместном выступлении против японцев к одному из командиров гоминьдановской армии, дислоцированной в Шэньси[208]. По сути дела, это был жест доброй воли по отношению к командующему этой армией Чжан Сюэляну, крупнейшему военному деятелю северо-запада. Именно ему в действительности адресовалось послание Мао.

Маршал Чжан, бывший маньчжурский милитарист, войска которого, отступив под натиском Квантунской армии из Маньчжурии, обосновались на юге и в центральной части провинции Шэньси, вообще играл важную роль в расстановке сил в Китае. Штаб-квартирой его двухсоттысячной Северо-Восточной армии стал древний город Сиань, столица провинции. Молодой маршал — в 1936 году ему было всего тридцать пять лет и именно так, за молодость, его и звали в китайских политических и журналистских кругах — пользовался репутацией ярого японофоба. С японцами, как мы понимаем, у него был особый счет. Ведь в 1928 году японская разведка организовала покушение на его отца, маршала Чжан Цзолиня, пытавшегося проводить в Маньчжурии самостоятельную политику. Чжан Цзолинь погиб: поезд, в котором он ехал, был взорван. На этом, как мы знаем, японцы не остановились, и в 1931 году Квантунская армия, спровоцировав «Мукденский инцидент», оккупировала всю вотчину Чжан Сюэляна, вынудив его бежать в Шэньси. Отсюда он стал пытаться налаживать отношения со всеми возможными силами, которые, по его расчетам, могли помочь ему выбить японцев из Маньчжурии. Особую надежду наивный маршал возлагал на итальянского дуче: во-первых, потому что симпатизировал фашистам, полагая, что только железная тоталитарная диктатура а-ля Муссолини могла вывести его страну из кризиса, а во-вторых, потому что рассчитывал на помощь дочери дуче Эдды, жены итальянского генконсула в

Шанхае и будущего министра иностранных дел Италии графа Чиано ди Кортелаццо. Чжан нравился дамам. Стройный моложавый брюнет с жесткими короткими усиками, он обожал ночные клубы и кабаре, великолепно танцевал и элегантно ухаживал за женщинами. В общем, было неудивительно, что горячая итальянка не смогла устоять перед красавцем маршалом, личное состояние которого исчислялось, между прочим, пятьюдесятью миллионами американских долларов. Винить ее в этом трудно, тем более что граф не особенно-то уделял ей внимание, предпочитая проводить время в шанхайских барах и публичных домах. Живя с ним, Эдде, по слухам, даже стоило больших трудов забеременеть[209]. И только по счастливой случайности 1 октября 1931 года у Муссолини в Шанхае родился внук Фабрицио. Роман Эдцы с Чжаном, разгоревшийся вскоре после рождения мальчика, продолжался, правда, недолго: в 1932 году Эдда с мужем вернулась в Рим.

В апреле 1933 года в Италию отправился и Чжан Сюэлян. Однако очарованная им дочь Муссолини помочь ему не смогла. Милитаристская Япония не вызывала осуждения со стороны Муссолини. Разуверившись в дуче, маршал Чжан тем не менее не потерял веры в тоталитаризм. Из Италии он съездил в Германию, где встретился с Гитлером и Герингом, Но от них тоже ничего не добился. Тогда он отправился во Францию, где пересекся с Максимом Максимовичем Литвиновым, тогдашним наркомом иностранных дел СССР.

Рассчитывая теперь получить помощь от коммунистов, он попросил Литвинова организовать ему поездку в Советский Союз, но получил отказ: Сталин не хотел осложнять отношений с Японией[210].

И тогда Чжан Сюэлян понял, что на поддержку извне рассчитывать не приходится. В январе 1934 года он вернулся в Китай, но шанс отомстить японцам у него появился, только когда Мао в ноябре 1935-го обратился к одному из его командиров с предложением о перемирии. 9 апреля 1936 года Чжан начал прямые переговоры с представителями КПК (одним из них был Чжоу Эньлай), прибывшими в северошэньсийский город Яньань, контролировавшийся тогда Северо-Восточной армией. Переговоры развивались непросто, но через некоторое время Чжан Сюэлян дал согласие прекратить военные действия против коммунистов и даже помочь им оружием.

Это несколько улучшило обстановку на границах советского района, но только до определенной степени. В июне 1936 года командир 86-й дивизии гоминьдановской армии Гао Шуанчэн по приказу Чан Кайши неожиданно атаковал коммунистов и

захватил их столицу Ваяобао. Пришлось Мао, Ло Фу и всем остальным срочно бежать в Баоань, почти за триста *ли* к западу от Ваяобао. Там они тоже расположились в пещерах, вырытых в склонах лёссовых холмов. Новые жилища, правда, оставляли желать много лучшего. В пещере Мао и Хэ Цзычжэнь, например, было всегда темно и сыро. Вода капала с потолка не переставая. Баоань вообще представлял собой крохотный полузаброшенный городишко. В нем и жителей-то насчитывалось не более четырехсот, и почти все дома лежали в руинах[211].

Несмотря на инцидент, курс КПК на создание единого фронта не изменился. Об этом Мао однозначно заявил Эдгару Сноу, прибывшему в Баоань для встречи с ним буквально на следующий день после переезда туда самого Мао Цзэдуна. В первом же интервью, 15 июля 1936 года, Мао подчеркнул: «Я прошу вас всегда иметь в виду, что главным вопросом, стоящим сегодня перед китайским народом, является борьба против японского империализма»[212].

Он показался Эдгару Сноу «спокойным, естественным и непринужденным». Этаким мудрым философом-пророком, проницательным и непогрешимым. Сдача Ваяобао, похоже, совсем не волновала его. «Он, безусловно, верил в свою звезду и свое предзнаменование быть вождем», — вспоминал Сноу. Его громкий смех, разносившийся по всем комнатам просторной пещеры, только усиливал это впечатление. «Особенно ему становилось весело, когда он рассказывал о самом себе и о поражениях Советов, — писал Сноу, — но этот мальчишеский смех ни в какой мере не означал, что он утратил веру в свое дело». Был он «худ и внешне чем-то напоминал Линкольна, выше среднего для китайцев роста, немного сутулый, с густыми и очень длинными черными волосами, большими внимательными глазами, крупным носом и выдающимися скулами». Конечно же от Сноу не ускользнула его крестьянская сущность: манеры Мао были просты и грубы, а шутки — плоски и сальны, но вместе с тем «наивность» в нем «сочеталась… с острейшим умом и энциклопедической образованностью». Не случайно «он так много любил говорить, что с трудом верилось, что это был человек действия… У него, безусловно, были хорошо развиты аналитические способности… [Но] его слабостью, с западной точки зрения, являлось то, что его суждения обо всех капиталистических странах не имели под собой оснований. Они были обусловлены его верой в русско-советскую интерпретацию марксизма»[213].

Мао имел все основания быть спокойным и веселым. Потеря Ваяобао ничего не меняла в стратегическом отношении. Красная

армия неуклонно росла и составляла уже 25 тысяч бойцов. Постепенно складывался и антияпонский фронт. Игра с Чжан Сюэляном продолжалась настолько успешно, что лидеры коммунистов стали даже подумывать о тайном приеме Молодого маршала в КПК. (Тот сам выразил желание стать коммунистом[214].) В конце июня — начале июля 1936 года удалось даже наладить радиосообщение с Москвой, и в первой же телеграмме Мао Цзэдун попросил Сталина увеличить помощь компартии до двух миллионов мексиканских долларов в месяц. Он выражал также надежду, что Москва пришлет самолеты, тяжелую артиллерию, снаряды, пехотные винтовки, зенитные пулеметы и понтоны. Одновременно доносил и об «оппортунистических ошибках» Чжан Готао[215].

Помощь он скоро получит: Сталин пошлет ему два миллиона рублей, а через несколько месяцев — еще 500 тысяч американских долларов и 1166 тонн горючего, боеприпасы и прочие стратегические товары[216]. А до того, 15 августа, направит директиву от имени Секретариата ИККИ, в которой «в основном» одобрит его политику.

Телеграмма от 15 августа, правда, предлагала расширить масштабы единого фронта. Сталин посоветовал Мао изменить его негативное отношение к самому Чан Кайши, взяв «курс на прекращение военных действий» между Красной армией и армией Гоминьдана в целом, а не только с Чжан Сюэляном, которого, кстати, запретил принимать в партию. «Мы думаем, что неправильно ставить Чан Кайши на одну доску с японскими захватчиками, — указал он, — …ибо главным врагом китайского народа является японский империализм, борьбе с которым на данном этапе должно быть подчинено все»[217]. Позиция кремлевского лидера объяснялась просто. Начиная с 1934 года Сталин регулярно получал информацию по каналам Иностранного отдела ОГПУ и военной разведки о более чем вероятном нападении Японии на СССР. Еще летом 1934-го завербованный ОГПУ мексиканский консул в Шанхае Морисио Фреско сообщил советскому резиденту, что, «по данным из итальянских кругов, Чан Кайши получил известия о том, что Япония начнет войну с СССР через один-два месяца»[218]. Сообщение мексиканца не подтвердилось, но напряженность на дальневосточных границах СССР не ослабла.

Мао, разумеется, ничего о секретных донесениях советской разведки не знал, но на всякий случай возражать Сталину не стал. И через десять дней послушно направил письмо ЦИК Гоминьдана с предложением прекратить гражданскую войну и начать переговоры[219]. «Суть нашей политики — единение с Чан

Кайши для сопротивления Японии», — объявил он вслед за этим китайским коммунистам[220].

Но далеко не все в Китае зависело от коммунистов. Главным игроком на политической сцене оставался Чан Кайши. А он, судя по донесениям советского посла в Китае Дмитрия Васильевича Богомолова, мог решиться на союз с коммунистами «только накануне войны с Японией и в связи с соглашением с Советским Союзом»[221]. Пока же Чан разворачивал подготовку нового, шестого, похода против коммунистов. И в этой кампании ему нужен был успех, как никогда: поход должен был укрепить его авторитет как общенационального лидера накануне неизбежного крупномасштабного столкновения с Японией.

Чан Кайши знал о сепаратных переговорах между Чжан Сюэляном и коммунистами. И, разумеется, не одобрял их. Много раз предостерегал он Молодого маршала: компартии нельзя доверять. Но все было тщетно. И тогда, в начале декабря 1936 года, Чан решил встретиться с Чжаном для «крупного разговора». Когда-то, после убийства отца, Молодой маршал относился к нему как к «старшему брату». Чан Кайши помнил это и был уверен, что сможет образумить заблудшего молодого человека. 4 декабря 1936 года на небольшом, напоминающем «кукурузник», самолете он вылетел из Лояна (провинция Хэнань), где находился его полевой командный пункт, в Сиань на встречу с Чжан Сюэляном. Остановился он в окрестностях Сиани, в старинной резиденции танского императора Сюаньцзуна (Ли Лунцзи), расположенной в окруженном со всех сторон живописными холмами местечке Хуацинчи, славившемся своими горячими минеральными источниками. Когда-то здесь любила принимать ванны обворожительная и властолюбивая наложница императора Ян Гуйфэй, знаменитая китайская *famme fatale,* безрассудная связь с которой стоила Сюаньцзуну престола. Тогда, в 755 году, против императора восстала армия во главе с решительным и дерзким Ань Лушанем. Император и наложница бежали на юг, в Сычуань. Но от них явно отвернулась удача: на одном из крутых перевалов в горах против Сюаньцзуна взбунтовались солдаты его личной гвардии. Во всех свалившихся на династию бедах они обвинили беззащитную Ян Гуйфэй. Солдаты задушили ее и сбросили бездыханное тело в горную пропасть. Сюаньцзун вынужден был отречься от престола. Поистине несчастливое место выбрал Чан Кайши для своей резиденции!

Он расположился в одноэтажном довольно мрачном павильоне Уцзяньтин (Пятикомнатный павильон), в юго-восточном крыле паркового комплекса. Именно здесь он встретился с Чжан Сюэляном, которого сопровождал

командующий 17-й полевой армией генерал Ян Хучэн, единомышленник Молодого маршала. Чжан Сюэлян настаивал на необходимости объединиться с коммунистами в борьбе против японцев. Чан возражал, доказывая, что именно уничтожение КПК является залогом успешного сопротивления внешней агрессии. Переговоры проходили трудно и вскоре зашли в тупик. Казалось, сама атмосфера неуютного павильона, обставленного спартанской мебелью, не способствовала их успеху.

9 декабря, в среду, ситуация вокруг переговоров обострилась. В ответ на выступление японского военного министра 8 декабря с новыми угрозами в адрес Китая более десяти тысяч студентов Сиани организовали демонстрацию. Она совпала с первой годовщиной общенационального антияпонского движения 9 декабря 1935 года. Студенты потребовали остановить гражданскую войну и объединить все силы против Японии. По дороге из Сиани в уездный городок Линьтун, расположенный неподалеку от резиденции Чан Кайши, их встретили полицейские, открывшие огонь. Двое студентов были ранены. По воле случая они оказались детьми одного из офицеров Северо-Восточной армии[222].

И тут Чжан Сюэлян не выдержал. Попытавшись оказать давление на Чан Кайши, он за два часа до полуночи, 11 декабря, отдал приказ высшим офицерам Северо-Восточной армии арестовать его. В 5 часов утра 12 декабря отряд из двухсот человек во главе с начальником личной охраны Чжан Сюэляна, двадцатишестилетним капитаном Сунь Минцзю, атаковал резиденцию Чан Кайши. Услышавший перестрелку Чан выскочил из окна своей спальни и скрылся в занесенных снегом окрестных холмах, в узкой расщелине. Нашли его только часа через два, босого, в наброшенном поверх ночной рубашки халате. Он сильно дрожал от холода и вначале не мог вымолвить ни слова: в спешке он забыл свою вставную челюсть. Капитан приветствовал Чан Кайши в соответствии с воинским уставом. Тогда Чан наконец с трудом вымолвил:

— Если вы мои друзья, застрелите меня и покончите со всем этим.

— Мы не будем стрелять, — ответил Сунь. — Мы только просим вас возглавить нашу страну в борьбе с Японией. Тогда мы будем первыми, кто зааплодирует нашему генералиссимусу.

(Чан Кайши являлся генералиссимусом вооруженных сил Китая с 1928 года.)

— Позовите сюда маршала Чжана, и я спущусь, — сказал Чан Кайши.

— Маршала Чжана здесь нет. Войска в городе восстали; мы

пришли, чтобы защитить вас.

При этих словах генералиссимус, казалось, успокоился и попросил привести ему лошадь, чтобы он мог спуститься с холма.

— Здесь нет лошадей, — ответил Сунь, — но я спущу вас вниз на своей спине.

И он опустился перед Чан Кайши на колени. Немного помедлив, генералиссимус вскарабкался на широкую спину капитана. Вынеся генералиссимуса к машине, начальник охраны Чжан Сюэляна напоследок сказал ему:

— Что было, то было. Сейчас же нужна новая политика для Китая.

— Я уверен, — произнес Чан Кайши саркастически, — что у маршала Чжана есть отличная политика для Китая.

— Это время национального кризиса, — парировал Сунь. — Мы надеемся, что генералиссимус примет требования народа.

— Я всегда готов рассмотреть требования маршала Чжана, — произнес Чан Кайши.

— Единственная неотложная задача для Китая — это борьба с Японией. Это общее требование жителей Северо-Востока. Почему вы не боретесь с Японией, а вместе этого отдаете приказ сражаться с Красной армией?

— Я никогда не говорил, что не буду сражаться с Японией, — ответил Чан Кайши с негодованием.

— Но Северо-Восточная армия требует, чтобы вы стали сражаться с Японией как можно скорее, так как их дома захвачены врагом и весь Китай страдает от этой потери.

— Я вождь китайского народа! — закричал вдруг Чан Кайши. — Я представляю нацию. Я считаю свою политику правильной, а не ошибочной.

— Если вы представляете китайский народ, — сказал Сунь, — почему же вы не сопротивляетесь Японии? Это требование всей китайской нации. Как вы можете заявлять, что представляете народ, когда вы не выполняете его требования?

— Я революционер, — поставил точку в этом споре генералиссимус. — Я всегда готов пожертвовать собой. Я никогда не менял своих взглядов; и даже если вы будете держать меня под арестом, мой дух никогда ни перед кем не преклонится[223].

Чан Кайши был доставлен в Сиань, где Чжан Сюэлян, извинившись за вынужденные неудобства, вновь потребовал от него прекратить войну с коммунистами и возглавить общенациональное сопротивление Японии. Между тем были арестованы гражданский губернатор провинции Шэньси Шао Лицзы, отдавший приказ о разгоне студенческой демонстрации 9 декабря, а также более десяти сопровождавших Чан Кайши

лиц[224].

Весть об аресте Чан Кайши достигла штаб-квартиры КПК в Баоани утром 12 декабря. Мао Цзэдун и другие руководители КПК пришли в неописуемый восторг. Секретарь Мао коммунист Е Цзылун вспоминает: «Ранним утром 12 декабря 1936 года меня разбудил дежурный радист. Он сказал, что Чжан Сюэлян с Ян Хучэном прислали радиограмму Мао Цзэдуну из Сиани; она помечена грифом „сверхсрочная“. Радиограмма была небольшая, написанная полупростонародным языком. Я мало что понял, но запомнил два иероглифа: „бин“ [«солдат»] и „цзянь“ [«увещевать»]. Я немедленно передал радиограмму Мао Цзэдуну, который еще не ложился отдыхать. Прочитав ее, [он] радостно сказал:

— Вот оно что! Иди спать! Завтра будут хорошие новости!»[225]

Два иероглифа означали не что иное, как решение Чжан Сюэляна применить силу для «увещевания» Чан Кайши. Об этом Молодой маршал и сообщил Мао Цзэдуну. По словам Е Цзылуна, когда он проснулся, весь город уже находился в крайнем возбуждении. Необычайным оживлением, охватившим Баоань, был поражен и живший по соседству с ЦК КПК Отто Браун. Он заметил, что сам Мао поднялся спозаранку, что было весьма необычно: тот, как правило, работал по ночам, а потому вставал поздно. В пещере Мао Цзэдуна беспрерывно звонил полевой телефон, соединявший Мао с другими руководителями партии и правительства и командирами армии. О происшедшем в Хуацинчи Отто Брауну сообщил его телохранитель, а затем Бо Гу подтвердил сенсационную новость.

На состоявшемся митинге была принята резолюция, требовавшая народного суда над Чан Кайши как над предателем. Утром 13 декабря на заседании Политбюро ЦК КПК Мао, очень возбужденный, оценил арест Чан Кайши как революционное, антияпонское, прогрессивное событие[226]. «Мы были обрадованы этой неожиданной телеграммой, — вспоминает участник заседания Чжан Готао. — Некоторые из нас говорили: „Это как раз то, чего заслуживает Чан Кайши!“ Другие: „Браво, Чжан Сюэлян!“… Мао Цзэдун… хохотал, как безумный»[227]. Политбюро почти единодушно постановило: Чан Кайши надо судить и приговорить к смертной казни. После этого Мао лично сообщил в Коминтерн о происшедшем.

Весть о событиях в Сиани, достигшая Москвы в тот же день, 13 декабря, поразила руководителей Коминтерна не меньше, чем лидеров КПК. Димитров был на седьмом небе. «Оптимистичная, благоприятная оценка Чжан Сюэляна. Советскому Союзу надо относиться сдержанно и умело реагировать на антисоветскую

кампанию в связи с событиями в Сиани», — записал он в своем дневнике[228]. На следующий же день он созвал совещание, чтобы обсудить китайские дела с самыми доверенными лицами. И только после этого связался со Сталиным.

То, что он услышал, поразило его. Хозяин, как обычно, был лаконичен:

— Посоветуйте им [китайским коммунистам] занять самостоятельную позицию [то есть независимую от Чжан Сюэляна], выступить против внутренней] междоусобицы, настоять на мирном разрешении конфликта, на соглашении и совместных действиях, на демократической] платформе всех партий и группировок, выступающих за целостность и независимость Китая, на основе позиции, изложенной партией в письме Гоминьдану и в интервью Мао Цзэдуна[229].

Вот этого уже никто не мог ожидать! Ведь Сталин, по существу, потребовал от коммунистов освободить Чан Кайши! Как же иначе можно было разрешить конфликт мирно?

Через несколько часов, в полночь, Сталин сам неожиданно позвонил Димитрову и, не скрывая раздражения, спросил:

— Кто этот ваш Ван Мин? Провокатор? Хотел послать телеграмму убить Чан Кайши.

Ошарашенный Димитров ответил, что ничего об этом не знает.

— Я вам найду эту телеграмму! — бросил трубку Сталин[230].

Никакой телеграммы он, правда, искать не стал. Скорее всего, ее просто не было, а Сталина кто-то неправильно информировал. Возможно, Сталин специально хотел напугать Димитрова, зная, что тот сам готов был отдать приказ о казни Чан Кайши. В любом случае вождь был недоволен и не скрывал раздражения.

Вскоре после Сталина позвонил Молотов:

— Утром в 3.30 в кабинете тов. Сталина. Приходите, обсудим кит[айскую] работу. Только вы и Ман[уильский], никто другой![231]

О чем совещались у Сталина, неизвестно. Можно только догадываться, что хозяин выражал недовольство политической близорукостью Димитрова, Мао Цзэдуна, Ван Мина, сотрудников аппарата Коминтерна и ЦК КПК. А Молотов, разумеется, как всегда, во всем ему поддакивал. Сталин исходил из того, что арест и казнь Чан Кайши неизбежно углубили бы раскол китайского общества. А это ему все более становилось невыгодно. Ведь в ноябре 1936-го, за месяц до «Сианьского инцидента», нацистская Германия заключила с Японией антикоминтерновский пакт, направленный против Советского Союза. Так что

превращение Чан Кайши в союзника стало для Сталина просто жизненно необходимым. Вместе с тем ему было известно, что собравшиеся 12-го числа на экстренные заседания Постоянный комитет ЦИК Гоминьдана и его Политический совет одновременно вынесли постановления силой подавить мятеж Чжан Сюэляна. Душой и телом преданный Чан Кайши военный министр Хэ Инцинь был уже готов отдать приказ о бомбардировке Сиани и посылке туда карательного корпуса. Пока же гоминьдановская авиация начала бомбить отдельные населенные пункты в провинции Шэньси. 13 декабря японская газета «Ници-ници» объявила, что Чжан Сюэлян «во второй половине дня 12 декабря» сформировал «независимое правительство», которое якобы заключило «оборонительно-наступательный союз с Советским Союзом».

14 декабря ТАСС сделал следующее заявление: «В связи с инсинуацией японской газеты „Ници-ници“, распространяемой агентством Домей Цусин, будто Чжан Сюэлян образовал правительство, поддерживаемое СССР, и заключил с СССР оборонительно-наступательный союз, ТАСС уполномочен заявить, что это сообщение лишено всякого основания и является злостным вымыслом». Как провокацию японской военщины, направленную на раскол страны, события в Сиани заклеймила в тот же день и газета «Правда», назвавшая, кроме того, Чжан Сюэляна, по сути дела, агентом японского империализма: «Чжан Сюэлян имел все возможности для оказания сопротивления японским агрессорам. Его войска были полны решимости вести эту борьбу. Но… в свое время этот бывший правитель Маньчжурии почти без боя отдал богатейшие провинции Северо-Восточного Китая японским империалистам. Теперь он, спекулируя на антияпонском движении, поднимает знамя борьбы якобы с Японией, а на самом деле способствует расчленению страны, сеет дальнейший хаос в Китае, обрекая его в жертву иностранным захватчикам».

На следующий день после совещания у Сталина, 15 декабря, Димитров передал указания хозяина о мирном разрешении инцидента работникам ИККИ: Куусинену, Москвину, Ван Мину, Дэн Фа, Тольятти и своему политическому секретарю Мандаляну. А уже 16-го вновь был в Кремле, где обсудил со Сталиным, Молотовым, Кагановичем, Ворошиловым и Орджоникидзе текст коминтерновской директивы Центральному комитету китайской компартии. Директива была принята в следующей формулировке:

«В ответ на ваши телеграммы рекомендуем занять следующую позицию:

1. Выступление Чжан Сюэляна, какие бы ни были его

намерения, объективно может только повредить сплочению сил китайского народа в единый антияпонский фронт и поощрить японскую агрессию в отношении Китая.

2. Поскольку это выступление совершилось и нужно считаться с реальными фактами, Коммунистическая партия Китая выступает за мирное решение конфликта на основе:

а) реорганизация правительства путем включения в правительство нескольких представителей антияпонского движения, сторонников целостности и независимости Китая;

б) обеспечение демократических прав китайского народа;

в) прекращение политики уничтожения Красной армии и установление сотрудничества с ней в борьбе против японской агрессии;

г) установление сотрудничества с теми государствами, которые сочувствуют освобождению китайского народа от наступления японского империализма.

Наконец, советуем не выдвигать лозунга союза с СССР»[232].

Нетрудно представить, что должен был почувствовать Мао Цзэдун, получив это распоряжение. Унижение? Стыд? Разочарование? Скорее всего, и то, и другое, и третье. По словам Эдгара Сноу, Мао «пришел в ярость, когда получил указание из Москвы освободить Чан Кайши. Он ругался и топал ногами». О реакции Мао Цзэдуна Эдгару Сноу сообщил очевидец, которого Сноу называет «Икс»[233].

Самое унизительное было в том, что приказ Москвы пришел в то время, когда Мао и сам понял необходимость мирного разрешения конфликта. Из-за возникших технических трудностей телеграмма Димитрова, посланная из Москвы 16 декабря, пришла в Баоань с опозданием, то ли утром 17-го, то ли 18-го. Часть ее вообще не пришла. И только 20 декабря Мао смог прочитать полный текст директивы Москвы[234]. Но он уже до того имел возможность ознакомиться с заявлением ТАСС и статьей «Правды», которые не оставляли сомнений в позиции Коминтерна. Более того, к тому времени Мао получил текст «Обращения к нации» Чжан Сюэляна, из которого было видно: Чжан смерти Чан Кайши не хотел. Цель Молодого маршала состояла в том, чтобы заставить Чан Кайши оказать сопротивление Японии. Прибывший 17 декабря в Сиань Чжоу Эньлай вступил в переговоры с Чжан Сюэляном и генералом Ян Хучэном. Участвовали в них и бывший Генеральный секретарь ЦК КПК Бо Гу, и заместитель начальника Генерального штаба Красной армии Е Цзяньинь. Чан Кайши с ними встретиться отказался. Не пожелал он дискутировать и предложения Чжан Сюэляна. «Ради вашего собственного спасения или ради спасения

нации, единственное, что вам остается сделать, так это немедленно раскаяться и сопроводить меня обратно в Нанкин, — заявил он Чжан Сюэляну. — Вы не должны попасть в ловушку, подстроенную коммунистами. Раскайтесь сейчас же, прежде чем это будет слишком поздно»[235].

Надо было что-то делать, так как ситуация обострялась. К 19 декабря Мао осознал: инцидент надо урегулировать. Он был крайне раздражен и на собравшемся в тот же день заседании Политбюро не сдержался. Признав, что «сегодняшний вопрос — это главным образом вопрос сопротивления Японии, а не вопрос отношения к Чан Кайши», он неожиданно обронил: «Японцы говорят, что это [арест Чан Кайши] дело рук Советского Союза, а Советский Союз говорит, что это подстроено японцами. И та и другая сторона извращают суть вещей»[236].

Политбюро приняло резолюцию, направленную на мирное разрешение конфликта. Директива Москвы, полностью расшифрованная 20-го и в тот же день в восемь часов вечера переправленная Мао Цзэдуном Чжоу Эньлаю, уже ничего не меняла. Однако внешне все выглядело так, будто Мао вынужден был принять указания Сталина. Необходимо было рапортовать о выполнении приказа Коминтерна. Но в то же время совсем не хотелось ударять в грязь лицом перед собственными товарищами по партии. Поэтому, невзирая на объективные обстоятельства и формально одобрив директиву Москвы, Мао стал тормозить заключение соглашения с Чан Кайши о едином антияпонском фронте.

Правда, и Чан не торопился с оформлением союза с КПК, несмотря на то, что об этом его просили прибывшие в Сиань в качестве посредников английский и американский военные атташе.

22 декабря в Сиань прилетели свояк Чан Кайши Сун Цзывэнь и супруга генералиссимуса Сун Мэйлин. Только теперь ситуация разрешилась: галантный кавалер Чжан Сюэлян не смог устоять перед очаровательной Сун Мэйлин. На Рождество он преподнес ей подарок: объявил, что сам будет сопровождать ее и ее мужа в Нанкин! Как же наивен он был!

Прилетев в Нанкин, Чан Кайши тут же отдал мятежного маршала под суд военного трибунала. Чжан был приговорен к десяти годам тюрьмы. Правда, в июле 1937-го в связи с началом широкомасштабной японо-китайской войны его амнистируют, как и всех других политических заключенных. Но Чан Кайши его никогда не простит. Судьба Чжан Сюэляна сложится печально. Тюрьму ему заменят домашним арестом, и он будет томиться в неволе долгие годы. В 1949-м, эвакуируясь под ударами армии

Мао, Чан возьмет его с собой на Тайвань, и там Чжан по-прежнему будет находиться под стражей. На свободу он выйдет только в 1990 году, восьмидесятилетним стариком!

Все это будет в дальнейшем, а пока, получив свободу, Чан продолжил подготовку к шестому антикоммунистическому походу. В конце декабря к границам советского района на севере Шэньси стали активно стягиваться новые военные силы. И тогда 6 января 1937 года Мао не выдержал. Вместе с Ло Фу в телеграмме на имя Чжоу Эньлая и Бо Гу он заявил о необходимости «решительно готовиться к войне» с Гоминьданом[237].

Воинственные настроения в Баоани, однако, не могли не вызвать незамедлительной реакции со стороны Коминтерна. Из донесений своей агентуры московские лидеры знали, что «в последнее время английские газеты в Шанхае помещают статьи, рекомендующие нанкинскому правительству заключить соглашение с китайскими коммунистами „на основе сохранения безраздельного суверенитета правительства“. Американские газеты также благоприятно относятся к „соглашению всех сил [так в тексте] вокруг нанкинского правительства“. В китайских кругах, связанных с движением национального спасения, и даже в кругах, близких нанкинскому правительству, распространяются слухи, что английский и американский военные атташе, ездившие в Сиань для содействия освобождению Чан Кайши, рекомендовали Чан Кайши идти на уступки Чжан Сюэляну и договориться с Китайской Красной армией»[238].

16 января 1937 года Димитров передал Сталину проект нового директивного письма Центральному комитету КПК. А 19 января Молотов, Димитров, Андреев, Жданов и Ежов собрались в кабинете Сталина. Обсудили создавшуюся ситуацию. Тон телеграммы получился резким:

«Придаем исключительное значение мирному разрешению сианьских событий. Однако это разрешение может быть сорвано не только благодаря происка японских империалистов и их агентов, всячески разжигающих внутреннюю войну, но и в результате ошибочных шагов вашей партии.

Сейчас яснее чем когда-либо раньше видна неправильность прежней установки партии — добиться установления единого фронта путем устранения Чан Кайши и низложения нанкинского правительства. Несмотря на коррективы, внесенные партией за последнее время в свою политику, партия еще не освободилась окончательно от этой ошибочной установки… Партия на самом деле ведет курс на раскол Гоминьдана, а не на сотрудничество с Гоминьданом. Само соглашение с Чан Кайши и Нанкином рассматривается как капитуляция Чан Кайши и Нанкина.

Сотрудничество с сианьцами проводится как блок, направленный против Нанкина, а не на совместные действия с ними против общего врага. Все это льет воду на мельницу прояпонских элементов.

Главная задача партии сейчас — добиться практического прекращения гражданской войны, в первую очередь отказа со стороны Гоминьдана и нанкинского правительства от политики уничтожения Красной армии, добиться совместных действий с Нанкином против японских захватчиков, хотя бы на первых порах и без формальных договоров. Исходя из этого, партия должна открыто заявить и твердо проводить курс на поддержку всех мероприятий Гоминьдана и нанкинского правительства, направленных на прекращение внутренней междоусобной войны и к объединению всех сил китайского народа для защиты целостности и независимости Китая против японской агрессии»[239].

Сталин поручил Димитрову направить Мао Цзэдуну отдельным письмом и директиву о необходимости вообще изменить направление китайской работы. Она ушла на следующий день, 20 января. От имени Секретариата ИККИ Димитров попросил Мао подумать, не пора ли «перейти от советской системы к системе народно-революционного управления на демократических основах» при сохранении «Советов только в городских центрах и не как органов власти, а как массовых организаций»[240].

Решительный тон телеграммы от 19 января изменил обстановку. Мао вновь пришлось заверять Москву в своей полной лояльности. Через несколько дней он отправил Димитрову проект телеграммы ЦК КПК в адрес 3-го пленума ЦИК Гоминьдана пятого созыва, который должен был собраться в Нанкине 15 февраля. Мао просил совета, как лучше составить текст. Димитров отправил его телеграмму вместе с проектом своего ответа в Политбюро. 5 февраля Молотов по телефону спецсвязи сообщил ему о принятии предложений Мао Цзэдуна с некоторыми поправками. В тот же день Димитров известил об этом Мао Цзэдуна. 9 февраля телеграмма в адрес 3-го пленума ЦИК Гоминьдана была обсуждена и принята на заседании Постоянного комитета Политбюро ЦК КПК, а на следующий день отправлена в Нанкин[241]. В ней, в частности, говорилось:

«Вся страна радуется мирному разрешению сианьского вопроса. Отныне курс, направленный на установление внутреннего мира, единства, сплоченности, на защиту страны, начинает претворяться в жизнь, и это является счастьем для государства и нации. В настоящий критический момент, когда

бесчинствуют японские захватчики и китайская нация оказалась на грани гибели, наша партия искренне надеется, что 3-й пленум Гоминьдана определит в качестве государственной политики следующие принципы:

1) полное прекращение гражданской войны, концентрация национальных сил для единодушного противодействия внешней агрессии;

2) свобода слова, собраний и организаций, амнистия всем политическим заключенным;

3) созыв конференции представителей всех партий, группировок, социальных слоев и армий, концентрация всех способных людей страны для совместного спасения родины;

4) быстрое и полное завершение всех подготовительных работ для войны сопротивления Японии;

5) улучшение жизни народа».

Со своей стороны ЦК КПК обещал прекратить политику вооруженных восстаний с целью свержения Национального правительства в масштабах всей страны. Он также выражал готовность переименовать советское правительство в правительство Особого района Китайской Республики, а Красную армию — в Национально-революционную армию, которые будут подчиняться непосредственно Центральному правительству Гоминьдана и Военному комитету в Нанкине. А кроме того, соглашался ввести в Особом районе демократическую систему всеобщих выборов и прекратить конфискацию «помещичьих» земель[242].

Между тем Мао Цзэдуну шел 44-й год, и он уже приобрел огромную известность как политический деятель общекитайского масштаба. Влияние его в партии стало почти безоговорочным, хотя он и не являлся пока ее Генеральным секретарем. Не ослабевала только его зависимость от Москвы, как, впрочем, и вообще подчиненное положение КПК Коминтерну. И хотя концепции китайской революции, артикулированные московским руководством, часто менялись, Компартия Китая по-прежнему оставалась тесно привязанной к ИККИ и ВКП(б). Советское идеологическое влияние на китайских коммунистов оставалось доминирующим. «Сианьский инцидент» только усилил его. И хотя в душе Мао начинали таиться обиды и недовольство, он все еще оставался послушным учеником «великого» Сталина.

В начале 1937 года Цзычжэнь родила ему пятого ребенка. Это была девочка. Жена Чжоу Эньлая, Дэн Инчао, дала ей имя Цзяоцзяо (Красавица).

Позже, когда дочери исполнится тринадцать лет, Мао в соответствии с китайской традицией даст ей другое, взрослое,

имя. Таковым будет Минь («Быстрая»). Иероглиф «минь» он возьмет из изречения Конфуция «Благородный муж медлителен в речах, но быстр в действиях» *(«цзюньцзы юй на юй янь эр минь юй син»)*. Тогда же он изменит ей и фамилию — с Мао на Ли, по фамильному знаку своего любимого псевдонима, Ли Дэшэн, означающего «отступить во имя победы»[243]. А пока вскоре после ее рождения, 13 января 1937 года, по соглашению с Чжан Сюэляном, заключенному еще до ареста Молодого маршала, ЦК КПК из пещерной Баоани переезжал за двести *ли* к югу, в крупный город северной Шэньси — Яньань. Перед отъездом, держа на руках запелёнатую дочурку, Мао радостно говорил ей:

— Моя Красавица! Ты идешь в ногу со временем! Мы уезжаем жить в город[244].

Часть VI
«ФОРМА И РЕЗУЛЬТАТ»

ЕДИНСТВО И БОРЬБА ПРОТИВОПОЛОЖНОСТЕЙ

Переезд в Яньань внес существенные изменения в повседневную жизнь Мао Цзэдуна. Можно было вновь насладиться комфортом настоящей городской жизни. Новая «красная» столица ничем не походила на Баоань. Здесь, в Яньани, жизнь била ключом. «На рынке крестьяне и лоточники торговали мясом, яйцами, овощами и другими продуктами, — вспоминает Отто Браун. — Работали лавки, харчевни и даже несколько респектабельных ресторанов. Яньань жила нормальной мирной жизнью. Это была необычная для нас картина»[1].

Старинный город, основанный еще во II тысячелетии до н. э., приобрел особое значение во времена Цинь Шихуана, первого императора Поднебесной, начавшего в 220 году до н. э. в двухстах *ли* к северу от него строительство Великой Китайской стены. Забытый Богом Яньчжоу (так тогда называлась Яньань) сразу превратился в оживленный деловой центр. Со временем, правда, его значение приуменьшилось, однако он неизменно оставался важным стратегическим пунктом на границе собственно Китая и дикой Ордосской степи, населенной кочевниками. Расположенный в длинной горной долине, на южном берегу широкой, но мелководной и каменистой реки Яньхэ, город этот был окружен лёссовыми холмами. Почти по всему его периметру высились массивные крепостные стены, по сторонам которых возвышались четыре зубчатые квадратные башни. В них находились городские ворота: северные, южные и двое восточных (большие и малые). На западе и юго-западе ворот не было: там крепостная стена тянулась по гребню холмов, наглухо запиравших город от любых незваных гостей.

Узкие оживленные улочки, длинные кварталы домов с изогнутыми черепичными крышами, роскошные усадьбы и особняки местной знати, брошенные своими владельцами, и над всем этим — парящая в небе изящная девятиэтажная пагода, расположенная на одной из окрестных вершин, — такой предстал этот город коммунистам. Яньань (дословно: «Долгое спокойствие»), казалось, сулила Мао и его сотоварищам долгожданный

отдых. Мир с Гоминьданом постепенно становился реальностью.

В городе насчитывалось более трех тысяч жителей, но пустующего жилья было предостаточно, так что большая часть партийного руководства смогла разместиться довольно сносно. Мао и Хэ Цзычжэнь вместе с другими членами ЦК и их женами обосновались в западном квартале города, у подножия Фэнхуаншань (горы Феникса). Это был престижный район богатых купцов и землевладельцев, которые, разумеется, все сбежали, едва до них дошли слухи о приближении войск КПК. Вместе с женой Мао Цзэдун занял дом зажиточного торговца. Рядом, в соседних особняках, поселились Ло Фу, Чжу Дэ, Чжоу Эньлай и Пэн Дэхуай. Светлые и просторные комнаты поражали чистотой. Из них были хорошо видны желтые лёссовые холмы, горбатыми волнами уходящие за горизонт. У одного из окон в комнате, служившей и гостиной, и спальней, стояла большая деревянная кровать, у другого — традиционный *кан,* отапливаемый дымом от очага. Стол, несколько стульев и полок с книгами да огромная деревянная бадья-ванна дополняли убранство дома. Не хватало только стеллажей для бумаг, и Мао, едва вселившись, приспособил для них несколько пустых бензиновых бочек, которые, по его требованию, притащили охранники. (Бочки, кстати, оказались нефтяной кампании «Стандарт ойл», так что к китайской мебели Мао добавил еще и американскую[2].)

Недалеко от города в крутых склонах лёссовых гор по обоим берегам реки тоже имелись пещеры. Шли они длинными рядами на многие *ли* к северу от городских кварталов, и с большого расстояния выглядели как гнезда ласточек или летучих мышей[3]. Там стали жить в основном бойцы и командиры Красной армии. Впрочем, несколько высших руководителей КПК также предпочли спартанский пещерный быт «феодальной» роскоши. Среди них находился Чжан Готао, с каждым днем ощущавший все большую недоброжелательность Мао и его единомышленников.

В одной из пещер разместилась и прибывшая в Яньань в конце января или начале февраля крайне левая американская журналистка Агнес Смедли, мужеподобная суфражистка сорока пяти лет, фанатично презиравшая буржуазную мораль и самозабвенно обожавшая Сталина.

Формально она не являлась членом какой-либо коммунистической партии, но до приезда в северную Шэньси поддерживала конспиративные отношения с Коминтерном и КП США. По сути дела, в начале 30-х

годов она играла роль неофициального представителя ИККИ в Китае, через которого коминтерновские агенты не раз передавали деньги и инструктивные письма китайским коммунистам. В те годы она оказалась втянутой и в советскую шпионскую сеть в Шанхае через советского военного разведчика Рихарда Зорге, жившего под псевдонимом Джонсон. В 1930 году Агнес стала одной из его многочисленных любовниц и в течение нескольких месяцев сходила с ума от грубой силы и красоты этого «мужлана» (так она называла его в одном из писем подруге). Вскоре после приезда в Яньань Смедли подала официальное заявление о приеме ее в Компартию Китая, но получила мягкий отказ. Для нее это явилось ударом, хотя она и приняла аргументы китайских друзей: те объяснили, что талантливой журналистке лучше формально оставаться вне КПК. Так она могла принести больше пользы коммунистическому движению[4].

Рядом со Смедли, в соседней пещере, поселилась ее переводчица, миловидная У Гуанвэй, театральная актриса, также недавно появившаяся в Яньани. Агнес звала ее Лили (Лилия), и это имя как нельзя лучше ей подходило: изящная, как озерный цветок, с лицом, напоминавшим полную луну, двадцатишестилетняя Лили резко отличалась как от самой Смедли, так и от всех остальных обитательниц яньаньского лагеря. Единственная из всех женщин Яньани она пользовалась косметикой, которую в изобилии привезла из Сиани, завивала длинные черные волосы, пышными прядями спускавшиеся ей на плечи, следила за чистотой кожи и ногтей. В общем, сознательно бравировала желанием быть привлекательной. Неудивительно, что многие, в том числе женатые мужчины, стали заглядываться на нее.

Не избежал соблазна и Мао. Внешне, впрочем, его отношения с Лили развивались весьма безобидно. Просто он начал время от времени наведываться в гости к симпатичной актрисе и ее соседке — поболтать, попить кофе, а то и рисового вина, побаловаться крекерами из опресненного теста, которые страдавшая от язвы Агнес всегда старалась иметь при себе, или поиграть в карты. Несколько раз, правда, он оставался обедать, но всегда вел себя целомудренно и никаких попыток к сближению с «товарищем У» не делал (по крайней мере на людях). Он вроде бы просто ценил ее как талантливую актрису, вносящую немаловажный вклад в дело революционной борьбы. (Как раз в то

время Лили У блистала на театральных подмостках Яньани в роли Ниловны в инсценировке горьковской «Матери».)

Время, однако, шло, и по городу поползли слухи. Особенно взволновались женщины, большинство из которых были замужними. Активные члены партии, прошедшие вместе с мужьями через тяжелейшие испытания гражданской войны, пережившие Великий поход, гоминьдановскую блокаду, голод, бомбежки и разлуку с детьми, все они, как один, считали себя революционными моралистками. «Шарм» и «женственность» не являлись словами из их лексикона. Яркая одежда, косметика и прически вызвали у них презрение, а вольное общение с незнакомыми мужчинами рассматривалось как адюльтер. Их общепризнанным стилем был строгий партизанский пуританизм. С мужчинами, в том числе с собственными мужьями, они вели себя как с боевыми товарищами, так же, как и те, одевались, коротко стриглись да к тому же держали себя подчеркнуто скромно и независимо. Собственно и на женщин-то они уже мало походили, ни в чем не желая уступать сильному полу.

Понятно поэтому, что Лили должна была раздражать их одним фактом своего существования. А тут еще новости о ее связи с Мао!

Резко негативное впечатление на яньаньских женщин производила и Агнес Смедли. И не только потому, что дружила с Лили.

Да, эта американка никогда в жизни не пользовалась косметикой, просто, по-мужски, одевалась, была неприхотлива в быту и страстно любила коммунистическую партию. Но она вела себя грубо, самоуверенно и чересчур свободно. Верила в свободную «революционную» любовь, отрицала брак как средство закабаления женщины, проявляла излишнюю активность на митингах, часами в своей пещере интервьюировала мужчин да к тому же вела агитацию за контроль над рождаемостью. (Кампанию за спринцевание, начатую ею среди окрестных крестьянок, Смедли, правда, очень скоро должна была прекратить. Яньаньские жительницы, не понимая, чего от них хочет эта голубоглазая «заморская дьяволица», выпивали отдающую запахом лимона жидкость вместо того, чтобы использовать ее по назначению.) Особенно ненавидела ее жена Чжу Дэ, волевая и энергичная Кан Кэцин: едва приехав в Яньань, Смедли стала работать над биографией ее мужа, в которого влюбилась по-настоящему с первого взгляда. Свои чувства к Чжу Дэ, ее «лучшему другу на всей земле», Агнес и не пыталась скрыть, проводя с ним вдвоем массу времени — под предлогом работы над книгой.

Кан Кэцин и Хэ Цзычжэнь организовали блок против Смедли и Лили, и скоро к ним примкнули все яньаньские революционерки. Но наши «прелестницы», казалось, не замечали сжимавшегося вокруг них кольца ненависти. Они продолжали встречаться с Чжу Дэ и Мао да еще и провоцировали их при каждом удобном случае. В их опасных играх принимали участие и две другие женщины: известная писательница-коммунистка Дин Лин, также весьма эмансипированная особа, а также (отчасти) жена Эдгара Сноу, Хелен (в кругу друзей ее звали Пег или Пегги) Фостер Сноу (литературный псевдоним — Ним Уэлс), еще одна американская журналистка, прибывшая в Яньань в конце апреля. Последняя, правда, была достаточно скромной, но на вечеринках у Смедли присутствовала, потому что ничего предосудительного в этом не видела. Была она настоящей женщиной, обворожительной, как голливудская красавица.

А между тем далеко не всё во встречах Мао и Чжу с Лили, Агнес и Пегги выглядело невинным. Иногда в присутствии Мао женщины начинали в шутку обсуждать местных мужчин, желая выяснить, кто из них самый красивый (и Смедли, и Сноу немного владели китайским языком). Кого-то, смеясь, браковали как слишком жирного, кого-то — как чересчур худого, а кого-то — как очень маленького. Сходились на том, что самыми привлекательными являлись Линь Бяо, «классический красавец», и еще один кадровый военный, Сюй Хайдун, пленявший их своей мускулистой фигурой. Мао тоже находили красивым, сравнивая его с Линкольном. При этом, однако, как правило, разводили руками: «Хорошие мужики, конечно, но, увы, мы не можем конкурировать с их женами!» И Смедли начинала смеяться: «Да уж, если вы, вожди КПК, не высвободитесь из-под женского каблука, вряд ли вам удастся освободить Китай!»

Нетрудно заметить, что женщины играли с огнем. Уставший делить ложе с товарищем по партии, вождь КПК с трудом сдерживал себя. Встречи становились все более частыми. Мао чуть ли не каждый вечер приходил к ним и читал вслух лирические стихи, которые стал вновь писать, заводил с Агнес разговоры о романтической любви (а общались они в основном через Лили), и вскоре ему и Агнес пришла мысль организовать школу танцев. Раздобыли где-то старый патефон и несколько пластинок с фокстротом и в пустовавшей после бегства яньаньских миссионеров церкви устроили музыкальный вечер. Возмущенные до глубины души таким откровенным «развратом» жены лидеров КПК демонстративно проигнорировали мероприятие, однако их мужья с удовольствием приняли в нем участие. Особенно веселились Чжу Дэ, Чжоу Эньлай и Хэ Лун,

старательно разучивавшие американские танцы. Даже аскетичный Пэн Дэхуай и тот пришел поглядеть на необычное шоу. Эти уроки продолжались в течение нескольких недель и немало способствовали дальнейшему сближению Мао и Лили[5].

О том, что произошло дальше, вспоминает Хелен Фостер Сноу: «31 мая меня пригласили к американской журналистке Агнес Смедли в ее просторную и комфортабельную пещеру, вырытую в одном из холмов… Я пожарила две картофелины на небольшом огне во дворе и послала моего охранника купить две банки ананасов. Лили У приготовила яичницу с перцем. Агнес Смедли заказала суп из капусты и что-то еще из ресторана. Пришел Мао Цзэдун… В тот вечер он был в очень приподнятом настроении. В Мао чувствовалась какая-то особая привлекательность, которую не передают фотографии, некая экспрессия и живость… Агнес взирала на него с благоговением, как на Бога, и ее огромные голубые глаза то и дело загорались фанатичным огнем. Лили У тоже смотрела на Мао как на героя. Чуть позже я была поражена, увидев, как Лили подошла и села на скамейку около Мао, положив свою руку на его колено (очень робко). Лили объявила, что выпила слишком много вина… Мао тоже выглядел сильно удивленным, но не мог показаться хамом и грубо оттолкнуть ее. К тому же это его явно забавляло. Он тоже заявил, что выпил слишком много вина. После этого Лили отважилась взять Мао за руку и в течение вечера то отпускала ее, то вновь сжимала своей ладонью»[6].

На следующий же день все стало известно Цзычжэнь. О поведении Лили ей, должно быть, доложили охранники Мао, присутствовавшие при случившемся. Товарища Хэ они уважали, а Лили терпеть не могли, считая, что та плохо воздействует на Мао Цзэдуна. В Китае вообще мужчина и женщина не могли на людях прикасаться друг к другу, а тут налицо был открытый флирт с женатым человеком! Сомнений быть не могло: Лили явно пыталась соблазнить Мао, рассчитывая женить его на себе. Нервы Цзычжэнь не выдержали. Слишком хорошо знала она мужа, чтобы чувствовать себя спокойной. Мао был податлив на женскую ласку, ценил красоту и любил услужливых женщин. И все это он мог найти в избытке у Лили. Не помня себя от обиды, Цзычжэнь бросилась вон из дома и, не разбирая дороги, устремилась к пещерному лагерю.

Уже давно стемнело, когда она достигла пещеры Лили. Цзычжэнь не сомневалась, что найдет там неверного мужа. И не ошиблась. Вот что впоследствии со слов Смедли рассказывал Эдгар Сноу: «Агнес уже собиралась ложиться спать, как вдруг… услышала звук шагов. Кто-то изо всех сил спешил по горной

дороге. Затем дверь пещеры Лили с шумом отворилась и пронзительный женский крик разорвал тишину: „Ах ты, идиот! Как же ты смеешь меня обманывать, шляясь к этой буржуазной шлюшке с танцплощадки!“ Смедли вскочила с постели, набросила на себя плащ и ринулась в соседнюю пещеру. Там она увидела жену Мао, которая, стоя перед мужем, била его длинным электрическим фонарем. Он сидел на стуле около стола в кепке и военной форме. Остановить жену он не пытался. Его охранник, замерший около двери, не знал, что делать. Жена Мао, рыдая от ярости, продолжала избивать его и орать до тех пор, пока не выдохлась. Наконец Мао прервал ее. Он выглядел уставшим, а его голос звучал тихо и строго: „Успокойся, Цзычжэнь. В моих отношениях с товарищем У нет ничего постыдного. Мы просто разговаривали. Ты позоришь себя как коммунист. Тебе будет стыдно. Иди быстрее домой, пока другие члены партии не узнали об этом“. Но тут жена Мао обернулась к Лили, которая жалась к стене, как испуганный котенок, завидевший тигра. Она бросилась на нее с криком: „Танцевальная сука! Ты, видно, на всех мужиков бросаешься! Даже Председателя[72] одурила!“ Подскочив к Лили и все еще держа в одной руке фонарь, она другой рукой стала царапать ей лицо, а затем вцепилась в ее пышные волосы. Окровавленная Лили рванулась к Агнес и спряталась за ее спиной. И тогда жена Мао решила обрушить свой гнев на Агнес. „Империалистка! — закричала она. — Это твоя вина! Пошла вон в свою пещеру!“ Размахнувшись, она ударила „заморскую дьяволицу“ фонарем. Но Смедли была не из тех, кто подставляет другую щеку. Она сбила миссис Мао с ног одним ударом. Сидя на полу, жена Мао, больше от унижения, чем от боли, истерически визжала: „Что же ты за муж?! Какой из тебя мужик?! Действительно ли ты коммунист?! Меня на твоих глазах ударила эта империалистка, а ты молчишь!“ Но Мао возразил ей: „Да разве не ты ударила ее, несмотря на то, что она вообще ничего тебе не сделала? У нее есть право на самозащиту. Это ты нас всех опозорила. Ты ведешь себя как богатая дамочка из плохого американского фильма“. С трудом сохраняя хладнокровие, Мао приказал охраннику помочь его жене подняться и проводить ее домой. Но та шумно сопротивлялась, и Мао пришлось вызвать еще двоих охранников, которые в конце концов увели истеричную жену Мао в ее дом. За ними в тишине последовал и Мао, и пока эта процессия спускалась с холма, множество удивленных лиц выглядывало из пещер»7.

Вряд ли следует добавлять, что через несколько часов весь город и все жители пещерного лагеря знали о происшедшем конфликте. По словам Смедли и Эдгара Сноу, Мао срочно собрал

заседание партийного руководства, на котором было принято решение о придании «делу» грифа секретности. О том, что случилось, говорить запрещалось. Но разве можно было унять разошедшуюся Хэ Цзычжэнь! Она стала требовать от ЦК наказания Смедли, Лили и охранника Мао, находившегося в момент скандала в пещере. Молодого солдатика она тоже подозревала в заговоре против нее: ведь он все видел, но не вмешался. Целыми днями жаловалась она на неверного мужа, «бесстыдную шлюху» У Гуанвэй и «империалистическую сводню» Смедли своим подругам, женам руководителей партии. А те, разумеется, полностью поддерживали ее и, качая головами, рассматривали черный синяк под правым глазом, который поставила ей жестокая Агнес[8].

Чтобы как-то охладить пыл супруги, с которой Мао совсем не собирался разводиться, он вынужден был отослать Лили. Дождливым июльским утром она уехала вместе с Дин Лин и своей театральной труппой в провинцию Шаньси. Перед отъездом, глотая слезы, она жгла у себя во дворе перед входом в пещеру листочки с поэмами Мао, которые тот дарил ей в безвозвратно ушедшие счастливые вечера.

Попросил Мао покинуть Яньань и Агнес Смедли. По городу ползли слухи, что Цзычжэнь подговаривала своих охранников пристрелить ее, и Мао, будучи не в силах бороться с народной молвой, спешил избавиться от еще одного виновника своей семейной драмы. Но ему не повезло. Агнес вынуждена была остаться в Яньани вплоть до начала сентября. Вскоре после их разговора она повредила позвоночник: лошадь, на которой Смедли ездила по окрестным местам, споткнулась и, упав, сильно придавила ее. Несчастный случай приковал «низвергательницу устоев» к *кану* на шесть недель. Только 10 сентября смогла она распроститься с «красной столицей». За три дня до этого из города выехала Пегги Сноу[9].

А вскоре, не в силах забыть случившееся, Яньань покинула и Хэ Цзычжэнь. Как ни старался Мао ее удержать, она бросила его и дочь, которая только что начала говорить, и отправилась в Сиань под предлогом того, что ей нужна была квалифицированная врачебная помощь. Осколки авиационной бомбы действительно не давали ей покоя, но, конечно, не их удаление явилось главной причиной ее отъезда.

Хотя кто знает? Может быть, боль от ранения на самом деле усугубляла ее плохое самочувствие, заставляя так болезненно реагировать на в общем-то невинное увлечение Мао?

Между тем события в стране и мире продолжали разворачиваться с лихорадочной быстротой, и можно только

удивляться, как Мао находил время «бегать по девочкам», учиться танцам, писать любовные стихи, а потом еще и улаживать запутанные семейные отношения.

На протяжении всей первой половины 1937 года Сталин настойчиво вел дело к официальному оформлению нового единого фронта КПК с Гоминьданом. Разумеется, это требовало больших финансовых средств, и он не скупился, изыскивая пути передачи крупных сумм китайской компартии. К тому времени в конспиративные финансовые операции Коминтерна оказалась вовлечена вдова самого Сунь Ятсена, Сун Цинлин, которая под именем «мадам Сузи» стала выполнять посреднические функции при передаче крупных денежных сумм Коминтерна руководителям китайской компартии. Конечно, она не являлась официальным членом КПК, но, будучи достаточно левой («почти коммунистка», — говорил о ней Димитров[10]), поддерживала неофициальные связи с деятелями коммунистической партии еще с периода революции 1925–1927 годов[73]. В ноябре 1936 года, например, в ответ на адресованное ей письмо Мао Цзэдуна, в котором говорилось о финансовых трудностях КПК, она помогла коминтерновским представителям передать Мао 50 тысяч американских долларов через коммуниста Пань Ханьняня[11]. В телеграмме ИККИ в ЦК КПК от 12 ноября 1936 года сообщалось о решении предоставить китайской компартии финансовую помощь в размере 550 тысяч американских долларов. Первую часть этой суммы в размере 150 тысяч американских долларов Исполком Коминтерна собирался передать в конце ноября в Шанхае Пань Ханьняню опять же через Сун Цинлин. В начале же марта 1937 года Москва пообещала увеличить в текущем году финансовую помощь КПК до 1 миллиона 600 тысяч американских долларов. Вместе с полученными ЦК китайской компартии суммами в 150 тысяч и 50 тысяч американских долларов размер коминтерновской помощи КПК в 1937 году приближался к 2 миллионам американских долларов[12].

10 марта 1937 года Сталин приказал Димитрову вызвать в Москву сына Чан Кайши, Цзян Цзинго, политического эмигранта, жившего в то время в Свердловске. Он решил отправить его к отцу, рассчитывая, что Цзян окажет на Чан Кайши воздействие, убедив его пойти на контакт с коммунистами в целях отражения японской агрессии[13].

> Цзян Цзинго оказался на Урале не случайно. Он приехал в Советский Союз шестнадцатилетним юношей в ноябре 1925 года, в период бурного подъема китайской антиимпериалистической революции. Стал учиться в

Москве в Университете трудящихся Китая им. Сунь Ятсена, где получил псевдоним — Николай Владимирович Елизаров. Там же, в УТК, от множества революционных книг голова у него пошла кругом, и он вступил в комсомол. Начал выполнять ответственные партийные поручения, вошел в редакционный совет стенной газеты УТК «Хун цян» («Красная стена»). В апреле же 1927 года был настолько потрясен шанхайским переворотом, что на университетском митинге отрекся от своего отца-«палача». «Кровавая собака черной китайской реакции» — так назвал он его[14].

Дальше — больше. Одним из первых среди студентов-китайцев Цзян Цзинго вступил в члены троцкистской организации, в рядах которой стал проявлять заметную активность[15]. Однако после ее разгрома в ноябре 1927 года резко отошел от оппозиции: по словам его сотоварища, троцкиста Ци Шугуна, носившего псевдоним в честь великого русского поэта Николая Алексеевича Некрасова, Николай Елизаров просто «испугался троцкистской нашей активной работы»[16]. По совету некоторых сокурсников Цзян Цзинго написал официальное заявление о разрыве с троцкистами[17]. В конце 1927 года, после окончания УТК, его откомандировали в Ленинград, в Военно-политическую академию (ВПА) им. Н. Г. Толмачева. Вскоре после этого ему пришлось расстаться с женой, молоденькой Фэн Фунэн (псевдоним — Нежданова), дочерью Фэн Юйсяна, на которой он женился еще в УТК. Разрыв объяснялся просто: маршал Фэн тоже оказался «кровавой собакой». Ведь, как мы знаем, в июне 1927 года по соглашению с Чан Кайши он также разорвал единый фронт с коммунистами. Жена Цзян Цзинго ничего в политике не понимала и отца осуждать не хотела, а потому 25 мая 1928 года вместе с братом, тоже, кстати, бывшим сторонником Троцкого, Фэн Хунго и младшей сестрой Фэн Фуфа (и тот и другая также учились в УТК, псевдонимы — Собинов и Собинова) выехала в Китай[18].

Цзян Цзинго же продолжил учебу в ВПА. В 1930 году, окончив ее, он некоторое время работал слесарем на московском заводе «Динамо», а затем участвовал в коллективизации. В 1930 году вступил кандидатом в члены ВКП(б) и, как один из десятитысячников-

коммунистов, брошенных партией на подъем колхозного строительства, с мая по ноябрь 1931 года работал председателем колхоза им. Октябрьской революции в селе Коровине Московской области. После этого, с ноября 1931-го по конец октября 1932 года, вновь учился, на этот раз в аспирантуре Международной ленинской школы. В 1932 году его направили на Урал помощником начальника механического цеха № 1 Уралмашзавода в Свердловске. Здесь в 1934 году он познакомился со светловолосой русской девушкой, комсомолкой Фаиной Вахревой, которая была на семь лет моложе его. Девушка тоже работала на заводе, токарем. В начале 1935 года, когда Цзян Цзинго был уже заместителем редактора заводской газеты «За тяжелое машиностроение», они поженились. Через год у них родился первенец, Эрик. В самом начале 1937 года Цзян Цзинго назначили заместителем заведующего организационным отделом Свердловского городского совета.

Весной 1937 года Цзян Цзинго вместе с Фаиной был вызван в Москву. Здесь с сыном Чан Кайши провели соответствующие беседы, и Цзян поклялся твердо следовать указаниям ИККИ. 28 марта 1937 года по пути в Китай он отправил телеграмму Димитрову: «Посылаю Вам мой самый сердечный большевистский привет с дороги. Все Ваши инструкции будут выполнены»[74].

Вскоре после приезда в Китай, однако, большевистские иллюзии у него развеялись. Вождь народов ошибся в нем так же, как когда-то в его отце. Никакие инструкции Коминтерна Елизаров выполнять не стал, а по поручению Чан Кайши, превратившегося в одночасье из «кровавой собаки черной китайской реакции» в обожаемого отца, отправился в качестве заместителя директора провинциального бюро по поддержанию порядка в провинцию Цзянси, то есть как раз в тот район, где после отхода главных сил КПК на северо-запад все еще действовали отдельные партизанские коммунистические отряды. «Кости и мясо соединились, сын вернулся из России, — записал в дневнике Чан Кайши. — Разлука продолжалась двенадцать лет, теперь духи предков могут успокоиться». Впоследствии Цзян Цзинго при поддержке отца сделает головокружительную карьеру и после смерти родителя в 1976 году станет его преемником.

Почему он так быстро изменил идеалам молодости? Кто знает? Возможно, прав его биограф В. П. Галицкий: Николай Елизаров разочаровался в сталинском социализме, еще будучи в

Советском Союзе, и воспользовался заданием Сталина для того, чтобы вовремя бежать из России.

Как бы то ни было, но достижение договоренности между Гоминьданом и компартией ускорил не приезд Цзян Цзинго в Китай, а обострение внутриполитической ситуации. Весной 1937 года японцы все активнее концентрировали войска в нескольких километрах от Бэйпина. Именно поэтому в конце марта в Ханчжоу Чан Кайши встретился с представителями КПК Чжоу Эньлаем и Пань Ханьнянем и провел с ними прямые переговоры. Было решено, что КПК сохранит контроль над своими вооруженными силами, которые будут состоять из трех дивизий общей численностью чуть более 40 тысяч солдат; коммунисты будут по-прежнему контролировать правительство своего района, но подчиняться приказам Нанкина[19]. В начале апреля Политбюро ЦК КПК после долгого обсуждения одобрило это решение.

3 апреля 1937 года Чан Кайши в обстановке секретности провел в Шанхае переговоры с советским послом Богомоловым: в обмен на союз с КПК Чан хотел заручиться согласием правительства СССР помогать Гоминьдану материально. В то же время мстительный Чан отстранил от командования 17-й армией Ян Хучэна, одного из «сианьских заговорщиков», участвовавших в его аресте. Он приказал Ян Хучэну выехать на «учебу» за границу.

29 мая полуофициальная делегация ЦИК Гоминьдана посетила Яньань. На приеме в ее честь Мао Цзэдун сказал: «В прошлом в течение десяти лет между нашими партиями не было единства, сейчас ситуация изменилась. Если между нашими двумя партиями по-прежнему не будет единства, страна погибнет»[20]. По предложению главы делегации ГМД, видный деятель компартии Линь Боцюй, бывший близкий соратник Сунь Ятсена, вместе с одним из наиболее престарелых гоминьдановцев — членов делегации совершили символическое паломничество к могиле легендарного правителя Древнего Китая Хуанди, за двести *ли* к югу от Яньани. Два почтенных революционера стерли пыль с плиты на могиле в знак того, что отныне все существовавшие противоречия между враждовавшими партиями устранены. Мао остался очень доволен. «Теперь у меня появилась надежда»[21], — сказал он.

Визит делегации ознаменовал прекращение столкновений между войсками КПК и Гоминьдана. 8 июня возобновились прямые переговоры между Чан Кайши и Чжоу Эньлаем. На этот раз они проходили в курортном местечке Лушань, в провинции Цзянси. В них также принимали участие Линь Боцюй и Бо Гу. Беседы продолжались вплоть до 15 июня и оказались успешными. Была достигнута договоренность о прекращении гражданской

войны, и три принципа Сунь Ятсена объявлены идеологической основой сотрудничества[22].

Но только после начала широкомасштабной японо-китайской войны 7 июля 1937 года произошло, наконец, оформление единого антияпонского фронта. Непосредственным поводом к этому послужила японская бомбардировка Шанхая, центра экономических интересов Чан Кайши и англо-американских инвесторов. Это событие имело место 13 августа. Через несколько дней, 22 августа, доведенный японцами до предела генералиссимус заключил договор о ненападении с Советским Союзом, обещавшим помочь Китаю в борьбе с японской агрессией. В тот же день он отдал приказ о включении Красной армии в состав находившейся под его командованием Национально-революционной армии. РККА была переименована в 8-ю полевую армию в составе трех дивизий: 115-й под командованием Линь Бяо, 120-й (командир Хэ Лун) и 129-й (командир Лю Бочэн). Командующим армией был назначен Чжу Дэ, его заместителем — Пэн Дэхуай. Вскоре было утверждено и правительство так называемого Особого пограничного района Китайской Республики — так теперь стала называться Северо-западная канцелярия Центрального правительства КСР. Этот район включал в себя 18 уездов провинций Шэньси, Ганьсу и Нинся[23]. Председателем его Чан Кайши утвердил Линь Боцюя, который и без того выполнял эти обязанности с конца февраля 1937 года вместо Бо Гу, перешедшего на работу заведующим орготделом ЦК КПК[24]. Через месяц, 22 сентября, была опубликована декларация компартии о признании руководящей роли Гоминьдана, а 23-го — заявление Чан Кайши об образовании единого антияпонского фронта всех политических партий страны. Сталин мог торжествовать: Китай хотя и формально, но все же объединился в борьбе с Японией, что существенно понижало шансы японского вторжения в СССР.

С реальным же объединением по-прежнему существовали проблемы. И главная из них заключалась в том, что ни Чан Кайши, ни Мао Цзэдун не доверяли друг другу и, по сути дела, никакого действительно единого фронта не хотели.

Что касается Мао, то он, как мы видели, шел на переговоры с Нанкином буквально «из-под сталинской палки». Политика единого антияпонского фронта давалась ему с трудом, и он принял ее только тогда, когда решил, что из нее можно извлечь определенные выгоды. В его сознании эта политика в конце концов тесно переплелась с прежними коминтерновскими положениями о неизбежности так называемого «некапиталистического» пути развития Китая, под которыми

недвусмысленно понимался все тот же социалистический вариант развития, только отчасти завуалированный. Мао по-прежнему исходил из старых установок самого Сталина, который еще в конце ноября 1926 года, в период работы 7-го пленума ИККИ, внес «социалистическое уточнение» в мифическую ленинскую идею о будущем «некапитализме» стран Востока, которую никто толком ни в Коминтерне, ни вне его не понимал. Вождь большевистской партии обосновал тогда мысль о том, что рано или поздно вся национальная буржуазия Китая перейдет в лагерь реакции и роль вождя революции неминуемо окажется в руках китайского пролетариата и его партии; под руководством последних в стране будет установлена революционно-демократическая диктатура пролетариата и крестьянства, а эта последняя неминуемо откроет возможность для перехода к «некапиталистическому, или, точнее, к социалистическому развитию Китая»[25]. Тезис о равнозначности «некапитализма» и социализма был закреплен в решениях VI Всемирного конгресса Коминтерна в августе 1928 года, подтвердившего, что именно такого рода перспектива ожидает китайскую «буржуазно-демократическую и антиимпериалистическую» революцию после победы КПК.

В эту теорию Мао верил безоговорочно и именно ее все прошедшие годы стремился осуществить на практике. И в этом смысле новые игры с Гоминьданом, китайской интеллигенцией и буржуазией не означали для него какого-то качественного этапа в развитии концепции китайской революции. Кратковременный зигзаг на пути к социализму не мог с его точки зрения изменить характер будущей коммунистической революции в Китае: та по-прежнему оставалась для КПК «некапиталистической, или, точнее, социалистической». Об этом Мао недвусмысленно заявил на партийной конференции советских районов, созванной в начале мая 1937 года в Яньани: «Решительное руководство демократической революцией есть непременное условие завоевания победы социализма. Мы боремся за социализм… Сегодняшние усилия должны быть обращены к завтрашней великой цели; упускать из виду эту цель — значит, перестать быть коммунистом. Мы за перерастание нашей революции, за перерастание демократической революции в социалистическую»[26].

То же самое он неоднократно заявлял иностранным корреспондентам, посещавшим Яньань летом того же года. Так, в беседе с группой американцев в конце июня он специально отметил: «Без руководства со стороны пролетариата никакая революция невозможна в Китае. Это обусловливает возможность

того, что Китай проследует прямо в социалистическое будущее, минуя эпоху капитализма… Наш вывод заключается в том, что Китай может избежать капитализм и осуществить социализм непосредственно… Руководство со стороны пролетариата делает возможным перерастание войны в социалистическую революцию… Это ленинский подход к проблеме революции»[27].

То же самое через несколько дней он сказал и в интервью Хелен Фостер Сноу: «Китайская революция… является антиимпериалистической, антифеодальной, буржуазно-демократической революцией… Но в то же время мы считаем, что у китайской революции есть возможность избежать капиталистического будущего и превратиться в социалистическую революцию… После того как антиимпериалистическая, антифеодальная буржуазно-демократическая национальная революция достигнет определенного успеха и демократическая революция дойдет до определенной стадии, эта революция завершит свою победу путем трансформации в социалистическую революцию. Мы, коммунисты, верим, что такая возможность существует… Все вышеизложенное соответствует анализу характера китайской революции, данному в резолюциях коммунистической партии на VI конгрессе Коминтерна». В том же интервью Мао объявил *дичжу* «одними из главных врагов революции», обвинив их в «теснейшей связи с империализмом». И тут же недвусмысленно намекнул на то, что не следует доверять и национальной буржуазии, которая имеет «особые связи с империалистическим капиталом и земельной [собственностью]»[28].

Этот подход отличался от взглядов некоторых других яньаньских лидеров. Чжоу Эньлай, например, считал возможным на данном этапе осуществить строительство в Китае «национально-демократической системы», в которой рабочий класс и крестьянство не являлись бы гегемонами, а только играли «крупную роль», и которая объединяла бы рабочих, мелкую и национальную буржуазию, а также *дичжу*. Такой же, по сути дела, позиции придерживался и Чжан Готао[28a].

Разногласия в партии нашли отражение и в разных подходах отдельных деятелей КПК к конкретным проблемам ведения войны против японской агрессии. Не доверяя Чан Кайши и желая сберечь войска для будущей, послевоенной борьбы с Гоминьданом за руководство демократической революцией, Мао никоим образом не хотел участвовать не только в позиционной, но и вообще в регулярной маневренной войне с японцами под руководством генералиссимуса. Конечно, он не отказывался помогать «дружеским регулярным войскам», но с его точки

зрения 8-я армия могла и должна была вести только чисто партизанские или маневренно-партизанские («воробьиные», как он их называл) боевые действия в японском тылу независимо от Гоминьдана, «взяв инициативу в свои руки». Такой метод войны, считал он, будет «свободнее, живее и эффективнее». Более того, он настаивал на том, чтобы на борьбу с японцами было направлено не более семидесяти пяти процентов главных сил бывшей Красной армии, остальные же двадцать пять следовало оставить в Особом районе для его защиты от возможного нападения Чан Кайши. При этом последний, разумеется, не должен был знать о таком процентном соотношении[29]. Его взгляды полностью разделял Ло Фу, вновь ставший его главным союзником[30].

По-иному на эти проблемы смотрели Чжоу Эньлай, Бо Гу, Чжу Дэ, Чжан Готао и Пэн Дэхуай, считавшие, что одними партизанскими силами нельзя сломить наступление японской военной машины. Они ратовали за тесное взаимодействие с войсками Центрального правительства, заявляя, что 8-я НРА в состоянии вести и маневренную войну с тем, чтобы наносить значительные потери японским войскам[31].

Важное значение в выработке тактики ведения войны имело расширенное совещание Политбюро ЦК, созванное Ло Фу и Мао 22 августа 1937 года в небольшой деревеньке близ уездного города Лочуань в ста восьмидесяти *ли* к югу от Яньани. Участвовали в нем двадцать три человека, в том числе, кроме партийных руководителей, крупные армейские командиры. После бурных четырехдневных дебатов победу одержал Мао Цзэдун. Была принята написанная Ло Фу резолюция, обязывавшая 8-ю НРА на первых порах вести маневренно-партизанскую войну во взаимодействии с другими китайскими частями, чтобы завоевать «доверие» нанкинского правительства и одобрение общественности. В случае же возможного прорыва фронта со стороны японцев войскам, руководимым компартией, предписывалось перейти к самостоятельным, чисто партизанским действиям с расширением районов их боевых операций по территории всего Северного Китая, оккупированного японцами[32].

Воодушевленный победой, Мао немедленно постарался ее закрепить и уже через два дня после Лочуаньского совещания на заседании Постоянного комитета Политбюро объявил: «Политический и организационный уровень пролетариата выше уровня буржуазии… Ведя совместную [с Гоминьданом войну] сопротивления Японии, нам надо соединять воедино национальную и социальную революции. В длительный период единого фронта Гоминьдан будет оказывать планомерное и

всестороннее воздействие на компартию и Красную армию, стараясь переманить их на свою сторону. Мы должны повысить политическую бдительность. Надо сделать так, чтобы крестьянство и мелкая буржуазия последовали за нами. Внутри Гоминьдана есть некоторые колеблющиеся между ГМД и КПК элементы. Это создает для нас благоприятные условия, при которых компартия будет переманивать на свою сторону Гоминьдан. Вопрос о том, кто кого переманит, решится в борьбе между двумя партиями». В заключение Мао предупредил, что отныне главной опасностью внутри КПК следует считать «правый оппортунизм»[33] (имелось в виду «капитулянтство» перед Гоминьданом и отказ от борьбы за социалистическую революцию).

Основные тезисы этого выступления он повторил через несколько дней на собрании высшего партактива в Яньани, особо выделив мысль о том, что в ходе войны коммунисты «должны будут, создав демократическую республику рабочих, крестьян и буржуазии, подготовить переход к социализму». Казалось, именно этот вопрос, а отнюдь не война с Японией занимали тогда почти все его воображение. «Либо мы одолеем их [гоминьдановцев], либо они нас», — твердил он, не уставая доказывать, что войска КПК обязаны вести только партизанские действия в горной местности, «независимые и самостоятельные», беречь силы и никоим образом не являться марионеткой в руках Чан Кайши. Ведь антияпонская война будет носить затяжной характер, разъяснял он, так что надо набраться терпения и ждать, пока японская армия истощит свои силы[34]. «Враг наступает — мы отступаем; враг остановился — мы тревожим; враг утомился — мы бьем; враг отступает — мы преследуем», — продолжал он следовать своему излюбленному правилу.

Конечно, в его словах было много смысла. Как и любой другой милитарист в Китае, Мао прекрасно понимал, что его могущество и даже существование целиком зависят от того, насколько сильна его армия. Ни партия, ни массовое движение, как мы уже видели, ничего не стоили, если не опирались на военную силу. Только винтовка по-прежнему рождала власть. Как же мог он в таких условиях рисковать своими вооруженными силами, подставляя их под удар японцев? Ведь потеряй он их, и тогда Чан Кайши сам бы тут же разорвал с ним единый фронт, а затем бросил против него войска и раздавил, как ничтожного муравья. Просто удивительно, как его оппоненты не желали замечать очевидного, несмотря на титанические усилия Мао, настойчиво разъяснявшего им суть своей военной стратегии![35] Впрочем, после Лочуаньского совещания противников его курса

стало гораздо меньше. И Чжу Дэ, и Пэн Дэхуай, и многие другие приняли его «партизанские» идеи.

Гоминьдановская же армия тем временем отступала, терпя одно катастрофическое поражение за другим. В июле японские войска взяли Пекин и Тяньцзинь. В ноябре — Тайюань (столицу провинции Шаньси) и Шанхай.

Наступление императорских войск продолжалось, и ничто, казалось, не могло его остановить. В соответствии с договором СССР оказывал Чан Кайши огромную помощь, посылал советников, снабжал деньгами, вооружением. В общем, делал все, что мог. Так же, как во времена Великой революции середины 20-х годов. Но все было без толку. Армия Чан Кайши отступала. Единственное, чего Сталин достиг, так это заверения Чана в том, что тот не заключит мира с японцами. Лидер Китая был готов вести затяжную войну.

И тогда кремлевский диктатор, пристально следивший за драматическим развитием событий на китайских фронтах, понял: надо еще раз продумать тактику КПК. 11 ноября 1937 года он принял Ван Мина, Кан Шэна и Ван Цзясяна, которые попросили его о встрече в связи с отъездом Ван Мина и Кан Шэна на родину. Ван Цзясян, прибывший в Москву на лечение (как мы помним, он страдал от ран с апреля 1933 года), оставался исполняющим обязанности руководителя делегации КПК в Коминтерне (под псевдонимом Чжан Ли). В беседе принял участие Димитров.

Сталин обстоятельно инструктировал отъезжавших. Вопросы единого антияпонского фронта и антияпонской войны были, разумеется, затронуты в первую очередь. Судя по дневнику Димитрова, хозяин подчеркнул следующие моменты:

«1) **основным** для кит[айской] компартии теперь является: **влиться** в общенациональную волну и захватить руководящую роль;

2) сейчас **главным является война,** а не **аграрная** революция, не конфискация земли. (Необходим **налог** на нужды войны.) Кит[айские] ком[мунисты] перешли от одной крайности к другой — раньше конфисковывали **все,** а теперь ничего;

3) **лозунг один:** „Победоносная война за независимость китайского народа“. „За свободный Китай, против япон[ских] захватчиков“;

4) как китайцы будут **воевать** с **внешним** врагом — вот решающий вопрос. Когда это окончится, тогда встанет **вопрос,** как они будут **воевать** друг с другом;

5) **китайцы** находятся в **более благоприятных** условиях, чем были мы в 1918–1920 годах. У нас страна была **разделена** по линии социальной революции. В Китае — **национальная**

революция, борьба за нац[иональную] незави[симость] и свободу, **объединение** страны и народа;

6) **Китай** обладает **огромными человеческими ресурсами,** и я думаю, что Чан Кайши прав, когда говорит, что Китай победит. Нужно самим держаться в нынешней войне».

Сталин обещал помочь Китаю в развитии военной промышленности: «Если у Китая будет **собственная военная промышленность,** никто не сможет его победить».

Высказал он соображения и относительно военной тактики КПК, посоветовав китайским коммунистам избегать лобовых атак на японцев, поскольку у 8-й армии не было артиллерии. «Ее [8-й армии] тактика, — сказал Сталин, — должна заключаться в… том, чтобы тревожить противника, заманивать его внутрь страны и **бить ему в тыл.** Необходимо взрывать коммуникации, железнодорожные мосты, [используемые] японской армией». Он потребовал увеличить армию КПК до тридцати дивизий.

«Ни **Англия,** ни **Америка** не хотят победы **Китая,** — добавил он. — Они боятся этой победы, исходя из своих империалистических интересов. Победа Китая повлияет на Индию, Индокитай и т. д. Они хотят, чтобы Япония ослабла в результате войны, но не допустят, чтобы Китай встал на обе ноги. Они хотят иметь в **лице Японии цепного сторожевого пса** — пугать Китай, так же как они раньше [пугали] царскую Россию, но они не хотят, чтобы у этого пса была возможность самому загрызть свою жертву».

В заключение Сталин сказал: «На китайском партийном съезде[75] нецелесообразно заниматься теоретическими дискуссиями. Теоретические проблемы надо оставить на потом, после окончания войны. Говорить о **некапиталистическом** пути развития Китая теперь менее целесообразно [у Димитрова дословно: „имеет меньше шансов“], нежели прежде. (Ведь капитализм в Китае развивается!)»[36]. Как мы помним, на языке Сталина и Коминтерна «некапиталистический путь» в применении к Китаю и другим странам Востока означал «социалистический». Иными словами, Сталин потребовал от КПК выработать новую политическую линию, формально исключавшую курс на социализм. Члены делегации КПК обязаны были доложить об этом своему Центральному комитету и лично Мао.

14 ноября Ван Мин с женой Мэн Циншу (Розой Владимировной Осетровой) и Кан Шэн с супругой Цао Иоу (русский псевдоним — Лина) вылетели из Москвы и 29 ноября через Синьцзян прибыли в Яньань. Вместе с ними прилетел и Чэнь Юнь, который, как мы помним, был членом Постоянного

комитета Политбюро ЦК КПК, участником Великого похода, заслуженным и боевым товарищем. С апреля 1937 года он работал в Синьцзяне главным представителем Коминтерна и ЦК КПК. Кстати, именно Ван Мин с одобрения Димитрова его туда и послал: до того, как мы помним, Чэнь Юнь с конца августа 1935 года работал в Москве под началом Ван Мина. С декабря же 1936 года он находился в Алма-Ате, тоже в непосредственном подчинении Вана[37].

На аэродроме гостей встречали Мао Цзэдун, Ло Фу, другие руководители партии. Вновь прибывшим был оказан теплый прием, а Мао даже назвал Ван Мина «ангелом-хранителем партии»[38]. Но все это ничего не значило. Мао Цзэдун понимал: в лице Ван Мина он приобретал наиболее коварного, ярого и беспощадного конкурента за власть из всех, которые у него были до того. И борьба с ним должна была быть нелегкой.

Мао уже знал, что по дороге в Яньань бывшие руководители делегации КПК в Коминтерне остановились в Синьцзяне, нанеся визит тамошнему правителю *(дубаню)* Шэнь Шицаю, разыгрывавшему из себя в то время лучшего друга Советского Союза. Одно время *дубань* даже просился в члены ВКП(б), однако Сталин вежливо отказал ему. Там, в Синьцзяне, Ван Мин устроил такую чистку местной партийной организации, что Мао и его сотоварищи в Яньани просто не сразу смогли поверить в то, что произошло.

А дело обстояло следующим образом. В столице Синьцзяна городе Дихуа (Урумчи) Ван Мин встретился со своим старым знакомым по учебе в Университете трудящихся Китая им. Сунь Ятсена (позже — КУТК) Юй Сюсуном, известным в кругах Коминтерна под псевдонимом Рубен Нариманов. В 1925–1929 годах этот человек вместе со студентами Чжоу Давэнем, он же Владимир Васильевич Чугунов, и Дун Исяном (Лев Михайлович Орлинский) особенно ожесточенно сопротивлялся установлению в УТК «диктатуры Голубева» (псевдоним Ван Мина) и Павла Мифа. Был он не менее амбициозен, чем сам Ван Мин, да к тому же располагал солидным партийным стажем: еще в 1920 году принял участие в создании Шанхайского социалистического союза молодежи, который сам же и возглавил. В апреле 1921 года вместе с другим активистом союза, Хэ Мэнсюном, Юй впервые посетил Советский Союз, где принял участие во II конгрессе Коммунистического интернационала молодежи. В январе 1922 года вновь приехал в Москву, на этот раз для участия в Съезде народов Дальнего Востока. После этого вплоть до ноября 1925 года работал в Центральном исполнительном комитете китайского соцсомола, а также участвовал в организации первого

единого фронта с Гоминьданом. В общем, был фигурой заметной.

Авторитетными членами партии являлись и Чжоу Давэнь, и Дун Исян. Первый вступил в КПК в 1923 году, двадцатилетним юношей, и в 1924–1925 годах, до приезда в Москву, уже возглавлял Всекитайский студенческий союз. В апреле 1927 года он попал в поле зрения Сталина после того, как написал ему письмо с вопросами относительно характера китайской революции. Из бесчисленного потока писем, поступавших на его имя, Сталин выбрал именно письмо Чугунова и 9 апреля ответил ему[39], а в мае, выступая перед студентами Университета трудящихся Китая им. Сунь Ятсена, упомянул о нем[40]. Именно Чжоу Давэню Сталин поручил представлять китайскую компартию на 8-м пленуме Исполкома Коминтерна в мае 1927 года. Что же касается Дун Исяна, то он был самым старшим из этой тройки. Он родился в 1896 году и вступил в партию еще в 1921-м. В 1924 году он основал партийную организацию в крупном торговом центре Китая, городе Уси (провинция Цзянсу).

С помощью Мифа Ван Мин смог вытеснить своих врагов из Университета трудящихся Китая. «Чугунов, Нариманов, Орлинский не в состоянии были больше оставаться в КУТКе»[41], — вспоминал Ван Мин. Они были переведены на учебу в находившуюся в Москве же Международную ленинскую школу (МЛШ), однако Ван Мин не прекращал своих нападок на них. В 1928 году ему удалось еще больше ослабить влияние Юй Сюсуна и поддерживавших его студентов. Серьезную помощь ему тогда оказал введенный Мифом в заблуждение новый, избранный на VI съезде КПК в июле 1928 года Генеральный секретарь ЦК китайской компартии Сян Чжунфа. Однако дальнейшие попытки Ван Мина очернить старых членов партии были пресечены Исполкомом Коминтерна.

В 1930 году, после окончания Международной ленинской школы, Юй Сюсун был оставлен в ней аспирантом и инструктором китайского сектора. Тогда же стал преподавать китайским студентам МЛШ историю ВКП(б) и ленинизм. В начале 1931 года вместе с Чжоу Давэнем публично осудил реорганизацию руководящих органов китайской компартии, проведенную Мифом, в результате которой, как мы знаем, к власти уже в самой КПК пришел не кто иной, как Ван Мин. Несмотря на столь смелый поступок, Юй продолжал преподавать в МЛШ. В этой школе к нему, похоже, все относились с уважением, о чем свидетельствует сохранившаяся в архиве характеристика, выданная ему бюро парткома МЛШ. В ней говорится: «Нариманов идеологически выдержан. Особо надо подчеркнуть большую добросовестность, с какой он относится ко

всякой возложенной на него общественно-партийной работе. Дисциплинирован. По академической линии активен, способности хорошие… Рекомендуется использовать его на руководящей партийно-организационной работе». Осенью 1932 года, однако, в жизни Юй Сюсуна произошли изменения. 29 октября под давлением Ван Мина, к тому времени возглавившего делегацию КПК в Коминтерне, он был отстранен от работы в школе. В начале 1933 года по решению ЦК ВКП(б) его направили на работу в Хабаровск, в местную китайскую газету «Гунжэньчжи лу» («Рабочий путь»), в которой главным редактором с начала июня 1932 года работал его друг Чжоу Давэнь. Юй стал его заместителем. Но уже через три года его в составе группы из двадцати пяти китайских коммунистов, проживавших в СССР, откомандировали в Синьцзян. В то время *дубань* обратился к ЦК ВКП(б) с просьбой прислать ему ряд способных кадров для налаживания антиимпериалистической работы, и Юй Сюсун возглавил секретариат местной Демократической антиимпериалистической лиги, находившейся под влиянием коммунистов, а также стал главным редактором ее ежемесячника «Фаньди чжаньсянь» («Антиимпериалистический фронт»).

Именно на этом посту его и встретил в Синьцзяне Ван Мин, не оставлявший тайных надежд на сведение с ним окончательных счетов. Случай был исключительный. *Дубань* принял Ван Мина и Кан Шэна радушно, как посланцев дружественной страны. Во время приема, однако, Ван Мин неожиданно заметил *дубаню,* что на подконтрольной ему территории действуют враждебные СССР контрреволюционные троцкистские элементы, которых следовало бы вычистить самым решительным образом. *Дубань* был явно сконфужен: ни о каких контрреволюционных троцкистах в Синьцзяне он ничего не знал. Но показаться гостям неучтивым не захотел, тут же приказав адъютанту принести на опознание фотографии двадцати пяти кадровых работников КПК, прибывших в Синьцзян из СССР за два года до того. Ван Мин и Кан Шэн отобрали из них ни много ни мало двадцать четыре человека, которые тут же *дубанем* и были арестованы! Единственный, кого Ван Мин и Кан Шэн не осмелились обвинить в троцкизме, был Чэнь Юнь.

Вряд ли следует говорить, что среди двадцати четырех был и Юй Сюсун. В качестве жеста доброй воли *дубань* передал всех арестованных представителям советского НКВД. На суде Юй Сюсун был обвинен в причастности к так называемому правотроцкистскому контрреволюционному блоку и 23 февраля 1938 года расстрелян. Его останки погребли в братской могиле на кладбище Донского монастыря. В апреле 1938 года были

расстреляны и арестованные несколько раньше его, летом 1937 года, Чжоу Давэнь и Дун Исян. 3 августа 1957 года решением Верховного суда СССР все они будут реабилитированы[42].

Поистине Ван Мин был лучшим учеником товарища Сталина! И именно таковым себя и считал. Был он, как мы помним, горд, эгоистичен и властолюбив. Перед отъездом на родину, 11 ноября 1937 года, во время уже описанной выше встречи в Кремле, он получил прямое задание Сталина «принять меры» к тому, чтобы пресечь «проявления троцкизма в деятельности руководства КПК». Судя по дневниковым записям Димитрова, Сталин выразил недовольство деятельностью Секретариата Коминтерна, заявив, что призывов к усилению борьбы против троцкистов недостаточно. «Троцкистов надо преследовать, расстреливать и уничтожать, — внушал он Ван Мину. — Это международные провокаторы, самые злостные агенты фашизма!»[43] Именно Ван Мину Сталин поручил непосредственно информировать его по всем вопросам, касавшимся возможности «троцкистского» перерождения коммунистического движения в Китае. После такого приема в Кремле Ван Мин, облеченный доверием Сталина, конечно, не сомневался: ему и остальным «28 большевикам» удастся подчинить своему контролю всю партию. И в соответствующем направлении он начал действовать уже в Синьцзяне.

Как бы то ни было, но сразу же по прибытии в Яньань Ван Мин, разумеется, проинформировал Мао и других лидеров КПК о последних военных и политических указаниях Сталина. Он потребовал немедленного созыва специального совещания Политбюро ЦК, чтобы обсудить ситуацию. Мао, Ло Фу и другие вынуждены были подчиниться. Совещание длилось шесть дней, с 9 по 14 декабря, и прошло под фактическим руководством Ван Мина. А как же иначе: ведь он был посланцем Сталина!

Ван недвусмысленно осудил решения Лочуаньского совещания, выступив тем самым против политики Мао. Указания Сталина он воспринял достаточно просто: если для КПК сейчас главным является война с Японией и на повестке дня стоит «борьба за национальную независимость и свободу, объединение страны и народа», то надо, следовательно, подчинить всю работу единому фронту. Точно так же, кстати, понял слова вождя и Димитров, с которым Ван Мин, очевидно, обсудил услышанное в Кремле. В тот самый день, когда Ван Мин и Кан Шэн вылетали из Москвы, 14 ноября, Генеральный секретарь ИККИ провел заседание своего Секретариата, на котором во всеуслышание заявил, что КПК не следует чересчур подчеркивать свою самостоятельность, а нужно действовать по принципу: «Все

подчинено единому фронту, все через единый фронт»[44].

Именно эту формулу озвучил на декабрьском совещании и Ван Мин, заявивший о необходимости теснейшего сотрудничества с Чан Кайши — «организующей силой китайского народа», избегая любых самостоятельных действий, могущих нанести вред единству Китая в борьбе против японских захватчиков[45].

Как же хотелось Ван Мину и Димитрову угодить Сталину! Их раболепство просто не знало границ! Они не думали о КПК, а исходили главным образом из того, что активное сопротивление японцам в Китае в конечном счете обезопасит Советский Союз — отечество мирового пролетариата. Именно поэтому они старались не замечать даже прямых указаний кремлевского вождя о необходимости войскам КПК вести чисто партизанские действия — «тревожить противника, заманивать его внутрь страны и бить ему в тыл». Нет, твердил Ван Мин, надо сделать гораздо больше и от партизанской войны перейти к маневренной, чтобы сковать силы японской военщины и не допустить ее нападения на СССР! Только так сможем мы выполнить свой святой интернациональный долг!

Мао Цзэдун возражал, пытаясь обосновать свою позицию философски. За два месяца до переезда в Яньань он стал проявлять большой интерес к этой науке и вплоть до начала июля 1937 года помимо любовной поэзии занимался еще и большевистской философией. Изучал он этот предмет по китайским переводам двух советских учебников и одной статьи, опубликованной в Большой советской энциклопедии. Речь идет о работах, подготовленных сотрудниками Коммунистической академии, ленинградскими философами Иваном Михайловичем Широковым[76] и Арнольдом Самойловичем Айзенбергом, а также московскими «корифеями» Марком Борисовичем Митиным и Исааком Петровичем Разумовским[46]. Эти ученые были убежденными сталинистами и, говоря словами наиболее авторитетного из них, Митина, при анализе проблем философии руководствовались «одной идеей: как лучше понять каждое слово и каждую мысль нашего любимого и мудрого учителя товарища Сталина и как их претворить и применить к решению философских вопросов»[47].

Не случайно поэтому философское чтение произвело на Мао сильное впечатление.

Особенный интерес вызвал закон единства и борьбы противоположностей, который советские философы определяли как основной в материалистической диалектике[48]. Вывод, который он сделал из чтения, был совершенно в духе марксизма: «Цель изучения философии — не в том, чтобы удовлетворить

собственную любознательность, а в том, чтобы изменить мир». Эту марксистскую формулу он применил к реальностям своей страны: «Национальный антияпонский фронт сможет лучше и конкретнее развить силы различных классов… Нам следует прежде всего проанализировать характерные особенности этой войны. То же самое надо сделать и с единым фронтом, отличительной чертой которого является наличие как противоречий между Китаем и Японией, так и противоречий внутри страны… Национальный характер и интернациональный характер коммунистической партии, демократическая революция и социалистическая революция, война и мир, мир и война, союз с буржуазией и преодоление колебаний и предательств буржуазии, компромисс с Гоминьданом со стороны компартии только ради укрепления независимости [самой] компартии… — все это является взаимопроникновением и взаимопреобразованием противоположностей… Наш единый фронт с китайской буржуазией относителен так же, как относительна дипломатия мира между Китаем и миролюбивыми странами. Относительна и политика сосуществования, которую проводит Советский Союз. Относительны и договоры СССР о союзах с другими государствами. Это же можно сказать и о единстве внутри партии и о единодушии вообще… Единство относительно, борьба абсолютна»[49].

Весной — летом 1937 года Мао даже выступил с серией лекций о диалектическом материализме перед студентами Антияпонского военно-политического университета, открытого в Яньани незадолго до того. Изложив близко к тексту, а то и вовсе заимствуя без указания на источник основные положения советских философов, он вновь связал их с задачами китайской революции. «Китайский пролетариат, ставя перед собой в настоящий момент историческую задачу осуществления буржуазно-демократической революции, должен использовать диалектический материализм как свое интеллектуальное оружие, — сказал он. — Если китайский пролетариат и китайская компартия, а также широкие революционные элементы, готовые принять точку зрения пролетариата как наиболее правильное и революционное мировоззрение и методологию, воспримут диалектический материализм, они смогут верно разобраться в тех изменениях, которые происходят в процессе революционного движения, смогут выдвинуть революционные задачи, объединить свои ряды и ряды своих союзников, сокрушить реакционные теории, выработать правильную линию, избежать ошибок в работе и достичь целей освобождения и строительства Китая»[50].

Его пространные выступления (каждая лекция длилась

четыре часа, а весь курс занял более 110 часов) получили большой резонанс. Мао завоевал колоссальное уважение студентов как человек, постигший непостижимое, и вскоре часть лекций была опубликована в университетском журнале[51].

Исходя из своих новых, диалектических, представлений Мао и на декабрьском совещании пытался доказывать: «В едином фронте „мир“ и „война“ представляют единство двух противоположностей… Вопрос о том, кто кого переманит, Гоминьдан или компартия, существует. Нам не нужно, чтобы Гоминьдан переманил компартию, нам надо, чтобы Гоминьдан воспринял политическое влияние со стороны компартии… Говоря в целом, [мы должны вести] независимую и самостоятельную партизанскую войну в горной местности при относительно централизованном командовании [со стороны Гоминьдана]»[52].

Но демагогия Ван Мина сделала свое дело. Мао Цзэдун проиграл[53]. При поддержке Кан Шэна, Чэнь Юня и некоторых других членов Политбюро Ван Мин, представлявший себя единственно правильным толкователем указаний Москвы, занял, по существу, лидирующие позиции в партии. Позже Мао вспоминал, что после возвращения Ван Мина его (Мао Цзэдуна) «власть распространялась не далее пещеры», где он жил[54]. (После отъезда Хэ Цзычжэнь Мао часто жил в пещерном лагере, хотя его дом в Яньани по-прежнему оставался за ним. В яньаньском особняке он обычно принимал иностранных гостей[55].)

Мао вынужден был подчиниться и даже отойти в тень, саркастически заметив в январе 1938 года: «Я только начинаю изучать военные вопросы, так что в течение какого-то времени не смогу написать никакой статьи в этой области. Может быть, было бы лучше, если бы я больше занимался философией. Похоже, в этом есть насущная необходимость»[56].

Конечно, это не свидетельствовало о том, что Мао сдался на милость новому врагу. Как раз наоборот. Всю зиму 1937/38 года и всю последующую весну он готовился нанести ему сокрушительный удар. Семейные дела его утряслись, и он мог вновь сосредоточиться на внутрипартийной борьбе.

Цзычжэнь была далеко. В январе 1938 года она через Ганьсу и Синьцзян выехала в Советский Союз, где под псевдонимом Вэнь Юнь (Вэнь «Облако») была зачислена на учебу в Китайскую партийную школу при ЦК МОПР СССР, находившуюся в местечке Кучино под Москвой. Одновременно стала проходить обследование в 1-й Кремлевской поликлинике[57]. К сожалению, операцию ей отказались делать: осколки настолько вжились в кости и ткани, что удалять их было нельзя. К тому же она (опять!) ждала ребенка. Зачала она в августе 1937 года, незадолго перед

отъездом из Яньани. Было ли это результатом краткого перемирия между конфликтовавшими сторонами или Мао применил силу, принудив жену к интимным отношениям, неизвестно. Но, уезжая от мужа в Сиань, Цзычжэнь, по-видимому, еще не знала о том, что произошло.

Родит она 6 апреля 1938 года в Московском роддоме им. профессора Сеченова[58]. И это будет мальчик, ее шестой ребенок, которого она вроде бы назовет Лёва. (Действительно ли она даст ему русское имя, сказать трудно, но так, по крайней мере, гласит легенда[59].) Бедное дитя, однако, не прожив и десяти месяцев, скончается от воспаления легких, и убитая горем Цзычжэнь похоронит его на кладбище под Москвой в какой-то общей могиле[60]. Всю жизнь она будет терзаться тем, что не уберегла этого последнего от Мао ребенка.

А Мао уже и не вспоминал о ней. Борьба за власть с Ван Мином полностью захватила его. Как раз в конце 1937-го — начале 1938 года до него стал доходить подлинный смысл сталинского единого фронта, выраженный в ноябрьских указаниях вождя. Их Мао интерпретировал по-своему, полагая, что политика Сталина представляла собой хорошо завуалированный тактический ход, направленный не только на объединение всех сил китайской нации на отражение японской агрессии, но и на подготовку условий для дальнейшего захвата власти в Китае компартией.

И он был прав. Как всегда, в основе тактики Сталина лежал обман. От компартии на этот раз действительно требовалось сохранять силы, вести партизанскую борьбу в японском тылу и заманивать агрессора вглубь Китая, чтобы сковать его действия. Одновременно китайские коммунисты должны были энергично пропагандировать новый путь развития страны на послевоенный период: умеренно демократический взамен леворадикального (то есть «„некапиталистического“, или, точнее, социалистического»), не получившего поддержки большинства населения. Надо было отбросить старую идею о том, что Китаю удастся избежать капитализм и осуществить социализм непосредственно, выработав политическую программу, формально исключавшую курс на социалистическое переустройство Китая в ближайшем будущем. Иными словами, вместо теории о непрерывном перерастании демократической революции в социалистическую следовало обосновать концепцию о неизбежности целого демократического этапа в послереволюционном развитии страны. Такой маневр позволил бы компартии значительно расширить массовую базу за счет переманивания на свою сторону представителей промежуточных слоев, выступавших против

любой диктатуры, как коммунистической, так и гоминьдановской. Разумеется, этот зигзаг предполагал демонстративное дистанцирование КПК от СССР, стоявшего под пролетарской диктатурой.

Первые элементы новой теории Мао изложил в начале марта 1938 года в интервью английской писательнице и путешественнице Виолете Кресси-Маркс, встретившейся с ним в его городском особняке. На вопрос этой женщины, создана ли китайская компартия по образцу российской, Мао ответил:

— По образцу, данному Марксом и Лениным. Но она [КПК] достаточно независима от России… Как принципы Сунь Ятсена, так и доктрины Ленина и Маркса направлены на улучшение жизни народа, так что пока в Китае эти две идеологии совпадают.

— А если бы позднее на практике обнаружилось, что они не совпали? — допытывалась Кресси-Маркс.

— То, что произойдет позднее, надо оставить людям и посмотреть, что они скажут, — ответил Мао, впервые не став развивать идеи о перерастании демократической революции в социалистическую.

— Считаете ли вы, что коллективное ведение хозяйства хорошо? — продолжала интервью Кресси-Маркс.

— Да, оно несомненно было бы хорошо, если бы мы могли дать людям такой же инвентарь, что и в России, — объяснил Мао, явно давая понять, что до социализма Китаю еще следует дорасти[61].

Вскоре, в самом начале мая, Мао высказался на этот счет еще более определенно — в беседах с сотрудником американского посольства, военно-морским офицером Эвансом Карлсоном, посетившим Яньань. Вот что последний докладывал об этом президенту США Франклину Рузвельту[77]: «У меня было две продолжительные беседы с Мао Цзэдуном. Он, конечно, мечтатель, гений. И обладает сверхъестественным даром проникать вглубь проблемы. Я спрашивал его главным образом о планах китайской коммунистической партии на то время, когда война окончится. Он отвечал, что классовая борьба и аграрная революция, как таковые, будут отброшены — до тех пор, пока нация не пройдет через подготовительный этап демократии. С его точки зрения, государство должно владеть рудниками, железными дорогами и банками, организовывать кооперативы и поддерживать частные предприятия. Что касается иностранного капитала, то, по его словам, инвестиции из тех стран, которые готовы сотрудничать с Китаем на основах равенства, необходимо поощрять. Был он очень дружелюбен и сердечен»[62]. Вспоминая о разговорах с Мао два года спустя, Карлсон добавлял: «Он [Мао]

сказал: „Коммунизм не является непосредственной целью, ибо его можно достичь только спустя десятилетия развития. Ему должна предшествовать сильная демократия, за которой последует подготовительный период социализма“». «Совершенно очевидно, — пишет в этой связи собеседник Мао, — что в этих словах не было ничего чересчур радикального»[63].

До встречи с Мао, в декабре 1937-го — феврале 1938 года, Карлсон инспектировал войска 8-й армии, действовавшие в японском тылу в провинции Шаньси, где беседовал с Чжу Дэ и другими людьми, близкими к Мао. Его вывод из всех этих встреч был один: «Китайская коммунистическая группа (так называемая) — не коммунистическая в том смысле, какой мы вкладываем в этот термин… Я бы назвал их группой либеральных демократов, а может быть, социал-демократов (но не нацистской породы). Они хотят равенства возможностей и честного правительства… Это не коммунизм в нашем понимании»[64]. Поверил ли Рузвельт своему бывшему телохранителю или нет, неизвестно, но то, что новая концепция китайской революции начала в то время обретать свои законченные черты, очевидно. Вместе с Чжу Дэ и некоторыми другими членами руководства КПК, разделявшими его взгляды, Мао начал ее эффективную пропаганду.

Обоснование этой концепции Мао продолжил в лекциях о диалектическом материализме. «На настоящем этапе в Китае, — говорил он, — задачи философии подчинены общим задачам свержения империализма и полуфеодальной системы, всестороннего развития буржуазной демократии, создания *новой китайской демократической республики* и подготовке перехода *мирными средствами* к социалистическому и коммунистическому обществу»[65].

Между тем обстановка на фронтах Китая продолжала ухудшаться. 13 декабря пала столица страны Нанкин. Обезумевшие захватчики устроили в нем дикую резню. За несколько дней было убито более 300 тысяч мирных жителей, 20 тысяч женщин изнасиловано. Опьяненные кровью беззащитных жертв японские солдаты глумились над побежденными. Центральное правительство эвакуировалось в Ухань.

Туда же вскоре (17 декабря) вылетел и Ван Мин, по решению Политбюро возглавивший Чанцзянское бюро ЦК (Чанцзян — китайское название реки Янцзы). Там, в Ухани, он, по существу, создавал свой, параллельный яньаньскому, центр власти, начав осуществлять иную, более дипломатичную, нежели Мао, политику единого фронта[66]. Гибкий Чжоу Эньлай, с 1936 года занимавшийся как раз вопросами установления и укрепления

сотрудничества с Гоминьданом, моментально переметнулся на его сторону. Поддержку Вану оказали также Кан Шэн и Чжан Готао, а также (отчасти) Бо Гу. В конце февраля — начале марта 1938 года на совещании Политбюро в Яньани члены ванминовской фракции дали открытый бой сторонникам Мао Цзэдуна, среди которых особенную активность проявляли Ло Фу и Жэнь Биши. (Последний безоговорочно поддерживал Мао с осени 1936 года, с тех пор, как вместе с войсками 2-го фронта Красной армии пришел в Северную Шэньси. Имевшие место в прошлом разногласия между ним и Мао были благополучно разрешены.) Ни одной из сторон, однако, не удалось одолеть другую. Баланс сил в руководстве партии на какое-то время оказался примерно равным.

И тогда Мао решил отправить одного из своих ближайших единомышленников в Москву доложить обстановку и запросить инструкции. Выбрал он Жэнь Биши, исходя, по-видимому, из правила «за одного битого двух небитых дают»: вечно смурной и жалующийся на здоровье Жэнь чувствовал вину перед Мао за то, что участвовал в его беспощадной травле в начале 30-х годов. 5 марта вместе со своей женой Чэнь Цунъин (она же Чжэн Сун) и сестрой погибшего Цай Хэсэня, Цай Чан (русский псевдоним — Роза Николаева), он выехал в столицу провинции Ганьсу город Ланьчжоу, а оттуда в середине марта вылетел (через Синьцзян) в Москву. Борьба Мао Цзэдуна за безраздельную власть в КПК вступила в финальную стадию.

«КИТАИЗАЦИЯ» МАРКСИЗМА И СТАЛИНИЗАЦИЯ КПК

Несмотря на амбициозность Ван Мина, Мао зря волновался. Конечно, коварный Ван умел произвести впечатление, то и дело бравируя своими московскими связями. Но все же вождем КПК до сих пор кремлевский диктатор видел отнюдь не его, а Мао Цзэдуна. Правда, отношения Мао со Сталиным не всегда развивались гладко, а во время «Сианьского инцидента» и вовсе напряглись до предела. К тому же бывший сотрудник ИККИ Ван Мин умел настолько искусно представить себя человеком Кремля, что Мао на самом деле иной раз казалось, что за его спиной маячит образ всесильного большевистского лидера, то и дело демонстрировавшего КПК, кто был хозяином. Так что, отправив своего эмиссара в Москву, Мао все-таки не мог не думать о том, какова будет реакция «великого» Сталина на внутрипартийные дела в КПК.

А Жэнь Биши тем временем развил в Москве бурную деятельность. Его миссия была деликатной. С одной стороны, он не мог открыто выступить против Ван Мина, так как не был до конца убежден, прав ли Мао в своем понимании сталинской тактики. С другой стороны, ему нужно было добиться окончательного признания Мао главным вождем КПК. Вот почему начал он действовать осторожно. Едва приехав, в середине апреля, он под псевдонимом Чэнь Линь (в русской транслитерации того времени — Чжэн Лин) представил коминтерновскому Президиуму обширные тезисы о положении в Китае. В них он постарался изобразить дело так, что с приездом «товарища Вана», передавшего инструкции Коминтерна, КПК исправила все ошибки и теперь ее ЦК, представителем которого является Мао, все делает правильно.

Никакого ответа на свои тезисы он не получил. А потому, взволновавшись, выступил в середине мая на заседании Президиума ИККИ с огромным докладом, в котором, усилив славословия в адрес Ван Мина, вновь сделал все, чтобы развеять сомнения (если таковые вообще имелись) вождей Коминтерна в Мао Цзэдуне. Он явно дал понять: Мао не меньше Ван Мина верен Москве, у него нет и не может быть проблем с единым фронтом, так что лучше уж ничего не менять в руководстве китайской компартии. Пусть уж Мао останется во главе![67]

В результате его усилий Коминтерн в конце концов принял решение, нужное Мао. После консультаций Димитрова со

Сталиным руководство ИККИ в середине июня заявило о «своем полном согласии с политической линией [китайской] компартии», поддержав на этот раз даже маоцзэдуновский курс на развитие партизанской борьбы в тылу японских войск и на сохранение полной политической и организационной самостоятельности компартии в едином фронте[68].

Более того, оно дало «добро» на избрание Мао Цзэдуна Генеральным секретарем ЦК — вместо Ло Фу. В начале июля 1938 года Димитров передал это решение собиравшемуся на родину Ван Цзясяну, исполнявшему до тех пор обязанности главы делегации китайской компартии в Коминтерне. Жэнь Биши, остававшийся по решению Политбюро ЦК КПК в Москве преемником Ван Цзясяна, присутствовал при беседе[69]. Вот что сказал тогда Димитров: «Вы должны передать всем, что необходимо поддержать Мао Цзэдуна как вождя Компартии Китая. Он закален в практической борьбе. Таким людям, как Ван Мин, не надо бороться за руководство. Только сплотив КПК, можно создать [единую] веру. В Китае ключевым вопросом общенародного сопротивления Японии является единый антияпонский фронт, а ключевым вопросом единого фронта является сплочение КПК. Победа единого фронта зависит от единства партии и сплоченности [ее] руководства»[70].

Вернувшись в Китай, Ван Цзясян 14 сентября на совещании Политбюро в Яньани доложил о решениях Москвы[71]. Участник совещания Ли Вэйхань вспоминает: «На заседании Ван Цзясян передал… точку зрения Димитрова [на самом деле это была точка зрения Сталина, Димитров только озвучил ее], который недвусмысленно указывал на то, что вождем китайского народа является Мао Цзэдун. Слова Димитрова оказали огромное влияние на присутствовавших. С тех пор наша партия лучше и яснее осознала руководящее положение Мао Цзэдуна; вопрос о едином партийном руководстве был разрешен»[72].

Мао, разумеется, остался доволен. И услугу, оказанную ему Сталиным, Жэнь Биши и Ван Цзясяном, оценил по достоинству. Не случайно, спустя несколько лет, в июне 1945-го, на VII съезде партии, он признает: «Если бы не директива Коминтерна, [нам] было бы очень трудно решить проблему [руководства]»[73]. Тогда же, ратуя за избрание Ван Цзясяна в ЦК, Мао напомнит делегатам: «По возвращении из Москвы он сумел совершенно правильно доложить о линии Коминтерна»[74].

Наконец-то он мог праздновать победу. После того как Ван Мин оказался низвергнут самим Коминтерном, никаких серьезных противников в партии у него больше не было. За полгода до того, в апреле 1938-го, не выдержав изоляции, из

Яньани в Ханькоу бежал Чжан Готао, заявивший затем открыто о своем выходе из КПК. Мао, Ло Фу, другие партийные лидеры тут же формально оформили его исключение, обвинив дезертира в «оппортунизме». Через два месяца, в середине июня, решение китайского Политбюро утвердил Президиум ИККИ[75].

Сделав в середине 1930-х годов выбор в пользу Мао Цзэдуна, Сталин, как видно, с завидным упорством продолжал вести дело к укреплению вертикали власти в китайской компартии вокруг своей креатуры. Он явно исходил из того, что только превращение КПК в партию русского, вождистского, типа (то есть фактически ее сталинизация) могло обеспечить ей победу в будущей, послевоенной, гражданской войне с Гоминьданом.

Сталинизация КПК, разумеется, требовала двух вещей: усиления безграничного культа вождя-мыслителя, а также полного подавления внутрипартийной оппозиции, пусть даже вымышленной, если реальной не существовало. Во всем этом Сталин мог оказать Мао огромную помощь.

В 1938 году в СССР с новой силой развернулась пропаганда культа личности Мао. На этот раз вождя КПК уже изображали «мудрым тактиком и стратегом», обогатившим мировую военную мысль «блестящей теорией» антияпонской партизанской войны. Боевые действия 8-й армии в тылу врага расхваливались на все лады, а формуле Мао «враг наступает — мы отступаем; враг остановился — мы тревожим; враг утомился — мы бьем; враг отступает — мы преследуем» придавалось даже какое-то мистическое значение[76]. Срочно был подготовлен и издан сокращенный перевод книги Эдгара Сноу «Красная звезда над Китаем», из которой изъяли все самокритичные замечания Мао о его детстве и юности. Текст книги сильно урезали и отполировали, чтобы яснее оттенить главную мысль Сноу: Мао Цзэдун — «законченный ученый классического Китая, глубокий знаток философии и истории, блестящий оратор, человек с необыкновенной памятью и необычайной способностью сосредоточения… Интересно, что даже японцы рассматривают его как самого блестящего китайского стратега… Он совершенно свободен от мании величия, но в нем сильно развито чувство собственного достоинства и твердой воли»[77]. За несколько месяцев до того перевод автобиографии Мао из книги Сноу был опубликован в журнале «Интернациональная литература»[78]. В 1939 году ОГИЗ выпустил канонический биографический очерк Мао, основанный на заново отредактированной записи Сноу, которая была частично дополнена собственной информацией ИККИ[79]. Тогда же на прилавках Москвы появились брошюра «Мао Цзэдун. Чжу Дэ (Вожди китайского народа)», авторство которой

принадлежало бывшему соученику Мао Цзэдуна по Дуншаньской начальной школе высшей ступени и педагогическому училищу города Чанши, писателю Эми Сяо (Сяо Саню), жившему тогда в Москве. Из этой книги также становилось ясно, что Мао — «образцовый» руководитель антияпонской борьбы и китайского коммунистического движения[80].

Примерно в то же время, едва получив известие о сталинском благословении, к насаждению собственного культа личности приступил и Мао. Важным рубежом в этом деле стал созыв в конце сентября 1938 года 6-го расширенного пленума ЦК КПК. Форум был долгим (с 29 сентября по 6 ноября), и выступал на нем Мао обстоятельно. Надо было решить кучу проблем, главная из которых состояла в том, чтобы идейно обосновать свою диктатуру. И Мао это полностью удалось. Его огромный доклад, который он читал в течение трех дней, потряс слушателей.

Особенно впечатлил всех седьмой раздел — «Место Компартии Китая в национально-освободительной войне». Именно здесь Мао изложил наброски новой, призванной стать канонической, истории партии. Вот что он сказал:

«**Наша партия выросла и окрепла в борьбе на два фронта.** В целом за свое семнадцатилетие наша партия научилась применять… марксистское оружие — метод борьбы на два фронта в идеологии, политике и работе против правого оппортунизма, с одной стороны, и левого оппортунизма — с другой. До 5-го пленума наша партия боролась против правого оппортунизма Чэнь Дусю и левого оппортунизма Ли Лисаня… После 5-го пленума были еще два случая исторической внутрипартийной борьбы. Речь идет о совещании в Цзуньи и об исключении Чжан Готао из партии. Благодаря тому, что совещание в Цзуньи выправило серьезные принципиальные ошибки левооппортунистического характера, допущенные во время борьбы против 5-го похода, и сплотило партию и Красную армию, ЦК и главные силы Красной армии смогли успешно завершить Великий поход… Благодаря тому, что… была развернута борьба против правого оппортунизма Чжан Готао, [мы] добились соединения всех частей Красной армии и дальнейшего сплочения всей партии на героическую борьбу против Японии»[81]. В общем — до самого последнего времени в партии имели место многочисленные ошибки, и только сейчас КПК (под руководством Мао) оказалась сплоченной вокруг правильной линии.

Что же теперь требовалось от членов партии и в первую очередь от ее кадров *(ганьбу)*? Учиться, учиться и еще раз учиться. «„После правильной политической линии кадры являются решающим фактором“, — процитировал Мао слова

Сталина[78]. — Мы не должны забывать этой бесспорной истины… Поэтому повышение теоретического уровня нашей партии является неотложным вопросом, к разрешению которого мы должны приложить все свои силы»[82].

Чему же надо учиться? Разумеется, правильной идеологии — теории Маркса, Энгельса, Ленина и Сталина. Но (и здесь уже Мао перефразировал Ленина) надо иметь в виду, что «теория — не догма, а руководство к действию».

Именно эта последняя мысль являлась главной в докладе. Развивая ее, Мао выдвинул тезис о необходимости некоей «китаизации марксизма». «На протяжении тысячелетий, — сказал он, — история нашего великого народа протекала на основе определенных законов, характеризовалась рядом национальных особенностей и создала множество культурных ценностей… Мы — приверженцы марксистского подхода к истории. Мы не можем расчленять историю на части. Мы должны обобщить все наше прошлое — от Конфуция до Сунь Ятсена. Мы должны принять это драгоценное наследство, и оно станет для нас большим подспорьем в руководстве нынешней великой борьбой[79]. Коммунисты являются марксистами-интернационалистами, однако марксизм может быть претворен в жизнь только через национальную форму. Абстрактного марксизма не существует, есть только марксизм конкретный. Конкретный марксизм — это марксизм, который применяется в конкретной борьбе, в конкретных условиях китайской действительности, а не марксизм, который применяется абстрактно. Если коммунисты, являющиеся частью великого китайского народа, плотью от плоти, костью от кости этого народа, будут трактовать марксизм в отрыве от особенностей Китая, то это будет абстрактный, пустой марксизм»[83]. И далее: «Поэтому при китаизации марксизма в каждом отдельном случае нужно считаться с особыми чертами Китая, то есть исходить из национальных особенностей Китая. Это стало для нашей партии насущной задачей, настоятельно требующей полного понимания и ожидающей своего разрешения. Нужно положить конец иностранным шаблонам и петь поменьше пустых и абстрактных песен. Догматизм надо отправить на покой и заменить его живыми и жизненными, родными и привычными, приятными для слуха и радостными для глаза китайского народа китайским стилем и китайской манерой»[84]. Таким образом, только «китайский марксизм» должен был стать идейной основой объединенной Компартии Китая. Тех же коммунистов, кто мог с этим не согласиться, Мао предупредил: «После настоящего 6-го расширенного пленума Центрального комитета [мы] развернем

во всей партии соревнование по изучению марксистской теории; посмотрим, кто уже действительно чему-нибудь научился, кто учится больше, кто учится лучше». Недоучек же и тех, кто придерживался «неправильных взглядов», Мао призывал «перевоспитывать», а если этот метод не даст положительных результатов, то к ним следовало применять решительные меры воздействия, «для того чтобы добиться исправления»[85]. О каких мерах шла речь, члены пленума могли только догадываться. Дело было в конце 1938 года, и все знали, что происходило в Советском Союзе.

Текст доклада почти немедленно стал известен в Москве (его привез с собой в конце января 1939 года Линь Бяо, прибывший в Советский Союз на лечение и учебу)[86], но никакой негативной реакции не последовало. Да и не могло. Курс Мао на идейное обоснование «китайского марксизма» соответствовал тактической линии Сталина. Он как нельзя лучше помогал КПК расширить ее влияние в массах. Кроме того, выражал понятное Сталину желание новоблагословенного вождя КПК предстать перед членами своей партии в виде великого теоретика.

Наряду с политической постепенно стала налаживаться и личная жизнь Мао. Вьюжная зима 1937/38 года миновала, а с ней исчез и горький осадок от ссоры с бросившей его женой. Что толку вздыхать о минувшем? Дни шли за днями, и коротать их в уединении было глупо. Со всех концов страны в Яньань приезжали десятки молоденьких женщин, революционно настроенных, преданных партийному делу да к тому же еще и симпатичных. Особенно выделялись среди вновь прибывших две стройные красавицы — шанхайская кинозвезда Лань Пин («Голубое яблоко») и кантонская певица Ли Лилянь.

> Они появились в Яньане в конце августа 1937 года, незадолго до бегства Цзычжэнь. В то время, правда, Мао не обратил на них никакого внимания. Слишком глубоко переживал он семейную драму. Этим тут же воспользовались два человека — Кан Шэн и Отто Браун. Первый из них знал когда-то Лань Пин, которая в начале 30-х годов даже была его любовницей. Новая встреча с ней в яньаньском пещерном лагере разбудила старые чувства, и любвеобильный Кан стал захаживать к своей бывшей пассии. Что же касается Брауна, то он заинтересовался Ли Лилянь. Она была замужем, но это его ничуть не смутило. Все время в Яньани он страдал от одиночества. После поражения в Цзуньи ему приходилось несладко. Мао, Ло Фу и армейские

командиры открыто презирали его. Жил он в маленьком доме с нарядным палисадником недалеко от Мао Цзэдуна вместе с американским доктором ливанского происхождения Джорджем Хэйтемом (Ма Хайдэ), который приехал на север Шэньси вместе с Эдгаром Сноу в июле 1936 года да так и остался с китайскими коммунистами. Дружелюбный и мягкий Джордж сочувствовал своему влюбленному соседу, несмотря на то, что трудно было себе представить двух более противоположных людей, чем он и Браун. Джордж был общительным и добрым, с большими и «грустными семитскими глазами, черными, как маслины». Типичный же ариец Браун, как мы помним, покладистостью не отличался. К тому же всех приезжавших в Яньань иностранцев, в том числе даже Агнес Смедли и Пегги Сноу, он воспринимал как агентов буржуазных спецслужб, а потому шарахался от них как от прокаженных. Единственным исключением стал Джордж, с которым Браун не только делил жилье, но и ходил на охоту. Он очень хотел вернуться в СССР, но Москва не давала ему разрешения на отъезд. И тут ему встретилась Ли Лилянь, очень живая, веселая, любившая застолья, игру в пинг-понг, танцы и разговоры о политике и искусстве. В 1938 году она бросила мужа и вышла замуж за Брауна, который буквально ошеломил ее своим натиском[87].

Хорошо устроить свою личную жизнь мечтала и Лань Пин. Связь с Кан Шэном не была для нее перспективной. Тот был женат и разводиться не собирался. Надо было искать что-то более определенное. И молодая, но достаточно опытная женщина решила идти ва-банк. Ее целью стал сам Председатель Мао.

Лань Пин была амбициозна, тщеславна и целеустремленна. В свои 23 года она уже в полной мере познала жизнь. Родилась эта женщина в марте 1914 года на востоке Китая, в провинции Шаньдун, в семье богатого плотника Ли Дэвэня. Ее родным городом был Чжучэн, небольшой старинный уездный центр в ста *ли* от побережья Желтого моря. Отец дал ей первое, детское, имя — Шумэн («Чистая и безыскусная»), однако жизнь, ожидавшая ее, не была простой и безоблачной. Первые же проблемы возникли в семье. Алкоголик-отец нещадно бил мать, пьяные ссоры следовали одна за другой, и наконец мать и дочь бежали из дома. Лет десять

перебивались у одного богатого землевладельца, но, поняв, что жизнь — не сахар, бросили все и уехали в отчий дом матери, находившийся в городе Цзинань, большом и шумном провинциальном центре Шаньдуна. От Чжучэна у маленькой девочки, с семилетнего возраста носившей уже новое, взрослое, имя Юньхэ («Журавль в облаках»), осталось только одно приятное воспоминание. Молодой директор начальной школы, где она какое-то время изучала Конфуция, очень худой и высокий, в больших круглых очках. Она хорошо помнила, как он смотрел на нее, как заговаривал, отчего-то сильно волнуясь, и как однажды пригласил их с матерью переехать к нему. Он нуждался в служанке и, немного помявшись, предложил эту работу матери Юньхэ. От его взглядов и слов у молоденькой девочки сладко замирало сердце, и горячая кровь стучала в висках. Звали этого директора господин Чжан. В 1931 году она встретит его в городе Циндао и неудержимая сила бросит их друг к другу в объятия. Ее бывший директор будет носить уже другое имя, Чжао Юнь, а вскоре изменит и его — на Кан Шэн.

К тому времени Юньхэ превратится в красавицу, сбежит из дома с одной театральной труппой и к началу 30-х станет известной провинциальной актрисой. Она побывает замужем, заимеет кучу любовников, в общем, будет вести богемную жизнь. Был у нее только один физический недостаток: шесть пальцев на правой ноге[88]. Но это, похоже, ничуть не смущало ее многочисленных поклонников.

Встреча с директором в Циндао имела для Юньхэ большое значение. Кан Шэн ввел ее в незнакомый мир революционной политики, познакомил с интересными людьми, подпольщиками, и вскоре она вновь вышла замуж, на этот раз за коллегу Кана. Под влиянием мужа-коммуниста в феврале 1933-го вступила в коммунистическую партию. Однако через два месяца, когда ее муж был брошен в тюрьму, в панике бежала в Шанхай и, заметая следы, еще раз сменила имя (на Ли Хэ). Но ей все же не повезло. Осенью 1934-го ее тоже арестовали и лишь спустя три месяца освободили. Как и почему ее выпустили, осталось тайной. Возможно, «разобрались в невиновности» красивой женщины, как она потом заявляла, а может быть, получили от нее требуемые признания. Как бы то ни было, но она вышла

на волю и вскоре стала известна уже как Лань Пин. Именно под этим псевдонимом она начала по-настоящему блистать как на шанхайской сцене, так и в кино. Особенно удался ей образ Норы, разрушительницы буржуазных устоев, в спектакле по пьесе Генрика Ибсена «Кукольный дом». Большую известность принесли ей и кинороли, в том числе в ярких антияпонских лентах «Старый холостяк Ван» и «Двадцать центов». Казалось, все вновь налаживалось: был новый муж, очередные любовники, толпы поклонников, шикарная жизнь. Но в августе 1937 года на Шанхай напали японцы.

Движимая патриотическим подъемом, экспансивная, страстная и романтическая, Лань Пин вместе с очередным любовником, режиссером спектакля «Нора», решила пробираться в Яньань. Призывы компартии к организации единого антияпонского фронта оказались созвучны ее настроениям так же, как и чувствам других левых деятелей китайского искусства.

И вот теперь, в Яньани, ей предстояло сыграть свою главную роль — новой подруги вождя, преданной, нежной и заботливой. Как же умна и коварна была эта женщина! Хрупкая и изящная, как горный цветок, она обладала огромной внутренней силой и неукротимой энергией.

Неоценимую помощь ей в этом важнейшем для нее предприятии оказал старый друг Кан Шэн. Вскоре после отъезда в Москву Жэнь Биши он на всякий случай стал наводить мосты в направлении Мао, решив использовать для этого преданную ему женщину. И вот в конце апреля 1938 года двум заговорщикам представился удобный случай. Мао отправился выступать в Академию искусств им. Лу Синя, расположенную в деревеньке Цяоэргоу, недалеко от Яньани. Это было вновь созданное КПК учебное заведение для подготовки глубоко преданных партии культурных работников. Лань Пин, только что зачисленная в эту же академию преподавателем, заблаговременно заняла место в первом ряду с большой толстой тетрадью. Она ловила каждое слово Председателя, быстро, почти стенографически, записывая все, что он говорил. И Мао, конечно, заметил ее. А как же иначе? Среди загорелых крестьянских лиц ее нежно-белый лик особенно выделялся.

После лекции она подошла к нему.

— Мне еще многому нужно научиться, — сказала

она, робея. — Но, благодаря вам, я поняла, что смогу углубить свои знания.

— Ну, если что-то осталось неясно, то не стесняйтесь. Приходите ко мне, разберемся, — ответил Мао и оглядел ее. Тоненькая, очень скромная, с двумя косичками, перевязанными на затылке ленточкой.

Дальше уже было дело Кан Шэна. И тот не заставил себя ждать. Воспользовавшись тем, что он и Лань Пин были земляками, стал вовсю расхваливать Мао Цзэдуну прелести чжучэнских женщин. А через несколько дней пригласил Лань Пин на встречу с вождем. Но только в сентябре 1938 года, когда Мао наконец почувствовал себя триумфатором, Лань Пин стала его любовницей и одним из секретарей. Вскоре после этого она вновь решила сменить имя. С прошлым было покончено, и она попросила Мао выбрать ей иероглифы, приятные ему. И он подыскал их: Цзян Цин («Лазурная река»)[80].

Очередной роман Мао вызвал страшные пересуды в Яньани. Больше всех возмущались пуритански настроенные жены партийных чиновников. Они ужасно жалели Цзычжэнь, прошедшую с ними огни и воды. Цзян Цин же, разумеется, сразу возненавидели и стали поливать грязью. Масла в огонь добавило сообщение, полученное в ЦК из Шанхая от одного из руководителей тамошней партийной организации Лю Сяо, будущего посла КНР в СССР. Тот сообщил, что Юньхэ-Лань Пин «недостойно» вела себя в тюрьме, так что, возможно, в настоящий момент является «гоминьдановской шпионкой»!

И вновь в дело вмешался Кан Шэн. С неутомимой энергией он стал заверять всех в политической благонадежности Цзян Цин. Точку в этом споре поставил сам Председатель, вышедший в конце концов из себя. «Я женюсь на ней», — объявил он своим товарищам по партии и действительно 19 ноября 1939 года сыграл свадьбу[89]. Кан Шэн торжествовал: предав Ван Мина, он через Цзян Цин вошел в полное доверие к Председателю и скоро стал одним из наиболее близких к нему людей. Именно ему Мао поручил возглавить работу всех тайных спецслужб компартии!

Бедная Хэ Цзычжэнь! Только теперь в полной мере пришлось ей испить ту же чашу, что до нее испила Кайхуэй! Узнав о новой пассии мужа, она испытала глубокое потрясение. Мао послал ей

формальный развод, а через два года отправил к ней в Москву их общую дочь. Разрыв, таким образом, был полным. Никаких надежд у нее не осталось. Конечно, она испытала радость от встречи с дочерью, которую не видела три с половиной года. Но это была горькая радость. Первое время она и Цзяоцзяо жили в доме отдыха ЦК МОПР в поселке Монино под Москвой, где Цзычжэнь довольно долго проходила курс лечения. Партучеба, равно как и общественная работа, ей опостылела, ничего не хотелось делать. В результате даже основной экзамен по основам марксизма-ленинизма она сдала на тройку. Осенью 1941 года, после начала войны, ее и дочь перевели в Иваново, в Интернациональный детский дом, где Цзычжэнь стала работать воспитательницей, а Цзяоцзяо — учиться. (В детском доме дочь Мао стали звать Таня Чао Чао[90].) Здесь же находились и оба сына Мао — Аньин и Аньцин, приехавшие в Москву осенью 1936 года. Из Шанхая в СССР (через Гонконг, Марсель и Париж) они добирались почти полгода. Кстати, их переездом из Парижа в Москву занимался лично Кан Шэн, работавший тогда, как мы помним, в ИККИ. Оба «героя» достигли, наконец, «берега социализма» в ноябре 1936 года и были зачислены в Ивановский интердетдом под именами Сергей Юнфу и Николай Юншу соответственно[91]. С Цзычжэнь они познакомились весной 1938 года. Даже стали называть ее мамой. И тут до них дошли известия о новой женитьбе отца. Правдивыми были эти слухи или нет, они не знали, но на всякий случай не спрашивали ни о чем «маму Хэ». «Мы старались хоть как-то отвлечь ее, — вспоминали позже Аньин и Аньцин, — рассказывали всякие истории, анекдоты, говорили о положении в стране, о событиях за границей. Но в этих разговорах никогда не упоминалось имя одного человека, о котором мы все неотступно думали, — имя Мао Цзэдуна»[92].

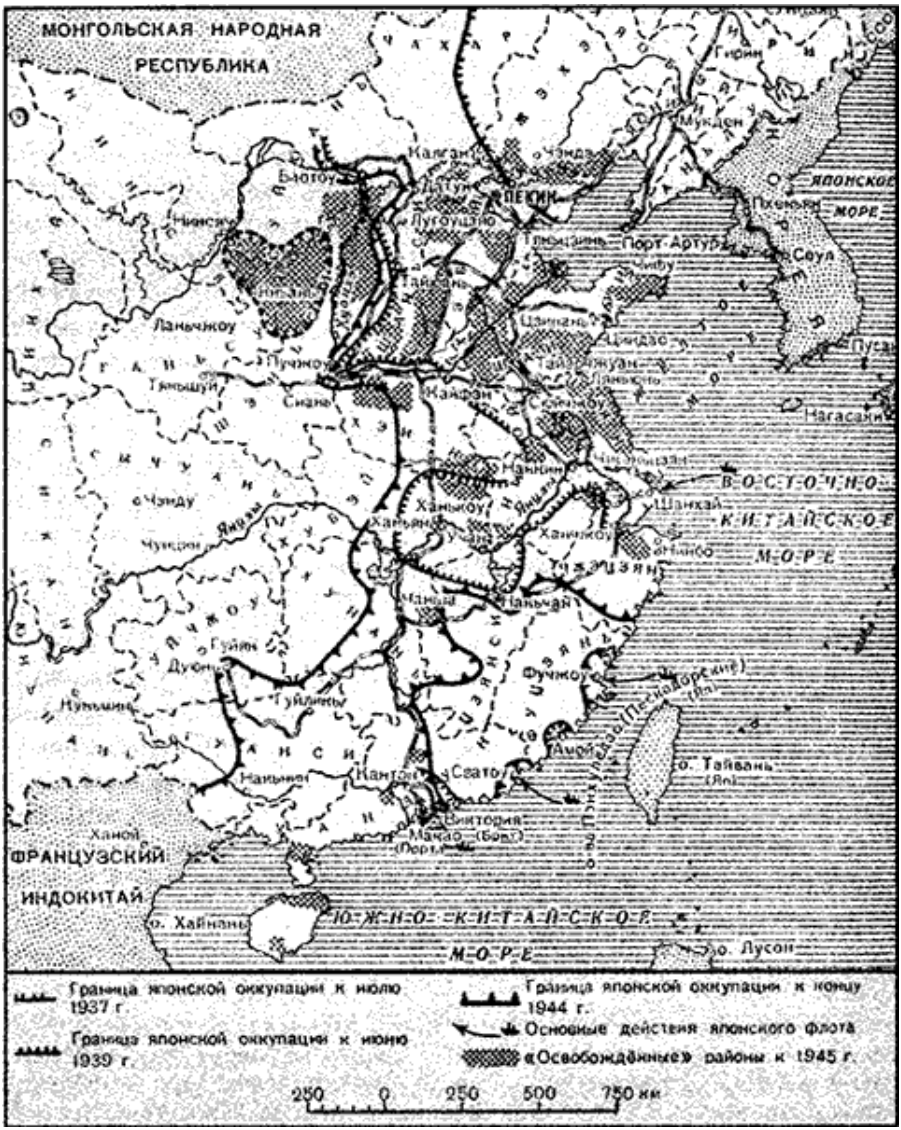
Вместе с сестрой Цзяоцзяо их отец прислал им письмо: «Давно уже я получил от вас письма и фотокарточки, но я не сумел вам написать ответ, прошу извинения, так как вы, наверное, обо мне беспокоились. Я очень рад тому, что вы там продвигаетесь вперед. Юнфу пишет неплохо и видно, что чему-то научился. Это очень хорошо. Однако я хочу сделать вам одно предложение: пока вы молоды, учитесь и изучайте естественные науки, поменьше занимайтесь политикой. Политика — нужная вещь, но… в настоящее время для вас лучше, если вы сделаете упор на естественные науки, социальные же науки [используйте] как подсобные науки. Дело в том, что наука не знает своего предела. Если ты будешь знатоком в естественных науках, то люди будут уважать тебя и возвышать. Когда люди будут к тебе

так относиться, то это будет тебя воодушевлять. Но такое отношение имеет и отрицательные стороны: ты можешь зазнаться и тогда не сумеешь твердо стоять на ногах. Это очень опасно. У вас есть своя перспектива. Хорошими или плохими людьми вы будете — это зависит исключительно от вас и от окружающей вас обстановки. Я не хочу вмешиваться в ваши дела, но я лишь хочу высказать это свое мнение. Вы подумайте и решите. Словом, я рад за вас и желаю, чтобы вы были хорошими людьми. Юнфу просил меня написать стихотворение, но у меня сейчас нет желания писать стихотворения. Что же касается книг, то в позапрошлом году через Сиань тов. Линь Боцюй переслал [вам] много книг и журналов. Говорят, что вы их еще не получили. Очень жаль. Я сейчас посылаю вам опять ряд книг, и вы их получите. В будущем я пришлю вам еще больше книг. В этом году мое состояние здоровья стало хуже, я сам собой недоволен, мало стал читать, потому что очень занят. Как вы там живете? Я очень беспокоюсь. МАО ЦЗЭДУН. 31 января 1941 г.»[93].

Это было второе письмо от отца сыновьям с тех самых пор, как он покинул их ранним утром 31 августа 1927 года. Первое (краткую записку в девять строк!) он послал за полтора года до того, 26 августа 1939 года[94]. Ее он передал тогда с Чжоу Эньлаем, который вместе с женой и приемной дочерью летал в Москву на лечение[81].

Не очень-то теплое послание, не правда ли? И ни слова о новой женитьбе. Даже несмотря на то, что Цзян Цин за пять месяцев до того уже родила ему дочь. 3 августа 1940 года в яньаньском госпитале появилась на свет Ли На (Ли «Медлительная»). Ей, как и позже старшей дочери Цзяоцзяо, Мао дал фамилию по своему псевдониму Ли Дэшэн. И имя взял из того же изречения Конфуция — «Благородный муж медлителен в речах, но быстр в действиях» («*цзюньцзы юй на юй янь эр минь юй син*»)[95].

Жизнь продолжалась. И для Мао она открывала новые светлые перспективы. Ко времени рождения Ли На он уже полностью властвовал в КПК, а его войска контролировали несколько партизанских районов в тылу японцев.



Китайско-японская война *(1937–1945 гг.)*

Почти за два года до того императорская армия захватила большую часть Северного, Восточного и Центрального Китая, а также несколько портов на юге и юго-востоке страны. В 20-х числах октября 1938 года пали Кантон и Ухань, и гоминьдановское правительство переехало в город Чунцин (провинция Сычуань). Капитулировать оно по-прежнему не собиралось, но и сил для решительного наступления у него не было. Фронт стабилизировался. Именно этим и воспользовался Мао для того, чтобы установить власть коммунистов в ряде районов, расположенных в глубоком тылу японских войск. Дело в

том, что армия микадо в силу своей относительной немногочисленности не могла прочно удерживать всю захваченную ею китайскую территорию. Под ее прямой оккупацией находились только города и другие стратегически важные объекты, в том числе линии коммуникаций. Деревня же во многом жила своей жизнью. Японцы лишь изредка наведывались туда за провиантом, а гоминьдановские чиновники и вовсе потеряли над ней контроль. Вот в эти-то сельские районы Мао и начал посылать свои вооруженные отряды для того, чтобы, по существу, заполнить там вакуум власти. Его стратегия оказалась успешной. К 1940 году в японском тылу было создано более десяти опорных баз КПК (коммунисты в пропагандистских целях называли их «освобожденными районами») и формирование новых стремительно продолжалось[96].

В то же время в Яньани Мао, чувствуя поддержку Москвы, продолжал работать над «соединением марксизма с китайской реальностью». В результате ему удалось сформулировать концепцию «новодемократической революции» как особого этапа в развитии освободительного движения Китая. Сделал он это, правда, не без помощи своего способного секретаря Чэнь Бода, который в 1937 году прибыл в Яньань из Бэйпина. По поручению Мао этот «толстоватый неуклюжий человек в очках, с несоразмерно большими ушами и глубоко поставленными глазами»[97] уже в 1938 году стал заниматься вопросами теории китайского коммунистического движения. И первым, кстати, заговорил об истории партии как о беспрерывной борьбе на два фронта. Еще 1 июля 1938 года в партийном журнале «Цзефан» («Освобождение») он с благословения Мао опубликовал на эту тему статью к семнадцатилетию КПК[98]. А затем начал работать над составлением доклада Мао к 6-му пленуму.

Свою новую теорию Мао Цзэдун впервые изложил в середине декабря 1939 года в статье «Китайская революция и Коммунистическая партия Китая». Написал он эту работу в соавторстве с «некоторыми товарищами», среди которых, в частности, были Ло Фу и все тот же Чэнь Бода. После этого, в январе 1940-го, в специальной брошюре «О новой демократии» он развил представленную концепцию. Суть ее заключалась в следующем. Исходя из того, что Китай — страна «колониальная, полуколониальная и полуфеодальная» (термин Ло Фу[99]), Мао обосновывал необходимость в осуществлении не социалистической, а так называемой «новодемократической» революции. Апеллируя более к национальным, нежели социальным чувствам сограждан, он заявлял о необходимости социальных реформ в духе «трех народных принципов» Сунь

Ятсена. При этом трактовал эти принципы крайне либерально, обещая после революции гарантировать права частных собственников, стимулировать национальное предпринимательство и проводить политику протекционизма, то есть привлекать иностранных инвесторов под строгим государственным контролем. Он призывал к снижению налогов, развитию многопартийной системы, организации коалиционного правительства и осуществлению демократических свобод. От «старой западной демократии» теория «новой демократии» отличалась, по словам Мао Цзэдуна, тем, что должна была проводиться в жизнь под руководством коммунистической партии. Однако последняя недвусмысленно меняла свой имидж, выступая уже не как политическая организация рабочего класса, а как организация единого революционного фронта, стремившаяся к объединению «всех классов и слоев населения, которые способны быть революционными». Будущий Китай, утверждал Мао, будет не республикой пролетарской диктатуры, а республикой «объединенной диктатуры нескольких революционных классов»; в экономике новой страны будут сосуществовать как государственная и кооперативная, так и частнокапиталистическая собственность[100].

Было понятно, что в своей подспудной борьбе с Гоминьданом Мао начал опираться на демократические традиции китайского общества. Ведь Китай первой половины XX века отнюдь не был страной, никогда не слышавшей о демократии. Многие факторы в то время стимулировали существенное обновление китайской политической культуры. Среди них, как мы знаем, была и победа антимонархической Синьхайской революции 1911 года, провозглашение республики 1 января 1912 года, принятие Конституции 1912 года, выборы в первый парламент и парламентские дебаты, борьба Сунь Ятсена с Юань Шикаем и его планами реставрации монархии, движение за новую культуру 1915 года, антияпонское движение 4 мая 1919 года, сотрудничество и противоборство КПК и ГМД в период первого единого фронта 1924–1927 годов и многое другое. Все эти события усиливали демократические настроения китайской интеллигенции, и именно эта часть общества должна была с энтузиазмом принять «новую демократию». (Как раз в то время, в декабре 1939 года, Мао от имени ЦК подготовил даже специальное решение о привлечении интеллигенции на сторону партии[101].)

Нетрудно заметить, что в основу этой концепции Мао положил ноябрьские (1937 года) указания Сталина, развитые им самим в серии знакомых нам выступлений 1938 года. Да,

конечно, в новых работах он пошел дальше. Однако в принципе никакого подлинного нововведения с его стороны не было. Его установки в полной мере соответствовали геополитической стратегии кремлевского диктатора. Характерно, что как раз в то время, когда Мао выступал с их развернутым обоснованием, Сталину впервые пришла в голову мысль о роспуске Коминтерна[102]. Было ли это простым совпадением? Очевидно, нет.

Во второй половине 30-х годов Сталин сам интенсивно работал над развитием новой тактики мирового коммунистического движения. И его беседа с Ван Мином и Кан Шэном в ноябре 1937-го была этому лишь одним из свидетельств. Обмануть он пытался не только китайских интеллигентов и Чан Кайши, но и весь буржуазный Запад. Он хотел заставить их поверить, что компартии разных стран — за исключением, понятно, ВКП(б) — начиная с VII конгресса Коминтерна, отказались от борьбы за социализм, заменив эту цель некой идеей построения гуманного общества «народной демократии». (От того, что Сталин говорил о демократии «народной», а Мао — «новой», суть системы, за которую ратовали и тот и другой, конечно же не менялась.) Новая политика, несомненно, должна была облегчить коммунистам захват власти в их странах после войны. Выступая как национальные «демократические» партии, коммунистические организации и в Европе, и в Азии имели значительно больше шансов установить гегемонию над относительно широкой коалицией националистических сил. Сталин же только выиграл бы от победы своих сателлитов.

Именно желая «надуть» капиталистов, кремлевский вождь в итоге и распустил Коминтерн. Сделал он это в мае 1943 года, однако, как вспоминал югославский коммунист Милован Джилас, Димитров говорил ему, что идея роспуска Коминтерна впервые возникла «во время присоединения балтийских стран к Советскому Союзу», то есть в 1940 году. Вот что сам Сталин заявлял позже по этому поводу: «Положение с Коминтерном становилось все более ненормальным. Мы с Вячеславом Михайловичем [Молотовым, сталинским комиссаром иностранных дел] тут головы ломаем, а Коминтерн проталкивает свое — и все больше недоразумений»[103]. Да, именно обман лежал в основе сталинской «народной демократии», и в своих частных беседах с товарищами по оружию большевистский лидер не скрывал этого. По словам Джиласа, «сущность его мыслей состояла… в том, что не надо „пугать“ англичан». Под этим он подразумевал, что следует избегать всего, что может вызвать у Запада тревогу по поводу того, что в разных странах в результате

революций к власти придут коммунисты. «Зачем вам красные пятиконечные звезды на шапках? Не форма важна, а результаты, а вы — красные звезды! Ей-богу, звезды не нужны!» — сердился Сталин в разговоре с югославами. «А не сумели бы мы как-нибудь надуть англичан, чтобы они признали Тито [главу Коммунистической партии Югославии] — единственного, кто фактически борется против немцев?» — спрашивал он Джиласа, размышляя о ситуации на Балканах[104]. Точно так же он мыслил и в отношении Китая.

Как всегда, Мао повезло. Со своим «новодемократизмом» он выступил вовремя. А потому заслужил еще большее расположение кремлевского вождя.

Через некоторое время Чан Кайши в ответ на «новую демократию» попытается дать свою, жестко этатистскую, интерпретацию идей Сунь Ятсена. В книге «Судьба Китая» (1943 г.) он объявит необходимым усиление государственного контроля над экономикой и частным предпринимательством, осуществление коллективизации сельского хозяйства, укрепление политической монополии ГМД и искоренение диссидентов[105]. Эти взгляды, однако, способствуют изоляции Гоминьдана, что, в конечном счете, помимо желания Чана, обеспечит успех «новодемократической политики».

Произойдет это несколько позже, незадолго до решающей схватки между КПК и Гоминьданом, а пока, в начале 1940-х, Мао мог вернуться к внутрипартийным делам. Он уже утвердил себя в качестве главного теоретика партии, и теперь ему надо было подавить «оппозицию» и упрочить свой культ. Иначе, в традициях Сталина, он не чувствовал бы себя полноправным диктатором.

Проще всего было бы разделаться с троцкистами. Но они ни в КПК, ни в Китае уже не имели значения. Основные их кадры оказались исключены из компартии еще весной 1930 года, а в октябре 1932-го их разгромила тайная полиция Гоминьдана. Даже лидер троцкистов Чэнь Дусю оказался за решеткой. В 1933–1934 годах южноафриканский троцкист Фрэнк Гласс с помощью некоторых уцелевших членов китайской левой оппозиции пытался возродить китайское троцкистское движение[106], но успеха не имел.

Конечно, Сталин и Коминтерн по-прежнему следили за тем, что творилось в среде троцкистов в Китае, однако никаких практических шагов против них не предпринимали. Только после начала антияпонской войны, да и то на какое-то время, Сталин вновь испытал беспокойство по поводу китайского троцкизма. Связано это было с тем, что в конце августа 1937 года Чэнь Дусю и его товарищи были освобождены Чан Кайши по амнистии.

Именно в тот период, как мы помним, Сталин и назначил Ван Мина своим порученцем по борьбе с троцкизмом в Китае. Он тогда попытался оказать соответствующее влияние даже на гоминьдановское руководство. В ноябре 1937-го, например, во время беседы с двумя крупными деятелями Гоминьдана, посетившими Советский Союз, он привлек их внимание к «троцкистской проблеме». «У нас… есть плохие информаторы, — сказал он. — Вот, например, посол Богомолов… [Он] очень сильно тормозил заключение пакта о ненападении [с Китаем]… Мы вызвали Богомолова и спрашиваем, кто он такой. Оказывается, он троцкист, мы его арестовали [Дмитрий Васильевич Богомолов будет расстрелян в 1938 году][82]. Плохих информаторов, и послов в том числе, мы арестовываем… Недавно мы получили еще такую „информацию“ от Меламеда, замещающего сейчас посла: он сообщает, что [китайский милитарист] Бай Чунси получил от Ч[ан] К[ай]ш[и] 50 миллионов долларов в виде подкупа… Как быть с Меламедом? Река Янцзы у вас глубокая? Может быть, утопить его в ней? (Общий смех.)… Вот у нас троцкисты убили одного хорошего человека — *КИРОВА*. Это был большой человек. Нужно смотреть за японофилами [Сталин явно имеет в виду троцкистов]. Если вы побьете изменников — народ скажет вам спасибо»[107].

Сталин, однако, волновался напрасно. После освобождения из тюрьмы Чэнь Дусю объявил об отказе от политической деятельности. Он удалился в небольшой городок в провинции Сычуань, где провел остаток дней в углубленном изучении современных политических наук, философии и древнекитайской филологии. В 1940–1942 годах Чэнь написал ряд статей и писем друзьям, выразив глубочайшее разочарование в каком бы то ни было тоталитаризме, в том числе пролетарском. Он вернулся, таким образом, к идеалам юности, подчеркнув значение непреложных принципов подлинной демократии, гуманизма и методов научного познания мира. Умер он 27 мая 1942 года в возрасте 63 лет[108].

А китайское троцкистское движение так и не возродилось. В конце 30—40-х годов в Китае имелось лишь несколько организаций троцкистов, наиболее многочисленная из которых — Китайская революционная партия — насчитывала всего 20–30 человек. Троцкистская цель в Китае, таким образом, оказалась иллюзорной, так что в конце концов перестала волновать Сталина. И это прекрасно поняли главные руководители КПК. Вот что, например, говорил о троцкизме в октябре 1939 года Чжоу Эньлай младшему брату Мао — Цзэминю (они оба тогда находились на лечении в СССР): «Сейчас в Китае троцкисты не

представляют опасности, у них нет группировки, они работают в Гоминьдане и в „СС“ [внутригоминьдановская фракция, возглавлявшаяся братьями Чэнь Лифу и Чэнь Гофу; названа по начальным буквам латинского написания их фамилии — *Chen]*. Поэтому вести борьбу с ними нет особого смысла»[109].

С исчезновением реального троцкистского противника роль Ван Мина как главного порученца Сталина по троцкистским делам в Китае свелась на нет; карьера «мифовского птенца» подошла к концу. И вот тогда-то ему (да, именно ему!) выпала участь стать лидером «оппозиции», которую должен был разгромить новоявленный «великий вождь» КПК.

Разумеется, без санкции Сталина Мао Цзэдун не мог развернуть кампанию против Ван Мина. Но вскоре он получил необходимое «добро». В конце 1939-го — начале 1940 года ИККИ подготовил рекомендации ЦК КПК по организационному вопросу к предстоявшему VII съезду КПК. Их должен был устно доложить Мао Цзэдуну и другим членам ЦК Чжоу Эньлай, собиравшийся в конце февраля 1940 года[83] выехать из Москвы в Китай. Вот что говорилось об этом в телеграмме Димитрова Мао Цзэдуну от 17 марта 1940 года: «Чжоу Эньлай информирует вас лично обо всем, что мы обсуждали и согласовали по китайским делам. Нужно все это серьезно рассмотреть и совершенно самостоятельно принять окончательные решения. В случае несогласия с нами по некоторым вопросам — просьба срочно и мотивированно осведомить нас об этом»[110].

Какие рекомендации были сделаны, дает представление докладная записка отдела кадров ИККИ Димитрову, хранящаяся в архиве. В ней, в частности, говорится: «Нужно иметь в виду, что среди старых кадров партии Ван Мин авторитетом не пользуется. Во всяком случае, Ван Мин не является в КПК авторитетом, который бы вырос из его деятельности в самой партии. К руководству в партии он выдвинут на IV пленуме ЦК [январь 1931 года] под давлением Мифа [ко времени написания записки Миф был арестован НКВД и расстрелян как «враг народа»]. Ввиду ряда неясностей и сомнений, которые вызываются деятельностью Ван Мина и в связи с бесспорными фактами дезинформации руководства на XVII съезде ВКП(б), на XIII пленуме ИККИ и на VII конгрессе Коминтерна, рекомендовать руководству КПК не выдвигать Ван Мина на первые роли и на ведущие руководящие посты в руководстве партии. Члена Политбюро ЦК Кон Сина [Кан Шэна] и кандидата в члены Политбюро Фан Лина [Дэн Фа] и членов ЦК КПК Гуань Сянъина и Ян Шанкуня рекомендовать руководству партии не выдвигать в состав Политбюро и состав Секретариата ЦК и не использовать на кадровой,

организационной и особистской работе. Члена Политбюро и Секретаря ЦК Бо Гу и членов ЦК Ло Мана [Ли Вэйхань], Чэнь Чанхао, Чжан Хао [Линь Юйина] и Кун Юаня рекомендовать руководству партии не выдвигать в состав ЦК и не использовать на кадровой и оргработе и в центральных органах партии…

По материалам отдела кадров ИККИ и из бесед с Чжоу Эньлаем, Чжэн Лином [Жэнь Биши], Мао Цзэминем и другими составлены характеристики на 26 руководящих работников КПК (характеристики прилагаются), которые могут быть выдвинуты на VII съезде в руководящие органы партии. В основном это наиболее авторитетные, испытанные и закаленные кадровые работники партии, прошедшие через тяжелое подполье, через гражданскую войну и в настоящее время ведущие партийную, военную и военно-политическую работу. Из этих 26 товарищей особенно выделяются: Линь Бяо, Хэ Лун, Лю Бочэн, Не Юнчэн [Не Жунчжэнь], Сяо Кэ, Сюй Сянцянь, Чэн[ь] Гуан, Дэн Сяопин, Е Цзяньин, которые пользуются всеобщей известностью не только в партии, но и во всей стране, как руководители и командиры частей 8-й армии; Дэн Инчао (женщина) [жена Чжоу Эньлая], Мао Цзэминь, Гао Ган, Сюй Тэли, Чэнь И, Лю Сяо, Чжан Цици [?], Цзэн Шань являются вполне проверенными и опытными партийными работниками…

Мао Цзэдун действительно является самой крупной политической фигурой в КПК. Он лучше других руководителей КПК знает Китай, знает народ и правильно разбирается в политических событиях и в основном правильно ставит задачи»[111].

Подавляющее большинство рекомендованных лиц являлись сторонниками Мао Цзэдуна. Те же, кого Москва предлагала более не использовать на ответственной работе, считались в ИККИ приверженцами Ван Мина. Вновь Исполком Коминтерна и стоявший за его спиной Сталин помогали избранному ими вождю КПК консолидировать власть. На этот раз они даже переборщили: ни Кан Шэна, который, как мы знаем, к тому времени открыто переметнулся на сторону Мао, ни некоторых других партработников Мао Цзэдун уже не считал врагами. Кан Шэна он даже попытался защитить в одном из писем Димитрову. «Кан Шэн, — написал Мао, — надежный человек»[112]. Интересно, что в то же самое время младший брат Мао Цзэдуна Мао Цзэминь, находясь в 1939 году в Москве, высказывал критические замечания в адрес Кан Шэна: «Сейчас в Яньани создана высшая партийная школа, которой заведует загадочный Кан Шэн. Он среди учащихся создает свою агентурную сеть и вербует людей. Я боюсь, что это не партийная школа, являющаяся кузницей

партийных кадров, а школа, через которую Кан Шэн и другие создают свои кадры»[113]. Возможно, младший брат не был в курсе всех дел брата старшего!

Укреплению авторитета избранного Москвой вождя КПК способствовали и советские деньги. В конце марта 1940 года Чжоу Эньлай привез Мао из Москвы 300 тысяч долларов США[114]. И это был отнюдь не последний дар. Может показаться невероятным, но СССР продолжал помогать китайской компартии даже после того, как 22 июня 1941 года на Советский Союз напала гитлеровская Германия! В российском архиве, в особых папках Политбюро ЦК ВКП(б), хранится поразительный документ: решение Политбюро от 3 июля 1941 года отпустить ИККИ «один миллион американских долларов для оказания помощи ЦК Компартии Китая»[115]. Исполком Коминтерна запрашивал у Политбюро больше — два миллиона, но остался удовлетворен и одним[116]. Именно в тот день, 3 июля, Сталин впервые после начала войны выступил по радио с обращением к народу, признав оккупацию германскими войсками Литвы, значительной части Латвии, западной части Белоруссии и части Западной Украины. Фашистская авиация бомбила Мурманск, Оршу, Могилев, Смоленск, Киев, Одессу и Севастополь, а Политбюро принимало решение направить один миллион американских долларов ЦК китайской компартии!

Чувствуя поддержку Кремля и используя советские деньги, Мао Цзэдун в 1941 году продолжил работу по пересмотру основных этапов партийной истории. Ведь только переписав прошлое, можно было обосновать культ личности. Непогрешимый вождь должен был появиться как Будда Милофо, спаситель нации, пророк и учитель — в самый тяжелый для КПК момент. Приход великого кормчего надо было представить как явление эпохальное, обусловленное всем ходом развития коммунистического движения. И здесь Мао, как всегда, твердо следовал заветам своего учителя. «История иногда требует, чтобы ее исправляли»[117], — как-то проговорился Сталин. Сомнений в этом не было и у Мао. Образцом ему служил «Краткий курс истории ВКП(б)», перевод которого был осуществлен в Яньани в 1938–1939 годах[118].

Уже 8 сентября 1941 года Секретариат ЦК под руководством Мао принял решение организовать серьезное исследование проблем истории партии. Главное внимание при этом должно было уделяться выработке концепции наиболее тяжелого для Мао периода — со времени 4-го пленума ЦК КПК (январь 1931 года) до совещания в Цзуньи (январь 1935 года)[119]. Через два дня Мао выступил с докладом по вопросам истории внутрипартийной

борьбы на расширенном заседании Политбюро. Подвергнув вскользь критике Ли Лисаня, он сконцентрировал внимание на догматиках, субъективистах и «левых оппортунистах» 1931–1934 годов. (Хотя он и не называл Ван Мина по имени, ни для кого не являлось секретом, что имел он в виду в первую очередь именно его: ведь Ван Мин возглавлял тогда делегацию КПК в Коминтерне, «освещавшую» «левый» «догматический» курс.) При этом Мао подчеркнул: «Только те учителя, которые могут китаизировать марксизм, — хорошие учителя… Изучение методов мышления Маркса, Энгельса, Ленина и Сталина, изучение „Краткого курса истории ВКП(б)“ составит суть наших занятий. Нам надо читать больше антисубъективистских работ»[120]. После этого он подготовил большую статью на тему того же «левого оппортунизма», которая оказалась, правда, настолько резкой, что даже он сам не рискнул ее опубликовать. Со статьей познакомились только его ближайшие соратники[121].

Выступления Мао между тем дали старт целой кампании по пересмотру партийной истории в целях тотального насаждения культа вождя. Последняя, в феврале 1942 года, переросла в широкомасштабную «чистку» партии *(чжэнфэн)*. Ее главным объектом как раз и стал Ван Мин, которого Сталин фактически «кинул». Ван, правда, продолжал пользоваться доверием Димитрова, у которого за время работы в Москве сложились с Ван Мином добрые приятельские отношения. Ван и его жена Мэн Циншу перед отъездом на родину в ноябре 1937 года даже оставили в семье Димитрова свою дочь Фаину (ей было тогда пять лет), и Димитров и его жена Роза удочерили ее. Понятно поэтому, что Генеральный секретарь ИККИ должен был с особым беспокойством следить за судьбой друга, превратившегося в главного оппозиционера Мао. Конечно, без санкции Сталина Димитров ничего не мог предпринять.

Другими объектами *чжэнфэна* стали Бо Гу, Ло Фу и остальные «28 большевиков». Кстати, многие из тех, кого Мао «чистил» в те годы, входили в тот самый список лиц, к которым Москва относилась с недоверием. Досталось, однако, и Чжоу Эньлаю — за прошлую оппозицию Мао Цзэдуну. «Чистка», правда, ни в коей мере не напоминала советский 1937 год. «Нынешнее руководство КПК, — говорил Мао в январе 1943 года, — считает былые чистки в ВКП(б) ошибочными. Необходимы „духовные чистки“, которые проводятся нынче в Особом районе»[122]. Верный своему принципу «лечить болезнь, чтобы спасти больного», он инициировал не аресты и казни, а идеологическую проработку (один из свидетелей назвал это «психологической муштрой»). Яньань погрузилась в атмосферу бесконечных митингов,

собраний и заседаний, на которых бывшие противники Мао, заклейменные как «догматики», выступали с исповедями и самобичеванием, при этом безудержно восхваляя «мудрость» вождя. Они писали доносы на себя и знакомых, а специально созданная комиссия по проведению *чжэнфэна,* во главе которой Мао поставил Кан Шэна, все это аккуратно подшивала и складывала в архив.

С начала 1943 года большую роль в организации и проведении новой идеологической кампании стал помимо Кана играть и еще один человек — Лю Шаоци, прибывший в Яньань из Юго-Восточного Китая по приглашению Председателя в конце декабря 1942 года. Этого человека Мао знал очень давно, но до начала 40-х не имел с ним особенно тесных контактов. Познакомились они летом 1922-го, когда двадцатичетырехлетний Лю, только что окончивший семимесячный курс обучения в Коммунистическом университете трудящихся Востока в Москве, прибыл по направлению Чэнь Дусю на профсоюзную работу в Чаншу. Мао направил его в Аньюань, в западную Цзянси. Как мы помним, этот шахтерский поселок находился под «юрисдикцией» возглавлявшегося Мао Сянского парткома. С мая 1922-го там действовал рабочий клуб, созданный Ли Лисанем. Главным помощником Ли и стал Лю Шаоци.

> Был он всего на пять лет моложе Мао, но по своим организаторским способностям не уступал ему. Хрупкий на вид, он поражал неукротимой энергией, решительностью и отвагой. Как и Мао, был уроженцем Хунани, выходцем из крестьянской семьи. Его родной уезд Нинсян отстоял всего на 80–90 *ли* к северу от Шаошани. В партию Лю вступил в Москве в декабре 1921 года, будучи студентом Коммунистического университета трудящихся Востока, но еще в 1920 году активно участвовал в деятельности Шанхайского социалистического союза молодежи, по рекомендации которого и оказался собственно в составе первого китайского контингента КУТВ. Очень скоро Лю стал одним из крупнейших руководителей общенационального рабочего движения и в 1925 году был избран заместителем председателя Всекитайской федерации профсоюзов. В 1927 году включен в состав ЦК КПК. Впоследствии занимался руководящей партийной работой в Маньчжурии, принимал участие в V Всемирном конгрессе Профинтерна, на котором был избран членом Исполкома этой международной рабочей

организации. В течение года (с лета 1930 по осень 1931-го) представлял «красные» китайские профсоюзы в Москве, а потом возглавлял профорганизации Центрального советского района. На 4-м пленуме ЦК в январе 1931 года, по рекомендации Мифа, его избрали кандидатом в члены Политбюро. Это, однако, не отразилось на его политической позиции: в январе 1935 года, во время совещания в Цзуньи, он поддержал Мао Цзэдуна. С тех самых пор Мао и «положил на него глаз». Весной 1936-го он отправил его в Тяньцзинь, на север Китая, возглавлять бюро ЦК, а с началом антияпонской войны — перевел на юго-восток, где Лю стал одним из организаторов коммунистической Новой 4-й армии. В июле 1939-го, во время одного из приездов в Яньань, Лю Шаоци прочитал в местном Институте марксизма-ленинизма две лекции на тему «О работе коммуниста над собой», так же как и Мао, призвав всех членов партии к ежедневному самообразованию. При этом он подчеркнул, что «мерилом верности коммуниста делу партии, революции и коммунизма служит то, может ли он при любых обстоятельствах абсолютно и безусловно подчинять личные интересы интересам партии»[123]. В июле 1941-го Лю выступил уже в партшколе Центральнокитайского бюро ЦК с докладом «Относительно внутрипартийной борьбы», заострив его против догматизма. Это выступление заслужило особую похвалу Мао, который отметил: «И с теоретической, и с практической точек зрения [доклад Лю] разрешает важные вопросы, связанные с внутрипартийной борьбой в партии. Его должны прочитать все товарищи»[124].

Именно как «специалиста» по партийным делам Мао и пригласил Лю в Яньань. В марте 1943-го его новый фаворит вместе с Жэнь Биши вошел во вновь реорганизованный Секретариат ЦК. (Председателем этого органа, состоявшего всего из трех человек, так же как и Политбюро в целом, тогда впервые стал сам Мао.) Лю получил также пост заместителя Мао Цзэдуна по Реввоенсовету, а также возглавил организационную комиссию и Исследовательское бюро Центрального комитета[125]. Его влияние в партии стало стремительно возрастать, несмотря на то, что формально он не являлся полноправным членом Политбюро. Вот что доносил в Москву по этому поводу советский разведчик и связной Коминтерна Петр Парфенович Владимиров (настоящая

фамилия — Власов, китайцы называли его Сунь Пин)[84]: «Лю Шаоци… постепенно „забирает власть“… Он становится вторым человеком после Мао Цзэдуна и фактически проводником его идей в чжэнфыне *[чжэнфэне]*. Он составляет самые важные документы. С ним вынуждены считаться члены политбюро и ответственные военные работники… Этот человек, малоприметный год назад, нынче по своему усмотрению распоряжается аппаратом ЦК»[126].

На Лю Шаоци Мао возложил и основную работу по подготовке VII Всекитайского съезда партии. Этот форум, первоначально назначенный на весну 1941-го, неоднократно откладывался и в конечном итоге был перенесен на апрель — июнь 1945 года. Прибывшие же в Яньань в 1941 году делегаты вынуждены были в течение двух-трех лет под контролем Лю Шаоци и Кан Шэна участвовать во всех мероприятиях *чжэнфэна*. Единственным, кто отказывался выступать с самокритикой, был Ван Мин, который с конца декабря 1938 года по решению 6-го расширенного пленума ЦК работал в Яньани, сначала в аппарате ЦК, а затем на унизительной должности ректора Женского университета[127].

К началу 1943 года Мао обострил обстановку вокруг Вана. Тот сказался больным, чтобы избежать участия в проработочных кампаниях. 15 января 1943 года Димитров получил тревожное сообщение из Яньани по линии военной разведки (послал его, разумеется, Владимиров, по просьбе самого Вана[128]). В сообщении говорилось, что Ван Мин серьезно болен. «Необходимо его лечение в Чэнду или в СССР, — доносил советский разведчик, — но Мао Цзэдун и Кон Син [Кан Шэн] не хотят выпускать его из Яньани, опасаясь, что он даст неблагоприятную на них информацию»[129].

Но что мог предпринять Димитров? Самостоятельной фигурой он не являлся и должен был проводить политику Сталина. Разве мог он по собственной воле пойти на обострение отношений с Мао? Стараясь выиграть время, он посоветовал разведывательному управлению не вмешиваться во внутренние дела китайских коммунистов[130].

Ван Мина это не удовлетворило. В конце января 1943 года он через советского врача Орлова и Владимирова направил детальную телеграмму Сталину и Димитрову по поводу «антиленинской», «троцкистской» деятельности Мао Цзэдуна. В Москве ее получили 1 февраля[131]. А 3 февраля Димитров получил телеграмму и от Мао Цзэдуна, содержавшую резкие обвинения в

адрес Ван Мина[132]. Как видно, Мао стало известно о наветах своего врага, и он поспешил контратаковать. Лучшая оборона — нападение!

Конфликт обострялся. 11 февраля Димитрову неожиданно позвонил заместитель наркома иностранных дел СССР Владимир Георгиевич Деканозов, комиссар госбезопасности и бывший посол СССР в нацистской Германии. Разговор пошел о Ван Мине: Деканозов посоветовал передать Ван Мину, чтобы тот напрямую обратился к советскому послу Александру Семеновичу Панюшкину, который мог бы запросить разрешение на выезд Ван Мина из Китая у Чан Кайши[133]. Возможно, старый энкавэдист по своим каналам получил соответствующую информацию и, зная о приятельских отношениях Димитрова с Ван Мином, поспешил проявить внимание. А вдруг это была провокация? Слишком уж странный ход. Почему надо было запрашивать разрешение у Чан Кайши, а не у Мао Цзэдуна? Скорее всего, Деканозов его проверял: ставит ли Димитров личные отношения выше интересов международного комдвижения? Пришлось Димитрову пожертвовать старым другом.

Он ничего не стал предпринимать. А через несколько месяцев, 13 декабря 1943-го, отправил Ван Мину пессимистическое послание: «Что же касается вашей партийной работы, постарайтесь это сами урегулировать. Вмешательство отсюда сейчас нецелесообразно»[134]. Судьба Ван Мина, казалось, была предрешена.

И вдруг произошло чудо. Буквально через несколько дней после пессимистической телеграммы, 22 декабря 1943 года, Димитров послал личное письмо вождю КПК, в котором настоятельно рекомендовал не преследовать Ван Мина. Одновременно он просил не трогать и Чжоу Эньлая: «Я считаю политически неправильной проводимую кампанию против Чжоу Эньлая и Ван Мина… Таких людей, как Чжоу Эньлай и Ван Мин, надо не отсекать от партии, а сохранять и всемерно использовать для дела партии»[135]. Вне всякого сомнения, Димитров должен был на это получить указание Сталина. Или, по крайней мере, санкцию.

Что случилось за девять дней? Почему Сталин решил сохранить Ван Мина? Возможно, захотел использовать его как некий противовес Мао Цзэдуну в будущем? Или вспомнил о его «заслугах» в борьбе с «троцкизмом»? Кто знает, что двигало кремлевским диктатором в холодные дни конца декабря 1943 года.

Письмо Димитрова от 22 декабря не осталось без внимания. В ответ Мао Цзэдун прислал даже две телеграммы, 2 и 7 января

1944 года. В первой из них, в частности, говорилось: «Наши отношения с Чжоу Эньлаем очень хорошие. У нас совсем нет никакого намерения отсекать его от партии. У Чжоу Эньлая много успехов и достижений». В то же время Мао не был еще готов отступить в вопросе о Ван Мине. «Ван Мин занимался различной антипартийной деятельностью, — возражал он Димитрову. — Все это доведено до сведения всех партийных кадров. Но мы не собираемся делать это всеобщим достоянием партийной массы в целом, еще меньше собираемся мы публиковать это для ознакомления всей беспартийной массы. В результате критики всех грехов Ван Мина в среде высших партийных кадров эти кадры еще сильнее сплотились, объединились… С моей точки зрения, Ван Мин — ненадежный человек. Ван Мин раньше был арестован в Шанхае. Несколько человек показали, что он в тюрьме признал свою принадлежность к компартии. Потом он был освобожден. Говорилось также о его сомнительной связи с Мифом. Ван Мин занимался различной антипартийной деятельностью»[136].

Через пять дней, однако, Мао все-таки отступил: он прекрасно понимал, кто на самом деле ведет с ним переписку! «Внутрипартийные вопросы: политика в этой области направлена на объединение, на укрепление единства, — попытался он загладить излишнюю резкость предыдущего послания. — По отношению к Ван Мину будет проводиться точно такая же политика. В результате работы, проведенной во втором полугодии 1943 года, внутрипартийное положение, единство партии в значительной степени улучшилось. Я прошу Вас не волноваться. Все Ваши мысли, все Ваши заботы близки моему сердцу, тем более что мои мысли и мои заботы в основном те же»[137].

Получив телеграмму от 7 января, которую, кстати, Мао демонстративно послал не по своим каналам, а через Владимирова, Димитров наконец-то мог успокоиться. Мао оставался лояльным Москве. «Особенно меня обрадовала Ваша вторая телеграмма, — написал Димитров ему 25 февраля. — Я не сомневался, что Вы отнесетесь к моим дружеским замечаниям с должным серьезным вниманием и примете соответствующие меры, продиктованные интересами партии и нашего общего дела. Я был бы Вам очень благодарен, если бы Вы проинформировали меня о том, к каким практическим результатам привели принятые Вами меры. С братским приветом. Крепко жму Вашу руку»[138].

За несколько дней до этого, 19 января, Димитров отправил телеграмму и Ван Мину — по поводу его отношений с Мао, проинформировав затравленного приятеля об успешных

переговорах с его врагом[139]. Нельзя сказать, что Ван Мин был полностью удовлетворен. Однако он понял, что большего от Сталина и Димитрова ему ждать нельзя. Вождем партии Москва его не желала видеть, но и отдавать на растерзание Мао не собиралась. Надо было смириться. 7 марта Димитров получил ответ от старого друга:

«Дорогой Г. М. [Димитров]! В течение декабря — января мне передали две Ваши телеграммы. Благодарю Вас за заботу о КПК и обо мне. Мое отношение к Мао Цзэдуну остается таким же, как и было раньше, ибо я всей душой поддерживаю его как вождя партии, независимо от личных разногласий между нами в прошлом по отдельным вопросам политики антияпонского национального единого фронта и серьезнейшей кампании, которая в течение последнего года проводилась против меня по вопросам внутрипартийной жизни. [Один] товарищ мне сказал, что он систематически информирует Вас по всем этим вопросам. Я не знаю, что в этой области Вас интересует и какие вопросы неясны. Пожалуйста, дайте указания, и я отвечу. В течение последнего года в партии проводилась кампания по пересмотру всей ее истории на основе идей и деятельности Мао Цзэдуна. Он является главным представителем китайского большевизма и китаизированного марксизма-ленинизма. Понимая, что Вы можете усилить авторитет партии, что особенно важно в условиях, когда отсутствует Коминтерн, в условиях, когда акцент делается на КПК как национальную пролетарскую партию, я полностью поддерживаю эту кампанию. Я уже устно и письменно заявил Мао Цзэдуну и КПК, что борьба с лилисаневщиной, выдвижение новой политики антияпонского национального единого фронта — заслуга Мао Цзэдуна, а не моя, как я ранее считал. Я также заявил, что я дезавуирую все политические разногласия. Сердечно благодарю Вас и дорогую Розу за долголетнюю заботу и воспитание моей дочери»[140].

На состоявшемся наконец 23 апреля— 11 июня 1945 года в Яньани VII Всекитайском съезде партии и Чжоу Эньлай, и Ван Мин были включены в состав Центрального комитета, а Чжоу Эньлай даже укрепил свои позиции в высшем партийном эшелоне. Характерно, что Мао даже не начинал VII съезд до того, как «больного» Ван Мина по личному требованию Мао не внесли на носилках в зал заседания. Только после этого он открыл партийный форум словами: «Я пригласил на наш съезд товарищей Ван Мина и Цзясяна. [Вновь разболевшегося Ван Цзясяна тоже принесли в зал на носилках.] Наш съезд действительно является съездом сплочения!»[141]

Конечно, избрание Ван Мина и Чжоу не означало, что власть

Мао в какой-то степени была ограничена. Поверженный Ван уже ничего не значил как политический деятель, а Чжоу Эньлай проявлял такое полное послушание, что «великий вождь» КПК и без Сталина с Димитровым уже давно вновь начал ценить его деловые качества. Триумф Мао был полным и окончательным. Он поднялся на такую высоту, на которую до него не поднимался в КПК ни один лидер. Его культ стал поистине тотальным. «Его мнение — все! — отмечал в этой связи тот же Владимиров. — Завтра это уже закон! Его влияние сказывается даже в мелочах»[142].

Именно Мао сформировал состав Центрального комитета, избранного на VII съезде, доминировал на всех заседаниях, определил направления его работы и решения. Он же выступил с основным докладом — «О коалиционном правительстве», в котором вновь изложил «новодемократическую» программу[143]. За исключением Ван Мина все остальные 754 делегата съезда (546 — с решающим голосом и 208 — с совещательным), представлявшие 1 миллион 210 тысяч членов партии, казалось, искренне олицетворяли Мао с совестью партии. Они беззаветно верили своему вождю и готовы были умереть за него[144].

Накануне съезда Мао с успехом завершил и еще один очень важный для него форум — 7-й расширенный пленум ЦК[85], принявший по его указке «Решение по некоторым вопросам истории». (В работе над этим документом помимо самого Мао участвовали Жэнь Биши и Чэнь Бода[145], а возможно, и еще кто-то.) В новой, канонической, истории партии главная роль была, разумеется, отдана именно Мао, а весь путь КПК до совещания в Цзуньи был представлен как цепь беспрерывных отклонений от его правильной линии то вправо, то влево. При этом все его реальные или вымышленные противники (Чэнь Дусю, «путчисты», Ли Лисань, Ван Мин, Бо Гу, Чжан Готао и даже его бывший друг Ло Чжанлун, в 1931 году выступивший, правда, не против Мао, а против Политбюро) были заклеймены[146].

Все это по какой-то странной причине не нравилось советскому агенту, то и дело славшему в Москву нелестные отзывы о вожде китайских коммунистов. Культ Мао вызывал у него раздражение, как будто сам Владимиров прибыл в Яньань не из тоталитарного СССР, а из либеральной Швейцарии.

Сталин же, однако, не реагировал на настойчивые телеграммы «товарища Сунь Пина», даже невзирая на то, что тот бил тревогу по поводу «националистического и троцкистского перерождения» КПК. Да и как он мог быть недовольным Мао, даже если и читал писания своего разведчика? Ведь вот что доносил Владимиров: «Мао хочет, чтобы в дальнейшем история

писалась так, как он ее трактует… В Особом районе нет ничего из печатных работ, которые несли хотя бы какую-то память о существовании в прошлом других партийных взглядов… Мао превозносят как земного владыку, безгрешного, мудрого и всемогущего… Ни пленумы, ни конференции, ни резолюции, а насилия решали исход борьбы… Тут одна цель — перемолоть всех (даже верноподданных председателя ЦК КПК) во имя признания в будущем неограниченности его [Мао] власти над партией… Под „диалектикой“ Мао Цзэдун понимает свободу действий независимо от принципов… Бросается в глаза и характер отношений высших партийных работников с простыми коммунистами. Тут и не пахнет отношениями товарищей по партии. За внешней демократичностью — почти армейские отношения начальников с подчиненными. Восторженная же почтительность делегатов вызывает обиду за людей… Нынешний съезд КПК особенный! С первых же дней его работы ясно, что он утверждает безраздельность власти Мао Цзэдуна… [и] новый характер отношений в партии (который уже складывался все последние годы). Это дух подхалимства, унижения перед Мао Цзэдуном и его единомышленниками. Призыв к отказу от человеческого достоинства ради „вечной правоты“ Мао Цзэдуна»[147].

Ну так что? Чем такая партия отличалась от большевистской? Почему Сталин должен был вмешиваться в дела Мао, если тот скрупулезно перестраивал КПК по облику и подобию ВКП(б)?

Важным мероприятием съезда явилось, разумеется, принятие нового устава партии. С докладом по этому вопросу выступил Лю Шаоци, перещеголявший остальных делегатов в безудержных славословиях Мао. Текст устава и сам по себе был знаменателен, так как в нем идеологическими основами КПК были названы «идеи Мао Цзэдуна». «Коммунистическая партия Китая, — говорилось в уставе, — считает идеи, объединяющие теорию марксизма-ленинизма с практикой китайской революции, — идеи Мао Цзэдуна — путеводной звездой во всей своей работе»[148].

Этот термин — «идеи Мао Цзэдуна» (на китайском языке: *«Мао Цзэдун сысян»*) — был впервые предложен Ван Цзясяном в самом начале июля 1943 года. Появился он в статье Вана «Коммунистическая партия Китая и путь освобождения китайской нации», опубликованной в газете «Цзефан жибао» («Освобождение»). До того, с сентября 1940 года, в партийной лексике КПК бытовали разные термины: такие, например, как «теория товарища Мао Цзэдуна», «идеи товарища Мао Цзэдуна», «теория и стратегия Мао Цзэдуна», «теория и стратегия товарища Мао Цзэдуна», «точка зрения товарища Мао Цзэдуна», «взгляды

товарища Мао Цзэдуна», «курс товарища Мао Цзэдуна», «линия товарища Мао Цзэдуна», «путь товарища Мао Цзэдуна», «стиль Мао Цзэдуна» и даже «маоцзэдунизм». Прижилась, однако, формулировка Вана, несмотря на то, что многие подхалимы отдавали предпочтение термину «маоцзэдунизм».

О том, почему так произошло, дает некоторые представления выступление самого Мао через четыре года после VII съезда, 13 марта 1949 года, на 2-м пленуме ЦК КПК седьмого созыва. Он тогда специально затронул вопрос о том, почему не следует называть «идеи китайских коммунистов» «измом». Вот что он заявил: «Кое-кто считает, что идеи Сталина называются учением, а не измом из-за скромности Сталина. Я не согласен, нельзя объяснять это скромностью. Дело в том, что в Советском Союзе уже есть ленинизм, и идеи Сталина соответствуют этому изму, они являются его систематическим воплощением в практической политике. Ошибочно говорить, что существует ленинизм и еще существует сталинизм, то есть имеются два изма. Точно так же, если идеи, линию и политику китайской революции выставлять как изм, то в мире будет несколько измов, что не принесет пользы революции. Лучше уж нам быть отделением марксизма-ленинизма»[149].

Были, конечно, и другие причины. Одна из них заключалась в том, что в китайской компартии еще задолго до движения за «китаизацию марксизма» уже использовался термин «маоцзэдунизм», причем в крайне негативном смысле. Он, как мы знаем, был введен в оборот работниками ЦК в период восстаний «осеннего урожая» в августе — сентябре 1927 года как синоним военного оппортунизма. В не менее отрицательном значении «маоцзэдунизм» употреблялся и известным в Китае коммунистом-диссидентом Е Цином (настоящие фамилия и имя — Жэнь Чжосюань), в 1940-е годы атаковавшим КПК с позиций классического марксизма. В своей работе «Война сопротивления и культура» Е Цин, например, утверждал, что у Мао Цзэдуна нет ни грана марксизма-ленинизма, а есть только один «изм» — «маоцзэдунизм», «представляющий собой „изм“ крестьянской мелкой буржуазии»[150]. Работа Е Цина была хорошо известна в среде китайских коммунистов, и Мао не мог этого не учитывать.

Но все же главное заключалось не в этом. Окончательный выбор термина отразил стремление Мао и его единомышленников создать некую чисто китайскую идеологию, которая равным образом отражала бы интересы всех слоев китайского общества — от пролетариата до части «помещиков» и национальной буржуазии, своего рода идеологию единого фронта. Термин «идеи» *(«сысян»)* в противоположность «изму»

(«чжуи») как нельзя лучше подходил для определения этой надклассовой общекитайской идеологии. Дело в том, что в отличие от *«чжуи»* этот термин — китайского происхождения. В XIX веке он был заимствован японцами из древнего китайского языка, в котором употреблялся в значении «охватывать мыслью», «думать», «вспоминать». Японцы использовали его для обозначения новых, пришедших с Запада понятий *«ideology»* («идеология») и *«ideas»* («идеи»). Из Японии термин *«сысян»,* обогащенный новым содержанием, вернулся в Китай. Что же касается *«чжуи»,* то он не имеет корней в китайской традиции. Также в XIX веке японцы употребили искусственно составленное ими из китайских иероглифов *«чжу»* («основа») и *«и»* («смысл») слово для передачи значения пришедших к ним с Запада понятий *«doctrine»* («учение»), *«principle»* («принцип») и *«cause»* («дело»). Из Японии термин *«чжуи»* как нечто ранее неизвестное китайцам был перенесен в Китай. Естественно, что *«сысян»* («идеи») более, чем иностранное *«чжуи»* («изм»), должен был быть понятен и близок широким массам китайского народа, испытывавшего и в новейшее время сильнейшее бремя прошлого. Ведь в Китае даже сакраментальные взгляды, распространявшиеся и объяснявшиеся при помощи новой или малознакомой терминологии, вызывали негативную реакцию и сопротивление. В то же время новаторские концепции и доктрины, опиравшиеся на традиционную лексику, получали признание и поддержку широких масс. Мао же, как мы помним, прекрасно разбирался в политической культуре Китая. И между прочим, как правило, «сдабривал» свои работы, в особенности «новодемократические», большим количеством цитат из произведений древних классиков, ценимых и почитаемых в китайском народе[151].

Подобное поведение Мао полностью соответствовало политике Сталина, а потому не могло вызывать недовольства с его стороны. Скорее наоборот, всесильному главе мирового коммунистического движения должно было импонировать, что Компартия Китая оказалась теперь сплочена вокруг лидера, который так верно понял его «мудрый» тактический курс, да к тому же настолько точно и во всем ему подражал. На состоявшемся сразу после VII съезда 1-м пленуме Центрального комитета Мао был избран Председателем ЦК, Политбюро и Секретариата ЦК, а в конце августа 1945 года, на расширенном совещании Политбюро, — еще и Председателем вновь образованного Военного совета ЦК. В общем, полностью сконцентрировал власть в своих руках. В начале августа 1945 года на втором заседании пленума Центрального комитета были приняты новые редакции «Решения по некоторым вопросам

истории» и устава партии, в которых роль и значение Мао были представлены еще более ярко[152]. Китайская коммунистическая партия вступила в заключительный период антияпонской войны во всеоружии — идейном, политическом и организационном.

СТАЛИН, МАО И «НОВОДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ» РЕВОЛЮЦИЯ В КИТАЕ

Вполне возможно, что Сталин и отзывался о Мао в своем ближнем кругу как о «пещерном марксисте». Вероятно, и Мао имел основания обижаться на то, что Сталин ему не доверял. Но кому вообще «вождь народов» верил? Кого из самых преданных оруженосцев не презирал? Кого считал великим марксистом? Все они для него были лишь фигурами на его шахматной доске.

Мягко ступая по ковровым дорожкам своего кабинета, он напряженно проигрывал в уме многоходовые операции. Там, в Китае, разыгрывалась сложная и важная партия, от успеха которой зависело дело всей его жизни. Победа китайской компартии должна была радикально изменить соотношение сил на мировой арене в пользу СССР. Если бы только им с Мао удалось нейтрализовать Америку, заставив Вашингтон и других союзников поверить в «новодемократические» планы китайских коммунистов! Если бы только Рузвельт и Трумэн приняли «новую демократию» и поддержали компартию! Тогда бы КПК смогла постепенно «выжать» Чан Кайши и его сторонников из властных структур, а затем, маневрируя в левогоминьдановской и либеральной среде, в конце концов захватить власть.

Игра шла по-крупному. Интервью, статьи и выступления Мао делали свое дело. Книги супругов Сноу, Смедли и других журналистов, равно как и донесения Карлсона, «били в ту же цель». Большое впечатление на общественность производили восторженные рассказы о Мао и его товарищах английских корреспондентов Фриды Атли, Клэр и Уильяма Бэндов, американских репортеров Т. А. Биссона и Гаррисона Формана и многих других. Все эти живые свидетели в один голос уверяли мир, что китайские коммунисты не имеют ничего общего с марксизмом-ленинизмом[153]. Мрачный диктатор Чан и его режим неуклонно «теряли очки», проигрывая в глазах многих американцев «либеральному» националисту Мао и его «народному» правительству.

Наивысшего напряжения эта игра достигла в 1944–1945 годах, когда Мао, Чжоу, Чжу Дэ и другие члены китайского коммунистического руководства повели прямые переговоры с представителями американского правительства. Началось с того, что в конце июля 1944 года на яньаньском аэродроме приземлился американский самолет Си-47 («Дуглас») с девятью

пассажирами на борту. Эта была первая группа так называемой «миссии Дикси»[86], в состав которой входили сотрудники Госдепартамента, Пентагона и Отдела стратегических служб (ОСС, предшественник ЦРУ). Возглавлял ее полковник Дэвид Д. Барретт, грузноватый, невысокого роста человек лет пятидесяти, бывший какое-то время помощником военного атташе в Чунцине. Он считался большим специалистом в китайских делах, хорошо знал историю и культуру Китая и великолепно владел китайским языком. Следующим за ним по значению в группе был второй секретарь посольства США в Чунцине Джон Стюарт Сервис, «наш правительственный эксперт по китайскому коммунизму», как называл его посол Гаусс. Вскоре после них, в начале августа, прибыла и вторая группа «миссии Дикси» во главе с еще одним дипломатом, Раймондом П. Лудденом. После этого американцы зачастили в Яньань и даже стали организовывать поездки в некоторые «освобожденные районы». В целом в Яньани в 1944 году находились 32 сотрудника так называемой американской информационной службы[154].

Главный вывод, который сделали Барретт, Сервис и многие другие члены миссии из разговоров с Мао и из собственных наблюдений, заключался в следующем: «С политической точки зрения всякая ориентация китайских коммунистов на Советский Союз, которая, возможно, и имела когда-то место, ныне, похоже, отошла в прошлое. Коммунисты по своим взглядам и программе превратились в китайских реалистов. Они проводят демократическую политику, надеясь на одобрение и дружескую поддержку со стороны Соединенных Штатов. С экономической точки зрения китайские коммунисты выступают за быстрое развитие и индустриализацию Китая, преследуя главную цель — подъем экономического благосостояния народа. Они признают, что при нынешних условиях в Китае это должно быть осуществлено посредством капитализма с привлечением широкомасштабной зарубежной помощи. Они убеждены, что именно Соединенные Штаты, а не Советский Союз будут той единственной страной, которая сможет предоставить эту экономическую помощь. Они также понимают, что будет разумным дать американцам полную свободу в предоставлении такой помощи в целях ее эффективности и привлечения американских капиталов. В *заключение* можно привести настойчивые заявления самих коммунистических вождей о том, что дружба и поддержка Китая со стороны Америки важнее, чем со стороны России». Члены миссии настоятельно советовали американскому руководству переориентироваться на китайских коммунистов, предупреждая, что те могут «вновь повернуться

лицом к Советской России, если их вынудит к этому необходимость отразить нападение со стороны Гоминьдана, поддерживаемого Америкой»[155].

Просто поразительно, как легко смогли Мао, Чжоу и другие лидеры КПК обвести вокруг пальца опытных американских разведчиков! В переговорах с ними они чего только не обещали! Чтобы нейтрализовать Вашингтон, Мао готов был даже пойти на то, чтобы летом 1944 года переименовать коммунистическую партию. Об этом он, в частности, говорил Владимирову, объясняя: «Тогда для Особого района сложится более выгодная обстановка, особенно среди американцев»[156]. Речь, по-видимому, шла об изменении названия партии на «новодемократическую». В октябре 1946 года именно таким образом были переименованы комсомольские организации «освобожденных» районов, а в апреле 1949 года и весь комсомол Китая стал Новодемократическим союзом. Переименовывать партию все же не стали, но во всем остальном задурили американцам мозги основательно!

Не менее мастерски и цинично дипломатическую обработку американцев вели в то же время и Сталин с Молотовым. Вот что, например, Молотов говорил по поводу КПК послу США в СССР Уильяму Авереллу Гарриману и новому послу США в Китае генералу Патрику Дж. Хэрли в начале сентября 1944 года: «Так называемые китайские коммунисты на самом деле совсем не коммунисты… Советское правительство не поддерживает китайских коммунистов». То же самое он подтвердил им и во время новой встречи 15 апреля 1945 года, на этот раз в присутствии Сталина. Об этом Хэрли незамедлительно сообщил в Вашингтон[137]. Забавно, не правда ли?

Ни Гарриман, ни Хэрли, однако, не поддались на хитрости Сталина. Не поверили коммунистам и разведчики в самом Вашингтоне. Проанализировав донесения своих коллег из Китая, а также огромное количество другой литературы о КПК, сотрудники Отдела военной разведки министерства обороны США летом 1945 года пришли к заключению: «Китайские коммунисты *это* коммунисты… „Демократия“ китайских коммунистов это советская демократия… Китайское коммунистическое движение это часть международного коммунистического движения, финансируемого и руководимого из Москвы»[158]. Так что в итоге обмануть американское руководство ни Мао, ни Сталину не удалось.

С окончанием Второй мировой войны в середине августа 1945 года Китай вновь оказался разделенным. Центральное правительство Гоминьдана, за спиной которого стояли США,

контролировало только две трети страны. Компартия удерживала Особый район Шэньси — Ганьсу — Нинся, охватывавший уже 30 уездов, а также 18 крупных «освобожденных районов», расположенных в Северном, Восточном и Южном Китае общей численностью населения 95,5 миллиона человек[159]. Северо-Восточный Китай (Маньчжурия) был оккупирован Красной армией. Ситуация, однако, не была критической: впервые за долгие годы появилась реальная возможность мирного демократического объединения страны. Большую роль в этом процессе должны были сыграть главные победители Японии — Соединенные Штаты и Советский Союз, поддерживавшие в тот период союзнические отношения. Новой войны в Китае они не хотели, опасаясь, что бурный китайский конфликт мог легко положить конец миру на всей планете. Миру, с таким трудом завоеванному[160].

Что касается Сталина, то он в своих геополитических расчетах 1945–1949 годов должен был принимать во внимание монополию США на ядерное оружие. Будучи неготовым противостоять ядерной атаке Соединенных Штатов, он вынужден был делать все, чтобы не спровоцировать Вашингтон[161]. «Две атомные бомбы США потрясли Сталина, заставив его искать компромисс»[162], — вспоминал позже Чжоу Эньлай. Инициативу кремлевского диктатора ограничивало и известное Ялтинское секретное соглашение великих держав, принятое в феврале 1945 года, а также советско-гоминьдановский договор о дружбе и союзе, заключенный 14 августа того же года, в день капитуляции Японии. Оба они были выгодны Советскому Союзу, так как по ним СССР получал существенные экономические, политические и территориальные концессии на Дальнем Востоке. Особенно важен был договор с Чан Кайши, который сам Сталин называл «неравным»[163]. Специальные соглашения, сопровождавшие советско-гоминьдановский договор, давали советской стороне право иметь в течение тридцати лет военно-морскую базу в городе Люйшуне (Порт-Артуре), владеть портом города Далянь (Дальний) на северо-востоке Китая, а также совместно управлять Китайской Чанчуньской железной дорогой[164]. Вот почему вскоре после Второй мировой войны Сталин начал открыто выражать сомнения в способности китайских коммунистов взять власть: он просто не хотел ради безоговорочной поддержки КПК рисковать тем, что уже получил, оказав помощь США и Китаю в борьбе с Японией. Он даже посоветовал Мао Цзэдуну «прийти к временному соглашению» с Чан Кайши, настаивая на поездке Мао в Чунцин для личной встречи с его заклятым врагом. В качестве объяснения этому он не нашел ничего лучше, как заявить, что

новая гражданская война может привести к уничтожению китайской нации[165].

Мао был страшно подавлен таким «предательством» вождя и учителя, но не мог не подчиниться. На переговоры с Чаном надо было ехать. «Я был вынужден поехать, поскольку это было настояние Сталина»[166], — говорил позже Мао Цзэдун. 23 августа 1945 года он собрал расширенное заседание Политбюро, на котором заявил: «Советский Союз, исходя из интересов мира во всем мире и будучи скован китайско-советским договором, не может оказать нам помощь»[167]. 28 августа вместе с Чжоу Эньлаем он вылетел в Чунцин, несмотря на то, что ЦК КПК получил письма с протестами против переговоров с Гоминьданом от различных партийных организаций. Сопровождали руководителей КПК прибывшие накануне в Яньань гоминьдановский генерал Чжан Чжичжун и американский посол Хэрли. На аэродроме перед отлетом, прощаясь с Цзян Цин и членами Политбюро, Мао улыбался, но, по словам Владимирова, к трапу самолета «шел как на казнь». Не стесняясь присутствовавших, Мао впервые на людях поцеловал Цзян Цин в губы.

Переговоры ни к чему не привели. Мао провел в Чунцине 43 дня, неоднократно встречался с Чаном и другими гоминьдановскими деятелями, а также с представителями либеральной общественности и даже подписал соглашение о мире, но при этом не отказался от борьбы за власть. Он просто делал уступку Сталину, прекрасно понимая, что его столкновение с Гоминьданом могло быть успешным только при условии оказания КПК военной и экономической помощи со стороны СССР.

Оставалось только ждать, когда Сталин («лицемерный заморский черт», как позже в сердцах назовет его Мао[168]) изменит свою позицию. А пока приходилось выслушивать распоряжения Родиона Яковлевича Малиновского, командующего советскими войсками в Маньчжурии. Тот, по требованию Сталина, категорически запрещал войскам 8-й армии занимать города Северо-Восточного Китая до тех пор, пока Красная армия их не оставит. «Мы не вмешиваемся во внутреннюю политику Китая, — заявлял он. — Внутренние вопросы Китая должны решаться самими китайцами»[169].

Этот свой «уклон» Сталин начал преодолевать только весной 1946 года, как только Мао Цзэдун смог заверить его в том, что КПК справится со всеми трудностями. К тому времени все попытки великих держав примирить враждовавшие партии в Китае провалились, в мире к тому же началась «холодная война»,

и Сталин в конце концов стал оказывать войскам коммунистов реальную помощь. В результате Маньчжурия, находившаяся по-прежнему под контролем СССР, превратилась в плацдарм КПК. В июне 1946 года в стране началась новая полномасштабная гражданская война.

Развивалась она вначале для коммунистов неблагоприятно. Гоминьдановские войска, насчитывавшие 4 миллиона 300 тысяч человек, значительно превосходили армию КПК, в которой было чуть более 1 миллиона 200 тысяч солдат и командиров. В результате в первые же месяцы кровопролитных боев войска КПК были вынуждены оставить 105 городов и других населенных пунктов. 12 марта 1947 года авиация Чан Кайши нанесла бомбовый удар по самой Яньани и окрестному пещерному лагерю.

В самом городе, правда, уже мало что можно было разрушить. Начиная с ноября 1938 года японские самолеты не раз бомбили его. Так что в итоге от некогда процветавшего населенного пункта северной Шэньси оставались лишь разбитые крепостные стены да две-три улицы. Яньань почти обезлюдела, вся же партийно-политическая жизнь города давно переместилась на его северные пещерные окраины. Там же с конца ноября 1938 года жил и Мао Цзэдун. Именно эти-то районы и подвергли особенно интенсивной бомбардировке американские Б-24 и П-52, находившиеся на вооружении армии Чан Кайши. Беспрерывные налеты продолжались неделю, в них приняли участие около пятидесяти самолетов[170]. Одновременно на город с юга было развернуто крупномасштабное наступление сухопутных сил ГМД.

К 18 марта обстановка стала критической. Гоминьдановские войска подошли уже на расстояние семи *ли* от города. Надо было срочно ретироваться. И тогда Мао отдал приказ оставить Яньань. В тот же вечер, в сумерках, вместе с Цзян Цин и дочерью Ли На он и сам покинул пещерный лагерь. Но, прежде чем сесть в свой старый армейский джип, Мао приказал Пэн Дэхуаю, отвечавшему за эвакуацию, проследить за тем, чтобы комнаты во всех пещерах были хорошо выметены, а мебель не была поломана[171]. Он не желал, чтобы гоминьдановцы думали, будто коммунисты бежали в панике.

Направился он на север Шэньси, где все лето, осень и зиму водил по горным дорогам свою порядком измотавшуюся армию, которая в конце марта 1947 года получила новое название — Народно-освободительная армия Китая (НОАК). Вместе с ним и Цзян Цин горечь отступления переживал и его старший сын Аньин, который еще в начале января 1946 года прибыл из СССР в Яньань.

За свои двадцать три года этот высокий и стройный юноша с добрыми и печальными глазами успел пережить очень многое. В мае 1942 года он окончил Ивановский интердетдом и тогда же, движимый интернационалистским порывом, написал письмо Сталину с просьбой отправить его на фронт. «Я не могу видеть, как кованый фашистский сапог топчет Вашу землю, — писал он. — Я отомщу за тысячи и десятки тысяч убитых советских людей»[172]. Его направили на учебу в Ленинградское военно-политическое училище им. Ф. Энгельса, находившееся в то время в Ивановском городе Шуе, после чего, в 1943 году, перевели на общевойсковой факультет Военно-политических курсов Красной армии им. В. И. Ленина в Москву. В августе же 1944 года лейтенант Сергей Юнфу был направлен на 2-й Белорусский фронт, стажером. Пробыл он там, правда, недолго, всего четыре месяца, но, как говорится, «понюхал пороха». В ноябре 1944-го был отозван обратно в Москву, на этот раз на учебу в Институт востоковедения[173]. Неоднократно просил соответствующие советские органы отправить его в Китай и вот наконец в конце 1945 года получил разрешение. Накануне его отъезда с ним в Кремле встретился Сталин. Пожелал счастливой дороги и подарил на память небольшой именной револьвер. С этим револьвером Аньин и прилетел в Яньань и с тех пор никогда с ним не расставался.

Его отношения с отцом развивались сложно. Аньин почти не помнил его, жалел «маму Хэ» и настороженно, если не сказать больше, относился к Цзян Цин, которая нередко со слезами жаловалась на него Мао. «Вскоре между сыном и отцом начались разногласия на почве теоретических споров, — читаем мы в донесении одного из советских разведчиков. — Мао Цзэдун считал своего сына „догматиком“, который знает теорию, но не знает жизни и условий работы в Китае. Мао Цзэдун утверждал, что его сын избалован в СССР, и выражал неудовлетворение полученным им воспитанием. В целях „изучения жизни“ в Китае в апреле 1946 года Мао [Ань]ин был направлен в деревню для работы в качестве батрака к зажиточному крестьянину У Маю. В качестве батрака Мао [Ань]ин проработал около 3 месяцев»[174].

Только тогда его отец выразил удовлетворение. «Каждый должен попробовать горького в своей жизни»[175], — сказал он. И добавил: «Раньше ты ел хлеб, пил молоко, а теперь ты в Китае и нужно попробовать шэньбэйскую [то есть северо-шэньсийскую] чумизу, она очень полезна для здоровья!»[176]

После этого он направил сына на работу в отдел пропаганды ЦК, а в марте 1937-го Аньин вместе с другими работниками Центрального комитета, покинув Яньань, последовал за Мао в

горы северной Шэньси.

В мае 1947 года в Китай из СССР вернулись и остальные дети Мао Цзэдуна — Аньцин и Цзяоцзяо. С ними вместе приехала и Цзычжэнь. Прибыли они в Харбин, где их встретили и разместили местные работники КПК. Дети весело болтали по-русски (они почти не знали китайского языка), а на Цзычжэнь тяжело было смотреть. Последние два года в СССР были для нее самыми страшными. В 1945 году неожиданно тяжело заболела Цзяоцзяо. У нее обнаружили воспаление легких, она умирала. Обезумевшая от ужаса Цзычжэнь забрала ее из больницы, больше всего на свете боясь потерять этого последнего своего ребенка. Дочь она выходила, но разум, похоже, потеряла. Слишком велико оказалось ее потрясение. Вскоре после выздоровления дочери она попала в психиатрическую больницу в местечке Зиново Тейковского района Ивановской области, километрах в тридцати к юго-западу от города Иваново. Отсюда и само название больницы — «Зиново». Только в марте 1947 года после настойчивых просьб находившегося в то время в Москве на лечении Ван Цзясяна и его жены ее выпустили на их попечение. И только тогда она вновь смогла увидеть дочь. Вот как вспоминает об этой их встрече сама Цзяоцзяо (Ли Минь): «Меня привезли в какую-то гостиницу. Войдя в номер, я увидела женщину средних лет. Я остолбенела! Это мама? Бледная, худая, измученная! Даже улыбка и та казалась беспомощной, а глаза были совсем безжизненные»[177]. Через два месяца в сопровождении Ван Цзясяна и его жены бывшая боевая подруга Мао и двое его детей выехали на родину. Прибыв в Харбин, Цзычжэнь разрыдалась. «Наконец-то я избавилась от тех страшных дней, от жизни на чужом иждивении! Я теперь по-настоящему свободна!»[178] — твердила она.

Между тем в марте 1948 года, форсировав Хуанхэ, Мао и его войска перешли в провинцию Шаньси и ускоренным маршем двинулись дальше — на запад Хэбэя. Здесь, в уезде Пиншань, с весны 1947 года располагался рабочий комитет ЦК, деятельностью которого руководили Лю Шаоци и Чжу Дэ. Лю и Чжу жили в деревушке Сибайпо, расположенной в 560 *ли* к юго-западу от Бэйпина, в труднодоступных горах Тайшань, в узкой долине, на берегу быстрой реки. Именно сюда в конце мая 1948 года и пришли отряды Мао Цзэдуна, и именно Сибайпо стала новой столицей коммунистического Китая почти на весь оставшийся период гражданской войны. Только в самом конце марта 1949 года Мао и другие работники ЦК КПК покинули это место.

В Сибайпо Мао и Цзян Цин остановились в уютном

одноэтажном доме с внутренним двориком, вымощенным камнем. Мебели было маловато, но не привыкший к роскоши Мао довольствовался самым необходимым. Большую часть времени он проводил в кабинете, за массивным деревянным столом, сидя в овальном кресле на четырех кривых ножках. Здесь он принимал товарищей по партии, разрабатывал вместе с Чжу Дэ военные операции, готовил партийные документы. Здесь же в июне 1948-го у него произошло неприятное столкновение со старшим сыном, надолго омрачившее их отношения. Прямой и в чем-то наивный Аньин, будучи в крайне возбужденном состоянии, обвинил отца в создании «культа вождя» и даже назвал его «лжевождем». Он уже достаточно повращался в партийных кругах, чтобы почувствовать атмосферу. Неизвестно, чем бы кончилось дело, если бы не вмешались Цзян Цин и Чжоу Эньлай. Они резко осудили Аньина, потребовав от него написать объяснительную записку. Немного поостыв, борец с культом личности сдался на милость победителю. В самокритичном заявлении он признал, что «своим поступком… подорвал авторитет отца». Он объяснил, что одной из причин его «зазнайства» явилось почтительное отношение к нему (Аньину) в СССР. По его словам, в Советском Союзе к нему «относились как к „маленькому вождю“… он находился в хороших материальных условиях и не знал трудностей жизни». После разбора его дела Мао Цзэдуном, Чжоу Эньлаем и Цзян Цин было принято решение «использовать Мао [Ань]ина на низовой технической работе в аппарате ЦК под контролем [секретаря Мао] Чэнь Бода». При этом было оговорено, что «условия жизни его не должны отличаться от условий [жизни] работников этой категории». Вплоть до февраля 1949 года Мао отказывался встречаться с ним. Аньину было запрещено появляться в доме отца без разрешения[1783]. Но сколь ни велики были семейные проблемы, они не могли, разумеется, оторвать Председателя от главного — борьбы с Чан Кайши за захват власти в Китае. Именно находясь в Сибайпо, Мао вместе с Чжу Дэ, Чжоу Эньлаем, Лю Шаоци и другими членами партийного руководства смог разработать ряд мер, которые привели к разгрому армии Чан Кайши. И это несмотря на численный перевес вооруженных сил Гоминьдана, поддержку Нанкина со стороны США и недостаток техники и вооружения у НОАК. В течение пяти месяцев, с сентября 1948-го по январь 1949-го, коммунистические войска провели три крупнейшие стратегические операции. Одну — в Маньчжурии, другую — в Восточном Китае и третью — в районе Бэйпин — Тяньцинь. В результате было уничтожено более 1,5 миллиона солдат и офицеров противника, взяты несколько больших городов, в том числе сам Бэйпин. А ведь еще за год-два

до этого мало кто верил в такую возможность. Слова Мао о том, что «все реакционеры — бумажные тигры»[87], сказанные в августе 1946 года в интервью американской корреспондентке Анне Луизе Стронг[88], могли тогда вызвать улыбку. А его заявление, что «мы рассчитываем лишь на чумизу и винтовки, но история в конце концов докажет, что наши чумиза и винтовки сильнее самолетов и танков Чан Кайши»[179], можно было принять за красивый полемический выпад. И тем не менее НОАК победила! 31 января 1949 года по соглашению с оборонявшим город генералом Фу Цзои части армии КПК вошли в Бэйпин. 23 апреля был взят Нанкин, 27 мая — Шанхай, 2 июня — Циндао. Гоминьдановское правительство бежало в Кантон, а оттуда в первой половине октября — на Тайвань. Десятки миллионов долларов, потраченных правительством СССР на китайскую революцию, не пропали даром. Континентальный Китай оказался в тисках коммунистической диктатуры.

В чем же причины победы КПК? Каким образом НОАК удалось осуществить перелом? Прежде всего, разумеется, сказалась эффективность традиционного партизанского метода ведения боевых действий, активно применявшегося армией Мао на первом этапе конфликта. Отступая в первые месяцы, коммунисты старались заставить противника «покрутиться и помыкаться… чтобы он вконец измотался и стал испытывать острый недостаток в продовольствии». Этот метод Мао назвал «тактикой изматывания»[180], и он принес плоды. Уже летом 1947 года части НОАК начали наступать на позиции противника. 25 апреля коммунисты вновь взяли Яньань. К июню 1948 года армия Гоминьдана сократилась до 3 миллионов 650 тысяч человек, в то время как вооруженные силы КПК возросли до 2 миллионов 80 тысяч[181].

Гоминьдановские войска разваливались буквально на глазах. Генералы и офицеры были бессильны выправить положение. Боевой дух солдат стремительно падал. Как и в войне с японцами, армия Чан Кайши демонстрировала полное неумение воевать. Во всех частях процветали коррупция и местничество. Сильны были и пережитки милитаризма. Командиры не желали рисковать своими подразделениями, рассматривая их прежде всего как источник собственного политического влияния в обществе и обогащения. Остро давала себя знать и неспособность правительства стимулировать экономическое развитие. В 1946 году в стране началась инфляция. С сентября 1945-го по февраль 1947 года курс юаня упал в 30 раз. В 1947 году ежемесячный рост цен составил 26 процентов. И кризис все продолжал углубляться. Очевидец сообщает: «Из-за инфляции мы не чувствовали себя в

безопасности в финансовом отношении… Инфляция была столь стремительной, что если какой-то суммы утром хватало на покупку трех яиц, то уже днем за эти же деньги можно было купить лишь одно. Деньги возили в тележках, а цена риса была так высока, что люди, в обычные времена и не помышлявшие о воровстве, громили продовольственные лавки и выносили оттуда все, что могли»[182]. Резко усилилось забастовочное движение: только в одном Шанхае в 1946 году произошло 1716 стачек. Весной 1948 года правительство вынуждено было ввести карточки на продовольствие во всех крупных городах и, чтобы как-то увеличить запасы зерна, ввело принудительные закупки его по заниженным ценам[183]. Однако это последнее мероприятие оттолкнуло от Гоминьдана его естественного союзника — зажиточного крестьянина. В общем, Чан Кайши потерял как свою армию, так и тыл. Его внутренняя политика вызвала недовольство широких масс населения.

В этих условиях КПК сумела воспользоваться ситуацией и объединить вокруг себя различные политические силы. К власти она пришла не под знаменами социализма, коммунизма или сталинизма, а под лозунгами «новой демократии». И именно это-то и имело решающее значение.

Немаловажную роль играла и позиция СССР. Несмотря на то, что Сталин дал «добро» на вход КПК в Маньчжурию, он первое время придерживался осторожной линии в китайском конфликте — вплоть до успешного испытания советской атомной бомбы в августе 1949 года[184]. Это, конечно, не означает, что он был против коммунистической революции в Китае. Подобные суждения некоторых историков[185] представляются абсолютно неправомерными. Он, правда, первоначально высказывал мысль о возможном разделении Китая на две части — по реке Янцзы (север — за КПК, юг — за ГМД)[186], однако отказывался от любых форм посредничества между конфликтовавшими сторонами, несмотря на неоднократные просьбы правительства Чан Кайши[187]. И хотя он все время слал своему посольству в Китае категорические директивы, требуя не вмешиваться в конфликт, тем не менее отнюдь не желал спасти Гоминьдан[188]. Перед падением Нанкина он, правда, приказал послу Николаю Васильевичу Рощину следовать за Чан Кайши в Кантон, в то время как послы США и Англии остались в бывшей столице Китая. Однако сделал он это, по его же словам, исключительно «для разведки, чтобы он [Рощин] мог регулярно информировать нас [Сталина] о положении на юге от Янцзы, а также в кругах гоминьдановской верхушки и их американских хозяев». Об этом Сталин по секрету сообщил Мао Цзэдуну. Уже в начале 1948 года,

то есть еще до прибытия Мао в Сибайпо, в беседах с болгарской и югославской делегациями в Кремле Сталин признал, что советская сторона ошиблась, а китайские коммунисты оказались правы в своих оценках перспектив гражданской войны. Говорил он об этом и в июле 1949 года во время встречи с Лю Шаоци, посетившим его с неофициальным визитом. «Повредила ли вашей освободительной войне моя телеграмма, посланная в августе 1945 года?» — задал он тогда вопрос Лю. На что конечно же услышал «нет», но, чувствуя, что его собеседник кривит душой, и, очевидно, желая снять с себя ответственность за прежнюю осторожную политику в Китае, добавил: «Я уже довольно стар. И я беспокоюсь, что после моей смерти эти товарищи [он кивнул в сторону Ворошилова, Молотова и других] будут бояться империализма»[189].

Конечно, он не хотел вмешиваться в конфликт, но тем не менее изрядно помогал КПК и оружием, и советами. Его переписка с Мао была в тот период особенно интенсивной. Соблюдая секретность, он подписывал свои шифротелеграммы либо русским псевдонимом Филиппов, либо китайским — Фын-Си и слал их через своих представителей при Мао. Одним из этих людей являлся знакомый нам доктор Андрей Яковлевич Орлов (китайцы называли его Алофу), другим — прибывший в Сибайпо в январе 1949 года генерал Иван Владимирович Ковалев, бывший в конце Великой Отечественной войны наркомом путей сообщения СССР. Владимиров к тому времени был отозван в Москву (в конце ноября 1945 г.), а затем, в 1948 году, хотя и вернулся в Китай, но уже не к Мао Цзэдуну, а в Шанхай, генеральным консулом СССР.

Опасения Сталина в отношении прямого вмешательства США в конфликт переплетались с неизжитыми у него еще надеждами «надуть» Запад. Всю гражданскую войну и даже некоторое время после нее он неуклонно стремился продемонстрировать, что КПК якобы дистанцировалась от большевистской партии. И в этом он даже превзошел Мао Цзэдуна. Последний, например, регулярно, начиная с конца 1947 года выражал стремление посетить Сталина, однако тот неизменно отказывался принять его до тех пор, пока основные боевые операции в Китае не завершились. Он просто не хотел приглашать партизанского лидера и тем давать Западу и Чан Кайши лишний повод объявить Мао «советским агентом».

Тактические маневры Сталина искусно камуфлировали советские средства массовой информации и советские обществоведы, в первую очередь китаисты[190]. Характерно, что вплоть до 1952 года в советской печати китайские коммунисты

именовались не иначе как «господа», несмотря на то, что в частных беседах представители ВКП(б) и КПК называли друг друга «товарищи». Даже прокоммунистическая книга американского журналиста Гаррисона Формана «Репортаж из Красного Китая», изданная в Нью-Йорке в 1945 году, была переведена и опубликована в Советском Союзе под другим названием — «В новом Китае» (М.: Издательство иностранной литературы, 1948). Советская печать старательно избегала термина «коммунистический» применительно к режиму КПК. Сама партия Мао именовалась демократической и прогрессивной, но практически никогда коммунистической (допускалось использование только аббревиатуры).

Как и в отношениях с югославскими коммунистами в 1944 году, Сталин в течение всей гражданской войны в Китае, в 1946–1949 годах, достаточно последовательно охлаждал неподдельный коммунистический энтузиазм Мао. Как это ни покажется странным, но документальные источники свидетельствуют, что в период борьбы за победу революции в Китае Мао Цзэдун был более радикален, чем Сталин. В 1946–1949 годах он принимал «новую демократию» уже пассивно. И даже нередко выступал против этого курса, хотя формально продолжал ему следовать, чтобы не раздражать московского лидера[191].

Здесь, правда, сдержанная позиция Сталина объяснялась не только его боязнью ядерного конфликта с Соединенными Штатами или желанием их обмануть. «Вождь народов» не мог не быть весьма осторожен, думая о последствиях победы КПК. Как русский национал-коммунист, он должен был опасаться возникновения в будущем нового мощного центра коммунистической власти. Коммунистический Китай, реализовавший диктаторскими методами советскую модель ускоренной экономической модернизации, мог создать угрозу его гегемонии в коммунистическом мире. Ограничивая амбиции Мао «демократическими» задачами, Сталин тем самым привязывал его к себе, а тактический курс КПК подчинял собственной политической линии.

В то же время по мере победоносного для КПК развития гражданской войны возрастала и подозрительность Сталина по отношению к Мао. Особенно она усилилась после «югославского шока» 1948 года, то есть после разрыва Сталина с югославским лидером Иосипом Броз Тито, которого до того Москва считала одним из наиболее преданных своих сателлитов и который неожиданно проявил непослушание. Вскоре после «дела Тито» в частных беседах со своими соратниками Сталин начал выказывать все возраставшее беспокойство в связи с новой

возможной угрозой, на этот раз из Китая. «Что за человек Мао Цзэдун? У него какие-то особые, крестьянские взгляды, он вроде бы боится рабочих и обособляет свою армию от горожан»[192], — размышлял он. В начале 1949 года, накануне прихода коммунистов к власти, Сталин даже затребовал письменное мнение Бородина, бывшего «высокого советника» Сунь Ятсена и уханьского правительства в 1923–1927 годах, относительно Мао. И тот, очевидно, понимая, чего хотел от него мнительный вождь, написал в докладной записке: «Независимость, и более того, „самостийность“ его характера уже в те годы была очевидной. На совещаниях, казалось, он скучал и томился речами других, но если сам говорил, то так, будто до него никто ничего не сказал… Мао Цзэдуну присущ непомерный апломб. Он издавна считает себя теоретиком, сделавшим свой самостоятельный вклад в общественную науку… Мао Цзэдуну свойствен ошибочный взгляд на крестьянство. Он исходит из внутренней убежденности в превосходстве крестьян над другими классами, из преувеличения революционных возможностей крестьянства, при одновременной недооценке руководящей роли пролетариата. Эту свою точку зрения Мао Цзэдун не раз высказывал в личных беседах со мной… Мао Цзэдун явно недооценивал роль пролетариата как инициатора и руководителя китайской революции, вождя китайского крестьянства. Это характерно для выступлений Мао Цзэдуна в двадцатые годы, а слушать его в период нахождения в Китае мне довелось не раз». Нелестный отзыв о Мао дал тогда и старый работник Коминтерна, полковник НКВД Георгий Иванович Мордвинов, в конце 1930-х — в 1940-е годы курировавший китайскую компартию. Он особенно подчеркнул «патриархальные склонности Мао Цзэдуна, его болезненную мнительность, чрезмерное честолюбие и манию величия, возведенную в культ»[193]. Последняя характеристика вряд ли могла смутить Сталина, ведь она была как бы списана с него самого. А вот оценка Бородина настораживала.

Чтобы как-то прояснить ситуацию, Сталин, по-прежнему не соглашаясь принимать Мао, разрешил въезд на территорию СССР его жене Цзян Цин и дочери Ли На. Визит был секретным, Цзян Цин путешествовала под именем Марианы Юсуповой. Формальным поводом для визита была болезнь Цзян Цин: жизнь в пещерах Яньани, долгие утомительные переходы по горам Шэньси, Шаньси и Хэбэя подорвали ее здоровье. Цзян была истощена: при росте 165 см весила всего 44 кг. Вот почему у Мао и возникла идея отправить ее с дочерью в Советский Союз — подлечиться и отдохнуть[194]. Заодно Цзян Цин должна была приглядеться к жизни в СССР, установить контакт с важными

людьми, в общем, разведать обстановку. Так что интересы Сталина и Мао в этом визите Цзян Цин совпали.

За женой Мао Цзэдуна Сталин прислал специальный самолет в Далянь, который и привез ее с дочкой в Москву, в аэропорт Внуково. Цзян была так слаба, что ее вынесли по трапу на носилках, после чего сразу же отвезли на одну из подмосковных дач для высоких зарубежных гостей, в Заречье.

Находились она и Ли На в Советском Союзе с мая по август 1949 года. 18 мая Цзян Цин положили сначала в терапевтическое, а затем в отоларингологическое отделение Кремлевской больницы на улице Грановского. Там ей был поставлен диагноз: общее истощение. В больнице она провела больше месяца. Жаловалась на слабость, быструю утомляемость, боли в животе, плохой сон, резкую возбудимость. Просила, чтобы температура воздуха в помещении была плюс 22–23 градуса. По ее словам, она дважды в жизни болела дизентерией, и с детского возраста по несколько раз в год у нее повторялись ангины. После консультации с профессорами 13 июня 1949 года у Цзян Цин были полностью удалены обе нёбные миндалины, и через две недели ее направили в подмосковный санаторий «Барвиха». После этого в течение какого-то времени она с дочерью отдыхала на правительственной даче, а 29 августа ее отправили в Крым. Для этого путешествия Сталин выделил ей свой личный вагон. По забавному стечению обстоятельств отдыхала она в Кореизе, в бывшем особняке своего русского однофамильца — князя Юсупова, где занимала весь нижний этаж. На втором этаже в это время жил генерал Свобода, будущий президент Чехословакии, с женой Ирэной. С ними Цзян Цин и проводила большую часть времени, увлеченно играя на бильярде и гуляя по окрестным местам.

По линии ЦК ВКП(б) к ней прикрепили молоденькую девушку, младшего референта Отдела внешней политики Анастасию Ивановну Картунову, только за два года до того окончившую Московский институт востоковедения[195]. Разумеется, в обязанности Картуновой входил и сбор информации об ее подопечной. Вот, в частности, что она сообщала: «На основании бесед с Цзян Цин сообщаю следующее. Революционную деятельность начала в юности. Уже в 16-летнем возрасте подвергалась аресту со стороны гоминьдановских властей за революционную пропаганду, которую вела среди работниц фабрики [ничего такого, конечно, на самом деле в жизни Цзян не было]. После отбытия наказания вынуждена была изменить род занятий. Училась в театральной школе. В беседе 17 мая 1949 г. интересовалась программой наших партийных школ.

Раньше в Яньани существовал университет марксизма-ленинизма. С 1948 г. структура партийного обучения изменена. Создана сеть партийных школ и центральная партийная школа в Бэйпине. Программа центральной партийной школы предусматривает усвоение и сдачу экзаменов по 12 дисциплинам. История развития общества, история КПК, история ВКП(б) и работа „Детская болезнь 'левизны' в коммунизме“. Однажды справлялась о положении в Югославии и деятельности клики Тито… Я осведомлялась о дне рождения Мао и Чжу Дэ. Цзян Цин с трудом, на основании каких-то сложных вычислений, сказала, что Мао родился 26 декабря 1893 г. День рождения Чжу Дэ она не смогла назвать. При этом Цзян Цин добавила, что в Китае никто не знает день рождения руководителей КПК, так как тов. Мао категорически возражает против того, чтобы как-то отмечался день его рождения. Сообщение об освобождении НОАК Шанхая, казалось, не было неожиданностью для Цзян Цин. Она сказала, что приблизительно уже знала, когда падет этот город, и что даже лучше бы было, если бы Шанхай освободили позже, т. к. прокормить 7 млн. населения города — это довольно тяжелый груз для освобожденных районов при настоящей обстановке. Сообщение об освобождении порта и города Циндао было воспринято примерно так же. 29 мая Цзян Цин и Сюй Минцин (жена Ван Гуан[ь]ланя[89]) при встрече в Кремлевской больнице восхищались советской медициной. Цзян Цин говорила, что ее состояние — результат чрезмерно утомительных ночных работ. Цзян Цин знакома с классической китайской литературой. Читала в переводах Пушкина, Гоголя, Чехова, Горького. Из современных советских писателей особенно ценит Фадеева и Симонова. Хорошо знакома с историей СССР. Когда ей был предложен список фильмов, Цзян Цин попросила вначале показать исторические фильмы в хронологической последовательности»[196].

В июле 1949 года с неофициальным визитом СССР посетила делегация КПК во главе с Лю Шаоци[197]. А в конце ноября 1949-го по просьбе Мао Цзэдуна советское правительство разрешило въезд в СССР на лечение Жэнь Биши[198].

Кремлевский вождь, как всегда, внимательно следил за развитием событий в Китае. У него были собственные тайные осведомители даже среди членов Политбюро ЦК КПК, и он мог более или менее эффективно влиять на китайское коммунистическое руководство. Мао Цзэдун и другие лидеры КПК, со своей стороны, постоянно информировали его о своих планах и намерениях, регулярно консультируясь с Москвой даже по мелочам. В феврале 1949 года, например, они запросили

мнение «товарища Филиппова» по вопросу о том, следует ли им переносить столицу Китая из Нанкина в Бэйпин. А накануне провозглашения Китайской Народной Республики, 28 сентября 1949 года, поинтересовались его точкой зрения по вопросу о том, нужно ли им обращаться ко всем странам мира с предложением о восстановлении дипломатических отношений «по радио в общей форме или к каждому государству в отдельности телеграммой». «Товарищ главный хозяин» — так именовал Сталина Мао Цзэдун в своих шифротелеграммах в Москву. Возможно, он и не питал к Сталину «особенно добрых чувств»[199], однако прекрасно понимал, что должен был быть особенно лояльным ему и на словах и в делах, тем более что не мог не знать о сталинской подозрительности. Вот почему, например, в телеграмме от 28 августа 1948 года, сообщая Сталину о тех вопросах, которые он хотел бы обсудить с ним во время его визита в Советский Союз, Мао заявил: «Надо договориться о том, чтобы наш политический курс полностью совпадал с СССР»[200].

Но вместо приглашения Мао в Москву Сталин в январе 1949 года направил в Сибайпо своего представителя Анастаса Ивановича Микояна с секретной миссией обсудить наиболее важные вопросы. В Китае Микоян находился под псевдонимом Андреев, а сопровождали его два человека с одинаковой фамилией — уже знакомый нам бывший нарком путей сообщения Ковалев Иван Владимирович и заведующий сектором стран Дальнего Востока Отдела внешней политики ЦК ВКП(б) Ковалев Евгений Федорович. «Один был дурак, а другой — трус», — говорил позже Сталину неласковый Микоян.

Один из вопросов, которые Сталин поручил обсудить с Мао своему представителю, касался природы новодемократической власти в Китае. Вот что Мао Цзэдун писал по этому вопросу в телеграмме Сталину от 30 ноября 1947 года: «В период окончательной победы китайской революции, по примеру СССР и Югославии, все политические партии, кроме КПК, должны будут уйти с политической сцены, что значительно укрепит китайскую революцию»[201]. Этот тезис откровенно противоречил всему тому, что Мао сам писал в своем докладе «О коалиционном правительстве». Более того, он шел вразрез со всем курсом новой демократии, который был направлен на создание многопартийной системы в Китае. В телеграмме от 20 апреля 1948 года Сталин выразил свое несогласие с предложением Мао: «Мы с этим не согласны. Думаем, что различные оппозиционные политические партии в Китае, представляющие средние слои китайского населения и стоящие против гоминьдановской клики, будут еще долго жить, и киткомпартия вынуждена будет привлечь

их к сотрудничеству против китайской реакции и империалистических держав, сохранив за собой гегемонию, то есть руководящее положение. Возможно, что некоторых представителей этих партий придется ввести в китайское народно-демократическое правительство, а само правительство объявить коалиционным, чтобы тем самым расширить базу этого правительства в населении и изолировать империалистов и их гоминьдановскую агентуру»[202].

Мао, казалось, полностью принял точку зрения Сталина и в телеграмме от 26 апреля 1948 года возложил всю ответственность за «левацкие тенденции» на местных руководителей КПК, проинформировав «главного хозяина» о том, что эти тенденции «уже окончательно преодолены»[203]. Однако уже в сентябре 1948 года вновь попытался радикализировать политический курс. На этот раз он подошел к вопросу с точки зрения экономики. Выступая с докладом на заседании Политбюро ЦК китайской компартии (оно проходило в Сибайпо с 8 по 13 сентября), он заявил о том, что социалистический сектор станет ведущим в народном хозяйстве Китая в период новой демократии, поскольку после революции бюрократический капитал, а равно и не принадлежавшие бюрократическому капиталу крупные промышленные, торговые и банковские предприятия перейдут в собственность государства[204]. Его позиция, похоже, не вызвала открытых возражений со стороны участников заседания, а Лю Шаоци, являвшийся в то время вторым человеком в партийном руководстве, развивая идеи Мао, даже указал на то, что «в новодемократической экономике основным противоречием является противоречие между капитализмом (капиталистами и кулаками) и социализмом». При этом он, правда, заметил, что нет никаких сомнений в том, что КПК «нельзя проводить социалистическую политику раньше времени»[205]. (Это замечание дает основание полагать, что какие-то разногласия в руководстве КПК по поводу маоцзэдуновской интерпретации «новой демократии» все же в то время были, и выражать их начал именно Лю Шаоци. Хотя, конечно, расхождения во взглядах между ним и Мао резко еще не проявились.)

В январе — феврале 1949 года, во время встреч с Мао, Микоян еще раз довел советскую позицию до сведения лидера КПК. Причем держался высокомерно и не столько советовал, сколько поучал. Мао этот снобизм был неприятен, но недовольства он не проявил, подтвердив принятие сталинских директив. По существу же, развил перед Микояном компромиссный вариант. В пространной речи о нынешней и будущей политике КПК, произнесенной перед гостем в начале

февраля, он, говоря о сотрудничестве с национальной буржуазией и о проведении земельной реформы без конфискации собственности «кулаков», тем не менее подчеркнул, что, несмотря на то, что коалиционное правительство будет включать некоторые «демократические партии», будущее китайское государство явится, «по существу, диктатурой пролетариата». Более того, он декларировал, что новый Китай в процессе реконструкции будет исходить из советского опыта[206].

Чтобы как-то задобрить «главного хозяина», Мао Цзэдун в беседах со сталинским эмиссаром проводил мысль о том, что в своих идеологических построениях он исходил из выводов Сталина относительно характера китайской революции[207]. Но его компромиссные положения и на самом деле фундаментально не противоречили сталинским взглядам. В конце концов московский вождь сам не был умеренным политиком. Его волновало лишь то, насколько закамуфлированной будет власть коммунистов в будущем объединенном Китае. Беспокоили Сталина и возможные быстрые темпы китайской модернизации. Вот и все. Так что он был вполне удовлетворен, узнав, что его установки были формально приняты[208].

Вместе с тем в начале 1949 года, предвкушая неизбежную победу коммунистической партии над Гоминьданом, Мао Цзэдун опять попытался вернуться к своим радикальным идеям, стремясь все же выйти за ограниченные рамки «новой демократии». В докладе 2-му пленуму Центрального комитета в марте 1949 года, собранному в Сибайпо, Мао почти полностью избегал упоминания термина «новодемократическая революция», используя вместо него формулировку «народнодемократическая революция». Резолюция 2-го пленума показывает, какое различие Мао мог вкладывать в эти два термина. В ней утверждается, что в странах Восточной Европы, которые в то время считались «народнодемократическими», «существование и развитие капитализма… существование и развитие свободной торговли и конкуренции… ограничены и стеснены»[209]. Понятие же «новой демократии» подразумевало большую экономическую свободу[210]. После пленума концепция «новой демократии», по существу, исчезла из речей и статей Мао[211], а его новый канонический текст, опубликованный 30 июня 1949 года, получил название «О демократической диктатуре народа»[212]. Спустя много лет Мао признавал: «По существу, основное положение об уничтожении буржуазии содержалось уже в решении II пленума ЦК седьмого созыва»[213].

Скорректировать эту позицию Сталин смог уже после победы китайской революции, в декабре 1949 года. Несмотря на это, в

целом его тактические маневры помогли Мао Цзэдуну одержать впечатляющую победу над своим историческим противником Чан Кайши. В конце 1947-го — начале 1948 года китайским коммунистам, маскировавшимся под «новодемократов», удалось даже с помощью Сун Цинлин (той самой вдовы Сунь Ятсена, которая уже давно сотрудничала с КПК и Москвой) расколоть Гоминьдан. 1 января 1948 года в Гонконге левые деятели ГМД заявили об образовании так называемого «Революционного комитета Гоминьдана». Его почетным председателем стала сама Сун Цинлин. В руководство же вошли такие известные нам люди, как Фэн Юйсян и Тань Пиншань.

23 марта Мао вместе с другими работниками ЦК выехал из Сибайпо в Бэйпин, за два месяца до того взятый войсками НОАК. Перед отъездом он, смеясь, сказал Чжоу Эньлаю:

— Мы уезжаем в столицу для сдачи экзаменов.

— И мы должны их сдать, — ответил тот. — Мы не отступим.

— Да, — произнес Мао уже серьезно. — Отступление будет равносильно поражению. Однако мы не будем уподобляться Ли Цзычэну[90]. Будем надеяться, что экзамены сдадим на «отлично»[214].

И коммунистам действительно удалось сделать все, как они хотели. 30 сентября 1949 года они организовали многопартийное коалиционное правительство, председателем которого стал Мао, а его главными заместителями — Лю Шаоци, Чжу Дэ и Сун Цинлин. 1 октября в Бэйпине, которому за десять дней до того было возвращено его прежнее название Пекин, Мао Цзэдун провозгласил Китайскую Народную Республику.

Это был его звездный час. Он стоял под сводами дворцовой башни Тяньаньмэнь, возвышающейся над входом в императорский Запретный город, и взглядом пророка взирал на гигантскую толпу, заполнившую всю центральную площадь. (В торжественном митинге принимали участие более 400 тысяч человек.) Перед ним лежала великая страна с многовековой историей и культурой, и он теперь был ее полновластным хозяином. О чем он думал? О власти? О годах тяжелейшей борьбы? О погибших друзьях и соратниках? А может быть, о том, что ждет его и многострадальный народ Китая через несколько лет? Кто знает?

Рядом с ним находились его боевые товарищи: Чжоу Эньлай, Лю Шаоци, Чжу Дэ, другие члены коммунистического руководства и коалиционного правительства. Среди них — и вдова Сунь Ятсена, фанатично преданная КПК Сун Цинлин. Мао был бодр и весел, беспрерывно улыбался, обнажая ровные зубы. Скрывать своего торжества он не хотел. На левой стороне его

нового темно-коричневого френча красовалась приколотая широкой английской булавкой красная ленточка с двумя желтыми иероглифами — «чжуси» («Председатель»). На долгие годы это слово станет самым важным в жизни всех населяющих КНР людей.

ПРОТИВОРЕЧИЯ «НОВОЙ ДЕМОКРАТИИ»

Первое время в Пекине Мао жил на загородной вилле Шуанцин в живописных горах Сяншань (Ароматные горы) к северо-западу от города. Этот район еще с домонгольских времен служил местом уединенного отдыха многим китайским правителям, украшавшим его изящными павильонами и пагодами. В XVIII веке маньчжурский император Цяньлун превратил его в удивительный по красоте парковый комплекс. Чистый горный воздух, пропитанный ароматом хвои, легкий ветерок, колышущий ветви сосен, тихая гладь голубых озер создавали атмосферу покоя.

Он приехал сюда в конце марта 1949 года, когда Пекин был во власти песчаных бурь. Горячая пыль, гонимая ветром из монгольской степи, резала глаза и забивала ноздри. Было трудно дышать. Но здесь, в Сяншани, все было по-другому. Здесь чувствовалось наступление весны. Благоухали цветы, и пели птицы. Особенно красива была одноэтажная вилла Шуанцин, получившая свое название («Пара чистых источников») от двух горных ключей, бивших неподалеку. Рассказывали, что много веков назад император чжурчжэньской династии Цзинь, отдыхая в горах Сяншань, увидел сон, будто, пустив из лука стрелу, он пробил в одной из окрестных скал две скважины, из которых забили чистые струи воды. Пробудившись, император повелел своим слугам соорудить на том месте, что видел во сне, два источника, которые и дали название вилле. В коммунистических кругах, правда, резиденцию Мао скоро стали именовать «Университетом труда» («Лаодун дасюэ») или сокращенно «Лаода». Было это сделано сугубо из соображений секретности: все-таки шла война, и местопребывание главы КПК являлось тайной. Кто придумал это название, неизвестно, но оно удивительно подошло к этому месту: ведь при изменении тона в слове «лао» иероглифы «лао» и «да» означают «почтенный и великий». А кто же, как не Председатель, заслуживал эти эпитеты!

В свои пятьдесят шесть лет Мао уже не выглядел тем стройным и худым молодым человеком «крепкого телосложения», каким его впервые увидел Эдгар Сноу. Он располнел, отяжелел, стал еще более медлительным. Начал коротко стричь волосы, чего раньше никогда не делал. Все чаще страдал бессонницей, то и дело простужался. Уже много лет он болел ангионеврозом, то есть функциональным расстройством иннервации кровеносных сосудов. Отсюда нередко возникали потливость и чувство жара,

болела и кружилась голова, ломило поясницу, немели суставы и пальцы рук и ног. Он становился раздражительным, терял над собой контроль. В период обострения болезни жаловался своим родным и врачам: «Такое впечатление, будто под стопой вата»[215]. Иногда во время прогулок у него вдруг нарушалась координация. Он начинал беспорядочно размахивать руками, как бы цепляясь за воздух. Ему тогда казалось, что земля уходила из-под ног[216].

Он по-прежнему много работал, по 15–16 часов в день, но быстро утомлялся. Как и Сталин, никогда не менял распорядка дня, заведенного много лет назад: спал до двух-трех дня, вечерами проводил заседания и совещания, а затем до утра читал и писал. Беспрерывно курил, по шестьдесят сигарет в день. Любил американские «Честерфилд», английские «555» и китайские «Красная звезда», но не брезговал и другими сигаретами. Смеясь, рассказывал, как во время Великого похода, когда не было табака, они с Отто Брауном, тоже заядлым курильщиком, соревновались, кто испробует больше различных листьев в качестве замены табачным.

Старея, он все больше привязывался к молодой и энергичной Цзян Цин, которая была не только страстной любовницей, но и аккуратным секретарем и хозяйкой. Именно она следила за его здоровьем, распорядком дня, приемом посетителей, одеждой, питанием и прогулками. В общем, вела весь дом. И даже во время танцев, которые он и она обожали и которые Мао продолжал устраивать регулярно, подводила к нему молоденьких девушек. В отличие от Цзычжэнь она была не столько ревнива, сколько умна. «Секс влечет к мужчине только вначале, то же, что поддерживает к нему интерес, — это власть», — говорила она позже своему биографу[217]. Во время ее отсутствия, особенно когда она находилась в СССР, Мао буквально не находил себе места. Разлука с женой была для него очень тягостной. Не помогало и общение с младшим сыном Аньцином и старшей дочерью Цзяоцзяо, которой, как мы помним, Мао вскоре дал новое имя — Ли Минь. Эти дети переехали к нему жить после отъезда Цзян Цин и Ли На. Привез их из Маньчжурии Иван Владимирович Ковалев[91].

Встреча с детьми, правда, была достаточно теплой.

— Товарищ Мао Цзэдун, вот ваши любимые дети, — подвел Ковалев к Мао оробевших Аньцина и Цзяоцзяо.

— Подойдите ближе, ребята, это ваш папа, Председатель Мао, — сказал кто-то из сотрудников.

«Я подняла голову и увидела совершенно не знакомого мне человека, — вспоминает Ли Минь. — …Он был в свободном сером кителе и простых матерчатых черных тапочках. Такой

обычный и простой, совсем не похожий на вождя». Ли Минь пишет, что встреча была очень нежной. Мао прижался лицом к ее лицу и стал целовать, а она только смеялась, потому что совсем не понимала его китайский язык, к тому же с хунаньским акцентом.

Вскоре, однако, наступило некоторое охлаждение. Началось все с того, что однажды, гуляя с отцом по дорожкам парка, Ли Минь спросила: «Папа, а Цзян Цин не будет меня бить?» Мао был поражен, посмотрел на дочь странным взглядом и долго не отвечал. «Мачехи часто бьют неродных детей», — продолжала Ли Минь[218].

Конечно, Цзян Цин не била ее. Опасения были напрасны. Но особых, родственных, чувств между ней и детьми Мао от прежних браков так никогда и не возникло. «Мамой» они ее называть не хотели, и Цзян Цин не могла не чувствовать их неприязненного отношения. К сожалению, платила она им тем же. Своих неприязненных чувств к Ли Минь она не могла скрыть даже от молодой американки Роксаны Уитке, приехавшей в Пекин для того, чтобы написать биографию Цзян Цин. «Ли Минь, — сказала она ей, — совсем не стала „быстрой в действиях“». Что имела она в виду, осталось, правда, неясным[219].

Мао некогда было вдаваться в нюансы семейных взаимоотношений. Он просто брал сторону Цзян Цин. Так было легче да и комфортнее. В итоге большую часть свободного времени он играл с Ли На, младшей дочерью. К детям же от двух первых жен стал относиться почти равнодушно, хотя и держал их при себе[220].

В сентябре 1949 года вместе с ними он переехал, наконец, в Бэйпин, где наряду с другими членами руководства поселился в старом императорском дворцовом комплексе Чжуннаньхай («Среднее и Южное моря»), окруженном кирпичной стеной и примыкающем с запада к стенам бывшего императорского Запретного города. Разместился он в так называемом Павильоне Аромат хризантем в Саду Обильных водоемов. Вот как описывает это место Ли Минь: «Сад Обильных водоемов представлял собой традиционный квадратный дворик „сыхэюань“ с постройками по периметру и вековыми кипарисами в центре. С юга на север и с востока на запад дворик пересекали две дорожки, делящие газоны на четыре аккуратных квадрата. В этом красивом дворике было очень тихо и спокойно. Планировка „сыхэюаня“ была строго симметричной: в центре на северной стороне располагалась гостиная, а слева и справа было по комнате. Одну из них занимала Цзян Цин, а другая была выделена для отца. Комнаты на северной стороне были высокие и просторные. В папиной

комнате стояли большая кровать, диван, мягкие кресла, книжные полки и письменный стол. В восточном флигеле тоже было три комнаты. Посредине гостиная, служившая нам также и столовой. В этой комнате стояла вешалка для гостей и папиной одежды. В одном конце постройки размещался кабинет, в другом — приемная. С южной стороны посредине была проходная комната, а по обеим сторонам — комнаты Коли [Аньцина] и моей сестры Ли На. В павильоне с западной стороны центральная комната имела выход на улицу, одна из крайних комнат сначала служила приемной Цзян Цин, а потом стала нашей игровой, где мы проводили свободное время и играли в пинг-понг. В комнате с другого края размещалась библиотека отца»[221].

Большую часть времени Мао проводил в своей колоссальных размеров спальне. Здесь, лежа на просторной деревянной кровати, заваленной книгами, много читал, работал над документами и даже принимал членов Политбюро, в том числе своего первого заместителя Лю Шаоци, а также Чжоу Эньлая, со времени образования КНР выполнявшего обязанности премьера Государственного административного совета (высшего исполнительного органа власти). Именно отсюда, из этой комнаты, вершил он судьбами страны в годы «новой демократии» и социалистического строительства, во время страшного по своим последствиям «большого скачка», в период тяжелейшего кризиса начала 60-х — вплоть до так называемой «великой пролетарской культурной революции». В Павильоне Аромат хризантем Мао прожил до августа 1966 года, после чего переехал в другое здание, носившее название Павильон «Плавательный бассейн». (На языке спецслужб он и его семья вместе с ближайшими помощниками именовались «группа I»[222].)

Именно здесь в первые месяцы новой власти он определил главное направление в развитии КНР: курс на создание сталинистского государства. И хотя в течение первых трех лет после победы революции КНР формально оставалась «новодемократической» республикой и официально не копировала сталинистскую модель экономического и политического развития, Китай поддерживал особенно дружеские отношения с Советским Союзом и его сателлитами, яростно противодействовал империализму и принимал активное участие в вооруженных столкновениях с войсками ООН в Корее во время войны 1950–1953 годов. В реальной жизни маоистский режим не был ни либеральным, ни демократическим. За фасадом «новой демократии» шло насаждение жесточайших коммунистических порядков. Цель, которую Мао ставил перед собой, была ясна: он хотел построить Китай по образу и подобию СССР. Никакого

другого социализма, кроме того, который был изложен в «Кратком курсе истории ВКП(б)», он не знал, к Сталину относился как к учителю, а на Советский Союз, внушавший страх всему миру, смотрел как на образец для подражания. Вот почему и стремился к тому, чтобы насадить в стране сталинизм, прекрасно понимая, что этот общественно-политический строй означает тоталитарную власть коммунистической партии, строго централизованной и иерархичной, безграничный, общенациональный культ партийного лидера, всеохватывающий контроль за политической и интеллектуальной жизнью граждан со стороны органов общественной безопасности, огосударствление частной собственности, жесткое централизованное планирование, приоритетное развитие тяжелой промышленности и огромные расходы на национальную оборону.

Сталинизация КНР, однако, сдерживалась рядом факторов. И главным из них являлась неоднозначная политика в отношении Китая, проводившаяся в 1949–1953 годах Советским Союзом. С образованием Китайской Народной Республики сталинские опасения по поводу возникновения мощного индустриального Китая, угрожающего его гегемонии, окрепли. Еще более возросла маниакальная подозрительность Сталина в отношении Мао да и вообще китайцев. «Сталин нас подозревал, у него над нами стоял вопросительный знак»[223], — вспоминал позднее Мао Цзэдун, ясно осознававший, что кремлевский диктатор не хотел позволять КПК строить социализм. По крайней мере, до тех пор, пока сам СССР не окрепнет настолько, что ему не страшны будут никакие социалистические конкуренты.

Внешне, правда, все выглядело так, будто Сталин скрупулезно следовал канонам марксизма. По его учению выходило, что протяженность пути к социализму зависела только от уровня социально-экономического развития той страны, народ которой осуществил революционный переворот. Иными словами, государства, экономически менее развитые, чем Россия, должны были пройти более длительный путь к социализму, чем тот, который прошел Советский Союз. Сам же переходный период в них должен был напоминать советский нэп (новую экономическую политику) 1920-х годов. Этой теории Сталин, казалось, придавал сверхъестественную магическую силу, несмотря на то, что сам, как мы знаем, был в высшей степени радикален во всем, что касалось строительства социализма в СССР.

С наибольшей силой эти сталинские настроения проявились во время встреч двух вождей в Москве в декабре 1949-го — феврале 1950 года, приуроченных к празднованию 70-летия «отца

народов»[224]. Сталин, наконец, пригласил Мао Цзэдуна, великодушно разрешив ему приехать поздравить его.

Разумеется, отнесся он к визиту китайского лидера очень серьезно. Сталин вообще все, что касалось Китая, «держал в своих руках»[225]. Накануне приезда он вновь затребовал сведения о «пещерном марксисте». И на этот раз, по счастливой случайности, наряду с отрицательной получил и положительную информацию — от Андрея Яковлевича Орлова, врача Мао. «Его отношение к Советского Союзу очень хорошее, — доносил Орлов 10 декабря 1949 года. — Особенно хорошим оно стало в последний период Отечественной войны. Это оказало огромное влияние на всю компартию. Внешне это выразилось хотя бы в том, что в газетах, журналах и книгах резко увеличилось количество статей, посвященных Советскому Союзу, ВКП(б) и лично товарищу Сталину, его роли для Советского Союза, международного рабочего движения и особенно для Китая. Особенно высоко ценится роль СССР и лично тов. Сталина для победы китайской революции, для победы китайского народа. Сейчас все свои надежды Мао Цзэдун возлагает на СССР, на ВКП(б) и особенно на тов. Сталина».

Полного спокойствия, однако, даже эта депеша принести не могла: не в характере Сталина было доверять своим информаторам. К тому же Орлов отмечал, что Мао — весьма осторожен и обидчив, да еще и большой актер: «Умеет скрывать свои чувства, может разыграть нужную ему роль, с близкими (иногда с хорошо знакомыми людьми) рассказывает об этом, смеется, спрашивает, хорошо ли получилось»[226]. А вдруг «этот артист» обманывает товарища Сталина?

1 декабря Политбюро ЦК ВКП(б) обсудило и приняло «План встречи, пребывания и проводов китайской правительственной делегации». Были продуманы все мельчайшие детали. К 3 декабря на станцию Отпор, на границе, был подан специальный поезд в составе салон-вагона для Мао Цзэдуна, салон-вагона для сопровождающих его лиц, салон-вагона для посла СССР в Китае Рощина, представителя Сталина в Китае Ковалева и сопровождающих их советских лиц, двух международных вагонов, одного мягкого спального вагона и одного вагона-ресторана. Политбюро обязало МГБ СССР и лично министра Виктора Семеновича Абакумова обеспечить всех приезжающих и их охрану питанием по пути от границы и обратно. В обязанности МГБ было также вменено размещение Мао Цзэдуна и, по его усмотрению, сопровождающих его лиц в Москве, в особняке по ул. Островского (дом 8). Кроме того, в распоряжение Мао Цзэдуна была предоставлена загородная дача «Заречье», на которой незадолго

до того жила Цзян Цин. Управление делами Совета министров СССР выделило для Мао и его группы четыре автомашины ЗИС-110 и пять автомашин марки «победа»[227].

На границу, на станцию Отпор, для встречи делегации были командированы заместитель министра иностранных дел СССР Анатолий Иосифович Лаврентьев и заместитель заведующего Протокольным отделом МИДа Федор Матвеевич Матвеев. Первоначально было решено, что Мао Цзэдуна на Ярославском вокзале будут встречать заместитель председателя Совета министров СССР Николай Александрович Булганин, министр иностранных дел Андрей Януарьевич Вышинский (или в его отсутствие первый заместитель Андрей Андреевич Громыко), министр Вооруженных сил СССР Александр Михайлович Василевский, а также ответственные сотрудники МИДа и Министерства вооруженных сил[228]. В последнюю минуту, однако, Сталин несколько изменил состав участников и, решив повысить уровень встречи, отправил на вокзал и Молотова, фактически являвшегося первым заместителем председателя Совета министров СССР.

Со своей стороны готовился к встрече с «великим учителем» и Мао Цзэдун. Он очень нервничал. В голову лезли разные мысли, порой самые невероятные. Иногда ему начинало казаться, что в Москве на него может быть совершено покушение, и он по нескольку раз спрашивал Ковалева, как будет обеспечена его безопасность во время пребывания в СССР. Ему очень хотелось увидеть Сталина, поздравить его с 70-летием, вручить многочисленные подарки, которые он сам лично отбирал. Он собирался провести с ним много времени, а также встретиться с Молотовым и Ждановым. Последнего он почему-то считал особенно крупным теоретиком марксизма-ленинизма. Кроме того, хотел, конечно, и отдохнуть да и подлечиться в СССР. Но главное — рассчитывал заключить Договор о дружбе, союзе и взаимной помощи между КНР и Советским Союзом на тридцать лет и получить заём в 300 миллионов долларов. С собой он взял небольшой рабочий аппарат сотрудников во главе с Чэнь Бода[92]. Ковалев предлагал ему включить в эту группу в качестве переводчика великолепно знавшего русский язык Аньина, но Мао наотрез отказался. Он все еще не мог простить старшему сыну непочтительного поведения в Сибайпо, несмотря на то, что формально простил «бунтаря» и даже принимал его и его молодую жену в Чжуннаньхае каждую субботу. (Аньин женился в 1949 году по сватовству Лю Шаоци.)

Выехал Мао из Пекина в начале декабря в сопровождении посла Рощина и Ковалева. Последний вспоминал: «На всем пути

следования поезда от Пекина до советской границы НОА[К] несла усиленную охрану. По обеим сторонам железнодорожного полотна лицом в поле на расстоянии примерно 50 метров друг от друга и от полотна… в непрерывную цепочку от Пекина до станции Отпор стояли солдаты с автоматами в руках»[229]. Эта охрана была нелишней: даже несмотря на повышенные меры безопасности, на железнодорожных путях под Тяньцзинем была обнаружена граната[230].

16 декабря в полдень поезд с Мао Цзэдуном прибыл на Ярославский вокзал, украшенный флагами СССР и КНР. Было холодно, и встреча получилась излишне сухой и официальной. Встречавшие явно не знали, как себя вести: то ли обнимать и целовать Мао, то ли ограничиться простыми рукопожатиями. Ведь до сих пор он, как мы помним, формально был для них «господином», а не «товарищем». Мао был смущен и огорчен. Играть в «новую демократию» ему совсем не хотелось. Выйдя на перрон, он обратился к Молотову и другим государственным деятелям СССР со словами: «Дорогие товарищи и друзья!»[231] Но ответного радушия не почувствовал. Все были скованы. Под стать встрече была и погода: крепкий мороз щипал щеки, дул сильный пронизывающий ветер. Из-за холода церемонию пришлось сократить[232].

В тот же вечер, в шесть часов, его принял Сталин. Прием был коротким, но знаменательным. Поговорив вначале о «перспективах на мир» во всем мире, Сталин завел разговор о том, что его больше всего волновало: о «новой демократии» и ее соотношении с социализмом. Он недвусмысленно подчеркнул, что «с национальной буржуазией китайские коммунисты должны считаться». Постарался он также смягчить и жесткую позицию Мао в отношении Запада, указав, что коммунистам Китая «не надо самим создавать конфликтов с англичанами… Главное — не торопиться и избегать конфликтов». Спорить с «главным хозяином» Мао не стал и просто заверил его, что «пока» не собирается трогать национальную буржуазию и иностранные предприятия[233].

После этого в течение четырех с половиной дней он томился на загородной даче «Заречье». Сталин его больше не приглашал, и Мао не знал что и думать. Ему наносили «визиты вежливости» Молотов, Булганин, Микоян и Вышинский, но эти встречи его явно не удовлетворяли. Они были краткими и протокольно-официальными. В поведении советских хозяев сквозило какое-то недоверие, какая-то странная настороженность. «Приезжали они [Молотов и другие] накоротке, сидели на краешке стульев, — вспоминал позже Ковалев. — Более того, когда Мао каждый раз

предлагал чифан[ь] (обед), они вежливо отказывались и уходили. Это его тоже оскорбляло и обижало»[234].

21 декабря, в день рождения Сталина, когда надо было ехать в Большой театр на торжественное заседание, Мао стал страшно волноваться. Ему даже вынуждены были несколько раз колоть раствор атропина для того, чтобы у него перестала кружиться голова. Особенно плохо он себя почувствовал перед тем, как выступить с краткой речью во славу «великого вождя и учителя». Единственное, что успокаивало Мао и вселяло в него хоть какую-то уверенность, было то, что Сталин именно его посадил от себя по правую руку. Прием и обед, однако, особой радости не доставили: в отличие от сталинского окружения Мао много не пил, а к русской пище относился весьма равнодушно.

Но что совсем «убило» его, так это то, что после банкета его опять проводили на дачу и он больше не видел Сталина в течение тридцати дней! За это время он посетил Московский автозавод и съездил в Ленинград, где побывал на крейсере «Аврора» и в Эрмитаже, а также просмотрел большое количество советских кинофильмов на исторические темы. Кроме того, он посещал кремлевских врачей. За три дня до нового года ему удалили больной зуб. Дело в том, что Мао никогда зубов не чистил, считая достаточным полоскать их зеленым чаем, а потому зубы у него, хотя и были ровными, но на них был явно заметен зеленоватый налет. Кроме того, почти все они были больны пародонтозом. Лечился он и у дерматолога: кисти его рук давно и страшно чесались, и на них были видны следы крапивницы. Но главное, по поводу чего его осматривали врачи, так это его ангионевроз. Но здесь они мало чем смогли помочь ему. Все, что они прописали Мао, так это: прекратить курение, делать общий массаж тела, принимать хвойные ванны на ночь, пить витамин В1, регулярно гулять на воздухе, периодически проходить курс инъекций пантокрина и регулярно и часто питаться[235].

Мао был страшно зол, что потерял столько времени. Конечно, больше всего его раздражали не врачи, а невнимание Сталина. «Вы меня пригласили в Москву и ничего не делаете. Так зачем же я приехал? — спрашивал он в гневе у Ковалева. — Я что сюда прибыл целыми днями есть, спать и испражняться?»[236] Он пытался дозвониться Сталину, но ему отвечали, что вождя нет дома, и рекомендовали встретиться с Микояном. «Меня все это обижало, — вспоминал Мао, — и я решил ничего больше не предпринимать и отсиживаться на даче». Ему предложили поехать на экскурсию по стране, но он «резко отклонил это предложение», ответив, что предпочитает «отсыпаться на даче»[237]. Предполагая, что в его резиденции находятся подслушивающие

устройства[93], он без стеснения выплескивал все, что было у него на душе[238].

«Не имея встреч со Сталиным, Мао нервничал и в пылу гнева высказывал резкие отрицательные суждения по поводу условий его пребывания в Москве, — позже вспоминал Ковалев. — Он неоднократно подчеркивал, что приехал не только как глава государства, а главным образом как председатель КПК для укрепления связи между двумя братскими партиями. А вот этого-то как раз и не получается. Он сидел просто так, один, и ему делать было нечего. Ему никто не звонил, никто к нему не приходил, а если приходили, то только официально, накоротке. Однажды он заявил, что он отказывается от ранее намеченного плана его трехмесячной поездки, что он в скором времени собирается возвратиться в Китай, поручив оформление и подписание договора и других советско-китайских документов Чжоу Эньлаю, которого он уже вызвал в Москву. В связи с этими заявлениями о настроении Мао мне приходилось неоднократно информировать Сталина, в том числе и письменно».

Но Сталин никаких мер к исправлению положения не принимал. И в конце концов Мао сказал Ковалеву: «Я просто выведен из терпения, доведен до такого состояния, что не могу себя сдерживать». Он начал просто бесноваться, закрывался у себя в спальне, никого к себе не пускал. По словам Ковалева, он «очень боялся безрезультатности своей поездки в Москву. Она подтвердила бы правоту противников его поездки, принизила бы его авторитет перед китайским народом»[239].

Но Сталин сознательно гнул свою линию. Ему очень хотелось унизить Мао, дать тому урок на будущее, сбить с него спесь, если таковая у него была. «Я здесь всё, — как бы говорил ему он. — Я великий вождь мирового движения коммунистов, а ты — ничто, ты — мой жалкий ученик и будешь делать то, что скажу тебе я».

Таким же образом Сталин вел себя, впрочем, не только с Мао, но и со всеми другими лидерами коммунистических партий. Правда, в отношении Председателя он зашел слишком далеко. «Вероятно, мы несколько перегнули палку», — заметил он в конце концов Ковалеву, когда тот в очередной раз доложил ему о настроении Мао.

Только после этого переговоры на высшем уровне возобновились. Сталин вновь пригласил Мао в Кремль, а затем стал звать на ближнюю дачу в Кунцево. Но эти встречи не внесли в душу Мао Цзэдуна успокоения. Сталин держался надменно и настороженно, был немногословен. «Изредка он бросал скошенные взгляды на прибывшего издалека гостя, — вспоминает сталинский переводчик Николай Трофимович Федоренко. — Сама

комната, в которой проходили беседы… напоминала сцену, где разыгрывался демонический спектакль»[240]. Все это, конечно, не укрылось от взгляда Мао, но главное, что его угнетало, так это откровенно империалистическая политика Сталина в отношении Китая. По словам его личного переводчика Ши Чжэ, он ощущал сталинский «панруссизм» очень ясно, поскольку Сталин выражал его «даже сильнее, чем русский народ вообще»[241]. Особенно обижало Мао то, что Сталин откровенно не хотел заключать с ним официальный межгосударственный договор, так как чувствовал себя вполне удобно, имея соответствующий договор с гоминьдановским режимом[242]. Ведь последний, как мы помним, был неравноправным для китайской стороны и очень выгодным для СССР. Сталин изменил свою позицию и согласился заключить новый договор — «О дружбе, союзе и взаимной помощи» — лишь после того, как узнал о решении британских властей признать КНР. Это произошло в начале января 1950 года. Но только 14 февраля этот исторический документ был подписан. Мао был, конечно, удовлетворен, но все же не мог сдержаться, чтобы не выразить «удивления» по поводу решения Сталина. «Но ведь изменение… [прежнего] соглашения [с Китаем] задевает решения Ялтинской конференции?!» — не без ехидства заметил он, напоминая Сталину его же собственный аргумент, который тот использовал, блокируя подписание договора с КНР. «Верно, задевает, — ответил Сталин, — ну и черт с ним!»[243]

Радость китайских коммунистов по поводу формального договора между СССР и КНР была, однако, омрачена тем, что Сталин недвусмысленно продемонстрировал свое желание контролировать не только политический курс Мао, но и экономику нового Китая. К договору были приложены дополнительные секретные соглашения, которые обнажали действительные сталинские намерения. Первое из них предоставляло СССР ряд привилегий в отношении Северо-Востока Китая и Синьцзяна: все несоветские иностранные граждане выселялись из этих регионов. Сталин даже хотел заключить сепаратные торговые соглашения с этими периферийными районами для того, чтобы укрепить советский контроль над ними, однако столкнулся с решительными возражениями со стороны Мао и Чжоу Эньлая, который по просьбе Мао Цзэдуна прибыл в Москву 20 января 1950 года[244]. Два других соглашения были направлены на создание четырех совместных предприятий на территории Китая, которые обеспечивали бы советские интересы в эксплуатации китайских экономических ресурсов. Это были так называемые смешанные советско-китайские акционерные общества, два из которых находились в Синьцзяне

— редких и цветных металлов («Совкитметалл») и нефтяная («Совкитнефть»), а два других — в Даляне (гражданской авиации и судоремонтно-судостроительная — «Совкитсудстрой»). Советская сторона владела в них 50 процентами капиталовложений, получала 50 процентов прибыли и осуществляла общее руководство[245].

Китайские коммунисты были также обескуражены и навязанным им Сталиным новым соглашением о Китайской Чанчуньской железной дороге, дополнявшим договор. Мао Цзэдун и Чжоу Эньлай рассчитывали создать комиссию по управлению дороги, в которой посты председателя и директора были бы отданы китайской стороне. Они также надеялись изменить долю капиталовложений сторон, увеличив соответственно китайскую часть до 51 процента. Сталин и Молотов отвергли эти предложения, настояв на паритете, то есть равном участии обоих партнеров как в инвестировании, так и в управлении[246]. В соответствии с новым соглашением о Китайской Чанчуньской железной дороге[94], Люйшуне и Даляне советский контроль над железной дорогой и базой в Люйшуне сохранялся вплоть до конца 1952 года[247]. Статус Даляня должен был быть определен после подписания мирного договора с Японией[248].

Чем больше Сталин вмешивался в китайские дела, тем сильнее возрастали его аппетиты. Соответственно росла и его подозрительность в отношении Мао. Он даже не мог уже скрывать свое недоверие. Как вспоминает Хрущев, после встреч с Мао Цзэдуном Сталин «ни разу не был в восторге» и отзывался о Мао не особенно лестно: «Чувствовалось какое-то его высокомерие в отношении Мао»[249]. Однажды кремлевский хозяин даже попытался открыто спровоцировать Мао Цзэдуна, заявив то ли в шутку, то ли всерьез, что «в Китае коммунизм является националистическим, что Мао Цзэдун, хотя и коммунист, но настроен националистически». Сталин еще сказал, что в Китае существует опасность появления «своего Тито». По словам Мао, он ответил Сталину всего одной фразой: «Все то, что здесь говорилось, не соответствует действительности»[250]. Он явно не понимал такой манеры поведения Сталина, его такого, по словам Константина Симонова, «полускрытого, небезопасного для собеседника юмора»[251]. А потому, стараясь развеять сталинские сомнения, попросил Сталина прислать в Китай «советского товарища» просмотреть и отредактировать его сочинения[252]. Мао действительно хотел, чтобы Сталин направил кого-то из своих доверенных лиц в Китай, чтобы тот удостоверился, насколько точно китайские коммунисты следуют марксизму[253].

Заключив договор и соглашения, Мао и Чжоу 17 февраля

выехали из Москвы. Вновь на вокзале их провожал деловой и сосредоточенный Молотов. Но на этот раз и Мао был сугубо официален, хотя по-прежнему упорно называл советских хозяев «товарищами и друзьями». Перед тем же как сесть в вагон, он заявил: «Покидая Великую Социалистическую столицу, мы искренне выражаем сердечную признательность Генералиссимусу Сталину, Советскому правительству и советскому народу. Да здравствует вечная дружба и вечное сотрудничество Китая и Советского Союза!»[254]

Конечно, на душе у него «скребли кошки». Недоверие и алчность Сталина угнетали его. Много раз впоследствии Мао будет говорить о том, что Сталин снял с него «ярлык» подозреваемого в титоизме и поверил в то, что «китайские коммунисты не проамериканцы, а китайская революция не представляет из себя „националистического коммунизма“», только после вступления КНР в войну с Кореей на стороне Ким Ир Сена (последнее произошло 19 октября 1950 года)[255]. То же самое будет утверждать и китайский министр иностранных дел Чэнь И, по словам которого, Сталин, узнав о решении Мао послать войска на помощь Ким Ир Сену, даже прослезился. «Как же хороши китайские товарищи»[256], — дважды повторил престарелый диктатор. В этой связи вступление Мао в корейскую войну в определенной степени выглядит как сознательная демонстрация лидерами КНР своей лояльности кремлевскому боссу. Эта война, начатая северокорейскими коммунистами 25 июня 1950 года, была, как известно, направлена против поддерживаемого США законного правительства Южной Кореи, а развязал ее лидер северокорейцев по предварительному соглашению со Сталиным и Мао Цзэдуном. Китайцы вступили в войну в самый критический для Ким Ир Сена момент, когда корейские коммунисты были на грани поражения.

Сталин действительно отправил в Китай проверить креденции Мао известного советского эксперта в области марксистской философии академика Павла Федоровича Юдина. Сделал он это весной 1950 года, вменив в обязанность академику «корректное и тактичное» редактирование нового издания «Избранных произведений» Мао, которое должно было выйти сразу на двух языках — русском и китайском. Предыдущее китайское издание, не правленное советскими специалистами, было опубликовано в Харбине в 1949 году и тогда же переведено и издано в Москве.

Юдин пробыл в Китае два года и за это время сделал 500 замечаний к работам Мао, однако все они носили частный характер. «Серьезных антимарксистских и антиленинских

положений», по его словам, он в статьях и книгах Мао Цзэдуна «не обнаружил»[257]. По возвращении Юдин был вызван на заседание Политбюро, где Сталин пытливо доискивался: «Ну как, марксисты?» (Сталин сделал особое ударение на последнее слово.) Юдин, конечно, ответил: «Марксисты, товарищ Сталин!»[258] После этого, по словам Юдина, «главный хозяин» суммировал: «Это хорошо! Можно быть спокойным. Сами выросли, без нашей помощи»[259].

Мао и впоследствии много раз вспоминал о недоверии Сталина к нему.

Чувство подозрительности наряду с присущими кремлевскому вождю гегемонизмом и догматизмом заставляли московского лидера ограничивать советскую помощь КНР в первые годы ее существования для того, чтобы замедлить процесс перехода Китая к социализму. Конечно, плачевное положение послевоенной советской экономики не давало ему возможности существенно увеличить размер помощи КНР, даже если бы он действительно хотел этого. Но в том-то и дело, что все известные документальные источники свидетельствуют, что в основе сталинских решений ограничить помощь Китаю лежали более политические, нежели экономические причины. Сталин просто не позволял китайцам ускорить темпы строительства социализма. Воспоминания бывшего заместителя министра внешней торговли СССР Константина Ивановича Коваля о переговорах Сталина с Чжоу Эньлаем достаточно красноречивы в этом отношении[260]. Во время этих переговоров, проходивших в августе — сентябре 1952 года[95], Сталин не поддержал Чжоу, когда последний предложил: «Вы нам поможете строить социалистический Китай, а мы вам — коммунистический Советский Союз»[261]. Не одобрил Сталин и стремление китайской стороны разработать первый пятилетний план на период 1951–1955 годов, считая это нереалистичным[262]. Финансовая помощь, оказанная им народной республике, судя по соглашению, подписанному 14 февраля 1950 года, не превышала 300 миллионов американских долларов в кредитах, рассчитанных на пять лет при благоприятном одном проценте годовых[263]. Правда, это и была та сумма, которую Мао хотел получить, ибо он полагал, что «в настоящее время и в течение нескольких лет для нас было бы лучше занимать меньше, чем больше»[264]. Однако верно и то, что Сталин со своей стороны больше и не предлагал, а в период корейской войны китайцы были вынуждены использовать советский заём для покупки вооружений в СССР. Они, конечно, считали такое использование займа несправедливым с учетом того, что сам заём изначально предназначался на разрешение их внутрихозяйственных проблем,

а в Корее с точки зрения китайцев они выполняли «интернациональный долг»[265].

До смерти Сталина (5 марта 1953 года) советское правительство формально согласилось оказать помощь Китаю в возведении только 50 из 147 предприятий, проектировавшихся китайской стороной[96], и отнюдь не спешило выполнить свои обязательства[266]. По сути дела, Сталин отклонил все просьбы китайцев об ускорении помощи, настойчиво советуя лидерам КПК не торопиться с модернизацией. На встрече с Чжоу Эньлаем 3 сентября 1952 года, обсуждая проект пятилетнего плана развития КНР на период 1953–1957 годов, Сталин выразил неудовольствие в связи с желанием китайских коммунистов установить ежегодный двадцатипроцентный прирост промышленной продукции. Он не мог согласиться с такими темпами, поскольку экономика самого Советского Союза в период первого пятилетнего плана развития СССР, согласно официальной статистике, возрастала в среднем на 18,5 процентов в год[97]. Сталин посоветовал Чжоу снизить общий прирост до 15 процентов и согласился рассматривать 20-процентный рубеж для годовых планов лишь как пропагандистский лозунг[267]. В начале февраля 1953 года председатель Госплана СССР Михаил Захарович Сабуров направил замечания советских экспертов на проект пятилетнего плана КНР заместителю председателя Финансово-экономической комиссии Китайской Народной Республики Ли Фучуню, который находился в то время в Москве. (Ли оставался в советской столице в течение 10 месяцев, с августа 1952-го по июнь 1953 года, участвуя в экономических переговорах с советской стороной.) Исходя из сталинских предложений, он посоветовал китайским товарищам установить ежегодный рост промышленной продукции на еще более низком уровне— 13,5—15 процентов[268]. Государственный административный совет КНР был вынужден согласиться, и 23 февраля его высшее руководство (Чжоу Эньлай и другие) проинформировало Ли Фучуня об этом[269]. Окончательная цифра ежегодного промышленного роста была установлена в 14,7 процента[270].

Встречи Сталина с членом Политбюро ЦК КПК и заместителем председателя Центрального народного правительства КНР Лю Шаоци в октябре 1952 года во время XIX съезда КПСС также демонстрируют осторожность Москвы в вопросе строительства социализма в Китае. В то время Сталин решительно выступил против идеи Мао о проведении кооперирования и коллективизации китайского крестьянства за 10–15 лет. Эта идея была впервые высказана Мао Цзэдуном за месяц до визита Лю Шаоци в Москву на заседании Секретариата

ЦК КПК[271]. Лю Шаоци сообщил об этом Сталину, представив ему доклад о политике Центрального комитета КПК[272]. Как вспоминал в ноябре 1953 года сам Лю Шаоци в беседе с тогдашним советским послом Василием Васильевичем Кузнецовым, «товарищ Сталин» в беседе с ним «советовал не торопиться с кооперированием и коллективизацией сельского хозяйства, так как КНР находится в более благоприятных условиях, чем СССР в период коллективизации»[273]. Лю передал мнение Сталина в Пекин, и Мао Цзэдун был вынужден принять его к сведению.

Сказанное, однако, отнюдь не свидетельствует о том, что Мао всегда следовал указаниям Сталина. В период 1949–1953 годов он на собственный страх и риск предпринял ряд шагов, которые были направлены на ускорение процесса сталинизации страны. После провозглашения Китайской Народной Республики и изгнания остатков гоминьдановской армии на Тайвань коммунистический режим продолжал регулярные боевые действия — на этот раз с различными социальными силами, которые в свое время не оказали Гоминьдану поддержки в борьбе за власть в ходе гражданской войны. Речь идет о традиционной сельской элите, представителях некоторых местных властных структур, занявших в ходе гражданской войны, по сути дела, позицию неучастия, надеясь переждать смутное время на политической периферии. Дав им возможность «отсидеться» до полного разгрома Гоминьдана, Мао затем постепенно, но настойчиво стал устанавливать свою власть на местах, радикально меняя местные элиты. Это происходило как в ходе строительства новых органов власти, так и в ходе аграрной реформы 1950 года и позже.

Именно в то время КПК столкнулась с настоящим ожесточенным сопротивлением своих социальных противников. Гражданская война только теперь приняла масштабный характер, вовлекая в свою орбиту миллионы действующих лиц. По официальным (явно не завышенным) данным, к концу 1951 года в ходе борьбы с контрреволюцией было уничтожено свыше 2 миллионов человек. Еще 2 миллиона были брошены за решетку и отправлены в трудовые лагеря[274]. Эта война продолжалась и в дальнейшем, но официальные данные о жертвах больше не публиковались. По данным российского китаеведа полковника Б. Н. Горбачева, в этих боях участвовало 39 корпусов Народно-освободительной армии (более 140 дивизий, около 1,5 миллиона бойцов)[275]. Подобного масштаба боев и потерь гражданская война в Китае прежде не знала. Одним из наиболее жестоких актов продолжавшейся гражданской войны стала «чистка»

неблагонадежных элементов среди бывших гоминьдановских офицеров, в ходе войны перешедших на сторону КПК. По воспоминаниям генерала Георгия Гавриловича Семенова, служившего советником командования Северокитайского военного округа, в бывших частях генерала Фу Цзои (пекинский гарнизон, перешедший на сторону НОАК) уже в «мирное» время было «разоблачено» 22014 преступников, в том числе (по решению политуправления) 1272 заслуживали безусловной смертной казни, 14513 — смертной казни с отсрочкой исполнения приговора, 6223 подлежали ссылке[276]. Ситуация осложнялась тем, что в первые годы КНР не существовало закона, который бы регулировал наказания за гражданские преступления. В период 1949–1954 годов КПК правила страной посредством различных политических кампаний и массовой мобилизации населения.

Наиболее острая борьба шла в деревне в ходе проведения аграрной реформы. К 1948 году Мао снял не только лозунги «черного передела», но и лозунги снижения арендной платы и ссудного процента. Эта политика обеспечила партии нейтралитет землевладельческой части деревни и во многом предопределила социальную изоляцию Гоминьдана и его поражение. Однако время расплаты за эту классовую близорукость пришло довольно быстро. В течение примерно трех лет КПК постепенно (в географическом отношении — с севера на юг) провела аграрную реформу (ее можно назвать и аграрной революцией «сверху»). Крестьянство было пассивно, но это равнодушие компенсировалось посылкой в деревню специальных бригад, составленных из партийных активистов (примерно по 300 тысяч человек ежегодно), которые организовывали крестьянские союзы, насаждали новые властные элиты, жестоко расправлялись со всеми, кого относили к «помещикам» и «кулакам». В деревнях были созданы народные трибуналы с упрощенным судопроизводством, имевшие право выносить смертные приговоры. Многие сопротивлявшиеся были расстреляны или сосланы в концлагеря. Несмотря на провозглашенную политику сохранения «кулака», количество богатых крестьян в деревнях фактически резко сократилось. Власть в деревне и некоторые экономические привилегии перешли к новой, «коммунистической», элите.

Вслед за разгромом «богачей» в деревне пришла очередь и городских собственников. В декабре 1951 года Мао инспирировал репрессивные кампании, по сути дела, направленные против буржуазии. Речь идет о так называемой борьбе против «трех злоупотреблений», официально направленной против коррупции

чиновничества, а также о борьбе против «пяти злоупотреблений», ограничивавшей частное предпринимательство. Как и в деревне, в городе также были созданы народные трибуналы, имевшие право выносить смертные приговоры. Стали проводиться публичные судилища, нередко сопровождавшиеся расстрелами обвиняемых на глазах у толпы. Основной формой репрессий против буржуазии было взимание внушительной контрибуции, которая существенно ослабила ее экономические позиции. В результате уже в сентябре 1952 года, выступая на заседании Секретариата ЦК КПК, Мао Цзэдун смог констатировать, что доля государственного капитала в промышленности составила 67,3 процента, а в торговле — 40 процентов; социалистический сектор занял преобладающие и руководящие позиции в китайской экономике[277].

Постепенно объектом идеологической борьбы становится интеллигенция. В 1951 году по инициативе Мао начинается кампания марксистской индоктринации, предлогом для которой послужило обсуждение кинофильма «Жизнь У Сюня». Этот фильм об известном конфуцианском просветителе XIX века, выбившемся в люди из ужасающей бедноты, вызвал прежде всего гнев Цзян Цин, считавшей себя специалистом в области киноискусства. «Как же мы можем восхвалять У Сюня, ставшего богатым человеком, — говорила она Мао, — если наша цель — свергнуть помещиков, похоронить конфуцианских ученых и отбросить реформистское утверждение о том, что с помощью образования можно разрешить классовые противоречия и достичь успеха в обществе и политике!»[278] Мао не мог не согласиться.

Начавшись с искусствоведческой дискуссии, эта кампания очень скоро превратилась в идеологическое осуждение инакомыслия, дав толчок идеологическому перевоспитанию интеллигенции. Уже в этой первой кампании выявляются методы идеологического террора, сыгравшие зловещую роль в последующем развитии духовной жизни КНР.

По некоторым данным, в первые годы Китайской Народной Республики в целом было репрессировано более 4 миллионов «контрреволюционеров»[279]. Не осталась вне обострявшейся борьбы и сама правящая партия. Уже в 1951 году Мао принял решение о проведении проверки и перерегистрации членов КПК, вылившееся в ее новую «чистку» от «чуждых» элементов. К 1953 году из партии было «вычищено» 10 процентов состава. Однако в период «новой демократии» не все руководители КНР полностью разделяли политический курс Мао. Некоторые высшие руководители несколько по-иному представляли себе «новодемократическую» политику. Наиболее крупным из них был

Лю Шаоци. Известно, что уже в 1949 году Сталин получил конфиденциальную информацию на Лю Шаоци от другого члена Политбюро ЦК КПК Гао Гана, председателя Северо-Восточного регионального правительства, который обвинил Лю в «правом уклоне» и «переоценке китайской буржуазии». Эти заявления Гао содержались в секретном докладе Ковалева «О некоторых вопросах политики и практики ЦК КПК», представленном Сталину. Тот, однако, не принял эти обвинения и во время одной из встреч с Мао Цзэдуном на даче даже передал ему Ковалевский доклад[98]. Ковалев, находившийся в то время в больнице, узнал об этом от Ши Чжэ, личного переводчика Мао, присутствовавшего на встрече[280].

Что касается Мао Цзэдуна, то он отнесся к поведению Сталина как к еще одной демонстрации «недоверия и подозрительности» в отношении Центрального комитета КПК[281]. Вместе с тем в сталинских действиях могли прослеживаться и другие мотивы. Во-первых, он мог не поверить Гао, который и раньше поставлял ему информацию на членов китайского коммунистического руководства, которая сама по себе выглядела подозрительной. Среди тех, кого «разоблачал» региональный лидер КНР, был, в частности, сам Мао. В конце 1949 года, например, Гао Ган через того же Ковалева проинформировал Сталина об антисоветских, «правотроцкистских» тенденциях в деятельности Мао Цзэдуна и его соратников в Коммунистической партии Китая[282]. Он повторил свои обвинения в адрес руководителя КПК, правда, «в сдержанной и осторожной форме», и в беседе с Юдиным, возвращавшимся в 1952 году на родину через Маньчжурию и навестившим его[283]. Сталин мог считать все эти обвинения проявлением внутрипартийной борьбы в КПК, а потому попросту игнорировать их.

Во-вторых, с лета 1949 года Сталин испытывал глубокое разочарование в Гао, который, с его точки зрения, вел себя очень глупо во время одной из встреч кремлевского хозяина с китайской делегацией, возглавлявшейся Лю Шаоци. Гао, входивший в делегацию, в присутствии других ее членов сделал тогда далекоидущие предложения о том, чтобы СССР увеличил численность своих войск в Даляне, ввел военно-морской флот в Циндао, а главное, чтобы Маньчжурия стала семнадцатой республикой Советского Союза[99]. Сталин раздраженно оборвал его, назвав «товарищем Чжан Цзолинем»[284]. (Чжан Цзолинь, как мы помним, был китайским милитаристом, правившим Маньчжурией независимо от Центрального китайского правительства вплоть до 1928 года[100].)

В-третьих, Сталин, если он и доверял полученной

информации, мог считать «уклон» Лю весьма полезным, идущим в русле его собственной политики «сдерживания» радикализма Мао Цзэдуна.

Наконец, Гао не являлся единственным информатором Сталина среди китайского руководства. По некоторым данным, сам Лю Шаоци поставлял ему некоторую конфиденциальную информацию. Как вспоминает бывший работник Министерства государственной безопасности (МГБ) СССР Петр Сергеевич Дерябин, Лю Шаоци стал работать на советские секретные службы в 1930-е годы, когда находился в Москве в качестве представителя Всекитайской федерации профсоюзов в Профинтерне. Лю продолжал поставлять Сталину тайные сведения и в 1940-е годы[285]. Если сообщение Дерябина соответствует действительности, то логично предположить, что Лю должен был быть более ценен Сталину, чем Гао, так как являлся вторым после Мао человеком в ЦК КПК. Жертвуя Гао Ганом, Сталин мог усиливать позиции своего более важного информатора.

Как бы то ни было, но точка зрения Гао на самом деле имела под собой основания. Руководство КПК не было едино в вопросе о «новой демократии». В отличие от Мао Цзэдуна, переставшего, как мы помним, употреблять термин «новая демократия», некоторые руководящие деятели КПК продолжали в то время активно использовать терминологию «новодемократической» революции. Не только Лю Шаоци, но и Чжоу Эньлай, по-видимому, всерьез воспринимавшие указания Сталина о постепенности перехода КНР к социализму, говорили о «новодемократическом государстве», «новодемократическом строительстве», «новодемократическом направлении в литературе и искусстве» и т. п.[286]. Именно эти деятели сформировали в то время осторожную оппозицию Мао, трактовавшему «новую демократию» крайне радикально.

Вот почему политика КПК в те годы была достаточно противоречивой. Идеи демократической трансформации общества нашли отражение в Общей программе единого фронта, организационным выражением которого стал Народный политический консультативный совет Китая (НПКСК) (сессия последнего была созвана коммунистами в конце сентября 1949 года в Пекине), а также в других документах, определявших развитие Китая в первые годы КНР. НПКСК, возникший как организационная форма единого фронта, взял на себя функции Учредительного собрания. (Председателем его был избран Мао.) Именно от имени НПКСК коммунисты сформировали новые органы государственной власти и приняли Общую программу,

которая стала главным документом новой власти, чем-то вроде временной конституции. Программа провозглашала демократические ценности, но при этом подчеркивала руководящую роль КПК. Устанавливалась многопартийная система, и восемь политических партий и организаций, признававших руководящую роль КПК, получали легальный статус. В программе гарантировались права населения на владение частной собственностью, содержались установки о поддержке частного национального предпринимательства, о взаимовыгодном регулировании отношений труда и капитала. В документе провозглашался курс на демократическое развитие страны и полностью отсутствовала идея социалистического переустройства китайского общества. Даже само слово «социализм» отсутствовало[287]. Принятый правительством 28 июня 1950 года «Закон о земельной реформе в КНР» также полностью соответствовал духу народной демократии: земля передавалась в частную собственность крестьянству, сохранялось кулацкое хозяйство[288]. «Принятая нами политика сохранения кулацких хозяйств, — говорил в своем докладе на сессии Всекитайского комитета НПКСК в июне 1950 года Лю Шаоци, — является не временной политикой, а политикой, рассчитанной на длительный срок. Иными словами, хозяйства кулаков будут сохранены в течение всего периода новой демократии»[289].

Политика новой власти встречала поддержку демократических и патриотических кругов, приветствовавших преобразование и развитие системы народного образования, направленные на ликвидацию (или, точнее, сокращение) неграмотности, открытие новых высших учебных заведений и создание предпосылок их демократизации, подготовку научных кадров и организацию системы научных учреждений современного типа[290]. Большой общественный резонанс имело принятие в 1950 году законодательства о семье и браке, предоставившего все гражданские права женщинам и направленного на достижение их фактического равноправия[291]. Импонировала китайской общественности и независимая, а в Корее и Тибете[101] даже агрессивная, внешняя политика новой власти.

В период 1949–1953 годов не только Лю Шаоци и Чжоу Эньлай, но и Чэнь Юнь, Дэн Сяопин и некоторые другие руководящие работники КПК выражали умеренные взгляды в отношении «новой демократии» даже в неофициальных беседах с деятелями других коммунистических партий[292]. Эти лидеры КПК опирались на авторитет Сталина, ссылаясь на его советы не спешить со строительством социализма. Политическая поддержка

такого рода вне зависимости от ее действительных целей была им особенно важна, поскольку помогала обосновывать необходимость осуществления их идей на практике. Позиция Сталина оказывала влияние и на Мао и его единомышленников, которые не могли не принимать во внимание точку зрения «старшего брата». Характерно, что Лю Шаоци апеллировал к авторитету Сталина во время беседы с советским послом даже тогда, когда уже потерпел поражение в дискуссиях с Мао, в ноябре 1953 года. Он все еще пытался оправдать свою оппозицию Мао Цзэдуну.

Мао и его оппоненты одинаково воспринимали социалистические идеалы, но по-разному понимали методы их достижения. Вот лишь несколько примеров. Весной 1951 года партийные руководители провинции Шаньси выступили с идеей ускорения процесса кооперирования деревни. Лю Шаоци не ограничился критикой этих идей на совещании пропагандистов и в июле 1951 года подготовил и разослал от имени Центрального комитета документ, в котором эта провинциальная затея была названа «ошибочной, опасной, утопической идеей аграрного социализма». Однако Мао Цзэдун взял под защиту местных активистов и два месяца спустя дезавуировал документ, подготовленный Лю Шаоци[293]. В декабре 1952 года на заседании Государственного административного совета под председательством Чжоу Эньлая был рассмотрен и одобрен подготовленный министром финансов Бо Ибо проект новой налоговой системы. Принципиальная новизна закона заключалась в единообразном налогообложении всех форм собственности. Государственные и кооперативные предприятия теряли свои налоговые льготы, а частнокапиталистический сектор получал благоприятные условия для конкуренции. Как впоследствии выяснилось, проект закона не был согласован с аппаратом ЦК и Мао Цзэдун не знал о нем. Вскоре после этого, 15 января 1953 года, Мао послал гневное письмо руководителям Госсовета — Чжоу Эньлаю, Чэнь Юню, Дэн Сяопину и Бо Ибо, не считая обоснованным их стремление создать условия для оживления частного предпринимательства[294]. Ошибочный с точки зрения Мао Цзэдуна закон о налогах стал поводом для проведения интенсивной идейно-политической кампании против всех несогласных с его (Мао) линией. В середине февраля в неформальной беседе с руководителями Центрально-Южного бюро ЦК в Ухани Мао отметил: «Есть люди, которые говорят: „Нужно укреплять новодемократический порядок“, есть также люди, которые выступают за „четыре большие свободы“ [то есть за свободу для крестьянина брать займы, арендовать землю,

нанимать рабочую силу и торговать]. Я считаю, что и то и другое неверно. Новая демократия — это этап перехода к социализму»[295].

К лету 1953 года борьба Мао против «умеренных» руководителей КПК особенно обострилась. Она завершила цепь предыдущих идеологических дебатов. Апогеем ее стало Всекитайское совещание по вопросам финансово-экономической работы, проходившее в Пекине с 14 июня по 12 августа. В совещании приняли участие практически все высшие чиновники партии и правительства.

Формально совещание, проходившее за закрытыми дверями, было посвящено новой налоговой системе, но фактически обсуждало общую политическую стратегию КПК. Руководил этим форумом Гао Ган, к тому времени уже перемещенный Мао Цзэдуном в Пекин. При всей глубокой личной неприязни Мао к Гао Гану идеологически они были очень близки, и последний твердо вел линию на полную дискредитацию позиции Лю Шаоци и его сторонников. В беседе с советским генконсулом в Шэньяне Андреем Мефодиевичем Дедовским Гао Ган заявлял, что «ошибочная, буржуазная линия Бо Ибо» не только поддерживается Лю Шаоци, но и фактически исходит от него[296].

Идеологическая тональность совещания была задана выступлением Мао Цзэдуна на заседании Политбюро ЦК 15 июня 1953 года. В этом выступлении он обрушился на тех деятелей партии, которые стремились к «прочному установлению новодемократического общественного порядка»[297]. «Есть и такие, — говорил Мао Цзэдун о Лю Шаоци и его единомышленниках[102], — которые после победы демократической революции топчутся на одном месте. Они не понимают, что характер революции изменился, и вместо социалистических преобразований продолжают заниматься „новой демократией“. А это порождает правоуклонистские ошибки»[298]. Особое раздражение у Мао Цзэдуна вызывало стремление этих деятелей «прочно охранять частную собственность»[299]. Впервые Мао так прямо и четко отмежевался от концепции «новой демократии» и высказался за немедленный переход к социалистической революции.

На этом продолжительном совещании были заслушаны доклады Гао Гана и Ли Фучуня о планах экономического строительства и доклад Ли Вэйханя о политике по отношению к частному капиталу. В прениях приняли участие большинство высших руководителей. Лю Шаоци, Дэн Сяопин и Бо Ибо (последний — дважды) были вынуждены выступить с самокритикой[300]. В своих воспоминаниях Бо Ибо пишет, что, по

его мнению, истинным объектом разгромной критики был Чжоу Эньлай, который в 1952 году поддержал политику своего министра финансов. Однако, столкнувшись с резкой оппозицией со стороны Мао Цзэдуна, Чжоу поддержал Председателя. Он сыграл, по существу, двусмысленную роль. И именно ему Мао в конце совещания поручил подвести итоги дискуссии.

Чжоу признал свои «политические и организационные ошибки» и «отрыв от партийного руководства»[301], а также подверг суровому и пространному осуждению Бо Ибо. Он поставил в вину последнему то, что «в течение определенного периода тот по-настоящему не признавал своих ошибок»[302]. Причины «правого уклона» у Бо Ибо, по Чжоу Эньлаю, «заключались в том, что он исходил не из марксизма-ленинизма, не из политики партии и интересов трудового народа, а из сознательного и несознательного отражения множества воззрений класса капиталистов, их настроений и привычек»[303]. Чжоу Эньлай солидаризовался с обвинениями Бо Ибо в «буржуазном индивидуализме», сделанными Гао Ганом, и упрекнул Бо в «неискренности по отношению к партии»[304].

На следующий день перед участниками совещания выступил Мао Цзэдун. Он назвал работу форума «успешной» и, похвалив заключительную речь Чжоу Эньлая, поддержал его критику «буржуазной линии». В этом и некоторых других выступлениях он подчеркивал огромное политическое и идеологическое значение проделанной работы. Из его заявлений было видно, что он рассматривал совещание как определенный поворотный пункт в развитии КПК и КНР, придавая налоговой проблеме во многом фатальное значение. «Дальнейшее проведение в жизнь новой налоговой системы, идущей вразрез с марксизмом-ленинизмом, генеральной линией в переходный период, неизбежно ведет к капитализму», — заявил он[305]. Совещание, как полагал Мао, помогло отвести эту угрозу от Китая, привело к освобождению от «новодемократических» иллюзий, открыло дорогу для социалистического развития страны. Позднее Мао Цзэдун отмечал также, что работа совещания стала важнейшим фактором утверждения новой генеральной линии на построение социализма, формулировавшейся именно в то время: «Не будь финансово-экономического совещания… вопрос о генеральной линии для многих товарищей остался бы неразрешенным»[306].

Таким образом, Мао Цзэдун навязал все-таки свои взгляды руководителям КПК. Курс на «социалистическое строительство по советскому образцу» был официально провозглашен.

Часть VII
ОТ СТАЛИНИЗАЦИИ К МАОИЗАЦИИ

СОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ ИНДУСТРИАЛИЗАЦИЯ

Развитию обстановки, обеспечившей победу Мао на совещании по вопросам финансово-экономической работы, способствовала смерть Сталина 5 марта 1953 года. Только теперь, в отсутствие политического соперника, ревниво воспринимавшего успехи КНР в экономическом строительстве и время от времени сдерживавшего стремление Мао Цзэдуна ускорить темпы революционной трансформации, то есть полной и окончательной сталинизации Китая, Председатель ЦК КПК мог наконец вздохнуть с облегчением.

Внешне он, конечно, никак не выражал своих сокровенных чувств. И даже напротив, прибыв в посольство СССР, чуть не расплакался. «Он старался держаться сдержанно, не проявлять эмоций, но у него это не получалось, — вспоминает очевидец. — В глазах [у Мао] стояли слезы». Чжоу Эньлай же просто плакал вместе с советским послом Панюшкиным, только недавно сменившим на этом посту Рощина[1].

Ехать, однако, на похороны «отца народов» Мао не захотел. Может быть, потому, что боялся подхватить воспаление легких: в тот год в начале марта в Москве стояли морозы. А может быть, потому, что как раз за два месяца до смерти диктатора обнаружил, что тот прослушивал его разговоры с членами Политбюро ЦК КПК в самом Чжуннаньхае. Дело в том, что в конце 1950 года сталинские умельцы из МГБ, орудовавшие в Пекине, установили микрофоны в спальне и некоторых других комнатах резиденции Мао (очевидно, с помощью своих китайских агентов). Когда все это раскрылось, Мао был вне себя и даже послал Сталину ноту протеста! На что «вождь и учитель», ничуть не смутившись, ответил, что он и понятия не имел о том, какими неблаговидными делами занимаются в Китае некоторые сотрудники МГБ. Правда, при этом принес Мао формальные извинения[2]. В последний год жизни Сталина произошел и еще один неприятный для Мао инцидент, вновь омрачивший его отношение к вождю. Дело было связано с выходом на экраны в Советском Союзе фильма «Пржевальский», в котором, с точки зрения руководства КПК, китайский народ был показан не лучшим образом. Возможно, авторы картины старались создать объективный образ великого путешественника, который действительно недолюбливал китайцев за их «лицемерие, коварство и хитрость»[3]. Но Сталин, являвшийся главным

цензором в вопросах кинематографии, ничего такого в кино не увидел. А потому не только дал «добро» на его демонстрацию в СССР, но и отправил ленту на международный кинофестиваль в Чехословакию. Китайцы высказали недовольство, попросив советских товарищей отказаться от показа картины. Тогда Сталин от имени министра кинематографии Ивана Григорьевича Большакова отправил в Пекин резкую телеграмму, заявив, что считает китайскую критику «неправильной и глубоко ошибочной». При этом отвыкший от неповиновения диктатор не остановился и перед грубыми выпадами, фактически обвинив китайцев в национализме. «Надо сказать, — заметил он, — что и у нас, в Советском Союзе, в свое время у некоторых историков и художников националистического толка наблюдались, и сейчас еще встречаются, попытки приукрасить историю, скрыть историческую правду… Были у нас и такие люди, которые требовали — не издавать больше сочинений Гоголя, так как он изображает в своих произведениях только черные, отрицательные стороны русской жизни и тем оскорбляет русских. Эти господа… были отброшены прочь партией как негодные элементы. Мы, русские коммунисты, считаем таких господ опасными людьми, шовинистами, отравляющими массы ядом национализма и подрывающими основы критики и самокритики, основы коммунистического метода воспитания масс». Такой тон и такие намеки были, разумеется, неприятны Мао, и он не мог в очередной раз не почувствовать себя уязвленным.

В общем, на состоявшемся поздно вечером в день смерти Сталина заседании ЦК КПК было решено, что китайскую делегацию возглавит Чжоу Эньлай. Он и должен был передать соболезнования Председателя новому руководству КПСС. «Общеизвестно, что товарищ Сталин горячо любил китайский народ и считал, что силы китайской революции неимоверны, — писал Мао Цзэдун. — В вопросах китайской революции он проявил величайшую мудрость… Мы потеряли великого учителя и самого искреннего друга… Это большое горе. Невозможно выразить словами скорбь, вызванную этим горем»[4].

Неофициально Мао представляла также его жена Цзян Цин, которая в то время опять находилась в СССР на отдыхе и лечении. Она тоже тяжело переживала смерть Сталина и даже ездила в Колонный зал Дома союзов, где ей разрешили постоять в карауле у гроба покойного. 9 марта, в день похорон, она смотрела на дикие толпы народа, запрудившие улицы города, из окна своей палаты в больнице[5]. Чжоу же шествовал в траурной процессии, и ему, единственному из иностранных гостей, была оказана честь вместе с руководителями КПСС нести гроб с телом Сталина. Он

шел вслед за Берией.

А через несколько дней, 11 марта, он же вместе с другими членами делегации провел переговоры с новыми руководителями Кремля, Георгием Максимилиановичем Маленковым и Никитой Сергеевичем Хрущевым о предоставлении КНР экономической помощи[6]. Эти переговоры были успешными. 21 марта стороны подписали важный протокол о товарообороте между СССР и Китайской Народной Республикой на 1953 год, а также соглашение об оказании Советским Союзом помощи КНР в строительстве и реконструкции электростанций[7]. Вслед за тем, 15 мая 1953 года, СССР и КНР заключили еще более важное соглашение, по которому Советский Союз брал на себя обязательство предоставить всю техническую документацию и полные комплекты оборудования для строительства к концу 1959 года 91 крупного промышленного предприятия в Китае[8]. Важнейшие статьи этого документа были обсуждены в Москве 17 марта — 14 апреля на консультациях Микояна с Ли Фучунем[9]. Эти же официальные лица и подписали соглашение.

Переговоры между Чжоу Эньлаем, Маленковым и Хрущевым привели также к ускорению работы по строительству 50 других объектов, обязательства по которым были взяты советской стороной ранее. В телеграмме Маленкову по этому поводу Мао выразил сердечную благодарность советскому правительству за его согласие предоставить экономическую и техническую помощь Китаю. «Это будет иметь чрезвычайно важное значение для индустриализации Китая, для постепенного перехода Китая к социализму, а также для укрепления сил лагеря мира и демократии, возглавляемого Советским Союзом»[10], — писал Мао.

Мартовские переговоры ознаменовали, таким образом, резкий поворот в отношении советского руководства к китайским планам социалистической индустриализации. В сложный послесталинский период лидеры КПСС быстро отказались от осторожной политики Сталина в отношении КНР. Объяснялось это тем, что Маленков и Хрущев стремились завоевать политическую поддержку Мао, опасаясь, что тот воспользуется обстановкой, чтобы освободиться от советской опеки. Вероятно, они чувствовали опасность, а потому делали все, чтобы ублажить Мао Цзэдуна. Главное, к чему они стремились, это предотвратить возможное развитие событий в Китае по югославскому сценарию. Нельзя не принять во внимание и тот факт, что, по крайней мере, Хрущев достаточно хорошо понимал, что внешняя политика покойного диктатора была империалистической. По всей видимости, он действительно желал изменить ее[11]. Вероятно, то же испытывал Маленков: ведь, в отличие от Молотова или

Микояна, ни он, ни Хрущев не были непосредственно связаны прежней сталинской политикой в отношении Китая, так как никогда не участвовали в ее определении. Поэтому и не несли ответственность за унижение Мао Сталиным.

Новая позиция Москвы имела колоссальное значение для Мао Цзэдуна. Только теперь он мог всерьез рассчитывать на широкомасштабную советскую помощь в деле строительства великого индустриального социалистического Китая. И только теперь, опираясь на советскую политическую поддержку и экономическое содействие, мог наконец сокрушить внутрипартийную оппозицию, которая противилась его планам, направленным на отказ от «новой демократии». Дискуссии на совещании по вопросам финансово-экономической работы и его решения отразили эту новую идейно-политическую ситуацию.

После победы Мао над «умеренными» летом 1953 года любая полемика в китайской коммунистической партии могла идти лишь в рамках господствовавшего идейного течения, направленного на построение мощного социалистического государства. Генеральная линия партии на строительство социализма не заменила политической программы КПК, а скорее определила ее конкретные социальные и политические цели и разъяснила методы их реализации. Она сориентировала партию на отказ от «новой демократии» и построение социализма.

Принятие генеральной линии, однако, сопровождалось дальнейшим развитием борьбы внутри партийного руководства. Дискуссия по поводу самой формулировки нового курса достаточно ясно показывает позиции сторон. Первоначальное определение генеральной линии было дано Мао в первых числах июня 1953 года во время ознакомления с проектом доклада секретаря Государственного совета и главы Отдела единого фронта ЦК Ли Вэйханя об отношении партии к капиталистической промышленности и торговле[12]. 15 июня 1953 года во время обсуждения этого проекта в Политбюро Мао впервые поделился своими соображениями на этот счет[13]. Вот что он сказал: «Генеральная линия и генеральная задача партии в переходный период состоит в том, чтобы *в течение 10–15 лет или немногим больше* завершить в основном индустриализацию страны и социалистическое преобразование сельского хозяйства, кустарной промышленности, капиталистической промышленности и торговли» (выделено мной. — *А. П.*)[14]. Как видно, он был пока достаточно осторожен, пытаясь, похоже, заручиться формальной поддержкой нового курса со стороны всех членов Политбюро. Он не хотел пугать «умеренных» и, развивая далее свою идею, даже вскользь упомянул о «постепенном»

переходе к социализму[15]. Правда, «ошибки» тех, кто не понял, что произошло изменение характера революции («правый» уклон), он подверг гораздо более серьезной критике, чем «заблуждения» тех, кто «шел слишком быстро» («левый» уклон).

Политбюро поддержало идею Мао, однако «умеренные» (прежде всего Лю Шаоци) попытались ослабить ее революционный импульс, изменив несколько ключевых слов при принятии текста формулировки. 23 июля 1953 года, выступая с докладом на совещании по вопросам финансово-экономической работы, Ли Вэйхань от имени Политбюро предложил следующее определение: «Со времени создания Китайской Народной Республики наша страна вступила в переходный период — время *постепенного* перехода к социалистическому обществу. Генеральная линия и генеральная задача в переходный период состоят в том, чтобы *в течение длительного отрезка времени постепенно* в основном осуществить индустриализацию страны и *постепенно* в основном завершить социалистические преобразования сельского хозяйства, кустарной промышленности, а также капиталистической промышленности и торговли» (выделено мной. — *А. П.*)[16]. В новой формулировке не были указаны временные рамки нового курса («в течение 10–15 лет или немногим больше»), а слово «постепенно», повторенное трижды, похоже, несло особую смысловую нагрузку.

К концу совещания по вопросам финансово-экономической работы Мао Цзэдун, однако, предпринял новую попытку радикального изменения экономической политики.

10 августа при обсуждении в Политбюро текста «Заключительного слова», с которым Чжоу Эньлай собирался выступить на совещании и которое содержало формулировку Политбюро, он предложил третью формулу, тщательно избегая слова «постепенно». В то же время он согласился не конкретизировать временные рамки. Хотя остальной текст остался без изменения, общий смысл его изменился. Новая редакция, предложенная Мао, звучала следующим образом: «Период от создания Китайской Народной Республики до завершения в основном социалистических преобразований есть переходный период. Генеральная линия и генеральная задача партии в этот переходный период состоят в том, чтобы в течение *довольно длительного отрезка времени* осуществить в основном индустриализацию страны и социалистическое преобразование сельского хозяйства, кустарной промышленности, капиталистической промышленности и торговли» (выделено мной. — *А. П.*)[17].

Чжоу Эньлай принял это определение и внес

соответствующие исправления в свое «Заключительное слово»[18]. 8 сентября 1953 года он обнародовал эту формулировку на расширенном заседании Постоянного комитета Всекитайского комитета НПКСК[19]. Однако другие «умеренные» продолжали маневрировать и в декабре 1953 года представили еще одну редакцию генеральной линии. Они опять добавили слово «постепенно» к глаголу «осуществить» во втором предложении формулы Мао, и в этом виде новое определение генеральной линии вошло в важнейший политический документ — тезисы ЦК КПК для изучения и пропаганды генеральной линии партии в переходный период, озаглавленные «Бороться за мобилизацию всех сил для превращения нашей страны в великое социалистическое государство»[20]. 10 февраля 1954 года эта окончательная формулировка, призывавшая к *«постепенному* осуществлению» индустриализации и социалистических преобразований, была утверждена 4-м пленумом Центрального комитета КПК (выделено мной. — *А. П.*)[21].

Мао на пленуме отсутствовал. Он находился на отдыхе в Ханчжоу, и всей работой форума руководил Лю Шаоци. Последний, правда, вынужден был выступить с самокритикой, заявив, что ошибался, считая, что «Китай страдает от неразвитости капитализма»[22]. Таким образом, был достигнут компромисс: Мао принял осторожную формулировку генеральной линии, а «умеренные» в лице Лю принесли «извинения» за свой «правый уклон». Но, как будет видно в дальнейшем, Председатель отнюдь не собирался поддерживать баланс сил. «Новая демократия» отошла в прошлое, и Китай стал продвигаться по пути строительства сталинского социализма. В Москве отнеслись к этому в высшей степени благожелательно.

Со смертью Сталина Мао смог завершить и еще одно важное дело: вывести войска из Кореи. Война на Корейском полуострове явилась колоссальным бременем для его страны, а, как мы помним, Мао пошел на участие в ней лишь для того, чтобы ублажить Сталина. В 1950 году части НОАК под командованием Пэн Дэхуая вмешались в конфликт, несмотря на то, что большинство лидеров КНР высказывались против этого. Не поддерживали планы вторжения и многие военные, в том числе Линь Бяо. Какое-то время, правда, Мао считал, что эта война сможет окончиться победой, если станет, как до того его собственная война в Китае, затяжной. Об этом он писал Сталину, а тот и со своей стороны настаивал: «Форсировать войну в Корее не следует, так как затяжная война, во-первых, даст [так в тексте] возможность китайским войскам обучиться современному бою на поле сражения и, во-вторых, колеблет режим Трумэна в Америке

и роняет военный престиж англо-американских войск».

Но время шло, и война оказалась бесперспективной. СССР не оказывал реальной помощи ни китайцам, ни северокорейцам, и Мао все надо было делать самому. Китайская армия истекала кровью, и Мао в конце концов начал думать о том, как бы вывести ее из Кореи.

Однако Сталин не давал «добро» на завершение конфликта. Корейская война в планах кремлевского диктатора занимала большое место. И не столько как сама по себе, сколько как часть нового глобального плана мировой революции. Ведь «великий ученик» Ленина никогда не отказывался от идеи всемирного социалистического переворота. И тут, в начале 50-х, у него вроде бы появился шанс (причем последний) осуществить то, что задумывали большевики еще в начале века. Пол-Европы лежало у его ног. Красный флаг развевался над просторами Китая, Монголии и Северной Кореи. В Индокитае сателлиты Москвы вели войну против французских империалистов, поддерживаемых США, а на Корейском полуострове китайские и северокорейские войска проходили школу современной войны, готовя себя к новым битвам. До победы мировой революции, казалось, было уже недалеко. В феврале 1951 года Сталин через лидеров КПК дал указание индонезийской компартии активизировать борьбу за захват власти вооруженным путем. «Основная задача компартии Индонезии на ближайшее время, — подчеркнул он в телеграмме Лю Шаоци, предназначавшейся для ЦК КПИ, — состоит не в „создании широчайшего единого национального фронта“ против империалистов для „завоевания подлинной независимости“ Индонезии, а в ликвидации феодальной собственности на землю и передаче земли в собственность крестьянам». Мировой пожар разгорался.

Вот почему Сталин и не давал китайцам заключить мир в Корее. И только в 1953 году Мао смог «с честью» выйти из трудного положения: в отличие от Сталина он не был готов провоцировать мировую революцию в начале 50-х годов. И не потому, что вдруг изменил своим левым взглядам. Просто НОАК не могла больше вести слишком дорогую войну. Ким Ир Сен протестовал, но Мао был непреклонен. Маленков и Хрущев также выступали за прекращение конфликта. 27 июля 1953 года представители Северной Кореи и КНР, с одной стороны, и командования войск ООН — с другой, подписали соглашение о прекращении огня.

В этой войне Китай потерял 148 тысяч убитыми. Среди них был и старший сын Мао Аньин — «Герой, достигший берега социализма». С лета 1950 года он работал заместителем

секретаря парторганизации на Пекинском главном машиностроительном заводе, но когда началась война в Корее, подал заявление в армию. Вновь, как и во время войны с фашизмом, он рвался на фронт. Возможно, хотел доказать отцу, все еще настороженно к нему относившемуся, что чего-то стоит. Как бы то ни было, но он уехал в Корею, где был зачислен на работу в генштаб так называемой «Китайской добровольческой армии». Главком Пэн Дэхуай старался держать его при себе, но уберечь от гибели так и не смог. 25 ноября 1950 года Аньин погиб в результате налета американской авиации на штаб-квартиру Пэн Дэхуая. Ему было всего двадцать восемь лет. О том, что случилось, Пэн в тот же день написал Мао, но секретарь Председателя Е Цзылун с согласия Чжоу Эньлая скрыл от него телеграмму. И только через несколько дней жестокая правда стала ему известна.

По словам окружавших его людей, Мао не проронил ни слезинки. «Он никак не выразил своих чувств, — вспоминает Е Цзылун, — но лицо его очень осунулось. Он махнул рукой и сказал: „Такова война, жертвы были и будут всегда, это ничего“»[23]. То же самое он повторил Пэн Дэхуаю при личной встрече. «Председатель, — сказал тот ему, — я не уберег Аньина, это моя вина. Я прошу наказать меня!» Но Мао только прикрыл глаза: «Революционная война без жертв не обходится… Погиб простой боец, и не надо делать особого события из этого только потому, что это мой сын»[24]. Было видно, однако, что он очень переживал. Несколько дней почти ничего не мог есть и совсем не ложился спать. Все сидел в кресле совершенно один и курил одну сигарету за другой.

К тому времени он потерял многих членов семьи. Вслед за младшим братом Цзэтанем, павшим в 1935 году в боях с гоминьдановцами на западе Фуцзяни, погиб и средний, Цзэминь. Он принял лютую смерть в 1943 году в Синьцзяне, где с начала 1940 года, после кратковременного пребывания в СССР, работал у местного милитариста Шэнь Шицая. Как мы помним, Шэнь долгое время разыгрывал из себя друга Сталина и даже просился в члены ВКП(б). Но в 1942 году порвал отношения с Советским Союзом, заподозрив Коминтерн и КПК (по-видимому, обоснованно) в подготовке заговора с целью свержения его законной власти. Шэнь схватил Мао Цзэминя (тот жил тогда под псевдонимом Чжоу Бинь) и других руководителей синьцзянской организации КПК и бросил за решетку. Несколько месяцев их допрашивали и пытали, а 27 сентября 1943 года казнили. Сначала их оглушили дубинками, а потом удушили и, засунув тела в мешки, закопали на безлюдном сколе горы. До Мао потом

дошли слухи, что Шэнь Шицай через три дня якобы велел выкопать тела и сфотографировать, а фотографии послал Сун Мэйлин для Чан Кайши[25].

В августе 1928 года, когда Мао вел борьбу в горах Цзинган, от рук гоминьдановцев погибла его приемная сестра Цзэцзянь. Произошло это всего за три месяца до кончины Кайхуэй. В июне же 1946 года, во время последней гражданской войны, был убит один из его племянников, единственный сын младшего брата Цзэтаня, девятнадцатилетний Мао Чусюн. Как мы помним, в 1930 году в Чанше был расстрелян младший двоюродный брат Кайхуэй, Каймин. А в 1935 году, во время Великого похода, Мао потерял и еще одного шурина, младшего брата Цзычжэнь, Хэ Мэйжэня. Он был зверски убит тибетцами за осквернение ламаистского храма.

От двух братьев Мао в живых остались только дети Цзэминя: его дочь от первого брака Юаньчжи, бывшая на полгода младше покойного Аньина, и сын Юаньсинь. Последний родился в 1939 году в Синьцзяне вскоре после того, как любвеобильный Цзэминь разошелся со своей второй супругой Сицзюнь и женился на новой пассии. Эта его третья жена тоже, как и Цзян Цин, была актрисой. Звали ее Чжу Даньхуа, и была она на шесть лет моложе Сицзюнь и на пятнадцать моложе первой жены Цзэминя, Шулань. В феврале 1943 года ее также арестовали и вместе с маленьким сыном заключили в тюрьму. На свободу она вышла лишь в мае 1946-го, а в июле вместе с Юаньсинем прибыла в Яньань, где их встретил Мао. К своему маленькому племяннику, который был всего на год старше его дочери Ли На, Мао Цзэдун стал сразу относиться с особенной теплотой и даже какой-то сентиментальностью. Возможно, считал своим долгом заботиться о нем лучше, чем о собственных детях. Проявлял он внимание и к племяннице Юаньчжи, но та была уже взрослой. В 1945 году она вышла замуж и через год родила сына, так что Мао стал чувствовать себя дедом. Своего внучатого племянника он, правда, видел нечасто, так как Юаньчжи вместе с мужем после образования КНР служила в войсках НОАК в Наньчане. Только в 1953 году ее перевели в Пекин, где она сначала работала в аппарате Чжу Дэ, а потом в орготделе ЦК КПК. Юаньсинь же с 1951 года рос под присмотром Мао. Его мать второй раз вышла замуж и вместе с новым мужем жила и работала в Наньчане, оставив сына по просьбе Мао и Цзян Цин жить в Чжуннаньхае.

Печаль по поводу смерти Аньина, однако, у Мао не проходила, и ни дочери, ни младший сын, ни любимый племянник не могли ее заглушить. Как будто что-то легло между ним и погибшим сыном, так и оставшись не разъясненным. И это

что-то мучило его время от времени.

Но особенно сильно смерть Аньина переживал Аньцин. Ведь они были больше, чем братья. Их связывала тоска по погибшей матери, память о голодном детстве и об авантюрном путешествии из Гонконга в Москву, об учебе в интердетдоме и о совместной жизни с «мамой Хэ». Аньцин вообще был очень нервным юношей, легко возбудимым, с неуравновешенной психикой. Тот страшный удар, который во время ареста матери нанес ему по голове солдат, не прошел бесследно. Гибель брата окончательно подкосила его. Он потерял сон, стал бродить по дому, разговаривая сам с собой. И вскоре врачи поставили ему страшный диагноз: шизофрения. Он уже не мог работать (с марта 1949 года он являлся переводчиком Бюро переводов работ марксизма-ленинизма при Отделе пропаганды ЦК КПК), и Мао отправил его на лечение в Советский Союз. Но помочь ему было нельзя. Он вернулся в Китай, и его перевезли на берег моря, в военный санаторий города Далянь, где он стал жить под присмотром врачей. Большую заботу о нем проявляли вдова его брата Лю Сунлинь и ее младшая сестра Шао Хуа. Последняя даже переехала в Далянь, чтобы ухаживать за больным. Неудивительно, что в 1960 году Аньцин и Шао Хуа поженились. Через два года они вернулись в Пекин.

Аньцин стал чувствовать себя лучше, но все же окончательно не поправился[26].

Мао, конечно, был очень расстроен болезнью сына, но еще более раздосадован. «У меня нет потомства (один сын убит, другой сошел с ума)»[27], — с горечью говорил он. Правда, времени на переживания у него, как всегда, было немного. Власть и политика вытесняли отцовские чувства. Надо было решать кучу важных проблем, в том числе внутрипартийных. В 1953–1954 годах главной из них стало «разоблачение» Гао Гана, того самого «товарища Чжан Цзолиня», компромат на которого Сталин передал ему еще во времена московского саммита. Трогать Гао, однако, Сталин не позволял, и только смерть диктатора и установление равноправных отношений с советским руководством помогли Мао избавиться от предателя, который «за спиной ЦК» передавал «информацию иностранцам»[28]. Гао, правда, не был среди идеологических оппонентов Мао и не выступал против его планов трансформации Китая по советскому образцу. Он, напротив, принадлежал к группировке наиболее ярых сторонников левого курса. Интересно, что в конце 40-х годов Сталин даже критиковал его за излишнюю левизну в одной из телеграмм Ковалеву, а в начале 1950-х сам Мао использовал Гао в борьбе против «умеренных». 16 февраля 1952 года, например,

Председатель опубликовал в главной партийной газете «Жэньминь жибао» («Народная ежедневная газета») частное письмо Гао Гану, которое содержало детальную критику «правого уклона»[29]. Более того, в личных беседах с ним Мао часто сетовал на «консерватизм» Лю Шаоци и Чжоу Эньлая[30]. Однако простить ему доносы Сталину он был не в состоянии. Не могли забыть этого и другие члены Политбюро, особенно те же Лю и Чжоу.

Не догадываясь, очевидно, об истинном отношении Мао к нему, Гао Ган расценивал «задушевные» беседы с Председателем как знак особого доверия. А потому активно искал пути к устранению «умеренных» из высшего руководства партии. В частности, активно распространял в партии слухи о том, что в ЦК есть «две группировки, которые не заслуживают доверия: одна возглавляется Лю Шаоци… а другая — Чжоу Эньлаем»[31]. Ему удалось привлечь на свою сторону Жао Шуши, главу организационного отдела Центрального комитета КПК, бывшего до 1953 года боссом Шанхайского региона, а также некоторых других руководящих работников. Заговорщики уже начали делить посты: Гао Ган собирался занять кресло Лю, а Жао Шуши — премьера, когда их планы оказались известны Мао. Вождь партии был вне себя: заменять Лю и Чжоу на Гао и Жао он совсем не хотел, несмотря на имевшиеся между ним и «умеренными» разногласия. 24 декабря 1953 года на заседании Политбюро Мао обрушился на Гао и Жао с обвинениями в «заговорщической» деятельности. По инициативе Мао в феврале 1954 года Лю Шаоци представил так называемое «дело Гао Гана — Жао Шуши» 4-му пленуму Центрального комитета. Оба деятеля были обвинены в «сектантстве» и «фракционности», создании «независимых княжеств» в своих регионах и организации заговора с целью захвата власти. 4-й пленум осудил Гао Гана и Жао Шуши, но не исключил их из партии. Тем не менее Гао был арестован и 17 августа 1954 года умер в тюрьме — по официальному сообщению, покончил жизнь самоубийством[103]. По-видимому, сделал он это, будучи убежденным, что Мао предал его. Ведь, сколачивая заговор против Лю и Чжоу, он полагал, что действует при молчаливом одобрении Председателя[32]. В марте 1955 года «дело Гао Гана — Жао Шуши» рассмотрела Всекитайская конференция КПК. С докладом выступил Дэн Сяопин, который подверг Гао и Жао суровой критике. Конференция исключила Гао Гана и Жао Шуши из партии и поддержала политическую линию Мао Цзэдуна, фактически призвав к искоренению всех его врагов[33].

Дело Гао и Жао было первой «чисткой» крупных кадров КПК в истории Китайской Народной Республики, и триумф Мао создавал опасный прецедент с далекоидущими последствиями,

обрекавший значительную часть партийного руководства на поражение в борьбе с Председателем. «Дело Гао Гана — Жао Шуши» было всего лишь эпизодом, но зато чрезвычайно важным: оформление культа Мао во всекитайском масштабе составило с того времени основное направление идеологической работы коммунистической партии. Кампания по возвеличиванию Председателя Мао Цзэдуна была хорошо организована и оказалась весьма эффективной. В качестве основного средства идеологической индоктринации использовались «Избранные произведения» вождя, изучение которых стало обязанностью каждого гражданина. В 1954 году, правда, Мао предложил изъять из употребления термин «идеи Мао Цзэдуна». Сделал он это, конечно, в тактических целях, в обстановке развития бурных связей с СССР. И объяснил тем, что следует «избегать возникновения кривотолков». Каких именно, можно понять из специального уведомления Отдела пропаганды ЦК КПК по поводу указанного заявления Мао. В нем, в частности, говорилось: «Их [идей Мао Цзэдуна] содержание и содержание марксизма-ленинизма едино… При разъяснении устава партии и важнейших партийных документов, принятых ранее, по-прежнему следует исходить из оригинала, не меняя последнего. Однако необходимо специально указывать во избежание возможных кривотолков относительно различия в содержании обоих терминов, что идеи Мао Цзэдуна есть идеи марксизма-ленинизма»[34].

Чистка Гао, Жао и близких к ним лиц спровоцировала бюрократические кампании внутри и вне партии, направленные на искоренение всех, кто получил ярлык «скрытого» контрреволюционера. Эти кампании отличались размахом и интенсивностью, что, конечно, неудивительно, так как политически активная часть китайского общества, включая многих *ганьбу* (партийные кадры) и интеллигентов, не могла легко воспринять отказ от курса на «новую демократию». Эти люди поддержали «новодемократические» лозунги КПК и были достаточно дезориентированы резким поворотом 1953 года. Руководство партии прибегло к идеологическому террору, используя методы «проработок», уже не раз апробированные, начиная с известного нам движения *«чжэнфэн»* («исправление стиля»), разворачивавшегося в партии в начале 40-х годов. После провозглашения народной республики, во время марксистской индоктринации 1951 года, Мао использовал те же методы. Он разворачивал все эти кампании как якобы «образовательные», направленные на просвещение отсталых кадров интеллигенции, переходя затем к репрессиям.

Очередная кампания началась в 1954 году как научная

дискуссия по поводу романа XVIII века «Сон в красном тереме» (кстати, как мы помним, любимого романа Мао). Очень скоро она переросла в политическое преследование ученого Юй Пинбо, наиболее известного исследователя этого произведения. Но это было только начало. Вскоре Мао атаковал Ху Ши, выдающегося философа-прагматика, бежавшего на Тайвань. Ху, к которому Мао когда-то, давным-давно, относился с большим пиететом, был им теперь зачислен в число врагов. Ведь его либеральная философия подрывала идеологические основы коммунистического режима. Юй Пинбо, а за ним и другие деятели культуры обвинялись в симпатиях к Ху Ши, к западной буржуазной идеологии[35]. В конце 1954 года в продолжение предшествующих кампаний развернулась борьба и против Ху Фэна — поэта, публициста и литературоведа, члена КПК, одного из руководителей Союза китайских писателей. Как один из наиболее известных нонконформистов среди литераторов левой ориентации, Ху Фэн, отстаивавший свободу слова, был обвинен в контрреволюционной деятельности и стремлении восстановить гоминьдановский режим. Провозгласив курс на строительство социализма, маоисты не могли более терпеть Ху и его сторонников, критиковавших жестокие методы их руководства культурой. В 1955 году Ху Фэн и семьдесят семь других либерально мысливших интеллектуалов были арестованы. Всего в Пекине, Шанхае, Тяньцзине, Нанкине по этому «делу» было привлечено более 2 тысяч человек[36]. (Все они будут реабилитированы только через 25 лет.)

Одновременно было раздуто и так называемое «дело» врачей, лечивших вождей КПК. Некоторых из докторов Чжуннаньхая обвинили в антипартийной деятельности и попытках отравить высокопоставленных пациентов. По словам очевидца, эта «кампания была тяжелой наукой. Человек в Китае не имел прав. Каждый должен был повиноваться своим „настоятелям“ безоговорочно. Малейшее необдуманное слово могло быть воспринято как неповиновение начальству и обрушить на вас гнев целой организации. Чтобы раскритиковать вас, можно было созвать „митинги борьбы“; чтобы унизить вас, можно было организовать „массы“. Отдельный индивидуум был лишь крохотной шестеренкой огромной и сложной машины. Малейшее недовольство или отклонение от установленных норм поведения — и шестеренку отбрасывали прочь»[37].

Маоистская проработка интеллигенции была лишь своеобразным прологом к общекитайскому движению против «контрреволюционеров». Последняя началась в марте 1955 года по решению Всекитайской конференции КПК и была направлена на искоренение всех сомневавшихся в правильности курса Мао

Цзэдуна на строительство социализма. За два года этой кампании было репрессировано более 80 тысяч «контрреволюционеров». По информации одного из партийных руководителей Кантона, ставшей известной в советском посольстве, не менее семи процентов работников местного административного и партийного аппаратов были «в той или иной степени замешаны в контрреволюционных делах»[38]. Атмосфера страха была настолько невыносимой, что за вторую половину 1955 года более 190 тысяч членов партии, боясь шельмования, сами явились в органы общественной безопасности с ложными саморазоблачениями[39]. Свыше 4 тысяч человек покончили с собой. Обострялась и идеологическая борьба в среде интеллигенции. Были определены новые объекты критики. Наиболее известным из них стал Лян Шумин, ведущий китайский философ, известный своими идеями реформирования китайской деревни. Лян, живший и работавший в Пекине, поддерживал новую власть, хотя и стремился отстаивать независимые взгляды. Характерно, что он был одним из немногих ученых-обществоведов, сохранивших убеждения в обстановке идеологического террора. В то же время некоторые другие видные деятели культуры (Го Можо, Мао Дунь, Чжоу Ян) выступили во время этих первых столь масштабных идеологических кампаний в качестве ударной силы идеологического террора.

Стремясь выслужиться перед руководителями партии и лично Мао Цзэдуном, бюрократы от культуры, как всегда, перегнули палку. В мае — июне 1955 года ряд делегатов Всекитайской конференции работников культуры и образования подняли вопрос о замене уже почти не употреблявшегося термина «идеи Мао Цзэдуна» на «маоизм»[40]. Их почин, однако, не получил поддержки: как мы помним, вопрос этот был для Мао принципиальным.

Волна репрессий докатилась и до деревни, где в 1954–1955 годах в превентивных целях была репрессирована часть бывших *дичжу* и богатых крестьян.

В конце концов Мао Цзэдуну удалось одержать победу. Его генеральная линия на сталинизацию Китая по советскому образцу получила поддержку как в партии, так и среди широких слоев населения. Этому, разумеется, способствовали не только репрессивные кампании, но и экономические успехи, достигнутые коммунистическим режимом за первую половину 1950-х годов с помощью Советского Союза. Мао был настолько воодушевлен, что даже включил определение генеральной линии и положение о значении для Китая советского опыта в Конституцию Китайской Народной Республики, заменившую действовавшую до тех пор в

качестве основного закона страны Общую программу Народного политического консультативного совета Китая. Он внес соответствующее предложение во время правки текста доклада Лю Шаоци о проекте Конституции[41].

Эта Конституция была принята 20 сентября 1954 года первой сессией нового парламента страны, Всекитайского собрания народных представителей (ВСНП). Тогда же были реорганизованы высшие государственные органы КНР и учрежден пост Председателя Китайской Народной Республики (по существу, президента страны). Им, разумеется, стал Мао, а его заместителем — Чжу Дэ. Председателем Постоянного комитета ВСНП был избран Лю Шаоци. Премьером Государственного совета, прежде именовавшегося Государственным административным советом, утвержден Чжоу Эньлай[42].

Решения ВСНП были с большим энтузиазмом восприняты в Советском Союзе. Новый парламент был сформирован в результате выборов, правда, не всеобщих, но все же массовых. («Классовые враги» режима, такие как *дичжу* и другие «контрреволюционеры», не имели избирательного права.) Тем самым власть КПК получала как бы «мандат народа», а потому это событие с особым восторгом приветствовалось в СССР.

Решающая роль в определении советской политики в отношении КНР принадлежала Никите Сергеевичу Хрущеву, который в сентябре 1953 года единолично возглавил Центральный комитет КПСС. Пока Хрущев боролся за власть, поддержка со стороны Китая была для него жизненно необходима, и Мао содействовал ему в критические моменты. Руководство КПК полностью приняло абсурдные обвинения, арест и физическое устранение ближайшего соратника Сталина, советского министра внутренних дел Лаврентия Павловича Берии; оно также быстро согласилось и с ослаблением Маленкова. Мао, конечно, был прагматичен: как вспоминает его переводчик Ши Чжэ, он исходил из следующей установки: «Кто бы ни оказался наверху [в советском руководстве], мы его поддержим»[43]. Это тем не менее не умаляло значения самой поддержки.

Хрущев вначале отвечал тем же, приняв постфактум сообщения о Гао Гане и Жао Шуши. Чжоу Эньлай и Лю Шаоци проинформировали советского посла Юдина (сменил Кузнецова в конце 1953 года) об этом деле только в начале февраля 1954 года[44]. До этого, 2 января, беседуя в Ханчжоу с заместителем председателя Совета министров СССР Иваном Федоровичем Тевосяном и Юдиным, Мао лишь намекнул им на то, что произошло. Он рассказал гостям историю о том, как в древности

царство Цинь разгромило государство Чу, заметив, что, если бы этого не произошло, «в Китае могли бы возникнуть беспорядки»[45]. Советские гости, конечно, не поняли старинной истории, но Мао не спешил их просветить. Он лично ознакомил Хрущева с обстоятельствами дела только через несколько месяцев, 1 сентября, уже после смерти Гао[46]. Несмотря на то, что китайская сторона впервые действовала без санкции Москвы, никакого выговора в адрес Мао не последовало. Правда, на всякий случай Председатель и его сотоварищи представили чистку Гао и Жао как аналог дела Берии в Советском Союзе[47], на что советская сторона не возражала.

Но вскоре советско-китайское сотрудничество вступило в новую фазу. Получив от правительства КНР в 1954 году просьбу об увеличении объемов советской помощи в строительстве предприятий китайской тяжелой промышленности, Хрущев воспринял это с таким огромным энтузиазмом, что дал распоряжение соответствующим министерствам СССР разработать план оказания помощи в невиданных до того масштабах. Он решил сделать Мао подарок, предложив ему новый долгосрочный кредит и широчайшее экономическое содействие в различных областях. Помощь Китаю была поставлена под прямой контроль первого секретаря ЦК КПСС[48], приобретя тем самым значение «приоритетной»[49]. Одновременно Хрущев стал очищать советско-китайские отношения от всех недоразумений прошлого, стремясь придать им действительно равноправный характер. «С китайцами будем жить по-братски, — повторял он. — Если придется, последний кусок хлеба будем делить пополам»[50]. Ему нужно было безоговорочное признание со стороны Мао в качестве наследника Сталина и наиболее авторитетного лидера не только КПСС, но и международного коммунистического движения. Позиции его все еще были шатки: он не был настолько известен в мире, насколько многие другие члены советского Политбюро. В этой ситуации голос Мао мог иметь решающее значение: авторитет Председателя КПК в коммунистическом мире был чрезвычайно высок. Более того, тесная дружба с Мао укрепила бы восточные границы Советского Союза, что в условиях обострения «холодной войны» тоже было немаловажно.

В конце сентября 1954 года Хрущев созвал специальное заседание Президиума Центрального комитета КПСС, чтобы получить одобрение своей политики в отношении КНР со стороны всех членов советского руководства. Он заявил: «Мы упустим исторический шанс построить и закрепить дружбу с Китаем, если… не поможем проведению в жизнь важнейших мероприятий в предстоящем пятилетии по социалистическому

индустриальному развитию Китая»[51]. Именно его энтузиазм заставил остальных руководителей СССР снять все возражения.

Вскоре после этого, 29 сентября, Хрущев во главе советской партийно-правительственной делегации прибыл в Пекин, чтобы принять участие в торжествах по случаю пятой годовщины образования народной республики. Во время встречи на высшем уровне была подписана серия соглашений, по которым советская сторона предоставляла Китаю долговременный заём на сумму в 520 миллионов инвалютных рублей, расширяла техническую помощь в строительстве 141 промышленного предприятия на 400 миллионов рублей и оказывала содействие в возведении дополнительных 15 индустриальных объектов. Более того, Хрущев отказался от советской доли участия в четырех совместных предприятиях[104] и возвратил Китаю военно-морскую базу в Люйшуне, на территории которой до тех пор находились советские войска. (В обстановке корейской войны СССР и КНР 15 сентября 1952 года согласились продлить время пребывания советских войск в Люйшуне. Их вывод будет завершен 26 мая 1955 года.) Он также аннулировал секретные соглашения, предоставлявшие СССР ряд привилегий в Маньчжурии и Синьцзяне. Наконец, согласился помочь Китаю в разработке атомного оружия и подготовке специалистов-атомщиков[52]. Не будет преувеличением сказать, что визит Хрущева в целом внес колоссальный вклад в ускорение темпов реализации китайских планов социалистической индустриализации[53].

Мао был удовлетворен: как он сам заявлял впоследствии, «во время первых встреч с товарищем Хрущевым у нас были очень приятные беседы… мы установили отношения взаимного доверия»[54].

Однако Хрущев, похоже, слишком далеко зашел в своей щедрости. Дипломатом он не был, и там, где следовало проявлять разум, руководствовался эмоциями. По словам Александра Исаевича Солженицына, он вообще «по характеру и сердцу выпрыгивал в стороны неожиданно, как не может себе позволить равномерная тоталитарность»[55]. Ему всегда хотелось посмотреть мир, но Сталин не пускал его за границу. Вождь вообще никому из своего ближнего круга, кроме Молотова и Микояна, не позволял выезжать за рубеж. И вот, как только представилась возможность, Хрущев с головой, будто в омут, кинулся в новое для него дело. Роковую ошибку он совершил с самого начала: ему ни в коем случае нельзя было первым наносить визит Мао. Следовало добиваться того, чтобы Мао Цзэдун вначале приехал к нему. Но Хрущев, поняв, что может увидеть Китай, пришел в необычайное возбуждение и унять своего игривого и

восторженного волнения никак не мог. Он радовался, как ребенок[105]. При отлете из Москвы каламбурил, подтрунивал над Микояном, предлагал Николаю Михайловичу Швернику, председателю ВЦСПС, «готовиться кушать змея»[56]. В общем, был весел и возбужден. В таком же приподнятом настроении находился он и в Китае. Не соблюдая протокола, лез обниматься и целоваться с Мао, что повергало китайцев в шок, балагурил, рассказывал о любовных похождениях Берии, много обещал и, как мы видели, по-купечески много давал.

В итоге его поведение, как и излишне дорогие подарки, возымели обратное действие. Верный ученик Сталина, Мао уважал только силу. Он был просто не в состоянии по достоинству оценить хрущевское радушие и, похоже, воспринял его как признак слабости. Встреча на высшем уровне убедила Председателя, что новый советский лидер «большой дурак»[57]. Это чувство подогревалось сознанием того, что Хрущев нуждался в его моральной поддержке[58]. Во время переговоров на высшем уровне Мао и Чжоу все время испытывали Хрущева, бомбардируя его бесчисленными просьбами. Мао даже попросил раскрыть ему секрет атомной бомбы и построить Китаю подводный флот[59]. Хотя Хрущев и отклонил большинство просьб, впечатление о нем как о слабом партнере осталось. В ответ на наивное радушие советского руководителя, державшегося с Мао просто, запанибрата, тот не спешил с изъявлением горячих чувств. Он даже не захотел познакомить Хрущева со своей женой. И когда Чжоу Эньлай, следуя протоколу, попытался подвести Цзян Цин к Никите Сергеевичу (это было под сводами дворцовой башни Тяньаньмэнь во время парада 1 октября), тот быстро взял ее под руку и отвел в дальний конец трибуны[60].

А напоследок Мао просто не мог удержаться, чтобы не «подколоть» Хрущева. Зная о начавшейся в Советском Союзе «оттепели», он демонстративно подарил ему и Булганину по двенадцать томов сочинений Сталина, переведенных на китайский язык, в особом переплете и со своими автографами. Причем перевод был сделан специально к прибытию в Пекин советской делегации.

Интересно, что, не желая вести тома в Москву, советские лидеры сделали вид, что «забыли» их в своей резиденции. Бывший советский контрразведчик, генерал Михаил Артемьевич Белоусов, являвшийся в то время начальником особого отдела советского гарнизона в Порт-Артуре, вспоминает, как через три дня после проводов советской делегации к нему в особый отдел привезли упаковки этих книг. По словам Белоусова, курьер, доставивший ценный груз, сокрушался: «Когда уезжали из

особняка, забыли там этот подарок». Белоусов, однако, сразу все понял: «Забывчивость несколько странная: Хрущев и Булганин жили в разных комнатах, а забыли одно и то же — книги, преподнесенные им Мао Цзэдуном». Белоусов обсудил ситуацию с генеральным консулом СССР. «„Забытые“ сувениры, — ответил дипломат, — вопрос большой политики, поэтому я не оставлю их у себя, ибо не желаю вмешиваться в беспардонный поступок своих руководителей. Ясно же: не забыли они это в гостинице, а умышленно оставили, точнее — выбросили… Этим самым они хотели выразить свое неуважение к Сталину, которому теперь уже все равно. А выразили неуважение к себе и к Мао Цзэдуну. Так что ты теперь с книгами поступай как знаешь». Белоусов вынужден был отправить подарки начальнику Третьего главного управления КГБ вместе с письмом, в котором, по его словам, объяснил: «Так-то и так-то, книги подарил Мао Цзэдун Хрущеву и Булганину, а они забыли их в порт-артурской гостинице. Через восемь месяцев — уже в Москве, — завершает свой рассказ Белоусов, — я спросил: „Дошли ли сувениры до адресатов?“ — „Лучше бы ты их мне не присылал!“ — печально ответил начальник главупра»[61].

Встреча на высшем уровне, таким образом, ознаменовала начало в раскрепощении Мао, в его избавлении от советской опеки. И даже сам Хрущев не мог этого не почувствовать к концу визита. Много лет спустя он вспоминал: «Когда… мы поехали в Китай в 1954 г. и провели несколько бесед с Мао, я потом сказал товарищам: „С Китаем у нас конфликт неизбежен“. Такой вывод я сделал из реплик Мао и из обстановки, созданной вокруг нас. Она была азиатской: вежливая до приторности, предупредительная до невозможности, но неискренняя. Мы любезно обнимались и целовались с Мао, плавали вместе в бассейне, болтали по разным вопросам, душа в душу проводили время. Но это выглядело до приторности слащаво и противно. Отдельные же вопросы, которые возникали и вставали перед нами, настораживали нас. А самое главное, я почувствовал и еще тогда сказал об этом всем товарищам, что Мао не сможет примириться с тем, чтобы существовала какая-нибудь другая компартия, а не китайская, которая бы даже в какой-то степени верховодила в мировом коммунистическом движении. Он не потерпит этого»[62].

Конечно, до поры до времени настроения Мао не выплескивались наружу. Даже он не мог так легко освободиться от уважения к «старшему брату». Кроме того, Китай все еще был заинтересован в советской помощи в строительстве социализма.

После возвращения в Москву[106], в декабре 1954 года, Хрущев, несмотря ни на что, принял решение предоставить Китаю

без всякой компенсации более 1400 технических проектов крупных промышленных предприятий и свыше 24 тысяч комплектов различной научно-технической документации[63]. В марте 1955 года советская сторона подписала новое соглашение с Китаем, по которому финансировала строительство дополнительно 16 промышленных объектов[64]. А еще через месяц Советский Союз и КНР официально договорились о том, что СССР окажет помощь Китаю в развитии ядерных технологий в мирных целях[65]. Вскоре после этого, в августе, советское правительство направило КНР меморандум, где предложило помощь в возведении 15 предприятий оборонной промышленности и 14 новых индустриальных комплексов. Еще ранее, в конце 1954 года, китайское правительство направило в Москву запрос о возможном увеличении доли советского участия в развитии военной и топливной индустрии[66].

Советская сторона оказала содействие КНР и в разработке окончательного проекта ее первого пятилетнего плана. Этот проект был составлен к февралю 1955 года, и 21 марта заместитель премьера Чэнь Юнь представил его основные направления делегатам Всекитайской партийной конференции. 31 марта окончательный проект был одобрен, а 5–6 июля председатель Госплана Ли Фучунь ознакомил с ним депутатов 2-й сессии Всекитайского собрания народных представителей. 30 июля вторая сессия ВСНП приняла документ в качестве официального плана развития народного хозяйства на 1953–1957 годы, воплотившего в себе курс КПК на индустриализацию и социалистическое строительство[67]. План предусматривал возведение 694 важнейших промышленных объектов: крупных энергетических станций, металлургических предприятий, машиностроительных заводов и других комплексов, которые должны были заложить основу для быстрого развития тяжелой и военной промышленности. Пятилетний план был также направлен на развитие кооперативного движения в деревне: имелось в виду, что к концу 1957 года около 33 процентов крестьянских хозяйств должны были быть организованы в так называемые «полусоциалистические» сельскохозяйственные производственные кооперативы «низшей ступени». В эти кооперативы крестьяне-собственники объединялись только для ведения совместного хозяйства, сохраняя право частной собственности на вносимые в качестве паевого взноса землю, скот, крупные орудия труда. Распределение доходов в них производилось в соответствии как с трудовыми затратами, так и с размерами паевого взноса. Кроме того, предполагалось кооперировать около 2 миллионов ремесленников в городах. И

помимо этого, большая часть находившихся в частной собственности заводов и фабрик, а также предприятий торговли должна была быть преобразована в государственные или подконтрольные государству объекты. Правительство планировало повысить на одну треть заработную плату индустриальных рабочих[68].

Тесное сотрудничество советского руководства и лидеров КНР в послесталинскую эпоху позволило КНР выработать пятилетний план, который соответствовал как экономическим потребностям китайского народного хозяйства, так и экономическим возможностям СССР. К тому времени индустриализация страны уже разворачивалась, и подавляющее большинство специалистов сходились на том, что Китай сможет успешно выполнить поставленные в плане задачи.

Результаты, однако, превзошли все ожидания. Темпы роста китайской промышленности оказались гораздо выше запланированных. По разным оценкам, фактический ежегодный прирост составил 16–18 процентов. Валовой промышленный продукт за пятилетие более чем удвоился, в то время как производство чугуна и стали даже утроилось[69]. Конечно, советская помощь имела огромное значение. Хотя прямые советские инвестиции в экономику КНР были и не такими большими — 1,57 миллиарда юаней, что составляло всего около 3 процентов стоимости общих китайских капиталовложений (49,3 миллиарда юаней)[70], значение советской помощи трудно переоценить. СССР не только оказал китайской стороне определенную финансовую поддержку, но и бесплатно предоставил ей колоссальный объем технической информации, которая на мировом рынке стоила, по крайней мере, сотни миллионов американских долларов. Помогая Китаю в строительстве значительной части его ключевых индустриальных объектов, СССР в то же время существенным образом способствовал своему дальневосточному соседу в подготовке научных и технических кадров. В 1950-е годы Китайская Народная Республика направила на учебу в СССР более 6 тысяч студентов и около 7 тысяч рабочих. В Китай же приехали на работу более 12 тысяч специалистов и советников из Советского Союза и стран Восточной Европы[71].

И все же, несмотря на значение советской помощи, быстрый рост китайской промышленности обеспечивали прежде всего грандиозные государственные инвестиции в экономическую модернизацию. Как бы то ни было, но государственные капиталовложения составляли 97 процентов всех инвестиций в базовые отрасли экономики. Источником первоначального

накопления капитала для финансирования городской промышленности была деревня. В строительстве социализма китайские коммунисты по-прежнему исходили из советского опыта, который, несмотря на свою жестокость, демонстрировал огромную экономическую эффективность.

«ВЕЛИКИЙ ПЕРЕЛОМ»

Неудивительно, что реализация заданий первого пятилетнего плана по развитию сельскохозяйственного производства и социальному преобразованию деревни оказалась в центре всей партийной работы. Успешное завершение аграрной реформы 1950–1953 годов радикально изменило социально-экономический облик китайского крестьянства. Большинство крестьян превратились в середняков-единоличников, что сделало их как никогда свободными от произвола властей. Однако постреформенная деревня оказалась не в состоянии снабдить общество достаточным количеством продовольствия и сырья. Основные причины этого коренились в отсталости производительных сил Китая, аграрном перенаселении, нехватке плодородных земель и, как следствие, наличии мелких хозяйств, неразвитости сельской инфраструктуры и архаичных общественных отношениях. Социальные последствия аграрной реформы и прежде всего осереднячивание деревни обострили кризис недопроизводства, так как увеличивали крестьянское потребление и уменьшали товарность хозяйства. Характерно, что после реформы, 9 ноября 1953 года, Лю Шаоци говорил советскому послу Кузнецову (он сменил Панюшкина в мае 1953-го), что «если крестьяне будут достаточно хорошо питаться, то производимого в стране зерна хватит лишь на их потребление, а город останется без хлеба… При существующем положении мы еще не в состоянии позволить крестьянам питаться так, как они хотят»[72].

Перед партийным руководством встала задача поиска новых форм взаимоотношения с деревней. Рыночные методы к тому времени были уже отброшены. Социалистическая утопия начала определять политику. Осенью 1953 года Мао Цзэдун развернул наступление на «новодемократические» рыночные отношения в деревне. Его цели были предельно ясны: он стремился коллективизировать крестьянство и национализировать частную собственность для того, чтобы на этой основе завершить индустриализацию отсталой в экономическом отношении страны. В правильности этого курса ни у кого в китайском руководстве не было сомнений. Именно ради осуществления этой программы они и установили жесточайший бюрократический контроль над социально-экономической, политической и идеологической жизнью граждан. Внутрипартийные разногласия касались только сроков реализации данного плана, а не самой сталинизации.

16 октября по инициативе Мао Цзэдуна ЦК КПК принял

решение о введении в стране с 25 ноября 1953 года хлебной монополии[107]. Это подразумевало насильственную закупку зерна у крестьян по фиксированным заниженным ценам[73]. Частным лицам отныне запрещалось скупать зерно или продавать его на рынках. В следующем году была введена государственная монополия на торговлю хлопком и хлопчатобумажными тканями, а также государственная монополия на растительное масло. Тем самым крестьяне фактически оказались в положении государственных арендаторов, полностью лишенных каких бы то ни было имущественных прав. Нет нужды говорить о том, что это глубоко дестабилизировало рыночную экономику во всей стране, приведя вскоре к введению среди городского населения карточной системы на все основные предметы потребления. Только таким образом удалось наладить гарантированное продовольственное снабжение, по крайней мере, на низком уровне. Все горожане теперь могли приобретать продовольствие только в государственных магазинах и только при предъявлении продовольственных карточек.

Мощная государственная репрессивная машина пыталась контролировать все основные товарные потоки. Если в 1952 году государство заготовило 33 миллиона тонн зерна, то в течение 1953–1955 годов власти сумели увеличить это число соответственно до 48, 53 и 50 миллионов тонн. Зерно изымалось посредством высокого натурального налога, а также путем принудительных закупок (соотношение того и другого составляло обычно 2:3). Если принять во внимание, что в 1954 и 1955 годах в КНР собиралось немногим более 160 миллионов тонн зерна в год, то тогда получается, что у крестьянства изымался 31 процент валового производства зерновых, что было на 6—11 процентов больше того, что сами крестьяне обычно продавали на рынке[74]. Все это означало, что «был, вероятно, нарушен физический уровень потребления китайского крестьянина, о чем свидетельствуют крестьянские волнения во многих районах страны»[75]. То, что в 1954 году крестьяне на самом деле открыто выражали свое недовольство тем, что коммунисты закупили «несколько большее количество зерна, чем следовало», признавали позже и Мао, и Чжоу Эньлай[76]. Крестьянские волнения продолжались весной 1955 года.

Концентрация продовольствия в руках государства не решала проблему голода. По официальным данным, в 1952 году в стране в среднем на душу населения производилось немногим более 250 кг зерна. Ситуация не улучшилась ни в 1953, ни в 1954 году. Причем 10 процентов крестьянских дворов не могли обеспечить себя зерном и постоянно нуждались в помощи государства.

Фактически более половины населения деревни жило впроголодь, а миллионы семей вообще могли выжить только при прямой поддержке со стороны государства[77]. Ситуация сложилась парадоксальная. С одной стороны, власти, осуществляя централизованные заготовки зерна и других продуктов, аккумулировали в своих руках значительную часть производимой деревней продукции, создавая видимость экономической силы государства. С другой стороны, они почти две трети заготовленного зерна вынуждены были направлять обратно в деревню, спасая от голодной смерти миллионы крестьян наиболее бедных районов. Реальные возможности государства способствовать развитию сельского хозяйства постепенно снижались. Рост заготовок вел к снижению заинтересованности крестьянства в увеличении производства, а количество нуждавшихся в государственной помощи все возрастало. Антирыночная политика загоняла самого Мао и его единомышленников в порочный круг.

Страна оказалась расколотой на два лагеря: власти стремились увеличить изъятие средств из деревни, в то время как крестьянство активно этому сопротивлялось. Мао Цзэдун начал терять поддержку крестьян. В октябре 1955 года он вынужден был признать: «Сейчас крестьян не удовлетворяет тот союз, который мы установили с ними раньше на базе аграрной революции. Полученные в тот раз выгоды они в какой-то мере стали забывать. Теперь им нужно дать новые выгоды — социализм… Прежний союз, созданный в борьбе против помещиков, против тухао, за раздел земли, был временным союзом; будучи одно время прочным, он впоследствии стал непрочным»[78]. Именно эта ситуация объективно способствовала активизации кооперативного движения.

До того, в период аграрной реформы 1950–1953 годов, китайские коммунисты не предпринимали шагов по ускорению кооперирования. К концу 1951 года в Китае насчитывалось всего 300 так называемых кооперативов низшего звена, по двадцать — сорок дворов в каждом[79]. «Новодемократическая» политическая атмосфера того времени сдерживала активных сторонников социалистической трансформации деревенской экономики. И концептуально, и практически КПК была очень осторожна в своих подходах к преобразованиям в деревне. Очень характерным в этом отношении является «Постановление о трудовой взаимопомощи и кооперации в сельскохозяйственном производстве», принятое Центральным комитетом 13 февраля 1953 года. Проект документа был подготовлен только что созданным в то время (5 января 1953 года) отделом ЦК по работе

в деревне. Его заведующий, старый коммунист Дэн Цзыхуэй, являвшийся одновременно заместителем премьера Госсовета, представил этот проект Центральному комитету. Традиционно указав на опасность как правого, так и левого уклонов в аграрной политике партии, он все-таки в качестве главной опасности выделил левый уклон. «На сегодняшний день, — отмечал Дэн Цзыхуэй, — в масштабе страны торопливость и забегание вперед являются главным уклоном и главной опасностью»[80]. Доклад был поддержан в ЦК и послужил руководящим документом, на основе которого на местах повели борьбу с «левыми» ошибками.

Вместе с тем в период «новой демократии» партия постепенно накапливала опыт кооперативного движения. Развивались снабженческо-сбытовые и кредитные кооперативы, начало которым было положено еще в гоминьдановском Китае. Они вполне органично вписывались в развитие рыночных отношений в пореформенной деревне. К концу 1952 года 40 процентов крестьянских дворов состояли членами групп взаимопомощи[81]. Это были особые формы кооперации, впервые апробированные в контролировавшихся коммунистами «освобожденных» районах в годы антияпонской войны 1937–1945 годов. Партийное руководство, прежде всего Лю Шаоци, рассматривало эти группы как определенный организационный и экономический фундамент добровольного кооперативного движения. Полусоциалистические кооперативы низшего звена также развивались, хотя в 1953 году ЦК и провел «массовый роспуск» нежизнеспособных кооперативов, созданных с нарушением принципа добровольности. К концу 1953 года число кооперативных ассоциаций достигло более 14 тысяч.

Победа Мао над группой «умеренных» летом 1953 года радикально изменила ситуацию. Лидер КПК начал предпринимать шаги по форсированию коллективизации. Центральной темой внутрипартийных дискуссий стал вопрос о темпах социалистической трансформации крестьянства. «Мы ковали железо, пока оно было горячо, — вспоминал впоследствии Мао. — Таково было требование тактики, нельзя было… „переводить дыхание“, идти на создание „новодемократических порядков“. Если бы мы взялись их создавать, то позже потратили бы силы и энергию на их ломку»[82].

Уже осенью 1953 года Мао Цзэдун провел встречи с сотрудниками отдела ЦК по работе в деревне, стремясь убедить их в нарастании «опасности капиталистических тенденций» на селе и необходимости ускорения социалистических преобразований[83]. Ему, однако, не удалось подавить сопротивление ряда партийных функционеров. В результате 16

декабря 1953 года было принято компромиссное «Постановление ЦК КПК о развитии сельскохозяйственной производственной кооперации». На какое-то время оно стало программой социалистического переустройства деревни[84]. Характерно, что постановление предусматривало плановое, поэтапное кооперирование крестьянских хозяйств наряду с механизацией сельского хозяйства. Проведение кооперирования в отрыве от технического перевооружения села работники отдела ЦК считали опасным. В документе указывалось, что к концу 1954 года число кооперативов низшего звена будет составлять лишь 35800, то есть менее одного процента всех крестьянских хозяйств. Такими же умеренными были и задания первого пятилетнего плана, разрабатывавшегося в то время. Первоначально они предусматривали кооперирование 20 процентов крестьянских дворов к концу 1957 года[85], позже, в окончательном варианте, эта цифра оказалась увеличенной — до 33 процентов. При этом речь шла только о кооперативах низшего типа! Кооперативы высшего типа («социалистические», основанные на полном обобществлении крестьянской собственности и объединявшие по 100–300 дворов) должны были создаваться только в опытном порядке.

Однако Мао Цзэдун не был удовлетворен этими планами. И крайняя техническая отсталость деревни, то есть неразвитость ее производительных сил, его не смущала. «Прежде всего надо осуществить социалистическую революцию, то есть кооперирование сельского хозяйства, — писал он в июле 1954 года Лю Шаоци и Дэн Цзыхуэю. — …Осуществление технической революции, то есть постепенное внедрение механизации и проведение других технических преобразований в сельском хозяйстве, — вторая задача… Различные возможные технические преобразования [надо осуществлять] на базе кооперирования»[86].

Он продолжал выражать недовольство «низкими темпами», несмотря на то, что к концу 1954 года они фактически оказались перекрыты; за год число кооперативов увеличилось более чем в семь раз, до 100 тысяч. В октябре 1954 года по инициативе Мао Центральный комитет принял решение ускорить организацию кооперативных хозяйств. Была разработана новая, форсированная, программа, которая призывала к настоящему скачку в деле кооперативного движения; число кооперативов низшего звена в 1955 году должно было увеличиться в шесть раз, до 600 тысяч. Однако уже к весне 1955 года их число возросло до 670 тысяч[87]. Только в одной провинции Чжэцзян зимой 1954/55 года было организовано 42 тысячи кооперативов — в семь раз больше, чем существовало до тех пор[88].

Разумеется, кадры, брошенные на ускоренное осуществление коллективизации, не останавливались перед применением насилия, диктата и произвола в целях выполнения заданий партии. Во многих деревнях крестьян, отказывавшихся вступать в кооперативы, выгоняли на улицу и заставляли часами, а то и сутками стоять на солнце или морозе до тех пор, пока те, вконец измученные, не соглашались «добровольно» подать заявления. В результате в знак протеста во многих районах крестьяне стали резать скот и домашнюю птицу. Из-за нехватки кормов начался падеж скота. На рубеже 1955 года большое количество сельских жителей, потерявших землю, оказалось на грани голодной смерти. Кое-кто из крестьян-середняков покончил жизнь самоубийством, некоторые бросили дома и перебрались в город. Многие открыто выражали недовольство. «Компартия хуже Гоминьдана, — говорили они, — КПК довела [нас] до смерти, КПК переродилась»[89].

Между тем в руководстве партии по-прежнему оставались люди, которые пытались сдержать радикализм Председателя. Так, заведующий отделом ЦК по работе в деревне Дэн Цзыхуэй настаивал на реализации кооперативной программы в соответствии с пятилетним планом. Возглавлявшийся им отдел предлагал снизить темпы, с тем чтобы за полтора года организовать не более 350 тысяч кооперативов. Помимо этого, Дэн Цзыхуэй собирался распустить 120 тысяч нежизнеспособных кооперативов[90]. Чем гнаться за новыми рекордами, полагал он, лучше укреплять уже созданные кооперативы. Его позицию поддерживали Лю Шаоци, Дэн Сяопин и многие другие члены Политбюро, в особенности Чжоу Эньлай.

На какое-то время Мао заколебался и начал думать: а может быть, действительно «производственные отношения должны соответствовать потребностям развития производительных сил, в противном случае производительные силы могут восстать. В настоящее время крестьяне забивают свиней и овец. Это — бунт производительных сил»[91]. Как бы то ни было, но он принял решение приостановить кооперирование на полгода, до осени. Этот шаг был сразу же горячо поддержан Лю Шаоци, предложившим сократить число кооперативов на 170 тысяч. Весной 1955 года отдел ЦК по работе в деревне постановил свернуть кооперирование в тех районах, где кооперативы создавались административным путем, а не на добровольной основе.

Постановление отдела, однако, вызвало оппозицию местных руководителей, которые пытались и далее форсировать движение. «В сокращении числа кооперативов, — считали они, — нет

необходимости»[92]. Особенно негодовал глава Шанхайского бюро ЦК, старый большевик Кэ Цинши, открыто заявлявший о том, что в партии имелось не менее 30 процентов *ганьбу,* которые не хотели социализма. Этот горячий уроженец провинции Аньхой, очень гордившийся тем, что в 21-м году в Москве видел Ленина, выразил свое недовольство самому Председателю, посетившему Шанхай в апреле 1955 года[93]. «Левые» настроения выражали и другие работники провинциального и уездного уровней, со многими из которых Мао смог встретиться тогда же в апреле. Именно в то время он в течение шестнадцати дней совершал инспекционную поездку по восточным и южным провинциям страны. «Проводил обследование, чтобы иметь право голоса».

А в это время в Пекине Дэн Цзыхуэй созвал Всекитайское совещание по работе в деревне, на котором постарался закрепить курс на замедление темпов кооперирования. Он явно отстал от жизни: слушать его Мао больше не хотел. Председатель вернулся из поездки обогащенный новыми встречами и впечатлениями. Большевистский настрой провинциального руководства воодушевил его. Он решительно отбросил сомнения и больше уже не отступал. Едва вернувшись, он встретился с Дэн Цзыхуэем и предупредил его: «Нельзя повторять такую ошибку, как массовый роспуск кооперативов в 1953 году, в противном случае придется… заняться самокритикой»[94]. А через несколько дней добавил: «Крестьяне хотят „свободы“. Мы же хотим социализма. В партии имеется группа кадровых работников, которые отражают эти настроения крестьянства и не хотят социализма»[95].

В середине мая он провел в Чжуннаньхае встречу с руководителями пятнадцати провинциальных и городских парткомов трех крупных регионов страны — Восточного, Центрального и Северного Китая для того, чтобы показать работникам отдела ЦК по работе в деревне, чего хочет народ. На этом собрании он выступил с большой речью, в которой призвал отбросить «пессимистические настроения» в отношении кооперирования. «Если [их] не отбросить, — мрачно заметил Мао, — можно совершить большую ошибку»[96]. Вскоре после этого он вновь отправился «проводить обследование», на этот раз в Ханчжоу.

Дэн Цзыхуэй, однако, не придал значения этим словам и, опираясь на поддержку Лю Шаоци, гнул свою линию. В середине июня вопрос был поставлен на обсуждение Политбюро, которое в отсутствие Мао проходило под председательством Лю Шаоци. После тщательного изучения большинством голосов члены этого высшего партийного органа поддержали предложения отдела ЦК по работе в деревне. Лю Шаоци в этой связи заметил: «К

следующей весне [то есть за целый год] мы доведем число кооперативов [только] до одного миллиона, то есть прикроем туда доступ. Это хорошо. Пусть сам середняк придет и постучит в дверь. Закрыв ее, мы обеспечим добровольное вступление середняка»[97]. После заседания Политбюро отдел ЦК по работе в деревне к середине 1955 года распустил более 20 тысяч нежизнеспособных кооперативов[108]. Наибольшее число их было ликвидировано в Чжэцзяне — 15 тысяч 607, объединявших 400 тысяч крестьянских хозяйств, 7 тысяч оказалось распущено в Хэбэе, 4 — в Шаньдуне[98].

Мао, однако, сдаваться не собирался. Он «закусил удила». А потому, не получив поддержки Политбюро, просто-напросто обошел этот высший орган, напрямую обратившись к партийным *ганьбу* всей страны. 31 июля 1955 года он созвал совещание секретарей провинциальных, городских и районных комитетов КПК и открыто призвал их поддержать его планы. Доклад Мао Цзэдуна «Вопросы кооперирования сельского хозяйства» ставил своей задачей убедить партийный актив в необходимости форсирования кооперирования деревни. Вопреки принятому ВСНП за день до того пятилетнему плану, по которому к концу 1957 года 33 процента крестьянских хозяйств должны были быть охвачены кооперативами, Мао настаивал на 50 процентах. К осени же 1956 года число кооперативов должно было увеличиться вдвое — с 650 тысяч единиц, оставшихся после роспуска нежизнеспособных кооперативов, до 1 миллиона 300 тысяч[99].

В его речи содержались традиционные положительные оценки советского пути развития. Мао, в частности, заявил, что опыт Советского Союза свидетельствует: осуществить крупномасштабную коллективизацию в короткие сроки вполне возможно[100]. В то же время было заметно, что Председатель, хотя и по-прежнему воодушевленный советской моделью, начал уже предвкушать более высокие, чем в СССР, темпы социалистического строительства. Он сурово осудил «некоторых товарищей», которые акцентировали внимание на известной сталинской критике «торопливости» и «забегания вперед», допущенных в ходе советской коллективизации. Сталинская статья «Головокружение от успехов», посвященная этой критике, была, кстати, одной из тех работ покойного диктатора, которые ему не нравились[101]. Характерна следующая фраза Мао: «[М]ы не должны допускать… того, чтобы некоторые наши товарищи использовали опыт Советского Союза для прикрытия своего стремления двигаться ползком»[102]. Он будет продолжать отстаивать эти идеи и в конце концов 6 декабря 1955 года заявит: «Китайские крестьяне лучше, чем английские и американские

рабочие, поэтому по принципу „еще больше, еще лучше и еще быстрее“ можно осуществить строительство социализма, не оглядываясь все время на Советский Союз»[103].

Впервые сформулировав этот принцип (строить социализм «больше, лучше и быстрее», чем в СССР), Мао, правда, не придал ему тогда значения новой генеральной линии. Он все еще полагал приемлемой советскую модель, выступая лишь за ее ускоренную реализацию. Он с раздражением заметил своему лечащему врачу[109]: «Когда я говорю „учиться у Советского Союза“, это ведь не значит, что мы должны учиться у него и тому, как какать и писать, не правда ли?»[104] Хрущев просил его не ускорять темпы кооперации, но он не стал его слушать[105].

В новой политической атмосфере, когда Советский Союз продолжал подчеркивать равенство в отношениях между двумя странами, Мао чувствовал себя все более независимым. Он с оптимизмом рассуждал о мощном подъеме кооперативного движения. Его обращение напрямую к местным партийным руководителям нашло у них отклик, оно льстило их самолюбию.

Совещание имело огромное значение. Впервые в истории партии Мао обратился к местным кадрам через голову Политбюро, открыто выразив несогласие с решением последнего. Он будет возвращаться к этой практике много раз.

Также впервые он публично признал наличие разногласий в партийном руководстве. Его маневр в целом удался, однако разговоры о разногласиях продемонстрировали, что сама возможность не соглашаться с вождем была реальностью. Как бы то ни было, но, получив ожидаемую им поддержку «снизу», Председатель мог теперь заставить партийное руководство принять его программу ускоренной сталинизации. В октябре 1955 года в Пекине он созвал 6-й расширенный пленум ЦК, чтобы получить официальную поддержку своему политическому курсу. Характерно, что количество приглашенных на пленум партработников среднего и низшего рангов примерно в десять раз превосходило число членов Центрального комитета. Это соотношение служило для Мао гарантией того, что пленум примет нужные для него решения. И пленум действительно полностью поддержал его программу форсирования социалистических преобразований. «Перед лицом неуклонного подъема движения за кооперирование в деревне, — говорилось в принятом пленумом решении, — задача партии заключается в том, чтобы смело и в плановом порядке двинуть это дело вперед, а не топтаться на месте… Цель… рабочего класса состоит в том, чтобы… повести крестьян по пути социалистической революции… Между тем некоторые наши товарищи в крестьянском вопросе по-

прежнему придерживаются старых взглядов, не замечают острой борьбы двух путей развития в деревне, не видят активности большинства крестьян, желающих идти по социалистическому пути. Они… считают, что в вопросе развития кооперирования в сельском хозяйстве необходимо придерживаться исключительно медленных темпов. Они не понимают, что это может привести к отказу от активного руководства партией движением за кооперирование в сельском хозяйстве и к попустительству свободному развитию капитализма в деревне, а в конечном итоге — к подрыву союза рабочих и крестьян. Утрате рабочим классом своей руководящей роли по отношению к крестьянству и, следовательно, — к поражению дела социализма в нашей стране»[106].

Все это звучало очень серьезно. Дэн Цзыхуэй, Бо Ибо и Ли Фучунь выступили с «самокритикой». Безоговорочную поддержку Мао оказал Чжоу Эньлай[107]. Но Председатель долго не мог успокоиться. «Дэн Цзыхуэй был с нами в годы демократической революции. Однако после освобождения выбрал иной путь, — ворчал он. — Он как девица на маленьких ножках. Идет, покачиваясь, то на восток, то на запад»[108]. И лишь через какое-то время, оглядываясь назад, удовлетворенно заметил: «1955 год является годом, когда в основном была одержана победа в одной из областей производственных отношений — в области собственности»[109].

После пленума Мао Цзэдун развернул бурную пропагандистскую кампанию, стремясь увлечь за собой партию. Эта кампания оказалась достаточно эффективной: рядовые коммунисты активно включились в борьбу за реализацию утопических планов своего вождя.

Да, они верили Мао, преклонялись перед ним, боготворили его. А как же иначе? Ведь такова была партийная этика. Вождистская партия не могла существовать без культа. Мао олицетворял для них новый Китай, генеральную линию на строительство социалистического общества, светлого будущего всеобщего равенства и изобилия. Он был их мечтой! Понятно поэтому, что для большинства простых коммунистов участие в сплошной коллективизации стало делом чести.

К началу 1956 года Мао Цзэдуну и его сторонникам удалось резко форсировать темпы кооперирования, которое вступило в новый этап — ускоренной коллективизации. Теперь уже планировалось в основном завершить коллективизацию в первой половине 1956 года. Местные партийные кадры искусно использовали эгалитарные настроения бедных крестьян, которые составляли большинство владельцев мелких хозяйств.

Коммунисты все еще пользовались авторитетом в этой среде, и массы бедняков поддерживали их с величайшим энтузиазмом, надеясь, что политика КПК вновь, как и в ходе аграрной реформы, принесет им выгоду. В то же время, используя сталинский опыт, китайское правительство не останавливалось и перед дальнейшим использованием репрессивных методов. В 1956 году оно насильственно прикрепило крестьян к земле. Любые перемещения сельских жителей вне их непосредственных кооперативов были запрещены[110]. Отныне для поездки даже в соседний город или в близлежащий кооператив крестьянину требовалось разрешение деревенских властей.

В итоге аграрный социализм восторжествовал. К июню 1956 года в производственные кооперативы вступили 110 миллионов крестьянских хозяйств (или около 92 процентов), причем 63 миллиона из них стали членами кооперативов высшего типа («социалистических»). Этот процесс продолжался и во второй половине года, охватив производственным кооперированием практически все крестьянство. Одновременно шел процесс укрупнения, слияния мелких кооперативов и преобразования кооперативов низшего типа в кооперативы высшего типа. К концу 1956 года было создано 756 тысяч производственных кооперативов, охвативших более 96 процентов всех крестьянских хозяйств страны, причем в кооперативы высшего типа было объединено около 88 процентов дворов[111].

Это была, безусловно, огромная политическая победа Мао Цзэдуна, но далась она ему большой ценой. В период острой борьбы в КПК, особенно в конце 1955 года, Мао почти совсем потерял сон. Он и раньше страдал от периодической бессонницы и неврозов, а в то время просто не мог сомкнуть глаз по нескольку суток. «Периоды без сна становились все длиннее и длиннее, — пишет его лечащий врач. — Он мог бодрствовать двадцать четыре и даже тридцать шесть и сорок восемь часов. Затем отключался на десять или двенадцать часов беспрерывного сна». Мао в немыслимых дозах принимал снотворное (барбитураты), но оно не помогало. Он страшно уставал, его шатало из стороны в сторону, нестерпимо мучил кожный зуд, донимали головокружения. Но врач был бессилен помочь ему: «Его бессонница была следствием политической баталии»[112].

Завершение коллективизации имело драматические последствия и для страны. Мао Цзэдун и вся партия сделались заложниками невыполнимых обещаний зажиточной жизни, с помощью которых крестьян и других тружеников вовлекли в кооперативы. Не получив обещанного, многие крестьяне начали выражать недовольство[113]. Сам Мао спустя два года, оглядываясь

назад, признал, что кооперирование не разрешило противоречия между КПК и «огромной массой промежуточных элементов»[114]. По данным же советских экспертов, социальная напряженность, которая начала накапливаться после введения хлебной монополии, наоборот, усилилась. «Сельскохозяйственная коллективизация [Китая] встретила противодействие крестьян»[115], — заключили советские экономисты в начале 1957 года. Волнения возникли среди членов вновь созданных кооперативов. Но Мао был убежден, что без мук построить «светлое будущее» нельзя. «Мы, увы, весьма немилосердны! — говорил он. — Марксизм действительно как-то безжалостен, в нем не очень-то много милосердия, ведь он ратует за вымирание и империализма, и феодализма, и капитализма, а также и мелкого производства… Наша цель в том и заключается, чтобы капитализм вымер, чтобы он перевелся на земном шаре, отошел в прошлое. Все исторически возникающее рано или поздно исчезает»[116].

Масштабы крестьянского сопротивления, однако, не шли ни в какое сравнение с тем, что имело место во время коллективизации в Советском Союзе. В целом социализм пришел в китайскую деревню достаточно мирно.

Одновременно в 1955–1956 годах КПК по инициативе Мао Цзэдуна осуществила крупномасштабные социалистические преобразования промышленности и торговли. Эти реформы явились продолжением предыдущих мероприятий 1951–1952 годов, направленных против городской буржуазии (борьба с «тремя» и «пятью» злоупотреблениями). В 1953–1954 годах КПК установила государственный контроль за продажей всех важнейших предметов потребления, резко ограничив сферы рыночной экономики. Государственные промышленные и торговые компании начали вытеснять частные. В своей политике коммунисты использовали различные так называемые «низшие формы» госкапитализма. В определенной степени они повторяли то, что уже проделывал гоминьдановский режим в 1930—1940-е годы. Речь идет о скупке государством продукции частных предприятий, государственных заказах частным предприятиям с принудительной поставкой сырья по фиксированным ценам и т. п. В 1955 году государство поставило под свой контроль около 80 процентов мелких и средних предприятий. Что касается крупных предприятий (более 500 рабочих и служащих), то они через государственные паевые (акционерные) вложения капитала превращались в смешанные государственно-частные предприятия. К середине 1956 года частная собственность была уничтожена в масштабах всей страны[117]. Мао расценил это как победу

социалистической революции в сфере экономики, досрочное выполнение заданий генеральной линии партии; он в то время считал, что генеральная линия была как раз и направлена на разрешение вопроса о собственности[118].

В итоге КПК радикально изменила китайское общество в исторически кратчайшие сроки. Тактика этих преобразований в городах, как и в деревне, оказалась достаточно эффективной и не встретила особенно большой оппозиции со стороны зажиточной части населения. Сопротивление буржуазии было ослаблено решением китайского правительства «выкупить» частную индустриальную собственность. 29 октября 1955 года Мао предложил китайским капиталистам значительные денежные компенсации, полную занятость, а также высокий социальный статус в обмен на обещание не саботировать социалистические реформы. Капиталисты должны были добровольно уступить свою собственность государству[119]. Последующее решение правительства устанавливало, что им будет в течение 7 лет выплачиваться 5 процентов годовых[120]. (Фактически выплаты продолжались даже более длительный срок — до 1966 года.)

Настоящее сопротивление политике КПК оказали, как это ни покажется странным, представители другого социального слоя — рабочего класса. Это, разумеется, было весьма неожиданно для правящей партии, заявлявшей о своей приверженности делу пролетариата. Социалистические преобразования привели к ухудшению материального положения рабочих. Последние потеряли ряд привилегий, которые имели, осуществляя контроль над предпринимателями. Система рабочего контроля была введена на частных предприятиях сразу же после победы коммунистов в 1949 году и на самом деле защищала интересы рабочих. Замена органов рабочего контроля государственными профсоюзами, имевшая место после завершения социализации, привела к понижению уровня жизни работников физического труда. Профессиональные союзы, управляемые государством, защищали правительство, а не рабочих. Последние начали выражать недовольство путем забастовок, которые местные власти смогли подавить с большим трудом. По официальным данным, с августа 1956-го по январь 1957 года в стране произошло свыше 10 тысяч крупных и мелких рабочих стачек и более 10 тысяч забастовок студентов и учащихся[121]. Судя по доступным китайским архивным материалам, рабочие бывших частных компаний в Шанхае были особенно агрессивны. Весной 1957 года «большие беспорядки» в Шанхае охватили 587 предприятий, на которых было занято около 30 тысяч рабочих; менее серьезные волнения произошли на более чем 700 заводах и

фабриках. Около 90 процентов инцидентов имели место на вновь социализированных предприятиях[122]. К концу 1956 года в результате ускоренного промышленного строительства и форсированных социалистических преобразований китайская экономика начала испытывать некоторые экономические трудности, связанные с недостатком сырья, электроэнергии и квалифицированной рабочей силы.

РАСКРЕПОЩЕНИЕ СОЗНАНИЯ

В 1956 году еще одно событие глубоко потрясло Китай, да и весь мир. Новость пришла из Москвы. 25 февраля на закрытом заседании XX съезда Коммунистической партии Советского Союза Хрущев сделал доклад, осуждающий культ личности Сталина. Покойный диктатор был обвинен в бесчисленных преступлениях, включая уничтожение миллионов честных советских граждан. Хрущев заявил, что Сталин допустил серьезные ошибки в начальный период Великой Отечественной войны, нарушил принципы коллективного руководства и создал личную диктатуру. Он говорил о просчетах Сталина в национальной и крестьянской политике, а также в международных отношениях СССР. Ничего не было сказано о сталинском недоверии к Мао Цзэдуну; однако Хрущев говорил об ошибках Сталина в отношениях с Тито[123].

Мао на съезде не было. КПК представлял Чжу Дэ, и именно он первым по телефону сообщил Председателю «потрясающую новость». Мао был ошеломлен. Ведь от имени ЦК китайской компартии он послал приветственное письмо XX съезду, в котором, как всегда, пел хвалу покойному Сталину. В послании говорилось о «непобедимости Коммунистической партии Советского Союза, созданной Лениным и выпестованной Сталиным»[124]. Не менее смущен был и «старина Чжу», огласивший это письмо с трибуны съезда под бурные овации зала. Складывалось впечатление, что Хрущев не заботился о том, как его речь будет воспринята в коммунистическом мире. Ему просто хотелось решить свои проблемы. Иными словами, осуждая сталинизм, новый советский лидер сам вел себя по-сталински, абсолютно не сомневаясь, что сателлиты Москвы «скушают» все, что выйдет из Кремля[125]. Они же «проглотили» немыслимый пакт Молотова — Рибентропа в 1939 году, полностью изменив свое отношение к гитлеровской Германии! Примут и осуждение Сталина!

Немного поразмыслив, Мао подавил в себе первое неприятное чувство. Как бы то ни было, но осуждение кремлевского экс-диктатора раскрепощало его окончательно и бесповоротно. Процесс, начавшийся с визита Хрущева в 1954 году, пришел к логическому завершению[126].

Вскоре поступила и официальная информация от Хрущева, и Мао не мог не отметить, что «сокрушитель Сталина» чувствовал себя не вполне уверенно. Он явно старался завоевать расположение Мао Цзэдуна. Это обрадовало Председателя:

первые впечатления о Хрущеве как о слабом партнере подтверждались. Информируя Мао в частном послании о принятом в отношении Сталина постановлении, первый секретарь ЦК КПСС предлагал помочь китайской стороне в строительстве 51 военного завода и 3 научно-исследовательских институтов. Он выражал готовность содействовать в строительстве железной дороги от города Урумчи в Синьцзяне до советско-китайской границы. Иными словами, старался задобрить. 7 апреля 1956 года личный представитель Хрущева Микоян и китайская сторона подписали соглашения о советской помощи Китаю в возведении 55 новых промышленных предприятий, в том числе по производству ракет и атомного оружия[127].

Все это коренным образом меняло расстановку сил в отношениях между Китаем и СССР. Отныне Мао мог больше совсем не оглядываться на Советский Союз, не чувствовать себя обязанным копировать его опыт. И если в 1955-м — начале 1956 года, проводя такую же, как в СССР, сталинскую коллективизацию, он осмеливался призывать лишь к более высоким, чем советские, темпам кооперирования, то теперь у него была полная возможность нащупать собственный путь развития. Можно было даже попытаться догнать и перегнать Советский Союз, превратив Китай в величайшую индустриальную державу.

После ознакомления с докладом Хрущева, 31 марта 1956 года, Мао пригласил к себе советского посла Юдина, который еще в начале марта вернулся в Китай из Москвы, где принимал участие в работе XX съезда. Юдин и сам хотел встречи с Мао. Этого требовал от посла Хрущев, вновь остро нуждавшийся в поддержке китайской компартии. Мао, однако, долгое время выжидал и, ссылаясь на нездоровье, отказывал Юдину в приеме. И вот наконец принял его. Беседа продолжалась три часа. Мао был в приподнятом настроении и, несмотря на серьезность темы, беспрерывно шутил. Он хотел произвести впечатление человека, умудренного жизненным опытом, спокойно воспринимавшего мировые бури. Было видно, однако, что разговор о Сталине давался ему нелегко.

Прежде всего он сообщил Юдину, что по-прежнему считает своего бывшего ментора «безусловно… великим марксистом, хорошим и честным революционером». Вместе с тем, по сообщению Юдина, он все же признал, что «материалы съезда произвели на него сильное впечатление». Мао подчеркнул, что «дух критики и самокритики и атмосфера, которая создалась после съезда, поможет и нам… свободнее высказывать свои соображения по ряду вопросов. Это хорошо, что КПСС поставила все эти вопросы. Нам… было бы трудно проявить инициативу в

этом деле»[128].

Мао отдавал отчет в том, что говорил. Ведь, как мы видели, коммунистическое движение в Китае на протяжении всей своей истории развивалось при неизменной и почти тотальной идеологической, организационной и политической зависимости лидеров КПК, в том числе самого Мао Цзэдуна, от Москвы. И хотя того, что Мао знал о коварстве Сталина, было вполне достаточно, чтобы после его смерти почувствовать облегчение, он, конечно, не мог решиться открыто осудить «вождя и учителя». Ему, правда, были неизвестны все масштабы сталинского коварства. Он не знал, например, о том, что в 1938 году кремлевский диктатор планировал проведение крупного политического процесса над коминтерновскими работниками. При этом, размышляя о составе его участников, включил в список предполагаемых обвиняемых таких коммунистов, как Чжоу Эньлай, Лю Шаоци, Кан Шэн, Чэнь Юнь, Ли Лисань, Ло Фу, Ван Цзясян, Жэнь Биши, Дэн Фа, У Юйчжан, Ян Шанкунь, Дун Биу и даже Цюй Цюбо, который к тому времени, в 1935 году, был, как мы знаем, уже казнен гоминьдановцами[129]. Именно на этих лиц следователь НКВД Александр Иванович Лангфанг выбивал тогда показания из арестованного в марте 1938 года сотрудника отдела кадров ИККИ Го Чжаотана (Афанасия Гавриловича Крымова)[130]. Вне сомнения делал он это не по собственной инициативе[110]. Показательный коминтерновский процесс Сталин предполагал провести в конце весны 1938 года в дополнение к трем уже состоявшимся — над Зиновьевым и Каменевым, Радеком и Пятаковым, Бухариным и Рыковым. На этот раз главным обвиняемым должен был стать секретарь Исполкома Коминтерна Иосиф Аронович Пятницкий. Ведущие партии отводились и руководящим деятелям Исполкома Коминтерна Бела Куну и Вильгельму Кнорину[131], в то время как китайцы должны были сыграть роли второго плана. Решение о массовых арестах работников коминтерновского аппарата было принято еще в мае 1937 года, и уже 26 мая в час ночи Димитров был вызван к наркому Ежову, который заявил ему: «В Коминтерне орудуют крупные шпионы». Аресты проводились в течение всей второй половины 1937-го и начала 1938 года, однако большинство китайцев, работавших в Москве, не были арестованы. Кто знает, если бы Сталин не отказался от плана организации процесса, возможно, многие видные деятели КПК стали бы его жертвами[111].

Да, он не включил в «черный список» Мао Цзэдуна, но кто скажет, сколько таких списков существовало.

Ничего не зная о готовившемся процессе, Мао в беседе с послом главное внимание уделил вопросам, связанным с

ошибочной сталинской политикой в отношении Китая и китайского коммунистического движения. Он поделился также некоторыми своими обидами, накопившимися за время общения со Сталиным[112]. И в заключение проинформировал Юдина о готовившейся к публикации в «Жэньминь жибао» передовой статье, посвященной вопросу о культе личности в СССР.

Эта статья, написанная Чэнь Бода[132] и отредактированная самим Мао Цзэдуном и некоторыми другим членами и нечленами Политбюро, была опубликована 5 апреля. Она называлась «Об историческом опыте диктатуры пролетариата» и предназначалась широкой общественности, а следовательно, не содержала чрезмерной критики бывшего коммунистического идола. Лидеры КПК и прежде всего сам Мао не хотели, чтобы кто-либо под антисталинским знаменем выступил против их собственной диктатуры. Позже, 28 апреля, на расширенном заседании Политбюро Мао Цзэдун признает, что «мы не собираемся рассказывать… массам» о всем «плохом, что сделал[и] Сталин и III Интернационал»[133]. Не желал пока Мао раскрывать и свои планы, связанные с поиском собственных путей развития. Сталинские заслуги и ошибки суммировались в статье в соотношении 70:30, но Советский Союз тем не менее восхвалялся за «самоотверженную критику… ошибок прошлого».

На следующий день Мао выступил по этому поводу перед личным представителем Хрущева Микояном, прибывшим в Китай с двухдневным визитом 6 апреля. В соответствии с духом статьи он уделил большое внимание критике «серьезных ошибок» Сталина в отношении китайской революции, однако отметил, что «заслуги Сталина перевешивают его недостатки»[134]. Микоян в ответ пригласил Мао приехать в Москву. Но Председатель спросил: «Зачем?» Микоян парировал: «Для вас всегда найдется, что там делать»[135]. Патерналистский тон гостя не понравился Мао.

1 мая во время традиционного парада в День солидарности трудящихся на площади Тяньаньмэнь демонстранты, как и год назад, несли гигантские портреты покойного главы братской страны[136]. То же было и во всех других городах Китая.

На следующий же день Мао по собственной инициативе заехал к Юдину. Он вновь изложил позицию Политбюро по поводу «заслуг и ошибок» Сталина, однако заметил, что теперь ему после последней встречи с Микояном «стало яснее, почему Сталин не доверял ему… Оказывается, Сталин даже своих ближайших соратников Ворошилова, Молотова, Микояна считал чуть ли не иностранными ставленниками»[137]. Главное, однако, ради чего он приехал, заключалось в другом. Мао нанес визит

Юдину, чтобы высказать несогласие с положениями отчетного доклада Хрущева XX съезду о «мирном сосуществовании двух систем» и о «возможности предотвращения войн в современную эпоху». До того Политбюро ЦК КПК ненавязчиво давало понять, что не разделяет лишь содержавшийся в том же докладе тезис о возможности «мирного перехода от капитализма к социализму»[138]. 19 февраля 1956 года в статье о XX съезде, помещенной в «Жэньминь жибао», эта последняя мысль Хрущева была сознательно проигнорирована[139].

Теперь же Мао решил высказаться и по поводу «мирного сосуществования». Сделал он это, правда, весьма завуалированно, не допуская прямых нападок. Просто рассказал послу о том, что в период Троецарствия (220–280 годы) население Китая в результате беспрерывных войн уменьшилось на 40 миллионов человек, а во время восстания Ань Лушаня против Сюаньцзуна, императора династии Тан (755–763 годы), — и того больше. Смысл его выступления заключался в том, что не надо бояться ядерной войны с империализмом. Даже если бы империалистам и удалось захватить европейскую часть СССР и прибрежные районы Китая, рассуждал он, социализм все равно в конце концов победил бы. Ведь империализм, заключил он, не более чем «бумажный тигр»[140]. Это выражение «бумажный тигр» — на китайском языке *«чжилаоху»* — почему-то особенно нравилось ему, и он то и дело употреблял его по разным поводам; даже иногда в шутку называл «бумажным тигром» Цзян Цин[141]. В данном же случае он лишь в завуалированной форме повторил то, что в конце января 1955 года высказал уже послу Финляндии в Китае Карлу Йохаму Сундстрему: «Соединенным Штатам не запугать китайский народ атомным шантажом. Наша страна имеет 600-миллионное население и территорию площадью в 9600 тысяч квадратных километров. Теми ничтожными атомными бомбами, которые есть у США, не уничтожить китайцев… И если США развяжут третью мировую войну, которая продлится, допустим, восемь — десять лет, то результатом ее будет свержение господствующих классов в самих США, а также в Англии и других странах, являющихся их сообщниками, и превращение большей части мира в государства, руководимые коммунистическими партиями… Чем раньше они развяжут войну, тем скорее будут стерты с лица нашей планеты»[142]. Чуть проще он высказался по этому же поводу еще раньше, в октябре 1954 года, в беседе с индийским премьер-министром Джавахарлалом Неру, посетившим КНР с дружественным визитом. «Если твое правительство будет уничтожено атомной бомбой, — „успокоил“ он ошарашенного гостя, — народ создаст новое правительство, и

оно сможет вести переговоры о мире»[143]. Это же он хотел донести теперь и до Хрущева, переоценивавшего, с его точки зрения, мощь американского империализма.

Накануне, в конце апреля Мао Цзэдун выступил на четырехдневном расширенном заседании Политбюро с необычной речью. Произнесенная 25 апреля и озаглавленная «О десяти важнейших взаимоотношениях», она имела далекоидущие последствия. По сути, эта речь ознаменовала важнейший поворот во всем мировоззрении Мао Цзэдуна, отразив новую атмосферу раскрепощения сознания, сложившуюся в КПК. Она в общих чертах определила новый курс партии в деле социалистического строительства, отличавшийся от советской модели. Впервые Председатель подверг опыт СССР жесточайшей критике, открыто призвав идти другим путем. Вот что он сказал: «В нашей работе все еще имеется ряд вопросов, на которых следует остановиться. Особого внимания заслуживают и выявившиеся недавно в Советском Союзе недостатки и ошибки в строительстве социализма. Ведь никому из нас не хочется делать тот крюк, который был совершен Советским Союзом, не правда ли? В прошлом мы учли его опыт и уроки, избежав кое-каких окольных путей; теперь же тем более следует рассматривать его уроки как предостережение для себя»[144]. Было ясно, он начал пересматривать сталинскую модель, полагая ее недостаточно радикальной, а советские темпы развития недостаточно быстрыми.

Мао не представил детальную программу строительства социализма китайского типа, однако обозначил ряд ее стратегических моментов, подчеркнув необходимость следовать принципу «больше, быстрее, лучше и экономнее»[113]. Имелись в виду существенное увеличение капиталовложений в легкую промышленность и сельское хозяйство, быстрое развитие внутренних районов и сокращение инвестиций в оборонную отрасль наряду с ускорением экономического строительства в целом. Мао говорил также об усилении моральных, нежели материальных, стимулов к труду, сокращении сфер хозяйства, находившегося под централизованным бюрократическим управлением, а также о развитии относительно автономных производственных комплексов. Он не скрывал отличие новой стратегии от советской: «[У]читься нужно аналитически и критически, а не вслепую, нельзя все и вся копировать и механически заимствовать… Кое-кто вообще не утруждает себя анализом вещей и явлений и целиком ориентируется на „ветер“. Если сегодня дует ветер с севера [то есть из СССР], они держат нос по северному ветру… Было бы нелепо механически следовать

каждой фразе, в том числе и марксовой… [Т]ам, в чем мы уже разбираемся, не следует во всем идти по чужим стопам… [М]ногие советские люди очень зазнались, высоко задирают нос»[145].

Речь Мао не была опубликована в то время, что неудивительно. Ведь Председатель не только открыто критиковал Советский Союз. Его идеи шли вразрез с экономическими представлениями многих китайских лидеров. Среди них были Лю Шаоци, Чжоу Эньлай[114], Чэнь Юнь и Дэн Сяопин. В конце апреля 1956 года на расширенном заседании Политбюро Чжоу Эньлай, например, открыто полемизировал с Мао, когда тот выступил за увеличение капиталовложений в строительство на 2 миллиарда юаней. Чжоу заявил, что это вызовет напряженность в обеспечении населения товарами первой необходимости, а также чрезмерный рост городского населения. Мао почувствовал себя уязвленным[146] и 2 мая изложил большинство своих новых идей участникам Верховного государственного совещания[147].

В этой ситуации Центральный комитет вынужден был распространить текст его выступления от 25 апреля, но только среди партийных работников высшего и среднего уровня[115]. В то время Чжоу Эньлай, Чэнь Юнь и другие экономисты были заняты подготовкой второго пятилетнего плана, и неортодоксальные идеи Мао были ими не вполне поняты. По существу, они их проигнорировали. Точно так же повели себя Лю Шаоци, Дэн Сяопин и другие «умеренные». У всех них, занятых каждодневными партийными и государственными делами, просто не было времени для дальнейших дискуссий с «великим теоретиком» по поводу его предложений.

Мао обиделся и в середине мая 1956 года вылетел из Пекина на юг, в Кантон, с новой инспекционной поездкой, стремясь, как и прежде, опереться на местные кадры. Жара стояла невыносимая, жителей Кантона донимали москиты. На вилле, где Мао остановился, не было кондиционеров. Но он не спешил возвращаться в Пекин. Ему надо было решить кучу проблем, встретиться с нужными людьми, выяснить их настроения и обеспечить себе поддержку в дальнейшей борьбе с «твердолобыми умеренными». А те в это время, воспользовавшись отсутствием вождя, опубликовали в «Жэньминь жибао» передовую статью с критикой «волюнтаризма» и «слепого забегания вперед». Реакция Мао была трогательно детской: «Читать не буду. Зачем я буду читать статью, в которой меня ругают?»[148]

Как же он, похоже, устал от этих «зомби с психологией рабов», полностью лишенных «смелости и веры в свои силы»! Нет, надо было им доказать, что он сильнее их всех!

И он решил осуществить давнюю мечту: переплыть три великих реки — Чжуцзян в Кантоне, Сянцзян в Чанше и Янцзы в Ухани. Пловец он был и вправду отменный, но то, что пришло ему в голову, выглядело как настоящая авантюра. Каждая из этих рек необычайно широка, в Янцзы же, кроме того, много водоворотов, да и течение ее стремительное. Но убеждать его изменить решение было пустой тратой времени. В конце мая 1956 года он погрузился в мутные воды Чжуцзяна, ширина которого достигала ста метров! «Вода… была грязной, — вспоминает его лечащий врач, которому по долгу службы пришлось плыть с ним. — Порой по поверхности проплывали кусочки человеческих испражнений. Однако это совершенно не беспокоило Мао. Он плыл на спине, а его огромный живот, слово шар, возвышался над поверхностью воды. Ноги его были расслаблены, как будто он отдыхал на диване. Его несло течением, и он лишь изредка работал руками или ногами, чтобы скорректировать направление движения»[149]. За два часа вниз по течению он проплыл более десяти километров. Вскоре после этого он покинул Кантон и направился в Чаншу, где дважды переплыл двухсотметровую Сянцзян, не отличавшуюся от Чжуцзяна чистотой. Восторгу его не было предела! «Река Сянцзян — очень узкая! — кричал он. — Я хочу плавать в Янцзы. Вперед к реке Янцзы!»[150]

В начале июня Мао наконец приехал в Ухань. И вскоре, сопровождаемый четырьмя десятками телохранителей, был уже на берегу знаменитой реки. Переплыть ее он, правда, не смог: это было бессмысленное занятие. Мощность потока была так велика, что Мао просто понесло по течению. Поэтому, как и в водах Чжуцзяна, он просто отдался потоку, который пронес его более тридцати километров. И все же он был несказанно счастлив, тем более что готовые на все журналисты тут же разнесли «благую» весть о покорении великой реки «нашим любимым кормчим»! За несколько дней, что он провел в Ухани, Мао плавал в Янцзы три раза[151]. «Нет такого, что нельзя сделать, — говорил он после этого с пафосом, — если со всей серьезностью относиться к делу»[152]. Было понятно, что эти слова относились к «умеренным» из Политбюро.

Воодушевленный, он вновь обратился к музе:

Я пил чаншаскую воду
И рыбу учанскую ел[116].
И реку Янцзы переплыл я,
Взирая на небо Чу[117].
Пусть ветер ревет и волны

Вздымаются. Все ж так лучше,
Чем во дворе закрытом гулять одному в тиши.
Сегодня глотнул я свободы!
Конфуций сказал когда-то, смотря на речные волны:
«Вот так же и вся природа течет бесконечно вдаль».

Мачты качает ветер,
Но тихи Змей с Черепахой,
Мы же большие планы выдвинули сейчас.
Мост поплывет и свяжет южный и северный берег[118].
Глубокий канал превратится в широкий и длинный проспект.
Каменная плотина на западе реку стиснет,
Тучи и дождь Ушаня не будут нам больше страшны[119].
Горные пики вровень с озером чистым встанут.
И если жива Богиня,
Мир новый ее удивит![153]

В Пекине, однако, его ждало новое разочарование. «Умеренные» из Политбюро, в том числе Лю Шаоци и Дэн Сяопин, занимавшиеся подготовкой VIII съезда партии, были готовы поставить на этом форуме вопрос о культе личности. Атмосфера в Пекине накалялась, и Мао на какое-то время удалился от дел в тихий курортный городок Бэйдайхэ на берегу Желтого моря. Своим оппонентам он дал карт-бланш, решив испытать их по полной программе. «Хотите показать, на что вы способны? Ну что ж, давайте! Мы поглядим» — так, похоже, рассуждал он, вновь применяя свою излюбленную тактику: «враг наступает — мы отступаем; враг остановился — мы тревожим; враг утомился — мы бьем; враг отступает — мы преследуем». Не зря же одним из его псевдонимов был Дэшэн, что означает «отступить во имя победы»! В конце лета он объявил своим «сотоварищам», что собирается оставить пост Председателя КНР по «состоянию здоровья», сохранив за собой только должность Председателя ЦК КПК[154].

Лю Шаоци и некоторые другие члены Политбюро, не желая игнорировать Мао, тоже отправились в Бэйдайхэ. Председатель по-прежнему оставался для них вождем. Все, чего они от него хотели, так это чуть больше коллективного руководства. Но с этим-то как раз Мао не мог согласиться. Он был убежден: в условиях хрущевской оттепели, грозившей Китаю да и всему делу социализма самыми непредсказуемыми последствиями, КПК обязана была, как никогда, сплотиться вокруг него.

В этой обстановке борьбы двух мнений и был созван VIII съезд. Его официальные заседания проходили с 15 по 27 сентября 1956 года в Пекине. 1026 делегатов с решающим голосом и 107 с совещательным представляли почти 10 миллионов 730 тысяч членов партии. Формальным заседаниям предшествовали закрытые обсуждения (так называемое подготовительное совещание) с 29 августа по 12 сентября. Именно в ходе этих обсуждений были определены все основные решения форума. За закрытыми дверями делегаты обсудили и приняли проекты всех резолюций и тексты всех основных докладов и выступлений. Они также скоординировали кадровые вопросы.

Все это время Мао был весьма осторожен. По-прежнему испытывая своих оппонентов, он не вел заседаний и не произнес ни одного доклада. Наиболее активные роли исполняли Лю Шаоци, Чжоу Эньлай и Дэн Сяопин. Сам же Мао демонстрировал «скромность». Собравшихся он приветствовал только двумя короткими выступлениями, один раз на заседании подготовительного совещания 30 августа и второй раз при открытии съезда 15 сентября[155]. В то же время все, что можно было предпринять для популяризации своих идей, он делал. В частности, в обеих коротких речах вернулся к идеям «Десяти важнейших взаимоотношений», а корректируя проект политического отчета ЦК, с которым должен был выступить Лю Шаоци, добавил следующий абзац: «Понятно, что китайская революция и [социалистическое] строительство в Китае — дело рук прежде всего самого китайского народа. Потребность в иностранной помощи второстепенна. Совершенно неправильно, потеряв веру, полагать, что ты сам ничего не можешь сделать, неправильно считать, что судьба Китая не находится в руках самих китайцев, полностью полагаясь на иностранную помощь»[156]. Сознательно демонстрируя неприятие советского патернализма, Мао даже отказался присутствовать на заседании съезда 17 сентября, на котором выступал представитель Хрущева Микоян[157].

Однако основная тональность съезда была другой. Делегаты под руководством Лю Шаоци, Чжоу Эньлая и Дэн Сяопина отдали должное советской модели, поддержав только те социальные эксперименты Мао, которые были направлены на ускоренное осуществление сталинизации. Съезд официально провозгласил, что «пролетарско-социалистическая революция» в Китае в основном увенчалась победой. Все выступавшие с энтузиазмом восхваляли итоги социалистической перестройки деревни и города.

Но главное заключалось в том, что съезд принял решения,

которые должны были быть особенно болезненны для Мао. В новой атмосфере, созданной речью Хрущева, делегаты согласились на удаление из устава партии положения о том, что «путеводной звездой» китайской компартии являются «идеи Мао Цзэдуна». Оно было заменено следующей формулировкой: «Коммунистическая партия Китая в своей деятельности руководствуется марксизмом-ленинизмом»[158]. В докладе «Об изменениях в уставе партии» Дэн Сяопин сделал особое ударение на необходимости бороться «против выпячивания личности, против ее прославления»: «Наша партия… отвергает чуждое ей обожествление личности». Он, правда, отметил, что Мао Цзэдун играет большую роль в борьбе с культом личности в КПК, однако в эти слова можно было поверить с большим трудом[159]. Съезд восстановил пост Генерального секретаря ЦК, что также было весьма знаменательно. И хотя воссоздать его предложил сам Мао Цзэдун[160], получил эту должность человек Лю Шаоци, а именно сам Дэн Сяопин. Тем самым непосредственный контроль за партийными кадрами оказался в руках группировки «умеренных». Оппоненты волюнтаристских экспериментов Мао подготовили и резолюцию съезда по отчетному докладу Лю Шаоци, вписав в этот документ тезис о том, что отныне после построения социалистического общества «главными противоречиями внутри нашей страны стали противоречие между требованием народа построить передовую индустриальную страну и нашим отсталым состоянием аграрной страны, а также противоречие между быстро растущими экономическими и культурными потребностями народа и неспособностью современной экономики и культуры нашей страны удовлетворить эти потребности народа»[161]. После съезда, в ноябре 1956 года, на совещании работников министерства торговли заместитель премьера Чэнь Юнь и некоторые другие экономисты говорили о необходимости разумного сочетания экономического строительства и улучшения жизни народа[162].

Понятно, что Мао Цзэдун не мог быть удовлетворен многими решениями съезда. И вопрос о культе личности был одним из наиболее неприятных. Вскоре после съезда он решил перейти в контратаку. Принимая тогда делегацию Югославского союза коммунистов, он как бы между прочим заметил, что «немного людей в Китае открыто критиковали меня. Люди терпят мои недостатки и ошибки. Это потому, что мы всегда хотим служить народу и делать хорошие дела для людей». Эти слова прозвучали предупреждением оппонентам Мао, тем более что Председатель объяснил, что «боссизм» не является реальной проблемой Китая. Он также добавил: «[К]огда некоторые люди меня критикуют,

другие выступают против них, обвиняя их в неуважении к вождю»[163]. Тогда же в кругу близких людей он стал высказывать едкое недовольство антисталинской политикой Хрущева. «Сталина можно было критиковать, но не убивать», — заметил он с раздражением своему переводчику Ли Юэжаню. «Хрущев недостаточно зрел для управления такой большой страной», — бросил он в сердцах другому переводчику Янь Минфу. Такие люди, как Хрущев, «не преданы марксизму-ленинизму, у них нет аналитического подхода, им не хватает революционного духа»[164], — говорил он другим своим соратникам.

Быстро реагирующий на малейшие изменения политического климата Чжоу Эньлай 1 октября 1956 года изложил новую, критическую, позицию Мао в отношении культа личности члену ЦК КПСС Борису Николаевичу Пономареву, присутствовавшему на VIII съезде. Чжоу подверг КПСС критике за «ошибки», совершенные при развенчании Сталина: во-первых, по его словам, «с братскими партиями не было проведено предварительных консультаций»; во-вторых, «отсутствовал всесторонний исторический анализ», и, наконец, руководящие товарищи из КПСС «не проявили самокритики»[165].

Резкому усилению культовых настроений в китайском руководстве, а соответственно укреплению позиций Мао, способствовали антисталинские выступления 1956 года в Польше и Венгрии. В октябре 1956 года новый коммунистический руководитель Польши, бывший заключенный сталинского ГУЛАГа Владислав Гомулка, пришедший к власти на волне выступлений рабочего класса, исключил сталинистов из Политбюро. Среди них был и министр национальной обороны Польши и заместитель председателя Совета министров ПНР советский маршал Константин Константинович Рокоссовский, назначенный на эти посты Сталиным. Антисоветские настроения, и без того сильные среди поляков, стали стремительно распространяться. Между тем в Венгрии в результате демократического переворота власть в правительстве перешла к популярному в народе коммунисту-либералу Имре Надю. Кризис социализма в Восточной Европе был, разумеется, спровоцирован выступлением Хрущева против Сталина.

Мао это отлично понимал и своего недовольства действиями Хрущева не скрывал. 23 октября около часа ночи он вызвал к себе в Чжуннаньхай посла Юдина, которому в присутствии Лю Шаоци, Чжоу Эньлая, Чэнь Юня и Дэн Сяопина, то есть всего руководящего состава Политбюро, раздраженно заметил, что русские совершенно отбросили Сталина как меч. В результате, добавил он, враги подняли этот меч, чтобы убивать коммунистов.

Это то же самое, продолжал он, как если бы, подняв камень, бросить его себе на ноги. Особенно беспокоила его ситуация в Польше, казавшаяся более напряженной, чем в Венгрии. До него дошли известия о том, что Хрущев собирается применить силу против Гомулки, и он этого допустить не хотел. Советская интервенция против поляков могла взорвать весь соцлагерь. За час до встречи с советским послом он провел в Чжуннаньхае расширенное заседание Политбюро, на котором обозначил свою позицию следующим образом: «СССР готов осуществить вооруженную интервенцию в Польше, нарушив тем самым элементарные правила международных отношений. Это — настоящий великодержавный шовинизм». Все присутствовавшие поддержали Мао, заявив о необходимости решительно осудить вероятное вооруженное вмешательство СССР в дела Польши. Это Мао Цзэдун и довел до сведения Юдина. При этом злобно добавил: «Если вы не прислушаетесь к нашему совету, ЦК КПК и китайское правительство открыто осудят вас»[166].

В ту же ночь Мао, Лю, Чжоу и Дэн приняли решение помочь руководителям КПСС в урегулировании ситуации. Сделали они это в ответ на телеграмму о «необходимости посовещаться», которая пришла в адрес ЦК КПК из Москвы еще 21 октября. Аналогичные просьбы Хрущев направил тогда же центральным комитетам компартий Чехословакии, Болгарии и ГДР[167]. 23 октября китайская делегация в составе Лю Шаоци, Дэн Сяопина, Ван Цзясяна, являвшегося в то время заведующим отделом международных связей ЦК, и члена Секретариата ЦК Ху Цяому вылетела в Москву[120].

Провела она там одиннадцать дней. С 23 по 31 октября Лю и другие вели переговоры с Хрущевым, Молотовым и Булганиным на бывшей сталинской даче в Липках. Несколько раз Хрущев приглашал Лю Шаоци на заседания Президиума ЦК КПСС. В первый же вечер Лю Шаоци довел точку зрения Мао об «отброшенном мече» и «великодержавном шовинизме» до Хрущева, который вынужден был все это проглотить[168]. К тому времени советское руководство само уже отказалось от вторжения в Польшу[169]. И главное, что сейчас его беспокоило, было положение в Венгрии. Обстановка там резко обострилась именно 23 октября. В Будапеште началась настоящая народная революция. Так что в центр дискуссий Хрущева и Лю встал именно венгерский вопрос. Лю беспрерывно советовался с Мао, и тот первоначально рекомендовал Хрущеву придерживаться такой же, как в Польше, миролюбивой позиции. Он считал, что «рабочий класс Венгрии» сможет самостоятельно «восстановить контроль над ситуацией и усмирить восстание своими

силами»[170]. Но все изменилось во второй половине дня 30 октября. Именно тогда Мао получил информацию от своего посла в Венгрии, а также от Лю Шаоци о самосуде над офицерами госбезопасности, имевшем место в Будапеште[121], и его терпение лопнуло. Пускать дело на самотек, решил он, было нельзя: переворот в Венгрии, казалось, отличался от либерально-коммунистических реформ Гомулки; он мог коренным образом повлиять на обстановку во всем социалистическом лагере. Мао тут же позвонил Лю Шаоци, который передал Хрущеву и другим членам Президиума ЦК КПСС новую точку зрения Мао: «[Советские] войска должны остаться в Венгрии и Будапеште». Это означало «добро» на подавление венгерского демократического движения.

Одновременно Мао и Лю оказали давление на Президиум ЦК КПСС, потребовав от него принятия специальной «Декларации об основах развития и дальнейшего укрепления дружбы и сотрудничества между Советским Союзом и другими социалистическими странами». Сделали они это для того, чтобы пресечь дальнейшие проявления советского великодержавного шовинизма в отношении социалистических стран. Именно этот шовинизм они считали одной из главных причин возникновения «нездоровой» ситуации в Восточной Европе. В декларации говорилось: «Страны великого содружества социалистических наций могут строить свои взаимоотношения только на принципах полного равноправия, уважения территориальной целостности, государственной независимости и суверенитета, невмешательства во внутренние дела друг друга»[171].

А вечером 31 октября уже в аэропорту, провожая китайскую делегацию, Хрущев, явно приняв во внимание изменившуюся позицию Мао, объявил Лю Шаоци, что Президиум ЦК КПСС решил «навести порядок в Венгрии». «Споров не возникло, — вспоминал он позднее, — Лю Шаоци сказал, что, если в Пекине подумают по-другому, он нас известит»[172]. Но Мао не изменил своей позиции. В итоге советский лидер решил действовать «на всю катушку», тем более что вскоре стало известно о том, что венгерское правительство обратилось к западным странам и папе римскому за помощью, объявив о намерении вывести Венгрию из Варшавского договора. 4 ноября советские танки вошли в Будапешт.

Несмотря на это, Мао Цзэдун и другие руководящие деятели Китая были глубоко потрясены самим фактом либерально-демократического движения в странах социализма. В середине ноября 1956 года, на 2-м пленуме ЦК КПК восьмого созыва, Мао развил идеи об «отброшенном мече». Его атаки на СССР не имели

прецедента. Не в силах сдержать негодования, он заявил даже о том, что некоторые советские руководители «в известной мере… отбросили и Ленина как меч». Более того, очертил новую сферу разногласий с Москвой, впервые начав открыто критиковать тезис Хрущева о возможности «мирного перехода от капитализма к социализму». «В докладе Хрущева на XX съезде КПСС говорится, что можно взять власть парламентским путем. Это значит, — подвел черту Мао, — что другим странам больше не надо учиться у Октябрьской революции. С открытием этой двери ленинизм уже в основном отброшен»[122].

Полемика, которую он развернул, была, конечно, откровенно надуманной: никто ведь не мог предсказать будущее. Тем не менее с тех пор вплоть до конца 1970-х годов советские и китайские руководители будут обострять дискуссию о возможности «мирного перехода от капитализма к социализму».

Высказал Мао претензии и к руководству ряда восточноевропейских стран, основная проблема которых, как он считал, заключалась в том, что их коммунисты не вели у себя дома как следует классовую борьбу. Вследствие чего в этих странах «не была искоренена масса контрреволюционеров»[173].

Воспользовавшись ситуацией, он постарался в то время вновь протолкнуть идею о дальнейшем ускорении темпов экономического развития КНР, возобновив атаку на группу «умеренных», по-прежнему ориентировавшихся на советский экономический опыт. «Что-то хорошее было и в XX съезде КПСС, — отметил он в этой связи накануне пленума. — А именно: [съезд] вскрыл истинное положение вещей, раскрепостил сознание, привел к тому, что люди перестали считать, что все, что сделано в Советском Союзе, — абсолютная истина, которая не подлежит изменению, а должна приниматься к исполнению. Нам надо самим шевелить мозгами, решая проблемы революции и строительства в нашей стране»[174].

На самом же пленуме он призвал к проведению в следующем году новой кампании «за упорядочение стиля» КПК, вновь раскритиковав «умеренных»[175]. Он не назвал их главных представителей поименно, но делегаты поняли, что имелись в виду Лю Шаоци, Чжоу Эньлай и Чэнь Юнь, которые выступали на пленуме с основными докладами[176]. Неудовольствие Мао вызвал тот факт, что Лю, Чжоу и Чэнь попытались обосновать курс на «временное отступление» в сфере промышленного строительства, опасаясь «перегрева экономики»[177]. Но больше всего его раздражало, что Лю и Чжоу связали в своих докладах события в Восточной Европе с «просчетами» польских и венгерских руководителей в экономической политике, в особенности с их

настойчивыми попытками форсировать темпы индустриализации и коллективизации[178]. Характерно, что в день открытия пленума, 10 ноября, «Жэньминь жибао» опубликовала статью, в которой в соответствии с идеями Лю и Чжоу заявлялось, что венгерские руководители ошибочно подстегивали индустриализацию и насильственно провели коллективизацию крестьянства. И хотя все выступавшие на пленуме, включая «умеренных», разделяли негодование Мао по поводу «ошибок» советского руководства, Председатель остался недоволен.

Еще в начале ноября он высказал мысль о необходимости подготовить новую статью о Сталине — «в особенности с учетом венгерских событий»[179]. И в декабре Политбюро дало соответствующее задание редакции «Жэньминь жибао». Было подготовлено шесть вариантов. Все они обсуждались на расширенном заседании Политбюро. Мао внес ряд исправлений, наиболее существенным из которых являлось исключение следующей фразы из шестого проекта: «Быстрый прогресс в деле социалистического строительства Китая в большой мере является результатом изучения советского опыта». В то же время он написал на полях: «Будущее покажет, был ли курс, взятый в строительстве Китая, верным. Сейчас этого сказать нельзя»[180]. Статья, озаглавленная «Еще раз к вопросу об историческом опыте диктатуры пролетариата», была опубликована 29 декабря 1956 года. В ней критика в адрес Сталина значительно ограничивалась. И если в первой, апрельской, публикации говорилось о «великих заслугах» советского народа и КПСС в истории человечества, то в новой статье подчеркивались «великие заслуги» Сталина «в деле развития Советского Союза и… международного коммунистического движения».

После этого, в январе 1957 года, Мао направил в СССР, Польшу и Венгрию делегацию во главе с Чжоу Эньлаем[181]. В ее задачу входило содействие дальнейшему урегулированию проблем, связанных с восточноевропейским кризисом. Чжоу Эньлай должен был еще раз объяснить Хрущеву, что «те в Советском Союзе, кто вновь захочет проводить [политику] великодержавного шовинизма, неминуемо столкнутся с трудностями». «Эти люди, — сказал Мао Чжоу Эньлаю, — ослеплены жаждой наживы. Лучший способ справиться с ними, это устроить им головомойку».

И Чжоу энергично последовал «совету» Мао, хотя до того придерживался уклончивой позиции в вопросе об отношении к СССР. Встретившись с Хрущевым, Булганиным и Микояном, которые оказали ему «великолепный и грандиозный прием», он уже на второй день перешел в атаку. Начал он с того, что

изложил им новую позицию своего Политбюро в вопросе о Сталине, обратив внимание на недавнюю статью в «Жэньминь жибао». Но, как позже он докладывал Мао, все трое заявили, что «критика Сталина», содержавшаяся в этой статье, «вызвала их неудовлетворение (или поставила в трудное положение, я не могу вспомнить, как они точно выразились)»[182].

Тем не менее, почувствовав опасность, Хрущев попытался смягчить свою позицию в отношении Сталина. 17 января 1957 года, выступая с приветственной речью на приеме в посольстве КНР по случаю приезда делегации Чжоу, он неожиданно опять стал говорить о Сталине. По словам корреспондента «Правды» Льва Петровича Делюсина, стоявшего недалеко от него, он был сильно пьян и часто оговаривался[183]. Но главную мысль все же смог донести до окружающих. Она заключалась в том, что советские коммунисты по-прежнему «сталинисты». «Мы критиковали Сталина не за то, что он был плохим коммунистом, — сказал Хрущев. — …Имя Сталина неотделимо от марксизма-ленинизма»[184].

Чжоу, однако, это не тронуло. Вот что он докладывал позже Мао Цзэдуну: «Произнеся целый ряд неприличных слов [что Чжоу имел в виду, остается только догадываться], он не выступил с самокритикой. Мы же надавили на него, спросив… почему товарищи, особенно члены Политбюро, работавшие со Сталиным, отказываются брать на себя долю ответственности?» На это Хрущев и Булганин просто ответили, что они боялись расстрела, а потому и «не могли ничего сделать, чтобы урезонить Сталина или предотвратить его от ошибок». Однако Чжоу продолжал настаивать на своем: «Я… выразил убеждение нашей китайской партии в том, что открытая самокритика не только не повредит, но и укрепит доверие к партии и ее авторитет». Подводя, однако, черту под всем сказанным, Хрущев уже в аэропорту, «перед тем как выйти из машины», объяснил Чжоу, что «они не могут заниматься такой же самокритикой», как китайские коммунисты, а «если они будут это делать», то «их ждут неприятности»[185].

Мао на это отреагировал достаточно взвешенно. И хотя не изменил негативного отношения к Хрущеву, которого по-прежнему считал «дураком», тем не менее дал распоряжение не допускать «перегибов» в пропаганде. «В будущем, — указал он, — мы всегда будем осторожными и скромными, хорошенько пряча хвосты между ног. Нам все еще надо учиться у Советского Союза. Но мы будем учиться у них избранно: воспринимать только хорошее, избегая в то же время плохого»[186]. Несмотря на это, в конце января — начале февраля 1957 года он усилил нападки на Советский Союз в ряде закрытых выступлений[187]. Тогда же в

закрытых информационных вестниках стало появляться большое количество негативной информации о жизни в СССР, о советской внешней политике, особенно накануне Великой Отечественной войны (вторжении в Польшу, Финляндию, Румынию и Чехословакию)[188].

В конце февраля, однако, он несколько сбавил волну критики. Выступая с открытой речью «О правильном разрешении противоречий внутри народа» на расширенном заседании Верховного государственного совещания 27 февраля, он вновь призвал «серьезно изучать передовой опыт Советского Союза». Правда, он уточнил, что имел в виду только тот опыт, который соответствует условиям Китая[189]. 17 марта в беседе с руководящими работниками города Тяньцзиня Мао объяснит, что особое ударение ставил на слове «передовой»[190]. Советская тема, правда, не была для него главной в то время. Своей речью на совещании Мао заложил теоретические основы пересмотра политического и экономического курсов VIII съезда. Вновь через голову высших партийных органов он апеллировал к *ганьбу* среднего звена: именно такого рода функционеры присутствовали на совещании. Он старался завоевать их на свою сторону, рассуждая, хотя и кратко, о дальнейшем ускорении модернизации. Его речь была непоследовательной: с одной стороны, он подтвердил победу социализма, с другой — выразил сомнение в способности партии превратить страну в великую военную и экономическую державу в исторически короткое время. С тем чтобы вдохнуть в партию новые силы, он призвал массы непартийных, в особенности членов «демократических» партий и других интеллигентов, выступить с критикой марксизма и членов КПК, дать смелую и честную оценку партийной политике. Он выступил за развертывание широкого идеологического движения, которое было бы направлено против бюрократизма. На самом же деле он надеялся направить критику снизу против своих оппонентов в коммунистическом руководстве. Предполагалось, что кампания развернется под лозунгом «Пусть расцветают сто цветов, пусть соперничают сто школ»[191].

Этот лозунг был впервые выдвинут Мао еще в декабре 1955 года на заседании Политбюро, но в то время не был реализован из-за оппозиции партийного аппарата и скептического отношения к нему интеллигенции[192]. Теперь же Мао предпринял еще одну попытку навязать эту кампанию. Хотя речь его и не была опубликована вплоть до июня, Центральный комитет уже 27 апреля 1957 года принял меры к выполнению указаний Мао, положив их в основу «Решения о движении за упорядочение стиля». Это решение стало программой обновления КПК, которая,

как считал Мао, была слишком консервативной и забюрократизированной, а потому неспособной воспринять его радикальные политические и экономические принципы. Внутрипартийные «бюрократизм, субъективизм и сектантство» стали объектами наиболее суровой критики.

10 мая 1957 года ЦК опубликовал новое решение, призывавшее партийные кадры вернуться к популистской практике «яньаньского пути», с тем чтобы преодолеть нынешние «буржуазные замашки». «Яньаньский путь» подразумевал гармонические отношения между кадрами партии и массами, что, по мысли Мао, было характерно для обстановки периода антияпонской войны 1937–1945 годов. В качестве средства возрождения «яньаньского духа» ЦК предлагал, чтобы все *ганьбу* вне зависимости от их положения отдавали определенное количество времени физическому труду вместе с рабочими и крестьянами[193]. Накануне нового и беспрецедентного подъема в области экономического и социального строительства партия должна была быть готова полностью пересмотреть традиционный советский опыт общественного развития.

В мае 1957 года новая кампания «ста цветов» была официально развернута. Мао, похоже, даровал населению полную свободу слова: он выступал теперь за идеологический и политический плюрализм. С начала мая 1957 года на протяжении почти месяца все китайские газеты и другие средства массовой пропаганды были открыты для тех, кто выражал критические взгляды по политическим вопросам. Многие, однако, начали критиковать не «отдельные ошибки», а всю систему коммунистической диктатуры. Сама идеологическая основа КПК, марксизм-ленинизм, оказалась под огнем интенсивной критики. Такие члены демократических партий, как Чжан Найци, Чжан Боцзюнь и Ло Лунцзи были особенно активны. Их антикоммунистические статьи вызывали сочувствие многих университетских преподавателей. Волнения охватили студенческую молодежь.

Руководство КПК и сам Мао явно не ожидали такого накала страстей. Они не были готовы к настоящей дискуссии с оппонентами, которые, как выяснилось, пользовались достаточной популярностью. Мао, похоже, ошибся в своих расчетах. Интеллигенция не столько помогла ему, сколько продемонстрировала свое неприятие коммунизма. Другого пути, кроме как остановить кампанию, не было. 8 июня по инициативе Мао Центральный комитет принял «Указания об организации сил для контрнаступления против правых элементов». Свобода слова была ликвидирована, и коммунисты вернулись к прежним

методам политического и идеологического террора. В тот же день «Жэньминь жибао» в редакционной статье попыталась объяснить такой неожиданный поворот следующим образом: «С 8 мая по 7 июня наша газета и вся партийная печать по указанию ЦК почти не выступала против неправильных взглядов. Это было сделано для того, чтобы… ядовитые травы могли разрастись пышно-пышно и народ увидел бы это и содрогнулся, поразившись, что в мире существуют такие явления. Тогда народ своими руками уничтожил бы всю эту мерзость». По сути дела, газета призналась в организации крупномасштабной политической провокации.

Развернулась новая, невиданная еще по размаху, репрессивная кампания против интеллигенции. Впервые в истории Китайской Народной Республики ярлыки «правых буржуазных элементов» были приклеены миллионам образованных людей. Около полумиллиона были заключены в «лагеря трудового перевоспитания»[194]. Не все они критиковали режим, многие были лояльны к новой власти, но пали жертвами интриг и «логики классовой борьбы».

Атмосфера страха помогла Мао одолеть своих основных оппонентов в сфере экономического строительства, и в первую очередь Чжоу Эньлая. В конце лета 1957 года Мао атаковал Чжоу, заявив, что последний допустил серьезные ошибки при попытках сбалансировать экономическое развитие Китая. Председатель заявил, что ему самому «по душе авантюризм» и что он не боится нарушить баланс, с тем чтобы ускорить переход Китая к социализму и коммунизму. Мао даже предложил заменить Чжоу, назначив на его место главу Шанхайского бюро ЦК Кэ Цинши. Чжоу согласился уйти в отставку, но другие члены Политбюро выступили против этого[195].

Осенью 1957 года 3-й расширенный пленум ЦК КПК подвел некоторые итоги массовых политических кампаний. Он расценил их как весьма успешные. Даже Мао был удовлетворен. «Никто меня не опровергал, я взял верх и воспрял духом, — скажет он некоторое время спустя. — …III, сентябрьский, пленум ЦК 1957 года воодушевил нас. Партия и весь народ довольно четко определили направление развития»[196]. К концу пленума Мао решил ослабить движение «за упорядочение стиля». Теперь он мог обратиться к партии с символическим вопросом: «Сможем ли мы, избежав тех окольных путей, которыми прошел Советский Союз, добиться более быстрых темпов и более высокого качества, чем в Советском Союзе?» Ответ был предопределен: «Мы должны постараться реализовать эту возможность»[197].

Именно на этом пленуме Мао впервые заговорил о возможности колоссального роста сельскохозяйственного

производства, предложив восстановить забытый лозунг «больше и быстрее». «Если мы будем тщательно обрабатывать землю, наша страна станет страной самой высокой урожайности в мире, — заявил он. — Уже сейчас… есть уезды, где собирают по тысяче цзиней[123] зерна (с одного му). Можно ли показатели 400, 500, 800 повысить соответственно до 800, 1000, 2000? Я думаю, можно… Я раньше тоже не верил в то, что человек может полететь на Луну, а теперь поверил»[198].

Поверить его заставила не только собственная склонность к авантюризму («я такой уж человек, что несколько авантюристически подхожу [к оценке событий]», — любил говорить Мао), но и запуск Советским Союзом 5 октября 1957 года первого искусственного спутника Земли. Хоть Мао Цзэдун и считал по-прежнему, что Советскому Союзу не следовало во всем подражать, но вывод на орбиту спутника потряс его. Для него это, правда, явилось не столько показателем мощности СССР, сколько свидетельством преимуществ социализма вообще. Ведь американцы с их 100 миллионами тонн стали «до сих пор даже одного клубня батата еще не запустили в небо», — радовался он, втайне мечтая о том, как и его страна прорвется в космос[199].

А движение против «правых» продолжало набирать обороты. В стране развернулась борьба с теми партийными кадрами, кто действовал по принципу «три много» и «три мало»: много говорил, мало раскрывал контрреволюционеров; много либеральничал, мало выявлял «пролезших в революционные ряды», много разоблачал в низах, мало — в руководящих органах. В парторганизациях развернулось соревнование: кто больше выявит скрытых «правых», сверху в парткомы стали спускать разнарядки, указывая точное число тех, кого надо было призвать к ответу. По всей стране были вывешены плакаты, требовавшие расправы над «правыми».

Между тем Мао получил приглашение от Хрущева прибыть на празднование 40-й годовщины Октябрьской революции, после которого в Москве планировалось провести совещание представителей коммунистических и рабочих партий. Участие Мао Цзэдуна как в торжествах, так и в совещании было для Хрущева в высшей степени важным. Ведь московский съезд коммунистов должен был продемонстрировать «монолитное единство» социалистического лагеря, объединенного вокруг идеалов «Великого Октября».

Подумав, Мао решил второй раз посетить Советский Союз. Ему хотелось «съездить в Москву. В Китае кампания против правых развивалась на всю катушку, и он был полон энергии», — пишет один из близких к нему людей[200]. Хрущев был очень рад

этому и даже прислал за ним и членами его делегации два самолета Ту-104.

2 ноября в 8 часов утра Мао и сопровождавшие его лица, в том числе госпожа Сун Цинлин, Дэн Сяопин[124] и Пэн Дэхуай, вылетели из Пекина.

Накануне отъезда Мао спросил своего переводчика Ли Юэжаня:

— А как будет по-русски *«чжилаоху»*?

— Бумажный тигр, — ответил тот.

Мао повторил то же выражение на английском с сильным хунаньским акцентом и рассмеялся[201]. К визиту на саммит вождей коммунизма он был готов.

На Внуковском аэродроме гостей встречал сам Хрущев, добрый, вальяжный и сытый. С ним были Ворошилов, Булганин и Микоян, а также толпа руководителей поменьше рангом. Все они излучали радушие. За несколько месяцев до того, в июне, Хрущев разгромил «антипартийную» группу Молотова, а потому опять нуждался в поддержке Мао. До него доходило недовольство китайских руководителей его «самоуправством», но он старался не придавать этому большого значения. Тем более что перед самым приездом делегации КНР член Президиума ЦК КПСС Аверкий Борисович Аристов, посетивший Китай в сентябре — октябре 1957 года, говорил ему, что Мао в беседах с ним неизменно подчеркивал «единство КНР и СССР». Глава КПК, правда, выразил недоумение по поводу июньских событий, но это было сделано как бы вскользь. «Мы всегда с вами, — сказал он Аристову, — но иногда при решении некоторых вопросов не следует спешить. Вот, например, мы очень любили Молотова, и решение июньского пленума ЦК КПСС о Молотове вызвало у нас в партии некоторое замешательство». Больше он эту тему в тот раз не развивал[125], но, как всегда, перешел на вопрос о Сталине. «Вы сегодня видели у нас на площади портрет Сталина, — сказал он московскому гостю. — Вы думаете, мы не в обиде на Сталина? Нет, мы на него в большой обиде. Сталин причинил немало трудностей китайской революции… И все-таки портрет Сталина во время празднования знаменательных дат в КНР вывешивается. Это делается не для руководителей, а для народа». «У себя дома, — добавил Мао, — я портрет Сталина не держу»[202].

Особая позиция китайцев в вопросе о Сталине, конечно, беспокоила Хрущева. Но все-таки он, похоже, надеялся, что в личных беседах ему удастся смягчить Мао Цзэдуна. Так что причин для хорошего настроения у него было немало.

Но Председатель прибыл в СССР не дружить с Хрущевым. Он уже очень хорошо понимал свое значение. Время работало на

него. Социализм в Китае был в общем построен, промышленность развивалась, диктатура компартии в самой населенной стране мира была абсолютной. Бывшая же некогда всесильной Москва, казалось, неудержимо теряла авторитет в коммунистическом мире: польские и венгерские события явились тому наглядным примером. Конечно, у Хрущева было ядерное оружие, а в октябре 1957-го появился еще и спутник[126], но все же Мао захотел показать всем этим «товарищам коммунистам», куда теперь смещается центр мирового коммунистического движения.

Хрущев распинался перед ним, поселил его и всех прилетевших с ним китайцев в Кремле, несмотря на то, что большинство делегаций других компартий были размещены на подмосковных дачах, каждое утро навещал, заваливал подарками, сопровождал на все культурные мероприятия и вел «интимно дружеские» беседы. Он был в полном восторге от себя и наслаждался ролью хлебосольного хозяина.

Но Мао «был сдержан и даже немного холоден». Конечно, ему было приятно, что в этот раз его принимают по-царски: контраст между хрущевским и сталинским отношением был разителен. «Посмотрите, насколько иначе они к нам относятся», — говорил он с презрительной улыбкой своим окружающим.

Однако Хрущеву недоставало чувства меры. Чем больше он обхаживал Мао, тем выше тот задирал нос. И даже время от времени не скрывал презрения по отношению к суетившемуся вокруг него вождю КПСС. Так, придя вместе с Хрущевым в Большой театр на «Лебединое озеро», он после второго акта вдруг встал и заявил, что уходит. «Почему они все время танцуют на цыпочках? — недовольно бросил он смущенному Никите Сергеевичу. — Меня это раздражает. Неужели нельзя танцевать, как нормальные люди?»[203]

В первый приезд в Москву он такого не позволял себе даже в отсутствие Сталина. Как вспоминает его тогдашний переводчик Ши Чжэ, Мао высидел до конца балет «Баядерка» в Кировском театре, а после представления даже подарил букет цветов исполнительнице главной роли[204].

Иногда дело доходило до грубостей. По воспоминаниям Ли Юэжаня, как-то во время банкета Мао резко оборвал Хрущева, который, забыв все на свете, с упоением рассказывал, какую большую роль ему довелось сыграть во время войны. «Товарищ Хрущев, — вытерев губы салфеткой, бросил Мао, — я уже пообедал, а вы закончили историю про Юго-Западный фронт?»[205]

Но главный сюрприз ждал Хрущева на совещании представителей коммунистических и рабочих партий, точнее на проходившем параллельно собрании лидеров компартий

социалистических стран. Мао не случайно спрашивал своего переводчика, как сказать по-русски *«чжилаоху»*. Именно на эту тему он и говорил, объявив всех реакционеров «бумажными тиграми». Это было бы еще хорошо, но при этом он добавил следующее: «Попробуем предположить, сколько погибнет людей, если разразится война? Возможно, что из 2700 миллионов человек населения всего мира людские потери составят одну треть, а может быть, и несколько больше — половину человечества… Как только начнется война, посыплются атомные и водородные бомбы. Я спорил по этому вопросу с одним иностранным политическим деятелем. Он считает, что в случае возникновения атомной войны могут погибнуть абсолютно все люди. Я сказал, что, в крайнем случае, погибнет половина людей, но останется еще другая половина, зато империализм будет стерт с лица земли и весь мир станет социалистическим. Пройдет столько-то лет, население опять вырастет до 2700 миллионов человек, а наверняка и еще больше»[206]. Как видно, он развивал идеи, высказанные им ранее Неру, финскому послу Карлу Йохаму Сундстрему, а также (в завуалированной форме) Юдину. На этот раз он, правда, был более конкретен в цифрах, и это его небрежное жонглирование сотнями миллионов жизней произвело на всех чудовищное впечатление. В зале воцарилось молчание. Все чувствовали себя неловко.

После этого на банкете он вновь стал вести разговор о пользе ядерной войны для дела социализма. Хрущев не знал что и думать. И тогда глава итальянской компартии Пальмиро Тольятти спросил: «Товарищ Мао Цзэдун! А сколько в результате атомной войны останется итальянцев?» Мао спокойно ответил: «Нисколько. А почему вы считаете, что итальянцы так важны человечеству?»[207] Спичрайтер Хрущева Олег Александрович Гриневский, присутствовавший тогда в зале в качестве одного из переводчиков, помнит, что Мао при этих словах даже не улыбнулся. (Гриневский, не знавший китайского языка, переводил с русского на английский для англоговорящей аудитории после того, как кто-то другой осуществлял перевод с китайского на русский.)

Что это значило? Неужели Мао был настолько невежествен, чтобы не понимать, что его рассуждения — чушь? Нет, конечно. Он был достаточно образован, по крайней мере в том, что касалось политики и военного дела. Тогда зачем же он так себя вел? Многие из тех, кто задумывался над этим, высказывали мысль о том, что он, очевидно, хотел подтолкнуть СССР к ядерному конфликту с Соединенными Штатами. Другие не соглашались: слишком уж топорно действовал Мао. Скорее,

полагали они, Мао Цзэдун просто хотел предотвратить сближение между супердержавами. Однако в рассуждениях Мао не было ни того ни другого. На самом деле он просто эпатировал публику, откровенно издеваясь как над Хрущевым, так и над старыми коминтерновцами, так недавно раболепствовавшими перед Сталиным. Всех этих «Тольятти», когда-то заправлявших в ИККИ, друживших с Ван Мином и учивших его (Мао) уму-разуму[127], он глубоко ненавидел. Когда-то они готовы были аплодировать любой глупости «вождя всех народов», стараясь разгадать его загадки и шутки. Теперь же пришла его очередь: он чувствовал себя великим и хотел, чтобы все это осознавали. Он просто хотел взять реванш за те унижения, которые ему самому приходилось терпеть от любившего черный юмор мрачного кремлевского тирана. Вот почему он так явно пытался подражать Сталину. Говорил менторским тоном, вальяжничал и точно так же, как Сталин, пытался шутить — дико и странно. Впоследствии он не раз будет возвращаться к теме ядерной войны и перспективам победы над империализмом. Будет развивать ее и во время официальных переговоров с Хрущевым. И каждый раз тот будет недоумевать: «На чем основаны его взгляды?»[208] Так никогда и не поймет он Мао Цзэдуна[128].

Перед расставанием Хрущев подарил своему гостю множество сувениров, а также большую банку зернистой икры. Она была действительно очень хорошего качества, но Мао не мог ее есть, так как китайцы вообще не употребляют в пищу сырую рыбу. Банку, однако, он взял и привез с собой в Пекин. А через несколько дней пригласил на обед секретарей и охранников, которым и предложил попробовать аккуратно выложенное на фарфоровую тарелку заморское кушанье. «Давайте, давайте, пробуйте, — смеялся он. — Это социалистическая икра!

Один из приглашенных осторожно взял палочками для еды немного икры и положил ее в рот. Было видно, что он совершенно не горел желанием ее есть, но, сделав над собой усилие, проглотил. Его чуть не стошнило.

— Ну как? Вкусно? — спросил его Мао, и взрыв хохота сотряс его грузное тело.

— Выглядит-то красиво, — ответил несчастный, — но не вкусно. Мне она не нравится, я не могу ее есть.

— Ну и правильно! Не можешь жрать, так не жри! — по-простому объяснил ему Мао»[209].

Ему стало особенно весело от того, что хрущевский подарок пришелся его окружению не по вкусу. Что-то во всем этом было символичное!

Вернувшись в Китай, он стал развивать идеи об особом,

китайском, пути социализма, впервые высказанные в «Десяти важнейших взаимоотношениях». Вновь и вновь продумывал он варианты «большого скачка» — новой модели ускоренного экономического развития, основанной главным образом на использовании преимуществ Китая, прежде всего его безграничных людских ресурсов. «Наша страна производит слишком мало стали, — сокрушался он. — Нам надо любой ценой укрепить себя, иначе на нас будут смотреть сверху вниз»[210].

Уже в Москве он стал хвастать тем, что через 15 лет Китай обгонит Великобританию по производству металла. «Англия производит ежегодно 20 миллионов тонн стали, — говорил он руководителям социалистических стран, — …через 15 лет она, возможно, достигнет производства 30 миллионов тонн стали в год. А Китай? Через 15 лет Китай, возможно, будет производить 40 миллионов тонн. Разве это не значит обогнать Англию?»[211] Вдохновил его на это хвастовство не кто иной, как Хрущев, который тоже, как известно, излишней скромностью не отличался. За две недели до выступления Мао, на юбилейной сессии Верховного Совета СССР, он громогласно заявил, что в течение ближайших 15 лет СССР сможет не только догнать, но и перегнать Америку[212]. Так что речь Мао Цзэдуна была ответом «старшему брату».

И Мао, вообще-то говоря, поскромничал. На самом деле его одолевало желание обогнать сам Советский Союз, доказать всем и в первую очередь Хрущеву, запустившему два спутника, что и он (Мао) не «лыком шит». Сколько сарказма и зависти было в его словах, когда он говорил в начале 1957 года: «Ну и что у них [руководства СССР] есть? Только и всего-то, что 50 миллионов тонн стали, 400 миллионов тонн угля и 80 миллионов тонн нефти. Ну и сколько это стоит? Да ничего. А они, имея все это, возгордились. Как же могут они быть коммунистами? Марксистами?»[213] Новый путь Мао, таким образом, был неизбежно чреват дальнейшим ухудшением отношений Китая с кремлевскими традиционалистами.

В январе 1958 года на совещаниях в Ханчжоу (провинция Чжэцзян) и Наньнине (Гуанси-Чжуанский автономный район) Мао усилил критику тех, кто выступал против «торопливости» и «слепого забегания вперед». Вновь осуждал тех, кто следовал советской модели. «Если бы мы во всем поступали так же, как Советский Союз после Октябрьской революции, — заявил он, — то у нас не было бы текстиля, не было бы продовольствия (раз нет текстиля, значит, нечего обменять на продовольствие), не было бы угля, электроэнергии, ничего бы не было». В Ханчжоу он объявил, что движение «за упорядочение стиля», которое только

недавно, на 3-м пленуме, он решил ослабить, будет доведено до конца. В Наньнине же 18 января предупредил партийные кадры, что борьба со «слепым забеганием вперед» неизбежно «погасит энтузиазм… 600 миллионов человек»[214]. Он, кроме того, заметил Чжоу Эньлаю, что тот и некоторые другие «товарищи оказались всего в каких-нибудь 50 метрах от самих правых»[215]. *Ганьбу* поддержали Председателя, и премьер вынужден был выступить с самокритикой.

Вновь Мао одержал победу. 31 января он обобщил результаты обеих конференций в важном документе — «Шестьдесят тезисов о методах работы», в котором, по существу, был обоснован курс «большого скачка» и выдвинут лозунг «три года упорного труда»[216]. Этот курс стал важнейшей частью его программы «китайского» социализма.

Таким образом, высказанные Мао впервые в апреле 1956 года и развитые затем в 1957–1958 годах идеи особого, китайского, пути развития могли, как мы видели, родиться только в послесталинской атмосфере, которую создал в мировом коммунистическом движении не кто иной, как Хрущев. Тем самым именно этот советский лидер сподвигнул Мао не только на ускоренную сталинизацию, но и — против своих намерений — на окончательный отказ от советского пути развития.

Сталинская модель социалистического строительства, которая ранее вдохновляла Мао, исчерпала себя. В итоге целая эпоха сталинизации КНР, длившаяся с самого образования нового Китая в 1949 году, подошла к концу. Отныне нужно было говорить уже не о сталинизации, а о маоизации Китайской Народной Республики. В то же время нельзя забывать, что сам маоизм в сфере политики и идеологии явился не более как китайской формой сталинизма, иными словами, китайским национал-коммунизмом. И несмотря на то, что советская сталинизация КНР завершилась, влияние сталинизма как тоталитарной политической и экономической системы власти осталось в Китае неизменным.

«БОЛЬШОЙ СКАЧОК»

Всю зиму 1957/58 года Мао был в приподнятом настроении. Поездка в Москву, казалось, вселила в него новые силы. Сомнений в том, что Китай в ближайшее время станет самой передовой страной мира, у него не было. Неукротимая энергия Председателя била через край. Он мотался по стране, понукая «неторопливых», срывая гнев на «сторонниках скептически-выжидательной позиции», давая разнос «слепым подражателям Советскому Союзу». Кричал, стучал по столу, убеждал, уговаривал. Еще накануне поездки в СССР он начал писать статью, в которой призывал партию и страну «твердо следовать курсу „больше, быстрее, лучше, экономнее“». 12 декабря ее опубликовала «Жэньминь жибао».

Страстный хунаньский темперамент гнал его к заветной цели: надо было во что бы то ни стало догнать и перегнать Англию, а также другие передовые страны по основным показателям хозяйственного развития. А таковыми он почему-то считал два: сталь и зерно.

Никаких экономических знаний у него не было. Но это его не смущало. Не он один не понимал экономики. Слабо разбирались в ней и многие другие мировые лидеры, а также почти все члены китайского Политбюро. Отдавая себе в этом отчет, Председатель даже бравировал своим невежеством. «Большинство работников Политбюро, — говорил он на совещании в Наньнине, — „красные“, но „неквалифицированные“… Я самый необразованный, ни в какие члены никаких комитетов я не гожусь»[217].

Ограниченность Мао, однако, многократно перекрывалась его огромным энтузиазмом, верой в собственную непогрешимость, волю и власть. «Наш метод — ставить политику на командное место, — утверждал он. — …Политика — командная сила»[218]. Именно так, опираясь исключительно на политические (и конечно же на военные) рычаги, действовал он всю свою жизнь в партии. И 1958 год не был в этой связи исключением. В самом начале года, в перерыве между ханчжоуским и наньнинским совещаниями, он устроил разнос своему земляку, первому секретарю Хунаньского парткома Чжоу Сяочжоу.

«— Почему Хунань не может увеличить производство сельскохозяйственной продукции? Почему хунаньские крестьяне по-прежнему собирают лишь один урожай риса в год? — спросил он, как будто бы сам не знал, что в его родной провинции большего сделать нельзя. — … Вы не учитесь у других. В этом вся

причина.

— Мы изучим эту проблему, — ответил Чжоу, чуть оробев.

— Что значит „изучим“? Со своей учебой вы ничего не добьетесь. Пошел вон! — разгневался Председатель»[219].

И так он действовал повсеместно. Особенно резок Мао был на совещании в Наньнине — настолько, что один из «твердолобых», бывший муж Цзян Цин, тот самый, что когда-то в Шанхае увлек ее в члены партии, от страха помешался умом. Это был крупный партийный работник, председатель технического комитета Госсовета КНР и глава первого министерства машиностроения. «Спасите меня, спасите меня», — молил он врачей и коллег, прося избавить его от бессмысленной жизни. Через месяц он умер в кантонской клинике[220].

Нажим и угрозы Мао возымели действие. Не только широкие партийные кадры, но и главные оппоненты Председателя, Лю Шаоци, Чжоу Эньлай и Дэн Сяопин, поддержали «большой скачок», став его горячими пропагандистами. Именно Чжоу, кстати, предложил назвать новый курс «большим скачком», а Лю принял участие в подготовке «Шестидесяти тезисов», составив проект одного из разделов этого важнейшего документа[221]. Позже Дэн Сяопин вспоминал: «У товарища Мао Цзэдуна было головокружение от успехов. А у нас не кружилась голова? Товарищ Лю Шаоци, товарищ Чжоу Эньлай и я против не выступали, молчал и товарищ Чэнь Юнь. В этих вопросах надо быть справедливыми, нельзя делать вид, что виноват только один человек, а другие правы. Это не соответствует действительности. Ошибки совершал Центральный комитет, так что весь коллектив, а не один человек, несет ответственность»[222].

С января 1958-го Мао стал агитировать за осуществление «перманентной революции» в стране, оговариваясь, конечно, что она не имеет ничего общего с троцкистской. На простом языке это означало, что народ должен идти вперед, к коммунизму, без малейшего продыха: через беспрерывно сменяющие друг друга революционные кампании и реформы. Иначе, полагал Мао, «человек может… покрыться плесенью»[223]. В воздухе запахло грозой: перманентная революция подразумевала непрерывное обострение классовой борьбы.

Погоня за призраком увлекла все партийное руководство, которое лихорадочно начало изыскивать резервы для перевыполнения планов. В центр полетели реляции о необычайном подъеме народного энтузиазма. 18 февраля на расширенном заседании Политбюро Мао при полной поддержке собравшихся объявил курс «больше, быстрее, лучше, экономнее» новой генеральной линией партии в социалистическом

строительстве[224]. (Официально эта линия будет принята в мае, на 2-й сессии VIII съезда КПК, в следующей формулировке: «Напрягая все силы, стремясь вперед, строить социализм больше, быстрее, лучше, экономнее»[225].)

Никакого конкретного плана «большого скачка» у Мао не было. Он на самом деле не знал, как увеличить производство стали и зерна, а потому на всех своих конференциях только и делал, что заклинал: «Мы можем догнать Англию за 15 лет». Ему очень хотелось этого, а потому он требовал от руководящих работников поэкспериментировать, опробовать разные способы, в том числе и самые невероятные. Он обещал, что «крепко драть» за «левизну» и «субъективизм» не будет[226]. Главное — сделать все, чтобы увлечь народ. Понимал он одно: у Китая есть огромное преимущество в сравнении с другими странами — гигантские ресурсы дешевой рабочей силы. И именно их надо привести в движение.

Еще осенью 1957 года, на 3-м пленуме, Мао предложил увлечь народ очередной кампанией, успех которой, по его мысли, мог существенно продвинуть вперед производство сельскохозяйственной продукции. Речь шла о борьбе против так называемых «четырех зол»: крыс, комаров, мух и воробьев, которые наносили вред не только производству зерна, но и здоровью основного производителя. Задача уничтожения этих «вредителей» была выдвинута еще в январе 1956 года в специальной «Программе развития сельского хозяйства КНР на 1956–1967 гг.», но, похоже, «ушла в песок»: никто, кроме руководителей провинции Чжэцзян, не уделял ей большого внимания[227]. «Я очень интересуюсь борьбой против „четырех зол“, но никто этого интереса не разделяет», — сокрушался Председатель, призывая изо всех сил «повышать гигиену»[228]. К этой проблеме он вернулся в начале декабря, призвав ЦК и Госсовет издать соответствующее постановление и даже сам через месяц набросал его проект. В конце концов ему удалось всех убедить в своей правоте, и в середине февраля 1958 года такое постановление было издано[229].

В стране началась настоящая «охота на ведьм», в которую включился и стар и млад. Слов нет, бороться за соблюдение чистоты было необходимо: подавляющее большинство китайского населения никаких мер гигиены не соблюдало и всегда жило в ужасающей грязи. Крысы, мухи и комары конечно же являлись разносчиками тяжелых инфекционных заболеваний. Что же касается воробьев, то они попали в список «вредителей» потому, что, как и некоторые другие пернатые, любили полакомиться зерном на полях. Иными словами, борьба со «злом» была

оправдана, однако исполнители указаний Мао явно переборщили. Как проходила кампания, рассказывает очевидец: «Ранним утром меня разбудили женские крики, от которых кровь застывала в жилах. Бросившись к окну, я увидел, как по крыше соседнего дома носилась молодая женщина, неистово размахивая бамбуковым шестом с привязанной к нему большой тряпкой. Неожиданно она остановилась, очевидно, для того, чтобы перевести дыхание, но тут на улице раздалась дробь барабана, и она вновь принялась истошно орать, нанося удары своим странным флагом в разные стороны, как сумасшедшая. Это продолжалось еще несколько минут, после чего звук барабанов затих и женщина упала в изнеможении. Тут до меня дошло, о чем в последнее время все говорили в гостинице: женщины, одетые в белое, размахивали тряпками и полотенцами для того, чтобы держать воробьев в воздухе, не давая им присесть на здание. Весь день звучали барабаны, слышались выстрелы и крики, люди махали простынями… Сражение продолжалось без перерыва вплоть до полудня, и в нем принимал участие весь персонал гостиницы: швейцары, портье, переводчики, горничные и все остальные… Стратегия в этой войне с воробьями состояла в том, чтобы не давать бедным птичкам сесть отдохнуть на крышу или дерево… Говорили, что, если воробья продержать в воздухе больше четырех часов, он замертво упадет наземь»[230].

Информационное агентство Синьхуа (Новый Китай) и все газеты раздували кампанию, сообщая о героях «битвы». Одним из них стал некий командир взвода НОАК Ван Шухуа, ударом бамбукового шеста убивший сразу четырех воробьев!

Не менее успешно проходила борьба и с другими «вредителями». Возбужденные пропагандой люди носились за очумевшими грызунами, били тряпками по мухам и комарам, и кое-кому могло показаться, что вся страна просто сошла с ума. В кампании приняли участие десятки миллионов людей. Только в одном Чунцине (провинция Сычуань) за несколько дней охоты было убито более 230 тысяч грызунов, уничтожено 2 тонны личинок мух и собрано 600 тонн мусора[231]. Десятки тысяч замученных безжизненных воробьев были сданы государству.

А Мао все продолжал агитировать население, настаивая на том, что избавление от «четырех зол» укрепит здоровье нации и тогда «в больницах мы сможем открыть школы, а врачи пойдут обрабатывать землю: число больных в огромной степени уменьшится, это поднимет моральный дух людей, процент выхода на работу значительно возрастет… В тот день, когда в Китае будут уничтожены четыре вредителя, можно [будет] собрать торжественный митинг. Это событие будет зафиксировано в

исторических хрониках. Буржуазные государства не смогли справиться с четырьмя вредителями. Считаются цивилизованными странами, а мух и комаров у них видимо-невидимо»[232].

Вряд ли стоить добавлять, что результаты кампании были ужасны. Истребление воробьев да и других «вредителей» нарушило экологический баланс, приведя в итоге к тяжелым последствиям. В какой-то момент была перейдена грань, за которой разумное начинание обернулось драмой.

Дикость и глупость, не правда ли? Ну чем не платоновский «Чевенгур»? Но разве это абсурднее марксистско-ленинской мечты о бесклассовом обществе, сталинской борьбы с кибернетикой и морганизмом или хрущевским выращиваем кукурузы на Крайнем Севере? Видно, невежество вообще присуще вождям коммунизма, поскольку сам коммунизм утопичен.

Во время обмена мнениями на совещании в Наньнине родился и еще один план: укрупнить кооперативы, объединив в каждом из них до десяти тысяч дворов и более. Эта идея была впервые высказана Мао еще в 1955 году, однако не получила в то время поддержки. В январе 1958 года в Наньнине к ней вновь вернулись, но только в апреле Лю Шаоци и Чжоу Эньлай придумали название для новых гигантских комплексов: «коммуны». Лю, Чжоу и двое других работников центрального аппарата совершали тогда инспекционную поездку на юг Китая и, вдохновленные развернувшейся повсеместно организацией крупных кооперативов, задумались над их названием. Как-то само собой родилось: «Коммуна!»[233] Всем очень понравилось.

Первая «коммуна» («Вэйсин» — «Спутник») была создана тогда же, в апреле, недалеко от уездного города Суйпин на юге провинции Хэнань. Она объединила 27 кооперативов или 43 тысячи человек. Затем была организована «коммуна» на севере Хэнани, в уезде Синьсян. Ее члены, стремясь к разнообразию, назвали ее «народная».

Вновь, как и прежде, Мао старался исходить из практики, будучи убежден, что именно она и является критерием истины. Именно поэтому из двенадцати месяцев 1958 года восемь провел в поездках по стране[234]: знакомился с «передовым» опытом, беседовал с партийными руководителями и простыми крестьянами, осматривал водохранилища и другие объекты. В общем, вновь, как и во время гражданской войны, «проводил обследование, чтобы иметь право голоса». Вот только одного не учел: времена изменились, он был уже «великим» вождем, а потому местные власти, стремясь ему угодить, лезли из кожи вон, чтобы создать у него хорошее впечатление о своей работе. И они

отлично знали, чего он хотел. Ведь Мао сам не раз давал им понять, что лучше быть излишне левым, чем правым.

Конечно, в стране наблюдался подъем народного энтузиазма. Миллионы людей верили коммунистам, ибо многое из того, о чем те говорили, действительно воплощалось в жизнь. Двери университетов и институтов открывались для детей крестьян и рабочих, было введено бесплатное медицинское обслуживание, строилось большое число заводов и фабрик, ликвидировалась неграмотность. Особенно радовалась беднота, впервые в жизни ощутившая себя равноправной. Как же могла она не поддержать новые начинания партии? «Горячий восторг» демонстрировала и остальная часть населения, хорошо понимавшая, что неучастие в партийных кампаниях чревато самыми опасными последствиями.

Так что «обследования», проводившиеся Председателем, не могли не создать у него иллюзорной картины происходившего, только усиливая его волюнтаризм. «На мой взгляд, надо прибегать к „слепому забеганию вперед“, — провозглашал Мао после очередного обследования. — …Мы должны трудиться весьма энергично и радостно, а не безучастно и уныло… Все, что можно сделать быстро, надо делать по возможности быстро»[235]. Фантом «большого скачка» заставлял его вносить все более левацкие коррективы в планы и методы социалистического строительства. Казалось, стоит только мобилизовать 600-миллионное население, и любые мечты воплотятся в реальность. «Неужели вести хозяйство в мирное время труднее, чем разгромить 800-тысячную армию Чан Кайши? — размышлял он. — Не верю!»[236]

Опыт «коммун» показался ему особенно интересным. Дело в том, что китайские «коммунары» стали по-новому организовывать производство, переходя к максимально эффективному разделению труда. В «коммуне» «Вэйсин» и других кооперативах в целях максимальной экономии рабочего времени стали создаваться общественные столовые, домашние кухни же ликвидировались. Это позволило высвободить трудящихся женщин для сверхурочной работы в поле, сберечь топливо, улучшить питание. «Коммунаров» горячо поддержал Лю Шаоци, на всю страну заявивший, что их почин дает возможность увеличить число рабочих рук на селе, по крайней мере, на одну треть. «Если раньше [из каждых пятисот человек] более двухсот занимались приготовлением пищи, то теперь еду готовят всего более сорока, да к тому же кормят они сытнее и лучше, да еще и экономят продукты», — говорил он[237]. Показывали пример «коммунары» и в деле развития коммунистических отношений. Они ликвидировали заработную плату и приусадебные участки,

вводили бесплатное питание, переходили на принцип «от каждого по способностям, каждому по потребностям», обобществляли домашнюю живность и даже утварь. «Кому теперь нужны миски и чашки, если у нас есть общественные столовые, где можно объедаться до отвала?» — недоумевали они, действительно веря, что бесплатное общественное питание означает наступление коммунизма. Как же им хотелось вырваться из нищеты!

Мао был в восторге. 16 июля в новом теоретическом органе КПК журнале «Хунци» («Красное знамя») его главный редактор Чэнь Бода опубликовал указание Председателя: «Надо постепенно и последовательно превращать промышленность, сельское хозяйство, торговлю, культуру и образование, а также ополчение, то есть общенародные вооруженные силы, в одну большую коммуну, сформировав таким образом базовую ячейку нашего общества»[238].

В начале августа Мао посетил «народную коммуну» в Хэнани и не мог скрыть радости: на его глазах строился коммунизм! «Это название „народная коммуна“ — хорошо! — сказал он. — Французские рабочие, захватив власть, придумали Парижскую коммуну. Наши же крестьяне создали „народную коммуну“ как политическую и экономическую организацию на пути к коммунизму. Она [«народная коммуна»] — великое достижение нашего народа. „Народная коммуна“ — это хорошо»[239].

Моментально десятки газет и журналов растиражировали «высочайшее откровение», после чего страну захлестнула кампания строительства именно «народных коммун». Кан Шэн же немедленно сочинил стишок:

> Коммунизм — это рай,
> А народные коммуны — мост к нему.
> Коммунизм — небеса,
> А коммуна — лестница.
> Если выстроим ее,
> Заберемся далеко![240]

Чуть позже Мао объяснил значение «народных коммун»: «Народная коммуна характеризуется, с одной стороны, большими размерами, с другой — обобществлением. В ней много людей, много земли, масштаб производства тоже большой, все дела ведутся с размахом. В ней слиты производство и администрация, налаживается питание через общественные столовые; приусадебные участники ликвидируются… Зерна стало больше, так что можно или осуществлять систему бесплатного снабжения, или же выдавать зерно в соответствии с затраченным трудом… И

в деревне, и в городе — всюду социалистические порядки следует добавлять коммунистическими идеями… Сейчас мы строим социализм, но у нас имеются также и ростки коммунизма. В учебных заведениях, на заводах, в городских кварталах — везде можно создавать народные коммуны. Не пройдет и нескольких лет, как все объединятся в одну большую коммуну… Когда приводятся в движение тысячи, десятки тысяч людей, такой коммунистический дух очень хорош». Его очень прельщало, что такие крупные многотысячные комплексы за счет внутреннего разделения труда могли стать полностью самообеспечиваемыми. «Такие крупные кооперативы, — восторгался он, — могут заниматься и промышленностью, и сельским хозяйством, и торговлей, и просвещением, и военным делом — и всем этим в сочетании с… лесоводством, скотоводством и вспомогательным рыбным промыслом»[241].

Мао радовало, что народ «воспринял» его оптимизм в отношении «большого скачка», что люди с энтузиазмом взялись за дело, «рационально» используют имеющиеся ресурсы, «борются» за выполнение планов партии. Внешне все так и выглядело. По крайней мере там, куда он приезжал. И Мао все сильнее ощущал свое величие! Стоило ему только взмахнуть рукой, и сотни миллионов людей бросались выполнять его указания, «шевелить мозгами», придумывать новые формы организации, день и ночь трудиться не покладая рук. Да, с этим народом можно было делать все, что угодно: он был беден, необразован и полон надежд на будущее! «Помимо других преимуществ у 600-миллионного населения Китая есть одно явное: это бедность и отсталость, — откровенничал Мао. — На первый взгляд это плохо, а фактически хорошо. Бедность побуждает к переменам, к действиям, к революции. На белом, без помарок, листе бумаги можно писать самые новые, самые красивые иероглифы, можно создавать самые новые, самые красивые рисунки»[242].

Именно в то время, в 1958 году, Мао вдруг ясно почувствовал, что коммунизм — не дело отдаленного будущего. «Для строительства коммунизма Китаю не потребуется 100 лет, хватит и 50 лет», — объявил он[129]. Ведь «первым условием коммунизма является обилие продуктов, вторым — наличие коммунистического духа». И хотя с первым условием не все пока обстояло гладко, второе-то было уже налицо! Так что можно было и «предаться мечтам». «Наступит пора вечного счастья, — рассуждал он на расширенном совещании Политбюро. — …Мы организуем всемирный комитет и осуществим единое планирование на всей земле… Примерно в течение десяти лет

продукция станет весьма обильной, а мораль небывало высокой. И мы сможем осуществить коммунизм, начиная с организации питания, обеспечения одеждой и жильем. Общественные столовые, где едят бесплатно, и есть коммунизм. В будущем все будет называться коммуной… Каждая крупная коммуна построит у себя магистральное шоссе или широкую бетонную или асфальтированную дорогу. Если ее не обсаживать деревьями, то на такой дороге смогут делать посадку самолеты. Вот вам и аэродром. В будущем каждая провинция будет иметь 100–200 самолетов, на каждую волость будет приходиться по два самолета в среднем». «Мы не сумасшедшие», — добавлял он[243].

Коммунистический идеал был настолько хорош, что даже сам Мао не мог до конца поверить в способность людей самим, без понукания, достичь его. А потому особенно горячо приветствовал опыт тех «народных коммун», где в дополнение к коммунистической атрибутике вводилась «военная организация труда, военизация стиля работы, подчинение быта дисциплине». «Понятие „военный“ и понятие „демократия“ как будто исключают друг друга, — говорил он. — Но как раз наоборот — демократия возникает в армии… Когда весь народ — солдаты, то люди вдохновляются и становятся смелее».

Вскоре по призыву вождя крестьяне и горожане повсеместно стали строем ходить на работу и митинги. Страна начала превращаться в военный лагерь. А Мао все внушал: «Необходим контроль: нельзя только придерживаться демократии: надо сочетать Маркса с Цинь Шихуанди». (Последний, как мы помним, был древним китайским императором, прославившимся своей жестокостью, и Мао любил читать о нем еще в годы учебы в Дуншаньской школе.) «Цинь Шихуан закопал живьем 460 конфуцианцев, — напоминал он. — Однако ему далеко до нас… Мы поступили, как десять Цинь Шихуанов. Я утверждаю, что мы почище Цинь Шихуана. Тот закопал 460 человек, а мы 46 тысяч, в 100 раз больше. Ведь убить, а потом вырыть могилу и похоронить — это тоже означает закопать живьем! Нас ругают, называя Цинь Шихуанами, узурпаторами. Мы все это признаем и считаем, что еще мало сделали в этом отношении, можно сделать еще больше… Раньше во время революции гибло много людей, в этом проявлялся дух самопожертвования. Почему же и теперь нельзя работать на таких же началах?»[244]

Так что не на одном энтузиазме организовывались «коммуны», хоть и назывались «народными»! Скорее напоминали они старый большевистский идеал военного коммунизма, с особой яркостью описанный Львом Давидовичем Троцким в одном из писем Ленину: «Если подойти к вопросу с социально-

психологической стороны, то задача сводится к тому, чтобы заставить все рабочее население переживать бедствия и искать из них выход не индивидуально, а коллективно… Достигнуть такой „канализации“ личных усилий можно, только социализировав бытовые жизненные условия; уничтожив семейные очаги, домашнюю кухню, переведя все на общественное питание. Социализация такого рода немыслима без милитаризации… Милитаризация плюс дважды в день горячая пища, одинаковая для всех, будет всеми понята как жизненная необходимость и не будет ощущаться как аракчеевское насилие[130]. Общественное питание создаст непосредственные условия общественного контроля и самой действительной борьбы с леностью и недобросовестностью: кто не выходит на работу, тому нельзя будет показаться в общественную столовую… Необходим культ физического труда… Нужно обязать всех без исключения граждан независимо от рода занятий отдавать известное, хотя бы минимальное, число часов в день или известное число дней в неделю физическому труду. Нужно, чтобы наша печатная и устная агитация в центр всего поставила физический труд»[245].

Мао и сам в глубине души понимал, что его «общество народного благоденствия» чересчур смахивает на военный коммунизм[246]. Но ничего плохого в этом не видел. А потому тоже настаивал на том, чтобы все работники умственного труда хотя бы месяц в году занимались физическим трудом, помогая рабочим и крестьянам выполнять задания «большого скачка».

А эти задания с каждым днем становились все напряженнее. В мае 1958-го Мао неожиданно заявил о том, что по производству стали Англию можно перегнать не за 15, а за 7 лет, а по добыче каменного угля — даже за 2–3 года. В июне же выразил уверенность, что уже в будущем, то есть 1959-м, году Англия будет оставлена позади, а через 5 лет Китай уже приблизится к выплавке стали в СССР! Это означало, что в 1958 году КНР должна была получить стали вдвое больше, чем в 1957-м, то есть 10,7 миллиона тонн, в 1959-м — 20–25, а в 1962-м — 60. Чуть позже он пересмотрел и эти цифры: ему захотелось иметь в 1959 году 30 миллионов тонн стали, в 1960-м — 60, а в 1962-м — 80—100 или даже 120 миллионов, обогнав саму Америку! К середине же 70-х Мао рассчитывал иметь ежегодно 700 миллионов тонн, в 2 раза обойдя Великобританию по производству металла на душу населения! Не менее абсурдные планы развивал в тот период и Лю Шаоци[247]. Если учесть, что принятые VIII съездом партии в сентябре 1956 года «Предложения по второму пятилетнему плану развития народного хозяйства» устанавливали объем выплавки стали в 1962 году на уровне 10,5—12 миллионов тонн, будет

понятно, насколько огромный «скачок» Мао и Лю хотели сделать! Не менее значительным должен был быть и рывок в сельском хозяйстве: в 1958 году производство зерновых тоже планировалось удвоить, доведя его до 300–350 миллионов тонн, в то время как по первоначальному плану даже в 1962 году урожай мог составить чуть больше 250 миллионов тонн![248]

В августе он объявил: «Главной линией на сегодня является промышленность. Вся партия, весь народ занимаются вопросами промышленности»[249]. Ему почему-то в тот момент показалось, что «продовольственная проблема уже решена и поэтому можно высвободить руки», чтобы «как следует» заняться металлургией[250]. Люди включились в кампанию «за большее число мартенов». В стране развернулась «битва за сталь». Приняла она совершенно чудовищные формы. Повсеместно, в деревенских и городских дворах, на спортивных площадках, в парках и скверах возводились кустарные домны. В них взрослые и дети тащили все, что могли: стальной и железный лом, дверные ручки, лопаты, домашнюю утварь, совершенно не представляя себе, что мелкие по размеру печи, созданные кустарным способом, никакой настоящей стали дать не могли. Невежество было возведено в ранг добродетели.

Знающие инженеры молчали, а если бы и возражали, их все равно никто бы слушать не стал. И в первую очередь — Мао. Интеллигенты давно уже раздражали его, а во время «большого скачка» особенно. Он, выходец из крестьян, долгие годы проведший в лесах Цзянси и пещерах Шэньси, вообще относился к городу с подозрением. Поэтому, начав «скачок», провозгласил: «Интеллигенция должна капитулировать перед лицом трудового народа. Интеллигенция в некоторых отношениях совершенно безграмотна»[251]. Какие уж тут после этого могли быть возражения со стороны инженеров?

По требованию Мао кампанию по выплавке стали возглавил сам премьер Чжоу, взявшийся за выполнение этой задачи с особым рвением. К середине сентября сталь варили более 20 миллионов человек, а в октябре — уже 90[131]. Соответственно всего за месяц доля металла, выплавлявшегося в «дворовых печах», возросла с 14 процентов до 49! В кампании приняли участие крестьяне, рабочие, учителя, студенты, учащиеся начальных и средних школ, врачи и медсестры, продавцы и бухгалтеры. В общем, все, кто только мог. Над городами и деревнями поднимались столбы черного дыма, из репродукторов то и дело неслась боевая песня «Обскачем Англию, Америку догоним».

И вскоре стало ясно: задание «великого кормчего» будет

выполнено. К концу года Китай произведет 11 миллионов тонн металла! Сам Мао был поражен. «Если эти маленькие доменные печи могут на самом деле дать такое огромное количество стали, — рассуждал он в кругу близких к нему людей, — почему иностранцы строят такие гигантские сталелитейные заводы? Неужели они действительно настолько глупы?»[252]

Ответ на этот вопрос он получил очень скоро. Металл, выплавленный в кустарных домнах, никуда не годился, и никакой сталью его назвать было нельзя. И хотя Мао и полагал, что «человек необразованный сильнее образованного»[253], обмануть технический прогресс ему не удалось.

Главная же трагедия заключалась в том, что в погоне за призраком «большого скачка» в промышленности китайское руководство ослабило внимание к зерновой проблеме. Все, кто мог плавить сталь, были брошены на ее производство. Уборка риса и других зерновых легла на плечи женщин, стариков и детей. И хотя работали они без выходных, собрать весь урожай не смогли. В то же время начальство, боясь гнева Мао, повсеместно рапортовало о грандиозном росте объемов сельхозпродукции, посылая наверх дутые цифры. «Некоторые товарищи говорили, что зерновых собрано более 500 миллионов тонн, другие — что собрано 450 миллионов тонн, — вспоминал министр обороны КНР Пэн Дэхуай. — …Председатель Мао предложил официально опубликовать цифру 375 миллионов тонн»[254]. На самом же деле собрано было 200 миллионов, только на 5 миллионов больше, чем в 1957 году[255]. В результате, когда пришло время расплачиваться с государством, у крестьян изъяли практически все. Деревня вновь, как и в 1955 году, встала перед проблемой голода. Мао, однако, признавать наличие кризиса не хотел и обращаться за помощью ни к кому не спешил. А потому все обязательства по поставкам зерна за границу выполнил, только бы не дать «заморским чертям» заподозрить его в ошибках. Это, конечно, тяжелейшим образом сказалось на положении с продовольствием на внутреннем рынке.

Более всего Мао, разумеется, не хотел просить помощи у Хрущева. Для него это было бы наистрашнейшей «потерей лица». В самый разгар «большого скачка», 31 июля 1958 года, тот неожиданно прилетел в Пекин с неофициальным визитом, и Председатель вынужден был принимать его, специально для этого приехав из курортного Бэйдайхэ. Мао на этот раз был с Хрущевым не просто груб, он весь пылал злобой, которую не всегда мог сдерживать.

Дело заключалось в том, что за десять дней до приезда Хрущева посол Юдин, только что вернувшийся из очередного

отпуска, передал ему предложение советского руководства о строительстве совместного с КНР военно-морского флота на Тихом океане. Это предложение было сделано в ответ на просьбу китайской стороны об оказании ей Советским Союзом помощи в создании ее собственного ВМФ. Мао очень надеялся, что Хрущев откликнется на его просьбу, но ошибся. Тот предложил нечто иное. Причем даже не удосужился разъяснить послу, на каких принципах этот объединенный флот будет организован. И когда Мао начал интересоваться, будет ли этот флот неким советско-китайским «кооперативом» и кто будет им управлять, посол не знал, что ответить. Конечно, Мао был возмущен, тем более что за 4 месяца до того в Китае получили письмо от министра обороны СССР Малиновского, в котором содержалось еще одно обращение советского правительства — о совместном сооружении в КНР радиолокационной станции слежения за перемещением кораблей советского Тихоокеанского флота[256].

Мао и другие китайские руководители расценили оба советских предложения как нарушение суверенитета Китая. Особенно негодовал сам Мао Цзэдун, немедленно вспомнивший обо всех обидах, нанесенных ему когда-то Сталиным. Он заявил послу, что Китай никогда более не пойдет на создание на своей территории иностранных военных баз, подобно Порт-Артуру. А когда тот робко заметил, что в таком случае было бы «желательно», чтобы эти вопросы «ввиду их важности» были обсуждены Мао и Хрущевым лично, выразил сомнение в целесообразности такой встречи[257].

Вот поэтому-то Хрущев и прибыл в Пекин. Вместе с Малиновским и некоторыми другими руководителями Министерства обороны, МИДа и ЦК КПСС. И был очень расстроен. Ссориться ему не хотелось, да к тому же он не понимал, с чего вдруг Мао так разозлился. Он-то ведь ничего плохого в виду не имел. Просто считал, что совместные флот и радиолокационная станция «в общих интересах» СССР и КНР[258].

Поняв, в чем дело, он тут же снял свои предложения. «Вопрос не существует, — сказал он. — Это было недопонимание… Давайте запишем: вопроса не было, нет и не будет»[259]. Но Мао долго не мог успокоиться и выражал негодование самым причудливым образом.

Характерная деталь. Мао, как мы знаем, был заядлым курильщиком. Хрущев же терпеть не мог табачного дыма. Так вот, Мао в ходе переговоров беспрерывно курил и пускал дым Хрущеву прямо в лицо. При этом старался сохранять спокойствие, то и дело доставая пальцами из чашки с чаем зеленые лепестки, отправляя их в рот и медленно пожевывая. Иногда, правда, терял

над собой контроль, срываясь на крик, а в перерывах между заседаниями отчитывал своего переводчика, не передававшего, с его точки зрения, всей гаммы страстей, обуревавших его. Кроме того, он перенес место переговоров в бассейн. Сам Мао, как мы помним, был прекрасным пловцом. Хрущев же плавал довольно плохо, барахтался в воде; пловцом его назвать было нельзя. Поэтому чувствовал он себя в бассейне довольно униженно[260]. В дневниковых заметках Михаила Ильича Ромма сохранилась интересная запись, сделанная по памяти известным кинорежиссером, ставшим как-то невольным слушателем откровений Хрущева по поводу этого приема в бассейне: «„Принимает меня Мао Цзэдун, как вы думаете, где? — разоткровенничался как-то Хрущев между заседаниями очередного пленума ЦК КПСС. — В бассейне. В бассейне принимает!“

Делать было нечего. Мао — хозяин. Пришлось главе Советского государства скинуть костюм на руки ко всему привычной охране и, оставшись совсем не по протоколу в сатиновых семейных трусах, плюхнуться в воду. Председатель Мао плывет, следом за ним Хрущев барахтается („Я же горняк, я же, между нами говоря, плаваю кое-как, я же отстаю“), а между ними — переводчик. Мао Цзэдун, словно нарочно, делает вид, что не замечает, как трудно высокому гостю за ним поспевать, и нарочито пространно рассуждает о политическом моменте, вопросы какие-то задает, на которые тот, воды нахлебавшись, и ответить-то толком не может… Довольно скоро такое положение надоело Никите Сергеевичу. „Поплавал я, поплавал, думаю — да ну тебя к черту, вылезу. Вылез на краешек, свесил ноги. И что же, теперь я наверху, а он внизу плавает. Переводчик не знает, то ли с ним плавать, то ли со мной рядом сидеть. Он плавает, а я-то сверху вниз на него смотрю. А он-то снизу вверх, он в это время говорит мне что-то про коммуны, про ихние эти коммуны. Я уже отдышался и отвечаю ему про эти коммуны: 'Ну, это мы еще посмотрим, что у вас из этих коммун произойдет'. Теперь уж мне во много раз легче, раз я сел. Он и обиделся. Вот с этого у нас и началось, товарищи“»[261].

Не в своей тарелке ощущали себя и члены советской делегации. Вот как один из них описывал эти необычные переговоры сотруднику аппарата ЦК КПСС Федору Михайловичу Бурлацкому: «Сцена, исполненная глубокого драматизма, внешне выглядела довольно комично. Два пожилых джентльмена сидели в купальных трусах подле бассейна, рядом были переводчики, а… члены делегации и советники находились на другом берегу. И в такой обстановке произошел исторический разговор: надо ли

начать атомную войну против США.

Мао спрашивал: „Сколько дивизий имеет СССР и сколько США?“

Хрущев жестом подозвал помощника, который подплыл с другого конца бассейна, и шепотом спросил у него: „Сколько у нас дивизий?“ Тот назвал цифру, и Хрущев передал это Мао.

Затем Мао спросил: „А сколько дивизий у США?“ Сцена снова повторилась, и другой советник, подплыв к вождям, сообщил нужную информацию.

Тогда Мао сказал: „У СССР и Китая намного больше дивизий, чем у США и их союзников, — почему же нам не ударить?“

Тогда Хрущев, уже волнуясь, сказал, что сейчас счет идет не на дивизии, а на атомные бомбы, а Мао спросил: „Сколько бомб имеет СССР, а сколько США?“

Сцена снова повторилась, подплыл очередной советник, и Хрущев задал ему вопрос и прошептал: „Не называй точную цифру“, — опасаясь утечки самой секретной информации. Когда Н. С. сообщил о примерном соотношении ядерных потенциалов, тот сказал, что в результате обмена ядерными ударами может погибнуть половина населения Земли, но у СССР вместе с Китаем людей больше, и в результате будет достигнута победа коммунизма во всем мире.

После этого Хрущев уже в состоянии большого волнения стал говорить: „Это совершенно невозможно, а что произойдет с советским народом, с малыми народами наших союзников — поляками, чехословаками, — они исчезнут с лица земли“.

На это Мао Цзэдун будто бы заметил, что малые народы должны принести себя в жертву делу мировой революции»[262].

Вряд ли Хрущев был потрясен тем, что Мао сказал о войне. Все это он уже слышал от него в Москве в ноябре 1957-го. Раздражение вызвала форма приема: бассейные переговоры, естественно, показались ему неприличными.

Во время обмена мнениями Мао предъявил Хрущеву целый ряд претензий, которые скопились у него к Советскому Союзу за годы сталинского руководства, повторив то, что уже говорил Юдину. Список был настолько большой, что Хрущев растерялся: «Вы защищали Сталина. Меня критиковали за критику Сталина. А теперь все наоборот». Впрочем, ничего особенно хорошего он и сам о Сталине сказать не мог. Лишь заметил: «Мы говорим о достижениях Сталина, среди его достижений и мы [с Вами]»[263]. Ну, с этим Мао конечно же согласился.

Но в целом впечатление у него от встречи с Хрущевым осталось самое неприятное, и он не скрывал этого от своего окружения. «Их истинные намерения, — говорил он, —

контролировать нас. Они пытаются связать нас по рукам и ногам, но ведут себя как идиоты и своими заявлениями раскрывают все свои замыслы»[264].

Помимо прочего Мао очень не понравилось скептическое отношение Хрущева к «народным коммунам». На дворе была середина лета, и народный энтузиазм по поводу «большого скачка» бил все рекорды, а вальяжный советский гость позволял себе выражать сомнения. Мао сказал Хрущеву, что впервые со времени образования КНР по-настоящему чувствует себя счастливым, с гордостью сообщил о небывалом урожае зерновых, который предстояло собрать. И даже не удержался и «подколол» его: зная, что в СССР зерна не хватало, спросил как бы между прочим:

— У нас образовались солидные излишки пшеницы, и мы теперь озадачены, что с ними делать. Не дадите ли полезного совета?

— У нас избытков зерна никогда не было, — нашелся Хрущев и бухнул: — Китайцы не дураки, найдут, что с ними делать[265].

На секунду Мао оторопел, но затем, справившись с собой, рассмеялся. И только столкнувшись вскоре с серьезными экономическими проблемами, не мог не вспомнить о злой шутке Хрущева.

Засела у него в памяти и другая острота лидера КПСС. Как-то в один из дней переговоров Хрущев, смеясь, объявил, что русские инженеры в Китае называют китайскими шагающими экскаваторами китайских рабочих, которые вручную, в плетеных корзинах на коромыслах, перетаскивают грунт на строительстве котлованов. Мао тогда расхохотался, но обиду в душе затаил[266].

А вскоре, в конце августа, отдал приказ начать артиллерийский обстрел прибрежных островов Цзиньмэнь и Мацзу в Тайваньском проливе, находившихся в руках гоминьдановцев. Хрущев тут же предложил перебросить в помощь «китайским братьям» «дивизию самолетов», но Мао нервно дал понять, что такое предложение его «обидело». «Мы и сами можем решить свои проблемы», — объяснил он Хрущеву.

На самом же деле брать острова он не собирался. Военное присутствие Чан Кайши у берегов КНР было ему выгодно: оно должно было сплачивать китайский народ на борьбу за выполнение планов партии! Военная же акция имела целью одно: продемонстрировать всему миру, в том числе лидерам КПСС, боевой дух и возросшую мощь китайской армии[132].

Ничего не поняв из того, что произошло[267], Хрущев на всякий случай предупредил американского президента: если он захочет вмешаться в конфликт, руководство СССР будет рассматривать

нападение на КНР как нападение на Советский Союз. При этом даже намекнул, что не остановится перед нанесением ядерного контрудара по «агрессору». О чем известил и Мао Цзэдуна[133], который на этот раз выразил ему «сердечную» благодарность[268].

Между тем в начале ноября 1958 года, столкнувшись с первыми экономическими трудностями, Мао дал команду снизить темпы «большого скачка». А затем в декабре добавил: «К чему спешка? Поскорее попасть к Марксу и услышать из его уст похвалу?» Теперь в 1959 году планировалось выплавить уже не 30, а 20 миллионов тонн стали (в мае же 1959 года этот показатель был снижен до 13 миллионов). Только зерна Мао по-прежнему хотел собрать очень много — не менее 525 миллионов тонн, то есть в два с половиной раза больше, чем в 1958 году[269].

На очередном пленуме ЦК КПК, состоявшемся в конце ноября — начале декабря 1958 года, он подал прошение об отставке с поста Председателя КНР. Как мы помним, желание уйти с должности президента появилось у него еще летом, и вот наконец он смог снять с себя эти обязанности. Ритуальный характер поста Председателя КНР давно раздражал его. На это место он рекомендовал Лю Шаоци, и пленум конечно же единодушно принял его предложение. Через несколько месяцев, в апреле 1959 года, отставка Мао и назначение Лю были официально утверждены китайским парламентом. Мао оставил за собой только главный пост — Председателя ЦК КПК[270].

В стране между тем назревала катастрофа. Возникли серьезные диспропорции в развитии народного хозяйства. С середины декабря 1958 года перебои с продовольствием стали ощущаться везде. Даже из чжуннаньхайской правительственной столовой исчезли мясные блюда. Во всех городах люди сутками стояли в очередях. В Пекине по карточкам на месяц можно было получить не больше 330 граммов арахисового масла (для партийных работников норма составляла 500 граммов) и, если особенно повезет, полкило мяса на человека. Норма риса составляла 14 кг. Сахара же выдавали всего по 500 граммов на семью из трех человек[271]. В Аньхое, Ганьсу и Сычуани начался голод, который скоро охватил и другие провинции. По некоторым данным, голодало 25 миллионов человек[272]. К весне 1959-го Мао наконец понял, что «большой скачок» не достиг своих целей. Гнев его не имел пределов. Во всех бедах он обвинил местные кадры, введшие его в заблуждение. «Как же много лжи! — негодовал он. — Если надавить сверху, снизу будет сочиться ложь»[273].

На заседаниях и совещаниях он теперь ругал партийцев за то, что те «заботятся не о быте народа, а только о производстве»[274]. Однако отказываться от «народных коммун» не собирался. Просто

хотел взять тайм-аут для того, чтобы в новом, 1959 году совершить еще больший «скачок».

В конце июня 1959 года Мао решил съездить к себе на родину, в Шаошаньчун. Он не был там тридцать два года. В глубине души он надеялся, что уж там-то от своих земляков узнает истинное положение дел. И не ошибся. За два дня он увидел и услышал такое, что, похоже, глубоко потрясло его. На могиле его родителей не было каменного надгробия, небольшой буддийский храм, где когда-то молилась его мать, был разрушен. «Это случилось после того, как в деревне организовали „народную коммуну“, — рассказывал лечащий врач Мао, сопровождавший его в поездке. — Кирпичи стен святилища пошли на строительство „доменной печи“, а все деревянные части храма были сожжены в топке этой же печи». Зайдя в гости к родственникам, Мао и здесь увидел разруху. В доме было шаром покати: ни утвари, ни глиняных печей. Он выслушал жалобы местных жителей, посмотрел на переплавленные в бесформенные куски металла кастрюли и чугунки, вздохнул и уехал. «Если вы не в состоянии насытиться в общественной столовой, то лучше ее закрыть, — сказал он напоследок. — Нечего зря переводить продукты… Если вам не удается получить хорошую сталь, то лучше тоже не тратить на это силы»[275].

Единственное чему он порадовался, так это видам на новый урожай. А потому перед отъездом сложил оптимистичные строфы:

> Я прошлое помню смутно и проклинаю его,
> Дом я давно оставил, тридцать два года назад.
> С тех пор рабы и крестьяне восстали под знаменем красным
> И, взяв оружие в руки, разбили тирана[134] войска.
> Их жертвы лишь укрепили решимость нашу и волю,
> И мы зажигаем звезды на небосклоне новом.
> Мне радостно видеть нивы, бегущие вдаль волнами,
> И тружеников-героев, идущих домой в ночи[276].

Но все же радовался Мао преждевременно. Впереди всю страну да и его самого ждали новые испытания. Ничего не ведая об этом, он направился из Шаошани в Ухань, а оттуда на пароходе в город Цзюцзян (провинция Цзянси). Недалеко отсюда, в высокогорном курорте Лушань, он решил провести расширенное заседание Политбюро (совещание «святых», как он сам его в шутку называл[277]).

Он прибыл в Лушань 1 июля и разместился в двухэтажной

каменной вилле Мэйлу («Красивая хижина») в районе Гулинь (улица Хэдун, 180). Раньше этот дом принадлежал жене Чан Кайши, Сун Мэйлин, и супруги Чан очень любили здесь отдыхать. Над парадным входом можно было еще разобрать написанный рукой Чан Кайши иероглиф «мэй». К моменту приезда Мао его еще не успели как следует замазать — в отличие от иероглифа «лу». Мао побродил по окрестностям, с удовольствием поплавал в небольшом водоеме с прозрачной водой, полюбовался красивыми горами и, с наслаждением втянув в себя чистый воздух, неожиданно вспомнил о Хэ Цзычжэнь. Когда-то давным-давно в этой же провинции, только за много *ли* от Лушани, в таких же зеленых горах он встретил ее — молодую и гибкую, как стебель лотоса. И вот прошло уже более 30 лет. Как быстро они пробежали! Ему вдруг страстно захотелось вновь увидеть Цзычжэнь, но он сдержал себя и лишь через несколько дней поручил жене охранника съездить за ней и привезти ее в Лушань.

Цзян Цин находилась тогда в Пекине, и с ней у Мао давно уже, года четыре, были сугубо формальные отношения. Каждый жил своей жизнью и не досаждал другому. Прежняя привязанность к некогда любимой жене прошла, осталась привычка. А возможно, еще и потребность иметь при себе преданного человека, каковым Цзян Цин, безусловно, была. Цзян, правда, много времени занималась своим здоровьем, по нескольку месяцев в году проводя на курортах Куньмина (столицы юго-западной провинции Юньнань), Циндао или Кантона. Она действительно одно время была серьезно больна: в конце 1956 года у нее обнаружили рак. Она вновь лечилась в Советском Союзе, а затем и в Китае и в конце концов пересилила болезнь. Но все пережитое сильно сказалось на ее характере: она стала раздражительной и нервной. То и дело скандалила с докторами, медсестрами и охранниками и говорить могла в основном лишь о своих болезнях[278].

Мао старался не волновать ее, а свои сексуальные потребности решал с бесчисленным количеством встречавшихся на его пути очаровательных девушек. Больше всего он любил танцовщиц из ансамбля песни и пляски Народно-освободительной армии.

Желание увидеть Цзычжэнь пришло к нему неожиданно, под впечатлением от цзянсийской природы. Его бывшая жена жила тогда в столице Цзянси — Наньчане, часах в четырех езды от Лушани. Выглядела она не лучшим образом. Встретившись с ней, Мао не мог скрыть грусти. Цзычжэнь явно была не в себе, то и дело говорила невпопад. О чем шла их беседа, неизвестно, но, проводив ее, Мао сказал охраннику: «У Хэ Цзычжэнь что-то с

головой не в порядке… Надо обратить внимание на ее состояние и завтра же увезти ее из Лушаня… До отъезда не отходите от нее ни на шаг. Будет плохо, если она случайно встретит кого-нибудь из знакомых»[279].

Больше они никогда не виделись.

А через несколько дней на совещании Мао испытал еще один стресс. И этот новый удар был гораздо сильнее, чем от встречи с Цзычжэнь. 14 июля он получил письмо от своего министра обороны Пэн Дэхуая, в котором содержалась критика «большого скачка». Пэн, правда, высказывался весьма осторожно, «великих достижений» не отвергал и на самого Председателя, естественно, прямо не нападал, но за всеми его рассуждениями сквозило явное недовольство маоцзэдуновским волюнтаризмом. Он писал об «определенной путанице» в вопросах собственности, о «довольно большом ущербе» от «всенародной выплавки стали» (без малого два миллиарда юаней), о «поветрии бахвальства», охватившем руководящие кадры, а также о «мелкобуржуазном фанатизме». «Все это было своего рода левацким уклоном», — подытоживал он и призывал «провести четкую грань между правдой и ложью».

Мао был вне себя. Вот и обнаружился скрытый враг! Не случайно в народе говорят: *«Лушань чжэнь мяньму»* («Лушань раскрывает истинный облик».) Да, конечно, Мао и сам понимал, что проблем в стране накопилось много, но ведь из письма Пэна следовало, что весь курс «большого скачка» был ошибочным! «Кое-кто одним махом думал заскочить в коммунизм, — писал Пэн, — …линия масс и стиль реалистического подхода к делу… были преданы забвению… По мнению… товарищей, все можно подменить политикой, если только сделать ее командной силой… Но политика как командная сила не может заменить экономических законов и тем более не может заменить конкретных мероприятий в экономической работе»[280].

Да ведь это сказано в его, Председателя, адрес! Как же он осмелился написать такое? Настроение у Мао вконец испортилось, и он даже потерял аппетит.

16 июля вечером он созвал у себя в Мэйлу совещание Постоянного комитета Политбюро и предъявил его членам (присутствовали Лю Шаоци, Чжоу Эньлай, Чжу Дэ и Чэнь Юнь) письмо Пэн Дэхуая. Все были подавлены, а Мао с негодованием заявил, что, если будет раскол в партии, он уйдет в горы, создаст новую компартию среди крестьян и новую Красную армию[281]. Решено было строго наказать «раскольника». Написав на письме «Мнение товарища Пэн Дэхуая», Мао передал его в канцелярию ЦК, приказав размножить и распространить среди участников совещания.

Теперь наступила очередь Пэна возмущаться закулисными действиями Председателя. Он-то написал ему конфиденциальное письмо, ни в коем случае не предназначавшееся для всеобщего обсуждения. Поэтому и не всегда стеснялся в выражениях. И вот теперь о его «бестактности» должны были узнать все! Еще утром 17 июля его ближайший сотрудник, начальник Генерального штаба НОАК генерал Хуан Кэчэн, которому Пэн сам показал письмо, выразил озабоченность по поводу «резкого стиля» «командующего» (так тогда все звали Пэна), но, подумав, добавил: «Впрочем, с Председателем вас связывают долгие годы совместной борьбы, так что вы, должно быть, хорошо понимаете друг друга»[282].

Как бы не так! Годы партизанского «братства» давно миновали (да и было ли оно, это «братство»?). Надо было готовиться к самому худшему.

18 июля, несмотря на протесты Пэна, потребовавшего от канцелярии ЦК изъять экземпляры письма, «написанного второпях», участники совещания начали обсуждать его послание Председателю. И подавляющее большинство, разумеется, с пеной у рта стало обвинять незадачливого «командующего» во всех смертных грехах. Настроение «великого кормчего» всем было понятно.

Кое-кто, правда, выразил Пэн Дэхуаю поддержку. Это были первый секретарь хунаньского комитета партии Чжоу Сяочжоу, бывший Генеральный секретарь ЦК компартии Ло Фу, выполнявший в то время функции заместителя министра иностранных дел, Хуан Кэчэн, а также новый секретарь Председателя Ли Жуй. Их тут же вместе с Пэном зачислили в «антипартийную группу», и утром 23 июля Мао, по его собственным словам, «поддал жару», объявив, что всю жизнь следовал принципу: «Если меня затрагивали, я отвечал тем же, если меня трогали первого, я давал сдачи».

Он подверг критике письмо Пэна «как программу правого оппортунизма», которая якобы осуществлялась «целеустремленно, по плану и в организованном порядке». А то, что Пэн Дэхуая поддержала группа «товарищей», расценил как создание «хора», где Пэн «пел, а другие… [ему] подпевали». «Я чувствую, что существуют две тенденции», — заявил он, и это прозвучало как приговор.

Вновь, на этот раз уже всем участникам совещания, Мао сообщил, что, «если гибель неизбежна», он уйдет в деревню и возглавит крестьян, чтобы свергнуть правительство. «Если Освободительная армия не пойдет за мной, — заявил он, намекая на то, что Пэн являлся министром обороны, — то я пойду искать

Красную армию. Но, по-моему, Освободительная армия пойдет за мной». При этом он, правда, признал некоторые свои ошибки (главным образом призыв к выплавке 10,7 миллиона тонн стали), однако тут же призвал всех собравшихся проанализировать их собственную ответственность.

«Очень трудно подобрать слова, чтобы выразить то тяжелое состояние духа, которое я испытал, слушая председателя, — вспоминал Пэн Дэхуай. — …Все происшедшее никак не укладывалось в голове. В тот момент у меня возникли очень сильные противоречивые чувства»[283]. В перерыве заседания Мао подошел к нему.

— Министр Пэн, давайте еще поговорим, — как бы между прочим предложил он.

— Нам больше не о чем разговаривать. — Красный от гнева Пэн Дэхуай еле сдерживал себя. — Разговор окончен[284].

Махнув рукой, он направился к выходу. Все разговоры с Мао были бесполезны.

2 августа для рассмотрения «дела об антипартийной группе во главе с Пэн Дэхуаем» здесь же, в Лушани, был созван пленум ЦК. На нем вновь выступил Мао, подвергший «раскольников» еще более уничтожающей критике. «Речь идет о борьбе… с правыми, которые предприняли злобное наступление на партию, на победоносное движение к социализму 600-миллионного народа», — подвел он черту[285].

После этого всем стало ясно, что на карьерах Пэн Дэхуая, Ло Фу, Хуан Кэчэна, Чжоу Сяочжоу и Ли Жуя можно поставить крест. Пэн выступил с самокритикой, но его обвинили в «нечестности, неискренности и лживости»[286]. Самокритичные заявления сделали и другие участники «группы», но это им тоже не помогло. «Я советую вам, — сказал Мао Пэн Дэхуаю и его «подельникам», — чтобы вы научились есть „перчик“, а как в противном случае вы сможете понять, что „перчик“ горек?»[287]

Через месяц после Лушаньского пленума дискредитированного «командующего» сняли с должности министра обороны. На его место Мао назначил Линь Бяо. Начальником Генерального штаба вместо Хуан Кэчэна стал Ло Жуйцин, до того возглавлявший министерство общественной безопасности. Потеряли посты и остальные «заговорщики». Пэн обратился к Мао с просьбой направить его в какую-нибудь «народную коммуну» простым крестьянином, но Председатель не согласился, посоветовав ему заняться самообразованием. Простить обиды ему и его «подельникам» он не мог до конца своих дней. Характерно, что после отставки Пэна выселили из Чжуннаньхая не куда-нибудь, а в полуразвалившийся дом

известного национального предателя У Саньгуя, в 1644 году сдавшего Китай маньчжурам[288].

Для Мао, однако, это была пиррова победа. Он совершенно отвык от критики, и мысль о том, что Пэн Дэхуай, возможно, был прав, не давала ему покоя. Он прекрасно видел результаты «большого скачка», но продолжал упорно твердить, что его генеральная линия правильна, достижения огромны, а перспективы светлы. Сознание же того, что в партии и в ее руководстве есть люди, которые считают его «недоумком», отравляла ему существование. После Лушани он стал особенно подозрителен: как и любой китаец, больше всего на свете он боялся «потерять лицо».

Но обстановка в стране не способствовала укреплению его авторитета. В отличие от 58-го года 59-й почти повсеместно выдался неурожайным. За исключением, может быть, Шаошани, где Мао порадовали колышущиеся нивы. В августе Мао срочно внес коррективы в планы: теперь в текущем году он удовлетворился бы и 275 миллионами тонн зерна вместо 525 и 12 миллионами тонн стали вместо 13[289].

Но было уже поздно. Голод в стране начал приобретать масштабы национального бедствия. Надо было что-то срочно делать, чтобы не допустить катастрофы, но Мао теперь заботило лишь «сохранение лица». Страдания миллионов почти не беспокоили его. Он даже находил время для шуток. «В какой-то период, — говорил он. — …бывает очень мало овощей, нет или очень мало заколок для волос, нет мыла, нарушаются пропорции, на рынке появляется напряженность. Все нервничают, так что на душе у людей делается неспокойно, но мне кажется, что не надо волноваться… Если ты беспокоишься в первую половину ночи, то прими во вторую половину ночи снотворное и не будешь беспокоиться»[290].

После Лушаньского пленума он решил усилить свой культ. Ведь «почитание личности, — считал он, — может быть двух видов: одно почитание правильное — например, мы должны относиться с почтением, должны вечно относиться с почтением к Марксу, Энгельсу, Ленину, Сталину, ко всему правильному. Нельзя относиться к ним без почтения. Да и почему их не почитать, если истина в их руках… Другой вид — это неправильное почитание, слепое почитание без аналитического подхода. Так не годится»[291]. Понятно, свой культ он относил к первому виду.

Новый всплеск культовых эмоций потряс Китай уже в конце августа — начале сентября 1959 года, сразу после Лушаньского пленума. И главные партии в хоре льстецов исполнили Лю Шаоци

и Линь Бяо, давшие старт безудержному восхвалению Мао на расширенном заседании Военного совета ЦК КПК в Пекине. «Руководство товарища Мао Цзэдуна, — заявил Лю, — нисколько не уступает руководству Маркса и Ленина. Я уверен, что если бы Маркс и Ленин жили в Китае, они руководили бы китайской революцией точно так же». И далее: «Партии нужно иметь авторитет, пролетариату нужно иметь авторитет. Если у нас не будет авторитета какого-либо одного человека, как же осуществить строительство?»[292] Что же касается Линя, то он так зарапортовался, что назвал современный марксизм-ленинизм (и не только в Китае, но и вообще в мире) «идеями Председателя Мао»[293].

На душевные раны Мао Цзэдуна эти слова действовали как наилучший бальзам. Он постепенно приходил в себя.

Но тут его вновь разозлил Хрущев. В сентябре 1959-го лидер КПСС собрался в поездку в Соединенные Штаты, чтобы в духе своей теории «мирного сосуществования двух систем» провести переговоры с Эйзенхауэром, которого Мао, вполне логично, считал главным врагом. Накануне визита Хрущев делал все, чтобы не осложнить обстановку в мире и не повредить советско-американским отношениям. Но тут как на грех в самом конце августа на китайско-индийской границе вспыхнул вооруженный конфликт. Сама граница в горах была фикцией, да к тому же проводилась она когда-то давно англичанами, так что правительство Индии не считало ее законной. Вот почему индийские пограничники взяли да перешли ее. К тому времени отношения двух стран и без того были напряженными из-за подавления китайцами в марте 1959 года мятежа тибетцев, требовавших предоставления независимости. Духовный лидер Тибета Далай-лама бежал в Индию, переодевшись простым солдатом, и Неру выступил в его защиту. Китайско-индийский пограничный конфликт, в ходе которого одного индийца убили, а другого — ранили, был совершенно не нужен Хрущеву перед его встречей с американским президентом. Долго заниматься этим сложным вопросом ему тоже не хотелось, но поскольку правительство США встало на сторону Тибета и Индии, надо было что-то делать. И он дал задание МИДу подготовить текст заявления ТАСС по поводу ситуации на китайско-индийской границе (готовили его два китаиста — Константин Александрович Крутиков и Михаил Степанович Капица, а редактировал сам Громыко). Текст получился чудовищным, так как Хрущев хотел услужить «и нашим, и вашим», а потому мидовские чиновники дали ясно понять, что СССР придерживается «нейтралитета». «Нам, — пишет Крутиков, — …

было ясно, что заявление ТАСС… будет расценено как вмешательство в китайские дела». Так оно и вышло: «В Пекине заявление ТАСС было расценено как неблагоприятное для Китая. Там сочли, что СССР уклонился от поддержки своего союзника… И конечно, их раздражало, что Хрущев предпринял этот нажим на Китай, налаживая свои отношения с Соединенными Штатами»[294].

Видимо, унижение, копившееся во время «бассейных переговоров», в какой-то момент переполнило чашу терпения Хрущева, и он стал действовать в отношениях с Китаем так топорно, что Председатель просто кипел от негодования. Накануне Лушаньского совещания, 20 июня 1959 года, Хрущев, например, неожиданно объявил, что аннулирует соглашение о предоставлении Китаю технологии производства ядерного оружия[295]. Это соглашение существовало с октября 1957-го (именно тогда в Москве был подписан соответствующий советско-китайский протокол). По нему правительство СССР обещало предоставить Китаю готовую модель атомной бомбы и поручить советским ученым обучить китайских специалистов, как ее делать. В августе 1958-го, едва вернувшись из Пекина, Хрущев даже послал специальную делегацию в КНР для подготовки условий передачи бомбы[296]. И вдруг дал задний ход. (Позже он объяснит, что ему стало просто обидно: «Нас так поносят… а мы в это время, как послушные рабы, будем снабжать их атомной бомбой?»[297])

Вскоре Мао стало известно, что, находясь в польском городе Познани 18 июля 1959 года, Хрущев принялся резко критиковать «коммуны», заявив, что те, кто играет с этой идеей, «плохо понимают, что такое коммунизм и как его надо строить»[298].

Что вдруг взбрело тогда в голову советскому лидеру, сказать трудно. Он часто бывал навеселе, особенно во время дипломатических приемов, а потому нередко нес околесицу[135], но Мао прощать его не собирался.

А Хрущев и не хотел извиняться. Он вообще теперь не желал «давать спуску» «младшему брату». В его воспоминаниях есть фразы, что он «тоже не святой», что он «много терпел» и т. д. В конце концов его прорвало. Приехав 30 сентября 1959 года в Пекин на празднование 10-й годовщины Китайской Народной Республики, он уже не стал сдерживать своих эмоций. Глядя на него, также грубо повели себя и члены его делегации. Открытую враждебность начал проявлять и Мао, а заодно с ним и остальные китайские руководители. Эпоха великой дружбы подошла к концу[299].

Взрыв эмоций захлестнул и ту и другую сторону во время переговоров 2 октября. В центре дискуссии было два главных

вопроса: отношения СССР и КНР с США, в том числе по тайваньской проблеме, и китайско-индийский пограничный конфликт. Мао просто взорвался, когда Хрущев, только что вернувшийся из Америки, предложил ему от имени Эйзенхауэра проявить «добрую волю» и вернуть на родину пятерых американцев, взятых китайской армией в плен во время войны в Корее. Для Мао это означало одно: ради улучшения своих связей с империалистами советский лидер готов изменить делу социализма!

Точно так же расценил он и заявление Хрущева о том, что правительство СССР не может допустить возникновения новой мировой войны из-за Тайваня[300]. Ведь только недавно тот заверял Мао и Эйзенхауэра, что в конфликте КНР с гоминьдановцами он не остановится перед нанесением ядерного контрудара по «агрессору», если таковой (имелись в виду США) осмелится напасть на Китайскую Народную Республику! И вот теперь вдруг пошел на попятную[136]. Что же это, как не предательство?

Еще большее раздражение Мао и других членов китайского руководства вызвали заявления Хрущева по поводу Индии и Тибета. А тот прямо сказал: «Если вы мне позволите сказать то, что гостю говорить не разрешается, то события в Тибете это ваша вина». После чего дал ясно понять, что не верит в китайскую версию пограничного конфликта с Индией. На это министр иностранных дел КНР маршал Чэнь И с нескрываемой враждебностью заявил, что политика СССР — это «оппортунизм-приспособленчество». Хрущев вспыхнул и стал кричать Чэню: «Если мы, по-вашему, приспособленцы, товарищ Чэнь И, то и не подавайте мне вашей руки! Я не пожму ее!» Слово за слово, и началась настоящая перепалка. Советского гостя так разобрало, что он совершенно потерял над собой контроль. И в конце концов произнес, обращаясь к Чэнь И, что-то несуразное, но очень грубое: «Вы не плюйте на меня с высоты вашего маршальского жезла! У вас слюны не хватит. Нас нельзя запугать»[301]. Но тот, вспоминает Хрущев, «как заведенный, вновь и вновь твердил: „Неру, Неру, Неру!“»[302]

После встречи советский лидер сказал членам своей делегации: «У нас один путь — с китайскими коммунистами. Мы считаем их своими друзьями. Но мы не можем жить даже с нашими друзьями, если они говорят с нами свысока»[303]. А потом вдруг стал зло высмеивать китайцев, рифмуя их имена с русскими нецензурными словами, а самого Мао называя «старой калошей»[304].

Перебранка между Хрущевым и Чэнь И была продолжена на следующий день в аэропорту перед отлетом советского гостя.

Хрущев прибыл в Пекин на неделю, но после тяжелых переговоров решил прервать визит.

Мао на этот раз не встревал в полемику. Казалось, он все решил. Связать порванную нить уже было нельзя.

Через три месяца, оглядываясь назад, он констатировал: «С марта 1959-го наши друзья [советские руководители] пели в мощном антикитайском хоре вместе с империалистами и реакционными националистами, а также с титовскими ревизионистами. [Ну что ж!] В течение долгого времени Китай, с одной стороны, будет находиться в изоляции, но, с другой стороны, приобретет поддержку многих коммунистических партий, многих стран и многих народов. И через восемь лет, пройдя все испытания, Китай станет очень сильной страной… Чем темнее облака, тем сильнее свет»[305].

И вновь, как два года назад, он призвал китайский народ осуществить «перманентную революцию». Надвигавшаяся экономическая катастрофа, однако, внесла коррективы в его амбициозные планы.

Часть VIII
ПОСЛЕДНИЙ ИМПЕРАТОР

ГОЛОД И СТРАХ

Все лето 1959 года на северо-востоке Китая свирепствовала засуха, а на юге шли проливные дожди. Измученное население потеряло энтузиазм. Но Мао все еще верил, что трудности — временные и ему удастся переломить обстановку. Большие надежды возлагал он на новый, 1960 год. И планы по-прежнему выдвигал грандиозные. «Обстановка в стране прекрасная», — настаивал он[1]. Теперь ему нужны были 300 миллионов тонн зерновых и 20–22 миллиона тонн стали. И это несмотря на то, что урожай зерна в 1959 году составил всего 170 миллионов тонн, а выплавка стали — 13. Весной 1960 года все газеты Китая трубили о «новом большом скачке»[2].

Но 1960 год стал еще более драматичным, чем предыдущий. Теперь уже всю страну поразила тяжелейшая засуха. Такой жары не было с начала века. Реки и каналы обмелели, даже могучая Хуанхэ превратилась в тоненький ручеек. Вслед за засухой пришло время дождей и тайфунов, реки вышли из берегов. Хлипкие дамбы не выдержали напора стихии, началось ужасное наводнение. В итоге на более чем половине обрабатываемых земель урожай либо сгорел на корню, либо оказался затоплен. Сбор зерновых составил всего 143 с половиной миллиона тонн. На 50 миллионов меньше, чем в доскачковый 1957 год.

В стране разразилась настоящая гуманитарная катастрофа. Такого страшного голода история Китая еще не знала. Люди умирали десятками тысяч каждый день! И в деревнях, и в городах.

Особенно бедствовали крестьяне, у которых государство отобрало последние крохи. Во многих деревнях есть было просто нечего. Изможденные до крайности жители рыскали по окрестностям в поисках чего-нибудь съестного. Обдирали листья и кору с деревьев, собирали червей, жуков и лягушек, дикорастущие овощи и злаки. Во многих местах ели даже землю, перемешанную с сорняками. Такая земля считалась съедобной и называлась *«Гуаньинь ту»* («земля Богини Милосердия Гуаньинь»). На самом деле, конечно, употребление ее в пищу могло привести лишь к летальным исходам, несмотря на то, что в отдельных местах землю варили, прежде чем съесть. Очевидец вспоминает: «Люди смешивали ее [землю Гуаньинь] с кукурузной мукой и полученный таким образом хлеб был… очень сытным… Но, попав в желудок, земля вбирала в себя все соки из толстой кишки, и… многие не успевали даже добраться до госпиталя, другие же умирали на операционном столе»[3].

Вновь, как и в 1957–1958 годах, люди стали охотиться на воробьев, только теперь для того, чтобы утолить голод. Не щадили и других пернатых. Еще один очевидец рассказывает: «Мы начали есть все, что летает. Я старался сбить воробьев камнями. И если мне удавалось убить одного, я приносил его домой матери, которая варила суп для бабушки… Только так бабушка и выжила… Но потом птиц стало мало, и мы стали обдирать листву с деревьев… Люди даже осушали пруды и съедали все, что могли найти в них, в том числе водяных змей… Когда же почти ничего не осталось, много людей умерли от голода… В каждой семье во время великого голода скончалось по два-три человека»[4].

В некоторых провинциях вымирали целые деревни. Вот что сообщает один из врачей, посетивших западную часть Ганьсу в составе группы инспекторов, обследовавших ситуацию: «Рано утром мы подошли к большой деревне, но не обнаружили ни малейших признаков жизни ни в одной из жалких грязных лачуг. Мы заметили только несколько человек, которые были так слабы, что с трудом могли просить милостыню. Начальник нашей команды стал кричать: „Жители! Выходите! Председатель Мао и коммунистическая партия прислали врачей, чтобы спасти вас!“ Но кричать ему пришлось долго. Наконец те, кто был еще жив, выползли из домов. Впечатление они производили ужасное и, если бы упали наземь, вряд ли смогли вновь подняться. Наша команда находила одну груду трупов за другой. Я толкнул дверь в какую-то хижину и вынужден был отпрянуть из-за запаха. Изнутри жилища раздался слабый стон, и я увидел двух или трех человек, неподвижно лежавших на *кане*. Впереди лежал старик и одной рукой указывал мне на что-то. Вместе с ним лежала женщина, которая давно уже была мертва. Это ее разлагавшееся тело издавало столь сильный запах. Рука старика указывала на тело ребенка, конечности которого были вытянуты, а рот широко открыт. Казалось, дитя кричит, но на самом деле оно было уже мертво в течение нескольких дней»[5].

Не менее ужасающей была ситуация в юго-восточной Фуцзяни. «Мы были так слабы, что не могли работать, — вспоминает один из местных жителей. — …А вскоре умер мой брат. Я до сих пор помню, как он выглядел накануне смерти. Он, был уже слишком слаб и не мог ходить. Он лежал на кровати, шепча одно слово: „Есть, есть, есть“. Он продолжал стонать до самой кончины. Поняв, что он умер, отец и мать выскочили из дома. Моя мама была ошеломлена и убита, она не знала, что делать»[6].

«Неужели Председатель Мао даст нам [всем] умереть с

голоду?» — вопрошали члены «коммун» в письмах сыновьям, служившим в армии[7]. Кое-где люди стали восставать, нападать на железнодорожные составы с зерном, амбары и зернохранилища, часто под водительством партийных секретарей. В других местах деревенские «коммунары» ударились в бега. Особенно мощным был поток беженцев в города, где, как наивно полагали крестьяне, люди объедались рисом и мясом. В 1958–1961 годах примерно миллион человек мигрировал из деревень Аньхоя, 1,5 миллиона — из «народных коммун» Хунани, 1600 тысяч — из сел Шаньдуна. Всего же в исходе приняли участие более 10 миллионов человек. Не все из них, правда, смогли добраться до городов. Многие умерли по дороге, голодные и обессиленные. «Весь путь из нашей деревни в соседний город был устлан трупами, — вспоминает житель северо-востока Китая, — и изо всех придорожных рвов доносились пронзительные вопли. Повернув голову на эти крики, можно было увидеть головы брошенных детей. Многие родители думали, что у их чад будет лучший шанс выжить, если их кто-нибудь подберет. Рвы были достаточно глубокими, так что дети не могли из них выбраться, но их было хорошо видно с дороги, и некоторые прохожие могли и впрямь кого-нибудь подобрать»[8].

Но и в городах, в том числе в столице, ситуация была не лучше. Один из пекинцев рассказывает: «Достать что-либо было крайне трудно. Но как-то раз мы с подругой раздобыли немного сахара. Так хотелось его тут же съесть. Однако, полюбовавшись на сладкие кусочки, решили отнести их нашему коллеге. Он был настолько плох, что его поместили в госпиталь. Хотя и там кормить его было нечем. Как же он обрадовался, когда мы протянули ему слипшийся сахар! Но съесть его не успел. Просто улыбнулся и умер»[9].

Даже за стенами Чжуннаньхая стал ощущаться голод. «Наш рацион сократили до шестнадцати фунтов зерна в месяц, — вспоминает личный врач Мао. — Мяса, яиц и растительного масла невозможно было достать. Нам позволяли покупать овощи на рынке, но и там их продавалось немного. Некоторые организовывали экспедиции для охоты на диких козлов, но скоро и козлы исчезли… Наши желудки всегда были полупустыми»[10].

Со всеми вместе решил поголодать и Мао: он перестал есть мясо. «Все голодают, — говорил он людям из своего окружения. — В этих условиях я не могу есть мясо». Стоически переносили трудности и другие лидеры партии. Чжоу Эньлай тоже отказался от мяса, а заодно и от яиц, сократив при этом свое потребление риса до семи килограммов в месяц. Многие партийные руководители вместе с женами начали выращивать овощи прямо во внутренних двориках своих роскошных

особняков, ездить за город собирать дикие травы и съедобные коренья, пить чай из листьев. Но это, конечно, ничуть не ослабило проблему голода в стране.

А тут еще из-за обострившихся межпартийных отношений Хрущев принял решение отозвать из Китая всех советских специалистов! Более тяжелого и безжалостного удара голодной стране он нанести не мог! Впрочем, от Хрущева можно было этого ожидать. Он ведь только казался хлебосольным весельчаком, а жесток был не меньше Сталина!

За полтора месяца на родину выехали 1390 советских инженеров и техников, ученых, конструкторов и других экспертов. С собой они вывезли всю научную документацию, проекты и чертежи. Многие стройки оказались законсервированы, научные проекты — свернуты. Понятно, что это привело к дальнейшему ухудшению экономического положения КНР.

Решение об отзыве специалистов Хрущев принял спешно — в середине июля 1960 года, сразу после съезда Румынской коммунистической партии, на котором он схлестнулся с главой китайской делегации Пэн Чжэнем, заместителем Генерального секретаря ЦК КПК и мэром Пекина. За девять месяцев, прошедших со времени последнего неудачного визита Хрущева в Пекин, отношения двух партий и стран стремительно ухудшались. Так что бухарестский взрыв хрущевских эмоций и последовавший за ним отзыв экспертов из КНР были далеко не случайными.

Скрытая перебранка в печати и на различных партийных форумах шла всю зиму и весну 1959–1960 годов. И наконец в конце апреля 1960 года вылилась на страницы открытой печати. Поводом к этому послужило празднование как в СССР, так и в КНР девяностолетней годовщины со дня рождения Ленина (22 апреля). К этой дате теоретический журнал КПК «Хунци» опубликовал обширную редакционную статью «Да здравствует ленинизм!», а газета «Жэньминь жибао» — немногим меньшую по размеру передовицу «Вперед по пути великого Ленина!». Обе работы носили резко полемический характер и были непосредственно заострены против КПСС. Точнее, против хрущевской политики «мирного сосуществования двух систем» и его же тезиса о возможности «мирного перехода от капитализма к социализму». Наиболее важной и хорошо документированной ссылками на Ленина, Маркса и Энгельса была статья «Хунци», окончательная редакция которой принадлежала самому Мао. Ее главная идея заключалась в том, чтобы доказать: вождь мирового пролетариата до конца своих дней считал войны неизбежным сопутствующим фактором империализма.

Русские ответили выступлением старого коминтерновца Отто Вильгельмовича Куусинена, который, правда, ничего не мог найти лучше, как сослаться на вдову Ленина Крупскую. Последняя, по его словам, как-то вспоминала о том, что ее покойный муж считал: придет когда-нибудь время, и войны станут настолько разрушительными, что вести их будет нельзя[11].

Воспоминания Надежды Константиновны убедить Мао и других лидеров КПК не смогли. Бессмысленные споры о будущем были продолжены. В июне 1960 года китайская сторона использовала для этого трибуну сессии Генерального совета Всемирной федерации профсоюзов, заседания которой проходили в Пекине. К тому времени ее позиции, казалось, окрепли, и способствовали этому американцы, которые как нельзя более кстати для китайцев накануне этого форума дали всем вновь понять, что от планов сдерживания коммунизма не отказываются. 1 мая в небе над Свердловском советской ракетой был сбит их самолет У-2, занимавшийся сбором разведывательной информации. Его пилот Гарри Пауэрс оказался в руках советских властей, после чего сам Хрущев, недолго думая, раздул шпионский скандал. О том, что это играло на руку Мао Цзэдуну, гневный глава КПСС, казалось, не думал; в тот момент ему больше всего хотелось обругать Эйзенхауэра, так грубо его обманувшего. Китайцы же, разумеется, не преминули воспользоваться ситуацией для усиления критики в адрес «ошибочной политики» советской компартии. Хрущев попытался обсудить этот вопрос с Мао, чтобы «затормозить ряд мер»: 12 мая он пригласил его приехать в Москву. Но тот отказался[12].

И вот в Бухаресте, столкнувшись с Пэн Чжэнем на съезде РКП, Хрущев не выдержал. Заготовленную заранее речь отбросил и стал вдруг поливать гневными словами лично Мао. Он назвал его «ультралеваком», «ультрадогматиком», «левым ревизионистом», «Буддой, который сидит и высасывает теории из пальца» и «старой калошей». Кроме того, обвинил его в том, что тот «не считается ни с чьими интересами, кроме своих собственных»[13]. Пэн Чжэнь, понятно, тоже за словом в карман не полез и заявил с усмешкой, что Хрущева во внешней политике бросает то в жар, то в холод. Тогда Хрущев переключился на вопрос о Сталине и культе личности. Федор Михайлович Бурлацкий, присутствовавший на съезде, вспоминает, как Хрущев стал кричать главе китайской делегации[137]: «Если вам нужен Сталин, забирайте у нас его гроб! Мы пришлем вам его в специальном вагоне!»[14]

В Москву лидер КПСС вернулся в крайне возбужденном состоянии, а потому вряд ли всерьез задумывался о тех

тяжелейших последствиях, которые принимаемое им решение об отзыве советских специалистов могло иметь для народного хозяйства КНР. Ему просто захотелось побольнее наказать Мао Цзэдуна.

А между тем люди в Китае продолжали умирать. И хотя Мао пошел на чрезвычайные меры, дав «добро» на закупку продовольствия за границей, ситуация не улучшалась. В 1961 году КНР импортировала 4 миллиона тонн зерна из Австралии, Канады и (через третьи страны) — из США; в следующем году — еще больше[15]. Но кризис по-прежнему был силен. Даже Хрущев вдруг что-то понял и 27 февраля 1961 года в личном письме Мао предложил поставить Китаю миллион тонн зерна (300 тысяч тонн пшеницы и 700 тысяч тонн ржи), а также 500 тысяч тонн кубинского сахара. Ответ он получил от Чжоу Эньлая, согласившегося взять только сахар. «СССР сейчас сам испытывает трудности, — заявил Чжоу. — Так что мы не хотим обременять Советский Союз»[16].

Официально китайские власти не признавали наличие голода. Более того — делали все возможное, чтобы его скрыть. Во второй половине 1960 года по распоряжению Мао в Китай на пять месяцев был приглашен «старый друг» китайской компартии Эдгар Сноу, которому разрешили посетить многие внутренние районы страны, в том числе самые бедные. В конце поездки с ним дважды встретился Мао, а также (один раз) — Чжоу Эньлай. Мао был прост, общителен и дружелюбен, как и двадцать четыре года назад в Баоани. Он рассказал Сноу о «великих успехах» «большого скачка», особенно в производстве стали, но при этом добавил, что Китай по-прежнему является «бедной и отсталой страной». Впрочем, волнений по этому поводу он не выразил. Просто философски заметил, что «людям надо познать кое-какие трудности, кое-какие лишения и кое-какую борьбу». О массовом голоде не было сказано ни слова, Мао лишь мрачно пошутил, что «китайский народ — в основном вегетарианцы и хоть и едят немного мясо, но недостаточно»[17]. Так что неудивительно, что после своей поездки Сноу рассказал всему миру то, что и нужно было «великому кормчему»: «Я должен засвидетельствовать, что не видел в Китае ни голодающих людей, ни вообще ничего такого, чтобы напоминало голод прошлых времен… Я не верю, что в Китае есть голод»[18].

Слова Сноу, разумеется, не дошли до слуха миллионов китайцев, умирающих от недоедания. Не услышали несчастные голодающие и откровений британского фельдмаршала Бернарда Ло Монтгомери, посетившего Китай дважды, в мае 1960-го и сентябре 1961 годов, и после встреч с Мао объявившего:

«Разговоры о широкомасштабном голоде, тысячах умерших от голода, ужасающей нищете, апатии и о неспокойном населении — совершенно не правдивы, это все ложь, распространяемая теми, кто хочет падения режима Мао Цзэдуна и его правительства. Все подобные разговоры — чепуха, возможно, даже опасная»[19]. Не узнали простые граждане КНР и о том, что их собственный Председатель в феврале 1961-го заявил французскому социалисту Франсуа Миттерану: «Я повторяю, чтобы все слышали: в Китае нет голода»[20]. Все это, разумеется, говорилось на заграницу.

Только в 1980 году, уже после смерти Мао, Китай официально признал массовую гибель людей от голода во время и после «большого скачка». Генеральный секретарь ЦК КПК Ху Яобан назвал тогда цифру в 20 миллионов погибших, однако, по некоторым оценкам, эти данные явно занижены. Наиболее реальной следует считать цифру в 30 миллионов, но и она не окончательна. Ведь только в одной провинции Сычуань, население которой в 1957 году составляло 70 миллионов человек, скончался каждый восьмой житель, а в 33-миллионном Аньхое и 12-миллионной Ганьсу — каждый четвертый[21].

Общий ущерб от «большого скачка» составил 100–120 миллиардов юаней, что в два раза превышало объем капиталовложений в экономику КНР, сделанных за все годы первой пятилетки![22]

В любой нормальной демократической стране после такого провала все руководство должно было бы уйти в отставку. Но КНР не являлась государством подлинной демократии. Тотальная власть принадлежала партийно-правительственной бюрократии, опиравшейся на армию, полицию и разветвленный чиновничий аппарат. Партийные структуры пронизывали все ячейки общества, ограничивая социальную активность населения жесткими рамками. Деятельность вне партии подавлялась, инакомыслие преследовалось. Да, бюрократия формировалась из самого народа, точнее из его наиболее низших классов — беднейшего крестьянства, *хакка,* а также бывших люмпенов, пауперов и прочего пролетариата. Но выражала она прежде всего собственные корпоративные интересы, заботясь главным образом о сохранении своих привилегий и власти. На вершине бюрократической пирамиды находилась группа «старых революционеров», участников классовых битв 20–40-х годов. «На сегодня, — говорил Мао Эдгару Сноу в октябре 1960 года, — [у нас] в живых осталось около восьмисот ветеранов. В общем и целом страна по-прежнему управляется этими восьмьюстами и еще какое-то время будет зависеть от них»[23].

Понятно, в таких условиях более или менее реальная оппозиция лидеру партии могла исходить только из этого узкого слоя партийной элиты. И именно настроения в этом кругу больше всего и волновали Мао, особенно после неожиданного для него выступления Пэн Дэхуая. Ведь голод и экономические неурядицы могли вновь вызвать неудовольствие старых товарищей, многие из которых еще не изжили «новодемократические» настроения.

Он понимал, что надо было что-то делать с экономикой, а может быть, и с политикой, но признаваться в своих коренных просчетах ему не хотелось. В то же время нельзя было дожидаться, пока кто-нибудь опять напишет ему письмо. Требовалось сейчас же перехватить инициативу, но всю весну и большую часть лета 1960 года Мао был страшно угнетен. И только к августу смог пересилить себя. Но к тому времени в правительстве стали уже раздаваться голоса, настаивавшие на прекращении «большого скачка». В июле 1960-го глава Госплана Ли Фучунь предложил принять новый экономический курс — на «урегулирование, укрепление и повышение». Его поддержал Чжоу Эньлай, добавивший в эту формулу еще одно слово: «пополнение». Горячее одобрение этой политике выразил и другой бывший «умеренный», Чэнь Юнь[24].

Мао понял, что и ему надо действовать быстро. Он стал настаивать на обследованиях, но при этом, как всегда, продолжал сваливать вину на местные кадры. «В некоторых коммунах работники сильно зарвались, потеряли всякое представление о дисциплине; они посмели без санкции вышестоящих органов заниматься уравниловкой и перераспределением», — говорил он не краснея[25]. Вот эти-то кадры и надо было проверить.

В то же время, считал он, следовало мобилизовать на помощь крестьянам как можно большее число горожан, переместив в деревню миллионы промышленных рабочих и интеллигентов. У этой идеи был свой резон. За годы «большого скачка» в связи с ростом промышленности численность городского населения Китая увеличилась в два раза именно за счет притока рабочих рук из деревни. Теперь же Мао решил вернуть селу хотя бы часть этих рук. Конечно, под мобилизацию попали «и правые, и виноватые», так что многие из тех, кто был отправлен в деревню, прежде всего интеллигенты, никогда до того там не работали. Но Мао, да и никого другого из вождей партии, это ничуть не смущало. «Человек должен есть каждый день, вне зависимости от того, чем занимается — промышленностью, сельским хозяйством, транспортом, образованием, капитальным строительством или чем-то другим; никто не может существовать без зерна», — объявил Председатель, потребовав «принять все эффективные

меры» для того, чтобы «укрепить первую линию сельскохозяйственного производства» путем увеличения числа рабочих рук в деревенских «народных коммунах»[26]. Его указание тут же стало руководством к действию: под нажимом партийных властей сотни тысяч горожан потянулись на работу в поля.

Но главное, что он предложил, было настолько радикальным, что затрагивало уже вопросы политики. В сентябре 1960-го, после тщательного анализа ситуации, он потребовал от членов Постоянного комитета Политбюро сделать основной хозрасчетной единицей на селе «бригады», или, по-другому, «производственные звенья», состоявшие из двадцати или чуть более дворов. Горячо же любимые им «народные коммуны» должны были остаться только основными административными объединениями, а также одним из важнейших составных элементов трехступенчатой системы собственности в деревне. Эта система, введенная сразу вслед за созданием «народных коммун» в 1958 году, означала, что одна часть средств производства, например, почти вся земля, принадлежала «коммуне» в 40–50 тысяч человек в целом, в то время как другая делилась между входившими в «коммуны» «крупными производственными бригадами», объединявшими по шесть тысяч человек, и находившимися на нижнем уровне небольшими «производственными звеньями», состоявшими из 200 или чуть более человек. Каждой ступени собственности, таким образом, соответствовал свой уровень обобществления.

На базе этого предложения в самом начале ноября ЦК издал директиву из двенадцати пунктов «Экстренные указания по вопросам текущей политики в отношении сельских народных коммун», в соответствии с которой «коммунарам» разрешалось иметь небольшие приусадебные участки и заниматься подсобными промыслами в ограниченных масштабах. Автором этого документа был Чжоу Эньлай[27].

А вскоре от имени Центрального комитета Мао направил провинциальным, городским и районным комитетам партии специальную директиву, в которой потребовал «окончательно искоренить пять поветрий»: обобществления личного имущества, очковтирательства, администрирования, обособленности кадровых работников и слепого командования производством. Причем упор надо было сделать на искоренении «поветрия обобществления имущества»[28].

Как видно, крен «вправо» в настроениях Мао был ощутимым. Однако о том, чтобы капитулировать перед «умеренными», Председатель и не думал. Ему просто хотелось, чтобы идея реформ шла от него. И он своего достиг. Очередной пленум ЦК,

состоявшийся в январе 1961 года, прошел по его сценарию. Реформированию «коммун» был дан «зеленый свет». Ничего особенно революционного в этом, правда, не было: просто партия сделала шаг назад, к эпохе кооперативов высшей ступени середины 50-х. Но Мао мог быть доволен: участники пленума пережевывали его идеи.

В конце собрания он вновь призвал всех заняться обследованием. «Мы должны взглянуть на все собственными (а не чужими) глазами, послушать своими ушами, пощупать своими руками… Во всем надо исходить из практики», — внушал он. В то же время слегка пожурил ЦК, заметив, что тот «осенью прошлого года… четко не представлял себе положения, не разобрался в нем да и не до конца исправил его». Тем самым лишний раз подчеркнул, что именно он инициатор нового курса на урегулирование, вовремя разобравшийся в обстановке. «1961 год должен стать годом реалистического подхода к делу, — объявил Мао и тут же добавил: — Не надо вешать нос, если сделал ошибку»[29]. Казалось, ему легко удалось избежать кризиса в партии.

Но все-таки он мало что понимал в экономике. И главное — отдавал себе в этом полный отчет. «Я не понимаю многих вопросов экономического строительства, — говорил он в минуту откровенности. — И не очень хорошо разбираюсь в промышленности и торговле; разбираюсь немного в сельском хозяйстве, но тоже лишь до какой-то степени, то есть понимаю в нем немного»[30]. Именно поэтому он впал в такую депрессию весной 1960 года, когда понял, что голод действительно принял катастрофические масштабы. И хотя с осени он вновь начал проявлять повышенную активность, настроение его оставалось подавленным. Он чувствовал, что что-то в его расчетах дало сбой. «Большой скачок» провалился. Но четкого плана урегулирования у него не было. Возвращаться к «новой демократии» было абсурдным. Это значило перечеркнуть весь опыт строительства социализма, признать неправоту в споре с «умеренными» и «потерять лицо». Ломиться же и далее напролом в коммунизм было чревато взрывом мощного народного негодования. «Знаете, мы располагаем опытом, курсом, политическими установками и методами в политике, военном деле, в классовой борьбе, — сказал он Сноу в октябре 1960 года, — что же касается социалистического строительства, то им мы никогда прежде не занимались, и опыта у нас еще нет. Вы можете спросить: разве мы не занимаемся этим вот уже 11 лет? Действительно, занимаемся 11 лет, но знаний еще не хватает, опыта еще не хватает, можно считать, что мы только-только начали его накапливать, но его все

равно еще немного»[31].

Вот почему первое, что ему пришло в голову, — это чуть сбавить коммунистические обороты, по существу, вернувшись на какое-то время (по крайней мере, на семь ближайших лет) к доскачковым формам организации производства. О том же, что делать дальше, он не имел никакого понятия. Характерно, что когда Сноу попросил его рассказать о долгосрочных планах экономического строительства в Китае, Мао ответил: «Не знаю». Тот был поражен: «Вы говорите слишком осторожно». Но Мао подтвердил: «Дело не в том, осторожно или неосторожно я говорю, просто я не знаю, просто у нас нет опыта».

От всех амбициозных скачковских планов он отказался и теперь считал невозможным построение в Китае мощной социалистической экономики за 50 лет. «Чтобы догнать и перегнать наиболее передовые капиталистические страны мира, — говорил он уже безо всякого энтузиазма, — по-моему, придется потратить 100 с лишним лет»[32]. В середине апреля 1961 года он дал распоряжение ликвидировать общественные столовые, превратившиеся, по его словам, в «раковую опухоль»[33].

Угнетенный, он решил отойти пока на «вторую линию», дав возможность другим, энергичным членам партийного руководства, проявить свою деловитость. Проводить новый курс из «восьми иероглифов» (на «урегулирование, укрепление, пополнение и повышение»[138]) он поручил Лю Шаоци, который тогда все еще фанатично его поддерживал. Помогать Лю, о котором Мао стал говорить как о своем преемнике, должны были Чжоу Эньлай, Чэнь Юнь и Дэн Сяопин, а также другие члены Политбюро. Позже, спустя несколько лет, он объяснил, почему это сделал: «Я ответствен за разделение [руководства] на первую и вторую линии. Почему возникла потребность делить [руководство] на первую и вторую линии? Во-первых, здоровье плохое [здесь Мао лукавил]; во-вторых, — урок Советского Союза. Маленков оказался незрелым, перед смертью Сталин никому не передал власть. На каждом совещании они [Лю и другие] произносили в честь друг друга тосты, льстили друг другу. Я думал до смерти создать им авторитет»[34].

Это не значит, конечно, что Мао перестал участвовать в различных совещаниях и заседаниях, но выступления его стали краткими и какими-то бессодержательными. Он все призывал администраторов проводить «систематическое обследование и изучение действительности», а не «созерцать цветы с лошади», ворчал, что «кадровые работники всех ступеней еще не поняли по-настоящему, что такое социализм», и требовал бороться с «поветрием обобществления»[35]. На большее его не хватало.

А в это время в стране происходили потрясающие вещи. В Аньхое и некоторых других местах крестьяне стали выходить из «коммун» и бригад, делить землю и брать на себя так называемый семейный подряд. Они договаривались с местным начальством об аренде земли у «коммуны», обязуясь в сезон урожая сдать государству положенный по договору налог. Все это началось стихийно («сравнительно внезапно», как позже скажет Мао Цзэдун[36]) и стало распространяться, подобно цепной реакции. Но самое поразительное, что часть партийных руководителей ничего опасного в этой затее не нашла. А первый секретарь парткома Аньхоя даже поддержал ее. Более того, кое-кто стал развивать идею о том, что «крестьяне очень обеспокоены их собственными доходами. Если они станут делить доход с десятью тысячами людей, они не будут работать; если станут делить доход с одной тысячью людей, они будут работать, но немного; если станут делить доход с десятью людьми, они будут работать лучше; но если станут делить доход только со своей семьей, они будут работать изо всех сил»[37].

Конечно, никто в партии и не помышлял о передаче земли крестьянам в частную собственность. Мелкие земельные участки стали раздавать (да и то далеко не везде) только в пользование на короткое время. Что-то в этом во всем напоминало ленинский нэп, правда, весьма ограниченный. Так что неудивительно, что секретарь парткома Аньхоя считал этот эксперимент вполне целесообразным. Ведь социализм от этого пострадать не мог, полагал он, а проблему голода можно было решить. К середине лета 1961 года пять процентов земли в Аньхое перешли в пользование отдельных крестьянских дворов[38].

Аньхойское начинание с пониманием было встречено многими руководителями ЦК, особенно теми, кто, откликнувшись на призыв Мао Цзэдуна, всерьез занимался изучением дел в «народных коммунах». «Крестьяне ничего не делают теперь, а только жалуются, — возмущался Чэнь Юнь. — Они говорят, что при Чан Кайши они „страдали“, но было много еды. При Мао Цзэдуне все „великое“, но они едят только кашу. Все, что нам нужно сделать, — это отдать крестьянам их собственную землю. Тогда у каждого будет много еды»[39]. А Дэн Сяопин вообще заявил: «Неважно, какого цвета кошка, черная или белая, важно, чтобы она ловила мышей. Неважно, социализм или капитализм, важно, чтобы экономика развивалась, народ жил хорошо»[40].

Но самые неприятные для Мао выводы сделал Лю Шаоци. Вернувшись из поездки в свой родной хунаньский уезд Нинсян, он в мае 1961 года на одном из рабочих совещаний ЦК сказал «У крестьян Хунани есть поговорка: „На три десятых несчастья от

неба, на семь десятых — от человека“… В целом по стране есть места, где главной причиной [трудностей] явились стихийные бедствия, но, боюсь, таковых не очень много. В большинстве же мест главная причина — это недостатки и ошибки, допущенные в нашей работе». И далее: «Есть товарищи, которые полагают, что это вопрос об одном пальце и девяти пальцах. Но, боюсь, сейчас уже видно, что… если все время говорить о девяти пальцах и одном пальце и не менять этого соотношения, то это будет противоречить действительности»[41]. Сказав такое, Лю, по существу, выступил против Мао, ибо всем в Китае было известно, что именно Председатель обожал сопоставлять любые достижения и неудачи по принципу «девять пальцев здоровые, один — больной». И даже в отношении «большого скачка» он придерживался той же формулы.

На этом совещании в поддержку Лю выступил Дэн Сяопин. Да и остальные были настроены весьма критически. Не ожидавший такого удара Мао выглядел смущенным. Взяв слово, он признал ошибки. «И на нас сейчас обрушилось возмездие, — сказал он. — Почва не плодородит, люди и скот отощали. Возмездие пришло за политику трех последних лет. А кто же виноват? Главную ответственность несут ЦК и я. Я несу главную ответственность»[42]. Он также заметил, что долгое время «глубоко не понимал, как строить социализм в Китае»[43]. Какое-то время в середине 1961 года Мао был даже готов признать аньхойский опыт, однако это продолжалось недолго.

Чувствовалось, что он был сильно деморализован. «Все хорошие члены партии умерли. А те, что остались, — кучка зомби», — бросил он своему лечащему врачу. Было заметно, что шел он на принятие кардинальных мер под большим давлением. «Чего мы хотим, так это все-таки социализма, — объяснял он в минуту откровения. — Мы испытываем сейчас трудности в сельскохозяйственном производстве, поэтому должны делать уступки крестьянам. Но это не то направление, которого мы должны придерживаться в будущем»[44].

А между тем внутрипартийная оппозиция продолжала усиливаться. И критика в адрес Мао все возрастала. Правда, оставалась она по-прежнему завуалированной, но от этого не становилась менее обидной. С трудом воспринимавший ее Мао Цзэдун вновь, как и много лет назад в южной Цзянси, чувствовал себя в изоляции. Ему опять хотелось все бросить и уехать в горы. Пусть тогда присылают нарочных и умоляют вернуться!

Встретившись во второй раз с Монтгомери, он заговорил о смерти. Мао шел тогда, правда, всего шестьдесят девятый год, в то время как его гостю — семьдесят пятый, но Председатель не

думал об этике. Он заметил, что может умереть в любую минуту — либо от пули наемного убийцы, либо утонуть. Не отвергал он и авиакатастрофу, и крушение поезда, но наиболее вероятным считал смерть от болезни. Он рассказал фельдмаршалу, что в Китае существует поверье, согласно которому критическими годами в жизни являются 73 и 84. Если человек переживает их, то он уже не умирает до 100 лет. Что же касается самого Мао, то, по его признанию, жить дольше 73 ему не хотелось. Он собирался «присоединиться к Карлу Марксу», поскольку «о многом должен был с ним поговорить». Своим преемником он вновь назвал Лю Шаоци[45].

В общем, настроение у него всю вторую половину 1961 года было мрачным. Новый, 1962 год его не улучшил. В январе — феврале в Пекине состоялось расширенное совещание Центрального комитета, на котором Мао столкнулся с самой серьезной критикой, какую ему только приходилось слышать в последнее время. Сам этот форум был очень большой по составу. Съехались свыше 7 тысяч руководящих работников со всей страны. Так что не мудрено, что часть из них «перегнула палку», тем более что тон задали члены Политбюро. Уже в самом начале совещания Пэн Чжэнь поднял вопрос о персональной ответственности высших руководителей за просчеты «большого скачка», предложив возложить вину на центр, включая Председателя, Лю Шаоци и других членов Постоянного комитета Политбюро, если они того заслуживали. Он был так резок, что даже его непосредственный начальник Дэн Сяопин попытался его остановить, несмотря на то, что сам, как мы помним, был склонен к опасной риторике. Но не тут-то было. Пэн продолжал: «Даже если авторитет Председателя Мао и не так высок, как пик Эверест, он все же несомненно напоминает большую гору — настолько, что, если мы и снимем с этой горы несколько тонн земли, она все равно останется высокой. Но если Председатель Мао совершил хотя бы один процент ошибок или хотя бы одну тысячную процента, было бы дурно, если бы он не выступил с самокритикой»[46].

Мао, в общем-то, был сам виноват. Отбирать руководящие кадры следовало тщательнее. Теперь же, решив спровоцировать остальных собравшихся, он решил включить в повестку дня совещания вопрос о демократическом централизме и развитии критики и самокритики. Цель, которую он преследовал, заключалась в том, чтобы испытать все руководство на прочность, предложив людям «выпустить пар». Ему явно хотелось выманить «ядовитых змей» из нор, еще раз использовав верную тактику «ста цветов», на этот раз в применении к партии.

Но то, с чем он столкнулся, превзошло его ожидания. С совершенно ошеломляющей речью выступил Лю Шаоци. «Раньше мы неизменно давали соотношение между недостатками, ошибками и успехами как один к девяти, — начал он с повторения вывода о неблагоприятном соотношении субъективных и объективных факторов экономического кризиса и тут же добавил: — Сейчас же, боюсь, так нельзя говорить применительно ко всем районам, а только к некоторым». Здесь Мао не выдержал. «Таких районов тоже немало», — буркнул он, но Лю Шаоци продолжил: «Но если говорить о стране в целом, то недостатки и успехи нельзя соотносить по принципу один палец и девять пальцев. Боюсь, речь должна идти о трех пальцах и семи пальцах».

Мао был недоволен, но Лю и на этом не успокоился. «В стране есть [даже] некоторые районы, — заметил он, — о которых можно сказать, что там недостатки и ошибки являются главными, а успехи — не главными!» И далее: «Еще бытует представление о том, что „левый“ лучше правого. Есть товарищи, которые полагают, что совершение „левых“ ошибок — это вопрос метода, а совершение правых ошибок — это вопрос платформы. Я думаю, что это представление неверное, ошибочное»[47]. По словам очевидца, «было заметно, что от этого выступления Лю Шаоци у Мао Цзэдуна настроение совсем испортилось»[48].

А тут «в бой» ринулись представители с мест. Одни из них заявляли, что самой главной проблемой, возникшей в последние годы, стал субъективизм. Другие ставили под сомнение тезис Мао о том, что ошибки проистекали из-за недостатка опыта. Ведь всем было ясно, что у КПК не было большого опыта и во время борьбы за выполнение первого пятилетнего плана. «Почему же тогда не возникало так много проблем, как сейчас?» — едко ухмылялись некоторые партработники[49].

Но что мог ответить Мао? Только то, что на нем действительно лежала вина. И он это сделал. «За все ошибки, допущенные непосредственно Центральным комитетом, — сказал он с вызовом, — ответственность несу я, за косвенные ошибки Центрального комитета частично также отвечаю я, ибо я — председатель Центрального комитета… В первую голову ответственность должен нести я».

На этом, правда, его самокритика и закончилась, хотя он и признал еще, что экономика для него остается «непознанным царством необходимости». Но это и так почти все знали. Основной же огонь он направил против других руководящих работников, которые, по его словам, «совершают ошибку — и молчат, боятся, что о ней заговорят другие». Таких людей он

предупредил: «Чем больше боишься, тем больше чертей мерещится… Все те, кто избегает ответственности, боится ответственности, кто не позволяет людям высказываться, все, кто боится гладить тигра, все, кто придерживается такой позиции, наверняка потерпят провал». После этого он нашел в себе силы даже пошутить. «Вы что, действительно боитесь погладить тигра? — спросил он собравшихся, добавив: — В своем выступлении я критиковал некоторые явления, критиковал товарищей, но не назвал имен и фамилий, не указал на Чжана Третьего и Ли Четвертого. Вы сами прикиньте, что к чему»[50].

Все рассмеялись, однако многим, конечно, было не до смеха. После выступления Председателя один за другим с самокритикой выступили члены партийного руководства, но лишь немногие горячо поддержали речь Мао. Среди последних особенно выделялся Линь Бяо, заявивший, что он «глубоко прочувствовал, что в то время, когда наша работа выполнялась хорошо, — это был период успешного проведения в жизнь идей председателя Мао, период, когда идеи председателя Мао не получали помех со стороны. Когда же в определенные периоды к мнению председателя Мао не относились с должным уважением либо чинили помехи, то в делах немедленно появлялись недостатки. История нашей партии, насчитывающая несколько десятилетий, именно такая история». Исходя из этой логики, Линь и ошибки «большого скачка» объяснил только тем, что «мы… не слушали предостережений председателя Мао». С панегириком в адрес Председателя выступил и секретарь его родного уезда, очень деловой и расторопный Хуа Гофэн. Мао помнил этого молодца еще по своей поездке в Шаошань в 1959 году. И тогда, и сейчас он ему очень понравился. Но выступление Линя просто пролило бальзам на его израненную душу. И это не случайно: ведь Мао сам редактировал его текст[51].

От остальных речей «великий кормчий» не испытал ничего, кроме раздражения. Он все больше разочаровывался в своих соратниках.

Совещание утомило Мао. Он выглядел осунувшимся, сильно постаревшим. Атмосфера в Политбюро претила ему. На следующий день после форума, 8 февраля, поручив повседневное управление делами ЦК Лю Шаоци, он выехал из Пекина с намерением долго туда не возвращаться. Он хотел посмотреть: как-то эти «широколобые всезнайки», столь дерзко критиковавшие его, справятся с управлением государством. Врагами он их, конечно, не считал, но обида на них все возрастала. Он-то «умышленно» отказался от власти, перешел на «вторую линию», чтобы укрепить их влияние в стране до своей

смерти, а тут вдруг «все пошло в противоположном направлении»[52]. Ну пусть теперь помучаются без него! А его «соратники» в тот же вечер провели рабочее совещание под председательством Лю Шаоци, на котором серьезным образом проанализировали экономическую ситуацию в стране. Выяснилось, что дефицит бюджета составлял больше 300 миллионов юаней и виды на будущее, мягко говоря, были тревожные.

Разработать предложения по конкретному урегулированию ситуации взялся Чэнь Юнь, считавшийся среди членов Постоянного комитета Политбюро лучшим экономистом. Он представил соображения через две недели. Суть их сводилась к тому, чтобы и дальше значительно сокращать городское население, армию и управленческий аппарат, перенеся центр тяжести в экономическом строительстве с промышленности на сельское хозяйство. Никаких более радикальных идей он не высказал. А потому Лю Шаоци предупредил собравшихся: Китай окажется на пороге гражданской войны, если срочно не принять реальных мер по улучшению продовольственного положения. Было признано, что в экономике налицо чрезвычайная ситуация[53].

Между тем, уединившись в Ханчжоу, Мао лелеял свои обиды. 25 февраля он поручил секретарю Тянь Цзяину создать небольшую комиссию и проехать по тем местам в Хунани, где недавно побывал Лю Шаоци. А заодно завернуть в Шаошань и в соседнюю с ней деревню Танцзято, родину матери Мао. Поговорить с народом и изучить ситуацию. Слова Лю о том, что в провале «большого скачка» главным образом виновны люди (то есть сам Председатель), тупой занозой сидели в его мозгу. Ему очень хотелось опровергнуть их. И Тянь Цзяин для этого подходил как никто другой. Мао помнил, как этот сычуанец резко осуждал подрядную систему в марте 1961 года после поездки в Аньхой, где по его же поручению проводил свое первое обследование этого новшества. Тянь посчитал тогда систему подряда бесчеловечной, ибо в ней не оставалось места для вдов и сирот. При одной мысли о том, что станет с последними, если подряд будет введен по всей стране, у доброго секретаря Мао сжималось сердце[54].

И вот теперь ему предстояло собрать материал, который позволил бы Председателю опровергнуть своих зарвавшихся «соратников».

Однако, прибыв в Хунань и пообщавшись с крестьянами, Тянь искренне поразился: большинство из них, ругая «большой скачок», только и говорило, что о преимуществах подрядной

системы, а некоторые даже желали вернуться в «новую демократию». Секретарю ничего не оставалось, как доложить обо всем Мао. Тот скривился: «Мы из тех людей, которые следуют линии масс, но иногда нельзя слушать всего, что говорят массы. Например, то, что они говорят о подрядной системе, слушать нельзя»[55].

Тянь не сдался и поговорил с Лю Шаоци и Чэнь Юнем. И те, к его удовлетворению, выразили поддержку требованиям крестьян. Всю весну они напряженно работали, стремясь оздоровить экономику. И ситуация стала выправляться, хотя и медленно. Главным двигателем прогресса показала себя именно система подряда. К лету 1962 года, по разным данным, в руки крестьян перешло от 20 до 30 процентов земли[56], но этого оказалось достаточным для того, чтобы страна постепенно стала выкарабкиваться из глубочайшего продовольственного кризиса. В 1961 году производство зерна возросло на 4 миллиона тонн, а в 1962-м — на 12,5 миллиона![57] Трезво взглянув на вещи, Лю и Чэнь, так же как и секретарь Мао, пришли к несомненному выводу, что без повсеместного раздела земли между дворами обеспечить устойчивый рост экономики не получится. Особенно радикален был Чэнь Юнь. «Это чрезвычайный метод в чрезвычайной ситуации, — говорил он. — Назовите его „разделением земли по дворам“ или „закреплением заданий по дворам“, все будет хорошо… Государство столкнулось с колоссальными бедствиями, вызванными как стихией, так и людьми, и надо дать всем крестьянам, как поется в „Интернационале“, добиться успеха „своею собственной рукой“. А они уж восстановят производство быстрее всех»[58]. Полностью поддерживал Чэнь Юня и Лю Шаоци Дэн Сяопин. Не возражал против использования подрядной системы Чжоу Эньлай. Изо всех сил настаивал на переходе к ней и знакомый нам заведующий отделом ЦК по работе в деревне Дэн Цзыхуэй.

Более того, начиная с марта Лю Шаоци и Дэн Сяопин стали вплотную заниматься реабилитацией тех, кто попал под колесо «чисток» конца 50-х, то есть сотен тысяч так называемых «правых». «Начиная с 1959 года, — писал Лю министру общественной безопасности, — многие местные органы МОБ и даже коммуны и крупные бригады, используя методы задержания на долгий срок и длительного трудового перевоспитания, на самом деле лишили свободы большое число людей, а некоторых из них уморили голодом и замучили до смерти… И в 1961 году это не было полностью прекращено. В прошлом году в Ханани я столкнулся с такой ситуацией. Вы должны серьезно расследовать, вскрыть, раскритиковать и исправить факты беззакония»[59]. О

реабилитации Пэн Дэхуая и его «подельников», правда, ни Лю, ни Дэн вопроса не поднимали. Эти фигуры были уж слишком крупными. Однако более трех с половиной тысяч рядовых «правых» им удалось оправдать[60].

Воодушевленный поддержкой Лю и других вождей Тянь Цзяин вновь переговорил с Мао. Он высказал твердое убеждение, что если крестьянам дать самим развивать хозяйство, то скоро число дворов, перешедших на подрядную систему, возрастет с 30 до 40 процентов, и только 60 процентов семей будут по-прежнему входить в кооперативы. При этом он, правда, осторожно добавил, что потом, когда производство восстановится, крестьян, пожалуй, можно будет и обратно загнать в колхозы.

Выслушав секретаря, Мао спокойно спросил: «Это только твое личное мнение или так считают и другие?» Тянь ответил: «Только мое»[61]. Выдавать Лю и Чэня он не хотел.

Но благородство его было излишним. Мао и так знал все, что творилось за стенами Чжуннаньхая в его отсутствие. Он отчетливо понял: лояльность «умеренных» к нему как вождю всегда была чисто формальной. Внутрипартийная оппозиция предстала перед его глазами во всей своей «наготе». И он решил нанести ей удар такой сокрушительной силы, от которой она никогда не смогла бы оправиться. Отсиживаться на «второй линии» он больше не желал.

Он вернулся в Пекин в самом начале июля 1962 года и тут же вызвал к себе Лю, Чжоу, Дэн Сяопина и Тянь Цзяина. Пригласил и главного редактора журнала «Хунци» Чэнь Бода, зная, что тот всегда будет на его стороне. Гнев Мао не имел границ. Он решительно выступил против подрядной системы и поручил Чэнь Бода составить проект постановления ЦК об укреплении коллективного хозяйства «народных коммун»[62]. Чэнь Юнь на встрече отсутствовал. Мао успел с ним поговорить накануне (по просьбе самого Чэня), выразив ему возмущение его планами раздела земли. «Товарищ Мао Цзэдун был очень разгневан», — вспоминал впоследствии Чэнь Юнь[63].

Все «соратники» гневного Председателя растерялись. Чэнь Юнь стал жаловаться на плохое здоровье. А Дэн Сяопин, только за день до встречи с Мао выступивший на пленуме ЦК комсомола и беззаботно повторивший полюбившуюся ему фразу о разноцветных кошках, тут же бросился звонить первому секретарю ЦК КСМК, требуя немедленно вычеркнуть из стенограммы его речи злополучных животных[64].

Но Мао, как всегда, поддержал осторожный Чжоу Эньлай, который, по словам самого «великого кормчего», получил «хороший урок» еще тогда, когда безрассудно боролся со «слепым

забеганием вперед» (в 1956–1957 годах)[65]. Постарался сманеврировать и Лю Шаоци, начавший вновь горячо защищать коллективную собственность уже через несколько дней после «холодного душа» Мао Цзэдуна. 18 июля ЦК срочно издал циркуляр, запрещавший пропагандировать семейный подряд[66].

Но Мао продолжал бушевать. Вновь и вновь вызывал он к себе то Лю, то Чжоу и выплескивал на них свою ярость. «Я чувствую, что положение крайне серьезное! Очень неспокойно!» — записал в эти дни в своем дневнике один из руководящих работников ЦК и подчеркнул написанное[67].

В конце июля Мао созвал новое рабочее совещание ЦК. И, не дав никому опомниться, обрушился на перепуганных партийных деятелей. «Вы тоже на меня долго оказывали давление, — угрожающе объявил он, — с 1960 года, можно сказать, то есть больше двух лет. Я тоже могу в ответ немного надавить на вас!»[68]

Негодованию его не было предела. Он резко критиковал Чэнь Юня, Дэн Цзыхуэя и Тянь Цзяина. «Вы за социализм или капитализм?! — кричал он. — …Сейчас некоторые выступают за введение подрядной системы в масштабах всей страны, вплоть до раздела земли. Компартия выступает за раздел земли?»[69] Он просто пылал яростью.

«Среди некоторых людей наблюдается идейная путаница, они утратили перспективы, потеряли веру. Это плохо», — возмущался он, видя во всем этом яркое свидетельство того, что вопрос «кто кого» в Китае был еще не решен. На этом совещании он впервые с особой остротой поднял вопрос о наличии антагонистических классов в социалистическом обществе, подведя под разногласия в партии классовую основу. Это придало его выступлению поистине зловещий характер.

Но Мао, казалось, и добивался того, чтобы внушить страх своим слушателям. В своей борьбе с «умеренными» он, похоже, дошел до крайней точки. Теперь они все уже были его классовыми врагами, расправа с которыми являлась лишь делом времени. Пока же он хотел внушить тем, кто еще колебался, на какую опасную дорогу их могли увлечь рассуждения о подряде и прочих «буржуазных штуках». Вот что он сказал: «Если признать существование классов внутри страны, то следует признать, что существуют и противоречия между социализмом и капитализмом. Остатки классов долговечны, долгое время существуют и противоречия, не ряд десятилетий, а, как я думаю, несколько столетий… Остатки помещиков, кулаков и буржуазии борются за то, чтобы мелкая буржуазия вела единоличное хозяйство. Если пролетариат не будет уделять внимания руководству, не будет вести соответствующей работы, то окажется невозможным

укрепить коллективное хозяйство. В этом случае появится опасность возрождения капитализма». Его просто выводило из себя, что другие коммунисты не видят, как в результате развития семейного подряда «получилось размежевание двух полюсов, взяточничество, грабеж, спекуляция, приобретение наложниц, ростовщичество. С одной стороны, рост богатства, с другой — нищета семей военных, павших героев, рабочих и кадровых работников… Хрущев и тот не осмелился открыто распустить колхозы».

«Контрреволюция все еще существует», — резюмировал Мао, поставив даже вопрос о возможности свержения компартии, если она и дальше будет потворствовать буржуазии в своих рядах. «Если люди заелись, — мрачно закончил он, — необходима революция»[70].

Чувствовалось, что он пришел к этим выводам путем долгих размышлений. И не только под воздействием того, что происходило в стране и в партии в последнее время, но и под влиянием обострения международной обстановки. Важным фактором, способствовавшим формированию этих взглядов, явился раскол в советско-китайских отношениях. Полную вину за него Мао, естественно, возлагал на руководство КПСС, которое, как он теперь понимал, просто переродилось. Точнее обуржуазилось. Отсюда — все «ревизионистские» разговоры Хрущева о «мирном сосуществовании двух систем», «возможности предотвращения войн в современную эпоху» и «мирном переходе от капитализма к социализму». Отсюда же — и его заигрывание с американскими империалистами и индийскими «реакционерами». «Советский Союз существует уже несколько десятков лет, — объявил он напряженно внимавшим ему участникам рабочего совещания, — и все же там появился ревизионизм, который служит международному капитализму и, по существу, представляет собой контрреволюционное явление… Буржуазия может вновь возродиться. Так и получилось в Советском Союзе»[71].

После таких слов надежд на урегулирование отношений с КПСС, конечно, уже быть не могло. Для Мао с 1962 года СССР стал представлять образец того, к чему может прийти Китай, если вовремя не вырывать перманентно появляющиеся ростки капитализма. В августе 1962-го он дал «добро» на развертывание мощной пропагандистской кампании против «советских ревизионистов». Имелось в виду, что в СССР всеобщая погоня за материальным благополучием полностью заглушила революционный энтузиазм масс.

Как же после этого можно было не порвать связей с КПСС?

Вопрос о возможности перерождения коммунистической партии Мао поднял и на состоявшемся вскоре после рабочего совещания очередном пленуме ЦК. На этот раз он, правда, уже не метал громы и молнии и даже милостиво заметил: «Если допустившие ошибки товарищи поймут свои недостатки и вернутся на позиции марксизма-ленинизма, мы будем сплачиваться с ними… Нельзя прибегать к методу отсечения голов».

Теперь он вновь чувствовал себя «на коне», так как на какое-то время опять загнал оппозицию в угол. Ему оставалось лишь методично нагнетать атмосферу, воспитывая кадры в антиревизионистском духе для нанесения в нужный момент решающего удара по всем «врагам». «Сейчас можно с уверенностью сказать, что классы в социалистических странах существуют, — продолжал он. — …После свержения феодализма всюду были реставрации, рецидивы прошлого. Такого рода рецидивы возможны и в социалистических странах; так, Югославия переродилась, стала ревизионистской. Из государства рабочих и крестьян она стала государством, где правят реакционные националистические элементы. Мы в своей стране должны как следует постичь, понять, исследовать эту проблему. Необходимо признать, что… реакционные классы могут осуществить реставрацию; нужно повысить бдительность, нужно по-настоящему воспитывать молодежь, воспитывать кадровых работников, воспитывать массы… В противном случае такое государство, как наше, может пойти в обратном направлении… Поэтому с сегодняшнего дня мы должны говорить о классовой борьбе ежегодно, ежемесячно, ежедневно, говорить на собраниях, на партийных съездах, на пленумах, на каждом заседании, с тем чтобы в этом вопросе у нас была более или менее четкая марксистско-ленинская линия»[72]. Эта тема станет отныне основной в его выступлениях.

После пленума Мао дал старт новой кампании *«фань сю, фан сю»* («бороться против внешнего ревизионизма, не допускать внутреннего ревизионизма»). Она явилась составной частью массового движения за «социалистическое воспитание».

Главной ареной движения стала деревня. Ведь именно отсюда, благодаря внедрению системы подряда, начала, с точки зрения Мао, исходить угроза реставрации. Вместе с тем не было оставлено без внимания и городское население. Везде, и в провинциях, и в центре, надо было покончить с духом стяжательства, почти полностью заменив материальные стимулы к труду моральными, революционными. Только тогда, по мысли Мао, воодушевленный народ смог бы «сдвинуть горы».

Его идеи полностью разделяли верные ему люди из ближайшего окружения. Прежде всего Цзян Цин, понимавшая, что только безоговорочной преданностью могла она удержать супруга, охладевшего к ней. В конце сентября 1962 года Мао впервые вывел ее на политическую арену, поручив контроль за сферой культуры. Как-никак, но она ведь была когда-то актрисой, и неплохой! Цзян с рвением взялась за новую роль. Бунтарка Нора решила дать еще один бой буржуазному обществу! Свою цель она видела в тотальной революционизации «загнивавшей» литературы и «деградировавшего» искусства.

Вновь, как и в яньаньский период, близким к Мао человеком стал Кан Шэн, которому Председатель во второй раз поручил проверку кадров. Мог Мао опереться и на фанатично преданного ему Чэнь Бода, готового подвести марксистскую базу под любое абсурдное изречение вождя. Верных помощников он нашел и в Шанхае. Это был известный нам глава Восточного региона Кэ Цинши, которого Мао еще в 1957 году хотел сделать премьером. В начале 1965-го он назначил его заместителем Чжоу Эньлая. К сожалению для Председателя, этот убежденный борец против «правых» неожиданно умер от панкреатита вскоре после своего назначения. Но в Шанхае остались его люди, и среди них выделялись двое талантливых журналистов, один из которых, сорокавосьмилетний Чжан Чуньцяо, являлся секретарем горкома по пропаганде, а второй, тридцатичетырехлетний Яо Вэньюань, работал в местной партийной газете «Цзефан жибао» («Освобождение»).

Всячески демонстрировал беззаветную преданность Мао и Чжоу Эньлай, который, хотя и не раз оказывался к нему в оппозиции, теперь, казалось, встал рядом с ним до конца. Чжоу не мог не испытывать радости оттого, что гнев вождя был направлен главным образом против Лю Шаоци и его помощников. У него с Лю была давняя вражда, в основе которой лежала ревность. Каждому хотелось быть вторым вождем после Мао. Иногда, особенно до того, как Председатель объявил Лю преемником, их соперничество принимало комичные формы. Бывший представитель Сталина в Китае Ковалев вспоминает: «Чжоу Эньлай и Лю Шаоци очень не любили друг друга… Дело доходило до смешного: если на банкете я поднимал второй бокал за Лю — Чжоу уходил из зала, и наоборот»[73].

Каждый в «команде Мао» занимал строго отведенное ему место. Однако на первый план все активнее выдвигался министр обороны Линь Бяо, который еще в конце 50-х начал превращать армию в «школу идей Мао Цзэдуна». Именно его печатный орган «Цзефанцзюнь бао» («Газета Освободительной армии») уже в 1961

году стала ежедневно публиковать изречения Мао в качестве эпиграфов к своим номерам. И именно тогда солдаты получили приказ вырезать эти эпиграфы и составлять самодельные цитатники Мао, которые потом штудировали круглыми сутками. В самом начале января 1964 года Главпур НОАК выпустил и первый типографский цитатник — маленькую красную книжечку, или, как ее еще называли в Китае, *«хунбаошу»* («красная драгоценная книга»). В нее были включены 200 цитат, тематически объединенных по двадцати трем разделам. Затем, в мае 1964-го, вышло новое, дополненное, издание из 326 цитат, сгруппированных по тридцати главам, а в августе 1965-го — еще одно: из 427 цитат, сгруппированных по тридцати трем главам. Третье издание стало классическим, и его общий тираж за последующие одиннадцать лет составил более миллиарда экземпляров! Формат этой карманной книжечки составил 10,5х7,5 см[139], а объем — 270 страниц. В армии родились и другие формы маоистской пропаганды, в том числе культ образцового рядового бойца, коммуниста Лэй Фэна, основной заслугой которого являлась беззаветная преданность Председателю Мао. С детства оставшийся сиротой Лэй всем в своей жизни был обязан коммунистической партии. Уйдя в армию, стал образцовым солдатом и идеальным гражданином, а в августе 1962-го, в возрасте двадцати двух лет, погиб в результате несчастного случая. Перечень его «подвигов» не поддается перечислению. Тут и переводы своего мизерного жалованья родителям «боевых товарищей», угощение чаем офицеров и новобранцев, мытье ног бойцам, уставшим от долгих походов, а также стирка и штопка их носков и постельного белья. Но главное, что сделало его «всенародным героем», это оставшийся после его гибели дневник, который Лэй вел несколько лет. В нем он изливал глубокие чувства сыновней любви к Родине, партии и самое главное — к Председателю Мао. Ведь с самого детства «великий друг всех сирот» снился ему, и даже первые пять иероглифов, которые Лэй выучил, пойдя в школу, были *«Мао чжуси ваньсуй!»* («Да здравствует Председатель Мао!»). Все, чего он хотел в жизни, так это быть «нержавеющим винтиком» коммунистической системы, заслужив доверие «кормчего».

Расчувствовавшись, когда ему рассказали о дневнике, сам Мао Цзэдун 5 марта 1963 года призвал всех учиться у Лэй Фэна[74], а затем — и вообще у НОАК. Он был доволен Линь Бяо: тот на самом деле превратил армию в самый надежный оплот Председателя. Жизнь страны милитаризировалась. В различных учреждениях по образцу армии создавались политотделы[75].

Большие успехи демонстрировала и Цзян Цин:

«революционные оперы» и «балеты», которые по ее распоряжению сочиняли и ставили на всё готовые бюрократы от искусства, вытесняли «убогие феодальные» постановки.

Не отставали от Линя и Цзян и Чэнь Бода с Чжоу Эньлаем и другие единомышленники Мао. В общем, «прогрессивное» движение за «социалистическое воспитание» все активнее набирало обороты, а в экономике, благодаря усилиям Чжоу и Чэнь Бода, вновь прочно утвердилась коллективная собственность. «Скачки» больше не осуществлялись, особых стихийных бедствий не наблюдалось, а кооперированное, но уже не коммунизированное крестьянство, похоже, смирилось со своей участью. Три года подряд (1962–1964) урожай зерновых был неплохим.

Более того, в 1964 году произошло событие, которое ознаменовало вступление Китая в новую эру. 16 октября в 3 часа пополудни на полигоне Малань в пустыне Лоб-Нор (Синьцзян) было произведено успешное испытание ядерного оружия. Вся страна праздновала великую победу!

Казалось, все шло по расчетам Мао. Страна медленно, но развивалась, истерия борьбы с опасностью реставрации овладевала массами. Почва из-под ног «умеренных», которых вождь теперь считал «идущими по капиталистическому пути», ускользала. Пышным цветом расцветал культ Председателя, и Мао сам поощрял его, особенно после бесславного падения презираемого им Хрущева. Как известно, тот был снят в 1964 году, на октябрьском пленуме ЦК КПСС, и одну из причин его падения Мао видел именно в том, что у него, в отличие от Сталина, совсем не было культа личности[76].

В те годы Мао не мог не испытывать все возраставшего душевного волнения. Как хищник, без устали преследующий свою жертву, он распалялся охотой. И то, что Лю, Дэн и другие «отступники» уже давно ничего «плохого» не делали, только усиливало его азарт. Их лояльность он принимал за слабость и потому изо всех сил спешил изолировать бывших друзей. А каждую их инициативу, даже если она шла в развитие его собственных взглядов, воспринимал болезненно — как попытку «врагов» укрепить свой авторитет.

В эту бурную для него пору он обрел и новое счастье на личном фронте. В конце 1962 года в купе своего спецпоезда он познакомился с девушкой, которая вскоре стала его любовницей, а затем и наиболее доверенным секретарем. Звали ее Чжан Юйфэн («Яшмовый феникс»). Наивная и застенчивая, как многие молоденькие китаянки, она в то же время обладала очень твердым характером, была сообразительна и остра на язык. А

главное — поразительно красива! Ну как тут было не растаять на старости лет!

> Была она родом из городка Муданьцзян на севере Китая, а в спецпоезде Мао служила проводницей. Познакомил их начальник охраны Мао, который знал о любви своего шефа к молоденьким девушкам. Председатель попросил ее написать имя и фамилию, но у Юйфэн от волнения дрожали руки. Тогда он сам сделал это и показал ей. Она покраснела. После этого начальник охраны спросил Председателя, не хочет ли тот, чтобы товарищ Чжан обслуживала его купе. Мао кивнул. С этого началось их сближение, которое вскоре переросло в бурный роман[77]. Вне всякого сомнения, восемнадцатилетняя девушка была польщена. Мыслимое ли дело? Она стала любовницей самого «великого кормчего»! И пусть ему было под семьдесят и во рту у него блестели вставные железные зубы, но зато его сексуальная энергия била через край!

В мае 1965 года помолодевший от любви Мао решил предпринять поездку по местам героической молодости. Готовясь к последней битве со все более раздражавшими его «умеренными», он отправился в горы Цзинган, где тридцать восемь лет назад возглавлял партизанскую войну[78]. Путешествие явно носило символический характер. По крайней мере, для него. Глядя на вечнозеленые горы, он с упоением слагал новые стихи:

> Давно имел я цель подняться в небо,
> И вот я вновь взошел на Цзинганшань.
> Я сотни *ли* прошел, ища ночлега,
> Но все здесь внове, все не так, как встарь.
>
> Здесь иволги поют и ласточки кружат,
> И горные ручьи еще сильней журчат.
> Дорога ввысь идет — на край небес,
> Пройди лишь Хуанъян —
> Нет больше трудных мест.
>
> Ветер и гром трещат,
> Знамена и флаги шумят.
> Везде, где живет человек.
> Прошло тридцать восемь лет,
> Пальцев щелчок — и их нет.

Могу я схватить луну даже с Девятого Неба[140]
И всех черепах достать из всех океанов земли,
Вернулся сюда я веселый и праздную я победу,
И трудностей в мире этом конечно же больше нету,
Осмелиться надо только взобраться на пик горы![79]

Да, Мао действительно мог гордиться. Он стал правителем великой страны, и щелчку его пальцев повиновались сотни миллионов людей. Но чем выше он восходил на вершину власти, тем меньше спокойствия оставалось в его душе. Видно, не дано ему было понять даосскую мудрость, что только «пустотой и покоем» можно было овладеть Небом и Землей. Ведь, как говорил Чжуанцзы, «те, кто в древности управлял [и] Поднебесной… не предпринимали самочинных действий, даже если могли свершить любое дело в пределах морей»[80].

«БУНТ — ДЕЛО ПРАВОЕ»

Вернувшись в Пекин в июне 1965 года, Мао застал дела в беспорядке. Движение за «социалистическое воспитание» выявляло вопиющие факты «буржуазного перерождения» в большинстве партийных организаций. Становилось ясно, что, по крайней мере, в половине из них «классовые враги» захватили власть. Об «угрожающем положении» на местах верные Председателю руководители КПК сообщали уже с конца прошлого года. Теперь же ситуация, похоже, достигла предела. Да и как могла она не достичь его, если каждый партийный чиновник, профессионально чувствовавший настроение «кормчего», как и раньше, слал наверх только ту информацию, которую тот хотел услышать. Такова была реальность тоталитарной системы, создателем которой Мао сам и являлся. И по иронии судьбы стал ее главной жертвой.

Мир страшных иллюзий, в котором он жил, побуждал его к вполне реальным действиям. И несмотря на то, что ему перевалило за семьдесят, он совершенно не походил на Конфуция, который как-то сказал о себе: «В семьдесят [лет я] стал следовать желаниям сердца и не переступал меры». Впрочем, Мао не только этим отличался от великого старца. Ведь тот уже в шестьдесят «научился отличать правду от неправды»[81]. А Председатель так и не сможет сделать этого до конца своих дней.

В Пекине он имел долгий разговор с Цзян Цин о делах на культурном фронте. Еще в феврале она убедила его в необходимости разоблачить «контрреволюционную» пьесу известного историка и драматурга профессора У Ханя об отважном и благородном чиновнике XVI века Хай Жуе, осмелившемся высказать правду погрязшему в пороках императору династии Мин. Эту пьесу У Хань сочинил еще в январе 1961-го, и с тех пор она, хоть и с небольшим успехом, шла в театрах Китая. В ней были такие слова, обращенные Хай Жуем к императору: «Раньше еще ты делал кое-что хорошее, а что ты делаешь теперь? Исправь ошибки! Дай народу жить в счастье. Ты совершил слишком много ошибок, а считаешь, что во всем прав, и потому отвергаешь критику». Цзян Цин считала, что У Хань сознательно проводил параллель между «делами» Хай Жуя и Пэн Дэхуая, — иными словами, «брал на вооружение прошлое, чтобы очернить настоящее». С ее точки зрения, цель «злобной» пьесы состояла в том, чтобы нанести удар по авторитету «великого кормчего». Не все китайские зрители, однако, видели в пьесе «криминал»: сама мысль о коварстве У Ханя, который, кстати,

обожал Мао и с которым тот не раз встречался, просто не приходила в головы многим людям.

Цзян подняла вопрос о пьесе сразу же по ее выходе, но тогда ни Мао, ни кто-либо другой из его окружения не поддержали ее. Даже Кан Шэн скептически отнесся к затее. Все знали, что Мао Цзэдуну нравился образ Хай Жуя. В нем он видел себя самого, «честного и правдивого революционера», борца против всех пороков прогнивших классов. В начале 1965 года ситуация изменилась. Враги стали мерещиться Мао повсюду, и тут-то Цзян Цин и удалось внушить ему мысль о «коварности» У Ханя. Дело в том, что последний был не только ученым и литератором, но и заместителем мэра Пекина, то есть непосредственным подчиненным Пэн Чжэня. Тот же в свою очередь, как мы помним, являлся одним из ближайших соратников Лю Шаоци и Дэн Сяопина. В воспаленном мозгу Председателя все эти четверо (У Хань, Пэн Чжэнь, Лю Шаоци и Дэн Сяопин) объединились в одну «черную банду». В нее же с подачи Цзян Цин он включил и заведующего отделом пропаганды ЦК Лу Динъи, непосредственно отвечавшего за партийную чистоту произведений литературы.

В январе на рабочем совещании Политбюро Мао выплеснул на Лю и Дэна накипевшее недовольство в весьма своеобразной форме. Придя на заседание с текстами Конституции КНР и партийного устава, он стал размахивать ими над головой и кричать этим двум деятелям КПК: «У меня здесь две книги. Одна — Конституция, [по которой] у меня есть гражданские права. Другая — партийный устав, [по которому] у меня есть права члена партии. Один же из вас не пускал меня на совещание, а другой — не давал мне говорить». Взрыв эмоций у него был спровоцирован тем, что накануне Дэн объявил собравшимся, что Председатель не сможет принять участие в совещании по болезни. Ничего особенного в этом заявлении не было, так как в те дни Мао действительно прихворнул. Но когда Мао узнал об этом, он тут же явился в зал заседаний и стал выступать. Говорил он, как всегда, о классовой борьбе, но едва заявил, что «в настоящее время главным противоречием в деревне является противоречие между группировкой тех, кто стоит у власти и идет по капиталистическому пути, с одной стороны, и широкими массами — с другой», Лю робко вставил: «Ну, так уж нельзя абсолютизировать».

Решился Лю на это замечание потому, что уже давно начал опасаться, как бы борьба с ревизионизмом не переросла все мыслимые масштабы и не ударила по нему самому. Резко ухудшившееся отношение к себе со стороны вождя он не мог не ощущать.

Но Мао так сильно вознегодовал, что решил устроить спектакль. А вскоре вспомнил и о словах Цзян Цин относительно У Ханя. Наконец-то все сразу встало на свои места. «У Хань написал пьесу по заданию Пэн Чжэня, Лю Шаоци и Дэн Сяопина, мечтающих сокрушить меня!» — примерно так стал он размышлять. Через несколько лет он скажет Эдгару Сноу, что решение сместить Лю действительно пришло к нему в январе 1965-го в связи с тем, что последний «выразил энергичный протест» по поводу развертывавшейся в ходе движения за «социалистическое воспитание» борьбы с «теми, кто стоял у власти в партии и шел по капиталистическому пути». В то время, пишет Сноу со слов Мао Цзэдуна, «огромная власть — над пропагандистской работой внутри провинциальных и местных партийных комитетов и особенно внутри Пекинского городского комитета партии — вышла из-под его контроля». А потому он решил, что «возникла необходимость еще больше усилить культ личности для того, чтобы поднять массы на борьбу за уничтожение антимаоистской партийной бюрократии»[82].

В феврале 1965-го он послал Цзян Цин в Шанхай, поручив ей, как он потом вспоминал, «организовать публикацию статьи с критикой пьесы „Разжалование Хай Жуя“»[83]. Его верная жена выполнила задание, подыскав для этой работы местного партийного журналиста Яо Вэньюаня.

Работа над статьей заняла много времени. Было подготовлено одиннадцать вариантов. Мао трижды просмотрел их. И только к концу лета нашел, что «в целом она [статья] годится». Он вручил окончательный текст Цзян Цин и предложил, чтобы его просмотрели и другие руководящие работники ЦК, но жена сказала: «Лучше опубликовать статью как она есть. По-моему, товарищи Чжоу Эньлай и Кан Шэн ее могут и не смотреть». Цзян боялась, что, если Чжоу и Кан ознакомятся со статьей, тогда и Лю Шаоци, и Дэн Сяопин тоже захотят ее прочесть[84].

На том и порешили. Статья появилась 10 ноября 1965 года в шанхайской газете «Вэньхуэй бао» («Литературные доклады»). И именно она дала толчок новому массовому движению, получившему вскоре название «великая пролетарская культурная революция».

Идея радикальной революции в сфере культуры пришла к Мао еще в декабре 1963 года во время чтения доклада единомышленника Цзян Цин, шанхайского вождя Кэ Цинши, мрачными красками обрисовавшего положение в этой области. Мао наложил резолюцию: «Во многих областях [культуры] все еще господствуют „мерзавцы“… Экономический базис общества

уже изменился, но искусство как часть надстройки, обслуживающая базис, до сих пор представляет собой серьезную проблему. Надо как следует взяться за дело… Как ни странно, многие коммунисты с рвением проповедуют феодально-буржуазное, но только не социалистическое искусство»[85].

Мао и раньше высказывал неудовольствие тем, что творческая интеллигенция, в том числе находившаяся в партии, стояла в стороне от классовой борьбы. За месяц до чтения доклада Кэ Цинши он даже предложил «гнать» всех сотрудников министерства культуры на низовую работу, «а если не пойдут — не выдавать [им] зарплаты»[86]. Но эти «брюзжания» старого человека так и повисли в воздухе. И только в начале июля 1964 года он потребовал организовать в рамках ЦК специальную группу из пяти человек по делам культурной революции[87]. Во главе ее встал Пэн Чжэнь, сторонник Лю Шаоци, а от «твердых маоистов» в нее вошел Кан Шэн.

Деятельность группы, однако, вызвала неудовлетворение Мао. Пэн и его соратники стремились ограничить партийное вмешательство организацией академических дискуссий, в то время как Председатель был убежден, что если и дальше не проводить классовой «чистки» творческих союзов, то «в один прекрасный день» они «превратятся в организацию типа венгерского клуба Пётефи[141]».

Вот почему он послал Цзян Цзин в Шанхай, подальше от Пэна и его людей. И целое лето держал в тайне работу над статьей об У Хане. Публиковать статью в Пекине он и не думал, ибо до поры до времени не хотел вступать в прямой конфликт с городскими властями. Правда, в сентябре на одном из рабочих заседаний в ЦК он предложил подвергнуть У Ханя критике, но после того, как его не поддержали[88], больше к этому вопросу не возвращался. Ему хотелось нанести У Ханю, Пэн Чжэню и стоявшим за ними Лю Шаоци и Дэн Сяопину удар исподтишка. В конце октября 1965 года он уехал из Пекина на юг, вскоре после того, как Пэн Чжэнь заявил на очередной встрече работников культуры: «На самом деле все люди равны, вне зависимости от того, члены ли они Центрального комитета или председатели»[89]. Такого Мао простить не мог. И через некоторое время дал сигнал Яо Вэньюаню публиковать статью.

Это был удар грома. Ведь Яо заклеймил драму У Ханя как орудие борьбы буржуазии против диктатуры пролетариата и социалистической революции, а такое обвинение в КНР было равносильно смертному приговору. Первой реакцией Пэн Чжэня было не допустить перепечатки статьи центральной прессой. И какое-то время ему удавалось это. Но в дело вмешался Чжоу

Эньлай, объявивший Пэну, что Мао собирается издать работу Яо отдельной брошюрой, если пекинские средства массовой информации проигнорируют ее[90]. Только тогда «Жэньминь жибао» перепечатала злобный пасквиль, правда, со своим комментарием, в котором в духе Пэна объявила о развернувшейся полемике между учеными. (Произошло это только 29 ноября.)

Добившись своего, Мао мог торжествовать. И, вспомнив, очевидно, горьковского «Буревестника», не удержался от того, чтобы не сочинить собственную героическую песнь о птице, жаждущей бури. Разумеется, в ней присутствовал и антигерой, китайский собрат «глупого пингвина»:

Кунь Пэн[142] свои раскинул крылья
На девяносто тысяч ли,
Подняв мощнейший вихрь повсюду.

Он небо держит и взирает
На городские стены мира.
Гремит орудий канонада,
Воронки тут и там чернеют.
А воробей в кустах со страха
Вопит: «Кошмар! Что здесь творится?
О! Надо мне лететь отсюда!»
«Куда?» — позвольте мне спросить вас.
«В чертоги, на святую гору.
Ведь прошлой осенью подписан
Был тройственный союз об этом[143].
И пища там уже готова,
Картошка, жаренная в масле,
С говядиной — вот это блюдо![144]»
«Довольно напустил ты газов!
Смотри: весь мир перевернулся!»[91]

Да, в мире, в котором жил Мао, небо и земля действительно поменялись местами. И он страстно жаждал поставить вверх дном всю страну[145].

В феврале 1966 года в Ухани он принял трех членов «группы пяти по делам культурной революции»: Пэн Чжэня, Кан Шэна и заведующего отделом пропаганды ЦК Лу Динъи, которые привезли ему тезисы своего «Доклада о ведущейся ныне научной дискуссии». Вот как описывает эту встречу один из ее участников: «Мао обратился к Пэн Чжэню… с вопросом: „Является ли У Хань действительно антипартийным и антисоциалистическим [элементом]?“» Но прежде чем Пэн Чжэнь ответил, выскочил Кан

Шэн, заявивший, что пьеса У Ханя — «антипартийная, антисоциалистическая ядовитая трава». Возразить ему никто не посмел. «Конечно, если имеются различные точки зрения, они должны быть оглашены», — сказал Мао в наступившей тишине… Наконец заговорил Пэн Чжэнь. Он хотел защитить содержание документа, который привез с собой[92]. В этом документе говорилось о том, что во время дискуссий следует «искать истину в фактах, поскольку перед истиной все равны»[92]. Поэтому Пэн Чжэнь сказал: «Я думаю, нам следует исходить из указаний Председателя, позволив ста школам соперничать, а ста цветам расцветать, обсуждая академические вопросы, поднятые в пьесе». Пэн Чжэня поддержал Лу Динъи. После чего Мао подвел итог: «Вы сами выработайте решение. Мне нет нужды его смотреть»[93].

Это была ловушка, но ни Пэн, ни Лу ее не заметили. Через несколько дней с их подачи ЦК принял тезисы «Доклада о ведущейся ныне научной дискуссии» для распространения.

Вот тут-то Мао и начал действовать. Его вновь охватил охотничий азарт. В середине марта в пику Пэн Чжэню он утвердил подготовленный Цзян Цин «Протокол» проведенного ею еще в феврале совещания по вопросам работы в области литературы и искусства в армии. В отличие от тезисов доклада Пэн Чжэня в этом документе говорилось о том, что «антипартийная, антисоциалистическая черная линия», противостоявшая идеям Мао Цзэдуна, осуществляла свою диктатуру в кругах работников литературы и искусства все годы после образования КНР. «Характерными для этой линии являются такие теории, как „писать правду“», — подчеркивалось в «Протоколе», который призывал «решительно вести великую социалистическую революцию на культурном фронте, полностью ликвидировать эту черную линию»[94].

Вскоре уже в Ханчжоу Мао Цзэдун собрал самых близких единомышленников во главе с Цзян Цин и Кан Шэном и заявил им, что Пекинский горком и отдел пропаганды ЦК заступаются за плохих людей и не поддерживают левых. «В Пекинском горкоме обстановка как по пословице: ни иголки не воткнуть, ни воде не просочиться, — сказал он. — Его надо распустить. Что же касается отдела пропаганды, то он является „дворцом владыки ада“. Надо „свергнуть владыку ада и освободить чертенят“». При этом он вновь заклеймил У Ханя за «антипартийное и антисоциалистическое [поведение]». А заодно подверг критике бывшего главного редактора «Жэньминь жибао» Дэн То и бывшего заведующего отделом единого фронта Пекинского горкома Ляо Моша — за публикацию сатирических заметок в столичной прессе. (Многие из этих заметок, кстати, были написаны в

соавторстве с тем же У Ханем[95].)

После этого под давлением Мао Центральный комитет распространил «Протокол» Цзян Цин, а буквально через шесть дней Председатель собрал в Ханчжоу расширенное совещание Постоянного комитета Политбюро, на котором потребовал дезавуировать тезисы доклада Пэн Чжэня и распустить «группу пяти по делам культурной революции». Вместо последней должна была быть создана новая группа, на этот раз при Постоянном комитете Политбюро[96]. В Пекин Мао пока возвращаться не собирался, а потому попросил Лю Шаоци (!) провести в Чжуннаньхае расширенное заседание Политбюро для проведения в жизнь принятых решений. «Западный ветер [из „ревизионистского“ Советского Союза] гонит в Чанъань [столица Древнего Китая, в данном случае — образное обозначение Пекина] опавшие листья, — сказал он своим единомышленникам. — …Если не подметать, то пыль не исчезнет сама по себе»[97].

Стремясь обезопасить себя, Лю предал Пэна, и в мае его верный соратник был снят со всех постов, обвиненный в пропаганде «буржуазного» лозунга «перед истиной все равны». Заодно вычистили и Лу Динъи. По требованию Мао их объединили в одну «антипартийную» группу вместе с начальником Генштаба Ло Жуйцином и заведующим общим отделом ЦК Ян Шанкунем, снятыми ранее по совершенно другим причинам[98]. Такое объединение должно было продемонстрировать, что развертывавшаяся в стране «культурная революция» направлена не только против тех бюрократов, которые занимались культурой и пропагандой, но и против остальных «представителей буржуазии, пролезших в партию, правительство, армию». Иными словами, против всех, кто готов был «при первом удобном случае захватить власть в свои руки и превратить диктатуру пролетариата в диктатуру буржуазии».

Стремясь «ковать железо пока горячо», Кан Шэн тогда же, в мае, поднял вопрос о замене термина «идеи Мао Цзэдуна» на «маоцзэдунизм». «Идеи Мао Цзэдуна, — заявил он, — если выражаться точно, должны называться маоцзэдунизмом»[99]. Однако Мао опять не поддержал такую метаморфозу.

16 мая расширенное заседание Политбюро от имени ЦК приняло текст специального сообщения всем парторганизациям страны, в котором говорилось о роспуске «группы пяти» и об образовании новой Группы по делам культурной революции, непосредственно подчиненной Постоянному комитету Политбюро. Именно это сообщение впервые призвало всю партию «высоко держать великое знамя пролетарской культурной

революции»[100]. Оно было написано самим Мао.

С этого сообщения началось вовлечение в «культурную революцию» широких масс, что придало движению особый характер.

Страна вновь погружалась в хаос. Но Мао, похоже, это ничуть не смущало. Наоборот, он сам провоцировал бунт. Казалось, стареющий вождь получал огромную долю адреналина, дирижируя массовым движением. Он шел ва-банк, чувствуя, что его окружают враги. И для того чтобы сокрушить «заговорщиков», вновь обратился к народу. Он знал, что такой маневр был беспроигрышным. На этот раз он бросил клич неопытной и фанатично преданной ему молодежи — студентам вузов, а также учащимся техникумов и средних школ. Именно это «пушечное мясо» должно было стать его новой гвардией, перед мощным натиском которой ни один чиновник, «идущий по каппути», не мог бы ни за что устоять.

Он уже давно размышлял о необходимости более глубокого вовлечения молодежи в «подлинную социалистическую революцию». Именно «классовую борьбу» он считал самой главной дисциплиной. От большинства же других предметов, которые изучались в учебных заведениях, был, по его мнению, «только вред». Поэтому количество часов, отводимых на лекции, надо было, с его точки зрения, решительно сократить, а всем студентам вместо того, чтобы «слушать всякую галиматью», следовало тратить время на активное участие в «классовых битвах». «Нынешний метод [образования] калечит таланты, калечит молодежь, — возмущался Мао. — Я его не одобряю. Читать столько книг… Это нужно прекратить!» Не нравилась ему и система академических экзаменов. «Нынешний метод проведения экзаменов — это метод отношения к врагу», — утверждал он, ратуя за то, чтобы учащиеся сдавали тесты по правилу: «Я не умею — ты напишешь, а я у тебя перепишу. Ничего в этом страшного нет». Некоторые экзамены, с его точки зрения, надо было вообще отменить. «Теперешнюю систему образования, программы, методику, методы проведения экзаменов — все надо менять, ибо они калечат людей», — резюмировал он на одном из собраний за два года до «культурной революции»[101].

О том же он написал и в письме Линь Бяо 7 мая 1966 года, за девять дней до принятия Политбюро сообщения о начале «культурной революции»[102]. В итоге «чистка» учебных заведений от «каппутистов» и мобилизация молодежи на участие в «классовой борьбе» стала одной из главных задач вновь организованной Группы по делам культурной революции, во главе которой Мао поставил Чэнь Бода, сделав одним из его

заместителей Цзян Цин. Советником группы стал Кан Шэн.

Именно Кан направил свою жену в Пекинский университет, где секретарем парткома философского факультета работала ее знакомая по имени Не Юаньцзы. Супруга Кана подговорила Не организовать нескольких студентов выступить против горкома партии и партийного руководства Бэйда (именно так, как мы помним, китайцы обычно называют этот вуз). Сорокашестилетняя женщина с радостью согласилась и 25 мая вместе с шестью студентами вывесила на стене столовой университета *дацзыбао* (газету больших иероглифов). В ней она обвинила некоторых руководителей отдела Пекинского горкома по университетской работе, а также ректора (он же секретарь парткома) Бэйда в «проведении ревизионистской линии, направленной против ЦК партии и идей Мао Цзэдуна»[103]. По всем партийным канонам того времени это был настоящий бунт. Но Не и ее студенты конечно же ничего не боялись: за ними стояла Группа по делам культурной революции.

Едва получив текст газеты больших иероглифов, Кан Шэн тут же послал его Мао, который по-прежнему находился в Ханчжоу. И тот немедленно восславил этот поклеп как «первую марксистско-ленинскую *дацзыбао»,* дав телефонное указание Кан Шэну и Чэнь Бода распространить ее в средствах массовой информации. К тому времени Чэнь уже направил в редакцию «Жэньминь жибао» рабочую группу, которая установила контроль над этим изданием. Мао давно высказывал недовольство этой газетой, никому не советуя ее читать, потому что она находилась под влиянием Лю Шаоци, Дэн Сяопина и Пэн Чжэня[104]. Но вот, наконец, она очутилась в руках правоверных маоистов, которые, помимо этого, стали контролировать и информационное агентство Синьхуа. Так что исполнить приказ вождя Чэню не составило никакого труда[105].

Лю, Дэн и другие руководители Политбюро пришли в замешательство. В отсутствие Председателя они просто не знали, что предпринять. И, пока суть да дело, немедленно реорганизовали Пекинский горком, а также сместили ректора Бэйда. Но это тут же отозвалось эхом по всей стране. Примеру Не Юаньцзы последовали студенты множества вузов, начавшие атаковать свои ректораты и партийные комитеты.

Немного придя в себя, Лю и Дэн 9 июня отправились в Ханчжоу, чтобы уговорить Мао вернуться в Пекин. Но тот отказался. Тогда они стали испрашивать «высочайшего» позволения посылать в университеты партийные рабочие группы, чему воспротивился Чэнь Бода, присутствовавший при беседе. Мао, однако, не сказал ни да ни нет. Он вел себя точно так же,

как при встрече с Пэн Чжэнем в Ухани. «Их [партийные рабочие группы] можно посылать, — вяло произнес он. — А можно и не посылать. [В любом случае] их не следует отправлять в спешке»[106]. Его тактика была все той же: он просто хотел дать «врагам» возможность полностью проявить себя. Иными словами, действовал по старому принципу: «Пусть все отвратительное целиком вылезет наружу, так как, выйдя наполовину, оно может опять спрятаться»[107]. Просто удивительно, как такие опытные политики, как Лю и Дэн, не смогли раскусить его.

Вконец запутавшись, они в расстроенных чувствах вернулись в Пекин. И, тут же созвав заседание Постоянного комитета Политбюро, провели решение о посылке рабочих групп в университеты, вменив им в задачу восстановление порядка.

Большей ошибки они не могли совершить! Ведь именно это и нужно было от них Мао Цзэдуну для того, чтобы обвинить своих «врагов» в «зажиме» народных масс. Он-то прекрасно понимал, что едва рабочие группы появятся на кампусах, как крикливые левые тут же устроят им провокации, после чего столкновения сторон перерастут в кровавые схватки. Предвкушая все это, он наблюдал за происходившим из своего «прекрасного далека».

А когда решил, что момент нанесения удара близок, послал письмо жене, в котором приветствовал «хаос». «Полный беспорядок в Поднебесной ведет ко всеобщему порядку, — пророчествовал он. — Это повторяется через каждые семь-восемь лет. Всякая нечисть сама вылезает наружу. Не вылезать она не может, ибо это определено ее классовой природой… Сейчас наша задача состоит в том, чтобы во всей партии и во всей стране в основном (полностью невозможно) свалить правых, а пройдет семь-восемь лет — и снова поднимем движение по выметанию нечисти: впоследствии еще надо будет много раз ее вычищать»[108].

Это письмо он написал в Ухани, куда приехал в самом конце июня. Он уже готов был вернуться в Пекин, но перед этим ему захотелось еще раз удивить китайский народ да и весь мир. В свои семьдесят два года он в очередной раз решил совершить заплыв по реке Янцзы.

Он вновь вступил в ее воды 16 июля. И конечно же не стал переплывать великую реку, а, как и прежде, отдался ее мощному течению, которое и отнесло его на расстояние в 30 *ли.* Все это «плавание» заняло один час пять минут. Но как безмерно счастливы были миллионы китайцев! Вот что сообщило по этому поводу информационное агентство Синьхуа: «16 июля 1966 года великий вождь китайского народа председатель Мао Цзэдун снова с попутным ветром, разбивая волны, плавал в реке Янцзы. За час пять минут он проплыл около пятнадцати километров…

Радостная весть… быстро облетела весь город Ухань. Радовался весь город, весть передавалась из уст в уста. В народе говорили: „Здоровье нашего любимого вождя председателя Мао Цзэдуна такое крепкое. Это величайшее счастье всего китайского народа. Это величайшее счастье революционных народов всего мира!“» В тот день, когда Мао решил поплавать, «на берегах Янцзы был лес разноцветных флагов, висели большие плакаты с лозунгами, вокруг были ликующие толпы народа, из репродукторов звучала величавая мелодия „Алеет Восток“, воспевающая нашего любимого вождя председателя Мао Цзэдуна… Громоподобные ликующие возгласы, гудки слились в одно целое. Председатель Мао Цзэдун со здоровым румянцем на лице, весь сияющий, стоял на палубе катера… На реке были видны высоко поднятые красные знамена, громадные транспаранты с выдержками из трудов председателя Мао Цзэдуна: „Сплоченность, напряженность, серьезность и живость“, „Империалисты так третируют нас, что к этому следует отнестись со всей серьезностью“, „Проникнуться решимостью, не бояться жертв, идти на преодоление любых трудностей для завоевания победы“… Председатель Мао Цзэдун… махая рукой восторженным массам… в ответ на их приветствие громко говорил: „Здравствуйте, товарищи! Ура, товарищи!“… Отряд юных пловцов из двухсот с лишним учеников начальных школ привлек особое внимание председателя Мао Цзэдуна. Эти пионеры от восьми до четырнадцати лет [плыли и держали]… в руках плакаты с надписью: „Хорошо учиться, ежедневно добиваться прогресса!“ и хором пели песню: „Мы — коммунистическая смена“, проявляя революционный пафос пионеров эпохи Мао Цзэдуна… Катер подошел к большой Учанской дамбе. Председатель Мао Цзэдун спустился в воду и поплыл. Было ровно одиннадцать часов утра. Летом течение в Янцзы быстрое. Председатель Мао Цзэдун плавал то одним, то другим стилем. Он то плавал на боку, то лежал на спине… Когда стрелка часов показала, что прошел час и пять минут… председатель Мао Цзэдун поднялся на борт, он был бодрым, не заметно было и тени усталости»[109].

Весть о триумфальном заплыве Мао поразила и многих людей за рубежом. Но, конечно, не все поверили пропаганде, посчитав анекдотичным, что семидесятидвухлетний старик покрыл расстояние в пятнадцать километров за час с небольшим. Никто ведь не знал, что Мао просто несло течение! Особенно потешались над лидером КПК профессиональные пловцы. А президент их международной ассоциации даже написал Мао Цзэдуну письмо, в котором приглашал его принять участие в двух соревнованиях в Канаде. «Нам сказали, что вы 16 июля проплыли

9 миль, показав блестящее время 1 час 5 минут, — язвил он. — Это дает вам возможность принять участие в этих двух соревнованиях, поскольку рекорд по плаванию на 10 миль, установленный в прошлом году на традиционных соревнованиях в Квебеке одним из самых быстрых пловцов мира Германом Виллемсе (Германия), составил 4 часа 35 минут». Президент далее заметил, что в феврале 1966 года Джулио Травальо (Италия) на озере Эль-Килья в Аргентине установил новый рекорд, однако и он не так впечатляет, как результат, достигнутый Председателем, — 3 часа 56 минут. Время, показанное Мао, означает, что он в среднем проплывает 100 ярдов за 24,6 секунды, в то время как до сих пор еще никому не удавалось проплыть это расстояние быстрее, чем за 45,6 секунды. «Может быть, Мао Цзэдун захочет представлять красный Китай на очередных Олимпийских играх, прежде чем перейти в профессионалы, — потешался президент. — Но если он хочет легко заработать большие деньги, я предлагаю ему принять участие в соревнованиях профессионалов этим летом и дать Виллемсе, Травальо и другим, которые, очевидно, ему в подметки не годятся, несколько уроков плавания»[110].

Вряд ли Мао когда-либо узнал об этом наглом письме. А если ему и сообщили о нем, времени отвечать у него не было. 18 июля он возвратился в Пекин и сразу же показал Лю и Дэну, кто в доме хозяин. Он обрушился на Лю Шаоци, заявив, что его «рабочие группы никуда не годятся, что прежний [Пекинский] горком разложился, что отдел пропаганды ЦК разложился, что отдел культуры разложился, что министерство высшего образования также разложилось, что „Жэньминь жибао“ тоже никуда не годится». Лю и Дэн почувствовали себя, как на горячей сковородке. А Мао все наседал, искусно разыгрывая роль обманутого в своих надеждах «великого вождя». За три дня он провел три совещания, на которых требовал «отозвать рабочие группы», которые «играют роль тормоза и фактически оказывают помощь контрреволюции»'".

Под давлением разгневанного Председателя, обвинявшего руководство Политбюро в саботаже «великой культурной революции», Лю и Дэн с помощью Чжоу Эньлая и новых руководителей Пекинского горкома 29 июля провели многочисленное собрание активистов студенческих организаций. Состоялось оно в здании Всекитайского собрания народных представителей на площади Тяньаньмэнь. Присутствовали более 10 тысяч человек. Лю и Дэн вынуждены были оправдываться, причем действовали неумело. Особенно жалок был Лю, признавшийся: «Что касается того, как осуществлять великую

культурную революцию… я честно отвечу: я… не знаю»[112]. В зале воцарилась мертвая тишина. Дочь Дэн Сяопина, присутствовавшая на собрании, разрыдалась.

«Детский лепет» «врага», однако, только распалил Мао, почувствовавшего запах крови. Все время, пока тот выступал, он находился за кулисами. Там же выслушал и Дэн Сяопина, и верного Чжоу. И только когда все закончилось, раздвинул занавес и ко всеобщему удивлению появился на подиуме. Толпа взревела в восторге: *«Мао чжуси ваньсуй! Мао чжуси ваньсуй!»* («Да здравствует Председатель Мао!») А он стал ходить взад-вперед по сцене, приветственно помахивая рукой[113].

Да, в нем жил великий артист! Дэну и Лю, посрамленным, ничего не оставалось, как принять участие в вакханалии, изо всех сил аплодируя своему мучителю.

Хотя рабочие группы были отозваны, Мао не желал успокаиваться. «Посылка рабочих групп означала, по существу, выступление против пролетарской революции с позиций буржуазии», — выдвигал он убийственное обвинение, требуя, чтобы «культурная революция» проводилась при опоре только на молодежь и революционных преподавателей. «Если не опираться на них, то на кого же?»[114] — вопрошал он. 1 августа он написал приветственное послание одной из молодежных организаций, созданной 29 мая в средней школе при Пекинском техническом университете Цинхуа. Организация именовала себя *«Хунвэйбин»* («Красные охранники»). Название очень понравилось Мао, и он похвалил ее членов, заявив: «Мы оказываем горячую поддержку всем, кто занимает такую же, как и ваша, революционную позицию в великой культурной революции, будь то в Пекине или в стране в целом»[115].

Как только письмо было оглашено, среди учащейся молодежи по всей стране началась эпидемия организации хунвэйбиновских групп. А Мао потирал руки: с такой армией он мог «штурмовать небо».

В этой обстановке в первой половине августа он провел очередной расширенный пленум ЦК, на который пригласил «революционных преподавателей и студентов» из разных вузов. Он вновь ругал «рабочие группы», обвиняя их на этот раз в «терроризме», а 5 августа, когда пленум был в самом разгаре, написал собственную *дацзыбао* из двухсот с лишним иероглифов, название которой «Огонь по штабу!» привело в трепет многих партийных работников[116]. Всем наконец стало ясно, что инициированная Мао «культурная революция» была на самом деле направлена против Лю Шаоци!

8 августа пленум принял специальное «Постановление

Центрального комитета Коммунистической партии Китая о Великой пролетарской культурной революции». В нем перед «широкими массами рабочих, крестьян, солдат, революционной интеллигенции и революционных кадров» была поставлена цель «разгромить облеченных властью лиц, идущих по капиталистическому пути, раскритиковать буржуазные реакционные „авторитеты“ в науке, раскритиковать идеологию буржуазии и всех других эксплуататорских классов, преобразовать просвещение, преобразовать литературу и искусство, преобразовать все области надстройки, не соответствующие экономическому базису социализма, с тем чтобы способствовать укреплению и развитию социалистического строя»[117]. Принятие постановления не обошлось без определенной борьбы. Как позже вспоминал Мао, «только после дискуссии мне удалось набрать чуть больше половины голосов. Разумеется, многие по-прежнему не приняли эту точку зрения»[118].

Стремясь окончательно подавить сопротивление сторонников Лю, Мао реорганизовал руководящие органы Политбюро, введя в его Постоянный комитет своих соратников: Линь Бяо, Кан Шэна и Чэнь Бода. Линь, занявший пост единственного заместителя Председателя[146], стал его новым преемником — вместо дискредитировавшего себя Лю Шаоци[119]. А через пять дней после пленума, 18 августа, стоя на балюстраде дворцовой башни Тяньаньмэнь, Мао вместе с Линь Бяо и другими членами ареопага приветствовал сотни тысяч собравшихся на площади хунвэйбинов. Наэлектризованная толпа заходилась в экстазе. Многие обезумевшие от восторга студентки плакали навзрыд. Многие юноши и девушки с букетами и гирляндами цветов танцевали. Над людским океаном реяли красные знамена и высились гигантские портреты вождя. В общем, это было впечатляющее шоу.

Однако на этом дело не кончилось. Весь сентябрь в руководстве партии шла борьба. Те, кто еще сохранял разум, изо всех сил старались ограничить бардак, стремясь не допустить возникновения нового экономического кризиса. В середине сентября трезвомыслящие работники ЦК разработали документ, запрещавший втягивать в хунвэйбиновское движение рабочих и крестьян. Но вскоре правоверные маоисты нанесли группировке Лю новый удар. На одном из рабочих совещаний Центрального комитета в середине октября Линь Бяо впервые атаковал Лю и Дэна поименно, обвинив последних в том, что они «подавляли массы и противодействовали революции»[120]. Понятно, что его выступление было согласовано с Мао. На совещании присутствовала Цзян Цин, несмотря на то, что членом ЦК не

являлась. С конца августа она исполняла обязанности главы Группы по делам культурной революции — вместо загруженного работой Чэнь Бода[121].

Вскоре расширенное совещание Политбюро под председательством того же Линя дезавуировало сентябрьское постановление о нераспространении хунвэйбиновского движения на «народные коммуны» и промышленные предприятия. Вслед за этим по всей стране наряду с хунвэйбиновскими стали создаваться организации молодых рабочих и служащих, получившие название *«цзаофань»* («бунтари»). Это слово было заимствовано из ставшей к тому времени знаменитой на весь Китай фразы Мао, впервые сформулированной им в Яньани во время выступления по случаю шестидесятилетней годовщины Сталина: «Законы марксизма запутаны и сложны, но в конечном итоге они сводятся к одному: „бунт — дело правое“ *[«цзаофань юли»]»*[112]. 5 июня 1966 года об этой идее Председателя напомнила «Жэньминь жибао», после чего выражение *«цзаофань юли»* использовали в названиях своих *дацзыбао* все те же хунвэйбины из средней школы при университете Цинхуа. Они прислали эти газеты Мао, который в уже знакомом нам письме к ним воскликнул: «Вы… заявляете, что бунт против реакционеров — дело правое. Я выражаю вам горячую поддержку»[123]. Письмо, как мы помним, было тут же растиражировано. После этого выражение «бунт — дело правое» стало главным лозунгом «культурной революции».

Экономика Китая вновь оказалась под угрозой. Особенно тяжелое положение сложилось на транспорте. Вдохновленные известиями о встрече Мао с хунвэйбинами 18 августа обезумевшие юнцы и подростки бросились на поезда, чтобы поехать в Пекин. Каждому хунвэйбину и цзаофаню хотелось увидеть «великого кормчего». И Мао приветствовал их порыв, до конца ноября проведя на площади Тяньаньмэнь восемь встреч-парадов, в которых приняло участие более 11 миллионов человек! Наиболее грандиозными были демонстрации 25 и 26 ноября, в них участвовало 2,5 миллиона «революционных» студентов. Занятия в вузах были отменены.

Сообщения агентства Синьхуа об этих парадах сегодня уже нельзя читать без улыбки, так же как и отчет о заплыве Мао. Настолько они пропитаны дешевым пафосом. «Вчера в половине двенадцатого утра, — захлебываясь от восторга, передавал 26 ноября безымянный корреспондент, — под торжественную музыку „Алеет Восток“ на центральную трибуну площади Тяньаньмэнь поднялись наш великий учитель, великий вождь, великий полководец, великий кормчий председатель Мао Цзэдун

и его ближайший соратник товарищ Линь Бяо… В этот момент вся площадь Тяньаньмэнь и примыкающая к ней с востока улица превратились в ликующий людской океан. Взоры всех присутствовавших были устремлены на председателя Мао Цзэдуна. От волнения и радости все подпрыгивали. Волны несмолкаемых возгласов: „Да здравствует председатель Мао Цзэдун! Ему долгих лет жизни! Ему долгих, долгих лет жизни!“ прокатывались над людским морем… 25 ноября температура воздуха в столице упала до семи градусов ниже нуля по Цельсию. Несмотря на это, наш самый уважаемый и самый любимый великий вождь председатель Мао Цзэдун без пальто, в одной форме цвета хаки поднялся на центральную трибуну, откуда он приветливо махал и рукоплескал юным революционерам, воодушевляя их на доведение до конца великой культурной революции»[124].

Среди находившихся в те дни на трибуне Тяньаньмэнь были и Лю, и Дэн. Они все еще входили в состав партийного руководства, но их дни уже были сочтены. 18 декабря один из заместителей Цзян Цин шанхайский левак Чжан Чуньцяо передал хунвэйбиновскому вожаку университета Цинхуа «высочайшее» пожелание: «Вы, маленькие революционные генералы, должны объединиться, преисполниться революционным духом, добить загнанную в воду собаку, развенчать их [Лю и Дэна], не останавливаясь на полдороге». Он также добавил, что Лю и Дэн, «эти два проводника буржуазной реакционной линии, так до сих пор и не капитулировали». Через семь дней в Пекине состоялась пятитысячная демонстрация под лозунгами «Долой Лю Шаоци! Долой Дэн Сяопина!», «Доведем кровавое сражение с Лю и Дэном до конца!»[125]. Вскоре после этого аналогичные демонстрации начались по всей стране.

Лю и Дэн моментально исчезли с политической арены. А уже 1 января 1967 года на стене особняка Лю в Чжуннаньхае появилась надпись: «Долой китайского Хрущева Лю Шаоци!» Еще через два дня там же, в резиденции ЦК, был организован «митинг критики и борьбы», на котором Лю и его жена были подвергнуты публичному порицанию. Впоследствии такие «митинги» стали частыми. Вот как описывает один из них очевидец: «Солдаты и офицеры из центрального полка охраны, находившиеся здесь… не вмешивались. Никто не пытался помочь Лю Шаоци. Лю и его жену Ван Гуанмэй окружила толпа. Сотрудники бюро секретарей [ЦК] толкали, пинали и били их. На Лю разорвали рубашку. Его дергали за волосы. Когда я протиснулся поближе, то увидел, как кто-то заломил ему назад руки в то время, как другие старались нагнуть его вперед… Это у них называлось „делать аэроплан“. В

конце концов им удалось согнуть его пополам, и он чуть не ткнулся лицом в грязь. Его пинали и били по лицу. А солдаты из центрального полка охраны по-прежнему не хотели вмешиваться. Я не мог больше на это смотреть. Лю Шаоци было уже… почти семьдесят лет, и он являлся главой нашего государства»[126].

«Культурная революция» входила в самую кровавую фазу. 27 декабря 1966 года Цзян Цин направила пекинских хунвэйбинов в провинцию Сычуань, где находился опальный Пэн Дэхуай. Группа молодчиков ворвалась к нему в дом, схватила его и доставила в столицу, где его посадили в тюрьму. Пэна мучили и избивали более ста раз, сломав ребра, искалечив лицо и отбив легкие. То и дело его таскали на «митинги критики и борьбы». Престарелый маршал непрерывно стонал, с трудом говорил. Из тюрьмы он написал Мао: «С самым последним приветом к вам! Желаю вам долгих лет жизни!» Умер он 20 ноября 1974 года[127].

Страшные испытания выпали и на долю другого героя китайской революции, маршала Хэ Луна. Балагур и весельчак, любимец женщин, он был одним из немногих, кто с радостью поддержал Мао, когда тот в Яньани стал жить с Цзян Цин. Его самого всегда влекло к адюльтеру, и ему нравилось это в других! Но прежняя дружба с женой вождя не спасла его. В начале 60-х он сильно повздорил с Линь Бяо, откровенно выразив ему презрение как профану в области современных вооружений. Это и привело к его падению. 30 декабря 1966 года та же Цзян Цин призвала студентов университета Цинхуа нанести удар по Хэ Луну. Он попытался искать заступничества у Чжоу, прося предоставить ему убежище в Чжуннаньхае. Но испуганный премьер ответил: «Сейчас и в Чжуннаньхае неспокойно. Тебе надо подыскать тихое место подальше отсюда, чтобы немного отдохнуть». Но таких мест в Китае уже не осталось. Через несколько месяцев загнанного маршала арестовали, и он пошел по кругам ада. Устав оправдываться, он в конце концов перестал принимать пищу и умер 9 июня 1969 года. Незадолго до смерти он сказал жене: «У меня нет никаких желаний, кроме одного: чтобы Председатель Мао сказал только одну фразу: Хэ Лун — наш товарищ»[128].

Через несколько дней после его кончины, 22 июня, покончил с собой совершенно затравленный цзаофанями Ли Лисань, тот самый, который в начале 30-х проводил свою печально знаменитую авантюристическую «линию», направленную на захват власти компартией первоначально в одной или нескольких провинциях. Он жил и работал в Китае с начала 1946 года, после того как именно Мао Цзэдун добился согласия советских властей на его возвращение. Все это время он был членом ЦК и занимал различные руководящие посты как в партии и профсоюзах, так и в

правительстве. В конце 1966 года упоенные вседозволенностью юнцы вытащили его на «митинг критики и борьбы». После этого его на какое-то время оставили в покое, но в конце января 1967-го вновь взялись «прорабатывать». Били и истязали в течение трех лет, пока он наконец не выдержал и не принял большую дозу снотворного. «Мои душевные и физические мучения невыносимы»[129], — написал он Мао. Через день после смерти Ли его русская жена и две дочери были арестованы.

24 августа 1966 года, не выдержав пыток, которым его подвергли на публичном судилище разошедшиеся молодчики, скончался один из основателей КПК Ли Да, являвшийся в то время ректором Уханьского университета. В том же году покончили с собой секретарь Мао Цзэдуна Тянь Цзяин, рассказавший когда-то вождю правду о настроениях крестьян, и один из «лушаньцев» Чжоу Сяочжоу. 19 сентября 1966 года умер первый секретарь Тяньцзиньского горкома Вань Сяотан. Это произошло вскоре после того, как хунвэйбины заставили его простоять несколько часов под палящим солнцем. А через четыре месяца погиб заместитель председателя Всекитайской федерации профсоюзов, бывший владивостокский грузчик Лю Чаншэн.

Не выдержал преследований и Лю Шаоци. Почти весь 1967 год над ним издевались на «митингах» в Чжуннаньхае и других учреждениях Пекина. В середине сентября его жену бросили за решетку, после чего у убитого горем Лю наступил гипертонический криз и резко увеличился сахар в крови. Все это сопровождалось нарушением функций вегетативной нервной системы. К тому же он подхватил воспаление легких. Совершенно больного его держали под домашним арестом, практически отказывая в медицинской помощи. В середине же октября 1969 года тайно, под вымышленным именем Лю Вэйхуан, вывезли в Кайфэн (провинция Хэнань), где и оставили умирать, уже совершенно безнадежного, в одном из зданий, принадлежавших местным «революционным» властям. В комнате, где его поместили, не было никакой мебели, если не считать грязных носилок на полу, служивших Лю постелью. Через месяц, 12 ноября, бывшего Председателя КНР не стало. «Скорая помощь» пришла к нему через два часа после смерти[130]. В свидетельстве о его кончине в графе «занимаемая должность» врач написал: «Безработный». Причиной же смерти указал «болезнь».

Жертвами хунвэйбиновско-цзаофаневского террора стали и многие другие, менее известные, деятели КПК. «Культурная революция» неслась по стране как огненный смерч, и горе было тому, кто оказывался на ее пути.

Знал ли обо всем этом Мао? Доходили ли до него стоны его

бывших товарищей? Вряд ли можно сомневаться в этом. Ведь именно он принимал окончательные решения по поводу того или иного руководителя партии. Именно он снимал их всех с должностей и выводил из составов Центрального комитета, бюро ЦК и Политбюро. Да, в отличие от Сталина, он не подписывал смертных приговоров. Но разве доведение до самоубийства не равносильно казни? А попустительство извергам, пытавшим и насиловавшим арестованных? Не есть ли это тягчайшее преступление?

Возможно, Мао не представлял себе масштабы беззакония? Но ведь не мог же он не понимать, к чему вела вседозволенность! Нет, все он прекрасно знал, а потому именно он и несет ответственность за загубленные и искалеченные судьбы. Он — главный виновник массового террора, бессмысленного и беспощадного! Более миллиона человек были замучены, расстреляны, доведены до самоубийства в годы «полного беспорядка в Поднебесной», сто миллионов в той или иной степени пострадали! И только малая часть из них являлась членами партии или кадровыми работниками.

Да, все он знал и все понимал. И не только в течение долгого времени не пытался пресечь разгул анархии, но, наоборот, всячески поощрял его! Неуемная страсть к насилию, так отчетливо проявившаяся еще в «Докладе об обследовании крестьянского движения в провинции Хунань», не угасала в Мао ни на один миг! Да и как могла она ослабеть, если все время подогревалась кровавой революционной борьбой и чтением марксистской литературы. «Без разрушения нет созидания» — в эту ложную формулу Мао верил всю свою жизнь.

Его просто не волновали жизненные драмы жертв «культурной революции». Он жил в своем мире, в котором не было места человеческому страданию. Свободное время он проводил в обществе хорошеньких девушек семнадцати-восемнадцати лет, изредка меняя их на все еще притягивавшую его Чжан Юйфэн. По ночам уединялся с ними в облюбованную и богато обставленную комнату № 118 во дворце Всекитайского собрания народных представителей, а с конца 1966 года стал устраивать групповые «пижама-парти» и в Чжуннаньхае, в здании с зимним плавательным бассейном. Оно ему теперь нравилось больше, чем Павильон Аромат хризантем[131]. При этом он конечно же неизменно держал руку на пульсе огромной страны. Ни один крупный вопрос не решался без его ведома. Только он, Председатель Мао, был истиной в последней инстанции. И только он при желании мог спасти приговоренного.

Так поступил он, например, с Дэн Сяопином, «дело» которого

в конце концов отделили от «компромата» на Лю Шаоци. Он хоть и ругал его то и дело на разных собраниях, ворча о том, что тот якобы шесть лет «начиная с 1959 года не докладывал» ему «о своей работе», но уничтожить его никому не позволял. Как бы ни был он зол на «коротышку Дэна», он все-таки ценил его феноменальные организаторские способности. «Критикуя и свергая Дэн Сяопина, Мао Цзэдун одновременно сохранял и оберегал его и в политическом плане, и физически как человека», — пишет младшая дочь Дэна Маомао. В июле 1967-го он даже проговорился одному из сподвижников: «Если у Линь Бяо подкачает здоровье, я все-таки думаю выпустить на сцену Дэн Сяопина. Дэн Сяопин, по крайней мере, будет членом Постоянного комитета Политбюро»[132]. Бывший генсек испытал только ужасы «круга первого». Его заставляли выступать с самокритикой, надевали на голову дурацкий колпак, ставили на колени, но до смерти не довели. 22 октября 1969 года вместе с женой и мачехой Дэна выслали в провинцию Цзянси, в одну из так называемых «школ 7 мая» — специальных лагерей трудового перевоспитания для кадровых работников. (Как мы помним, 7 мая 1966 года Мао послал Линь Бяо письмо о перестройке системы образования; отсюда это странное название лагерей.) Тут Дэн и жил в течение нескольких лет.

Вместе с тем его душевные страдания были безмерны. И не столько потому, что он лишился поста и власти. «Культурная революция» обрушила тяжелый удар на семью Дэн Сяопина. Его старший сын, Пуфан, студент Пекинского университета, будучи не в силах снести издевательства, в конце августа 1968 года выбросился из окна верхнего этажа одного из зданий Бэйда. Только чудом он не погиб, но, перебив позвоночник, на всю жизнь остался калекой.

Сыну Лю Шаоци, Юньпиню, повезло меньше: его попытка самоубийства оказалась фатальной. Дикий разгул террора 1966–1968 годов вынуждал многих кончать с собой. Не выдерживая бесчеловечного отношения, к попыткам самоубийства прибегали деятели культуры, профессора университетов, работники партийных организаций. В конце августа 1966 года после дикого «митинга критики и борьбы» покончил с собой, бросившись в озеро Тайпинху в Пекине, гениальный писатель Лао Шэ.

В январе 1967 года подстрекаемые Чжан Чуньцяо хунвэйбины и цзаофани Шанхая штурмом взяли здание городского комитета партии. Возглавлял этот бунт молодой охранник одной из текстильных фабрик Ван Хунвэнь, уже в ноябре 1966 года попавший в поле зрения маоистов. Ван тогда спровоцировал инцидент на станции Аньтин в предместье Шанхая, на тридцать

часов перекрыв железнодорожное движение в Нанкин. Его сторонники просто легли на рельсы, требуя, чтобы им предоставили поезд для поездки в Пекин на встречу с «великим кормчим». «Революционные действия» Ван Хунвэня получили поддержку Чжан Чуньцяо, Цзян Цин и Яо Вэньюаня, которые стали использовать тридцатилетнего парня в своих интересах.

Узнав о захвате горкома в Шанхае, Мао пришел в восторг. «Это свержение одним классом другого класса, — объявил он, — это великая революция»[133]. Единственное, что его беспокоило, так это относительная слабость хунвэйбинов и цзаофаней, а потому он дал команду Линь Бяо направить на помощь «левым» войска НОАК. После этого повсеместный захват власти молодчиками из ультрареволюционных организаций пошел быстрее.

Январский переворот привел в итоге к созданию по всей стране новых органов власти — так называемых «революционных комитетов», в которых портфели делились между представителями трех сторон: главарями хунвэйбинов и цзаофаней, офицерами НОАК и «революционными кадровыми работниками». Партийные органы на местах оказались полностью парализованными.

Но это неожиданно вызвало протест группы членов Политбюро, среди которых были пятеро заместителей премьера — Тань Чжэньлинь, Чэнь И, Ли Фучунь, Ли Сяньнянь и Не Жунчжэнь, а также секретарь Военного совета ЦК Е Цзяньин. На двух заседаниях в Чжуннаньхае в начале и середине февраля они резко выступили против январских событий да и всей «культурной революции» в целом. «Ваша цель избавиться от всех ветеранов, — бросил членам Группы по делам культурной революции один из них. — Эта борьба по своей жестокости намного превосходит все остальные схватки в истории партии»[134]. Другие выступавшие поддержали его.

Однако Линь Бяо, Цзян Цин, Кан Шэн и Чэнь Бода тут же заклеймили их всех как отступников, заговорив о неком «контрреволюционном февральском противотечении». Мао, разумеется, поддержал «леваков», после чего Политбюро ЦК и Госсовет КНР фактически прекратили существование. Их функции Председатель передал Группе по делам культурной революции[135]. Торжествующая Цзян Цин не могла удержаться, чтобы не «подколоть» Чжоу: «Теперь вы, Чжоу Эньлай, должны являться на наши заседания, так как ваши больше не имеют значения»[136].

В итоге всякая оппозиция диктатуре Мао была подавлена, и в 1967 году Председатель наконец заговорил о том, что следовало, «взявшись за революцию, стимулировать производство»[137].

Но не тут-то было. Усмирить разгорячившуюся молодежь оказалось трудно. Глотнув «свободы», никто не хотел возвращаться в «царство необходимости». По всем городам и поселкам маршировали отряды юнцов, выкрикивавших душераздирающие лозунги типа: «Да здравствует Председатель Мао!», «Размозжим собачью голову главарю черной банды Лю Шаоци!», «Долой ревизионизм!». По-прежнему вылавливали «каппутистов» и членов их семей, устраивали судилища, орали и буйствовали. Вытаскивали из квартир измученных престарелых профессоров и партийных работников, ставили их на импровизированные трибуны под палящее солнце или на лютый мороз, надевали на них дурацкие колпаки и вешали им на шеи плакаты: «контрреволюционный ревизионистский элемент такой-то», «член черной антипартийной банды такая-то». Лица жертв мазали дегтем или чернилами, одежду на «преступниках» разрывали, а затем заставляли их кланяться «революционным массам», до изнеможения признаваясь во всевозможных «грехах». Глазевшие же на все это люди неистовствовали. И под крики «долой» выбрасывали вверх сжатые кулаки.

Ужасом наполнялись сердца тех, кто попадал под «красное колесо». И если обреченным на муки удавалось выжить, мрачные картины судилищ на всю жизнь оставались у них в памяти: «Полыхают красные нарукавные повязки хунвэйбинов, возбуждая горячие молодые сердца. Мир заполнен великими цитатами, положенными на музыку, зовущими ребят на битву. Вперед! Бей! Круши! Глаза наливаются кровью, идем строить алый мир. Кто там еще барахтается…

— Почему ненавидишь компартию? Каким образом мечтал вернуть утраченный рай? Говори!

— Какие контрреволюционные делишки проворачивал, как готовился свергнуть компартию? Говори!

— Какие векселя припрятал до лучших времен, мечтал ли о возвращении Чан Кайши, о мести, жаждал ли убивать коммунистов? Говори…

Бац! — ремнем; трах! — цепью; а-а-а! — душераздирающий вопль.

— Отвечай, отвечай, отвечай!

— Люблю партию!

— Вонючка! Где это ты научился любить партию? Как можешь ты любить партию? Как смеешь говорить, что любишь партию? Есть ли у тебя право любить партию? Он еще артачится, гранитный лоб… Бац, трах, ремни да цепи, огонь и лед, кровь и соль»[138].

Неудивительно, что не все выдерживали испытания. А Мао на

это реагировал с каким-то черным юмором: «Не надо думать, что „раз умер мясник Чжан, то теперь придется есть свинину со щетиной“»[139].

Даже когда его дочь Ли Минь пожаловалось ему на то, что обезумевшие борцы с ревизионизмом стали навешивать идиотские обвинения на нее саму и ее мужа, Мао и пальцем не пошевелил. Просто рассмеялся, и «громкий смех его был весел, как когда-то на [одном] своем дне рождения. А ответ был таков: „Ничего страшного, опыта наберетесь“»[140].

Волнения у него вызывало лишь то, что движение хунвэйбинов оказывало все более разрушающее влияние на народное хозяйство. Невежественные юнцы по призыву Линь Бяо и Цзян Цин вели борьбу с «четырьмя старыми»: старыми идеями, культурой, традициями и привычками. А под эти определения попадало буквально все! Дело доходило до того, что во многих городах леваки вводили новые правила: переходить дорогу на красный свет, ибо красный — цвет революции. Повсеместно разрушались древние памятники, уничтожались архивы, старых специалистов, в том числе медработников, инженеров и техников, не допускали на службу. Массовый беспредел все отчетливее грозил обернуться катастрофой.

Поняв, что сами хунвэйбины не успокоятся, Мао наконец стал действовать против них. В начале августа 1967 года он велел арестовать трех наиболее оголтелых членов Группы по делам культурной революции, которые инициировали захват власти в министерстве иностранных дел и сожгли офис британского поверенного. Вслед за этим, в середине октября, по требованию Председателя было принято постановление о немедленном возобновлении занятий в школах и университетах.

Резко изменилась и риторика Мао. Теперь он уже заявлял, что «подавляющее большинство наших кадров — хорошие и что только малое меньшинство не является таковым. Да, действительно, нашим объектом [борьбы] являются те лица в партии, которые стоят у власти и идут по капиталистическому пути, но таковых — жалкая кучка». В конце октября 1967 года он сделал и еще один, крайне важный, шаг: дал указание Центральному комитету и Группе по делам культурной революции издать директиву о возобновлении деятельности партийных организаций во всех местах, где были созданы революционные комитеты[141].

Но ситуация все еще оставалась сложной. Хунвэйбины удерживали школы и вузы. И тогда 3 июля 1968 года Мао потребовал незамедлительно прекратить беспорядки. 27 июля свыше тридцати тысяч рабочих из более чем шестидесяти

промышленных предприятий Пекина, объединенных в так называемый «Пропагандистский отряд идей Мао Цзэдуна», вошли на территорию университета Цинхуа. Произошли столкновения, десять человек были убиты. После этого, в августе, в действие вступили войска НОАК. Только им и удалось навести порядок, захватив университеты, ставшие, по словам Председателя, «большими и малыми независимыми королевствами»[142]. В течение второй половины 1968 года миллионы обманутых молодых людей были депортированы в сельскую местность, в лагеря трудового перевоспитания, где их подавляющее большинство оставалось вплоть до смерти «великого кормчего» в 1976 году. Горьким было их прозрение! И многие могли сказать словами героя одной из повестей писателя Ван Мэна: «Кто рожден китайцем, отравлен с рождения. Всем миром не разгребешь того, что тут у нас навалили… О великая и многострадальная нация — китайцы!»[143]

В октябре 1968 года очередной расширенный пленум ЦК подвел итоги периода «бури и натиска». К тому моменту более 70 процентов членов и кандидатов в члены Центрального комитета были заклеймены как «антипартийные элементы», «предатели» и «шпионы», «поддерживающие тайные связи с заграницей». Десять из девяноста семи членов ЦК скончались за время, прошедшее с августа 1966 года.

Пленум исключил Лю Шаоци «навсегда» из партии, подчеркнув, что «разоблачение» его «контрреволюционной физиономии» явилось «великой победой» идей Мао Цзэдуна, равно как и «Великой пролетарской культурной революции». Бывший глава государства был назван «затаившимся провокатором и штрейкбрехером, цепным псом империализма, современного ревизионизма и гоминьдановской реакции, совершившим массу тягчайших преступлений».

В то же время под давлением Мао пленум оставил членом партии «еще одно самое крупное лицо, находившееся у власти и шедшее по капиталистическому пути», Дэн Сяопина. «Вот тут все хотят исключить [его], но я несколько воздерживаюсь»[144], — сказал Мао Цзэдун, и этого оказалось достаточным, чтобы интерес «леваков» к Дэну упал.

Борьба с «умеренными», а после них и с хунвэйбинами фактически завершилась. В этих условиях Мао принял решение провести IX съезд партии. Он состоялся с 1 по 24 апреля 1969 года в Пекине. На нем присутствовали 1512 делегатов, представлявших почти 22 миллиона коммунистов. Главным итогом форума было единогласное принятие нового партийного устава, в котором вновь, как и в уставе, одобренном VII съездом,

теоретической основой КПК объявлялись «идеи Мао Цзэдуна». Только теперь они были названы марксизмом-ленинизмом «такой эпохи, когда империализм идет к всеобщему краху, а социализм — к победе во всем мире»[145].

На съезде был коренным образом изменен персональный состав руководящих органов КПК. Новый Центральный комитет в количестве 170 членов и 109 кандидатов был по правилам того времени сформирован исходя из принципа сочетания «трех сторон»: Мао включил в него главных вождей «культурной революции», крупных командиров НОАК и наиболее преданных ему «революционных» партийных работников. Единственным заместителем Председателя был вновь избран Линь Бяо, и вся страна с новым энтузиазмом стала учиться у армии, тем более что именно войска НОАК в конечном счете навели порядок в стране.

На состоявшемся сразу после съезда 1-м пленуме вновь избранного ЦК в новый состав Политбюро впервые вошли властолюбивые жены Мао и Линь Бяо, Цзян Цин и Е Цюнь, а также шанхайские «герои» Чжан Чуньцяо и Яо Вэньюань. В Постоянный же комитет Политбюро, помимо Мао и Линя, были включены Чэнь Бода, Чжоу Эньлай и Кан Шэн.

Как съезд, так и пленум завершились бурными рукоплесканиями. Долго не утихали возгласы: «Да здравствует победа Великой пролетарской культурной революции!», «Да здравствует Коммунистическая партия Китая!», «Да здравствуют всепобеждающие идеи Мао Цзэдуна!», «Да здравствует Председатель Мао Цзэдун!».

Одной из важных тем, активно муссировавшихся на съезде и пленуме, была борьба с советским ревизионизмом. Вот что Мао сказал по этому поводу: «Сейчас советские ревизионисты нападают на нас. В различных радиопередачах ТАСС, материалах Ван Мина[147], многословных статьях „Коммуниста“ говорится о том, что мы теперь не пролетарская партия, [они] нас называют „мелкобуржуазной партией“. Говорится, что мы, проводя в жизнь централизацию, вернулись к периоду опорных баз, то есть движемся вспять. Что такое централизация? По их словам, это и есть военно-бюрократический режим… Я думаю, пусть говорят эти слова — как говорят, так и говорят. Но у них есть одна особенность: они не обзывают нас буржуазной партией, а называют „мелкобуржуазной партией“. Мы же говорим, что у них диктатура буржуазии, восстановлена диктатура буржуазии»[146].

Резко антисоветским был и отчетный доклад ЦК, с которым на съезде выступил Линь Бяо. Полемика, разгоревшаяся в начале 60-х, в 1969 году достигла своего апогея.

Накануне съезда, в марте, на дальневосточной границе между СССР и КНР произошли вооруженные столкновения. Советские и китайские пограничники вступили в бой за остров Даманский (Чжэньбао) на реке Уссури. С обеих сторон имелись убитые: 30 солдат и один офицер с советской стороны и 50 военнослужащих — с китайской. Более ста человек были ранены[147]. Западный мир затрубил о «первой социалистической войне».

К тому времени наши отношения и без того были напряженными. После внезапного отзыва советских специалистов в 1960 году они неудержимо шли под откос. Советские и китайские представители на разных встречах то и дело обменивались едкими замечаниями в адрес друг друга. Споры шли как о характере современной эпохи, так и по вопросу о культе личности Сталина. Китайцы обвиняли вождей КПСС в «социал-демократизме», а советские коммунисты кричали об «ультралевизне» лидеров КПК. Шел обмен письмами.

Наконец, в 1963 году, у Хрущева не выдержали нервы. В ответ на очередное письмо ЦК КПК от 14 июня 1963 года, озаглавленное «Предложение о генеральной линии международного коммунистического движения», Центральный комитет КПСС обратился с открытым посланием ко всем коммунистам Советского Союза. В нем было заявлено о «пагубности курса» китайской компартии, о «вопиющем противоречии» действий китайского руководства «не только с принципами взаимоотношений между социалистическими странами, но в ряде случаев и с общепризнанными правилами и нормами, которых должны придерживаться все государства»[148].

На это «Жэньминь жибао» и журнал «Хунци» разразились редакционной статьей, в которой заклеймили позором единый фронт Москвы, Вашингтона, Нью-Дели и Белграда против «социалистического Китая и всех марксистско-ленинских партий». «Хрущевские ревизионисты» были объявлены «предателями марксизма-ленинизма и пролетарского интернационализма»[149]. После этого в развитие данного тезиса в китайской прессе были опубликованы еще восемь так называемых критических статей. А в мае 1964 года на одном из заседаний китайского руководства Мао, уже не сдерживая злобу, заявил: «Сейчас в Советском Союзе диктатура буржуазии, диктатура крупной буржуазии, немецко-фашистская (!?) диктатура гитлеровского типа. Это шайка бандитов, которые хуже, чем де Голль (!?)»[150].

Одновременно и та, и другая сторона поднимала все новые больные вопросы. Китайцы договорились до того, что предъявили Советскому Союзу территориальные претензии. «В беседах с

нашими советниками пекинское руководство просто враждебно заявляло, что русские захватили у Китая Дальний Восток и другие прилегающие территории, — вспоминал Хрущев. — … Между нами возникли некоторые недоразумения относительно границы по реке Уссури и другим рекам. Как известно, реки со временем меняют свои русла, образуя острова. Согласно договору, который был подписан с Китаем царским правительством, граница проходила по китайскому берегу реки, а не по фарватеру, как это обычно принято в международной практике. Таким образом, если образовывались новые острова, то они считались российскими… Потом положение обострилось»[151]. В 1962 году Москва согласилась на секретные пограничные переговоры с Пекином, которые начались в феврале 1964 года. Однако Хрущев прервал их из-за того, что китайцы помимо вопроса о фарватере настойчиво стремились обсуждать проблему царской экспансии в Сибири и на Дальнем Востоке. Советская сторона тем не менее согласилась с тем, что с КНР нужно подписать новый пограничный договор взамен царского. По этому договору остров Даманский должен был отойти к КНР, так как он находится к западу от фарватера Уссури. Иными словами, если исходить из международной практики, — в китайских территориальных водах. Договор тем не менее подписан не был, но китайцы, принимая во внимание согласие СССР заключить его на международных принципах, стали считать Даманский своим[152].

На какое-то время в связи с отставкой в октябре 1964 года Хрущева появилась надежда на возобновление конструктивного диалога. На первом же заседании Президиума ЦК КПСС было принято решение «пока», в тактических целях, прекратить «критику» КПК, хотя и «не менять позиции по китайскому вопросу»[153]. В начале ноября по приглашению советской стороны на празднование годовщины Октябрьской революции прибыла китайская делегация во главе с Чжоу Эньлаем. Ее тепло встретил Алексей Николаевич Косыгин, наиболее активный сторонник нормализации отношений с Китаем. Однако шанс наладить хотя бы нормальные деловые связи с некогда добрым соседом рухнул. По словам помощника Брежнева Андрея Михайловича Александрова-Агентова, это произошло «после нелепого случая или же под влиянием военной верхушки, разозленной на китайцев. Так или иначе, но во время праздничного банкета в Кремле к китайскому премьеру подошел крепко подвыпивший министр обороны маршал Малиновский и во всеуслышание заявил: „Ну вот, мы свое дело сделали — выбросили старую галошу — Хрущева. Теперь и вы вышвырните свою старую галошу

— Мао, и тогда дела у нас пойдут“. Вне себя от возмущения Чжоу Эньлай немедленно покинул банкет и сразу же улетел в Пекин»[154]. Советским руководителям он заявил: «Нам не о чем говорить»[155].

Косыгин и некоторые другие члены советского руководства, ратовавшие за улучшение отношений с Китаем[148], были потрясены. Они советовали Брежневу поехать на встречу с Мао. Но тот упрямился. В конце концов бросил Косыгину: «Если уж ты считаешь это таким нужным, то сам и поезжай». И тот действительно поехал. В феврале 1965 года он встретился в Пекине с Чжоу, а затем с Мао и Лю. Во встречах, правда, принял участие и секретарь ЦК КПСС Юрий Владимирович Андропов, который сторонником урегулирования не являлся.

«Разговор был резкий и малоприятный, — пишет Александров-Агентов. — Нашим товарищам напомнили все несправедливости, совершенные в отношении Китая Хрущевым, повторили обвинения в „ревизии ленинизма“ со стороны КПСС. Словом, было ясно, что ни о каком возвращении к прежней „братской дружбе“ речи быть не может и роль „младшего брата“ Советского Союза Китай никогда больше играть не будет»[156]. Мао выразил желание продолжать полемику с КПСС хоть десять тысяч лет и, только заканчивая переговоры, смягчился и сократил срок на одну тысячу[157].

Через год, однако, когда началась «культурная революция», он резко усилил нападки на СССР, обвинив советских руководителей даже в желании развязать войну против Китая. «Советский Союз планирует… нарушить государственную границу в Сибири и Монголии, вторгнуться во Внутреннюю Монголию и Северо-Восточный Китай и оккупировать Китай, — объявил он на весь мир. — В результате этого возможно возникновение ситуации, при которой Народно-освободительная армия и Советская армия будут противостоять друг другу по обе стороны Янцзы»[158].

Стремясь заставить правительство СССР подписать пограничный договор, китайская сторона стала вести себя все более угрожающе. С 1964 по 1969 год на советско-китайской границе имели место 4189 столкновений (правда, без применения оружия). Ситуация резко обострилась после ввода советских войск в Чехословакию в конце августа 1968 года и принятия советским руководством так называемой «брежневской доктрины», гласившей, что СССР имеет право вмешиваться во внутренние дела любой соцстраны, если в этой стране социализм находится в опасности. Министр обороны КНР Линь Бяо первым почувствовал опасность. В октябре 1968 года армия КНР была

приведена в боевую готовность. Соответственно усилилась нервозность в войсках, особенно пограничных. Мао Цзэдун и Чжоу Эньлай вначале скептически отнеслись к беспокойству Линь Бяо, но возражать против мер предосторожности не стали[159].

Так что выстрелы на Даманском были неслучайны. Кто начал первым стрелять, до сих пор неизвестно. Скорее всего, все произошло спонтанно: просто у кого-то сдали нервы. Но инцидент вывел советско-китайские отношения на новый уровень. Обе стороны начали изо всех сил обвинять друг друга в провокациях. Советское правительство, судя по некоторым данным, было просто в растерянности. Министр обороны Гречко настаивал на ядерной атаке против промышленных центров КНР. Другие считали возможным взорвать китайские атомные объекты. Но Брежнев не решился сделать ни то, ни другое. Была только дана команда нанести массированный удар по китайской территории из пусковых установок «град» на глубину до 20 километров. Что и было сделано в ночь с 14 на 15 марта в том же районе Даманского. В результате погибло более 800 китайцев. А через неделю, 21 марта, Косыгин попытался дозвониться Мао Цзэдуну или Чжоу Эньлаю. Китайский оператор его не соединил. Косыгин звонил четыре раза, и в конце концов телефонист сказал ему, что «не станет соединять Председателя Мао с мерзким ревизионистом Косыгиным»[160].

Выступая вскоре после инцидентов на 1-м пленуме ЦК девятого созыва, Мао немалую часть свой речи уделил вопросу подготовки к войне с СССР[161]. Похоже, он действительно считал реальным вооруженный удар по территории КНР со стороны Советского Союза. После пленума он даже отдал тайное распоряжение подготовить эвакуацию большинства вождей партии из Пекина[162].

Если бы он только знал, что еще в конце января 1967 года Ван Мин в беседе с работниками отдела соцстран ЦК КПСС советовал советским руководителям осуществить вооруженное вмешательство в дела КНР! «Нынешняя ситуация в Китае еще более опасна для социалистического лагеря и мирового комдвижения, чем события в Венгрии в 1956 году, — говорил Ван. — …Нельзя упустить момент… [Надо] оказать им [«здоровым силам китайской компартии»] не только политическую, но и материальную помощь вооружением и возможным направлением людских сил из Средней Азии и Монгольской Народной Республики соответствующего национального состава». Он был даже готов в этой связи пойти на секретные переговоры с руководителями Синьцзяна и Внутренней Монголии, которых считал своими тайными сторонниками[163].

Никакого вторжения, разумеется, не произошло. В апреле, мае, июне и августе 1969 года, правда, имели место новые столкновения — как на Дальнем Востоке, так и в синьцзянском секторе границы. Однако вскоре ситуация была урегулирована, главным образом во время новой встречи Косыгина и Чжоу Эньлая 11 сентября в Пекинском аэропорту[164]. После чего начались переговоры о спорных пограничных вопросах. Даманский пришлось отдать.

И все же вплоть до своей кончины Мао продолжал считать Советский Союз злейшим врагом Китая. Бескомпромиссная борьба с «оголтелым» ревизионизмом как внутри страны, так и за рубежом продолжалась.

«ПРОЕКТ 571»

10 декабря 1970 года, когда Эдгар Сноу в пятый и последний раз брал интервью у Мао Цзэдуна, тому через две недели должно было исполниться семьдесят семь лет. Тем не менее Сноу нашел его в неплохой физической форме. Чувствовалось только, что Мао был немного простужен, но в целом выглядел удовлетворительно. Даже чуть похудевшим со времени их предыдущей встречи, состоявшейся в январе 1965-го. Конечно, возраст давал о себе знать, но ум Председателя по-прежнему был «живой». Правда, «великий кормчий» заметил своему гостю, что «скоро увидит Бога», но особенно по этому поводу вроде бы не грустил. «Это неизбежно, — сказал он. — Все в конце концов должны увидеть Бога». Так что Сноу не придал этому значения. Он знал, что Мао и раньше любил поговорить о смерти. Как мы помним, Председатель собирался на встречу с Марксом еще в 1961 году, когда беседовал с Монтгомери. Заводил он «заупокойный» разговор и в 1965 году, накануне «культурной революции», с самим Сноу. Именно тогда он впервые сказал, что «очень скоро» встретится именно с Богом. (Почему уже не с Марксом, а со Всевышним, неизвестно.) В общем, старость и смерть были излюбленными темами его разговоров.

Разумеется, во всем этом была немалая доля игры. Мао обожал притворяться больным и хворым, чтобы посмотреть на впечатление, которое это произведет на окружающих. В феврале 1963 года, например, он разыграл роль тяжело больного старика перед послом СССР Степаном Васильевичем Червоненко. «Прежде чем устроить этот спектакль, он несколько раз репетировал роль дряхлого умирающего старца перед нами, — вспоминает его лечащий врач, — все выспрашивая, похож ли он на уходящего из земной жизни. Затем улегся в постель». Советские представители были вправду ошеломлены: «Нас поразил неожиданный контраст: посредине слабоосвещенной комнаты стояла высокая кровать, на которой полулежал Мао Цзэдун. Вокруг в почтительных позах сидели Лю Шаоци, Чжоу Эньлай, Дэн Сяопин и переводчик… Председатель говорил, что уже не может читать мелких иероглифов и для него специально печатают крупные иероглифы; он утверждал, будто уже не проводит заседаний Политбюро и не читает всех важных бумаг. „Теперь дела в партии ведут они“, — сказал Мао Цзэдун, указывая на сидевших в спальне руководителей КПК».

Да, так бывало не раз, но в декабре 1970 года Мао на самом деле чувствовал себя плохо, и ему стоило больших трудов

показаться здоровым своему американскому знакомому. Накануне встречи он едва начал выкарабкиваться из тяжелейшей пневмонии, которая продержала его в постели почти два месяца. Именно поэтому он выглядел похудевшим.

Правда, напоследок оживился и, прощаясь со Сноу, все же бросил: «Я буддийский монах под зонтиком. Без волос и без неба»[165]. Эта древняя аллегория означала, что он не подчиняется никаким законам, ни людским, ни небесным. Иными словами, живет, как считает нужным, и будет жить сколько захочет. (Слова «волосы» и «закон» на китайском языке произносятся одинаково — *«фа»,* только в первом случае голос подает вниз, а во втором — выводит глубокую дугу.)

Сноу ничего не понял, так как молодая переводчица, Нэнси Тан (Тан Вэньшэн), родившаяся в Америке и не знакомая с классической философией, перевела это выражение иначе: «Я одинокий монах, бредущий по миру с дырявым зонтиком»[166]. Откуда она взяла такую красивую фразу, никому не известно, но так как Сноу вполне доверял ей, он разнес это «откровение» Мао по всему свету. И люди в разных странах стали гадать: что имел в виду властитель Китая? Почему он так одинок?

Бодрился Мао напрасно. Пневмония в его возрасте была очень опасна, тем более что так серьезно он заболел в первый раз. До этого его всегда преследовали только бронхиты, полностью избавиться от которых мешало курение. Он по-прежнему выкуривал по две-три пачки в день, но больше всего теперь любил уже не «Честерфилд» и «555», а отечественные сигареты «Чжунхуа» («Китай»), «Сюнмао» («Панда») и «Лоцзяшань» («Гора Лоцзя»). Возможно, из патриотических чувств. Правда, незадолго до приезда Сноу он перешел на более качественные сигареты «Северная полярная звезда», которые производились в Кантоне из табака, выращивавшегося за границей[167].

Не способствовал укреплению здоровья Мао и его ненормальный образ жизни. Он упорно ложился спать далеко за полночь, часто около пяти утра, а спал теперь не до двух-трех дня, а до одиннадцати утра. Ел всего два раза в день — около двух-трех часов и между восьмью и девятью вечера. Больше всего любил жирную жареную свинину, порезанную мелкими кусочками и приготовленную в остром хунаньском соусе с красным перцем. Пил, правда, крайне умеренно. Изредка мог себе позволить немного китайского виноградного вина. И только по большим праздникам — чуть-чуть *маотая* (ароматной рисовой водки).

Сильное разрушающее воздействие на его организм оказывала непрекращавшаяся политическая борьба. После

подавления хунвэйбинов ее эпицентр с улиц и площадей вновь переместился в партию. Резко возросшая роль армии, а соответственно высшего генералитета, непосредственно руководившего наведением порядка, вызвала недовольство группы Цзян Цин, главных застрельщиков «культурной революции». Постепенно начали обостряться отношения между фракциями некогда единой группы «левых» вождей. Цзян, Кан Шэн, Чжан Чуньцяо и Яо Вэньюань стали выражать негодование действиями НОАК. Линь Бяо и его генералы, а также жена Е Цюнь, имевшая колоссальное влияние на мужа и его окружение, реагировали болезненно. Они считали, что «период бури и натиска» закончился и надо приступать к развитию производства и перевооружению армии. В этом их поддерживал Чжоу Эньлай.

Первые проявления конфликта дали знать о себе уже в конце 1967 года. Вот что доносила об этом в ЦК КПСС советская разведка: «Из информации тов. ЦВИГУН[А][149], вх. № 4761 от 7 декабря 1967 г… Внутри новой руководящей группы [в китайской компартии наши службы] стали свидетелями обострения отношений между ЧЖОУ ЭНЬЛАЕМ и ЛИНЬ БЯО, с одной стороны, и руководителями Группы по делам „культурной революции“ при ЦК КПК, особенно КАН ШЭНОМ и ЦЗЯН ЦИН, — с другой. Критика и отстранение многих деятелей — представителей „новых сил“, поддерживаемых КАН ШЭНОМ и ЦЗЯН ЦИН, свидетельствуют о том, что позиции последних в настоящий момент несколько ослабли. Прекращение чистки в армии, ограничение действий хунвэйбинов и цзаофаней в области захвата власти силой, отказ от их вооружения, большее внимание экономическим вопросам — все эти маневры несомненно повысят авторитет ЧЖОУ ЭНЬЛАЯ и ЛИНЬ БЯО»[168].

Эта информация была верна. Цзян Цин разжигала антилиньбяоские настроения среди партийного руководства — сначала исподволь, а затем все более открыто. До поры до времени ей не удавалось вовлечь в эти козни Мао. Он по-прежнему доверял своему «близкому соратнику» (таков, как мы помним, был официальный титул Линя). И на IX съезде положение о том, что Линь Бяо является «продолжателем» дела Мао Цзэдуна, было даже включено в устав партии[169].

Ничего плохого о Лине Мао не хотел слышать. Он знал его с апреля 1928 года, с того самого момента, когда войска Чжу Дэ, в которых Линь Бяо служил командиром 1-й роты, соединились с его повстанцами в горах Цзинган. Их познакомил известный нам Чэнь И, будущий министр иностранных дел КНР, возглавлявший в то время политработу в отрядах Чжу Дэ. Он охарактеризовал Линя как блестящего офицера, умевшего громить врага. Мао

пришел в восторг. «Вы такой молодой и так умело сражаетесь. Совсем неплохо!» — воскликнул он'[70]. Это были первые слова, сказанные им Линь Бяо.

Линь действительно тогда был очень молод. Ему шел всего двадцать первый год. Он родился 5 декабря 1907 года в уезде Хуанган провинции Хубэй в семье ткачей-кустарей. В 1921 году окончил начальную школу, а через четыре года получил среднее образование. В 1924 году под влиянием двоюродных братьев коммунистов Юйина и Юйнаня вступил в Социалистический союз молодежи, и зимой 1925 года приехал в революционный Кантон, где был принят в военную школу Вампу. Это и определило его карьеру. Став в конце 1925 года членом компартии, он был направлен в коммунистический полк Е Тина. Вместе с Е Тином и Чжу Дэ Линь Бяо принял участие в Наньчанском восстании 1 августа 1927 года, после разгрома которого и пришел в горы Цзинган[171].

К Мао он относился с огромным уважением и поистине сыновней почтительностью, что конечно же не могло укрыться от внимательных глаз будущего «великого кормчего». Для Линь Бяо, слабо разбиравшегося в марксистской теории, Мао стал энциклопедией знаний, гением науки и политики. Ценил он его и как военного руководителя. Скромный и застенчивый от природы Линь по характеру не был лидером, хотя и являлся талантливым военачальником. Не случайно в кругу вождей китайской компартии его называли «девушкой»[172]. Худенький и низкорослый, с густыми, чуть удивленно поднятыми вверх бровями, он и вправду напоминал красотку из какой-нибудь пекинской оперы, где все женские партии исполняли мужчины. С его внешним видом и поведением как-то не очень вязалось имя Линь Бяо — «Лесной барс».

Именно послушание, неамбициозность и преданность в сочетании с блестящими военными способностями[150] и импонировали Мао Цзэдуну, подавлявшему его своей сильной волей. В молчаливом и слабохарактерном военачальнике, всегда готовом выполнить его приказ, он не видел конкурента. А потому и стал выдвигать Линя на руководящие посты. Ко времени образования Китайской Народной Республики Линь Бяо был уже членом ЦК, командующим войсками 4-

й полевой армии. В 1949 году его избрали членом Центрального народного правительственного совета, а также назначили заместителем председателя Народно-революционного военного совета КНР. В 1954 году он получил пост заместителя премьера Госсовета. Через год Мао ввел его в состав Политбюро, присвоил звание маршала, а в мае 1958-го сделал членом Постоянного комитета Политбюро и одним из своих заместителей.

Ни минуты не колебался он и тогда, когда в 1959 году в связи с отставкой Пэн Дэхуая ему понадобился новый министр обороны. Его решение назначить на этот ключевой пост Линь Бяо было естественным.

Единственное, что иногда раздражало Председателя в его «близком соратнике», так это чрезмерная даже для властолюбивого Мао лесть. «Я никогда не верил, что несколько моих книжонок могут обладать такой большой, волшебной силой, — написал как-то Мао Цзян Цин в июле 1966 года. — Теперь, после его [Линь Бяо] хвалебных слов, вся страна начала превозносить их, вот уж поистине „старуха Ван продает тыквы и при этом расхваливает свой товар“… Он [Линь Бяо]… в печати тем более выступил весьма энергично. Прямо-таки превозносил меня как святого из святых. Таким образом, мне оставалось лишь пойти на это. Но… чем выше превозносят, тем больнее падать»[173].

Подхалимство Линь Бяо, однако, было не слишком большим «преступлением». И хотя Мао мог поворчать по этому поводу, удовольствие оно ему доставляло. Да к тому же Линь Бяо и не являлся главным льстецом. Тех, кто готов был молиться на Председателя, хватало с избытком. Настолько, что к концу 60-х стареющий вождь уже и сам ощущал себя небожителем. Да и как могло быть иначе: тиражи «Цитатника» во всем мире уступали только тиражам Библии, а «Жэньминь жибао» и другие газеты беспрерывно писали о немыслимых чудесах, которые творили с народом «идеи Мао Цзэдуна». Корреспонденты агентства Синьхуа на полном серьезе сообщали о воскрешении из мертвых людей, над телами которых врачи произносили цитаты из «великого кормчего», о прозрении слепых и исцелении глухих при аналогичных процедурах, а также о прочих невероятных вещах. Разве Линь Бяо был ответствен за эту галиматью? Ведь не он, а Цзян Цин контролировала средства массовой информации.

Гораздо больше неудобств Мао доставляло то, что его будущий преемник все время болел. Что это была за болезнь, до сих пор остается тайной. Известно только, что она носила психический, а не физический характер. Возможно, являлась результатом четырех ранений, полученных им во время гражданской и антияпонской войн. Как бы то ни было, но уже во время первой поездки в Москву в 1939–1941 годах Линь Бяо главным образом жаловался на сильные головные боли, рвоту, сердцебиение, бессонницу и нервное расстройство[174]. Он лечился в Монине и Кисловодске, но это не помогло. По его словам, сильная головная боль и бессонница у него возникали всякий раз, как он «немного» работал «умственным трудом»[175]. В июле — октябре 1951 года вместе с женой Е Цюнь и дочерью Лихэн (домашнее прозвище — «Доудоу», уменьшительное имя от слова «Бобы»)[151] он вновь лечился в Советском Союзе, и опять безрезультатно. Он перестал доверять врачам, у него развилась тяжелая мания преследования. Почему-то ему казалось, что врачи замышляли убить его, подсыпая яд в ванны, которые прописывали ему. Он прекратил общение с ними, и с тех пор его лечащим доктором стала жена[176]. Эта женщина обладала поразительно сильным характером, так что неудивительно, что безвольный Линь оказался полностью в ее власти. Любить мужа, который беспрерывно изнывал от депрессии, она, разумеется, не могла, тем более что Линь, зациклившийся на своих болезнях, потерял всякий интерес к сексу. Но брак с ним был для нее трамплином в высшую власть, а потому она изо всех сил старалась ублажить больного супруга.

Между тем психические приступы Линь Бяо продолжались. Причем с каждым годом становились сильнее. В результате, формально занимая руководящие посты, Линь месяцами не появлялся на работе[177]. Вот как описывает один из таких приступов личный врач Мао, которого как-то попросили навестить маршала в его пекинской резиденции в районе Мацзявань: «Когда нас провели в его комнату, Линь Бяо находился в кровати, свернувшись клубком на руках жены Е Цюнь. Его голова покоилась у нее на груди. Он плакал. Е Цюнь гладила и успокаивала его, как ребенка». По словам врача, жена Линя рассказала ему, что в 40-е годы ее муж пристрастился к опиуму, а затем перешел на морфий. В

Советском Союзе его вылечили от этого, но «его поведение осталось странным. Линь Бяо… так боялся ветра и света, что редко выходил из дома, часто пропуская заседания. Он боялся воды — настолько, что даже звук ее вызывал у него страшный понос. Жидкости он не пил совсем. Е Цюнь размачивала в воде пампушки, варенные на пару, и кормила ими своего мужа. Только так, в еде, он и получал жидкость. Линь Бяо никогда не пользовался туалетом. Когда ему приспичивало опорожниться, он накрывался одеялом, как тентом, и садился на корточки над судном, которое жена ставила ему на кровать. Я поразился. Линь Бяо был явно душевнобольным»[178]. Схожий диагноз поставил и другой китайский доктор, осматривавший министра обороны. «Никаких функциональных отклонений» в его организме он не нашел, однако признал наличие «огромного количества симптомов, указывающих на психическое расстройство и свидетельствующих об употреблении наркотиков»[179].

По воспоминаниям дочери Линь Бяо, Доудоу, и зятя, Чжан Цинлиня, больному маршалу неизменно вводили какое-то «лекарство», прежде чем он отваживался покидать свой дом, окруженный высокой каменной стеной, для участия в публичных мероприятиях во время «культурной революции». Хранившееся в ампулах под названием «витамин С» это «лекарство» могло поддержать его в форме в течение нескольких часов, но вслед за тем у несчастного наступало обострение болезни, длившееся неделями[180].

Но, должно быть, именно такой «близкий соратник» и нужен был Мао, опасавшемуся сильных личностей. А может, Председатель просто жалел несчастного Линя, позволяя ему болеть? В любом случае он явно не желал слушать Цзян Цин и ее единомышленников, наговаривавших на министра обороны.

Но вода точила камень исправно. И в конце концов коварной Цзян удалось свалить больного маршала. В смертельной схватке за власть между двумя группировками стареющий «кормчий», естественно, сделал выбор в пользу своей супруги.

Произошло это следующим образом. Как-то в начале мая 1970 года, отдыхая в Ханчжоу, Мао неожиданно решил изменить Конституцию КНР, а именно: убрать из нее второй раздел, согласно которому формальным главой государства являлся Председатель Китайской Народной Республики. С устранением

Лю Шаоци пост этот оставался вакантным, и Мао решил, что он вообще не нужен. Об этой идее он известил членов Политбюро, добавив, впрочем, что, если последние сочтут необходимым сохранить эту должность, пусть имеют в виду, что он (Мао) не хочет быть Председателем КНР. «Если же [Политбюро] решает сохранить этот пост, то его должен будет занять только Линь Бяо»[181], — резюмировал он. Так, спустя много лет, вспоминал об этой инструкции Мао один из членов Политбюро генерал У Фасянь, командующий военно-воздушными силами КНР[152].

Получив указание, члены Политбюро постановили образовать комиссию в составе шести человек для подготовки проекта новой Конституции. Между тем Линь Бяо, который, как всегда, был болен и не присутствовал на заседании Политбюро, через своих секретарей довел до сведения как Мао, так и всех остальных членов руководства, что он никоим образом не хочет быть Председателем КНР. Однако считает, что «было бы неверным, чтобы такая большая страна», как Китай, «не имела символического главы, который бы ее представлял». Поэтому он настаивал, чтобы именно Мао вступил в эту должность. Возможно, Линь просто не понял, чего на самом деле желал «великий вождь», и на всякий случай решил подольститься. Конечно, по правилам хорошего китайского тона, он должен был отнекиваться и в том случае, если бы действительно хотел занять этот пост. Но в том-то и дело, что он на самом деле с ужасом думал о лишних обязанностях, об участии в обязательных протокольных мероприятиях и регулярных поездках за рубеж. Для человека в его состоянии это было бы непомерной ношей!

Мао, казалось, понял страхи или подхалимаж Линь Бяо. По крайней мере, передал ему через секретаря, что пост Председателя КНР можно в Конституции и сохранить. Но, добавил он, «ни я, ни ты не будем занимать эту должность. Пусть почтенный Дун [Дун Биу[153]] будет председателем государства, а несколько молодых людей при этом станут заместителями председателя»[182]. На том вроде бы дело и кончилось.

Но в это время между членами комиссии, занятой подготовкой проекта Конституции, разгорелись жаркие споры. Суть их по большому счету заключалась в том, как правильнее распознать намерения «великого кормчего». Кан Шэн и Чжан Чуньцяо полагали, что Мао на самом деле не хочет поста Председателя КНР, а У Фасянь и еще один генерал из группы Линь Бяо думали наоборот. Кроме того, разногласия шли по вопросу о том, включать ли в текст Конституции следующее положение: «Идеи Мао Цзэдуна — руководящая сила нашей страны». Генералы выступали «за», их оппоненты — «против».

Последние, скорее всего, просто провоцировали сторонников Линь Бяо, вызывая их на скандал. Чжан Чуньцяо даже сказал: «Некоторые все время трезвонят о марксизме и идеях Мао Цзэдуна, но это не значит, что они на самом деле являются марксистами». Он явно намекал на Линь Бяо, памятуя о ворчании Мао по адресу льстеца. Чэнь Бода, также участвовавший в работе комиссии, защитил генералов. Еще один, шестой член группы, отмолчался.

«Предательство» Чэнь Бода, бывшего до того одним из ближайших соратников Цзян Цин и Кан Шэна, не являлось случайным. Чэнь давно уже испытывал неприязнь к жене Мао и даже делился с некоторыми знакомыми желанием «покончить с собой», не будучи больше в силах терпеть истеричную и властолюбивую женщину во главе Группы по делам культурной революции. В конце концов вместо самоубийства он избрал путь измены, перебежав к Линь Бяо и Е Цюнь. Он стал открыто поддерживать конкурентов Цзян с конца 1968 года. Этого, конечно, она ему простить не могла[183].

В этой обстановке в августе — сентябре 1970 года в Лушани собрался 2-й пленум ЦК. В повестке дня его стоял вопрос о новой Конституции. Линь Бяо воспользовался этим для того, чтобы нанести удар по Чжан Чуньцяо, а заодно и по всей группе Цзян Цин. Он попросил Мао предоставить ему слово для небольшого выступления, чтобы дать отпор кое-кому из тех, кто сомневается в «гениальности» вождя. После чего изложил слова Чжан Чуньцяо. Чжоу поддержал его, и тогда Мао, согласившись с ними, только посоветовал Линю, критикуя, не называть Чжана по имени. «Должно быть, за спиной Чжан Чуньцяо стоит Цзян Цин», — заметил он[184].

И Линь выполнил все, о чем договорился с Мао. Имени Чжана не назвал, но о том, что «великий кормчий» — гений, сказал, подчеркнув необходимость вставить пассаж об идеях последнего в Конституцию. После этого участники пленума разделились по группам для детального обсуждения выступления Линя. И тут началось такое, о чем Линь Бяо вскоре пришлось пожалеть. Многие выступавшие, прежде всего его генералы, стали горячо поддерживать своего командующего, особенно когда поняли, что его речь направлена против Чжана, Цзян Цин и иже с ними. Выступили в поддержку Линя и ветераны.

Цзян мало кто любил в партии. И в этом была ее главная трагедия. Нелюбовь многих членов партийного руководства и их жен преследовала Цзян во все время замужества, разжигая в ней злобу, зависть и ненависть. Получался замкнутый круг: чем больше ее презирали, тем сильнее она всех ненавидела, но чем

изощреннее преследовала она врагов, тем яростнее ее третировали. Особую ненависть она стала вселять в ветеранов партии тогда, когда возглавила Группу по делам культурной революции. И вот теперь те из них, кто смог выжить в годы хунвэйбиновского террора, почувствовали вкус реванша. Они с готовностью начали славить Линя, лишь бы насолить Цзян. Вовсю старался и Чэнь Бода.

Дискуссии продолжались два дня. Цзян, Чжан и остальные «леваки» были страшно напуганы. И сделали то единственное, что могли: обратились за помощью к Мао. Остается только догадываться, какими черными красками поливали они Линь Бяо, Е Цюнь и генералов. Судя по тому, что произошло в дальнейшем, они представили их всех «заговорщиками», поставившими перед собой цель «развенчать» «культурную революцию». Да к тому же обвинили Линя, считавшего необходимым сохранить пост Председателя КНР, в попытке захватить власть в государстве. Их ничуть не смущало, что наивный маршал предлагал на эту должность «гениального» Мао. Все, что говорил враг, они трактовали как гнусную попытку «завзятого интригана» ввести вождя в заблуждение. Этого «великий кормчий» потерпеть не мог.

Его реакция была молниеносной. Он тут же созвал заседание Постоянного комитета Политбюро, на котором решительно встал на сторону Чжана. После этого он прервал пленум и начал готовиться нанести врагам Цзян контрудар. Сделал он это через шесть дней, сконцентрировав весь огонь критики на одном человеке — Чэнь Бода! Ведь именно Чэнь предал Цзян Цин, а соответственно, и «культурную революцию». И именно его Мао больше всего хотел заставить выступить с самокритикой.

Линь был потрясен. Такого гамбита он от «великого кормчего» не ожидал. Впервые за время их «дружбы» Мао так беззастенчиво «кинул» его! Уезжая из Лушани после окончания пленума, Линь мрачно заметил своим сослуживцам: «Мы генералы и знаем только, как вести войны»[185]. Этим он хотел сказать, что ни он, ни его подчиненные так и не научились за всю свою жизнь вести политические игры.

По-настоящему обидевшись на Мао Цзэдуна, Линь приказал генералам не заниматься самокритикой. Свое поражение он признал, но больше в грязной сваре участвовать не хотел.

Однако Мао не мог успокоиться. Как это уже бывало не раз, его охватил охотничий азарт. Чувствуя это, кровожадная Цзян Цин изо всех сил раздувала пожар, все настойчивее внушая мужу мысль о «заговоре» военных. Чувствуя, что почва продолжает ускользать из-под ног, Линь был вынужден дать разрешение своим генералам выступить перед вождем с самокритикой. Но за

собой он по-прежнему никакой вины не признавал. Просто спрятал голову в песок — и все!

И тогда мудрая Е Цюнь поняла: надо срочно что-то предпринимать для выхода из опасного положения. Будучи самой активной и волевой из всех окружавших Линь Бяо людей, она первая заговорила о контрмерах. Ей не давала покоя судьба другого преемника Мао, Лю Шаоци, а также его жены. Зная прекрасно, что может произойти с ней, Линем и их семьей, если вождь по-прежнему будет слушать Цзян Цин, она не могла сидеть сложа руки. Ее беспокойство разделял сын Лиго, которого она обожала до самозабвения. Он служил офицером военно-воздушных сил и, хотя был еще очень молод (в 1970 году ему шел только двадцать пятый год), пользовался в НОАК огромным влиянием. С октября 1969 года Лиго занимал должность заместителя начальника оперативного отдела ВВС, одновременно являясь одним из руководителей канцелярии командующего У Фасяня. Был он тщеславен и самоуверен до крайности, что, впрочем, неудивительно. С детства к нему в семье относились как к «принцу». Мать любила его настолько, что уже на второго ребенка, Доудоу, тепла у нее не оставалось совсем. Дочь росла парией, выполняя черную работу по дому и терпя бесконечные унижения от матери. В сердце ее накапливалась обида.

В октябре 1970-го Линь Лиго вместе с несколькими ближайшими товарищами, смотревшими на него снизу вверх и называвшими его почему-то по-английски «коммэндр» («командир»), сформировал тайную группу, названную им «Объединенный флот»[186]. Эта организация ставила перед собой целью подготовку захвата власти в стране. Мозговым центром ее стала Е Цюнь (члены группы называли ее виконтесса)[187].

Тщательно конспирируясь, заговорщики начали разрабатывать варианты спасения. Линь Лиго был настроен крайне решительно, даже радикальнее матери. С его одобрения в марте 1971 года один из офицеров ВВС предложил несколько вариантов покушения на Мао Цзэдуна, ознакомившись с которыми, Лиго пришел в восторг. И тут же дал документу название: «Тезисы проекта 571». Эта цифра звучит на китайском языке как *«у ци и»*. Точно так же, только другими тонами, произносятся и слова «вооруженное восстание». Мао в записке фигурировал под кодовым обозначением «В-52» (знаменитый американский бомбардировщик). Наивные дети играли в войну!

Разумеется, они были обречены. Ни один из вариантов их плана не являлся реальным. Все, что они придумывали, выглядело совершенно безумным. Например, один из способов устранения Мао заключался в том, чтобы поднять в воздух целый

авиационный корпус для бомбардировки спецпоезда «великого кормчего». Другой подразумевал взрыв нефтехранилища в Шанхае в момент, когда к нему подойдет железнодорожный состав Председателя. Третий состоял в том, чтобы устроить аварию на мосту между Шанхаем и Нанкином[188]. В любом случае, считали конспираторы, нужен был «неожиданный удар»[189].

Как бы наивно ни выглядели их планы, понять заговорщиков можно. Времени на обстоятельную проработку путча у них не было. С часу на час они ожидали ареста. «Мы должны совершить насильственное, революционное восстание, — писал автор записки. — В-52… подозревает нас. Лучше сжечь за собой мосты, чем сидеть и ждать, когда тебя схватят… Это борьба не на жизнь, а на смерть — либо они уничтожат нас, либо мы — их»[190].

Между тем ничего не подозревавший Мао усиливал давление на Линь Бяо. По его собственным словам, он использовал три метода: «швырял камни, подсыпал песок, подкапывал стены»[191]. Иными словами, критиковал, вводил в Военный совет своих людей и переформировывал преданные Линю организации. В конце 1970-го — начале 1971 года он провел реорганизацию соответственно Северокитайского бюро ЦК и командования Пекинского военного округа, вычистив из них известных сторонников Линя и Чэнь Бода. Одновременно в стране ширилась истеричная кампания критики Чэня, в вину которому ставились главным образом «предательство и шпионство». (Никто, правда, в стране, кроме Мао и членов Группы по делам культурной революции, не понимал, в чем на самом деле состояли эти преступления.) При этом через различных людей Мао все время давал понять Линю, что тому надо приползти к нему на коленях. Но его душевнобольной соратник находился в депрессии и обиде. И выйти из этого состояния у него уже не было сил. Даже когда сам Чжоу Эньлай по просьбе Мао посетил его и рассказал о настроениях вождя, Линь процедил сквозь зубы только одну фразу: «Часто приходится собирать урожай, который не выращивал»[192]. И не двинулся с места.

Мао рассчитывал, что скрывающийся от него маршал выступит с самокритикой на предстоявшем в апреле — июле рабочем совещании ЦК по вопросам образования. Но Линь, сказавшись больным, проигнорировал это мероприятие.

Больше сил терпеть у Председателя не было. В июле 1971 года он, еле сдерживая гнев, заявил Чжоу Эньлаю: «Их [Линь Бяо и его людей] ошибки отличаются от тех, которые делал в прошлом ты. Дело в том, что они заговорщики»[193].

Менее чем через месяц, 14 августа, Мао тайно покинул столицу, чтобы прощупать настроения на местах. С 15 августа по

11 сентября он посетил Ухань, Чаншу, Наньчан, Ханчжоу и Шанхай, где встретился с региональными партработниками и военачальниками. Перед отъездом он заметил своему врачу: «Я не думаю, что региональные командующие встанут на сторону Линь Бяо. Народно-освободительная армия не станет поднимать против меня мятеж, не правда ли? Но если они не желают, чтобы я руководил ими, я вернусь в Цзинганшань и начну новую партизанскую войну»[194].

Знал ли Мао к тому времени о реальном заговоре Линь Лиго и Е Цюнь, не вполне понятно. Некоторые очевидцы утверждают, что да, другие — сомневаются в этом. Скорее всего, был в неведении, а под словом «заговорщики» имел в виду то, что Линь Бяо и его сторонники просто занимались внутрипартийными интригами. В противном случае он вряд ли оставил бы конспираторов на свободе, покидая Пекин.

Тем не менее на всех встречах с местными кадрами он открыто нападал на «новых лушаньцев», камня на камне не оставляя от них. Причем открыто называл их по именам. Его слова звучали как смертный приговор: «На пленуме в Лушани в 1970 году они [Линь Бяо и другие] предприняли внезапную атаку. Начали подпольную деятельность. Почему же они не осмелились действовать открыто? Это показало, какие у них подлые душонки. Сначала они действовали скрытно, а потом вдруг перешли в наступление. Они держали это в тайне от трех членов Постоянного комитета Политбюро из пяти, а также от большинства товарищей из Политбюро… Они не обмолвились ни словом и нанесли неожиданный удар… Все их действия были целенаправленными! Пэн Дэхуай… открыто бросил вызов, а они недостойны даже Пэн Дэхуая. Из этого можно видеть, как низки эти люди».

Да, судя по всему, Мао действительно был страшно зол. И, распаляясь, накручивал себя все больше. «По-моему, — продолжал он, — их внезапное выступление, подпольная деятельность имели плановый, организованный и целенаправленный характер. Их план состоял в утверждении поста председателя государства, в выдвижении „гения“, в выступлении против линии IX съезда… Кое-кто страстно желал стать председателем государства, хотел расколоть партию, спешил захватить власть. Вопрос о „гении“ — это вопрос теории, [и в этом вопросе] они стояли на позициях идеалистического трансцендентализма».

На этом месте, по-видимому, подавляющее число его слушателей в глубине души ахнули и уже больше не сомневались в «контрреволюционной» сущности некогда чтимого ими

«близкого соратника великого вождя». Вряд ли кто-либо из них знал значение страшно звучащего слова «трансцендентализм».

А Мао все не мог успокоиться. «Эту свою речь Линь Бяо не обсуждал со мной, — беззастенчиво лгал он, — и не давал ее мне для ознакомления… По возвращении в Пекин я обязательно встречусь с ними и побеседую. Они не обращаются ко мне, так я обращусь к ним… Я шесть раз говорил, что не надо утверждать пост председателя государства, что я не буду председателем государства… а они не слушают».

Не мог удержаться он и от того, чтобы не продемонстрировать презрения Линю и как несостоятельному мужчине и отцу. «Я никогда не соглашался с тем, чтобы чья-либо жена [Мао употребил простонародное выражение *„лао по“,* „старушка“] работала заведующей канцелярией в учреждении, которое возглавляет ее муж, — бросил он. — У Линь Бяо заведующей канцелярией была [и есть] Е Цюнь, и, когда кто-нибудь из четверки [ближайшие к Линю генералы] обращался с чем-либо к Линь Бяо, он должен был обращаться через нее. Надо самому заниматься своей работой, самому читать и самому критиковать. Нельзя зависеть от секретаря, нельзя давать секретарю такую большую власть». О сыне же Линь Бяо, Лиго, он сказал следующее: «Когда человека в возрасте 20 с лишним лет превозносят как сверхгения, то в этом нет ничего хорошего».

В общем, после таких слов семейству Линей и его генералам оставалось либо клянчить прощения, либо застрелиться, либо действительно поднять восстание. Мао, правда, оставлял им возможность «исправиться». «Надо все же проводить курс на воспитание, — говорил он, — „извлекать уроки из ошибок прошлого в назидание на будущее; лечить [болезнь], чтобы спасти больного“. Линя еще надо защищать». Но при этом он все же придал разногласиям с новыми «врагами» характер борьбы двух линий или двух штабов, поставив «новых лушаньцев» на одну доску не только с Пэн Дэхуаем, но и с Лю Шаоци[195]. А это было на самом деле опасно.

Об этих выступлениях Мао тут же стало известно Е Цюнь и Линь Лиго. И они, естественно, запаниковали. Надо было что-то делать, но ни на что конкретное они не могли решиться. У них, правда, хватило ума понять, что «проект 571» реализовать невозможно. Так что прибегать к нему они даже не стали. Оставалось одно — бежать. Напряжение возрастало по мере того, как Мао переезжал из одного города в другой. И в конце концов 12 сентября, когда он вернулся в Пекин, достигло критической точки. Е Цюнь и Линь Лиго стали внушать Линь Бяо мысль о бегстве.

Что же касается Доудоу, то брать ее с собой они не хотели. Отношения с дочерью у Е Цюнь оставались враждебными. Очень плохо к сестре относился и Линь Лиго. Она платила им той же монетой и то и дело впадала в депрессивное состояние. Как-то раз, еще в ранней юности, она даже пыталась покончить с собой. Ей упорно казалось, что Е Цюнь не ее биологическая мать. Подозрения перешли в уверенность, когда бедная девушка начала получать анонимные письма, подтверждавшие ее опасения. (Позже стало известно, что писала их жена Лу Динъи, павшего одной из первых жертв «культурной революции». Делала она это из мести, и в ее словах не было ни капли правды[196].)

В сентябре 1971 года вся семья отдыхала в курортном Бэйдайхэ, недалеко от которого в аэропорту Шаньхайгуань в распоряжении министра обороны находился самолет «Трайдент-256». Именно на нем Линь Бяо, Е Цюнь и Линь Лиго решили в конце концов бежать из страны. Все переговоры они вели за закрытыми дверями, но вечером 12-го числа Лиго проговорился сестре об их намерении. Верная заветам Павлика Морозова, Доудоу бросилась доносить на ближайших родственников. В десятом часу вечера она влетела в здание охраны, чтобы сообщить находившемуся там заместителю командира войсковой части № 8341, обслуживавшей высших руководителей партии, обо всем, что ей стало известно. Она была совершенно убеждена, что ее мать и брат решили «похитить» отца.

Зам. командира немедленно связался с Пекином, передав слова Доудоу своему начальнику. Тот проинформировал Чжоу Эньлая, находившегося в здании Всекитайского собрания народных представителей. Бросив все, премьер сразу же поспешил в Чжуннаньхай доложить об инциденте вождю. Лицо Мао исказила гримаса гнева. Чжоу посоветовал Председателю незамедлительно покинуть его резиденцию и перебраться в задание ВСНП, где он будет в большей безопасности[197].

Между тем Линь Бяо с женой и сыном, захватив фарфоровую посуду, столовые приборы, фотоаппараты и магнитофон, в бронированной машине устремились в аэропорт. Поднявшись на борт, они тут же дали команду взлетать, даже не зная, достаточно ли в баках горючего. А его-то как раз было не больше тонны. Впопыхах они не взяли с собой ни второго пилота, ни штурмана, ни радиста. К тому же при взлете их самолет задел заправочную машину, в результате чего от него оторвалось шасси. Короче, с самого старта их полет не заладился.

О том, что происходило в это время в комнате № 118 здания ВСНП, где находился Мао вместе с любовницей Чжан Юйфэн и

другими близкими к нему людьми, сообщает очевидец: «Чжоу Эньлай предложил атаковать самолет ракетой. Мао отказался. „Дождь будет падать с небес. Вдовы будут вновь выходить замуж. Что мы можем сделать? Линь Бяо хочет бежать. Позвольте ему. Не стреляйте“, — сказал он. Мы ждали… Китайский радар отслеживал маршрут самолета… Он держал курс на северо-запад, в направлении Советского Союза… Примерно в 2 часа утра [13 сентября] пришло сообщение, что самолет Линь Бяо покинул Китай и вошел в воздушное пространство Внешней Монголии [МНР]. Самолет исчез с китайского радара. Чжоу Эньлай доложил об этом Мао. „Итак, мы имеем еще одного предателя, — сказал Мао, — такого же, как Чжан Готао и Ван Мин“. Следующая потрясающая новость пришла уже днем. Чжоу Эньлай получил известие от Сюй Вэньи, китайского посла во Внешней Монголии. Китайский самолет с девятью пассажирами на борту — одной женщиной и восемью мужчинами — разбился в районе Ундурхан во Внешней Монголии. Все, кто находился на борту, погибли… „Вот что ты получил за побег“, — сказал Мао»[198].

Работавшие на месте трагедии монгольские и советские специалисты пришли к заключению, что самолет взорвался, совершая аварийную посадку: во время приземления потерял равновесие, коснулся правым крылом земли и загорелся. Останки его разбросало по площади в десять квадратных километров. Вот как описывает место аварии посол Сюй Вэньи, прибывший в Ундурхан 15 сентября: «Большинство трупов лежало навзничь, руки и ноги раздвинуты, головы были так обожжены, что трупы не поддавались опознанию. Мы разложили все девять трупов с севера на юг, пронумеровали их и сфотографировали с различных позиций с тем, чтобы позднее провести опознание. Согласно проведенному впоследствии расследованию, в трупе № 5 был опознан Линь Бяо: сохранилась небольшая плешь, кожа на голове повреждена, кости вышли наружу, брови обгорели, глаза превратились в черные отверстия. Труп № 8 — жена Линь Бяо Е Цюнь… Она обгорела сравнительно мало, волосы практически остались целы, левый бок был поврежден. Труп № 2 — сын Линь Бяо Линь Лиго: высокий рост, лицо обуглилось и приняло мученическое выражение, как будто до смерти он катался в пламени. Из вещей, принадлежавших погибшим, был обнаружен пропуск № 002 в военно-воздушную академию на имя Линь Лиго». По соглашению с монгольской стороной, советские представители отделили головы Линь Бяо и его жены и отвезли в Москву на экспертизу[199]. Останки же погибших похоронили прямо на месте аварии.

В ту же ночь, 13 сентября, трое подручных Линь Лиго

попытались бежать из КНР на вертолете, но их вынудили совершить посадку недалеко от Пекина. Двое из них покончили с собой, предварительно застрелив пилота. Единственный же оставшийся в живых участник заговора вскоре стал давать показания[200].

Бегство и гибель Линь Бяо потрясли членов китайского руководства. Как ни старался сохранять спокойствие Мао, но и он тоже был глубоко поражен. Первой его реакцией было сохранить измену «близкого соратника» в тайне. Дав указание верному Чжоу расследовать происшедшее, он удалился к себе в Чжуннаньхай. На него напала апатия. Он перестал что-либо делать, молчал и сутками не выходил из спальни. Когда же наконец через два месяца появился на людях, все ахнули: так он вдруг одряхлел. Шаркающей стариковской походкой прошел он по дому, беспрерывно кашляя и сплевывая на пол. Жаловался на головные боли и тяжесть в ногах. Давление его поднялось выше обычного — 180 на 100, биение сердца стало прерывистым[201].

Люди Чжоу между тем выявили детали заговора, обнаружили при обыске в доме одного из конспираторов записную книжку с изложением «Тезисов проекта 571», восстановили всю картину побега. Вплоть до июля 1972 года, однако, правду о «деле Линь Бяо» народу не сообщали. Об измене «близкого соратника вождя» первоначально, через двадцать дней после инцидента, на закрытых собраниях проинформировали лишь высших командиров НОАК и крупных партийных работников[202]. Затем — остальных членов партии, и только после этого — широкие массы. В стране развернулась новая истеричная кампания — критики Линь Бяо. Бывшего «близкого соратника» Председателя стали критиковать как «ультралевого»[203].

А Мао по-прежнему чувствовал себя очень плохо. Его часто знобило, пульс учащался до 140 ударов в минуту, сдавало сердце. Неожиданно он стал сентиментален. И его потянуло к друзьям боевой молодости, многие из которых по его же собственной воле оказались в опале в годы «культурной революции». Он очень огорчился, узнав о смерти 6 января 1972 года маршала Чэнь И, своего цзинганшаньского товарища, министра иностранных дел. А ведь он сам критиковал его в феврале 1967-го, когда тот вместе с четырьмя другими заместителями премьера выступил против Группы по делам культурной революции.

В день похорон Чэнь И, 10 января, несмотря на ужасное самочувствие и плохую погоду, Мао Цзэдун отправился выразить соболезнование его вдове. После чего велел Чжоу заняться реабилитацией тех, кого еще можно было спасти.

Сам же продолжал болеть. С каждым днем ему становилось

все хуже. Врачи поставили диагноз: легочно-сердечная недостаточность. Сердце не справлялось с перекачкой необходимого организму количества крови, мозг испытывал недостаток кислорода. Мао задыхался: он то и дело открывал рот, жадно глотая воздух и затем с шумом выдыхая его. «Жизнь Председателя была в опасности, — пишет его бывший врач. — … Его неподвижные руки и ноги выглядели парализованными».

21 января вечером он почувствовал себя особенно плохо. И в присутствии нескольких людей из ближайшего окружения обратился к Чжоу Эньлаю: «Мне не вылечиться. Ты позаботишься обо всем после моей смерти. Будем считать это моим последним желанием». Цзян Цин побелела, «ее глаза широко раскрылись, руки сжались в кулаки». Но Мао был непреклонен. «Дело сделано, — произнес он. — Вы все можете идти»[204].

В этот раз он, однако, не умер. Хотя полностью оправиться от болезни ему так и не удалось. Последние пять лет жизни он медленно угасал.

Вместе с ним умирала и созданная им система казарменного коммунизма. До ее краха было, правда, еще далеко, но политический кризис начала 70-х с исключительной ясностью продемонстрировал несомненное банкротство маоистской системы власти. Все большее число людей в Китае начинало терять веру в ее рациональность. Эпоха Мао Цзэдуна подходила к концу.

ОДИНОЧЕСТВО

Почему он остановил выбор на Чжоу Эньлае, а не назначил новым наследником Кан Шэна или Чжан Чуньцяо? Или саму Цзян Цин? Сложно сказать. Должно быть, в тот конкретный момент, под впечатлением от похорон опального Чэнь И, Мао почувствовал раздражение по отношению к «левакам». Старые кадры, с которыми он провел бок о бок не один десяток лет, уходили. И он оставался один. На вершине власти, под облаками, но теперь-то уж действительно в одиночестве, сам оборвавший связи со многими преданными ему товарищами. Из тех, с кем он когда-то начинал, только Чжоу имел к нему регулярный доступ. Остальных он либо низверг, либо отдалил.

Винить самого себя не хотелось. Проще было сорвать плохое настроение, усугубленное болезнью, на других — тех, кто по его указке, да и по собственной воле, шел в первых рядах застрельщиков «всеобщего беспорядка». Вот он и уколол Цзян Цин, заставив ее побелеть от злобы и бессилия. Это хорошо! Пусть и дальше знает свое место!

Но одиночество становилось все острее. И уже никто, в том числе и не отходившая от него Чжан Юйфэн, красивая, но недалекая, казалось, не мог развеять его. Неужели же неправильно переведенная когда-то Нэнси Тан фраза Мао о буддийском монахе была пророческой? А может быть, одиночество — вообще удел «великих кормчих»? Тех, кто построил свою диктатуру на извечных порочных принципах «разделяй и властвуй»? «Око за око, зуб за зуб», «классовая борьба», «сведение счетов» — все эти постулаты социализма имели цель разобщить людей, стравить их друг с другом, внушить им страх и ужас. А в итоге вели к отчуждению человека от человека, дегуманизации общества и индивидуума. Стоит ли удивляться, что именно одиночество стало уделом и Ленина, и Сталина, и Мао Цзэдуна? Как же могло быть иначе, если в их сознании «мир духовный, высшая половина существа человеческого» была «отвергнута вовсе, изгнана с неким торжеством, даже с ненавистью»? Ведь сказано: «Провозгласил мир свободу… и что же мы видим в этой свободе ихней: одно лишь рабство и самоубийство!» Поистине «проклят гнев их, ибо жесток»[205].

Всю жизнь в революции Мао разжигал страсти людей. Не братскую любовь он им нес, а вражду и всеобщую подозрительность. «Долой „помещика“-*дичжу*!» «Долой „кулака“-*фунун*!» «Долой буржуа, торговца, интеллигента!» «Долой тех, кто

не похож на нас!» «Долой образованных, деловых и талантливых!» Долой всех, долой их, долой! «Преступления» отцов ложились клеймом на детей. Классовая борьба не имела конца. «От драконов рождаются драконы, от фениксов — фениксы, а от крыс — крысы», — говорили в маоистском Китае. А потому продолжали разъединять людей и толкать их друг на друга. А Мао подводил под это «научный» базис, провозглашая бесконечность борьбы. «Кончится ли борьба, когда наступит коммунизм? — вопрошал он и отвечал: — Я не верю в это. Даже когда мы вступим в коммунизм, борьба все еще будет продолжаться, только это будет борьба между новым и старым, между правильным и ошибочным. И через несколько десятков тысяч лет с ошибками не будут мириться»[206]. Прекрасная перспектива, не правда ли?[154]

Вот и вынужден был он пожинать плоды собственной тирании. Одинокий и больной император!

Угасая, он тем не менее хватался за жизнь. И по-прежнему старался контролировать все. Умирать ему было рано. Надо было многое успеть. Его Китай еще не получил мирового признания. Вход в ООН для него был закрыт. Там, в Нью-Йорке, место КНР занимал Тайвань, за спиной которого стояли Соединенные Штаты. Именно они блокировали прием в мировое сообщество Китайской Народной Республики.

Революционный прорыв в дипломатии стал Мао особенно нужен в начале 70-х, после пограничной войны с СССР. Бывший «старший брат» оказался очень опасен, и урегулирование отношений КНР с Америкой могло существенным образом изменить баланс сил в Восточной Азии. В общем, сближение с США и вступление в ООН сделались для Мао еще одной «идеей фикс». И первые шаги к ее реализации он стал предпринимать уже в 1970 году. Именно ради этого он и пригласил тогда Сноу. Как оказалось, в последний раз (15 февраля 1972 года в 2 часа 20 минут утра старый друг Мао скончается от рака поджелудочной железы в своем доме в Швейцарских Альпах)[155].

Мао всегда считал, что этот американский журналист — агент ЦРУ. На самом деле он ошибался. Тем не менее, оставаясь в неведении, все время думал, что хитро использует его. Вот и на этот раз решил прибегнуть к тому же «каналу связи». 1 октября 1970 года он пригласил Эдгара Сноу и его жену постоять с ним на трибуне Тяньаньмэнь во время празднования 21-й годовщины КНР и даже сфотографировался с ними. Ни один американец не удостаивался такой чести. Мао явно посылал сигнал в Вашингтон.

Но его послание осталось без ответа. В Белом доме просто не поняли такой игры. Об этом спустя несколько лет вспоминал

тогдашний помощник президента по национальной безопасности Генри А. Киссинджер. «В конце концов-то я пришел к пониманию того, что Мао хотел продемонстрировать, — писал он. — Что отношениям с Америкой он теперь уделяет личное внимание. Но к тому времени мое заключение носило уже чисто академический характер: мы упустили момент, когда оно имело значение. Чрезмерная тонкость обернулась потерей связи»[207].

Да и как могло быть иначе, если у вашингтонских руководителей не выходили из памяти слова Мао, которые тот произнес не далее, как за полгода до этого, в мае 1970-го, вскоре после того, как войска США вторглись в Камбоджу, а национальные гвардейцы у себя дома, в Америке, устроили побоище на территории Кентского государственного университета, убив и ранив нескольких студентов, протестовавших против войны. Он тогда назвал Никсона «фашистом», заявив, что «американский империализм убивает» как «людей чужих стран», так и «белых и негров собственной страны». «Фашистские злодеяния Никсона разожгли бушующее пламя революционного массового движения в США, — подчеркнул он. — Китайский народ решительно поддерживает революционную борьбу американского народа. Я уверен в том, что мужественно борющийся американский народ в конечном счете добьется победы, а фашистское господство в США неизбежно потерпит крах»[208]. Такого резкого заявления по поводу политики Соединенных Штатов китайские официальные лица не делали с тех пор, как в июле 1966 года Лю Шаоци заявил, что «американская империалистическая агрессия против Вьетнама — это агрессия против Китая»[209].

Но что было, то было. Теперь же Мао проявлял заинтересованность в урегулировании. Причем непременно хотел добиться приезда Никсона, так как именно визит президента мог колоссальным образом поднять мировой престиж как КНР, так и самого Председателя.

До начала 70-х официальные представители КНР поддерживали контакты с американцами лишь время от времени. Первые беседы, на консульском уровне, имели место в Женеве в 1954 году. После этого с 1955 по 1968 год было проведено 134 встречи между послами обеих стран в Варшаве. Они были мало результативны. Однако после инаугурации Никсона (январь 1969-го) по предложению КНР их продолжили. От Мао не укрылось, что именно Никсон еще в августе 1968-го, сразу после своей номинации, заявил: «Мы не должны забывать Китая. Мы должны все время искать возможности вести с ним переговоры… Мы должны не только наблюдать за изменениями. Мы должны

стремиться осуществлять изменения»[210].

Никсон действительно был заинтересован в переговорах с Мао. И, разумеется, имел свои цели. К началу 70-х американская война во Вьетнаме зашла в полный тупик, и ему чрезвычайно нужна была помощь Председателя. Он понимал, что рано или поздно надо будет выводить войска из Индокитая, но хотел, чтобы это не выглядело поражением. Ему очень важно было, чтобы Вьетконг (южновьетнамские партизаны) и ДРВ дали хоть какие бы то ни было гарантии проамериканскому сайгонскому режиму. Только тогда мог бы он «с чистой совестью» отдать приказ об эвакуации. Вот зачем ему нужен был Мао: он хотел, чтобы тот оказал давление на своих вьетнамских товарищей, обязав их пойти на уступки. Равным образом Никсон рассчитывал использовать и Москву, обещав Советам в обмен на их услуги в решении вьетнамской проблемы продовольственную помощь[211].

Таким образом, стремление наладить отношения двух стран было обоюдным. В начале октября 1970 года в интервью журналу «Тайм» Никсон выразил желание посетить КНР. «Если бы я и хотел что-либо сделать перед тем, как умру, так это съездить в Китай. — сказал он. — Если же я не съезжу, я хочу, чтобы мои дети сделали это»[212]. В начале декабря Чжоу через пакистанского посредника направил ему письмо с предложением прислать в Пекин для «переговоров об освобождении Тайваня» специального представителя. В Белом доме это послание поняли правильно: вопрос о Тайване на самом деле ничего не значил, это был просто «стандартный оборот речи». Речь же на предложенных переговорах должна была идти о визите Никсона. Киссинджер набросал ответ: «Встреча в Пекине не должна была бы быть ограничена только проблемой Тайваня»[213].

В то же время Мао пригласил Сноу, все еще находившегося в Китае, на завтрак, во время которого, в частности, сказал: «Между китайцами и американцами не должно быть предубеждений. Взаимное уважение и равенство возможны». Он выразил уважение народу США, отметив, что возлагает на него надежды. После чего заявил напрямую, что «был бы счастлив переговорить» с Ричардом Никсоном[214].

25 декабря «Жэньминь жибао» на первой странице опубликовала одну из фотографий Мао и Сноу, сделанных на трибуне Тяньаньмэнь во время празднования 21-й годовщины КНР. С ними на фото был запечатлен и Линь Бяо, а также переводчик Цзи Чаочжу (жена Сноу почему-то отсутствовала). В верхнем правом углу страницы была напечатана цитата Мао Цзэдуна: «Народы всего мира, в том числе американский народ, — наши друзья».

Мао был уверен, что Сноу тут же передаст его приглашение в ЦРУ, но тот, конечно, этого не сделал. Он опубликовал интервью только в апреле 1971 года[215], когда для Никсона и Киссинджера оно было уже не актуально. В те дни в Китай из Нагойи, где проходил 31-й чемпионат мира по настольному теннису, по приглашению китайских теннисистов прибыла команда из США. Понятно, что решение пригласить спортсменов принималось на высшем уровне: Мао лично дал соответствующее распоряжение своей внучатой двоюродной племяннице по материнской линии Ван Хайжун, являвшейся в то время заместителем начальника протокольного отдела МИДа. 14 апреля американцев (а также участвовавших в чемпионате теннисистов Канады, Колумбии, Англии и Нигерии, приглашенных заодно с ними) торжественно принимали в здании ВСНП. А Чжоу Эньлай, присутствовавший на встрече, сказал, обращаясь к президенту американской ассоциации настольного тенниса Грэму Б. Стинховену: «Вот друг пришел издалека — разве это не удовольствие?»[216] Знаменитая фраза Конфуция, прозвучавшая из уст премьера, не осталась незамеченной иностранными журналистами, которые тут же стали делать прогнозы о возможном установлении «дружеских связей» между КНР и США. Языки всех стран мира обогатились новым выражением: «пинг-понговая дипломатия».

А вскоре, 9 июля, в Пекин через Пакистан прибыл специальный представитель Никсона Киссинджер. В течение трех дней он имел интенсивные беседы с Чжоу Эньлаем и сотрудниками МИДа КНР. Забавно, что Чжоу демонстративно встречался с Киссинджером в зале ВСНП, названном «Фуцзяньским» (Фуцзянь — провинция Китая, расположенная напротив Тайваня), но до американцев этот символизм не дошел. Киссинджер удивился другому символу, чисто случайному. После переговоров он обнаружил, что все три дня беседовал с Чжоу в рубашках, сделанных на Тайване!

Мао, разумеется, с посланцем Никсона не встречался и не только из соображений протокола. В то время он был невысокого мнения об этом бывшем профессоре Гарварда. «Киссинджер — вонючий ученый», — сказал он одному из руководителей Северного Вьетнама Фам Ван Донгу за несколько месяцев до визита советника президента США в Пекин[217].

Визит Киссинджера был секретным, однако по результатам переговоров стороны решили обнародовать коммюнике. По словам Чжоу, оно должно было «потрясти мир»[218].

Так и произошло. Заявление о прошедшем визите было сделано одновременно обеими сторонами 15 июля. Президент Никсон, объявивший об этом, подчеркнул, что его помощник по

национальной безопасности привез ему приглашение от премьера Чжоу, которое он «с удовольствием» принял[219]. Во всем мире затаили дыхание.

И вот, наконец, 21 февраля президент США с супругой прибыл в Пекин. В аэропорту их встречал неизменный Чжоу. Мао же нетерпеливо ожидал Никсона у себя в резиденции. В течение трех недель до его приезда он интенсивно лечился. И к моменту исторической встречи чувствовал себя гораздо лучше. «Его легочная инфекция не развивалась, а сердечная недостаточность почти исчезла, — пишет лечащий врач. — Отек уменьшился, но… из-за обострения хронического тонзиллита ему было трудно говорить. Его мускулы атрофировались после нескольких недель неподвижности»[220]. Он очень волновался перед встречей и жадно ловил телефонные сообщения о передвижении кортежа президента, беспрерывно поступавшие к нему в кабинет. Медицинские приборы из его комнаты были вынесены в коридор, а кислородные баллоны и все, что могло понадобиться в случае экстренной необходимости, спрятаны либо в огромный сундук из лакового дерева, либо за большие растения в горшках.

В 2 часа 50 минут пополудни Никсон в сопровождении Чжоу Эньлая и Киссинджера, а также помощника последнего Уинстона Лорда (будущего посла США в КНР), Ван Хайжун и переводчицы Нэнси Тан вошел в кабинет Мао. Никсон и Киссинджер нашли эту комнату не слишком прибранной. «Несколько книг были раскрыты на разных страницах и лежали на журнальном столике недалеко от того места, где он сидел», — отметил потом в своем дневнике Никсон[221]. «Кабинет Мао… скорее выглядел как пристанище ученого, нежели как комната для приема гостей всевластного лидера самой многонаселенной нации мира», — вспоминал Киссинджер[222]. Поддерживаемый Чжан Юйфэн Мао поднялся навстречу гостям и с трудом сделал несколько шагов[223]. Он взял руки Никсона в свои и пожал их. «Я не могу хорошо говорить», — промолвил он[224]. «Было заметно, что слова выходили из его могучего тела с большим трудом, — писал Киссинджер. — Они извергались из его голосовых связок отдельными рывками, и каждый раз казалось, что ему снова нужно собраться с силами, чтобы разразиться еще одной резкой тирадой»[225]. Он выглядел опухшим, то ли от водянки, то ли еще от чего-то. На самом деле он все еще не оправился от сердечной недостаточности.

Чувствовалось тем не менее, что Мао получал удовольствие от встречи. Он все время острил и старался создать непринужденную атмосферу. На все попытки Никсона придать беседе деловой характер Мао махал рукой в сторону Чжоу: «Это

все не те вопросы, которые надо обсуждать здесь. Их следует обговорить с премьером. Я обсуждаю философские проблемы». Никсон трижды пытался вовлечь Мао в разговор о советской угрозе Китаю, но Председатель каждый раз уходил в сторону.

В итоге разговор перескакивал с одной посторонней темы на другую. Особенно Мао оживила шутка Никсона о «подружках» Киссинджера. Президент вспоминал: «Мао отметил сообразительность Киссинджера, который держал свою поездку в Пекин в секрете. „Он не похож на секретного агента, — сказал я. — Он просто единственный из всех занятых людей, который может съездить двенадцать раз в Париж и один — в Пекин, и никто об этом не узнает — за исключением, может быть, пары красивых девушек“. [Чжоу засмеялся.]

— Они этого не знали, — вступил в разговор Киссинджер. — Я их использовал для прикрытия.

— В Париже? — спросил Мао с притворным недоверием.

— Тот, кто использует красивых девушек в качестве прикрытия, должен быть величайшим дипломатом, — сказал я.

— Так вы часто используете ваших девушек? — спросил Мао.

— *Его* девушек, а не моих, — ответил я. — Я бы оказался в большой беде, если бы использовал девушек как прикрытие.

— Особенно во время выборов, — заметил Чжоу, в то время как Мао расхохотался»[226].

Вот так они шутили на «философские темы». Впрочем, некоторые замечания были серьезны. «Наш старый друг генералиссимус Чан Кайши не одобряет это, — сказал Мао, поведя рукой вокруг. — Он называет нас коммунистическими бандитами». Ему было очень интересно, что ответит Никсон. Но тот парировал: «Чан Кайши называет Председателя бандитом. А как Председатель называет Чан Кайши?»[227] Так ненавязчиво тайваньский вопрос был оставлен в стороне. Президент дал понять, что ради новых «друзей» не будет бросать старых.

Как бы между прочим Мао и Чжоу рассказали Никсону о неудачном побеге Линь Бяо. Они дали ему понять, что последний был представителем «реакционной группы», которая якобы выступала против нормализации китайско-американских отношений. При этом, правда, Мао попросил Никсона не рассказывать журналистам ни об этом, ни обо всем остальном, что они обсуждали. Никсон, естественно, заверил его в том, что «ничто не выйдет за пределы этой комнаты».

Вместо запланированных пятнадцати минут встреча продолжалась шестьдесят пять. Председатель начал уставать, и Чжоу нетерпеливо поглядывал на часы. Никсон заметил это и закруглил беседу. Мао встал, чтобы проводить гостей. «Однако вы

очень хорошо выглядите», — сказал на прощание Никсон. «Внешность обманчива»[228], — ответил Мао.

После этого Никсон вел переговоры с Чжоу, в конце которых 28 февраля в Шанхае было опубликовано совместное коммюнике, в котором, помимо изложения различных позиций сторон по целому ряду вопросов международной политики, подчеркивалось, что «прогресс в деле нормализации отношений между Китаем и Соединенными Штатами соответствует интересам всех стран»[229].

Вслед за этим во время очередных переговоров с северовьетнамскими коммунистами, 12 июля 1972 года, Чжоу Эньлай смог искусно надавить на руководителей ДРВ, вынудив их пойти на уступки американцам, сняв лозунг отставки сайгонского президента Нгуен Ван Тхиеу[230]. После этого началась волна дипломатических признаний КНР. В сентябре 1972 года премьер-министр Японии Танака посетил Мао, и между КНР и Страной восходящего солнца были установлены дипломатические отношения. А через месяц состоялся обмен послами между КНР и ФРГ, а затем и многими другими странами.

Официальные отношения с США на уровне посольств были, правда, оформлены чуть позже — 1 января 1979 года. К тому времени, 25 октября 1972 года, КНР уже заняла место в Организации Объединенных Наций. Соответствующая резолюция (2758) была принята Генеральной Ассамблеей. Американский представитель, до тех пор отстаивавший права Тайваня, снял возражения.

Мао был в полном восторге и даже стал быстрее поправляться. «Отек спал, легкие очистились, и кашель прекратился, — пишет его бывший врач. — Во время болезни он бросил курить. Кашель и бронхит больше не возвращались». Он все еще был, конечно, слаб, ходил медленно, руки и ноги тряслись, а изо рта иногда текла слюна, которую он не мог удержать[231].

И тем не менее разум его оставался светлым, а власть безграничной. Он по-прежнему контролировал ситуацию в партии и стране. И был готов к новой борьбе.

Этим его «боевым» настроением вновь постаралась воспользоваться Цзян Цин, для которой теперь главным врагом стал Чжоу Эньлай. С назначением его Мао Цзэдуном своим преемником она не могла смириться. Ее цель была ясна: добиться от Председателя продвижения на ключевые посты в руководстве, в том числе в кресло премьера, наиболее преданных ей лиц. А для этого надо было воспользоваться старым проверенным методом: очернить своего недруга в глазах Мао как «контрреволюционера» и «предателя», «плетущего козни» за его спиной. И заодно

подставить под новый удар сторонников Чжоу, старых партийных функционеров, уцелевших или реабилитированных после «культурной революции».

Первым шагом на этом пути стало продвижение ею во власть молодого шанхайского радикала Ван Хунвэня, знакомого нам лидера цзаофаней. Именно на него она стала делать ставку как на будущего преемника вождя. Ван отвечал всем ее критериям: был предан до самозабвения, молод и энергичен, да к тому же еще и недалек, так что при нем она могла бы спокойно править Китаем. Он уже был членом ЦК, избранным на IX съезде, но Цзян желала видеть его заместителем Председателя. В сентябре 1972 года она убедила Мао направить Ван Хунвэня на работу в аппарат Центрального комитета[232]. С этого времени началось его стремительное восхождение. «Ракета», — станут называть этого фаворита Цзян Цин обитатели Чжуннаньхая.

Во всех ее начинаниях Цзян поддерживали ближайшие единомышленники — Чжан Чуньцяо и Яо Вэньюань. На стороне жены Мао был и Кан Шэн, который, правда, в 1972 году тяжело заболел. У него обнаружили рак мочевого пузыря, и надежд на излечение не было. Он умирал. (Скончается он через три года, 16 декабря 1975-го.)

Неожиданно Цзян Цин в ее коварных планах по ослаблению группировки Чжоу помог случай. Через некоторое время после того, как Кан Шэн был диагностирован по поводу рака, в анализах мочи самого премьера тоже обнаружили раковые клетки. Приговор врачей был бескомпромиссен: так же как и Кан Шэну, жить врагу Цзян Цин оставалось недолго. Вот тут-то жена Председателя и решила развернуться на полную мощь. Спать спокойно она не могла. И даже тогда, когда 28 декабря Мао действительно назначил своим новым преемником Ван Хунвэня[233], не могла успокоиться. Ей надо было добить ослабевшего Чжоу, вырвав у него должность премьера. Ее верный соратник Чжан Чуньцяо был готов занять этот пост.

Однако на пути Цзян Цин было немало препятствий. В руководстве партии Чжоу Эньлай пользовался поддержкой многих людей. Наиболее авторитетным из них был маршал Е Цзяньин, старый член Политбюро и один из руководителей Военного совета. Кроме того, сам Председатель не собирался во всем потакать жене, капризы которой, как мы помним, не раз надоедали ему. На смену Чжоу он подыскал другую кандидатуру, от которой Цзян Цин должна была прийти только в ужас. Летом 1972 года Мао всерьез задумался о реабилитации опального Дэн Сяопина. 3 августа тот послал письмо Председателю, в котором, в очередной раз покритиковав себя, попросил дать ему работу, хотя

бы техническую. Через одиннадцать дней Мао наложил резолюцию: «Товарищ Дэн Сяопин совершил серьезные ошибки. Однако его следует отличать от Лю Шаоци… У него есть боевые заслуги»[234]. Цзян могла только скрипеть зубами. А в это время Чжоу, пользуясь моментом, перешел в наступление. В начале октября он выступил с двумя речами, в которых резко раскритиковал «ультралевацкое» поветрие. Говорил он в общем-то о Линь Бяо, но многим неравнодушным слушателям было ясно, кого он имел в виду. Через несколько дней, 14 октября, «Жэньминь жибао», исходя из установок Чжоу, опубликовала три статьи против анархизма, заклеймив это течение как «контрреволюционное орудие обманщиков-лжемарксистов». Цзян и ее соратники тут же бросились к Мао. Критика «левизны» грозила обернуться тотальным отрицанием «культурной революции». Им удалось втолковать Мао, чем дело пахнет. «Великий вождь» понял, что надо вмешаться. И своим хриплым голосом произнес, что Линь — «ультраправый. [Он проводил] ревизионизм, занимался раскольнической деятельностью, вынашивал тайные планы, предал партию и государство»[235]. Все встало на свои места. Козырная карта оказалась в руках Цзян Цин, и теперь «ультраправым» Линем она будет бить консервативного Чжоу.

В то же время Мао ничуть не отказался от своих планов реабилитации Дэна. В начале 1973 года он принял решение вернуть его во власть. 10 марта Дэн получил назначение: он стал заместителем Чжоу. Позже Мао так объяснил это соратникам по Военному совету ЦК КПК: «У нас в партии были люди, которые, не делая ничего, умудрялись совершать ошибки, а Дэн Сяопин занимался делами и совершал ошибки… По-моему, внешне он мягок, как хлопок, а по своей натуре острый, как игла»[236]. На той же встрече с членами Военного совета Мао заметил, что деятельность Дэна «следует оценить как три и семь пальцев». Он имел в виду, что она была ошибочной только на три десятых, а на семь десятых — успешной[237].

Цзян поняла, что надо действовать более напористо. В мае 1973-го «левакам» удалось добиться согласия Мао на участие Ван Хунвэня и еще одного радикала, мэра Пекина У Дэ, в работе Политбюро. Вместе с ними такое право получил и Хуа Гофэн, бывший секретарь парткома родного уезда Мао, которого Председатель не терял из виду с зимы 1962 года, с тех самых пор, как тот выступил с яркой речью во славу «вождя и учителя» на совещании семи тысяч кадровых работников. В самом начале «культурной революции» Хуа был выдвинут Мао на пост первого секретаря провинциального комитета КПК Хунани, а потом

назначен исполняющим обязанности председателя хунаньского ревкома. В 1969 году, на IX съезде, Мао включил его в состав ЦК, а в 1971-м перевел на работу в Госсовет.

Новый бой за власть Цзян решила дать в преддверии очередного, X съезда партии. Последний должен был состояться во второй половине августа 1973 года. За полтора месяца до него, 4 июля, Ван Хунвэнь и Чжан Чуньцяо навестили Мао, добившись приема у Чжан Юйфэн. Эта тихая с виду, но очень сильная женщина к тому времени превратилась в главного посредника между Председателем и остальным миром. Даже Цзян Цин не могла войти к мужу без ее разрешения. Значение «Сяо Чжан» («Маленькая Чжан», как ее называли обитатели Чжуннаньхая) особенно возросло в начале 1973 года, когда речь «великого кормчего» стала почти нечленораздельной. Мао сильно хрипел и то и дело задыхался, так что разобрать, что он говорил, было действительно не так-то просто. Но Чжан, как ни странно, понимала его хорошо, что несомненно придавало ей дополнительный политический вес.

Речь на встрече вновь зашла о Чжоу. Лидеры «леваков» на этот раз самыми черными красками обрисовали Председателю его деятельность в сфере международных отношений. Что они могли здесь инкриминировать Чжоу, непонятно, но Мао почему-то согласился с ними, несмотря на то, что уж где-где, а на дипломатическом фронте дела Китая, как мы знаем, развивались весьма успешно. Как бы то ни было, но в завершение разговора он с раздражением бросил такую фразу: «Большие дела [Чжоу со мной] не обсуждает, а малые ежедневно притаскивает. Если ситуация не изменится, неизбежно возникнет ревизионизм». Это только и надо было услышать сподвижникам Цзян. Они тут же перевели разговор на, казалось бы, другую, «философскую», тему, рассказав Мао о том, что в доме Линь Бяо нашли целую картотеку с изречениями Конфуция. Кто бы мог подумать, что полубезумный Линь увлекался древней китайской философией? Мао, разумеется, знал об этом, но только сейчас заинтересовался находкой. Он сравнил Линя с гоминьдановцами, которые, как и его бывший маршал, чтили Конфуция. «Уважали Конфуция, боролись с легистами», — презрительно бросил он[238]. Ван и Чжан ушли от него совершенно довольные.

Дело в том, что как раз накануне визита они вместе с Цзян долго размышляли о том, как бы мобилизовать народ на открытую борьбу с «новыми каппутистами» в руководстве партии. Называть Чжоу и Дэна по именам было опасно: те оставались влиятельными членами Политбюро, и Мао пока не был готов их «кинуть», несмотря на свое периодическое недовольство

премьером. Поэтому хитрые «леваки» решили совершить обходной маневр, повернув кампанию критики Линя против Чжоу. Находка в доме Линь Бяо множества карточек с изречениями Конфуция была им как нельзя кстати[239]. А брюзжание Мао по поводу того, что Линь и гоминьдановцы «уважали Конфуция», — просто подарком судьбы. Теперь они могли легко подверстать к старой, антилиневской, кампании новую: против Конфуция, а затем обрушить ее на ничего не подозревавшего премьера.

Чтобы понять ход их мыслей, надо вспомнить, что величайший философ Китая жил в конце правления древней династии Чжоу (родился он в 551 году до н. э., а умер в 479-м). Как раз в тот период, когда страна находилась в глубочайшем социально-экономическом кризисе. Традиционные общественные отношения стремительно разрушались, сакраментальные клановые связи рвались, а культ предков многими подвергался сомнению. Появились новые классы нуворишей, для которых общинно-клановые законы, базировавшиеся на уважении к старейшинам рода и авторитету династии, утрачивали значение. Китай раздирался бесконечными гражданскими войнами, в которых сын шел на отца, брат — на брата. Философ-гуманист Конфуций встал тогда на защиту уходившего строя, провозгласив: «Правитель должен быть правителем, чиновник — чиновником, отец — отцом, сын — сыном»[240]. В этом порядке он видел суть истинного правления. Иными словами, с его точки зрения, отношения внутри кланов должны были оставаться незыблемыми, а всякие попытки нарушить баланс социальных сил могли только усугубить хаос. Его учению противостояли так называемые легисты, последователи некогда любимого Мао Цзэдуном Шан Яна. Они отражали интересы богатых общинников и презирали отмиравшую клановую аристократию.

Вот эту-то древнюю ситуацию и экстраполировали на Китай начала 70-х Цзян Цин и ее единомышленники. Логика их была проста: раз Конфуций защищал старое общество (по принятой в Китае периодизации, оно считалось «рабовладельческим»), то, следовательно, был «реакционером». А так как легисты выступали против него, то они, понятно, являлись людьми «прогрессивными». Более того — «революционными». С точки зрения марксизма-ленинизма и идей Мао Цзэдуна. (Одним из легистов, кстати, был уважаемый Мао Цзэдуном император Цинь Шихуан.) Вывод из всего этого следовал такой: имевшая место в прошлом борьба между легистами и Конфуцием — лишь эпизод в вечной борьбе «революционеров» с «реакцией». «Новый Конфуций» Линь Бяо выступил против «легиста» Мао в начале 70-

х, но на этом схватка «зла» и «добра» не закончилась. В Китае, в том числе в КПК, есть еще много «Конфуциев», которые только и мечтают, что повернуть страну вспять.

Под современным «Конфуцием», разумеется, мог пониматься любой враг Цзян Цин. «Леваки» в данном случае не были слишком разборчивы. Главное, на что они рассчитывали в этой кампании, это вызвать в народных массах негативную реакцию к Чжоу, чей фамильный иероглиф совпадал с написанием названия «реакционной» династии, интересы которой, по их версии, защищал Конфуций. Для большинства китайцев 70-х годов иероглиф «чжоу» в газетах и журналах означал в первую очередь премьера. А потому безостановочное употребление его в отрицательном контексте являлось хорошо завуалированным ударом по главному врагу Цзян Цин.

Козни «левых», однако, не увенчались успехом. Их заумные и нудные статьи о борьбе «легистов» с «конфуцианцами» не были понятны малограмотным массам. Они вызывали у большинства людей скуку и апатию. А образ дорогого премьера не только не тускнел, а, наоборот, разгорался все ярче, тем более что по стране быстро ползли тревожные слухи о его страшном недуге.

Не стал триумфом «леваков» и X съезд партии, проходивший в Пекине с 24 по 28 августа 1973 года. В его заседаниях приняли участие 1249 делегатов, представлявших 28 миллионов членов партии. Но далеко не все из них принадлежали к фракции Цзян Цин. Группа Чжоу сохраняла большое влияние. И именно премьеру Мао Цзэдун поручил сделать отчетный доклад. В то же время ярко воссияла звезда Ван Хунвэня. Председатель посадил его по правую от себя руку (Чжоу сидел слева), и после того, как премьер закончил свое выступление, Ван произнес доклад о дополнениях и изменениях в уставе партии. Съезд подтвердил все установки культурной революции, восславил «великого кормчего», заклеймил позором Линь Бяо, исключив его имя из партийного устава, и избрал новый состав Центрального комитета. В него вошли 195 человек с решающим голосом и 124 — с совещательным.

В главном выборном органе — Политбюро — силы двух фракций распределились примерно поровну. Среди же членов Постоянного комитета (в нем на этот раз было девять человек) большинство было на стороне Чжоу[241]. Правда, это ничего не значило: главные решения все равно принимал один человек.

И вскоре после съезда Мао вновь показал Чжоу его место. В ноябре 1973-го, после нового визита Киссинджера в Пекин, он обрушил на него град упреков, обвинив в том, что тот якобы не счел нужным проинформировать его о результатах своих бесед с

теперь уже полюбившимся Мао представителем США. Обвинение было надуманным, так как в то время, когда Чжоу пришел к Мао сделать доклад, плохо себя чувствовавший Председатель уже спал, и Чжан Юйфэн не захотела его будить. Проснувшись, Мао был очень недоволен и тут же заподозрил премьера в «кознях».

Что делать? Он и раньше-то был подозрительным, а тут в связи с болезнью совсем перестал кому бы то ни было доверять. По его требованию поведение Чжоу рассматривалось на Политбюро, где, конечно, Цзян Цин и ее клевреты не постеснялись вылить на голову опечаленному премьеру ушаты клеветы. Дальше этого, правда, дело не пошло. Мао остыл, сменив гнев на милость[242]. А в декабре высказал даже мысль о том, что хотел бы видеть Дэн Сяопина начальником Генерального штаба НОАК. (Официальное решение об этом его назначении он, правда, принял только в январе 1975 года.)

Более того, после съезда Мао все чаще и настойчивее стал критиковал Цзян Цин за ее попытки внести раскол в Политбюро, советуя не «раздувать мелочи» и даже обвиняя (причем публично, на заседании Политбюро) в том, что она сколачивает «сектантскую группу четырех» (которая соответственно состоит из нее самой, Ван Хунвэня, Чжан Чуньцяо и Яо Вэньюаня)[243]. Его выпады в ее адрес были настолько раздражительны, что испугавшийся Кан Шэн перед самой своей кончиной даже поспешил порвать с Цзян и ее сторонниками все связи.

Как видно, Мао бросало из стороны в сторону. Но это не было хаотичным метанием. Мао сознательно не хотел давать излишнюю власть ни одной из группировок. Даже находясь в тяжелом физическом состоянии, он не терял способности контролировать баланс сил в руководстве, поддерживая относительное равновесие между соперничавшими сторонами. Он потрясающе владел искусством политиканства и, балансируя между лидерами разных фракций, заставлял тех и других искать истину только в нем самом. Не случайно даже такой опытный политик, как Киссинджер, встретившись с уже больным Мао, ощутил на себе его мощный волевой импульс[244].

Единственный фактор, который работал против него, было время. С 1974 года он уже не мог присутствовать на всех заседаниях Политбюро: болезнь брала свое. В начале года Мао потерял зрение из-за развившейся на обоих глазах катаракты. Различать он мог лишь свет и тьму. Но это было бы еще полбеды. Главное же заключалось в том, что летом у него начали проявляться симптомы очень редкой болезни Лу Герига, известной иначе под названием боковой амиотрофический склероз. Это заболевание — смертельное и характеризуется оно

первоначальной слабостью в кистях рук, которая затем постепенно распространяется по всему телу. Человек теряет способность двигаться, глотать, говорить и в конце концов дышать. Вызывается эта болезнь отмиранием нервных клеток спинного мозга. У Мао она начала проявляться в прогрессировавшем параличе правой руки и правой ноги, который через некоторое время перекинулся на горло, гортань, язык и межреберные мускулы. Врачам стало ясно: Председатель не проживет больше двух лет[245].

Помимо этого Мао по-прежнему страдал от легочно-сердечной недостаточности. Серьезный инфекционный процесс шел в обоих легких, в левом из которых к тому же развилась эмфизема. Низким было содержание кислорода в крови. Мао беспрерывно кашлял и мог лежать только на левом боку. Твердую пищу он уже глотать не мог, и Чжан Юйфэн кормила его куриным или мясным бульоном.

И тем не менее «великий кормчий» упорно хватался за жизнь. Мозг его по-прежнему энергично работал. А мир продолжал прислушиваться к сентенциям, которые изрекал лидер Китая. Особенно широкий резонанс имела высказанная им в конце февраля 1974 года мысль о глобальном разделении человечества на три мира. К первому из этих «миров» Мао отнес сверхдержавы США и СССР, ко второму — Японию, страны Европы, Австралию и Канаду, а к третьему — все остальные государства. Призвав народы «третьего мира» сплачиваться, он заявил, что Китай тоже принадлежит к «третьему миру»[246].

Сформулированная в беседе с президентом Замбии Каундой «теория трех миров» тут же привлекла к себе всеобщее внимание. По указанию Председателя Дэн Сяопин подробно изложил ее на заседании Генеральной Ассамблеи ООН 10 апреля[247].

Всплески деловой активности Мао были довольно часты, однако они, конечно, не могли полностью заглушить его страданий. Летом, разуверившись во врачах, Мао решил сам себя вылечить. «Он говорил, что „словам врачей можно верить на одну треть, ну максимум наполовину“, — вспоминает „Маленькая Чжан“. — Он полагал, что с ударами болезни можно справиться, опираясь на силы сопротивления, заложенные в организме»[248]. Ему захотелось сменить обстановку, глотнуть свежего воздуха провинции. В середине июля, сразу же после заседания Политбюро, на котором он ругал Цзян Цин, Мао отправился в новую и, как оказалось, последнюю поездку по стране. 18 июля он приехал в Ухань, где оставался до середины октября. После этого на всю зиму переехал в родную Чаншу. Тут он даже попытался поплавать в бассейне. Но у него ничего не получилось. Пришлось

ему покориться судьбе.

Помимо преданной ему Чжан Юйфэн, которая уже могла понимать одряхлевшего Председателя только «по движению его губ и… жестикуляции», ему в тот период помогали общаться с миром еще две женщины: внучатая двоюродная племянница Ван Хайжун, ставшая уже заместителем министра иностранных дел, и переводчица с английского языка Нэнси Тан, возглавившая один из отделов МИДа[249]. Они то и дело курсировали между Уханью и Пекином, а затем и Чаншой и Пекином, передавая Председателю информацию от Чжоу Эньлая и Дэн Сяопина, а иногда и от Цзян Цин. Их симпатии целиком лежали на стороне Чжоу, и именно с ним они консультировались по каждой поездке. До тех пор, разумеется, пока 1 июня 1974 года премьер не лег в госпиталь. Ему предстояла тяжелая операция по поводу рака, который поразил мочевой пузырь, толстую кишку и легкие.

Понимая, что Чжоу жить осталось недолго, Мао решил назначить Дэна на пост первого заместителя премьера. В то же время, верный своим принципам уравновешивания сторон, он поручил руководство повседневной работой партии Ван Хунвэню. Ни та ни другая фракция не были удовлетворены. Цзян Цин почувствовала, что нужно действовать стремительно. Вечером 17 октября она собрала своих ближайших единомышленников на тайное совещание, на котором было решено направить Ван Хунвэня к Мао, ничего не говоря другим членам Политбюро. Ван должен был передать Председателю, что «в Пекине сейчас очень сильно ощущается атмосфера Лушаньского пленума [1970 года]»[250]. Имелось в виду, что Чжоу Эньлай, маршал Е Цзяньин и Дэн Сяопин готовы были пойти по пути Линь Бяо. В таких условиях, считала «четверка», передавать пост первого заместителя премьера «контрреволюционеру» Дэну было нельзя.

Ван в точности выполнил возложенную на него миссию. По воспоминаниям Чжан Юйфэн, подтвержденным самим Ваном, он сказал Мао, что «хотя премьер болен и госпитализирован, но он проявляет активность, вызывая к себе ночами людей для разговоров. Почти каждый раз кто-то навещает его»[251]. Однако Мао страшно разозлился, и «Маленькая Чжан» перевела его слова испугавшемуся Вану: «Если у тебя есть мнение, его надо высказывать прямо в лицо, а так делать нехорошо. Надо налаживать сплочение с товарищем Сяопином». После этого Мао добавил: «Возвращайся и больше общайся с премьером и товарищем Цзяньином. Не надо действовать заодно с Цзян Цин. Будь с ней осторожен»[252].

Позже, в середине ноября, он с возмущением объяснил навестившим его Ван Хайжун и Нэнси Тан: «Цзян Цин — алчная

натура. Она рассчитывает сделать Ван Хунвэня председателем Постоянного комитета [Всекитайского собрания народных представителей], а сама хочет стать председателем партии»[253].

Возможно, к тому времени Цзян действительно начала лелеять такие надежды. Но в январе 1975 года на 2-м пленуме Центрального комитета десятого созыва Дэн Сяопин по предложению Мао, все еще находившегося в Чанше, был избран одним из заместителей Председателя ЦК и членом Постоянного комитета Политбюро. А на состоявшейся вслед за этим сессии ВСНП — утвержден первым заместителем премьера. С этого времени именно он стал играть первую скрипку в Политбюро[254]. 18 апреля вернувшийся в Пекин Мао Цзэдун сказал посетившему его главе Северной Кореи Ким Ир Сену: «В этом году мне исполняется 82 года… Я не буду касаться политических вопросов; пусть вот он [Мао махнул рукой в сторону присутствовавшего на встрече Дэна] их обсудит с тобой. Этого человека зовут Дэн Сяопин; он умеет воевать; может и вести борьбу с ревизионизмом. Хунвэйбины расправлялись с ним, сейчас никаких вопросов нет, все в порядке. Во время „культурной революции“ он был на несколько лет повержен; сейчас опять поднялся. Он нам нужен»[255]. А вот что он заявил вождю северовьетнамских коммунистов Ле Зуану 24 сентября: «В нашем руководстве сейчас кризис. Премьер… плохо себя чувствует, у него было четыре операции за один год, и [ситуация] вызывает опасения. Кан Шэн и Е Цзяньин тоже плохо себя чувствуют. Мне 82 года. Я очень болен. Только он [Мао показал на Дэн Сяопина] молод и здоров»[256].

Цзян Цин и ее соратники были вне себя. Но сдаваться не собирались. После того как маразматическая кампания критики Линь Бяо и Конфуция показала свою несостоятельность, они инициировали еще несколько идеологических движений: «за изучение теории диктатуры пролетариата», против «эмпиризма» и, наконец, против апологии «капитулянтства», якобы содержащейся в известном классическом романе «Речные заводи».

Последний, как мы помним, сам Мао когда-то в молодости очень любил. Теперь же, обожая пофилософствовать, он нашел, что знаменитое произведение «служит негативным пособием». Ведь в книге, описывающей повстанцев-«робин гудов» сунского времени (XII век), главный герой изменяет приятелям, то есть «капитулирует, встает на путь ревизионизма»[257]. Неожиданно «прозрев», Мао как-то в конце августа 1975 года высказал это соображение, которое тут же подхватили Цзян Цин с сотоварищами. В сентябре они начали всенародную кампанию критики романа[258]. Весь Китай погрузился в работу по

разоблачению главного героя всенародно любимого произведения за «измену» революционному делу. А «леваки» вовсю стремились придать этой вакханалии ультрасовременное звучание. Им важно было внушить народным массам мысль о грядущем «капитулянтстве» кое-каких вождей КПК.

Ни одна идеологическая кампания, однако, не могла коренным образом изменить баланс сил в Политбюро, пока сам Председатель этого не хотел. Так что все усилия «левых», направленные на мобилизацию масс против внутрипартийных «ревизионистов», ни к чему не приводили.

Цзян Цин надо было завоевать Мао! Но доступ к нему ограничивала Чжан Юйфэн, в конце 1974 года официально назначенная Политбюро «секретарем Председателя по особо важным и конфиденциальным поручениям». К тому же посредниками между Мао и Политбюро выступали сторонники Чжоу, неразлучные Ван Хайжун и Нэнси Тан. Цзян Цин пыталась задобрить Юйфэн, дарила ей подарки, заискивала, старалась завязать дружбу. Но ей не везло. «Маленькая Чжан» не очень-то ее баловала, а тут еще в мае 1975 года в окружении «великого вождя» появилась новая молодая женщина, некто Мэн Цзиньюнь, взявшая на себя обязанности помощницы Юйфэн. И этой красотке любить «леваков» не было уже никакого резона. С 1968 по 1973 год она находилась в тюрьме, будучи оклеветанной хунвэйбинами. И к Мао при посредничестве Юйфэн явилась просить «реабилитации». Когда-то, в 60-е годы, она танцевала в ансамбле песни и пляски Военно-воздушных сил, на одном из концертов которого впервые встретилась с «великим кормчим». Неимоверно хорошенькая, она сразу же понравилась Мао, который захотел с ней потанцевать. Во время танца он попросил ее «не быть такой скованной» и через несколько па увел к себе в спальню. Их роман продолжался недолго, и Чжан Юйфэн не ревновала. Даже наоборот, сочувствовала молоденькой «коллеге» (та была на четыре года ее младше). После этого Цзиньюнь какое-то время работала в Ухани медсестрой, а затем была арестована.

Вновь встретившись с Юйфэн в самом конце мая 1975 года, она попросила помочь добиться высочайшей аудиенции. Мао был опечален, узнав о злоключениях своей бывшей любовницы, «реабилитировал» ее и оставил при себе. Цзян Цин от этого в восторг не пришла, но вынуждена была смириться.

Но неожиданно в конце сентября Цзян и ее сторонникам повезло. Одряхлевший диктатор по каким-то причинам решил сделать своим посредником в контактах с Политбюро племянника Юаньсиня, вместо Ван Хайжун и Нэнси Тан. По-видимому, он просто соскучился по нему: ведь мы помним, с какой теплотой он

относился к этому сироте. Умный и хитрый Юаньсинь, однако, смог воспользоваться ситуацией для того, чтобы оказать на дядю влияние в нужном для Цзян Цин направлении. Он являлся ее горячим единомышленником и, кстати, никогда этого не скрывал.

У «леваков» открылось второе дыхание. Через любимого племянника Мао они стали усиленно обрабатывать Председателя в антидэновском духе. «Надо опасаться ЦК, боюсь, как бы не произошел откат, рецидив, — нашептывал Юаньсинь дяде. — …Я очень внимательно слежу за выступлениями товарища Дэн Сяопина, и у меня возникло ощущение, что он очень мало касается достижений Великой культурной революции, очень мало говорит о критике ревизионистской линии Лю Шаоци. В этом году я не слышал, чтобы он затронул вопрос о том, как следует изучать теорию [диктатуры пролетариата], как критиковать роман „Речные заводи“, как критиковать ревизионизм»[259]. И далее: «Есть два подхода. Кое-кто [просто] не удовлетворен великой культурной революцией, другие хотят свести счеты… с великой культурной революцией»[260].

Обработка продолжалась более месяца. И наконец Мао не выдержал. Он пришел в ярость, начав возмущаться Дэном. По его требованию члены Политбюро начали критиковать «зарвавшегося» противника Цзян Цин, а в стране в целом с ноября стало набирать силу новое движение: «критики Дэна и борьбы с правоуклонистским поветрием пересмотра правильных оргвыводов». Дэн Сяопина отстранили от большинства обязанностей, позволив ему только открывать и закрывать заседания Политбюро и заниматься внешнеполитическими делами. Особенно бурно новая антидэновская кампания развернулась в университете Цинхуа в Пекине.

В самый разгар этой свистопляски, 8 января 1976 года в 9 часов 57 минут утра, скончался Чжоу Эньлай. Его многие оплакивали: премьер остался в памяти большинства китайцев мудрым, честным и человеколюбивым. Был ли он таким на самом деле, мало кого в Китае интересовало. Имидж благородного лидера доминировал в сознании масс. В день похорон 11 января траурный кортеж с его прахом проследовал к кладбищу революционных героев, сопровождаемый плачем и скорбными криками пекинцев. Всем тем, кто вышел тогда в мороз на центральную улицу Чанъаньцзе (а таких было более миллиона), на всю жизнь запомнился бело-голубой автобус, увозивший в небытие дорогого Чжоу.

А вскоре по городу поползли слухи о том, что премьер пал жертвой ненавидевших его «леваков». Эти слухи усилились в марте в связи с тем, что шанхайская «Вэньхуэй бао» намекнула на

то, что Чжоу был «каппутистом». В Нанкине сразу же появились листовки и *дацзыбао,* призывавшие население к выражению протеста. Об этом немедленно узнали в Пекине. И тогда на площадь Тяньаньмэнь, к возвышающемуся на ней памятнику героям революции, стали приходить люди, чтобы возложить в память Чжоу Эньлая цветы и венки. Все это развивалось стихийно в течение двух недель, и наконец 4 апреля, в традиционный в Китае День поминовения усопших, площадь оказалась запруженной народом. Люди были очень возбуждены. Тут и там слышались крики: «Защитим премьера Чжоу ценой собственной жизни!», «Да здравствует великий марксист-ленинец Чжоу Эньлай!», «Долой всех, кто против премьера Чжоу!». Многие пели «Интернационал»[261].

Цзян Цин и ее приближенные были напуганы. Они, разумеется, опасались массового неконтролируемого движения. Не менее взволнованы были и их противники. Все они давно отвыкли от демократии. Вечером 4 апреля на экстренном заседании Политбюро они приняли совместное решение подавить несанкционированный митинг. «Вылезла группа плохих людей, — заявил Хуа Гофэн, по поручению Мао исполнявший обязанности премьера. — В письменных материалах, распространяемых ими, содержатся нападки на Председателя Мао и на ЦК»[262]. 5 апреля против демонстрантов была брошена полиция. Цзян наблюдала за избиением мирных людей в бинокль из здания ВСНП, расположенного на западной стороне площади[263].

Подавление «контрреволюционного мятежа» поддержал и Мао, которому, разумеется, о случившемся «объективно» доложил Юаньсинь, всю вину за народные выступления возложивший на Дэн Сяопина. «Великий вождь» наложил резолюцию на доклад племянника: «Боевой дух высокий; это прекрасно, прекрасно, прекрасно». А затем дал директиву: «На основании этого лишить Дэн Сяопина всех должностей»[264]. Тем же приказом он назначил первым заместителем Председателя ЦК и премьером Госсовета пятидесятипятилетнего Хуа Гофэна. Через три недели, не будучи уже в силах говорить, он напишет этому своему последнему преемнику: «Иди медленно, не волнуйся. Следуй прежнему курсу. Когда ты делаешь дело, я спокоен»[265].

Цзян и другие левые радикалы ликовали, а большинство пекинцев скорбело. В знак молчаливого протеста люди стали выставлять в окнах домов бутылочки. Дело в том, что при ином написании иероглифа *«пин»* имя Дэна («Сяопин») может означать «маленькая бутылка», в то время как иероглиф *«тай»* в слове *«чуаньтай»* («подоконник») переводится как «вершина». Выставляя бутылочки в окнах домов, противники «группы четырех» хотели

тем самым сказать: «Дэн Сяопин все еще на вершине!»

Кампания критики Дэна, таким образом, была обречена на поражение. В народе она не получила отклика. Чисто формально участвовало в ней и большинство кадровых работников партии. Последний всплеск политической активности Мао явно был неудачным.

Но вряд ли «великий кормчий» полностью отдавал себе отчет в своих действиях. Он был уже наполовину мертв. Тяжелое физическое состояние сказывалось на его настроении. Мао все время был раздражен и возбужден. Ему очень трудно было дышать, легкие, сердце и почки отказывались нормально работать. Резко сократилось количество выделяемой из организма жидкости. Он то и дело покрывался испариной и жадно хватал ртом воздух. Ему все время требовались кислородные баллоны. Так как он постоянно лежал на левом боку, у него в конце концов образовались пролежни.

Единственное улучшение было со зрением. В середине августа 1975 года ему успешно провели операцию на правом глазу. Для того чтобы все прошло гладко, несколько врачей-офтальмологов накануне вволю попрактиковались на сорока подопытных стариках. Только после этого, выбрав правильный метод, они со страхом прооперировали «великого вождя»[266]. Чжан Юйфэн вспоминает: «Когда спустя неделю была снята марлевая повязка с глаза Председателя, то он открыл глаз, поглядел. Внезапно, взволнованно указывая на одежду одной из присутствовавших работниц обслуживающего персонала, он точно определил ее цвет и рисунок на ней. Он также, указывая на стену, сказал: „А она белая“»[267].

Никаких других положительных изменений в ходе его болезни не было. В отдельные дни он настолько утрачивал силы, что, по воспоминаниям Чжан Юйфэн, «ему очень трудно было даже „открыть рот, когда к нему поднесена еда“ и сделать глотательное движение»[268]. В другое время, однако, он чувствовал себя немного лучше. И даже отваживался принимать иностранных гостей. 30 апреля, например, Мао встретился с премьер-министром Новой Зеландии Робертом Малдуном. Конечно, серьезных проблем с ним он не обсуждал, просто пожаловался ему на здоровье. «Ноги беспокоят меня», — сказал он. Потом помолчал и добавил: «В мире большие беспорядки»[269].

11 мая 1976 года у него произошел первый инфаркт. Чжан Юйфэн и Мэн Цзиньюнь не отходили от него. Врачи делали все возможное. Но только через две недели Мао почувствовал себя немного лучше. 20 мая ему захотелось встретиться с прибывшим в КНР премьер-министром Сингапура Ли Куан Ю, а 27 мая — с

премьер-министром Пакистана Бхутто и его супругой. Но после десяти минут общения и с тем и с другими он каждый раз очень уставал и вынужден был прекращать беседы[156]. Его гости тем не менее не остались разочарованы. «Он немолодой человек, — сообщил журналистам Бхутто. — Я и не ожидал, что встречу „Тарзана“»[270]. После этого МИД КНР официально объявило о том, что Председатель больше не будет принимать иностранных гостей, так как «сейчас очень занят, много работает»[271].

В середине июня Мао вызвал Хуа Гофэна, членов «группы четырех» во главе с Цзян Цин и свою внучатую двоюродную племянницу Ван Хайжун. Лежа в постели, он прохрипел: «С древних времен считалось редкостью, когда человек доживал до семидесяти. Мне уже больше восьмидесяти. В старости часто думаешь о смерти. В Китае говорят: „Судить о человеке можно только тогда, когда его накроет крышка гроба“. Хотя „крышка гроба“ меня еще и не накрыла, но скоро уже это случится, так что можно и подвести итоги. За всю жизнь я сделал две вещи. Во-первых, в течение нескольких десятков лет боролся с Чан Кайши и загнал его на острова. Через восемь лет войны с Японией попросил японских солдат вернуться домой. Мы завоевали Пекин и в конце концов захватили Запретный город. Не так уж много людей не признают этого. И всего лишь несколько человек прожужжали мне уши, советуя поскорее вернуть эти острова. Вторую вещь вы все знаете. Это инициирование Великой культурной революции. Тех, кто поддерживает ее, немного, а тех, кто выступает против, немало. Оба дела не закончены. Это „наследие“ надо передать следующему поколению. Как передать? Если мирным путем не получится, надо будет сделать это путем потрясений. Если этим по-настоящему не заниматься, то „дождь и ветер окрасятся кровью“. Как вы с этим справитесь? Одно небо знает»[272]. Чжан Юйфэн стоило больших трудов перевести этот монолог.

26 июня у Мао произошел новый инфаркт, очень обширный. Ему стало настолько плохо, что он уже не мог сам есть. Его начали кормить через трубочку, вставленную в ноздрю. У постели вождя теперь посменно дежурили четверо членов Политбюро во главе с Хуа Гофэном, назначенные в комиссию по контролю за врачами. В начале июля в Китай для обследования Мао прибыл известный австрийский невролог профессор Вальтер Биркмайер, но он тоже не смог помочь Председателю[273].

Мао умирал, но даже в таком состоянии пытался держаться за власть. Чуть приходил в себя, тут же требовал от Чжан Юйфэн читать ему партийные документы. Хотя бы по нескольку минут в день. 6 июля ему сообщили о кончине его старого боевого друга

Чжу Дэ. Он встретил это известие спокойно.

Вместе с «Маленькой Чжан» он часто в последнее время смотрел кино. Тайваньские и гонконгские фильмы. Они ему нравились. Как-то отвлекали, позволяли забыться. Не изменил он этой привычке и после того, как в ночь с 27 на 28 июля из-за страшнейшего землетрясения его срочно перевезли в новое, сейсмически устойчивое здание, расположенное по соседству с «Плавательным бассейном». Это землетрясение (силой 7,8 балла) полностью разрушило находящийся недалеко от Пекина город Таншань. Под завалами погибло более 240 тысяч человек, свыше 160 тысяч были ранены. Толчки были настолько сильны, что ощущались в Чжуннаньхае. Даже кровать, на которой лежал Мао в Павильоне «Плавательный бассейн», перекосилась.

Новый корпус, куда перевезли Председателя, срочно переоборудовали и комнату Мао заполнили медицинским оборудованием. Здесь же ему устроили и кинозал, установив проектор и телевизор. Так Мао и проводил свои последние дни. Смотря «вражеские» фильмы и принимая еду через трубочку.

2 сентября у него произошел третий инфаркт. Самый серьезный. Врачи уже не могли бороться за его жизнь. Но мощный волевой организм не хотел сдаваться. Мао все время тревожно спрашивал докторов, насколько опасно его положение[274]. Те его успокаивали, но уже никаких надежд не питали.

8 сентября в начале девятого вечера у него заметно посинело лицо. Через несколько минут оледенели конечности, сознание помутнело. Ему попытались через нос откачать мокроту, но никакой реакции не наблюдалось. Без шестнадцати минут десять усилилось сердцебиение, через полчаса давление упало до 80 на 58. В пятнадцать минут двенадцатого наступила кома. Вскоре после этого сильно расширились зрачки, и Мао утратил реакцию на свет. В четыре минуты первого 9 сентября у него начались судороги. Через две минуты была зафиксирована полная потеря самостоятельного дыхания. В 00 часов 10 минут сердце Мао перестало биться[275].

Великий диктатор, революционер и тиран скончался на 83-м году жизни.

ЭПИЛОГ

Китайцы славятся своей активностью и трудолюбием. В стране с единым часовым поясом сотни миллионов людей просыпаются одновременно — в начале седьмого утра, делают дыхательную гимнастику *цигун,* завтракают и отправляются по ежедневным делам. На службу, учебу, в цеха, поля, школы, за прилавки универмагов.

Вместе со всеми ни свет ни заря встают и пекинцы. Толпятся в метро, на автобусных остановках, железнодорожных вокзалах. Позванивая звонками, крутят педали велосипедов, а те, кто побогаче, едут в такси или собственных автомобилях. Шумят на торговых улицах, глазеют на иностранных туристов, запускают воздушных змеев на площади Тяньаньмэнь.

С раннего утра бурлят городские рынки, а из бесчисленных ресторанчиков разносятся ароматные запахи удивительных блюд. В чудом уцелевших переулках *хутунах* на утреннем солнышке греются старики и старухи, а невдалеке от них играют дети. Слышится рыкающая пекинская речь, крики торговцев, привлекающих покупателей.

Особенно многолюдно на одной из центральных торговых улиц Ванфуцзин, в той ее части, которая не так давно была превращена в пешеходную зону. Толпы людей движутся по ней в разные стороны, и, если пойти строго на юг, через какое-то время выйдешь на широкий проспект Чанъаньцзе — главную магистраль города. Свернешь направо, минуешь массивное здание гостиницы «Пекин», и через каких-нибудь десять минут выйдешь в исторический центр Пекина. Это и есть Тяньаньмэнь. Справа — «Запретный город», а слева — собственно площадь.

И первое, что бросается в глаза: огромный портрет Председателя Мао, украшающий вход в бывший дворец императора, Врата небесного спокойствия. Проницательные глаза, высокий лоб, характерная родинка под нижней губой. «Великий кормчий» смотрит спокойно, с большим достоинством. Похоже, его уже давно не волнует то, что происходит в китайской компартии, в стране и мире. Не беспокоит его то, что, вопреки его воле, высказанной еще в апреле 1956 года, тело его не кремировали, а вскоре после смерти забальзамировали. Оно покоится тут же, на площади, в величественном мавзолее. «Дом памяти Председателя Мао» — так называется это здание. Квадратное строение бело-желтых цветов имеет 33,6 метра в высоту. Его общая площадь — 28 тысяч квадратных метров. Каждая из сторон «Дома памяти» украшена двенадцатью

гранитными колоннами квадратной формы, а двухъярусная крыша выложена глазурованной черепицей. Постамент, также двухъярусный, облицован темно-красным гранитом, а изящная балюстрада вокруг всего комплекса сложена из белого мрамора. Тело Мао Цзэдуна покоится в центральном зале, в хрустальном гробу, установленном на постаменте из черного шаньдунского гранита. Председатель одет в серо-синий френч и накрыт красным знаменем с желтыми серпом и молотом. Вокруг постамента — живые цветы в белых фарфоровых горшках с синим рисунком. За изголовьем гроба на белой мраморной стене — золотые иероглифы: «Вечная слава великому вождю и учителю Председателю Мао Цзэдуну».

«Дом памяти» открыт для посещения шесть дней в неделю, со вторника по воскресенье, с 8.30 до 11.30 утра за исключением особых случаев. По вторникам и четвергам публику допускают и с 2 до 4 дня. Вход бесплатный.

Платить нужно только лотошникам и продавцам сувенирных магазинов, в разных концах города, в том числе и на Тяньаньмэнь, бойко торгующим предметами китча: значками и плакатами с изображением Мао, бюстами и цитатниками Председателя. Возрождение рыночной экономики в КНР в конце 70-х — начале 80-х годов, обусловленное «реинкарнацией» фракции «умеренных» вскоре после смерти Мао Цзэдуна, а главное — возвращением в июле 1977 года к власти Дэн Сяопина, привело к коммерциализации «культа Мао». Превращению бывшего вождя в сувенир истории способствовала и более чем снисходительная оценка его правления новыми лидерами КПК. «Товарищ Мао Цзэдун — великий марксист, великий пролетарский революционер, стратег и теоретик. Если рассматривать его жизнь и деятельность в целом, то заслуги его перед китайской революцией в значительной степени преобладают над промахами, несмотря на серьезные ошибки, допущенные им в „культурной революции“. Его заслуги занимают главное, а ошибки — второстепенное место», — заявили в 1981 году руководители партии[1]. И с тех пор не пересматривали эту оценку. Что же тогда удивляться тому, что в новом Китае «великий кормчий» превратился в предмет культуры, истории и искусства?! Он как бы отошел в прошлое, встав в один ряд с Конфуцием, Цинь Шихуаном, Чингисханом и прочими историческими деятелями.

Его жена, арестованная «предавшим» ее Хуа Гофэном через месяц после кончины Председателя, в конце 1980-го — начале 1981 года вместе с другими главарями «культурной революции» предстала перед судом. Своей вины она не признала, громко

заявив на весь мир, что была лишь «псом Председателя Мао и кусала тех, кого он велел кусать»[2]. Ее приговорили к смертной казни с отсрочкой приговора на два года. Такой же вердикт был вынесен Чжан Чуньцяо. Другие же лидеры «левых», Ван Хунвэнь, Яо Вэньюань и Чэнь Бода, получили соответственно пожизненный срок, восемнадцать и двадцать лет тюрьмы[3]. Через два года, однако, смертные приговоры Цзян Цин и Чжан Чуньцяо были заменены пожизненным заключением.

Цзян находилась за решеткой вплоть до начала мая 1984 года, после чего режим ее содержания был изменен на домашний арест. Но в 1989 году вслед за подавлением студенческих волнений на площади Тяньаньмэнь ее вновь поместили в тюрьму: на этот раз за то, что она осудила Дэна за убийство студентов. Вскоре, правда, ее опять выпустили, поместив под охраной на двухэтажной вилле в северо-восточном районе Пекина Цзюсяньцяо. Здесь, устав от бессмысленной жизни, глубокой ночью 14 мая 1991 года она покончила с собой. Она сделала веревку из связанных между собой носовых платков и повесилась в ванной комнате. Перед этим она написала записку: «Председатель! Твоя ученица и соратница по борьбе идет к тебе»[4].

Предыдущая жена Мао, Цзычжэнь, скончалась за несколько лет до этого, 19 апреля 1984 года в Шанхае. А дети, сын Аньцин и дочери Ли Минь и Ли На, живут в Пекине. У них давно есть свои дети. У Аньцина и Ли На — сыновья, а у Ли Минь — дочь и сын. Есть дети и у племянницы Мао, Юаньчжи, и у племянника Юаньсиня. Подрастают уже и внуки.

Вокруг них бурлит новая жизнь. Китайское общество стремительно модернизируется. Многие молодые китайцы осваивают суперсовременные технологии, занимаются бизнесом, едут за границу получать образование. Не отстают от них и потомки Мао. Дочь Ли Минь, Кун Дунмэй, в мае 2001-го получила диплом магистра в США.

Уже нет в живых ни Дэн Сяопина, ни многих других реформаторов постмаоистской эпохи, а Китай по-прежнему рвется вперед. Социальные эксперименты давно окончены. В стране развивается новое общество со смешанной экономикой. С колоссальной скоростью меняется облик огромной страны. Преобразования, начатые после смерти Мао, стимулируют бурный рост активности населения. В успехе этих реформ — залог того, что влияние маоизма на политическую и идеологическую жизнь Китая, которое пока еще ощущается достаточно сильно, недолговечно.

***

Как-то в начале «культурной революции» Мао послал Цзян Цин письмо, в котором приветствовал «полный беспорядок в Поднебесной». Тогда же он написал: «Я верю самому себе, но в чем-то не верю. В молодости я говорил: „Жизнь человека длится двести лет, и поднятые им волны должны колыхаться три тысячи лет“. Как видно, гордыни хоть отбавляй, но в то же время я не уверен в себе, у меня всегда такое ощущение, что, когда в горах нет тигра, тогда царем зверей становится обезьяна. Вот и я стал таким царем, но это не проявление эклектики, во мне есть и дух тигра, это — главное, есть и дух обезьяны, это — второстепенное. В свое время я использовал следующие несколько фраз из письма Ли Гу, жившего в ханьскую эпоху, к Хуан Цюну [биографии и того и другого содержатся в династийной хронике Поздней династии Хань, составленной в V веке]: „Твердое легко ломается, светлое легко пачкается; кто поет 'янчунь байсюэ' [древняя мелодия, которую очень трудно исполнить], тот легко может оказаться в одиночестве; большая слава вряд ли бывает заслуженной“. Последние две фразы как раз указывают на меня»[5].

Прав ли был Мао в этом самоанализе? Или просто разыгрывал очередную роль? А может быть, все же делился с женой сокровенным? Этого мы уже не узнаем. Председатель давно беседует с Марксом.

ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ МАО ЦЗЭДУНА

1893, 26 декабря — в деревне Шаошаньчун уезда Сянтань провинции Хунань в семье зажиточного крестьянина Мао Ичана и Вэнь Цимэй родился сын Цзэдун (второе, неофициальное, имя — Жуньчжи).

1901 — Мао Цзэдун поступает в начальную частную школу в родной деревне.

1906 — Мао бросает школу в знак протеста против действий учителя, избивавшего учеников. Работает в хозяйстве отца.

1907, конец или 1908 — женится на односельчанке Ло Игу (род. 20 октября 1889 года) по требованию родителей. Отказывается жить с женой и бежит из дома. Живет полгода у знакомого безработного студента в Шаошани.

1910, 11 февраля — жена Мао умирает от дизентерии.

Осень — поступает в Дуншаньскую начальную школу высшей ступени.

1911, начало — поступает в среднюю школу столицы провинции Хунань города Чанши, открытую для выходцев из уезда Сянсян (родной уезд его матери). Читает революционно-демократическую и конституционно-монархическую литературу.

Апрель — пишет первую статью, в которой выступает в защиту либеральных революционеров и реформаторов.

10 октября — в Учане происходит антимонархическое восстание, положившее начало буржуазной Синьхайской революции.

Конец октября — революционные мятежи в Чанше.

Ноябрь — Мао записывается в революционную армию.

1912, 1 января — провозглашение Китайской Республики. Главу «Объединенного союза» доктора Сунь Ятсена избирают временным президентом.

12 февраля — маньчжурский император Пу И отрекается от престола.

14 февраля — Сунь Ятсен подает в отставку.

15 февраля — генерала Юань Шикая избирают временным президентом.

Весна — Мао демобилизуется. Кратковременная учеба в Хунаньской провинциальной средней школе высшей ступени, вскоре переименованной в Первую провинциальную среднюю школу.

25 августа — Сунь Ятсен основывает Националистическую

партию (Гоминьдан).

1913, февраль — Гоминьдан завоевывает победу на парламентских выборах.

Весна — поступает в Четвертое провинциальное педагогическое училище города Чанши. Знакомится с профессором Ян Чанцзи, сторонником либерально-демократического переустройства китайского общества.

Ноябрь — Юань Шикай осуществляет переворот и ставит Гоминьдан вне закона.

1914, март — Четвертое педучилище объединяется с Первым. Мао переходит в новый колледж.

Декабрь — послушный Юань Шикаю парламент провозглашает его пожизненным президентом.

1914, ноябрь — 1915, май — после начала Первой мировой войны Япония как член Антанты оккупирует германскую колонию в Китае — порт Циндао, после чего предъявляет Юань Шикаю ультиматум, стремясь превратить Китай в японскую колонию. Принятие Юань Шикаем японских требований вызывает подъем антияпонского патриотического движения в стране.

1915, осень — Мао создает студенческий патриотический кружок в Чанше.

1916, 6 июня — Юань Шикай умирает. В Китае начинается многолетняя борьба за власть между региональными милитаристскими кликами.

1917, июнь — Мао отмечают как лучшего студента училища.

7–8 ноября — большевистская партия под руководством Ленина и Троцкого берет власть в Петрограде. В России происходит социалистическая революция.

Ноябрь — организует занятия в вечерней рабочей школе при Первом педагогическом училище. Приобретает первый опыт преподавательской работы.

1918, апрель — участвует в организации в Чанше просветительского либерально-демократического общества «Обновление народа».

Июнь — оканчивает педагогическое училище.

Август — приезжает в Пекин для участия в программе по отбору китайской молодежи на учебу и работу во Францию.

1918, октябрь — 1919, март — работает помощником библиотекаря Пекинского университета. Знакомится с первым пропагандистом большевизма в Китае Ли Дачжао, а также с Чэнь Дусю, будущим вождем китайского коммунистического движения. Первое знакомство с марксизмом-ленинизмом. Увлечение анархизмом.

1919, март — в Москве проходит I конгресс

Коммунистического Интернационала (Коминтерна), всемирной организации большевиков, ставящей себе целью осуществление мировой социалистической революции.

Март — апрель — едет в Шанхай провожать друзей во Францию. Возвращается в Чаншу.

Весна — устраивается на полставки в одну из городских начальных школ Чанши (школу Сюе) преподавать историю.

4 мая — в Пекине начинается массовое студенческое движение, направленное против передачи Японии бывшей германской колонии в Китае (Циндао) державами Антанты. Вслед за этим в стране наступает новый подъем патриотических антияпонских настроений.

28 мая — участвует в организации Хунаньского объединенного союза учащихся.

Июль — август — издает общественно-политический журнал «Сянцзян пинлунь» («Сянцзянское обозрение»), в котором пропагандирует идеи патриотизма, либерализма и демократизма. Издание приобретает общекитайскую известность, но закрывается хунаньским милитаристом Чжан Цзинъяо.

Осень — редактирует либеральный журнал «Синь Хунань» («Новая Хунань»). Завязывает роман с девушкой Тао И, членом общества «Обновление народа». Увлечение идеями свободной любви.

Декабрь — участвует в борьбе против хунаньского милитариста Чжан Цзинъяо, второй раз приезжает в Пекин, чтобы подать петиции властям с требованием сместить и наказать реакционного правителя.

1920, июль — август — в Москве проходит II конгресс Коммунистического Интернационала, на котором Ленин призывает коммунистов колоний и зависимых стран к сотрудничеству с местной национальной буржуазией в борьбе против империализма.

Зима — весна — общается с Ли Дачжао и его соратниками. Продолжает знакомиться с большевизмом. Пытается «примирить» его с анархизмом и либерализмом.

Май — вновь приезжает в Шанхай, где общается с Чэнь Дусю, который стремится вовлечь его в коммунистическое движение.

Июль — открывает в Чанше первый в Китае кооперативный книжный магазин («Общество культурной книги») для распространения общественно-политической литературы. Пропагандирует идеи федерализма и независимости Хунани.

Сентябрь — назначен директором начальной школы при Первом провинциальном педагогическом училище.

Ноябрь — разуверившись в федерализме, начинает всерьез

изучать большевизм.

Декабрь — женится на дочери Ян Чанцзи, «Зорюшке» Ян Кайхуэй (род. 6 ноября 1901 года).

1921, 1–2 января — создает коммунистическую организацию в Чанше.

13 января — организует хунаньское отделение Социалистического союза молодежи.

7 апреля — Сунь Ятсен провозглашен в Кантоне чрезвычайным президентом Китайской Республики. Он опирается на войска милитариста Чэнь Цзюнмина, контролирующие часть провинции Гуандун.

23–31 июля — участвует в I съезде Коммунистической партии Китая в Шанхае как представитель от хунаньской организации. На первом же заседании избирается секретарем съезда.

1921, август — 1923, апрель — организует Хунаньское отделение Всекитайского рабочего секретариата. Руководит забастовочной борьбой рабочих Чанши и других городов Хунани и западной части провинции Цзянси.

10 октября — избирается секретарем вновь образованного Хунаньского комитета КПК.

1922, май — избирается секретарем особого Сянского райкома, объединившего коммунистов Хунани и западной Цзянси.

Середина июня — избирается секретарем Исполнительного комитета Социалистического союза молодежи Чанши. Чэнь Цзюнмин поднимает мятеж против Сунь Ятсена, вынуждая его через два месяца бежать в Шанхай.

29–30 августа — под давлением представителя Коминтерна Гендрикуса Маринга ЦИК КПК принимает решение о вступлении коммунистов в Гоминьдан в целях организации единого антиимпериалистического фронта.

24 октября — рождение первенца, сына Аньина.

1923, 26 января — Сунь Ятсен и руководитель советской дипломатический миссии Адольф Абрамович Иоффе подписывают в Шанхае декларацию, согласно которой СССР обязуется оказывать поддержку Гоминьдану.

21 февраля — после захвата Кантона войсками дружественных Сунь Ятсену милитаристов доктор Сунь возвращается в этот город, где возглавляет южнокитайское правительство.

Апрель — Чэнь Дусю отзывает Мао на работу в аппарат Центрального исполнительного комитета партии. Мао переезжает в Шанхай.

12–20 июня — участвует в III съезде КПК в Кантоне.

Избирается членом и секретарем ЦИК и заведующим организационным отделом ЦИК. После съезда, следуя политике единого фронта, вступает в Гоминьдан.

Середина сентября — декабрь — руководит формированием гоминьдановской организации в Хунани.

13 ноября — рождение второго ребенка, сына Аньцина.

1924, 20–30 января — участвует в заседаниях I конгресса Гоминьдана в Кантоне. Избирается кандидатом в члены ЦИК ГМД.

Февраль — декабрь — работает в Шанхайском бюро ЦИК Гоминьдана секретарем организационной секции и заведующим секцией делопроизводства. Избирается кандидатом в члены постоянного комитета бюро.

1925, февраль — август — находясь в отпуске по болезни, руководит движением беднейших крестьян и пауперов в Шаошани и окрестных деревнях.

Середина июня — учреждает ячейку КПК в Шаошани.

12 марта — Сунь Ятсен умирает.

30 мая — английские полицейские на Нанкин-роуд в Шанхае расстреливают демонстрацию китайцев. В стране начинается национальная революция.

Октябрь — назначен исполняющим обязанности заведующего отделом пропаганды ЦИК Гоминьдана в Кантоне. Редактирует гоминьдановский журнал «Чжэнчжи чжоубао» («Еженедельник „Политика“»).

1 декабря — публикует статью «Анализ классов китайского общества».

1926, 1–19 января — участвует в работе II съезда Гоминьдана в Кантоне. Переизбран кандидатом в члены ЦИК ГМД.

16 марта — назначен директором 6-го набора общекитайских курсов крестьянского движения в Кантоне.

20 марта — Чан Кайши осуществляет бескровный переворот в Кантоне.

Май — участвует в пленуме ЦИК Гоминьдана. Коммунисты под давлением Сталина и Коминтерна идут на уступки «правым» гоминьдановцам ради сохранения единого фронта. Мао уходит в отставку с поста исполняющего обязанности заведующего отделом пропаганды ЦИК ГМД.

Июль — начало Северного похода Национально-революционной армии.

Начало ноября — назначен секретарем комитета крестьянского движения ЦИК КПК. Переезжает из Кантона в Шанхай.

15 ноября — переезжает из Шанхая в Ханькоу, где работает

представителем комитета крестьянского движения ЦИК КПК.

Декабрь — участвует в работе первого крестьянского съезда Хунани.

1927, 4 января — 5 февраля — занимается обследованием крестьянского движения в провинции Хунань, после чего представляет предварительное сообщение в ЦИК КПК, призывая к радикальной аграрной революции. Затем публикует «Доклад об обследовании крестьянского движения в провинции Хунань».

Начало марта — начало июля — работает на Центральных курсах крестьянского движения ЦИК Гоминьдана в Учане. Избран одним из руководителей вновь созданной Всекитайской крестьянской ассоциации.

4 апреля — рождение третьего ребенка, сына Аньлуна.

12 апреля — Чан Кайши развязывает «белый» кровавый террор в Шанхае и других районах Восточного Китая.

27 апреля — 9 мая — принимает участие в V съезде КПК в Ухани. Избирается кандидатом в члены Центрального комитета.

15 июля — лидер «левого» Гоминьдана Ван Цзинвэй разрывает единый фронт с коммунистами. За три дня до этого Чэнь Дусю уходит в отставку с поста Генерального секретаря ЦК КПК.

1 августа — коммунистическое восстание под руководством Чжоу Эньлая, Хэ Луна, Е Тина и Чжу Дэ в частях Национально-революционной армии, расквартированных в Наньчане.

7 августа — принимает участие в чрезвычайном совещании ЦК КПК в Ханькоу. Избран кандидатом в члены Временного политбюро ЦК. После этого уезжает в Хунань готовить восстание «осеннего урожая».

9–19 сентября — организует коммунистическое восстание в восточной Хунани.

19 сентября — Сталин принимает формальное решение о выходе КПК из Гоминьдана и о начале борьбы китайских коммунистов за создание советов.

27 октября — после поражения восстания «осеннего урожая» приходит в высокогорный район Цзинган на границе провинций Хунань и Цзянси, где вскоре с помощью местных бандитов создает первый советский район.

Ноябрь — на расширенном совещании Политбюро в Шанхае заочно выведен из кандидатов в члены Временного политбюро за «военный оппортунизм».

1928, 25 или 26 мая — женится на Хэ Цзычжэнь (род. сентябрь 1909 года).

20 или 21 апреля — встречается с Чжу Дэ в восточной Хунани. Войска Чжу Дэ и отряды Мао объединяются и вскоре получают

наименование 4-го корпуса Рабоче-крестьянской революционной армии Китая.

Конец апреля — назначается секретарем вновь образованного особого комитета пограничного района Хунань — Цзянси.

18 июня — 11 июля — на VI съезде КПК в селе Первомайское Нарофоминского района Московской области заочно избран членом ЦК.

Ноябрь — назначен секретарем фронтового комитета 4-го корпуса.

1929, январь — февраль — уводит войска из Цзингана в пограничный район Цзянси — Фуцзянь.

Конец мая — рождение четвертого ребенка, дочери Цзиньхуа. Хэ Цзычжэнь и Мао отдают младенца в крестьянскую семью. Неоднократно подвергается критике со стороны ЦК КПК и ее представителя, которую не принимает.

1930 — в КПК оформляется авантюристическая линия Ли Лисаня, направленная на захват коммунистами власти в одной или нескольких провинциях. Мао и его войска активно участвуют в ее осуществлении. 4-й корпус объединяется с 5-м в армию 1-го фронта. Мао занимает пост ее генерального политкомиссара и дважды пытается штурмовать Чаншу.

Сентябрь — на расширенном пленуме ЦК в Шанхае кооптируется кандидатом в члены Политбюро.

Октябрь — создает партизанскую базу в юго-западной Цзянси, получившую название Центральный советский район (ЦСР).

14 ноября — гоминьдановцы казнят Ян Кайхуэй. Сыновей Мао берет на воспитание ее мать.

Декабрь — Мао провоцирует «Футяньский инцидент».

1930, конец — 1931, начало — войска Мао отражают первый карательный поход Чан Кайши против ЦСР.

1931, январь — на новом расширенном пленуме ЦК в Шанхае представитель Коминтерна Павел Миф реорганизует руководящие органы партии. Но Мао переизбирают кандидатом в члены Политбюро.

Конец февраля — сыновья Мао переезжают в Шанхай. Через три месяца от дизентерии умирает Аньлун, а через год старшие сыновья оказываются на улице. В течение четырех лет они нищенствуют, после чего их отправляют в интердетдом в СССР.

Март — Мао перебазирует учреждения Центрального советского района в юго-восточную Цзянси, в район города Жуйцзиня.

Апрель — май — войска Мао отражают второй карательный поход Чан Кайши против ЦСР.

Июль — сентябрь — войска Мао отражают третий карательный поход Чан Кайши против ЦСР.

18 сентября — японская Квантунская армия начинает оккупацию Маньчжурии.

7—20 ноября — руководит I Всекитайским съездом советов в Жуйцзине. Избран председателем ЦИК и главой Совнаркома Китайской Советской Республики.

1931–1932 — вновь подвергается целенаправленной критике со стороны ЦК КПК, которую опять-таки не принимает. Лишается всех постов в Красной армии.

1932, февраль — март — Красная армия отражает четвертый карательный поход Чан Кайши против ЦСР.

15 апреля — советское правительство Китая объявляет войну Японии.

Начало ноября — рождение пятого ребенка, сына Аньхуна.

1933, конец января — руководство ЦК КПК переезжает в Центральный советский район. Борьба вождей партии против Мао обостряется.

1933, сентябрь — 1934, октябрь — Красная армия борется против пятого карательного похода Чан Кайши против ЦСР.

Поздняя осень — рождение шестого ребенка, сына, который скоро умирает.

1934, 15–18 января — по настоянию Москвы переведен из кандидатов в члены Политбюро на очередном расширенном пленуме ЦК КПК.

22 января — 1 февраля — участвует в работе II Всекитайского съезда советов. Переизбран председателем ЦИК Китайской Советской Республики, но снят с поста главы Совнаркома.

Октябрь — вместе с войсками Красной армии уходит в Великий поход. Хэ Цзычжэнь, сопровождающая его, оставляет Аньхуна своей сестре, с тем чтобы та отдала его в крестьянскую семью.

Ноябрь — советский китаевед Г. Б. Эренбург публикует первый очерк о Мао в журнале «За рубежом».

1935, 15–17 января — присутствует на расширенном совещании Политбюро в Цзуньи. Критикует партийное и армейское руководство. Кооптирован в состав Постоянного комитета Политбюро и назначен помощником генерального политкомиссара Красной армии.

Февраль — рождение седьмого ребенка, дочери. Хэ Цзычжэнь оставляет ее в пустой крестьянской хижине.

4 марта — назначен фронтовым политкомиссаром Красной армии.

25 июня — отряды Мао соединяются с войсками 4-го фронта

Красной армии. Великий поход продолжается.

Июль — август — в Москве проходит VII конгресс Коммунистического Интернационала, на котором принимается курс на образование нового, антияпонского, единого фронта в Китае. Коминтерн раздувает культ личности Мао.

1935, сентябрь — 1936, ноябрь — раскол с Чжан Готао, образовавшим второй ЦК КПК.

Октябрь — завершение Великого похода. Мао начинает строительство советского района на севере Шэньси.

Ноябрь — назначен председателем Северо-Западного реввоенсовета, высшего военно-политического органа, призванного осуществлять верховный контроль над советским районом северной Шэньси.

1936, июль — дает интервью американскому журналисту Э. Сноу, который через год публикует его автобиографию в своей книге «Красная звезда над Китаем».

12 декабря — «Сианьский инцидент».

1937, январь — рождение восьмого ребенка, дочери Цзяоцзяо (Ли Минь).

7 июля — Япония начинает широкомасштабную войну против Китая.

22–23 сентября — оформление нового единого фронта с Гоминьданом.

Осень — Хэ Цзычжэнь бросает Мао и уезжает из Яньани в Сиань, а затем в Москву. Части Красной армии, переименованные через полтора месяца после начала войны в 8-ю полевую армию, переходят линию фронта для ведения партизанских действий в тылу японских войск.

1938, 6 апреля — рождение девятого ребенка, сына Лёвы, который умирает через девять месяцев от воспаления легких. Через три года Мао отправляет к Хэ Цзычжэнь в Москву дочь Цзяоцзяо.

Июль — Генеральный секретарь Исполкома Коминтерна Г. Димитров передает в ЦК КПК решение Москвы признать вождем китайского народа Мао Цзэдуна. Коминтерн обязывает китайских коммунистов сплотиться вокруг Мао.

1939, 19 ноября — женится на бывшей шанхайской актрисе Лань Пин (Цзян Цин) (род. март 1914 г.).

1939, декабрь — 1940, январь — формулирует теорию «новой демократии».

1940, 3 августа — рождение десятого ребенка, дочери Ли На.

1941, 22 июня — нацистская Германия нападает на Советский Союз.

Сентябрь — по инициативе Мао Секретариат ЦК КПК

принимает решение организовать серьезное исследование проблем истории партии.

7 (8) декабря — Япония нападает на Соединенные Штаты.

1942, февраль — начинает широкомасштабную «чистку» партии *(чжэнфэн)*.

1944, 21 мая — 1945, 20 апреля — проводит 7-й расширенный пленум ЦК, который принимает «Решение по некоторым вопросам истории».

23 апреля — 11 июня — руководит заседаниями VII съезда в Яньани. Выступает с докладом «О коалиционном правительстве». Съезд принимает новый устав партии, в котором говорится, что КПК считает «идеи Мао Цзэдуна» путеводной звездой во всей своей работе. Избран членом ЦК, а на 1-м после съезда пленуме — Председателем ЦК, Политбюро и Секретариата ЦК.

Конец июля — Мао в Яньани начинает переговоры с представителями американского правительства (членами миссии «Дикси»).

14 (15) августа — Япония капитулирует.

23 августа — избран председателем вновь образованного Военного совета ЦК.

Конец августа — середина октября — ведет мирные переговоры с Чан Кайши и другими деятелями Гоминьдана в Чунцине.

1946, 7 января — сын Аньин возвращается из Советского Союза.

Июнь — начало новой гражданской войны с Гоминьданом.

1947, май — сын Аньцин и дочь Цзяоцзяо вместе с Хэ Цзычжэнь возвращаются из Советского Союза.

1948, май — перебазируется в деревню Сибайпо провинции Хэбэй. Вскоре войска коммунистов, за год до того переименованные в Народно-освободительную армию Китая, переходят в наступление.

1949, 31 января — войска НОАК входят в Бэйпин (Пекин).

Апрель — май — войска НОАК берут Нанкин и Шанхай.

30 сентября — избран Председателем Центрального народного правительства.

1 октября — провозглашает Китайскую Народную Республику.

1949, 16 декабря — 1950, 17 февраля — посещает Советский Союз с официальным визитом. Ведет переговоры со Сталиным. Заключает договор с СССР о дружбе, союзе и взаимной помощи.

1950, июнь — начало «новодемократической» аграрной реформы.

19 октября — посылает войска НОАК в Корею для участия в

войне против сил ООН.

25 ноября — сын Аньин погибает в Корее в результате налета американской авиации.

1951–1952 — развертывает движение за идеологическое перевоспитание интеллигенции и кампанию против «трех» и «пяти» злоупотреблений.

1953, январь — начало реализации первого пятилетнего плана.

5 марта — умирает Сталин.

Лето — формулирует генеральную линию партии на строительство социализма по советскому образцу.

1953–1954 — фабрикует «дело Гао Гана — Жао Шуши».

1954–1955 — инициирует новые идеологические кампании (критики Юй Пинбо, Ху Ши и Ху Фэна) и «дело» врачей.

1954, 15–28 сентября — руководит заседаниями 1-й сессии Всекитайского собрания народных представителей, на которой принимается Конституция КНР. Избирается Председателем Китайской Народной Республики.

29 сентября — 12 октября — принимает партийно-правительственную делегацию СССР во главе с Н. С. Хрущевым.

1955, октябрь — на расширенном пленуме ЦК КПК инициирует программу ускоренной коллективизации.

1955–1956 — социалистические преобразования промышленности и торговли.

1956, 25 февраля — на закрытом заседании XX съезда Коммунистической партии Советского Союза Хрущев осуждает культ личности Сталина. Мао выражает сдержанную поддержку позиции Хрущева. После этого «Жэньминь жибао» публикует статью «Об историческом опыте диктатуры пролетариата» с критикой культа личности.

24 апреля — выступает на расширенном заседании Политбюро с докладом «О десяти важнейших взаимоотношениях», в котором обосновывает новый курс КПК в деле социалистического строительства, отличный от советской модели.

15–27 сентября — принимает участие в VIII съезде КПК. Съезд удаляет из устава партии положение о том, что путеводной звездой китайской компартии являются «идеи Мао Цзэдуна». Переизбирается членом ЦК, а на 1-м после съезда пленуме ЦК — Председателем ЦК КПК.

Октябрь — ноябрь — в связи с событиями в Польше и Венгрии выражает недовольство осуждением в СССР культа личности Сталина. Через месяц «Жэньминь жибао» публикует статью «Еще раз к вопросу об историческом опыте диктатуры

пролетариата», где критика культа личности смягчена.

1957, 27 февраля — выступает на расширенном заседании Верховного государственного совещания с речью «О правильном разрешении противоречий внутри народа», в которой призывает начать кампанию «Пусть расцветают сто цветов, пусть соперничают сто школ».

8 июня — свертывает кампанию «Пусть расцветают сто цветов, пусть соперничают сто школ». Ужесточает идеологический террор под лозунгом борьбы против «правых буржуазных элементов».

Октябрь — на пленуме ЦК КПК призывает начать новую кампанию — против «четырех зол»: крыс, комаров, мух и воробьев.

2—21 ноября — посещает Советский Союз по случаю празднования 40-й годовщины Октябрьской революции. Принимает участие в совещаниях представителей коммунистических и рабочих партий и руководителей компартий социалистических стран.

1958, 18 февраля — на расширенном заседании Политбюро объявляет курс «больше, быстрее, лучше, экономнее» новой генеральной линией партии в социалистическом строительстве. Через три месяца 2-я сессия VIII съезда КПК утверждает этот курс. Начинается «большой скачок».

Апрель — создание первой сельскохозяйственной коммуны.

Ноябрь — декабрь — подает прошение пленуму ЦК КПК о своей отставке с поста Председателя КНР. Через четыре месяца его просьба, получившая одобрение пленума, утверждается ВСНП. Его место занимает Лю Шаоци.

31 июля — 3 августа — ведет переговоры с Н. С. Хрущевым в Пекине. Нарастание напряженности в китайско-советских отношениях.

Конец августа — отдает приказ начать артиллерийский обстрел прибрежных островов Цзиньмэнь и Мацзу в Тайваньском проливе, принадлежащих гоминьдановцам.

Зима — начало массового голода, вызванного «большим скачком».

1959, 20 июня — Хрущев аннулирует соглашение о предоставлении Китаю технологии производства ядерного оружия.

2 июля — 16 августа — руководит Лушаньским расширенным пленумом ЦК КПК. Развертывает кампанию против Пэн Дэхуая и его сторонников, выступивших с критикой результатов «большого скачка».

Конец августа — вооруженный конфликт на китайско-

индийской границе.

30 сентября — 3 августа — ведет переговоры с Н. С. Хрущевым в Пекине. Дальнейшее обострение китайско-советских отношений.

1960, апрель — китайская печать публикует статьи с критикой внешней политики КПСС. Начало публичной полемики между КПК и КПСС.

Июль — Хрущев отзывает советских специалистов из Китая.

Лето — свертывание политики «большого скачка».

1961, весна — Мао уходит на «вторую линию», отдавая повседневное руководство ЦК «умеренному» Лю Шаоци, осуществляющему программу «урегулирования». Объявляет Лю Шаоци своим преемником.

1962, январь — февраль — на расширенном совещании ЦК с участием семи тысяч кадровых работников в Пекине политику Мао подвергают критике. Выступает с самокритикой.

Июль — возвращается на «первую линию» и разворачивает борьбу с «умеренными» в партии.

Осень — инициирует кампанию *«фань сю, фан сю»* («бороться против внешнего ревизионизма, не допускать внутреннего ревизионизма») и массовое движение за «социалистическое воспитание».

1963, 5 марта — призывает всех учиться у бойца НОАК Лэй Фэна, а затем — вообще у Народно-освободительной армии Китая.

1964, январь — Главпур НОАК издает цитатник Мао Цзэдуна. Через три месяца выходит новое, дополненное, издание маленькой красной книжечки.

14 октября — Хрущева отстраняют от власти на пленуме ЦК КПСС.

16 октября — Китай проводит успешное испытание ядерного оружия.

1965, февраль — поручает Цзян Цин организовать публикацию статьи с критикой пьесы драматурга и заместителя мэра Пекина У Ханя «Разжалование Хай Жуя».

10 ноября — шанхайская газета «Вэньхуэй бао» публикует критическую статью Яо Вэньюаня о пьесе У Ханя.

1966, 16 мая — по инициативе Мао расширенное заседание Политбюро от имени ЦК принимает текст специального сообщения всем парторганизациям страны, в котором призывает всю партию высоко держать знамя Великой пролетарской культурной революции. Борьба с «умеренными» перерастает в массовое движение.

25 мая — в Пекинском университете вывешивается первая

дацзыбао (газета больших иероглифов), направленная против партийных руководителей. Мао требует огласить ее в средствах массовой информации.

29 мая — в средней школе при Пекинском техническом университете Цинхуа создается организация *«Хунвэйбин»* («Красные охранники»). Мао приветствует это, после чего в стране разворачивается хунвэйбиновское движение.

5 августа — пишет свою *дацзыбао* «Огонь по штабу!», направляя удар хунвэйбинов на «умеренных» в высшем руководстве партии.

Август — ноябрь — приветствует парады хунвэйбинов на площади Тяньаньмэнь.

Декабрь — начинаются демонстрации против Лю Шаоци и Дэн Сяопина, проводятся аресты среди высших руководителей и бывших «оппозиционеров».

1967, январь — хунвэйбины и цзаофани («бунтари») Шанхая берут штурмом здание городского комитета партии. В стране начинается создание новых органов власти — «революционных комитетов».

Февраль — группа членов Политбюро выступает против январских событий и «культурной революции» вообще. Мао перестает созывать заседания Политбюро.

1968, 3 июля — требует незамедлительно прекратить хунвэйбиновский беспредел. Через два месяца НОАК наводит порядок. Миллионы обманутых молодых людей депортируются в сельскую местность, в лагеря трудового перевоспитания.

Октябрь — расширенный пленум ЦК исключает Лю Шаоци «навсегда» из партии.

1969, 2 и 14–15 марта — вооруженные конфликты на острове Даманский (Чжэньбао) между советскими и китайскими пограничниками.

1–24 апреля — руководит работой IX съезда КПК, объявившего «идеи Мао Цзэдуна» теоретической основой партии. Переизбран членом ЦК, а на 1-м после съезда пленуме ЦК — Председателем ЦК КПК. Провозглашение Линь Бяо преемником Мао.

12 ноября — умирает Лю Шаоци.

1970, 23 августа — 6 сентября — проводит новый Лушаньский пленум ЦК КПК. Под влиянием Цзян Цин обрушивается с критикой на Чэнь Бода, нанося, по сути дела, удар по Линь Бяо и его подчиненным.

Октябрь — сын Линь Бяо, чувствуя опасность, нависшую над отцом, вместе с несколькими ближайшими товарищами формирует тайную группу «Объединенный флот».

1971, март — один из членов группы «Объединенный флот» разрабатывает несколько вариантов покушения на Мао Цзэдуна, излагая их в черновой записке. Сын Линь Бяо дает название документу — «Тезисы проекта 571».

14 августа — отправляется в поездку по стране, в ходе которой резко критикует Линь Бяо и близких к нему людей.

12 сентября — возвращается в Пекин. Жена и сын Линь Бяо, опасаясь гнева Мао, уговаривают Линя бежать из страны.

13 сентября — самолет с Линь Бяо, его женой и сыном терпит аварию на территории МНР. Все пассажиры погибают.

Осень — Мао серьезно заболевает. Врачи выявляют у него легочно-сердечную недостаточность.

1972, 21 января — назначает своим преемником Чжоу Эньлая.

21 февраля — принимает Р. Никсона, прибывшего в КНР с официальным визитом, и беседует с ним на «философские темы» в течение 65 минут.

28 февраля — в Шанхае опубликовано совместное китайско-американское коммюнике, ознаменовавшее нормализацию отношений между двумя странами.

25 октября — КНР становится членом ООН.

Декабрь — Чжоу Эньлай заболевает раком. Мао назначает преемником Ван Хунвэня.

1973, 10 марта — реабилитирует Дэн Сяопина и назначает его заместителем премьера Госсовета.

24–28 августа — руководит X съездом партии. Переизбран членом ЦК, а на 1-м после съезда пленуме ЦК — Председателем ЦК КПК.

1974, январь — начинается движение критики Линь Бяо и Конфуция. Мао теряет зрение из-за катаракты на обоих глазах.

Февраль — формулирует теорию «трех миров».

Лето — врачи выявляют у Мао симптомы болезни Лу Герига (боковой амиотрофический склероз).

1975, январь — по предложению Мао пленум ЦК КПК избирает Дэн Сяопина одним из заместителей Председателя ЦК и членом Постоянного комитета Политбюро. После этого сессия ВСНП утверждает Дэна первым заместителем премьера.

Середина августа — Мао успешно проводят операцию на правом глазу. Он начинает немного видеть.

25 августа — критикует классический роман «Речные заводи», что дает начало кампании борьбы против апологии «капитулянтства», якобы содержащейся в этом произведении.

Ноябрь — инициирует движение «критики Дэн Сяопина и борьбы с правоуклонистским поветрием пересмотра правильных оргвыводов». Дэна отстраняют от большинства обязанностей.

1976, 8 января — умирает Чжоу Эньлай.

Январь — назначает Хуа Гофэна исполняющим обязанности премьера и поручает ему руководить повседневной работой ЦК.

19 марта — 5 апреля — демонстрации и митинги на площади Тяньаньмэнь. Граждане Китая выражают скорбь по поводу кончины Чжоу Эньлая. Политбюро бросает против митингующих полицию и разгоняет их. Мао поддерживает подавление «контрреволюционного мятежа».

7 апреля — назначает Хуа Гофэна первым заместителем Председателя ЦК и премьером Госсовета. Тем же приказом снимает Дэн Сяопина со всех должностей, возлагая на него ответственность за события на площади Тяньаньмэнь.

30 апреля — пишет Хуа Гофэну: «Иди медленно, не волнуйся. Следуй прежнему курсу. Когда ты делаешь дело, я спокоен». Тем самым фактически объявляет его своим новым преемником.

11 мая — у Мао происходит инфаркт.

26 июня — *у* Мао происходит второй инфаркт, очень обширный.

6 июля — умирает Чжу Дэ.

28 июля — землетрясение в Таншани, недалеко от Пекина.

2 сентября — у Мао происходит третий инфаркт, еще более серьезный.

8 сентября, 23.15 — *у* Мао наступает кома.

9 сентября, 00.10 — Мао умирает.

ПРИМЕЧАНИЯ

ПРОЛОГ

[1] *Эренбург Г.* Мао Цзэдун // За рубежом. 1934. № 31 (63). С. 15.

[2] См.: *Fairbank John King.* The United States and China. Cambridge, Mass., 1948; *Schwartz Benjamin I.* Chinese Communism and the Rise of Mao. Cambridge, Mass., 1951; *Brandt Conrad, Schwartz Benjamin and Fairbank John K.* A Documentary History of Chinese Communism. Cambridge, Mass., 1952; *North Robert C.* Moscow and Chinese Communists. Stanford, Calif, 1953.

[3] *Хрущев Н. С.* Время. Люди. Власть: Воспоминания. В 4 кн. М., 1999. Кн. 3. С. 23.

[4] См.: *Верещагин Б. Н.* В старом и новом Китае. Из воспоминаний дипломата. М., 1999. С. 123; Мао Цзэдун о Коминтерне и политике Сталина в Китае // Проблемы Дальнего Востока. 1994. № 5. С. 107; Brothers in Arms. The Rise and Fall of the Sino-Soviet Alliance. 1945–1963. Stanford, Calif, 1998. P. 338–339, 340, 348, 350, 354–355; *Li Zhisui.* The Private Life of Chairman Mao: The Memoirs of Mao's Personal Physician. New York, 1994. P. 117.

Часть I
«ОБЛАГОДЕТЕЛЬСТВУЮЩИЙ ВОСТОК»

[1] См.: Мао Цзэдун чжуань (1893–1949) (Биография Мао Цзэдуна [1893–1949]). Пекин, 2004. С. 1.

[2] Там же; *Ма Шэсян.* Хунсэ дии цзяцзу (Первый красный род). Пекин, 2004. С. 4–5; Мао Цзэдун шэнхо данъань (Архив о жизни Мао Цзэдуна). Т. 1. Пекин, 1999. С. 60.

[3] *Short Philip.* Mao. A Life. New York, 1999. P. 23.

[4] *Ли Минь.* Мой отец Мао Цзэдун. Пекин, 2004. С. 87.

[5] См.: Анкетный лист на Мао Цзэдуна, заполненный его братом Мао Цзэминем в Москве 28 декабря 1939 года // Российский государственный архив социально-политической истории (здесь и далее — РГАСПИ). Ф. 495. Д. 225. Оп. 71. Т. 1. Л. 265.

[6] См.: Мао Цзэдун чжуань (1893–1949). С. 2.

[7] *Snow Edgar.* Red Star over China. London, 1937. P. 131.

[8] *Переломов Л. С.* Конфуций. «Лунь юй». М., 1998. С. 300.

[9] *Ли Минь.* Мой отец Мао Цзэдун. С. 89.

[10] Там же. С. 90.

[11] Там же. С. 89.

[12] *Snow Edgar.* Red Star over China. P. 126.

[13] Ibid. 4. 4 («Генезис коммуниста»). P. 125–180.

[14] Ibid. P. 127–129.

[15] *Маркс К.* Капитал. Критика политической экономии. Т. 1. Кн. 1. Процесс производства капитала // *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 23. М., 1960. С. 78.

[16] Подробнее см.: *Панцов А. В.* Из истории идейной борьбы в китайском революционном движении 20–40-х годов. М., 1985. С. 12–25.

[17] Цифровые данные см.: *Гельбрас В. Г.* Социально-политическая структура КНР. 50-60-е годы. М., 1980. С. 27, 33–34, 38.

[18] Цит. по: *Chang Kuo-t'ao.* The Rise of the Chinese Communist Party 1921–1927. Volume One of Autobiography of Chang Kuo-t'ao. Lawrence, KS, 1972. P. 19–20.

[19] Цит. по: *Snow Edgar.* Red Star over China. P. 131–132.

[20] Ibid. P. 132–133.

[21] Ibid. P. 132.

[22] Ibid. P. 130.

[23] Ibid. P. 129.

[24] Ibid.

[25] *Ли Минь.* Мой отец Мао Цзэдун. С. 91.

[26] Там же. С. 92.

[27] См.: *Чжэн Гуаньин.* Шэньши вэйянь (Предупреждение об опасностях, угрожающих в цветущее время). В 2 т. Тайбэй, 1965.

[28] *Snow Edgar.* Red Star over China. P. 135.

[29] Ibid. P. 145.

[30] См.: *Ма Шэсян.* Хунсэ дии цзяцзу. С. 10–11.

[31] См.: Мао Цзэдун няньпу. 1893–1949 (Хронологическая биография Мао Цзэдуна. 1893–1949). Т. 1. Пекин, 2002. С. 6.

[32] *Snow Edgar.* Red Star over China. P. 133.

[33] См.: *Short Philip.* Mao. A Life. P. 29, 649.

[34] См.: *Ма Шэсян.* Хунсэ дии цзяцзу. С. 11.

[35] См.: *Ли Минь.* Мой отец Мао Цзэдун. С. 94.

[36] Мао Цзэдун байкэ цюаньшу (Энциклопедия Мао Цзэдуна). Т. 5. Пекин, 2003. С. 2658.

[37] Mao's Road to Power. Revolutionary Writings 1912–1949. Vol. 1. Armonk, NY and London, 1992. P. 60.

[38] Цит. по: *Snow Edgar.* Red Star over China. P. 134.

[39] Ibid. P. 135; Личное дело Мао Цзэдуна // РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 225. Д. 71. Т. 1. Л. 290–291.

[40] Цит. по: *Борох Л. Н.* Конфуцианство и европейская мысль на рубеже XIX–XX веков. Лян Цичао: теория обновления народа. М., 2001. С. 137.

[41] Цит. по: Мао Цзэдун няньпу. 1893–1949. Т. 1. С. 9.

[42] Цит. по: *Snow Edgar.* Red Star over China. P. 135.

[43] См., например, *Short Philip.* Mao. A Life. P. 38.

[44] См.: *Geil William Edgar.* Eighteen Capitals of China. Philadelphia and London, 1911. P. 273.

[45] Цит. по: *Snow Edgar.* Red Star over China. P. 136.

[46] *Hume Edward H.* Doctors East, Doctors West: An American Physician's Life in China. London, 1949. P. 35.

[47] Подробнее см.: *Esherick Joseph W.* Reform and Revolution in China: The 1911 Revolution in Hunan and Hubei. Berkeley, Calif, etc., 1976.

[48] Цит. по: *Snow Edgar.* Red Star over China. P. 136.

[49] Ibid. P. 204.

[50] См.: Мао Цзэдун няньпу. 1893–1949. Т. 1. С. 557–558; The China Quarterly. 1966. No. 27. P. 12.

[51] Цит. по: *Snow Edgar.* Red Star over China. P. 138.

[52] Первая половина моей жизни: Воспоминания Пу И — последнего императора Китая. М., 1968. С. 59.

[53] Цит. по: *Snow Edgar.* Red Star over China. P. 141.

[54] *Мао Цзэ-дун.* Избранные произведения. Т. 4. М., 1953. С. 128–129.

[55] Цит. по: *Hume Edward H.* Doctors East, Doctors West. P. 35–36.

[56] См.: Личное дело Мао Цзэдуна // РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 225. Д. 71. Т. 1. Л. 291.

[57] См.: *Siao-yu.* Mao Tse-tung and I were Beggars. Syracuse, 1959.

[58] Ibid. P. 31.

[59] Цит. по: *Эми Сяо.* Мао Цзэ-дун. Чжу Дэ (Вожди китайского народа). М., 1939. С. 7; Личное дело Мао Цзэдуна // РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 225. Д. 71. Т. 1. Л. 292.

[60] *Snow Edgar.* Red Star over China. P. 138, 143.

[61] Мао Цзэдун байкэ цюаньшу. Т. 1. С. 37.

[62] Цит. по: *Snow Edgar.* Red Star over China. P. 143.

[63] Mao's Road to Power. Vol. 1. P. 60.

[64] *Siao-yu.* Mao Tse-tung and I were Beggars. P. 47.

[65] См.: *Li Jui.* The Early Revolutionary Activities of Comrade Mao Tse-tung. White Planes, NY, 1977. P. 17.

[66] Цит. по: *Эми Сяо.* Мао Цзэ-дун. Чжу Дэ. С. 9; Личное дело Мао Цзэдуна // РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 225. Д. 71. Т. 1. Л. 293.

[67] Mao's Road to Power. Vol. 1. P. 487.

[68] Цит. по: *Li Jui.* The Early Revolutionary Activities of Comrade Mao Tse-tung. P. 17.

[69] Mao's Road to Power. Vol. 1. P. 181, 185, 187–189, 200, 211, 251, 255, 277.

[70] Ibid. P. 273.

[71] Ibid. P. 263–264.

[72] Ibid. P. 6.

[73] Цит. по: *Snow Edgar.* Red Star over China. P. 145.

[74] Цит. по: Личное дело Мао Цзэдуна // РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 225. Д. 71. Т. 1. Л. 293.

[75] *Li Jui.* The Early Revolutionary Activities of Comrade Mao Tse-tung. P. 18.

[76] Mao's Road to Power. Vol. 1. P. 113.

[77] Ibid. P. 120.

[78] *Snow Edgar.* Red Star over China. P. 143.

[79] *Chang Kuo-t'ao.* The Rise of the Chinese Communist Party. Vol. 1. P. 46.

[80] *Siao-yu.* Mao Tse-tung and I were Beggars. P. 161–164.

[81] См.: *Spence Jonathan D.* The Search for Modern China. 2nd ed. New York, 1999. P. 276.

[82] Мао Цзэдун няньпу. 1893–1949. Т. 1. С. 17.

[83] См.: *Hume Edward H.* Doctors East, Doctors West. P. 239.

[84] См.: *Li Jui.* The Early Revolutionary Activities of Comrade Mao Tse-tung. P. 47; Mao's Road to Power. Vol. 1. P. 95.

[85] См.: *Hume Edward H.* Doctors East, Doctors West. P. 241.

[86] См.: *Li Jui.* The Early Revolutionary Activities of Comrade Mao

Tse-tung. P. 47.

[87] Mao's Road to Power. Vol. 1. P. 94, 95.

[88] Ibid. P. 199, 241.

[89] Ibid. P. 250.

[90] Ibid. P. 139.

[91] Цит. по: Мао Цзэдун байкэ цюаньшу. Т. 5. С. 2662; *Schram Stuart.* Mao Tse-tung. Harmondsworth, 1974. P. 43.

[92] См.: Мао Цзэдун байкэ цюаньшу. Т. 5. С. 2663; *Ли Минь.* Мой отец Мао Цзэдун. С. 99.

[93] См.: *Snow Edgar.* Red Star over China. P. 144; Mao's Road to Power. Vol. 1. P. 81–82, 84; *Li Jui.* The Early Revolutionary Activities of Comrade Mao Tse-tung. P. 74.

[94] См.: Mao's Road to Power. Vol. 1. P. 84.

[95] Цит. по: *Snow Edgar.* Red Star over China. P. 144.

[96] См.: *Тан Чуньлян.* Ли Лисань чжуань (Биография Ли Лисаня). Харбин, 1984. С. 8.

[97] *Li Jui.* The Early Revolutionary Activities of Comrade Mao Tse-tung. P. 75.

[98] См.: Личное дело Мао Цзэдуна // РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 225. Д. 71. Т. 1. Л. 294.

[99] Цит. по: *Li Jui.* The Early Revolutionary Activities of Comrade Mao Tse-tung. P. 75.

[100] Цит. по: *Snow Edgar.* Red Star over China. P. 144–145.

[101] См.: Мао Цзэдун байкэ цюаньшу. Т. 5. С. 2661; *Li Jui.* The Early Revolutionary Activities of Comrade Mao Tse-tung. P. 52–53.

[102] См.: Мао Цзэдун байкэ цюаньшу. Т. 5. С. 2662.

[103] Там же.

[104] Mao's Road to Power. Vol. 1. P. 146.

[105] См.: Мао Цзэдун байкэ цюаньшу. Т. 5. С. 2662.

[106] Цит. по: *Payne Robert.* Portrait of a Revolutionary: Mao Tse-tung. London, New York, Toronto, 1961. P. 54.

[107] См.: *Li Jui.* The Early Revolutionary Activities of Comrade Mao Tse-tung. P. 50–51; *Schram Stuart.* Mao Tse-tung. P. 43.

[108] См.: *Li Jui.* The Early Revolutionary Activities of Comrade Mao Tse-tung. P. 48.

[109] Цит. по: *Payne Robert.* Portrait of a Revolutionary: Mao Tse-tung. P. 54.

[110] См.: *Snow Edgar.* Red Star over China. P. 147.

[111] См.: *Payne Robert.* Portrait of a Revolutionary: Mao Tse-tung. P. 53.

[112] Цит. по: *Snow Edgar.* Red Star over China. P. 145.

[113] См.: Мао Цзэдун няньпу. 1893–1949. Т. 1. С. 40.

[114] Mao's Road to Power. Revolutionary Writings 1912–1949. Vol. 2. Armonk, NY and London, 1994. P. 20.

[115] См.: *Ли Минь.* Мой отец Мао Цзэдун. С. 97; *Li Jui.* The Early Revolutionary Activities of Comrade Mao Tse-tung. P. 71–72.

[116] См.: Личное дело Мао Цзэдуна // РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 225. Д. 71. Т. 1. Л. 298.

[117] Цит. по: *Чжоу Шичжао и др.* «Усы» юньдун цзай Хунань (Движение «4-го мая» в Хунани). Чанша, 1959. С. 38.

[118] Mao's Road to Power. Vol. 2. P. 20.

[119] См.: Личное дело Мао Цзэдуна // РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 225. Д. 71. Т. 1. Л. 295.

[120] См.: *Snow Edgar.* Red Star over China. P. 145–146.

[121] Mao's Road to Power. Vol. 2. P. 146.

[122] См.: *Ли Вэйхань.* Хуэйи юй яньцзю (Воспоминания и исследования). Т. 1. Пекин, 1986. С. 3.

[123] Там же.

[124] См.: Личное дело Мао Цзэдуна // РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 225. Д. 71. Т. 1. Л. 295.

[125] Цит. по: *Snow Edgar.* Red Star over China. P. 146.

[126] См.: *Ли Минь.* Мой отец Мао Цзэдун. С. 99.

[127] См.: Mao's Road to Power. Vol. 1. P. 450.

[128] Цит. по: *Li Jui* Early Revolutionary Activities of Comrade Mao Tse-tung. P. 78.

[129] *Мао Цзэдун.* Чанша. Циньюань чунь (Чанша. На мотив «Весны в саду принцессы Цинь Шуи») // Мао чжуси шицы (Стихотворения Председателя Мао). Пекин, 1976. С. 1–2.

[130] Mao's Road to Power. Vol. 2. P. 21.

[131] См.: *Siao-yu.* Mao Tse-tung and I were Beggars. P. 207.

[132] Ibid. P. 202–208.

[133] Подробнее см.: *Спичак Д. А.* Китайцы во Франции (рукопись). С. 9–12.

[134] Там же. С. 13–14.

[135] Там же. С. 23–24.

[136] Там же. С. 23.

[137] Мао Цзэдун няньпу. 1893–1949. Т. 1. С. 37; Mao's Road to Power. Vol. 2. P. 23.

[138] Mao's Road to Power. Vol. 1. P. 174.

[139] См.: *Siao-yu.* Mao Tse-tung and I were Beggars. P. 208–209.

[140] См.: Мао Цзэдун няньпу. 1893–1949. Т. 1. С. 38.

Часть II
ЧТО ДЕЛАТЬ?

[1] См.: *Siao-yu.* Mao Tse-tung and I were Beggars. P. 210.

[2] См.: Мао Цзэдун байкэ цюаньшу. Т. 1. С. 25, 36.

[3] См.: *Ма Шэсян.* Хунсэ дии цзяцзу. С. 17–18.

[4] См. там же. С. 30.

[5] См.: *Siao-yu.* Mao Tse-tung and I were Beggars. P. 51.

[6] Ibid. P. 50.

[7] Ibid. P. 318.

[8] Цит. по: *Ма Шэсян.* Хунсэ дии цзяцзу. С. 22.

[9] Цит. по: *Snow Edgar.* Red Star over China. P. 148.

[10] Mao's Road to Power. Vol. 2. P. 23; *Snow Edgar.* Red Star over China. P. 149.

[11] См.: *Siao-yu.* Mao Tse-tung and I were Beggars. P. 210.

[12] Цит. по: *Snow Edgar.* Red Star over China. P. 149.

[13] См.: *Strand David.* Rickshaw Beijing. City People and Politics in the 1920s. Berkeley, Calif., etc., 1989. P. 13.

[14] *Chang Kuo-t'ao.* The Rise of the Chinese Communist Party. Vol. 1. P 39, 38.

[15]'cm.: *Lamotte Ellen N.* Peking Dust. New York, 1920. P. 20.

[16] См.: *Strand David.* Rickshaw Beijing. P. 20–21, 29; *Snow Edgar.* Red Star over China. P. 148.

[17] См.: *Strand David.* Rickshaw Beijing. P. 21.

[18] Ibid. P. 17–22; *Chang Kuo-t'ao.* The Rise of the Chinese Communist Party. Vol. 1. P. 39.

[19] *Snow Edgar.* Red Star over China. P. 149.

[20] *Gal William Edgar.* Eighteen Capitals of China. P. 404, 421.

[21] *Lamotte Ellen N.* Peking Dust. P. 15–16.

[22] Цит. по: Новая история Китая. М.(1972. С. 355.

[23] См.: *Chang Kuo-t'ao.* The Rise of the Chinese Communist Party. Vol. 1. P. 42.

[24] О Ли Дачжао см.: *Хань Идэ и др.* Ли Дачжао шэнпин цзинянь (Биографическая хроника Ли Дачжао). Харбин, 1987; Ли Дачжао чжуань (Биография Ли Дачжао). Пекин, 1979; Ли Дачжао гуцзюй (Место рождения Ли Дачжао). Шицзячжуан, 1996; Ли Дачжао цзиняньгуань (Музей Ли Дачжао). Шицзячжуан, 1999; *Meisner Maurice.* Li Ta-chao and the Origins of Chinese Marxism. New York, 1979.

[25] См.: *Chang Kuo-t'ao.* The Rise of the Chinese Communist Party. Vol. 1. P. 90, 265, 335.

[26] См.: *Snow Edgar.* Red Star over China. P. 148.

[27] См.: Mao's Road to Power. Vol. 1. P. 317.

[28] Цит. по: Макэсы, Эньгэсы чжуцзо чжуньивэнь цзунлу (Каталог китайских переводов работ Маркса и Энгельса). Пекин, 1988. С. 1119.

[29] Там же. С. 1120–1121.

[30] Подробнее см.: *Борох Л. Н.* Общественная мысль Китая и социализм (начало XX в.). М., 1984; *Персиц, М. А.* О подготовительном этапе коммунистического движения в Азии // Революционный процесс на Востоке. История и современность. М., 1982. С. 38–76; *Bernal Martin.* Chinese Socialism to 1907. Ithaca, 1976.

[31] *Мао Цзэдун.* «Цида» гунцзо фанчжэнь (Курс работы VII съезда) // Хунци (Красное знамя). 1981. № 11. С. 4.

[32] См.: 77 Conversations Between Chinese and Foreign Leaders on the Wars in Indochina, 1964–1977 // Cold War International History Project (hereafter CWIHP) Working Paper No. 22 (May 1998). P. 70.

[33] *Ли Дачжао.* Избранные произведения. М., 1989. С. 147.

[34] Там же. С. 155–156, 158–161.

[35] См.: *Хань Идэ и др.* Ли Дачжао шэнпин цзинянь. С. 59.

[36] См.: там же.

[37] См.: Мао Цзэдун байкэ цюаньшу. Т. 5. С. 2662.

[38] Миньго жибао. 1917. 19 мая.

[39] *Ли Дачжао.* Избранные произведения. С. 164.

[40] См.: Мао Цзэдун байкэ цюаньшу. Т. 5. С. 2664.

[41] Цит. по: *Snow Edgar.* Red Star over China. P. 149.

[42] Ibid. P. 151.

[43] Mao's Road to Power. Vol. 1. P. 139.

[44] О Чэнь Дусю см.: *Feigon Lee.* Chen Duxiu. Founder of the Chinese Communist Party. Princeton, NJ, 1983.

[45] См.: *Chang Kuo-t'ao.* The Rise of the Chinese Communist Party. Vol. 1. P. 99.

[46] Mao's Road to Power. Vol. 1. P. 329.

[47] Чэнь Дусю вэньчжан сюаньбянь (Избранные статьи Чэнь Дусю). Т. 1. Пекин, 1984. С. 170.

[48] См.: *Ли Дачжао.* Избранные произведения. С. 192; *Feigon Lee.* Chen Duxiu. P. 142; *Chang Kuo-t'ao.* The Rise of the Chinese Communist Party. Vol. 1. P. 90, 110, 694.

[49] См.: Личное дело Мао Цзэдуна // РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 225. Д. 71. Т. 1. Л. 296.

[50] Цит. по: *Snow Edgar.* Red Star over China. P. 149.

[51] Mao's Road to Power. Vol. 1. P. 380.

[52] См.: *Спичак Д. А.* Китайцы во Франции (рукопись). С. 23–24; *Ло Шаочжи.* Цай му Гэ Цзяньхао (Матушка Цай, Гэ Цзяньхао) // Чжун-гундан ши жэньу чжуань (Биографии деятелей истории

КПК). Т. 6. Сиань, 1982. С. 47–57.

[53] Цит. по: *Snow Edgar.* Red Star over China. P. 148.

[54] Ibid. P. 150.

[55] Mao's Road to Power. Vol. 1. P. 85.

[56] Цит. по: *Snow Edgar.* Red Star over China. P. 148.

[57] См.: Mao's Road to Power. Vol. 1. P. 148.

[58] См.: *Schram Stuart.* Mao Tse-tung. P. 48.

[59] *Snow Edgar.* Red Star over China. P. 149.

[60] Mao's Road to Power. Vol. 1. P. 317.

[61] См.: *Ло Шаочжи и др.* Цай Хэсэнь // Чжунгундан ши жэньу чжуань. Т. 6. С. 11.

[62] Mao's Road to Power. Vol. 1. P. 317.

[63] Ibid. P. 147.

[64] Ibid. P. 420; Мао Цзэдун няньпу. 1893–1949. Т. 1. С. 46.

[65] См.: Мао Цзэдун няньпу. 1893–1949. Т. 1. С. 52.

[66] См.: *Чжоу Шичжао и др.* «Усы» юньдун цзай Хунань. С. 9.

[67] См.: Движение 4 мая 1919 года в Китае: Документы и материалы. М., 1969. С. 41.

[68] Там же. С. 45.

[69] Там же. С. 50–51.

[70] Там же. С. 54–55.

[71] *Цюй Цюбо.* Очерки и статьи. М., 1959. С. 40.

[72] См.: Движение 4 мая 1919 года в Китае: Документы и материалы. С. 96.

[73] См.: там же. С. 107; Мао Цзэдун няньпу. 1893–1949. Т. 1. С. 41.

[74] Mao's Road to Power. Vol. 1. P. 211.

[75] Ibid. P. 24.

[76] См.: Мао Цзэдун няньпу. 1893–1949. Т. 1. С. 41.

[77] См.: Движение 4 мая 1919 года в Китае: Документы и материалы. С. 71–72, 90–91, 94, 348.

[78] Там же. С. 71, 84.

[79] Мао Цзэдун няньпу. 1893–1949. Т. 1. С. 42.

[80] *Янь Вэнь (Крымов А. Г.).* Воспоминание о «движении 4 мая» // Движение «4 мая» 1919 года в Китае. Сборник статей. М., 1971. С. 129.

[81] *Чжоу Шичжао и др.* «Усы» юньдун цзай Хунань. С. 13.

[82] Там же. С. 13; Мао Цзэдун няньпу. 1893–1949. Т. 1. С. 42.

[83] *Ленин В. И.* С чего начать? // *Ленин В. И.* Поли. собр. соч. Т. 5. М., 1959. С. 9.

[84] Mao's Road to Power. Vol. 1. P. 320.

[85] Ibid. P. 318, 319.

[86] Ibid. P. 329–330.

[87] Ibid. P. 332.

[88] Ibid. Vol. 2. P. 172.

[89] Усы шици цикань цзешао (Обзор печатных изданий период 4 мая). Т. 1. Пекин, 1979. С. 144, 547–549.

[90] *Чжоу Шичжао и др.* «Усы» юньдун цзай Хунань. С. 17.

[91] Mao's Road to Power. Vol. 1. P. 381.

[92] Ibid. P. 379–380, 386.

[93] Ibid. P. 319.

[94] Ibid. P. 450.

[95] Ibid. P. 452, 454.

[96] *Li Jui.* The Early Revolutionary Activities of Comrade Mao Tse-tung. P. xxix; *Short Philip.* Mao. A Life. P. 95; *Чжоу Шичжао и др.* «Усы» юньдун цзай Хунань. С. 15–16.

[97] Цит. по: *McDonald Jr. Angus W.* The Urban Origins of Rural Revolution. Elites and the Masses in Hunan Province, China, 1911–1927. Berkeley, Calif., etc., 1978. P. 106.

[98] *Чжоу Шичжао и др.* «Усы» юньдун цзай Хунань. С. 29.

[99] Mao's Road to Power. Vol. 1. P. 418.

[100] Цит. по: *Snow Edgar.* Red Star over China. P. 152.

[101] См.: *Чжоу Шичжао и др.* «Усы» юньдун цзай Хунань. С. 21.

[102] Mao's Road to Power. Vol. 1. P. 445.

[103] Ibid. P. 491; *Short Philip.* Mao. A Life. P. 115.

[104] Mao's Road to Power. Vol. 1. P. 422.

[105] См.: Мао Цзэдун няньпу. 1893–1949. Т. 1. С. 47.

[106] *Чжоу Шичжао и др.* «Усы» юньдун цзай Хунань. С. 29–30.

[107] См.: Мао Цзэдун няньпу. 1893–1949. Т. 1. С. 49.

[108] См.: там же; Мао Цзэдун гуанхуэй дичэн дитуцзи (Атлас славного исторического пути Мао Цзэдуна). Пекин, 2003. С. 18.

[109] См.: Личное дело Мао Цзэдуна // РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 225. Д. 71. Т. 1. Л. 297.

[110] См.: Mao's Road to Power. Vol. 1. P. 487.

[111] См.: Мао Цзэдун няньпу. 1893–1949. Т. 1. С. 76.

[112] Mao's Road to Power. Vol. 1. P. 492.

[113] Ibid. P. 491–495.

[114] Ibid. P. 488–489.

[115] Ibid. P. 476.

[116] Ibid. P. 473.

[117] Ibid. P. 496.

[118] Ibid. P. 518–519.

[119] Ibid. P. 522.

[120] Ibid. P. 519.

[121] Цит. по: *Snow Edgar.* Red Star over China. P. 153.

[122] См.: Мао Цзэдун няньпу. 1893–1949. Т. 1. С. 57; *Панцов А. В.* Тайная история советско-китайских отношений. Большевики и китайская революция (1919–1927). М., 2001. С. 56.

[123] Подробнее см.: *Feigon Lee.* Chen Duxiu. P. 138–146.

[124] См.: *Гарушянц Ю. М.* Движение 4 мая 1919 г. в Китае. М., 1959; Движение «4 мая» 1919 г. в Китае. Сборник статей; *Chow Tse-tsung.* The May Fourth Movement: Intellectual Revolution in Modern China. Cambridge, Mass., 1960.

[125] *Ли Дачжао.* Избранные произведения. С. 204.

[126] *Мао Цзэ-дун.* О диктатуре народной демократии. М., 1949. С. 5–6.

[127] См.: *Лосу (Рассел).* Ю Э ганьсян (Впечатления от поездки в Россию) // Синь циннянь (Новая молодежь). 1920. Т. 8. № 2. С. 1—12.

[128] См.: *Делюсин Л. П.* Спор о социализме. Из истории общественно-политической мысли Китая в начале 20-х годов. М., 1970. С. 31–34.

[129] См.: The Autobiography of Bertrand Russell. 1914–1944. Boston & Toronto, 1956. P. 185.

[130] Цит. по: Mao's Road to Power. Vol. 2. P. 8.

[131] Цит. по: The Autobiography of Bertrand Russell. P. 191, 192.

[132] Цит. по: Mao's Road to Power. Vol. 1. P. 505.

[133] Ibid. P. 518.

[134] Ibid. P. 505.

[135] Ibid. P. 506.

[136] Ibid. P. 534.

[137] Ibid. P. 519.

[138] Ibid.

[139] Ibid. P. 518; Vol. 2. P. 26.

[140] Ibid. Vol. 1. P. 605.

[141] См.: *Li Jul* The Early Revolutionary Activities of Comrade Mao Tse-tung. P. 134.

[142] См.: Mao's Road to Power. Vol. 1. P. 518.

[143] *Долин С А.* Китайские мемуары. 1921–1927. М., 1975. С. 63.

[144] *Sergeant Harriet.* Shanghai. London, 1991. P. 3.

[145] *Вишнякова-Акимова В. В.* Два года в восставшем Китае. 1925–1927: Воспоминания. М., 1965. С. 166, 170.

[146] См.: *Pan Ling.* In Search of Old Shanghai. Hong Kong, 1983. P. 19; *Wei Betty Peh-t'i.* Old Shanghai. Hong Kong, etc., 1993. P. 13, 14, 16; All About Shanghai and Environs. A Standard Guide Book. Historical and Contemporary Facts and Statistics. Shanghai, 1934; Цзиньдай Шанхай фаньхуалу (Бойкие записки о Шанхае в новое время). Сянган, 1993. С. 12.

[147] См.: *Li Jui.* The Early Revolutionary Activities of Comrade Mao Tse-tung. P. 134.

[148] См.: Mao's Road to Power. Vol. 1. P. 473, 514–516.

[149] Цит. по: *Snow Edgar.* Red Star over China. P. 152.

[150] См.: *Григорьев А. М.* Антиимпериалистическая программа китайских буржуазных революционеров (1895–1905). М., 1966. С. 65.

[151] Mao's Road to Power. Vol. 1. P. 501.

[152] Ibid. P. 599.

[153] Цит. по: *Титов А. С.* Материалы к политической биографии Мао Цзэ-дуна. Т. 1. М., 1969. С. 57.

[154] Mao's Road to Power. Vol. 1. P. 523.

[155] Ibid. P. 523, 526.

[156] Ibid. P. 511, 527, 529.

[157] Ibid. P. 545.

[158] Ibid. P. 572.

[159] См.: *Snow Edgar.* Red Star over China. P. 151.

[160] Ibid. P. 154.

[161] *Ленин В. И.* Седьмой экстренный съезд РКП(б) 6–8 марта 1918 г. Политический отчет Центрального комитета 7 марта // *Ленин В. И.* Поли. собр. соч. Т. 36. М., 1962. С. 11.

[162] См.: *Глунин В. И.* Григорий Войтинский (1893–1953) // Видные советские коммунисты — участники китайской революции. М., 1970. С. 66–67; *Панцов А. В.* Тайная история советско-китайских отношений. С. 406.

[163] См.: ВКП(б), Коминтерн и Китай. Документы. Т. 1. М., 1994. С. 48; История Коммунистической партии Китая. Т. 1. М., 1987. С. 48–49; *Chang Kuo-t'ao.* The Rise of the Chinese Communist Party. Vol. 1. P. 122–123.

[164] Mao's Road to Power. Vol. 1. P. 589.

[165] Ibid. P. 535.

[166] См.: Личное дело Мао Цзэдуна // РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 225. Д. 71. Т. 1. Л. 296–297.

[167] См.: Mao's Road to Power. Vol. 1. P. 583–584.

[168] *Шао Пяопин.* Синь Эгочжи яньцзю (Изучение новой России). Б.м., 1920.

[169] См.: Mao's Road to Power. Vol. 1. P. 534, 585–586, 589–591; Vol. 2. P. 48–49.

[170] См.: Мао Цзэдун няньпу. 1893–1949. Т. 1. С. 63.

[171] Mao's Road to Power. Vol. 1. P. 554–555.

[172] Ibid. P. 493–494, 506–507, 518.

[173] См.: *Цюу Лао-жэнь (Бао Хуэйсэн).* До и после образования Коммунистической партии Китая // Рабочий класс и современный мир. 1971. № 2. С. 120; Жэньминь жибао (Народная ежедневная газета). 1983. 14 августа; *Сяо Цзингуан.* Фу Су сюэси цяньхоу (До и после учебы в Стране Советов) // Гэмин ши цзыляо (Материалы по истории революции). Пекин, 1981. № 3. С. 6; *Klein*

Donald and Clark Anne. Biographic Dictionary of Chinese Communism. 1921–1969. Vol. 1. Cambridge, Mass., 1971. P. 241; Vol. 2. P. 982.

174 См.: *Сяо Цзингуан.* Фу Су сюэси цяньхоу. С. 6.

175 Mao's Road to Power. Vol. 1. P. 546–547.

176 Ibid. P. 536–537, 539–540, 575–576, 615.

177 См.: *Short Philip.* Mao. A Life. P. 108.

178 См.: Mao's Road to Power. Vol. 2. P. 16.

179 См.: Личное дело Мао Цзэдуна // РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 225. Д. 71. Т. 1. Л. 296–297.

180 Цит. по: *Snow Edgar.* Red Star over China. P. 152.

181 Mao's Road to Power. Vol. 2. P. 167.

182 Ibid. Vol. 1. P. 595.

183 Ibid.

184 Усы шицидэ шэтуань (Общества периода 4 мая). Т. 1. Пекин, 1979. С. 28–29.

185 См.: ВКП(б), Коминтерн и Китай. Документы. Т. 1. С. 30.

186 См.: *Шевелев К. В.* Из истории образования Коммунистической партии Китая. М., 1976. С. 63.

187 Mao's Road to Power. Vol. 1. P. 600.

188 Ibid.

189 Ibid. Vol. 2. P. 26–27.

190 *Ленин В. И.* Заявление редакции «Искры» // *Ленин В. И.* Поли, собр. соч. Т. 4. М., 1963. С. 358.

191 Mao's Road to Power. Vol. 2. P. 7.

192 Ibid. Vol. 1. P. 604.

193 Ibid. P. 611.

194 Ibid. Vol. 2. P. 8.

195 Ibid. P. 8–9.

196 Ibid. P. 11.

197 Ibid. Vol. 1. P. 544.

198 *Ши Цуньтун.* Макэсыди гунчаньчжуи (Коммунизм Маркса) // Синь циннянь (Новая молодежь). 1921. Т. 9. № 4. С. 10.

199 См.: *Глунин В. И.* Коминтерн и становление коммунистического движения в Китае (1920–1927) // Коминтерн и Восток. Борьба за ленинскую стратегию и тактику в национально-освободительном движении. М., 1969. С. 249.

200 *Чэнь Дусю.* Шэхуэйчжуи пипин (Критика социализма) // Синь циннянь (Новая молодежь). 1921. Т. 9. № 3. С. 11, 13.

201 *Ли Да.* Макэсы хуаньюань (Возрождение Маркса) // Синь циннянь (Новая молодежь). 1921. Т. 8. № 5. С. 1, 8.

202 См., например, их избранные работы, включенные в следующие сборники: Макэсычжуи цзай Чжунго — цун инсян чуанчжу дао чуаньбо (Марксизм в Китае — от влияния к распространению). Т. 2. Пекин, 1983; Гунчань сяоцзу

(Коммунистические ячейки). В 2 т. Пекин, 1987.

[203] См.: Мао Цзэдун гуанхуэй дичэн дитуцзи. С. 21.

[204] См. там же. С. 67.

[205] См.: Мао Цзэдун няньпу. 1893–1949. Т. 1. С. 70.

[206] См. там же. С. 70.

[207] Mao's Road to Power. Vol. 1. P. 594.

[208] См.: Мао Цзэдун няньпу. 1893–1949. Т. 1. С. 75.

[209] См. там же. С. 73; *Chang Kuo-t'ao.* The Rise of the Chinese Communist Party. Vol. 1. P. 105, 129.

[210] См.: *Ли Минь.* Мой отец Мао Цзэдун. С. 134.

[211] Цит. по: Мао Цзэдун няньпу. 1893–1949. Т. 1. С. 76.

[212] Там же.

[213] *Ли Минь.* Мой отец Мао Цзэдун. С. 135.

[214] См.: *Short Philip.* Mao. A Life. P. 226.

[215] См.: *Ли Минь.* Мой отец Мао Цзэдун. С. 127.

[216] См.: Мао Цзэдун няньпу. 1893–1949. Т. 1. С. 82.

[217] См.: *Ли Минь.* Мой отец Мао Цзэдун. С. 135.

[218] Mao's Road to Power. Vol. 2. P. 61.

[219] Ibid. P. 67–70.

[220] Ibid. P. 38.

[221] Ibid.

[222] См.: ВКП(б), Коминтерн и Китай. Документы. Т. 1. С. 27.

[223] *Chang Kuo-t'ao.* The Rise of the Chinese Communist Party. Vol. 1. P. 137, 139.

[224] См.: ВКП(б), Коминтерн и Китай. Документы. Т. 1. С. 743.

[225] *Chang Kuo-t'ao.* The Rise of the Chinese Communist Party. Vol. 1. P. 137.

[226] См.: ВКП(б), Коминтерн и Китай. Документы. Т. 1. С. 60.

[227] Там же. С. 73.

[228] Там же. С. 57.

[229] См.: Шанхай дицюй цзяньдан ходун яньцзю цзыляо (Материалы по изучению деятельности по строительству партии в Шанхайском районе). Шанхай, 1986. С. 120; Мао Цзэдун няньпу. 1893–1949. Т. 1. С. 84.

[230] Цит. по: *Персиц М. А.* Из истории становления Коммунистической партии Китая. (Доклад, подготовленный Чжан Тайлэем для III Конгресса Коминтерна как исторический источник) // Народы Азии и Африки. 1971. № 4. С. 51.

[231] См.: Шанхай дицюй цзяньдан ходун яньцзю цзыляо. С. 120–121, 131; Чэнь Гунбо, Чжоу Фохай хуэйилу (Воспоминания Чэнь Гунбо и Чжоу Фохая). Сянган, 1988. С. 116.

[232] См.: Шанхай дицюй цзяньдан ходун яньцзю цзыляо. С. 131.

[233] См.: Новые материалы о первом съезде Коммунистической партии Китая // Народы Азии и Африки. 1972. № 6. С. 151.

[234] См.: Личное дело Мао Цзэдуна // РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 225. Д. 71. Т. 1. Л. 299.

[235] *Chang Kuo-t'ao.* The Rise of the Chinese Communist Party. Vol. 1. P. 140, 141.

[236] Ibid. P. 92.

[237] Цит. по: *Панцов А. В.* Судьба китайского троцкиста // Проблемы Дальнего Востока. 1998. № 3. С. 98.

[238] *Chang Kuo-t'ao.* The Rise of the Chinese Communist Party. Vol. 1. P. 140.

[239] The Communist Movement in China. An Essay Written in 1924 by Ch'en Kung-po. New York, 1960. P. 102.

[240] Ibid.

[241] Ibid. P. 105.

[242] Ibid. P. 82.

[243] См.: Конгресс Коммунистической партии в Китае // Народы Азии и Африки. 1972. № 6. С. 151–152.

[244] См.: *Шэнь Дэчунь, Тянь Хайянь.* Чжунго гунчаньдан «и да» дэ чжуяо вэньти (Главные вопросы, связанные с I съездом Компартии Китая) // Жэньминь жибао (Народная ежедневная газета). 1961. 30 июня.

[245] *Ленин В. И.* Доклад на II Всероссийском съезде коммунистических организаций народов Востока 22 ноября 1919 г. // *Ленин В. И.* Поли. собр. соч. Т. 39. М., 1974. С. 327.

[246] *Ленин В. И.* II конгресс Коммунистического Интернационала. 19 июля — 7 августа 1920 г. Доклад комиссии по национальному и колониальному вопросам 26 июля // *Ленин В. И.* Поли. собр. соч. Т. 41. М., 1963. С. 244–245.

[247] Там же. С. 241–247.

[248] Подробнее см.: *Панцов А. В.* Тайная история советско-китайских отношений. С. 69–74.

[249] Mao's Road to Power. Vol. 2. P. 38.

[250] Конгресс Коммунистической партии в Китае. С. 153. См. также: Шанхай дицюй цзяньдан ходун яньцзю цзыляо. С. 9, 122–124; Мао Цзэдун гуанхуэй дичэн дитуцзи. С. 23; Чэнь Гунбо, Чжоу Фохай хуэй-илу. С. 40, 117; *Chang Kuo-t'ao.* The Rise of the Chinese Communist Party. Vol. 1. P. 136–152; *Циу Лао-жэнь (Бао Хуэйсэн).* До и после образования Коммунистической партии Китая. С. 117–127; *Чэн Пан-цю (Чэнь Таньцю).* Воспоминания о I съезде Компартии Китая // Коммунистический Интернационал. 1936. № 14. С. 96–99; *Siao-yu.* Mao Tse-tung and I were Beggars. P. 196–203.

Часть III
НАЦИОНАЛИЗМ ИЛИ СОЦИАЛИЗМ?

[1] См.: *Saich Tony.* The Origins of the First United Front in China: The Role of Sneevliet (Alias Maring). 2 vols. Leiden, 1991. Vol. 1. P. 309–310.

[2] См.: Шанхай дицюй цзяньдан ходун яньцзю цзыляо. С. 10.

[3] См.: Отчет тов. Г. Маринга Коминтерну. Июль 1922 г. // РГАСПИ. Ф. 514. Оп. 1. Д. 20. Л. 85–91; Чжан Тайлэй вэньцзи (Сочинения Чжан Тайлэя). Пекин, 1981. С. 330; Чжунго гэмин ши цзянъи (Лекции по истории китайской революции). Т. 1. Пекин, 1983. С. 98; *Isaacs Harold.* Documents on the Comintern and the Chinese Revolution // The China Quarterly. 1971. No. 45. P. 103–104; *Линь Хуннуань.* Чжан Тайлэй // Чжунгундан ши жэньу чжуань (Биографии деятелей истории КПК). Т. 4. Сиань, 1982. С. 81–82; Чжунгун «саньда» цзыляо (Материалы III съезда КПК). Гуанчжоу, 1985. С. 12; *Saich Tony.* The Origins of the First United Front in China. P. 216–246, 252, 317–323.

[4] Отчет тов. Г. Маринга Коминтерну. Июль 1922 г. Л. 90–91.

[5] См.: *Цзян Хуасюань.* Дандэ миньчжу гэмин ганлиндэ тичу хэ гогун хэцзо цэлюедэ цзигэ вэньти (Несколько вопросов, связанных с выдвижением партийной программы демократической революции и определением стратегии сотрудничества Гоминьдана и КПК) // Цзиньдайши яньцзю (Изучение новой истории). 1985. № 2. С. 116.

[6] См.: «Эрда» хэ «саньда». Чжунго гунчаньдан ди эр, саньцы дайбяо-дахуэй цзыляо сюаньбянь («Второй съезд» и «третий съезд». Избранные документы II и III съездов КПК). Пекин, 1985. С. 36.

[7] См.: *Saich Tony.* The Origins of the First United Front in China. Vol. 1. P. 284.

[8] См.: *Глунин В. И.* Коминтерн и становление коммунистического движения в Китае (1920–1927). С. 252.

[9] См.: Мао Цзэдун няньпу. 1893–1949. Т. 1. С. 85.

[10] См. там же. С. 86.

[11] См.: Mao's Road to Power. Vol. 2. P. 100.

[12] Ibid. P. 100.

[13] Ibid. P. 134.

[14] Цит. по: *Snow Edgar.* Red Star over China. P. 156.

[15] Mao's Road to Power. Vol. 2. P. 102.

[16] См.: Мао Цзэдун няньпу. 1893–1949. Т. 1. С. 91.

[17] Mao's Road to Power. Vol. 2. P. 107.

[18] Ibid. P. 174–175; *Snow Edgar.* Red Star over China. P. 155.

[19] См.: Мао Цзэдун гуанхуэй дичэн дитуцзи. С. 27.

[20] См.: Mao's Road to Power. Vol. 2. P. 174, 175; Чжунгун «саньда» цзыляо. С. 128.

[21] Цит. по: *Snow Edgar.* Red Star over China. P. 155.

[22] См.: Mao's Road to Power. Vol. 2. P. 177.

[23] См.: Мао Цзэдун няньпу. 1893–1949. Т. 1. С. 92—103; Мао Цзэ-дун гуанхуэй дичэн дитуцзи. С. 27–29.

[24] См. там же. С. 119, 128; *Ма Шэсян.* Хунсэ дии цзяцзу. С. 310, 311, 312, 334, 335.

[25] См.: *Мао Цзэминь.* Автобиография // РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 225. Д. 477. Л. 12; *Ли Минь.* Мой отец Мао Цзэдун. С. 106; *Ма Шэсян.* Хунсэ дии цзяцзу. С. 259, 286.

[26] См.: Mao's Road to Power. Vol. 2. P. 136, 137, 177.

[27] См.: Мао Цзэдун няньпу. 1893–1949. Т. 1. С. 103–104.

[28] См.: Mao's Road to Power. Vol. 2. P. 132–140.

[29] Ibid. P. 136.

[30] ВКП(б), Коминтерн и Китай. Документы. Т. 1. С. 236.

[31] См.: *Saich Tony.* The Origins of the First United Front in China. Vol. 2. P. 589–590.

[32] Mao's Road to Power. Vol. 2. P. 108.

[33] Цит. по: *Snow Edgar.* Red Star over China. P. 152.

[34] Mao's Road to Power. Vol. 2. P. 136.

[35] Цит. по: Мао Цзэдун гуанхуэй дичэн дитуцзи. С. 26.

[36] Там же. С. 26; Мао Цзэдун няньпу. 1893–1949. Т. 1. С. 95.

[37] См.: Мао Цзэдун няньпу. 1893–1949. Т. 1. С. 95–96.

[38] См.: Мао Цзэдун гуанхуэй дичэн дитуцзи. С. 26.

[39] См.: *Saich Tony.* The Origins of the First United Front in China. Vol. 1. P. 344–345.

[40] См.: Mao's Road to Power. Vol. 2. P. 103.

[41] Ibid. P. 93.

[42] См.: Мао Цзэдун няньпу. 1893–1949. Т. 1. С. 87; *Ли Минь.* Мой отец Мао Цзэдун. С. 119.

[43] РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 3. Д. 31. Л. 56.

[44] См.: *Ленин В. И.* Поли. собр. соч. Т. 44. М., 1977. С. 702; *Chang Kuo-t'ao.* The Rise of the Chinese Communist Party. Vol. 1. P. 207–209.

[45] См.: Юаньдун гэго гунчаньдан цзи миньцзу гэмин туаньти диици дахуэй сюаньянь (Манифест I съезда коммунистических партий и национально-революционных организаций стран Дальнего Востока) // Сяньцюй (Пионер). 1922. № 10. С. 4.

[46] *Chang Kuo-t'ao.* The Rise of the Chinese Communist Party. Vol. 1. P. 220.

[47] Подробнее см.: Новейшая история Китая. 1917–1927. М.,

1983. С. 108–109.

[48] Чжунго гунчаньдан дуйюй шицзюйдэ чжучжан (Заявление Компартии Китая о текущем моменте) // Сяньцюй (Пионер). 1922. № 9. С. 2–3.

[49] Цит. по: *Глунин В. И.* Коминтерн и становление коммунистического движения в Китае. С. 252; *Цзян Хуасюань.* Дандэ миньчжу ганлин-дэ тичу хэ гогун хэцзо цэлюедэ цзигэ вэньти. С. 116.

[50] См.: *Snow Edgar.* Red Star over China. P. 156.

[51] Цит. по: Чжунго гунчаньдан цзигуань фачжань цанькао цзыляо (Справочные материалы по истории развития организаций КПК). Вып. 1. Пекин, 1983. С. 38.

[52] См.: Чжунго гунчаньдан унянь лайчжи чжэнчжи чжучжан (Политические заявления Компартии Китая за пять лет). Гуанчжоу, 1926. С. 1—23; Чжунгун «саньда» цзыляо. С. 5–7; The Communist Movement in China. P. 105–117.

[53] The Communist Movement in China. P. 114.

[54] Миньцюань юньдун датунмэн сюаньянь (Декларация Союза движений за народовластие) // Сяньцюй (Пионер). 1922. № 20. С. 1–2.

[55] Чжунго «саньда» цзыляо. С. 7.

[56] См.: *Цзян Хуасюань.* Дандэ миньчжу ганлиндэ тичу хэ гогун хэцзо цэлюедэ цзигэ вэньти. С. 116.

[57] Цит. по: *Saich Tony.* The Origins of the First United Front in China. Vol. 1. P. 327.

[58] *Chang Kuo-t'ao.* The Rise of the Chinese Communist Party. Vol. 1. P. 250.

[59] См.: *Bing Dov.* Sneevliet and the Early Years of the CCP // The China Quarterly. 1971. No. 48. P. 690–691.

[60] Цит. по: *Долин С. А.* Китайские мемуары. 1921–1927. С. 134.

[61] См.: *Ван Цзяншинь.* Чжунго гунчаньдан шигао (Очерки по истории КПК). Т. 1. Тайбэй, 1965. С. 94.

[62] См.: *Saich Tony.* The Origins of the First United Front in China. Vol. 1. P. 53.

[63] См.: ibid. P. 310; *Chang Kuo-t'ao.* The Rise of the Chinese Communist Party. Vol. 1. P. 138.

[64] См.: *Ян Куйсун.* Общая характеристика отношений между ВКП(б) (КПСС), Коминтерном и КПК до 1949 года // Проблемы Дальнего Востока. 2004. № 6. С. 103.

[65] См.: *Калачев С. (Наумов С. Н.).* Краткий очерк истории Китайской коммунистической партии // Кантон. 1927. № (10). С. 51; *Chang Kuo-t'ao.* The Rise of the Chinese Communist Party. Vol. 1. P. 260.

[66] Ли Дачжао вэньцзи (Сочинения Ли Дачжао). Т. 2. Пекин, 1984. С. 890.

[67] *Chang Kuo-t'ao.* The Rise of the Chinese Communist Party. Vol. 1. P. 260; *Сюй Юаньдун и др.* Чжунго гунчанвдан лиши цзянхуа (Лекции по истории КПК). Пекин, 1982. С. 36.

[68] См.: Бюллетень IV конгресса Коммунистического Интернационала. № 20 (29 ноября 1922 г.). С. 18.

[69] См.: *Цзоу Лу.* Чжунго гоминьдан шигао (Очерки истории Китайского Гоминьдана). Чанша, 1931. С. 345–348.

[70] Советско-китайские отношения. 1917–1957: Сборник документов. М, 1959. С. 64–65.

[71] Цит. по: *Ма Шэсян.* Хунсэ дии цзяцзу. С. 29.

[72] См.: Мао Цзэдун няньпу. 1893–1949. Т. 1. С. 111.

[73] См.: Мао Цзэдун гуанхуэй дичэн дитуцзи. С. 29.

[74] См.: *Saich Tony.* The Origins of the First United Front in China. Vol. 1. P. 345.

[75] См.: *Chang Kuo-t'ao.* The Rise of the Chinese Communist Party. Vol. 1. P. 105.

[76] См.: Мао Цзэдун гуанхуэй дичэн дитуцзи. С. 31, 32.

[77] Mao's Road to Power. Vol. 1. P. 157, 159, 161.

[78] *Saich Tony.* The Origins of the First United Front in China. Vol. 2. p. 448–449, 589–590, 616–617.

[79] См.: Чжунгун «саньда» цзыляо. С. 155.

[80] См. там же. С. 128.

[81] Там же. С. 62.

[82] Интервью с бывшим китайским коммунистом Ван Фаньси в г. Лидсе, Великобритания, 17 июля 1992 г.

[83] *Цай Хэ-сэнь.* История оппортунизма в Коммунистической партии Китая // Проблемы Китая. 1929. № 1. С. 4.

[84] Цит. по: Новейшая история Китая. 1917–1927. С. 140.

[85] См.: *Chang Kuo-t'ao.* The Rise of the Chinese Communist Party. Vol. 1. P. 308.

[86] Цит. по: Mao's Road to Power. Vol. 1. P. 164.

[87] Цит. по: *Saich Tony.* The Origins of the First United Front in China. Vol. 2. P. 580.

[88] *Chang Kuo-t'ao.* The Rise of the Chinese Communist Party. Vol. 1. P. 311.

[89] Чжунгун «саньда» цзыляо. С. 81–82.

[90] См.: там же. С. 132.

[91] Мао Цзэдун няньпу. 1893–1949. Т. 1. С. 114.

[92] См.: ВКП(б), Коминтерн и Китай. Документы. Т. 1. С. 238. См. также: Soviet Plot in China. Peking, 1927. Document no. 13.

[93] ВКП(б), Коминтерн и Китай. Документы. Т. 1. С. 425–426.

[94] Цит. по: *Chang Kuo-t'ao.* The Rise of the Chinese Communist

Party. Vol. 1. P. 309.

[95] Чжунгун «саньда» цзыляо. С. 88.

[95a] Коммунистический Интернационал и китайская революция. Документы и материалы. М., 1986. С. 39.

[96] Записки Пэн Пая. М., 1938. С. 9.

[97] См.: Новейшая история Китая. 1917–1927. С. 166.

[98] См.: Чжунгун «саньда» цзыляо. С. 103–104.

[99] ВКП(б), Коминтерн и Китай. Документы. Т. 1. С. 241. [т] См.: Чжунгун «саньда» цзыляо. С. 157.

[101] См.: Mao's Road to Power. Vol. 2. P. xxx.

[102] См.: Мао Цзэдун няньпу. 1893–1949. Т. 1. С. 115.

[103] Вопросы истории КПСС. 1966. № 10. С. 34; *Saich Tony.* The Origins of the First United Front in China. Vol. 2. P. 526.

[104] Mao's Road to Power. Vol. 2. P. 165.

[105] См.: ВКП(б), Коминтерн и Китай. Документы. Т. 1. С. 240.

[106] *Цзян Сун Мэйлин (Мадам Чан Кайши-Сун Мэйлин).* Юй Баолотин таньхуадэ хуэйилу (Воспоминания о беседах с Бородиным). Тайбэй, 1976. С. 12–13.

[107] *Shipman Charles.* It Had to Be Revolution. Memoirs of an American Radical. Ithaca and London, 1993. P. 82–83.

[108] *Долин С А.* Китайские мемуары. 1921–1927. С. 149.

[109] *Chang Kuo-t'ao.* The Rise of the Chinese Communist Party. Vol. 1. P. 519.

[110] См.: *Saich Tony.* The Origins of the First United Front in China. Vol. 2. P. 697.

[111] См.: ВКП(б), Коминтерн и Китай. Документы. Т. 1. С. 255–314; *Chiang Chung-cheng (Chiang Kai-shek).* Soviet Russia in China. Summing-Up at Seventy. New York, 1957. P. 19–24; Chiang Kai-shek's Secret Past. The Memoirs of His Second Wife, Ch'en Chieh-ju. Boulder, CO, 1993. P. 130–137.

[112] См.: ВКП(б), Коминтерн и Китай. Документы. Т. 1. С. 261.

[113] См.: Chiang Kai-shek's Secret Past. P. 133, 136.

[114] См.: Коммунист. 1969. № 4. С. 12–14.

[115] См.: *Черепанов А. И.* Записки военного советника в Китае. 2-е изд. М., 1976. С. 30–72.

[116] *Сунь Ятсен.* Избранные произведения. 2-е изд., испр. и доп. М., 1985. С. 327.

[117] См.: Мао Цзэдун няньпу. 1893–1949. Т. 1. С. 116, 118.

[118] *Chang Kuo-t'ao.* The Rise of the Chinese Communist Party. Vol. 1. P. 315.

[119] Mao's Road to Power. Vol. 2. P. 179, 181, 182.

[120] См.: Мао Цзэдун няньпу. 1893–1949. Т. 1. С. 118.

[121] Mao's Road to Power. Vol. 2. P. 192.

[122] См.: Мао Цзэдун няньпу. 1893–1949. Т. 1. С. 119; *McDonald*

Jr.

Angus W. The Uiban Origins of Rural Revolution. P. 58, 120, 205; *Short Philip.* Mao. A Life. P. 144.

123 См.: Mao's Road to Power. Vol. 2. P. 194.

124 Чжунго «саньда» цзыляо. С. 103–104, 120.

125 Там же. С. 121.

126 См.: Мао Цзэдун няньпу. 1893–1949. Т. 1. С. 118.

127 См.: *McDonald Jr. Angus W.* The Urban Origins of Rural Revolution. P. 137.

128 *Мао Цзэдун.* Хэсиньлан (На мотив хэсиньлан) // Мао Цзэдун шицы дуйлянь цзичжу (Сборник стихов Мао Цзэдуна). Чанша, 1991. С. 10–11.

129 *Долин С. А.* Китайские мемуары. 1921–1927. С. 89.

130 *Вишнякова-Акимова В. В.* Два года в восставшем Китае. 1925–1927. С. 216.

131 *Черепанов А. И.* Записки военного советника в Китае. С. 74.

132 *Chang Кио-t'ao.* The Rise of the Chinese Communist Party. Vol. 1. P. 328.

133 *Далин С. А.* Китайские мемуары. 1921–1927. С. 86.

134 *Вишнякова-Акимова В. В.* Два года в восставшем Китае. 1925–1927. С. 201.

135 Цит. по: *Saich Tony.* The Origins of the First United Front in China. Vol. 2. P. 580.

136 См.: Гоминьдан и да данъу баогао сюаньцзай (Выборочные доклады по партийным делам, представленные на I съезд Гоминьдана) // Гэмин ши цзыляо (Материалы по истории революции). Шанхай, 1986. № 2. С. 29–30.

137 Подробнее см.: *Юрьев М. Ф.* Революция 1925–1927 гг. в Китае. М., 1968. С. 17–28.

138 Ли Дачжао вэньцзи. Т. 2. С. 704.

139 См.: *Черепанов А. И.* Записки военного советника в Китае. С. 99.

140 См.: *Чжэн Цаньхуэй.* Чжунго гоминьдан диицы цюаньго дайбяо-дахуэй (I Всекитайский съезд Китайского Гоминьдана) // Гэмин ши цзыляо. Шанхай, 1986. № 1. С. 119–120; Mao's Road to Power. Vol. 2. P. 202–203.

141 Цит. по: *Черепанов А. И.* Записки военного советника в Китае. С. 99.

142 См.: Чжуншань цюаньцзи (Полное собрание сочинений [Сунь] Ятсена). Т. 2. Шанхай, 1931. С. 1171–1173.

143 См.: *Pantsov Alexander and Levine Steven I.* Chinese Comintern Activists: An Analytic Biographic Dictionary (manuscript), 266; *Ch'ii Chiu-pai.* My Confessions // The Road to Communism. China Since 1912. New York, etc., 1969. P. 159–167.

[144] ВКП(б), Коминтерн и Китай. Документы. Т. 1. С. 446.

[145] Эрда хэ саньда. С. 55.

[146] См.: *Saich Tony.* The Origins of the First United Front in China. Vol. 2. P. 611.

[147] Личный архив автора; *Паньцзофу (Панцов) А. В.* Синь фасяньдэ Ли Дачжао, Чэнь Дусю, Жэнь Биши синьцзянь (Вновь обнаруженные письма Ли Дачжао, Чэнь Дусю, Жэнь Биши) // Байнянь чао (Волна столетия). 2005. № 1. С. 31–34.

[148] См.: *Ян Куйсун.* Общая характеристика отношений между ВКП(б) (КПСС), Коминтерном и КПК до 1949 года. С. 104. См. также: *Chang Kuo-t'ao.* The Rise of the Chinese Communist Party. Vol. 1. P. 408.

[149] Личный архив автора; *Паньцзофу (Панцов) А. В.* Синь фасяньдэ Ли Дачжао, Чэнь Дусю, Жэнь Биши синьцзянь. С. 31–34.

[150] См.: ВКП(б), Коминтерн и Китай. Документы. Т. 1. С. 425.

[151] См.: *Ven Hans Van de.* From Friend to Comrade. The Founding of the Chinese Communist Party, 1920–1927. Berkeley, Calif., etc., 1991. P. 150.

[152] См.: Мао Цзэдун гуанхуэй дичэн дитуцзи. С. 32; Мао Цзэдун няньпу. 1893–1949. Т. 1. С. 123; ВКП(б), Коминтерн и Китай. Документы. Т. 1.С. 483–484.

[153] Долин С. А Китайские мемуары. 1921–1927. С. 165.

[154] Там же. Подробнее см.: *Глунин В. И.* Коммунистическая партия Китая накануне и во время национальной революции 1925–1927 гг. Кн. 1. М., 1975. С. 148–154.

[155] См.: Гунчаньдан цзай гоминьдан нэйдэ гунцзо вэньти ицзюеань (Заявление по вопросу о работе компартии в Гоминьдане) // Данбао (Партийная газета). 1924. № 3. С. 1–3; Чжунго гунчаньдан ди сыцы цю-аньго дайбяодахуэй ицзюеаньцзи сюаньянь (Резолюции и декларации IV Всекитайского съезда КПК). Б. м., 1925. С. 25.

[156] ВКП(б), Коминтерн и Китай. Документы. Т. 1. С. 458–459.

[157] Mao's Road to Power. Vol. 2. P. 216–217.

[158] См.: ВКП(б), Коминтерн и Китай. Документы. Т. 1. С. 328.

[159] См.: Новейшая история Китая. 1917–1927. С. 159.

[160] См.: В. К. Блюхер в Китае. 1924–1927 гг. Новые документы главного военного советника. М., 2003. С. 15.

[161] См.: Мао Цзэдун няньпу. 1893–1949. Т. 1. С. 128.

[162] Цит. по: *Short Philip.* Mao. A Life. P. 149.

[163] См.: Мао Цзэдун няньпу. 1893–1949. Т. 1. С. 127; *Ма Шэсян.* Хунсэ дии цзяцзу. С. 29; Мао Цзэдун гуанхуэй дичэн дитуцзи. С. 32.

[164] См.: ВКП(б), Коминтерн и Китай. Документы. Т. 1. С. 483–484. См. также: *Chang Kuo-t'ao.* The Rise of the Chinese Communist

Party. Vol. 1. P. 378.

[165] См.: *Мао Цзэминь.* Автобиография. Л. 124; *Ма Шэсян.* Хунсэ дии цзяцзу. С. 259; *Ли Минь.* Мой отец Мао Цзэдун. С. 109, 120; Мао Цзэдун няньпу. 1893–1949. Т. 1. С. 131.

[166] См.: ВКП(б), Коминтерн и Китай. Документы. Т. 1. С. 520.

[167] См.: Мао Цзэдун няньпу. 1893–1949. Т. 1. С. 131.

[168] Цит. по: *Short Philip.* Mao. A Life. P. 152.

[169] ВКП(б), Коминтерн и Китай. Документы. Т. 1. С. 425.

[170] См.: Записки Пэн Пая. С. 13.

[171] См.: *McDonald Jr. Angus W.* The Urban Origins of Rural Revolution. P. 224.

[172] См.: *Ма Шэсян.* Хунсэ дии цзяцзу. С. 259–260, 265–267.

[173] См.: *Snow Edgar.* Red Star over China. P. 157.

[174] Цит. по: *Ма Шэсян.* Хунсэ дии цзяцзу. С. 259.

[175] См.: Мао Цзэдун няньпу. 1893–1949. Т. 1. С. 133; *McDonald Jr. Angus W.* The Urban Origins of Rural Revolution. P. 225; *Лю Жэньжун.* Мао Цзэтань // Чжунгундан ши жэньу чжуань (Биографии деятелей истории КПК). Т. 3. Сиань, 1981. С. 290.

[176] См.: ВКП(б), Коминтерн и Китай. Документы. Т. 1. С. 521.

[177] См.: *Юрьев М. Ф.* Революция 1925–1927 гг. в Китае. С. 159–167.

[178] См. там же. С. 169, 174.

[179] См. там же. С. 239–241; *Pantsov Alexander and Levine Steven I.* Chinese Comintern Activists: An Analytic Biographic Dictionary (manuscript), P. 290.

[180] См.: *McDonald Jr. Angus W.* The Urban Origins of Rural Revolution. P. 225.

[181] См.: Мао Цзэдун няньпу. 1893–1949. Т. 1. С. 132–134.

[182] См. там же. С. 135–137.

[183] См.: *Ли Минь.* Мой отец Мао Цзэдун. С. 120.

[184] An Oppositionist for Life. Memoirs of the Chinese Revolutionary Zheng Chaolin. Atlantic Highlands, NJ, 1997. P. 142–143.

[185] *Chang Kuo-t'ao.* The Rise of the Chinese Communist Party. Vol. 1. P. 488.

[186] См.: An Oppositionist for Life. P. 145–147.

[187] *Chang Kuo-t'ao.* The Rise of the Chinese Communist Party. Vol. 1. P. 488.

[188] См.: Чжэн Чаолинь хуэйилу (Воспоминания Чжэн Чаолиня). [Сянган], б. г. С. 83.

[189] См.: Мао Цзэдун няньпу. 1893–1949. Т. 1. С. 147.

[190] Цит. по: *Snow Edgar.* Red Star over China. P. 157.

[191] Mao's Road to Power. Vol. 2. P. 237.

[192] См.: *Snow Edgar.* Red Star over China. P. 157.

[193] См.: *Войтинский Г.* Тенденции революционного движения в Китае и гоминьдан // Коммунистический Интернационал. М., 1925. № 3 (40). С. 153–158; *Он же.* Сунь Ят-сен и освободительное движение в Китае // Большевик. М., 1925. № 5–6 (21–22). С. 44–52.

[194] Письмо Г. Н. Войтинского Л. М. Карахану от 22 апреля 1925 г. // РГАСПИ, коллекция неразобранных документов. Текст письма был впервые опубликован в 1994 г. См.: ВКП(б), Коминтерн и Китай. Документы. Т. 1. С. 549–553.

[195] См.: РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 163. Д. 177. Л. 1–4.

[196] РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 1. Д. 2714. Л. 17–18; Правда. 1925. 22 мая.

[197] Коммунистический Интернационал и китайская революция. Документы и материалы. С. 58, 61. Выделено мной.

[198] Подробнее см.: *Панцов А. В.* Тайная история советско-китайских отношений. С. 296–298.

[199] См.: *Chang Kuo-t'ao.* The Rise of the Chinese Communist Party. Vol. 1. P. 484–485.

[200] См.: Mao's Road to Power. Vol. 2. P. 227–229, 234–236, 320.

[201] Цит. по: ibid. P. 235.

[202] Ibid. P. 265–266.

[203] См.: *Ch'u Chiu-pai.* My Confessions. P. 166.

[204] Ibid. P. 249, 260, 261–262.

[205] См.: *В-н (Беленький С. Н.).* Рец.: Мао Цзэ-дун. Анализ классов китайского общества. «Китайский крестьянин». № 2. 1 февраля 1926 г. // Кантон. 1926. № 8–9.

[206] См.: Мао Цзэдун няньпу. 1893–1949. Т. 1. С. 150, 152; Mao's Road to Power. Vol. 2. P. 310–319.

[207] См.: *Chang Kuo-t'ao.* The Rise of the Chinese Communist Party. Vol. 1. P. 479.

[208] *Вишнякова-Акимова В. В. Два* года в восставшем Китае, 1925–1927. С. 198.

[209] См.: Мао Цзэдун няньпу. 1893–1949. Т. 1. С. 152, 155–156.

[210] Шестой расширенный пленум Исполкома Коминтерна (17 февраля — 15 марта 1926 г.). Стенографический отчет. М.; Л., 1927. С. 8.

[211] РГАСПИ. Ф. 514. Оп. 1. Д. 168. Л. 219.

[212] См.: Объединенное заседание Президиума Исполкома Коминтерна и Международной Контрольной Комиссии. 27 сентября 1927 г. Стенографический отчет // РГАСПИ. Ф. 505. Оп. 1. Д. 65. Л. 21. См. также: *Троцкий Л.* Сталин и китайская революция: Факты и документы // Бюллетень оппозиции (большевиков-ленинцев). 1930. № 15–16. С. 8.

[213] РГАСПИ. Ф. 514. Оп. 1. Д. 171. Л. 7–9; См. также: Д. 168. Л.

219; Справка Райта «О вхождении Гоминьдана в Коминтерн» // Объединенное заседание Президиума Исполкома Коминтерна и Международной Контрольной Комиссии. 27 сентября 1927 г. Л. 33.

214 РГАСПИ. Ф. 514. On. 1. Д. 171. Л. 7–9. Текст письма см. также в: ВКП(б), Коминтерн и Китай. Документы. Т. 2. М., 1996. С. 131–132.

215 *Chiang Chung-cheng (Chiang Kai-shek).* Soviet Russia in China. P. 24.

216 См.: *Jacobs Dan N.* Borodin. Stalin's Man in China. Cambridge, Mass. and London, 1981. P. 278.

217 *Вишнякова-Акимова В. В. Два* года в восставшем Китае, 1925–1927. С. 237.

218 См.: *Юрьев М. Ф.* Революция 1925–1927 гг. в Китае. С. 312–313.

219 Цит. по: *Черепанов А. И.* Записки военного советника в Китае. С. 376.

220 Там же.

221 См.: РГАСПИ. Коллекция неразобранных документов. Текст, принятый пленумом, опубликован в: *Черепанов А. И.* Записки военного советника в Китае. С. 403–404; Чжунго гоминьдан дии, диэрцы цюань-го дайбяодахуэй хуэйи шиляо (Материалы по истории I и II конгрессов Гоминьдана). Т. 2. [Нанкин], 1986. С. 714–715.

222 См.: *Юрьев М. Ф.* Революция 1925–1927 гг. в Китае. С. 320–321; Мао Цзэдун няньпу. 1893–1949. Т. 1. С. 165.

223 См.: ВКП(б), Коминтерн и Китай. Документы. Т. 2. С. 188.

224 Подробнее см.: *Панцов А. В…* Тайная история советско-китайских отношений. С. 137–138.

225 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 3. Л. 55. Текст постановления Политбюро был впервые опубликован в 1996 г. См.: ВКП(б), Коминтерн и Китай. Документы. Т. 2. С. 202. Выделено мной.

226 Цит. по: *Chang Kuo-t'ao.* The Rise of the Chinese Communist Party. Vol. 1. P. 508.

227 РГАСПИ. Ф. 17. On. 162. Д. 3. Л. 59, 74; ВКП(б), Коминтерн и Китай. Документы. Т. 2. С. 205.

228 См.: *Chang Kuo-t'ao.* The Rise of the Chinese Communist Party. Vol. 1. P. 510.

229 См.: *Юрьев М. Ф.* Революция 1925–1927 гг. в Китае. С. 320–321.

230 См. там же. С. 250; Мао Цзэдун няньпу. 1893–1949. Т. 1. С. 158, 161, 162–163; *Li Jul* The Early Revolutionary Activities of Comrade Mao Tse-tung. P. 283–284.

231 Mao's Road to Power. Vol. 2. P. 319, 343, 358.

[232] Цит. по: *Титов А. С.* Материалы к политической биографии Мао Цзэ-дуна. Т. 1. С. 123.

[233] Mao's Road to Power. Vol. 2. P. 308–309.

[234] Ibid. P. 321, 325.

[235] Цит. по: *Глунин В. И.* Коммунистическая партия Китая накануне и во время национальной революции 1925–1927 гг. Кн. 1. С. 280–281.

[236] Чжунго гунчаньдан цзучжи ши цзыляо хуэйбянь — линдао цзигоу яньгэ хэ чэнъюань минлу (Сборник материалов по истории развития организаций КПК — эволюция руководящих органов и их персональный состав). Пекин, 1983. С. 32.

[237] См.: Мао Цзэдун няньпу. 1893–1949. Т. 1. С. 156–157.

[238] *Казанин М. И.* В штабе Блюхера. Воспоминания о китайской революции 1925–1927 годов. М., 1966. С. 41.

[239] См.: Mao's Road to Power. Vol. 2. P. 370. См. также: *Блюхер Г.* Воспоминания о муже — маршале В. К. Блюхере. Тюмень, 1996. С. 55.

[240] См.: *Юрьев М. Ф.* Революция 1925–1927 гг. в Китае. С. 323–338; *Chang Kuo-t'ao.* The Rise of the Chinese Communist Party. Vol. 1. P. 520–536; *McDonald Jr. Angus W.* The Urban Origins of Rural Revolution. P. 229–236.

[241] См.: Мао Цзэдун няньпу. 1893–1949. Т. 1. С. 165–169.

[242] Мао Цзэдун вэньцзи (Сочинения Мао Цзэдуна). Т. 1. Пекин, 1993. С. 37, 39.

Часть IV
ВИНТОВКА И ВЛАСТЬ

[1] См.: Мао Цзэдун няньпу. 1893–1949. Т. 1. С. 169–172; *Юрьев М. Ф.* Революция 1925–1927 гг. в Китае. С. 416; *Вишнякова-Акимова В. В.* Два года в восставшем Китае, 1925–1927. С. 273–302; *Chang Kuo-t'ao.* The Rise of the Chinese Communist Party. Vol. 1. P. 532–572.

[2] См.: Мао Цзэдун няньпу. 1893–1949. Т. 1. С. 172–173; Чжунго гунчаньдан цзучжи ши цзыляо хуэйбянь. С. 32.

[3] См.: Мао Цзэдун няньпу. 1893–1949. Т. 1. С. 169; *Short Philip.* Mao. A Life. P. 168.

[4] См.: *Глунин В. И.* Коммунистическая партия Китая накануне и во время национальной революции 1925–1927 гг. Кн. 2. М., 1975. С. 192.

[5] См.: *Chang Kuo-t'ao.* The Rise of the Chinese Communist Party. Vol. 1. P. 529.

[6] Чжунго гунчаньдан ди саньцы чжунъян кода чжисин вэйюаньхуэй ицзюеань (Резолюции 3-го расширенного пленума ЦИК КПК). [Б. м.], 1926. С 66.

[7] См.: Мао Цзэдун шэнхо данъань. Т. 1. С. 93.

[8] См.: *Мартынов А.* Коминтерн перед судом ликвидаторов // Коммунистический Интернационал. 1927. № 30 (104). С. 10.

[11] *Сталин И. В.* Соч. Т. 10. М, 1953. С. 17.

[10] См.: Объединенный пленум ЦК и ЦКК ВКП(б). 29 июля — 9 августа 1927 г. Стенографический отчет // РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 2. Д. 137. Вып. 1. Л. 83–84.

[11] См.: РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 165. Д. 71. Л. 27–31.

[12] См.: *Глунин В. И.* Коммунистическая партия Китая накануне и во время национальной революции 1925–1927 гг. Кн. 2. С. 198–201.

[13] См.: Mao's Road to Power. Vol. 2. P. 411–413.

[14] Ibid. P. 414–419.

[15] *Chang Kuo-t'ao.* The Rise of the Chinese Communist Party. Vol. 1. P. 534–535, 542, 547.

[16] Цит. по: ibid. P. 557.

[17] См.: *Wilbur C Martin and How Julie Lien-ying.* Missionaries of Revolution. Soviet Advisers and Nationalist China 1920–1927. Cambridge, Mass. and London, 1989. P. 772–774.

[18] См.: *Chang Kuo-t'ao.* The Rise of the Chinese Communist Party. Vol. 1. P. 572.

[19] См.: *Fenby Jonathan.* Chiang Kai-shek. China's Generalissimo

and the Nation He Lost. New York, 2004. P. 127.

[20] *Chang Kuo-t'ao.* The Rise of the Chinese Communist Party. Vol. 1. P. 562.

[21] *Chen Duxiu.* Political Report // The Rise to Power of the Chinese Communist Party. Documents and Analysis. Armonk, NY and London, 1996. P. 219–223; *Глунин В. И.* Коммунистическая партия Китая накануне и во время национальной революции 1925–1927 гг. Кн. 2. С. 153–157.

[22] См.: Мао Цзэдун няньпу. 1893–1949. Т. 1. С. 174.

[23] См.: *Глунин В. И.* Коммунистическая партия Китая накануне и во время национальной революции 1925–1927 гг. Кн. 2. С. 160.

[24] Цит. по: *Chang Kuo-t'ao.* The Rise of the Chinese Communist Party. Vol. 1. P. 573.

[25] См.: *Черепанов А. И.* Записки военного советника в Китае. С. 517; *Fenby Jonathan.* Chiang Kai-shek. P. 127.

[26] Цит. по: Мао Цзэдун няньпу. 1893–1949. Т. 1. С. 173.

[27] Цит. по: *Li Jui.* The Early Revolutionary Activities of Comrade Mao Tse-tung. P. 297.

[28] Mao's Road to Power. Vol. 2. P. 421, 422; Совещание Дальбюро и ЩИ]К КПК. 18 января 1927 года // РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 154. Д… 294. Л. 3; *Бакулин А. В.* Записки об уханьском периоде китайской революции (из истории китайской революции 1925–1927 гг.). М.; Л., 1930. С. 51.

[29] Совещание Дальбюро и Ц[И]К КПК. 18 января 1927 года. С. 3.

[30] См.: *Писарев А. А.* Гоминьдан и аграрно-крестьянский вопрос в Китае в 20—30-е годы XX в. М., 1986. С. 17–53; *Делюсин Л. П., Костя-ева А. С.* Революция 1925–1927 гг. в Китае: проблемы и оценки. М., 1985. С. 132–138; *McDonald Jr. Angus W.* The Urban Origins of Rural Revolution. P. 217–315; *Hofheinz Jr. Roy.* The Broken Wave. The Chinese Communist Peasant Movement. Cambridge, Mass. and London, 1977. P. 3— 53; *Galbiati Fernando.* P'eng P'ai and the Hai-lu-feng Soviet. Stanford, CA, 1985. P. 16–20, 41–42; *Bianco Lucian.* Peasants Without the Party. Grassroots Movements in Twentieth-Century China. Armonk, NY and London, 2001. P. 175–214; *Erbaugh Mary S.* The Secret History of the Hakkas: The Chinese Revolution as a Hakka Enterprise // The China Quarterly. 1992. No. 132. P. 937–968.

[31] См.: *Костяева А. С.* Крестьянские союзы в Китае (20-е годы XX века). М., 1978. С. 57; *Делюсин Л. П., Костяева А. С.* Революция 1925–1927 гг. в Китае: проблемы и оценки. С. 134.

[32] См.: *Глунин В. И.* Коммунистическая партия Китая накануне и во время национальной революции 1925–1927 гг. Кн.

2. С. 186; *McDonald Jr. Angus W.* The Urban Origins of Rural Revolution. P. 303.

[33] См.: *Костяева А. С.* Крестьянские союзы в Китае. С. 57; *McDonald Jr. Angus W.* The Urban Origins of Rural Revolution. P. 272–273.

[34] См.: *Мао Цзэ-дун.* Избранные произведения. Т. 1. М., 1949. С. 10, 23, 24–25; *McDonald Jr. Angus W.* The Urban Origins of Rural Revolution. P. 271; *Li Jui.* The Early Revolutionary Activities of Comrade Mao Tse-tung. P. 295.

[35] Цит. по: *McDonald Jr. Angus W.* The Urban Origins of Rural Revolution. P. 308.

[36] См.: Мао Цзэдун нуныгунь дяоча вэньцзи (Сочинения Мао Цзэдуна об обследовании деревни). Пекин, 1982. С. 1.

[37] См.: Мао Цзэдун шэнхо данъань. Т. 1. С. 93; *Ма Шэсян.* Хунсэ дии цзяцзу. С. 30.

[38] *Мао Цзэ-дун.* Избранные произведения. Т. 1. С. 9—51; Мао Цзэдун сюаньцзи (Избранные произведения Мао Цзэдуна). Т. 1. Пекин, 1951. С. 13–48; Mao's Road to Power. Vol. 2. P. 429–464. Выделено мной.

[39] Цит. по: *Гоголь Н. В.* Мертвые души. Поэма // *Гоголь Н. В.* Собрание сочинений: В 8 т. Т. 5. М., 1984. С. 127.

[40] Mao's Road to Power. Vol. 2. P. 426.

[41] См.: Мао Цзэдун гуанхуэй дичэн дитуцзи. С. 35; Мао Цзэдун няньпу. 1893–1949. Т. 1. С. 181.

[42] См.: Коммунистический Интернационал и китайская революция. Документы и материалы. С. 94, 96, 97–99.

[43] См.: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 4. Л. 34. См. также: ВКП(б), Коминтерн и Китай. Документы. Т. 2. С. 571.

[44] См.: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 4. Л. 64.

[45] Там же. Л. 71–72. См.: ВКП(б), Коминтерн и Китай. Документы. Т. 2. С. 632–633.

[46] См.: *McDonald Jr. Angus W.* The Urban Origins of Rural Revolution. P. 301–302; *Chang Kuo-t'ao.* The Rise of the Chinese Communist Party. Vol. 1. P. 596–615; *Тан Чуньлян.* Ли Лисань цюаньчжуань (Полная биография Ли Лисаня). Хэфэй, 1999. С. 103–104.

[47] *McDonald Jr. Angus W.* The Urban Origins of Rural Revolution. P. 310.

[48] См.: Mao's Road to Power. Vol. 2. P. 467–475.

[49] См.: *Chang Kuo-t'ao.* The Rise of the Chinese Communist Party. Vol. 1. P. 581–582.

[50] См.: *Маяковский В. В.* Полное собрание сочинений. Т. 8. М., 1961. С. 59.

[51] См.: Мао Цзэдун гуанхуэй дичэн дитуцзи. С. 35.

[52] См. там же; Мао Цзэдун няньпу. 1893–1949. Т. 1. С. 190; Mao's Road to Power. Vol. 2. P. 486.

[53] См.: *Snow Edgar.* Red Star over China. P. 158.

[54] См.: Мао Цзэдун няньпу. 1893–1949. Т. 1. С. 191.

[55] См.: Запись беседы т. Григория [Войтинского] с Чан Кайши от 22 февраля 1927 г. // РГАСПИ. Ф. 514. Оп. 1. Д. 240. Л. 12–13. См. также: РКП (б), Коминтерн и Китай. Документы. Т. 2. С. 630–631.

[56] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 4. Л. 90–93. См. также: ВКП(б), Коминтерн и Китай. Документы. Т. 2. С. 658–659.

[57] Мао Цзэдун няньпу. 1893–1949. Т. 1. С. 193.

[58] Там же. С. 193–197.

[59] Цит. по: *Цзян Юнцзин.* Баолотин юй Ухань чжэнцюань (Бородин и уханьское правительство). Тайбэй, 1963. С. 278, 280.

[60] Цит. по: *Бакулин А. В.* Записки об уханьском периоде китайской революции. С. 201.

[61] См.: *North Robert C. and Eudin Xenia J.* M. N. Roy's Mission to China. Berkeley, Calif., etc., 1963. P. 59.

[62] Цит. по: *Snow Edgar.* Red Star over China. P. 161.

[63] См.: *Chang Kuo-t'ao.* The Rise of the Chinese Communist Party. Vol. 1. P. 619.

[64] См.: *Тлунин В. И.* Коммунистическая партия Китая накануне и во время национальной революции 1925–1927 гг. Кн. 2. С. 258–269; Цун ида дао шилюда (От I до XVI съезда). Т. 1. Пекин, 2002. С. 234–294; *Chang Kuo-t'ao.* The Rise of the Chinese Communist Party. Vol. 1. P. 621–623; *Бакулин А. В.* Записки об уханьском периоде китайской революции. С. 271–280.

[65] Цит. по: *Snow Edgar.* Red Star over China. P. 158–159.

[66] См.: *Цай Хэ-сэнь.* История оппортунизма в Коммунистической партии Китая. С. 67–68.

[67] См.: Личное дело Чжао Сяньгуй // РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 225. Д. 2682.

[68] См.: *Мао Цзэминъ.* Автобиография. Л. 125; *Ма Шэсян.* Хунсэ дии цзяцзу. С. 266–268, 315–317; *Ли Минь.* Мой отец Мао Цзэдун. С. 109— ПО, 120; Мао Цзэминь // Чжунгундан ши жэньу чжуань (Биографии деятелей истории КПК). Т. 9. Сиань, 1983. С. 50–51; *Лю Жэньжун.* Мао Цзэтань. С. 290–291.

[69] См.: *Хань Идэ и др.* Ли Дачжао шэнпин цзинянь. С. 203–206.

[70] См.: *Chang Kuo-t'ao.* The Rise of the Chinese Communist Party. Vol. 1. P. 6630–6631.

[71] См.: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 5. Л. 8–9, 30.

[72] Там же. Л. 30. Эта телеграмма была впервые опубликована в 1996 г. См.: ВКП(б), Коминтерн и Китай. Документы. Т. 2. С. 763–764.

[73] *Chang Kuo-t'ao.* The Rise of the Chinese Communist Party. Vol. 1. P. 637.

[74] Цит. по: *Цай Хэ-сэнь.* История оппортунизма в Коммунистической партии Китая. С. 63.

[75] См.: *Лю Жэньжун.* Мао Цзэтань. С. 291; *Ли Минь.* Мой отец Мао Цзэдун. С. 120–121.

[76] См.: *Snow Edgar.* Red Star over China. P. 160; *Цай Хэ-сэнь.* История оппортунизма в Коммунистической партии Китая. С. 64; Мао Цзэдун няньпу. 1893–1949. Т. 1. С. 203–204; *Мао Цзэминь.* Автобиография. Л. 125.

[77] *Chang Kuo-t'ao.* The Rise of the Chinese Communist Party. Vol. 1. P. 640.

[78] См.: *Snow Edgar.* Red Star over China. P. 160.

[79] *Мао Цзэдун.* Хуанху лоу (Пагода желтого аиста) // Мао чжуси шипы. С. 3.

[80] *Chang Kuo-t'ao.* The Rise of the Chinese Communist Party. Vol. 1. P. 486, 652.

[81] Ibid. P. 597.

[82] См.: *McDonald Jr. Angus W.* The Urban Origins of Rural Revolution. P. 316.

[83] См.: Mao Zedong. Biography — Assessment — Reminiscences. Beijing, 1986. P. 236–237.

[84] См.: *Li Jul* The Early Revolutionary Activities of Comrade Mao Tse-tung. P. 315.

[85] Mao's Road to Power. Revolutionary Writings 1912–1949. Vol. 3. Armonk, NY and London, 1995. P. 31; Мао Цзэдун няньпу. 1893–1949. Т. 1. С. 208.

[86] Mao's Road to Power. Vol. 3. P. 11; Мао Цзэдун няньпу. 1893–1949. Т. 1. С. 205.

[87] *Chang Kuo-t'ao.* The Rise of the Chinese Communist Party. Vol. 1. P. 656.

[88] Ibid. P. 656–677; Мао Цзэдун няньпу. 1893–1949. Т. 1. С. 206; *Григорьев А. М.* Коммунистическая партия Китая в начальный период советского движения (июль 1927 г. — сентябрь 1931 г.). М., 1976. С. 14–16.

[89] ВКП(б), Коминтерн и Китай. Документы. Т. 3. М., 1999. С. 73, 75.

[90] Письма И. В. Сталина В. М. Молотову 1925–1936 гг. Сборник документов. М., 1995. С. 115.

[91] См.: ВКП(б), Коминтерн и Китай. Документы. Т. 2. С. 503, 505.

[92] См.: там же. Т. 3. С. 72–74.

[93] См.: *Бубер-Нейман М.* Мировая революция и сталинский режим. Записки очевидца о деятельности Коминтерна в 1920—

1930-х годах. М., 1995. С. 39.

[94] *Chang Kuo-t'ao.* The Rise of the Chinese Communist Party. Vol. 1. P. 669–670.

[95] См.: ВКП(б), Коминтерн и Китай. Документы. Т. 3. С. 72.

[96] Цит. по: Мао Цзэдун няньпу. 1893–1949. Т. 1. С. 206.

[97] ВКП(б), Коминтерн и Китай. Документы. Т. 3. С. 160.

[98] См.: *Chang Kuo-t'ao.* The Rise of the Chinese Communist Party 1928–1938. Volume Two of Autobiography of Chang Kuo-t'ao. Lawerence, KS, 1972. P. 13; Мао Цзэдун няньпу. 1893–1949. Т. 1. С. 208; *Чэнь Гэн.* От Нань-чана до Сватоу // Всюду красные знамена (Воспоминания и очерки о второй гражданской революционной войне). М., 1957. С. 13–20.

[99] Чжэн Чаолинь хуэйилу. С. 150.

[100] *Chang Kuo-t'ao.* The Rise of the Chinese Communist Party. Vol. 1. P. 489.

[101] См.: *Тан Баолинь, Ли Маошэн.* Чэнь Дусю няньпу (Хронологическая биография Чэнь Дусю). Шанхай, 1988. С. 335.

[102] См.: Чжэн Чаолинь хуэйилу. С. 149–152; Баци хуэйи (Совещание 7 августа). Пекин, 1986. С. 3–4, 161–172, 175–180, 195–201; *Ли Вэйхань.* Хуэйи юй яньцзю. Т. 1. С. 156–169; *Ristaino Marcia R.* China's Art of Revolution. The Mobilization of Discontent, 1927 and 1928. Durham, NC, 1987. P. 39–55; Интервью с сотрудником РГАСПИ Ю. Т. Туточки-ным в г. Москве 11 октября 2005 г.

[103] Баци хуэйи. С. 57–58; Mao's Road to Power. Vol. 3. P. 30–31.

[104] Баци хуэйи. С. 73; Mao's Road to Power. Vol. 3. P. 33.

[105] Баци хуэйи. С. 74.

[106] См.: *Цай Хэ-сэнь.* История оппортунизма в Коммунистической партии Китая. С. 68; Баци хуэйи. С. 44, 200.

[107] См.: Интервью с бывшим китайским коммунистом Ван Фаньси в г. Лидсе, Великобритания, 19 июля 1992 г.

[108] Цит. по: Мао Цзэдун няньпу. 1893–1949. Т. 1. С. 209.

[109] См.: *Chang Kuo-t'ao.* The Rise of the Chinese Communist Party. Vol. 1. P. 659; Vol. 2. P. 13.

[110] См.: ВКП(б), Коминтерн и Китай. Документы. Т. 3. С. 79.

[111] *Hsü K'e-hsiang.* The Ma-jih Incident // The Road to Communism. P. 91.

[112] Баци хуэйи. С. 112.

[113] См.: Интервью с сотрудником РГАСПИ Ю. Т. Туточкиным в г. Москве 19 декабря 2005 г.

[114] См.: *Peng Gongda.* Report on the Progress of the Autumn Harvest Uprising in Hunan // The Rise to Power of the Chinese Communist Party. P. 322; Mao's Road to Power. Vol. 3. P. 33.

[115] См.: Мао Цзэдун няньпу. 1893–1949. Т. 1. С. 209–210.

[116] Цит. по: *Peng Gongda.* Report on the Progress of the Autumn Harvest Uprising in Hunan. P. 323. См. также: Mao's Road to Power. Vol. 3. P. 35.

[117] Цит. по: *Peng Gongda.* Report on the Progress of the Autumn Harvest Uprising in Hunan. P. 324. См. также: Mao's Road to Power. Vol. 3. P. 40; *Snow Edgar.* Red Star over China. P. 163.

[118] См.: Mao's Road to Power. Vol. 3. P. 39; *Peng Gongda.* Report on the Progress of the Autumn Harvest Uprising in Hunan. P. 326.

[119] Цит. по: *Peng Gongda.* Report on the Progress of the Autumn Harvest Uprising in Hunan. P. 324. См. также: Mao's Road to Power. Vol. 3. P. 36.

[120] Цит. по: *Peng Gongda.* Report on the Progress of the Autumn Harvest Uprising in Hunan. P. 323.

[121] Ibid. P. 326, 325. См. также: Mao's Road to Power. Vol. 3. P. 39–40.

[122] См.: Mao's Road to Power. Vol. 3. P. 37–42; Мао Цзэдун няньпу. 1893–1949. Т. 1. С. 210–214.

[123] См.: *Peng Gongda.* Report on the Progress of the Autumn Harvest Uprising in Hunan. P. 328, 504.

[124] *Ян Кайхуэй.* Оугань (Случайные чувства) // Мао Цзэдун шицы дуйлянь цзичжу. С. 99—100.

[125] См.: *Ли Минь.* Мой отец Мао Цзэдун. С. 110–111, 138–139; *Ма Шэсян.* Хунсэ дии цзяцзу. С. 32–36; Личное дело Юн Шу // РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 225. Д. 2799. Л. 4; Мао Цзэдун шэнхо данъань. Т. 1. С. 93–88; *Jung Chang and Halliday Jon.* Mao: The Unknown Story. London, 2005. P. 83–84.

[126] *Мао Цзэдун.* Цюшоу ции (Восстание осеннего урожая) // Мао Цзэдун шицы дуйлянь цзичжу. С. 21.

[127] Цит. по: *Snow Edgar.* Red Star over China. P. 164.

[128] *Peng Gongda.* Report on the Progress of the Autumn Harvest Uprising in Hunan. P. 328–329.

[129] См.: *Chang Kuo-t'ao.* The Rise of the Chinese Communist Party. Vol. 2. P. 3—35; *Григорьев А. М.* Коммунистическая партия Китая в начальный период советского движения. С. 39.

[130] Цит. по: *Snow Edgar.* Red Star over China. P. 164.

[131] *Лю Син.* До и после «восстания осеннего урожая» // Всюду красные знамена. С. 26.

[132] См.: Мао Цзэдун няньпу. 1893–1949. Т. 1. С. 216–220; Мао Цзэдун гуанхуэй дичэн дитуцзи. С. 39–40; *Ли Минь.* Мой отец Мао Цзэдун. С. 155, 162.

[133] *Мао Цзэ-дун.* Избранные произведения. Т. 1. М., 1952. С. 92.

[134] См.: Чэнь И тунчжи гуаньюй Чжу Мао цзюньдэ лиши цзи ци чжуанкуандэ баогао (Доклад товарища Чэнь И об истории

армии Чжу-Мао и ее нынешнем состоянии) // Цзинганшань гэньцзюйди шиляо сюаньбянь (Сборник избранных материалов об опорной базе в горах Цзинган). Наньчан, 1986. С. 176; *[Чэнь Щ.* История боевых действий 4-го корпуса // Советы в Китае. Сборник материалов и документов. М., 1934. С. 197; *Jung Chang and Halliday Jon.* Mao. P. 55.

[135] Мао Цзэдун гуанхуэй дичэн дитуцзи. С. 40.

[136] Цит. по: Мао Цзэдун няньпу. 1893–1949. Т. 1. С. 236.

[137] См.: *Ли Минь.* Мой отец Мао Цзэдун. С. 147–161; *Short Philip.* Mao. A Life. P. 225–227; *Jung Chang and Halliday Jon.* Mao. P. 60–61; *Ма Шэсян.* Хунсэ дии цзяцзу. С. 39–45; Мао Цзэдун няньпу. 1893–1949. Т. 1. С. 223–226.

[138] Чжэн Чаолинь хуэйилу. С. 151. См. также: ВКП(б), Коминтерн и Китай. Документы. Т. 3. С. 126–127, 149.

[139] Чжэн Чаолинь хуэйилу. С. 155.

[139a] Жэнь Биши няньпу. 1904–1950 (Хронологическая биография Жэнь Биши. 1904–1950). Пекин, 2004. С. 78; *Ristaino Marcia R.* China's Art of Revolution. P. 71, 72.

1396 Гунфэй хого шиляо хуэйбянь (Сборник материалов по истории коммунистических бандитов, принесших стране несчастье). Т. 1. Тайбэй, 1964. С. 569, 570.

[140] *Мао Цзэ-дун.* Избранные произведения. Т. 1. С. 71.

[141] См.: ВКП(б), Коминтерн и Китай. Документы. Т. 3. С. 333.

[142] См.: *Мао Цзэ-дун.* Избранные произведения. Т. 1. С. 60; Чжунго гунчаньдан лиши да цыдянь. Цзэндинбэнь. Цзунлу. Жэньу (Большой словарь КПК. Расширенное издание. Общий раздел. Персоналии). Пекин, 2001. С. 277.

[143] Цит. по: *Титов А. С.* Материалы к политической биографии Мао Цзэ-дуна. Т. 1. 166.

[144] Цит. по: *Jung Chang and Halliday Jon.* Mao. P. 61.

[145] См.: *Мао Цзэ-дун.* Избранные произведения. Т. 1. С. 60–61; Мао Цзэдун няньпу. 1893–1949. Т. 1. С. 227–228, 236–240.

[146] См.: *Snow iMuis Wheeler.* Edgar Snow's China. A Personal Account of the Chinese Revolution Compiled from the Writings of Edgar Snow. New York, 1981. P. 72.

[147] Цит. по: *Smedley Agnes.* The Great Road. The Life and Times of Chu Teh. New York, 1956. P. 10.

[148] См.: *Snow Helen Foster (Wales Nym).* Inside Red China. New York, 1977. P. 113, 116.

[149] *Snow Louis Wheeler.* Edgar Snow's China. P. 73.

[150] См.: *Snow Helen Foster (Wales Nym).* Inside Red China. P. 110–112.

[151] Цит. по: *Snow Edgar.* Red Star over China. P. 166.

[152] См.: Мао Цзэдун няньпу. 1893–1949. Т. 1. С. 227; Mao's

Road to Power. Vol. 3. P. 51, 52; *Мао Цзэ-дун.* Избранные произведения. Т. 1. С. 60.

153 См.: Mao's Road to Power. Vol. 3. P. 57.

154 Ibid. P. 51.

155 Ibid. P. 128–130.

156 *Мао Цзэ-дун.* Избранные произведения. Т. 1. С. 66, 94.

157 Там же. С. 75.

158 См.: Mao's Road to Power. Vol. 3. P. 74.

159 *Мао Цзэ-дун.* Избранные произведения. Т. 1. С. 71.

160 *Мао Цзэдун.* Цзинганшань (Горы Цзинган) // Мао Цзэдун шицы дуйлянь цзичжу. С. 23.

161 См.: *Ли Минь.* Мой отец Мао Цзэдун. С. 162.

162 Mao's Road to Power. Vol. 3. P. 57.

163 *Пэн Дэхуай.* Мемуары маршала. М., 1988. С. 176.

164 Там же; см. также: Mao's Road to Power. Vol. 3. P. 149.

165 См.: Mao's Road to Power. Vol. 3. P. 149–151; Мао Цзэдун нянь-пу. 1893–1949. Т. 1. С. 261–262; *Ма Шэсян.* Хунсэ дии цзяцзу. С. 48.

166 См.: Mao's Road to Power. Vol. 3. P. 151.

167 *Пэн Дэхуай.* Мемуары маршала. С. 175.

168 См.: *Jung Chang and Halliday Jon.* Mao. P. 61.

169 См.: *Григорьев А. М.* Коммунистическая партия Китая в начальный период советского движения. С. 107, 121.

170 *Ленин В. И.* О нашей революции (По поводу записок Н. Суханова) // *Ленин В. И.* Поли. собр. соч. Т. 45. М., 1964. С. 381.

171 Стенографический отчет VI съезда Коммунистической партии Китая. Кн. 2. М., 1930. С. 80–81.

172 Там же. Кн. 1. М., 1930. С. 98.

173 Цит. по: Mao's Road to Power. Vol. 3. P. xli.

174 Стенографический отчет VI съезда Коммунистической партии Китая. Кн. 1. С. 13.

175 См.: *Мао Цзэ-дун.* Избранные произведения. Т. 1. С. 98–99; Mao's Road to Power. Vol. 3. P. 151.

176 *Мао Цзэ-дун.* Избранные произведения. Т. 1. С. 87, 99.

177 См.: Mao's Road to Power. Vol. 3. P. 128–129, 163–165.

178 См.: Стенографический отчет VI съезда Коммунистической партии Китая. Кн. 6. М., 1930. С. 5–6, 8-10.

179 *Пэн Дэхуай.* Мемуары маршала. С. 210–212; Цзинганшань доу-чжэн даши цзешао (Обзор главных эпизодов борьбы в горах Цзинган). Пекин, 1985. С. 187–191.

180 См.: *Levesque, Leonard.* Hakka Beliefs and Customs. Taichung, 1969. P. 70.

181 Цит. по: *Snow Edgar.* Red Star over China. P. 166.

182 См., например: Чжунго гунчаньдан лиши да цыдянь. С.

118, 405.

[183] См.: Mao's Road to Power. Vol. 3. P. 351.

[184] См.: Стенографический отчет VI съезда Коммунистической партии Китая. Кн. 5. М., 1930. С. 12–13.

[185] Там же. Т. 2. С. 151; Т. 4. С. 183; *Чжоу Эньлай.* Избранные произведения. Т. 1. Пекин, 1981. С. 225.

[186] Цит. по: *Ивин А.* Советский Китай. М., 1931. С. 35.

[187] Mao's Road to Power. Vol. 3. P. 139.

[188] Ibid. P. 173–174.

[189] См.: *Ма Шэсян.* Хунсэ дии цзяцзу. С. 54; *Short Philip.* Mao. A Life. P. 241; Цзефан жибао (Ежедневная газета «Освобождение»). 2005. 7 марта; *Вэнь Фу, Чжан Найшэн.* Мао Цзэдун юй Хэ Цзычжэнь (Мао Цзэдун и Хэ Цзычжэнь). Пекин, 2004.

[190] См.: Mao's Road to Power. Vol. 3. P. 150.

[191] См.: The Rise to Power of the Chinese Communist Party. P. 471–474.

[192] Мао Цзэдун сюаньцзи. Т. 1. С. 109.

[193] Mao's Road to Power. Vol. 3. P. 155–156.

[194] *Мао Цзэ-дун.* Избранные произведения. Т. 1. С. 204–205.

[195] *Маркс К.* Критика Готской программы // *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 19. М., 1961. С. 19.

[196] Стратегия и тактика Коминтерна в национально-колониальной революции на примере Китая. М., 1934. С. 236–244.

[197] Mao's Road to Power. Vol. 3. P. 256–257, 504.

[198] Цит. по: Мао Цзэдун вэньцзи. Т. 1. С. 206.

[199] См.: Мао Цзэдун няньпу. 1893–1949. Т. 1. С. 278.

[200] См.: Личное дело Лю Цзилана [Аньгуна] // РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 225. Д. 1656; Мао Цзэдун байкэ цюаньшу (Энциклопедия Мао Цзэ-дуна). Т. 3. Пекин, 2003. С. 1401; Мао Цзэдун няньпу. 1893–1949. Т. 1. С. 274–277.

[201] Ibid. P. 188.

[202] См.: Чэнь И тунчжи гуаньюй Чжу Мао цзюньдэ лиши цзи ци чжуанкуандэ баогао. С. 176–193. Краткий перевод его доклада на русский язык см.: [*Чэнь И*]. История боевых действий 4-го корпуса. С. 186–192.

[203] *Ивин А.* Советский Китай. С. 43–44.

[204] Мао Цзэдун няньпу. 1893–1949. Т. 1. С. 285.

[205] *Ли Минь.* Мой отец Мао Цзэдун. С. 169.

[206] *Мао Цзэдун.* Да Ли Шуи (Ответ Ли Шуи) // Мао Цзэдун шицы дуйлянь цзичжу. С. 96.

[207] Mao's Road to Power. Vol. 3. P. 192.

[208] Ibid. P. 193.

[209] Чжэн Чаолинь хуэйилу. С. 230.

[210] См.: *Pantsov Alexander.* Chen Duxiu (1879–1942) // Collier's

Encyclopedia. Vol. 6. New York, 1996. P. 180–180A.

[211] Mao's Road to Power. Vol. 3. P. 194.

[212] См.: *Мао Цзэ-дун.* Избранные произведения. Т. 1. С. 109–155.

[213] См., например: *Хуан Пин.* Ван ши хуэйи (Воспоминания о минувшем). Пекин, 1981.

[214] См.: *Ван Фаньси.* Шуаншань хуэйилу (Воспоминания Шуаншаня). Сянган, 1977. С. 116–117.

[215] См.: ВКП(б), Коминтерн и Китай. Документы. Т. 3. С. 457.

[216] См. там же. С. 1048, 1075.

[217] См.: *Ян Куйсун.* Цзоусян поле. Мао Цзэдун юй Мосыкэдэ эньэньюаньюань (На пути к расколу: Благожелательность и раздоры в отношениях между Мао Цзэдуном и Москвой). Сянган, 1999. С. 189.

[218] Правда. 1929. 29 декабря.

[219] См.: ВКП(б), Коминтерн и Китай. Документы. Т. 3. С. 482–488; *Григорьев А. М.* Коммунистическая партия Китая в начальный период советского движения. С. 287–288.

[220] См.: *Hsiao Tso-liang.* Power Relations Within the Chinese Communist Movement, 1930–1934. Vol. II. Seattle and London, 1967. P. 26–29.

[221] См.: Мао Цзэдун сюаньцзи. Т. 1. С. Ill; Mao's Road to Power. Vol. 3. P. 157–158.

[222] См.: Mao's Road to Power. Vol. 3. P. 261.

[223] *Мао Цзэ-дун.* Избранные произведения. Т. 1. С. 210.

[224] Цит. по: *Григорьев А. М.* Коммунистическая партия Китая в начальный период советского движения. С. 308–309.

[225] Цит. по: *Ван Цзяньминъ.* Чжунго гунчаньдан шигао (Очерки истории Компартии Китая). Т. 2. Тайбэй, 1965. С. 77.

[226] См.: Mao's Road to Power. Vol. 3. P. 455–502, 508–523, 529–532; Мао Цзэдун няньпу. 1893–1949. Т. 1. С. 310–316; Чжу Дэ няньпу (Хронологическая биография Чжу Дэ). Пекин, 1986. С. 88–90; *Пэн Дэхуай.* Мемуары маршала. С. 219–231; Советы в Китае. С. 201–211; Всюду красные знамена. С. 50–51.

[227] См.: *Григорьев А. М.* Коммунистическая партия Китая в начальный период советского движения. С. 338.

[228] Mao's Road to Power. Vol. 3. P. 459.

[229] Ibid. Vol. 3. P. 234–246; Мао Цзэдун няньпу. 1893–1949. Т. 1. С. 275.

[230] Mao's Road to Power. Vol. 3. P. 235–236; *Мао Цзэ-дун.* Избранные произведения. Т. 1. С. 193–195.

Часть V
РОЖДЕНИЕ ВОЖДЯ

[1] См.: ВКП(б), Коминтерн и Китай. Документы. Т. 3. С. 1273.

[2] Там же. С. 939.

[3] См.: Коммунистический Интернационал и китайская революция. Документы и материалы. С. 204–205.

[4] ВКП(б), Коминтерн и Китай. Документы. Т. 3. С. 1019.

[5] Там же. С. 1029, 1037; *Чжан Цюши.* Цюй Цюбо юй гунчань гоцзи (Цюй Цюбо и Коминтерн). Пекин, 2004. С. 314–317.

[6] *Chang Kuo-t'ao.* The Rise of the Chinese Communist Party. Vol. 2. P. 86.

[7] См.: Чжунго гунчаньдан цзучжи ши цзыляо хуэйбянь. С. 145–146.

[8] См.: *Мэн Циншу.* Воспоминания о Ван Мине (рукопись). С. 66–67.

[9] См.: *Hsiao Tso-liang.* Power Relations Within the Chinese Communist Movement, 1930–1934. A Study of Documents. Seattle, 1967. P. 125, 128.

[10] См.: *Ван Мин.* Собрание сочинений. Т. 2. М., 1984. С. 169.

[11] Запись беседы тт. Чжоу Эньлая, Чжэн Лина [Жэнь Биши] и [Г. И.] Мордвинова 16 ноября 1939 года // РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 225. Д. 71. Т. 1. Л. 35.

[12] См.: ВКП(б), Коминтерн и Китай. Документы. Т. 3. С. 817, 1079–1080, 1139, 1323.

[13] Коммунистический Интернационал и китайская революция. Документы и материалы. С. 205.

[14] Цит. по: *Ивин А.* Очерки партизанского движения в Китае 1927–1930 гг. М.; Л., 1930. С. 90.

[15] См.: ВКП(б), Коминтерн и Китай. Документы. Т. 3. С. 48, 1067.

[16] См. там же. С. 1108–1109.

[17] Mao's Road to Power. Vol. 3. P. 377, 433.

[18] Ibid. P. 636–639.

[19] См.: *[Лю Шици].* Советский район юго-западной Цзянси в 1930 г. (Доклад инструктора ЦК компартии Китая от 7 октября 1930 г.) // Советы в Китае. С. 237.

[20] Mao's Road to Power. Vol. 3. P. 269.

[21] См.: *[Лю Шици].* Советский район юго-западной Цзянси в 1930 г. С. 227–244; ВКП(б), Коминтерн и Китай. Документы. Т. 3. С. 1272–1274; Чэнь И тунчжи гуаньюй Чжу Мао цзюньдэ лиши цзи ци чжуан-куандэ баогао. С. 192; Чжунго жэньминь цзефанцзюнь

цзучжи яньгэ хэ гэцзи линдао чэнъюань минлу (Организационная эволюция и персональный состав руководящих органов всех ступеней НОАК). Пекин, 1987. С. 35; *Erbaugh Mary S.* The Secret History of the Hakkas. P. 937–968; *Averill Stephen C.* The Origins of the Futian Incident // New Perspectives on the Chinese Communist Revolution. Armonk, NY and London, 1995. P. 79—115.

[22] ВКП(б), Коминтерн и Китай. Документы. Т. 3. С. 1349, 1368.

[23] См.: *Averill Stephen C.* The Origins of the Futian Incident. P. 83–84, 86–92.

[24] См.: *Short Philip.* Mao. A Life. P. 268.

[25] Mao's Road to Power. Vol. 3. P. 534.

[26] Личное дело Мао Цзэдуна // РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 225. Д. 71. Т. 2. Л. 257–258.

[27] Цит. по: *Short Philip.* Mao. A Life. P. 273.

[28] *Титов А. С.* Материалы к политической биографии Мао Цзэдуна. Т. 1. С. 310, 311.

[29] Личное дело Мао Цзэдуна // РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 225. Д. 71. Т. 2. Л. 258–259, 261; Т. 3. С. 18, 19; *Владимиров П. П.* Особый район Китая. 1942–1945. М., 1975. С. 224–225.

[30] Личное дело Мао Цзэдуна // РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 225. Д. 71. Т. 3. С. 30; *Титов А. С.* Материалы к политической биографии Мао Цзэдуна. Т. 1. С. 312; *Владимиров П. П.* Особый район Китая. 1942–1945. С. 230.

[31] Mao's Road to Power. Vol. 3. P. 713.

[32] Досье к личному делу Мао Цзэдуна // РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 225. Д. 71. Т. 1. Л. 2; *Hsiao Tso-liang.* Power Relations Within the Chinese Communist Movement, 1930–1934. Vol. II. P. 264.

[33] См.: ВКП(б), Коминтерн и Китай. Документы. Т. 3. С. 1276–1281.

[34] См. там же. С. 1348–1352; Ван Цзясян няньпу. 1906–1974 (Хронологическая биография Ван Цзясяна. 1906–1974). Пекин, 2001. С. 52; Жэнь Биши няньпу. 1904–1950. С. 165–166; Чжоу Эньлай няньпу (1898–1949) (сюдинбэнь) (Хронологическая биография Чжоу Эньлая. 1898–1949. Исправ. изд.). Пекин, 1998. С. 212.

[35] Беседа [Г. И.] Мордвинова с т. Чжоу Эньлаем. 4 марта 1940 г. // РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 225. Д. 71. Т. 1. Л. 31.

[36] ВКП(б), Коминтерн и Китай. Документы. Т. 3. С. 1067.

[37] Цит. по: *Титов А. С.* Материалы к политической биографии Мао Цзэ-дуна. Т. 1. С. 329.

[38] Беседа [Г. И.] Мордвинова с т. Чжоу Эньлаем. 4 марта 1940 г. Л. 32.

[39] См.: The Rise to Power of the Chinese Communist Party. P.

530–535.

[40] См.: Чжунго гунчаньдан цзучжи ши цзыляо хуэйбянь. С. 159, 161.

[41] Цит. по: *Averill Stephen C.* The Origins of the Futian Incident. P. 108.

[42] Чжунго гунчаньдан лиши да цыдянь. С. 260.

[43] См.: Мао Цзэдун няньпу. 1893–1949. Т. 1. С. 330–331; *Short Philip.* Mao. A Life. P. 257.

[44] *Мао Цзэдун.* Фань диицы да «вэйцзяо» (Против первого большого «карательного похода») // Мао Цзэдун шицы дуйлянь цзичжу. С. 38.

[45] См.: ВКП(б), Коминтерн и Китай. Документы. Т. 3. С. 1147, 1258, 1273.

[46] См.: *Ли Минь.* Мой отец Мао Цзэдун. С. 163.

[47] См.: *Chang Kuo-t'ao.* The Rise of the Chinese Communist Party. Vol. 2. P. 175.

[48] Личное дело Мао Цзэдуна // РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 225. Д. 71. Т. 2. Л. 256.

[49] См.: *Litten Frederick S.* The Noulens Affair // The China Quarterly. 1994. No. 138. P. 492–512; *Wakeman Jr. Frederic.* Policing Shanghai 1927–1937, Berkeley, Calif., etc., 1995. P. 151–160, 253–254; Не Жунчжэнь хуэйилу (Воспоминания Не Жунчжэня). Т. 1. Пекин, 1983. С. 118, 126–128.

[50] См.: ВКП(б), Коминтерн и Китай. Документы. Т. 4. М., 2003. С. 146.

[51] См.: *Ян Куйсун.* Цзоусян поле. С. 189.

[52] Запись беседы тт. Чжоу Эньлая, Чжэн Лина [Жэнь Биши] и [Г. И.] Мордвинова. 16 ноября 1939 года. Л. 33–34; *Wakeman Jr. Frederic.* Policing Shanghai 1927–1937. P. 156.

[53] См.: Чжоу Эньлай няньпу (1898–1949). С. 218.

[54] См.: *Li Chongde.* Escorting Mao Zedong's Sons to Shanghai // Mao Zedong. Biography — Assessment — Reminiscences. P. 222–226; *Чжу Вэй-ян.* Цянь Сицзюнь хэ Мао Цзэминь (Цянь Сицзюнь и Мао Цзэминь) // Мао Цзэдунды цзяши (Семейные дела Мао Цзэдуна). Пекин, 1987. С. 14–15; Чжунго гунчаньдан чуаньбаньдэ ди игэ ювэйюань (Первый детский дом, образованный КПК) // Синьминь ваньбао (Вечерняя газета «Обновление народа»). 2004. 13 июня; Мао Аньин сань сюнди цзай Шанхай шидэ цинкуан (Что произошло с Мао Аньином и его братьями во время их пребывания в Шанхае) // Там же. 2003. 23 декабря; *Ма Шэсян.* Хунсэ дии цзяцзу. С. 136–137; ВКП(б), Коминтерн и Китай. Документы. Т. 4. С. 1052; *Jung Chang and Halliday Jon.* Mao. P. 184.

[55] См.: Чжунго гунчаньдан цзучжи ши цзыляо хуэйбянь — линдао цзигоу яньгэ хэ чэнъюань минлу. С. 163.

[56] См.: Личное дело Мао Цзэдуна // РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 225. Д. 71. Т. 4. Л. 132.

[57] См.: Дэн Чжунся вэньцзи (Сочинения Дэн Чжунся). Пекин, 1983. С. 642. См. также: ВКП(б), Коминтерн и Китай. Документы. Т. 3. С. 1152, 1159, 1201, 1231–1232, 1237, 1282, 1432.

[58] *Hsiao Tso-liang.* Power Relations Within the Chinese Communist Movement, 1930–1934. Vo. II. P. 382–389.

[59] См.: Мао Цзэдун няньпу. 1893–1949. Т. 1. С. 319–320.

[60] Цит. по: ВКП(б), Коминтерн и Китай. Документы. Т. 3. С. 893, 939, 940, 938.

[61] См.: *Hsiao Tso-liang.* Power Relations Within the Chinese Communist Movement, 1930–1934. Vo. II. P. 391–407; Мао Цзэдун чжуань (1893–1949). С. 280–281.

[62] См.: Мао Цзэдун няньпу. 1893–1949. Т. 1. С. 358.

[63] См. там же. С. 360; Чжунго гунчаньдан цзучжи ши цзыляо хуэйбянь. С. 164; Чжунго жэньминь цзефанцзюнь цзучжи яньгэ хэ гэцзи линдао чэнъюань минлу. С. 48–52.

[64] См.: Чжоу Эньлай няньпу (1898–1949). С. 220; *Ван Сун (Лю Яму), Ли Тин (Линь Бяо), Чжоу День (Мао Цзэминь).* Доклад Генеральному секретарю ИККИ Г.Димитрову. 8 января 1940 г. // РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 225. Д. 477. Л. 48.

[65] The Rise to Power of the Chinese Communist Party. P. 558–566.

[66] См. там же; Мао Цзэдун няньпу. 1893–1949. Т. 1. С. 364; Мао Цзэдун чжуань (1893–1949). С. 289–290; *Ван Сун (Лю Ялоу), Ли Тин (Линь Бяо), Чжоу День (Мао Цзэминь).* Доклад Генеральному секретарю ИККИ Г. Димитрову. 8 января 1940 г. Л. 48.

[67] См.: *Ли Жуй-линь.* Восстание в Нинду // Всюду красные знамена. С. 52–58.

[68] См.: *Вэнъ Фу, Чжан Найшэн.* Мао Цзэдун юй Хэ Цзычжэнь. С. 75–79; Мао Цзэдун няньпу. 1893–1949. Т. 1. С. 365; Мао Цзэдун чжуань (1893–1949). С. 290–291.

[69] Правда. 1930. 2 декабря.

[70] Коммунистический Интернационал и китайская революция. Документы и материалы. С. 234.

[71] Там же. С. 240, 242. См. также: ВКП(б), Коминтерн и Китай. Документы. Т. 4. С. 96.

[72] См.: ВКП(б), Коминтерн и Китай. Документы. Т. 4. С. 100–102.

[73] См.: *Jordan Donald A.* China's Trial by Fire: The Shanghai War of 1932. Ann Arbor, MI, 2001.

[74] *Пэн Дэхуай.* Мемуары маршала. С. 250–252. См. также: Не Жун-чжэнь хуэйилу. Т. 1. С. 137–138.

[75] См.: Советы в Китае. С. 454–456; Mao's Road to Power. Revolutionary Writings. 1912–1949. Vol. 4. Armonk, NY and London, 1999. P. 209–214.

[76] *Браун О.* Китайские записки (1932–1939). М., 1974. С. 46.

[77] См.: Не Жунчжэнь хуэйилу. С. 138–154.

[78] ВКП(б), Коминтерн и Китай. Документы. Т. 4. С. 146–147.

[79] См.: Мао Цзэдун няньпу. 1893–1949. Т. 1. С. 375.

[80] См.: ВКГТ(б), Коминтерн и Китай. Документы. Т. 4. С. 153.

[81] См. там же. С. 158.

[82] См. там же. С. 159.

[83] См.: Мао Цзэдун няньпу. 1893–1949. Т. 1. С. 377; Чжунго жэнь-минь цзефанцзюнь цзучжи яньгэ хэ гэцзи линдао чэнъюань минлу. С. 58–61.

[84] См.: Мао Цзэдун няньпу. 1893–1949. Т. 1. С. 342.

[85] См.: Беседа [Г. И.] Мордвинова с т. Чжоу Эньлаем. 4 марта 1940 г. Л. 34; Мао Цзэдун няньпу. 1893–1949. Т. 1. С. 378–379; Чжоу Эньлай няньпу (1898–1949). С. 227.

[86] См.: Мао Цзэдун няньпу. 1893–1949. Т. 1. С. 379–380; Mao's Road to Power. Vol. 4. P. 242–244.

[87] См.: *Ван Сун (Лю Ялоу), Ли Тин (Линь Бяо), Чжоу День (Мао Цзэминь).* Доклад Генеральному секретарю ИККИ Г. Димитрову. 8 января 1940 г. Л. 49; ВКП(б), Коминтерн и Китай. Документы. Т. 4. С. 146–148, 152–153, 158–159, 193; Личное дело Мао Цзэдуна // РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 225. Д. 71. Т. 3. Л. 176–179.

[88] *Ван Сун (Лю Ялоу), Ли Тин (Линь Бяо), Чжоу День (Мао Цзэминь).* Доклад Генеральному секретарю ИККИ Г.Димитрову. 8 января 1940 г. Л. 49.

[89] См.: ВКП(б), Коминтерн и Китай. Документы. Т. 4. С. 187–188.

[90] Цит. по: Мао Цзэдун чжуань (1893–1949). С. 309.

[91] ВКП(б), Коминтерн и Китай. Документы. Т. 4. С. 191–192.

[92] См.: Мао Цзэдун чжуань (1893–1949). С. 309.

[93] См. там же. С. 334.

[94] Цит. по: *Вэнь Фу, Чжан Найшэн.* Мао Цзэдун юй Хэ Цзычжэнь. С. 92; Мао Цзэдун чжуань (1893–1949). С. 310.

[95] Цит. по: *Кун Дунмэй.* Мао Цзэдун, Хэ Цзычжэнь фуфу: вэй гэмин тунши угэ цзынюй (Супруги Мао Цзэдун и Хэ Цзычжэнь: С болью отдали революции пятерых сыновей и дочерей) // Цзефан жибао (ежедневная газета «Освобождение»). 2005. 7 марта.

[96] ВКП(б), Коминтерн и Китай. Документы. Т. 4. С. 194, 223, 225.

[97] См.: Чжунго гунчаньдан цзучжи ши цзыляо хуэйбянь. С. 188.

[98] ВКП(б), Коминтерн и Китай. Документы. Т. 4. С. 199.

[99] См.: Мао Цзэдун няньпу. 1893–1949. Т. 1. С. 393; Запись беседы тт. Чжоу Эньлая, Чжэн Лина [Жэнь Биши] и [Г. И.] Мордвинова. 16 ноября 1939 года. Л. 34.

[100] ВКГТ(б), Коминтерн и Китай. Документы. Т. 4. С. 295.

[101] Там же. С. 295, 298, 309, 323.

[102] См.: Докладная записка о провалах и провокациях в центральных организациях КП Китая в Шанхае за последние три года и о деле «Особого отдела» // РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 74. Д. 299. Л. 1-60; *bitten Frederick S* The Noulens Affair. P. 492–512.

[103] Цит. по: Мао Цзэдун чжуань (1893–1949). С. 311.

[104] См.: *Вэнь Фу, Чжан Найшэн.* Мао Цзэдун юй Хэ Цзычжэнь. С. 91.

[105] См.: *Маомао.* Мой отец Дэн Сяопин. М., 1995. С. 251–259.

[106] *Ли Минь.* Мой отец Мао Цзэдун. С. 108.

[107] Цит. по: *Вэнь Фу, Чжан Найшэн.* Мао Цзэдун юй Хэ Цзычжэнь. С. 99; Мао Цзэдун чжуань (1893–1949). С. 333.

[108] Цит. по: Мао Цзэдун чжуань (1893–1949). С. 334.

[109] См.: *Браун О.* Китайские записки (1932–1939). С. 8—109.

[110] ВКП(б), Коминтерн и Китай. Документы. Т. 4. С. 1145.

[111] Там же. С. 1132.

[112] Там же. С. 1146.

[113] См.: ВКП(б), Коминтерн и Китай. Документы. Т. 3. С. 1306–1327; Т. 4. С. 103–104.

[114] См там же. Т. 4. С. 243, 427.

[115] См.: *Браун О.* Китайские записки (1932–1939). С. 67–68.

[116] См. неизданную верстку книги «Советы в Китае. Материалы и документы. Сборник второй» (М., 1935). С. 183–258.

[117] См.: Чжунго гунчаньдан цзучжи ши цзыляо хуэйбянь. С. 198.

[118] См.: ВКП(б), Коминтерн и Китай. Документы. Т. 3. С. 49.

[119] Там же. Т. 4. С. 585.

[120] Там же. С. 586.

[121] Цит. по: Мао Цзэдун чжуань (1893–1949). С. 339.

[122] См.: Коммунистический Интернационал. 1934. № 20–21. С. 24–29; № 23. С. 32–51; За рубежом. 1934. № 27 (59). С. 1, 4–9; *Мао Цзэдун.* Только советы могут спасти Китай. Доклад на П-м съезде Советов Китая. М.; Л. 1934; *Он же.* Экономическое строительство и итоги проверки раздела земли в Китайской Советской Республике (Избранные речи и статьи). М.; Л., 1934.

[123] См.: Правда. 1930. 11 февраля.

[124] См.: Не Жунчжэнь хуэйилу. Т. 1. 187; *Браун О.* Китайские записки (1932–1939). С. 57–61, 104; *Cressy-Marcks Violet.* Journey into China. New York, 1942. P. 166.

[125] *Мао Цзэ-дун.* Избранные произведения. Т. 1. М., 1952. С.

404–405. См. также: *Snow Edgar.* Red Star over China. P. 179; *Браун О.* Китайские записки (1932–1939). С. 61, 99—100.

[126] ВКП(б), Коминтерн и Китай. Документы. Т. 4. С. 602.

[127] См. там же. С. 614.

[128] См.: Мао Цзэдун няньпу. 1893–1949. Т. 1. С. 428.

[129] См.: *Браун О.* Китайские записки (1932–1939). С. 106.

[130] См.: ВКП(б), Коминтерн и Китай. Документы. Т. 4. С. 613.

[131] См.: *Snow Hellen Foster (Wales Nym).* The Chinese Communists. Sketches and Autobiographies of the Old Guard. Westport, Conn., 1972. P. 245–246.

[132] См.: *Вэнь Фу, Чжан Найшэн.* Мао Цзэдун юй Хэ Цзычжэнь. С. 95–97; *Ма Шэсян.* Хунсэ дии цзяцзу. С. 323–324.

[133] См.: Мао Цзэдун няньпу. 1893–1949. Т. 1. С. 435–436; *Браун О.* Китайские записки (1932–1939). С 112–113; *Ли Вэйхань.* Хуэйи юй яньцзю. Т. 1. С. 344–345; Великий поход 1-го фронта Китайской рабоче-крестьянской красной армии. Воспоминания. М., 1959. С. 43.

[134] См.: Докладная записка о провалах и провокациях в центральных организациях КП Китая в Шанхае за последние три года и о деле «Особого отдела». Л. 30–32.

[135] *Браун О.* Китайские записки (1932–1939). С. 122.

[136] См.: *Erbaugh Mary S.* The Secret History of the Hakkas. P. 937–968.

[137] См.: *Pantsov Alexander and Levine Steven I.* Chinese Comintern Activists: An Analytic Biographic Dictionary (manuscript), 533–535; *Snow Helen Foster (Wales Nym).* Inside Red China. P. 227–229.

[138] *Браун* О. Китайские записки (1932–1939). С. 97–98. См. также: Цзуньи хуэйи вэньсянь (Документы совещания в Цзуньи). Пекин, 1985. С. 37.

[139] См.: Мао Цзэдун чжуань (1893–1949). С. 342–343; Мао Цзэдун няньпу. 1893–1949. Т. 1. С. 434–435.

[140] *Браун О.* Китайские записки (1932–1939). С. 98.

[141] См.: Не Жунчжэнь хуэйилу. Т. 1. С. 246. См. также: Цзуньи хуэйи вэньсянь. С. 41, 111–114.

[142] Великий поход 1-го фронта Китайской рабоче-крестьянской красной армии. С. 64–66.

[143] См.: Не Жунчжэнь хуэйилу. Т. 1. С. 246–247.

[144] Там же. С. 246.

[145] См.: *Браун* О. Китайские записки (1932–1939). С. 134–141; Цзуньи хуэйи вэньсянь. С. 116–117; Мао Цзэдун чжуань (1893–1949). С. 353–354; Ян Шанкунь хуэйилу (Мемуары Ян Шанкуня). Пекин, 2001. С. 117–121.

[146] Письмо Ли Тина (Линь Бяо) в Отдел кадров ИККИ и ИКК от 29 января 1940 г. // РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 225. Д. 53. Т. 1. Л.

180.

147 Мао Цзэдун чжуань (1893–1949). С. 354. См. также: Не Жунчжэнь хуэйилу. Т. 1.С. 248.

148 См.: Цзуньи хуэйи вэньсянь. С. 117.

149 *Браун О.* Китайские записки (1932–1939). С. 141.

150 См.: Чжан Вэньтянь сюаньцзи (Избранные произведения Чжан Вэньтяня). Пекин, 1985. С. 37–59.

151 См.: Цзуньи хуэйи вэньсянь. С. 42–43, 132–136.

152 Цит. по: *Ли Минь.* Мой отец Мао Цзэдун. С. 171.

153 См.: *Кун Дунмэй.* Мао Цзэдун, Хэ Цзычжэнь фуфу: вэй гэмин тунши угэ цзынюй.

154 См.: Цзуньи хуэйи вэньсянь. С. 134.

155 Цит. по: Чжоу Эньлай няньпу (1898–1949). С. 280.

156 См.: Цзуньи хуэйи вэньсянь. С. 134–135; Мао Цзэдун чжуань (1893–1949). С. 361.

157 *Мао Цзэдун.* Лоушань гуань (Застава Лоушань) // Мао Цзэдун шицы дуйлянь цзичжу. С. 50.

158 *Браун О.* Китайские записки (1932–1939). С. 151.

159 См.: *Ли Минь.* Мой отец Мао Цзэдун. С. 173.

160 *Браун О.* Китайские записки (1932–1939). С. 154–155.

161 Там же. С. 164.

162 *Chang Kuo-t'ao.* The Rise of the Chinese Communist Party. Vol. 2. P. 377–378.

163 См.: Личное дело Лю Тина // РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 225. Д. 3078. Л. без №.

164 См.: Mao's Road to Power. Revolutionary Writings 1912–1949. Vol. 5. Armonk, NY and London, 1999; *Браун О.* Китайские записки (1932–1939). С. 167–168; *Титов А. С.* Из истории борьбы и раскола в руководстве КПК 1935–1936 гг. М., 1979. С. 39–40.

165 См.: *Вагнер К. О. (Браун О.).* Справка о Чжан Готао и событиях 1935–1936 гг. // РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 4. Д. 298. Л. 75; *Браун О.* Китайские записки (1932–1939). С. 171–172.

166 См.: Мао Цзэдун няньпу. 1893–1949. Т. 1. С. 462–463.

167 Цит. по: *Snow Louis Wheeler.* Edgar Snow's China. P. 95.

168 Цит. по: *Браун О.* Китайские записки (1932–1939). С. 172.

169 Цит. по: Мао Цзэдун няньпу. 1893–1949. Т. 1. С. 463–466; Mao's Road to Power. Vol. 5. P. xliv.

170 *Браун О.* Китайские записки (1932–1939). С. 183–184.

171 Mao's Road to Power. Vol. 5. P. 24.

172 См.: Мао Цзэдун няньпу. 1893–1949. Т. 1. С. 471; *Вагнер К. О. (Браун О.).* Справка о Чжан Готао и событиях 1935–1936 гг. Л. 77.

173 Цит. по: Mao's Road to Power. Vol. 5. P. xliii.

174 См.: Мао Цзэдун няньпу. 1893–1949. Т. 1. С. 475–476.

[175] Цит. по: Не Жунчжэнь хуэйилу. Т. 1. С. 290.

[176] См.: Mao's Road to Power. Vol. 5. P. 36; Мао Цзэдун няньпу. 1893–1949. Т. 1. С. 482.

[177] Мао Цзэдун шицы дуйлянь цзичжу. С. 42.

[178] *Вагнер К. О. (Браун О.).* Справка о Чжан Готао и событиях 1935–1936 гг. Л. 76–77.

[179] См.: Мао Цзэдун няньпу. 1893–1949. Т. 1. С. 478.

[180] См.: *Вагнер К. О. (Браун О.).* Справка о Чжан Готао и событиях 1935–1936 гг. Л. 77–78.

[181] Цит. по: *Браун О.* Китайские записки (1932–1939). С. 177, 193–194.

[182] См.: *Smedly Agnes.* China Fights Back. An American Woman with the Eight Route Army. New York, 1938. P. 8–9, 19–20; *McKinnon Janice R., McKinnon Stephen R.* Agnes Smedley. The Life and Times of an American Radical. Berkeley, Calif, etc., 1988. P. 183.

[183] См.: Мао Цзэдун гуанхуэй дичэн дитуцзи. С. 62.

[184] См.: Мао Цзэдун няньпу. 1893–1949. Т. 1. С. 617.

[185] *Chang Kuo-t'ao.* The Rise of the Chinese Communist Party. Vol. 2. P. 474.

[186] Воспоминания Молотова особенно поражают своей откровенностью в этом вопросе. См.: *Чуев Ф.* Сто сорок бесед с Молотовым. Из дневника Ф. Чуева. М., 1991.

[187] *Ван Мин.* Собрание сочинений. Т. 3. М., 1985. С. 364.

[188] См.: Чэнь Юнь няньпу. 1905–1995 (Хронологическая биография Чэнь Юня. 1905–1995). Т. 1. Пекин, 2000. С. 184–191.

[189] См.: *Ян Куйсун.* Чжунгун юй Мосыкэдэ гуаньси (1920–1960) (Отношения между КПК и Москвой. 1920–1960). Тайбэй, 1997. С. 420.

[190] См.: *Ван Сун (Лю Ялоу), Ли Тин (Линь Бяо), Чжоу День (Мао Цзэ-минь).* Доклад Генеральному секретарю ИККИ Г. Димитрову. 8 января 1940 г. Л. 53.

[191] См. там же.

[192] См.: ВКП(б), Коминтерн и Китай. Документы. Т. 3. С. 49.

[193] См.: *Цин Ши (Ян Куйсун).* Гунчань гоцзи ячжи Мао Цзэдун ляо ма? — Мао Цзэдун юй Мосыкэдэ эньэньюаньюань (Сдерживал ли Коминтерн Мао Цзэдуна? — Благожелательность и раздоры в отношениях между Мао Цзэдуном и Москвой) // Байнянь чао (Волна столетия). 1997. № 4. С. 33.

[194] Цит. по: *Титов А. С.* Материалы к политической биографии Мао Цзэдуна. Т. 2. М., 1970. С. 137.

[195] Личное дело Мао Цзэдуна // РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 225. Д. 71. Т. 1. Л. 242–243.

[196] Там же. Д. 6. Т. 1. Л. 62–63.

[197] См.: *Титов А. С.* Материалы к политической биографии

Мао Цзэдуна. Т. 2. С. 613.

[198] См. там же. С. 619.

[199] См.: Коммунистический Интернационал. 1935. № 33–34. С. 83–88.

[200] *Хамадан А.* Вождь китайского народа — Мао Цзэ-дун // Правда. 1935. 13 декабря.

[201] См.: *Хамадан Ал.* Вожди и герои китайского народа. М., 1936.

[202] См.: Личное дело Чжан Хао (Ли Фушэн) // РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 225. Д. 2850; *Ван Синфу.* Линьши сань сюнди: Линь Юйин, Линь Юй-нань, Линь Бяо (Три брата Линь: Линь Юйин, Линь Юйнань, Линь Бяо). Ухань, 2004. С. 73–75.

[203] Мао Цзэдун вэньцзи. Т. 1. С. 372–373.

[204] См.: Чжан Вэньтянь сюаньцзи. С. 66–70; Чжан Вэньтянь нянь-пу (Хронологическая биография Чжан Вэньтяня). Т. 1. Пекин, 2000. С. 278–279, 286–287.

[205] См.: Мао Цзэдун вэньцзи. Т. 1. С. 374–375.

[206] См.: Чжан Вэньтянь сюаньцзи. С. 71–79; Мао Цзэдун вэньцзи. Т. 1. С. 376–382; *Мао Цзэдун.* Избранные произведения. Т. 1. С. 261–304.

[207] *Мао Цзэдун.* Избранные произведения. Т. 1. М., 1952. С. 268, 270.

[208] См.: Мао Цзэдун вэньцзи. Т. 1. С. 490.

[209] См.: *Sergeant Harriet.* Shanghai. P. 5.

[210] См.: *Bertram James M.* Crisis in China. The Story of the Sian Mutiny. London, 1937. P. 108.

[211] См.: *Ли Минь.* Мой отец Мао Цзэдун. С. 2; *Chang Kuo-t'ao.* The Rise of the Chinese Communist Party. Vol. 2. P. 474–475.

[212] Mao's Road to Power. Vol. 5. C 249.

[213] *Snow Edgar.* Red Star over China. P. 79–83; *Snow Edgar.* Journey to the Beginning. New York, 1958. P. 165–168.

[214] См.: ВКП(б), Коминтерн и Китай. Документы. Т. 4. С. 1068; *Fenby Jonathan.* Chiang Kai-shek. P. 279.

[215] См.: ВКП(б), Коминтерн и Китай. Документы. Т. 4. С. 1055–1058.

[216] См.: *Димитров Г.* Дневник (9 март 1933—6 февруари 1949). София, 1997. С. 117.

[217] Коммунистический Интернационал и китайская революция. Документы и материалы. С. 266–269.

[218] РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 187. Л. 24.

[219] См.: Mao's Road to Power. Vol. 5. P. 323–332.

[220] Ibid. Vol. 5. P. 334.

[221] Цит. по: *Димитров* Г. Дневник. С. 117.

[222] См.: *Snow Edgar.* Red Star over China. P. 409.

[223] *Bertram James M.* Crisis in China. P. 134–137. См. также: *Snow Edgar.* Red Star over China. P. 412.

[224] См. Чжунго лиши даши няньбяо. Сяньдайши цзюань (Хронология событий китайской истории. Том новейшей истории). Шанхай, 1997. С. 320. См. также: *Chiang Kai-shek.* The Day I was Kidnapped // The Road to Communism. P. 135–141.

[225] Е Цзылун хуэйилу (Воспоминания Е Цзылуна). Пекин, 2000. С. 38–39.

[226] См.: Мао Цзэдун няньпу. 1893–1949. Т. 1. С. 621.

[227] *Chang Kuo-t'ao.* The Rise of the Chinese Communist Party. Vol. 2. P. 480.

[228] *Димитров* Г. Дневник. С. 118.

[229] Там же.

[230] Там же. С. 118.

[231] Там же.

[232] Коммунистический Интернационал и китайская революция. Документы и материалы. С. 270.

[233] См.: *Snow Edgar.* Random Notes on Red China. (1936–1945). Camb-rige, Mass., 1957. P. 2.

[234] См.: *Short Philip.* Mao. A Life. P. 719–720; Мао Цзэдун чжуань (1893–1949). С. 433.

[235] *Chiang Chung-cheng (Chiang Kai-shek).* Soviet Russia in China. P. 74.

[236] Мао Цзэдун чжуань (1893–1949). С. 431, 432.

[237] Мао Цзэдун няньпу. 1893–1949. Т. 1. С. 639.

[238] Цит. по: *Галицкий В. П.* Цзян Цзинго: трагедия и триумф сына Чан Кайши. М., 2002. С. 176–177.

[239] Коммунистический Интернационал и китайская революция. Документы и материалы. С. 270–271.

[240] Там же. С. 272; *Димитров Г.* Дневник. С. 122.

[241] См.: Мао Цзэдун няныту. 1893–1949. Т. 1. С. 650–652.

[242] См.: Канжи миньцзу тунъи чжаньсянь чжинань (Директивы о едином антияпонском национальном фронте). Б. м., б. г. С. 55–56.

[243] См.: *Ли Минь.* Мой отец Мао Цзэдун. С. 1, 5, 39–40, 259.

[244] См.: Е Цзылун хуэйилу. С. 40.

Часть VI
«ФОРМА И РЕЗУЛЬТАТ»

[1] *Браун О.* Китайские записки (1932–1939). С. 256–257.

[2] См.: *Cressy-Marcks Violet.* Journey into China. P. 156–159, 167; *Wales Nym.* My Yenan Notebooks. Madison, Conn., 1961. P. 135; *Snow Helen Foster.* My China Years. New York, 1984. P. 231–232.

[3] См.: *Carlson Evans Fordyce.* Twin Stars of China. A Behind-the-Scenes Story of China's Valiant Straggle for Existence by a U.S. Marine who Lived and Moved with the People. New York, 1940. P. 162.

[4] См.: Письмо Агнес Смедли И. А. Пятницкому от 1 марта 1935 года // РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 74. Д. 287. Л. 1-14; *McKinnon Janice R., McKinnon Stephen* Л Agnes Smedley. P. 146–149, 182—IS/; *Harvey Klehr, Haynes John Earl and Firsov Fridrikh Igorievch.* The Secret World of American Communsim. New Haven, London, 1995. P. 60–70.

[5] См.: *Smedley Agnes.* Battle Hymn of China. New York, 1943. P. 170–171; *Wales Nym.* My Yenan Notebooks. P. 62–63; *Snow Helen Foster (Wales Nym).* Inside Red China. P. 186–187; *Snow Helen Foster (Wales Nym).* The Chinese Communists. P. 250–261; *Snow Helen Foster.* My China Years. P. 265, 274–276, 278–279; *McKinnon Janice R., McKinnon Stephen R.* Agnes Smedley. P. 182–189, 192; *Вэнь Фу, Чжан Найшэн.* Мао Цзэдун юй Хэ Цзычжэнь. С. 110–120.

[6] *Snow Helen Foster (Wales Nym).* The Chinese Communists. P. 252.

[7] Цит. по: *McKinnon Janice R., McKinnon Stephen R.* Agnes Smedley. P. 190.

[8] Ibid. P. 190–191; *Вэнь Фу, Чжан Найшэн.* Мао Цзэдун юй Хэ Цзычжэнь. С. 121–122.

[9] См.: *Smedly Agnes.* China Fights Back. P. 4, 8—10; *Snow Helen Foster (Wales Nym).* The Chinese Communists. P. 254; *Snow Helen Foster.* My China Years. P. 281–282.

[10] *Димитров* Г. Дневник. С. 117.

[11] См.: ВКП(б), Коминтерн и Китай. Документы. Т. 4. М., 2003. С. 1092; Mao's Road to Power. Vol. 4. P. 356–357.

[12] См.: *Ян Куйсун.* Сулянь да гуймо юаньчжу чжунго хунцзюньдэ ицы чанши (Попытка крупномасштабной помощи Советского Союза китайской Красной армии) // Сулянь, гунчань гоцзи юй чжунго гэминдэ гуаньси синьтань (Новые исследования по [истории] отношений между Советским Союзом, Коминтерном и китайской революцией). Пекин, 1995. С. 324–326.

[13] См.: *Димитров Г.* Дневник. С. 124.

[14] Цит. по: *Галицкий В. П.* Цзян Цзинго. С. 95.

[15] См.: Беседа т. Котельникова с Хабаровым // РГАСПИ. Ф. 514. Оп. 1. Д. 1031. Л. 13; *Chiang Ching-kuo.* My Days in Soviet Russia. [Taipei, 1963]. P. 8–9.

[16] Показание тов. Некрасова // РГАСПИ. Ф. 514. On. 1. Д. 1012. Л. 2.

[17] См.: *Chiang Ching-kuo.* My Days in Soviet Russia. P. 13.

[18] См.: Личное дело Фэн Хунго // РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 225. Д. 1341. Л. без №; Личное дело Фын Фунэн // Там же. Д. 2034. Л. без №.

[19] См.: Чжоу Эньлай няньпу (1898–1949). С. 366–367.

[20] Мао Цзэдун няньпу. 1893–1949. Т. 1. С. 677.

[21] Цит. по: *Wales Nym.* My Yenan Notebooks. P. 63.

[22] Чжоу Эньлай няньпу (1898–1949). С. 373–374.

[23] См.: *Владимиров П. П.* Особый район Китая 1942–1945. С. 239–240.

[24] См.: Мао Цзэдун няньпу. 1893–1949. Т. 1. С. 654–655; Линь Бо-цюй чжуань (Биография Линь Боцюя). Пекин, 1986. С. 195; Mao's Road to Power. Revolutionary Writings. 1912–1949. Vol. 6. Armonk, NY and London, 1999.

[25] *Сталин И. В.* Соч. Т. 8. М., 1948. С. 365–366; РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 165. Д. 267. Л. 103.

[26] *Мао Цзэдун.* Избранные произведения. Т. 1. М., 1949. С. 29.

[27] Цит. по: *Bisson T. A.* Yenan in June 1937: Talks with the Communist Leaders. Berkeley, Calif., 1973. P. 58–59. См. также: *Wales Nym.* My Yenan Notebooks. P. 133–134.

[28] *Snow Helen Foster (Wales Nym).* Inside Red China. P. 222–223, 225–226. [28a] *Bisson T. A.* Yenan in June 1937. P. 48; *Браун О.* Китайские записки (1932–1939). С. 285.

[29] См.: Mao's Road to Power. Vol. 6. P. 11–12, 14. См. также: *Владимиров Л. П.* Особый район Китая 1942–1945. С. 519, 600.

[30] См. там же. Р. И, 12; *Браун О.* Китайские записки (1932–1939). С. 284–285.

[31] См.: *Браун О.* Китайские записки (1932–1939). С. 284–286; *Chang Kuo-t'ao.* The Rise of the Chinese Communist Party. Vol. 2. P. 533–541; *Панцов А. В.* Образование опорных баз 8-й Национально-революционной армии в тылу японских войск в Северном Китае // Вопросы истории Китая. М., 1981. С. 39–41.

[32] См.: Чжунго гунчаньдан лиши цзяньбянь (Краткая история КПК). Шанхай, 1959. С. 178–179.

[33] Мао Цзэдун няньпу. 1893–1949 (Хронологическая биография Мао Цзэдуна. 1893–1949). Т. 2. Пекин, 2002. С. 18–19.

[34] См.: Мао Цзэдун вэньцзи (Сочинения Мао Цзэдуна). Т. 2. Пекин, 1993. С. 8–10.

[35] См.: Mao's Road to Power. Vol. 6. P. 43–45, 51–52, 57.

[36] *Димитров Г.* Дневник. С. 130.

[37] См.: Чэнь Юнь няньпу. 1905–1995. Т. 1. С. 191–213.

[38] Цит. по: *Short Philip.* Mao. A Life. P. 360.

[39] См.: *Сталин И. В.* Соч. Т. 9. М., 1949. С. 203–204.

[40] См. там же. С. 252–253.

[41] Личное дело Чжоу Дамина // РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 225. Д. 932. Л. 38.

[42] См.: Личное дело Чжоу Дамина. Л. без №; Личное дело Дун Исяна // Там же. Д. 1048. Л. без №; *Чжоу Гоцюань и др.* Ван Мин няньпу (Хронологическая биография Ван Мина). [Хэфэй], 1991. С. 91; Интервью с Ван Фаньси в г. Лидсе, Великобритания, 27 июля 1992 г.

[43] Цит. по: *Димитров Г.* Дневник. С. 130.

[44] Там же. С. 521.

[45] См.: Мао Цзэдун чжуань (1893–1949). С. 522–523.

[46] См.: Материалистическая диалектика / Под ред. И. Широкова, А. Айзенберга. М., 1932; Диалектический и исторический материализм: В 2 ч. Учебник для комвузов и вузов / Под ред. М. Митина, И. Разумовского. М., 1932; Диалектический материализм / Под ред. М. Б. Митина// Большая Советская Энциклопедия. Т. 22. М., 1935. С. 45—235. Мао читал следующие китайские переводы этих работ: *Шилокэфу (Широков), Айлуньбао (Айзенберг).* Бяньчжэнфа вэйулунь цзяочэн (Учебник диалектического материализма) / Пер. Ли Да и Лэй Чжунцзянь. 3-е изд. Шанхай, 1935 и 4-е изд. Шанхай, 1936; *Мишин дэн (Мишин и др.).* Бянь-чжэн вэйулунь юй лиши вэйулунь (Диалектический и исторический материализм) / Пер. Шэнь Чжиюань. Т. 1. [Чанша], 1935; *Мишин.* Синь чжэсюэ даган (Общий курс новой философии) / Пер. Ай Сыци, Чжэн Или. Шанхай, 1936.

[47] *Мишин М. Б.* Предисловие // Боевые вопросы материалистической диалектики. М., 1936. С. 3.

[48] См.: Mao's Road to Power. Vol. 6. P. 672, 729, 741; Mao Zedong on Dialectical Materialism. Writings on Philosophy, 1937. Armonk, NY and London, 1990. P. 17.

[49] Mao's Road to Power. Vol. 6. P. 701, 727–728, 776, 792.

[50] Ibid. P. 580.

[51] См.: Мао Цзэдун няньпу. 1893–1949. Т. 1. С. 671–672; Mao's Road to Power. Vol. 6. P. 573.

[52] Цит. по: Мао Цзэдун няньпу. 1893–1949. Т. 2. С. 41.

[53] См.: Мао Цзэдун чжуань (1893–1949). С. 522–526.

[54] Цит. по: Mao's Road to Power. Vol. 6. P. xl.

[55] См.: *Cressy-Marcks Violet.* Journey into China. P. 162–163.

[56] Ibid. P. 193.

[57] См.: Личное дело Вэнь Юнь // РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 225. Д.

420. Л. без №.

[58] См. там же.

[59] См.: *Jung Chang and Halliday Jon.* Mao. P. 203.

[60] См.: *Вэнь Фу, Чжан Найшэн.* Мао Цзэдун юй Хэ Цзычжэнь. С. 127.

[61] *Cressy-Marcks Violet.* Journey into China. P. 165–166.

[62] *Carlson Evans Fordyce.* Evans F. Carlson on China at War, 1937–1941. New York, 1993. P. 37–38.

[63] *Carlson Evans Fordyce.* Twin Stars of China. P. 168–169.

[64] *Carlson Evans Fordyce.* Evans F. Carlson on China at War, 1937–1941. P. 23, 49.

[65] Mao's Road to Power. Vol. 6. P. 574. Выделено мной.

[66] См.: *Teiwes Frederick C, Sun Warren.* From a Leninist to a Charismatic Party: The CCP's Changing Leadership, 1937–1945 // New Perspectives on the Chinese Communist Revolution. P. 343.

[67] См.: Жэнь Биши сюаньцзи (Избранные произведения Жэнь Биши). Пекин, 1987. С. 164–207; *Гао Хуа.* Хун тай ян ши цзэмъян шэнцидэ. Яньань чжэнфэн юньдундэ лайлунцюмай (Как взошло красное солнце. Анализ яньаньского движения «упорядочения стиля»). Сянган, 2000. С. 164–166.

[68] См.: Коммунистический Интернационал и китайская революция. Документы и материалы. С. 283; Жэнь Биши няньпу. 1904–1950. С. 370–372.

[69] См.: Личное дело Мао Цзэдуна // РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 225. Д. 71. Т. 3. Л. 185; Жэнь Биши няньпу. 1904–1950. С. 372; Ван Цзясян няньпу. 1906–1974. С. 190.

[70] Цит. по: Ван Цзясян няньпу. 1906–1974. С. 190; Жэнь Биши няньпу. 1904–1950. С. 372; *Ян Куйсуи.* Цзоусян поле. С. 76.

[71] См.: Ван Цзясян няньпу. 1906–1974. С. 196; Мао Цзэдун няньпу. 1893–1949. Т. 2. С. 90; Мао Цзэдун чжуань. 1893–1949. С. 531.

[72] *Ли Вэйхань.* Хуэйи юй яньцзю. Т. 1. С. 415–416.

[73] Цит. по: *Teiwes Frederick C, Sun Warren.* From a Leninist to a Charismatic Party. P. 344.

[74] Цит. по: *Владимиров Л. П.* Особый район Китая 1942–1945. С. 603.

[75] См.: *Титов А. С.* Из истории борьбы и раскола в руководстве КПК 1935–1936 гг. С. 140–143; Коммунистический Интернационал и китайская революция. Документы и материалы. С. 283.

[16] См.: *Калинин М. И.* О Китае // Китай. Рассказы. М.; Л., 1938. С. 34–35.

[77] *Сноу Э.* Героический народ Китая. М., 1938. С. 72, 74; *Snow Edgar.* Red Star Over China. P. 83–84.

[78] *Мао Цзе-дун.* Моя жизнь // Интернациональная литература. 1937. № 11. С. 101–111; № 12. С. 95–101.

[79] Мао Цзе-дун. Биографический очерк. М., 1939.

[80] *Эми Сяо.* Мао Цзэ-дун. Чжу Дэ.

[81] Mao's Road to Power. Vol. 6. P. 534–535. См. также: Доклад тов. Мао Цзэ-дуна на VI расширенном пленуме ЦК компартии Китая от 12–14 октября 1938 года. О новом этапе развития антияпонской национальной войны и единого антияпонского национального фронта // РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 225. Д. 71. Т. 1. Л. 204–205, 209.

[82] Доклад тов. Мао Цзэ-дуна на VI расширенном пленуме ЦК компартии Китая от 12–14 октября 1938 года. Л. 196, 199.

[83] *Мао Цзэ-дун.* Избранные произведения. Т. 2. М., 1949. С. 279–280. [м] Mao's Road to Power. Vol. 6. P. 539. См. также: *Мао Цзэ-дун.* Избранные произведения. Т. 2. М., 1949. С. 280.

[85] *Мао Цзэ-дун.* Избранные произведения. Т. 2. М., 1949. С. 271, 279.

[86] См.: Доклад тов. Мао Цзэ-дуна на VI расширенном пленуме ЦК компартии Китая от 12–14 октября 1938 года. Л. 66—215. См. также: Личное дело Линь Бяо // РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 225. Д. 53. Т. 1. Л. 207.

[87] См.: *Браун О.* Китайские записки (1932–1939). С. 331–333; *Shapiro Sidney.* Ma Haide. The Saga of American Doctor George Hatem in China. Beijing, 2004. P. 55–57; *Whitke Roxane.* Comrade Chiang Ch'ing. Boston, Toronto, 1977. P. 145; *Snow Helen Foster.* My China Years. P. 262–263; *Кармен Р.* Год в Китае // Знамя. 1940. № 8. С. 75.

[88] См.: *Li Zhisui.* The Private Life of Chairman Mao. P. 175.

[89] См.: Личное дело Мао Цзэдуна // РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 225. Д. 71. Т. 1. Л. 17; *Кармен Р.* Год в Китае. С. 77; Mao's Road to Power. Vol. 6. P. 297–300; *Whitke Roxane.* Comrade Chiang Ch'ing. P. 155; *Вэнь Сунху-эй.* Мао Цзэдун чуши Цзян Цин (Мао Цзэдун впервые встречает Цзян Цин) // Жэньминь чжэнсе бао (Газета НПКСК). 2004. 10 сентября; *Faligot Roger and Kauffer Rimi.* The Chinese Secret Service. New York, 1989. P. 14–15, 81–83, 122–128; *Byron John and Pack Robert.* The Claws of the Dragon. Kang Sheng. The Evil Genius Behind Mao and His Legacy of Terror in People's China. New York, etc., 1992. P. 145–149; *Terrill Ross.* Madam Mao. The White-boned Demon. Rev. ed. Stanford, Calif., 1999. P. 14—142; *Браун О.* Китайские записки (1932–1939). С. 333; *Jung Chang and Halliday Jon.* Mao. P. 204–206.

[90] См.: Выписка из материала вх. № 8497 от 10 декабря 1949 г. (Доклад т. Теребина, находившегося в Китае в качестве врача при руководстве ЦК КПК с 1942 по 1949 г.) // РГАСПИ. Ф.

495. Оп. 225. Д. 71. Т. 4. С. 71; *Ковалев И. В.* Россия и Китай. (С миссией в Китае) // Дуэль. 1997. 5 ноября.

[91] См.: Личное дело Вэнь Юнь. Л. без №; Личное дело Мао Аньина (Юн Фу) // РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 225. Д. 71. Т. 10. Л. 2-17.

[92] Цит. по: *Ли Минь.* Мой отец Мао Цзэдун. С. 15.

[93] Личное дело Мао Аньина (Юн Фу). Л. 27–28; Личное дело Юн Шу. Л. 23. См. также: Мао Цзэдун шусинь сюаньцзи (Избранные письма Мао Цзэдуна). Пекин, 1983. С. 166–167.

[94] См.: Мао Цзэдун шусинь сюаньцзи. С. 157.

[95] См.: *Ли Минь.* Мой отец Мао Цзэдун. С. 40; *Ма Шэсян.* Хунсэ дии цзяцзу. С. 70; Мао Цзэдун няньпу. 1893–1949. Т. 2. С. 201.

[96] См.: *Панцов А. В.* Образование опорных баз 8-й Национально-революционной армии в тылу японских войск в Северном Китае. С. 41–48.

[97] *Владимиров П. П.* Особый район Китая 1942–1945. С. 77–78.

[98] См.: *Wylie Raymond F.* The Emergence of Maoism. Mao Tse-tung, Ch'en Po-ta, and the Search for Chinese Theory 1935–1945. Stanford. Calif., 1980. P. 72–129.

[99] См.: Чжан Вэньтянь няньпу. Т. 1. С. 624.

[100] См.: *Мао Цзэ-дун.* Избранные произведения. Т. 2. М., 1949. С. 367–456.

[101] См.: *Мао Цзэ-дун.* Избранные произведения. Т. 3. М., 1953. С. 127–132.

[102] См.: *Джилас М.* Разговоры со Сталиным. [Франкфурт-на-Майне, 1970]. С. 32.

[103] Там же. С. 78.

[104] Там же. С. 60–70.

[105] См.: *Chiang Kai-shek.* China's Destiny. New York, 1947.

[106] См.: Троцкистская деятельность в Китае (по агентурным материалам) // РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 74. Д. 285. Л. 59–69; *Benton Gregor.* China's Urban Revolutionaries. Explorations in the History of Chinese Trotskyism. Atlantic Highlands, NJ, 1996; *Тан Баолинь.* Чжунго топай ши (История троцкистских групп в Китае). Тайбэй, 1994.

[107] РГАСПИ. Ф. 555. Оп. 11. Д. 321. Л. 25–26.

[108] См.: Chen Duxiu's Last Articles and Letters, 1937–1942. Richmond, Surrey, 1999.

[109] Личное дело Мао Цзэминя // РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 225. Д. 472. Л. 17.

[110] Личное дело Мао Цзэдуна // Там же. Д. 71. Т. 3. Л. 189.

[111] Там же. Л. 186–189; Ф. 495. Оп. 74. Д. 314.

[112] Цит. по: *Димитров Г.* Дневник. С. 403.

[113] Личное дело Мао Цзэминя. Л. 18.

[114] См.: *Pantsov Alexander and Levine Steven I.* Chinese Comintern

Activists: An Analytical Biographic Dictionary (manuscript). P. 302.

[115] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 36. Л. 41.

[116] См.: *Димитров Г.* Дневник. С. 238.

[117] Там же. С. 101.

[118] См.: *Wylie Raymond F.* The Emergence of Maoism. P. 227; *Li Hua-Yu.* Stalin's *Short Course* and Mao's Socialist Economic Transformation of China in the Early 1950s // Russian History. Vol. 29. No. 2–4 (Summer-Fall-Winter 2002). P. 357–376.

[119] См.: Мао Цзэдун няньпу. 1893–1949. Т. 2. С. 326.

[120] Mao's Road to Power. Revolutionary Writings 1912–1949. Vol. 7. Armonk, NY and London, 2005. P. 810.

[121] Ibid. P. 826–822; Мао Цзэдун няньпу. 1893–1949. Т. 2. С. 349–351.

[122] Цит. по: *Владимиров П. П.* Особый район Китая 1942–1945. С. 123.

[123] *Лю Шаоци.* Избранные произведения. Т. 1. Пекин, 1984. С. 158.

[124] Цит. по: Лю Шаоци няньпу. 1898–1969 (Хронологическая биография Лю Шаоци. 1898–1969). Т. 1. Пекин, 1998. С. 360.

[125] См.: Чжэньшидэ Мао Цзэдун. Мао Цзэдун шэньбянь гунцзо жэньюаньдэ хуэйи (Подлинный Мао Цзэдун. Воспоминания людей, работавших рядом с Мао Цзэдуном). Пекин, 2004. С. 2; Чжунго гунчаньдан цзучжи ши цзыляо хуэйбянь. С. 424–426.

[126] *Владимиров П. П.* Особый район Китая 1942–1945. С. 69, 96, 158.

[127] См.: *Чжоу Гоцюань и др.* Ван Мин няньпу. С. 121, 123.

[128] См. там же. С. 120.

[129] *Димитров Г.* Дневник. С. 349.

[130] Там же.

[131] См.: Личное дело Ван Мина // РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 225. Д. 6. Т. 2. Л. 6; *Димитров Г.* Дневник. С. 352.

[132] *Димитров Г.* Дневник. С. 352.

[133] Там же. С. 354.

[134] Там же. С. 396.

[135] Коммунистический Интернационал и китайская революция. Документы и материалы. С. 296.

[136] *Димитров Г.* Дневник. С. 402–403.

[137] Там же. С. 403. См. также: *Владимиров П. П.* Особый район Китая 1942–1945. С. 251–253.

[138] *Димитров Г.* Дневник. С. 407.

[139] Там же. С. 404.

[140] Там же. С. 412.

[141] Цит. по: *Ван Мин.* Полвека КПК и предательство Мао Цзэдуна. М., 1975. С. 169.

[142] *Владимиров П. П.* Особый район Китая 1942–1945. С. 258, 317.

[143] См.: *Мао Цзэ-дун.* Избранные произведения. Т. 3. М., 1949. С. 381–469.

[144] См.: *Владимиров П. П.* Особый район Китая 1942–1945. С. 487.

[145] См. там же. С. 492, 496–498, 503; *Raymond F. Wylie.* The Emergence of Maoism. P. 263–269.

[146] См.: *Мао Цзэ-дун.* Избранные произведения. Т. 4. М., 1953. С. 321–405.

[147] *Владимиров П. П.* Особый район Китая 1942–1945. С. 325, 432, 461, 467, 527, 540–541.

[148] См.: *Liu Shao-chi.* On the Party. Peking, 1950. C 157.

[149] Мао Цзэдун вэньцзи (Сочинения Мао Цзэдуна). Т. 5. Пекин, 1996. С. 260–261.

[150] Цит. по: Хунци (Красное знамя). 1981. № 14. С. 8.

[151] См.: *Панцов А. В.* К дискуссии в КПК вокруг «идей Мао Цзэ-дуна» // Рабочий класс и современный мир. 1982. № 3. С. 61–64.

[152] См.: Мао Цзэдун няньпу. 1893–1949. Т. 2. С. 607, 617; Т. 3. С. 10–12.

[153] См.: *Utley Freda.* China at War. New York, 1939; *Band Claire and William.* Dragon Fangs. Two Years with Chinese Guerillas. London, 1947; *Bisson T. A.* China's Part in a Coalition War // Far Eastern Survey. 1939. No. XII. P. 139; *Forman Harrison.* Report from Red China. New York, 1945. См. также: *Shewmaker Kenneth E.* Americans and Chinese Communists, 1927–1945. Ithaca and London, 1971. P. 239–262.

[154] См.: *Barrett David D.* Dixie Mission: The United States Army Observer Group in Yenan, 1944. Berkeley, Calif, 1970; *Carter Carrole J.* Mission to Yenan. American Liaison with the Chinese Communists 1944–1947.

Lexington, KY, 1997; *Владимиров П. Л.* Особый район Китая 1942–1945. С. 306–307, 313, 626.

[155] Lost Chance in China. The World War II Despatches of John S. Service. New York, 1974. P. 308–309.

[156] Цит. по: *Владимиров П. П.* Особый район Китая 1942–1945. С. 315.

[157] См.: United Stated Relations with China. With Special Reference to the Period 1944–1949. New York, 1968. P. 92–93, 94–96; Statement by General Patrick J. Hurley on December 5 & 6, 1945 // United States-China relations. Hearings Before the Committee on Foreign Relations, United States Senate, Ninety-second Congress, First Session on the Evolution of U.S. Policy Toward Mainland China

(Executive Hearings Held July 21, 1971; Made Public December 8, 1971) and Hearings Before the Committee on Foreign Relations, United States Senate, Seventy-ninth Congress, First Session on the Situation in the Far East, Particularly China. December 5, 6, 7, and 10, 1945. Washington, 1971. P. 78, 122.

158 The Chinese Communist Movement. A Report of the United States War Department, July 1945. Stanford, Calf., 1968. P. 1, 258.

159 См.: *Мао Цзэ-дун.* Избранные произведения. Т. 3. М., 1949. С. 401.

160 См.: *Heinzig Dieter.* The Soviet Union and Communist China 1945–1950. The Arduous Road to the Alliance. Armonk, NY and London, 2004. P. 51–125.

161 См.: *Торкунов А. В.* Загадочная война. Корейский конфликт 1950–1953 гг. М., 2000. С. 6–29.

162 77 Conversations Between Chinese and Foreign Leaders on the Wars in Indochina. P. 105.

163 См.: *Ледовский А. М.* СССР и Сталин в судьбах Китая. Документы и свидетельства участника событий. 1937–1952 гг. М., 1999. С. 61. См. также: Запись беседы товарища Сталина И. В. с Председателем Центрального народного правительства Китайской Народной Республики Мао Цзэ-дуном 16 декабря 1949 г. // РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 329. Л. 9—17; Запись беседы И. В. Сталина с Председателем Центрального народного правительства Китайской Народной Республики Мао Цзэ-дуном 22 января 1950 г. // Там же. Л. 29–38; CWIHP Bulletin. 1995/1996. No. 6–7. P. 5–9; *Niu Jun.* The Origins of the Sino-Soviet Alliance // Brothers in Arms. P. 70.

164 См.: Советско-китайские отношения. С. 196–203.

165 См. югославские и болгарские стенографические отчеты о секретной советско-болгаро-югославской встрече в Кремле 10 февраля 1948 года, на которой Сталин упомянул об этом факте. Тексты отчетов опубликованы в: CWIHP Bulletin. 1998. No. 10. P. 131 и 133. См. также: *Dedijer Vladimir.* Tito Speaks. London, 1953. P. 331; Minutes, Mao's Conversation with a Yugoslavian Communist Union Delegation, Beijing, [undated] September, 1956 // CWIHP Bulletin. 1995/1996. No. 6–7. P. 149; *Ши Чжэ.* Цзай лиши цзюйжэнь шэньбянь (Рядом с историческими титанами). Пекин, 1995. С. 308; Мао Цзэдун о китайской политике Коминтерна и Сталина. С. 107; *Zubok Vladislav.* The Mao-Khrushchev Conversations, July 31-August 3, 1958 and October 2, 1959 // CWIHP Bulletin. Fall/ Winter 2001. No. 12/13. P. 255; *Wolff David.* «One Finger's Worth of Historical Events»: New Russian and Chinese Evidence on the Sino-Soviet Alliance and Split, 1948–1959 // CWIHP Working Paper No. 30 (August 2000). P. 54; 77 Conversations Between Chinese and Foreign

Leaders on the Wars in Indochina. P. 105–106.

[166] См.: Мао Цзэдун о китайской политике Коминтерна и Сталина. С. 107.

[167] Мао Цзэдун няньпу. 1893–1949. Т. 3. С. 10.

[168] См.: Выступления Мао Цзэ-дуна, ранее не публиковавшиеся в китайской печати. Вып. 2. М., 1975. С. 168.

[169] Цит. по: Пэн Чжэнь няньпу. 1902–1997 (Хронологическая биография Пэн Чжэня. 1902–1997). Пекин, 2002. С. 280.

[170] См.: *Whitke Roxane.* Comrade Chiang Ch'ing. P. 199; Мао Цзэдун гуанхуэй дичэн дитуцзи. С. 75.

[171] См.: *Пэн Дэхуай.* Мемуары маршала. С. 338.

[172] Цит. по: *Хуан Чжэн.* Мао Аньин // Чжунгундан ши жэньу чжу-ань (Биографии деятелей истории КПК). Т. 21. Сиань, 1985. С. 151.

[173] См.: Личное дело Мао Аньина (Юн Фу). Л. 22.

[174] См.: Личное дело Мао Цзэдуна // РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 225. Д. 71. Т. 1. Л. 25.

[175] Цит. по: *Li Zhisui.* The Private Life of Chairman Mao. P. 82.

[176] Цит. по: *Ли Минь* Мой отец Мао Цзэдун. С. 59.

[177] Там же. С. 21.

[178] Цит. по: там же. С. 23–24.

[178a] Личное дело Мао Цзэдуна // РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 225. Д. 71. Т. 1. Л. 26.

[179] *Мао Цзэ-дун.* Избранные произведения. Т. IV. Пекин, 1964. С. 118.

[180] Там же. С. 159–160.

[181] См.: Мао Цзэдун гуанхуэй дичэн дитуцзи. С. 81.

[182] *Li Zhisui.* The Private Life of Chairman Mao. P. 37.

[183] См.: История Китая. М., 1998. С. 582–588; *Spence Jonathan D.* The Search for Modern China. P. 473–480.

[184] См.: *Дедовский А. М.* СССР и Сталин в судьбах Китая. С. 48–49.

[185] См.: *Murray Brian.* Stalin, the Cold War, and the Division of China: A Multi-Archival Mystery // CWIHP Working Paper No. 12 (June 1995). P. 1–17.

[186] См.: 77 Conversations Between Chinese and Foreign Leaders on the Wars in Indochina. P. 108.

[187] См.: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 40. Л. 1–2.

[188] См.: там же.

[189] Цит. по: 77 Conversations Between Chinese and Foreign Leaders on the Wars in Indochina. P. 108. См. также: Проблемы Дальнего Востока. 1989. № 1. С. 141 и запись выступления Кан Шэна на встрече делегаций КПСС и КПК 13 июля 1963 года, опубликованную в: CWIHP Bulletin. 1998. № 10. P. 182.

[190] См.: *Эренбург Г.* К вопросу о характере и особенностях народной демократии в Китае // Сборник статей по истории стран Дальнего Востока. М., 1952. С. 5–21.

[191] См.: *Garver John W.* Chinese-Soviet Relations, 1937–1945: The Diplomacy of Chinese Nationalism. New York, 1988. P. 261.

[192] *Хрущев Н. С.* Время. Люди. Власть. С. 30.

[193] Личное дело Мао Цзэдуна // РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 225. Д. 71. Т. 2. Л. 249–250.

[194] См.: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 40. Л. 183; Личное дело Цзян Цин // Там же. Ф. 495. Оп. 225. Д. 3217. Л. без №.

[195] См.: *Коршунова А. И.* Встречи в Москве с Цзян Цин, женой Мао Цзэдуна // Кентавр. 1992. № 1–2. С. 121–127.

[196] Личное дело Цзян Цин. Л. без №.

[197] См.: Запись приема товарищем Сталиным делегации ЦК КПК // РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 329. Л. 1–7.

[198] См.: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 41. Л. 49.

[199] Minutes, Mao's Conversation with a Yugoslavian Communist Union Delegation. P. 151.

[200] Цит. по: *Ледовский А. М.* СССР и Сталин в судьбах Китая. С. 53.

[201] Цит. по: там же. с. 56. См. также: Brothers in Arms. P. 298.

[202] *Ледовский А. М.* СССР и Сталин в судьбах Китая. С. 53; Brothers in Arms. P. 298–299.

[203] Brothers in Arms. P. 300.

[204] См.: Мао Цзэдун вэньцзи. Т. 5. С. 140–141, 145.

[205] Цит. по: *ЯнХуйсун.* Мао Цзэдун вейшэмма фанци синьминь-чжучжуи Гуаньюй Эго мошидэ инсян вэньти (Почему Мао Цзэдун отказался от новодемократизма. К вопросу о влиянии русской модели) // Цзиньдайши яньцзю (Изучение новой истории). 1997. № 4. С. 177.

[206] См.: Мао Цзэдун няньпу. 1893–1949. Т. 2. С. 449; *Goncharov Sergei N., Lewis John W, Xue Litai.* Uncertain Partners. Stalin, Mao, and the Korean War. Stanford, Calif., 1993. P. 40; *Wolff David.* «One Finger's Worth of Historical Events». P. 55; *Верещагин Б. Н.* В старом и новом Китае. С. 124; *Heinzig Dieter.* The Soviet Union and Communist China 1945–1950. P. 135–156.

[207] См.: *Ледовский А. М.* СССР и Сталин в судьбах Китая. С. 65.

[208] См.: *Микоян А. И.* Так было. Размышления о минувшем. М., 1999. С. 528–529.

[209] Цит. по: *Чжоу Энь-лай.* Речь на Всекитайском финансово-экономическом совещании // Архив внешней политики Российской Федерации (здесь и далее — АВП РФ). Ф. 0100. Оп. 46. Порт. 374. П. 121. Л. 9.

[210] Там же.

[211] См.: *Мао Цзэ-дун.* Избранные произведения. Т. IV. С. 501–518.

[212] См. там же. С. 501–518.

[213] Выступления Мао Цзэ-дуна, ранее не публиковавшиеся в китайской печати. Вып. 2. С. 181.

[214] См.: Мао Цзэдун няньпу. 1893–1949 (Хронологическая биография Мао Цзэдуна. 1893–1949). Т. 3. Пекин, 2002. С. 469.

[215] См.: Выписка из материала вх. № 8497 от 10 декабря 1949 г. С. 72.

[216] См.: *Коршунова А. И.* Встречи в Москве с Цзян Цин, женой Мао Цзэдуна. С. 127.

[217] См.: *Whitke Roxane.* Comrade Chiang Ch'ing. P. 449.

[218] *Ли Минь.* Мой отец Мао Цзэдун. С. 29–30, 32–33.

[219] См.: *Whitke Roxane.* Comrade Chiang Ch'ing. P. 165–166.

[220] См.: Выписка из материала вх. № 8497 от 10 декабря 1949 г. С. 71. См. также: *Ли Минь.* Мой отец Мао Цзэдун. С. 201.

[221] *Ли Минь.* Мой отец Мао Цзэдун. С. 38.

[222] См.: Чжэныиидэ Мао Цзэдун. С. 750–756; *Li Zhisui.* The Private Life of Chairman Mao. P. 66.

[223] Цит. по: *Рахманин О. Б.* Взаимоотношения между И. В. Сталиным и Мао Цзэдуном глазами очевидца // Новая и новейшая история. 1998. № 1. С. 85.

[224] См.: Запись беседы товарища Сталина И. В. с Председателем Центрального народного правительства Китайской Народной Республики Мао Цзэ-дуном 16 декабря 1949 г. Л. 9—17; Запись беседы И. В. Сталина с Председателем Центрального народного правительства Китайской Народной Республики Мао Цзэ-дуном 22 января 1950 г. Л. 29–38; CWIHP Bulletin. 1995/1996. No. 6–7. P. 5–19.

[225] *Ковалев И. В.* Диалог Сталина с Мао Цзэдуном // Проблемы Дальнего Востока. 1991. № 6. С. 84.

[226] Выписка из материала вх. № 8497 от 10 декабря 1949 г. С. 69–70; Личное дело Мао Цзэдуна // РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 225. Д. 71. Т. 3. Л 289.

[227] См.: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 41. Л. 50–51; Д. 42. Л. 163.

[228] См. там же. Ф. 17. Оп. 162. Д. 42. Л. 163.

[229] *Ковалев И. В.* Россия и Китай (С миссией в Китае) // Дуэль. 1997. 25 февраля.

[230] См.: *Ши Чжэ, Ши Цюлан.* Водэ ишэн — Ши Чжэ цзышу (Моя жизнь. Воспоминания Ши Чжэ). Пекин, 2002. С. 323.

[231] Правда. 1949. 17 декабря.

[232] См.: *Ковалев И. В.* Россия и Китай (С миссией в Китае) // Дуэль. 1997. 25 марта; *Крутиков К. И.* На китайском направлении. Из воспоминаний дипломата. М., 2003. С. 123.

[233] См.: Запись беседы товарища Сталина И. В. с Председателем Центрального народного правительства Китайской Народной Республики Мао Цзэ-дуном 16 декабря 1949 г. Л. И, 15.

[234] *Ковалев И. В.* Россия и Китай (С миссией в Китае) // Дуэль. 1997. 25 марта.

[235] См.: Личное дело Мао Цзэдуна // РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 225. Д. 71. Т. 1. Л. 180–184 об.

236 Цит. по: *Ши Чжэ*. Цзай лиши цзюйжэнь шэньбянь. С. 437. См. также воспоминания Мао об этом на встрече с Хрущевым 31 июля 1958 года в Пекине, опубликованные в: *Wolff David.* «One Finger's Worth of Historical Events». P. 54 и в *Zubok Vladislav*. The Mao-Khrushchev Conversations. P. 255.

[237] Мао Цзэдун о китайской политике Коминтерна и Сталина. С. 106.

[238] См.: *Верещагин Б. Н.* В старом и новом Китае. С. 124. См. также: Ван Дунсин жицзи (Дневник Ван Дунсина). Пекин, 1993. С. 156–212.

[239] *Ковалев И. В.* Россия и Китай (С миссией в Китае) // Дуэль. 1997. 25 марта.

[240] *Федоренко Н. Т.* Сталин и Мао: Беседы в Москве // Проблемы Дальнего Востока. 1989. № 1. С. 152, 156.

[241] *Ши Чжэ.* Цзай лиши цзюйжэнь шэньбянь. 446–447.

[242] См.: Запись беседы товарища Сталина И. В. с Председателем Центрального народного правительства Китайской Народной Республики Мао Цзэ-дуном 16 декабря 1949 г. Л. 9—17; CWIHP Bulletin. 1995/1996. No. 6–7. P. 5–7.

[243] Запись беседы И. В. Сталина с Председателем Центрального народного правительства Китайской Народной Республики Мао Цзэ-дуном 22 января 1950 г. Л. 32.

[244] См. там же. Л. 37; CWIHP Bulletin. 1995/1996. No. 6–7. P. 9.

[245] См.: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 1080. Л. 65, 252; Оп. 163. Д. 1595. Л. 115, 116; Д. 1607. Л. 70–71; Советско-китайские отношения. С. 227–229; *Ганшин Г., Зазерская Т.* Ухабы на дороге «братской дружбы» (Из истории советско-китайских отношений) // Проблемы Дальнего Востока. 1994. № 6. С. 67–72; *Shu Guang Zhang.* Sino-Soviet Economic Cooperation // Brothers in Arms. P. 198; Чжоу Эньлай няньпу (1949–1976) (Хронологическая биография Чжоу Эньлая. 1949–1976). В 2 т. Пекин, 1997. Т. 1. С. 22–25.

[246] См.: Запись беседы И. В. Сталина с Председателем Центрального народного правительства Китайской Народной Республики Мао Цзэ-дуном 22 января 1950 г. Л. 34–35; CWIHP Bulletin. 1995/1996. No. 6–7. P. 8–9. См. также телеграмму Мао Цзэдуна Лю Шаоци от 25 января 1950 года по поводу советско-

китайских переговоров и выработки проектов соответствующих документов, переведенную на английский язык и опубликованную в: CW1HP Bulletin. 1996/1997. No. 8–9. P. 235.

247 См.: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 1080. Л. 61, 192–242.

248 См. там же Л. 82, 260–261; Советско-китайские отношения. С. 221–222.

249 *Хрущев Н. С.* Время. Люди. Власть. С. 32, 35.

250 Цит. по: *Кулик Т. Б.* Советско-китайский раскол. Причины и последствия. М., 2000. С. 31–32.

251 *Симонов К.* Истории тяжелая вода. М., 2005. С. 382.

252 См.: Запись беседы товарища Сталина И. В. с Председателем Центрального народного правительства Китайской Народной Республики Мао Цзэ-дуном 16 декабря 1949 г. Л. 34; CWIHP Bulletin. 1995/1996. No. 6–7. P. 7.

253 См.: Record of Conversation, Mao Zedong and Soviet Ambassador to Beijing Pavel Yudin, July 22, 1958 // Brothers in Arms. P. 350.

254 Правда. 1950. 18 февраля.

255 См. записи бесед Мао с хрущевским послом Павлом Федоровичем Юдиным 31 марта 1956 года и 22 июля 1958 года, с делегацией Союза коммунистов Югославии в сентябре 1956-го и с советским министром иностранным дел Громыко 19 ноября 1957 года, опубликованные или цитируемые в: Мао Цзэдун о китайской политике Коминтерна и Сталина. С. 107; Minutes, Mao's Conversation with a Yugoslavian Communist Union Delegation. P. 148–149; *Кулик Б. Т.* Советско-китайский раскол. С. 95. См. также: Brothers in Arms. P. 201, 350.

256 Цит. по: *Goncharov Sergei N., Lewis John W., Xue Litai.* Uncertain Partners. P. 195.

257 Личное дело Мао Цзэдуна // РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 225. Д. 71. Т. 1. Л. 54–55. См. также: *Ши Чжэ, Ли Хайвэнь.* Чжунсу гуаньси цзянь-чжэн лу (Записки свидетеля о советско-китайских отношениях). Пекин, 2005. С. 89–98; *Федоренко Н.* Как академик П. Ф. Юдин редактировал Мао Цзэдуна // Проблемы Дальнего Востока. 1992. № 6. С. 75.

258 Цит. по: *Верещагин Б. Н.* В старом и новом Китае. С. 75.

259 Цит. по: Мао Цзэдун о китайской политике Коминтерна и Сталина. С. 106–107.

260 См.: *Коваль К. И.* Московские переговоры И. В. Сталина с Чжоу Эньлаем в 1953 г. и Н. С. Хрущева с Мао Цзэдуном в 1954 г. // Новая и новейшая история. 1989. № 5. С. 104–107.

261 Цит. по: *Ховаль К И.* Московские переговоры И. В. Сталина с Чжоу Эньлаем в 1953 г. и Н. С. Хрущева с Мао Цзэдуном в 1954 г. С. 107. См. также: Brothers in Arms. С. 145, 197–200, 257.

[262] См.: История Коммунистической партии Китая. Т. 2. Ч. 1. М., 1987. С. 130. См. также: *Нетщ Dieter*. The Soviet Union and Communist China 1945–1950. P. 263–384.

[263] См.: Советско-китайские отношения. С. 223. Мао просил Сталина сократить период поставки промышленного оборудования и вооружения в счет кредитов с пяти до четырех лет, но Сталин не согласился. См.: Запись беседы И. В. Сталина с Председателем Центрального народного правительства Китайской Народной Республики Мао Цзэ-дуном 22 января 1950 г. Л. 36; CWIHP Bulletin. 1995/1996. No. 6–7. P. 9.

[264] Mao Zedong's Telegram to CCP CC, January 4, 1950 // CWIHP Bulletin. 1996/1997. No. 8–9. P. 229. См. также: *Ледовский А. М.* СССР и Сталин в судьбах Китая. С. 78.

[265] См.: *Shu Guang Zhang.* Sino-Soviet Economic Cooperation. P. 197.

[266] См.: Запись беседы товарища Сталина И. В. с Чжоу Эньлаем 3 сентября 1952 года // РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 329. Л. 81; CWIHP Bulletin. 1995/1996. No. 6–7. P. 15–16; Советско-китайские отношения. С. 285; *Чэнь Чжишин.* Ли Фучунь // Чжунгундан ши жэньу чжуань (Биографии деятелей истории КПК). Т. 44. Сиань, 1990. С. 62–63, 67; *Коваль К. И.* Московские переговоры И. В. Сталина с Чжоу Эньлаем в 1953 г. и Н. С. Хрущева с Мао Цзэдуном в 1954 г. С. 107.

[267] См.: Запись беседы товарища Сталина И. В. с Чжоу Эньлаем 3 сентября 1952 года. Л. 75, 85; CWIHP Bulletin. 1995/1996. No. 6–7. P. 14, 16. См. также: Чжоу Эньлай няньпу (1949–1976). Т. 1. С. 258; *Meisner Maurice.* Mao's China и After. A History of the People's Republic of China. 3rd ed. New York, 1999. C 127.

[268] См.: *Кулик Б. Т.* Советско-китайский раскол. С. 126; *Чэнь Чжи-лин.* Ли Фучунь. С. 63.

[269] См.: Чжоу Эньлай няньпу (1949–1976). Т. 1. С. 284–285; *Кулик Б. Т.* Советско-китайский раскол. С. 126.

[270] См.: *Li Fu-ch'un [Li Fuchun].* Report on the First Five-Year Plan, 1953–1957, July 5–6, 1955 // Communist China 1955–1959: Policy Documents with Analysis. Cambridge, Mass., 1962. P. 53, 61.

[271] См.: Краткая история КПК (1921–1991). Пекин, 1993. С. 530.

[272] См.: Лю Шаоци няньпу. 1898–1969 (Хронологическая биография Лю Шаоци. 1898–1969). Т. 2. Пекин, 1998. С. 304–305.

[273] Цит. по: Дневник советского посла в Китае В. В. Кузнецова. Запись беседы с Лю Шаоци. 9 ноября 1953 г. // АВП РФ. Ф. 0100. Оп. 46. Порт. 12. П. 362. Л. 185.

[274] См.: *Courtois Stephane et al.* The Black Book of Communism:

Crimes, Terror, Repression. Trans. Jonathon Murphy and Mark Kramer. Cambridge, Mass., 1999. P. 481; *Meisner Maurice.* Mao's China и After. P. 72.

275 См.: Интервью с Б. Н. Горбачевым в г. Москве 25 ноября 1999 г. т См.: *Семенов Г. Г.* Три года в Пекине (Записки военного советника). М., 1978. С. 47–48, 60–62.

277 См.: *Ян Куйсун.* Мао Цзэдун вейшэмма фанци синьминьчжучжуи. С. 182–183.

278 Цит. по: *Whitke Roxane.* Comrade Chiang Ch'ing. P. 239.

279 См.: *Cooper Jerome.* Lawyers in China and the Rule of Law // International Journal of the Legal Profession. 1999. Vol. VI. No. 1. P. 71–89.

280 См.: *Ковалев* Я. А Диалог Сталина с Мао Цзэдуном. С. 91; *Н. С. Хрущев.* Время. Люди. Власть. С. 33–35; *Бо Ибо.* Жогань чжунда цзюецэ юй шицзяньдэ хуэйгу (Воспоминания о некоторых важных политических решениях и их реализации). Т. 1. Пекин, 1991. С. 40–41; Е Цзылун хуэйилу. С. 201; *Чэнь Айфэй, Цао Чживэй.* Цзоучу гомэньдэ Мао Цзэдун (Мао Цзэдун за границей). Шицзячжуан, 2001. С. 88–91.

281 См.: Мао Цзэдун о китайской политике Коминтерна и Сталина. С. 106.

282 См.: *Ковалев И. В.* Диалог Сталина с Мао Цзэдуном. С. 89; *Он же.* Россия и Китай (С миссией в Китае) // Дуэль. 1997. 19 ноября.

283 См.: Личное дело Мао Цзэдуна // РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 225. Д. 71. Т. 1. Л. 57.

284 См.: *Ковалев И. В.* Диалог Сталина с Мао Цзэдуном. С. 89.

285 См.: *Deriabin Peter S. and Evans Joseph Culver.* Inside Stalin's Kremlin: An Eyewitness Account of Brutality, Duplicity, and Intrigue. Washington, London, 1998. P. 110, 229–230.

286 См.: Лю Шаоци сюаньцзи (Избранные произведения Лю Шаоци). Т. 1. Пекин, 1985; Чжоу Эньлай сюаньцзи (Избранные произведения Чжоу Эньлая). В 2 т. Пекин, 1980.

287 См.: Образование Китайской Народной Республики. Документы и материалы. М., 1950. С. 30–49.

288 См.: Конституция и основные законодательные акты Китайской Народной Республики. М., 1955. С. 381–392.

289 Цит. по: Аграрные преобразования в народном Китае. М., 1955. С. 39.

290 См.: Конституция и основные законодательные акты Китайской Народной Республики. С. 493–523.

291 См. там же. С. 475–481.

292 См.: *Меликсетов А. В.* «Новая демократия» и выбор Китаем путей социально-экономического развития (1949–1953 гг.) //

Проблемы Дальнего Востока. 1996. № 1. С. 82–95.

[293] См.: *Мао Цзэ-дун.* Избранные произведения. Т. V. Пекин, 1977. С. 78; Информационный бюллетень. Серия А. «Культурная революция» в Китае. Документы и материалы (перевод с китайского). Выпуск первый: «Хунвэйбиновская» печать о Лю Шаоци. М., 1968. С. 73–74.

[294] См.: *Бо Ибо.* Жогань чжунда цзюецэ юй шицзяньдэ хуэйгу. С. 234–235. См. также: *Мао Цзэ-дун.* Избранные произведения. Т. V. С. 122–123.

[295] Мао Цзэдун чжуань (1949–1976) (Биография Мао Цзэдуна [1949–1976]). Т. 1. Пекин, 2003. С. 247.

[296] См.: *ЛедовскийА. М.* Дело Гао Гана — Жао Шуши. М., 1990. С. 99.

[297] *Мао Цзэ-дун.* Избранные произведения. Т. V. С. 105.

[298] Там же.

[299] Там же. С. 106.

[300] См. там же. С. 105–107, 115–127; *Чжоу Энь-лай.* Речь на Всекитайском финансово-экономическом совещании. Л. 8—19; *Бо Ибо.* Жогань чжунда цзюецэ юй шицзяньдэ хуэйгу. С. 242; *Ледовский А. М.* Дело Гао Гана — Жао Шуши. С. 99.

[301] Цит. по: *Бо Ибо.* Жогань чжунда цзюецэ юй шицзяньдэ хуэйгу. С. 242. См. также: *Мао Цзэ-дун.* Избранные произведения. Т. V. С. 125.

[302] Цит. по: *Бо Ибо* Жогань чжунда цзюецэ юй шицзяньдэ хуэйгу. С. 18.

[303] Там же. С. 18.

[304] Там же. С. 19.

[305] *Мао Цзэ-дун.* Избранные произведения. Т. V. С. 118. [306] Там же. С. 160.

Часть VII
ОТ СТАЛИНИЗАЦИИ К МАОИЗАЦИИ

[1] См.: *Рахманин О. Б.* Взаимоотношения между И. В. Сталиным и Мао Цзэдуном глазами очевидца. С. 80.

[2] См.: *Deriabin Peter S. and Evans Joseph Culver.* Inside Stalin's Kremlin. P. 111–113.

[3] См.: *Пржевальский Н. М.* Путешествие в Уссурийском крае, 1867–1869 гг. Владивосток, 1990.

[4] Правда. 1953. 11 марта.

[5] См.: *Коршунова А. И.* Встречи в Москве с Цзян Цин, женой Мао Цзэдуна. С. 126; *Whitke Roxane.* Comrade Chiang Ch'ing. P. 257.

[6] См.: Чжоу Эньлай няньпу (1949–1976). Т. 1. С. 289–290.

[7] См.: Советско-китайские отношения. С. 284; Чжоу Эньлай няньпу (1949–1976). Т. 1. С. 290.

[8] См.: Советско-китайские отношения. С. 284–285; Чжоу Эньлай няньпу (1949–1976). Т. 1. С. 289–290.

[9] См.: *Чэнь Чжилин.* Ли Фучунь. С. 64–65.

[10] Цит. по: Советско-китайские отношения. С. 285.

[11] См.: *Хрущев Н. С.* Время. Люди. Власть. С. 23–25. Впоследствии в беседах с Мао Хрущев, осуждая сталинскую политику в отношении Китая, неоднократно заявлял, что был против его (Сталина) «старческой глупости». См.: *Zubok Vladislav.* The Mao-Khrushchev Conversations. P. 250, 261.

[12] См.: История Коммунистической партии Китая. Т. 2. Ч. 1. С. 118.

[13] См.: Чжоу Эньлай няньпу (1949–1976). Т. 1. С. 308–309.

[14] *Мао Цзэдун.* Избранные произведения. Т. V. С. 105.

[15] См. там же. С. 106.

[16] Цит. по: История Коммунистической партии Китая. С. 119–120.

[17] *Мао Цзэдун.* Избранные произведения. Т. V. С. 116.

[18] См.: Чжоу Эньлай няньпу (1949–1976). Т. 1. С. 317.

[19] См.: Чжоу Эньлай сюаньцзи. Т. 2. С. 104–105.

[20] Бороться за мобилизацию всех сил для превращения нашей страны в великое социалистическое государство. Тезисы для изучения и пропаганды генеральной линии партии в переходный период. (Разработаны отделом агитации и пропаганды ЦК КПК и утверждены ЦК КПК в декабре 1953 г.). М., [1957]. С. 10.

[21] См.: Сообщение о IV пленуме ЦК КПК // Народный Китай. 1954. № 6. С. 4.

[22] Цит. по: *Шевелев К. В.* О некоторых аспектах работы 4-го

пленума ЦК КПК 7-го созыва // Перспективы сотрудничества Китая, России и других стран Северо-Восточной Азии в конце XX — начале XXI века. Тезисы докладов VIII Международной научной конференции «Китай. Китайская цивилизация и мир. История, современность, перспективы» (Москва, 7–9 октября 1997 г.). М., 1997. С. 151.

[23] Е Цзылун хуэйилу. С. 197. См. также воспоминания охранника Мао, Ли Иньцяо, в: *Quart Yanchi.* Mao Zedong. Man, Not God. Beijing, 1992. P. 43.

[24] Цит. по: *Ли Минь.* Мой отец Мао Цзэдун. С. 145–146.

[25] Там же. С. 117–119; Личное дело Мао Цзэминя. Л. 2; Мао Цзэминь // Чжунгундан ши жэньу чжуань. С. 71–75; *Ма Шэсян.* Хунсэ дии цзяцзу. С. 281.

[26] См.: Личное дело Юн Шу. Л. 31–35, 37; *Ма Шэсян.* Хунсэ дии цзяцзу. С. 155–156, 181–191, 273–289, 301–303; Мао Цзэдун байкэ цюаныиу. Т. 1. С. 26–39.

[27] Выступления Мао Цзэдуна, ранее не публиковавшиеся в китайской печати. Вып. 3. М., 1976. С. 100.

[28] *Мао Цзэдун.* Избранные произведения. Т. V. С. 408.

[29] См.: *Гао Тан.* Избранное. М., 1989. С. 226–231.

[30] См.: *Short Philip.* Mao. A Life. P. 442.

[31] Цит. по: *Wingrove Paul.* Mao's Conversations with the Soviet Ambassador, 1953–1955 // CWIHP Working Paper No. 36 (April 2002). P. 40.

[32] См.: *Short Philip.* Mao. A Life. P. 442, 444, 737.

[33] См.: *Wingrove Paul.* Mao's Conversations with the Soviet Ambassador, 1953–1955. P. 28–29, 34–35, 40–41; *Teiwes Frederick C* Politics at Mao's Court: Gao Gang and Party Factionalism. Armonk, NY, 1990; *Short Philip*-Mao. A Life. P. 441–445.

[34] Цит. по: Хунци (Красное знамя). 1981. № 2. С. 34.

[35] См.: *Мао Цзэдун.* Избранные произведения. Т. V. С. 175–176. См. также: *Wingrove Paul.* Mao's Conversations with the Soviet Ambassador, 1953–1955. P. 21–23.

[36] См.: *Чэн Бо.* Чжунгун «бада» цзюецэ нэйму (Механизм принятия решений на VIII съезде КПК). Пекин, 1999. С. 54–55; *Wingrove Paul.* Mao's Conversations with the Soviet Ambassador, 1953–1955. P. 38–40.

[37] *Li Zhisui.* The Private Life of Chairman Mao. P. 65.

[38] *Крутиков К. И.* На китайском направлении. С. 183.

[39] См.: *Хэ Ганьчжи.* История современной революции в Китае. М., 1959. С. 682.

[40] См.: Хунци (Красное знамя). 1981. № 2. С. 33.

[41] См.: Цзяньго илай Мао Цзэдун вэньгао (Рукописи Мао Цзэдуна со времени образования КНР). Т. 4. Пекин, 1998. С. 548.

[42] См.: Первая сессия Всекитайского собрания народных представителей Китайской Народной Республики первого созыва (документы и материалы). Пекин, 1956.

[43] *Ши Чжэ.* Фэн юй гу. Ши Чжэ хуэйилу (Вершина и пропасть. Воспоминания Ши Чжэ). Пекин, 1992. С. 103. См. также: *Wingrove Paul.* Mao's Conversations with the Soviet Ambassador, 1953–1955. P. 10–12.

[44] См.: Brothers in Arms. P. 38.

[45] Е Цзылун хуэйилу. С. 202.

[46] См. телеграмму Мао Цзэдуна ЦК КПСС от 1 сентября 1954 года, опубликованную в издании «Цзяньго илай Мао Цзэдун вэньгао» (Т. 4. С. 537–538).

[47] См.: *Wingrove Paul.* Mao's Conversations with the Soviet Ambassador, 1953–1955. P. 13–18; *Мао Цзэдун.* Избранные произведения. Т. V. С. 405. См. также воспоминания бывшего министра иностранных дел СССР Дмитрия Тимофеевича Шепилова о встрече Мао Цзэдуна с советской делегацией 30 сентября 1954 года в Пекине: *Шепилов Д. Т.* Воспоминания // Вопросы истории. 1998. № 9. С. 26.

[48] См.: *Коваль К. И.* Московские переговоры И. В. Сталина с Чжоу Эньлаем в 1953 г. и Н. С. Хрущева с Мао Цзэдуном в 1954 г. С. 108–113.

[49] Brothers in Arms. P. 16.

[50] Цит. по: *Шепилов Д. Т.* Воспоминания // Вопросы истории. 1998. № 10. С. 25.

[51] Цит. по: *Коваль К. И.* Московские переговоры И. В. Сталина с Чжоу Эньлаем в 1953 г. и Н. С. Хрущева с Мао Цзэдуном в 1954 г. С. 113.

[52] См.: Brothers in Arms. P. 16, 39.

[53] Цит. по: *Хрущев Н. С.* Время. Люди. Власть. С. 40–47; *Шепилов Д. Т.* Воспоминания // Вопросы истории. 1998. № 9. С. 18–31; № 10. С. 3—30; *Коваль К. И.* Московские переговоры И. В. Сталина с Чжоу Эньлаем в 1953 г. и Н. С. Хрущева с Мао Цзэдуном в 1954 г. С. 113–118; *Ши Чжэ.* Фэн юй гу. С. 106–115.

[54] Цит. по: *Chen Man and Yang Kuisong.* Chinese Politics and the Collapse of the Sino-Soviet Alliance // Brothers in Arms. P. 285.

[55] *Солженицын А.* Бодался теленок с дубом. Очерки литературной жизни. М., 1996. С. 61.

[56] Цит. по: *Шепилов Д. Т.* Воспоминания // Вопросы истории. 1998. № 9. С. 18.

[57] Цит. по: *Whitke Roxane.* Comrade Chiang Ch'ing. P. 272.

[58] См.: *Ши Чжэ.* Фэн юй гу. С. 101–115; *Ли Юэжань.* Вайцзяо утай шандэ Чжунго линсюе (Лидеры нового Китая на дипломатической арене). Пекин, 1989. С. 52–53.

[59] См.: *Хрущев И. С.* Воспоминания. Избранные фрагменты. М., 1997. С. 336, 356–357. См. также: *Шепилов Д. Т.* Воспоминания // Вопросы истории. 1998. № 10. С. 28–29.

[60] См.: *Whitke Roxane.* Comrade Chiang Ch'ing. P. 262.

[61] Сегодня (Украина). 1989. 6 октября.

[62] *Хрущев Н. С.* Время. Люди. Власть. С. 21–22.

[63] См.: История Коммунистической партии Китая. Т. 2. Ч. 1. С. 137.

[64] См.: *Shu Guang Zhang.* Sino-Soviet Economic Cooperation. P. 202.

[65] См.: *Chen Jian and Yang Kuisong.* Chinese Politics and the Collapse of the Sino-Soviet Alliance. P. 257.

[66] См.: *Goncharenko Sergei.* Sino-Soviet Military Cooperation // Brothers in Arms. P. 147.

[67] См.: Материалы второй сессии Всекитайского собрания народных представителей (5—30 июля 1955 г.). М., 1956. С. 256.

[68] См.: *Li Fu-ch'un.* Report on the First Five-Year Plan. P. 43–91.

[69] См.: Memo, PRC Foreign Ministry to the USSR Embassy in Beijing, March 13, 1957 // CWIHP Bulletin. 1995/1996. No. 6–7. P. 160; *Meisner Maurice.* Mao's China и After. P. 113; *Бо Ибо.* Жоган чжунда цзюецэ юй шицзяньдэ хуэйгу С. 295–296.

[70] См.: The China Quarterly. 1960. No. 1. P. 38.

[71] См.: *Meisner Maurice.* Mao's China и After. P. 113. По другим данным, в 1950-е годы более 8000 советских и восточноевропейских советников и экспертов работали в Китае, в то время как 7000 китайцев проходили специальную подготовку и обучение в СССР и странах Восточной Европы. См.: *Shu Guang Zhang.* Sino-Soviet Economic Cooperation. P. 202. Шепилов утверждает, что свыше 11 000 китайских студентов и более 8000 рабочих и техников обучались в Советском Союзе. См.: *Шепилов Д. Т.* Воспоминания // Вопросы истории. 1998. № 10. С. 26.

[72] Цит. по: Дневник советского посла в Китае В. В. Кузнецова. Л. 184–185.

[73] См.: АВП РФ. Ф. 0100. Оп. 44. Порт. 15. П. 322. Л. 146–147.

[74] См.: *Бони Л. Д.* Механизм изъятия товарного зерна в КНР (50-е годы) // Китай: государство и общество. М., 1977. С. 27–28.

[75] Там же. С. 33–34.

[76] См.: *Мао Цзэдун.* Избранные произведения. Т. V. С. 256, 347–348; *Чжоу Энь-лай.* О предложениях по второму пятилетнему плану развития народного хозяйства // Материалы VIII Всекитайского съезда Коммунистической партии Китая. М., 1956. С. 123.

[77] См.: *Гелъбрас В. Г.* Социально-экономическая структура КНР: 50— 60-е гг. С. 60.

[78] *Мао Цзэдун.* Избранные произведения. Т. V. С. 249–250.

[79] См. там же. С. 218.

[80] Цит. по: *Цзян Воин и др.* Дэн Цзыхуэй // Чжунгундан ши жэньу чжу-ань (Биографии деятелей истории КПК). Т. 7. Сиань, 1990. С. 367–368.

[81] См.: Аграрные преобразования в народном Китае. С. 345.

[82] Выступления Мао Цзэдуна, ранее не публиковавшиеся в китайской печати. Вып. 2. С. 111.

[83] См.: *Мао Цзэдун.* Избранные произведения. Т. V. С. 150–163, 218, 222–223.

[84] См.: Аграрные преобразования в народном Китае. С. 361–386.

[85] См.: Бороться за мобилизацию всех сил. С. 33.

[86] Цзяньго илай Мао Цзэдун вэньгао. Т. 4. С. 497, 498.

[87] См.: *Мао Цзэдун.* Избранные произведения. Т. V. С. 218.

[88] См.: *Крутиков К. И.* На китайском направлении. С. 169.

[89] Цит. по: *Шевелев К. В.* Формирование социально-экономической политики руководства КПК в 1949–1956 годах (рукопись). С. VI—13.

[90] См.: *Цзян Бот и др.* Дэн Цзыхуэй. С. 369–370. См. также: The Politics of Agricultural Cooperation in China: Mao, Deng Zihui and the «High Tide» of 1955. Armonk, NY and London, 1993; *Мао Цзэдун.* Избранные произведения. Т. V. С. 218. См. также: История Китая. С. 640; Информационный бюллетень. С. 111.

[91] Цит. по: Мао Цзэдун чжуань (1949–1976). Т. 1. С. 370.

[92] Цит. по: *Шевелев К. В.* Формирование социально-экономической политики руководства КПК в 1949–1956 годах (рукопись). С. VI—22.

[93] См.: Мао Цзэдун чжуань (1949–1976). Т. 1. С. 374.

[94] *Мао Цзэдун.* Избранные произведения. Т. V. С. 223.

[95] Цит. по: Мао Цзэдун чжуань (1949–1976). Т. 1. С. 375.

[96] Цит. по: там же. С. 376.

[97] Цит. по: Лю Шаоци няньпу. 1898–1969. Т. 2. С. 340.

[98] См.: *Мао Цзэдун.* Избранные произведения. Т. V. С. 222–223; *Цзян Воин и др.* Дэн Цзыхуэй. С. 369–370; *Шевелев К. В.* Формирование социально-экономической политики руководства КПК в 1949–1956 годах (рукопись). С. VI—24.

[99] См.: *Мао Цзэдун.* Избранные произведения. Т. V. С. 219.

[100] См. там же. С. 234; Цзяньго илай Мао Цзэдун вэньгао (Рукописи Мао Цзэдуна со времени образования КНР). Т. 5. Пекин, 1991. С. 251.

[101] Minutes, Mao's Conversation with a Yugoslavian Communist Union Delegation. P. 151. Переводчики этого документа допустили ошибку в переводе названия сталинской статьи.

[102] *Мао Цзэдун.* Избранные произведения. Т. V. С. 233; Цзяньго илай Мао Цзэдун вэньгао. Т. 5. С. 251.

[103] Выступления Мао Цзэдуна, ранее не публиковавшиеся в китайской печати. Вып. 1. М., 1975. С. 54–55.

[104] Цит. по: *Li Zhisui.* The Private Life of Chairman Mao. P. 136.

[105] См.: Brothers in Arms. C 17.

[106] Решение шестого (расширенного) пленума ЦК Коммунистической партии Китая седьмого созыва по вопросу о кооперировании в сельском хозяйстве. М., 1955. С. 4–5.

[107] См.: *Цзян Воин и др.* Дэн Цзыхуэй. С. 371.

[108] Цит. по: *Li Zhisui.* The Private Life of Chairman Mao. P. Ill *и Ли Юцзю.* Дэн Цзыхуэй юй нунъе хэцзохуа юньдун (Дэн Цзыхуэй и движение за кооперирование сельского хозяйства) // Хунсэ цзии: Чжунго гунчаньдан лиши коушу шилу (1949–1978) (Красные воспоминания. Правдивые устные рассказы об истории Компартии Китая). Цзинань, 2002. С. 245.

[109] *Мао Цзэдун.* Избранные произведения. Т. V. С. 287.

[110] См.: *Becker Jasper.* Hungry Ghosts. China's Secret Famine. London, 1996. P. 52.

[111] Подсчитано по: Чжунго гунчаньдан лиши цзянъи (Лекции по истории КПК). Т. 2. Чанчунь, 1981. С. 590–591.

[112] *Li Zhisui.* The Private Life of Chairman Mao. P. 106–107, 110.

[113] См.: Чжунго гунчаньдан лиши цзянъи (Лекции по истории КПК). Т. 2. Цзинань, 1982. С. 120; *Цзян Бот и др.* Дэн Цзыхуэй. С. 369.

[114] Выступления Мао Цзэдуна, ранее не публиковавшиеся в китайской печати. Вып. 2. С. ПО.

[115] Китайская сторона, правда, опротестовала это утверждение. См.: Memo, PRC Foreign Ministry to the USSR Embassy in Beijing. P. 159–160.

[116] *Мао Цзэдун.* Избранные произведения. Т. V. С. 252.

[117] См.: Очерки истории Китая в новейшее время. М., 1959. С. 576.

[118] См.: Бороться за мобилизацию всех сил. С. 12.

[119] См.: Чжунго гунчаньдан лиши цзянъи. Цзинань. С. 138–139.

[120] См.: Очерки истории Китая в новейшее время. С. 573.

[121] См.: Чжунхуа жэньминь гунхэго сыши нянь (Сорок лет Китайской Народной Республики). Пекин, 1990. С. 109.

[122] См.: *Perry Elizabeth J.* Shanghai's Strike Wave of 1957 // The China Quarterly. 1994. № 137 (March). С 1, 9.

[123] См.: О культе личности и его последствиях (текст доклада Н. С. Хрущева XX съезду КПСС) // Известия ЦК КПСС. 1989. № 2. С. 128–170.

[124] Стенографический отчет XX съезда КПСС. Т. 1. М, 1956. С. 230.

[125] См.: Доклад Н. С. Хрущева о культе личности Сталина на XX съезде КПСС. Документы. М., 2002. С. 24, 37. См. также: *Vidali Vittorio.* Diary of the Twentieth Congress of the Communist Part of the Soviet Union. Westport, CT, London, 1974. P. 26–27.

[126] См.: Мао Цзэдун о китайской политике Коминтерна и Сталина. С. 103; *Капица М. С.* Советско-китайские отношения. М. 1958. С. 357, 364; Чжаньхоу чжунсу гуаньси цзоусян (1945–1960) (Развитие советско-китайских отношений после войны [1945–1960]). Пекин, 1997. С. 78.

[127] См.: *Капица М. С.* На разных параллелях. Записки дипломата. М., 1996. С. 63.

[128] Мао Цзэдун о китайской политике Коминтерна и Сталина. С. 107–108.

[129] См.: *Pantsov Alexander and Levine Steven I.* Chinese Comintern Activists: An Analytical Biographic Dictionary (manuscript). P. 48.

[130] См.: ibid. P. 48, 71–72.

[131] См.: *Starkov Boris A.* The Trial That Was Not Held // Europe-Asia Studies. 1994. Vol. 46. No. 8. P. 1297–1316; *Mutter Reinhard.* Der Fall des Antikomintern-Blocks — ein vierter Moskauer Schauprozep // Jahrbuch fur Historische Kommunismusforschung. 1996. S. 187–214.

[132] Об авторстве Чэнь Бода см.: Цзяньго илай Мао Цзэдун вэньгао (Рукописи Мао Цзэдуна со времени образования КНР). Т. 6. Пекин, 1992. С. 59.

[133] Выступления Мао Цзэдуна, ранее не публиковавшиеся в китайской печати. Вып. 1. С. 92.

[134] Цит. по: *Chen Jian and Yang Kuisong.* Chinese Politics and the Collapse of the Sino-Soviet Alliance. P. 263.

[135] Цит. по: Record of Conversation, Mao Zedong and Soviet Ambassador to Beijing Pavel Iudin, July 22, 1958 // Brothers in Arms. P. 349.

[136] См.: *Таубман У.* Хрущев. М., 2005. С. 371.

[137] *Крутиков К. И.* На китайском направлении. С. 212–213.

[138] См.: *Хрущев Н. С.* Отчетный доклад Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза XX съезду партии, 14 февраля 1956 года. М. 1956. С. 36–44.

[139] См. изложение выступления Мао по этому поводу на расширенном заседании Политбюро 12 марта 1956 года, опубликованное в: *УЛян-си.* И Мао чжуси (Вспоминая Председателя Мао). Пекин, 1995. С. 4–5.

[140] *Крутиков К. И.* На китайском направлении. С. 212.

[141] *Li Zhisui.* The Private Life of Chairman Mao. P. 238.

[142] *Мао Цзэдун.* Избранные произведения. Т. V. С. 178.

[143] Цит. по: Маоизм без прикрас. Некоторые уже известные, а также ранее не опубликованные в китайской печати высказывания Мао Цзэдуна. Сборник. М., 1980. С. 238; Мао Цзэдун вэньцзи (Сочинения Мао Цзэдуна). Т. 7. Пекин, 1999. С. 412. См. также: Мао Цзэдун вэньцзи (Сочинения Мао Цзэдуна). Т. 6. Пекин, 1999. С. 367–370 и воспоминания Мао о беседе с Неру, опубликованные в: *Snow Edgar.* The Long Revolution. New York, 1972. P. 208.

[144] *Мао Цзэдун.* Избранные произведения. Т. V. С. 339–340.

[145] См. там же. С. 363–366. См. также: Chairman Mao Talks to the People: Talks and Letters: 1956–1971. New York, 1974. P. 61–83; Выступления Мао Цзэдуна, ранее не публиковавшиеся в китайской печати. Вып. 1. С. 66–86.

[146] См.: *Ли Пин.* Кайго цзунли Чжоу Эньлай (Первый премьер Чжоу Эньлай). Пекин, 1994. С. 356. См. также: *Chen Jian and Yang Kuisong.* Chinese Politics and the Collapse of the Sino-Soviet Alliance. P. 287.

[147] См.: Цзяньго илай Мао Цзэдун вэньгао. Т. 6. С. 105.

[148] Выступления Мао Цзэдуна, ранее не публиковавшиеся в китайской печати. Вып. 2. С. 123.

[149] Цит. по: *Li Zhisui.* The Private Life of Chairman Mao. P. 158.

[150] Ibid. P. 154.

[151] См.: ibid. P. 162–168, 177; Мао Цзэдун байкэ цюаньшу (Энциклопедия Мао Цзэдуна). Т. 6. Пекин, 2003. С. 3108.

[152] Цит. по: *Li Zhisui.* The Private Life of Chairman Mao. P. 165.

[153] *Мао Цзэдун.* Ююн (Плавание) // Мао чжуси шицы. С. 30.

[154] См.: *Li Zhisui.* The Private Life of Chairman Mao. P. 181, 183, 192.

[155] См.: *Мао Цзэдун.* Избранные произведения. Т. V. С. 374–387; Материалы VIII Всекитайского съезда Коммунистической партии Китая. С. 3–6.

[156] Цзяньго илай Мао Цзэдун вэньгао. Т. 6. С. 148.

[157] См.: Record of Conversation, Mao Zedong and Soviet Ambassador to Beijing Pavel Iudin, July 22, 1958. P. 349.

[158] Материалы VIII Всекитайского съезда Коммунистической партии Китая. С. 508.

[159] См. там же. С. 98.

[160] См.: Цзяньго илай Мао Цзэдун вэньгао. Т. 6. С. 165; *Wingrove Paul.* Mao's Conversations with the Soviet Ambassador, 1953–1955. P. 36.

[161] Материалы VIII Всекитайского съезда Коммунистической партии Китая. С. 472.

[162] См.: История Китая. С. 647.

[163] Minutes, Mao's Conversation with a Yugoslavian Communist

Union Delegation. P. 151.

[164] Цит. по: *Таубман У.* Хрущев. С. 371, 372.

[165] См.: Возникновение и развитие разногласий между руководством КПСС и нами. По поводу открытого письма ЦК КПСС. Пекин, 1963. С. 12; Records of Meeting of the CPSU and CCP Delegations, Moscow, July 5-20, 1963 // Brothers in Arms. P. 378.

[166] Цит. по: Чжоу Эньлай няньпу (1949–1976). Т. 1. С. 631; Records of Meeting of the CPSU and CCP Delegations, Moscow, July 5—20, 1963. P. 378.

[167] См.: Исторический архив. 1996. № 4–5. С. 184–185.

[168] См.: Мао Цзэдун чжуань (1949–1976). Т. 1. С. 602–603; Возникновение и развитие разногласий между руководством КПСС и нами. По поводу открытого письма ЦК КПСС. С. 12; Records of Meeting of the CPSU and CCP Delegations, Moscow, July 5-20, 1963. P. 378.

[169] См.: Президиум ЦК КПСС. 1954–1964. Черновые протокольные записи заседаний. Стенограммы. Постановления. Т. 1. М., 2003. С. 175.

[170] Цит. по: *Таубман У.* Хрущев. С. 327.

[171] Советско-китайские отношения. С. 319.

[172] *Хрущев Н. С.* Время. Люди. Власть. С. 255. См. также изложение выступления Лю Шаоци по этому поводу на 2-м пленуме ЦК КПК восьмого созыва 10 ноября 1956 года, опубликованное в: Мао Цзэдун чжуань (1949–1976). Т. 1. С. 603–605.

[173] *Мао Цзэдун.* Избранные произведения. Т. V. С. 409.

[174] Цит. по: Мао Цзэдун чжуань (1949–1976). Т. 1. С. 607.

[175] *Мао Цзэдун.* Избранные произведения. Т. V. С. 398–404, 410, 416–417.

[176] См.: *Бо Ибо.* Жоганьчжунда цзюецэ юй шицзяньдэ хуэйгу. С. 555–559.

[177] См. там же. С. 556–557; Чжоу Эньлай сюаньцзи. Т. 2. 229–238. Подробнее см.: *Шевелев К. В.* Формирование социально-экономической политики руководства КПК в 1949–1956 годах (рукопись).

[178] См.: *Шевелев К. В.* Формирование социально-экономической политики руководства КПК в 1949–1956 годах (рукопись). С. X—9—10.

[179] Мао Цзэдун чжуань (1949–1976). Т. 1. С. 606.

[180] Цзяньго илай Мао Цзэдун вэньгао. Т. 6. С. 285.

[181] См.: Лю Шаоци няньпу. 1898–1969. Т. 2. С. 378; Чжоу Эньлай няньпу (1949–1976) (Хронологическая биография Чжоу Эньлая. 1949–1976). Т. 2. Пекин, 1997. С. 4–14; CWIHP Bulletin. 1995/1996. No. 6–7. P. 153–154; *Хрущев Н. С.* Время. Люди. Власть.

С. 49–52.

[182] CWIHP Bulletin. 1995/1996. No. 6–7. P. 152, 154.

[183] См.: *Таубман У.* Хрущев. С. 372.

[184] Советско-китайские отношения. С. 329.

[185] CWIHP Bulletin. 1995/1996. No. 6–7. P. 153.

[186] Ibid.

[187] См.: *Мао Цзэдун.* Избранные произведения. Т. V. С. 424–426, 428, 437–438, 456–457; Выступления Мао Цзэдуна, ранее не публиковавшиеся в китайской печати. Вып. 1. С. 117–119, 124, 126–128, 138–139; *Chen Jian and Yang Kuisong.* Chinese Politics and the Collapse of the Sino-Soviet Alliance. P. 266.

[188] См.: *Крутиков К. И.* На китайском направлении. С. 226–227.

[189] *Мао Цзэдун.* Избранные произведения. Т. V. С. 507–508.

[190] См.: Выступления Мао Цзэдуна, ранее не публиковавшиеся в китайской печати. Вып. 1. С. 242–243.

[191] См.: *Мао Цзэдун.* Избранные произведения. Т. V. С. 492–499.

[192] См.: *McFarquhar Roderick.* The Hundred Flowers Campaign and the Chinese Intellectuals. New York, 1974.

[193] См.: История Китая. С. 647–648.

[194] См. там же. С. 649.

[195] См.: *Ли Пин.* Кайго цзунли Чжоу Эньлай. С. 362–363.

[196] Выступления Мао Цзэдуна, ранее не публиковавшиеся в китайской печати. Вып. 2. С. 122, 273.

[197] *Мао Цзэдун.* Избранные произведения. Т. V. С. 596.

[198] Выступления Мао Цзэдуна, ранее не публиковавшиеся в китайской печати. Вып. 2. С. 50, 55–56.

[199] Там же. С. 93.

[200] *Li Zhisui.* The Private Life of Chairman Mao. P. 218.

[201] См.: *Ли Юэжань.* Мао чжуси диэрцы фанвэнь Сулянь (Вторая поездка Председателя Мао в Советский Союз) // Чжэныпидэ Мао Цзэдун. С. 567. О визите Мао в СССР в 1958 году см. также: Ян Шанкунь жицзи (Дневник Ян Шанкуня). Т. 1. Пекин, 2001. С. 284–296.

[202] Цит. по: *Верещагин Б. Н.* В старом и новом Китае. С. 94–95.

[203] Цит. по: *Li Zhisui.* The Private Life of Chairman Mao. P. 220–222.

[204] *Ши Чжэ, Ли Хайвэнь.* Чжунсу гуаньси цзяньчжэн лу. С. 56.

[205] *Лу Жэнь, Лю Цинся.* Мао Цзэдун чун Хэлусяофу фахо (Как Мао Цзэдун разгневался на Хрущева) // Чжуаньцзи вэньсюэ (Биографическая литература). 2004. № 4. С. 25.

[206] Выступления Мао Цзэдуна, ранее не публиковавшиеся в китайской печати. Вып. 2. С. 94.

[207] Интервью с О. А. Гриневским в г. Колумбус, Огайо, США, 4 апреля 2004 г.

[208] *Хрущев Н. С.* Время. Люди. Власть. С. 79.

[209] Цит. по: Е Цзылун хуэйилу. С. 190.

[210] Цит. по: *Li Zhisui.* The Private Life of Chairman Mao. P. 224.

[211] Выступления Мао Цзэдуна, ранее не публиковавшиеся в китайской печати. Вып. 2. С. 94. О том же, по существу, Мао говорил и на встрече с министром иностранных дел СССР Громыко, состоявшейся в те же дни. См.: *Громыко А. А.* Памятное. Кн. 2. М., 1988. С. 131.

[212] См.: Правда. 1957. 7 ноября.

[213] CWIHP Bulletin. 1995/1996. No. 6–7. P. 152.

[214] Выступления Мао Цзэдуна, ранее не публиковавшиеся в китайской печати. Вып. 2. С. 102, 105, 116.

[215] Там же. С. 123; *Ли Пин.* Кайго цзунли Чжоу Эньлай. С. 360–361.

[216] См.: Выступления Мао Цзэдуна, ранее не публиковавшиеся в китайской печати. Вып. 2. С. 134–155.

[217] Там же. С. 120–121.

[218] Там же. С. 112, 377; Выступления Мао Цзэдуна, ранее не публиковавшиеся в китайской печати. Вып. 3. М., 1976. С. 40.

[219] Цит. по: *Li Zhisui.* The Private Life of Chairman Mao. P. 226.

[220] См. ibid. P. 230. См. также: Выступления Мао Цзэдуна, ранее не публиковавшиеся в китайской печати. Вып. 2. С. 188–189; Чжунго гунчаньдан лиши да цыдянь. С. 443.

[221] См.: *McFarquhar Roderick.* The Origins of the Cultural Revolution. 2. The Great Leap Forward 1958–1960. New York, 1983. P. 34, 347; *Terms Frederick C* Politics and Purges in China. Rectification and the Decline of Party Norms, 1950–1965. 2nd ed. Armonk, NY and London, 1993. P. 266; *Gao Mobo C. F.* Gao Village. A Portrait of Rural Life in Modern China. Honolulu, 1999. P. 123.

[222] Дэн Сяопин вэньсюань (1975–1982) (Избранные произведения Дэн Сяопина [1975–1982]). Пекин, 1983. С. 260.

[223] См.: Выступления Мао Цзэдуна, ранее не публиковавшиеся в китайской печати. Вып. 2. С. 111–112, 131; Цзяньго илай Мао Цзэдун вэньгао (Рукописи Мао Цзэдуна со времени образования КНР). Т. 7. Пекин, 1998. С. 25–26.

[224] См.: Мао Цзэдун чжуань (1949–1976). Т. 1. С. 766.

[225] Вторая сессия VIII Всекитайского съезда Коммунистической партии Китая. Пекин, 1958. С. 68.

[226] Выступления Мао Цзэдуна, ранее не публиковавшиеся в китайской печати. Вып. 2. С. 156, 158.

[227] См. там же. С. 103; Communist China 1955–1959. Policy Documents with Analysis. P. 125.

[228] Выступления Мао Цзэдуна, ранее не публиковавшиеся в китайской печати. Вып. 2. С. 52.

[229] См.: Цзяньго илай Мао Цзэдун вэньгао. Т. 6. С. 666–669; Т. 7. С. 4.

[230] Цит. по: *Klochko Mikhail A.* Soviet Scientist in Red China. New York, 1964. P. 68–69.

[231] См.: *McFarquhar Roderick.* The Origins of the Cultural Revolution. P. 22–23.

[232] Выступления Мао Цзэдуна, ранее не публиковавшиеся в китайской печати. Вып. 2. С. 125, 339.

[233] См.: *Хуан Линцзюнь.* Лю Шаоци юй даюэцзинь (Лю Шаоци и большой скачок) // Чжунго сяньдайши (Новейшая история Китая). 2003. № 7. С. 107.

[234] См.: Е Цзылун хуэйилу. С. 213.

[235] Выступления Мао Цзэдуна, ранее не публиковавшиеся в китайской печати. Вып. 2. С. 158, 170.

[236] Цит. по: Е Цзылун хуэйилу. С. 213.

[237] Цит. по: *Хуан Линцзюнь.* Лю Шаоци юй даюэцзинь. С. 107.

[238] Цзяньго илай Мао Цзэдун вэньгао. Т. 7. С. 317.

[239] Цит. по: *Li Zhisui.* The Private Life of Chairman Mao. P. 269.

[240] Цит. по: *Becker Jasper.* Hungry Ghosts. P. 104.

[241] Выступления Мао Цзэдуна, ранее не публиковавшиеся в китайской печати. Вып. 2. С. 310–311, 315, 329.

[242] Цзяньго илай Мао Цзэдун вэньгао. Т. 7. С. 177–178.

[243] Выступления Мао Цзэдуна, ранее не публиковавшиеся в китайской печати. Вып. 2. С. 201, 237–238, 312, 314, 316, 319, 329.

[244] Там же. С. 241, 307, 319, 336.

[245] Письмо Л. Д. Троцкого [В. И. Ленину] от 19 декабря 1919 года // РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 1408. Л. 1–2.

[246] См.: Выступления Мао Цзэдуна, ранее не публиковавшиеся в китайской печати. Вып. 2. С. 327–328, 333–334.

[247] См.: *Хуан Линцзюнь.* Лю Шаоци юй даюэцзинь. С. 107–108.

[248] См.: Выступления Мао Цзэдуна, ранее не публиковавшиеся в китайской печати. Вып. 2. С. 264, 275, 281; *McFarquhar Roderick.* The Origins of the Cultural Revolution. P. 85, 90.

[249] Выступления Мао Цзэдуна, ранее не публиковавшиеся в китайской печати. Вып. 2. С. 337.

[250] Письмо товарища Пэн Дэхуая Председателю Мао (14 июля 1959 года) // *Пэн Дэхуай.* Мемуары маршала. С. 378.

[251] Там же. С. 132, 317, 334.

[252] Цит. по: *Li Zhisui.* The Private Life of Chairman Mao. P. 276.

[253] Выступления Мао Цзэдуна, ранее не публиковавшиеся в китайской печати. Вып. 2. С. 266.

[254] *Пэн Дэхуай.* Мемуары маршала. С. 359–360. См. также:

Выступления Мао Цзэдуна, ранее не публиковавшиеся в китайской печати. Вып. 2. С. 360, 383, 403.

255 См.: *McFarquhar Roderick.* The Origins of the Cultural Revolution. P. 328.

256 См.: *Shu Guang Zhang.* Sino-Soviet Economic Cooperation. P. 207.

257 См.: *Верещагин Б. Н.* В старом и новом Китае. С. 119–129.

258 См.: *Хрущев Н. С.* Время. Люди. Власть. С. 72–76.

259 Цит. по: *Wolff David.* «One Finger's Worth of Historical Events». P. 54–55; *Zubok Vladislav.* The Mao-Khrushchev Conversations. P. 256.

260 См.: *Лу Жэнь, Лю Цинся.* Мао Цзэдун чун Хэлусяофу фахо. С. 27; *Федоренко Н.* Визит Н. Хрущева в Пекин // Проблемы Дальнего Востока. 1990. № 1. С. 123; *Таубман У.* Хрущев. С. 428–429.

261 Цит. по: Огонек. 1999. № 14. С. 28–29. См. также: *Ромм М.* Устные рассказы. М., 1991. С. 154; *Хрущев Н. С.* Время. Люди. Власть. С. 74–80.

262 Цит. по: *Бурлацкий Ф. М.* Никита Хрущев. М., 2003. С. 185–186. См. также: *Хрущев Н. С.* Время. Люди. Власть. С. 76–80.

263 Цит. по: *Wolff David.* «One Finger's Worth of Historical Events». P. 53; *Zubok Vladislav.* The Mao-Khrushchev Conversations. P. 268.

264 Цит. по: *Li Zhisui.* The Private Life of Chairman Mao. P. 261.

265 Цит. по: *Федоренко Н.* Визит Н. Хрущева в Пекин. С. 123; *Верещагин Б. Н.* В старом и новом Китае. С. 130. См. также: Е Цзылун хуэйилу. С. 215.

266 См.: *Хрущев Н. С.* Время. Люди. Власть. С. 60.

267 См. там же. С. 61.

268 См.: CWIHP Bulletin. 1995/1996. No. 6–7. P. 219, 226–227; Мао Цзэдун чжуань (1949–1976). Т. 1. С. 856–884; *Лю Сяо.* Чуши Сулянь банянь (Восемь лет на посту посла в СССР). Пекин, 1998. С. 74–78. См. также: *Chen Jian.* Mao's China and the Cold War. Chapel Hill, NC and London, 2001. P. 163–204.

269 См.: Выступления Мао Цзэдуна, ранее не публиковавшиеся в китайской печати. Вып. 2. С. 414, 419–420; Т. 3. С. 164–165; *McFarquhar Roderick.* The Origins of the Cultural Revolution. P. 247.

270 См.: Личное дело Мао Цзэдуна // РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 225. Д. 71. Т. 1. Л. 117–118.

271 Некоторые из этих данных приводились в обзоре «О современной экономической ситуации в Китайской Народной Республике», подготовленном в начале июля 1959 года Государственным комитетом Совета министров СССР по международным экономическим связям. Выдержки из него см. в:

Wolff David. «One Finger's Worth of Historical Events». P. 63–64. См. также: *McFarquhar Roderick.* The Origins of the Cultural Revolution. P. 202.

272 См.: *Becker Jasper.* Hungry Ghosts. P. 85.

273 Цит. по: *Li Zhisui.* The Private Life of Chairman Mao. P. 295.

274 Выступления Мао Цзэдуна, ранее не публиковавшиеся в китайской печати. Вып. 2. С. 413.

275 Цит. по: *Li Zhisui.* The Private Life of Chairman Mao. P. 304. Иной, радужный, отчет о пребывании Мао в Шаошани, составленный в 1965 году главой хунаньской федерации писателей, см. в: *Zhou Lipo.* A Visit to His Hometown // Mao Zedong. Biography — Assessment — Reminiscences. P. 233–238.

276 *Мао Цзэдун.* Дао Шаошань (Приезд в Шаошань) // Мао Цзэдун шицы дуйлянь цзичжу. С. 106.

277 См.: Выступления Мао Цзэдуна, ранее не публиковавшиеся в китайской печати. Вып. 3. С. 109.

278 См.: *Li Zhisui.* The Private Life of Chairman Mao. P. 109, 142–143, 349, 353, 401, 452; *Коршунова А. И.* Встречи в Москве с Цзян Цин, женой Мао Цзэдуна. С. 127; *Whitke Roxane.* Comrade Chiang Ch'ing. P. 30–31, 48, 124, 164, 169, 172–173, 225–226, 227–228, 241–242, 254–256, 259–260, 268–271, 303, 445.

279 Цит. по: *Ли Минь.* Мой отец Мао Цзэдун. С. 189. См. также воспоминания дочери Ли Минь, Кун Дунмэй: *Кун Дунмэй.* Тин вайпо цзян нэйгоцюйдэ шицин — Мао Цзэдун юй Хэ Цзычжэнь (Слушая рассказы бабушки о прошлом — Мао Цзэдун и Хэ Цзычжэнь). Пекин, 2005.

280 Письмо товарища Пэн Дэхуая Председателю Мао (14 июля 1959 года). С. 375–381.

281 См.: *Li Zhisui.* The Private Life of Chairman Mao. P. 315. См. также: Чжоу Эньлай няньпу (1949–1976). Т. 2. С. 243.

282 *Хуан Кэчэн.* Лушань фэнъюнь (Лушаньские события) // Хунсэ цзии. С. 423–424.

283 *Пэн Дэхуай.* Мемуары маршала. С. 371.

284 Цит. по: *Li Zhisui.* The Private Life of Chairman Mao. P. 317.

285 Выступления Мао Цзэдуна, ранее не публиковавшиеся в китайской печати. Вып. 3. С. 111.

286 *Пэн Дэхуай.* Мемуары маршала. С. 374. См. также: *Ли Жуй.* Лушань хуэйи шилу (Правдивые записки о Лушаньском совещании). Пекин, 1989; Мао Цзэдун чжуань (1949–1976). Т. 2. С. 953—1010; Чжан Вэньтянь няньпу (Хронологическая биография Чжан Вэньтяня). Т. 2. Пекин, 2000. С. 1147–1156; Чжоу Сяочжоу чжуань (Биография Чжоу Сяочжоу). Чанша, 1985. С. 58–71, 93–94; *Галенович Ю. М.* Пэн Дэхуай и Мао Цзэдун. Политические лидеры Китая XX века. М., 2005.

[287] Цит. по: *Галенович Ю. М.* Пэн Дэхуай и Мао Цзэдун. С. 101.

[288] См.: *Пэн Дэхуай.* Мемуары маршала. С. 14.

[289] См.: Документы VIII пленума Центрального Комитета Коммунистической партии Китая восьмого созыва. Пекин, 1959. С. 33.

[290] Выступления Мао Цзэдуна, ранее не публиковавшиеся в китайской печати. Вып. 3. С. 92.

[291] Там же. Вып. 2. С. 165.

[292] Цит. по: *Хуан Линцзюнь.* Лю Шаоци юй даюэцзинь. С. 108.

[293] См.: Хунци (Красное знамя). 1981. № 2. С. 33.

[294] *Крутиков К. И. На* китайском направлении. С. 281. См. также: *Хрущев Н. С.* Время. Люди. Власть. С. 82–86; *Верещагин Б. Н.* В старом и новом Китае. С. 145–148; *Капица М. С.* На разных параллелях. С. 63–65; *McFarquhar Roderick.* The Origins of the Cultural Revolution. P. 256–260.

[295] См.: Records of Meeting of the CPSU and CCP Delegations, Moscow, July 5—20, 1963 // Brothers in Arms. P. 379; *McFarquhar Roderick.* The Origins of the Cultural Revolution. P. 225–226; *Shu Guang Zhang.* Between «Paper» and «Real Tigers»: Mao's View of Nuclear Weapons // Cold War Statesmen Confront the Bomb. Nuclear diplomacy Since 1945. New York, 1999. P. 208.

[296] См.: *Shu Guang Zhang.* Sino-Soviet Economic Cooperation. P. 207; *Хрущев Н. С.* Время. Люди. Власть. С. 97; *McFarquhar Roderick.* The Origins of the Cultural Revolution. P. 11–15.

[297] *Хрущев Н. С.* Время. Люди. Власть. С. 97.

[298] Цит. по: *McFarquhar Roderick.* The Origins of the Cultural Revolution. P. 226–227.

[299] См.: *Dong Wang.* The Quarrelling Brothers: New Chinese Archives and a Reappraisal of the Sino-Soviet Split, 1959–1962 // CWIHP Working Paper No. 36 (April 2002). P. 1–80.

[300] Выдержки из стенограммы переговоров Н. С. Хрущева и Мао Цзэдуна от 2 октября 1959 года, а также сообщения секретаря ЦК КПСС М. А. Суслова о визите в КНР см. в: *Wolff David.* «One Finger's Worth of Historical Events». P. 64–72 и в: *Zubok Vladislav.* The Mao-Khrushchev Conversations. P. 262–270.

[301] Цит. по: *Wolff David.* «One Finger's Worth of Historical Events». P. 65; *Zubok Vladislav.* The Mao-Khrushchev Conversations. P. 266–267, 269.

[302] *Хрущев Н. С.* Время. Люди. Власть. С. 85. См. также: *Лю Сяо.* Чуши Сулянь банянь. С. 88–91.

[303] Цит. по: *Wolff David.* «One Finger's Worth of Historical Events». P. 70.

[304] См.: *Таубман У.* Хрущев. С. 432.

[305] Цзяньго илай Мао Цзэдун вэньгао (Рукописи Мао Цзэдуна

со времени образования КНР). Т. 8. Пекин, 1993. С. 601.

Часть VIII
ПОСЛЕДНИЙ ИМПЕРАТОР

[1] Выступления Мао Цзэдуна, ранее не публиковавшиеся в китайской печати. Вып. 3. С. 163.

[2] См.: *McFarquhar Roderick.* The Origins of the Cultural Revolution. P. 301, 305; *Усов В. Н.* КНР: От «большого скачка» к «культурной революции» (1960–1966 гг.). Ч. 1. М., 1998. С. 13.

[3] Цит. по: *Becker Jasper.* Hungry Ghosts. P. 208.

[4] *Leung Laifong.* Morning Sun. Interviews with Chinese Writers of the Lost Generation. Armonk, NY and London, 1994. P. 201–202, 204.

[5] Цит. по: *Becker Jasper.* Hungry Ghosts. P. 159–160.

[6] *Leung Laifong.* Morning Sun. P. 243.

[7] Цит. по: *McFarquhar Roderick.* The Origins of the Cultural Revolution. P. 331.

[8] Цит. по: *Becker Jasper.* Hungry Ghosts. P. 153–154.

[9] Интервью с одним из жителей Пекина 28 октября 2004 г.

[10] *Li Zhisui.* The Private Life of Chairman Mao. P. 339–340.

[11] См.: Хунци (Красное знамя). 1960. № 8; Жэньминь жибао (Народная ежедневная газета). 1960. 22 апреля; Правда. 1960. 23 апреля.

[12] См.: Письмо Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза Центральному Комитету Коммунистической партии Китая (30 марта 1963 года) // Предложение о генеральной линии международного коммунистического движения. Ответ Центрального Комитета Коммунистической партии Китая на письмо Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза от 30 марта 1963 года. Пекин, 1963. С. 68. См. также: Президиум ЦК КПСС. 1954–1964. Т. 1. С. 443.

[13] Цит. по: The Sino-Soviet Dispute. New York, 1969. P. 28; *Таубман У.* Хрущев. С. 511.

[14] Московский комсомолец. 2002. 6 февраля.

[15] См.: *Gao Mobo C. F.* Gao Village. P. 138.

[16] Цит. по: *Лю Сяо.* Чуши Сулянь банянь. С. 128.

[17] *Мао Цзэдун.* Тун Сынодэ таньхуа (1960 нянь 10 юэ 22 жи) (Беседа со Сноу [22 октября 1960 г.]) // Мао Цзэдун вэньцзи (Сочинения Мао Цзэдуна). Т. 8. Пекин, 1999. С. 215–217; выдержки из записей Сноу о разговорах с Мао, цитируемые в: *Thomas S. Bernard.* Season of High Adventure. Edgar Snow in China. Berkeley, Calif., etc., 1996. P. 299.

[18] *Snow Edgar.* The Other Side of the River. Red China Today.

New York, 1962. P. 619.

[19] Цит. по: *Hamilton Nigel.* Monty. Final Years of the Field-Marshal, 1944–1976. New York, etc., 1987. P. 916.

[20] См.: *Field-Marshal the Viscount Montgomery of Alamein Bernard Law.* Three Continents. A Study of the Situation and Problems in Asia, Africa, and Central America, and the Relationship of Those Areas to Defence Policies in the 1960's and to the British Commonwealth. London, 1962. P. 17.

[21] См.: The Population of Modern China. New York, 1992. P. 170, 226, 252; China: A Cultural and Historical Dictionary. Richmond, Surrey, 1998. P. 122; *Becker Jasper.* Hungry Ghosts. P. 149, 161–162, 164.

[22] См.: *McFarquhar Roderick.* The Origins of the Cultural Revolution. P. 330; *Усов В. Н.* КНР: От «большого скачка» к «культурной революции». С. 15.

[23] Цит. по: *Thomas S. Bernard.* Season of High Adventure. P. 300.

[24] См.: *McFarquhar Roderick.* The Origins of the Cultural Revolution. P. 323.

[25] Выступления Мао Цзэдуна, ранее не публиковавшиеся в китайской печати. Вып. 3. С. 162.

[26] Цит. по: Miscellany of Mao Tse-tung Thought (1949–1968). Pan I. Springfield, VA, 1974. P. 232.

[27] См.: *McFarquhar Roderick.* The Origins of the Cultural Revolution. P. 324; Чжоу Эньлай няньпу (1949–1976). Т. 2. С. 366.

[28] Выступления Мао Цзэдуна, ранее не публиковавшиеся в китайской печати. Вып. 3. С. 167.

[29] Там же. С. 268–269, 271–272.

[30] Там же. Вып. 4. М., 1976. С. 19.

[31] Там же. С. 17–18.

[32] Там же. С. 18–19. См. также: *Мао Цзэдун.* Тун Мэнгэмалидэ таньхуа (1960 нянь 5 юэ 27 жи) (Беседа с Монтгомери [27 мая 1960 года]) // Мао Цзэдун вэньцзи. Т. 8. С. 189; *Мао Цзэдун.* Тун Сынодэ таньхуа (1960 нянь 10 юэ 22 жи). С. 215.

[33] Цзяньго илай Мао Цзэдун вэньгао (Рукописи Мао Цзэдуна со времени образования КНР). Т. 9. Пекин, 1996. С. 467–470.

[34] Выступления Мао Цзэдуна, ранее не публиковавшиеся в китайской печати. Вып. 5. М., 1976. С. 118.

[35] Там же. Вып. 3. С. 273–274, 285–288.

[36] Там же. Вып. 4. С. 36.

[37] *Leung Laifong.* Morning Sun. P. 204–205.

[38] См.: *Becker Jasper.* Hungry Ghosts. P. 242.

[39] Цит. по: *Li Zhisui.* The Private Life of Chairman Mao. P. 378.

[40] Цит. по: Время новостей. 2004. 23 августа.

[41] См.: Лю Шаоци сюаныгзи. Т. 2. С. 337.

[42] Цит. по: *Усов В. Н.* КНР: От «большого скачка» к «культурной революции». С. 47.

[43] Мао Цзэдун вэньцзи. Т. 8. С. 273.

[44] Цит. по: *Li Zhisui.* The Private Life of Chairman Mao. P. 377, 380.

[45] См.: *Field-Marshal the Viscount Montgomery of Alamein Bernard Law.* Three Continents. P. 33–34.

[46] Цит. по: *McFarquhar Roderick.* The Origins of the Cultural Revolution. 3. The Coming of the Cataclysm 1961–1966. New York, 1983. P. 156.

[47] Лю Шаоци сюаньцзи. Т. 2. С. 419–421. См. также: *Усов В. Н.* КНР: От «большого скачка» к «культурной революции». С. 78; *Хуан Лжцзюнъ.* Лю Шаоци юй даюэцзинь. С. 110.

[48] *Сюэ Муцяо.* Хуайнянь вэйдадэ макэсычжуичжэ Лю Шаоци тун-чжи (Вспоминая великого марксиста товарища Лю Шаоци) // Гуанмин жибао (Ежедневная газета «Свет»). 1988. 24 ноября.

[49] Цит. по: *Усов В. Н.* КНР: От «большого скачка» к «культурной революции». С. 77.

[50] Выступления Мао Цзэдуна, ранее не публиковавшиеся в китайской печати. Вып. 4. С. 6, 12.

[51] См.: *U Zhisui.* The Private Life of Chairman Mao. P. 387–388; *Усов В. Н.* КНР: От «большого скачка» к «культурной революции». С. 85–87; *McFarquhar Roderick.* The Origins of the Cultural Revolution. 3. P. 166–168, 545.

[52] Выступления Мао Цзэдуна, ранее не публиковавшиеся в китайской печати. Вып. 5. С. 118.

[53] См.: Мао Цзэдун чжуань (1949–1976). Т. 2. С. 1207–1208, 1218; Чэнь Юнь няньпу. 1905–1995. Т. 1. С. 107–110; *Becker Jasper.* Hungry Ghosts. P. 156.

[54] См.: Мао Цзэдун хэ тадэ мишу Тянь Цзяин (Мао Цзэдун и его секретарь Тянь Цзяин). Пекин, 1989. С. 62–65.

[55] Цит. по: Мао Цзэдун чжуань (1949–1976). Т. 2. С. 1229.

[56] См.: Выступления Мао Цзэдуна, ранее не публиковавшиеся в китайской печати. Вып. 4. С. 36.

[57] См.: *McFarquhar Roderick.* The Origins of the Cultural Revolution. 3. P. 282.

[58] Цит. по: Чэнь Юнь няньпу. 1905–1995. Т. 1. С. 115.

[59] Цит. по: Лю Шаоци няньпу. 1898–1969. Т. 2. С. 551.

[60] См.: *Пэн Дэхуай.* Мемуары маршала. С. 16.

[61] Цит. по: Мао Цзэдун чжуань (1949–1976). Т. 2. С. 1230.

[62] Там же. С. 1232.

[63] Чэнь Юнь няньпу. 1905–1995. Т. 1. С. 120.

[64] См.: *McFarquhar Roderick.* The Origins of the Cultural Revolution. 3. P. 268.

[65] Выступления Мао Цзэдуна, ранее не публиковавшиеся в китайской печати. Вып. 3. С. 97.

[66] См.: Мао Цзэдун чжуань (1949–1976). Т. 2. С. 1232–1233.

[67] Ян Шанкунь жицзи (Дневник Ян Шанкуня). Т. 1. С. 196.

[68] Выступления Мао Цзэдуна, ранее не публиковавшиеся в китайской печати. Вып. 4. С. 40.

[69] Мао Цзэдун чжуань (1949–1976). Т. 2. С. 1234.

[70] Выступления Мао Цзэдуна, ранее не публиковавшиеся в китайской печати. Вып. 4. С. 35–37, 40, 44.

[71] Там же. С. 38–39.

[72] Там же. С. 47.

[73] *Ковалев И. В.* Россия и Китай (С миссией в Китае) // Дуэль. 1997. 5 ноября.

[74] См.: Жэньминь жибао (Народная ежедневная газета). 1963. 5 марта.

[75] См.: Выступления Мао Цзэдуна, ранее не публиковавшиеся в китайской печати. Вып. 4. С. 74–75.

[76] См. интервью Мао Эдгару Сноу 9 января 1965 года, опубликованное в: *Snow Edgar.* The Long Revolution. New York, 1972. P. 70, 205.

[77] См.: *Е Юнле.* Цзян Цин чжуань (Биография Цзян Цин). Пекин, 1998. С. 340–341.

[78] См.: Ван Дунсин жицзи. С. 214–236.

[79] *Мао Цзэдун.* Чуншан Цзинганшань (Вновь я взошел на Цзинганшань) // Мао Цзэдун шицы дуйлянь цзичжу. С. 144–145.

[80] Чжуан-цзы. Даоские каноны. М., 1995. С. 148–149.

[81] См.: *Переломов Л. С.* Конфуций. «Лунь юй». С. 307.

[82] Цит. по: *Snow Edgar.* The Long Revolution. P. 17, 67, 169–170.

[83] Выступления Мао Цзэдуна, ранее не публиковавшиеся в китайской печати. Вып. 5. С. 194.

[84] См. там же. С. 154, 194–195. См. также: *Snow Edgar.* The Long Revolution. P. 87.

[85] Выступления Мао Цзэдуна, ранее не публиковавшиеся в китайской печати. Вып. 5. С. 71.

[86] Там же. С. 88.

[87] См.: Чжунгундан ши даши няньбяо (Хроника важнейших событий в истории КПК). Пекин, 1987. С. 334.

[88] См.: Великая пролетарская культурная революция (важнейшие документы). Пекин, 1970. С. 99.

[89] Цит. по: *Wedeman Andrew Hall.* The East Wind Subsides. Chinese Foreign Policy and the Origins of the Cultural Revolution. Washington, D.C., 1988. P. 176.

[90] Ibid. P. 223–224.

[91] *Мао Цзэдун.* Няоэр вэньда (Разговор птиц) // Мао Цзэдун

шицы дуйлянь цзичжу. С. 149–150.

[92] Текст тезисов см.: Информационный бюллетень. Серия А. «Культурная революция» в Китае. Документы и материалы (перевод с китайского). Вып. 2: «Хунвэйбиновская» печать о Дэн Сяопине, Пэн Чжэне, Ян Шанкуне и Хэ Луне. М., 1968. С. 157–163; Информационный бюллетень. Серия А. «Культурная революция» в Китае. Документы и материалы (перевод с китайского). Вып. 12: Документы. Т. 1. Сборник. Февраль 1966 — февраль 1967 гг. М, 1972. С. 5–9.

[93] Цит. по: *Li Zhisui.* The Private Life of Chairman Mao. P. 448; Чжунгундан ши даши няньбяо. С. 344.

[94] Великая пролетарская культурная революция (важнейшие документы). С. 191–192.

[95] См.: Чжунгундан ши даши няньбяо. С. 344. См. также: Выступления Мао Цзэдуна, ранее не публиковавшиеся в китайской печати. Вып. 5. С. 69.

[96] См.: Мао Цзэдун байкэ цюаньшу. Т. 6. С. 3212.

[97] Выступления Мао Цзэдуна, ранее не публиковавшиеся в китайской печати. Вып. 5. С. 73.

[98] См.: Лу Динъи чжуань (Биография Лу Динъи). Пекин, 1999. С. 496–508.

[99] Цит. по: Хунци (Красное знамя). 1981. № 2. С. 34.

[100] Великая пролетарская культурная революция (важнейшие документы). С. 105, 115–116.

[101] Выступления Мао Цзэдуна, ранее не публиковавшиеся в китайской печати. Вып. 4. С. 94–95, 97–98, 103.

[102] Там же. Вып. 5. С. 74–75.

[103] *Не Юаньцзы и др.* Сун Шо, Лу Пин, Пэн Пэйюань цзай вэньхуа гэминчжун цзюцзин гань шэмма? (Что же в конце концов проводят в культурной революции Сун Шо, Лу Пин и Пэн Пэйюань?) // Жэньминь жибао (Народная ежедневная газета). 1966. 2 июня.

[104] См.: Выступления Мао Цзэдуна, ранее не публиковавшиеся в китайской печати. Вып. 4. С. 105.

[105] См.: «Вэньхуа да гэмин» цыдянь (Словарь «Великой культурной революции»). Тайбэй, 1993. С. 429, 436–437; Чжунгундан ши даши няньбяо. С. 348. См. также: Выступления Мао Цзэдуна, ранее не публиковавшиеся в китайской печати. Вып. 5. С. 154.

[106] Цит. по: *Barnouin Barbara and Yu Changgen.* Ten Years of Turbulence. The Chinese Cultural Revolution. London and New York, 1993. P. 75; *Dittmer Lowell.* Liu Shao-ch'i and the Chinese Revolution. The Politics of Mass Criticism. Berkeley, Calif., etc., 1974. P. 81. См. также: Лю Шаоци няньпу. 1898–1969. Т. 2. С. 641.

[107] Выступления Мао Цзэдуна, ранее не публиковавшиеся в китайской печати. Вып. 4. С. 114.

[108] Там же. Вып. 6. М., 1976. С. 212–214.

[109] Досье к личному делу Мао Цзэдуна // РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 225. Д. 71. Т. 4. Л. 88–90, 93.

[110] Там же. Л. 86–87.

[111] Выступления Мао Цзэдуна, ранее не публиковавшиеся в китайской печати. Вып. 5. С. 84–85.

[112] Лю Шаоци цзышу (Автобиографические записки Лю Шаоци). Пекин, 2002. С. 177.

[113] См.: *Маомао.* Мой отец Дэн Сяопин. Культурная революция: годы испытаний. М., 2001. С. 27; *Li Zhisui.* The Private Life of Chairman Mao. P. 469–470.

[114] Цит. по: Чжунгундан ши даши няньбяо. С. 351; Выступления Мао Цзэдуна, ранее не публиковавшиеся в китайской печати. Вып. 5. С. 84.

[115] Мао Цзэдун гэй Цинхуа дасюэ фушу чжунсюэ хунвэйбиндэ синь. 1968 нянь 8 юэ 1 жи (Письмо Мао Цзэдуна хунвэйбинам средней школы при университете Цинхуа. 1 августа 1968 г.) // http://maobo.7x.com.cn/gushi/gushi4/hongweibing.html. См. также: Выступления Мао Цзэдуна, ранее не публиковавшиеся в китайской печати. Вып. 6. С. 215; Chairman Mao Talks to the People. P. 260.

[116] Текст *дацзыбао* см.: Выступления Мао Цзэдуна, ранее не публиковавшиеся в китайской печати. Вып. 5. С. 93.

[117] Великая пролетарская культурная революция (важнейшие документы). С. 118–119.

[118] Выступления Мао Цзэдуна, ранее не публиковавшиеся в китайской печати. Вып. 5. С. 195.

[119] См.: Личное дело Мао Цзэдуна // РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 225. Д. 71. Т. 3. Л. 104–105; Мао Цзэдун байкэ цюаньшу. Т. 6. С. 3215; Чжунгундан ши даши няньбяо. С. 352.

[120] Цит. по: Мао Цзэдун байкэ цюаньшу. Т. 6. С. 3219; Чжунгундан ши даши няньбяо. С. 354.

[121] См.: Личное дело Мао Цзэдуна // РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 225. Д. 71. Т. 3. Л. 77; Чжунгундан ши даши няньбяо. С. 348.

[122] Синь Чжунхуа бао (Новый Китай). 1939. 30 декабря.

[123] Мао Цзэдун гэй Цинхуа дасюэ фушу чжунсюэ хунвэйбиндэ синь.

[124] Досье к личному делу Мао Цзэдуна // РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 225. Д. 71. Т. 4. Л. 10–13.

[125] Цит. по: Лю Шаоци няньпу. 1898–1969. Т. 2. С. 652.

[126] Цит. по: *Li Zhisui.* The Private Life of Chairman Mao. P. 489–490.

[127] См.: Чжунгундан ши даши няньбяо. С. 356; *Пэн Дэхуай.* Мемуары маршала. С. 18–20.

[128] Цит. по: Хэ Лун няньпу (Хронологическая биография Хэ Луна). Пекин, 1988. С. 455. См. также: Информационный бюллетень. Серия А. «Культурная революция» в Китае. Документы и материалы (перевод с китайского). Вып. 2: «Хунвэйбиновская» печать о Дэн Сяопине, Пэн Чжэне, Ян Шанкуне и Хэ Луне. С. 225–329.

[129] Цит. по: *Тан Чуньян.* Ли Лисань чжуань. С. 168.

[130] См.: Лю Шаоци цзышу. С. 179–254; *Ван Гуанмэй, Лю Юань.* Ни со бу чжидаодэ Лю Шаоци (Лю Шаоци, которого ты не знаешь). Чжэнчжоу, 2000; Лю Шаоци няньпу. 1898–1969. Т. 2. С. 653–661; *Yen Chia-chi, Kao Kao.* The Ten-Year History of the Chinese Cultural Revolution. Taipei, 1988. P. 168.

[131] См.: *Li Zhisui.* The Private Life of Chairman Mao. P. 478–481.

[132] Цит. по: *Маомао.* Мой отец Дэн Сяопин. Культурная революция: годы испытаний. С. 49, 63.

[133] Выступления Мао Цзэдуна, ранее не публиковавшиеся в китайской печати. Вып. 5. С. 146.

[134] Цит. по: *Jin Qiu.* The Culture of Power. The Lin Biao Incident in the Cultural Revolution. Stanford, Calif, 1999. P. 103.

[135] См.: Чжунгундан ши даши няньбяо. С. 359.

[136] Цит. по: *Jin Qiu*. The Culture of Power. P. 105.

[137] Выступления Мао Цзэдуна, ранее не публиковавшиеся в китайской печати. Вып. 5. С. 150.

[138] *Ван Мэн.* Компривет // *Ван Мэн.* Избранное. М., 1988. С. 460.

[139] Выступления Мао Цзэдуна, ранее не публиковавшиеся в китайской печати. Вып. 5. С. 147.

[140] Цит. по: *Ли Минь.* Мой отец Мао Цзэдун. С. 265.

[141] См.: Чжунгундан ши даши няньбяо. С. 361–363.

[142] См. там же. С. 365–366.

[143] *Ван Мэн.* Компривет. С. 480, 501.

[144] Цит. по: *Маомао.* Мой отец Дэн Сяопин. Культурная революция: годы испытаний. С. 86.

[145] См.: IX Всекитайский съезд Коммунистической партии Китая (документы). Пекин, 1969. С. 101–102.

[146] Выступления Мао Цзэдуна, ранее не публиковавшиеся в китайской печати. Вып. 6. С. 263.

[147] См.: Герои острова Даманский. М., 1969: *Ostermann Christian F.* East German Documents on the Border Conflict, 1969 // CWIHP Bulletin. 1995/1996. No. 6–7. P. 188–190.

[148] Открытое письмо Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза партийным

организациям, всем коммунистам Советского Союза. М., 1963. С. 49, 52–53.

[149] См.: The Polemic on the General Line of the International Communist Movement. Peking, 1965. P. 57.

[150] Выступления Мао Цзэдуна, ранее не публиковавшиеся в китайской печати. Вып. 4. С. 119.

[151] *Хрущев Н. С.* Время. Люди. Власть. С. 89.

[152] См.: *Ostermann Christian F.* East German Documents on the Border Conflict, 1969. P. 186–187.

[153] Президиум ЦК КПСС. 1954–1964. Т. 1. С. 873.

[154] *Александров-Агентов А. М.* От Коллонтай до Горбачева. Воспоминания дипломата, советника А. А. Громыко, помощника Л. И. Брежнева, Ю. В. Андропова, К. У. Черненко и М. С. Горбачева. М., 1994. С. 169.

[155] Цит. по: Личное дело Мао Цзэдуна // РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 225. Д. 71. Т. 4. Л. 149.

[156] *Александров-Агентов А. М.* От Коллонтай до Горбачева. С. 169, 170.

[157] См.: *Snow Edgar.* The Long Revolution. P. 175. См. также Личное дело Мао Цзэдуна // РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 225. Д. 71. Т. 4. Л. 49, 51–52, 149.

[158] Личное дело Мао Цзэдуна // РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 225. Д. 71. Т. 3. Л. 80.

[159] См.: *Ostermann Christian F.* East German Documents on the Border Conflict, 1969. P. 187.

[160] См.: ibid. P. 188; *Jung Chang and Halliday Jon.* Mao. P. 570, 571.

[161] Выступления Мао Цзэдуна, ранее не публиковавшиеся в китайской печати. Вып. 6. С. 266.

[162] См.: *Barnouin Barbara and Yu Changgen.* Ten Years of Turbulence. P. 91.

[163] Личное дело Ван Мина. Т. 2. Л. 48, 49.

[164] См.: *Елизаветин А.* Переговоры А. Н. Косыгина и Чжоу Эньлая в Пекинском аэропорту // Проблемы Дальнего Востока. 1992. № 5. С. 39–63; 1993. № 2. С. 107–119. Изложение переговоров в версии МИД КНР см.: Meeting Between Zhou Enlai and Kosygin at the Beijing Airport // http://www.fmprc.gov.cn/eng/5691.html.

[165] Цит. по: *Thomas S. Bernard.* Season of High Adventure. P. 326; *Li Zhisui.* The Private Life of Chairman Mao. P. 120.

[166] Цит. по: *Snow Edgar.* The Long Revolution. P. 175.

[167] См.: Личное дело Мао Цзэдуна // РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 225. Д. 71. Т. 6. Л. 440.

[168] Личное дело Линь Бяо // РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 225. Д. 53.

Т. 3. Л. 134.

[169] См.: IX Всекитайский съезд Коммунистической партии Китая (документы). С. 102–103.

[170] Цит. по *Ван Синфу.* Линьши сань сюнди. С. 314.

[171] См.: *Линь Бяо.* Автобиография // РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 225. Д. 53. Т. 1. Л. 197–200, 204–206.

[172] См.: Личное дело Линь Бяо // Там же. Л. 201.

[173] Выступления Мао Цзэдуна, ранее не публиковавшиеся в китайской печати. Вып. 6. С. 212–213.

[174] См.: Личное дело Линь Бяо // РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 225. Д. 53. Т. 1. Л. 167, 177.

[175] Там же. Л. 178.

[176] Интервью с Линь Лихэн (Доудоу) в г. Пекине 31 октября 2004 г.

[177] См.: Личное дело Мао Цзэдуна // РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 225. Д. 71. Т. 7. Л. 211.

[178] *Li Zhisui.* The Private Life of Chairman Mao. P. 453–454.

[179] Цит. по: *Jin Qiu.* The Culture of Power. P. 147.

[180] Ibid. P. 129.

[181] Ibid. P. 121.

[182] Ibid. P. 122.

[183] Ibid. P. 101, 117.

[184] Ibid. P. 123.

[185] Ibid. P. 131.

[186] См.: «Вэньхуа да гэмин» цыдянь. С. 404; *Yen Chia-chi, Kao Kao.* The Ten-Year History of the Chinese Cultural Revolution. P. 312–322.

[187] См.: The Lin Biao Affair. Power Politics and Military Coup. White Plains, NY, 1975. P. 81.

[188] См.: A Great Trial in Chinese History. The Trial of the Lin Biao and Jiang Qing Counter-Revolutionary Cliques, Nov. 1980 —Jan. 1981. Oxford, etc., 1981. P. 24–25; *Li Zhisui.* The Private Life of Chairman Mao. P. 540.

[189] «Outline of 'Project 571'» // The Lin Biao Affair. P. 88.

[190] Ibid. P. 83, 85.

[191] Выступления Мао Цзэдуна, ранее не публиковавшиеся в китайской печати. Вып. 6. С. 278.

[192] Цит. по: *Jin Qiu.* The Culture of Power. P. 134.

[193] Ibid. P. 135.

[194] Цит. по: *Li Zhisui.* The Private Life of Chairman Mao. P. 532.

[195] См.: Выступления Мао Цзэдуна, ранее не публиковавшиеся в китайской печати. Вып. 6. С. 274–280. См. также: Личное дело Мао Цзэдуна // РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 225. Д. 71. Т. 7. Л. 286–294.

[196] См.: *Jin Qiu.* The Culture of Power. P. 153–154.

[197] Ibid. P. 173–180, 186; *Li Zhisui.* The Private Life of Chairman Mao. P. 534–537.

[198] Цит. по: *Li Zhisui.* The Private Life of Chairman Mao. P. 537–538.

[199] См.: *Скосырев В.* Голову Линь Бяо генерал КГБ привез в Москву // Известия. 1994. 17 февраля.

[200] См.: A Great Trial in Chinese History. P. 89—100, 216; «Вэньхуа да гэмин» цыдянь. С. 405; *Jin Qiu.* The Culture of Power. P. 237; *Yen Chia-chi, Kao Kao.* The Ten-Year History of the Chinese Cultural Revolution. P. 343–345.

[201] См.: *Li Zhisui.* The Private Life of Chairman Mao. P. 542–543.

[202] Интервью с одним из жителей Пекина 31 октября 2004 г.

[203] См.: *Barnouin Barbara and Yu Changgen.* Ten Years of Turbulence. P. 252–253.

[204] Цит. по: *Li Zhisui.* The Private Life of Chairman Mao. P. 552.

[205] *Достоевский Ф. М.* Братья Карамазовы. Роман в четырех частях с эпилогом // *Достоевский Ф. М.* Собрание сочинений. Т. 9. М., 1958. С. 392, 395.

[206] Выступления Мао Цзэдуна, ранее не публиковавшиеся в китайской печати. Вып. 6. С. 280. См. также запись беседы Мао Цзэдуна с лидером «красных кхмеров» Пол Потом 21 июня 1975 года, опубликованную в: 77 Conversations Between Chinese and Foreign Leaders on the Wars in Indochina. P. 191.

[207] *Kissinger Henry A.* White House Years. Boston, Toronto, 1979. P. 699.

[208] Выступления Мао Цзэдуна, ранее не публиковавшиеся в китайской печати. Вып. 6. С. 270.

[209] Цит. по: Личное дело Мао Цзэдуна // РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 225. Д. 71. Т. 6. Л. 449.

[210] Цит. по: *Kissinger Henry A.* White House Years. P. 164.

[211] См.: *Moss George Donelson.* Vietnam. An American Ordeal. 6th ed. Upper Saddle River, NJ, 2006.

[212] Time. October 5, 1970.

[213] *Kissinger Henry A.* White House Years. P. 700–702.

[214] См.: *Snow Edgar.* The Long Revolution. P. 171–172.

[215] См.: *Snow Edgar.* A Conversation with Mao Tse-tung // Life. April 30, 1971. P. 46–48.

[216] Чжоу Эньлай няньпу (1949–1976). Т. 2. С. 451. См. также: *Переломов Л. С.* Конфуций. «Лунь юй». С. 290; *Kissinger Henry A.* White House Years. P. 708–710; *Li Zhisui.* The Private Life of Chairman Mao. P. 558; Мао Цзэдун байкэ цюаньпу. Т. 1. С. 36.

[217] 77 Conversations Between Chinese and Foreign Leaders on the Wars in Indochina. P. 185.

[218] *Kissinger Henry A.* White House Years. P. 163, 755.

[219] The Memoirs of Richard Nixon. New York, 1978. P. 544.

[220] *Li Zhisui.* The Private Life of Chairman Mao. P. 563.

[221] The Memoirs of Richard Nixon. P. 560.

[222] *Kissinger Henry A.* White House Years. P. 1058.

[223] См.: *Чжан Юйфэн.* Несколько штрихов к картине последних лет жизни Мао Цзэдуна, Чжоу Эньлая // *Гсшенович Ю. М.* Смерть Мао Цзэдуна. М., 2005. С. 89.

[224] Цит. по: The Memoirs of Richard Nixon. P. 560.

[225] *Kissinger Henry A.* White House Years. P. 1059.

[226] См.: The Memoirs of Richard Nixon. P. 561–562. См. также: The Kissinger Transcripts. The Top Secret Talks with Beijing and Moscow. New York, 1998. P. 60.

[227] The Kissinger Transcripts. P. 60.

[228] The Memoirs of Richard Nixon. P. 561–564; The Kissinger Transcripts. P. 65.

[229] Цит. по: *Kissinger Henry A.* White House Years. P. 1492.

[230] См.: 77 Conversations Between Chinese and Foreign Leaders on the Wars in Indochina. P. 179–182.

[231] См.: *Li Zhisui.* The Private Life of Chairman Mao. P. 566, 569.

[232] См.: Мао Цзэдун байкэ цюаньшу. Т. 6. С. 3249.

[233] См.: *Barnouin Barbara and Yu Changgen.* Ten Years of Turbulence. P. 249.

[234] См.: *Маомао.* Мой отец Дэн Сяопин. Культурная революция: годы испытаний. С. 214.

[235] Цит. по: Чжунгундан ши даши няньбяо. С. 383.

[236] Выступления Мао Цзэдуна, ранее не публиковавшиеся в китайской печати. Вып. 6. С. 283.

[237] См.: Время новостей. 2004. 23 августа.

[238] Цит. по: Чжунгундан ши даши няньбяо. С. 385.

[239] См.: Ли *Qiu.* The Culture of Power. P. 78.

[240] *Переломов Л. С.* Конфуций. «Лунь юй». С. 384.

[241] См.: Чжунго гунчаньдан ди шицы цюаньго дайбяодахуэй вэньцзинь хуэйбянь (Сборник документов X съезда Коммунистической партии Китая). Пекин, 1973; Личное дело Мао Цзэдуна // РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 225. Д. 71. Т. 6. Л. 257–260.

[242] См.: *Маомао.* Мой отец Дэн Сяопин. Культурная революция: годы испытаний. С. 260–261.

[243] См.: Мао Цзэдун байкэ цюаньшу. Т. 6. С. 3253.

[244] См.: *Kissinger Henry A* White House Years. P. 1058.

[245] См.: *Li Zhisui.* The Private Life of Chairman Mao. P. 581–582.

[246] Мао Цзэдун вэньцзи. Т. 8. С. 441–442.

[247] См.: Чжунгундан ши даши няньбяо. С. 388.

[248] *Чжан Юйфэн.* Несколько штрихов к картине последних лет жизни Мао Цзэдуна, Чжоу Эньлая. С. 81.

[249] Там же. С. 99; Личное дело Мао Цзэдуна // РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 225. Д. 71. Т. 7. Л. 170; A Great Trial in Chinese History. P. 49–50.

[250] A Great Trial in Chinese History. P. 47, 159.

[251] Ibid. P. 47.

[252] Цит. по: Мао Цзэдун чжуань (1949–1976). Т. 2. С. 1704.

[253] Цит. по: *Маомао.* Мой отец Дэн Сяопин. Культурная революция: годы испытаний. С. 290.

[254] См.: Чжунгундан ши даши няньбяо. С. 391.

[255] Цит. по: *Маомао.* Мой отец Дэн Сяопин. Культурная революция: годы испытаний. С. 314–315.

[256] Цит. по: 77 Conversations Between Chinese and Foreign Leaders on the Wars in Indochina. P. 192.

[257] Выступления Мао Цзэдуна, ранее не публиковавшиеся в китайской печати. Вып. 6. С. 291.

[258] См.: *Barnouin Barbara and Yu Changgen.* Ten Years of Turbulence. P. 283–285.

[259] Цит. по: *Маомао.* Мой отец Дэн Сяопин. Культурная революция: годы испытаний. С. 367.

[260] Цит. по: Чжунгундан ши даши няньбяо. С. 398.

[261] См.: Rethinking the «Cultural Revolution». Beijing, 1987. P. 22–23; *Yen Chia-chi, Kao Kao.* The Ten-Year History of the Chinese Cultural Revolution. P. 553.

[262] Цит. по: Чжунгундан ши даши няньбяо. С. 401.

[263] См.: *Li Zhisui.* The Private Life of Chairman Mao. P. 612.

[264] Цит. по: *Маомао.* Мой отец Дэн Сяопин. Культурная революция: годы испытаний. С. 419.

[265] Цит. по: Мао Цзэдун чжуань (1949–1976). Т. 2. С. 1778.

[266] *Li Zhisui.* The Private Life of Chairman Mao. P. 601–602, 604–605.

[267] *Чжан Юйфэн.* Несколько штрихов к картине последних лет жизни Мао Цзэдуна, Чжоу Эньлая. С. 98.

[268] Там же. С. 102.

[269] Личное дело Мао Цзэдуна //! РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 225. Д. 71. Т. 6. Л. 114.

[270] Там же. Л. 107.

[271] Там же. Л. 201. См. также: Мао Цзэдун чжуань (1949–1976). Т. 2. С. 1778.

[272] Цит. по: Мао Цзэдун чжуань (1949–1976). Т. 2. С. 1781–1782; *Barnouin Barbara and Yu Changgen.* Ten Years of Turbulence. P. 291.

[273] См.: Личное дело Мао Цзэдуна // РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 225. Д. 71. Т. 6. Л. 81.

[274] См.: *Li Zhisui.* The Private Life of Chairman Mao. P. 614, 618,

624; *Ли Минь.* Мой отец Мао Цзэдун. С. 296–297.

[275] См.: *Ли Минь.* Мой отец Мао Цзэдун. С. 299.

ЭПИЛОГ

[1] См.: Решение по некоторым вопросам истории КПК со времени образования КНР. Пекин, 1981. С. 58.

[2] Цит. по: *Terrill Ross.* Madam Mao. P. 9.

[3] См.: A Great Trial in Chinese History. P. 128.

[4] Цит. по: *Terrill Ross.* Madam Mao. P. 353.

[5] Выступления Мао Цзэдуна, ранее не публиковавшиеся в китайской печати. Вып. 6. С. 212–214.

БИБЛИОГРАФИЯ

ИСТОЧНИКИ

На русском языке

Аграрные преобразования в народном Китае. М., 1955.

Александров-Агентов А. М. От Коллонтай до Горбачева: Воспоминания дипломата, советника А. А. Громыко, помощника Л. И. Брежнева, Ю. В. Андропова, К. У. Черненко и М. С. Горбачева. М., 1994.

Архив внешней политики Российской Федерации.

Бакулин А. В. Записки об уханьском периоде китайской революции (из истории китайской революции 1925–1927 гг.). М.; Л., 1930.

Благодатов А. В. Записки о китайской революции 1925–1927 гг. 3-е изд. М., 1979.

Блюхер Г. Воспоминания о муже — маршале В. К. Блюхере. Тюмень, 1996.

Бороться за мобилизацию всех сил для превращения нашей страны в великое социалистическое государство: Тезисы для изучения и пропаганды генеральной линии партии в переходный период. (Разработаны отделом агитации и пропаганды ЦК КПК и утверждены ЦК КПК в декабре 1953 г.). М., [1957].

Браун О. Китайские записки (1932–1939). М., 1974.

Брежнев А. А. Китай: Тернистый путь к добрососедству. М, 1998.

Бубер-Нейман М. Мировая революция и сталинский режим: Записки очевидца о деятельности Коминтерна в 1920—1930-х годах. М., 1995.

Бюллетень IV конгресса Коммунистического Интернационала. № 20 (29 ноября 1922 г.).

Ван Мин. Полвека КПК и предательство Мао Цзэ-дуна. М., 1975.

Ван Мин. Собрание сочинений: В 4 т. М., 1984.

Великая пролетарская культурная революция (важнейшие документы). Пекин, 1970.

Великий поход 1-го фронта Китайской рабоче-крестьянской красной армии: Воспоминания. М., 1959.

Верещагин Б. Н. В старом и новом Китае: Из воспоминаний дипломата. М., 1999.

Вишнякова-Акимова В. В. Два года в восставшем Китае, 1925–1927. Воспоминания. М., 1965.

В. К. Блюхер в Китае. 1924–1927 гг. Новые документы

главного военного советника. М., 2003.

ВКП(б), Коминтерн и Китай. Документы: В 4 т. М., 1994–2003.

Владимиров П. П. Особый район Китая 1942–1945. М., 1975.

Возникновение и развитие разногласий между руководством КПСС и нами. По поводу открытого письма ЦК КПСС. Пекин, 1963.

Войтинский Г. Мои встречи с Сунь Ятсеном // Правда. 1925. 15 марта.

Восточный секретариат Исполнительного комитета Коммунистического Интернационала // Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 495. Оп. 65а.

Всюду красные знамена. (Воспоминания и очерки о второй гражданской революционной войне). М., 1957.

Вторая сессия VIII Всекитайского съезда Коммунистической партии Китая. Пекин, 1958.

Выступления Мао Цзэдуна, ранее не публиковавшиеся в китайской печати: В 6 вып. М., 1975–1976.

Гао Тан. Избранное. М., 1989.

Герои острова Даманский. М., 1969.

То Шаотан. Историко-мемуарные записки китайского революционера. М., 1990.

Громыко А. А. Памятное: В 2 кн. М., 1988.

Данин С. А. В рядах китайской революции. М.; Л., 1926.

Данин С. А. Китайские мемуары. 1921–1927. М., 1975.

Движение 4 мая 1919 года в Китае. Документы и материалы. М., 1969.

IX Всекитайский съезд Коммунистической партии Китая (документы). Пекин, 1969.

Делегация ВКП(б) в Исполнительном комитете Коммунистического Интернационала // РГАСПИ. Ф. 508.

Джилас М. Разговоры со Сталиным. [Франкфурт-на-Майне, 1970].

Доклад Н. С. Хрущева о «культе личности» Сталина на XX съезде КПСС. Документы. М., 2002.

Документы VIII пленума Центрального комитета Коммунистической партии Китая восьмого созыва. Пекин, 1959.

Досье к личному делу Мао Цзэдуна // РГАСПИ. Ф. 495. Д. 225. Оп. 71. Т. 1–5.

Елизаветин А. Переговоры А. Н. Косыгина и Чжоу Эньлая в Пекинском аэропорту // Проблемы Дальнего Востока. 1992. № 5. С. 39–63; 1993. № 2. С. 107–119.

Записки Пэн Пая. М., 1938.

Интернациональная контрольная комиссия

Коммунистического Интернационала // РГАСПИ. Ф. 505.

Информационный бюллетень. Сер. А. «Культурная революция» в Китае. Документы и материалы / Пер. с кит.: В 12 вып. М., 1968–1972.

Казанин М. И. В штабе Блюхера. Воспоминания о китайской революции 1925–1927 годов. М., 1966.

Капица М. С. На разных параллелях. Записки дипломата. М., 1996.

Кармен Р. Год в Китае // Знамя. 1940. № 8. С. 3—122.

Коршунова А. И. Встречи в Москве с Цзян Цин, женой Мао Цзэдуна // Кентавр. 1992. № 1–2. С. 121–127.

Ковалев И. В. Диалог Сталина с Мао Цзэдуном // Проблемы Дальнего Востока. 1991. № 6. С. 83–93; 1992. № 1–3. С. 77–91.

Ковалев И. В. Россия и Китай (С миссией в Китае) // Дуэль. 1996. 11, 25 октября, 5, 19 ноября, 3, 17 декабря; 1997. 14 января, 11, 25 февраля, 25 марта, 8 апреля.

Коваль К. И. Московские переговоры И. В. Сталина с Чжоу Эньлаем в 1953 г. и Н. С. Хрущева с Мао Цзэдуном в 1954 г. // Новая и новейшая история. 1989. № 5. С. 104–119.

Коллекция неразобранных документов // РГАСПИ.

Коммунистический Интернационал и китайская революция. Документы и материалы. М., 1986.

Коммунистический университет трудящихся Востока и Научно-исследовательский институт по изучению национальных и колониальных проблем // РГАСПИ. Ф. 532.

Коммунистический университет трудящихся-китайцев // РГАСПИ. Ф. 530.

Конгресс Коммунистической партии в Китае // Народы Азии и Африки. 1972. № 6. С. 151–155.

Конституция и основные законодательные акты Китайской Народной Республики. М., 1955.

Крутиков К. И. На китайском направлении. Из воспоминаний дипломата. М., 2003.

Ледовский А. М. СССР и Сталин в судьбах Китая. Документы и свидетельства участника событий. 1937–1952 гг. М., 1999.

Ленин В. И. Полное собрание сочинений: В 55 т. М., 1963–1978.

Ли Дачжао. Избранные произведения. М., 1989.

Ли Жуй-линь. Восстание в Нинду // Всюду красные знамена (Воспоминания и очерки о второй гражданской революционной войне). М., 1957. С. 52–58.

Ли Минь. Мой отец Мао Цзэдун. Пекин, 2004.

Личное дело Мао Цзэдуна // РГАСПИ. Ф. 495. Д. 225. Оп. 71. Т. 1—10.

Личные дела 3 тыс. 327 членов Компартии Китая и Гоминьдана // РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 225.

Личный архив автора.

Личный фонд Иосифа Виссарионовича Сталина // РГАСПИ. Ф. 558.

Ломинадзе С. Девятнадцатое января // Знамя. 1997. № 11. С. 149–163.

Лю Син. До и после «восстания осеннего урожая» // Всюду красные знамена (Воспоминания и очерки о второй гражданской революционной войне). М., 1957. С. 26.

Лю Шаоци. Избранные произведения: В 2 т. Пекин, 1984.

[Лю Шици]. Советский район юго-западной Цзянси в 1930 г. (Доклад инструктора ЦК Компартии Китая от 7 октября 1930 г.) // Советы в Китае. Сборник материалов и документов. М., 1934. С. 237.

Мао Цзе-дун. Моя жизнь // Интернациональная литература. 1937. № 11. С. 101–111; № 12. С. 95–101.

Мао Цзэ-дун. Избранные произведения: В 3 т. М., 1949.

Мао Цзэ-дун. Избранные произведения: В 4 т. М., 1952–1953.

Мао Цзэ-дун. О диктатуре народной демократии. М., 1949.

Мао Цзэдун о китайской политике Коминтерна и Сталина // Проблемы Дальнего Востока. 1994. № 5. С. 101–110.

Мао Цзэ-дун. Только советы могут спасти Китай. Доклад на Н-м съезде Советов Китая. М.; Л., 1934.

Мао Цзэ-дун. Экономическое строительство и итоги проверки раздела земли в Китайской Советской Республике (Избранные речи и статьи). М.; Л., 1934.

Маоизм без прикрас. Некоторые уже известные, а также ранее не опубликованные в китайской печати высказывания Мао Цзэдуна: Сборник. М., 1980.

Маомао. Мой отец Дэн Сяопин. М., 1995.

Маомао. Мой отец Дэн Сяопин. Культурная революция: годы испытаний. М., 2001.

Материалы VIII Всекитайского съезда Коммунистической партии Китая. М., 1956.

Материалы второй сессии Всекитайского собрания народных представителей (5–30 июля 1955 г.). М., 1956.

Материалы 6-го пленума Центрального комитета Коммунистической партии Китая восьмого созыва. Пекин, 1959.

Микоян А. И. Так было. Размышления о минувшем. М., 1999.

Мэн Циншу. Воспоминания о Ван Мине (рукопись).

Непубликовавшаяся речь И. В. Сталина о Китае // Проблемы Дальнего Востока. 2001. № 1. С. 149–159.

Новые материалы о первом съезде Коммунистической партии

Китая // Народы Азии и Африки. 1972. № 6. С. 150–158.

Образование Китайской Народной Республики: Документы и материалы. М., 1950.

О культе личности и его последствиях (текст доклада Н. С. Хрущева XX съезду КПСС) // Известия ЦК КПСС. 1989. № 2. С. 128–170.

Особые папки Политбюро ЦК РКП(б) — ЦК ВКП(б) // РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162.

Открытое письмо Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза партийным организациям, всем коммунистам Советского Союза. М., 1963.

Панцов А. В. Судьба китайского троцкиста // Проблемы Дальнего Востока. 1998. № 3. 97-107; № 4. С. 81–90.

Панюшкин А. С. Записки посла. Китай 1939–1944 гг. М., 1981.

Первая половина моей жизни: Воспоминания Пу И — последнего императора Китая. М., 1968.

Первая сессия Всекитайского собрания народных представителей Китайской Народной Республики первого созыва (документы и материалы). Пекин, 1956.

Письма И. В. Сталина В. М. Молотову 1925–1936 гг.: Сборник документов. М., 1995.

Письмо товарища Пэн Дэхуая Председателю Мао (14 июля 1959 года) // *Пэн Дэхуай.* Мемуары маршала. М., 1988. С. 375–381.

Письмо Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза Центральному комитету Коммунистической партии Китая (30 марта 1963 года) // Предложение о генеральной линии международного коммунистического движения. Ответ Центрального комитета Коммунистической партии Китая на письмо Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза от 30 марта 1963 года. Пекин, 1963. С. 67–102.

Письмо Центрального Комитета КПСС ЦК Компартии Китая от 15 июня 1964 г. // Коммунист. 1964. № 10. С. 9—20.

Письмо ЦК Компартии Китая Центральному Комитету КПСС от 7 мая 1964 г. // Коммунист. 1964. № 10. С. 20–24.

Пленумы Центрального Комитета РКП(б) — ВКП(б). 1918–1941 гг. // РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 2.

Политбюро ЦК ВКП(б) и Совет Министров СССР 1945–1953. М., 2002.

Политический секретариат Исполнительного комитета Коммунистического Интернационала // РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 3.

Предложение о генеральной линии международного коммунистического движения. Ответ Центрального Комитета

Коммунистической партии Китая на письмо Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза от 30 марта 1963 года. Пекин, 1963.

Президиум ЦК КПСС. 1954–1964. Черновые протокольные записи заседаний. Стенограммы. Постановления. Т. 1. М., 2003.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь, боритесь против нашего общего врага (сборник статей). Пекин, 1963.

Протоколы заседаний Политбюро Центрального комитета ЦК РКП(б) — ЦК ВКП(б). 1919–1941 гг. // РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3.

Пэн Дэхуай. Мемуары маршала. М., 1988.

V расширенный пленум Исполнительного комитета Коммунистического Интернационала // РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 163.

Рахманин О. Б. Взаимоотношения между И. В. Сталиным и Мао Цзэдуном глазами очевидца // Новая и новейшая история. 1998. № 1. С. 78–91.

Решение по некоторым вопросам истории КПК со времени образования КНР. Пекин, 1981.

Решение шестого (расширенного) пленума ЦК Коммунистической партии Китая седьмого созыва по вопросу о кооперировании в сельском хозяйстве. М., 1955.

Ромм М. Устные рассказы. М., 1991.

Русско-китайские отношения в XX веке: Документы и материалы. Т. IV: В 2 кн. М., 2000.

Русско-китайские отношения в XX веке: Документы и материалы. Т. V. М., 2005.

VII расширенный пленум Исполнительного комитета Коммунистического Интернационала // РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 165.

Секретариат председателя Совнаркома и СТО В. И.Ленина. 1917–1923 гг.: Документальные материалы В. И. Ленина по руководству международным рабочим и коммунистическим движением (1917–1923 гг.) // РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 3.

Секретариат председателя Совнаркома и СТО В. И. Ленина. 1917–1923 гг.: Документы о партийной и общественной деятельности В. И. Ленина // РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 2.

Семенов Г. Г. Три года в Пекине (Записки военного советника). М., 1978.

Симонов К. Истории тяжелая вода. М., 2005.

Смедли А. Рассказы о китайской Красной армии. М., 1935.

Советско-китайские отношения. 1917–1957: Сборник документов. М., 1959.

Советы в Китае: Материалы и документы: Сборник второй. (Верстка неизданной книги.) М., 1935.

Советы в Китае: Сборник материалов и документов. М., 1934.

Сообщение о IV пленуме ЦК КПК // Народный Китай. 1954.

№ 6. С. 4.

Сплотимся на основе Московской декларации и Московского заявления. Пекин, 1963.

Сталин И. В. Сочинения: В 13 т. М., 1953.

Стенографический отчет XX съезда КПСС: В 2 т. М., 1956.

Стенографический отчет VI съезда Коммунистической партии Китая: В 6 кн. М., 1930.

Стратегия и тактика Коминтерна в национально-колониальной революции на примере Китая. М., 1934.

Сунь Ятсен. Избранные произведения. 2-е изд., испр. и доп. М., 1985.

Тихвинский С. Л. Китай в моей жизни // Проблемы Дальнего Востока. 1989. № 3. С. 104–119; № 4. С. 103–117; 1990. № 4. С. 103–112; № 5. С. 99–108.

Тихвинский С. Л. Переписка И. В. Сталина с Мао Цзэдуном в январе 1949 г. // Новая и новейшая история. 1994. № 4–5. С. 132–140.

Троцкий Л. Сталин и китайская революция: Факты и документы // Бюллетень оппозиции (большевиков-ленинцев). 1930. № 15–16. С. 7—19.

Федоренко Н. Визит Н. Хрущева в Пекин // Проблемы Дальнего Востока. 1990. № 1. С. 121–128.

Федоренко Н. Как академик П. Ф. Юдин редактировал Мао Цзэдуна // Проблемы Дальнего Востока. 1992. № 6. С. 74–78.

Федоренко Н. Т. Беседы с Мао Цзэдуном на пути в Москву. Декабрь 1949 г. // Новая и новейшая история. 1996. № 6. С. 124–135.

Федоренко Н. Т. Сталин и Мао. Беседы в Москве // Проблемы Дальнего Востока. 1989. № 1. С. 149–164.

Федотов В. П. Полвека вместе с Китаем. Воспоминания, записи, размышления. М., 2005.

Форман Г. В новом Китае. М., 1948.

Хрущев Н. С. Воспоминания. Избранные фрагменты. М., 1997.

Хрущев Н. С. Время. Люди. Власть (Воспоминания: В 4 кн.). М., 1999.

Хрущев Н. С. Отчетный доклад Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза XX съезду партии. 14 февраля 1956 года. М., 1956.

Цай Хэ-сэнь. История оппортунизма в Коммунистической партии Китая // Проблемы Китая. 1929. № 1. С. 1—77.

Центральный комитет Коммунистической партии Китая // РГАСПИ. Ф. 514.

Циу Лао-жэнь (Бао Хуэйсэн). До и после образования Коммунистической партии Китая // Рабочий класс и

современный мир. 1971. № 2. С. 117–127.

Цюй Цюбо. Очерки и статьи. М., 1959.

Чжан Юйфэн. Несколько штрихов к картине последних лет жизни Мао Цзэдуна, Чжоу Эньлая // *Галенович Ю. М.* Смерть Мао Цзэдуна. М., 2005. С. 79–106.

Чжоу Эньлай. Избранные произведения: В 2 т. Пекин, 1981.

Чжоу Эньлай. К вопросу об интеллигенции (Доклад на совещании по вопросу об интеллигенции, созванном ЦК КПК 14 января 1956 г.). Пекин, 1956.

Черепанов А. К Записки военного советника в Китае. 2-е изд. М., 1976.

Чуев Ф. Сто сорок бесед с Молотовым. Из дневника Ф. Чуева. М., 1991.

Чэнь Гэн. От Наньчана до Сватоу // Всюду красные знамена (Воспоминания и очерки о второй гражданской революционной войне). М., 1957. С. 13–20.

[Чэнь И]. История боевых действий 4-го корпуса // Советы в Китае: Сборник материалов и документов. М., 1934. С. 186–192.

Чэнь Пан-цю (Чэнь Таньцю). Воспоминания о I съезде Компартии Китая // Коммунистический Интернационал. 1936. № 14. С. 96–99.

Шепилов Д. Т. Воспоминания // Вопросы истории. 1998. № 9. С. 18–33; № 10. С. 3–31.

Шестой расширенный пленум Исполкома Коминтерна (17 февраля — 15 марта 1926 г.): Стенографический отчет. М.; Л., 1927.

Эми Сяо. Мао Цзэ-дун. Чжу Дэ (Вожди китайского народа). М., 1939.

Яковлев М. И. 17 лет в Китае. М., 1981.

Янь Вэнь (Крымов А. Г.). Воспоминание о «движении 4 мая» // Движение «4 мая» 1919 года в Китае: Сборник статей. М., 1971. С. 128–131.

На болгарском языке

Димитров Г. Дневник (9 март 1933—6 февруари 1949). София, 1997.

На китайском языке

Баци хуэйи (Совещание 7 августа). Пекин, 1986.

Бо Ибо. Жоганьчжунда цзюецэ юй шицзяньдэ хуэйгу (Воспоминания о некоторых важных политических решениях и их реализации): В 2 т. Пекин, 1991.

Ван Гуанмэй, Лю Юань. Ни со бу чжидаодэ Лю Шаоци (Лю Шаоци, которого ты не знаешь). Чжэнчжоу, 2000.

Ван Дунсин жицзи (Дневник Ван Дунсина). Пекин, 1993.

Ван Фаньси. Шуаншань хуэйилу (Воспоминания Шуаншаня). Сянган, 1977.

Ван Хэбинь. Цзиньши шушэн — Мао Цзэдун мишу цзеду Маоти моцзи (Великий мастер каллиграфии, известный на весь мир — Секретарь Мао Цзэдуна разбирает почерк Мао). Пекин, 2004.

Гоминьдан и да данъу баогао сюаньцзай (Выборочные доклады по партийным делам, представленные на I съезд Гоминьдана) // Гэмин ши цзыляо (Материалы по истории революции). Шанхай, 1986. № 2. С. 28–35.

Гэмин леши шусинь (Письма павших героев революции): В 2 т. Пекин, 1983.

Гунчаньдан цзай гоминьдан нэйдэ гунцзо вэньти ицзюеань (Резолюция по вопросу о работе компартии в Гоминьдане) // Данбао (Партийная газета). 1924. № 3. С. 1–3.

Гунчаньчжуи сяоцзу (Коммунистические кружки): В 2 т. Пекин, 1987.

Гунфэй хого шиляо хуэйбянь (Сборник материалов по истории коммунистических бандитов, принесших стране несчастье). Т. 1. Тайбэй, 1964.

Дэн Сяопин вэньсюань (1975–1982) (Избранные произведения Дэн Сяопина [1975–1982]). Пекин, 1983.

Дэн Чжунся вэньцзи (Сочинения Дэн Чжунся). Пекин, 1983.

Е Цзылун хуэйилу (Воспоминания Е Цзылуна). Пекин, 2000.

Жэнь Бйши сюаньцзи (Избранные произведения Жэнь Биши). Пекин, 1987.

Канжи миньцзу тунъи чжаньсянь чжинань (Директивы о едином антияпонском национальном фронте). Б. м., б. г.

Кун Дунмэй. Мао Цзэдун, Хэ Цзычжэнь фуфу: вэй гэмин тунши угэ цзынюй (Супруги Мао Цзэдун и Хэ Цзычжэнь: С болью отдали революции пятерых сыновей и дочерей) // Цзефан жибао (Ежедневная газета «Освобождение»). 2005. 7 марта.

Кун Дунмэй. Тин вайпо цзян нэйгоцюйдэ шицин — Мао Цзэдун юй Хэ Цзычжэнь (Слушая рассказы бабушки о прошлом — Мао Цзэдун и Хэ Цзычжэнь). Пекин, 2005.

Лаоибэй гэминцзяшусинь сюань (Избранные письма революционеров старшего поколения). Чанша, 1984.

Ли Вэйхань. Хуэйи юй яньцзю (Воспоминания и исследования): В 2 т. Пекин, 1986.

Ли Гэньяо. Цзоусян шэньтаньдэ Мао Цзэдун (Мао Цзэдун, восходящий на божественный пьедестал). Пекин, 1989.

Ли Да. Макэсы хуаньюань (Возрождение Маркса) // Синь циннянь (Новая молодежь). 1921. Т. 8. № 5. С. 1–8.

Ли Дачжао вэньцзи (Сочинения Ли Дачжао): В 2 т. Пекин, 1984.

Ли Жуй. Лушань хуэйи шилу (Правдивые записки о Лушаньском совещании). Пекин, 1989.

Ли Юцзю. Дэн Цзыхуэй юй нунъе хэцзохуа юньдун (Дэн Цзыхуэй и движение за кооперирование сельского хозяйства) // Хунсэ цзии: Чжунго гунчаньдан лиши коушу шилу (1949–1978) (Красные воспоминания. Правдивые устные рассказы об истории Компартии Китая). Цзинань, 2002. С. 241–250.

Ли Юэжань. Вайцзяо утай шан дэ Чжунго линсюе (Лидеры нового Китая на дипломатической арене). Пекин, 1989.

Ли Юэжань. Мао чжуси диэрцы фанвэнь Сулянь (Вторая поездка Председателя Мао в Советский Союз) // Чжэныиидэ Мао Цзэдун. Мао Цзэдун шэньбянь гунцзо жэньюаньдэ хуэйи (Подлинный Мао Цзэдун. Воспоминания людей, работавших рядом с Мао Цзэдуном). Пекин, 2004.

Линь Гулян. Гунчань гоцзи дайбяо лай Хуа цинкуан цзыляо чжай-бянь (Выдержки из материалов, отражающих приезд в Китай представителей Коминтерна) // Данши яньцзю цзыляо (Материалы по изучению истории партии). 1979. № 13. С. 5—28.

Лосу (Рассел). Ю Э ганьсян (Впечатления от поездки в Россию) // Синь циннянь (Новая молодежь). 1920. Т. 8. № 2. С. 1—12.

Лю Сяо. Чуши Сулянь банянь (Восемь лет на посту посла в СССР). Пекин, 1998.

Лю Шаоци сюаньцзи (Избранные произведения Лю Шаоци): В 2 т. Пекин, 1985.

Лю Шаоци цзышу (Автобиографические записки Лю Шаоци). Пекин, 2002.

Макэсычжуи цзай Чжунго — цун инсян чуаньжу дао чуаньбо (Марксизм в Китае — от влияния до распространения). Т. 1. Пекин, 1983.

Мао Цзэдун вэньцзи (Сочинения Мао Цзэдуна): В 8 т. Пекин, 1993–1999.

Мао Цзэдун гэй Цинхуа дасюэ фушу чжунсюэ хунвэйбиндэ синь. 1968 нянь 8 юэ 1 жи (Письмо Мао Цзэдуна хунвэйбинам средней школы при университете Цинхуа. 1 августа 1968 г.) // http://maobo.7x.com.cn/gushi/gushi4/hongweibing.html.

Мао Цзэдун нунцунь дяоча вэньцзи (Сочинения Мао Цзэдуна об обследовании деревни). Пекин, 1982.

Мао Цзэдун синьвэнь гунцзо вэньсюань (Избранные произведения Мао Цзэдуна о работе в сфере информации). Пекин, 1983.

Мао Цзэдун сюаньцзи (Избранные произведения Мао Цзэдуна): В 3 т. Пекин, 1951–1952.

Мао Цзэдун сюаньцзи (Избранные произведения Мао Цзэдуна). Т. 4. Пекин, 1960.

Мао Цзэдун сюаньцзи (Избранные произведения Мао Цзэдуна). Т. 5. Пекин, 1977.

Мао Цзэдун хэ тадэ мишу Тянь Цзяин (Мао Цзэдун и его секретарь Тянь Цзяин). Пекин, 1989.

Мао Цзэдун цзышу (Автобиографические записки Мао Цзэдуна). Пекин, 2002.

Мао Цзэдун. «Цида» гунцзо фанчжэнь (Курс работы VII съезда) // Хунци (Красное знамя). 1981. № 11. С. 1–7.

Мао Цзэдун чжуцзо сюаньду (Хрестоматия работ Мао Цзэдуна): В 2 т. Пекин, 1986.

Мао Цзэдун шицы дуйлянь цзичжу (Сборник стихов Мао Цзэдуна). Чанша, 1991.

Мао Цзэдун шусинь сюаньцзи (Избранные письма Мао Цзэдуна). Пекин, 1983.

Мао Цзэдун шэнхо данъань (Архив о жизни Мао Цзэдуна): В 3 т. Пекин, 1999.

Мао чжуси шицы (Стихотворения Председателя Мао). Пекин, 1976.

Миньцюань юньдун датунмэн сюаньянь (Декларация Союза движений за народовластие) // Сяньцюй (Пионер). 1922. № 20. С. 1–2.

Наньвандэ хуэйи. Хуайнянь Мао Цзэдун тунчжи (Незабываемые воспоминания. С теплотой вспоминая товарища Мао Цзэдуна). Пекин, 1985.

Не Жунчжэнь хуэйилу (Воспоминания Не Жунчжэня): В 3 т. Пекин, 1983.

Не Юаньцзы и др. Сун Шо, Лу Пин, Пэн Пэйюань цзай вэньхуа гэминчжун цзюцзин гань шэмма? (Что же в конце концов проводят в культурной революции Сун Шо, Лу Пин и Пэн Пэйюань?) // Жэнь-минь жибао (Народная ежедневная газета). 1966. 2 июня.

Паньцзофу (Панцов) Л. В. Синь фасяньдэ Ли Дачжао, Чэнь Дусю, Жэнь Биши синьцзянь (Вновь обнаруженные письма Ли Дачжао, Чэнь Дусю, Жэнь Биши) // Байнянь чао (Волна столетия). 2005. № 1. С. 31–34.

Сюэ Муцяо. Хуайнянь вэйдадэ макэсычжуичжэ Лю Шаоци тунчжи (Вспоминая великого марксиста товарища Лю Шаоци) // Гуанмин жибао (Ежедневная газета «Свет»). 1988. 24 ноября.

Сяо Цзингуан. Фу Су сюэси цяньхоу (До и после учебы в Стране Советов) // Гэмин ши цзыляо (Материалы по истории революции). Пекин, 1981. № 3. С. 1–21.

У Лянси. И Мао чжуси (Вспоминая Председателя Мао). Пекин, 1994.

Усы шицидэ шэтуань (Общества периода «4 мая»): В 4 т. Пекин, 1979.

Усы шици цикань цзешао (Обзор печатных изданий период 4 мая): В 4 т. Пекин, 1979.

Хуан Кэчэн. Лушань фэнъюнь (Лушаньские события) // Хунсэ цзии: Чжунго гунчаньдан лиши коушу шилу (1949–1978) (Красные воспоминания. Правдивые устные рассказы об истории Компартии Китая). Цзинань, 2002. С. 422–444.

Хуан Пин. Ван ши хуэйи (Воспоминания о минувшем). Пекин, 1981.

Хунсэ цзии: Чжунго гунчаньдан лиши коушу шилу (1949–1978) (Красные воспоминания. Правдивые устные рассказы об истории Компартии Китая). Цзинань, 2002.

Цзинганшань гэньцзюйди шиляо сюаньбянь (Сборник избранных материалов об опорной базе в горах Цзинган). Наньчан, 1986.

Цзуньи хуэйи вэньсянь (Документы совещания в Цзуньи). Пекин, 1985.

Цзян Канху. Синь Э юцзи (Записки о путешествии в новую Россию). Шанхай, 1923.

Цзян Сун Мэйлин (Мадам Чан Кайши-Сун Мэйлин). Юй Баолотин таньхуадэ хуэйилу (Воспоминания о беседах с Бородиным). Тайбэй, 1976.

Цзяньго илай Мао Цзэдун вэньгао (Рукописи Мао Цзэдуна со времени образования КНР): В 13 т. Пекин, 1987–1998.

Чжан Вэньтянь сюаньцзи (Избранные произведения Чжан Вэньтяня). Пекин, 1985.

Чжан Тайлэй вэньцзи (Сочинения Чжан Тайлэя). Пекин, 1981.

Чжан Юныиэн, Чжан Цункунь. Линь Бяо мишу Мацзявань цзоучу-чжихоу (После того как секретарь Линь Бяо покинул Мацзявань): В 2 т. Сянган, 2003.

Чжоу Шичжао и др. «Усы» юньдун цзай Хунань (Движение «4-го мая» в Хунани). Чанша, 1959.

Чжоу Эньлай сюаньцзи (Избранные произведения Чжоу Эньлая): В 2 т. Пекин, 1980.

Чжоу Эньлай цзышу (Автобиографические записки Чжоу

Эньлая). Пекин, 2002.

Чжу Чжунли. Цаньцань хунъе (Ярко-красный лист). Чанша, 1985.

Чжунго гоминьдан дии, диэрцы цюаньго дайбяодахуэй хуэйи шиляо (Материалы по истории I и II конгрессов Гоминьдана). Т. 2. [Нанкин], 1986.

Чжунго гунчаньдан дисаньцы чжунъян кода чжисин вэйюаньхуэй ицзюеань (Резолюции 3-го расширенного пленума ЦИК КПК). [Б.м.], 1926.

Чжунго гунчаньдан ди сыцы цюаньго дайбяодахуэй ицзюеань цзи сюаньянь (Резолюции и декларации IV Всекитайского съезда КПК). Б. м., 1925.

Чжунго гунчаньдан ди шицы цюаньго дайбяодахуэй вэньцзинь хуэйбянь (Сборник документов X съезда Коммунистической партии Китая). Пекин, 1973.

Чжунго гунчаньдан дуйюй шицзюйдэ чжи чжучжан (Заявление Компартии Китая о текущем моменте) // Сяньцюй (Пионер). 1922. № 9. С. 1–3.

Чжунго гунчаньдан унянь лайчжи чжэнчжи чжучжан (Политические заявления Компартии Китая за пять лет). Гуанчжоу, 1926.

Чжунго гунчаньдан цзигуань фачжань цанькао цзыляо (Справочные материалы по истории развития организаций КПК). Вып. 1. Пекин, 1983.

Чжунгун «саньда» цзыляо (Материалы III съезда КПК). Гуанчжоу, 1985.

Чжуншань цюаньцзи (Полное собрание сочинений [Сунь] Ятсена): В 2 т. Шанхай, 1931.

Чжэн Гуаньин. Шэньши вэйянь (Предупреждение об опасностях, угрожающих в цветущее время): В 2 т. Тайбэй, 1965.

Чжэн Цаньхуэй. Чжунго гоминьдан диицы цюаньго дайбяодахуэй (I Всекитайский съезд Китайского Гоминьдана) // Гэмин ши цзыляо (Материалы по истории революции). Шанхай, 1986. № 1. С. 113–126.

Чжэн Чаолинь хуэйилу (Воспоминания Чжэн Чаолиня). [Сянган], б. г.

Чжэньшидэ Мао Цзэдун. Мао Цзэдун шэньбянь гунцзо жэньюаньдэ хуэйи (Подлинный Мао Цзэдун. Воспоминания людей, работавших рядом с Мао Цзэдуном). Пекин, 2004.

Чэнь Гунбо, Чжоу Фохай хуэйилу (Воспоминания Чэнь Гунбо и Чжоу Фохая). Сянган, 1988.

Чэнь Дусю вэньчжан сюаньбянь (Избранные статьи Чэнь Дусю): В 3 т. Пекин, 1984.

Чэнь Дусю. Шэхуэйчжуи пипин (Критика социализма) // Синь

цин-нянь (Новая молодежь). 1921. Т. 9. № 3. С. 1—13.

Чэнь И тунчжи гуаньюй Чжу Мао цзюньдэ лиши цзи ци чжуанкуандэ баогао (Доклад товарища Чэнь И об истории армии Чжу-Мао и ее нынешнем состоянии) // Цзинганшань гэньцзюйди шиляо сюаньбянь (Сборник избранных материалов об опорной базе в горах Цзинган). Наньчан, 1986. С. 176.

Шанхай дицюй цзяньдан ходун яньцзю цзыляо (Материалы по изучению деятельности по строительству партии в Шанхайском районе). Шанхай, 1986.

Шао Пяопин. Синь Эгочжи яньцзю (Изучение новой России). Б.м., 1920.

Шао Хуа. Мао Цзэдун чжилу — чжуйсю фуциньдэ цзуи (Путь Мао Цзэдуна — по следам отца). Куньмин, 2001.

Ши Цуньтун. Макэсыди гунчаньчжуи (Коммунизм Маркса) // Синь циннянь (Новая молодежь). 1921. Т. 9. № 4. С. 1—11.

Ши Чжэ. Фэн юй гу — Ши Чжэ хуэйилу (Вершина и пропасть — Воспоминания Ши Чжэ. Пекин, 1992.

Ши Чжэ. Цзай лиши цзюйжэнь шэньбянь (Рядом с историческими титанами). Пекин, 1995.

Ши Чжэ, Ли Хайвэнь. Чжунсу гуаньси цзяньчжэн лу (Записки свидетеля о советско-китайских отношениях). Пекин, 2005.

Ши Чжэ, Ши Цюлан. Водэ ишэн — Ши Чжэ цзышу (Моя жизнь — Воспоминания Ши Чжэ). Пекин, 2002.

«Эрда» хэ «саньда». Чжунго гунчаньдан ди эр, саньцы дабяодахуэй цзыляо сюаньбянь («Второй съезд» и «третий съезд». Избранные документы II и III съездов КПК). Пекин, 1985.

Юаньдун гэго гунчаньдан цзи миньцзу туаньти диицы дахуэй сюаньянь (Манифест I съезда коммунистических партий и национально-революционных организаций стран Дальнего Востока) // Сяньцюй (Пионер). 1922. № 10. С. 4–5.

Ян Кайхуэй. Оугань (Случайные чувства) // Мао Цзэдун шицы дуй-лянь цзичжу (Сборник стихов Мао Цзэдуна). Чанша, 1991. С. 99—100.

Ян Шанкунь жицзи (Дневник Ян Шанкуня): В 2 т. Пекин, 2001.

Ян Шанкунь хуэйилу (Воспоминания Ян Шанкуня). Пекин, 2001.

На английском и французском языках

«All Under the Heaven Is Great Chaos». Beijing, the Sino-Soviet Clashes, and the Turn to Sino-American Rapprochement, 1968—69 //

Cold War International History Project Bulletin. March 1998. No. 11. P. 155–175.

The Autobiography of Bertrand Russell. 1914–1944. Boston & Toronto, 1956.

Band, Claire and William. Dragon Fangs. Two Years with Chinese Guerillas. London, 1947.

Barrett, David D. Dixie Mission: The United States Army Observer Group in Yenan, 1944. Berkeley, Calif., 1970.

Bisson T. A. Yenan in June 1937: Talks with the Communist Leaders. Berkeley, Calif., 1973.

Brandt, Conrad, Schwartz, Benjamin and Fairbank, John K. A Documentary History of Chinese Communism. Cambridge, Mass., 1952.

Carlson, Evans Forayce. Evans F. Carlson on China at War, 1937–1941. New York, 1993.

Carlson, Evans Fordyce. Twin Stars of China. A Behind-the-Scenes Story of China's Valiant Straggle for Existence by a U.S. Marine who Lived and Moved with the People. New York, 1940.

Carter, Carrole J. Mission to Yenan. American Liaison with the Chinese Communists 1944–1947. Lexington, KY, 1997.

CCP Documents of the Great Proletarian Cultural Revolution 1966–1976. Hong Kong, 1968.

Chairman Mao Talks to the People: Talks and Letters: 1956–1971. New York, 1974.

Chang Kuo-t'ao. The Rise of the Chinese Communist Party. Volumes One & Two of Autobiography of Chang Kuo-t'ao. Lawrence, KS, 1972.

Chen Duxiu's Last Articles and Letters, 1937–1942. Richmond, Surrey, 1999.

Chen Jian. Deng Xiaoping, Mao's «Continuous Revolution,» and the Path towards the Sino-Soviet Split // Cold War International History Project Bulletin. March 1998. No. 10. P. 162–164.

Chiang Ching-kuo. My Days in Soviet Russia. [Taipei, 1963].

Chiang Chung-cheng (Chiang Kai-shek). Soviet Russia in China. Summing-up at Seventy. New York, 1957.

Chiang Kai-shek. China's Destiny. New York, 1947.

Chiang Kai-shek. The Day I was Kidnapped // The Road to Communism. China Since 1912. New York, etc., 1969. P. 135–141.

Chiang Kai-shek's Secret Past. The Memoirs of His Second Wife, Ch'en Chieh-ju. Boulder, CO, 1993.

China's Cultural Revolution, 1966–1969. Armonk, NY and London, 1996.

The Chinese Communist Movement. A Report of the United States War Department, July 1945. Stanford, Calf, 1968.

Ch'ii Chiu-pai. My Confessions // The Road to Communism. China Since 1912. New York, etc., 1969.

Communist China 1955–1959. Policy Documents with Analysis. Cambridge, Mass., 1971.

The Communist International. 1919–1943. Documents. 3 vols. London, 1960.

The Communist Movement in China. An Essay Written in 1924 by Ch'en Kung-po. New York, 1960.

Cressy-Marcks, Violet. Journey into China. New York, 1942.

Dedijer, Vladimir. Tito Speaks. London, 1953.

Deng Xiaoping's Talks with the Soviet Ambassador and Leadership, 1957–1963 // Cold War. International History Project Bulletin. March 1998. No. 10. P. 165–182.

Deriabin, Peter S. and Evans, Joseph Culver. Inside Stalin's Kremlin: An Eyewitness Account of Brutality, Duplicity, and Intrigue. Washington, London, 1998.

The Emerging Disputes between Beijing and Moscow: Ten Newly Available Chinese Documents, 1956–1958 // Cold War International History Project Bulletin. 1995/1996. No. 6–7. P. 148–163.

Eudin, Xenia and North, Robert C Soviet Russia and the East. 1920–1927. A Documentary Survey. Stanford, Calif., 1957.

Field-Marshal the Viscount Montgomery of Alamein, Bernard Law. Three Continents. A Study of the Situation and Problems in Asia, Africa, and Central America, and the Relationship of Those Areas to Defence Policies in the 1960's and to the British Commonwealth. London, 1962.

Fischer, Louis. Men and Politics. An Autobiography. New York, 1941.

Forman, Harrison. Report from Red China. New York, 1945.

The Great Socialist Cultural Revolution in China. 1–6. Peking, 1966.

A Great Trial in Chinese History. The Trial of the Lin Biao and Jiang Qing Counter-Revolutionary Cliques, Nov. 1980 — Jan. 1981. Oxford, etc., 1981.

Harvey, Klehr, Haynes, John Earl, and Firsov, Fridrikh Igorievch. The Secret World of American Communsim. New Haven, London, 1995.

Hsiao Tso-liang. Power Relations Within the Chinese Communist Movement, 1930–1934. Vol. II. Seattle and London, 1967.

Hsu K'e-hsiang. The Ma-jih Incident // The Road to Communism. China Since 1912. New York, etc., 1969. P. 91–95.

Huang Hua. My Contacts with John Leighton Stuart After Nanjing's Liberation // Chinese Historians. 1992. Vol. 5. No. 1 (Spring). P. 47–56.

Hume, Edward H. Doctors East, Doctors West: An American

Physician's Life in China. London, 1949.

Isaacs, Harold. Documents on the Comintern and the Chinese Revolution // The China Quarterly. 1971. No. 45. P. 103–112.

Khrushchev's Nuclear Promise to Beijing During the 1958 Crisis // Cold War International History Project Bulletin. 1995/1996. No. 6–7. P. 219, 226–227.

Kissinger, Henry A. White House Years. Boston, Toronto, 1979.

Kissinger, Henry A. Years of Upheaval. Boston, Toronto, 1982.

The Kissinger Transcripts. The Top Secret Talks with Beijing and Moscow. New York, 1998.

Klochko, Mikhail A. Soviet Scientist in Red China. New York, 1964.

Kramer, Mark. The USSR Foreign Ministry's Appraisal of Sino-Soviet Relations on the Eve of the Split, September 1959 // Cold War International History Project Bulletin. 1995/1996. No. 6, 7. P. 170–185.

Lamotte, Ellen N. Peking Dust. New York. 1920.

Leung, Laifong. Morning Sun. Interviews with Chinese Writers of the Lost Generation. Armonk, NY and London, 1994.

Li Chongde. Escorting Mao Zedong's Sons to Shanghai // Mao Zedong. Biography — Assessment — Reminiscences. Beijing, 1986. P. 222–226.

Li Fu-ch'un [Li Fuchun]. Report on the First Five-Year Plan, 1953–1957, July 5–6, 1955 // Communist China 1955–1959: Policy Documents with Analysis. Cambridge, Mass., 1962. P. 43–91.

Li Zhisui. The Private Life of Chairman Mao: The Memoirs of Mao's Personal Physician. New York, 1994.

The Lin Biao Affair. Power Politics and Military Coup. White Plains, NY, 1975.

Liu Shao-chi. On the Party. Peking, 1950.

Lost Chance in China. The World War II Despatches of John S. Service. New York, 1974.

Mao's Dispatch of Chinese Troops to Korea: Forty-six Telegrams July — October 1950 // Chinese Historians. 1992. Vol. 5. No. 1 (Spring). P. 63–86.

Mao's Road to Power. Revolutionary Writings 1912–1949: 7 vols. Armonk, NY and London, 1992–2004.

Mao Tse-tung: An Anthology of His Writings. Updated and Expanded, with Additional Writings of Chiang Ching and Lin Piao. New York, [1971].

Mao Zedong. Biography — Assessment — Reminiscences. Beijing, 1986.

Mao Zedong on Dialectical Materialism. Writings on Philosophy, 1937. Armonk, NY and London, 1990.

Mao Zedong's Handling of the Taiwan Straits Crisis of 1958: Chinese Recollections and Documents // Cold War International History Project Bulletin. 1995/1996. No. 6, 7. P. 208–226.

Meeting Between Zhou Enlai and Kosygin at the Beijing Airport // http://www.fmprc.gov.cn/eng/5691.html.

Memoires de Peng Shuzhi. L'Envoi du Communisme en Chine. Paris, 1983.

The Memoirs of Richard Nixon. New York, 1978.

Memo, PRC Foreign Ministry to the USSR Embassy in Beijing, March 13, 1957 // Cold War International History Project Bulletin. 1995/1996. No. 6–7. P. 159–160.

Minutes, Mao's Conversation with a Yugoslavian Communist Union Delegation, Beijing, [undated] September, 1956 // Cold War International History Project Bulletin. 1995/1996. No. 6, 7. P. 148–152.

The Miracles of Chairman Mao. A Compendium of Devotional Literature 1966–1970. Los Angeles, 1971.

Miscellany of Mao Tse-tung Thought (1949–1968). 2 parts. Springfield, VA, 1974.

M. N. Roy's Mission to China. The Communist-Kuomintang Split of 1927. Berkeley, Calif., 1963.

A New «Cult of Personality»: Suslov's Secret Report on Mao, Khrushchev, and Sino-Soviet Tensions, December 1959 // Cold War International History Project Bulletin. 1996/1997. No. 8–9. P. 244, 248.

New East Bloc Documents on the Sino-Indian Conflict, 1959 & 1962 // Cold War International History Project Bulletin. 1996/1997. No. 8, 9. P. 258–269.

Nixon, Richard. In the Arena. A Memoir of Victory, Defeat and Renewal. New York, etc., 1990.

North, Robert C and Eudin, Xenia J. M. N. Roy's Mission to China. Berkeley, Calif, etc., 1963.

An Oppositionist for Life. Memoirs of the Chinese Revolutionary Zheng Chaolin. Atlantic Highlands, NJ, 1997.

Ostermann, Christian F. East German Documents on the Border Conflict, 1969 // Cold War International History Project Bulletin. 1995/1996. № 6, 7. P. 186–193.

Peng Gongda. Report on the Progress of the Autumn Harvest Uprising in Hunan // The Rise to Power of the Chinese Communist Party. Documents and Analysis. Armonk, NY and London, 1996. P. 322–331.

The Polemic on the General Line of the International Communist Movement. Peking, 1965.

Quan Yanchi. Mao Zedong. Man, Not God. Beijing, 1992.

Record of Conversation, Mao Zedong and Soviet Ambassador to Beijing Pavel Yudin, July 22, 1958 // Brothers in Arms. The Rise and Fall of the Sino-Soviet Alliance. 1945–1963. Stanford, Calif., 1998. P. 347–356.

The Rise to Power of the Chinese Communist Party. Documents and Analysis. Armonk, NY and London, 1996.

The Road to Communism. China Since 1912. New York, etc., 1969.

Saich T. The Origins of the First United Front in China. The Role of Sneevliet (Alias Maring). 2 vols. Leiden, 1991.

77 Conversations Between Chinese and Foreign Leaders on the Wars in Indochina, 1964–1977 // Cold War International History Project Working Paper No. 22 (May 1998).

Shipman, Charles. It Had to Be Revolution. Memoirs of an American Radical. Ithaca and London, 1993.

Siao-yu. Mao Tse-tung and I were Beggars. Syracuse, 1959.

The Sino-Soviet Dispute. New York, 1969.

Smedley, Agnes. Battle Hymn of China. New York, 1943.

Smedley, Agnes. China Fights Back. An American Woman with the Eight Route Army. New York, 1938.

Smedley, Agnes. The Great Road. The Life and Times of Chu Teh. New York, 1956.

Snow, Edgar. A Conversation with Mao Tse-tung // Life. April 30, 1971. P. 46–48.

Snow, Edgar. Journey to the Beginning. New York, 1958.

Snow, Edgar. The Long Revolution. New York, 1972.

Snow, Edgar. The Other Side of the River. Red China Today. New York, 1962.

Snow, Edgar. Random Notes on Red China (1936–1945). Cambridge, Mass., 1957.

Snow, Edgar. Red Star over China. London, 1937.

Snow, Helen Foster. My China Years. New York, 1984.

Snow, Hellen Foster (Wales, Nym). The Chinese Communists. Sketches and Autobiographies of the Old Guard. Westport, Conn., 1972.

Snow Helen Foster (Wales, Nym). Inside Red China. New York, 1977.

Snow, Louis Wheeler. Edgar Snow's China. A Personal Account of the Chinese Revolution Compiled from the Writings of Edgar Snow. New York, 1981.

Soviet Plot in China. Peking, 1927.

Stalin's Conversations With Chinese Leaders. Talks With Mao Zedong, 1949 — January 1950, and With Zhou Enlai, August-September 1952 // Cold War International History Project Bulletin.

1995/1996. No. 6, 7. P. 5—19.

Statement by General Patrick J. Hurley on December 5 & 6, 1945 // United States-China Relations. Hearings Before the Committee on Foreign Relations, United States Senate, Ninety-second Congress, First Session on the Evolution of U.S. Policy Toward Mainland China (Executive Hearings Held July 21, 1971; Made Public December 8, 1971) and Hearings Before the Committee on Foreign Relations, United States Senate, Seventy-ninth Congress, First Session on the Situation in the Far East, Particularly China. December 5, 6, 7, and 10, 1945. Washington, 1971.

United Stated Relations with China. With Special Reference to the Period 1944–1949. New York, 1968.

Utley, Freda. China at War. New York, 1939.

Vidali, Vittorio. Diary of the Twentieth Congress of the Communist Part of the Soviet Union. Westport, CT, London, 1974.

Wales, Nym. My Yenan Notebooks. Madison, Conn., 1961.

Whitke, Roxane. Comrade Chiang Ch'ing. Boston, Toronto, 1977.

Wilbur, C Martin and How, J. Lian-ying. Missionaries of the Revolution. Soviet Advisers and Nationalist China, 1920–1927. Cambridge, Mass., 1989.

Wingrove, Paul. Mao's Conversations with the Soviet Ambassador, 1953–1955 // Cold War International History Project Working Paper № 36 (April 2002).

Wishnick, Elizabeth. In the Region and in the Center: Soviet Reactions to the Border Rift // Cold War International History Project Bulletin. 1995/1996. No. 6, 7. P. 194–201.

Wishnick, Elizabeth. Sino-Soviet Tensions, 1980: Two Russian Documents // Cold War International History Project Bulletin. 1995/1996. No. 6, 7. P. 202–206.

Wolff, David. «One Finger's Worth of Historical Events»: New Russian and Chinese Evidence on the Sino-Soviet Alliance and Split, 1948–1959 // Cold War International History Project Working Paper No. 30 (August 2000).

Zhou Lipo. A Visit to His Hometown // Mao Zedong. Biography — Assessment — Reminiscences. Beijing, 1986. P. 233–238.

Zubok, Vladislav. «Look what Chaos in the Beautiful Socialst Camp!» Deng Xiaoping and the Sino-Soviet Split, 1956–1963 // Cold War International History Project Bulletin. March 1998. No. 10. P. 152–162.

Zubok, Vladislav. The Mao-Khrushchev Conversations, July 31 — August 3, 1958 and October 2, 1959 // Cold War International History Project Bulletin. Fall/Winter 2001. No. 12/13. P. 244–272.

ЛИТЕРАТУРА

На русском языке

Бони Л. Д. Механизм изъятия товарного зерна в КНР (50-е годы) // Китай: государство и общество. М., 1977. С. 275–295.

Борисов О. Из истории советско-китайских отношений в 50-х годах (к дискуссии в КНР о Мао Цзэдуне). М., 1981.

Борох Л. Н. Конфуцианство и европейская мысль на рубеже XIX–XX веков. Лян Цичао: теория обновления народа. М., 2001.

Борох Л. Н. Общественная мысль Китая и социализм (начало XX в.). М, 1984.

Бурлацкий Ф. М. Мао Цзэдун. М., 2003.

Бурлацкий Ф. М. Мао Цзэдун и его наследники. М., 1979.

Бурлацкий Ф. М. Мао Цзэдун: «Наш коронный номер — это война, диктатура…» М., 1976.

Бурлацкий Ф. М. Мао Цзэдун, Цзян Цин и советник Дэн. М., 2003.

Ван Мэн. Компривет // *Ван Мэн.* Избранное. М., 1988. С. 455–519.

Владимиров О., Рязанцев В. Страницы политической биографии Мао Цзэдуна. 4-е изд., доп. М., 1980.

Войтинский Г. Колониальный вопрос на расширенном пленуме ИККИ // Коммунистический Интернационал. 1925. № 4 (41). С. 64–71.

Войтинский Г. Перегруппировка сил в Китае // Правда. 1926. 24 марта.

Войтинский Г. Сунь Ят-сен и освободительное движение в Китае // Большевик. 1925. № 5–6 (21–22). С. 44–52.

Войтинский Г. Тенденции революционного движения в Китае и гоминьдан // Коммунистический Интернационал. 1925. № 3 (40). С. 152–158.

В-н (Беленький С. Н.). Рец.: Мао Цзэ-дун. Анализ классов китайского общества. «Китайский крестьянин». № 2. 1 февраля 1926 г. // Кантон. 1926. № 8, 9. С. 37–43.

Галенович Ю. М. Пэн Дэхуай и Мао Цзэдун. Политические лидеры Китая XX века. М., 2005.

Галенович Ю. М. Смерть Мао Цзэдуна. М., 2005.

Галицкий В. П. Цзян Цзинго: трагедия и триумф сына Чан Кайши. М., 2002.

Ганшин Г., Зазерская Т. Ухабы на дороге «братской дружбы» (Из истории советско-китайских отношений) // Проблемы

Дальнего Востока. 1994. № 6. С. 67–72.

Гарушянц Ю. М. Движение 4 мая 1919 г. в Китае. М., 1959.

Гельбрас В. Г. Социально-политическая структура КНР. 50—60-е годы. М., 1980.

Глунин В. И. Борьба за единый национальный фронт в Китае (к 50-летию III съезда КПК) // Проблемы Дальнего Востока. 1973. № 3. С. 125–132.

Глунин В. И. Григорий Войтинский (1893–1953) // Видные советские коммунисты — участники китайской революции. М., 1970. С. 66–87.

Глунин В. И. Коминтерн и становление коммунистического движения в Китае (1920–1927) // Коминтерн и Восток. Борьба за ленинскую стратегию и тактику в национально-освободительном движении. М., 1969. С. 242–299.

Глунин В. И. Коммунистическая партия Китая накануне и во время национальной революции (1921–1927 гг.): В 2 кн. М., 1975.

Глунин В. И., Мугрузин А. С. Крестьянство в китайской революции // Революционный процесс на Востоке. История и современность. М., 1982. С. 111–165.

Гоголь Н. В. Мертвые души. Поэма // *Гоголь Н. В.* Собрание сочинений: В 8 т. Т. 5. М., 1984.

Григорьев А. М. Антиимпериалистическая программа китайских буржуазных революционеров (1895–1905). М., 1966.

Григорьев А. М. Коммунистическая партия Китая в начальный период советского движения (июль 1927 г. — сентябрь 1931 г.). М., 1976.

Движение «4 мая» 1919 года в Китае: Сборник статей. М., 1971.

Делюсин Л. П. Спор о социализме. Из истории общественно-политической мысли Китая в начале 20-х годов. М., 1970.

Делюсин Л. П., Костяева А. С. Революция 1925–1927 гг. в Китае: проблемы и оценки. М., 1985.

Диалектический и исторический материализм: Учебник для комвузов и вузов: В 2 ч. Под ред. М. Митина и И. Разумовского. М., 1932.

Диалектический материализм / Под ред. М. Б. Митина // Большая Советская Энциклопедия. Т. 22. М., 1935. С. 45—235.

Достоевский Ф. М. Бесы. Роман: В 3 ч. // *Достоевский Ф. М.* Собрание сочинений. Т. 7. М., 1957.

Достоевский Ф. М. Братья Карамазовы. Роман: В 4 ч. с эпилогом // *Достоевский Ф. М.* Собрание сочинений. Т. 9—10. М., 1958.

Достоевский Ф. М. Преступление и наказание. Роман: В 6 ч. с эпилогом // *Достоевский Ф. М.* Собрание сочинений. Т. 5. М.,

1957.

Жемчугов А. А. Китайская головоломка. М., 2004.

Ивин А. Очерки партизанского движения в Китае 1927–1930 гг. М.; Л., 1930.

Ивин А. Советский Китай. М., 1931.

История Китая. М., 1998.

История Коммунистической партии Китая: В 2 т. М., 1987.

Калачев С. (Наумов С. Н.). Краткий очерк истории Китайской коммунистической партии // Кантон. 1927. № 1 (10). С. 13–66.

Калинин М. И. О Китае // Китай. Рассказы. М.; Л., 1938. С. 5—35.

Капица М. С. Советско-китайские отношения. М., 1958.

Костяева А. С. Крестьянские союзы в Китае (20-е годы XX века). М. 1978.

Краткая история КПК (1921–1991). Пекин, 1993.

Кулик Б. Т. Советско-китайский раскол. М., 2000.

Дедовский А. М. Дело Гао Гана — Жао Шуши. М., 1990.

Ли Жуй. Мао Цзэдун в последние годы жизни // Проблемы Дальнего Востока. 1990. № 1. С. 129–132.

Лу Синь. Подлинная история А-кью // *Лу Синь.* Избранные произведения. М., 1981. С. 84–126.

Малявин В. В. Китайская цивилизация. М., 2004.

Мао Цзе-дун. Биографический очерк. М., 1939.

Маркс К. Капитал. Критика политической экономии. Т. 1. Кн. 1: Процесс производства капитала // *Маркс К, Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 23. М., 1960. С. 1–784.

Маркс К. Критика Готской программы // *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 19. М., 1961. С. 9–32.

Мартынов А. Коминтерн перед судом ликвидаторов // Коммунистический Интернационал. 1927. № 30 (104). С. 9—21.

Материалистическая диалектика / Под ред. И. Широкова, А. Айзенберга. М., 1932.

Маяковский В. В. Полное собрание сочинений. Т. 8. М., 1961.

Меликсетов А. В. «Новая демократия» и выбор Китаем путей социально-экономического развития (1949–1953 гг.) // Проблемы Дальнего Востока. 1996. № 1. С. 82–95.

Митин М. Б. Предисловие // Боевые вопросы материалистической диалектики. М., 1936. С. 3–5.

Новая история Китая. М., 1972.

Новейшая история Китая. 1917–1927. М., 1983.

Новейшая история Китая. 1928–1949. М., 1984.

Очерки истории Китая в новейшее время. М., 1959.

Панцов А. В. Из истории идейной борьбы в китайском революционном движении 20—40-х годов. М., 1985.

Панцов А. В. Как Сталин помог Мао Цзэдуну стать вождем // Вопросы истории. 2006. № 2. С. 75–87.

Панцов А. В. К дискуссии в КПК вокруг «идей Мао Цзэ-дуна» // Рабочий класс и современный мир. 1982. № 3. С. 61–64.

Панцов А. В. Образование опорных баз 8-й Национально-революционной армии в тылу японских войск в Северном Китае // Вопросы истории Китая. М., 1981. С. 51–68.

Панцов А. В. Тайная история советско-китайских отношений. Большевики и китайская революция (1919–1927). М., 2001.

Переломов Л. С. Конфуций. «Лунь юй». М., 1998.

Персиц М. А. Из истории становления Коммунистической партии Китая. (Доклад, подготовленный Чжан Тайлэем для III конгресса Коминтерна как исторический источник) // Народы Азии и Африки. 1971. № 4. С. 47–58.

Персиц М. А. О подготовительном этапе коммунистического движения в Азии // Революционный процесс на Востоке. История и современность. М., 1982. С. 38–76.

Писарев А. А. Гоминьдан и аграрно-крестьянский вопрос в Китае в 20-30-е годы XX в. М. 1986.

Пржевальский И. М. Путешествие в Уссурийском крае. 1867–1869 гг. Владивосток, 1990.

Скосырев В. Голову Линь Бяо генерал КГБ привез в Москву // Известия. 1994. 17 февраля.

Сноу Э. Героический народ Китая. М., 1938.

Солженицын А. Бодался теленок с дубом. Очерки литературной жизни. М., 1996.

Соркин Г. З. Съезд народов Дальнего Востока // Проблемы востоковедения. 1960. № 5. С. 76–86.

Спичак Д. А. Китайские студенты Москвы и сталинские репрессии 30-х гг. // Вестник Московского университета. Сер. 13. Востоковедение. 2005. № 2. С. 43–55.

Спичак Д. А. Китайцы во Франции (рукопись).

Таубман У. Хрущев. М., 2005.

Титов А. С. Из истории борьбы и раскола в руководстве КПК 1935–1936 гг. М., 1979.

Титов А. С. Материалы к политической биографии Мао Цзэ-дуна: В 3 т. М., 1969–1970.

Тихвинский С. Л. О «секретном демарше» Чжоу Эньлая и неофициальных переговорах КПК с американцами в июне 1949 г. // Проблемы Дальнего Востока. 1994. № 3. С. 133–138.

Торкунов А. В. Загадочная война. Корейский конфликт 1950–1953 гг. М., 2000.

Усов В. Н. КНР: От «большого скачка» к «культурной революции» (1960–1966 гг.): В 2 ч. М., 1998.

Хамадан А. Вождь китайского народа — Мао Цзэ-дун // Правда. 1935. 13 декабря.

Хамадан Ал. Вожди и герои китайского народа. М., 1936.

Хамадан А. М. Записки корреспондента. М., 1968.

[Хамадан А. М]. Мао Цзэ-дун — вождь китайского трудового народа // Коммунистический Интернационал. 1935. № 33–34. С. 83–88.

Хэ Ганьчжи. История современной революции в Китае. М., 1959.

Чжуан-цзы: Даоские каноны. М., 1995.

Шевелев К. В. Из истории образования Коммунистической партии Китая. М., 1976.

Шевелев К. В. О некоторых аспектах работы 4-го пленума ЦК КПК 7-го созыва // Перспективы сотрудничества Китая, России и других стран Северо-Восточной Азии в конце XX — начале XXI века. Тезисы докладов VIII Международной научной конференции «Китай. Китайская цивилизация и мир. История, современность, перспективы» (Москва, 7–9 октября 1997 г.). М., 1997. С. 150–151.

Шевелев К. В. Формирование социально-экономической политики руководства КПК в 1949–1956 гг. (рукопись).

Эренбург Г. К вопросу о характере и особенностях народной демократии в Китае: Сборник статей по истории стран Дальнего Востока. М., 1952. С. 5–21.

Эренбург Г. Мао Цзэ-дун // За рубежом. 1934. № 31 (63). С. 15.

Эренбург Г. Советский Китай. М., 1933.

Эренбург Г. Советское движение в Китае. М., 1933.

Юрьев М. Ф. Революция 1925–1927 гг. в Китае. М., 1968.

Ян Куйсун. Общая характеристика отношений между ВКП(б) (КПСС), Коминтерном и КПК до 1949 года // Проблемы Дальнего Востока. 2004. № 6. С. 99–107.

На китайском языке

Ван Синфу. Линьши сань сюнди: Линь Юйин, Линь Юйнань, Линь Бяо (Три брата Линь: Линь Юйин, Линь Юйнань, Линь Бяо). Ухань, 2004.

Ван Цзяньминь. Чжунго гунчаньдан шигао (Очерки по истории КПК): В 2 т. Тайбэй, 1965.

Ван Цзясян няньпу. 1906–1974 (Хронологическая биография Ван Цзясяна. 1906–1974). Пекин, 2001.

Вэнь Сунхуэй. Мао Цзэдун чуши Цзян Цин (Мао Цзэдун

впервые встречает Цзян Цин) // Жэньминь чжэнсе бао (Газета НПКСК). 2004. 10 сентября.

Вэнь Фу, Чжан Найшэн. Мао Цзэдун юй Хэ Цзычжэнь (Мао Цзэдун и Хэ Цзычжэнь). Пекин, 2004.

«Вэньхуа да гэмин» цыдянь (Словарь «Великой культурной революции»). Тайбэй, 1993.

Гао Хуа. Хун тай ян ши цзэмъян шэнцидэ. Яньань чжэнфэн юнь-дундэ лайлунцюмай (Как взошло красное солнце. Анализ яньаньского движения «упорядочения стиля»). Сянган, 2000.

Гу Цы. Сян Цзинъюй // Чжунгундан ши жэньу чжуань (Биографии деятелей истории КПК). Т. 6. Сиань, 1982. С. 58–90.

Гун Юйчжи, Пан Сяньчжи, Ши Чжунцюань. Мао Цзэдундэ душу шэнхо (Жизнь Мао Цзэдуна-читателя). Пекин, 1986.

Е Ютe. Цзян Цин чжуань (Биография Цзян Цин). Пекин, 1998.

Жэнь Биши няньпу. 1904–1950. (Хронологическая биография Жэнь Биши. 1904–1950). Пекин, 2004.

Жэнь Цзяньщу. Чэнь Дусю // Чжунгундан ши жэньу чжуань (Биографии деятелей истории КПК). Т. 51. Сиань, 1992. С. 1—129.

Ли Даньхуэй. Мао Цзэдун дуй Су жэньши юй Чжунсу гуаньсидэ янь-бянь (Изменение взглядов Мао Цзэдуна на СССР и советско-китайские отношения) // Чжаньхоу чжунсу гуаньси цзоусян (1945–1960) (Развитие советско-китайских отношений после войны [1945–1960]). Пекин, 1997. С. 61–90.

Ли Дачжао гуцзюй (Место рождения Ли Дачжао). Шицзячжуан, 1996.

Ли Дачжао цзиняньгуань (Музей Ли Дачжао). Шицзячжуан, 1999.

Ли Дачжао чжуань (Биография Ли Дачжао). Пекин, 1979.

Ли Жуй. Саньши суй ицянвдэ Мао Цзэдун (Мао Цзэдун до 30 лет). Тайбэй, 1993.

Ли Пин. Кайго цзунли Чжоу Эньлай (Первый премьер Чжоу Эньлай). Пекин, 1994.

Линь Боцюй чжуань (Биография Линь Боцюя). Пекин, 1986.

Линь Хуннуань. Чжан Тайлэй // Чжунгундан ши жэньу чжуань (Биографии деятелей истории КПК). Т. 4. Сиань, 1982. С. 68—108.

Ло Шаочжи. Цай му Гэ Цзяньхао (Матушка Цай, Гэ Цзяньхао) // Чжунгундан ши жэньу чжуань (Биографии деятелей истории КПК). Т. 6. Сиань, 1982. С. 47–57.

Ло Шаочжи и др. Цай Хэсэнь // Чжунгундан ши жэньу чжуань (Биографии деятелей истории КПК). Т. 6. Сиань, 1982. С. 1–46.

Лу Жэнь, Лю Цинся. Мао Цзэдун чун Хэлусяофу фахо (Как Мао Цзэдун разгневался на Хрущева) // Чжуаньцзи вэньсюэ (Биографическая литература). 2004. № 4. С. 21–28.

Лю Жэньжун. Мао Цзэтань // Чжунгундан ши жэньу чжуань

(Биографии деятелей истории КПК). Т. 3. Сиань, 1981. С. 283–332.

Лю Цзечэн. Мао Цзэдун юй Сыдалинь хуэйу цзиши (Незабываемые факты о встречах Мао Цзэдуна со Сталиным). Пекин, 1997.

Лю Цзяньпин. Сугун юй Чжунго гунчаньдан жэньминь миньчжу чжуаньчжэн лилуньдэ цюели (КПСС и утверждение теории народной демократии КПК) // Лиши яньцю (Исследование истории). 1998. № 1. С. 78–96.

Лю Шаоци няньпу. 1898–1969 (Хронологическая биография Лю Шаоци. 1898–1969): В 2 т. Пекин, 1998.

Лу Динъи чжуань (Биография Лу Динъи). Пекин, 1999.

Ма Шэсян. Хунсэ дии цзяцзу (Первый красный род). Пекин, 2004.

Макэсы, Эньгэсы чжуцзо чжунъивэнь цзунлу (Каталог китайских переводов работ Маркса и Энгельса). Пекин, 1988.

Мао Аньин сань сюнди цзай Шанхай шидэ цинкуан (Что произошло с Мао Аньином и его братьями во время их пребывания в Шанхае) // Синьминь ваньбао (Вечерняя газета «Обновление народа»). 2003. 23 декабря.

Мао Цзэдун байкэ цюаныну (Энциклопедия Мао Цзэдуна): В 7 т. Пекин, 2003.

Мао Цзэдун гуанхуэй дичэн дитуцзи (Атлас славного исторического пути Мао Цзэдуна). Пекин, 2003.

Мао Цзэдундэ цзяши (Дела семьи Мао Цзэдуна). Пекин, 1987.

Мао Цзэдун няньпу. 1893–1949 (Хронологическая биография Мао Цзэдуна. 1893–1949): В 3 т. Пекин, 2002.

Мао Цзэдун сысян луньвэньцзи (Сборник статей об идеях Мао Цзэдуна). Шанхай, 1984.

Мао Цзэдун чжуань (1893–1949) (Биография Мао Цзэдуна [1893–1949]). Пекин, 2004.

Мао Цзэдун чжуань (1949–1976) (Биография Мао Цзэдуна [1949–1976]): В 2 т. Пекин, 2003.

Мао Цзэминь // Чжунгундан ши жэньу чжуань (Биографии деятелей истории КПК). Т. 9. Сиань, 1983. С. 47–75.

Мишин. Синь чжэсюэ даган (Общий курс новой философии) / Пер. Ай Сыци, Чжэн Или. Шанхай, 1936.

Мишин дэн (Мишин и др.). Бяньчжэн вэйулунь юй лиши вэйулунь (Диалектический и исторический материализм) / Пер. Шэнь Чжиюань. Т. 1. [Чанша], 1935.

Пэн Чжэнь няньпу. 1902–1997 (Хронологическая биография Пэн Чжэня. 1902–1997). Пекин, 2002.

Синь Цзылинь. Мао Цзэдун цюаньчжуань (Полная биография Мао Цзэдуна). [Сянган], 1993.

Сунь Кэсинь и др. Мао Цзэдун дяоча яньцзю ходун цзяньши

(Краткая история деятельности Мао Цзэдуна по обследованию и изучению). Пекин, 1984.

Сунь Уся. Цюй Цюбо цзай гунчань гоцзи ходун цзилюе (Краткий очерк деятельности Цюй Цюбо в Коминтерне) // Шанхай шифань сюэ-юань сюэбао (Вестник Шанхайского педагогического института). 1984. № 1. С. 106–111.

Сунь Уся, Дин Чанцзян. Чжоу Эньлай тунчжи цзай гунчань гоцзи (Товарищ Чжоу Эньлай в Коминтерне) // Гоцзи гунъюнь (Международное коммунистическое движение). 1983. № 1. С. 14–17.

Сюй Юаньдун и др. Чжунго гунчаньдан лиши цзянхуа (Лекции по истории КПК). Пекин, 1982.

Тан Баолинь. Чжунго топай ши (История троцкистских групп в Китае). Тайбэй, 1994.

Тан Баолинь, Ли Маошэн. Чэнь Дусю няньпу (Хронологическая биография Чэнь Дусю). Шанхай, 1988.

Тан Чуньлян. Ли Лисань цюаньчжуань (Полная биография Ли Лиса-ня). Хэфэй, 1999.

Тан Чуньлян. Ли Лисань чжуань (Биография Ли Лисаня). Харбин, 1984.

Фан Дамин, Ян Бушэн. Ян Кайхуэй // Чжунгундан ши жэньу чжуань (Биографии деятелей истории КПК). Т. 14. Сиань, 1984. С. 246–259.

Хай Лудэ. Шэнхочжундэ Мао Цзэдун (Мао Цзэдун в жизни). Пекин, 1989.

Хань Идэ и др. Ли Дачжао шэнпин цзинянь (Биографическая хроника Ли Дачжао). Харбин, 1987.

Ху Шэн и др. Чжунго гунчаньдан цишинянь (Семьдесят лет Коммунистической партии Китая). Пекин, 1991.

Хуан Линцзюнь. Лю Шаоци юй даюэцзинь (Лю Шаоци и большой скачок) // Чжунго сяньдайши (Новейшая история Китая). 2003. № 7. С. 107–111.

Хуан Цицзюнь. Ван Цзясян 1937 нянь цю гунчань гоцзидэ цзяньяо цзинго (Краткая история поездки Ван Цзясяна в Коминтерн в 1937 году) // Данши яньцзю (Исследования истории партии). 1987. № 6. С. 184–185.

Хуан Цицзюнь. И цзю сань лю нянь Дэн Фа цю гунчань гоцзидэ цзяньяо цзинго (Краткая история поездки Дэн Фа в Коминтерн в 1936 году) // Данши яньцзю (Исследования истории партии). 1986. № 5. С. 73–74.

Хуан Чжэн. Мао Аньин // Чжунгундан ши жэньу чжуань (Биографии деятелей истории КПК). Т. 21. Сиань, 1985. С. 145–158.

Хэ Лун няньпу (Хронологическая биография Хэ Луна). Пекин,

1988.

Цзин Фуцзы. Мао Цзэдун хэ тадэ нюйжэньмэнь (Мао Цзэдун и его женщины). 6-е изд. Тайбэй, 1993.

Цзинганшань доучжэн даши цзешао (Обзор главных эпизодов борьбы в горах Цзинган). Пекин, 1985.

Цзиньдай Шанхай фаньхуалу (Бойкие записки о Шанхае в новое время). Сянган, 1993.

Цзоу Лу. Чжунго гоминьдан шигао (Очерки истории Китайского Гоминьдана). Чанша, 1931.

Цзян Боин и др. Дэн Цзыхуэй // Чжунгундан ши жэньу чжуань (Биографии деятелей истории КПК). Т. 7. Сиань, 1990. С. 296–380.

Цзян Ихуа. Гоминвдан цзопайдэ цичжи — Ляо Чжункай (Знамя левого крыла Гоминвдана — Ляо Чжункай). Шанхай, 1985.

Цзян Хуасюань. Дандэ миньчжу гэмин ганлиндэ тичу хэ гогун хэцзо цэлюедэ цзигэ вэньти (Несколько вопросов, связанных с выдвижением партийной программы демократической революции и определением стратегии сотрудничества Гоминвдана и КПК) // Цзинвдайши яньцзю (Изучение новой истории). 1985. № 2. С. 111–126.

Цзян Юнцзин. Баолотин юй Ухань чжэнцюань (Бородин и уханьское правительство). Тайбэй, 1963.

Цин Ши (Ян Куйсун). Гунчань гоцзи ячжи Мао Цзэдун ляо ма? — Мао Цзэдун юй Мосыкэдэ эньэньюаньюань (Сдерживал ли Коминтерн Мао Цзэдуна? Благожелательность и раздоры в отношениях между Мао Цзэдуном и Москвой) // Байнянь чао (Волна столетия). 1997. № 4. С. 21–33.

Цун ида дао шилюда (От I до XVI съезда): В 2 т. Пекин, 2002.

Чжан Вэньтянь няньпу (Хронологическая биография Чжан Вэньтяня): В 2 т. Пекин, 2000.

Чжан Цзинжу и др. Усы илай лиши жэньу, бимин, бемин лу (Список персоналий, [известных] со времени 4 мая, [их] псевдонимов и других имен). Сиань, 1986.

Чжан Цюши. Цюй Цюбо юй гунчань гоцзи (Цюй Цюбо и Коминтерн). Пекин, 2004.

Чжаньхоу чжунсу гуаньси цзоусян (1945–1960) (Развитие советско-китайских отношений после войны [1945–1960]). Пекин, 1997.

Чжао Чаньан и др. Лао гэминцзядэ линьай хуньинь хэ цзятин шэн-хо (Любовь, браки и семейная жизнь революционеров старшего поколения). Пекин, 1985.

Чжоу Гоцюань и др. Ван Мин няньпу (Хронологическая биография Ван Мина). [Хэфэй], 1991.

Чжоу Ипин. Мао Цзэдун шэнхо яньцзю цишинянь (Семвдесят лет изучения жизни Мао Цзэдуна). Тайюань, 1993.

Чжоу Сяочжоу чжуань (Биография Чжоу Сяочжоу). Чанша, 1985.

Чжоу Эньлай няньпу (1898–1949) (сюдинбэнь) (Хронологическая биография Чжоу Эньлая. 1898–1949. Испр. изд.). Пекин, 1998.

Чжоу Эньлай няньпу (1949–1976) (Хронологическая биография Чжоу Эньлая. 1949–1976): В 3 т. Пекин, 1997.

Чжу Вэйян. Цянь Сицзюнь хэ Мао Цзэминь (Цянь Сицзюнь и Мао Цзэминь) // Мао Цзэдунды цзяши (Семейные дела Мао Цзэдуна). Пекин, 1987. С. 14–15.

Чжу Дэ няньпу (Хронологическая биография Чжу Дэ). Пекин, 1986.

Чжу Жуйчжэнь. Чжунсу фэньледэ гэньюань (Причины китайско-советского раскола) // Чжаньхоу чжунсу гуаньси цзоусян (1945–1960) (Развитие советско-китайских отношений после войны [1945–1960]). Пекин, 1997. С. 91–116.

Чжунго гунчаньдан лиши да цыдянь. Цзэндинбэнь. Синьминьчжучжуи гэмин шици (Большой словарь КПК. Расширенное издание. Период новодемократической революции). Пекин, 2001.

Чжунго гунчанвдан лиши да цыдянь. Цзэндинбэнь. Цзунлу. Жэньу (Большой словарь КПК. Расширенное издание. Общий раздел. Персоналии). Пекин, 2001.

Чжунго гунчанвдан лиши да цыдянь. Цзэндинбэнь. Шэхуэйчжуи гэмин шици (Большой словарь КПК. Расширенное издание. Период социалистической революции). Пекин, 2001.

Чжунго гунчанвдан лиши цзяньбянь (Краткая история КПК). Шанхай, 1959.

Чжунго гунчанвдан лиши цзянъи (Лекции по истории КПК): В 2 т. Цзинань, 1982.

Чжунго гунчанвдан лиши цзянъи (Лекции по истории КПК): В 2 т. Чанчунь, 1981.

Чжунго гунчанвдан цзучжи ши цзыляо хуэйбянь — линдао цзигоу яньгэ хэ чэнъюань минлу (Сборник материалов по истории развития организаций КПК — эволюция руководящих органов и их персональный состав). Пекин, 1983.

Чжунго гунчанвдан чуаньбаньдэ ди игэ ювэйюань (Первый детский дом, образованный КПК) // Синьминь ваньбао (Вечерняя газета «Обновление народа»). 2004. 13 июня.

Чжунго гэмин ши цзянъи (Лекции по истории китайской революции): В 2 т. Пекин, 1983.

Чжунго жэньминь да цыдянь (Большой словарь деятелей Китая). Шанхай, 1992.

Чжунго жэньминь цзефанцзюнь цзучжи яньгэ хэ гэцзи линдао

чэнъюань минлу (Организационная эволюция и персональный состав руководящих органов всех ступеней НОАК). Пекин, 1987.

Чжунго лиши даши няньбяо. Сянвдайши цзюань (Хронология событий китайской истории. Том новейшей истории). Шанхай, 1997.

Чжунгундан ши даши няньбяо (Хроника важнейших событий в истории КПК). Пекин, 1987.

Чжунхуа жэньминь гунхэго сыши нянь (Сорок лет Китайской Народной Республике). Пекин, 1990.

Чэн Бо. Чжунгун «бада» цзюецэ нэйму (Механизм принятия решений на VIII съезде КПК). Пекин, 1999.

Чэнь Айфэй, Цао Чживэй. Цзоучу гомэнвдэ Мао Цзэдун (Мао Цзэ-дун за границей). Шицзячжуан, 2001.

Чэнь Чжилин. Ли Фучунь // Чжунгундан ши жэньу чжуань (Биографии деятелей истории КПК). Т. 44. Сиань, 1990. С. 1—112.

Чэнь Юйтан. Чжунгундан ши жэньу бемин лу (цзыхао, бимин, хуамин) (Список псевдонимов деятелей истории КПК [прозвища, литературные имена, другие имена]). Пекин, 1985.

Чэнь Юнь няньпу. 1905–1995 (Хронологическая биография Чэнь Юня. 1905–1995): В 3 т. Пекин, 2000.

Ши Чжифу. У Юйчжан цзай гунчань гоцзи «цида» (У Юйчжан на VII конгрессе Коминтерна) // Данши яньцзю цзыляо (Материалы по изучению истории партии). 1982. № 9. С. 2–5.

Шилокэфу (Широков), Айлуньбао (Айзенберг). Бяньчжэнфа вэйулунь цзяочэн (Учебник диалектического материализма) / Пер. Ли Да, Лэй Чжунцзянь. 3-е изд. Шанхай, 1935.

Шилокэфу (Широков), Айлуньбао (Айзенберг). Бяньчжэнфа вэйулунь цзяочэн (Учебник диалектического материализма) / Пер. Ли Да, Лэй Чжунцзянь. 4-е изд. Шанхай, 1936.

Шэнь Дэчунь, Тянь Хайянь. Чжунго гунчанвдан «и да» дэ чжуяо вэнь-ти (Главные вопросы, связанные с I съездом Компартии Китая) // Жэньминь жибао (Народная ежедневная газета). 1961. 30 июня.

Шэнь Чжихуа. Чжунсу ляньмэн юй Чжунго чубин Чаосянвдэ цзюэ-цы — дуй Чжунго хэ. Эго вэньсянь цзыляодэ бицзяо яньцзю (Китайско-советский союз и решение Китая послать войска в Корею. Сравнительный анализ китайских и советских документальных материалов) // Чжаньхоу чжунсу гуаньси цзоусян (1945–1960); (Развитие советско-китайских отношений после войны [1945–1960]). Пекин, 1997. С. 26–60.

Ян Куйсун. 1920–1940 нянвдай Мосыкэ вэй Чжунгун тигун цайчжэн юаньчжу цинкуан гайшу (О финансовой помощи Москвы КПК в 1920—1940-е годы) // Ер ши и шицзи (Двадцать первый век). 2004. № 27. С. 1–18; № 28. С. 1–17.

Ян Куйсун. Мао Цзэдун вейшэмма фанци синьминьчжуи // Гуаньюй Эго мошидэ инсян вэньти (Почему Мао Цзэдун отказался от новодемо-кратизма. К вопросу о влиянии русской модели) // Цзиньдайши яньцзю (Изучение новой истории). 1997. № 4. С. 139–183.

Ян Куйсун. Сулянь да гуймо юаньчжу чжунго хунцзюньдэ ицы чан-ши (Попытка крупномасштабной помощи Советского Союза китайской Красной армии) // Сулянь, гунчань гоцзи юй чжунго гэминдэ гуаньси синьтань (Новые исследования по [истории] отношений между Советским Союзом, Коминтерном и китайской революцией). Пекин, 1995. С. 324–326.

Ян Куйсун. Цзоусян поле — Мао Цзэдун юй Мосыкэдэ эньэньюаньюань (На пути к расколу. Благожелательность и раздоры в отношениях между Мао Цзэдуном и Москвой). Сянган, 1999.

Ян Куйсун. Чжунгун юй Мосыкэдэ гуаньси (1920–1960) (Отношения между КПК и Москвой. 1920–1960). Тайбэй, 1997.

На английском и немецком языках

All About Shanghai and Environs. A Standard Guide Book. Historical and Contemporary Facts and Statistics. Shanghai, 1934.

Averill, Stephen C. The Origins of the Futian Incident // New Perspectives on the Chinese Communist Revolution. Armonk, NY and London, 1995. P. 79–115.

Barnouin, Barbara and Yu Changgen. Ten Years of Turbulence. The Chinese Cultural Revolution. London and New York, 1993.

Becker, Jasper. Hungry Ghosts. China's Secret Famine. London, 1996.

Benton, Gregor. China's Urban Revolutionaries. Explorations in the History of Chinese Trotskyism. Atlantic Highlands, NJ, 1996.

Bernal, Martin. Chinese Socialism to 1907. Ithaca, 1976.

Bertram, James M. Crisis in China. The Story of the Sian Mutiny. London, 1937.

Bianco, Lucian. Peasants Without the Party. Grass-roots Movements in Twentieth-Century China. Armonk, NY and London, 2001.

Bing, Dov. Sneevliet and the Early Years of the CCP // The China Quarterly. 1971. No. 48. P. 687–695.

Bisson T. A. China's Part in a Coalition War // Far Eastern Survey. 1939. No. XII. P. 139.

Brothers in Arms. The Rise and Fall of the Sino-Soviet Alliance.

1945–1963. Stanford, Calif., 1998.

Byron, John and Pack, Robert. The Claws of the Dragon. Kang Sheng. The Evil Genius Behind Mao and His Legacy of Terror in People's China. New York, etc., 1992.

Carter, Peter. Mao. New York, 1980.

Chang Kuo-sin. Mao Tse-tung and His China. Hong Kong, 1978.

Chen, Jerome. Mao. Upper Saddle River, N.J., [1969].

Chen, Jerome. Mao and the Chinese Revolution. London, New York, [1970].

Chen Jian. China's Road to the Korean War. The Making of the Sino-American Confrontation. New York, 1994.

Chen Jian. A Crucial Step towards the Breakdown of the Sino-Soviet Alliance: The Withdrawal of Soviet Experts from China in July 1960 // Cold War International History Project Bulletin. 1996/1997. No. 8–9. P. 246, 249–250.

Chen Jian. The Sino-Soviet Alliance and China's Entry into the Korean War // Cold War International History Project Working Paper № 30 (August 2000).

Chen Jian and Yang Kuisong. Chinese Politics and the Collapse of the Sino-Soviet Alliance // Brothers in Arms. The Rise and Fall of the Sino-Soviet Alliance. 1945–1963. Stanford, Calif., 1998. P. 246–294.

China: A Cultural and Historical Dictionary. Richmond, Surrey, 1998.

Chow Tse-tsung. The May Fourth Movement: Intellectual Revolution in Modern China. Cambridge, Mass., 1960.

Cooper, Jerome. Lawyers in China and the Rule of Law // International Journal of the Legal Profession. 1999. Vol. VI. No. 1. P. 71–89.

Courtois, Stephane et al. The Black Book of Communism: Crimes, Terror, Repression. Trans. Jonathon Murphy and Mark Kramer. Cambridge, Mass, 1999.

Davin, Delia. Mao Zedong. Gloucestershire, 1997.

Dittmer, Lowell. Liu Shao-ch'i and the Chinese Revolution. The Politics of Mass Criticism. Berkeley, Calif, etc., 1974.

Dong Wang. The Quarrelling Brothers: New Chinese Archives and a Reappraisal of the Sino-Soviet Split, 1959–1962 // CWIHP Working Paper No. 36 (April 2002). P. 1–80.

Esherick, Joseph W. Reform and Revolution in China: the 1911 Revolutiuon in Hunan and Hubei. Berkeley, Calif, etc., London, 1976.

Erbaugh, Mary S. The Secret History of the Hakkas: The Chinese Revolution as a Hakka Enterprise // The China Quarterly. 1992. No. 132. P. 937–968.

Fairbank, John King. The United States and China. Cambridge, Mass., t948.

Faligot, Roger and Kauffer, Re mi. The Chinese Secret Service. New York. 1989.

Feigon, Lee. Chen Duxiu. Founder of the Chinese Communist Party. Princeton, NJ, 1983.

Feigon, Lee. Mao. A Reinterpretation. Chicago, 2002.

Fenby, Jonathan. Chiang Kai-shek. China's Generalissimo and the Nation He Lost. New York, 2004.

Galbiali, Fernando. P'eng P'ai and the Hai-lu-feng Soviet. Stanford, CA, 1985.

Gao, Mobo C F. Gao Village. A Portrait of Rural Life in Modern China. Honolulu, 1999.

Garver, John W. Chinese-Soviet Relations, 1937–1945: The Diplomacy of Chinese Nationalism. New York, 1988.

Geil, William Edgar. Eighteen Capitals of China. Philadelphia and London, 1911.

Goncharenko, Sergei. Sino-Soviet Military Cooperation // Brothers in Arms. The Rise and Fall of the Sino-Soviet Alliance. 1945–1963. Stanford, Calif, 1998. P. 141–164.

Goncharov, Sergei N., Lewis, John W., Xue Litai. Uncertain Partners: Stalin, Mao, and the Korean War. Stanford, Calif., 1993.

Hamilton, Nigel. Monty. Final Years of the Field-Marshal, 1944–1976. New York, etc., 1987.

Heinzig, Dieter. The Soviet Union and Communist China 1945–1950. The Arduous Road to the Alliance. Armonk, NY and London, 2004.

Hofheinz, Jr., Roy. The Broken Wave. The Chinese Communist Peasant Movement. Cambridge, Mass. and London, 1977.

Holubnychy, Lydia. Michael Borodin and the Chinese Revolution, 1923–1925. New York, 1979.

Hsiao Tso-liang. Power Relations Within the Chinese Communist Movement, 1930–1934. A Study of Documents. Seattle, 1967.

Jacobs, Dan N. Borodin. Stalin's Man in China. Cambridge, Mass. and London, 1981.

Jin Qiu. The Culture of Power. The Lin Biao Incident in the Cultural Revolution. Stanford, Calif, 1999.

Jordan, Donald A. China's Trial by Fire: The Shanghai War of 1932. Ann Arbor, MI, 2001.

Jung Chang and Halliday, Jon. Mao: The Unknown Story. London, 2005.

Karnow, Stanley. Mao and China. From Revolution to Revolution. New York, [1972].

Karnow, Stanley. Mao and China. A Legacy of Turmoil. 3rd ed., rev. and updated. New York, 1990.

Kerry, Tom. The Mao Myth and the Legacy of Stalinism in China.

New York, 1977.

Klein, Donald and Clark, Anne. Biographic Dictionary of Chinese Communism. 1921–1969: 2 vols. Cambridge, Mass., 1971.

Kolpas, Norman. Mao. New York, 1981.

Lawrance, Alan. Mao Zedong. A Bibliography. New York, etc., 1991.

Lee, Frederic E. Currency, Banking, and Finance in China. Washington, 1926.

Levesque, Leonard. Hakka Beliefs and Customs. Taichung, 1969.

Li, Hua-Yu. Stalin's *Short Course* and Mao's Socialist Economic Transformation of China in the Early 1950 // Russian History. Vol. 29. No. 2–4 (Summer-Fall-Winter 2002). P. 357–376.

Li Jul. The Early Revolutionary Activities of Comrade Mao Tse-tung. White Planes, NY, 1977.

Litten, Frederick S. The Noulens Affair // The China Quarterly. 1994. No. 138. P. 492–512.

Liu Guokai. A Brief Analysis of the Cultural Revolution. Armonk, NY, 1987.

Lynch, Michael. Mao. London, New York, 2004.

McDonald, Jr., Angus W. The Urban Origins of Rural Revolution. Elites and the Masses in Hunan Province, China, 1911–1927. Berkeley, Calif, etc., 1978.

McFarquhar, Roderick. The Hundred Flowers Campaign and the Chinese Intellectuals. New York, 1974.

McFarquhar, Roderick. The Origins of the Cultural Revolution. 2. The Great Leap Forward 1958–1960. New York, 1983.

McFarquhar, Roderick. The Origins of the Cultural Revolution. 3. The Coming of the Cataclysm 1961–1966. New York, 1983.

McKinnon, Janice R., McKinnon, Stephen R. Agnes Smedley. The Life and Times of an American Radical. Berkeley, Calif., etc., 1988.

Meisner, Maurice. Li Ta-chao and the Origins of Chinese Marxism. New York, 1979.

Meisner, Maurice. Mao's China and After. A History of the People's RepubUc. 3rd ed. New York, 1999.

Meliksetov, Arlen and Pantsov, Alexander. Stalinization of the People's Republic of China // Realms of Freedom in Modern China. Stanford, Calif., 2003. P. 198–233.

Moss, George Donelson. Vietnam. An American Ordeal. 6* ed. Upper Saddle River, NJ, 2006.

Miiller, Reinhard. Der Fall des Antikomintern-Blocks — ein vierter Moskauer Schauprozep // Jahrbuch fiir Historische Kommunismusforschung. 1996.

Murray, Brian. Stalin, the Cold War, and the Division of China: A Multi-Archival Mystery // Cold War International History Project

Working Paper No. 12 (June 1995).

New Perspectives on the Chinese Communist Revolution. Armonk, NY and London, 1995.

Niu Jun. The Origins of the Sino-Soviet Alliance // Brothers in Arms. The Rise and Fall of the Sino-Soviet Alliance. 1945–1963. Stanford, Calif, 1998. P. 47–89.

North, Robert C Moscow and Chinese Communists. Stanford, Calif., 1953.

Pan Ling. In Search of Old Shanghai. Hong Kong, 1983.

Pantsov, Alexander. Chen Duxiu (1879–1942) // Collier's Encyclopedia. Vol. 6. New York, 1996. P. 180–180A.

Pantsov, Alexander and Benton, Gregor. Did Trotsky Oppose Entering the Guomindang «From the First»? // Republican China. 1994. Vol. XIX. No. 2 (April). P. 52–66.

Pantsov, Alexander and Levine, Steven I. Chinese Comintern Activists: An Analytic Biographic Dictionary (manuscript).

Payne, Robert. Portrait of a Revolutionary: Mao Tse-tung. London, New York, Toronto, 1961.

Perry, Elizabeth J. Shanghai's Strike Wave of 1957 // The China Quarterly. 1994. No. 137 (March). P. 1–27.

The Politics of Agricultural Cooperation in China: Mao, Deng Zihui and the «High Tide» of 1955. Armonk, NY and London, 1993.

The Population of Modern China. New York, 1992.

Prozumeschikov M. Y. The Sino-Soviet Conflict, the Cuban Missile Crisis, and the Sino-Soviet Split, October 1962: New Evidence from the Russian Archives // Cold War International History Project Bulletin. 1996/1997. No. 8, 9. P. 251–257.

Rethinking the «Cultural Revolution». Beijing, 1987.

Ristaino, Marcia R. China's Art of Revolution. The Mobilization of Discontent, 1927 and 1928. Durham, NC, 1987.

Rue, John E. Mao Tse-tung in Opposition. 1927–1935. Stanford, Calif, 1966.

Rule, Paul. Mao Zedong. St. Lucia, Lawrence, Mass., 1984.

Schram, Stuart. Mao Tse-tung. Harmondsworth, 1974.

Schram Stuart R. Mao Zedong. A Preliminary Reassessment. Hong Kong, 1983.

Schwartz, Benjamin. The Legend of the «Legend of 'Maoism'» // The China Quarterly. 1960. No. 2 (April-June). P. 35–42.

Schwartz, Benjamin I. Chinese Communism and the Rise of Mao. Cambridge, Mass., 1951.

Sergeant, Harriet. Shanghai. London, 1991.

Shaffer, Lynda. Mao and the Workers: The Hunan Labor Movement, 1920–1923. Armonk, NY, 1982.

Shapiro, Sidney. Ma Haide. The Saga of American Doctor George

Hatem in China. Beijing, 2004.

Shewmaker, Kenneth E. Americans and Chinese Communists, 1927–1945. Ithaca and London, 1971.

Short, Philip. Mao. A Life. New York, 1999.

Shu Guang Zhang. Between «Paper» and «Real Tigers»: Mao's View of Nuclear Weapons // Cold War Statesmen Confront the Bomb. Nuclear diplomacy Since 1945. New York, 1999. P. 194–215.

Shu Guang Zhang. Sino-Soviet Economic Cooperation // Brothers in Arms. The Rise and Fall of the Sino-Soviet Alliance. 1945–1963. Stanford, Calif., 1998. P. 189–225.

Spence, Jonathan D. Mao Zedong. New York, 1999.

Spence, Jonathan D. The Search for Modern China. 2nd ed. New York, 1999.

Starkov, Boris A. The Trial That Was Not Held // *Europe-Asia Studies.* 1994. Vol. 46. No. 8. P. 1297–1316.

Strand, David. Rickshaw Beijing. City People and Politics in the 1920s. Berkeley, Calif., etc., 1989.

Teiwes, Frederick C Politics and Purges in China. Rectification and the Decline of Party Norms, 1950–1965. 2nd ed. Armonk, NY and London, 1993.

Teiwes, Frederick C Politics at Mao's Court: Gao Gang and Party Factionalism. Armonk, NY, 1990.

Teiwes, Frederick C, Sun, Warren. From a Leninist to a Charismatic Party: The CCP's Changing Leadership, 1937–1945 // New Perspectives on the Chinese Communist Revolution. Armonk, NY and London, 1995. P. 339–387.

Terrill, Ross. Madam Mao. The White-boned Demon. Rev. ed. Stanford, Calif., 1999.

Terrill, Ross. Mao. A Biography. Stanford, Calif, 1999.

Thomas, S. Bernard. Season of High Adventure. Edgar Snow in China. Berkeley, Calif., etc., 1996.

Ven, Hans Van de. From Friend to Comrade. The Founding of the Chinese Communist Party, 1920–1927. Berkeley, Calif., etc., 1991.

Wakeman, Jr., Frederic. Policing Shanghai 1927–1937, Berkeley, Calif., etc., 1995.

Wedeman, Andrew Hall. The East Wind Subsides. Chinese Foreign Policy and the Origins of the Cultural Revolution. Washington, D.C., 1988.

Wei, Betty Peh-t'i. Old Shanghai. Hong Kong, etc., 1993.

Westad, Odd Arne. Fighting for Friendship: Mao, Stalin, and the Sino-Soviet Treaty of 1950 // Cold War International History Project Bulletin. 1996/1997. No. 8–9. P. 224–236.

Wittfogel, Karl A. The Legend of «Maoism» // The China Quarterly. 1960. No. 1 (January-March). P. 72–86; No. 2 (April-June).

P. 16–33.

Wittfogel, Karl A., Schwartz, Benjamin, Sjaardema, Henryk. «Maoism» — «Legend» or «Legend of a 'Legend'» // The China Quarterly. 1960. No. 4 (October). P. 88–101.

Wylie, Raymond F. The Emergence of Maoism. Mao Tse-tung, Ch'en Po-ta, and the Search for Chinese Theory 1935–1945. Stanford, Calif, 1980.

Yen Chia-chi, Kao Kao. The Ten-Year History of the Chinese Cultural Revolution. Taipei, 1988.

ИЛЛЮСТРАЦИИ

Отец Мао Цзэдуна Мао Ичан.

Мать Мао Цзэдуна Вэнь Цимэй.

Дом в деревне Шаошаньчун, где родился Мао Цзэдун.

Мао Цзэдун (*справа*) с матерью и братьями Мао Цзэминем и Мао Цзэтанем (слева) в Чанше. *1919 г.*

Комната, в которой родился Мао Цзэдун.

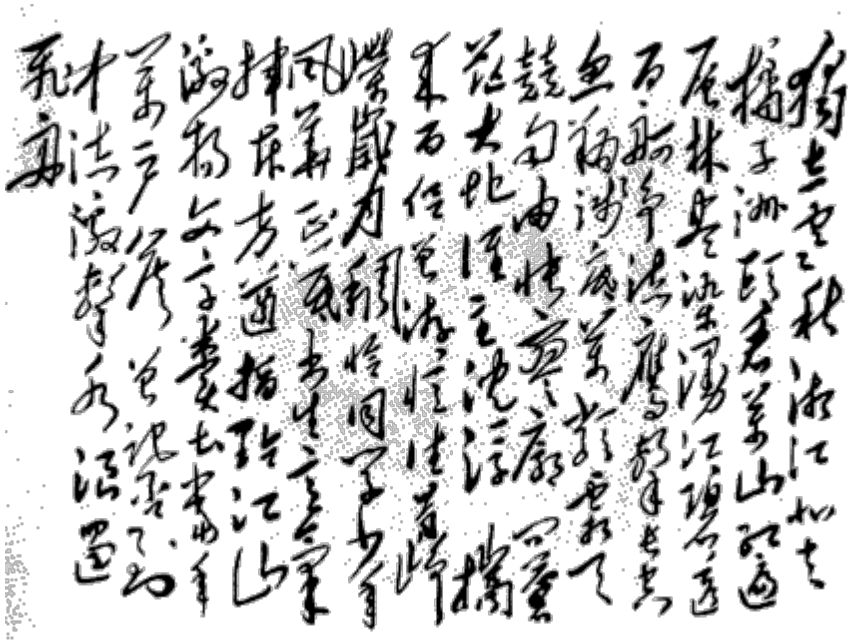
Первая фотография Мао Цзэдуна. *Чанша, весна 1913 г.*

Любимый учитель Мао Цзэдуна, профессор Ян Чанцзи.

Здание Первого провинциального педагогического училища Чанши, где учился Мао Цзэдун.

Сян Цзинъюй, друг юности Мао Цзэдуна, жена Цай Хэсэня.

Цай Хэсэнь, ближайший друг Мао Цзэдуна.



Автограф стихотворения Мао Цзэдуна «Чанша». *1925 г.*

Профессор Ли Дачжао, первый пропагандист большевизма в Китае. *Июнь 1924 г.*

Профессор Чэнь Дусю, основатель Компартии Китая.

Здание Пекинского университета («Красный терем»).

Чжан Готао. *1920-е гг.*

Хэ Шухэн («Усатый Хэ»). *1920-е гг.*

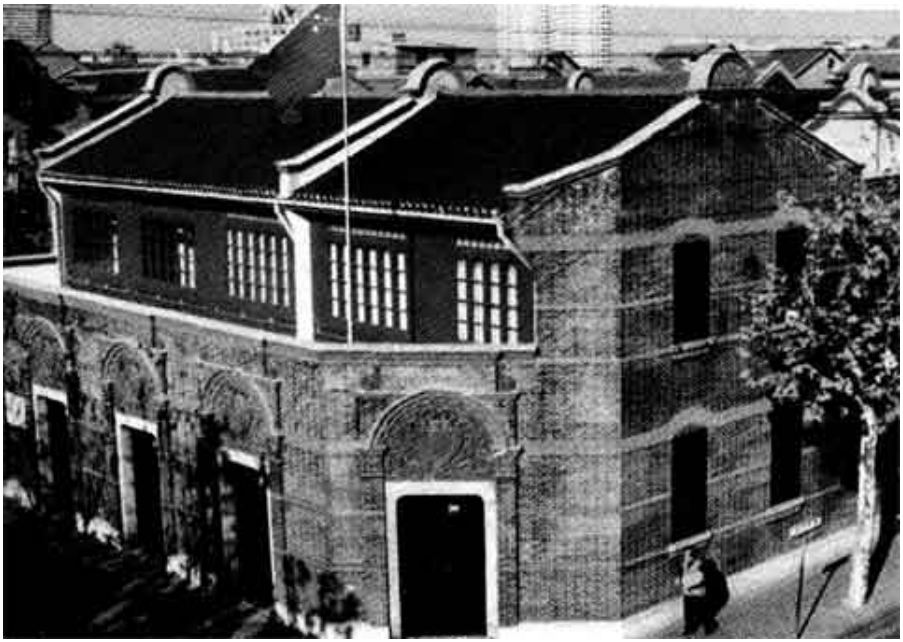
Мао Цзэдун (*четвертый слева*) с земляками-хунаньцами. *Седьмой слева* — Дэн Чжунся, друг Мао Цзэдуна и один из первых организаторов рабочего движения в Китае. *Пекин, 18 января 1920 г.*

В. И. Ленин выступает с докладом о международном положении и основных задачах Коммунистического Интернационала на II конгрессе Коминтерна. Рядом с Лениным — секретарь Исполкома Коминтерна К. Б. Радек. *19 июля 1920 г.*

Группа участников II конгресса Коминтерна. Слева направо: Л. М. Карахан (*первый*), К. Б. Радек (*второй*), Н. И. Бухарин (*четвертый*), В. И. Ленин (*седьмой*), А. М. Горький (*восьмой*), Г. Е. Зиновьев (*одиннадцатый*), М. Н. Рой (*тринадцатый*), сестра Ленина М. И. Ульянова (*пятнадцатая*).

Г. Н. Войтинский, первый представитель Коминтерна в Китае.

Гендрикус Маринг, представитель Коминтерна в Китае.



Дом на углу улицы Ванчжилу и переулка Шудэли в Шанхае, где проходил I съезд Компартии Китая в июле 1921 года.

Вождь Гоминьдана Сунь Ятсен в Кантоне. *Весна 1924 г.*

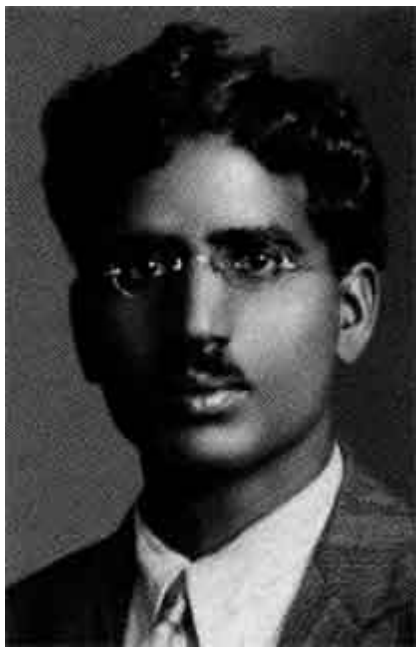
Лидер левой фракции Гоминьдана Ван Цзинвэй.

И. В. Сталин.

Чан Кайши. *10января 1927 г.*

Арестованные чанкайшистами коммунисты в ожидании казни. *Лето 1927 г.*

«Высокий советник Гоминьдана» и представитель Коминтерна в Китае М. М. Бородин.



Представитель Коминтерна в Китае М. Н. Рой.

Руководитель КПК в 1927–1928 годах Цюй Цюбо.

Идейный вождь КПК в конце 1920-х годов Ли Лисань незадолго до ареста. *Москва, 1937 г.*

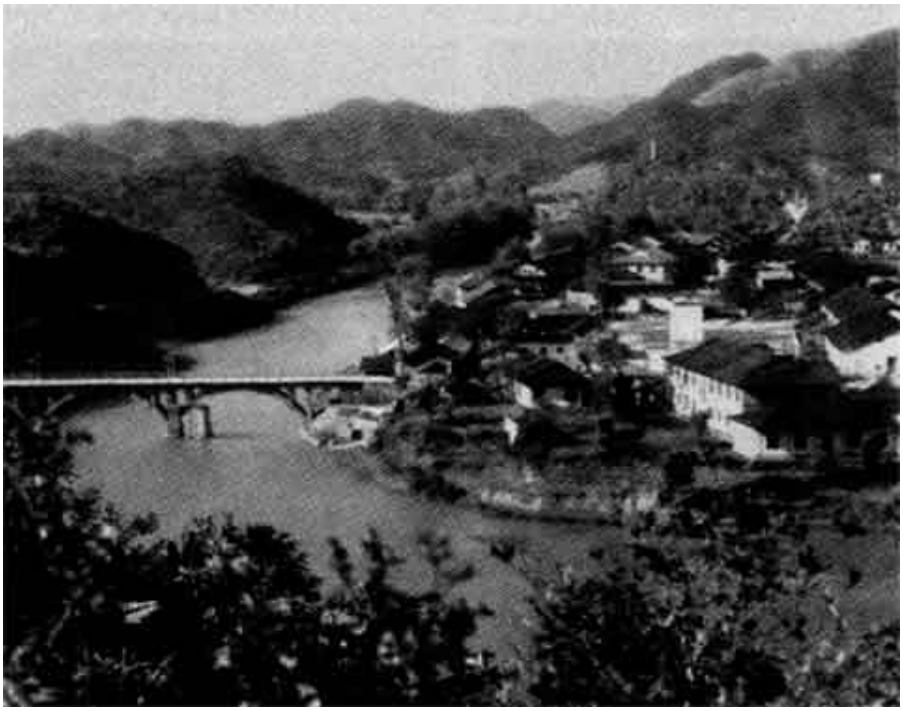
Представитель Коминтерна в Китае В. В. Ломинадзе.

Советский консул и представитель Коминтерна в Чанше В. Н. Кучумов (Майер).

Представитель Коминтерна в Китае Павел Миф.

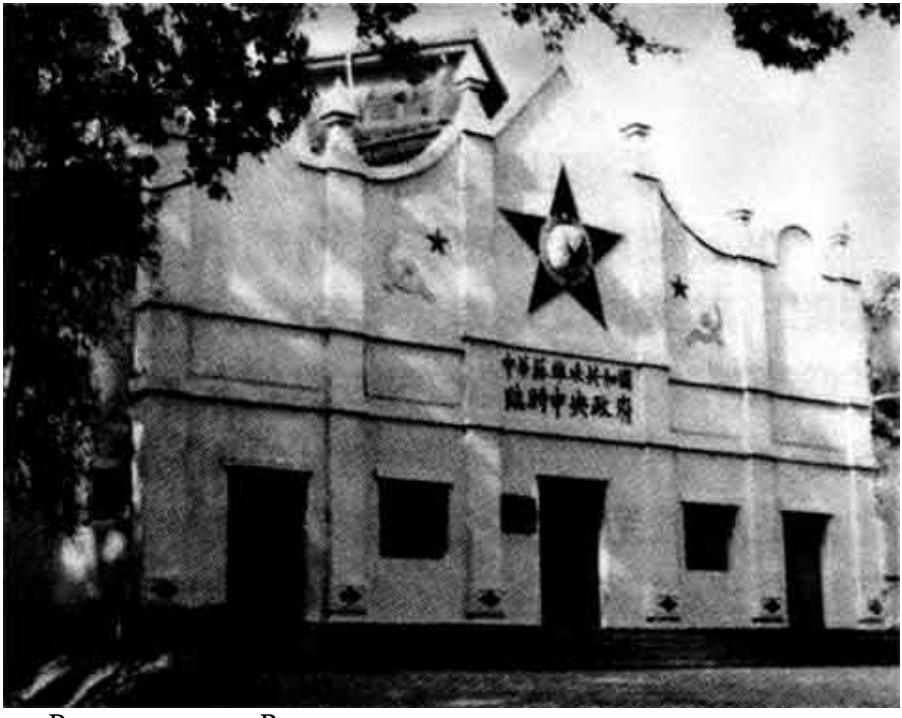
Представитель Коминтерна в Китае Артур Эверт.

Глава цзинганских бандитов Юань Вэньцай на фоне штаб-квартиры Мао Цзэдуна в горах Цзинган.



Советский район в Лунганских горах, провинция Цзянси.

Члены Бюро ЦК советских районов в Жуйцзине, провинция Цзянси. *Справа налево*: Ван Цзясян, Мао Цзэдун, Сян Ин, Дэн Фа, Чжу Дэ, Жэнь Биши, Гу Цзолинь. *Ноябрь 1931 г.*



Резиденция Временного центрального правительства Китайской Советской Республики в Жуйцзине.

Мао Цзэдун в Жуйцзине.

Мао Цзэдун выступает с речью на праздновании третьей годовщины Антияпонского университета в Яньани. *1939 г.*

Ян Кайхуэй, вторая жена Мао Цзэдуна, с детьми Аньином (справа) и Аньцином в Шанхае. *1924 г.*

Мао Цзэтань, младший брат Мао Цзэдуна.

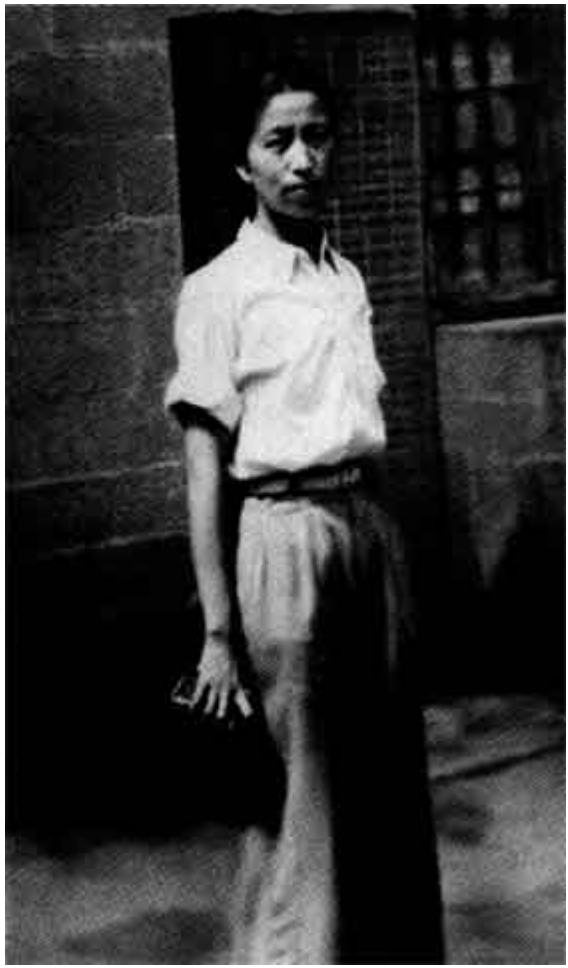
Мао Цзэминь, брат Мао Цзэдуна.

Мао Цзэдун и Хэ Цзычжэнь в Баоани. *1936 г.*

Роддом им. Сеченова
Медицинское свидетельство
Дано гр. Хэ Цзычжэнь
для
в том, что она 12 числа апреля мес.
родила в роддоме им. Сеченова
12 числа апреля мес.
живого мужского пола
выписана с ребенком 25 из учреждения
12 числа апреля месяца 1938 года
Зав. врач
Делопроизводитель

Медицинское свидетельство о рождении сына, выданное Хэ Цзычжэнь в роддоме им. профессора Сеченова в Москве 12 апреля 1938 года.

Популярная актриса Лань Пин, будущая четвертая жена Мао Цзэдуна Цзян Цин, на обложке иллюстрированного журнала «Чжунхуа» («Китай»), № 51. *Шанхай, 1937 г.*



Цзян Цин в Яньани. *Начало 1940-х гг.*

Мао Аньин. *Москва, август 1944 г.*

Мао Аньцин в Москве. *1950-е гг.*

Ли Минь, дочь Мао и Хэ Шычжэнь, на загородной вилле Шуанцин близ Пекина. *Апрель 1949 г.*

Мао Цзэдун с младшей дочерью Ли На в Яньани. *1946 г.*

Здание в Цзуньи. Здесь в январе 1935 года Мао Цзэдуна назначили членом Постоянного комитета Политбюро и помощником генерального политкомиссара Красной армии.

Деревня Уцичжэнь в северной Шэньси, где 22 октября 1935 года Мао Цзэдун объявил Великий поход оконченным.

Военный советник ЦК КПК Отто Браун.

Высшее руководство КПК в Яньани. *Сидят*: Сян Ин, Кай Фэн, Ван Мин, Чэнь Юнь, Лю Шаоци. *Стоят*: Кан Шэн, Пэн Дэхуай, Ло Фу, Чжан Готао, Линь Боцюй, Бо Гу, Чжоу Эньлай, Мао Цзэдун. *Декабрь 1937 г.*

Мао Цзэдун с американским журналистом Эдгаром Сноу в Яньани. *1939 г.*

Мао Цзэдун с Чжу Дэ и американской журналисткой Агнес Смедли. *Яньань, 1937 г.*

Генеральный секретарь Исполкома Коминтерна Георгий Димитров.

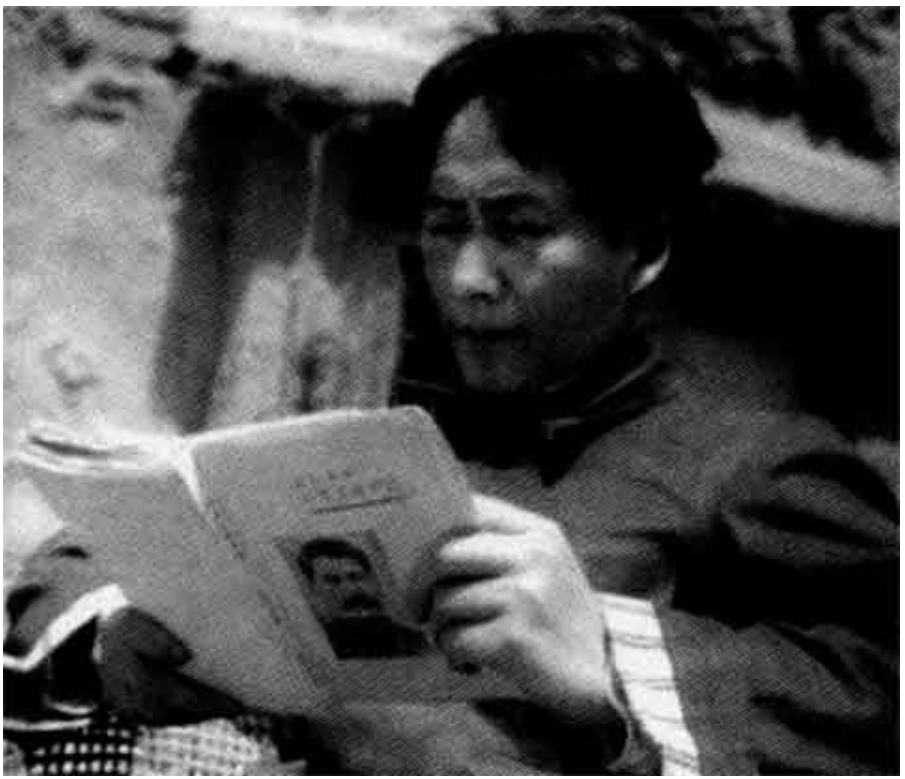
Президиум 6-го расширенного пленума ЦК КПК. *Сидят*: Кан

Шэн, Мао Цзэдун, Ван Цзясян. ЧжуДэ, Сян Ин. Ван Мин. *Стоят*: Чэнь Юнь, Бо Гу, Пэн Дэхуай, Лю Шаоци, Чжоу Эньлай, Ло Фу. *Яньань, осень 1938 г.*

Войска Красной армии Китая у стен Яньани. *1937 г.*

Связной Коминтерна П. П. Владимиров в Яньани.

Мао Цзэдун (*в центре*) и Чжу Дэ (*первый слева*) принимают американскую «миссию Дикси» во главе с полковником Д. Барреттом (*справа от Мао*). Справа от Чжу Дэ — второй секретарь посольства США в Китае Джон Стюарт Сервис. *Яньань, конец шюля 1944 г.*



Мао Цзэдун читает И. В. Сталина. *Яньань, 1939 г.*

На переговорах с лидерами Гоминьдана о мирном объединении страны. *Первый ряд*: посол США в Китае Патрик Дж. Хэрли, Чан Кайши, Мао Цзэдун. *Второй ряд*: сын Чан Кайши — Цзян Цзинго, генерал Чжан Цюнь и министр иностранных дел Китая Ван Шицзе. *Нунции, осень 1945 г.*

Избежать новой гражданской войны не удалось. Мао Цзэдун читает сообщение о взятии войсками НОАК Нанкина. *Загородная вилла Шуанцин близ Пекина, конец апреля 1949 г.*

Гоминьдановцы бежали! Пустынная набережная Шанхая накануне взятия города войсками НОАК. *26 или 27мая 1949 г.*

Мао Цзэдун под сводами дворцовой башни Тяньаньмэнь объявляет об образовании Центрального народного правительства Китайской Народной Республики. *Крайний справа* — Чжоу Эньлай. *Третий справа* — Дун Биу. *Пекин, 1 октября 1949 г.*

Мао Цзэдун на Ярославском вокзале по прибытии в Москву на встречу со Сталиным. Среди встречающих: Н. А. Булганин (*первый справа*), В. М. Молотов (*второй справа*) и посол КНР в СССР Ван Цзясян (*четвертый справа*).

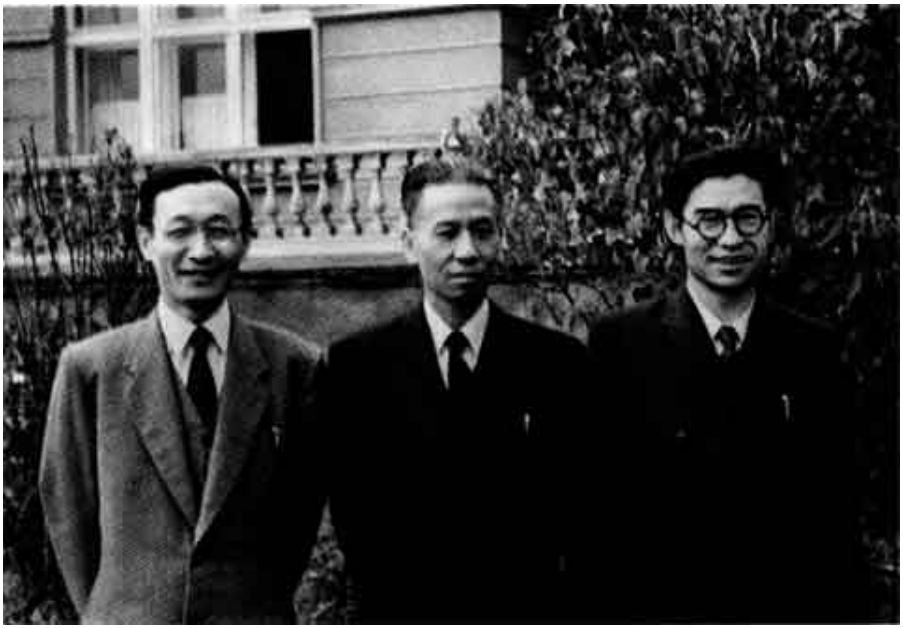
Мао Цзэдун со Сталиным в Большом театре на торжествах по случаю 70-летия И. В. Сталина. *21 декабря 1949 г.*

Мао Цзэдун с Н. С. Хрущевым на трибуне Тяньаньмэнь. *В центре* — переводчик Н. Т. Федоренко. *Пекин, 1 октября 1954 г.*

Н. С. Хрущев, Мао Цзэдун и Н. А. Булганин на трибуне Мавзолея В. И. Ленина. *7 ноября 1957 г.*

Мао Цзэдун на трибуне Тяньаньмэнь во время торжеств по случаю провозглашения Китайской Народной Республики. На левой стороне его френча — ленточка с иероглифами «чжуси» («Председатель»). *Пекин, 1 октября 1949 г.*

Мао Цзэдун на балюстраде дворцовой башни Тяньаньмэнь во время демонстрации хунвэйбинов. *Август 1966 г.*



Ван Цзясян, Лю Шаоци и Гао Ган в Москве. *Июль 1949 г.*

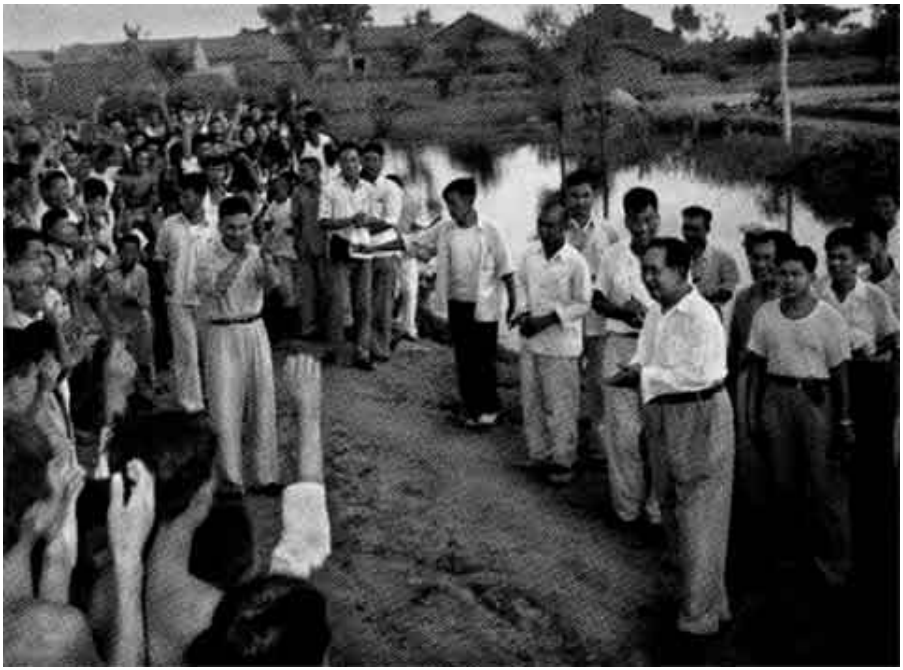
Спальня Мао Цзэдуна в Павильоне Аромат хризантем, где он обычно проводил заседания Политбюро. *Резиденция Чжуннаньхай, Пекин.*

Высшее руководство китайской компартии во время закрытия VIII съезда КПК. Линь Бяо, Кан Шэн, Ло Фу, Дун Биу Пэн Чжэнь, Лю Шаоци, Мао Цзэдун, Чжоу Эньлай, Чэнь Юнь, Чжу Дэ, Линь Боцюй, Пэн Дэхуай, Дэн Сяопин. *Пекин, 27 сентября 1956 г.*

Мао Цзэдун (*справа*) с Пэн Дэхуаем.

Массовая манифестация в поддержку политики «большого скачка». На транспарантах надписи: «Да здравствует генеральная линия!», «Да здравствует большой скачок!», «Да здравствуют народные коммуны!». *Лето 1958 г.*

Общественная столовая в «народной коммуне». *Конец 1950-х гг.*



Посещение Мао Цзэдуном «народной коммуны» в деревне Цилиинсян в уезде Синьсян провинции Хэнань. *6 августа 1958 г.*

Мао Цзэдун плывет по реке Янцзы. *Ухань, 16 июля 1966 г.*

Первая дацзыбао, вывешенная в Пекинском университете секретарем парткома философского факультета Не Юаньцзы. *25мая 1966 г.*

Члены группы по делам культурной революции. *Слева направо*: Цзян Цин, Чэнь Бода, Кан Шэн, Чжан Чуньцяо.

Хунвэйбиновский террор. Жертве делают «аэроплан».

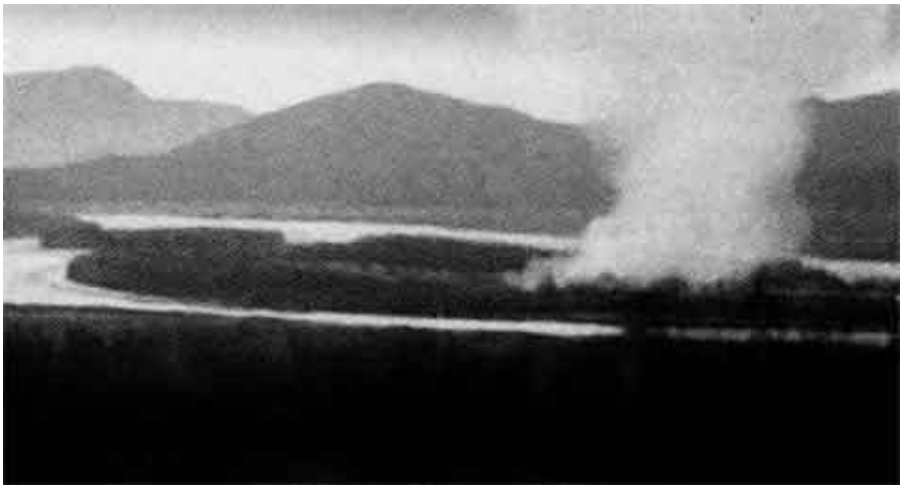
Пэн Дэхуай (*первый слева*) и Ло Фу кланяются «революционным массам» на «митинге критики и борьбы». *26 июля 1967 г.*

Пока еще соратники. Лю Шаоци и Цзян Цин на балюстраде дворцовой башни Тяньаньмэнь. В руках у Цзян Цин цитатник Мао Цзэдуна. *1 октября 1966 г.*

«Доведем кровавое сражение с Лю Шаоци до конца!» Лю Шаоци на «митинге критики и борьбы». *1967 г.*

Мао Цзэдун в окружении хунвэйбинов под сводами дворцовой башни Тяньаньмэнь. *18 августа 1966 г.*

«Да здравствует Председатель Мао!» Хунвэйбины на площади Тяньаньмэнь. *18 августа 1966 г.*



Пороховой дым над островом Даманский. *2марта 1969 г.*

Пекинские хунвэйбины переименовывают улицу Дунъянвэйлу, на которой расположено посольство СССР, в Антиревизионистскую. *Пекин, лето 1966 г.*

Линь Бяо с женой Е Цюнь.

Ван Хунвэнь на X съезде КПК. *Пекин, август 1973 г.*

Мао Цзэдун с Эдгаром Сноу и его второй женой Луис Уилер Сноу на трибуне Тяньаньмэнь. *Второй слева* — переводчик Цзи Чаочжу. *1 октября 1970 г.*

Мао Цзэдун беседует с президентом США Ричардом Никсоном в своем кабинете, резиденция Чжуннаньхай. *Слева* — Чжоу Эньлай, переводчица Нэнси Тан, *справа* — Генри Киссинджер. *Пекин, 21 февраля 1972 г.*

Мао Цзэдун с Ричардом Никсоном. *В центре* — Чжан Юйфэн, последняя пассия Мао Цзэдуна. *Резиденция Чжуннаньхай. Пекин, 21 февраля 1972 г.*

С будущим руководителем Китая. Мао Цзэдун с Дэн Сяопином в резиденции Чжуннаньхай. *1974 г.*

Мао Цзэдун с премьер-министром Пакистана Бхутто в резиденции Чжуннаньхай. Последняя фотография Мао Цзэдуна. *27 мая 1976 г.*

У гроба Мао Цзэдуна. Слева направо: Хуа Гофэн, Ван Хунвэнь, Е Цзяньин, Чжан Чуньцяо, Цзян Цин, Яо Вэньюань, Ли Сяньнянь.

Автор книги с внуком Мао Цзэдуна Кун Цзинином. Российский государственный архив социально-политической истории. *Москва, 16 июня 2006 г.*

Современный вид дворцовой башни Тяньаньмэнь. Над Вратами небесного спокойствия — портрет Председателя Мао.

Надпись слева: «Да здравствует Китайская Народная Республика!» *Надпись справа*: «Да здравствует великое сплочение народов мира!»

Мавзолей Мао Цзэдуна на площади Тяньаньмэнь в Пекине.

notes

Примечания

1

Ли — китайская мера длины, равная 0,576 км.

2

Китайские имена обычно очень трудно перевести, так как иероглифы, подбираемые для имени, как правило, полисемантичны и символичны. Многие китайцы выбирают иероглифы для имени из изречений китайских классиков, и тогда понять их значение можно, лишь восстановив контекст, из которого они взяты. Посторонние люди редко могут догадаться, какой смысл вложен в то или иное имя. Лишь иногда это не составляет труда, как, например, при переводе имен «Цзэдун», «Жуньчжи» или «Эньпу». Имена же отца Мао Цзэдуна особенно трудны для перевода.

3

В старом Китае, особенно в многодетных семьях, девочкам не всегда давали официальные имена. Часто их просто нумеровали по очередности появления на свет.

4

Паупер (от лат. *pauper* — бедный) — принятое в социологии определение безработного, нищего человека. Люмпен (от нем. *Lumpen* — лохмотья) — классическое обозначение деклассированных элементов общества, занимающихся незаконным промыслом (бандитизмом, воровством и т. п.).

5

Описание одной такой казни дано в повести великого китайского писателя Лу Синя (1881–1936) «Подлинная история А-кью», а другой — в воспоминаниях американского врача Эдварда Хьюма (1876–1957), жившего в Китае в начале прошлого века.

6

Здесь и далее переводы стихов с китайского автора книги.

7

В Китае писали специальными кисточками, которые обмакивали в тушь. Считалось, что у каллиграфии и живописи единые корни.

8

Имеются в виду милитаристы.

9

Позже, в разговоре с Эдгаром Сноу, вероятно, для того, чтобы лишний раз подчеркнуть свою тогдашнюю бедность, Мао число комнат сократит до одной.

10

Справедливости ради надо заметить, что Мао имел возможность ознакомиться с другим переводом «Манифеста», который, по воспоминаниям Ло Чжанлуна, был напечатан на ротаторе студентами Пекинского университета. Однако так ли это было на самом деле, доподлинно неизвестно.

11

Существует и иное объяснение происхождению названия «Шанхай»: от выражения «Шанхайпу», что означает «Верхнее устье». Именно так в XII–XIII вв. называли местность к югу от устья Янцзы, где ныне расположен Шанхай. Район же к северу от устья именовали «Сяхайпу» — «Нижнее устье». В конце XIII в. название «Шанхай» закрепилось за городом, до того именовавшимся «Ху» (так местные рыбаки называли специальное бамбуковое приспособление для ловли рыбы).

В 1885 г., например, китайское и иностранное население международного сеттльмента соотносилось друг с другом из расчета 35 к одному, в то время как во французской концессии на 25 тысяч китайцев приходилось 300 иностранцев. В 1925 г. этот порядок в международном сеттльменте не изменился; во французской же концессии он составил 38 к одному.

13

Китайская система образования в 1920-е гг. имела свои особенности. В начальной школе существовали три ступени: низшая, средняя и высшая, поэтому начальную школу высшей ступени могли оканчивать молодые люди шестнадцати-семнадцатилетнего возраста.

14

Дунтинху — большое озеро к северу от Чанши. *Сяо* и *Сян* — реки в Хунани.

15

«Сигнальные огни Инь недалеко» — строфа из «Шицзин», древнекитайской книги поэзии. Речь идет о том, что в результате свержения правителем династии Инь последнего императора династии Ся тирана Цзе в XVIII в. до н. э. в Китае впервые произошла «революция» (на китайском языке — «гэмин», «изменение Небесного мандата»). Мао намекает на то, что крупные революционные изменения не за горами.

16

Куньлунь — горная гряда на юго-западе Китая.

17

Бородина обслуживала целая команда китайских коммунистов, знавших русский язык. Помимо Цюя с ним работали и Чжан Тайлэй с женой, и выпускники КУТВ Ли Чжунъу, Хуан Пин, Фу Дацин и Бу Шици.

18

В те годы среди китайской интеллигенции было принято подписываться латинскими буквами на западный манер, сокращая свои имена до инициалов и ставя их перед фамилией. При этом, естественно, использовалась транслитерация того времени, так называемая система Уэйда — Джайлса, названная по фамилиям ее создателей, английских профессоров Томаса Фрэнсиса Уэйда (1818–1895) и Герберта Аллена Джайлса (1845–1935). Она существенно отличается от современной, принятой ООН в начале 70-х гг. Т. С. Чэнь (T. S. Chen), таким образом, означает Tu-siu Chen, Т. С. Ли (T. C. Li) — Ta-chao Li, Т. Т. Мао — Tse-tung Mao.

19

Как мы помним, у отца Мао было всего 22 *му* (то есть около полутора гектаров). После его смерти земля перешла по наследству всем трем его сыновьям.

20

Дичжу — дословно: хозяин земли, обычно в русскоязычной литературе переводится как помещик, что на самом деле неверно, так как сословно оформленного слоя помещиков в Китае никогда не существовало. Под категорию *дичжу* обычно попадали зажиточные землевладельцы, отличавшиеся от обычных крестьян *(нунминь)* только уровнем материального достатка.

21

Какое-то время после этого в КПК, правда, ходили слухи о том, что Ли Лисань специально «подложил» свою жену под Цай Хэсэня, желая избавиться от нее: в то время он якобы был страстно влюблен в ее младшую сестру. Так ли это было на самом деле, неизвестно, но то, что Ли и Цай действительно возненавидели друг друга, — исторический факт.

22

Два года спустя, после того как политика Сталина обанкротилась, слова «вроде „Гоминьдан“» были удалены из текста его выступления. Характерно, что сам Сталин уже накануне банкротства своей китайской политики, весной 1927 г., стал делать вид, что в речи в КУТВ он имел в виду якобы не фактическое положение дел в Гоминьдане, а «*будущее* народно-революционных партий вообще, Гоминьдана в частности». Его рассуждения на этот счет были, однако, неуклюжи.

23

Решение об организации объединенного совещания из пяти представителей ЦИК Гоминьдана и трех представителей ЦИК КПК с участием Бородина было принято также майским (1926 г.) пленумом ЦИК Гоминьдана. Оно, правда, так и осталось на бумаге.

Эти требования были выставлены в другом документе, принятом пленумом, — открытом «Обращении к крестьянам», в котором, разумеется, истинные намерения коммунистов не получили отражения. В «Обращении», изданном в годовщину республики, 10 октября 1925 г., говорилось: «Что касается лозунга „земля тем, кто ее обрабатывает“, то с ним надо подождать до того момента, когда рабочие, крестьяне и другой народ возьмут власть».

На самом деле он в то время был уже в разводе. Со свой женой, Галиной Павловной, они официально расторгли брак в июле 1924 г. Псевдоним же он выбрал в знак примирения. Вместе с тем в первый раз он все же поехал в Китай без семьи. Галина Павловна с детьми сопровождала Блюхера в Кантон во время его второй поездки, в конце мая 1926 г., но уже в середине лета в связи с началом Северного похода была вынуждена уехать во Владивосток. Здесь через переводчика Блюхера по имени Сегал во второй половине 1927 г. она получила от бывшего мужа два письма, в которых тот сообщал, что собирается жениться на машинистке советского консульства в Ханькоу Галине Александровне Кольчугиной. Брак с этой женщиной, однако, так и не был зарегистрирован, а через пять лет Блюхер женился на молоденькой студентке Дальневосточного медицинского института Глафире Лукиничне Безверховой.

26

Начиная с IX в. н. э. и вплоть до победы коммунистической революции 1949 г. в Китае был широко распространен обычай бинтования ног у женщин. Обычно мать начинала стягивать ступни своей дочери жесткими бинтами, когда той исполнялось три года. Эта пытка продолжалась затем в течение всей жизни женщины. Делалось так для того, чтобы придать ступне миниатюрность. Считалось, что маленькая изогнутая ступня выглядит эротично. Разумеется, от такой операции пальцы на ногах (за исключением больших, которые оставляли нестянутыми) ломались и подворачивались к подошве. По преданию, первой бинтовать ноги начала наложница одного из вельмож императорской крови, желая угодить изысканному вкусу любовника.

27

Мятежи *хакка* в Китае случались нередко. Наиболее известным из них было тайпинское восстание 1851–1864 гг., в результате которого, как мы помним, погибли 20 миллионов человек.

В провинции Хунань, например, таких дополнительных налогов насчитывалось 23, в то время как в граничащей с ней провинции Хубэй — 61. Вместе с тем в восточной провинции Цзянсу их было 147!

29

Длинные дурацкие колпаки, сделанные из бумаги, надевали на богачей для их унижения. На колпаках делали надпись: *тухао* такой-то или *лешэнь* такой-то. После этого с развернутыми знаменами и под удары гонга водили пленника на веревке по деревне на посмешище всего народа. В Китае, где испокон веку считалось, что для человека нет ничего страшнее, чем «потерять лицо», это испытание считалось чудовищным наказанием.

30

Это было второе восстание шанхайского пролетариата. Первое, в октябре 1926 г., проходило под совместным руководством гоминьдановцев и коммунистов.

31

По Ухани ходили упорные слухи, что в уезде Лилин провинции Хунань крестьянский союз казнил как *тухао* и *лешэнь* отца Ли Лисаня, который был сельским учителем. К счастью, это информация не подтвердилась.

32

Имеются в виду китаеведы Евгений Сигизмундович Иолк (1900–1937 или 1942), работавший в Китае под псевдонимами Иоган и Иогансон, и Михаил Волин (настоящее имя — Семен Натанович Беленький) (1896—?). В 1926–1927 гг. они являлись сотрудниками аппарата Бородина и занимались именно аграрным вопросом в Китае. В начале 1927 г. они даже издали в Кантоне под редакцией Бородина двухтомное документальное исследование на английском языке «Крестьянский вопрос в Гуандуне». Волин, кроме того, в журнале советских советников «Кантон» в 1926 г. рецензировал работу Мао Цзэдуна «Анализ классов китайского общества».

33

Традиционная азартная игра.

Имеются в виду девять притоков Янцзы.

35

Речь идет о Пекин-Ханькоуской дороге и железной дороге Ханькоу — Чанша, встречающихся в Ухани.

36

Черепаха-гора и Змея-гора — два холма по обе стороны Янцзы, напротив друг друга. Первая из них находится в Ханьяне, вторая — в Учане. Именно на Змее-горе возвышается Пагода желтого аиста.

37

Существует легенда, согласно которой как-то давным-давно в Учане один молодой человек по имени Синь держал винную лавку. Был он славным и добрым и однажды угостил бродячего даоского монаха вином. Тот в благодарность нарисовал у него на стене лавки аиста, который оказался волшебным. Каждый раз, когда кто-то хлопал в ладоши, аист танцевал грациозные танцы. Молодой человек был несказанно рад: ведь теперь его лавка всегда была полным-полна народа, собиравшегося поглазеть на чудо-аиста, а заодно и пропустить стаканчик-другой. Но спустя десять лет монах-даос вновь объявился в этих местах. Зашел он и к Синю, вынул флейту, заиграл на ней, сел на аиста и улетел на небо. В память обо всем происшедшем семейство Синей и построило на месте винной лавки Пагоду желтого аиста. Если все это правда, то события эти имели место где-то в самом начале III в. н. э. Согласно историческим данным, пагода была выстроена в 223 г.

38

Кроме Цюя и Чжан Готао в новое руководство вошли Чжан Тайлэй, Ли Вэйхань, Ли Лисань и Чжоу Эньлай.

39

Чжэн в то время являлся заведующим отделом пропаганды хубэйского парткома, поэтому на совещании числился представителем от Хубэя.

40

Спустя много лет один из участников совещания, Лу Динъи, скажет, что это был еще один представитель ИККИ Гейнц Нейман (немец по национальности). Однако это утверждение нельзя считать достоверным, так как Политбюро ЦК ВКП(б) приняло решение о командировании Неймана в Китай только 22 августа 1927 г., и он смог прибыть в эту страну только в октябре.

41

Интересно, что примерно в то же время известный нам Борис Семенович Фрейер, находившийся уже в Москве, предлагал Восточному секретариату ИККИ именно конфискацию «всех помещичьих земель» в Китае. Ни Мао, ни Ломинадзе, конечно, об этом не знали.

42

Спустя много лет Мао скажет Эдгару Сноу: «Общая программа хунаньского комитета и нашей армии встретила оппозицию со стороны Центрального комитета партии, который занял выжидательную позицию и ничего не предпринимал».

43

Как рассказывает ее дочь, Ли Минь, такое красивое имя дала ей ее бабушка, припомнившая старую поговорку: «Цветами коричного дерева встречают самых дорогих гостей, а золотую осень озаряет самая круглая и яркая луна».

Позже Мао, вспоминая об этом времени, с иронией заметит. «Ну вот, как только стал демократическим деятелем [то есть некоммунистом], меня смогли назначить командиром дивизии».

Интересно, что его первая жена, Чжао Сяньгуй, как раз в то время, о котором идет речь, рисковала жизнью, ведя подпольную работу в Чанше. Вернувшись из Москвы весной 1927 г., она начала применять полученные в СССР знания в Хунани, организуя крестьянское, точнее, паупер-люмпенское, движение. После мятежа Сюй Кэсяна в Чанше 21 мая 1927 г. она была брошена за решетку, но в январе следующего года освобождена. В начале 1931 г. она уехала в Ухань, где в целях конспирации изменила имя на Чжао Линъин. Затем она будет направлена на работу в Шанхай, потом — в Нанкин и, наконец, — в столицу провинции Шаньдун, город Цзинань. Там она выйдет замуж за секретаря шаньдунского парткома, но летом 1932 г. сначала ее муж, а затем и она сама будут схвачены гоминьдановцами и казнены.

Она доживет до победы революции. Какое-то время будет работать в музее Мао Цзэдуна в Шаошани, а потом переедет в Чаншу. Здесь она и скончается от болезни в июле 1964 г. в возрасте 68 лет.

Цзинганшань означает «горы (или гора) Цзинган».

Всего в эту делегацию вошли семь человек. Трое из них (Цюй Цюбо, Чжан Готао и Хуан Пин) считались представителями КПК в ИККИ, двое других (Лу Динъи и Лю Минфу) — представителями китайского комсомола в Коминтерне молодежи, а еще двое (Дэн Чжунся и Юй Фэй) — представителями Всекитайской федерации профсоюзов в Профинтерне. Такого рода делегация была образована впервые. До того КПК в Москве представляли отдельные лица.

Несмотря на это, его и Чжу Дэ, который также не участвовал в конференции, заочно избрали ее почетными председателями.

Командующим армией стал Чжу Дэ, Пэн занял должность заместителя командующего, а Мао — генерального политкомиссара.

51

Лендерсекретариаты (от нем. *Lander* — страны) — региональные отделы ИККИ, созданные в 1926 г.

52

А жизнь Ли Лисаня в Москве действительно складывалась непросто. Несмотря на то что он сразу же, едва добравшись до Коминтерна, «полностью разоружился», заклеймив себя последними словами за все совершенные и несовершенные ошибки, прощать его Сталин не собирался. Ли поставили под присмотр ОГПУ и Коминтерна, сослав под псевдонимом Александр Лапин простым рабочим на одно из советских промышленных предприятий. И только через несколько месяцев вернули в политику: в августе 1931 г. направили на учебу в Международную ленинскую школу в Москве (под новым псевдонимом Ли Мин), а через полтора года включили в состав делегации КПК в ИККИ. Ли стал представлять Всекитайскую федерацию профсоюзов в Профинтерне. В июле — августе 1935 г. его даже удостоили чести быть делегатом VII Всемирного конгресса Коминтерна (наряду с несколькими другими китайскими коммунистами). А вскоре дали почетное назначение: возглавить китайскую редакцию издательства иностранных рабочих в СССР, а по совместительству — и коминтерновскую газету на китайском языке «Цзюго шибао» («Спасение родины»). Казалось, худшее миновало. В Москве Ли в очередной раз женился (до того он был женат дважды) — на очаровательной русской женщине Елизавете Павловне Кишкиной. Но осенью 1937 г. на него вновь посыпались обвинения. На этот раз делегация КПК вменила ему в вину то, что он как редактор допустил «вредные для партии искажения в китайском переводе материалов о процессе над троцкистско-зиновьевским центром» (одним из главных обвиняемых на процессе выступал бывший ректор УТК Карл Радек). 25 февраля 1938 г. Ли был исключен из партии, после чего за ним сразу же пришли сотрудники НКВД. Мстительный Сталин все еще видел в нем врага. В тюрьме его страшно били, требуя признаться в шпионаже в пользу Японии. Но через полтора года, 4 ноября 1939-го, неожиданно выпустили, даже восстановив в должности. В возвращении в Китай, однако, Ли было отказано.

Это, конечно, не значит, что Мао в тактических целях не мог иной раз и отречься от люмпенов. В июне 1930 г., например, на совместной конференции фронтового комитета 4-го корпуса и особого комитета западной Фуцзяни, стремясь отвести от себя не раз высказывавшиеся в его адрес членами ЦК обвинения в «люмпен-пролетарской идеологии», он добился принятия специальной резолюции по вопросу о «бродягах». В ней говорилось: **«Красная армия и Красная гвардия — важные орудия, которые революционные массы используют для захвата и удержания власти… Бродяг нельзя допускать в эти организации».** Тезис этот, однако, так и остался на бумаге. Реализовать его было нельзя: в 1930 г., по оценкам Дальбюро ИККИ, Красная армия уже в основном состояла из деклассированного люда.

В написанном через несколько дней письме в особый комитет восточной Хунани Мао заявил, что «две трети сотрудников руководящих органов и технических работников советского правительства юго-западной Цзянси являются членами союза АБ». Откуда взялась такая более или менее точная цифра, неизвестно.

В то время лучше было обвинять своего оппонента в «правом», нежели «левом» уклоне. Так было надежнее.

56

Тэн Дайюань в то время был заместителем генерального политкомиссара 1-го фронта, то есть Мао Цзэдуна.

57

Близ деревни Лунган 30 декабря произошла решающая битва, в ходе которой карательные гоминьдановские войска были разгромлены, а командир дивизии Чжан Хуэйцзань взят в плен.

Спустя много лет один из подручных Чжоу объяснит это злодеяние просто: до предательства Гу Шуньчжана в его доме часто проходили заседания высшего руководства партии, так что все домочадцы знали вождей КПК в лицо. Надеяться на то, что эти люди будут молчать, было нельзя.

59

В разных документах даются различные названия этого органа. Скорее всего, оно именовалось Временным политбюро ЦК, так как в сентябре 1931 г. реорганизации подверглось именно руководящее ядро партии, а не весь Центральный комитет.

60

Интересно, что в середине 1960-х гг. в разных провинциях КНР неожиданно объявятся сразу несколько десятков «маоаньлунов». Самозванцев, однако, быстро разоблачат всезнающие органы безопасности.

О конфискации земель крестьян (за исключением «кулаков») напрямую в законе не говорилось, но только так и можно было понять содержавшееся в нем положение об экспроприации земли не только *дичжу,* но и тех «крупных частных владельцев», которые «сами» вели «на ней хозяйство». Ни один *дичжу* сам свой участок не обрабатывал, это делали только крестьяне. Определение же «крупные», как мы помним, также никого не могло смутить: для нищих люмпенов любой владелец земли был «крупным». Не случайно один из деятелей партии Шэнь Цзэминь (Гудков) полагал, что «нет необходимости упоминать в проекте о кулаке как специальном слое крестьянства, ибо на практике это может преломиться так, что товарищи могут зачислять к кулакам и середняка».

62

Наименование «Квантунская» происходит от названия южной оконечности северо-восточного китайского полуострова Ляодун, на котором находятся города Далянь (Дальний) и Люйшунь (Порт-Артур). Именно здесь 1 августа 1906 года вслед за победой в Русско-японской войне по решению японского правительства была создана Квантунская армия для защиты вновь обретенных Японией прав в Маньчжурии. Прежде всего — для охраны Южно-Маньчжурской железной дороги, строительство которой было начато японцами через четыре месяца.

63

Эта телеграмма довольно сумбурна. Чувствуется, что члены Бюро сами не вполне понимали, что от них хотело Временное политбюро, но очень желали проявить свою преданность. «Разумеется, — писали они, — мы должны вести борьбу с авантюристической линией Ли Лисаня на наступление на крупные города. Однако современная обстановка благоприятна для нас. Мы должны бороться с правооппортунистическим чрезмерным страхом перед наступлением на важнейшие города». Вот так. Пойми кто может!

64

Здесь юмор построен на игре слов. Выражение «сяо маомао» действительно может иметь двойное значение. Его можно переводить и как «маленькие волосики» или «маленький волосатик» (так, очень ласково, многие в Китае называют своих новорожденных детей за мягкие, как пух, волосы на их головах), и как «маленький двойной Мао» (если «Мао» использовать как фамильный иероглиф).

Кстати, таким же образом был образован псевдоним Бо Гу. Цинь Бансянь взял себе для него два первых слога своей русской фамилии Погорелов (Богулелофу).

Имеется в виду трактат «Искусство войны», принадлежащий перу китайского философа VI в. до н. э. Сюньцзы.

67

Речь идет о Дун Биу, том самом секретаре Контрольной комиссии и проректоре высшей партийной школы, который когда-то вступился за сестру Хэ Цзычжэнь, Хэ И.

68

Горы Умэн расположены на границе провинций Гуйчжоу и Юньнань.

69

Горы Миньшань тянутся вдоль границ Сычуани, Цинхая, Ганьсу и Шэньси.

Капитуляция Чжан Готао привела, помимо прочего, и к тому, что в состав армии Мао влились не только остатки 4-го фронта (то есть бывшей левой колонны Чжана), но и войска 2-го фронта Хэ Луна и Жэнь Биши, которые в июне 1936 г., совершив переход из своей старой опорной базы на границах Хунани и Хубэя в Сикан, соединились с отрядами Чжан Готао.

71

Александр Моисеевич Хамадан (настоящая фамилия Файнгар) родился в 1908 г. в Дербенте. После работы в «Правде» некоторое время сотрудничал в журнале «Новый мир», являлся заместителем его главного редактора. В начале войны — корреспондент ТАСС. Судьба Хамадана сложилась трагически. В 1942 г. в Севастополе он попал в плен к гитлеровцам. В лагере для военнопленных (где его знали под фамилией Михайлов) вел подпольную работу, за что был заключен в тюрьму, а затем в мае 1943 г. казнен.

Так, зачастую даже без фамилии, почтительно именовали Мао.

Бородин в 1926–1927 гг. даже называл Сун Цинлин «единственным мужиком во всем левом Гоминьдане».

Интересно, что, когда чета Елизаровых-Вахревых уже находилась в Китае, в конце июля 1937 г., в Управление НКВД по Свердловской области и горком ВКП(б) поступил донос на Цзян Цзинго от одного из его знакомых, некоего гражданина Сухих. Помимо прочего, Сухих доводил до сведения органов, что «при отъезде Елизарова в Китай во время остановки поезда в Свердловске его ходили встречать Аникеев и Павлова с Уралмаша. На вокзале он отозвал Аникеева в сторону и ему сказал, что „он поехал по спецзаданию из Москвы к своему отцу в Китай, что скоро начнется война между Японией и Китаем, и, так как мой отец Чан Кайши ведет неустойчивую политику, я должен на него воздействовать“. Он уехал в Китай вместе с женой». Как же глуп был доносчик!

Сталин предполагал, что китайские коммунисты созовут свой очередной, VII съезд в ближайшие месяцы.

Интересно, что в западной синологии редактором одной из философских работ, оказавших влияние на Мао, до сих пор ошибочно называют некоего М. Широкова, в то время как это был довольно известный философ и партийный работник Иван Михайлович Широков (1899–1984), впоследствии, в 1945–1946 гг., исполнявший обязанности секретаря Ленинградского горкома по пропаганде.

77

В середине 30-х гг. капитан Карлсон служил телохранителем Рузвельта, и с тех пор их связывала дружба. Перед отъездом в Китай в июле 1937 г. он получил от президента письмо, в котором тот просил его сообщать ему в частном порядке («только между нами») обо всем, что происходило в Китае. По конфиденциальным соображениям Карлсон должен был адресовать корреспонденцию секретарю президента Маргарит ЛеХэнд (Мисси).

В переводах этого раздела на китайский язык, выполненных в Китае в конце 40-х — начале 50-х гг., данное выражение уже не заключалось в кавычки, то есть выдавалось за «откровение» самого Мао Цзэдуна. В ставшей классической формулировке оно звучит следующим образом: «После того как определена политическая линия, решающим фактором становятся кадры».

Интересно, что всего за год до 6-го пленума в своих лекциях о диалектическом материализме Мао высказывал прямо противоположную мысль. «Мы… должны, — говорил он тогда, — вести борьбу со всеми старомодными философиями, существующими в Китае в настоящее время, поднять знамя критики на идеологическом фронте по всей стране и, таким образом, ликвидировать философское наследие старого Китая». Как видно, он не стоял на месте.

80

Много лет спустя в беседе с американской писательницей Роксаной Уитке Цзян Цин отрицала, что ее новое имя придумал Мао. По ее словам, она сама выдумала его. Заявление Цзян Цин, однако, противоречит другим источникам.

81

Между прочим, вместе с Чжоу тогда в Москву вылетел и Отто Браун, получивший наконец разрешение Сталина на завершение командировки в Китай. К сожалению для него, его китайская жена не получила визы для въезда в СССР. Она осталась в Яньани, какое-то время жила с Джорджем Хэйтемом, а затем вернулась к своему первому мужу. Джордж же в январе 1940-го женился на другой китаянке, тоже актрисе из Шанхая и хорошей знакомой Цзян Цин. А вместо Брауна новым сталинским эмиссаром при ЦК КПК стал Игорь Васильевич Южин (настоящая фамилия — Юрченко, китайцы называли его Ю Жэнь). Формально он числился корреспондентом ТАСС в Яньани, однако вместе с двумя своими помощниками работал на советскую разведку и Коминтерн.

82

Интересно, что о Богомолове речь зашла и в беседе Сталина с сыном Сунь Ятсена от первого брака Сунь Кэ (в то время был известен под новым именем — Сунь Фо), прибывшим в СССР в 1939 г. во главе гоминьдановской дипломатической миссии. Но на этот раз разговор о нем завела китайская сторона. По просьбе Чан Кайши Сунь Фо постарался прояснить судьбу бывшего советского посла в Китае, к которому сам Чан да и другие лидеры Гоминьдана в целом относились неплохо. В ответ на вопрос Сунь Фо Сталин разыграл комедию. Жена Чан Кайши, Сун Мэйлин, вспоминает: «Сталин повторял это имя [Богомолов] несколько раз, как бы пытаясь вспомнить, кто это такой, до тех пор, пока доктор Сунь Фо не уточнил, о каком Богомолове он спрашивает. Сделав вид, что он вдруг вспомнил его, Сталин спокойно ответил: „А! Он расстрелян!“ Когда же его спросили почему, Сталин заявил, что он (Богомолов) сообщал, что вы (китайцы) не будете воевать с Японией».

83

Вместе с Чжоу и его женой в Яньань возвратился и Жэнь Биши с супругой. Исполнять обязанности представителя КПК в Коминтерне был оставлен Линь Бяо (под псевдонимом Ли Тин), который, как мы помним, прибыл на лечение и учебу в СССР еще в январе 1939 г. Он выполнял эти функции вплоть до августа 1941 г., после чего также выехал в Яньань. В дальнейшем по соглашению с ИККИ Центральный комитет КПК уже не посылал своих представителей в Москву.

84

Владимиров прибыл в Яньань вместе с военным врачом Андреем Яковлевичем Орловым (настоящая фамилия — Теребин) и радистом Николаем Николаевичем Риммаром в мае 1942 г. Все трое в течение полутора лет работали вместе с Южиным и его группой, а после отзыва последних на родину остались единственными представителями Москвы при ЦК КПК.

85

Этот пленум был самым длительным в истории КПК: он шел (с перерывами) одиннадцать месяцев — с 21 мая 1944 г. по 20 апреля 1945 г.!

86

Неформальное название «миссия Дикси» закрепилось за группой американских наблюдателей в Яньани из-за того, что «Землей Дикси» сотрудники посольства США в Чунцине в шутку называли Особый район, намекая на его «мятежный характер». В американской истории «Землей Дикси», или просто «Дикси», именовали южные штаты, которые, как известно, в 1861 г. восстали против законного правительства Линкольна. Это название происходит, очевидно, от надписи на десятидолларовых банкнотах, выпущенных в двуязычной Луизиане перед Гражданской войной 1861–1865 гг.: на обратной стороне банкноты было напечатано по-французски слово DIX («десять»). Первоначально «Землей Дикси» называли только Новый Орлеан, затем Луизиану, а потом и весь Юг. В 1861 г. после образования Конфедерации Американских Штатов песня «Земля Дикси» стала ее официальным гимном.

87

Согласно информации ТАСС об этом интервью, Мао Цзэдун объяснил, что «бумажный тигр — это страшное на вид чудовище, долженствующее пугать не ворон, а людей, но оно сделано из папье-маше».

88

Интересно, что спустя несколько лет, в начале 1949 г., болезненно подозрительный Сталин написал Мао: «Нам достоверно известно, что американская писательница Анна-Луиза Стронг является американским шпионом… Она давно уже служит американцам как их шпион. Советуем впредь ее не пускать в свою среду и в районы, занятые КПК». Разумеется, это было обычным сталинским бредом. Анна Луиза Стронг на самом деле являлась горячо преданным сторонником коммунистического движения в Китае. В 1958 г. она даже переехала в Китайскую Народную Республику, где прожила до конца своих дней. (Умерла она в 1970 г.) Ее похоронили в Пекине на кладбище революционных героев Бабаошань, а на ее могильном памятнике выгравировали надпись: «Друг китайского народа, прогрессивная американская писательница». Там же, кстати, была похоронена и Агнес Смедли, скончавшаяся в 1950 г.

89

Ван Гуаньлань (1906–1982) в то время являлся одним из ответственных работников аппарата ЦК КПК. В 1949 г. вместе с женой находился на лечении в СССР.

90

Ли Цзынэн (1605–1645) — вождь грандиозного народного восстания в конце династии Мин. В 1644 г. он взял Пекин, был провозглашен императором, но не смог удержаться в городе (то есть на языке Мао, «не выдержал экзаменов»). Под ударами маньчжуров ему пришлось отступить, и летом 1645 г. он был убит.

91

Ли Минь в своих воспоминаниях пишет, что это был особый уполномоченный представитель Советского Союза Юдин, однако известно, что Павел Федорович Юдин прибыл в Китай только в 1950 г. В 1949 г. особым уполномоченным Сталина в Китае был Ковалев.

92

Помимо Чэнь Бода вместе с Мао ехали другой его секретарь Е Цзылун, начальник охраны Ван Дунсин и переводчик Ши Чжэ, в 20-е и 30-е гг. долгое время живший в Советском Союзе и хорошо знавший нашу страну (его русский псевдоним был Михаил Александрович Карский).

93

Через несколько лет Хрущев в разговоре с Мао подтвердит, что Сталин действительно его подслушивал: «Да, он делал это. Он и нас тоже записывал. Он даже подслушивал самого себя. Как-то, когда мы отдыхали вместе, он признался, что не доверяет самому себе. „Я безнадежно пропащий, — сказал он. — Я не доверяю себе“».

94

Проект Совета министров СССР «Об обеспечении совместного управления Китайской Чанчуньской железной дорогой» был утвержден Политбюро ЦК ВКП(б) 22 марта 1950 г.

Коваль ошибается в датировке этих переговоров.

В этой связи утверждение российского историка Б. Т. Кулика о том, что Сталин якобы согласился удовлетворить все просьбы Чжоу Эньлая, включая просьбу о проектировании и строительстве 151 (?) промышленного предприятия в Китае, не соответствует историческим фактам.

По данным большинства западных специалистов, в период первого пятилетнего плана в Советском Союзе имел место 12-процентный ежегодный промышленный рост. Но вряд ли Сталин доверял западной статистике.

«Мы, члены Политбюро ЦК ВКП(б), признаться, возмущались поступком Сталина», — пишет в этой связи Хрущев, отмечая, что Гао обвинил не только Лю Шаоци, но и Чжоу Эньлая, а также ряд других руководителей страны в том, что у них наблюдались особенно «плохие настроения в отношении СССР».

99

В то время Советский Союз состоял из шестнадцати республик. В 1956 г. Карело-Финской ССР будет возвращен ее прежний, существовавший до 1940 года статус автономной республики в составе РСФСР.

100

Ковалев ошибочно утверждает, что это произошло на расширенном заседании Политбюро 27 июля. Однако 27 июля имело место не заседание Политбюро, а обмен мнениями между Сталиным, Н. А. Булганиным и А. Я. Вышинским, с одной стороны, и Лю Шаоци, Гао Ганом и Ван Цзясяном — с другой. Заседание же Политбюро состоялось 11 июля.

101

Тибет, сохранявший при Гоминьдане автономный статус, был захвачен НОАК в 1950–1951 гг.

102

В опубликованном тексте выступления Мао Цзэдуна никакие имена не называются. Однако китайские издатели его речи снабдили публикуемый текст примечанием, в котором указывается на Лю Шаоци и его сторонников.

Что касается Жао, то он скончался в марте 1975 г. в тюремной камере от воспаления легких.

Советская сторона возвратит свою долю китайской стороне 1 января 1955 г. в обмен на поставки товаров из Китая.

Спустя много лет он сам скажет, что «буквально детскими глазами» смотрел «на наши отношения с китайскими братьями».

Официальная часть визита завершилась 12 октября, после чего Хрущев еще две недели колесил по стране.

107

Система государственной монополии на основные потребительские товары была частично в качестве эксперимента введена еще в январе 1951 г. Начальник департамента планирования Военно-административного комитета Восточного Китая Ло Гэнмо сообщил 5 января 1951 г. советскому генконсулу в Шанхае Владимирову, что 4 января в Шанхае были введены централизованные закупки государством всей продукции частных прядильных и ткацких фабрик. «Ло подчеркнул, что все вышесказанное является большим секретом», — доносил в Москву старый разведчик Владимиров.

108

По тогдашним советским оценкам, китайские коммунисты распустили около 200 тысяч кооперативов. Эта цифра соответствует данным, приводимым в некоторых *дацзыбао,* стенных газетах больших иероглифов, периода «культурной революции» 1966–1969 гг., критиковавших Лю Шаоци за его оппозицию Мао.

109

Этого врача звали Ли Чжисуй. В окружении Мао он проработал более двадцати лет. В 1988 г. ему чудом удалось выехать из Китая в США, где через шесть лет он опубликовал мемуары. В них он раскрыл многие тайны закулисной жизни Мао Цзэдуна и других вождей КПК, вызвав бурю негодования в КНР. После этого, в январе 1995 г., в интервью американскому телевидению доктор Ли объявил о намерении издать еще одну книгу биографического характера. Осуществить задуманное ему не удалось. Через несколько недель после интервью его нашли мертвым в ванной комнате в доме его сына, проживающего в местечке Карол Стрим, штат Иллинойс.

110

О том, что следователи НКВД не вели дознание «своим разумом», говорил в докладе «О культе личности и его последствиях» Никита Сергеевич Хрущев.

111

То, что Сталин отказался от идеи процесса, не спасло тем не менее Пятницкого, Бела Куна и Кнорина. Они были расстреляны без суда. Помимо них уничтожены были большинство уже известных нам коминтерновских специалистов по Китаю: А. Е. Альбрехт, Павел Миф, И. А. Рыльский, Гейнц Нейман и другие. Только немногие избежали репрессий. Среди них — Артур Эверт и Отто Браун. Эверт избежал расстрела в подвалах Лубянки скорее всего потому, что в 1935 г., находясь на нелегальной работе в Бразилии, был арестован за организацию в этой стране вооруженного восстания. Он был освобожден из тюрьмы, где его подвергали бесчеловечным пыткам, по амнистии спустя десять лет, в 1945 г. В конце жизни страдал умопомешательством. Умер в ГДР в 1959 г. Бывший же представитель Исполкома Коммунистического интернационала молодежи в Китае С. А. Далин, а также бывший советник по финансовым вопросам при Национальном правительстве Гоминьдана М. Альский (В. М. Штейн) провели в советских трудовых лагерях почти по двадцать лет каждый.

Позже, в феврале 1965 г., в беседе с советским председателем Совета министров Алексеем Николаевичем Косыгиным, Мао скажет: «Я сам напишу книгу об ошибках и преступлениях Сталина. Но она будет настолько ужасна, что я не разрешу ее публиковать в течение десяти тысяч лет».

113

Существуют два варианта речи Мао — неправленый стенографический отчет и частично отредактированный канонический текст. Перевод первого варианта появился на Западе и в Советском Союзе в середине 1970-х гг. Официальный документ был опубликован в 1976 г. в КНР. Формула «строить социализм по принципу больше, лучше, быстрее и экономнее» содержится только в стенографическом отчете. Редакторы пятого тома «Избранных произведений Мао Цзэдуна», однако, отмечают в примечании, что в своей речи Мао действительно выдвинул эту идею в качестве генеральной линии социалистического строительства.

114

Чжоу Эньлай, правда, был первым, кто предложил формулу «социалистическое строительство по принципу „больше, быстрее, лучше и экономнее“». Он сделал это 14 января 1956 г. в докладе на совещании по вопросу об интеллигенции, созванном ЦК КПК, развивая идею Мао, высказанную еще 6 декабря 1955 г. Он, однако, не вкладывал в эту формулу никакого «революционного» смысла.

115

Он тем не менее очень скоро стал известен за пределами Китая. Члены делегации Союза коммунистов Югославии, например, упоминали «О десяти важнейших взаимоотношениях» во время беседы с Мао Цзэдуном в сентябре 1956 г.

116

Имеется в виду знаменитый учанский серебристый карп — одно из любимых блюд Мао.

117

Город Учан в древности входил в состав царства Чу.

118

Мао имеет в виду Уханьский мост через Янцзы, строительство которого было вскоре осуществлено с помощью Советского Союза.

119

Речь идет о строительстве плотины в горах Ушань в верховьях Янцзы, где, по поверью, обитает Богиня, посылающая на людей тучи и дождь.

120

Хрущев в мемуарах ошибочно указывает, что членом делегации Лю Шаоци был Кан Шэн.

121

Лю стало известно об этом из информации находившихся в Венгрии Микояна и главы КГБ Ивана Александровича Серова, переданной ему Хрущевым.

Интересно, что, маневрируя накануне VIII съезда, в августе 1956 г., он не был против включения в черновой вариант «Политического доклада» Лю Шаоци заявления о том, что «XX съезд Коммунистической партии Советского Союза… внес выдающийся вклад в ослабление международной напряженности и борьбу за мир во всем мире и прогресс человечества». Частично отредактированное, это заявление вошло в окончательный текст доклада.

123

Цзинь равен 596 граммам. В то время в Китае в основном собирали от 400 до 500 *цзиней* с *му,* то есть от четырех до пяти центнеров с гектара.

124

В Москве Мао представит Дэн Сяопина Хрущеву со словами: «Вот этот маленький — очень умный человек, очень перспективный».

Он вернулся к вопросу о Молотове позже, перед самым отлетом в Москву, в беседе с послом Юдиным. «Если говорить о том, что происходит в нашей партии, — заметил он, — то многие товарищи не понимают, как такой старый партиец, который в течение нескольких десятков лет боролся за революцию, мог стать антипартийцем?» То же самое сказал Юдину и Пэн Дэхуай, поинтересовавшийся у посла: «Почему вы так это назвали [„антипартийная группа“]? Неужели не могли ничего умнее придумать?»

126

3 ноября, на следующий день после прибытия Мао в Москву, СССР запустил на орбиту и второй летательный аппарат.

127

Пальмиро Тольятти (псевдоним — Эрколи) (1893–1964) в 1928–1943 гг. являлся членом Президиума ИККИ, а в 1935–1943 гг. — еще и членом Секретариата ИККИ.

128

В 1970 г. на вопрос Эдгара Сноу: «Верите ли вы по-прежнему в то, что атомная бомба — бумажный тигр», Мао ответит, что все его разговоры об этом были не более чем «способом самовыражения», «оборотом речи».

Нас, конечно, такими прогнозами не удивишь. Через три года, в 1961-м, Хрущев, как известно, торжественно провозгласит: «В СССР будет в основном построено коммунистическое общество» за 20 лет, так что «нынешнее поколение советских людей будет жить при коммунизме». Хоть и не любил Мао Хрущева, но были они с ним в чем-то очень похожи.

130

Алексей Алексеевич Аракчеев, граф (1769–1834), известен как организатор так называемых «военных поселений» в России в 1810 и 1816–1820 гг. Жизнь в этих поселениях была исключительно тяжелой вследствие жесткой регламентации быта и мелочного деспотизма. Крепостные поселенцы сочетали военную службу с сельскохозяйственной деятельностью.

131

Первые кустарные домны стали создаваться в Китае еще весной 1958 г. К июню их насчитывалось 12680. Но настоящая эпидемия сталеварения началась в августе.

132

Китайские коммунисты будут продолжать бомбардировки (один раз в два дня) в течение последующих двадцати лет.

133

Это известие Хрущев передал Мао через посла КНР Лю Сяо, которого специально вызвал на четыре дня в Ялту, где в то время отдыхал.

134

Чан Кайши.

В мае 1955 г., например, во время визита в Югославию Хрущев так напился, что полез целоваться со всеми, особенно с Тито, дыша на него перегаром: «Йося, хватит дуться! Вот не знал, что ты такой обидчивый! Ну давай выпьем и забудем старое!» А через год на воздушном параде в Тушине, сильно пьяный, он стал поливать грязью буквально все зарубежные страны и даже не обратил внимания, как несколько иностранных дипломатов поднялись со своих мест и ушли.

136

В то время в руководстве КПСС главным сторонником жесткой линии в отношениях с КНР был Михаил Андреевич Суслов, секретарь ЦК по идеологии. Именно он убеждал Хрущева, что китайцев надо строго осудить за обострение ситуации в Тайваньском проливе.

137

Ф. М. Бурлацкий ошибочно пишет, что это был Лю Шаоци.

138

Каждое из этих четырех слов на китайском языке состоит из двух иероглифов.

Некоторые издания были чуть больше: 13х9 см.

140

Согласно китайской традиции, небосклон состоит из девяти небес, из которых Девятое Небо — самое отдаленное.

141

Клуб (или кружок) *Пётефи* — дискуссионный клуб венгерской молодежи, организованный накануне антисоветского восстания 1956 г. Назван в честь Шандора Пётефи (1823–1849), поэта и героя венгерской революции 1848 г., павшего в бою с царскими казаками.

142

Мифическая гигантская птица, о которой рассказывается в первой главе трактата «Чжуанцзы».

143

Речь идет о договоре между СССР, США и Великобританией об отказе от проведения ядерных испытаний в атмосфере, космическом пространстве и под водой, подписанном в Москве 5 августа 1963 г.

144

Мао обыгрывает слова Хрущева, сказанные в апреле 1964 г., что коммунизм для него это полная тарелка гуляша для каждого советского гражданина. Гуляш на китайском языке — жареная картошка с говядиной.

145

Мао, наверное, очень удивился бы, если бы узнал, что Шандор Пётефи, само имя которого вызывало у него идиосинкразию, в 1849 г., накануне гибели, написал строки, бунтарский пафос которых был не менее силен, чем восторженный настрой его собственного последнего стихотворения: «Нынче мир — сплошное поле битвы, / Все с оружьем, все солдаты!»

146

До этого заместителями Мао являлись Лю, Чжоу, Чжу Дэ и Чэнь Юнь.

147

Ван Мин выехал в Советский Союз на лечение в начале 1956 г., а в конце 1957-го заявил, что «в силу его разногласий с руководством ЦК КПК ему будет очень трудно находиться в Китае в атмосфере недоверия». Иными словами, попросил политического убежища в СССР. 1 августа 1958 г. посол КНР в СССР Лю Сяо проинформировал советское руководство о мнении Мао на этот счет. Председатель считал, что «Ван Мин может продолжать лечиться в СССР и сам определит срок возвращения в Китай». Ван Мин, однако, на родину так и не вернулся, а с 1967 г. принял активное участие в антимаоистской пропаганде. Он умер в Москве от инфаркта 27 марта 1974 г. в 23 часа 5 минут. Похоронен на Новодевичьем кладбище.

148

Одним из наиболее горячих сторонников налаживания отношений с КНР был и тогдашний секретарь ЦК Александр Николаевич Шелепин.

149

Семен Кузьмич Цвигун (1917–1982) с ноября 1967 г. являлся первым заместителем председателя КГБ СССР.

Даже ненавидевший Линь Бяо Отто Браун в одном из докладов в ИККИ вынужден был указать: «Я лично считаю, что он [Линь Бяо] лучший полевой командир 8-й арм[ии]».

151

Линь Бяо был женат дважды. Его первая жена Лю Синминь (она же Лю Синьминь и Чжан Мэй) была моложе его на двенадцать лет. Это была простая, малограмотная девушка из северной Шэньси. В 1939 г. вместе с мужем она приехала в Советский Союз. Но через два года Линь порвал с ней и, уехав в августе 1941-го обратно в Китай, оставил ее беременную в Москве. Лю родила девочку, которую назвала Сяолинь. Вплоть до сентября 1948 г. она работала в Ивановском интердетдоме, где, как мы помним, одно время находилась Цзычжэнь, бывшая жена Мао. После этого вернулась в Китай. Сяолинь же смогла выехать в КНР только в 1950 г. после того, как о ее возвращении перед ЦК ВКП(б) ходатайствовал сам Линь Бяо. С этой дочерью он, однако, виделся крайне редко. У него была другая семья. Во время антияпонской войны он женился на уроженке провинции Фуцзянь по имени Е Цюнь, которая тоже была младше его на двенадцать лет. От этого брака у него было двое детей: дочь Линь Лихэн (Доудоу), 1944 г. рождения, и сын Линь Лиго (родился в 1946 г.).

152

Неопубликованные мемуары У Фасяня широко цитируются в книге его дочери Цзинь Цю «Культура власти. Инцидент Линь Бяо в культурной революции», изданной в Стэнфорде в 1999 г.

153

Как мы помним, в начале 30-х гг. Дун Биу (1886–1975) был секретарем Контрольной комиссии партии. С 1959 г. наряду с Сун Цинлин он являлся заместителем Председателя КНР.

То же самое, кстати, по воспоминаниям Солженицына, утверждал и не любимый Мао Цзэдуном, но не менее деспотичный, чем он, Хрущев. «А вы думаете — при коммунизме будет абсолютная свобода? — вопрошал он собравшихся в Кремле в начале марта 1963 г. представителей интеллигенции. — Это — стройное, организованное общество, автоматика, кибернетика, — но и там будут ходить люди, облечённые доверием, и говорить, что кому делать».

155

За три недели до кончины Сноу Чжоу Эньлай, возможно, по распоряжению Мао, прислал к нему бригаду китайских врачей, которые должны были перевести его в Пекин на лечение. Но Сноу отказался ехать. Следуя его воле, часть его праха была захоронена в Китае. Его жена выбрала место — берег небольшого озера Вэйминху (Безымянное) на территории нового кампуса Пекинского университета. Давным-давно на месте этого кампуса располагался основанный американскими миссионерами Яньцзинский университет, где Сноу когда-то преподавал. На могильном памятнике была воспроизведена надпись, сделанная рукой Чжоу Эньлая: «В память Эдгара Сноу, американского друга китайского народа, 1905–1972». Другая часть его праха, также по его просьбе, была захоронена в Нью-Йорке, на западном берегу реки Гудзон. «Река Гудзон, — писал Сноу незадолго до смерти, — втекает в Атлантический океан, который соприкасается с Европой и всеми берегами человечества, частью которого я себя ощущал, ибо знал хороших людей почти во всех землях».

Бхутто на пресс-конференции сообщил, что встреча продолжалась 21 минуту, однако китайцы позже заявили, что Мао общался с пакистанским президентом не более десяти минут. Ровно столько жё, десять минут, он разговаривал и с Ли Куан Ю.